АСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЯНТАРНОЕ КОРОЛЕВСТВО!

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Том II

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

ЭКСМО

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

АСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Карты судьбы

•

Кровь Амбера

•

Знак Хаоса

•

Рыцарь теней

•

Принц Хаоса

Москва
«ЭКСМО»
2006

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Том II

Москва
«ЭКСМО»
2006

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ж 50

ROGER ZELAZNY

THE COURTS OF CHAOS
Copyright © 1985 by The Amber Corporation
BLOOD OF AMBER
Copyright © 1986 by The Amber Corporation
SIGN OF CHAOS
Copyright © 1987 by The Amber Corporation
KNIGHT OF SHADOWS
Copyright © 1989 by The Amber Corporation
PRINCE OF CHAOS
Copyright © 1991 by The Amber Corporation

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Желязны Р.

Ж 50 Хроники Амбера. Том 2: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 832 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-17667-5

Престол таинственного Янтарного королевства — приз победителю в жесткой игре отражений. Сталь и огонь, предательство и коварство, жизни и судьбы людей — все это ничто перед грандиозностью великой цели. Ведь из девяти претендентов — Девяти принцев Амбера — лишь одному суждено занять место на троне.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Издание на русском языке. Издательство «ЭКСМО», 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006
© Перевод. Н. Белякова, Е. Волковыский, М. Гутов, Е. Доброхотова-Майкова, В. Гольдич, И. Оганесова, 2001

ISBN 5-699-17667-5

Глава 1

Сидеть и ждать, когда кто-то попытается тебя убить, весьма утомительно. Однако наступило 30 апреля, а сомневаться, что традиция будет соблюдена, не приходилось.

Я далеко не сразу сообразил, что происходит, но теперь, по крайней мере, я знал, какого числа следует ждать неприятностей. В прошлом у меня постоянно не хватало времени, чтобы принять меры предосторожности. Сейчас же я закончил свою работу и задержался здесь исключительно ради событий, ожидаемых 30 апреля. Я твердо решил: прежде чем уехать, обязательно разберусь с этим делом.

Я вылез из постели, принял душ, почистил зубы... ну и тому подобное. Поскольку я снова отрастил бороду, бриться не пришлось. На этот раз меня не посетили необычные мысли и страхи, как 30 апреля три года назад, когда я поднялся с головной болью и дурными предчувствиями, распахнул окна и направился на кухню — оказалось, что все газовые горелки на плите открыты, однако никто почему-то не позаботился о том, чтобы их разжечь. Нет. Сегодняшнее утро не напоминало и 30 апреля два года назад, на другой квартире: перед рассветом меня разбудил слабый запах дыма — начался пожар. И все же, стараясь держаться подальше от осветительной арматуры — на случай, если лампы наполнены чем-нибудь горючим, — я быстро щелкнул выключателем. Ничего плохого не произошло.

Обычно я с вечера устанавливаю таймер на кофеварке. Однако сегодня утром мне не хотелось, чтобы кофе варился без присмотра. Я включил кофеварку и занялся проверкой багажа. Все, чем я дорожил, было собрано в две средних размеров коробки — одежда, книги, картины, кое-какие инструменты, несколько сувениров и тому подобное. Смену белья, хороший роман и пачку чеков на предъявителя я уложил в рюкзак. Ключ оставлю у смотрителя, чтобы он мог впустить новых жильцов. А коробки сдам на хранение.

Сегодня утренней пробежки не будет.

С чашкой кофе в руке я переходил от одного окна к другому, наблюдая за улицей внизу и зданиями на противоположной стороне (в прошлом году меня пытались застрелить из винтовки). И вспоминал первое покушение, которое произошло семь лет назад. Погожим весенним днем я шел по улице, как вдруг приближающийся грузовик резко свернул, выехал на тротуар и чуть не размазал меня по кирпичной стенке. Лишь в самый последний момент мне удалось отскочить и откатиться в сторону. Водитель так и не пришел в сознание. Тогда эпизод выглядел как одна из тех печальных случайностей, что изредка вторгаются в нашу жизнь.

Однако через год, когда я поздним вечером возвращался от подруги, на меня напали трое каких-то типов — один с ножом, а двое других с водопроводными трубами; они даже не потрудились потребовать у меня бумажник.

Я оставил всех троих валяться на тротуаре, у входа в магазин пластинок, а сам направился домой, размышляя о причинах нападения. Лишь на следующий день я сообразил, что после эпизода с грузовиком прошел ровно год. Но даже тогда посчитал это случайным совпадением.

История с присланной по почте бомбой, которая еще через год разворотила половину моей квартиры, заставила меня усомниться в статистической природе реальности — во всяком случае, в той ее части, которая касалась моей скромной персоны. События последующих лет окончательно подтвердили эти подозрения.

Кто-то получал удовольствие от попыток покончить со мной один раз в год — вот и все. Когда из этого ничего не получалось, очередное покушение откладывалось до следующего 30 апреля. Нечто вроде игры.

В этом году мне и самому хотелось немного развлечься. Главная проблема заключалась в том, что он — впрочем, может быть, она или оно, — казалось, никогда лично не выходил на сцену; мой тайный недоброжелатель наносил удар издали, руками наемников или при помощи разнообразных приспособлений. В дальнейшем я буду называть этого типа «Т» (что в моей личной космологии означает «трус», а иногда «тупоголовый»), потому что «Х» — слишком затерто, к тому же я не люблю связываться с местоимениями сомнительной репутации.

Я ополоснул чашку и кофейник и поставил их на полку. После чего захватил рюкзак и покинул свою квартиру. Мистер Маллиган отсутствовал или спал, поэтому я оставил ключ

в его почтовом ящике и зашагал по улице в сторону ближайшего кафе, где намеревался позавтракать.

Транспорта было совсем немного, а все проезжающие автомобили вели себя пристойно. Я шел медленно, прислушиваясь и внимательно поглядывая по сторонам. Свежее утро обещало отличный день. Я надеялся, что сумею быстро разделаться со всеми делами, так что у меня еще останется время насладиться прекрасной погодой.

До кафе я добрался целым и невредимым. Возле окна нашлось свободное место, на которое я и уселся. Когда ко мне подошла официантка, чтобы принять заказ, я заметил на улице своего приятеля, бывшего однокашника, а позднее коллегу Лукаса Рейнарда: шести футов росту, рыжего, красивого, несмотря на артистично сломанный нос — а может быть, и именно благодаря ему, — обладателя манер и голоса удачливого коммивояжера, коим он и являлся.

Я постучал в окно, он меня увидел, помахал рукой и вошел в кафе.

— Мерль, я оказался прав, — сказал Люк, подходя к моему столику и хлопнув меня по плечу. Потом он уселся напротив и вынул из моих рук меню. — Я не застал тебя на квартире и догадался, что ты здесь.

Он опустил глаза и принялся изучать меню.

— С какой стати? — спросил я.

— Если вам нужно подумать, я подойду попозже, — заявила официантка.

— Нет, — возразил Люк и сделал огромный заказ. Я последовал его примеру. — Потому что ты раб своих привычек.

— Привычек? — переспросил я. — Теперь я почти не ем здесь.

— Знаю, — усмехнулся Люк, — но когда возникала стрессовая ситуация, ты всегда заявлялся сюда. Ну, перед экзаменами... или если тебя что-то беспокоило.

— Хм-м, — сказал я. В этом действительно что-то было, хотя раньше мне никогда не приходило в голову вывести подобную закономерность. Я повертел в руках пепельницу с изображением головы единорога, уменьшенной копией рисунка на стеклянной перегородке у входа. — Не знаю. А с чего ты взял, что меня что-то беспокоит?

— Я вспомнил о твоих параноидальных страхах относительно 30 апреля, тех, что появились после парочки неприятных происшествий.

— Их было заметно больше двух. Просто я не рассказывал.

— Значит, ты все еще в это веришь?

— Да.

Люк пожал плечами. Подошла официантка и налила нам кофе.

— Ну что ж, — не стал он спорить. — Сегодня уже произошло что-нибудь?

— Нет.

— Очень плохо. Надеюсь, это не мешает тебе думать о других предметах.

Я попробовал кофе.

— Совершенно не помешает, — заверил я Люка.

— Отлично. — Он вздохнул и потянулся. — Послушай, я приехал в город вчера вечером...

— Удачно съездил?

— Установил новый рекорд по продажам.

— Поздравляю.

— Так или иначе... я только сейчас узнал, что ты уволился.

— Да, около месяца назад.

— Миллер пытался с тобой связаться. Ты отключил телефон? Он даже несколько раз заходил к тебе, но не смог застать дома.

— Какая жалость.

— Миллер хочет, чтобы ты снова у них работал.

— Я с ними расстался, окончательно и бесповоротно.

— Ты бы сначала выслушал их предложения. Брейди пошел на повышение, тебя хотят назначить главой конструкторского бюро — с увеличением оклада на двадцать процентов. Миллер поручил мне сообщить тебе это.

Я негромко рассмеялся:

— Действительно заманчивое предложение. Но я ведь уже сказал — с этим покончено.

— Ясно. — Глаза Люка заблестели, и он хитро улыбнулся. — Значит, у тебя есть что-то на примете. Миллер оказался прав. В таком случае он просил передать, что готов предложить более выгодные условия.

Я покачал головой:

— Похоже, ты не расслышал. С этим покончено. Точка. Я не хочу возвращаться. И не собираюсь поступать на работу в другое место. Мне осточертели компьютеры.

— Но ты же в них здорово разбираешься!.. Намерен преподавать?

— Нет.

— Черт побери! Должен же ты чем-нибудь заниматься! Может, тебе досталось солидное наследство?

— Нет. Просто хочу немного попутешествовать. Я слишком засиделся на одном месте.

Люк поднял чашку с кофе и в несколько глотков осушил

ее. Потом откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и слегка прикрыл глаза. Немного помолчал.

— Ты сказал, что покончил с этим, — наконец снова заговорил он. — Ты имел в виду свою жизнь и работу здесь или кое-что еще?

— Ты это о чем?

— Периодически ты куда-то пропадаешь — и в колледже было то же самое. Некоторое время тебя нигде не видно, потом ты неожиданно появляешься снова. И никогда не отвечаешь на вопросы о причинах своего отсутствия. Создается впечатление, что ты ведешь двойную жизнь. Это имеет отношение к твоему отъезду?

— Что-то я тебя не понимаю.

Люк улыбнулся.

— Все ты прекрасно понимаешь, — заявил он, а когда я ничего не ответил, добавил: — Ну ладно, желаю удачи.

Люк был постоянно в движении, его руки никогда не лежали спокойно; вот и теперь, когда мы пили по второй чашке кофе, он крутил связку ключей с брелоком, украшенным голубым камушком. Наконец появился завтрак, и мы молча принялись за еду.

— Ты все еще владеешь «Звездной Россыпью»? — спросил он спустя несколько минут.

— Нет. Продал прошлой осенью. Я был так занят, что времени на яхту не оставалось и не хотелось, чтобы она стояла на приколе, — ответил я.

— Жаль, — вздохнул Люк. — Мы отлично проводили на ней время, когда учились в колледже. Да и потом тоже. Я бы с удовольствием еще раз вышел в море, в память о прежних временах.

— Да.

— Слушай, ты в последнее время Джулию видел?

— С тех пор как мы расстались, — нет. Думаю, она продолжает встречаться с одним типом по имени Рик. А ты?

— Я заходил к ней вчера вечером.

— Зачем?

Люк пожал плечами:

— Джулия была в нашей компании — но мы стали все дальше отходить друг от друга.

— Как она?

— По-прежнему прекрасно выглядит. Интересовалась тобой. И попросила кое-что передать.

Он достал из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт. На нем почерком Джулии было написано мое имя. Я разорвал конверт и прочитал:

Мерль, я ошиблась. Я знаю, кто ты. Тебе грозит опасность. Нам необходимо увидеться. У меня есть то, что тебе понадобится. Это очень важно. Пожалуйста, позвони или зайди, как только сможешь.

С любовью Джулия.

— Спасибо, — сказал я и убрал письмо в рюкзак.

Записка смутила и обеспокоила меня. До самой крайней степени. Я продолжал относиться к Джулии гораздо лучше, чем мне бы хотелось, однако еще раз встречаться с ней не входило в мои планы. Интересно, что она имела в виду, когда написала, что знает, кто я такой?

Я решил выбросить ее из головы.

Некоторое время я пил кофе, наблюдал за проезжающими мимо окна машинами и вспоминал о том, как мы познакомились с Люком в фехтовальном клубе — он оказался настоящим мастером. Это был наш первый год в колледже...

— Все еще фехтуешь? — спросил я.

— Иногда. А ты?

— Изредка.

— Мы так и не выяснили, кто из нас лучше.

— А теперь на это нет времени, — заметил я.

Люк рассмеялся и сделал несколько шутливых выпадов ножом.

— Пожалуй... Когда уезжаешь?

— Скорее всего завтра — осталось закончить кое-какие дела. А после меня здесь ничто не будет задерживать.

— И куда направишься?

— Еще не решил.

— Ты с ума сошел.

— Хм. Wonderjahr[1], по-моему, это так называется. Хочу наверстать упущенное.

— По правде говоря, звучит привлекательно. Может, и я как-нибудь попробую.

— Почему бы и нет? Впрочем, мне казалось, что ты уже истратил свой год — по частям.

— Это в каком смысле?

— Не только я надолго исчезал.

— Ах, вот ты о чем... — Он сделал небрежный жест рукой. — Это ради дела, а не для удовольствия. Нужно было заключить кое-какие сделки, чтобы расплатиться по счетам. Ты собираешься повидать семью?

[1] Год путешествий после окончания обучения *(нем.). (Здесь и далее примеч. ред.)*

Странный вопрос. Ни один из нас до сих пор не упоминал родителей, разве что мельком.

— Не думаю, — ответил я. — А ты?

Люк поймал мой взгляд и постарался удержать его. При этом хроническая улыбка, которая никогда не сходила с его лица, стала немного шире.

— Трудно сказать, — ответил он. — Мы слишком давно не виделись.

Я тоже улыбнулся:

— Знакомое чувство.

Мы закончили завтрак и выпили по последней чашке кофе.

— Значит, ты не станешь разговаривать с Миллером? — спросил он.

— Нет.

Он снова пожал плечами.

Официантка принесла чек. Люк быстро схватил его.

— Я расплачусь. В конце концов, у меня ведь есть работа.

— Спасибо. За мной обед. Где ты остановился?

— Сейчас... — Он засунул руку в карман рубашки, вытащил спички и бросил их мне. — Здесь. Мотель «Нью-Лайн».

— Я зайду около шести, устраивает?

— Договорились.

Он заплатил за завтрак, и на улице мы расстались.

— До встречи!

— Пока.

Пока, Люк Рейнард. Странный ты парень. Мы знакомы почти восемь лет. Не раз отлично проводили время. Соперничали в нескольких видах спорта. Бегали вместе почти каждый день. Оба входили в легкоатлетическую команду. Иногда назначали свидания одним и тем же девушкам. Я снова задумался о нем — сильный, умный, постоянно держится особняком, как и я. Между нами существовала какая-то связь, но мне так и не удалось понять ее суть.

Я зашагал обратно к стоянке возле своего дома, поднял крышку капота и внимательно осмотрел двигатель. Только после этого забросил на сиденье сумку, сел за руль и включил зажигание. Я медленно ехал по улице, глядя в последний раз на то, что показалось мне таким необычным и новым восемь лет назад; я прощался с этим городом. За последнюю неделю я повидал всех, кто что-то для меня значил. Кроме Джулии.

Мне очень хотелось отложить это дело на потом, но времени уже не оставалось. Сейчас или никогда; к тому же меня разбирало любопытство. Я припарковался на стоянке у большого магазина, нашел телефон-автомат, но номер Джулии не отвечал. Наверное, она работает сегодня в утреннюю смену.

А может быть, принимает душ или вышла в магазин. Я решил заехать и проверить. Тем более что ее дом находился совсем рядом. У меня был отличный повод зайти к ней в последний раз — записка, которую она мне написала.

Пришлось несколько минут покружить возле дома, прежде чем удалось найти место для стоянки. Я запер машину, вернулся на угол и зашагал направо. На улице потеплело. Где-то лаяла собака.

До большого викторианского особняка, превращенного в многоквартирный дом, пришлось идти почти целый квартал. С фасада я не мог заглянуть в окна Джулии. Она жила на последнем этаже, ближе к задней части здания.

Перед входом на меня нахлынули воспоминания. Я думал о проведенных с Джулией днях, и ко мне вернулись чувства, которые я тогда испытывал. Я остановился. Глупо было приходить сюда. Стоило ли тратить силы на то, что уже ушло из моей жизни. И все же...

Проклятие. Я хотел увидеть ее еще один раз. И теперь не отступлю.

Я начал подниматься по ступенькам крыльца. Дверь была приоткрыта. Знакомый вестибюль. На комоде, перед зеркалом в золоченой раме, горшок с утомленной фиалкой — все те же запыленные листья. Сколько раз отражало это зеркало наши объятия... Мое лицо скользнуло мне навстречу.

Я зашагал вверх по прикрытым зеленым ковром ступенькам. Где-то завыла собака.

Лестничная площадка на первом этаже совсем не изменилась. Я прошел по короткому коридору, мимо тусклых гравюр и старого приставного столика, повернул на следующий пролет лестницы и неожиданно услышал у себя над головой какой-то странный звук, будто по деревянному полу прокатилась бутылка или ваза. Потом наступила тишина, прерываемая лишь свистом ветра вдоль карнизов. У меня возникло смутное предчувствие беды, и я ускорил шаг.

На втором этаже я остановился. Казалось, все было в порядке, но тут я уловил необычный запах. Мне никак не удавалось узнать его: пот, плесень, влажная земля... во всяком случае, что-то органическое.

Стоя у двери в квартиру Джулии, я несколько секунд подождал. Здесь запах усилился, однако внутри царила тишина.

Я тихонько стукнул по темному дереву. На миг мне показалось, что в квартире кто-то есть, но тут же ощущение исчезло. Я снова постучал.

— Джулия, — позвал я. — Это Мерль.

Никто мне не ответил. Я принялся колотить в дверь.

Что-то с грохотом упало. Тогда я нажал на ручку. Закрыто.

Я изо всех сил дернул и вырвал ручку вместе с замком. Потом быстро шагнул влево, в ту сторону, где были петли, протянул руку и слегка нажал кончиками пальцев на верхнюю панель.

Дверь открылась внутрь на несколько дюймов. Никаких новых звуков из квартиры не доносилось. Моим глазам предстал кусок стены и пола, часть акварели и зеленый ковер. Я еще чуть-чуть толкнул дверь. Картина перед моими глазами практически не изменилась. Зато запах стал сильнее.

Я сделал полшага вправо, продолжая тихонько возиться с дверью.

Ничего-ничего-ничего...

Я отдернул руку, когда увидел Джулию. Она лежала на полу. Посреди комнаты. В крови...

Кровь была повсюду, на ковре и вокруг нее, а слева, в углу, валялись какие-то окровавленные тряпки. Мебель перевернута, подушки разорваны...

Я с трудом преодолел желание броситься к Джулии.

Сделал один медленный шаг, потом другой; все мои чувства обострились до предела. Переступил порог. Больше в комнате никого... и ничего необычного. Фракир сжала мое запястье. Видимо, следовало что-то сказать, но мне было не до того.

Я подошел к Джулии, опустился на колени и почувствовал, как к горлу подступил комок. Еще с порога я заметил, что у нее нет половины лица и правой руки. Она не дышала, в сонной артерии не пульсировала жизнь. На ней был залитый кровью разорванный халатик персикового цвета, а на шее висел кулон с голубым камнем.

Кровь просочилась сквозь ковер на пол. И тут я увидел следы. Они не могли принадлежать человеку — удлиненные, с тремя пальцами и широкой подушечкой. И еще когти.

Сквозняк, на который я сначала не обратил внимания — тянуло из открытой двери в спальню, — неожиданно прекратился, а запах усилился. Одновременно возникла пульсация у меня на запястье. Все произошло бесшумно, но я знал, что он там.

Я резко приподнялся, присел на корточки, повернул голову...

И увидел разверстую пасть, полную крупных зубов, губы перепачканы алой кровью. Мерзкая морда принадлежала похожему на собаку существу, покрытому грубым желтоватым мехом. Его уши напоминали поганки, круглые оранжево-желтые глаза горели диким огнем.

Поскольку у меня не было никаких сомнений относитель-

но намерений зверя, я швырнул в него дверную ручку, которую по-прежнему сжимал в кулаке. Ручка отскочила от выступа над левым глазом, не причинив отвратительной твари ни малейшего вреда. Все так же без единого звука собака прыгнула.

Не было времени даже обратиться к Фракир...

Люди, работающие на бойне, знают, что на лбу любого животного есть точка, которая находится на пересечении двух воображаемых линий — от правого уха к левому глазу и от левого уха к правому глазу. Они наносят смертельный удар, целясь примерно на дюйм или два выше этого места. Так меня учил мой дядя. Впрочем, он не работал на бойне. Просто отлично знал, как следует убивать живые существа.

Поэтому я метнулся вперед и в сторону и попытался нанести могучий удар в смертельную точку. Однако существо двигалось быстрее, чем я предполагал, и, когда мой кулак настиг его, успело проскочить вперед. А мощные шейные мускулы приняли на себя силу удара.

Только теперь тварь издала первый звук — она взвизгнула. Потом чудовище встряхнуло головой, с необыкновенной быстротой развернулось и снова бросилось на меня. Из груди зверя вырвалось низкое, глухое рычание, и он подпрыгнул высоко в воздух. Я сразу понял, что на этот раз увернуться не удастся.

А еще дядя объяснял мне, как удержать собаку за складки кожи на шее, под самыми челюстями. Если она большая, необходимо вцепиться покрепче и ни в коем случае нельзя перепутать место. У меня не оставалось выбора. Если бы я лягнул чудовище и промахнулся, то скорее всего лишился бы ноги.

Я приготовился к столкновению, прекрасно осознавая, что масса чудовища больше моей... к тому же оно находилось в движении.

Очень ярко представив себе, как гнусная тварь отгрызает мне пальцы, а то и всю кисть, я тем не менее сумел ухватиться за складки кожи под челюстью. Вытянутые руки позволили смягчить удар. Меня качнуло в сторону, но я удержался на ногах и не ослабил хватку.

Слушая злобное рычание и глядя на мокрую от слюны пасть, я вдруг сообразил, что совсем не подумал о следующем шаге. Когда имеешь дело с собакой, всегда можно попытаться ударить ее головой обо что-нибудь твердое; сонная артерия надежно спрятана, до нее не добраться. Однако эта тварь была невероятно сильной, и я чувствовал, что мои пальцы начинают соскальзывать — чудовище отчаянно пыталось вырваться. Продолжая держать морду подальше от себя, я начал тянуть

собаку вверх, но почти сразу же понял, что она окажется заметно выше меня, если поставить ее на задние ноги. Конечно, я мог бы попробовать пнуть ее в живот, но это чревато потерей равновесия, я разожму пальцы — и тогда она обязательно пустит в ход зубы.

В следующий момент чудовище тряхнуло мою левую руку; теперь я мог рассчитывать только на правую. Я не стал рисковать: изо всех сил оттолкнул слюнявую морду, а сам отскочил назад. Мне необходимо было оружие, любое оружие, но на глаза ничего подходящего не попадалось.

Мерзкая собака снова атаковала меня, намереваясь вцепиться в горло... она двигалась слишком быстро, я не успевал нанести ей удар. И в сторону отскочить тоже. Вот уже передние лапы поднялись на уровень моей груди...

Я вспомнил еще один совет моего опытного дяди, схватился за них и изо всех сил завернул назад, упав при этом на колено и прижав подбородок к груди, чтобы защитить горло. Затрещали и захрустели кости, а голова твари мгновенно метнулась вниз, чтобы перегрызть мои запястья. Но в этот момент я уже начал выпрямляться, как сжатая пружина, вперед и вверх.

Чудовище отлетело назад, отчаянно извернулось; ему почти удалось сохранить равновесие. Однако, когда его лапы ударились об пол, оно издало странный звук — нечто среднее между рычанием и визгом — и рухнуло навзничь.

Я уже собрался ударить зверя в голову, но он вскочил, снова быстрее, чем я ожидал. И сразу поджал переднюю правую лапу, перераспределив вес тела на остальные три.

Продолжая рычать, тварь не сводила с меня глаз, с нижней челюсти капала слюна. Я переместился немного влево, не сомневаясь, что чудовище сейчас опять прыгнет, и занял стойку, которой меня никто никогда не учил, — иногда и я способен на оригинальные идеи.

Когда зверь бросился ко мне, он двигался немного медленнее. Наверное, нужно было еще раз как следует врезать ему по голове; не знаю, поскольку не стал этого делать. Я вновь схватил чудовище за горло, теперь гораздо увереннее. На этот раз ему не удастся вырваться так же быстро, и я получу несколько необходимых мне секунд. Не теряя времени попусту, я одним движением опустился на колени и бросил зверя через себя по заранее рассчитанной траектории.

Он перевернулся в воздухе и ударил хребтом в окно. С оглушительным воем чудовище выбило стекла, рамы и вместе с занавеской и карнизом рухнуло вниз.

С глухим стуком собака упала на землю, тремя этажами

ниже. Подойдя к окну, я увидел, что гнусная тварь, несколько раз дернувшись, затихла. Она лежала во внутреннем дворике, где мы с Джулией не раз пили по вечерам пиво.

Я вернулся к девушке и взял ее за руку. Только сейчас я почувствовал, как меня начинает охватывать гнев. За всем этим кто-то стоит. Может быть, «Т»? А это его очередной подарок к 30 апреля? У меня было такое чувство, что я могу спокойно ответить утвердительно на оба эти вопроса. Я хотел разобраться с «Т» так, как я только что разобрался с отвратительным существом, убившим Джулию. Обязательно должен существовать мотив. И улики.

Я взял в спальне одеяло и накрыл им Джулию. Потом, совершенно машинально, стер свои отпечатки с валявшейся на полу дверной ручки и начал осматривать квартиру.

...Я нашел их на каминной полке между часами и стопкой книг по оккультным наукам. Как только я к ним прикоснулся и почувствовал знакомый холодок, я сразу понял, что все гораздо серьезнее, чем мне представлялось вначале. Должно быть, именно их Джулия имела в виду, когда писала, что у нее есть то, что может мне пригодиться. Я узнал их — и в то же время они меня смутили. Это были карты, однако раньше я таких никогда не видел.

Не полная колода. Всего несколько карт — и довольно странных.

Я услышал вой сирен и быстро засунул колоду в боковой карман. Время для солитера[1] у меня еще будет.

Быстро спустившись по лестнице и никого не встретив, я вышел через черный ход. Дохлая тварь лежала на прежнем месте, и все окрестные собаки на разные голоса обсуждали этот факт. Я перепрыгивал через ограды, топтал клумбы, двигаясь напрямик через задние дворы к той улочке, где оставил машину.

И вскоре оказался в нескольких милях от дома Джулии, стараясь побыстрее забыть отпечатки кровавых лап.

Глава 2

Я уезжал все дальше от побережья и наконец остановил машину в тихом месте, где росло множество деревьев. Мне хотелось немного прогуляться, и некоторое время спустя я заметил небольшой заброшенный парк.

Усевшись на одной из скамеек, я вытащил карты и при-

[1] Пасьянс.

нялся их изучать. Некоторые показались мне смутно знакомыми, другие остались полной загадкой. На одну я смотрел очень долго — и вдруг услышал песнь сирен. Я поспешно убрал карты. Стиль художника мне узнать не удалось. Это ставило меня в весьма неприятное положение.

Я вспомнил историю о знаменитом токсикологе, случайно принявшем яд, от которого не существовало противоядия. Главный вопрос, занимавший его, звучал так: «Была ли доза, которую я принял, смертельной?» Он заглянул в классический учебник, написанный им самим много лет назад. Если верить книге, у него не было ни единого шанса на спасение. Тогда ученый решил посмотреть еще одну, автором которой был другой, не менее знаменитый профессор. Согласно последнему, он принял лишь половину смертельной дозы — если учитывать его массу. Так что он мог лишь надеяться, что совершил ошибку, и ждать, чем все это закончится.

Я чувствовал себя примерно так же, потому что считался экспертом в подобных вещах. Казалось бы, я знаю всех, кто способен сделать такую колоду. Я взял одну из карт, ту, что каким-то таинственным образом завораживала меня, — с изображением маленькой заросшей травой лужайки у тихого озера, которое было лишь блистающим осколком чего-то яркого, неопределенного, уходящего вправо. Я сделал глубокий выдох, на миг картина затуманилась... Затем щелкнул по карте ногтем. Она зазвенела, словно стеклянный колокольчик, и ожила. Запульсировали сгустившиеся тени, день начал клониться к вечеру. Я провел над ожившим изображением ладонью, и все замерло — тихое озеро, трава, летний день.

Очень далеко. Поток времени двигался там быстрее, чем здесь. Любопытно.

Я поискал старую трубку, которой иногда себя балую, набил ее, раскурил и задумался — карты оказались самыми настоящими, они не были ловкой подделкой, и хотя я не понимал их назначения, в данный момент меня это не слишком тревожило.

Снова наступило 30 апреля, и я в очередной раз заглянул в лицо смерти. Мне еще только предстояла встреча с человеком, который играл с моей жизнью. «Т» опять воспользовался посредником, чтобы напасть на меня. Сегодня я покончил с существом, имевшим с собакой лишь отдаленное сходство. А карты... интересно, кто дал их Джулии и почему она хотела, чтобы они попали ко мне в руки? Карты и собака показывали, что в моей истории задействованы некие сверхъестественные силы. А я все это время считал, что мной заинтересовался самый обычный псих, с которым я сумею справиться,

не прилагая особых усилий. Однако события сегодняшнего утра совершенно иначе освещали проблемы, с которыми я столкнулся. Все это означало, что где-то у меня есть дьявольски опасный враг.

Я вздрогнул. Мне захотелось увидеть Люка, попросить его еще раз вспомнить вчерашний разговор — может быть, в словах Джулии удастся найти какой-нибудь намек или улику. Не мешало бы вернуться в квартиру Джулии и обыскать ее более тщательно. Однако об этом не могло быть и речи. Когда я уезжал, у дома уже собирались полицейские. Некоторое время в ее квартиру соваться не стоит.

Рик. Оставался еще Рик Кински, парень, с которым она встречалась после того, как мы расстались. Я видел его несколько раз — худой, усатый, больше склонный к размышлениям, чем к действию, в очках с толстенными стеклами. Он работал управляющим в книжном магазине, куда я пару раз заходил. Больше я о нем ничего не знал. Возможно, он расскажет мне что-нибудь о картах и о том, как Джулия оказалась в ситуации, стоившей ей жизни.

Подумав еще немного, я убрал карты. Не стоит рисковать. Пока. Сначала необходимо собрать как можно больше информации.

Я вернулся к машине. Мне пришло в голову, что тридцатое апреля еще не закончилось. Предположим, нападение собаки не было инспирировано «Т». В таком случае для новой попытки оставалось еще достаточно времени. Кроме того, у меня возникло ощущение, что, стоит мне поближе подобраться к «Т», он забудет о датах и постарается вцепиться мне в глотку при первой подходящей возможности. Посему я решил держаться настороже и жить в состоянии осады до тех пор, пока вопрос не будет разрешен. И направить все силы на то, чтобы побыстрее покончить с этим делом. Похоже, для моего благополучия необходимо как можно скорее уничтожить таинственного врага.

«Следует ли искать совета? — спросил я у себя. — Если да, то у кого?» Относительно моего происхождения у меня было множество вопросов, на которые я так и не получил ответов.

Нет. Еще нет. Я должен сам справиться со своими проблемами. Если не считать того, что мне хочется решить эту задачку самостоятельно, практика в подобного рода вещах не помешает. Там, откуда я пришел, принято преодолевать трудности без посторонней помощи.

Я ехал по улицам, поглядывая, нет ли поблизости телефонного автомата, и стараясь не думать о Джулии, растерзанной страшным чудовищем. Ветер пригнал с запада тучи. На западе у меня тикали часы, рядом с невидимой Фракир. По радио передавали очередные безрадостные международные новости.

Я остановился возле аптеки и позвонил Люку в мотель. Он куда-то вышел. Поэтому я заказал горячий бутерброд и молочный коктейль, а после еды попытался еще раз связаться с Люком. С тем же результатом.

Ладно. Поймаю его потом. Я направился в центр. «Бросери» — так назывался магазин, в котором работал Рик.

Я проехал мимо, магазин был открыт. Припарковавшись в двух кварталах на соседней улице, я подошел к магазину пешком. Я держался настороже с того самого момента, как вернулся в город, но так и не смог обнаружить признаков слежки.

Моего лица коснулся прохладный ветерок; похоже, собирается дождь. Я увидел Рика в окно магазина — он сидел за высокой конторкой и читал книгу. Больше внутри никого не было.

Когда я открыл дверь, звякнул маленький колокольчик, Рик поднял голову, а потом вдруг выпрямился, и в его округлившихся глазах возникло удивление.

— Привет, — сказал я, а потом сделал небольшую паузу. — Рик, не знаю, помните ли вы меня.

— Вы Мерль Кори, — негромко проговорил он.

— Верно. — Я оперся локтями о стойку, а он отодвинулся назад. — Я проезжал мимо и подумал, что вы мне поможете — меня интересуют кое-какие сведения.

— Какого рода?

— Дело касается Джулии, — ответил я.

— Послушайте, — сказал Рик, — мы с ней давно расстались.

— В самом деле? Нет-нет, вы не поняли. Это меня совершенно не волнует. Я хочу получить информацию о том, что произошло совсем недавно. На прошлой неделе она пыталась найти меня и...

Он покачал головой:

— Я не виделся с ней почти два месяца.

— Неужели?

— Да, мы перестали встречаться. Разные интересы.

— А с ней все было в порядке, когда ваши отношения прекратились?

— Думаю, да.

Я посмотрел ему в глаза, и он нахмурился. Мне не понравились его последние слова: «Думаю, да». Я видел, что он меня побаивается, и решил этим воспользоваться.

— А что значит «разные интересы»?

— Ну, она стала немного странной, понимаете? — проговорил он.

— Пока не очень. Объясните-ка.

Рик облизнул губы и отвел взгляд.

— Мне не нужны неприятности, — заявил он.

— Да и мне они ни к чему. Так в чем, собственно, дело?

— Ну, — промямлил он, — она боялась.

— Боялась? Чего?

— Ну... вас.

— Меня? Это просто смешно. Я не сделал ничего такого, что могло бы ее напугать. Что она говорила?

— Ничего впрямую, но я всегда это чувствовал, когда упоминалось ваше имя. А потом у нее вдруг появились эти необычные новые интересы.

— Что-то я не улавливаю... Она стала странной? У нее появились необычные интересы? Какого рода? В чем это выражалось? Я и в самом деле не понимаю, а мне бы очень хотелось во всем этом разобраться.

Рик встал и направился в дальний конец магазина, посмотрев на меня так, будто приглашал пройти за ним. Я послушно двинулся вслед.

Он чуть помедлил возле стеллажа, где стояли книжки о целительстве, земледелии, военных искусствах, гомеопатических средствах, домашних родах, но в конце концов прошел мимо и остановился перед центральным стеллажом, занятым книгами по оккультным наукам.

— Вот. Она брала сразу по нескольку штук, потом приносила их обратно и выбирала новые.

Я пожал плечами:

— И это все? Не вижу тут ничего особенного.

— Но ее по-настоящему занимала вся эта чепуха.

— Как и многих других...

— Дайте мне закончить, — продолжал Рик. — Джулия начала с теософии, даже принимала участие в собраниях местного кружка. Правда, довольно быстро перестала туда ходить, потому что к тому моменту подружилась с людьми, имеющими совсем другие интересы. Вскоре она уже встречалась с суфиями[1], последователями Гурджиева[2], даже с шаманами.

— Любопытно, — заметил я. — А как насчет йоги?

— Нет. Когда я спросил ее об этом, она ответила, что ищет

[1] Члены монашеского ордена эзотерической направленности в исламе.

[2] Основатель эзотерической школы в России и Западной Европе в начале XX века.

могущество, а не пассивное созерцание. В общем, Джулия заводила все более странные знакомства. Я понял, что общение с ней меня угнетает, поэтому мы распрощались.

— А почему она вдруг этим всем увлеклась? — задумчиво проговорил я.

— Вот, — сказал Рик, — посмотрите-ка на это.

Он швырнул мне черную книгу, а сам отошел в сторону.

Я поймал книгу. Оказалось, что это Библия. Я открыл титульный лист.

— Какое-нибудь уникальное издание?

Рик вздохнул:

— Нет. Извините.

Он взял у меня книгу и поставил обратно на полку.

— Одну минутку, — сказал Рик, вернулся к своей конторке и достал откуда-то снизу картонную табличку. На ней было написано: «ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛ. МЫ ОТКРОЕМСЯ В...», рядом был нарисован циферблат с подвижными стрелками. Он поставил их так, чтобы в его распоряжении оказалось полчаса, а потом подошел к окну и повесил табличку на стекло. После чего задвинул засов на входных дверях и жестом пригласил меня пройти в заднюю комнату.

В кабинете стояли стол, пара стульев и коробки с книгами. Рик уселся за стол и кивнул в сторону ближайшего стула. Я устроился на нем. Он включил автоответчик, вынул стопку бумаг и писем из-под пресс-папье, убрал их в ящик стола, открыл шкафчик и достал из него бутылку кьянти.

— Выпьете стаканчик?

— С удовольствием, спасибо.

Он снова встал и переступил через порог приоткрытой двери маленького туалета. Взял с полки два стакана, сполоснул их, поставил на стол, налил вино и подтолкнул один из стаканов ко мне. Оба были из «Шератона».

— Извините, что бросил в вас Библию, — сказал Рик, поднимая стакан и сделав глоток.

— Вы смотрели на меня так, словно ожидали, что я исчезну в клубах дыма.

Он кивнул:

— Я действительно убежден, что причина, по которой Джулия ищет могущество, имеет какое-то отношение к вам. Вы занимаетесь оккультизмом?

— Нет.

— Иногда она говорила о вас так, будто вы обладаете сверхъестественными способностями.

Я рассмеялся. После небольшой паузы Рик последовал моему примеру.

— Даже не знаю, — задумчиво проговорил он. — На свете столько странного. Многого просто не может быть, и все же...

Я пожал плечами:

— Кто знает? Значит, вы считаете, будто Джулия искала систему, которая дала бы ей силу, необходимую для защиты от меня?

— Да, мне показалось, что дело обстоит именно так.

Я сделал глоток вина.

— Какая-то бессмыслица...

Но в тот самый момент, когда произносились эти слова, я понял, что Рик скорее всего прав. И если Джулия вступила на эту тропу по моей вине, значит, я в определенной степени несу ответственность за ее смерть. Теперь мои плечи придавило новое бремя.

— Заканчивайте свою историю, — попросил я.

— А я уже практически все рассказал, — отозвался Рик. — Я устал от людей, которые все время обсуждают какую-то космическую чушь, поэтому и вышел из игры.

— И все? А Джулия нашла нужную систему и достойного гуру? Что было дальше?

Рик сделал большой глоток и посмотрел на меня.

— Мне она по-настоящему нравилась, — сказал он.

— Не сомневаюсь.

— Таро[1], каббала[2], предсказания судьбы — таково направление ее дальнейших поисков.

— Она осталась с ними?

— Не уверен, но мне так кажется. Я узнал об этом значительно позже.

— Ритуальное колдовство? — спросил я.

— Вероятно.

— А кто им занимается?

— Очень многие.

— Я хотел спросить, с кем встречалась Джулия? Вам об этом что-нибудь известно?

— Кажется, его зовут Виктор Мелман.

Рик выжидательно посмотрел на меня. Я покачал головой:

— Сожалею, но мне это имя неизвестно.

— Странный человек, — задумчиво проговорил Рик, сделал очередной глоток и откинулся на спинку стула, сцепив руки на затылке и сведя вместе локти. Его взгляд был устремлен в пустоту. — Многие утверждают — среди них есть и довольно разумные, — будто у него действительно что-то получается, будто ему удалось завладеть какими-то секретами, на него снизошло озарение и он обладает некой властью. Иногда Мелман становится великим учителем. Но у него проблемы с собственным эго, что, как мне кажется, часто случается в подобных случаях. Существует, естественно, и оборотная сторона медали. Поговаривают, что Мелман не его настоящее имя: якобы он отсидел срок и в нем больше от преступника, чем от мага. Вообще-то он художник — и довольно хороший. Его картины неплохо продаются.

— Вы с ним знакомы?

После паузы Рик ответил:

— Да.

— И какое он производит впечатление?

— Даже не знаю. Ну... я лицо заинтересованное. Не могу сказать ничего определенного.

Я взглянул на вино в своем стакане.

— А как это произошло?

— Я хотел брать у него уроки. Он отказал.

— Значит, вы тоже в этом участвовали. Я думал...

— Я ни в чем не участвовал! — возмутился Рик. — Просто успел многое попробовать. Бывают ведь разные увлечения. Я мечтал развиваться, расширять свои горизонты, как и любой другой человек. Но у меня ничего не вышло. — Он немного расслабился и сделал глоток вина. — Иногда мне кажется, что я подошел совсем близко, что существует некая сила или видение, к которому я вот-вот прикоснусь. Вот-вот. Но в следующее мгновение все исчезает... Полнейшая чепуха. Самый обычный самообман. Порой мне даже представляется, будто я обладаю какими-то особыми способностями. Проходит несколько дней, и я понимаю, что опять принимал желаемое за действительное.

— Это было до того, как вы встретили Джулию?

Он кивнул:

— Верно. Возможно, именно потому наши отношения и продолжались некоторое время. Я и сейчас люблю поговорить обо всей этой ерунде, хотя сам уже давно в нее не верю. Потом идеи оккультизма захватили Джулию, а я не захотел проходить тот же путь во второй раз.

— Понятно.

Рик допил вино и снова наполнил свой стакан.

[1] Колода из двадцати двух карт, каждая из которых имеет аллегорическое значение. Используется при гадании.

[2] Мистическое течение в иудаизме. Практическая каббалистика основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может вмешиваться в божественно-космический процесс.

— Глупости и пустая болтовня, — заявил он. — Существует бесконечное количество способов лгать себе, извращая реальность. Наверное, мне хотелось волшебства, но его нет на свете.

— Поэтому вы бросили в меня Библию?

Он фыркнул:

— С тем же успехом я мог бы швырнуть Коран или Веды[1]. Было бы здорово, если бы вы исчезли в языках пламени. Однако ничего не вышло.

Я улыбнулся:

— Как найти Мелмана?

— Кажется, у меня где-то был адрес... — пробормотал Рик, опустив глаза и открывая ящик стола. — Вот.

Он достал маленькую записную книжечку и полистал ее. Выписал адрес на карточку и протянул мне. А потом допил свое вино.

— Спасибо.

— Это адрес студии, но Мелман там живет, — объяснил Рик.

Я кивнул и поставил на стол стакан.

— Очень рад нашей беседе.

Он поднял бутылку:

— Может быть, выпьем еще?

— Нет, спасибо.

Рик пожал плечами и отодвинул свой стакан в сторону. Я встал.

— Знаете, это очень печально.

— Что?

— Что волшебства не существует, никогда не существовало и скорее всего не будет существовать.

— Скверно, — согласился я.

— Мир был бы гораздо интереснее.

— Это уж точно.

Я повернулся, собираясь уйти.

— Сделайте мне одолжение, — попросил Рик.

— Какое?

— На обратном пути переведите стрелки часов на три часа и захлопните дверь.

— Хорошо.

Я оставил Рика в задней комнатке и выполнил его просьбу.

Небо заметно потемнело, ветер стал холоднее. Я еще раз позвонил Люку, но дома по-прежнему не застал.

[1] Священные книги индусов *(санскр.)*.

Мы были счастливы. День получился великолепным. Все, что мы делали, доставляло нам удовольствие, погода выдалась чудесная. Сначала мы отправились на вечеринку, а потом пообедали в милом маленьком ресторанчике, о существовании которого узнали совершенно случайно. Мы не торопясь потягивали вино; хотелось, чтобы этот день никогда не кончился. Наконец мы решили, что нужно пользоваться удачей, пока она нас не покинула, и поехали на пустынный пляж. Там сидели рядом, плескались в воде, смотрели на луну, слушали шепот ветра... Довольно долго. И я сделал то, что обещал себе никогда не делать. Разве Фауст не посчитал, что прекрасное мгновение стоит души?

— Пойдем, — сказал я, бросив банку из-под пива в урну и схватив Джулию за руку. — Погуляем немного.

— Где? — спросила она, когда я заставил ее встать.

— В волшебной стране, — ответил я. — В далеких сказочных королевствах. В Эдеме. Пойдем.

Смеясь, она позволила мне увести себя по пляжу туда, где полоска песка сужалась, к месту между морем и высокой набережной. Желтела благородная луна, а море пело мою любимую песнь.

Рука в руке мы шагали вдоль отвесного берега. Крутой поворот увел нас в сторону от песчаного пляжа. Я искал взглядом высокую и узкую пещеру, которая должна была вскоре появиться...

— Пещера, — провозгласил я через несколько мгновений. — Давай войдем.

— Там будет темно.

— Вот и хорошо, — ответил я, и мы вошли.

Лунный свет сопровождал нас лишь первые шесть шагов. Однако я успел заметить поворот направо.

— Сюда, — заявил я.

— Тут действительно темно!

— Естественно. Ты просто держись за меня покрепче. Все будет в порядке.

Через пятнадцать или двадцать шагов справа возникло слабое свечение. Я повел Джулию в ту сторону, и стало немного светлее.

— Мы заблудимся, — тихо проговорила она.

— Со мной такого не бывает никогда, — ответил я.

Свет разгорался все ярче. Дорога свернула еще раз, и мы выбрались наружу у подножия гор. Впереди раскинулся лес, озаренный лучами утреннего солнца.

Джулия застыла на месте, ее голубые глаза широко раскрылись.

— Настал день! — воскликнула она.

— Tempus fugit[1], — ответил я. — Идем!

Некоторое время мы шли через лес, прислушиваясь к пению птиц и шепоту ветра, темноволосая Джулия и я. Я провел ее через каньон, по разноцветным камням и траве, мимо ручья, впадавшего в реку.

Мы шагали вдоль берега, пока не увидели пропасть, куда бесстрашно бросалась река, а вокруг клубился туман и сверкала радуга. Мы стояли и смотрели на раскинувшуюся внизу огромную долину и окутанный утренним призрачным покрывалом город с многочисленными шпилями и куполами, золочеными и хрустальными.

— Где мы?.. — спросила Джулия.

— Просто свернули за угол, — сказал я. — Идем!

И повел ее влево, а потом вниз по тропе. Вскоре мы снова оказались возле скал, миновав наконец водопад. Тени и бриллиантовые капли... рев, достигающий могущества тишины.

Мы нырнули в туннель. Сначала земля была влажной, но вскоре стала сухой, потому что мы начали подниматься вверх. Мы двигались по галерее, открывающейся налево, и нашим глазам предстала ночь и звезды, звезды, звезды... Зрелище было невероятным; в небе мерцали созвездия, такие яркие, что наши фигуры отбрасывали тени на стены у нас за спиной. Джулия наклонилась над низким парапетом — ее кожа походила на белоснежный полированный мрамор — и заглянула вниз.

— Они там! С двух сторон! Под нами нет ничего, кроме звезд. И сбоку...

— Да. Красиво, верно?

Мы долго стояли и смотрели, прежде чем мне удалось убедить Джулию, что пришла пора возвращаться в туннель. Он привел нас к руинам классической арены под полуденным небом. Среди разбитых скамеек и потрескавшихся колонн рос плющ. Тут и там лежали обломки статуй, словно их низвергло землетрясение. Весьма живописное зрелище. Я предполагал, что оно должно понравиться Джулии, и не ошибся. Мы по очереди садились на скамейки и говорили друг с другом. Акустика была великолепной.

А потом, держась за руки, шли по мириадам дорог, под многоцветными небесами, пока не оказались наконец возле тихого озера, над дальним берегом которого зависло вечернее солнце. Справа влажно сверкали скалы. Мы направились к маленькой лужайке, поросшей мхом и папоротником.

Я обнял ее, и мы слушали, как ветер шелестит кронами

[1] «Время летит». Цитата из Вергилия, «Георгики», III, 284 (*лат.*).

деревьев и поют невидимые птицы. Потом я расстегнул ей блузку.

— Прямо здесь? — спросила она.

— Мне тут нравится. А тебе?

— Красивое место. Хорошо. Подожди минутку.

И мы опустились на землю и любили друг друга до тех пор, пока нас не укрыли тени. После этого, как я и хотел, Джулия заснула.

Я сотворил заклинание, чтобы она крепче спала, ибо начал сомневаться в том, разумно ли поступил, отправившись с Джулией в это путешествие. Потом оделся сам, одел Джулию и взял ее на руки, чтобы отнести обратно. Я выбрал короткий маршрут.

На пляже я положил ее на песок и растянулся рядом. Скоро и я провалился в сон.

Нас разбудили крики купальщиков, далеко после восхода солнца.

Джулия села и внимательно посмотрела на меня.

— Прошлая ночь, — заявила Джулия, — не могла быть сном. Но и на реальность все это непохоже, правда?

— Наверное, — ответил я.

Она нахмурилась.

— С чем ты сейчас согласился? — спросила она.

— С тем, что пора завтракать, — сказал я. — Давай пойдем куда-нибудь.

— Подожди минутку. — Она положила руку мне на плечо. — Произошло нечто удивительное. Что это было?

— Ты хочешь убить волшебство пустыми разговорами? Пойдем-ка лучше что-нибудь съедим.

В последующие дни она задавала мне множество вопросов, но я упорно отказывался обсуждать ту сказочную ночь. Я совершил ошибку — не нужно было устраивать для нее этой прогулки. В конце концов мы поссорились и вскоре расстались.

А теперь, когда я уезжал все дальше и дальше от магазина Рика, мне стало ясно, что одной глупостью тут не обошлось. Я понял, что любил Джулию и что любовь не прошла. Если бы тогда я не пал жертвой собственной глупости или если бы признался, что владею магией, Джулия не выбрала бы путь, который в результате привел ее к гибели. И не искала бы могущество для того, чтобы защитить себя. И была бы жива.

Я прикусил губу и закричал. Объехав затормозившую передо мной машину, я промчался через перекресток на красный свет.

Если я убил существо, которое любил, то вряд ли сумею полюбить своего врага.

Глава 3

Скорбь и гнев сжимают рамки моего мира, и меня это приводит в негодование. Исчезают воспоминания о более счастливых временах, друзьях, местах, вещах и возможностях. Охваченный сильными переживаниями, я словно начинаю уменьшаться и теряю способность смотреть на вещи с разных точек зрения. Полагаю, частично это происходит из-за того, что я отказываюсь от целого ряда альтернативных решений — а в результате моей свободе воли наносится немалый ущерб. Мне это не нравится, но, начиная с какого-то момента, от меня уже ничего не зависит. Возникает ощущение, что я смирился с некой предопределенностью, отчего я раздражаюсь еще сильнее. А затем — порочный круг! — срабатывают чувства, и все усугубляется. Самый простой способ покончить с этой ситуацией — побыстрее разделаться с ее причиной. Более трудный — философский подход, возврат назад, попытка восстановить над собой контроль. Естественно, трудный путь всегда предпочтительнее. Стремление побыстрее разделаться с проблемой нередко приводит к сломанной шее.

Припарковавшись в первом попавшемся месте, я опустил окно и раскурил трубку. И поклялся не уезжать отсюда до тех пор, пока окончательно не успокоюсь. Я всегда чересчур сильно реагирую на происходящие вокруг события. Дурная наследственность, вероятно. Только мне совсем не хочется быть таким же, как остальные мои родственники. У них возникает даже слишком много неприятностей. Мгновенная реакция — все или ничего, — может быть, и не так плоха, если ты всегда выигрываешь, но зато частенько приводит к трагедии или по меньшей мере к драме, если сталкиваешься с чем-то экстраординарным. У меня были все основания считать, что в данном случае я имею дело с весьма необычным противником. Следовательно, я болван. Я повторял эти слова до тех пор, пока не поверил в них.

Потом я прислушался к своему немного успокоившемуся «я», которое согласилось с тем, что я и в самом деле болван — раз не смог разобраться в собственных чувствах тогда, когда еще можно было что-то изменить. Болван потому, что, показывая свое могущество, не подумал о последствиях; за столько лет не сумел распознать истинную природу своего врага и недооценил значение предстоящего с ним поединка. Из попытки схватить Виктора Мелмана за горло и вытрясти из него правду вряд ли получится что-нибудь уж очень хорошее. Я решил действовать осторожно, постоянно прикрывая свои тылы.

Жизнь — сложная штука, напомнил я себе. Сейчас нужно затаиться, собрать силы и как следует все обдумать.

Вскоре мое напряжение — медленно, очень медленно — стало ослабевать. И так же постепенно осознанный мною мир начал расти, и среди прочего я понял, что «Т» может хорошо меня знать, и специально все устроил таким образом, чтобы я под влиянием момента совершил какой-нибудь необдуманный поступок. Нет, не уподоблюсь остальным родственникам...

Я еще долго сидел в машине, а потом включил двигатель и не спеша поехал вперед.

Грязный четырехэтажный кирпичный дом стоял на углу улицы. Его стены были испещрены непристойными надписями, особенно с тех сторон, что выходили на аллею и в узкий переулок. Медленно обойдя здание, я обнаружил несколько разбитых окон и пожарную лестницу. К этому времени начал моросить дождь. Первые два этажа были заняты компанией «Склады Брутуса» — если верить табличке, висевшей у лестницы в конце маленького коридора, куда я осторожно вошел.

Воняло мочой, справа, на пыльном подоконнике, лежала пустая бутылка виски «Джек Дэниелс». На облупившейся стене примостилось два почтовых ящика. На одном красовалась надпись: «Склады Брутуса», на другом — «В. М.». Оба ящика были пусты.

Я начал подниматься по лестнице, опасаясь, что ступени вот-вот заскрипят. Однако они сохраняли полнейшее молчание.

В коридоре второго этажа я заметил четыре двери без ручек, все закрытые. Сквозь матовые стекла проглядывались очертания картонных коробок. Изнутри не доносилось ни звука.

На следующем лестничном пролете я спугнул задремавшую черную кошку. Она выгнула спину и зашипела, а потом быстро умчалась куда-то вверх.

На третьем этаже тоже оказалось четыре двери — тремя явно никто не пользовался, а на четвертой, покрытой блестящим шеллаком, виднелись темные пятна. И красовалась медная табличка с надписью «Мелман».

Я постучал.

Ответа не последовало. Я сделал еще несколько попыток — безрезультатно. Возможно, здесь Мелман жил, а наверху, где было больше солнечного света, устроил студию.

Я вернулся на лестницу и поднялся на четвертый этаж.

Одна из четырех дверей была слегка приоткрыта. Остановившись, я прислушался. Внутри кто-то был. Я подошел поближе и несколько раз постучал. Услышал тихий вздох. Толкнул дверь.

Он стоял ко мне лицом под застекленной крышей, примерно в двадцати футах от входа — высокий широкоплечий мужчина с черной бородой и карими глазами. В левой руке кисть, в правой — палитра. Испачканный в краске фартук надет поверх джинсов и клетчатой спортивной рубашки. На мольберте холст, на котором нарисовано нечто, напоминающее мадонну с младенцем. В комнате множество других холстов, но все они либо повернуты к стене, либо чем-то накрыты.

— Привет, — поздоровался я, — вас зовут Виктор Мелман?

Он кивнул — при этом на лице у него не дрогнул ни один мускул, — положил палитру на ближайший стол, а кисть опустил в банку с растворителем. Потом взял влажную тряпку и вытер руки.

— А вас? — спросил он, отбросив тряпку в сторону и снова взглянув на меня.

— Мерль Кори. Вы знали Джулию Барнс.

— Не стану отрицать. Однако вы использовали прошедшее время, из чего следует...

— Она мертва. Я хочу поговорить с вами о ней.

— Хорошо, — согласился он, снимая фартук. — Давайте пойдем вниз. Здесь негде даже присесть.

Он повесил фартук на гвоздь у двери и вышел из студии; я последовал за ним. Перед тем как уйти, Мелман запер студию. Его движения были плавными, почти грациозными. Я слышал, как барабанит по крыше дождь.

Тем же ключом Мелман открыл темную дверь на третьем этаже. Распахнул и жестом пригласил меня войти. Проходя по коридору мимо кухни, я заметил кучу пустых бутылок, стопки тарелок, коробки из-под пиццы. Набитые до отказа мешки с мусором выстроились у шкафа; пол казался липким, а пахло как в цеху по производству специй, по соседству с которым расположилась бойня.

Гостиная была большой, с двумя удобными на вид черными диванами, стоящими друг напротив друга, восточными коврами на полу и несколькими разномастными столиками, сервированными пепельницами с окурками. В дальнем углу, у стенки, задрапированной красным, я увидел красивый концертный рояль. Повсюду были расставлены низкие книжные шкафы, набитые литературой по оккультным наукам, рядом с ними примостились кресла, а на полу валялись стопки журналов. Нечто напоминающее угол пентаграммы торчало из-под самого большого ковра. В воздухе витали застарелые запахи благовоний и марихуаны. Справа от меня сводчатый проход вел в соседнюю комнату, а слева была закрытая дверь. Картины на религиозные темы — я решил, что их автор сам Мелман, — висели на стенах. Что-то в них напоминало работы Шагала. Хорошая живопись.

— Садитесь.

Мелман показал на кресло, и я сел.

— Хотите пива?

— Спасибо, нет.

Он устроился на ближайшем ко мне диване, сложил руки и пристально на меня посмотрел.

— Что случилось? — спросил Мелман.

Теперь уже я пристально взглянул на него:

— Джулия Барнс увлеклась оккультными науками и пришла к вам в надежде побольше о них узнать. Она умерла сегодня утром при очень необычных обстоятельствах.

Левый уголок его рта слегка дрогнул. И никакой другой реакции.

— Да, Джулия интересовалась подобными вещами, — промолвил он. — Она хотела получить у меня наставления, и я удовлетворил ее просьбу.

— Мне необходимо знать, почему она умерла.

Он продолжал смотреть на меня.

— Ее время вышло, — заявил Мелман. — Рано или поздно такое случается со всеми.

— Она была убита животным, которое не может здесь существовать. Что вы об этом знаете?

— Вселенная гораздо более странное место, чем многие из нас думают.

— Так вы знаете что-нибудь о смерти Джулии или нет?

— А про вас я наслышан, — произнес он, впервые улыбнувшись. — Она, естественно, мне все рассказала.

— Как это понимать?

— А вот как: вы и сами немало искушены в вещах подобного рода.

— И что?

— Когда известные силы начинают действовать, Искусство находит способ собрать нужных людей в нужный момент.

— Значит, вы думаете, что дело именно в этом?

— Я знаю.

— Откуда?

— Так было предсказано.

— Поэтому вы меня ждали.

— Да.

— Любопытно. Расскажите-ка об этом поподробнее.

— Давайте я лучше покажу.

— Вы говорите, будто бы вам было что-то предсказано. Как? Кем?

— Скоро и сами поймете.

— И смерть Джулии?

— Пожалуй, и это тоже.

— Ну и каким образом вы собираетесь меня просветить?

Мелман улыбнулся:

— Я хочу вам кое-что продемонстрировать.

— Хорошо. Я готов. Демонстрируйте.

— Это здесь. — Он встал и направился к закрытой двери.

Я последовал за ним через комнату.

Мелман засунул руку за пазуху, вытащил цепочку, а когда поднял ее над головой, я увидел, что на ней висит ключ. Этим ключом он и открыл замок.

— Заходите, — предложил он, толкая дверь и отходя в сторону.

Я вошел в небольшую, довольно темную комнату. Мелман нажал на кнопку выключателя — зажегся слабый синий свет. На противоположной стене я заметил единственное окно, все стекла которого были закрашены черной краской. Мебели в комнате не было, если не считать нескольких подушек, разбросанных по полу. Часть стены справа от меня была задрапирована черной тканью.

— Ну, смотрю, — сказал я.

Он усмехнулся:

— Потерпите немного. Как вы думаете, какой раздел оккультных наук занимает меня больше всего?

— Вы каббалист.

— Да, — признался Мелман. — Откуда вы знаете?

— Люди, интересующиеся Востоком, склонны к самодисциплине, — заявил я. — А каббалисты всегда были страшными неряхами.

Он фыркнул:

— Тут все зависит от того, что считать для себя важным.

— Именно.

Мелман ногой отбросил подушку на середину комнаты:

— Садитесь.

— Я постою.

— Ладно, — сказал он, пожав плечами, и начал что-то тихонько бормотать.

Я ждал. Через некоторое время, продолжая негромко говорить, он подошел к черному занавесу и быстрым движением отодвинул его.

Моим глазам предстало каббалистическое Древо Жизни с десятью сефиротами[1]. Рисунок был весьма впечатляющим. Неожиданно возникшее чувство узнавания меня озадачило. Эта картина была оригинальной вещью, а не бездарной подделкой, купленной в антикварном магазине, однако по стилю не имела ничего общего с теми полотнами, что висели в другой комнате. Меня по-прежнему не покидало ощущение, что я ее уже видел.

Рассматривая Древо Жизни, я довольно быстро пришел к выводу, что написал его тот же художник, что сделал карты, найденные мной в квартире Джулии.

Мелман продолжал бормотать свои заклинания, а я разглядывал картину.

— Ваша работа?

Мелман не ответил. Вместо этого он подошел к картине и показал на третий сефирот, который называется Бина[2]. На нем был изображен волшебник, стоящий перед темным алтарем, и...

Нет! Я не мог поверить. Так не должно...

Я понял, что вхожу в контакт с этой фигурой, причем контакт не был символическим. Самый настоящий волшебник призывал меня к себе. Фигура начала расти, стала объемной. Комната вокруг меня потускнела. Я уже почти...

Был там.

Сумеречное место, маленькая поляна посреди странного леса. Тусклый кровавый свет озаряет каменную плиту алтаря. Волшебник, лицо которого скрыто в тени капюшона, перемещает какие-то предметы по поверхности камня, его руки двигаются так быстро, что я не в силах за ними уследить. Откуда-то издалека доносятся слова заклинаний.

Наконец волшебник поднял правую руку, в которой был зажат единственный предмет — черный обсидиановый кинжал. Потом положил руку на алтарь и быстро смахнул все на землю.

Только после этого посмотрел на меня.

— Иди ко мне, — позвал он.

Я улыбнулся, услышав столь глупое предложение. Но в следующий миг почувствовал, как ноги, без всякого участия с моей стороны, понесли меня к нему, и тогда я сообразил, что

[1] Ступень миропроявления (каббала) *(иврит)*.

[2] Разум *(иврит)*.

волшебник из густой черной тени силой заклятия пытается подчинить себе мою волю.

Я мысленно поблагодарил другого своего дядю, обитавшего так далеко, что и представить себе невозможно, и на языке тари принялся творить собственное заклинание.

Воздух разорвал дикий крик, словно мимо пронеслась какая-то ночная птица.

Волшебник не утратил сосредоточенности, и мои ноги шагали вперед, послушные его желанию, но я сумел поднять руки. Я продолжал держать их на нужной высоте, а когда они коснулись верхнего края алтаря, перестал противиться и ускорил шаги. А еще я согнул руки в локтях.

Волшебник взмахнул кинжалом, однако это уже не имело значения. Я из всех сил толкнул камень.

Алтарь опрокинулся, волшебник попытался отскочить в сторону, но камень ударил его по одной, а может быть, и по обеим ногам. Как только он упал на землю, чары рассеялись. Я снова мог двигаться, в голове прояснилось.

Волшебник подтянул колени к груди и успел откатиться в сторону до того, как я перепрыгнул через поваленный алтарь. Потом сделал сальто на небольшом склоне и, промчавшись между двух стоящих вертикально камней, бросился к черному лесу.

Добравшись до края поляны, я заметил глаза — сотни злобных огоньков, горевших в темноте на разной высоте. Заклинания стали громче, приблизились, зазвучали у меня за спиной.

Я быстро обернулся.

Алтарь по-прежнему валялся на земле. За ним стояла другая фигура в плаще с капюшоном, значительно больше первой. Голос этого колдуна показался мне знакомым. Запульсировала Фракир, и я почувствовал, как меня обволакивают чары, но на сей раз я был к этому готов.

С противоположной стороны, послушный моему приказу, возник ледяной ветер и развеял колдовство, словно дым. Моя одежда взметнулась, меняя форму и цвет. Пурпурная, серая... светлые брюки, черный плащ и рубашка. Черные сапоги и широкий пояс, на котором висят латные рукавицы, а серебристая Фракир превратилась в сияющий браслет. Подняв левую руку, я прикрыл глаза правой, готовясь сотворить яркую вспышку света.

— Молчи, — приказал я. — Ты оскорбил меня.

Голос смолк.

Порыв ветра отбросил капюшон, и я увидел испуганное лицо Мелмана.

— Ну что ж, ты хотел, чтобы я пришел, — продолжал я, — твое желание исполнилось, и да помогут тебе небеса. Ты сказал, что я получу ответы на свои вопросы. Однако этого не произошло. Сдержи свое обещание!

Я сделал шаг вперед.

— Говори! — приказал я. — Можешь выбрать легкий путь или трудный. Так или иначе — ты мне все расскажешь! Решение за тобой.

Он откинул голову и возопил:

— Господин!

— Давай, призывай своего господина! — Я усмехнулся. — Я готов подождать. Потому что ему тоже придется дать ответ.

Мелман снова крикнул, но отклика не последовало. Тогда он бросился бежать.

Я был готов и к этому и сотворил более мощное заклинание. Лес начал исчезать; деревья повалились на землю прежде, чем Мелман успел до них добраться, потом налетел могучий ветер и унес их прочь. Вихрь закружил над поляной, серый и алый; вокруг нас выросла неприступная стена, уходящая в бесконечность. Мы оказались в ночи, на круглом островке диаметром всего в несколько сотен метров, края которого медленно разрушались.

— Он не придет, — сказал я, — а ты останешься здесь. Он тебе не поможет. Никто тебе не поможет. Здесь властвует высокое волшебство, и ты оскверняешь его одним своим присутствием. Знаешь, что находится за границей наступающего ветра? Хаос. И я отдам тебя ему, если ты не расскажешь мне о Джулии, о своем господине и о том, почему ты осмелился привести меня сюда.

Он отвернулся, не в силах созерцать Хаос, и посмотрел на меня:

— Верни меня в мою квартиру.

Я покачал головой.

— Убей меня — и тогда ты ничего не узнаешь!

Я пожал плечами:

— Ты все скажешь, чтобы остановить боль. А потом я подарю тебя Хаосу.

Я сделал движение в его сторону.

— Подожди. — Мелман поднял руку. — Оставь мне жизнь за то, что я расскажу.

— Кончай торговлю. Говори.

Над нами взметнулся еще один порыв ветра, и наш островок снова стал сжиматься. Мы услышали шепоты и невнятный лепет, вокруг нас, мерцая, поплыли разобщенные формы. Мелман невольно отпрянул назад.

— Ладно. — Теперь он говорил громко: — Да, Джулия пришла ко мне, как и было предсказано, и я кое-чему ее научил — совсем не тому, чему учил бы всего лишь год назад, а тому, что сам освоил совсем недавно. Мне было приказано так поступить.

— Кем? Как его зовут?

Мелман состроил гримасу:

— Он не так глуп, чтобы назвать свое имя, ведь в этом случае я мог бы попытаться подчинить его себе. Как и ты, он не человек, а существо из других миров.

— Это он дал тебе картину с изображением Древа Жизни?

Мелман кивнул:

— Да, и она действительно переносила меня в каждый сефирот. Там царит волшебство. И я становился могущественнее.

— А карты? Их тоже сделал он? Он велел тебе передать карты Джулии?

— Я ничего не знаю ни о каких картах, — заявил Мелман.

— Вот эти! — воскликнул я, доставая колоду из кармана плаща и развернув карты наподобие волшебного веера.

Я сунул карты Мелману под нос, чтобы он рассмотрел их, а потом убрал, прежде чем он успел сообразить, что с их помощью может сбежать.

— В первый раз вижу, — проговорил он.

Земля вокруг нас продолжала разрушаться. Мы придвинулись к центру.

— И ты послал чудовище, которое растерзало Джулию?

Он отчаянно замотал головой:

— Нет, не я. Мне было известно, что ее ждет смерть, господин сказал, что после этого обязательно появишься ты. И еще он мне поведал, что ее убьет зверь из Нэтзаха — но я его не вызывал.

— А почему он хотел, чтобы ты встретился со мной и привел сюда?

Мелман дико расхохотался.

— Почему? — повторил Мелман. — Чтобы прикончить тебя, конечно. Он сказал, что, если я смогу принести тебя в жертву в этом месте, твое могущество перейдет ко мне. И еще он говорил, что ты Мерлин, сын Ада и Хаоса, и что я стану величайшим магом, если сумею убить тебя здесь.

Наш мир теперь имел лишь сто метров в поперечнике и сокращался все быстрее.

— Это правда? — спросил Мелман. — Господин не обманул меня?

— Власть как деньги, — ответил я. — Захватить ее совсем

не трудно, если знаешь, как это сделать, и хочешь больше всего на свете. Удалось бы тебе овладеть моим могуществом и знанием себе на пользу? Сомневаюсь.

— Я говорю о смысле жизни. Ты же все прекрасно понимаешь.

Я покачал головой:

— Только глупец верит, что жизнь имеет единственное значение... Ну хватит об этом! Опиши своего господина.

— Я никогда его не видел.

— Что?

— Нет, я, конечно, видел его, но не знаю, как он выглядит. Он всегда являлся ко мне в надвинутом капюшоне и черном свободном плаще с поясом. И в перчатках. Я даже не знаю, какой он расы.

— Как вы познакомились?

— Однажды он пришел в мою студию. Я повернулся — а он стоит у меня за спиной. Он предложил мне власть и обещал, что многому научит, если я соглашусь ему служить.

— А почему ты ему поверил?

— Он взял меня с собой в путешествие по иным мирам.

— Понимаю.

Наш островок теперь имел размеры большой комнаты. Голос ветра стал дразнящим, а потом сочувствующим и одновременно испуганным, печальным и гневным. Окружающие нас видения непрерывно менялись. Земля под ногами дрожала. Мне хотелось прикончить Мелмана прямо сейчас, но если он и в самом деле не вызывал зверя, который убил Джулию...

— А почему твой господин хотел моей смерти? — спросил я его.

Он облизнул губы и с ужасом оглянулся на надвигающийся Хаос.

— Он сказал, что ты его враг, — объяснил Мелман, — и больше ничего. И что это должно произойти сегодня — такова была его воля.

— А почему сегодня?

На лице Мелмана промелькнула улыбка.

— Я полагаю, из-за того, что сегодня Walpurgisnacht[1], хотя мой господин этого не говорил.

— И все? — не унимался я. — Он не намекал, откуда прибыл?

— Однажды мой господин упомянул Башню Четырех Миров, как если бы это было важное для него место.

[1] Вальпургиева ночь *(нем.)*.

— А у тебя не возникало ощущения, что твой господин тебя попросту использует?

Мелман улыбнулся:

— Конечно, он использовал меня. Мы все кого-нибудь используем. Так уж устроен мир. Но он платил за мои услуги знанием и силой. И я думаю, что его обещание еще может быть исполнено.

Казалось, он смотрит в какую-то точку у меня за спиной. Старый трюк, но я на него попался. Там никого не было. Я моментально повернулся лицом к Мелману.

В руке он держал черный кинжал. Вероятно, прятал в рукаве. Бормоча заклинания, Мелман подскочил ко мне, собираясь нанести удар, но я сделал шаг назад и швырнул в него плащ. Он выпутался, отступил в сторону и снова пошел на меня, продолжая размахивать кинжалом.

На этот раз он действовал осторожнее, постарался меня обойти, его губы шевелились. Я попытался изо всех сил врезать ногой по руке с кинжалом, но он успел убрать ее. Тогда я подхватил край плаща и обмотал им руку. Когда Мелман еще раз атаковал меня, я вцепился ему в предплечья, а потом, быстро наклонившись вперед, правой рукой схватил его за левое бедро, выпрямился, поднял высоко в воздух и бросил.

Уже развернув для броска свое тело, я понял, что произошло. Слишком поздно. Сосредоточив все внимание на противнике, я забыл о наступающей стене бушующих ветров. Граница Хаоса подобралась к нам гораздо ближе, чем я предполагал, и у Мелмана осталось время лишь на самые короткие проклятия, прежде чем смерть заберет его туда, где он больше не сможет творить свои заклинания.

Я тоже выругался, потому что был уверен, что мерзавец не рассказал мне всего, что знал; я стоял в центре уменьшающегося мира и горестно качал головой.

День еще не закончился, но, несомненно, это была самая запоминающаяся Walpurgisnacht.

Глава 4

Дорога назад заняла много времени. Я даже успел спокойно переодеться.

Выходя из лабиринта, я оказался в узком переулке между двумя грязными кирпичными зданиями. Все еще шел дождь, день клонился к вечеру. В круге света, отбрасываемого одним из немногих неразбитых уличных фонарей, я заметил свой

автомобиль. С грустью подумал о сухой одежде, лежащей в багажнике, и зашагал обратно к «Складам Брутуса».

В окнах офиса на первом этаже, едва разгоняя мрак, сгустившийся у входа в здание, горела слабая лампочка. Мокрый до нитки, я устало поднимался по ступенькам, при этом стараясь держаться настороже. Когда я нажал на ручку и повернул ее, дверь распахнулась. Я включил свет и вошел, закрыв за собой замок.

Беглый осмотр показал, что здесь никого нет, и я снял свою мокрую рубашку, позаимствовав чистую из шкафа Мелмана. К сожалению, его брюки оказались слишком длинными и широкими в поясе. Я переложил карты в нагрудный карман, чтобы они не промокли.

Шаг номер два. Я принялся самым тщательным образом обыскивать квартиру. И уже через несколько минут в запертом ящике стоящей возле кровати тумбочки обнаружил оккультный дневник. Он был таким же неряшливым, как и вся квартира, с орфографическими ошибками, зачеркнутыми словами и пятнами от пива и кофе. Рядом с традиционным набором рассуждений и наблюдений — например, о снах и их толковании — здесь можно было отыскать самую разнообразную информацию об оккультных науках.

Я перелистал несколько страниц и вскоре нашел место, где рассказывалось о первой встрече Мелмана с его господином. Описание было длинным и состояло преимущественно из восторженных восклицаний по поводу возможностей Древа, которое Мелман получил в свое полное распоряжение. Я решил оставить изучение дневника на потом и собрался уже спрятать его в карман, когда мне на глаза попалось стихотворение. В стиле Суинберна[1], слишком иносказательное, полное восторга; но мое внимание привлекла строчка: «...тени, бесконечные блики Амбера, которых коснулась его колдовская аура». Слишком много аллитераций, однако для меня была важна его идея. Во мне снова ожило ощущение уязвимости, которое заставило ускорить поиски. Захотелось побыстрее убраться подальше отсюда и спокойно все обдумать.

Больше в этой комнате ничего интересного не оказалось. Я вышел, собрал целую кипу разбросанных газет, отнес в ванную, поджег, а на обратном пути распахнул окно. После чего в святая святых снял со стены картину с изображением Древа Жизни и бросил ее в огонь. Потом выключил свет в ванной и закрыл за собой дверь. Никудышный из меня получился бы искусствовед.

[1] Английский поэт (1837—1909).

Направившись к куче разных бумаг, сложенных на полках, я продолжил свои бесполезные поиски и успел просмотреть половину второй стопки, когда зазвонил телефон.

Казалось, мир вокруг замер, а мои мысли понеслись вскачь. Естественно. Именно сегодня я должен был прийти сюда и быть убитым. Существовала достаточно высокая вероятность, что если мне суждено было отправиться к праотцам, то к этому моменту моя смерть уже стала свершившимся фактом. Значит, это может звонить «Т», чтобы узнать, не пора ли опубликовать некрологи.

Я повернулся и заметил, что телефон стоит у окутанной тенями стены возле двери в спальню. Я сразу понял, что возьму трубку. Подойдя к аппарату, подождал, пока он позвонит два или три раза — от двенадцати до восемнадцати секунд, — чтобы сообразить, что скажу: сделаю какое-нибудь остроумное замечание, или это будет изысканное оскорбление, а еще лучше угроза... может быть, стоит прикинуться Мелманом и попытаться что-нибудь выведать... Несмотря на привлекательность первых вариантов, осмотрительность, лишающая жизнь удовольствия, продиктовала мне выбор, и я решил отвечать односложно, сделав вид, что ранен и задыхаюсь. Я поднял трубку, рассчитывая наконец услышать голос «Т» и выяснить, знаю ли я его.

— Алло? — сказал я.

— Ну? Дело сделано? — спросили меня.

Проклятое местоимение. Звонила женщина. Совсем не тот пол, зато вопрос тот самый.

Я тяжело вздохнул:

— Да.

— Что случилось?

— Я ранен, — прохрипел я.

— Серьезно?

— Полагаю. Кроме того... у меня кое-что есть. Лучше приходи... посмотреть.

— Что именно? Нечто принадлежащее ему?

— Да. Не могу говорить. Голова кружится. Приходи.

Я положил трубку и улыбнулся. Отлично сыграно. У меня возникло ощущение, что мне удалось ее обмануть.

Я пересек гостиную, пододвинул один из маленьких столиков с большой пепельницей к стулу, на котором уже сидел сегодня, устроился поудобнее и потянулся за трубкой. Время отдохнуть, вспомнить о пользе терпения, немного подумать.

Через несколько секунд я почувствовал знакомое, почти электрическое покалывание. Я тут же вскочил на ноги и, проклиная собственную глупость и отчаянно озираясь по сторонам, схватил пепельницу, так что окурки засвистели вокруг меня, словно пули.

Там! Перед красным занавесом, возле рояля. Обретая форму...

Я дождался, пока очертания станут более четкими, а потом с силой метнул пепельницу.

В следующее мгновение женщина уже была в комнате — высокая, рыжая, темноглазая, а в руках оружие, напоминающее автоматический пистолет 38-го калибра.

Пепельница ударила ее в живот, и женщина со стоном согнулась пополам.

Я оказался рядом прежде, чем она успела выпрямиться.

Вырвав пистолет, я отшвырнул его в сторону. Потом схватил женщину за запястья, резко развернул и усадил в ближайшее кресло. В левой руке она все еще держала карту. Я выхватил ее. На карте была изображена квартира Мелмана — тем же художником, что нарисовал Древо и карты, лежащие у меня в кармане.

— Кто ты? — прорычал я.

— Джасра, — огрызнулась она, — а ты мертвец.

Женщина широко открыла рот, и ее голова упала вниз. Влажные губы прикоснулись к моей левой руке, вцепившейся в ее правое запястье.

Вспышка мучительной боли. Казалось, она не укусила, а вогнала в мое тело раскаленный гвоздь.

Я отдернул руку. Движение получилось на удивление медленным и вялым. Холодное покалывание быстро распространялось к плечу. Левая рука повисла, точно плеть. Джасра легко высвободилась, улыбнулась, кончиками пальцев слегка подтолкнула меня в грудь.

И я упал. Мое тело сковала страшная слабость, оно вдруг перестало мне подчиняться. Ударившись об пол, я ничего не почувствовал и был вынужден приложить немалые усилия, чтобы повернуть голову и посмотреть на Джасру, которая поднялась на ноги.

— Желаю как следует насладиться, — проговорила она. — Когда придешь в себя, оставшаяся малая часть твоей жизни будет весьма неприятной и болезненной.

Джасра отошла в сторону, и я потерял ее из виду, а вскоре услышал, как она подняла телефонную трубку.

Я не сомневался, что она звонит «Т», и у меня не было никаких оснований не верить тому, что она сказала секунду назад. Что ж, придется встретиться с таинственным художником...

Художник! Я пошевелил пальцами правой руки. Они еще слушались... едва. Напрягая всю свою волю, я попробовал

поднять руку к груди. И она, подергиваясь, медленно поползла к цели. Наконец мне удалось перевернуться на левый бок, так что теперь я лежал спиной к женщине, которая в мгновение ока превратила меня в паралитика. Я надеялся, что Джасра не обратит внимания на мои жалкие конвульсии.

По мере приближения к нагрудному карману рука слабела все больше, потом начала дрожать. Прошли столетия, прежде чем я коснулся края колоды. Наконец я вытащил одну карту и повернул ее так, чтобы разглядеть рисунок. Голова у меня отчаянно кружилась, в глазах потемнело. Я не был уверен, что сумею совершить перенос. Откуда-то издалека доносился голос Джасры, но я был не в состоянии разобрать даже отдельные слова.

Я сосредоточился — как мог — на карте. Сфинкс присел отдохнуть на скалистом уступе. Я потянулся к нему. Казалось, мой разум обложен ватой. Сознание неотвратимо угасало, у меня остались силы лишь на одну последнюю попытку.

Я ощутил знакомый холодок, и мне показалось, что сфинкс слегка сдвинулся на своем каменном ложе. Меня подхватила черная волна, и я с благодарностью погрузился в нее.

На этом все кончилось.

Я очень медленно приходил в себя. Сознание вернулось, но конечности были по-прежнему налиты свинцом, а перед глазами клубился туман. Похоже, укус прелестной леди нес нервно-паралитический яд. Я попробовал пошевелить пальцами рук и ног, однако уверенности, что мне сопутствовал успех, не было. Тогда я решил сделать глубокий вдох. Это, во всяком случае, получилось.

Через некоторое время я услышал какой-то рев. Вскоре шум понемногу стих, и я сообразил, что это стучит в ушах моя собственная кровь. Потом я почувствовал, как бьется сердце, в глазах постепенно прояснилось. Бесформенные сгустки света и тьмы превратились в песок и скалы. Я замерз, меня начало трясти, а когда и это прошло, я понял, что могу двигаться, хотя ужасная слабость не давала подняться на ноги. Поэтому я решил еще немного полежать.

И вдруг я услышал какие-то звуки — кто-то шевелился немного впереди и надо мной. Непривычный запах долетел до моих ноздрей.

— Эй, ты проснулся? — Голос доносился оттуда же, откуда и загадочное шуршание.

Я посчитал, что мое состояние не позволяет мне ответить

утвердительно на этот вопрос, и счел за лучшее промолчать. Жизнь еще не совсем вернулась в мое тело.

— Будь любезен, подай знак — ты меня слышишь? — снова заговорил таинственный незнакомец. — Я бы хотел продолжить.

Любопытство взяло вверх над осторожностью, и я поднял голову.

— Наконец-то! Я знал!

На серо-голубом уступе устроился голубой сфинкс — тело льва, большие перистые крылья плотно прижаты к бокам, лишенное признаков пола лицо смотрит прямо на меня. Он облизнул губы, и я увидел впечатляющие ряды зубов.

— Продолжить... что? — спросил я, медленно приподнимаясь, чтобы сесть, и стараясь при этом дышать как можно глубже.

— Задавать загадки, — ответил он. — Я это отлично умею делать.

— Сначала мне нужно все проверить, — сказал я, дожидаясь, когда восстановится кровообращение в руках и ногах.

— Извини. Но я вынужден настаивать.

Я потер укушенное предплечье и мрачно поглядел на сфинкса. Почти во всех известных мне историях эти создания пожирали людей, не сумевших ответить на их загадки. Я покачал головой.

— Ни во что играть с тобой не буду, — заявил я.

— В таком случае, в соответствии с правилами, ты потерпел поражение, — ответил сфинкс, и его плечевые мышцы напряглись.

— Подожди, — сказал я и помахал рукой. — Дай мне пару минут, чтобы прийти в себя, а потом вернемся к этому вопросу.

Он снова опустился на задние лапы и проговорил:

— Ладно. Правила должны быть соблюдены. Я согласен: пять минут. Когда будешь готов, сообщи.

Я поднялся на ноги, принялся вращать руками и потягиваться. Разминаясь, я внимательно осматривал место, в которое меня занесло.

Узкое, засыпанное песком ущелье, кругом разбросаны оранжевые, серые и голубые обломки скал. Каменная стена, на уступе которой устроился сфинкс, круто поднимается вверх футов на двадцать пять, другая стена, примерно такая же высокая, — позади меня. Справа вздымается отвесная скала, правда, слева местность более пологая. Во впадинах растет редкий колючий кустарник. Приближались сумерки. Небо окрасила слабая желтизна, и солнце уже зашло. Я слышал да-

лекий ветер, но не чувствовал его. Воздух казался прохладным, но не холодным.

Неподалеку я заметил камень размером с небольшую гирю. Два неспешных шага — при этом я продолжал размахивать руками, — и камень оказался рядом с моей правой ногой.

Сфинкс прочистил горло.

— Ты готов? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — но не сомневаюсь, что тебя это не остановит.

— Верно.

Я почувствовал непреодолимое желание зевнуть и не стал отказывать себе в этом маленьком удовольствии.

— По-моему, ты настроен не совсем подходящим образом, — заметил сфинкс. — Но я начинаю: «Пламенем поднимаюсь я из земли. Меня хлещет ветер и заливает вода. Скоро я буду надзирать над всеми вещами».

Я ждал. Прошла минута.

— Ну! — наконец не выдержал сфинкс.

— Ты о чем?

— У тебя есть ответ?

— На что?

— На загадку, естественно!

— Я жду. Ты сделал серию утверждений. Я не могу ответить на вопрос, если не знаю, в чем он заключается.

— Это благородная, проверенная временем форма. Вопрос очевидным образом вытекает из контекста. Кто я такой?

— С тем же успехом можно спросить: «Кто лежит в склепе Гранта?» Ладно. Что это такое? Феникс, конечно, — его гнездо на земле, он взмывает в воздух в языках пламени, поднимается сквозь облака на огромную высоту...

— Неверно.

Сфинкс улыбнулся и начал приподниматься.

— Подожди, — быстро сказал я. — Так нельзя. Мой ответ отвечает всем условиям. Возможно, он не совпадает с тем, что хотел услышать ты, но требования соблюдены.

Сфинкс покачал головой:

— Я обладаю полнотой власти, когда речь идет об определении правильности ответов. Я решаю все.

— Тогда ты жульничаешь.

— Нет!

— Я выпил половину содержимого фляги. Она наполовину полная или наполовину пустая?

— И то и другое.

— Совершенно верно. Одно и то же. Если существуют несколько ответов, ты должен засчитывать все.

— Мне не нравится такой подход, — заявил сфинкс. — Сразу возникает целая куча вопросов. Сама идея загадок будет поставлена под сомнение.

— Это уже не моя вина, — сказал я, сжимая и разжимая кулаки.

— Однако ты затронул очень интересную тему.

Я энергично закивал.

— Должен быть один правильный ответ.

Я пожал плечами.

— Мы живем в отнюдь не идеальном мире, — заметил я.

— Хм-м.

— Давай считать, что наша встреча завершилась ничьей, — предложил я. — Никто не выиграл, но никто и не проиграл.

— Я нахожу это эстетически неприемлемым.

— Но ведь есть немало состязаний, в которых такой исход оговаривается правилами.

— А кроме того, я проголодался.

— Ага, наконец-то правда выплывает наружу!

— Но не хочу быть нечестным. Я служу истине — по-своему. Твое упоминание о ничьей навело меня на мысль о возможном решении.

— Вот и отлично. Я рад, что ты смог встать на мою точку зрения...

— Я придумал способ решить наш спор. Задай мне загадку.

— Глупость! — возразил я. — Я не знаю загадок.

— Тогда советую тебе сочинить одну, и побыстрее. Потому что это единственный способ выйти из тупика — или придется признать тебя проигравшим.

Я еще раз взмахнул руками и сделал несколько глубоких приседаний. Казалось, все мое тело горит огнем. Однако силы постепенно возвращались.

— Ладно. Одну секунду.

Какого дьявола...

— Что это такое: зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу?

Сфинкс дважды быстро мигнул и нахмурил лоб. Я немного побегал, а потом опять занялся дыхательной гимнастикой. Огонь начал слабеть, в голове понемногу прояснялось, сердце стало биться увереннее...

— Ну? — спросил я спустя несколько минут.

— Я думаю.

— Подумай хорошенько.

Я немного побоксировал с тенью. Сделал парочку статических упражнений. Стало смеркаться. Справа даже появились первые звезды.

— Хм-м, мне бы не хотелось тебя торопить, — прервал я затянувшееся молчание, — но...

Сфинкс фыркнул:

— Я все еще размышляю.

— Может быть, стоит договориться об ограничении времени?

— Я скоро разгадаю твою загадку.

— Не возражаешь, если я немного отдохну?

— Давай.

Я растянулся на песке и закрыл глаза, шепнув Фракир, чтобы она охраняла меня, пока я сплю.

Я проснулся оттого, что замерз. Солнце светило в глаза, ветер дул в лицо. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что уже наступило утро. Слева от меня небо посветлело, справа тускнели звезды. Мне хотелось пить, да и есть тоже.

Я протер глаза и встал. Нашел расческу и причесался. А потом посмотрел на сфинкса.

— ...ходит по кругу, по кругу, по кругу, — бормотал он.

Я кашлянул. Никакой реакции. Зверь смотрел мимо меня. Может быть, удастся незаметно ускользнуть...

Нет. Взгляд сфинкса переместился.

— Доброе утро, — весело проговорил я.

Послышался короткий скрип зубов.

— Хорошо, — сказал я, — ты думал намного дольше меня. Если у тебя нет ответа, то я больше не играю.

— Не нравится мне твоя загадка, — наконец произнес он.

— Сожалею.

— Какова разгадка?

— Ты сдаешься?

— Ничего другого не остается. Ну говори же скорее!

Я поднял руку:

— Подожди, такие вещи надо делать по порядку. Сначала сообщи ответ на свой вопрос, а потом услышишь мой.

Сфинкс кивнул:

— Это справедливо. Хорошо... Башня Четырех Миров.

— Что?

— Таков мой ответ. Башня Четырех Миров.

Я вспомнил слова Мелмана.

— Почему? — поинтересовался я.

— Она находится там, где встречаются миры четырех стихий, и пламенем поднимается от земли, ее хлещет ветер и заливает вода.

— А как насчет того, что она будет надзирать над всеми вещами?

— Из нее все видно — или тут можно говорить об имперских замыслах ее хозяина. Или и то и другое.

— А кто он такой?

— Понятия не имею. Эта информация не является существенной для правильного ответа.

— А откуда ты узнал эту загадку?

— От одного путешественника несколько месяцев назад.

— И почему же ты задал ее мне?

— Я не смог найти правильный ответ, значит, она трудная.

— А что стало с путешественником?

— Ушел своей дорогой, целый и невредимый. Он разгадал мою загадку.

— А как его звали?

— Он не сказал.

— Опиши его, пожалуйста.

— Не могу. Он был с ног до головы закутан в какое-то одеяние.

— И ничего больше не говорил о Башне Четырех Миров?

— Ничего.

— Ну что ж, — заявил я, — пожалуй, последую его примеру и тоже уйду.

Я повернулся и посмотрел направо, в сторону склона.

— Подожди!

— Чего? — спросил я.

— Твоя загадка, — напомнил сфинкс. — Я дал тебе ответ на мою. Ты должен рассказать мне, что же это такое — зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу.

Я опустил глаза и принялся разглядывать землю у себя под ногами. Ах да, вот он — мой похожий на гирю камень. Я сделал несколько шагов и остановился рядом с ним.

— Лягушка из Кусинарта[1].

— Что?

Мышцы на плечах сфинкса напряглись, глаза сузились, обнажились в оскале многочисленные зубы. Я шепнул несколько слов Фракир и почувствовал, как она зашевелилась у меня на запястье, потом присел на корточки и правой рукой взял камень.

— Да, ничего не поделаешь, — проговорил я, вставая. — Это одна из очевидных вещей...

— Никуда не годная загадка! — заявил сфинкс.

[1] Торговая марка производителя продуктов питания.

Левым указательным пальцем я быстро нарисовал перед собой две линии.

— Что это ты делаешь? — спросил он.

— Провожу линии от твоих ушей к глазам, — ответил я.

Именно в этот момент Фракир стала видимой, соскользнула с моего левого запястья и обвилась вокруг пальцев. Глаза сфинкса переместились вслед за ней. Я поднял камень на высоту плеча. Один конец Фракир высвободился и, извиваясь, свисал с моей вытянутой руки. Она начала мерцать, а потом засияла, точно раскаленная серебряная проволока.

— Я считаю, что наше состязание закончилось вничью, — заявил я. — А каково твое мнение по этому поводу?

Сфинкс облизнулся.

— Да, — со вздохом согласился он. — Пожалуй, что так.

— Тогда я вынужден с тобой распрощаться, — сказал я.

— Жаль. Очень хорошо. До свидания. Но, прежде чем ты уйдешь, я бы хотел узнать твое имя — для истории.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Меня зовут Мерлин, из Хаоса.

— Ах вот оно что, — произнес сфинкс. — Тогда кто-нибудь обязательно явится за тебя отомстить.

— Весьма возможно.

— В таком случае ничья — самый лучший исход. Иди.

Довольно значительное расстояние я прошел, не поворачиваясь к нему спиной, а потом начал карабкаться вверх по склону. Я оставался настороже до тех пор, пока не выбрался из ущелья... однако меня никто не преследовал.

Я побежал. Хотелось пить и есть, но вероятность, что я найду завтрак в этом пустынном, скалистом месте, под лимонным небом, была невелика. Фракир постепенно исчезла у меня на запястье. Я старался дышать как можно глубже, продолжая удаляться на запад.

Ветер трепал мои волосы, пыль ела глаза... я направлялся к скоплению валунов, пронесся между ними. Сквозь тени, падающие от камней, небо надо мной казалось зеленым. Я попал в долину; вдалеке возникли вспышки, слева — легкие облака.

Я мчался, сохраняя постоянную скорость; приблизился к небольшому холму, поднялся на вершину, спустился по противоположному склону, поросшему редкой травой. Впереди появилась рощица, деревья с растрепанными кронами... я повернул к ней, вспугнув маленького зверька с оранжевым мехом, который выскочил у меня из-под ног и бросился наутек. Через мгновение какая-то черная птица издала протяжный крик и скрылась в том же направлении.

Я устремился дальше... небо все темнее... зеленое... изумрудная густая трава под ногами... Время от времени налетают сильные порывы ветра... Роща все ближе... Уже слышно, как поют птицы...

Мышцы расслабляются, возвращается привычная легкость... Наступая на длинные упавшие листья, я миную первое дерево... И вот скольжу между стволами с ворсистой корой... По утоптанной тропе, на которой остались чьи-то диковинные следы... Она уходит вниз, петляет, становится шире, снова сужается... деревья издают протяжные глухие стоны, будто кто-то играет на виолончели... В кронах мелькают клочья бирюзового неба... Ленты облаков, словно серебристые реки, летят вперед... Слева и справа скопления голубых цветов... Цветочные стены все выше, выше, выше человеческого роста... Под ногами камни... Мне нельзя останавливаться...

Широкая тропа спускается вниз... Камни превращаются в булыжники, приходится соблюдать осторожность... Приходится замедлить бег... Я поворачиваю и вижу ручей с высокими скалистыми берегами, метр или два береговой линии...

Здесь не стоит спешить... возле бурлящего, сверкающего потока... следуя за его извивами... Спуск, подъем, ветви деревьев над головой, голые корни на стене, справа от меня, серо-желтые осыпи вдоль слоистого основания...

И вот уже моя тропа становится дорогой, стены ниже... Все больше песка и меньше камней под ногами... Ниже, ниже... Стены с меня высотой, по плечо... Еще один поворот, дальше по склону... По пояс... Вокруг деревья с зелеными листьями, синее небо, а справа утоптанная тропа... Следуя за ней, я взбираюсь по склону...

Деревья и кусты, птичьи трели, прохладный ветерок... Я вдыхаю воздух, иду быстрее... пересекаю деревянный мост; эхо разносит мои шаги, ручеек впадает в скрытую густыми зарослями речку, поросшие мхом валуны... Теперь справа от меня невысокая каменная стена... Следы, оставленные телегами...

...Полевые цветы... Эхо разносит далекий смех... Заржала лошадь... Скрип повозки... Поворот налево... Тропа все шире... Тени и свет, тени и свет... Солнечные зайчики... По левую руку сверкающая лента полноводной реки... Дымок над следующим холмом...

Приближаясь к вершине, я перехожу на шаг. Отряхиваю одежду, причесываюсь... Руки и ноги у меня чуть дрожат, легкие работают, как мощные насосы, струйки пота стекают по лицу и спине. Я выплевываю пыль.

Внизу, немного справа, деревенская гостиница. Несколько столиков хозяин расставил на широкой, грубо обтесанной

деревянной террасе, выходящей на реку, остальные в саду. Прощай, настоящее время. Я прибыл на место.

Спустившись с холма, я заметил колонку, подошел к ней, вымыл лицо и руки, левое предплечье было еще слегка воспалено в том месте, где меня укусила Джасра. Потом я поднялся на террасу, махнул женщине, обслуживающей посетителей, и уселся за маленький столик. Через некоторое время она принесла кашу, сосиски, яйца, хлеб, масло, клубничное варенье и чай. Я быстро с ними покончил и попросил все повторить. Во время второго раунда ко мне вернулось ощущение реальности, и я принялся есть с удовольствием и не спеша, наблюдая за рекой.

Как странно все повернулось! Я надеялся на продолжительные каникулы, собирался отправиться в путешествие — ведь завершен немалый промежуток моей жизни. Оставалось лишь разобраться с «Т» — мне казалось, что это много времени не займет. Но вот я попал в самый эпицентр загадочных событий, весьма причудливых и опасных. Попивая чай и греясь в теплых лучах солнца, я вдруг почувствовал, что погружаюсь в безмятежность. Но я знал, что это скоро пройдет. Я не успокоюсь, пока не отыщу разгадку. Осмысливая все, что со мной произошло, я понял, что выбраться из этой переделки, полагаясь только на реакции и интуицию, нельзя. Пришла пора составить план.

Выяснение личности «Т» и его уничтожение заняли почетное место в списке необходимых действий. Но еще важнее — мотивы «Т». Я ошибался, когда считал, что имею дело с простодушным безумцем. Уж слишком точно он рассчитывал каждый шаг, да и способности у него были неординарные.

Я начал рыскать по своему прошлому в поисках возможного врага. И хотя мне удалось найти немало кандидатов, способных совершить то, что оказалось под силу «Т», ни один из них не питал ко мне столь ярой ненависти. Однако Амбер был упомянут в дневнике Мелмана. Теоретически это превращало конфликт в семейное дело, из чего следовало, что стоило бы привлечь к нему внимание моих родственников. Но это все равно что попросить помощи, сдаться, признаться в собственной несостоятельности. Моей жизни угрожают — мое дело. Джулия — мое дело. И отомстить за нее я должен сам. Мне необходимо еще подумать...

Призрачное Колесо?

Я обмозговал эту мысль, отбросил ее, а потом снова к ней вернулся. Призрачное Колесо... Нет. Оно еще не прошло испытаний, продолжает развиваться. Я вспомнил о нем только потому, что оно мое детище, главное достижение в жизни,

сюрприз для остальных. А я все надеюсь отыскать какой-нибудь простой выход. Конечно, потребуется очень много самых разнообразных сведений, так что придется за ними отправиться.

Призрачное Колесо...

Да и сейчас не мешало бы получить кое-какую дополнительную информацию. Ко мне в руки попали карты и дневник. Однако экспериментировать с картами не входило в мои намерения, потому что первая из них оказалась уж слишком похожей на ловушку. С дневником я разберусь в самое ближайшее время, впрочем, у меня возникло ощущение, что он чересчур субъективен и вряд ли будет мне полезен. Нужно вернуться в квартиру Мелмана, еще раз все осмотреть на случай, если я пропустил что-то важное. Потом разыщу Люка, может быть, он расскажет что-нибудь интересное — пусть даже мелочь. Да...

Я вздохнул и потянулся. Продолжая смотреть на реку, допил чай. Затем достал из кармана деньги, провел над ними Фракир — теперь на ладони у меня лежало достаточно монет нужной чеканки, и я смог расплатиться за обильную трапезу.

Я вернулся на дорогу. Пришло время возвращаться.

Глава 5

Уже перевалило за полдень, когда я выбежал на улицу и притормозил возле своего автомобиля. Узнать его удалось лишь чудом. Машину покрывали водяные разводы, пыль и пепел. Сколько же меня не было? До сих пор я не думал о разнице во времени между этим местом и тем, откуда я только что прибыл, но машина выглядела так, словно проторчала здесь целый месяц. Однако никаких внешних повреждений я не заметил. Замки не взломаны и...

Я случайно посмотрел на стоящие за моим автомобилем строения. Здания, в котором располагались «Склады Брутуса» и квартира покойного Виктора Мелмана, больше не существовало. Остались лишь обгоревший остов да две частично сохранившихся стены.

Я направился к пепелищу.

Несколько раз обошел вокруг — развалины давно остыли. Серые полосы и черные следы сажи говорили о том, что вода, которой тушили пожар, успела испариться. Гарью уже почти не пахло.

Неужели это я устроил пожар, когда решил сжечь бумаги в

ванне? Не, вряд ли. Я развел совсем маленький костерок, вовсе не похожий на источник стихийного бедствия.

Пока я изучал руины, мимо проехал мальчишка на зеленом велосипеде. Несколько минут спустя он вернулся и остановился неподалеку от меня. На вид ему было лет десять.

— Я все видел, — заявил он. — Видел, как оно горело.

— Когда это произошло? — спросил я.

— Три дня назад.

— А почему?

— Там на складе было что-то... горючное...

— Горючее?

— Вот-вот, — обрадовался паренек, и его губы разъехались в беззубой улыбке. — Это они, наверное, специально подожгли. Из-за страховки.

— В самом деле?

— Угу. Папа сказал, что, похоже, у них неважно шли дела.

— Да, такое иногда случается, — согласился я. — Кто-нибудь пострадал в огне?

— Говорят, сгорел художник: он жил на последнем этаже, а теперь куда-то пропал. Только от него совсем ничего не осталось, даже костей. Большущий был пожар! Очень долго не кончался.

— А начался ночью или днем?

— Ночью. Я смотрел вон оттуда. — Мальчишка показал на противоположную сторону улицы, как раз в том направлении, откуда я пришел. — Столько воды вылили, чтобы его потушить!

— А ты не заметил, кто-нибудь выходил из дома?

— Нет, — ответил он. — Я прибежал, когда уже вовсю горело.

Я кивнул и зашагал к своей машине.

— Как вы думаете, в таком огне пули разорвутся?

— Да, — ответил я.

— А они не разорвались.

Я остановился и обернулся:

— Что ты имеешь в виду?

Мальчишка засунул руку в карман.

— Мы с парнями играли вчера, там, — он махнул рукой в сторону пожарища, — и нашли целую кучу патронов.

Он вытащил руку из кармана — на раскрытой ладони лежало несколько металлических предметов.

Я шагнул к нему, а он тем временем присел на корточки и положил один из металлических цилиндриков на тротуар. Потом быстро схватил камень и размахнулся.

— Не надо! — крикнул я.

Камень опустился на гильзу, однако ничего не произошло.

— Тебя же могло ранить... — начал я, но мальчишка перебил меня:

— А вот и нет. Эти гады не взрываются. А розовая дрянь даже гореть не хочет. У вас есть спички?

— Розовая дрянь? — спросил я, отодвигая камень, чтобы посмотреть на раздавленную пулю и розовый порошок.

— Вот, — показал мне паренек. — Смешно, правда? А я-то думал, порох серый.

Я потрогал незнакомое вещество. Растер его между пальцами и понюхал, даже попробовал на язык. У меня не было ни малейшего представления о том, что это такое.

— А черт его знает, — проворчал я. — Значит, он даже не горит?

— Ни капельки. Мы насыпали немного на газету и подожгли. Порошок растаял и растекся, и больше ничего.

— У тебя есть парочка лишних патронов?

— Ну... найдется.

— Я дам тебе за них доллар, — предложил я.

Я снова увидел улыбающийся щербатый рот, и в следующую секунду рука мальчишки исчезла в кармане джинсов. Я провел Фракир над несколькими банкнотами из других Теней и вытащил из пачки доллар. Мальчишка протянул мне две покрытые сажей пули тридцатого калибра.

— Спасибо, — сказал он.

— Это тебе спасибо. Здесь было еще что-нибудь интересное?

— Нет. Все остальное превратилось в пепел.

Я сел в машину и уехал. Однако у первой же мойки мне пришлось остановиться, потому что дворники лишь размазывали сажу по стеклу. Пока резиновые щупальца тянулись ко мне сквозь гроздья мыльной пены, я искал коробок, который дал мне Люк. И довольно быстро нашел его. Отлично. У самого въезда в мойку я видел телефон.

— Алло. Мотель «Нью-Лайн», — послышался молодой мужской голос.

— Пару дней назад у вас жил Лукас Рейнард, — сказал я. — Не оставлял ли он что-нибудь для Мерля Кори?

— Одну минуточку. — Пауза. Шорох. — Да, есть письмо.

— Прочитайте.

— Конверт запечатан. Я бы не хотел...

— Хорошо, я заеду.

И я отправился в мотель.

Человек, внешность которого соответствовала голосу, со-

общившему мне о письме, сидел за конторкой в вестибюле. Я представился и попросил конверт. Клерк — хрупкий блондин с торчащими в разные стороны усами — некоторое время пристально смотрел на меня, затем спросил:

— А вы намерены встретиться с мистером Рейнардом?

— Да.

Тогда он открыл шкафчик и извлек оттуда маленький коричневый конверт, края которого топорщились. На нем стояло имя Люка и номер комнаты.

— Он не оставил адреса, — объяснил клерк, вскрывая конверт, — горничная нашла это кольцо на полочке в ванной уже после того, как он уехал. Передадите его мистеру Рейнарду?

— Конечно, — ответил я и взял кольцо.

Я устроился в кресле в холле.

Кольцо червонного золота украшал голубой камень. Что-то не помню, чтобы Люк любил подобные побрякушки... Я надел кольцо на безымянный палец левой руки, и оно пришлось мне как раз впору. Буду носить до тех пор, пока не увижу Люка, решил я.

Я вскрыл письмо, которое было написано на бумаге с гербом мотеля, и прочитал:

Мерль,
очень жаль, что у нас ничего не вышло с обедом. Я тебя ждал. Надеюсь, с тобой все в порядке. Утром я улетаю в Альбукерке. Пробуду там три дня. Потом на три дня перееду в Санта-Фе. В обоих городах я всегда останавливаюсь в «Хилтоне». Хотелось бы поговорить. Пожалуйста, свяжись со мной.

Люк

Интересно.

Позвонив своему транспортному агенту, я выяснил, что если не буду тратить время попусту, то успею на дневной рейс на Альбукерке. Поскольку мне хотелось поговорить с Люком лично, а не по телефону, я решил, что имеет смысл поторопиться.

Заехав в офис, я забрал билет, за который пришлось заплатить наличными, и отправился в аэропорт. Там я распрощался со своим автомобилем — вряд ли я с ним когда-нибудь еще встречусь. И, закинув на плечо рюкзак, поспешил на посадку.

Остальное прошло легко и без проблем. Наблюдая за удаляющейся землей, я думал о том, что завершился очередной этап моей жизни. Как и во многих других случаях, совсем не

так, как мне бы того хотелось. Я рассчитывал быстро покончить с «Т» или просто забыть о нем, а потом навестить людей, которых не видел несколько лет, и побывать в местах, давно меня манивших. Затем я собирался совершить путешествие через Тени для последней проверки Призрачного Колеса, после чего снова вернуться к более радостному полюсу своего существования. Теперь приоритеты изменились — и все из-за того, что «Т» и смерть Джулии оказались каким-то образом связаны между собой, а в дело вовлечены силы из каких-то неизвестных мне Теней, сущности которых я не понимал.

Последние соображения беспокоили меня больше всего. Не копаю ли я себе могилу, а заодно — став жертвой глупой гордости — и кому-нибудь из своих друзей и родственников? О небеса, я хотел разобраться во всем сам, но чем больше думал об этом, тем более сильное впечатление производило на меня могущество противника, с которым пришлось столкнуться, и скудость информации о «Т». Было бы нечестно не сообщить о том, что происходит, остальным — ведь опасность могла грозить и им. Я бы с удовольствием решил эту задачку самостоятельно, а потом преподнес им решение в качестве подарка. Может быть, я так и сделаю, но...

Проклятие! Я обязан все рассказать. Если «Т» доберется до меня, а потом примется за моих близких... необходимо предупредить их заранее. И если мои проблемы являются лишь частью грандиозного заговора, они должны быть готовы. Пришлось признать, что иного выхода у меня нет — мне это совсем не понравилось.

Впрочем, ничего страшного не произойдет, если сначала я переговорю с Люком. Я выбрался из города, и теперь, вероятно, мне ничто не угрожает. А вдруг у Люка есть какие-нибудь полезные сведения? Чем больше фактов, тем лучше. Подожду еще немного.

Я вздохнул и попросил стюардессу принести мне что-нибудь выпить. Поездка в Альбукерке на машине отняла бы слишком много времени. Жаль. Моя машина мне там очень пригодилась бы. Идти напрямик через Тени я не мог, поскольку никогда не бывал в Альбукерке и не нашел бы дороги. А Люк скорее всего уже в Санта-Фе.

Я потягивал виски и смотрел на облака. Их очертания вполне соответствовали моему настроению, поэтому я достал из рюкзака книжку и читал до тех пор, пока самолет не приземлился. Когда я заглянул в иллюминатор в следующий раз, его заполняли горы. Надтреснутый голос заверил нас, что погода в Альбукерке просто отличная. Я подумал о своем отце.

В здании аэропорта я прошел мимо магазинчика, торгующего индейскими украшениями, мексиканскими горшками и безвкусными сувенирами, разыскал телефон и позвонил в местный «Хилтон». Мне ответили, что Люк уже выехал. Тогда я справился в «Хилтоне» в Санта-Фе; выяснилось, что мистер Люк Рейнард действительно проживает в «Хилтоне», но в данный момент его нет. Я заказал себе номер и повесил трубку. Женщина в справочном бюро заверила меня, что я успею на автобус, отправляющийся в Санта-Фе через полчаса, и даже махнула рукой в сторону касс, чтобы я купил билет. Не помню, где и когда, но я прочитал, что Санта-Фе — одна из немногих столиц штата, где нет аэропорта.

Когда мы ехали на север и длинные тени пика Сандия накрыли нас, Фракир слегка сжала мое запястье, однако тут же затихла. А потом снова. И еще раз. Я окинул внимательным взглядом пассажиров маленького автобуса, пытаясь понять, откуда исходит опасность, о которой меня предупредила Фракир.

Мое место находилось в самом конце. Впереди восседала пара средних лет, обсуждавшая что-то с сильным техасским акцентом; каждого супруга украшало множество бирюзовых и серебряных побрякушек. Ближе к середине расположились три пожилые женщины, они перемывали косточки кому-то из своих знакомых, живущих в Нью-Йорке. Через проход от них устроилась юная парочка, поглощенная друг другом. Двое молодых людей с теннисными ракетками выбрали места немного сзади и по диагонали от влюбленных и разговаривали о колледже. За ними сидела монашенка с книгой в руках. Я снова выглянул из окна, но не заметил ничего угрожающего ни на дороге, ни рядом с ней. Мне не хотелось привлекать к себе внимание и искать врага при помощи волшебства.

Поэтому я произнес одно-единственное слово на тари и потер запястье — пульсация прекратилась.

Хотя поездка прошла без происшествий, беспокойство меня не покидало; впрочем, ложные тревоги хоть редко, но случаются — из-за самой природы нервных систем. Глядя на проносящиеся мимо красно-желтые полосы глинистой земли, мосты, перекинутые через небольшие речушки, далекие горы и склоны холмов, поросшие соснами, я размышлял о «Т». А вдруг он затаился где-то поблизости и лишь поджидает удобного момента, незаметно следя за моими действиями? И если это так, то по какой причине? Может быть, нам с ним следует просто посидеть и поговорить за кружкой пива? И тогда окажется, что это всего лишь самое обычное недоразумение...

Однако у меня было чувство, что дело тут гораздо серьезнее обычного недоразумения. Я бы многое отдал за возможность узнать, что же все-таки происходит, даже если бы при этом ничего не решилось. И за пиво бы заплатил.

Лучи заходящего солнца сверкали на белых полосках снега на Сангре-де-Кристо, когда мы въехали в город, а тени накрыли серо-зеленые склоны. Мне бросилось в глаза, что большинство домов в городе оштукатурено.

Я вышел из автобуса перед «Хилтоном» и сразу замерз — температура была градусов на десять ниже, чем в Альбукерке. Ничего удивительного: мы поднялись на две тысячи футов, да и день уже клонился к вечеру.

Я зарегистрировался и нашел свой номер. Позвонил Люку, но не застал его. Принял душ и переоделся. Снова попытался связаться с ним, но ответа так и не дождался. Мне уже хотелось есть, но я рассчитывал пообедать с Люком.

Поэтому я решил спуститься в бар и пропустить кружечку пива, а потом еще раз позвонить. Оставалось надеяться, что у него нет никаких серьезных планов на вечер.

Мистер Бразда, к которому я подошел в холле, чтобы выяснить, где находится бар, оказался менеджером отеля. Он спросил, доволен ли я своим номером, мы обменялись несколькими дежурными любезностями, и мистер Бразда махнул рукой в сторону коридора, ведущего в ресторан. Я зашагал в указанном направлении, но до бара так и не добрался.

— Мерль! Какого дьявола ты здесь делаешь? — раздался знакомый голос.

Я повернулся и увидел Люка, только что вошедшего в холл. Вспотевший и улыбающийся, в запыленной рабочей военной форме, ботинках и пилотке, с грязевыми разводами на лице. Мы пожали друг другу руки, и я сказал:

— Я хотел с тобой поговорить. — А потом, бросив на него еще один быстрый взгляд, спросил: — Ты что, завербовался на военную службу?

— Нет, провел весь день в горах у Пекоса, — ответил он. — Я всегда туда отправляюсь, когда попадаю в Санта-Фе. Там великолепные места.

— Нужно будет и мне как-нибудь попробовать, — сказал я. — Кажется, теперь моя очередь угощать тебя обедом.

— Точно, — кивнул он. — Только сначала я приму душ и переоденусь. Встретимся в баре минут через пятнадцать-двадцать. Договорились?

— Ладно. Пока.

Я нашел бар довольно быстро. Он оказался просторным, сумрачным, прохладным и представлял собой две смежные

комнаты с удобными креслами и низкими столиками. Народу было много.

Молодая пара как раз освободила столик и с бокалами в руках проследовала в зал ресторана. Я быстро занял их место. Вскоре подошла официантка, и я заказал пиво.

Несколько минут спустя, когда я потягивал пиво и размышлял над невероятными событиями последних дней, я вдруг заметил, как сбоку и чуть позади меня, так что я не мог его толком разглядеть, остановился какой-то мужчина.

— Извините, — тихо проговорил он, — могу ли я задать вам вопрос?

Я повернул голову и увидел похожего на испанца низенького худого человека, с седыми волосами и усами. Он был вполне прилично одет и легко мог сойти за местного бизнесмена. Когда он быстро улыбнулся — человечек явно нервничал, — я обратил внимание на то, что у него отколот кусочек переднего зуба.

— Меня зовут Дэн Мартинес, — представился мужчина, но не протянул мне руки. Бросив взгляд на соседнее кресло, он спросил: — Могу я присесть на минутку?

— А в чем, собственно, дело? Если вы что-то продаете, меня это не интересует. Я жду приятеля и...

Он покачал головой:

— Нет, не беспокойтесь. Я знаю, что вы ждете одного человека... мистера Лукаса Рейнарда. На самом деле речь пойдет о нем.

Я указал ему на кресло:

— Хорошо. Присаживайтесь и задавайте свой вопрос.

Он кивнул, устроился напротив меня, переплел пальцы, положил руки на столик и наклонился вперед.

— Я случайно услышал ваш разговор в холле, и у меня сложилось впечатление, что вы его хорошо знаете. Как давно вы знакомы?

— Если это все, что вас интересует... Восемь лет. Мы вместе учились в колледже, а после этого работали на одну и ту же компанию.

— «Большой Проект», — заявил Мартинес, — компьютерная фирма в Сан-Франциско. А до колледжа?

— Похоже, вам и так достаточно известно, — удивился я. — Что вы, собственно, хотите? Вы полицейский или частный детектив?

— Нет, — ответил он, — ни в коем случае. Уверяю вас, я не доставлю вашему другу никаких неприятностей. Просто сам пытаюсь их избежать. Позвольте мне...

Я решительно покачал головой.

— Все, прием закончен, — резко сказал я. — У меня нет привычки без веской на то причины болтать о моих друзьях с незнакомцами.

Мартинес замахал руками.

— Я не замышляю ничего плохого, — проговорил он, — ведь вы же не станете от него скрывать, что я задавал вам вопросы? Более того, я на этом настаиваю. Он меня знает. Вы должны ему рассказать, что я о нем расспрашивал, понимаете? В конечном счете это будет только на пользу. Черт возьми, вы ведь его друг, не так ли? Человек, который не моргнув глазом солжет, чтобы помочь ему выпутаться из беды. Что вам стоит ответить на несколько...

— А вот меня занимает всего один вопрос: зачем вам нужны эти сведения?

Мартинес вздохнул.

— Ладно, — проворчал он. — Рейнард предложил мне — это все еще в процессе обсуждения, поймите меня правильно — очень заманчивую возможность для вложения капитала. Речь идет о достаточно крупной сумме денег. Конечно, элемент риска присутствует, как и в любом другом предприятии, связанном с новыми компаниями в области, где высока конкуренция, но предполагаемые дивиденды делают его проект весьма привлекательным.

Я кивнул:

— И вас интересует, честный ли он человек.

Мартинес усмехнулся:

— Это меня не слишком беспокоит. Единственное, что меня интересует, — будет ли он выполнять свои обещания.

Его манера говорить напомнила мне кого-то. Я напрягся, но так и не понял кого.

— Вот оно что, — сказал я, сделав глоток пива. — Что-то я сегодня медленно соображаю. Извините. Ваша сделка, конечно же, связана с компьютерами?

— Естественно.

— Вы хотите выяснить, сможет ли нынешний начальник Люка уличить его, если он попытается совершить сделку на свой страх и риск?

— В некотором роде да.

— Сдаюсь, — заявил я. — Мне не под силу ответить на ваш вопрос. Интеллектуальная собственность — запутанное дело. Мне неизвестно, где он раздобыл свой товар и что продает, — Люк не сидит на месте. Но даже если бы я и знал, все равно не смог бы оценить ситуацию с точки зрения закона.

— Я и не ждал ничего большего, — улыбаясь, произнес Мартинес.

Я улыбнулся в ответ.

— Иными словами, вы послали свое предупреждение, — резюмировал я.

Он кивнул и встал:

— Да, и еще...

— Слушаю вас.

— Люк когда-нибудь упоминал места, — медленно проговорил Мартинес, глядя мне прямо в глаза, — под названием Амбер и Владения Хаоса?

Он не мог не заметить удивления на моем лице, что, несомненно, произвело на него ложное впечатление. Мартинес не поверил мне, когда я ответил ему чистую правду.

— Нет, я никогда не слышал, чтобы Люк о них говорил. А почему вы спрашиваете?

Он покачал головой и встал. И снова улыбнулся:

— Не имеет значения. Благодарю вас, мистер Кори. Нус дхабжун дуилша.

С этими словами Дэн Мартинес умчался прочь.

— Подождите! — воскликнул я. В этот момент наступила тишина, и все повернули головы в мою сторону.

Я вскочил на ноги, собираясь догнать его, но услышал свое имя:

— Эй, Мерль! Не убегай! Я уже здесь!

Я обернулся. Люк только что вошел в бар, у него еще были мокрые после душа волосы. Он похлопал меня по плечу и опустился в кресло, на котором минуту назад сидел Мартинес. Потом, когда я тоже уселся за столик, показал на мою кружку с пивом.

— Мне нужно такую же, — заявил он. — Господи, как я хочу пить! — А потом добавил: — Куда это ты собрался?

Я вдруг понял, что мне совсем не хочется рассказывать Люку о разговоре с Мартинесом, не в последнюю очередь из-за его странной концовки. Судя по всему, Люк не заметил, как тот ретировался.

Поэтому я ответил:

— В туалет.

— Это там, — сказал Люк, показывая на вход в бар. — Я проходил мимо.

Тут он взглянул на мою руку:

— Послушай, кольцо у тебя на пальце...

— Ах да, — вспомнил я. — Ты оставил его в мотеле «Нью-Лайн». А я захватил, когда заезжал за твоим письмом. Сейчас отдам...

Я попытался снять кольцо, но оно не поддавалось.

— Похоже, застряло, — удивился я. — Странно. А наделось без проблем.

— Может, палец распух, — предположил Люк.— Возможно, это как-то связано с тем, что мы находимся довольно высоко над уровнем моря.

Он подозвал официантку и заказал пиво, а я в это время продолжал крутить на пальце кольцо.

— Видимо, придется его тебе продать, — объявил Люк. — Я много не запрошу.

— Еще посмотрим, — буркнул я. — Вернусь через минуту.

Люк вяло махнул рукой, а я направился к выходу.

В туалете никого не было, поэтому я смело произнес слова, снявшие с Фракир парализующее заклятие, которое я наложил на нее в автобусе. Она сразу же зашевелилась. Прежде чем я успел отдать приказ, Фракир замерцала, развернулась, скользнула по руке и обвилась вокруг пальца с кольцом. Я завороженно наблюдал за тем, как палец потемнел и заболел — невидимая сила упорно сжимала его.

Однако вскоре последовало освобождение; теперь мой палец выглядел так, словно на нем нарезали резьбу. Я понял намек и быстро скрутил кольцо по следу. Фракир снова дернулась, словно хотела схватить кольцо, и я погладил ее.

— Все в порядке. Спасибо. Возвращайся.

Казалось, она колеблется, но моего желания было достаточно, и дополнительной команды не потребовалось. Фракир вернулась на запястье, обвилась вокруг него и исчезла.

Больше мне здесь делать было нечего, и я вернулся в бар. Отдал Люку кольцо, сел в кресло и глотнул пива.

— Удалось снять?

— Намылил палец, — ответил я.

Он завернул кольцо в платок и засунул в карман.

— А я рассчитывал получить за него деньги!..

— Не вышло. Почему ты его не надел?

— Это подарок. Знаешь, я не ожидал, что ты сюда прикатишь, — заявил Люк, взяв из вазочки пригоршню орешков, которые появились на столе во время моего отсутствия. — Я думал, ты позвонишь, когда получишь записку, и мы перенесем встречу. Я рад, что ты приехал. Кто знает, когда нам с тобой еще доведется увидеться. Понимаешь, некоторые события начали развиваться быстрее, чем я ожидал, — именно об этом я и хотел поговорить.

Я кивнул:

— Мне тоже есть что с тобой обсудить.

Когда Фракир возилась с кольцом, я решил, что пока не

буду упоминать про вопросы и намеки Мартинеса. И хотя его интриги, по-видимому, ко мне не имели никакого отношения, я всегда чувствую себя спокойнее — даже с друзьями, — когда во время разговора знаю чуть больше, чем они предполагают. Поэтому и посчитал, что не стоит ничего рассказывать Люку. Пока.

— Что ж, давай вспомним о хороших манерах, отложим серьезные разговоры и сначала спокойно пообедаем, — предложил Люк, медленно разрывая на кусочки салфетку, — а потом пойдем куда-нибудь, где нам никто не помешает.

— Хорошая мысль, — согласился я. — А здесь ты не хочешь поесть?

Он покачал головой:

— Я уже не раз тут обедал. У них неплохая кухня, но мне хочется разнообразия. Сегодня я решил заглянуть в ресторанчик неподалеку. Знаешь что, схожу-ка я туда и посмотрю, есть ли у них свободные столики.

— Давай.

Он допил свое пиво и ушел.

...И еще вопрос об Амбере. Кто такой, черт возьми, этот Мартинес? Нужно выяснить, потому что он явно не тот, за кого себя выдает. Его последние слова были произнесены на тари, моем родном языке. Как и почему такое могло произойти, я не имел ни малейшего представления. Будь проклята моя инертность, из-за которой я столько лет не принимал никаких мер по поводу «Т»! Вот к чему привела самонадеянность!.. Впрочем, разве я мог представить, что ситуация окажется такой тяжелой и запутанной? «Так тебе и надо», — подумал я. Только вот неясно, надо ли мне все это?

— Порядок, — объявил Люк, неожиданно появившийся из-за угла. Бросив на стол несколько монет, он добавил: — Свободные места есть. Допивай пиво, и пойдем немного прогуляемся.

Я прикончил кружку и последовал за ним. Люк провел меня по коридорам, через холл и в заднюю часть здания. Мы вышли в напоенный ароматами вечер, пересекли автомобильную стоянку у улицы Гваделупы. Совсем рядом находился перекресток с Аламедой. Дальше мы миновали большую церковь, а на следующем углу свернули направо. Люк показал мне ресторан на противоположной стороне улицы, он назывался «La Tertulia»[1].

— Вот мы и на месте.

Низкое здание из необожженного кирпича, в испанском

[1] Вечеринка, дружеский разговор *(исп.)*.

стиле. Внутри довольно элегантно. Мы заказали кувшин сангрии, жареного цыпленка, хлебный пудинг и много-много кофе, честно соблюдая соглашение не говорить за обедом на серьезные темы.

С Люком дважды здоровались какие-то люди, которые останавливались возле нашего столика, чтобы обменяться с ним любезностями.

— Ты что, всех знаешь? — поинтересовался я немного позже.

Он рассмеялся:

— У меня масса деловых контактов.

— В самом деле? А мне показалось, что это совсем небольшой городок.

— Обманчивое впечатление. Все-таки Санта-Фе — столица штата. Здесь очень многие покупают то, что мы продаем.

— Значит, ты часто тут бываешь?

Он кивнул:

— Это одно из самых доходных мест в моей цепочке.

— И как тебе только удается успешно вести дела, если ты на целый день уходишь гулять в горы?

Люк оторвал взгляд от выстроенной им на столе в боевом порядке посуды и улыбнулся:

— Мне необходимо было прийти в себя. Я устал от городов и офисов. Ужасно захотелось на природу, поплавать на каноэ или каяке или еще что-нибудь в таком же роде — иначе я просто свихнулся бы. Должен признаться, это одна из причин, по которой я решил развивать бизнес именно в Санта-Фе, — отсюда можно быстро добраться до гор.

Он выпил немного кофе.

— Знаешь, — продолжал Люк, — сегодня такой замечательный вечер, давай съездим куда-нибудь, и ты поймешь, что я имею в виду.

— Заманчивое предложение, — отозвался я, расправляя плечи и пытаясь отыскать взглядом официантку. — А тебе не кажется, что сейчас слишком темно? Вряд ли мы что-нибудь разглядим.

— Ошибаешься. Скоро взойдет луна, уже загорелись звезды, небо чистое. Ты все увидишь.

Я попросил чек, расплатился, и мы направились к выходу. Луна действительно заняла свое место на небе.

— Моя машина осталась на стоянке у гостиницы, — сказал Люк, когда мы зашагали по улице. — Вон там.

Когда мы добрались до гостиницы, он показал мне на пикап, открыл дверцу и сел за руль. Мы выехали со стоянки, повернули на ближайшем углу и по Аламеда направились к Пасео, затем направо, в гору, и вскоре оказались на улице Оте-

ро, а потом на Гайд-Парк-роуд. С этого момента мы почти не встречали машин и вскоре промчались мимо знака, указывающего, что мы едем в сторону горнолыжных трасс.

Все выше и выше поднимались по петляющей дороге... Я почувствовал, как понемногу начинаю расслабляться. Вокруг не осталось никаких следов обитания человека, нас окутала тишина, спустилась ночь. Здесь совсем не было фонарей. В открытые окна машины врывался запах сосен. Прохладный воздух успокаивал. Я отдыхал вдали от «Т» и загадок, с ним связанных.

Потом я бросил взгляд на Люка. Нахмурив лоб, он смотрел вперед. Однако, почувствовав мой взгляд, неожиданно улыбнулся:

— Кто начнет?

— Давай ты, — предложил я.

— Хорошо. Когда мы виделись с тобой в последний раз, ты говорил о своем уходе из «Большого П» и заявил, что нигде не собираешься работать, да и преподавать тоже.

— Верно.

— Ты сказал, что хочешь попутешествовать.

— Точно.

— И тогда мне в голову пришла одна интересная мысль...

Он взглянул на меня, но я промолчал.

— Я принялся размышлять, — продолжил после короткой паузы Люк. — Может быть, ты намереваешься совершить сделку — создать собственную компанию, например, или ищешь покупателя, чтобы продать ему то, что у тебя есть. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Значит, ты решил, будто я кое-что сделал — абсолютно новое — и в мои планы не входит делиться с «Большим Проектом»?

Люк с удовольствием стукнул ладонью по сиденью:

— Я всегда знал, что ты не дурак! Сейчас ты просто тянешь время, дожидаясь, пока твое изобретение дозреет. А потом найдешь покупателя, который сможет выложить больше остальных.

— Твои рассуждения можно было бы назвать весьма разумными, — заметил я, — если бы дело обстояло именно так. Но ты ошибся.

Люк рассмеялся.

— Все в порядке, — проговорил он. — Я работаю на «Большой П», но это вовсе не значит, что я стану на них шпионить. Тебе бы следовало это знать.

— Я знаю.

— И спрашиваю я не из праздного любопытства. Как раз

наоборот. Мне бы хотелось, чтобы ты провернул удачную сделку.

— Благодарю.

— Могу даже посодействовать.

— Понимаю, к чему ты клонишь, Люк, но...

— Выслушай меня, ладно? Только сначала ответь на один вопрос: ты еще не подписывал никаких бумаг?

— Нет.

— Я так и думал. Это было бы преждевременно.

Деревья, растущие вдоль дороги, стали заметно выше, ночной ветер — холоднее. И луна казалась больше и ярче, чем в оставшемся внизу городе. Мы сделали еще несколько крутых поворотов, шоссе, поднимаясь вверх, шло зигзагами. Несколько раз я видел, как слева от нас возникал обрыв. Защитных барьеров не было.

— Знаешь, — не унимался Люк, — я не прошу включить меня в сделку просто так. Или ради старой дружбы. Дружба одно, а бизнес — совсем другое, хотя никогда не помешает иметь дело с тем, в ком ты уверен. Позволь, я напомню тебе о реальности. Если ты действительно изобрел великолепный компьютер, его можно продать огромному количеству деловых людей — но необходимо соблюдать дьявольскую осторожность. Все дело именно в этом. А не то моментально лишишься своего золотого шанса. Если хочешь разбогатеть по-настоящему, необходимо создать собственный бизнес. Например, «Apple»[1]. Как только они станут на тебя активно наседать, ты ликвидируешь дело, зато получишь несравнимо больше, чем за голую идею. Ты, конечно, виртуоз по части конструирования, но я знаю рынок. И нужных людей — по всей стране, — людей, которые доверяют мне и согласятся финансировать производство до тех пор, пока мы не встанем на ноги. Дерьмо! Я не собираюсь всю жизнь прозябать в «Большом П». Возьми меня в долю, и мы заработаем кучу денег. Ты будешь заниматься компьютерами, а я — организационными вопросами. Только так можно добиться серьезных результатов.

— О, господи, — вздохнул я. — Дружище, все это звучит чертовски привлекательно. Но ты пошел по ложному следу. Мне нечего продавать.

— Да брось! — рассердился Люк. — Ты же прекрасно понимаешь, что я человек надежный. Даже если ты наотрез откажешься следовать моим советам, я никому не скажу ни слова.

[1] Знаменитая американская фирма по производству персональных компьютеров.

Я не предаю друзей. Просто считаю, что ты совершишь ошибку, если не попытаешься сам довести дело до конца.

— Люк, я не шутил.

Он немного помолчал. Потом я почувствовал, что он на меня смотрит. Я поднял на него глаза и увидел, что он улыбается.

— Ну, — поинтересовался я, — каким будет следующий вопрос?

— Что такое «Призрачное Колесо»?

— О чем ты?

— Совершенно секретно, никто ничего не знает, проект Мерля Кори. «Призрачное Колесо»... Компьютер, равного которому никто не видывал. Жидкие полупроводники, криогенные связи, плазма...

Я расхохотался:

— Боже мой! Это же была шутка, не более того. Дурацкое хобби. Игра обезумевшего конструктора — попытка создать компьютер, который невозможно построить на Земле. Ну, может быть, часть идеи и удастся реализовать, но работать машина все равно не будет. Напоминает рисунки Эшера — на бумаге выглядит впечатляюще, а в жизни не бывает. — Потом, после короткого размышления, я поинтересовался: — А откуда ты об этом узнал? Я никогда никому не говорил о своем проекте.

Заложив очередной вираж, Люк прочистил горло. Луна скрылась за кронами деревьев. На ветровом стекле появились капельки влаги.

— Ну, ты не делал из него секрета, — ответил он. — Всякий раз, когда я проходил мимо твоего рабочего стола или кульмана, мне на глаза попадались чертежи, графики и какие-то записи. Я не мог их не заметить. Почти на всех стояла пометка — «Призрачное Колесо». В «Большом П» ни о чем подобном речи не велось, поэтому я сделал вывод, что ты занялся чем-то лично для себя, ну чтобы обеспечить безбедное будущее. Ты никогда не производил впечатление мечтателя, витающего в облаках. Может быть, ты все-таки что-то от меня утаил?

— Если бы мы, не сходя с места, попытались построить то, что реально здесь построить, — честно ответил я, — получилась бы чертовски странная на вид и совершенно не работающая машина.

Люк покачал головой.

— Какой-то идиотизм, да и только, — заявил он. — На тебя это не похоже, Мерль. Зачем, черт побери, ты потратил силы на изобретение абсолютно бесполезной штуки?

— Я хотел проверить одну теорию...

— Извини, но это звучит как чушь собачья, — перебил меня он. — Ты хочешь сказать, что во всей Вселенной не существует места, где твоя машина могла бы функционировать?

— А вот этого я не говорил. Пойми: я сконструировал ее так, чтобы она действовала в необычных, гипотетических условиях.

— Ага. Иными словами, если мне удастся найти такое место, то мы договоримся?

— Ну, пожалуй, да.

— Мерль, тебе известно, что ты самый настоящий извращенец?

— Угу.

— Еще одна мечта повергнута в прах. Ну ладно... Послушай, у тебя попутно не возникло какой-нибудь стоящей мыслишки, которую можно применить здесь и сейчас?

— Нет. Здесь ничего не получится.

— А что такого особенного умеет делать твоя машина?

— Ну, я мог бы пуститься в заумные рассуждения о пространстве и времени... Я использовал идеи двух толковых парней — Эверетта и Уилера. Разобраться можно только с привлечением математики.

— Ты уверен?

— А какое это имеет значение? У меня нет готовой продукции, следовательно, откуда быть компании? Извини. Скажи Мартинесу и его коллегам, что они забрели в тупик.

— Что? А кто такой Мартинес?

— Один из твоих потенциальных инвесторов в компанию «Кори и Рейнард», — ответил я. — Дэн Мартинес — среднего возраста, невысокий, солидного вида, кусочек переднего зуба отколот...

Люк наморщил лоб:

— Черт подери, Мерль, я не знаю, о ком ты говоришь!

— Он подошел, когда я дожидался тебя в баре. Мне показалось, что ему многое о тебе известно. Начал задавать вопросы о том, как я себе представляю ситуацию, которую ты минуту назад столь красочно описал. У меня сложилось впечатление, что ты уже обращался к нему и предлагал вложить деньги в сделку.

— Ах, вот оно что, — проговорил Люк. — Первый раз про него слышу. Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Он быстро слинял, а ты не хотел говорить о делах во время обеда. К тому же мне это не кажется важным. Да, Мартинес просил меня передать, что он наводит о тебе справки.

— А что именно его интересовало?

— Сможешь ли ты поставить ему новые разработки по компьютерам и избавить инвесторов от необходимости таскаться по судам — так я понял.

Люк хлопнул ладонью по рулю:

— Какой-то абсурд! Ничего не понимаю.

— Может быть, его кто-то нанял, чтобы он провел расследование, — видимо, те самые люди, с которыми ты поделился своими идеями о проекте.

— Мерль, неужели ты думаешь, что я такой болван и стану тратить время на привлечение серьезных людей в сомнительное предприятие? Как я могу предлагать кому-нибудь вкладывать деньги в то, о чем сам толком ничего не знаю? Я еще ни с кем не говорил об этом, кроме тебя, а теперь и подавно не намерен. Как ты думаешь, кто он такой? Что ему от нас нужно?

Я покачал головой, но вспомнил слова, которые Мартинес произнес на тари.

Почему бы и нет?

— А еще он спрашивал, не упоминал ли ты о месте, которое называется Амбер.

Люк смотрел в зеркало заднего вида, когда я произнес эти слова, и резко дернул руль, чтобы вписаться в поворот.

— Амбер? Ты шутишь?

— Нет.

— Чудно. Должно быть, совпадение...

— Что?

— На прошлой неделе я действительно слышал об удивительном месте под названием Амбер. Но никому о нем не говорил. Это была пьяная болтовня.

— Кто? Кто рассказывал про Амбер?

— Один знакомый художник. Совершенно тронутый, но с большим талантом. Мелман. Мне нравятся его картины, я даже пару штук купил. На днях я зашел к нему, чтобы посмотреть, нет ли чего-нибудь новенького. Он не смог ничем похвастаться, но я у него долго просидел. Мы пили и курили травку, которой он меня угостил. Мелман уже был сильно навеселе, когда заговорил о волшебстве. Не какие-нибудь карточные фокусы, а ритуальная магия, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Да.

— А через некоторое время он начал мне кое-что показывать. Знаешь, я и сам хорошенько накурился, иначе мог бы поклясться, что у него получалось — Мелман левитировал, вызывал стены огня и невероятных чудищ и тут же их уничтожал. Должно быть, он подсыпал мне ЛСД в спиртное. Но черт побери! Все казалось таким реальным!..

— Угу.

— Мелман упомянул какой-то изначальный мифический город. Не знаю, на что это больше похоже — на Содом и Гоморру или на Камелот, но ты бы слышал, как он его описывал! Он назвал его Амбер и заявил, будто им управляет полубезумная семейка, а сам город заселен их незаконнорожденными отпрысками и людьми, чьих предков они вывезли из разных мест несколько столетий назад. Он заявил, что Тени этой семейки, да и самого Амбера фигурируют во всех знаменитых легендах и мифах — интересно, что это значит? Я не понял. Может быть, Мелман рассуждал метафорически — он это делает достаточно часто, — а если нет, то что, дьявол его побери, он вообще имел в виду?.. Про Амбер я слышал именно от него.

— Занятная получается картина, — заметил я. — Мелман мертв. Его дом сгорел дотла несколько дней назад.

— Да? — Люк снова посмотрел в зеркало. — Ты его знал?

— Мы познакомились после того, как ты улетел в Альбукерке. Кински сказал мне, что Джулия с ним встречалась, и я зашел к Мелману, чтобы поговорить о ней. Видишь ли, Джулия тоже мертва.

— Как это произошло? Я видел ее на прошлой неделе.

— Ее смерть была очень необычной. Джулию убило странное животное.

— Господи!

Люк резко затормозил и съехал с дороги на широкую обочину. Дальше виднелся круто уходящий вниз склон, поросший деревьями. Над кронами мерцали огни далекого города.

Люк выключил двигатель и фары. Вытащил из кармана кисет и принялся свертывать сигарету. Я заметил, что он поглядывает вперед и вверх.

— По-моему, ты слишком часто смотришь в зеркало заднего вида, — сказал я.

— Да, — не стал отпираться Люк. — Я почти уверен, что от стоянки возле «Хилтона» за нами следовала машина. Она отставала на несколько поворотов, не больше. Вроде бы сейчас ее не видно.

Он закурил сигарету и распахнул дверцу.

— Давай немного подышим воздухом.

Я последовал за ним, и мы постояли, глядя на огромные открытые пространства, озаренные таким ярким лунным светом, что некоторые деревья даже отбрасывали тени.

Люк сердито швырнул сигарету на землю и затоптал ее каблуком.

— Дерьмо! — сказал он. — Дело становится все более запутанным! Я знал, что Джулия встречается с Мелманом, так? Я зашел к ней на следующий вечер после того, как виделся с ним, так? Я даже принес Джулии пакет, который Мелман просил ей передать, так?

— Карты, — подсказал я.

Он кивнул.

Я вытащил из кармана колоду и протянул Люку. Он бросил на них мимолетный взгляд и снова кивнул.

— Да, эти карты, — задумчиво проговорил он, а потом добавил: — Она по-прежнему тебе нравилась?

— Да, пожалуй.

— Дьявольщина... Ладно. Придется кое-что рассказать, старина. Далеко не все тебе придется по душе. Дай мне минутку, чтобы собраться с мыслями. Ты только что поставил передо мной серьезную проблему — точнее, я сам ее перед собой поставил, поскольку принял важное решение.

Он пнул камешек, и тот со стуком покатился вниз по склону.

— Хорошо, — наконец заговорил Люк. — Во-первых, отдай мне карты.

— Почему?

— Я собираюсь разорвать их на мелкие кусочки.

— Черта с два! Почему?

— Они опасны.

— Я и так об этом знаю. Мне не хочется с ними расставаться.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Это не так-то просто. Сначала я должен сообразить, что говорить, а о чем умолчать.

— А почему бы не рассказать все?

— Я не могу. Поверь мне...

Я упал на землю в тот момент, когда прозвучал первый выстрел, пуля отрикошетировала от валуна справа. Однако Люк остался на ногах. Петляя, он бросился бежать в сторону рощицы, расположенной слева от нас, откуда один за другим донеслось еще два выстрела. Люк поднял руку, в которой что-то держал.

Потом трижды нажал на курок. Нападавший выпустил в ответ лишь одну пулю. После второго выстрела Люка кто-то вскрикнул. В следующее мгновение я уже был на ногах и мчался в его сторону с камнем в руке. После третьего я услышал звук упавшего тела.

Я подскочил к Люку в тот момент, когда он переворачивал

тело, и успел заметить, как из открытого рта вылетело облачко серо-голубого дыма.

— А это еще что за дьявольщина? — спросил Люк, когда облачко медленно растворилось в воздухе.

— Ты тоже видел? Я не знаю.

Он посмотрел на обмякшее тело — на белой рубашке расплывалось кровавое пятно, правая рука все еще сжимала револьвер тридцать восьмого калибра.

— Вот уж не догадывался, что ты носишь с собой оружие, — сказал я.

— Когда проводишь столько времени в дороге, приходится заботиться о собственной безопасности, — ответил он мне. — Я покупаю новый револьвер в каждом городе, в который попадаю, а перед отъездом — продаю. В самолет ведь с оружием не пускают. Похоже, на сей раз придется искать другой способ с ним расстаться... В жизни не видел этого типа, Мерль. А ты?

Я кивнул:

— Это Дэн Мартинес, я о нем тебе рассказывал.

— О, господи, — проворчал Люк. — Еще одно проклятое осложнение. Может быть, мне следует уйти в монастырь дзэн[1] и попытаться убедить себя, что все происшедшее не имеет ни малейшего значения. Я...

Неожиданно он поднес пальцы левой руки ко лбу.

— Так! — воскликнул он. — Мерль, я оставил ключи в зажигании. Садись в машину и возвращайся в отель. Оставь меня здесь. И поторопись!

— Что происходит? Что...

Он поднял свое оружие и навел на меня.

— Немедленно! Заткнись и уходи!

— Но...

Люк опустил дуло и влепил пулю в землю у меня под ногами. А потом направил револьвер мне в живот.

— Мерлин, сын Корвина, — проговорил он сквозь зубы, — если ты немедленно не унесешь отсюда ноги, ты мертвец!

Я последовал его совету, подняв тучи пыли и гравия и оставив следы сгоревшей резины на том месте, где мне пришлось развернуть пикап. Машина с ревом понеслась вниз. Я сделал крутой поворот направо, потом налево и притормозил.

Съехал с дороги у подножия утеса, густо поросшего кустарником, заглушив двигатель и погасив фары, поставил машину на ручной тормоз. Осторожно приоткрыв дверь, выскольз-

[1] Дзэн — одна из школ буддизма (от санскритского «дхьяна» — медитация, сосредоточение, созерцание) (*япон.*).

нул наружу и бесшумно закрыл ее. В таких местах звуки разносятся далеко. Стараясь держаться правой, более темной стороны дороги, пошел назад.

Было очень тихо. Я миновал первый поворот и подходил ко второму. Что-то перелетело с одного дерева на другое. «Филин, наверное», — подумал я. Я двигался гораздо медленнее, чем мне бы хотелось.

Последний поворот я преодолел на четвереньках, под прикрытием скал и густой листвы, и, остановившись, внимательно осмотрел место, на котором мы стояли. Пусто. Начал медленно приближаться, готовый в любую секунду замереть в неподвижности, отпрыгнуть в сторону или броситься бежать, если того потребует ситуация.

Тишина, лишь ветки слегка шевелятся на ветру. Никого нет.

Я слегка приподнялся и продолжал красться вперед, используя для прикрытия каждый выступ.

Люка нет. Он куда-то исчез. Я замер и прислушивался по меньшей мере минуту. Ни единого шороха, который мог бы выдать его присутствие.

Я стоял на том самом месте, где упал Мартинес. Тела нигде не видно. Я огляделся по сторонам, но мне не удалось определить, что здесь произошло после моего отъезда. Звать Люка никакого резона не было.

Когда я возвращался к машине, не случилось ничего примечательного. Я уселся за руль и поехал в город. Что, черт возьми, все это значит? У меня не было ни одной, даже самой завалящей идейки на этот счет.

Я оставил пикап на стоянке возле отеля, рядом с тем местом, где он был припаркован, когда мы поехали на прогулку. Потом подошел к номеру Люка и постучал. Я не надеялся, что кто-нибудь мне откроет, но полагал, что должен это сделать, прежде чем вломиться в номер.

Я постарался вскрыть замок, не испортив дверь, потому что мистер Бразда произвел на меня приятное впечатление. Это заняло некоторое время; к счастью, никого поблизости не было. Я осторожно заглянул внутрь, включил свет, проверил, не заметил ли меня кто, и только после этого проскользнул в номер. Постоял немного, прислушиваясь, не доносится ли из холла подозрительных звуков... Все было спокойно.

Маленькая, тесная комнатка. Пустой чемодан на полке. В шкафу развешана одежда, в карманах ничего нет, если не считать двух коробков спичек, ручки и карандаша. Нижнее

белье и другие вещи. Бритвенные принадлежности аккуратно разложены под зеркалом. Ничего примечательного. Книга Б. Х. Лидделла Харта «Стратегия» с закладкой примерно в четверти от конца на тумбочке у постели.

На стуле валялся костюм, в котором Люк ходил в горы, рядом стояли пыльные ботинки с носками. В ботинках я нашел лишь шнурки. Я проверил карманы рубашки, которые поначалу показались мне пустыми, но потом в одном из них кончиками пальцев нащупал несколько маленьких бумажных катышков. Удивился, расправил пару штук. Таинственные послания? Нет... Зачем придумывать всякие бредни, когда маленькие коричневые частички все объясняют. Табак. Папиросная бумага. Очевидно, во время прогулок по горам Люк не выбрасывал даже окурки. По-моему, прежде он не был столь аккуратным.

Затем я старательно изучил брюки. Влажный платок и расческа в одном кармане, а в другом — одинокая пуля. Повинуясь импульсу, я засунул ее к себе в карман, а потом наклонился, чтобы заглянуть под матрас и за полки. Даже проверил туалет. Ничего. Никаких объяснений столь странного поведения.

Оставив ключи от машины на тумбочке, я отправился в свой номер. Меня не беспокоило, что Люк узнает о вторжении. На самом деле даже радовало. Мне совсем не понравилось, что он рылся в моих бумагах, касающихся Призрачного Колеса. А кроме того, Люк был обязан представить мне чертовски убедительные объяснения того, что произошло в горах.

Я разделся, принял душ, забрался в постель и выключил свет. Я бы написал ему записку, но не хотелось оставлять вещественные доказательства, не говоря уже о том, что у меня возникло предчувствие: Люк не вернется.

Глава 6

Это был невысокий, плотный человек с красным лицом; в волосах, редких на макушке, просматривалась седина. Я сидел в кабинете его полудеревенского дома в северной части штата Нью-Йорк, потягивал пиво и докладывал о своих неприятностях. Дул легкий ветерок, небо за окном было усыпано звездами.

— Так ты говоришь, что на следующий день Люк не объявился... И записки не прислал?

— Нет, не прислал.

— А можешь вспомнить обо всем, что ты тогда делал?

— Утром зашел к нему в номер — точно такой же, как накануне. Спросил у портье. Ничего. Позавтракал и снова спросил. И опять — ничего. Тогда я погулял по городу, около полудня перекусил, еще раз заглянул в номер. Там было попрежнему пусто. Я взял ключи от машины и поехал на то место, где мы были прошлой ночью. При свете дня — самые заурядные окрестности. Я даже спустился вниз по склону и немного там полазил. И не нашел ни тела, ни улик. Я вернулся, отдал ключи, послонялся по отелю до обеда, что-то поел, а потом позвонил вам. Когда вы пригласили меня приехать, заказал билет и улегся спать пораньше. Утром отправился в Альбукерке, а оттуда — к вам.

— И сегодня еще раз проверил, не появился ли Люк?

— Угу. Ничего нового.

Он покачал головой и раскурил свою трубку.

Его звали Билл Рот, он был другом и адвокатом моего отца в те времена, когда тот здесь жил. Думаю, он был единственным на Земле человеком, которому отец доверял, поэтому я тоже ему верил. За эти восемь лет я иногда навещал его, в последний раз примерно полтора года тому назад по очень печальному поводу — умерла его жена Элис. Я рассказал Биллу историю моего отца так, как слышал ее от него самого, неподалеку от Владений Хаоса; отец хотел, чтобы Билл был в курсе происходящего, в благодарность за его помощь.

Думаю, Билл все понял и поверил. Впрочем, он знал отца намного лучше, чем я.

— Я уже говорил, что ты невероятно похож на отца?

Я кивнул.

— И дело не только во внешнем сходстве, — продолжал он. — Было время, когда он заявлялся, словно пилот самолета, сбитого над вражеской территорией за линией фронта. Никогда не забуду ночь, когда он прискакал верхом на коне и — только вообрази! — заставил меня заняться поисками пропавшей кучи компоста. — Билл фыркнул. — Теперь вот ты сидишь передо мной и рассказываешь такое, что сразу вспоминается шкатулка Пандоры — может, кто-то опять до нее добрался и, став жертвой любопытства, открыл. Почему бы тебе не жить, как подобает разумному молодому человеку, и не интересоваться чем-нибудь нормальным. Я ведь даю отличные советы о том, как провести бракоразводный процесс, правильно составить завещание или договор о кредите и деловом партнерстве... Так нет, твоя история ужасно похожа на проблемы, с которыми сталкивался Карл! Даже то, что я делал для Амбера, выглядит совершенно безобидно по сравнению с задачкой, которую я должен решить для себя.

— Вы имеете в виду тот случай, когда Рэндом послал к вам Фиону с копией Договора о падении Огненного Пути, заключенного со Свейвилом, королем Хаоса, чтобы она перевела его, а вы изучили на предмет скрытых ловушек?

— И это тоже, — согласился Билл, — хотя в конце концов мне пришлось выучить ваш язык, иначе я не смог бы довести работу до конца. Потом Флора захотела получить назад свою библиотеку и поручила мне добиться ее возвращения — это оказалось совсем непросто, — а после ей вздумалось разыскать предмет своей старой любви — чтобы воссоединиться или отомстить, я так и не понял. Впрочем, она платила золотом. И я смог купить дом в Палм-Бич. А дальше... Черт побери, некоторое время я всерьез раздумывал, не приписать ли на своей визитке еще и: «Советник королевского дома Амберов»!.. Однако в такой работе нет ничего особенного. Самое обычное дело. А от твоих неприятностей так и разит черной магией и внезапными смертями — очень похоже на твоего отца. Меня все это чертовски пугает, и я не имею ни малейшего представления, какой совет тебе дать.

— Ну, черная магия и внезапные смерти — моя забота, — заметил я. — Возможно, они даже слишком сильно влияют на мой образ мышления. Предполагается, что вы смотрите на вещи иначе, чем я, и способны обратить внимание на факты, мимо которых я прошел. Так чего же я не заметил?

Билл сделал глоток пива, снова зажег трубку.

— Ладно... Твой приятель Люк — откуда он?

— Ну, откуда-то со Среднего Запада, по-моему... Небраска, Айова, Огайо... что-то вроде этого.

— Хм-м, а чем занимается его отец?

— Он ничего не рассказывал.

— У него есть братья или сестры?

— Не знаю. Он ничего о них не рассказывал.

— А тебе не кажется это несколько странным?.. Твой друг ни разу не упомянул свою семью и за все восемь лет, что вы знакомы, никогда не называл города, в котором родился?

— Нет. Ведь я тоже не распространялся о подобных вещах.

— Это неестественно, Мерль. Ты вырос в необычном месте, о котором просто не можешь говорить. У тебя есть серьезные основания избегать этих вопросов и переводить разговор на другое. Похоже, что и у него тоже. А кроме того, когда ты сюда прибыл, ты же не знал, как ведут себя здешние люди. Неужели тебя никогда не удивляла скрытность Люка?

— Конечно, удивляла. Но он с уважением относился к моему нежеланию обсуждать некоторые темы. Можно сказать, что мы заключили нечто вроде молчаливого соглашения.

— А как ты с ним познакомился?

— На первом курсе университета, у нас часто совпадали лекции.

— И вы оба оказались в чужом городе, где у вас никого не было. Вы подружились с самого начала...

— Нет. Мы почти не разговаривали друг с другом. Я считал его высокомерным ублюдком, возомнившим о себе невесть что. Иными словами, мне он страшно не нравился, да и я ему тоже.

— Почему?

— А он думал то же самое про меня.

— Значит, прошло некоторое время, прежде чем вы сообразили, что ошибаетесь?

— Нет. Мы оба были совершенно правы. Мы стали пытаться вывести один другого на чистую воду. Если мне удавалось сделать что-нибудь... особенное, он старался превзойти меня. И наоборот. Мы дошли до того, что занимались одними и теми же видами спорта, назначали свидания одним и тем же девушкам, изо всех сил бились за высшие оценки.

— А потом?

— Где-то в процессе нашего соперничества возникло уважение. Когда мы оба вышли в олимпийский финал, что-то произошло. Мы вдруг принялись хлопать друг друга по спине и смеяться, а потом отправились вместе обедать и проговорили ночь напролет, и тогда он заявил, что ему на Олимпиаду глубоко наплевать. Я сказал, что и мне тоже. Люк просто хотел доказать, что он лучше, но теперь ему все равно. Он понял, что мы оба молодцы и его это вполне устраивает. Я чувствовал абсолютно то же самое и немедленно сообщил ему об этом. Именно тогда мы и стали друзьями.

— Бывает, — произнес Билл. — Такая немного странная дружба. Только в определенных областях.

Я рассмеялся и сделал глоток пива.

— А разве у других иначе?

— Лишь поначалу. Впрочем, порой так остается навсегда. Ничего ужасного в этом нет. Просто ваши отношения показались мне... ну, удивительными, что ли... не как у многих.

— Может быть, — медленно проговорил я.

— И все равно бессмыслица какая-то получается. Два парня становятся лучшими друзьями — и при этом не рассказывают друг другу о своем прошлом.

— Наверное, вы правы. И что же это означает?

— Ты ведь не обычный человек.

— Нет.

— Я думаю, Люк тоже.

— Ну и кто он в таком случае?

— А это уже твоя область.

Я кивнул.

— И еще, — продолжал Билл, — меня кое-что беспокоит.

— Что?

— Этот парень, Мартинес. Он последовал за вами, остановился, когда остановились вы, подкрался и открыл огонь. За кем он охотился? За обоими? Его интересовал Люк? Или, может быть, ты?

— Не знаю. Не могу сказать, в кого был сделан первый выстрел. А потом он стрелял в Люка — потому что Люк перешел в наступление, и Мартинесу пришлось защищаться.

— Точно. Если бы он был «Т» — или агентом «Т», — зачем бы ему тратить время на тот разговор с тобой в баре?

— У меня возникло ощущение, что он затеял его лишь ради своего последнего вопроса — знает ли Люк что-нибудь про Амбер.

— И твоя реакция навела его на мысль, что Люку что-то известно.

— Ну, похоже, кое-что он действительно слышал... судя по тому, что он сказал мне в самом конце.

— Но ведь Люк не из Амбера, верно?

— Ни разу о нем не слышал, когда жил там после войны. А уж лекций по генеалогии мне прочитали целую кучу. Мои родственники сильно напоминают кружок по рукоделию, когда дело доходит до наведения порядка в этих вопросах — они гораздо менее аккуратны, чем жители Владений Хаоса, — не могут даже решить, кто из них самый старший, поскольку некоторые родились в соседних временных потоках... Зато они очень тщательно...

— Хаос! Точно! У тебя ведь не очень нежные отношения с родственниками по той линии! А не может быть?..

Я покачал головой:

— Исключено. О тамошних семьях я знаю все до мельчайших подробностей. Думаю, я знаком практически со всеми, кто умеет манипулировать Тенями и путешествовать в них. Люк к их числу не относится и...

— Подожди минутку! Во Владениях Хаоса тоже есть люди, которые обладают способностью передвигаться в Тенях?

— Да. Или, оставаясь на месте, получать из них самые разные вещи. Ну, это как бы наоборот...

— Мне казалось, что только тот, кто прошел Огненный Путь, обладает этим даром?

— У них есть некое аналогичное место, они называют его Логрус. Это такой хаотический лабиринт. Постоянно меняю-

щийся. Очень опасный. Он даже способен на время нарушить баланс сознания. Оказаться там — мало радости.

— И ты с ним справился?

— Да.

— И с Огненным Путем тоже?

Я вспомнил, как это было, облизнул губы.

— Да. Он чуть меня не прикончил. Сухай думал, что я там погибну, а Фиона считала, что с ее помощью я смогу пройти. Я был...

— Кто такой Сухай?

— Мастер Логруса. А еще мой дядя. Ему представлялось, что Огненный Путь Амберов и Логрус Хаоса — вещи несовместимые, и я не смогу нести в себе образы того и другого. Рэндом, Фиона и Джерард показали мне Огненный Путь. Тогда я связался с Сухаем и дал ему посмотреть на него. Он сказал, что складывается впечатление, будто это две противоположные друг другу вещи, и я либо буду уничтожен, либо Огненный Путь постарается вырвать из меня образ Логруса — вероятнее всего первое. А Фиона заявила: Огненный Путь в состоянии перехитрить все что угодно, даже Логрус, а если она правильно понимает суть Логруса, он обладает способностью обходить любые препятствия, в том числе и Огненный Путь. Поэтому право решать оставили за мной, но я знал, что должен туда отправиться. Так я и сделал. И прошел через него. С тех пор во мне живут как образ Огненного Пути, так и образ Логруса. Сухай признал, что Фи была права и что, видимо, дело в моем смешанном происхождении. Впрочем, она с ним не согласилась...

Билл протестующе поднял руку:

— Минутку. Я не понимаю, как тебе удалось доставить дядюшку Сухая в Замок Амберов в тот момент, когда он тебе понадобился?

— Ах, это! У меня есть колода карт Хаоса, так же как и колода карт Амбера для родственников из Владений.

Билл покачал головой:

— Все это просто потрясающе интересно, но мы отвлеклись от темы нашего разговора. Кто-нибудь еще может пройти через Тени? Или есть иные способы это проделать?

— Их несколько. Например, некоторые волшебные существа вроде Единорога обладают способностью бродить везде, где только пожелают. Можно следовать за тем, кто пересекает Тень, или за волшебным существом, если ты в состоянии не потерять его из виду, — вне зависимости от того, кем ты сам являешься. Один такой проводник может вести за собой целую армию. Ну, еще не нужно забывать о жителях различ-

ных Теневых королевств, расположенных неподалеку от Амбера и Хаоса. Там рождаются сильные колдуны — благодаря тому, что они находятся рядом с этими средоточиями могущества. Некоторые из белых магов становятся настоящими специалистами, однако их представления о Логрусе и Огненном Пути несовершенны, поэтому им никогда не удается воссоздать настоящие образы, не отличающиеся от оригинала. Однако жители этих королевств не нуждаются в посвящении для того, чтобы проникнуть через границу в ту или иную Тень. Мы даже торгуем с ними. А по установленным маршрутам с каждым новым разом все легче и легче путешествовать. Зато труднее выбираться наружу. Известны случаи, когда сквозь Тени проходили большие армии. Именно по этой причине мы выставляем патрули. Джулиан в Арденах, Джерард у моря, и так далее.

— Что-нибудь еще?

— Ну, иногда случаются Теневые бури.

— А это что такое?

— Естественный, но не совсем понятный феномен. Пожалуй, похоже на тропический шторм — лучшего сравнения я придумать не могу. Согласно одной из теорий, буря возникает вследствие определенной частоты колебаний волн, исходящих из Амбера и Владений и влияющих на природу Теней. Как бы там ни было, когда такая буря начинается, она может пронестись через огромное количество Теней, прежде чем ее сила иссякнет. Иногда они являются причиной серьезных разрушений, иногда проходят почти бесследно. И довольно часто переносят разные предметы из одной Тени в другую.

— Включая людей?

— Бывает.

Билл допил свое пиво, и я последовал его примеру.

— А карты? — спросил он. — Можно научиться ими пользоваться?

— Да.

— Ну и сколько ходит по свету колод?

— Понятия не имею.

— Кто их делает?

— Во Владениях есть несколько специалистов. Я брал уроки у них. Ну и еще, конечно, Фиона и Блейз в Амбере — они, мне кажется, обучили Рэндома...

— Колдуны, о которых ты говорил, — те, что живут в соседних королевствах... в состоянии кто-нибудь из них нарисовать такую колоду?

— Да, но карты получатся несовершенными. Насколько я понимаю, нужно быть посвященным Огненным Путем или

Логрусом, чтобы все получилось как полагается. Кое-кто из них может сотворить грубо сработанную колоду, пользуясь которой рискуешь оказаться где-нибудь в лимбо[1] или вообще погибнуть. Впрочем, порой — по чистой случайности — попадаешь именно туда, куда тебе нужно.

— А карты, которые ты нашел в квартире Джулии?

— Были самыми настоящими.

— Как ты объясняешь их происхождение?

— Кто-то, умеющий их делать, объяснил кому-то другому, а тот смог научиться, только я про это ничего не слышал. И все тут.

— Понятно.

— Боюсь, не очень-то много пользы от моих ответов.

— Нет, они мне необходимы, чтобы обдумать ситуацию, в которую ты попал, — ответил Билл. — Я должен задавать вопросы. Хочешь еще пива?

— Подождите.

Я закрыл глаза и представил себе Логрус — вечно меняющийся, никогда не остающийся прежним. Я сформулировал свое желание, и две извивающиеся линии внутри образа стали ярче и плотнее. Тогда я осторожно пошевелил руками, повторяя их волнообразные движения. Постепенно линии и мои руки будто слились в единое целое; я раскрыл ладони и толкнул линии вперед — вперед сквозь Тени.

Билл негромко откашлялся.

— Э-э... что это ты такое делаешь, Мерль?

— Кое-что ищу, — ответил я. — Минутку.

Линии протянутся сквозь бесконечность Теней, пока не встретят предмет моего желания — или пока у меня не кончится терпение, или я устану и не смогу больше концентрироваться... В конце концов я почувствовал толчок, словно рыба клюнула на заброшенного в речку червяка.

— А вот и они, — сказал я и быстро схватил свою добычу.

В руках у меня появились две бутылки ледяного пива, и я передал одну из них Биллу.

— Вот что я имел в виду, когда говорил о путешествии сквозь Тени наоборот. — Сделав несколько глубоких вдохов, я продолжал: — Я попросил у Теней парочку бутылок пива. Чтобы вам не нужно было идти на кухню.

Он посмотрел на оранжевую этикетку с зеленой надписью на незнакомом языке.

[1] Лимбо — чистилище, место между раем и адом, забытое, заброшенное место (*рел.*).

— Что-то я не знаю этого сорта, — заявил он. — Не говоря уже о языке. А ты уверен, что его можно пить?

— Да, я заказал настоящее пиво.

— Хм-м, а тебе там по дороге открывалка не попадалась?

— Ой-ой-ой! — воскликнул я. — Прошу прощения, я...

— Да ладно, не огорчайся.

Он встал, сходил на кухню и вернулся через некоторое время с открывалкой в руках. Когда он откупорил первую бутылку, поднялась пена, и ему пришлось подержать бутылку над мусорной корзиной. То же самое произошло и со второй.

— Если быстро вытаскиваешь что-нибудь из Теней, такое случается, — проговорил я. — Обычно я добываю пиво другим способом и забыл...

— Все в порядке, — успокоил меня Билл и вытер руки платком. А потом попробовал пиво. — Вполне приличное. Интересно... да нет, не стоит.

— Что?

— А ты мог бы послать за пиццей?

— С чем предпочитаешь? — спросил я.

На следующее утро мы отправились на прогулку вдоль извивающегося ручья, на который натолкнулись позади владений соседа-фермера, который к тому же был клиентом Билла. Мы медленно шли вперед, Билл с палкой в руке и трубкой во рту продолжал задавать мне вопросы.

— Вчера ты мне кое-что сказал, но я не обратил на это внимания, поскольку меня больше интересовало другое. Ты упомянул, что вы с Люком вышли в финал Олимпиады и это положило конец вашему соперничеству?

— Да.

— В каком виде спорта?

— В нескольких видах легкой атлетики. Мы оба были бегунами и...

— Его результаты приближались к твоим?

— До противного. А иногда мои результаты приближались к его.

— Странно.

— Что?

Берег речушки стал круче, и мы по камушкам перешли на другую сторону, где ровная и утоптанная тропинка была на несколько футов шире.

— Как же он мог соперничать с тобой хоть в одном виде спорта? — удивился Билл. — Насколько мне известно, вы, жители Амбера, отличаетесь от обычных людей. Какой-то там

хитрый метаболизм делает вас более выносливыми, и вы обладаете способностью быстро восстанавливать силы. Как же так получилось, что Люк смог противостоять тебе во время спортивных соревнований на самом высшем уровне?

— Люк — отличный спортсмен и старается держать себя в форме, — объяснил я. — Он здесь не один такой; мне доводилось встречать очень сильных и быстрых людей.

Билл покачал головой, и мы некоторое время шли молча.

— Против этого я спорить не могу, — снова заговорил он. — Просто как-то уж слишком много получается совпадений. Этот парень, как и ты, скрывает свое прошлое, а потом выясняется, что ему о тебе все известно. Ну-ка скажи мне, а он большой любитель искусства?

— Безусловно. Мы частенько ходили в разные художественные галереи, да и на выставки музейных экспонатов тоже.

Билл фыркнул и поддал палкой камешек, который с громким всплеском ушел под воду.

— Ну, — задумчиво протянул он, — в каком-то смысле это выпадает из общей картины, но никоим образом ее не нарушает.

— Что-то я не понимаю...

— Мне показалось необычным, что он тоже был знаком с этим странным художником, специалистом по оккультным наукам. Впрочем, когда ты сказал, что парень был не без таланта, а Люк действительно собирал картины, мои сомнения несколько развеялись.

— Его же никто не заставлял говорить, что он знаком с Мелманом.

— Верно. Но все это да еще его исключительные физические данные... Улики, конечно, косвенные, однако у меня складывается ощущение, что твой Люк совсем не прост.

Я кивнул.

— После нашего вчерашнего разговора я раздумывал над твоими словами, — заявил Билл. В этом месте речка делала поворот, и он остановился, чтобы понаблюдать за какими-то птицами, которые с громкими криками взлетели над заболоченным противоположным берегом. — Давай на время забудем о предмете нашего разговора. Скажи-ка, а какое у тебя... э-э, ну, звание, что ли? — вдруг спросил он.

— В каком смысле?

— Ты сын одного из принцев Амбера. Как тебя величают?

— Вы имеете в виду титул? Я герцог Западных земель и граф Колвира.

— А это еще что такое?

— Я не являюсь принцем. И не стану интриговать или устраивать разные гнусности с целью захвата власти... тут ни у кого никаких опасений не может быть.

— Хм-м.

— Это как понимать?

— Я читал достаточно книг по истории, — пожав плечами, заявил Билл. — В подобных случаях никто не может чувствовать себя в безопасности.

Теперь плечами пожал я:

— На домашнем фронте все спокойно — так я, по крайней мере, слышал.

— Ну, это хорошая новость.

Еще несколько поворотов — и мы вышли на широкий песчаный берег, усыпанный мелкими камешками; он уходил примерно на тридцать футов вверх и соединялся с крутым обрывом семи или восьми футов высотой. Билл уселся в тени на камень и раскурил трубку. Я устроился неподалеку, и мы некоторое время наблюдали, как играет и искрится в лучах солнца вода. Здесь было очень тихо и как-то безмятежно.

— Хорошо, — сказал я немного погодя. — Красивое место.

— Угу.

Я бросил взгляд на Билла и обнаружил, что он смотрит на тропинку, по которой мы пришли.

— Что-нибудь не так? — шепотом спросил я.

— Немного раньше мне показалось, будто что-то промелькнуло, — так же шепотом ответил он. — Словно кто-то еще решил тут прогуляться — чуть позади нас. А потом я его потерял.

— Может, следует сходить и посмотреть?

— Вероятно, мне просто почудилось. День сегодня превосходный, наверняка не только нам захотелось здесь побродить. Я просто подумал, что, если мы на несколько минут присядем на берегу, таинственный незнакомец либо покажется, либо повернет в другую сторону.

— А вы можете его описать?

— Нет. Он лишь промелькнул пару раз. Вряд ли стоит из-за этого тревожиться. От твоей истории я стал что-то уж даже слишком нервным — настоящий параноик.

Я достал свою трубку, старательно набил ее и раскурил. Мы принялись ждать. Прошло минут пятнадцать. Никто так и не появился.

Билл поднялся, с удовольствием потянувшись, крякнул и сказал:

— Ложная тревога.

— Похоже на то.

Билл снова двинулся в путь, и я последовал за ним.

— А еще меня беспокоит эта дамочка, Джасра... У тебя, говоришь, сложилось впечатление, будто она появилась в комнате при помощи карт и что во рту у нее яд, от которого ты потерял сознание?

— Точно.

— Доводилось встречаться с подобной штучкой раньше?

— Нет.

— Предложения имеются?

Я покачал головой.

— А какое отношение ко всему происходящему имеет Вальпургиева ночь? Насколько я понимаю, определенная дата может иметь значение для человека с нездоровой психикой; или, например, в некоторых примитивных религиях особое внимание уделяется смене времен года. Однако твой «Т» кажется существом слишком высокоорганизованным, чтобы быть сумасшедшим. Что же касается того, другого...

— Мелман считал, что это важно.

— Да, но он увлекался подобной чепухой. Я не удивлюсь, если выяснится, что именно ему в голову пришла идея провести аналогию, причем не важно, соответствует она истине или нет. Он же признал, что его наставник ничего конкретного ему не говорил. Сам додумался. Впрочем, это уже твоя область. Можно ли приобрести особое могущество, убив человека королевской крови именно в этот день? Как ты думаешь? Или акция имеет какое-то свое, символическое значение?

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Однако есть множество вещей, о которых мне ничего не известно. Я еще очень молод по сравнению с остальными. Интересно, куда же заведут вас ваши рассуждения? Вы утверждаете, что не верите, будто в деле замешан псих, но и идея о Вальпургиевой ночи вас не впечатляет.

— Я и сам не знаю. Просто размышляю вслух. Оба эти предположения представляются мне какими-то несерьезными. Кстати, Французский Иностранный легион дает своим солдатам отпуск 30 апреля, чтобы они могли хорошенько набраться, а потом еще парочку дней на то, чтобы прийти в себя. Это годовщина сражения при Камероне — одна из их самых знаменитых побед. Только боюсь, в нашем случае французы ни при чем. А сфинкс?.. Зачем нужна карта, которая переносит тебя черт знает куда, там тебе задают идиотские вопросы, а за правильный ответ грозят откусить голову?

— Я думаю, именно это и входило в чьи-то планы.

— Меня посетили те же мысли. Тебе не кажется все это несколько экстравагантным? Знаешь, могу поклясться, что они все такие, эти карты, своего рода ловушки.

— Очень может быть.

Я засунул руку в карман и нащупал колоду.

— Не трогай, — остановил меня Билл. — Давай не будем напрашиваться на лишние неприятности. Может быть, вообще следует выбросить их или отложить на время. Давай спрячем карты в сейф у меня в конторе?

Я рассмеялся:

— Сейфы не такое надежное место, как вы думаете. Нет, спасибо. Я хочу, чтобы они были со мной. Возможно, найдется способ их проверить, не подвергаясь никакой опасности.

— Ну, по этой части ты — специалист, тебе виднее. Однако скажи-ка мне, а может что-нибудь мерзкое пробраться сюда через карту без твоего...

— Нет. Исключено, — перебил он меня. — Необходимо сосредоточиться, сконцентрировать внимание — и только тогда что-нибудь получится. Причем требуется приложить серьезные усилия.

— Ну, это уже кое-что. Я...

Мой старший друг снова оглянулся. Кто-то нас догонял. Я невольно напрягся.

Но Билл с облегчением выдохнул.

— Все в порядке, — успокоил он меня. — Я его знаю. Это Джордж Хансен. Сын парня, чью ферму мы недавно проходили. Привет, Джордж.

Джордж помахал нам рукой. Среднего роста, довольно плотный. Песочные волосы. В джинсах фирмы «Levi's» и футболке с надписью «Благодарные мертвые»[1], в кармашке левого рукава — пачка сигарет. На вид — лет двадцать.

— Привет, — ответил Джордж, подходя поближе. — Отличный денек, правда?

— Точно, — кивнул Билл. — Вот мы и решили немного прогуляться, вместо того чтобы сидеть дома.

Джордж посмотрел на меня.

— Я тоже, — проговорил он и прикусил нижнюю губу. — Просто чудесная сегодня погодка, ага.

— Это Мерль Кори. Он у меня гостит.

— Мерль Кори, — повторил Джордж и протянул мне руку. — Привет, Мерль.

Я пожал ему руку. Она была слегка влажной.

— Вспомнил имя?

— Хм-м... Мерль Кори... — снова произнес он.

[1] Популярная в 70—80-е годы американская рок-группа.

— Ты знал его отца.

— Правда? И то верно!

— Сэм Кори, — пояснил Билл и бросил на меня взгляд через плечо Джорджа.

— Сэм Кори!.. — выдохнул парнишка. — Вот это да! Рад с вами познакомиться. Вы долго здесь пробудете?

— Думаю, пару дней, — ответил я. — Я и не знал, что ты знаком с моим отцом.

— Хороший человек, — заявил Джордж. — А сами-то вы откуда?

— Из Калифорнии, решил немного попутешествовать.

— А куда направляетесь?

— Да вообще-то за границу.

— В Европу?

— Еще дальше.

— Звучит здорово. Я бы тоже хотел попутешествовать — когда-нибудь.

— Может, еще и представится случай.

— Кто знает. Ну ладно, мне пора идти. А вы гуляйте. Рад был с вами познакомиться, Мерль.

— Я тоже.

Он отступил на несколько шагов, помахал нам рукой и пошел прочь.

Я посмотрел на Билла и заметил, что его трясет.

— Что случилось? — удивился я.

— Я знаю мальчишку всю жизнь, — проговорил он. — Как ты думаешь, он принимает наркотики?

— Если и принимает, то не такие, от которых на руках остаются дырки. Я не заметил никаких следов. Да и вел он себя нормально.

— Да, только ты не знаешь его так, как я. Он мне показался очень... не таким. Я назвал твоего отца Сэмом нарочно, потому что заподозрил неладное. Изменилась его манера говорить, держаться, жестикулировать... Нечто неуловимое. Я ждал, что он меня поправит, и уже заготовил шутку насчет преждевременного склероза. Но он-то продолжил разговор так, будто ничего особенного не произошло. Мерль, меня это пугает! Он не мог забыть или перепутать имя твоего отца. Карл любил, чтобы во всем был порядок, но терпеть не мог пропалывать грядки и собирать листья. Когда Джордж учился в школе, он подрабатывал у него садовником. И должен это прекрасно помнить.

— Я не понимаю.

— Я тоже, — признался Билл. — И мне это совсем не нравится.

— Значит, Джордж вел себя странно... и вы решили, что он шел за нами?

— Да, теперь я почти уверен. Занятное совпадение, особенно если принять во внимание твое появление в наших краях.

Я повернулся:

— Пойду догоню его. И все выясню.

— Нет, не надо.

— Я его не обижу. Существуют разные способы узнать правду.

— Пусть лучше думает, будто сумел нас обдурить. Тогда он обязательно сделает или скажет что-нибудь такое, что впоследствии окажется для нас полезным. С другой стороны, если ты предпримешь некий шаг — пусть даже при помощи волшебных трюков — или станешь задавать хитроумные вопросы, он, или тот, кто за всем этим стоит, может сообразить, что мы его раскусили. Оставь все как есть и радуйся, что получил предупреждение.

— Разумно, — согласился я.

— Пошли домой; съездим в город и позавтракаем там. Мне нужно зайти в контору, забрать кое-какие бумаги и позвонить в несколько мест. А на два часа у меня назначена встреча с клиентом. Пока я буду занят, возьми машину и немного покатайся.

— Отлично.

На обратном пути я принялся размышлять. Я не все рассказал Биллу. Например, не было никакой необходимости сообщать ему, что на левом запястье я ношу невидимую удавку, которая обладает довольно необычными способностями. Вот одно из ее достоинств — она предупреждает обо всех гнусных намерениях, направленных против меня, как это бывало в присутствии Люка почти два года — пока мы не стали друзьями. Что бы ни являлось причиной странного поведения Джорджа Хансена, Фракир не почувствовала никакой опасности.

Впрочем, забавно... в том, как он говорил, как произносил слова, было что-то...

После завтрака Билл занялся своими делами, а я и в самом деле отправился покататься. Мне захотелось посмотреть на места, где много лет назад жил мой отец. Я пару раз проезжал мимо его бывшего дома, но никогда не бывал внутри. Думаю, потому что в этом не было необходимости.

Оставив машину у обочины дороги на холме, я принялся разглядывать усадьбу. По словам Билла, сейчас там поселилась молодая пара с детьми. Весьма похоже на правду — судя

по разбросанным повсюду игрушкам. «Интересно, — пришло мне в голову, — что бы я чувствовал, если бы вырос здесь». Со мной и такое могло произойти. Дом казался чистеньким, даже вылизанным. Наверное, эти люди счастливы.

А ведь я понятия не имею, где сейчас находится мой отец — если он вообще жив. Никто не может отыскать Корвина Кори даже при помощи его собственной карты. Впрочем, это ничего не доказывает. Есть несколько способов, позволяющих блокировать действие карты. Говорят, в его случае дело именно так и обстоит, хотя подобные мысли не доставляют мне удовольствия.

Ходили слухи, что отец сошел с ума во Владениях Хаоса, будто бы в результате проклятия, наложенного на него моей матерью, и теперь бесцельно бродит среди Теней. Она отказалась обсуждать со мной эту тему. А еще поговаривают, что он отправился в созданную им самим Вселенную, а потом там остался, именно поэтому никто и не может добраться до него при помощи карты. Иные любители поболтать утверждают: Корвин Кори погиб уже после того, как покинул цитадель, причем многие мои родственники из Владений Хаоса утверждают, что видели его живым и здоровым, когда он пускался в путь. Следовательно, если слухи о его смерти правдивы, произошло это не во Владениях Хаоса.

Кроме того, существует масса свидетелей, встречавших моего отца после этого в самых неожиданных местах, причем всякий раз он вел себя весьма необычно. Мне рассказывали, что якобы он путешествовал вместе с немой танцовщицей — миниатюрной очаровательной девушкой, с которой разговаривал на языке жестов, — а с остальными был молчалив и замкнут. Болтают, будто его видели в какой-то шумной забегаловке, где он, пьяный в стельку, разогнал всех посетителей, чтобы в одиночестве насладиться игрой паршивого оркестрика.

Я не мог бы поручиться за достоверность ни одного из подобных слухов. Впрочем, раздобыть даже эти, достаточно сомнительные сведения мне стоило большого труда. Я не смог найти отца при помощи призыва Логруса, хотя и прибегал к нему несколько раз. Правда, если Корвин Кори действительно где-то очень далеко, моих способностей может оказаться недостаточно.

Иными словами, я, как и все остальные, не имел ни малейшего представления, где, черт побери, находится мой отец, Корвин из Амбера. Я отчаянно об этом жалел, потому что единственная моя встреча с ним, которая длилась достаточно долго, произошла во время битвы в день падения Огненного

Пути, недалеко от Владений Хаоса, когда он рассказал мне длинную историю своей жизни. Моя же с тех самых пор изменилась. Тогда я твердо решил покинуть Хаос и, в надежде приобрести опыт и образование, поселился в одном из теневых миров, где он так долго жил. Я считал, что должен узнать Землю, если хочу понять своего отца. Думаю, кое-что мне удалось; может быть, даже больше, чем кое-что. Только вот его не было, и я не мог продолжить наш разговор.

Мне казалось, что я практически готов применить новый метод, который позволит мне найти отца — теперь, когда мой проект «Призрачное Колесо» почти реализован, — но я по уши вляпался в дерьмо. После путешествия по стране, которое привело бы меня к Биллу лишь через месяц или два, я намеревался отправиться в свое убежище, созданную лично мной аномалию, и приступить к работе.

Однако... у меня появились другие дела. Прежде чем вернуться к исследованиям, надо понять, что происходит.

Я медленно проехал мимо дома. Из открытого окна неслись звуки стереопроигрывателя. Лучше не знать, как там у них внутри все устроено. Пусть это останется для меня тайной.

Вечером, после обеда, я сидел рядом с Биллом на крылечке и пытался сообразить, что еще следует ему рассказать. У меня ничего не получалось, и в конце концов он сам возобновил нашу игру в вопросы и ответы.

— Знаешь, чудно как-то получается...

— Что?

— Дэн Мартинес привлек твое внимание, сказав, будто знает о попытках Люка найти инвесторов для какой-то компьютерной компании. Позже ты решил, что он затеял этот разговор исключительно, чтобы застать тебя врасплох и спросить про Амбер и Хаос.

— Именно.

— Но ведь Люк и в самом деле что-то говорил на эту тему — я имею в виду компьютерную компанию. Но заявил, что никогда не входил в контакт ни с кем из потенциальных инвесторов и никогда не встречал человека по имени Дэн Мартинес. А когда увидел его труп, от своих слов не отказался.

Я кивнул.

— В таком случае либо Люк лжет, либо Мартинес каким-то образом пронюхал про его планы.

— Сомневаюсь, что Люк меня обманул, — проговорил я. — По правде говоря, я немного обо всем этом подумал... еще

раз. Могу с уверенностью утверждать, что Люк не стал бы искать людей, которые согласились бы вкладывать деньги в нечто неопределенное. Пожалуй, он сказал правду. У меня складывается впечатление, что это единственное настоящее совпадение в череде событий, случившихся за последнее время. Мне кажется, Мартинес многое знал про Люка и хотел заполучить эту последнюю информацию — его интересовало, слышал ли Люк что-нибудь про Амбер и Владения Хаоса. Он был очень умен и на основании тех сведений, которые уже успел собрать, сочинил историю, показавшуюся мне вполне правдоподобной, — ему же было известно, что мы с Люком работали в одной и той же компании.

— Может быть, — сказал Билл. — А когда Люк на самом деле...

— У меня возникло подозрение, — перебил я его, — что и Люк сочинил свою историю.

— Не понимаю.

— Ну, совсем как Мартинес. И по той же самой причине — он хотел, чтобы она не вызвала у меня никаких подозрений, потому что надеялся выудить нужную информацию.

— Объясни-ка попонятнее. Какую информацию?

— Мой проект «Призрачное Колесо». Он спрашивал, что это такое.

— И был разочарован, когда ты ему сказал, что просто увлечен экзотическими разработками и не собираешься на их основе создавать компанию?

Я улыбнулся и кивнул, а Билл внимательно на меня посмотрел.

— Все не так просто? — догадался он. А потом добавил: — Подожди. Я хочу сам сообразить... Ты тоже лгал! Твой проект — вполне реальная вещь.

— Да.

— Видимо, мне не следует даже и спрашивать — правда, может быть, ты захочешь сам все рассказать, посчитав информацию важной. Только учти, если это нечто очень серьезное, я могу тебя выдать. Я плохо переношу боль. Так что подумай хорошенько.

Я последовал его совету и принялся размышлять. Прошло некоторое время.

— Мне трудно себе представить, — проговорил я наконец, — как это может оказаться... важным — так вы, по-моему, сказали? И уж, конечно, не для Люка или кого-то еще, поскольку никто, кроме меня, ничего про Призрачное Колесо не знает. Пожалуй, так тому и быть — не стану вас посвящать в эту тайну.

— Лично меня это вполне устраивает, — объявил Билл. — Ну хорошо, а теперь давай поговорим об исчезновении Люка.

Где-то в доме зазвонил телефон.

— Извини, пожалуйста, — сказал Билл, встал и направился на кухню. Через несколько секунд он повысил голос: — Мерль, это тебя.

Я поднялся и вошел в дом. Когда я удивленно на него посмотрел, Билл пожал плечами и покачал головой. Я попытался быстро вспомнить, где в доме находятся два других аппарата. Отчаянно жестикулируя, я, словно заправский мим, изобразил, что он должен взять телефонную трубку в своем кабинете и прижать ее к уху. Билл едва заметно улыбнулся и кивнул.

Я немного подождал, а когда услышал негромкий щелчок, заговорил, надеясь, что на другом конце подумают, будто я взял трубку параллельного телефона.

— Алло, — сказал я.

— Мерль Кори?

— Это я.

— Мне нужна кое-какая информация, которой, как я думаю, вы располагаете.

Мужской голос показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— А с кем я разговариваю?

— Извините. Не могу вам этого сказать.

— Что ж, тогда именно такой ответ вы получите и на свой вопрос.

— Может быть, все-таки позволите мне его задать?

— Валяйте, — разрешил я.

— Хорошо. Вы с Люком Рейнардом друзья.

В трубке замолчали.

— Можно сказать и так, — согласился я, исключительно чтобы заполнить паузу.

— Он говорил при вас о местах, которые называются Амбер и Владения Хаоса.

И опять это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Возможно.

— А вам что-нибудь о них известно?

Наконец-то вопрос.

— Возможно, — повторил я.

— Пожалуйста, это очень важно. Мне требуется нечто более определенное, чем «возможно».

— Извините. Вы не получите ничего, кроме «возможно», пока не скажете, кто вы такой и почему задаете столь необычные вопросы.

— Я могу оказаться вам полезным, если вы будете со мной откровенны.

Я успел вовремя захлопнуть рот, но сердце у меня отчаянно застучало, потому что последнюю фразу незнакомец произнес на тари. Я молчал.

А потом он проговорил:

— Ну хорошо, это не сработало, и я по-прежнему ничего не узнал.

— Что? Что вы не узнали?

— Кто из вас — вы или он — из тех мест.

— А вам-то какое до этого дело? — спросил я.

— Видимо, один из вас подвергается серьезной опасности.

— Который — тот, что оттуда, или другой? — задал я новый вопрос.

— Я не могу вам этого сказать. Потому что мне нельзя допустить еще одну ошибку.

— В каком смысле? И в чем заключалась предыдущая?

— Вы не отвечаете на мой вопрос. Либо вами двигает инстинкт самосохранения, либо вы стараетесь помочь другу.

— Такая вероятность тоже существует, — осторожно проговорил я. — Но ведь опасность может исходить и от вас, я же ничего не знаю.

— Поверьте, я только хочу помочь тому, кому нужно.

— Слова, слова, слова[1]... — проворчал я. — А если мы оба из тех мест?

— О, господи! — воскликнул незнакомец. — Нет. Это невозможно.

— Почему?

— Не важно. Что же мне сделать, чтобы вы мне поверили?

— Хм-м. Минутку, дайте-ка подумать... Хорошо. Ну, например, как насчет того, чтобы встретиться где-нибудь? Вы назовете место, я на вас посмотрю, и мы обменяемся информацией, по очереди выкладывая карты на стол.

Последовало короткое молчание, а потом он спросил:

— Только так?

— Да.

— Мне необходимо подумать. Я вам скоро перезвоню.

— Один маленький вопрос...

— Да?

— Если это я, мне сейчас угрожает какая-нибудь опасность?

— Думаю, да. Да. Скорее всего да. До свидания.

Он повесил трубку.

Мне удалось одновременно вздохнуть и выругаться, когда

[1] «Гамлет», II акт, сцена 2.

я укладывал трубку на место. Казалось, со всех сторон подступают люди, проявляющие к нам с Люком особый интерес.

— Как, черт подери, он пронюхал, что ты здесь, — уж не знаю, кто он такой? — спросил Билл.

— Я первый собирался задать этот вопрос. Постарайтесь придумать какой-нибудь другой.

— Пожалуйста. Если он назначит встречу, ты пойдешь?

— Естественно. Я же сам предложил, мне ужасно хочется посмотреть на этого типа.

— Не ты ли говорил, что опасность может исходить от него?

— Ну и что? Ему тоже придется несладко.

— Мне это не нравится.

— Думаете, я в восторге? Но лучшего предложения пока нет.

— Ладно, решать тебе. Жаль только, что нет никакого способа заранее взглянуть на твоего незнакомца.

— Мне подобные мысли уже приходили в голову.

— Слушай, а почему бы его немного не спровоцировать?

— Каким образом?

— Разговаривал он как-то нервно; мне кажется, его твое предложение обрадовало не больше, чем меня. Давай сделаем так, что нас не будет дома, когда он снова позвонит. Пусть не воображает, что ты сидишь возле телефона и с нетерпением ждешь от него известий. Помурыжим его немного. Иди надень что-нибудь приличное, проведем пару часиков в загородном клубе. Все лучше, чем устраивать набеги на холодильник.

— Отличная мысль, — согласился я. — В конце концов, я ведь собрался устроить себе каникулы — когда-нибудь. Боюсь, ничего более подходящего под это определение мне все равно придумать не удастся.

Я подровнял бороду, принял душ и переоделся, достав все необходимое из Тени. После этого мы поехали в клуб и не спеша поужинали на веранде. Был тихий теплый вечер, в небе сияла молочно-белая луна и сверкали звезды. Мы с Биллом договорились сделать перерыв и не обсуждать мои проблемы. Казалось, Билл знает в клубе всех — ну или почти всех. Я чувствовал себя прекрасно. Уже давно я не был так расслаблен и умиротворен, как в этот вечер. После ужина мы заглянули в бар клуба, чтобы немножко выпить; насколько я понял, отец частенько сюда захаживал. Из соседней комнаты доносились звуки танцевальной музыки.

— Да, это была отличная идея, — сказал я. — Спасибо.

— Не за что, — ответил Билл. — Мы с твоим стариком провели тут немало приятных минут. Кстати, ты случайно...

— Нет, о нем по-прежнему ничего не известно.

— Мне очень жаль.

— Я обязательно вам сообщу, если он объявится.

— Конечно. Прости.

На обратном пути никакие неприятности нас не поджидали и никто за нами не следил. Мы вернулись чуть позже полуночи, пожелали друг другу приятных сновидений, и я отправился прямо к себе в комнату, снял пиджак, повесил его в шкаф, после чего скинул новые ботинки и тоже убрал их. Когда я снова вошел в комнату, то заметил на подушке белый четырехугольник.

Я добрался до него в два прыжка и быстро схватил в руки.

«ЖАЛЬ, ЧТО ВАС НЕ БЫЛО ДОМА, КОГДА Я ЗВОНИЛ, — было написано на листочке большими печатными буквами. — Я ВИДЕЛ ВАС В КЛУБЕ И ПРЕКРАСНО ПОНИМАЮ, ЧТО ВАМ ХОЧЕТСЯ НЕМНОГО ОТДОХНУТЬ. У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ ИДЕЯ. ДАВАЙТЕ ВСТРЕТИМСЯ ТАМ, В БАРЕ, ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ, СКАЖЕМ, В ДЕСЯТЬ. Я БУДУ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ СЕБЯ ЧУВСТВОВАТЬ В ОКРУЖЕНИИ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ПЫТАЮТСЯ ПОДСЛУШАТЬ ЧУЖОЙ РАЗГОВОР».

Проклятие! Первой мыслью было пойти и сказать Биллу. Потом я подумал, что он вряд ли сможет что-нибудь по этому поводу сделать, только разнервничается и не заснет, а ему сон, как мне кажется, гораздо нужнее, чем мне. Поэтому я сложил записку и засунул в карман рубашки, которую повесил на спинку стула.

Даже самый паршивенький кошмар не оживил мой сон. Я спал крепко и совершенно спокойно, зная, что Фракир разбудит меня в случае опасности. По правде говоря, я даже встал позже обычного и чувствовал себя по этому поводу просто превосходно. Утро было солнечным, и птицы весело распевали свои песенки.

Я помылся, причесался, достал из Тени свежие брюки и рубашку и спустился вниз, на кухню. На столе меня ждала записка. Я вдруг подумал, что ужасно устал от записок, но эта была от Билла. В ней говорилось, что ему пришлось поехать в город, в свой офис, по каким-то там делам, а я вправе взять в

холодильнике все, что посчитаю возможным использовать в качестве завтрака. Он писал, что вернется не поздно.

Я заглянул в холодильник и нашел там английские пончики, кусок дыни и апельсиновый сок. Кофе, который я поставил вариться первым делом, уже был готов к тому моменту, когда я закончил есть. Поэтому я взял чашку и вышел на крыльцо.

Я сидел и размышлял о том, не сочинить ли и мне записочку, а самому пуститься в путь. Мой таинственный корреспондент — вполне возможно, «Т» — один раз сюда позвонил и один раз забрался в дом. Как он узнал, что я здесь, не существенно. Билл мой друг, и, хотя я не имею ничего против того, чтобы делиться с друзьями своими неприятностями, мне не нравится подвергать их опасности. Впрочем, сейчас утро, а встреча назначена на вечер. До момента, когда будет принято какое-нибудь решение, осталось ждать совсем немного. Глупо уезжать сейчас. Пожалуй, стоит остаться — на случай, если что-нибудь сегодня произойдет, тогда я смогу защитить Билла...

Внезапно в моем мозгу родилась весьма неприятная картина — некто под дулом пистолета заставляет Билла написать записку, а потом забирает его в качестве заложника в надежде вынудить меня ответить на все вопросы.

Я быстро вернулся на кухню и позвонил Биллу в контору. После второго гудка трубку снял Гораций Крейпер, его секретарь.

— Привет, это Мерль Кори. Мистер Рот на месте?

— Да, — ответил Гораций, — но сейчас он занят с клиентом. Сказать, чтобы перезвонил вам?

— Нет, ничего срочного, мы договорились встретиться чуть позже. Не отвлекайте его. Спасибо.

Я налил себе еще одну чашку кофе и вернулся на крыльцо. Да, надо сказать, события последних дней плохо влияют на мою нервную систему. Я решил, что все равно уеду, даже если сегодня вечером ничего не прояснится.

Из-за дома появился человек.

— Привет, Мерль.

Джордж Хансен. Фракир начала едва заметно пульсировать, словно собиралась предупредить меня об опасности, но потом передумала. Странно. Очень необычное поведение.

— Привет, Джордж. Как дела?

— Неплохо. А мистер Рот дома?

— Боюсь, что нет. Уехал в город. Думаю, к ленчу вернется.

— Понятно. Несколько дней назад он попросил меня зайти, когда я буду свободен, сказал, что у него есть работа.

Джордж подошел поближе и поставил одну ногу на ступеньку.

Я покачал головой:

— Ничем не могу тебе помочь. Мне он ничего про это не говорил. Приходи попозже.

Он кивнул, вытащил пачку сигарет, достал одну, закурил и вернул пачку на место. На этот раз на футболке красовалась надпись «Пинк Флойд».

— Ну, как вам тут отдыхается? — спросил Джордж.

— Отлично. Хочешь кофе?

— Можно.

Я поднялся и вошел в дом.

— Немного сливок и сахара, — крикнул он мне вслед.

Я сделал ему кофе, а когда вернулся, Джордж уже устроился на втором стуле, стоящем на крыльце.

— Спасибо.

Он сделал глоток, а потом заявил:

— Я знаю, что вашего отца зовут Карл, хотя мистер Рот сказал «Сэм». Наверное, он просто забыл.

— Или оговорился, — предположил я.

Джордж улыбнулся.

Почему меня настораживает его манера разговаривать? Не исключено, что именно этот голос я вчера слышал по телефону, хотя человек, позвонивший мне, произносил слова очень осторожно и медленно, сделав все, чтобы его невозможно было узнать. Впрочем, беспокоило меня другое.

— Ваш отец — отставной офицер, не так ли? И что-то вроде консультанта в правительстве?

— Да.

— А где он сейчас?

— Путешествует... на другом континенте.

— А вы собираетесь с ним встретиться?

— Надеюсь.

— Да, здорово будет. — Джордж затянулся сигаретой, потом отпил еще немного кофе. — Отличный кофе!.. Мне кажется, я раньше вас не видел, — неожиданно добавил он. — Вы не жили с отцом, верно?

— Нет, я вырос с матерью и другими родственниками.

— Далеко отсюда, да?

Я кивнул:

— На другом континенте.

— А как ее звали?

Я ему чуть не сказал. Не знаю почему. Однако успел изменить имя на «Дороти», прежде чем настоящее сорвалось с языка.

Я бросил на парня короткий взгляд и заметил, как Джордж поджал губы. Он очень внимательно на меня смотрел, когда я отвечал на его вопрос.

— А почему тебя это интересует?

— Никакой особой причины. Врожденное любопытство. Про мою мать в городе любили рассказывать самые разные истории. — Джордж рассмеялся и залпом допил кофе. — Вы тут надолго задержитесь?

— Трудно сказать. Видимо, не очень.

— Надеюсь, вы хорошо проведете время.

Он поставил чашку на ограду, встал, потянулся и проговорил:

— Приятно было с вами поболтать. — Не дойдя до конца лестницы, остановился и добавил: — У меня такое ощущение, что вам предстоит дальняя дорога. Удачи!

— Может быть, и ты когда-нибудь отправишься в путешествие, — утешил я его. — Ты ловко манипулируешь словами.

— Спасибо за кофе. Еще увидимся.

— Конечно.

Парень завернул за угол и скрылся из виду.

Интересно, как все это понимать?.. После нескольких бесплодных попыток разобраться я сдался. Когда вдохновение молчит, разум быстро утомляется.

Я намазывал себе бутерброд, когда вернулся Билл, поэтому, пока он переодевался, я сделал два.

— Предполагается, что я в отпуске, — сказал он, принявшись за еду, — но это был старый клиент, у которого возникло срочное дело, я не мог ему отказать. Может, прогуляемся вдоль реки, только сегодня в другую сторону?

— Давайте.

Когда мы шли по полю, я рассказал о визите Джорджа.

— Нет, — удивился Билл, — я не говорил, что у меня есть для него работа.

— Иными словами...

— Думаю, он хотел побеседовать с тобой. Из их дома прекрасно видно, когда я уезжаю.

— Интересно, что ему было нужно.

— Если это достаточно серьезно, в конце концов он сам тебя спросит.

— Время уходит. Я решил уехать завтра утром или даже сегодня вечером.

— Почему?

Мы вышли на берег реки, и я поведал Биллу о вчерашней

записке, о назначенной на сегодня встрече и о том, какие чувства пробуждает во мне перспектива его гибели от случайного — или намеренного — выстрела.

— Может быть, все не настолько трагично, — начал Билл.

— Я уже принял решение. Мне жаль уезжать, мы давно не виделись, но я не рассчитывал, что дело примет такой оборот. Проблемы и неприятности покинут эти места вслед за мной.

— Однако...

Мы еще некоторое время препирались, потом прекратили дискуссию и снова занялись бесплодным обсуждением моей головоломки. Я время от времени оглядывался; вроде бы за нами никто не следил. Какие-то звуки доносились из кустов на противоположном берегу, но их вполне могли издавать потревоженные звери или птицы.

Мы гуляли около часа, когда я почувствовал предостережение — кто-то взял мою карту. Я замер на месте.

Билл остановился и повернулся ко мне:

— Что...

Я поднял руку.

— Меня вызывают по междугородному, — пояснил я.

В следующее мгновение контакт был установлен. И я снова услышал шум в кустах, на противоположном берегу реки.

— Мерлин!

Я узнал Рэндома — он сидел в библиотеке Амбера.

— Да?

Образ стал четким и совсем реальным, словно я смотрел сквозь дверной проем в соседнюю комнату. Но одновременно я видел и все, что меня окружало, хотя эта картина становилась все более размытой и как бы удалялась от меня. Из кустов, росших на другой стороне реки, выскочил Джордж Хансен и уставился на меня.

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся в Амбер, — заявил Рэндом.

Джордж двинулся вперед, разбрызгивая воду, бросился в реку.

Рэндом протянул руку.

— Иди сюда, — сказал он.

В этот момент очертания моего тела, видимо, начали мерцать, и я услышал, как Джордж крикнул:

— Стойте! Подождите! Я должен последовать за...

Я протянул руку и ухватил Билла за плечо.

— Я не могу оставить вас с этим сумасшедшим, — объяснил я ему. — В путь!

Другой рукой я уцепился за руку Рэндома.

— Ладно, — сказал я и сделал шаг вперед.

— Подождите! — взревел Джордж.

— Так я тебя и послушал! — усмехнулся я, и мы оставили его цепляться за пустоту.

Глава 7

У Рэндома сделался весьма озадаченный вид, когда мы с Биллом появились в библиотеке. Он встал — впрочем, ему это не очень помогло, он все равно был ниже нас обоих — и уставился на Билла.

— Мерлин, кто это?

— Твой адвокат, Билл Рот, — ответил я. — В прошлом ты всегда имел с ним дело через посредников. Вот я и подумал...

Билл уже начал опускаться на одно колено.

— Ваше величество, — начал было он, но Рэндом схватил его за плечи.

— Оставьте эти глупости! Мы же не при дворе. — Он крепко пожал Биллу руку, затем предложил: — Называйте меня Рэндом. Я давно хотел поблагодарить вас лично за работу, которую вы проделали с договором. Только вот все никак не мог собраться. Рад с вами познакомиться.

Мне еще ни разу не доводилось видеть Билла таким растерянным; он не знал, что сказать, и просто пялился на Рэндома, комнату и в окно, выходящее на далекую башню. Наконец, некоторое время спустя, он прошептал:

— Это настоящий...

— Мне показалось или вас действительно кто-то хотел догнать? — спросил меня Рэндом и попытался пригладить свои непослушные каштановые волосы. — Надеюсь, последние слова, которые ты произнес, были адресованы не мне?

— У нас возникла небольшая проблема, — ответил я. — Именно по этой причине я и прихватил с собой Билла. Видишь ли, кто-то пытается меня убить и...

Рэндом поднял руку:

— Подожди, пока — никаких подробностей. Они мне понадобятся позже, но... пусть это будет потом. У нас происходят отвратительные события, и твои проблемы могут быть с ними связаны. Однако мне нужно немного отдышаться.

Только тут я заметил на его лице — лице молодого человека — глубокие морщины. Значит, дядюшку что-то очень сильно беспокоит.

— А в чем дело?

— Кейн умер. Его убили, — ответил Рэндом. — Сегодня утром.

— Как это произошло?

— Он отправился в Тень Дейга — дальний порт, с которым мы торгуем. Вместе с Джерардом — они должны были перезаключить старую торговую сделку. Его застрелили. Прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно.

— А лучника поймали?

— Лучника!.. Черт побери, его убил человек, который засел на крыше с винтовкой. И ему удалось скрыться.

— Мне казалось, от пороха здесь мало проку.

Рэндом только вскинул руки:

— Может быть, Дейга находится слишком далеко отсюда... Кстати, твой отец однажды обнаружил смесь, которая у нас действовала.

— Точно. Я забыл.

— Так вот, похороны завтра...

— Билл! Мерлин!

Моя тетушка Флора — которая отвергла все предложения Россетти[1], в том числе и стать у него моделью, — вошла в комнату. Высокая, стройная и загорелая, она бросилась к Биллу и поцеловала его в щеку. Мне еще ни разу не доводилось быть свидетелем того, как он краснеет. Со мной Флора проделала то же самое, однако меня это тронуло меньше, чем Билла, поскольку я вспомнил, что когда-то она была тюремщицей моего отца.

— Когда вы прибыли? — И голос у Флоры был необыкновенно красив.

— Только что.

Она немедленно схватила нас обоих за руки и попыталась увести за собой.

— Нам столько всего нужно обсудить!

— Флора! — остановил ее Рэндом.

— Слушаю тебя, брат!

— Можешь показать мистеру Роту наши владения, но Мерлин мне нужен здесь.

Она надула губки, сделала недовольный вид и выпустила мою руку.

— Вот теперь вы, наверное, поймете, что такое абсолютная монархия, — заявила Флора, обращаясь к Биллу. — Видите, как портит власть.

— Я был испорчен еще до того, как получил власть, — проговорил Рэндом, — и могу точно сказать, что быть богатым лучше. Оставь нас, сестра.

[1] Россетти Данте Габриел (1828—1882) — английский живописец и поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

Флора фыркнула и увела Билла.

— У нас всегда становится намного тише, когда она находит себе дружка в какой-нибудь Тени, подальше отсюда, — заметил Рэндом. — К сожалению, на этот раз Флора провела с нами почти целый год.

Я сочувственно пощелкал языком.

Рэндом махнул рукой в сторону стула, и я уселся. А он подошел к горке.

— Хочешь вина?

— Не возражаю.

Дядюшка наполнил два бокала, отдал один из них мне, после чего устроился напротив, так что теперь нас разделял небольшой столик.

— Сегодня днем кто-то, в другой Тени, стрелял в Блейза, который прибыл в дружеское королевство с дипломатической миссией, — сказал Рэндом. — Ранил, но не слишком серьезно. Нападавший сбежал.

— Ты думаешь, это один и тот же человек?

— Конечно. Тут раньше снайперов не водилось. И вдруг появляются сразу два? Наверняка один и тот же. Или один и тот же заговор.

— Есть какие-нибудь улики?

Рэндом покачал головой и сделал глоток вина.

— Я хотел поговорить с тобой наедине, прежде чем до тебя доберутся остальные. Я считаю, что ты должен знать две вещи.

Я потягивал вино и ждал.

— Первое: меня все это по-настоящему пугает. Покушение на Блейза показало, что дело не в личных проблемах, касающихся одного Кейна. Кто-то заимел против нас зуб — или, по крайней мере, против некоторых из нас. А теперь еще и ты говоришь, будто тебя хотят убить.

— Не знаю, существует ли тут связь...

— Я тоже не знаю. Но мне это не нравится. Больше всего я боюсь, что за этими событиями стоит кто-то из своих.

— Почему?

Рэндом сердито посмотрел в свой бокал.

— Вот уже многие века личная месть является у нас единственным способом разрешения внутрисемейных противоречий. Необязательно она приводит к смерти — хотя такая возможность, естественно, существует, — но плетутся хитроумные интриги с целью поставить в щекотливое или достаточно сложное положение, искалечить или отправить в ссылку противников, чтобы упрочить собственное положение. Эти развлечения достигли апогея в борьбе за корону. Впрочем, я считал, что страсти улеглись, когда получил эту должность, к ко-

торой никогда не рвался. Я не стремился к собственной выгоде и старался действовать справедливо — отлично знаю, какие здесь все обидчивые. Уверен, что и сейчас дело не во мне или в борьбе за наследование. У меня со всеми прекрасные отношения. Думаю, родственники решили, что я являюсь меньшим злом — по сравнению с тем, что могло бы быть, — и во всем мне помогают. Вряд ли кто-то возжелал получить мою корону. После того как я взошел на трон, все ведут себя мирно и доброжелательно. Только вот я начинаю думать, что привычка дает себя знать и кому-то пришло в голову поиграть в старые игры, надеясь таким образом отомстить за личные обиды. Я и в самом деле не хочу, чтобы это произошло, — мне худо от одной только мысли, что к нам снова вернутся подозрительность, недоверие, интриги, намеки, обманы и предательство. Мы становимся от этого слабее, а возникновение ситуации, когда нам будет необходимо объединить свои силы, никто исключить не может. Так вот, я переговорил со всеми по очереди, наедине, и, естественно, все до единого утверждают, что ничего не ведают ни про какие новые заговоры, интриги и вендетты. И все же я вижу — они с опаской поглядывают друг на друга, подозрительность растет. Возвращается привычный образ мышления. Причем каждый с легкостью вспомнил, что у всех были причины затаить зло против Кейна, и это несмотря на то, что он спас наши задницы, когда разобрался с Брэндом. И то же самое с Блейзом — любой мог бы отыскать повод с ним поквитаться.

— Поэтому ты хочешь разоблачить убийцу быстро — тебе не нравится, как он воздействует на моральный дух?

— Конечно. Меня совсем не устраивает, когда все шушукаются и ищут возможные мотивы убийства за спиной друг у друга. В такой ситуации моментально возникнут настоящие заговоры и интриги — мы и опомниться не успеем, как нас снова засосет эта трясина и какое-нибудь незначительное разногласие приведет к вспышке ярости и насилию.

— А как ты думаешь, это кто-то из своих?

— Черт побери! Я точно такой же, как и они. Становлюсь подозрительным просто так, по привычке. Вполне возможно, это кто-то из своих, только у меня нет ни единой улики.

— А кто еще это может быть?

Рэндом скрестил ноги, выпил немного вина.

— Проклятие! Наши враги — имя им легион![1] Но у большинства кишка тонка. Они же все знают, что их ждет, если мы выведем их на чистую воду.

[1] Переделанная цитата из Библии. 5:9. Евангелие от Марка. «И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много».

Дядюшка сцепил руки на затылке и принялся внимательно разглядывать ряды книг.

— Не знаю, как это лучше сказать, — начал он спустя некоторое время, — только я должен...

Я молча ждал, и тогда он выпалил:

— Поговаривают о Корвине, но я не верю.

— Нет, — тихо возразил я.

— Я же сказал, что не верю. Твой отец много для меня значит.

— А почему другие поверили?

— Ходят слухи, что он сошел с ума. До тебя ведь эти слухи тоже наверняка дошли. А что, если он вернулся к своему прошлому образу мышления, когда его отношения с Кейном и Блейзом были совсем не сердечными — как, впрочем, и с любым из нас? Так наши родственники объясняют свои подозрения.

— Это невозможно.

— Я только хотел, чтобы ты был в курсе, какие ходят разговоры.

— Не советую никому посвящать меня в эти сплетни.

Рэндом вздохнул:

— Ну, хоть ты-то не начинай. Пожалуйста. Все страшно расстроены. Зачем напрашиваться на неприятности?

Я сделал глоток вина.

— Да, ты прав.

— А теперь придется выслушать твою историю. Давай выкладывай, усложняй мою жизнь еще больше.

— Ну хорошо. По крайней мере новости у меня самые свеженькие.

Я доложил ему все в подробностях; к тому моменту, когда я закончил, уже начало темнеть. Рэндом перебивал меня лишь затем, чтобы что-нибудь уточнить, и не стал пускаться в изучение случайных совпадений, как это делал Билл.

Когда я замолчал, дядюшка поднялся и зажег несколько масляных ламп. Мне казалось, я слышу, как ворочаются мозги у него в голове. Наконец он сказал:

— Нет, не знаю, какое отношение ко всему этому имеет Люк. Когда я о нем думаю, у меня не возникает никаких ассоциаций. А вот ядовитая дамочка немного беспокоит. Такое ощущение, что я когда-то слышал о похожих на нее существах, только не помню, при каких обстоятельствах. Ничего, потом всплывет. А что такое «Призрачное Колесо»? Объясни-ка поподробнее.

— Конечно. Только я упустил одну деталь.

— Да?

— Я изложил тебе все точно так же, как когда разговаривал с Биллом. По правде говоря, то, что я совсем недавно рассказывал свою историю, послужило чем-то вроде репетиции. Но я не сообщил Биллу одну вещь, которую посчитал тогда несущественной. Я бы вообще о ней забыл в свете последних событий, если бы мы не заговорили о снайпере — ты сказал, что Корвин изобрел заменитель пороха, который действует здесь.

— Можешь мне поверить, об этом вспомнили все.

— У меня в кармане лежат два патрона, которые я подобрал на развалинах склада, где у Мелмана была студия.

— И что?

— В них нет пороха. Какое-то розовое вещество — которое даже гореть не хочет. По крайней мере в той Тени, которая называется Землей...

Я вытащил один патрон.

— Похоже на тридцатый калибр, — заявил Рэндом.

— Похоже.

Дядюшка встал и потянул за плетеный шнур, висевший рядом с одной из книжных полок. В тот момент, когда он вернулся на свое место, в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул он.

Вошел слуга в ливрее, молодой светловолосый парень.

— Быстро, — прокомментировал его появление Рэндом.

У слуги сделался озадаченный вид.

— Я не понимаю, ваше величество...

— А чего тут понимать? Я позвонил. Ты появился.

— Сир, я прислуживал в комнатах. Меня послали сказать вам, что обед готов, его подадут, как только вы прикажете.

— Передай, что скоро приду. Как только переговорю с человеком, за которым посылал.

— Хорошо, сир.

Слуга быстро поклонился и, не поворачиваясь к Рэндому спиной, вышел.

— Я и подумал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — проворчал Рэндом.

Некоторое время спустя появился другой слуга, старше и не так элегантно одетый, как первый.

— Рольф, сбегай в оружейную, — приказал Рэндом. — Попроси того, кто там сегодня дежурит, просмотреть коллекцию винтовок, которые Корвин привез в Колвир в тот день, когда умер Эрик. Пусть попытается разыскать для меня тридцатый калибр, желательно в хорошем состоянии. Оружие необходимо почистить, а потом принесешь сюда и поставишь в уголке. Мы сейчас идем обедать.

— Тридцатый калибр, сир?

— Точно.

Рольф ушел, а Рэндом встал на ноги и потянулся. Затем положил в карман мои патроны и махнул рукой в сторону двери:

— Пошли поедим чего-нибудь.

— Отличная мысль.

За обеденным столом нас было восемь: Рэндом, Джерард, Флора, Билл, Мартин, которого вызвали в начале дня, Джулиан, недавно прибывший из Арден, Фиона — она тоже только что вернулась откуда-то издалека — и я. Бенедикта ждали утром, а Ллевеллу немного позже, сегодня вечером.

Я сидел по левую руку от Рэндома, Мартин — по правую. Мы с Мартином давно не виделись, и мне было страшно интересно, что он все это время делал. Однако атмосфера обеда не способствовала легкой беседе, она вообще не способствовала никакой беседе. Как только кто-то открывал рот, все остальные мгновенно изображали интерес, гораздо более живой, чем диктовали правила приличия. Меня это нервировало и, думаю, Рэндома тоже, потому что он приказал позвать Дроппу Ма-Панцу, придворного шута, надеясь, что тот сможет заполнить напряженные паузы.

Сначала Дроппе пришлось туговато. Он начал жонглировать едой, проглатывая все, что оказывалось в опасной близости от его рта, затем вытер губы позаимствованной у кого-то салфеткой и принялся потешаться над всеми нами по очереди. После этого он исполнил номер, который показался мне невероятно забавным.

Билл, сидевший слева от меня, тихонько прокомментировал его выступление:

— Моих знаний тари вполне хватает, чтобы понять почти все, что он говорит. Это же schtick[1] Джорджа Карлина! Каким...

— Ах, это! Как только шутки Дроппы устаревают и перестают быть смешными, Рэндом посылает его в самые разные клубы Теней, — пояснил я, — для сбора нового материала. Насколько я понял, он частенько бывает в Вегасе. Рэндом

[1] Действие или трюк, представляющий собой особенность актера (*идиш*).

иногда наведывается туда вместе с ним, чтобы поиграть в карты.

Через некоторое время за столом зазвучал смех, и обстановка несколько разрядилась. Когда Дроппа сделал перерыв, чтобы промочить горло, тут и там возникли отдельные разговоры, не привлекающие всеобщего внимания.

Чья-то сильная ручища опустилась мне на плечо из-за спины Билла.

— Мерлин, — сказал Джерард, — я рад тебя видеть! Послушай, как только у тебя появится возможность, я хотел бы побеседовать с тобой наедине.

— Конечно, — ответил я, — только нам с Рэндомом нужно кое-что проверить после обеда.

— Как только у тебя появится возможность, — повторил он.

Я кивнул.

Через несколько мгновений я почувствовал, что кто-то пытается войти со мной в контакт при помощи карты.

— Мерлин!

Фиона. Но ведь она сидит на другом конце стола...

Ее образ стал четким, и я ответил:

— Да?

А потом посмотрел в ее сторону и увидел, что она внимательно разглядывает свой платок. Она подняла голову, улыбнулась мне и кивнула.

Я продолжал удерживать ее образ и услышал, как она сказала:

— Я не хочу говорить вслух по целому ряду причин. Не сомневаюсь, что тебя после обеда сразу уведут, но нам необходимо прогуляться или покататься на лодке на каком-нибудь пруду, а еще лучше воспользоваться картами и посетить Кабру. И как можно скорее. Ты понял?

— Понял, — ответил я. — Я с тобой свяжусь.

— Отлично.

Фиона прервала контакт и сложила платок, при этом делая вид, будто изучает содержимое своей тарелки.

Рэндом не стал задерживаться за столом, быстро поднялся на ноги, пожелал всем спокойной ночи и жестом приказал Мартину и мне последовать за ним.

Джулиан был рядом со мной, когда мы выходили. Изо всех сил стараясь выглядеть беззаботным, он шепнул:

— Нам надо обязательно отправиться верхом в Ардены. И поскорее.

— Прекрасная идея, — сообщил я ему. — Я с тобой свяжусь.

Мы покинули столовую.

Флора отловила меня в холле. Она по-прежнему не отпускала от себя Билла.

— Навести меня вечером, выпьем чего-нибудь на ночь, — предложила тетушка, — перед тем как ложиться спать. Или приходи завтра к чаю.

— Спасибо, — поблагодарил я ее. — Обязательно зайду. Но вот когда — зависит от того, как будут разворачиваться события.

Флора кивнула и одарила меня улыбкой, которая в прошлом явилась причиной нескольких дуэлей и кризиса на Балканах. Затем мы разошлись в разные стороны.

Когда мы поднимались по лестнице в библиотеку, Рэндом спросил:

— Теперь все?

— Это в каком смысле? — удивился я.

— Уже все договорились с тобой о встрече?

— Ну, в неявной форме — да.

Он рассмеялся:

— Я и не надеялся, что они станут терять время попусту. Наши любимые родственники сообщат тебе свои предположения и расскажут, кого подозревают в том, что происходит. Можешь начать коллекционировать разные точки зрения. Вдруг пригодится в будущем? Кроме того, все ищут союзников — ты вполне подходишь для этой роли.

— Знаешь, я с удовольствием с ними пообщаюсь. Мне только не нравится повод.

Наверху Рэндом махнул рукой в сторону библиотеки.

— Куда это мы идем? — спросил Мартин.

Мартин был похож на Рэндома, только выше ростом, да и казался не таким хитрым. И все же его нельзя было назвать крупным парнем.

— За винтовкой, — ответил Рэндом.

— Да? А зачем она нам?

— Я хочу проверить патроны, которые прихватил с собой Мерлин. Если ими можно стрелять, значит, в нашей жизни возникло дополнительное осложнение.

В библиотеке по-прежнему горели масляные светильники. Винтовка стояла в углу, и Рэндом, вынув из кармана патрон, зарядил ее.

— Ну хорошо. На чем будем проверять? — Потом снова вышел в холл и огляделся по сторонам. — Вот! То, что нужно!

Он приложил винтовку к плечу, прицелился в доспехи, стоящие у противоположной стены, и нажал на курок. Послышался выстрел, зазвенел металл.

— Проклятие! — воскликнул Рэндом. — Сработало! Ну за

что все это мне, Единорог?! Я же мечтал только об одном — о мирном правлении.

— Можно, отец? — спросил Мартин. — Мне всегда хотелось попробовать.

— А почему бы и нет? — ответил Рэндом. — У тебя ведь есть еще, Мерлин?

— Да, — сказал я, нащупал в кармане два патрона и передал их Рэндому. — Один из них, наверное, не сработает. Он случайно попал к тем двум.

— Ладно.

Рэндом взял оба, зарядил один, передал Мартину винтовку и принялся объяснять ему, что нужно делать. Вдалеке прозвучал сигнал тревоги.

— Скоро нас навестит вся дворцовая стража, — заметил я.

— Отлично, — обрадовался Рэндом, когда Мартин поднял винтовку к плечу. — Небольшие учения, максимально приближенные к жизни, никогда не бывают вредными.

Винтовка рявкнула, и доспехи зазвенели во второй раз. У Мартина сделался озадаченный вид, и он быстро передал оружие Рэндому. Дядюшка, взглянув на патрон в руке, пожал плечами:

— Какого черта!..

И зарядил последний — третий, а потом выстрелил не глядя.

Раздался грохот. Как раз в этот момент стража добралась до верхней площадки лестницы.

— Видимо, причина в том, что я веду неправильный образ жизни, — объявил Рэндом.

После того как дядюшка поблагодарил стражников за быструю реакцию на организованные им учебные стрельбы, а я услышал возмущенный шепот о том, что король скорее всего спятил, мы вернулись в библиотеку, и Рэндом задал мне вопрос.

— Я обнаружил третий патрон в кармане куртки Люка, — ответил я и объяснил, при каких обстоятельствах.

— Выходит, нам больше нельзя игнорировать таинственного Люка Рейнарда, — проговорил Рэндом. — Ну-ка расскажи мне, что, по-твоему, там произошло.

— Здание сгорело дотла, — начал я. — Наверху жил Мелман, который намеревался принести меня в жертву. Внизу располагались «Склады Брутуса». Там, по всей видимости, хранилась подобная амуниция. Люк признался, что знаком с Мелманом. Я не имел ни малейшего понятия, что существует связь между Брутусом и боеприпасами. Однако тот факт, что

они находились в одном и том же здании, на мой взгляд, вряд ли можно рассматривать как простое совпадение.

— Если их выпускают в таком количестве, что требуются склады, значит, у нас серьезные неприятности, — заметил Рэндом. — Я должен знать, кому принадлежал тот дом — и кто владелец компании.

— Ну, тут особых проблем не возникнет.

— Кого же послать на это задание? — задумчиво произнес Рэндом. А потом вдруг щелкнул пальцами и радостно фыркнул: — Флора собирается выполнить очень важную миссию по поручению Короны.

— Просто озарение свыше, — прокомментировал я.

Мартин улыбнулся и покачал головой:

— Боюсь, я не понимаю, что происходит. А очень хотелось бы разобраться.

— Послушай, — сказал мне Рэндом, — ты просвети его, а я пойду дам указания Флоре. Пусть отправляется сразу после похорон.

— Хорошо, — согласился я и, когда дядюшка ушел, принялся снова рассказывать свою историю, несколько отредактировав ее для краткости.

У Мартина не возникло свежих идей и не было никакой новой информации; впрочем, я от него ничего особенного и не ожидал. Говорили, что последние несколько лет он провел среди пасторального пейзажа, и у меня сложилось впечатление, что его совсем не привлекают города.

— Мерлин, — заявил он, — тебе следовало рассказать нам обо всем раньше. Это касается всех в Амбере.

«А как насчет Владений Хаоса? — подумал я. — Стала бы винтовка стрелять там?» Однако пострадали-то Кейн и Блейз. Никто не призвал меня во Владения Хаоса, чтобы поставить в известность о каких-либо несчастных случаях. И все же... не сообщить ли о происходящем остальным моим родственникам?

— Ситуация усложнилась всего несколько дней назад, — сказал я Мартину, — а потом, когда события начали развиваться слишком быстро, я был очень занят.

— Но ведь все эти годы... покушения на тебя...

— Я не привык сообщать домой о каждой царапине или синяке. Разве кто-нибудь из вас это делает? Да и вообще, в тот момент мне казалось, что это вещи несвязанные.

Впрочем, я знал, что он прав, а я нет. К счастью, вернулся Рэндом.

— Мне так и не удалось убедить Флору в том, что поручен-

ное ей задание — страшная честь, — сообщил дядюшка, — но она все сделает.

Мы еще немного поговорили — так, на общие темы, главным образом о том, чем занимались в последние несколько лет. Я вспомнил, что Рэндом заинтересовался моим проектом, и немного рассказал о нем. Он довольно быстро переменил тему, и у меня сложилось впечатление, что он хочет обсудить проект подробно и при личной беседе. Через некоторое время Мартин начал очень заразительно зевать. Рэндом пожелал нам спокойной ночи и приказал слуге отвести меня в мою комнату.

Я попросил Дика, который сопровождал меня, принести все необходимое для рисования. Он вернулся через десять минут, выполнив мою просьбу.

Возвращаться на Землю пешком было далеко и утомительно, а я устал. Поэтому я уселся за стол и принялся рисовать карту с изображением бара в загородном клубе, куда мы с Биллом ходили накануне вечером. Прошло минут двадцать, прежде чем я остался доволен тем, что у меня получилось.

Теперь проблема заключалась только в разнице во времени. Вполне возможно, что я уже опоздал на встречу со своим неизвестным доброжелателем.

Я отложил все, что не касалось карты, в сторону и поднялся на ноги.

И тут ко мне кто-то постучал. Я решил было не отвечать, но потом любопытство взяло верх, я открыл задвижку, а потом распахнул дверь.

На пороге стояла Фиона, которая для разнообразия распустила волосы. На ней было красивое зеленое платье и небольшая булавка, украшенная драгоценными камнями, которая удивительно шла к ее волосам.

— Привет, Фи, — поздоровался я. — Что привело тебя ко мне?

— Я почувствовала, что ты задействовал определенные силы, а я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось прежде, чем мы поговорим. Можно мне войти?

— Конечно, — ответил я и отошел в сторонку, чтобы ее пропустить. — Только я спешу.

— Я знаю, но, возможно, я смогу оказаться тебе полезной.

— Каким образом? — спросил я, закрывая дверь.

Фиона огляделась и заметила карту, которую я только что сделал. Тогда она задвинула щеколду на двери и подошла к столу.

— Неплохо, — проговорила тетушка, изучая мою работу. — Так вот куда ты собрался... Это где?

— Бар в загородном клубе в Тени, из которой я сюда прибыл. В десять часов по местному времени я встречаюсь там с неизвестным мне человеком. Если повезет, удастся добыть информацию о том, кто пытается меня прикончить и за что. И, возможно, ответы на другие вопросы.

— Отправляйся, — сказала Фиона, — только карту оставь. Тогда я смогу за тобой присмотреть и приду тебе на помощь, если в этом возникнет необходимость.

Я протянул руку и тихонько сжал ее ладонь. Затем уселся за стол и сосредоточился.

Через несколько мгновений картинка наполнилась цветом и приобрела глубину. Я погрузился в поднимающуюся мне навстречу субстанцию; меня окружило плотное облако, оно росло, заполняя собой все вокруг, пока не вытеснило комнату, в которой я только что находился. Я поискал глазами часы на стене, поскольку помнил, что они должны быть где-то справа от стойки бара...

9.48. Вот это точность!

Теперь я уже мог разглядеть посетителей бара, слышал их голоса и принялся выбирать уголок, где будет лучше всего появиться — кажется, справа, у стойки никого нет, как раз возле часов. Ну хорошо...

И вот я уже на месте. Делаю вид, что пришел сюда давным-давно. Трое завсегдатаев удивленно на меня покосились, я улыбнулся им и кивнул. Вчера вечером Билл представил меня одному из них. Другого я тоже видел, но мы не разговаривали. Оба кивнули мне в ответ, что удовлетворило третьего, который, по-видимому, решил, что я все-таки настоящий, и снова обратил свое внимание на спутницу.

Вскоре бармен выслушал мой заказ. Он тоже меня вспомнил, потому что спросил, где Билл.

С кружкой пива в руке я выбрал самый дальний столик, где уселся спиной к стене. Время от времени я поглядывал на часы и следил за обоими входами в бар. Если бы я захотел, то вполне мог бы ощутить присутствие Фионы.

Стрелки показали десять и отправились дальше по своим делам — как и некоторые посетители бара, сидевшие там до моего появления и заглянувшие сюда уже после меня. Никто из них не демонстрировал ко мне особого интереса, хотя лично я, возможно, даже слишком часто поглядывал на девушку со светлыми волосами и профилем, напомнившим мне старинные камеи; впрочем, дальше профиля сходство не шло, потому что камеи не очень-то склонны улыбаться, а девушка, которая сидела одна, одарила меня улыбкой, когда бросила в мою сторону всего лишь второй взгляд. Правда, после этого

она отвернулась. Проклятие, подумалось мне, и почему только я занят разрешением проблем, связанных с жизнью и смертью? Практически в любой другой ситуации я допил бы пиво, заказал другую кружку, выдал бы несколько комплиментов, а потом пригласил бы ее за свой столик. По правде говоря...

Я взглянул на часы.

10.20.

Ну, сколько еще времени дать таинственному голосу? Может быть, это Джордж Хансен, который отказался от своей затеи после того, как я испарился прямо у него на глазах? Как долго девушка здесь пробудет?

Я возмущенно фыркнул. Займись-ка делом, приятель. Тогда я внимательно изучил ее изящную талию, бедра, напряженные плечи...

10.25.

Тут я заметил, что моя кружка опустела, и отправился к бармену за добавкой. И честно не сводил с кружки глаз, когда нес ее назад.

— Я вижу, вы сидите один, — сказала девушка. — Ждете кого-то?

У ее духов был какой-то необычный, незнакомый аромат.

— Да, — ответил я. — Правда, мне кажется, уже не дождусь.

— Я тоже, — призналась девушка и снова улыбнулась. — Можем подождать вместе, — предложила она.

— Садитесь за мой столик, — пригласил я. — Я с большим удовольствием поболтаю с вами.

Она взяла свой бокал и последовала за мной.

— Меня зовут Мерль Кори, — представился я, как только мы уселись.

— А я Мэг Девлин. Что-то я вас раньше не видела.

— Я тут в гостях. Насколько я понял, вы здешняя?

Мэг улыбнулась:

— Боюсь, что да. Я живу в новом жилом комплексе в нескольких милях отсюда.

Я кивнул так, словно знал, где это находится.

— А вы откуда? — поинтересовалась Мэг.

— Из самого центра Вселенной, — ответил я, а потом быстро прибавил: — Сан-Франциско.

— Правда? Я там довольно долго жила. Чем вы занимаетесь?

Мне вдруг страшно захотелось признаться, что я волшебник, но я удержался и рассказал о своей недавней работе в «Большом Проекте». Мэг, в свою очередь, поведала мне, что сначала была моделью, потом занималась поставками для

большого универмага, а после стала управляющей магазинчика, торгующего предметами женского туалета.

Я посмотрел на часы: 10.45. Мэг перехватила мой взгляд.

— Кажется, нас обоих подвели, — сказала она.

— Похоже на то, — согласился я, — давайте подождем до одиннадцати, для приличия.

— Давайте.

— Вы уже поели?

— Чуть раньше.

— Успели проголодаться?

— Немного... Пожалуй, да. А вы?

— Хм-м, я заметил, кое-кто тут ел. Пойду-ка проверю.

Я узнал, что нам могут подать сандвичи, заказал два и салат в качестве гарнира.

— Надеюсь, в ваши планы на сегодняшний вечер не входил поздний ужин, — неожиданно произнес я.

— Об этом речи не было, да и мне все равно, — ответила Мэг и откусила кусок сандвича.

Пробило одиннадцать. Я запил сандвич пивом и понял, что наелся.

— По крайней мере, нельзя сказать, что вечер потрачен зря, — заявила Мэг и отложила в сторону салфетку.

Я не сводил глаз с ее ресниц, потому что это было удивительное зрелище. На лице Мэг почти не было косметики, а если и была, то весьма неброская. Я уже собрался накрыть ее руку своей, но она ее убрала.

— Что вы собираетесь делать дальше? — спросил я.

— Ну, потанцую немного, выпью, может быть, погуляю при луне. Ничего более разумного в голову не приходит.

— В соседнем зале играет музыка. Хотите, зайдем туда?

— Согласна, — ответила девушка. — Почему бы и нет?

Когда мы выходили из бара, я услышал Фиону, совсем тихонько, словно она обращалась ко мне шепотом:

— Мерлин! Если покинешь картинку, изображенную на карте, будешь для меня вне пределов досягаемости.

— Подожди минутку, — ответил я.

— Что? — спросила Мэг.

— Э-э... мне нужно в туалет, — пробормотал я.

— Отличная мысль. Я тоже схожу. Встретимся в холле.

В туалете никого не было, но я все равно закрылся в кабинке на случай, если кто-нибудь заявится. Из кармана достал карту и через несколько мгновений добрался до Фионы.

— Послушай, Фи, — сказал я. — Уже ясно, что никто не придет. Однако вечер обещает быть очень приятным, так что, по-

жалуй, я немного развлекусь, раз уж меня сюда занесло. Спасибо тебе за помощь. Вернусь чуть позже.

— Не знаю, — ответила Фиона. — Не нравится мне, что ты отправляешься куда-то с незнакомкой... Учитывая обстоятельства, тебя там может поджидать какая-нибудь опасность.

— Ничего подобного, — заявил я. — У меня есть способ узнать об опасности. С Мэг все в порядке. Кроме того, я уверен, что свидание мне назначил паренек, которого я тут уже встречал, и он решил отступить, когда Рэндом утащил меня отсюда при помощи карты.

— Мне это не нравится, — повторила Фиона.

— Ну, вообще-то я уже большой мальчик. И могу сам о себе позаботиться.

— Надеюсь. Если возникнут какие-нибудь проблемы, мгновенно свяжись со мной.

— Все будет в порядке. Можешь идти спать.

— И сообщи, когда будешь готов вернуться. Не бойся меня разбудить. Я хочу сама доставить тебя домой.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Будь начеку.

— Я всегда начеку.

— Тогда спокойной ночи.

Она разорвала контакт.

Через несколько минут мы с Мэг уже кружились на танцевальной площадке, слушали музыку, прикасались друг к другу. Она была своенравным партнером, стремилась вести меня в танце. Ну и что, черт подери, я умею подчиняться. Временами я вспоминал, что должен быть начеку, но ничего более угрожающего для своего здоровья, чем громкая музыка и веселый смех, не заметил.

В половине двенадцатого мы решили проверить бар. Там сидело несколько парочек, но приятеля Мэг видно не было. А на меня вообще никто не обращал внимания. Мы снова отправились танцевать.

В начале первого мы повторили процедуру — с тем же результатом. Тогда мы уселись за столик и решили выпить на посошок.

— Ну, по-моему, мы совсем неплохо провели время, — сказала Мэг и положила руку так, чтобы я мог накрыть ее своей.

Что я немедленно и сделал.

— Точно. Жаль только, что мы не сможем повторить этот вечер. Завтра я уезжаю.

— А куда?

— Назад, к центру Вселенной.

— Печально, — проговорила Мэг. — Тебя куда-нибудь подбросить?

Я кивнул:

— Туда же, куда поедешь ты.

Она улыбнулась и сжала мои пальцы:

— Отлично. Поедем ко мне, и я приготовлю тебе чашечку кофе.

Мы допили то, что оставалось в наших бокалах, и вышли на стоянку, задержавшись ненадолго по дороге, чтобы обняться. Я даже один раз проявил благоразумие и постарался быть начеку, но у меня было ощущение, что, кроме нас, на стоянке никого нет.

Мэг оказалась владелицей аккуратненького красного «Порше» с откидывающимся верхом.

— Вот мы и пришли. Хочешь сесть за руль? — спросила она.

— Нет, давай лучше ты, а я буду следить, не появятся ли откуда-нибудь всадники без головы.

— Что?

— Сегодня замечательная ночь, а я всегда мечтал прокатиться с шофером, который выглядел бы в точности как ты.

Мы уселись в машину, и Мэг завела двигатель. Конечно же, мы мчались как ветер. Ничего другого я и не ожидал. Дорога была совсем пустой, меня охватило восхитительное чувство. Я протянул руку и вытащил из Тени зажженную сигарету. Сделал несколько затяжек, швырнул сигарету в воду, когда мы проезжали по мосту. А потом, подняв голову, принялся разглядывать россыпь звезд на ночном небе — за прошедшие восемь лет я к ним очень привык. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, попытался проанализировать свои ощущения и понял, что счастлив. Мне уже давно не было так хорошо.

Где-то впереди за деревьями замелькал свет. А через минуту мы свернули на боковую дорогу, и я увидел яркие окна жилого комплекса, расположившегося справа. Мэг сбавила скорость и подъехала к домам.

Припарковала машину на размеченной стоянке, и оттуда мы направились вдоль зеленой изгороди ко входу в здание. Мэг открыла дверь ключом, и мы прошли через вестибюль к лифту. Дорога наверх показалась мне слишком короткой, а когда мы попали к Мэг в квартиру, она и в самом деле сварила кофе.

Лично меня это вполне устраивало. Кофе был преотличный, мы сидели рядышком и не спеша его пили. Масса свободного времени...

Одно к одному... И вот мы каким-то образом оказались в спальне, наши вещи на стуле, а я радостно поздравлял себя с тем, что встреча, на которую я прибыл, не состоялась. Мэг была теплой, нежной и милой... и все у нее было на месте. Бархатный порок, приправленный медом... аромат духов...

Много позже мы лежали рядом, окутанные приятным ощущением временной усталости... Пожалуй, не стану тратить силы и метафоры на то, чтобы его описать. Я гладил ее волосы, когда она потянулась, чуть повернула ко мне голову и посмотрела на меня сквозь полуприкрытые глаза.

— Ответишь на мой вопрос?

— Конечно.

— Как звали твою мать?

Мне показалось, что вдоль позвоночника скользнули чьи-то холодные пальцы. Однако я хотел узнать, к чему приведут ее расспросы.

— Дара, — сказал я.

— А отца?

— Корвин.

Мэг улыбнулась.

— Так я и думала, — проговорила она, — только хотела убедиться.

— А мне можно задавать вопросы? Или мы играем в одни ворота?

— Тебя интересует, почему я об этом спрашиваю?

— А ты догадливая.

— Извини, — сказала Мэг и подвинула ногу.

— Насколько я понимаю, имена моих родителей имеют для тебя какое-то значение?

— Ты Мерлин, — констатировала она. — Граф Колвира и принц Хаоса.

— Проклятие! — возмутился я. — Складывается впечатление, что в этой Тени все знают, кто я такой! Вы что, члены одного клуба или что-нибудь в таком же духе?

— А кто еще это знает? — быстро спросила Мэг, и ее глаза широко раскрылись от удивления.

— Парень по имени Люк Рейнард, труп, которого звали Дэн Мартинес, и, я думаю, местный житель, Джордж Хансен... да, и еще один мертвец — Виктор Мелман... А что? Кто-нибудь из них тебе знаком?

— Да, самый опасный из них — Люк Рейнард. Я привела тебя сюда, чтобы предупредить о нем, если ты окажешься тем самым.

— Что значит «тем самым»?

— Если ты тот, кто ты есть, — сын Дары.

— Ну так давай предупреждай.

— Я уже это сделала. Не доверяй ему.

Я сел и подложил под спину подушку.

— А за чем он охотится? Может, ему нужна моя коллекция марок? Или чековая книжка? Не могла бы ты объяснить мне поподробнее, в чем дело?

— Он несколько раз пытался тебя убить, раньше...

— Что? Каким образом?

— Первый раз в дело был замешан грузовик, который чуть не задавил тебя. Затем, на следующий год...

— О, боги! Тебе и вправду все известно! Ну-ка назови числа — числа, когда это происходило.

— Тридцатое апреля, всегда в один и тот же день.

— Почему?

— Понятия не имею.

— Проклятие! Откуда ты все это узнала?

— Была там. Наблюдала.

— А почему не вмешалась?

— Не могла. Не была уверена, кто из вас кто.

— Барышня, вы меня окончательно запутали. Ты-то, черт тебя подери, кто такая? И какую роль во всем этом играешь?

— Как и Люк, я не та, за кого себя выдаю, — начала она.

Неожиданно из соседней комнаты раздался пронзительный звонок.

— О, господи! — воскликнула Мэг и выскочила из кровати.

Я последовал за ней и оказался в коридоре в тот самый момент, когда она нажала на кнопку рядом с небольшой решеткой и сказала:

— Привет!

— Дорогая, это я, — ответили ей. — Я вернулся домой на день раньше. Впусти меня, будь добра. У меня полные руки разных свертков.

Ой-ой-ой.

Мэг отпустила одну кнопку, нажала на другую и одновременно повернулась ко мне.

— Муж, — задыхаясь, проговорила она. — Тебе надо немедленно уходить. Пожалуйста! Спустись вниз по лестнице!

— Но ты же мне еще ничего не объяснила!

— Я уже достаточно тебе сказала. Пожалуйста, мне не нужны неприятности!

— Хорошо, — согласился я, помчался в спальню, натянул брюки и засунул ноги в ботинки.

Нижнее белье и носки я рассовал по карманам и только после этого надел рубашку.

— Меня все это не устраивает. Ты знаешь гораздо больше, а мне просто необходима информация.

— Только информация?

Я быстро поцеловал ее в щеку.

— Ну, не совсем. Я вернусь.

— Не нужно, — сказала Мэг. — Потому что все будет по-другому. Мы встретимся в свое время.

Я направился к двери.

— Не очень-то соблазнительная перспектива, — объявил я, открывая ее.

— Тебе придется смириться.

— Посмотрим.

Я промчался по холлу и распахнул дверь, на которой было написано «ВЫХОД». Потом застегнул рубашку и, спускаясь по ступеням, аккуратно заправил ее в брюки. В самом низу остановился, чтобы надеть носки. Быстро пригладил волосы, прежде чем открыть дверь в вестибюль.

Никого. Отлично.

Когда я шагал по дорожке от дома, возле меня остановился черный седан; окно медленно поползло вниз, возникла красная вспышка, и я услышал знакомый голос:

— Садись, Мерлин.

— Фиона!

Я скользнул внутрь, и машина мгновенно тронулась с места.

— Ну, так это была она? — спросила Фиона.

— В каком смысле? — не понял я.

— Ты с ней должен был встретиться в баре?

Мне подобные мысли в голову не приходили, пока Фиона об этом не заговорила.

— Может быть, и да, — сказал я чуть позже.

Она повернула на дорогу и направилась в ту сторону, откуда мы с Мэг приехали.

— И в какую игру она играет?

— Я бы многое отдал, чтобы это узнать, — ответил я.

— Ну-ка, давай поподробнее, — приказала тетушка, — и не стесняйся, можешь выбросить некоторые куски, я не возражаю.

— Хорошо.

Я посвятил Фиону во все, что мне сообщила Мэг. Прежде чем я закончил, мы оказались на стоянке перед загородным клубом.

— Интересно, зачем мы сюда вернулись? — спросил я.

— А я здесь взяла машину. Вдруг она принадлежит какому-нибудь приятелю Билла. Я решила, что, пожалуй, окажу ему любезность и поставлю ее на место.

— Ты воспользовалась картой, которую я сделал, чтобы попасть сюда? — махнув рукой в сторону бара, спросил я.

— Да, сразу после того, как ты решил потанцевать. Я наблюдала за вами около часа, главным образом с веранды. А ведь я предупреждала, что ты должен быть начеку.

— Извини, я влюбился.

— Я забыла, что здесь не подают абсент. Пришлось довольствоваться «маргаритой» со льдом.

— Я тебе искренне сочувствую. Так, значит, когда мы ушли из бара, ты свистнула машину и последовала за нами?

— Да. Я ждала на стоянке возле ее дома и через твою карту поддерживала с тобой связь на периферийном уровне. Если бы я почувствовала, что тебе угрожает опасность, я бы пришла на помощь.

— Спасибо. А насколько периферийным был уровень твоего наблюдения?

— Я не подглядываю за людьми, когда они занимаются тем, чем занимались вы, — если тебя это интересует. Ну хорошо, значит, мы обсудили самые свежие события...

— История гораздо длиннее.

— Подожди, не рассказывай, — попросила Фиона, — пока. Сейчас меня занимает один вопрос: у тебя случайно нет фотографии этого Люка Рейнарда?

— Может быть, и есть, — сказал я и полез в карман за бумажником. — Думаю, что есть.

Я вытащил трусы из кармана брюк и принялся искать дальше.

— Хорошо еще, что ты не носишь кальсоны, — заметила Фиона.

Я достал бумажник и включил свет в машине. Когда я начал в нем рыться, Фиона наклонилась в мою сторону и положила руку мне на локоть. Наконец я нашел цветную фотографию, где мы с Люком были изображены на пляже, а рядом с нами — Джулия и девушка по имени Гейл, с ней Люк тогда встречался.

Неожиданно Фиона вскрикнула, а ее пальцы невольно сжали мою руку.

— Что такое? — спросил я. — Ты его знаешь?

Она покачала головой, слишком быстро.

— Нет, нет, — проговорила она. — Никогда не видела.

— Врать ты не умеешь, милая тетушка. Кто это?

— Не имею ни малейшего представления, — заявила Фиона.

— Да ладно тебе! Ты чуть мне руку не сломала, когда увидела фотографию.

— Не приставай.

— А тебе известно, что речь идет о моей жизни?

— Я думаю, тут речь идет больше чем о твоей жизни.

— И что?

— Пусть все будет как есть — пока.

— Боюсь, что не могу с тобой согласиться. Я настаиваю на том, чтобы ты мне ответила.

Она повернулась ко мне и выставила вперед обе руки. С кончиков ее изящных пальцев начал стекать дым. Фракир у меня на запястье отчаянно пульсировала, а это означало, что Фиона достаточно сильно разозлилась и в случае необходимости может сделать что-нибудь малоприятное.

Я замахал руками, решив сдаться.

— Ладно, давай заканчивать — пора домой.

Она пошевелила пальцами, и дым исчез. А Фракир тут же успокоилась. Фиона вытащила колоду карт из сумочки и выбрала ту, где был изображен Амбер.

— Только рано или поздно я все равно узнаю, — заявил я.

— Позже, — проговорила Фиона, и мы увидели Амбер.

Больше всего я люблю в моей тетушке Фионе то, что она не считает необходимым скрывать свои чувства.

Я протянул руку и выключил в машине свет в тот самый момент, когда мы оказались в Амбере.

Глава 8

Боюсь, мои мысли на похоронах не отличаются ничем особенным. Как Блум в «Улиссе»[1], я обычно вспоминаю самые земные события из жизни покойного, иногда думаю о том, что непосредственно происходит у меня перед глазами. А все остальное время размышляю обо всем, что приходит в голову.

На широком берегу, у южного подножия Колвира, расположена скромная часовня, посвященная Единорогу; таких небольших храмов в Королевстве несколько — их возводили там, где люди видели Единорога. Это место казалось самым подходящим для проведения церемонии: как и Джерард, Кейн однажды сказал, что хотел бы, чтобы его похоронили в какой-нибудь морской пещере у подножия горы и чтобы положили лицом к морю, чьи воды он бороздил столько лет. Такая пещера была найдена и подготовлена соответствующим образом, после службы туда отправится процессия и предаст земле останки. В этот ветреный туманный день море было неспокойно, и потому лишь несколько парусов виднелось невдалеке к западу — корабли входили в гавань и покидали ее.

[1] Психологический роман ирландского писателя Джеймса Джойса (1881—1941), написанный в 1922 году.

В принципе службу должен был проводить Рэндом, поскольку королевский сан автоматически делал его и верховным жрецом, но он прочитал только первый и последний абзац Прощания с принцем из Книги Единорога, а потом передал право провести церемонию Джерарду, поскольку Кейн из всей нашей семьи больше других дружил с ним. Громоподобный голос Джерарда наполнил маленькое каменное строение; дядя читал бесконечные отрывки о море и переменчивости судьбы. Поговаривают, что Книгу написал сам Дворкин — в те времена, когда находился в здравом уме, а длинные пассажи продиктованы Единорогом. Не знаю, при сем не присутствовал. А еще утверждают, будто мы все произошли от Дворкина и Единорога; у меня почему-то в связи с этим в голове возникают весьма необычные образы. Впрочем, истории о происхождении чего бы то ни было имеют тенденцию рано или поздно превращаться в миф. Кто знает? Я и при этом не присутствовал.

«...И все возвращается в море», — читал Джерард.

Я огляделся по сторонам. Кроме членов семьи, на похороны пришли человек сорок или пятьдесят, в основном представители городской аристократии, несколько купцов, с которыми Кейн поддерживал дружеские отношения, жители королевств из соседних Теней, куда Кейн частенько наведывался как по личным, так и по общественным делам, ну и, конечно же, Винта Бейл.

Билл выразил желание тоже присутствовать на церемонии, он стоял слева от меня. Мартин — справа. Ни Фионы, ни Блейза видно не было. Блейз пожаловался, что еще не оправился после ранения, и попросил разрешения пропустить службу. Фиона же просто исчезла, никому ничего не сказав; Рэндом все утро пытался ее разыскать. Джулиан ушел, чтобы проверить охрану, расставленную им вдоль побережья, поскольку кто-то справедливо указал ему на то, что неизвестный убийца сможет без проблем поквитаться со всеми нами одновременно — нас тут собралось достаточно много, да еще на таком ограниченном пространстве. Поэтому лесничие Джулиана, вооруженные мечами, кинжалами, луками со стрелами и пиками, были расставлены в стратегических точках, а время от времени до нас доносился лай какой-нибудь из его адских гончих, который тут же подхватывала вся свора, — печальный, лишающий присутствия духа и выводящий из равновесия звук, в особенности если к нему добавляются вой ветра, шум прибоя и рассуждения о конце жизни.

Интересно, куда могла отправиться Фиона? Испугалась западни? Или ее исчезновение каким-то образом связано со вчерашним вечером? А Бенедикт? Он прислал свои соболезнования... и извинение, что не сможет поспеть на похороны из-за какого-то срочного дела. Ллевелла просто не объявилась, до нее не смогли добраться даже при помощи карты.

Флора стояла немного впереди, слева от меня; она прекрасно осознавала, что выглядит в черном просто великолепно. Может быть, я слишком к ней несправедлив? Не знаю. Только вот вела она себя как-то уж слишком суматошно, непохоже, что церемония заставила ее задуматься о тщете всего сущего.

Когда служба закончилась, все потянулись друг за другом из часовни. Четыре матроса несли гроб, а мы выстроились в процессию, которая собиралась прошествовать в выбранную для Кейна пещеру, где его уже ждал саркофаг. Стража Джулиана окружила нас, образовав вооруженный эскорт.

Вдруг Билл ткнул меня в бок и кивнул в сторону Колвира. Я увидел на уступе, скрытом в тени, таинственную фигуру в темном плаще, с надвинутым на голову капюшоном. Билл наклонился ко мне поближе, и я смог расслышать его голос сквозь печальное пение труб и струнных инструментов:

— Это что, часть ритуала?

— Я, по крайней мере, о таком не слышал, — ответил я.

И поспешил вперед. Через пару минут мы должны были пройти под тем уступом, где стоял незнакомец.

Я догнал Рэндома и положил руку ему на плечо. Когда он оглянулся, я показал наверх. Он остановился и, прищурившись, принялся разглядывать странную темную фигуру.

Его правая рука скользнула на грудь, где у него, как это бывало почти во время всех государственных церемоний, висел Судный Камень. Мгновенно поднялся сильный ветер.

— Стойте! — выкрикнул Рэндом. — Остановите процессию! Все оставайтесь на своих местах!

Человек на уступе едва заметно пошевелился, повернул голову, словно хотел повнимательнее разглядеть Рэндома. А в небе, точно это был какой-то кинотрюк, появилась туча, быстро распухла и замерла над Колвиром. Красное, пульсирующее сияние вырвалось из-под руки Рэндома.

Неожиданно человек в черном поднял голову, быстро пошевелил рукой под плащом, а потом вытащил ее и сделал движение, будто что-то бросил. Крошечный черный предмет немного повисел в воздухе, затем начал медленно опускаться.

— Ложитесь! — крикнул Джерард.

Когда мы упали на землю, Рэндом не пошевелился. Он остался стоять, наблюдая за тем, как из облака вырвалась молния и ударила в поверхность скалы.

Последовавшие за этим раскаты грома совпали со взрывом, раздавшимся у нас над головами. Расстояние оказалось слишком большим. Бомба разорвалась прежде, чем долетела до нас — хотя наверняка настигла бы многих, если бы мы продолжали идти вперед и прошли под уступом, тогда убийца смог бы сбросить ее прямо нам на головы. Когда искры перестали плясать у меня перед глазами, я посмотрел на скалу. Человек в черном плаще исчез.

— Ты его достал? — спросил я у Рэндома.

Тот пожал плечами и опустил руку. Камень перестал пульсировать.

— Вставайте! — приказал он. — Давайте продолжим, у нас ведь похороны!

Мы исполнили его приказ. Больше ничего особенного не случилось, и все прошло по плану.

Когда гроб заносили в склеп, мои мысли, как наверняка и мысли всех остальных членов семьи, были заняты попытками угадать, кто из наших родственников мог быть замешан в том, что произошло несколько минут назад. Может, нападавший был одним из тех, кто отсутствовал на церемонии погребения? Если да, то кто? Какие у каждого из них могут быть мотивы? Где они находятся в данный момент? Есть ли у них алиби? А как насчет коалиции? Или это кто-то чужой? В таком случае как посторонний человек сумел добраться до нашего запаса взрывчатых веществ? Привез все необходимое с собой? А может, кто-нибудь из местных жителей нашел нужную формулу? Если это чужак, тогда откуда он и какие у него могут быть мотивы? Кто-то из членов семьи решил пригласить наемного убийцу? Зачем?

Когда мы проходили мимо склепа, я мельком подумал о Кейне, но сейчас он был для меня одним из кусочков головоломки, а не погибшим родственником. Мы были едва знакомы. Мне говорили, что узнать Кейна хорошо было не так-то просто. Жесткий и циничный человек, иногда даже жестокий, он за свою жизнь завел немало врагов и, казалось, этим гордился. Со мной он держался дружелюбно; впрочем, наши интересы никогда не пересекались. Так что, если честно, я относился к нему совсем не так тепло, как к большинству других родственников. Джулиан был на него похож, только на поверхности он выглядел более... ну, скажем, отполированным. И никто не знал, что прячется под этой поверхностью. Кейн... жаль, что я не узнал тебя лучше. Мне кажется, с твоей

смертью я что-то потерял... я плохо это понимаю, только чувствую.

Направляясь во дворец, чтобы сесть за стол, я раздумывал, и не в первый раз, о том, каким образом мои неприятности связаны с проблемами остальных членов семьи. Я не сомневался, что связь существует. Небольшие совпадения — в этом нет ничего страшного, но я склонен не доверять серьезным.

А Мэг Девлин? Неужели и она что-то знает обо всех этих таинственных происшествиях? Вполне возможно. Плевать на мужа!.. С ней нужно встретиться, и поскорее.

Позже, в огромной столовой, под шум разговоров и звон посуды мне вдруг в голову пришла одна невнятная идейка, и я тут же решил заняться ею вплотную. Пространно извинившись перед холодной, но весьма привлекательной Винтой Бейл, третьей дочерью какого-то мелкого аристократа и, очевидно, последней любовницей Кейна, я добрался до противоположного конца зала, где в окружении небольшой группы людей стоял Рэндом. Несколько минут я размышлял о том, как лучше вмешаться, но в этот момент он меня заметил, быстро извинился перед своими собеседниками, подошел и схватил за рукав:

— Мерлин, сейчас у меня нет времени, но наш разговор еще не окончен. Мне нужно с тобой встретиться ближе к вечеру или... ну, как только я освобожусь. Никуда не исчезай, пока мы не обсудим то, что меня интересует, договорились?

Я кивнул.

— Один вопрос, — быстро вставил я, когда дядюшка снова повернулся к своей компании.

— Валяй, — разрешил Рэндом.

— На Земле, откуда я только что прибыл, есть какие-нибудь жители Амбера? Агенты или что-нибудь в таком же духе?

Он покачал головой:

— У меня никого нет, и не думаю, что кто-нибудь из остальных наших родственников имеет там сейчас своих агентов. Я поддерживаю связь с несколькими людьми, живущими в разных местах, но они все местные — вроде Билла. — Он прищурился и спросил: — Что-то новенькое?

Я снова кивнул.

— Серьезные дела?

— Возможно.

— Жаль, что у меня нет времени порасспросить тебя как следует, но придется подождать, пока я не освобожусь.

— Да, понимаю.

— Я пришлю за тобой, — сказал Рэндом и вернулся к своим собеседникам.

Вот так рассыпалось в прах единственное предположение, которое у меня возникло на предмет Мэг Девлин. Кроме того, возможность встретиться с ней, как только я смогу сбежать отсюда, тоже оказалась закрытой. Я утешился тем, что съел целую тарелку самых разнообразных деликатесов.

Через некоторое время в зал вошла Флора, окинула взглядом всех присутствующих, а потом уселась рядом со мной на подоконнике.

— Вряд ли удастся поговорить сейчас с Рэндомом так, чтобы никто не услышал, — заявила она.

— Точно, — согласился я. — Тебе принести что-нибудь поесть или выпить?

— Пока не нужно. Не исключено, что мне сможешь помочь ты. Ты же волшебник.

Мне не понравилось такое начало разговора, но я спросил:

— А в чем дело?

— Я отправилась в комнату Блейза — хотела спросить его, не хочет ли он спуститься вниз и присоединиться к нам. Так вот — его нет.

— А разве его дверь не была заперта? Тут почти все так поступают.

— Да, изнутри. По всей видимости, он воспользовался картами. Когда он мне не ответил, я взломала замок — ведь на его жизнь уже было совершено покушение.

— А волшебник тебе зачем?

— Ты сможешь выследить его?

— Карты не оставляют никаких следов, — напомнил я ей. — Но даже если бы я и мог это сделать, не уверен, что стал бы. Он прекрасно знает, что делает, и, очевидно, хочет, чтобы его оставили в покое.

— А если Блейз замешан в том, что произошло? В прошлом они с Кейном занимали противоположные позиции.

— Если он замешан в чем-то опасном для всех остальных, радуйся, что он куда-то пропал.

— Так ты не можешь мне помочь — или не хочешь?

Я кивнул:

— И то, и другое. Решение организовать поиск должно исходить от Рэндома, согласна?

— Может быть.

— Послушай, не рассказывай пока об этом никому, посоветуйся сначала с Рэндомом. Зачем будить бессмысленные подозрения в душах наших родственников? Или я сам сообщу ему твои новости. Мы с ним должны встретиться немного позже.

— По какому поводу?

Фу!

— Точно не знаю, — ответил я. — Он хочет о чем-то со мной побеседовать.

Флора внимательно на меня посмотрела.

— Мы ведь тоже с тобой еще не поговорили, — заявила она.

— А что мы делаем сейчас?

— Ну хорошо. Позволено ли мне будет поинтересоваться, какие у тебя возникли проблемы в одной из моих любимых Теней?

— А почему бы и нет? — сказал я и еще раз приступил к краткому обзору треклятых событий.

Однако я твердо знал, что делаю это в последний раз. Как только история станет известна Флоре, она непременно посвятит во все ее перипетии и остальных.

Флора, как и Мартин, ничем не смогла мне помочь. Мы еще некоторое время поболтали — обсудили всякие местные сплетни, — и она наконец решила, что готова что-нибудь съесть.

Тетушка направилась в сторону стола и больше не вернулась.

Я поговорил еще кое с кем — про Кейна и моего отца. И не услышал ничего для себя нового. Меня представили нескольким гостям, с которыми я не встречался раньше. Поскольку мне было нечего делать, я запомнил целую кучу имен и родственных связей.

Когда вечер подошел к концу, я стал поглядывать на Рэндома и постарался уйти тогда же, когда и он.

— Позже, — промолвил дядя, когда я проходил мимо, и скрылся из виду вместе с двумя типами, с которыми разговаривал перед этим.

Так что я вернулся в свою комнату и плюхнулся на кровать. Когда события развиваются с такой головокружительной скоростью, нужно отдыхать при первой возможности.

Прошло некоторое время, и я заснул. Мне снился сон...

Я гулял в английском парке, разбитом за дворцом. Со мной был кто-то еще, только я не знал кто. Впрочем, меня это не беспокоило. Я услышал знакомый вой. И вдруг совсем рядом раздалось рычание. Обернувшись в первый раз, я не увидел ничего. Но в следующее мгновение моим глазам предстали три огромных, похожих на собак существа — как то чудовище, которое я убил в квартире Джулии. Страшилища неслись в мою сторону.

Вой не смолкал, однако выли не отвратительные собаки. Приближаясь ко мне, они рычали и пускали слюни. И вдруг, так же неожиданно, я сообразил, что это всего лишь сон, он

снился мне уже несколько раз, только я забывал его, когда просыпался. Однако ощущение надвигающейся опасности не проходило, несмотря на то, что я понимал — эти мерзкие существа охотятся на меня не в реальной жизни. Все трое купались в ореоле какого-то неестественного света — бледного, меняющего свои очертания. Я попытался заглянуть собакам за спины и сквозь призрачное сияние увидел не парк, а что-то вроде леса. Мерзкие твари уже приготовились на меня наскочить, но словно натолкнулись на стеклянную стену. Они прыгали и рычали, и выли, и предпринимали новые попытки... Получалось, будто я стою под стеклянным колпаком или внутри магического круга. Чудовища ничего не могли мне сделать. И вдруг рычание стало громче, совсем близко, собаки от меня отвернулись...

— Так-так! — заявил Рэндом. — Мне бы следовало требовать плату за то, что я спас тебя от кошмара.

...И вот я уже проснулся, лежу на собственной кровати, а за окном темно — Рэндом связался со мной, воспользовавшись моей картой, и проник в мой сон, когда вошел в контакт.

Я зевнул и мысленно поблагодарил его.

— Давай просыпайся, нам нужно поговорить.

— Хорошо. Ты где?

— Внизу. В маленькой гостиной, в стороне от большого зала, южное крыло. Пью кофе. Нам никто не помешает.

— Я буду через пять минут.

— Жду.

Рэндом пропал. Я уселся на кровати, спустил ноги, потом медленно встал. Подошел к окну и распахнул его. В комнату ворвался холодный осенний воздух, и я стал с удовольствием его вдыхать. На Земле сейчас весна, а здесь, в Амбере, — осень. Мои самые любимые времена года. Мне бы следовало чувствовать подъем, радоваться, а вместо этого — ночные трюки, обрывки кошмара... на какое-то короткое мгновение показалось, будто я слышу стихающий вой. Меня передернуло, и я захлопнул окно. Иногда сны слишком глубоко проникают в душу.

Я спустился в гостиную, о которой говорил Рэндом, и устроился поудобнее на одном из диванчиков. Мой дядюшка терпеливо дождался, пока я выпью полчашки кофе, а потом проговорил:

— Ну-ка расскажи мне про Призрачное Колесо.

— Это что-то вроде... прибора для парапсихологического слежения и одновременно библиотека.

Рэндом поставил на столик свою чашку и склонил голову набок.

— А поточнее нельзя?

— Значит, так, моя работа с компьютерами позволила мне сделать вывод: основные принципы обработки данных могут быть использованы таким образом, что возникают очень интересные результаты в местах, где компьютерная механика не функционирует, — начал объяснять я. — Проще говоря, я был вынужден найти среди Теней континуум, в котором сами действия останутся более или менее неизменными, но где физические составляющие — естественно, второстепенные, — техника программирования и подводимая мощность имеют совершенно иную природу.

— Слушай, Мерлин, — перебил меня Рэндом. — Я ничего не понимаю.

— Я изобрел и построил прибор для анализа данных в Тени, где обычный компьютер работать бы не смог. Взял нетрадиционные материалы, разработал новый проект, нашел альтернативный источник энергии. Кроме того, я выбрал место, где действуют другие физические законы, поэтому мой прибор функционирует совершенно иным образом. После этого я написал несколько программ, которые были бы совершенно бесполезны на Земле, где я в то время жил. Думаю, мне удалось создать уникальный объект; я назвал его Призрачное Колесо из-за некоторых особенностей его внешнего вида.

— Это одновременно прибор для наблюдения и библиотека? В каком смысле?

— Он просматривает Тени, будто листает страницы книги или перебирает колоду карт, — объяснил я. — Если тебе нужно что-то проверить, ты его программируешь соответствующим образом, и он будет собирать для тебя всю информацию на интересующую тему. Я хотел, чтобы он стал чем-то вроде сюрприза. Его можно использовать, например, для того, чтобы определить, не собирается ли кто-нибудь из наших потенциальных врагов на нас напасть, или...

— Подожди минутку! — замахав руками, остановил меня Рэндом. — Как? Как он просматривает Тени? Ты можешь объяснить мне принцип его работы?

— Попробую. За доли секунды мой Призрак создает множество карт, а потом...

— Остановись. Давай вернемся чуть-чуть назад. Разве можно написать программу для создания карт? Мне казалось, сделать их может лишь тот, кто прошел Огненный Путь или Логрус.

— А в этом случае, — пояснил я, — машина принадлежит к

классу магических предметов — таких, как, например, меч моего отца Грейсвандир. Я внес в ее систему элементы самого Огненного Пути.

— И ты намеревался удивить нас этой штукой?

— Да, как только она будет готова.

— А когда она будет готова?

— Не знаю. Призрак должен собрать определенное количество информации, прежде чем программа сможет работать на полную катушку. Я поставил перед ней эту задачу некоторое время назад, но у меня не было возможности проверить, как она справляется с заданием.

Рэндом налил еще кофе в наши чашки, сделал глоток.

— И все равно я не понимаю, каким образом твое изобретение будет экономить наше время и силы, — проговорил он чуть позже. — Представим себе, что меня заинтересовало нечто в какой-нибудь Тени. Я отправляюсь проверить или посылаю кого-нибудь. Ну а теперь, предположим, я хочу воспользоваться твоей машиной для получения информации — мне все равно придется потратить время на то, чтобы до нее добраться.

— Нет, — возразил я, — тебе нужно только вызвать удаленный терминал.

— Вызвать? Терминал?

— Именно.

Я нашел в кармане карты Амбера и вытащил ту, что лежала в самом низу. На ней было изображено серебристое колесо на черном фоне. Я передал карту Рэндому, и он принялся ее разглядывать.

— А как ты этим пользуешься?

— Как и всеми остальными. Хочешь попробовать?

— Давай ты сам, — предложил Рэндом. — Я лучше посмотрю.

— Хорошо. Но, поскольку я поставил перед машиной задачу собрать информацию в разных Тенях, она пока еще не владеет всеми сведениями, которые могут нас занимать в данный момент.

— Я не стану особенно ее расспрашивать, мне просто интересно на нее взглянуть.

Я поднял карту и сосредоточился, стараясь проникнуть в ее суть. Прошло несколько мгновений, и контакт был установлен. Я вызвал терминал.

Что-то тихонько затрещало, в воздухе запахло озоном, и передо мной возникло сияющее колесо около восьми футов в диаметре.

— Уменьшить терминал, — приказал я.

Когда колесо достигло примерно одной трети своего первоначального размера, я остановил процесс.

Оно походило на призрачную раму для картины, внутри которой время от времени вспыхивали крошечные искорки, а часть комнаты, видимая сквозь нее, словно переливалась и струилась бесконечной рекой.

Рэндом поднял руку.

— Не делай этого, — предупредил я. — Тебя ударит. Я еще не всех «жучков» вытащил.

— Она умеет передавать энергию?

— Конечно. Что тут сложного?

— Значит, если ты прикажешь ей?..

— Естественно. Она должна быть в состоянии передать энергию сюда, чтобы терминал смог работать, ну и, само собой, в различные Тени — для сканирования.

— Меня интересует, может ли она выпустить заряд на этом конце?

— Если я ей скажу, она создаст заряд, а потом выпустит его. Да, может.

— А в каких пределах?

— Все, что у нее имеется в данный момент.

— А что у нее имеется?

— Ну, теоретически целая планета. Но...

— Предположим, ты прикажешь ей появиться здесь, рядом с кем-нибудь, накопить большой разряд, а потом прикончить этого кого-нибудь? Она может убить электрическим током?

— Наверное, — ответил я. — Не вижу, что могло бы ей помешать. Но я изобрел машину не для...

— Мерлин, твой сюрприз действительно производит сильное впечатление. Только вот я не уверен, что мне эта штука нравится.

— Тут совершенно нечего опасаться. Никому не известно, где находится моя машина. В те места просто никто не забредает. Эта карта — единственная, других у меня нет. Только я могу добраться до Призрачного Колеса. Я собирался сделать еще одну карту, для тебя, а затем объяснить, как следует обращаться с машиной, когда она будет готова.

— Мне нужно все хорошенько обдумать...

— Призрак, внутри пяти тысяч Теневых вуалей, в этом самом месте — сколько сейчас существует Теневых бурь?

Ответ прозвучал так, словно слова доносились откуда-то из круга:

— Семнадцать.

— Звучит, будто...

— Я наделил его своим голосом, — сказал я Рэндому. — Призрак, покажи нам самые большие.

Внутри колеса возникли хаотические сцены бушующей стихии.

— Тут мне в голову пришла еще одна мысль, — заявил Рэндом. — Твой Призрак умеет перемещать предметы?

— Конечно, как и любая другая карта.

— Когда он появился перед нами — это был его максимальный размер?

— Нет, если хочешь, можно сделать намного больше. Или меньше.

— Я не хочу. Предположим, ты увеличил его, а потом приказал перенести эту бурю — или ту ее часть, с которой он в состоянии справиться?

— Ого! Не знаю. Наверняка попытается. Получится что-то вроде гигантского открытого окна.

— Мерлин, отключи его. Он опасен.

— Я же сказал, никто не знает, где он находится, — только я. Единственный способ до него добраться...

— Понимаю, понимаю. А сможет кто-нибудь задействовать его при помощи соответствующей карты или если случайно на него наткнется?

— Ну да. Я не стал тратить время на изобретение защитных кодов, поскольку Призрак невозможно найти.

— Эта штука — страшное оружие, дружище. Отключи его. Немедленно.

— Я не могу.

— Почему?

— Нельзя уничтожить его память или отключить питание через удаленный терминал. Для этого мне нужно быть рядом с ним.

— В таком случае немедленно отправляйся в путь. Я хочу, чтобы ты вывел его из строя, а сам занялся созданием надежных охранных систем. И даже тогда... ну, посмотрим. Я не доверяю такой могущественной силе. По крайней мере, пока у меня нет против нее защиты. Ведь твой Призрак в состоянии нанести удар практически без предупреждения. О чем ты думал, когда конструировал такое страшное оружие?

— Об обработке данных. Послушай, кроме нас с тобой...

— А что будет, если какой-нибудь умник узнает о твоем Призраке и найдет способ до него добраться? Я знаю, знаю — ты влюбился в свое изобретение... и ценю мотивы, которые тобой двигали, когда ты строил эту штуку. Но он не имеет права на существование.

— Я не сделал тебе ничего плохого. — Это был мой голос, но доносился он из колеса.

Рэндом изумленно посмотрел на него, потом на меня и снова на Призрак.

— Ну... дело совсем в другом, — произнес дядюшка, обращаясь к машине. — Меня беспокоят твои невероятные возможности. — Он повернулся ко мне: — Мерлин, отключи терминал!

— Конец передачи, — сказал я. — Убрать терминал.

Призрачное Колесо задрожало в воздухе и исчезло.

— Ты предполагал, что он способен прокомментировать наш разговор подобным образом? — спросил меня Рэндом.

— Нет. Я был удивлен.

— Что-то мне перестали нравиться сюрпризы. Может быть, та среда, в которой существует Призрак, действует на него каким-то скрытым образом... Ты знаешь, чего я хочу. Пусть немного отдохнет.

Я опустил голову:

— Как скажете, сир.

— Да ладно тебе. Нечего изображать из себя мученика. Делай, что говорят, и все.

— Я думаю, проблема заключается всего лишь в инсталляции нескольких защитных устройств. Зачем же уничтожать сам проект?

— Если бы тут все было спокойно, — проговорил Рэндом, — возможно, я бы не стал с тобой спорить. Но на нас свалилось столько всякого дерьма — снайперы, бомбы и прочие мерзости, о которых ты тут порассказал... мне просто не нужна еще одна головная боль.

Я поднялся с диванчика.

— Ладно. Спасибо за кофе, — поблагодарил я Рэндома. — Я сообщу, когда все будет сделано.

Он кивнул:

— Спокойной ночи, Мерлин.

— Спокойной ночи.

Проходя через большой вестибюль, я встретил там Джулиана в зеленой пижаме, он разговаривал с двумя своими людьми. На полу рядом с ними лежало огромное дохлое животное. Я замер на месте и уставился на труп. Это была одна из похожих на собак тварей, только что посетивших меня во сне. Точно как в квартире Джулии.

Я подошел поближе.

— Привет, Джулиан. Что это такое? — спросил я и махнул рукой в сторону чудовища.

Он покачал головой:

— Понятия не имею. Адские гончие только что прикончили трех таких в Арденах. Я перенес моих парней и труп этой пакости сюда, чтобы показать Рэндому. Ты случайно не знаешь, где он?

Я показал пальцем себе за спину:

— В гостиной.

Джулиан отправился на поиски Рэндома, а я подошел к животному и пнул его ногой. Может, следует вернуться и рассказать Рэндому, что я уже встречался с такими?..

Да провались они все пропадом, решил я. Вряд ли эта информация пригодится.

Я вернулся в свою комнату, помылся и переоделся. Затем заглянул на кухню и набил рюкзак едой. Мне не хотелось ни с кем прощаться, поэтому я выбрался по большой черной лестнице прямо в парк.

Темно. Небо усыпано звездами. Прохладно.

Возле того места, где на меня во сне напали собаки, ни воя, ни угрожающего рычания я не услышал. Ничего. Я прошел в конец ухоженного парка, откуда дорожки разбегались в сторону более естественного ландшафта, и выбрал вторую слева. Идти по ней было немного дальше, чем по другой — они все равно пересекутся чуть позже, — зато она оказалась более утоптанной: определенное удобство, если ты решил погулять ночью. Я еще не очень хорошо изучил вторую тропинку.

Я бродил по вершине Колвира около часа, пока не нашел уходящую вниз дорожку, которую искал. Тогда я сделал небольшой привал, попил воды и немного отдохнул, прежде чем начать спуск.

Очень трудно путешествовать по Теням, когда ты находишься на Колвире. Необходимо отойти на некоторое расстояние от Амбера, чтобы все получилось как следует. Так что пока я мог только двигаться вперед — меня это вполне устраивало, ночь была просто великолепной.

Я уже довольно много прошел, когда над головой возникло сияние — над Колвиром поднялась луна и залила своим светом извивающуюся тропинку, по которой я шагал. К утру хотелось добраться до подножия горы.

Я разозлился на Рэндома за то, что он не позволил мне доказать важность моего изобретения. Я был вынужден рассказать ему о Призраке раньше времени. Если бы не похороны Кейна, я бы не вернулся в Амбер, пока не довел бы свое замечательное творение до совершенства. А оказавшись здесь, не собирался даже упоминать о Призрачном Колесе — если бы оно не фигурировало в загадочной истории, в которую я попал, а Рэндом не решил разобраться в том, что все-таки про-

исходит. Ну хорошо. Ему не понравилось то, что он увидел, но демонстрация была преждевременной. Теперь же, если я остановлю Призрак, как мне было приказано, я уничтожу работу, которая ведется уже довольно долгое время. Моя машина находится в стадии накопления информации, самообразования, поиска данных в различных Тенях. А я сейчас занимался бы проверкой того, как Призрак справляется с заданием, и выявлением явных ошибок, закравшихся в систему.

С этими мыслями я спускался по тропинке, которая становилась все круче, огибая западный склон Колвира. Рэндом ведь не приказал мне стереть всю информацию, собранную Призраком до нынешнего момента, он просто хочет, чтобы я отключил машину. Глядя на проблему с этой точки зрения — она мне весьма понравилась, — я решил, что могу сам выбрать методы для выполнения воли Рэндома. Сначала я тщательно изучу, как функционируют все системы, и приведу программы в такой вид, который посчитаю нужным. Потом позабочусь о том, чтобы Призрак не растерял накопленную информацию, и только после этого отсоединю его от источника питания. Тогда ничего не пропадет, память сохранится в том виде, в каком была, и восстановить ее функции, едва только в этом возникнет необходимость, будет совсем просто.

Может...

А если привести все в полный порядок, установить несколько — с моей точки зрения, абсолютно бесполезных — защитных устройств, исключительно чтобы доставить удовольствие Рэндому?.. А потом связаться с ним, что у меня получилось, и спросить, доволен ли он? Если он останется недоволен, тогда можно будет отключить Призрак. А вдруг дядюшка передумает? Стоит обмозговать...

Я принялся сочинять, что скажу Рэндому, и занимался этим до тех пор, пока луна не оказалась слева от меня. Я уже прошел больше половины спуска — идти было заметно легче. Теперь я чувствовал, что влияние Огненного Пути немного уменьшилось.

По дороге вниз я несколько раз делал привал, чтобы напиться, и разок, чтобы перекусить. Чем больше я обдумывал свою последнюю идею, тем яснее мне становилось, что Рэндом просто разозлится. И если я буду действовать в соответствии со своим новым планом, может быть, он даже не пожелает меня выслушать. С другой стороны, я и сам был ужасно сердит.

Впрочем, мне предстоял долгий путь — хватит времени, чтобы решить, что следует сделать.

Небо посветлело, когда я перебирался через последний ска-

листый склон, мечтая поскорее выйти на широкую дорогу, бегущую на северо-запад вдоль подножия Колвира. Я принялся разглядывать небольшую рощицу неподалеку; одно большое дерево я хорошо знал и часто использовал в качестве ориентира.

Ослепительная вспышка, шипение, похожие на взрыв бомбы раскаты грома — и дерево развалилось на две части... и это всего в ста метрах от меня. Я прикрыл глаза руками, когда молния озарила небо, но треск дерева и эхо взрыва не смолкали еще несколько секунд.

И тут я услышал голос:

— Вернись назад!

Подумав немного, я пришел к выводу, что объектом этого разговорного гамбита был, видимо, я, поэтому крикнул:

— Давай поговорим!

Никакого ответа.

Я забрался в неглубокую канаву у дороги, потом немного прополз по ней, отыскав место, где, как мне показалось, я буду в большей безопасности. Я прислушивался и оглядывался по сторонам, надеясь, что шутник каким-нибудь образом выдаст свое местонахождение.

Ничего особенного не произошло, однако я еще полминуты рассматривал рощицу и тропинку, по которой только что спустился. Их близость подсказала мне отличную идею.

Я вызвал образ Логруса, и две из его линий стали моими руками. Я протянул их — не через Тень, а к тому месту на склоне, где над скоплением камней навис один большой кусок скалы.

Ухватившись покрепче, я попытался сдвинуть его с места. Он оказался слишком тяжелым, чтобы свалиться сразу, тогда я принялся его раскачивать. В конце концов мне удалось его немного расшевелить, и он упал. Я поспешил убраться подальше, когда обломки, увлекая за собой другие, поменьше, и отскакивая в разные стороны, покатились вниз. Ломаная линия поддалась, как только камни стали задевать ее края, и целая скальная стена со стонами и треском соскользнула на землю.

Я чувствовал вибрацию, продолжая отступать. В мои планы не входило устраивать столь зрелищное представление. Огромные куски скалы метались среди деревьев, те отчаянно раскачивались, падали, до меня доносились треск, гудение, свист, скрип...

После того как все закончилось, я подождал еще минуту. В воздух поднялись клубы пыли, половина деревьев рощи полегла. Я быстро вскочил на ноги, взял в левую руку Фра-

кир и медленно приблизился к рощице, внимательно глядя по сторонам. Никого. Тогда я взобрался на ствол поваленного дерева.

— Повторяю, может быть, все-таки поговорим?

Никакого ответа.

— Ну ладно, пусть будет так, — сказал я и направился на север, в Ардены.

Время от времени, шагая сквозь древний лес, я слышал топот копыт у себя за спиной. Впрочем, всадники не демонстрировали никакого желания меня нагнать. Скорее всего я проходил неподалеку от троп, по которым следовал какой-нибудь из патрулей Джулиана.

Это не имело особого значения. Я вскоре нашел тропинку и приступил к небольшой корректировке, которая уводила меня все дальше и дальше от них.

Более светлый оттенок, от коричневого к желтому, не такие высокие деревья... Меньше просветов в зеленом покрывале из листьев... Незнакомая птичка, диковинный гриб...

Медленно, понемногу характер леса изменился. И чем больше я удалялся от Амбера, тем легче мне было вносить изменения.

И вот я уже прохожу по залитым солнцем полянкам. Бледно-голубое солнце... Ярко-зеленые, с пышной листвой деревья, большинство из них еще совсем молодые...

Я побежал.

Затянутое тучами небо; похожая на губку земля стала жестче, суше...

Я ускорил шаг, спускаясь вниз по склону. Теперь у меня под ногами расстилается роскошный травяной ковер. А деревья растут небольшими островками среди волнующегося на ветру бледно-зеленого моря. Я посмотрел вдаль и справа заметил мечущийся, словно усыпанный бисером, полог — дождь.

До меня донеслись раскаты грома, хотя солнечные лучи продолжали освещать мой путь. Я с удовольствием вдыхал чистый влажный воздух и продолжал бежать вперед.

Трава пропала, земля стала неровной, небо потемнело... В каньонах и ручьях вокруг меня ревет вода... Сверху, с неба, обрушивается потоками на скалистую землю...

Я несколько раз поскользнулся и упал, отчаянно ругая себя за то, что слишком спешу с переходом.

Облака разошлись, точно занавес в театре, и моим глазам предстало лимонного цвета солнце, которое изливало свое

тепло и свет с неба цвета лосося. Гром вдруг смолк, тут же поднялся ветер...

Я взобрался по склону холма и посмотрел сверху на разрушенную деревню — давно заброшенную, почти всю заросшую травой; вдоль остатков главной улицы насыпаны какие-то необычные курганы.

Я прошел через деревню под синевато-черным небом, осторожно перебрался через пруд с ледяной водой, стараясь не смотреть на невидящие глаза тех, кто замерз в нем...

Теперь небо было словно перепачкано сажей. А снег под ногами стал утоптанным и жестким. Дыхание легким облачком вырывалось у меня изо рта, когда я оказался в лесу с голыми, похожими на скелеты деревьями, на ветках которых застыли маленькие птички: изысканная гравюра.

Соскользнув вниз по склону холма, я покатился прямо в тающий снег и весну... И снова движение вокруг меня... Грязь и островки зелени... Непривычные глазу машины вдалеке, на шоссе...

Помойка: ржавчина, тление, тошнотворная вонь... Пробираюсь среди бесконечных гор отбросов и мерзости... Крысы разбегаются в разные стороны...

Подальше отсюда... Ускоряю переход, задыхаюсь... Под куполом черного смога проглядывает небо... Долина у дельты реки... Берег моря... Золотые пилоны вдоль дороги... Пейзаж с озерами... бурая трава под зеленым небом...

Медленнее... Холмы, поросшие травами, река, озеро... Медленнее... Легкий бриз и трава, похожая на море... Вытираю рукавом пот со лба, с удовольствием вдыхаю воздух...

Я перебрался через поле нормальным шагом, предпочитая отдохнуть в таком месте, как это, где все видно далеко вокруг. Ветер тихо шуршит в траве, а озеро, мимо которого я прохожу, удивляет своим зеленовато-лимонным цветом. В воздухе пахнет чем-то сладким.

Мне показалось, что справа возникла короткая вспышка, но когда я посмотрел в ту сторону, то не заметил ничего необычного. Немного позже издалека донесся топот копыт, который ни с чем невозможно перепутать. И снова — ничего угрожающего. Вот в этом-то и заключается проблема с Тенями — никогда не знаешь, что здесь должно быть, а что нет; неизвестно, какие приметы искать и на какие следует обращать внимание.

Прошло несколько минут, я почувствовал запах — и только потом увидел.

Дым.

В следующее мгновение вспыхнуло пламя. Огромные языки преградили мне путь.

И снова прозвучал голос:

— Я же тебе сказал: возвращайся!

Ветер раздувал огонь, подталкивал его в мою сторону. Я повернул назад — вокруг меня поднималась ревущая стена пламени. Нужно некоторое время, чтобы подготовить свое сознание к изменению Тени, а я отвлекся на окружающую меня реальность. Вряд ли удастся быстро вернуться в нужное состояние.

Я побежал.

Линия огня изгибалась, словно пытаясь нарисовать огромный круг, центром которого был я. Впрочем, я решил не тратить время на то, чтобы по достоинству оценить точность изображения, поскольку меня заволокло густым дымом и стало даже слишком жарко.

Сквозь треск полыхающего пламени я слышал оглушительный топот копыт. Но из глаз у меня текли слезы, а клубы дыма не давали как следует разглядеть, что находится за кругом, внутрь которого я попал. Я до сих пор не имел представления, кто подготовил для меня эту ловушку.

И все же — сомневаться не приходилось — земля дрожала, в мою сторону неслось существо с копытами. Огненные языки взвились еще выше в воздух, приблизились, круг начал сужаться.

Я не знал, какая новая беда вот-вот свалится на меня, когда сквозь небольшое отверстие в полыхающей стене прорвались конь и всадник. Всадник натянул поводья, однако конь — гнедой — не очень-то обрадовался такой близости пламени и, оскалившись, начал грызть удила и попытался встать на дыбы.

— Быстрее! Садись позади меня! — услышал я.

Я лишь мельком увидел женское лицо, обрамленное темными волосами. Всаднице удалось развернуть коня назад, в ту сторону, откуда они прискакали, и она отпустила поводья. Животное рвануло вперед и вдруг неожиданно, на полном скаку встало на дыбы. Я с огромным трудом удержался в седле.

Когда передние копыта коснулись земли, он резко повернул и помчался к огню. Возле самой границы пылающего круга конь снова изменил направление движения.

— Проклятие! — в отчаянии воскликнула женщина, которая изо всех сил сражалась с поводьями.

Конь дико заржал. Изо рта у него текла кровавая слюна. К этому моменту круг сузился, дым и пламя были совсем близко. Я ничем не мог помочь своей спасительнице, разве что

несколько раз довольно сильно ударил коня пятками, когда он начал двигаться по прямой.

С отчаянным криком жеребец нырнул в огонь немного левее. Я не имел ни малейшего представления о ширине полыхающей полосы в этом месте; ноги обожгло, я почувствовал запах паленой шерсти.

А потом конь снова поднялся на дыбы, всадница что-то ему крикнула, и я вдруг понял, что больше не могу удерживаться у него на спине. Я соскользнул назад как раз в тот момент, когда мы вырвались из смертоносного кольца и оказались на обгоревшей, дымящейся земле, где огонь уже прошел. Я свалился среди еще горячих черных головешек и быстро откатился налево, а потом закашлялся и постарался покрепче закрыть глаза, чтобы в них не попали поднявшиеся в воздух пепел и пыль.

Я услышал, как закричала женщина, и вскочил, одновременно протирая глаза. Через некоторое время я мог разглядеть, что гнедой конь поднимается на ноги — очевидно, он упал прямо на всадницу. Напуганное до полусмерти животное мгновенно умчалось прочь и скрылось в клубах дыма. Женщина осталась неподвижно лежать на земле, и я бросился к ней. Опустившись на колени, проверил пульс и дыхание.

Она открыла глаза.

— Спина... сломана... я думаю, — закашлявшись, сказала незнакомка. — Не чувствую... почти ничего... Уходи... если еще можно... Оставь меня. Я умру... все равно.

— Ни за что, — ответил я. — Нужно перетащить тебя отсюда. Тут поблизости есть озеро, если я правильно все запомнил.

Я снял плащ, который был свернут и привязан у меня на поясе, и расстелил его на земле. Потом как можно осторожнее завернул женщину, чтобы защитить ее от огня, и потащил вперед, отчаянно надеясь, что не перепутал направление.

Мы перебрались через отрезок дороги, где металось пламя и поднимались клубы густого дыма. Горло у меня болело, из глаз ручьем текли слезы, а брюки начали тлеть, когда я сделал большой шаг назад и поскользнулся в грязи. Я продолжал идти.

В конце концов я вошел по пояс в воду, держа женщину на руках, и, наклонившись вперед, откинул полу плаща с ее лица.

Глаза у незнакомки были открыты, но мне показалось, что они ничего не видят, женщина не шевелилась. Однако когда

я попытался нащупать пульс на сонной артерии, она тихонько зашипела, а потом произнесла мое имя.

— Мерлин, — хрипло проговорила женщина. — Мне... Прости меня...

— Ты помогла мне, а я ничего не могу для тебя сделать, — ответил я. — Это ты прости меня.

— Прости... что я не продержалась... дольше, — продолжала она. — Бессмысленно... у них лошади. Тебя преследуют.

— Кто? — спросил я.

— Хотя они отозвали... собак. Но... огонь... это... кто-то... другой. Не знаю... кто.

— Не понимаю.

Я побрызгал водой ее пылающие щеки. И посмотрел на покрытое сажей лицо, спутанные обгоревшие волосы — трудно было понять, как она выглядела на самом деле, была ли красива.

— Кто-то... идет за тобой, — промолвила она едва слышно. — И еще кто-то... впереди. Я ничего... про него... не знаю. Извини.

— Кто? — снова спросил я. — И кто ты такая? Почему...

— ...Спала с тобой, — улыбка скользнула по лицу женщины. — Теперь больше не смогу. Ухожу...

Она закрыла глаза.

— Нет! — выкрикнул я.

По ее лицу пробежала судорога, и она с трудом сделала последний вдох. Потом выдохнула и прошептала:

— Оставь меня... здесь... я утону. Прощай...

Ее лицо заволокло дымом, а я закрыл глаза и задержал дыхание — ветер принес огромную тучу, и мы погрузились в ее черную утробу.

Когда туча умчалась прочь, я принялся разглядывать лицо своей спасительницы. Она не дышала, и я не смог нащупать пульс и услышать биение ее сердца. Поблизости не было даже крохотного участка незаболоченной, не охваченной пламенем суши для попыток кардиопульмональной реанимации. Она умерла.

Я завернул тело в свой плащ, превратив его в саван.

А потом накрыл лицо и закрепил все пряжкой, которой обычно застегивал плащ, когда надевал его. Я зашел поглубже в воду.

«Оставь меня здесь, я утону». Иногда мертвецы быстро опускаются на дно, а иногда долго плавают на поверхности...

— Прощай, — проговорил я. — Жаль, что я не знаю твоего имени. И еще раз спасибо.

Я отпустил ее. Вода забурлила. И женщина исчезла. Через

некоторое время я отвернулся и пошел прочь. Слишком много вопросов, на которые нет ответов.

Где-то вдалеке дико заржала перепуганная насмерть лошадь.

Глава 9

Несколько часов и Теней спустя я позволил себе остановиться на отдых в месте, где было голубое и ясное небо и не особенно много сухих деревьев. Я выкупался в неглубокой речушке, а потом раздобыл в какой-то Тени свежую одежду. Сухой и чистый, устроился на берегу и приготовил себе еду.

Складывалось впечатление, что теперь каждый день — 30 апреля. И все, кого я встречаю, меня знают, а заодно ведут сложную двойную игру. Вокруг умирают люди, несчастья становятся самым обычным делом. Я начал чувствовать себя героем из компьютерной игры. Интересно, что ждет меня дальше? Метеоритный дождь?

У этой шарады должна быть разгадка. Безымянная женщина, отдавшая жизнь за то, чтобы вытащить меня из огня, сказала, что кто-то идет по моим следам и кто-то поджидает впереди. Хотелось бы получить хоть какое-нибудь объяснение... Может, подождать того, кто за мной гонится, и спросить его или ее о том, что, черт подери, происходит? Или, наоборот, поспешить, нагнать того, кто прячется где-то впереди, и задать свои вопросы ему? Интересно, совпадут ли ответы? Или окажутся совершенно разными? А вдруг дуэль удовлетворит уязвленное самолюбие какого-нибудь из моих преследователей? В таком случае я соглашусь на дуэль. Или, например, взятка? Я заплачу. Мне ничего не нужно — только ответ на вопрос и чтобы последовали мир и покой.

Я фыркнул. Очень похоже на описание смерти — хотя насчет того, что, погибнув, можно получить ответы на все вопросы, уверенности у меня нет.

— Черт побери! — возмутился я, ни к кому особенно не обращаясь, и швырнул камешек в речку.

Потом встал и перебрался на другой берег, где на песке было выведено «ВОЗВРАЩАЙСЯ НАЗАД». Я затоптал слова и бросился бежать.

Мир вокруг меня бешено завертелся. Исчезла растительность. Скалы превратились в валуны, засияли, посыпались искры...

Я мчался по долине из призм под уродливым багряным небом... Ветер среди радужных камней, эолова музыка...

Одеяния, развевающиеся на ветру... Над головой пурпур-

ный цвет перетекает в лавандовый... Среди звуков музыки пронзительные крики... Земля раскалывается...

Быстрее.

Я великан. Тот же пейзаж, только уменьшенный до невероятных размеров... Словно циклоп, я крошу камни ногами... Радужная пыль оседает на мои ботинки, облака обволакивают плечи...

Воздух становится плотнее, плотнее, вот-вот потечет, точно вода, начинает зеленеть... Кружит в водовороте...

Замедляю движение, стараюсь изо всех сил...

Плыву в нем... Мимо проносятся замки, которые можно было бы поместить в аквариум... Блистающие ракеты, похожие на светлячков, нападают на меня... А я ничего не чувствую...

От зеленого к голубому... Все тоньше, тоньше пелена... Синий дым и воздух, словно напоенный фимиамом... Отзвук тысяч невидимых гонгов, повторяющийся без конца... Я сжимаю зубы...

Быстрее.

От голубого к розовому, вспышки... языки пламени... Еще... Холодный огонь танцует, точно подводные растения... Выше, поднимается все выше... Стены пламени трещат и изгибаются...

У меня за спиной шаги.

Не оглядываться. Продолжать переход.

Небо разорвано посередине, мимо солнца пронеслась комета... Вот она — нет, тут же исчезла... Появилась снова. И снова. Три дня за три удара сердца... Я вдыхаю напоенный изысканными ароматами воздух... Завиток пламени, спуск на багровую землю... В небе призмы... Бегу вдоль сияющей реки по полю, поросшему грибами цвета крови, под ногами, словно губка, пружинит земля... Споры превращаются в самоцветы, падают, как пули...

Ночь на медной равнине, эхо шагов уносится в вечность. Узловатые, похожие на причудливые механизмы растения тихонько позвякивают, металлические цветы раскачиваются на металлических стеблях, соединенных с кронштейнами... Клик, клик, вздох...

У меня за спиной — лишь эхо?

Быстро оглядываюсь.

Мне показалось или какая-то темная фигура действительно быстро нырнула за дерево у ветряной мельницы? А может, это просто игра бликов — результат моего перехода из одной Тени в другую?

Вперед. Сквозь стекло и наждачную бумагу, апельсиновый сок, пейзаж бледной плоти...

Солнца нет, только тусклый свет... И земли тоже нет... Лишь хрупкие мосты и острова, повисшие в воздухе... Весь мир — хрустальная матрица...

Вверх, вниз, вокруг... Сквозь дыру в воздухе и вниз по крутому скату...

Соскальзываю... На кобальтовый берег неподвижного медного моря... Сумерки и небо без звезд... Повсюду слабое сияние... Мертвое — это мертвое место... Синие скалы... Разбитые статуи странных существ, не имеющих ничего общего с людьми... Вокруг безмолвие и недвижность...

Остановись!

Я нарисовал магический круг на песке и наделил его силами Хаоса. А потом расстелил в самом центре свой новый плащ, улегся на него и провалился в сон. Мне приснилось, что поднялись воды и смыли часть моего круга, а потом зеленое чешуйчатое чудовище с красной шерстью и острыми зубами выползло на берег и подобралось ко мне, чтобы испить мою кровь.

Проснувшись, я увидел, что круг действительно разорван и дохлое зеленое чешуйчатое чудовище с красной шерстью и острыми зубами лежит на берегу в нескольких ярдах от меня, Фракир надежно обвилась вокруг его шеи, а песок вокруг взрыхлен, словно там боролись два великана. Похоже, я спал очень крепко.

Я забрал свою удавку и пересек еще один мост в бесконечность.

На следующем этапе моего путешествия я, решив передохнуть, чуть не стал жертвой неожиданного наводнения. Поступило еще одно предупреждение — сверкающими буквами, выписанными на поверхности обсидиановой горы. Мне в очередной раз сообщалось, что я должен отказаться от своей затеи, все бросить и вернуться домой. Мое предложение обсудить наши разногласия, которое я прокричал довольно громко, осталось без ответа.

Я шел вперед. Снова наступило время ложиться спать, и тогда я разбил лагерь в Черных Землях — неподвижных, безжизненных, туманных и затхлых. Нашел небольшую пещеру, которую смог бы с легкостью защищать, сотворил заклинание против волшебства и уснул.

Позже — насколько позже, не знаю — у меня на запястье начала пульсировать Фракир.

Я мгновенно вышел из глубокого сна без сновидений, а потом страшно удивился почему. Я не слышал и не видел ничего опасного в пределах своего, правда ограниченного, поля зрения. Однако Фракир почти никогда не ошибается и не поднимает тревоги без причины. Я стал ждать, что будет дальше, а пока восстановил в своем сознании образ Логруса. Когда он был полностью передо мной, я засунул внутрь руку, словно это была перчатка, и достал...

Я редко ношу с собой холодное оружие больше кинжала среднего размера. Довольно обременительно, когда на боку у тебя болтается несколько футов стали, цепляется за все подряд кусты, бьет по чему ни попадя и путается под ногами. Хотя мой отец, как и многие другие в Амбере и во Владениях, души не чают в тяжелых неуклюжих мечах и шпагах; видимо, дело в том, что они покрепче меня. В принципе я не против такого оружия. Я люблю фехтовать и прошел хорошую школу. Просто мне не нравится носить такой неудобный предмет постоянно. Иногда даже, если я слишком долго имею с ним дело, ремень натирает мне бедро. Как правило, меня вполне устраивает Фракир, и я частенько полагаюсь на импровизацию. Однако...

Сейчас, и я готов был это добровольно признать, может быть, самый подходящий момент для того, чтобы воспользоваться серьезным оружием. Поскольку теперь я уже слышал громкое шипение и грохот, которые доносились снаружи откуда-то слева.

Я протянул руку сквозь Тень в поисках меча. Я тянулся и тянулся...

Проклятие. Я ушел слишком далеко от цивилизации нужного мне анатомического строения, представители которой обрабатывают металлы и находятся в соответствующей фазе исторического развития.

Я продолжал искать, лоб мой неожиданно покрылся испариной. Далеко, очень далеко. А звуки все ближе, громче, нетерпеливее.

Треск, топот и какие-то удары. Рычание.

Контакт!

Я коснулся рукояти меча. Ну, хватай и тащи к себе! Я призвал его, и в следующее мгновение меня отбросило к стене — с такой силой выскочил меч из Тени. Я постоял несколько секунд, потом вынул оружие из ножен, в которых он так и остался. Именно в этот момент все стихло.

Я подождал десять секунд. Пятнадцать. Полминуты...

Ничего.

Я вытер повлажневшие ладони о брюки. И снова прислушался. Наконец решился сделать шаг вперед.

Снаружи, непосредственно у входа в пещеру, ничего особенного не было, если не считать легкого тумана — самого обычного.

Еще один шаг...

Тишина.

Еще шаг.

И вот я уже стою на самом пороге. Я наклонился вперед и рискнул быстро оглядеться по сторонам.

Да. Слева от меня действительно что-то есть — темное, невысокое, неподвижное, прячущееся в тумане.

Присело? Готовится на меня прыгнуть?

Что бы это ни было, оно не шевелилось и сохраняло полнейшее молчание. Я последовал его примеру. За первым существом я заметил второе, точно такое же — а дальше, возможно, пряталось и третье. Почему-то ни одно из них не было склонно повторить представление с шумовыми эффектами, которое они устроили явно ради меня всего несколько минут назад.

Я продолжал стоять на своем посту.

Вероятно, прошло несколько минут, прежде чем я рискнул выйти наружу.

Все спокойно.

Я сделал шаг и подождал. Снова двинулся вперед.

Наконец очень медленно приблизился к первому существу. Уродливый зверь весь в чешуе цвета засохшей крови. Длинный, волнообразный, весит, наверное, несколько сот фунтов... Я открыл ему пасть острием меча — устрашающие зубы. Я не сомневался, что теперь мне ничто не угрожает, потому что голова страшилища была почти полностью отрублена от тела. Очень аккуратно. Желто-оранжевая жидкость все еще вытекала из раны.

С того места, где я стоял, было прекрасно видно, что два остальных существа ничем не отличаются от первого. Во всех отношениях. Осматривая второго, я заметил у него на теле несколько ран, к тому же не хватало лапы. Третьего изрубили в куски. Все трое истекали «кровью» и источали едва уловимый аромат гвоздики.

Я занялся изучением утоптанной земли и среди сгустков необычной крови на примятой росистой траве увидел смазанный отпечаток, похожий на след человеческого ботинка. Я принялся искать дальше и обнаружил еще один — на этот раз четкий. Он был направлен в ту сторону, откуда я пришел.

Мой преследователь? Может быть, «Т»? Тот, что отозвал собак? Решил выручить меня в трудную минуту?

Я покачал головой, потому что устал от попыток найти здравый смысл там, где его не имелось. Еще немного побродил вокруг диковинных зверей, ничего интересного не нашел, вернулся к своей пещере и поднял ножны. Спрятал в них меч, а потом забросил его за спину так, чтобы рукоять торчала над рюкзаком, когда я его надену. Вряд ли я смогу быстро передвигаться с этой штукой на боку.

Я поел немного хлеба и прикончил мясо. Запил все это водой и глотком вина. А потом зашагал дальше.

Почти весь следующий день я бежал — хотя понятие «день» не совсем подходит небесам, разрисованным однообразными пунктирами, или расчерченным в клетку, или освещенным сверкающими колесами и фонтанами света. Я бежал до тех пор, пока не устал, немного отдохнул, поел и снова устремился вперед. Приходилось экономить запасы пищи, поскольку, чтобы их пополнить, придется тянуться очень далеко, а это требует больших затрат энергии. Я сознательно не сокращал свой путь — такие эффектные переходы, как правило, дорого стоят, мне не хотелось прибыть на место, окончательно выбившись из сил. Я часто оглядывался. Но не видел ничего подозрительного. Правда, время от времен мне казалось, что кто-то меня преследует — вдалеке. Впрочем, этому могли быть и другие объяснения: Тени иногда вытворяют весьма неожиданные трюки.

Я мчался, не останавливаясь, и через некоторое время понял, что скоро окажусь там, куда так упорно стремился. Никаких новых несчастий и приказов повернуть назад не было. «Интересно, — мельком подумал я, — хороший это знак или худшее ждет меня впереди?» В любом случае осталась одна ночь и совсем небольшое расстояние. Если принять некоторые меры предосторожности, то даже появляются причины для оптимизма.

Я пробежал сквозь огромные, похожие на лес заросли кристаллов. Были ли они живыми существами или представляли какой-то геологический феномен, я не знал. Однако они искажали перспективу и затрудняли переход. Впрочем, я не заметил никаких признаков жизни в этом сверкающем хрустальном мире и поэтому решил разбить свой последний лагерь именно здесь.

Я отломил несколько отростков и засунул их в розовую землю, напоминавшую наполовину застывшую замазку. Рассматривая себя в качестве центра, построил круглый палисад, высотой доходивший мне до плеч. А потом снял с запястья Фракир, выдал ей соответствующие инструкции и положил на сверкающую, но не очень ровную стену.

Фракир вытянулась и, превратившись в тоненькую ниточку, обвила похожие на осколки стекла ветви. Я чувствовал себя в безопасности, потому что не мог представить себе, что кто-нибудь сможет перебраться через мой забор — Фракир мгновенно покончит с нарушителем границы.

Я расстелил плащ, улегся на него и заснул. Не знаю, сколько спал. И не помню, чтобы мне что-нибудь приснилось. Вокруг все было тихо.

Когда я пошевелил головой, чтобы сориентироваться в пространстве, то быстро понял, что вид, представший моим глазам, повсюду одинаков. Я смотрел на переплетенные кристаллические ветви.

Я медленно поднялся на ноги и надавил на стену. Она оказалась очень твердой — я находился внутри стеклянной клетки.

И хотя я мог легко сломать некоторые маленькие веточки, они располагались главным образом наверху, у меня над головой, так что выбраться на свободу таким образом не представлялось возможным. Те, что я забил в землю вначале, стали толще, похоже, пустили в землю крепкие корни. Я некоторое время пинал их ногами — очень сильно, — но они даже не пошевелились.

Я пришел в ярость и размахнулся мечом — во все стороны полетели осколки. Прикрыв лицо плащом, я нанес стеклянной стене еще несколько ударов. И тут почувствовал, что левая рука стала влажной. Я посмотрел — она была покрыта кровью. Некоторые осколки оказались даже слишком острыми.

Пришлось оставить надежду расправиться с клеткой при помощи меча и вновь я принялся ее лягать. Стены время от времени издавали легкий скрип, иногда звенели, но стояли неколебимо.

Надо сказать, что обычно я не страдаю от приступов клаустрофобии, и в данный момент моей жизни ничто не угрожало, однако что-то в этой сияющей тюрьме меня невыносимо раздражало. Настолько, что я даже был не в состоянии разумно оценить ситуацию. Тогда, чтобы вернуть способность здраво мыслить, я приказал себе успокоиться.

Я внимательно изучил переплетение ветвей и отыскал среди них Фракир, которая выделялась цветом и структурой. Я коснулся ее пальцами и отдал приказ. Она стала ярче, за-

сияла всеми цветами радуги, вспыхнула алым пламенем. Через несколько секунд послышался скрип.

Я тут же бросился в центр клетки и завернулся в плащ. Если скорчиться, решил я, тогда некоторые осколки сверху пролетят большее расстояние и смогут ударить в меня гораздо сильнее. Поэтому я выпрямился, прикрывая голову и шею руками и плащом.

Скрип превратился в хруст; хруст, потом грохот, звон бьющегося стекла. Неожиданно я получил сильный удар в плечо, мне с трудом удалось удержаться на ногах.

С пронзительными стонами и треском строение начало рушиться. Я сосредоточился на том, чтобы не упасть, хотя в меня угодило еще несколько крупных осколков.

Когда все стихло и я снова огляделся по сторонам, оказалось, что крыша исчезла, а я стою по колено в сломанных ветках из твердого, похожего на кораллы материала. Кое-где большие куски стены отвалились совсем рядом с землей. Другие накренились под неестественным углом, и на этот раз хорошо рассчитанные удары ногой сделали свое дело.

Фракир обвила мою левую щиколотку и начала медленно пробираться вверх к запястью. Когда я уходил, под ногами у меня хрустели осколки.

Я встряхнул плащ, который разорвался в нескольких местах, и привел себя в порядок. Минут тридцать я шагал вперед, оставив далеко позади место своей последней ночевки, а потом остановился и позавтракал в пышущей жаром бесцветной долине, где едва заметно пахло серой.

Заканчивая завтрак, я услышал грохот. Пурпурное существо с рогами и клыками мчалось вдоль гребня горы справа от меня, а его преследовало чудовище с оранжевой гладкой шкурой, длинными клыками и раздвоенным хвостом. Оба дико орали на разные голоса.

Я кивнул. Ничего особенного — всего лишь один зверь гонится за другим.

Я преодолевал скованные морозом и огнедышащие земли, шел под небесами дикими и безмятежными. И в конце концов много часов спустя оказался неподалеку от низкого гребня темных скал, освещенных утренней зарей. Ну вот я и прибыл. Осталось только подойти поближе и скользнуть внутрь — и тогда за самым последним и трудным препятствием покажется моя цель.

Я двинулся вперед. Хорошо бы поскорее покончить с этим делом и заняться другими, более важными проблемами. Я воспользуюсь картой, чтобы вернуться в Амбер, когда все будет сделано. Пожалуй, не стоит идти назад тем же путем.

Поскольку я бежал, мне показалось, что причина вибрации во мне самом. Впрочем, я довольно быстро переменил мнение — мелкие камешки впереди на дороге стали бесцельно и совершенно самостоятельно подпрыгивать.

А почему бы и нет?

Чем только в меня уже не швыряли! Складывалось впечатление, что моя своенравная Немезида действует крайне методично, вычеркивая из списка возможных катастроф те, к которым уже прибегала. Пришла очередь очередного: «Землетрясение». Ладно. Хорошо еще, что поблизости нет ничего высокого — не свалится на голову.

— Желаю хорошенько развлечься, сукин сын! — выкрикнул я. — Очень скоро тебе будет не до веселья!

Словно в ответ на мои слова, земля задрожала сильнее, и мне пришлось замереть, иначе я вряд ли удержался бы на ногах. И вдруг почва начала оседать в нескольких местах, а кое-где пошла под уклон. Я быстро осмотрелся, пытаясь решить, что делать — идти вперед, отступить или стоять на месте. Медленно, очень медленно появились небольшие трещины, донеслись грохот и оглушительный скрип.

Прямо подо мной земля вдруг резко опустилась — дюймов на шесть, — а ближайшие расселины расползлись в стороны. Я повернул назад. Мне казалось, что там сейчас немного спокойнее.

Возможно, это было ошибкой. В следующее мгновение особенно сильный толчок сбил меня с ног. Прежде чем я смог что-нибудь предпринять, совсем рядом возникла огромная трещина. Я смотрел на нее, а она становились все шире. Тогда я быстро вскочил, перепрыгнул через ее разверстую пасть, споткнулся, упал, вновь поднялся, и моим глазам предстала еще одна рана на теле земли — она делалась все глубже и глубже, увеличивалась даже быстрее, чем та, через которую я только что перебрался.

Я совершил очередной головокружительный прыжок и приземлился прямо на небольшой участок оползающего вниз песка. Казалось, вся местность вокруг меня разорвана в клочья, черными молниями змеящиеся трещины, точно невиданные чудовища, с душераздирающими стонами открывают свои бездонные пасти. Огромные глыбы исчезали, падая в глубокие пропасти. И мой маленький островок ждала такая же участь.

Я снова прыгнул... и еще раз... Я старался добраться до места, показавшегося мне относительно спокойным.

Не вышло. Я потерял равновесие и упал. Однако мне уда-

лось ухватиться за край. Я повисел одно короткое мгновение, а потом принялся потихоньку выбираться наверх. Край начал крошиться. Перехватив руки, я чуть-чуть повисел, а потом закашлялся, проклиная все на свете.

Я застрял на глинистой стене, где не найти даже небольшого углубления, куда можно было бы поставить ногу. Правда, земля понемногу поддавалась под ударами сапог. В конце концов я выдолбил маленькую ямку и, моргая залепленными грязью глазами, стал искать наверху какой-нибудь выступ, на который можно будет набросить Фракир и подтянуться, — я чувствовал, как она свернулась в петлю и устроилась возле моей кисти, готовая в любой момент прийти на помощь.

Ничего не получалось. Левая рука снова соскользнула; я изо всех сил цеплялся правой, однако земля вокруг продолжала оседать. Я знал, что и правая долго не выдержит.

Меня накрыла чья-то черная тень, я увидел ее сквозь пыль и слезы в глазах.

Как раз в этот момент пальцы правой руки разжались, и я оттолкнулся ногами в надежде предпринять новую попытку удержаться.

Чья-то сильная рука обхватила мое правое запястье и потянула вверх. В следующее мгновение появилась вторая рука, меня быстро и без особых усилий вытащили на поверхность. И вот я уже вскочил на ноги, спаситель выпустил мои руки, и я смог вытереть глаза.

— Люк!

Он был в зеленом, и, похоже, клинки не доставляли ему особых неудобств, потому что на правом боку у него висел меч весьма солидных размеров. Кажется, вместо рюкзака он использовал свернутый плащ, застежку от которого закрепил слева на груди так, что она служила своеобразным украшением. Изящная вещица, изображавшая какую-то птичку.

— Сюда, — сказал Люк, поворачиваясь, и я последовал за ним.

Он провел меня налево и назад, чуть в сторону от дороги, по которой я пришел в долину. Здесь было намного спокойнее, и мы взобрались на небольшой холм, располагавшийся вне пределов досягаемости землетрясения. Тут мы остановились, чтобы посмотреть, что творится у нас за спиной.

— Остановитесь! Дальше идти нельзя! — прогремел оттуда громоподобный голос.

— Спасибо, Люк, — задыхаясь, проговорил я. — Я не знаю, как ты сюда попал и зачем, но...

Он поднял руку.

— Сейчас меня интересует только одно, — сказал он и по-

чесал бородку, которую отрастил за удивительно короткое время, а еще я заметил у него на пальце кольцо с голубым камнем.

— И что же это? — поинтересовался я.

— Почему у того, кто к нам сейчас обратился, твой голос? — спросил Люк.

— Вот-вот, мне он тоже показался знакомым.

— Да ладно тебе! Ты должен знать. Каждый раз, когда он угрожает и требует, чтобы ты вернулся... он напоминает эхо.

— А давно ты за мной идешь?

— Довольно давно.

— Дохлые твари у входа в пещеру, где я ночевал...

— Я убил их, чтобы спасти тебя. Куда ты направляешься и что это такое?

— В данный момент у меня есть лишь несколько предположений по поводу того, что происходит. История довольно длинная. Однако ответ наверняка можно будет найти за следующей горной грядой.

Я махнул рукой в сторону освещенного восходом неба.

Люк посмотрел туда, куда я показал, а потом кивнул:

— Идем.

— Там землетрясение в самом разгаре, — напомнил я ему.

— Складывается впечатление, что оно не распространяется за пределы этой долины. Обойдем ее и двинем дальше.

— И натолкнемся на продолжение.

Люк покачал головой.

— Мне кажется, — проговорил он, — что тот, кто тебе мешает, теряет силы с каждой новой попыткой и ему требуется время, чтобы прийти в себя и предпринять новую.

— Однако, — заметил я, — они становятся все более эффективными.

— Может, причина в том, что мы приближаемся к их источнику? — спросил Люк.

— Может быть.

— Тогда давай поспешим.

Мы прошли по дальнему склону холма, затем поднялись вверх и вновь спустились уже по другому склону. Толчки почти утихли, лишь время от времени земля содрогалась.

Мы вышли в долину, и та сперва увела нас немного правее от цели нашего путешествия, но потом плавно повернула в нужном направлении — к голым холмам, за которыми на белом фоне, похожем на низкие неподвижные облака, повисшие в розовато-лиловом небе, вспыхивали молнии. Никакие новые страсти, похоже, нам здесь не угрожали.

— Люк, — спросил я спустя некоторое время, — что случилось в горах той ночью в Нью-Мексико?

— Мне пришлось уйти — быстро, — ответил он.

— А как насчет тела Дэна Мартинеса?

— Забрал его с собой.

— Зачем?

— Не люблю оставлять на виду улики.

— Не очень-то внятное объяснение.

— Знаю, — сказал Люк и побежал.

Я припустил за ним.

— Ты знаешь, кто я такой? — сказал я.

— Да.

— Откуда?

— Не сейчас, — ответил он. — Не сейчас.

Он ускорил бег. И я тоже.

— А зачем ты меня преследовал?

— Я же спас твою задницу, разве не так?

— Да, и я тебе очень признателен. Но ведь это не ответ на мой вопрос.

— Давай кто быстрее — вон до того кривого камня, — предложил он и понесся вперед.

Я тоже и вскоре поравнялся с ним. Но как я ни старался, перегнать его не смог. Задавать вопросы и отвечать на них в данный момент было невозможно — мы слишком тяжело дышали.

Я напрягся изо всех сил и побежал быстрее. Люк тоже прибавил скорости, стараясь не отставать от меня. Кривой камень был все еще достаточно далеко. Мы мчались бок о бок, и я берег силы для последнего рывка. Самое настоящее безумие, но мы с Люком столько раз соревновались в беге, что это уже почти вошло в привычку. Ну и еще, конечно, старое любопытство. Кто же все-таки лучший бегун? Он или я?

Ноги грохотали по земле. Взяв под контроль дыхание, я подчинил его четкому ритму и немного обогнал Люка, но он ничего не сделал по этому поводу. Неожиданно камень оказался совсем близко.

Через полминуты Люк прибавил ходу, обошел меня, полетел вперед. Пора!

Я заставил ноги двигаться быстрее... Кровь стучала у меня в ушах, я втягивал в себя воздух, всем своим существом устремился к цели. Расстояние между нами сократилось.

Я догнал Люка, но, как ни старался, опередить не сумел. Мы промчались мимо кривого камня бок о бок, а потом оба повалились на землю.

— Фотофиниш, — задыхаясь, пролепетал я.

— Ничья, — выдохнул он. — Ты меня постоянно удивляешь — в самом конце.

Я вытащил флягу с водой и передал ее Люку. Он сделал глоток и вернул флягу мне. Мы очень медленно, маленькими глотками опустошили ее.

— Проклятие, — проговорил Люк, поднимаясь на ноги. — Давай посмотрим, что там, за этими холмами.

Я тоже встал и последовал за ним.

Когда я в конце концов отдышался, то первым делом заявил:

— Знаешь, мне кажется, что ты знаешь про меня чертовски много — гораздо больше, чем я про тебя.

— Думаю, тут ты прав, — помолчав, ответил Люк. — Хотелось бы мне, чтобы дело обстояло иначе.

— А это что значит?

— Не сейчас, — снова повторил он. — Позже. Ты ведь не читаешь «Войну и мир» во время перерыва на ленч.

— Не понимаю.

— Время, — пояснил Люк. — Его всегда или слишком много, или слишком мало. В данный момент у нас его мало.

— Все, ты меня окончательно запутал.

— Хотелось бы...

Холмы становились все ближе, а земля у нас под ногами оставалась жесткой, мы уверенно шагали вперед.

Я раздумывал над предложениями Билла, подозрениями Рэндома, вспомнил о предупреждении Мэг Девлин. И почему-то о необычных патронах, которые нашел в кармане куртки Люка.

— Та штука, к которой мы идем, — Люк не дал мне возможности сформулировать новый вопрос, — это Призрачное Колесо, верно?

— Да.

Он рассмеялся, а потом сказал:

— Значит, в Санта-Фе ты не врал, когда заявил, что для проекта нужна особая окружающая среда. Ты только не посчитал нужным сообщить мне, что нашел такую среду и построил эту штуку.

Я кивнул.

— А как насчет твоих планов, связанных с компанией? — поинтересовался я у него.

— Ну, я просто хотел тебя разговорить на тему о твоем проекте.

— Хорошо, а Дэн Мартинес?

— Не знаю. Я и в самом деле с ним не был знаком. Мне неизвестно, чего он добивался и почему гнался за нами, а потом обстрелял.

— Люк, а чего ты-то добиваешься?

— В данный момент я хочу посмотреть на эту проклятую штуку, — ответил он. — То, что она построена здесь, в этом диком краю, наделяет ее какими-то особыми качествами?

— Да.

— Например?

— Среди них, к сожалению, есть и такие, о возможности появления которых я и не подозревал, — ответил я.

— Назови хотя бы одно.

— Извини, — проговорил я. — Игра в вопросы и ответы — это игра для двоих.

— Эй, приятель, я ведь только что вытащил тебя из громадной дыры в земле.

— Насколько я понял, ты несколько раз пытался прикончить меня — тридцатого апреля.

— В последнее время — нет, — сказал он. — Честно.

— Иными словами, это и в самом деле был ты?

— Ну... да. Но у меня были уважительные причины. Это довольно длинная история и...

— Господи, Люк! Почему? Что я тебе такого сделал?

— Все не так просто.

Мы подошли к подножию ближайшего из холмов, и он полез вверх.

— Не делай этого, — крикнул я. — Ты не сможешь перебраться.

Он остановился:

— Да?

— Через тридцать или сорок футов... там нет атмосферы.

— Ты шутишь!

Я покачал головой.

— А с другой стороны еще хуже, — добавил я. — Нужно найти проход. Тут есть один, немного дальше и левее.

Я повернулся и отправился на поиски прохода. Вскоре я услышал у себя за спиной шаги Люка.

— И ты дал ему свой голос, — сказал он.

— Ну и что?

— А то, я прекрасно понимаю, что происходит. Он стал разумным в этом сумасшедшем месте, в котором ты его построил. Вырвался из-под контроля, и ты намерен его отключить. А он все понял и способен помешать тебе это сделать. Именно твое Призрачное Колесо пыталось заставить тебя повернуть, правильно?

— Вполне возможно.

— А почему ты не воспользовался картой, чтобы сюда добраться?

— Нельзя создать карту, изображающую место, которое постоянно меняется. Кстати, а что тебе известно про карты?

— Достаточно, — ответил он.

Впереди я увидел проход, который искал.

Я подошел к нему, но, прежде чем войти, остановился.

— Люк, — сказал я, — мне неизвестно, что тебе нужно, каким образом ты сюда попал и зачем, и мне кажется, что в твои планы не входит информировать меня об этом. Однако я все-таки сообщу тебе кое-что — бесплатно. Эта затея может оказаться очень опасной. Я думаю, тебе стоит вернуться туда, откуда ты прибыл, и предоставить мне самому разбираться с моими проблемами. Тебе совершенно незачем рисковать.

— А мне кажется, что у меня есть достаточно уважительные причины на то, чтобы остаться. Да и вообще я могу оказаться тебе полезным.

— Каким образом?

Он пожал плечами:

— Давай-ка лучше займемся делом, Мерлин. Я хочу увидеть эту штуку.

— Ладно, пошли.

Я повел его за собой по узкой дорожке между обрушившимися обломками скал.

Глава 10

Проход был длинным и темным и временами невероятно узким. По мере того как мы продвигались вперед, становилось все холоднее, но в конце концов мы вышли на широкий скалистый уступ, нависший над окутанной паром огромной ямой. В воздухе пахло чем-то похожим на аммиак, ноги у меня мгновенно замерзли, а лицо, наоборот, раскраснелось — как обычно. Я старательно поморгал, а потом принялся изучать очертания лабиринта, возникшего в мечущемся воздухе. Казалось, кто-то накинул на это место жемчужно-серое покрывало, которое временами разрывали яркие огненные всполохи.

— Хм-м, ну и где же твое детище? — осведомился Люк.

Я махнул рукой в сторону последней ослепительной вспышки:

— Вон там.

Как раз в этот момент туман рассеялся, и нашим глазам предстали ряды темных, гладких горных кряжей, разделенных черными провалами. Скалистые хребты зигзагами пробирались к острову, похожему на крепость и окруженному низкой стеной, за которой можно было разглядеть несколько металлических конструкций.

— Это же лабиринт, — заметил Люк. — Мы как по нему пойдем — вниз по проходам или полезем вверх на стены?

Я улыбнулся тому, с каким видом он на него пялился.

— А это бывает по-разному, — ответил я. — Иногда нужно идти поверху, а иногда низом.

— Ну хорошо, а мы-то что станем делать?

— Еще не знаю. Приходится каждый раз изучать его заново. Видишь ли, он постоянно меняет форму, и тут есть фокус.

— Фокус?

— Ну, по правде говоря, их гораздо больше, чем один. Призрачное Колесо плавает в озере из жидкого гелия и водорода. Его действительно окружает лабиринт, который постоянно меняется. И еще — существует проблема атмосферы. Если ты выпрямишься в полный рост и пойдешь по гребню, то в большинстве мест окажешься выше ее. Следовательно, долго не продержишься. Да, чуть не забыл про температуру — если решишь подняться наверх, то сначала замерзнешь так, как не замерзал никогда в жизни, а потом изжаришься. Причем всего через несколько футов. Необходимо знать, когда нужно ползти, а когда взбираться вверх по склону, да и вообще в какой момент что делать. И, конечно же, в какую сторону идти.

— А как ты это узнаешь?

— Ну-у, — задумчиво протянул я. — Я тебя проведу, но секрета не выдам.

Туман снова начал выползать из пропасти и собираться в маленькие облака.

— Теперь я понимаю, почему ты не смог сделать карту, — произнес Люк.

Я продолжал изучать местность.

— Ладно, — объявил я в конце концов. — Вот сюда.

— А что, если твой Призрак нападет на нас, когда мы будем находиться в лабиринте?

— Можешь не ходить, если не хочешь.

— Да брось ты!.. Ты действительно собираешься его отключить?

— Еще не знаю. Пошли.

Я сделал несколько шагов вперед и немного вправо. Прямо передо мной в воздухе возник едва различимый световой круг, постепенно разгорелся, стал слепящим...

Люк вцепился в мое плечо.

— Что?.. — начал он.

— Дальше нельзя! — приказал мне мой собственный голос.

— Мне кажется, вместе мы сумеем что-нибудь придумать, — ответил я. — У меня есть несколько идей и...

— Нет! — донесся ответ. — Я слышал, что сказал Рэндом.

— Я готов проигнорировать его приказ, — сказал я, — если мы отыщем альтернативный вариант.

— Ты пытаешься меня обмануть. Ты хочешь меня отключить.

— А ты только усложняешь дело, демонстрируя свое могущество, — заявил я. — Я иду и...

— Нет!

Яростный порыв ветра вырвался из середины круга и ударил мне в грудь. Я покачнулся. Рукав моего плаща стал коричневым, потом оранжевым, прямо у меня на глазах превратился в лохмотья.

— Что ты вытворяешь? Мне необходимо с тобой поговорить, объяснить...

— Не здесь! И не сейчас! Никогда!

Я отлетел к Люку, он подхватил меня, но сам вынужден был опуститься на одно колено. В следующее мгновение нас уже хлестал ледяной ветер, перед глазами заплясали колючие кристаллы, повсюду возникали пронзительно яркие вспышки.

— Прекрати! — крикнул я, однако Призрак явно не собирался подчиняться.

Земля у нас под ногами начала крениться, и вскоре я понял, что она куда-то исчезла. Впрочем, ощущения, что мы падаем, не возникло. Скорее казалось, что мы подвешены в самом центре световой бури.

— Прекрати! — крикнул я снова, но мои слова утонули в грохоте.

Блистающий круг исчез, словно скрылся в глубине длинного туннеля, однако я понял — чувства мои были обострены до предела, — что это нас с Люком отнесло от источника света на солидное расстояние. И ничего, на чем мог бы остановиться глаз.

Послышалось тихое жужжание, которое превратилось в гудение, а потом глухой рык. Вдалеке я разглядел крошечный паровоз, с трудом, под каким-то необычным углом заползавший на гору, затем перевернутый вверх ногами водопад, линию горизонта под зелеными водами... Мимо промчалась скамейка в парке, на ней сидела женщина с синей кожей, она отчаянно цеплялась за спинку, а в глазах у нее застыл ужас.

Я принялся рыться в карманах, понимая, что нас в любой момент могут уничтожить.

— Что это? — прокричал мне в самое ухо Люк, который так сильно сжал мою руку, что чуть не вывихнул ее.

— Теневая буря! — рявкнул я в ответ. — Держись покрепче, — без всякой нужды предупредил я его.

Мне в лицо ударило существо, похожее на летучую мышь;

впрочем, в следующее мгновение оно куда-то пропало, оставив на щеке влажную кляксу. Что-то пролетело, задев мою левую ногу.

Проплыл перевернутый горный кряж, который изгибался и корчился под нарастающий рев и грохот. И вот вокруг нас уже пульсирует ослепительное сияние, клубятся многоцветные ленты, касаются наших тел, создают ощущение физической силы. Раскаленные светильники и пение ветра...

Вскрикнул от боли Люк, но я не мог повернуться, чтобы ему помочь. Мы пронеслись сквозь похожие на молнии вспышки, и волосы у меня встали дыбом, а по коже пробежали мурашки.

Я отыскал в кармане и тут же вытащил колоду карт. Как раз в этот момент нас закружило в вихре, и я испугался, что карты выскользнут у меня из руки. Поэтому, не решаясь искать нужную, я отчаянно прижал всю колоду к груди. Та, что лежит сверху, должна стать нашим спасением.

Вокруг пульсировали и лопались, испуская зловоние, черные пузыри.

Я поднял руку и заметил, что она стала серого цвета и что ее пронизывают мерцающие вихри. Рука Люка, вцепившаяся мне в плечо, была похожа на руку мертвеца, а когда я бросил на него короткий взгляд, то встретился глазами с пустыми глазницами ухмыляющегося черепа.

Сосредоточив все свое внимание на картах, я отвернулся. Из-за серого тумана, окутавшего нас, и необъяснимого искажения перспективы картинка получилась размытой. Но в конце концов мне удалось увидеть карту как следует — четко и ясно. Та самая, поросшая зеленой травой длинная коса, которую я разглядывал на скамейке в заброшенном парке — как давно это было? — окруженная безмятежной водой, что-то блестящее, кристаллическое неподалеку справа...

Я сосредоточился. Судя по звукам, доносившимся у меня из-за спины, Люк задал какой-то вопрос, но я не разобрал его слов. Я продолжал смотреть на карту, и она постепенно становилась все ярче. Только вот происходило это медленно, очень медленно...

Что-то сильно ударило меня в бок, справа, под ребра. Я усилием воли заставил себя не обращать внимания на боль и не отвлекаться.

Наконец изображение карты начало расти, увеличиваться, возникло знакомое ощущение — меня зазнобило...

Крошечное озеро было погружено в почти элегический покой.

Я упал лицом в траву; сердце мое отчаянно колотилось, в боку пульсировала боль. Я тяжело дышал, а субъективное ощу-

щение того, что мимо меня в калейдоскопе образов проносятся миры, все еще оставалось со мной, совсем как после длинного дня, проведенного в машине на шоссе, — когда закрываешь глаза и видишь мелькание самых разных пейзажей.

Ноздрей коснулся сладкий аромат воды, и я потерял сознание.

Я смутно понимал, что меня куда-то волокут, потом несут, потом помогают подняться на ноги и, поддерживая, ведут... вперед? После надо мной сотворили заклинание, я погрузился во мрак, заснул, и мне приснился сон.

...Я шел по улицам разоренного Амбера, а в темном, зловещем нависшем небе парил ангел-калека и размахивал огненным мечом; там, где опускался его клинок, возникало пламя, в воздух взметались клубы дыма и пыли. Вместо нимба у ангела было мое Призрачное Колесо, оно насылало на Амбер могущественные ветры, оседланные чудовищами, которые, пролетая мимо ангела, казались черной живой вуалью — она касалась земли, и все превращалось в холодные руины. Дворец был наполовину разрушен, рядом с ним стояли виселицы, на них раскачивались тела моих родственников. В одной руке я держал меч, с ладони другой свисала Фракир. Я собирался сразиться с ослепительно черной Немезидой. Однако, когда я поднимался вверх по каменистой тропе, меня не оставляло ощущение, что мое поражение предопределено. И все же я твердо решил, что этому исчадию ада тоже не поздоровится и придется зализывать не одну рану.

Когда я приблизился, мерзкая тварь меня заметила, повернулась в мою сторону, подняла оружие, но я по-прежнему не мог разглядеть ее лица. Я бросился вперед, жалея только о том, что не успел напитать ядом клинок. Дважды описав мечом круг, я сделал ложный выпад, словно собирался ударить своего врага в область левого колена.

Вспышка света — и вот я падаю, падаю, а вслед за мной опускаются языки пламени, похожие на пылающую снежную бурю.

Прошла целая вечность, а когда я наконец очнулся, оказалось, что я лежу на спине на огромном плоском камне, размеченном, словно солнечные часы; стрелка чуть не пронзила меня насквозь. Даже если принять во внимание, что это был всего лишь сон, мне такой поворот событий показался настоящим безумием. Во Владениях Хаоса нет солнечных часов, поскольку там нет солнца.

Я находился в углу двора возле высокой черной башни и

не мог пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться на ноги. Моя мать Дара, в своем обычном обличье, стояла на низком балконе и смотрела на меня, сияя ослепительной красотой и излучая могущество.

— Матушка! — крикнул я. — Освободи меня!

— Я уже послала тебе подмогу, — ответила она.

— А что с Амбером?

— Не знаю.

— Где мой отец?

— Я не желаю вспоминать мертвых.

Стрелка сдвинулась с места, нависла над моим горлом, начала медленно приближаться.

— Помоги мне! — завопил я. — Скорее!

— Где ты? — крикнула она, быстро повернула голову, начала искать меня глазами. — Куда ты подевался?

— Я все еще здесь! — заорал я.

— Где ты?

Стрелка дотронулась до моей кожи...

Картина распалась, исчезла.

Моя спина касается чего-то жесткого, ноги вытянуты вперед. Кто-то только что сильно сжал мне плечо, рука задела шею.

— Мерль, с тобой все в порядке? Хочешь пить? — спросил знакомый голос.

Я сделал глубокий вдох и тяжело выдохнул. Несколько раз моргнул. Голубой свет, а мир состоит из углов и линий.

Около моих губ появился ковш с водой.

— Вот, держи. — Это был Люк.

Я выпил все до капли.

— Еще хочешь?

— Да.

— Минутку.

Я услышал, как он поднялся на ноги, куда-то ушел. А я занялся изучением тускло светящейся стены высотой в шесть или семь футов, которая стояла прямо передо мной. Провел рукой по полу. Кажется, тот же материал.

Вскоре вернулся улыбающийся Люк и протянул мне ковш. Я снова осушил его.

— Принести еще?

— Нет. Где мы?

— В пещере — большой красивой пещере.

— А где ты воду взял?

— В боковом ответвлении. — Люк махнул рукой. — Там несколько бочек. И огромный запас еды. Хочешь чего-нибудь?

— Пока нет. А ты в порядке?

— Меня немного потрепало, — ответил он, — но все цело. Кажется, у тебя ничего не сломано, а царапина на щеке перестала кровоточить.

— Уже есть чему порадоваться...

Я встал, и последние нити сна постепенно оборвались, оставив лишь след воспоминания. Тут я заметил, что Люк повернулся и уходит от меня. Я прошел за ним несколько шагов и только потом поинтересовался:

— А куда ты идешь?

— Туда, — ответил он и показал рукой с ковшом.

Я последовал за ним в отверстие в стене, и мы оказались в довольно холодной пещере размером с гостиную в моей старой квартире. Слева от входа я разглядел четыре большие деревянные бочки. Люк повесил ковш на верхний край ближайшей. Возле дальней стены было сложено множество ящиков, коробок и мешков.

— Консервы, — объявил он. — Фрукты, овощи, ветчина, лосось, конфеты, печенье. Несколько ящиков вина. Печь Колмана. Много пива. И даже парочка бутылок коньяка.

Он повернулся и прошествовал мимо меня в сторону зала.

— А теперь куда? — спросил я.

Однако Люк двигался очень быстро и не ответил на мой вопрос. Мне пришлось поспешить, чтобы его догнать. Мы миновали несколько ответвлений и переходов, а потом он остановился возле одного из них и удовлетворенно закивал головой:

— Туалет здесь. Самая обычная дырка, обшитая досками. Думаю, лучше держать ее закрытой.

— Что, черт подери, все это значит?

Люк поднял руку:

— Через минуту тебе все станет ясно. Иди сюда.

Он завернул за сапфировый угол и исчез из виду. Почти полностью потеряв ориентацию, я последовал в том же направлении. После нескольких поворотов я понял, что окончательно заблудился. Люка нигде не было видно.

Я остановился и прислушался. Ни единого звука, если не считать моего дыхания.

— Люк? Ты где? — крикнул я.

— Тут, — ответил мне он.

Мне показалось, что голос доносится откуда-то сверху, немного справа от того места, где я стоял. Я прошел под низкой аркой и оказался в залитой голубым сиянием комнате, построенной из того же прозрачного материала, что и все остальное. В углу я заметил спальный мешок и подушку. Свет про-

никал в комнату из небольшого отверстия, расположенного примерно в восьми футах у меня над головой.

— Люк? — снова позвал я.

— Здесь, — ответил он мне.

Я встал прямо под отверстием и, щурясь от яркого света, посмотрел вверх. В конце концов мне пришлось прикрыть глаза рукой. Надо мной вырисовался силуэт головы и плечи Люка, его волосы, словно золотая корона, сияли в лучах утреннего солнца — или уже вечер? Он улыбался.

— Насколько я понимаю, это выход? — проговорил я.

— Для меня, — ответил он.

— Это в каком смысле?

Послышался скрежет, и в отверстии появился край огромного валуна.

— Что ты делаешь?

— Сдвигаю камень таким образом, чтобы можно было быстро захлопнуть дверь, — ответил он, — а потом закрепить ее несколькими клиньями.

— Зачем?

— Ты не задохнешься — тут достаточно небольших дырок, в которые проходит воздух.

— Отлично. А что я вообще здесь делаю?

— По-моему, сейчас не совсем подходящее время для исследований на тему экзистенциализма, — заявил Люк. — У нас не семинар по философии.

— Люк! Проклятие! Что происходит?

— Разве ты еще не понял, что стал моим пленником?.. Кстати, голубой кристалл блокирует любые передвижения при помощи карт и лишает тебя магических способностей, которые опираются на то, что находится вне стен пещеры. В данный момент мне нужно, чтобы ты был жив, не устроил бы никакого безобразия и находился там, где я смогу быстро до тебя добраться.

Я внимательно посмотрел на отверстие у себя над головой и на ближайшую стену.

— И не пытайся, — предупредил Люк. — У меня более выгодная позиция.

— А тебе не кажется, что ты все-таки должен мне объяснить, какого дьявола ты тут вытворяешь?

Он смотрел на меня несколько мгновений, а потом кивнул.

— Я должен вернуться, — сказал он наконец, — и попытаться взять под контроль Призрачное Колесо. У тебя есть какие-нибудь идеи на этот счет?

Я рассмеялся:

— У меня с ним в данный момент не очень теплые отношения. Боюсь, тут от меня не много пользы.

Люк снова кивнул:

— Необходимо посмотреть, что можно сделать. Господи, какое потрясающее оружие! Если мне не удастся самому с ним разобраться, придется вернуться и прозондировать твои мозги — а вдруг там найдется что-нибудь полезное. Ты ведь будешь о нем думать, верно?

— Я буду думать о целой куче самых разных вещей, Люк. И далеко не все из них тебе понравятся.

— Ты попал в незавидное положение, так что тебе вряд ли удастся провернуть какой-нибудь уж особенно эффективный трюк.

— В данный момент — да, — согласился я.

Он ухватился за камень, начал сдвигать его с места.

— Люк! — крикнул я.

Он остановился, посмотрел на меня; такого выражения на его лице я еще ни разу не видел.

— Меня зовут совсем не так, — заявил он, немного помолчав.

— А как?

— Я твой кузен Ринальдо, — медленно проговорил он. — Это я убил Кейна, и мне немного не повезло с Блейзом. И с бомбой на похоронах не получилось — жаль. Кто-то меня заметил. Я уничтожу Дом Амбера при помощи твоего Призрачного Колеса — или без него. Однако все было бы гораздо проще, если бы мне удалось наложить руки на такую могущественную машину.

— Почему ты затаил на нас зуб, Люк?.. Ринальдо? По какой причине затеял эту вендетту?

— Сначала я разобрался с Кейном, — продолжал он, — потому что именно он убил моего отца.

— Я... не знал. — Я не сводил глаз с застежки с изображением феникса у него на груди. — Я не знал, что у Брэнда был сын, — сказал я наконец.

— Теперь знаешь, старик. Это еще одна причина, по которой я не могу тебя отпустить и вынужден держать в таком особенном месте. Не хочу, чтобы ты предупредил остальных.

— Из твоей затеи ничего не получится.

Он молчал несколько секунд, затем пожал плечами:

— Я должен попытаться, а там посмотрим, что меня ждет — поражение или победа.

— А почему 30 апреля? — неожиданно спросил я. — Хоть это-то ты мне можешь объяснить?

— В этот день я получил известие о смерти отца.

Он подтолкнул камень, и тот скользнул в отверстие, полностью закрыв его. Потом я услышал несколько коротких ударов.

— Люк!

Он не ответил. Сквозь прозрачный камень я видел его силуэт. Через некоторое время мой кузен выпрямился и вскоре исчез. Мне было слышно, как он уходит прочь.

— Ринальдо!

И опять он не ответил, до меня донеслись лишь его удаляющиеся шаги.

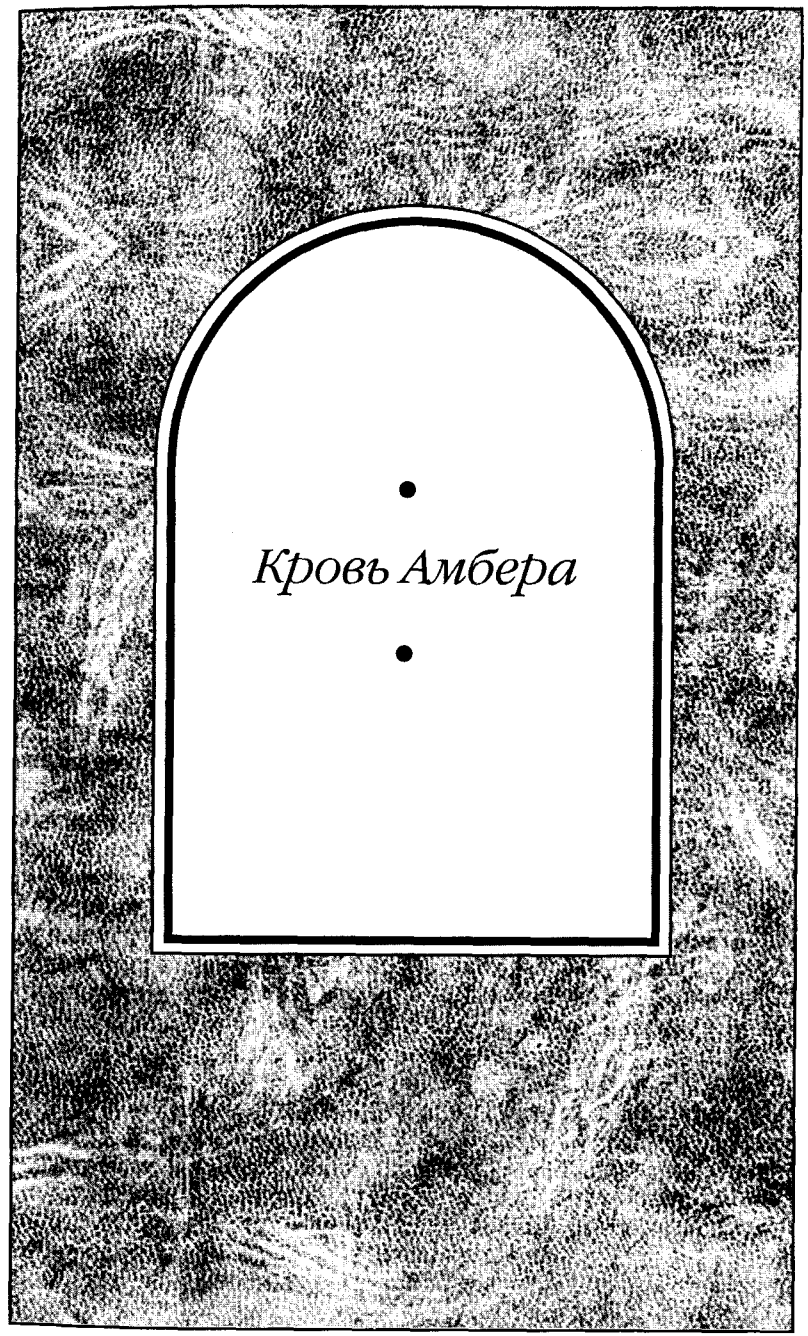
Я считаю дни по тому, как темнеет и освещаются голубые хрустальные стены. Я провел в заточении больше месяца, хотя мне неизвестно, с какой скоростью течет время относительно других Теней. Я обошел все залы и коридоры огромной пещеры, однако мне не удалось найти из нее выход. Мои карты бессильны, они ничем не в состоянии мне помочь. А стены цвета камня в кольце Люка лишили способности творить заклинания.

Порой меня посещают мысли о том, что я, возможно, обрадовался бы временной потере рассудка — сумев, таким образом, сбежать из своей темницы. Однако разум отказывается сдаваться, слишком много загадок осталось без ответа — Дэн Мартинес, Мэг Девлин, Дева Озера... Почему? И зачем он проводил со мной столько времени — Люк, Ринальдо, мой враг?

Мне просто необходимо найти способ предупредить остальных. Если ему удастся натравить на них Призрачное Колесо, мечта Брэнда — мой кошмарный сон, где царила месть, — будет реализована. Так уж легли карты Судьбы. Теперь я понимаю, что совершил немало ошибок... Прости меня, Джулия...

Я снова пройду по своей тюрьме. Холодная голубая логика, пленником которой я оказался, должна иметь слабое место... Логика, вызывающая у меня слезы и горький смех, заставляющая ломать голову над поисками выхода. Нужно только пересечь вот этот зал, тот коридор... Отовсюду струится голубой свет. Тени не унесут меня отсюда, потому что здесь нет теней. Я — Мерлин, узник, сын пропавшего без вести Корвина. Моя мечта о свете обернулась против меня. И теперь я брожу по своей темнице, словно призрак самого себя. Нельзя допустить, чтобы все так закончилось. Возможно, за следующим поворотом, в следующем коридоре или в том, что за ним...

Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой



Размышления в хрустальной пещере

В течение восьми лет моя жизнь была довольно спокойной, если не считать того обстоятельства, что каждый год тридцатого апреля кто-то пытался меня убить. Что же касается моей ученой карьеры — а работал я над созданием новых компьютеров, — то она складывалась довольно успешно.

Четыре года в «Большом Проекте» пошли мне на пользу, и приобретенный там опыт я смог использовать в моей собственной тайной разработке, что доставило мне немалое удовольствие. Я подружился с Люком Рейнардом, работавшим в той же компании в отделе сбыта. Я плавал на своей маленькой яхте, регулярно занимался бегом...

Это случилось незадолго до тридцатого апреля. Вроде бы дела шли хорошо, мой любимый проект «Призрачное Колесо» был осуществлен. Я решил уволиться с работы, упаковал вещи и собрался отправиться в более зеленые места. Задержался я в городе лишь потому, что приближался тот самый симпатичный роковой денек, и на сей раз я решил выяснить, кто пытается меня убить и почему.

Утром Люк принес мне записку от Джулии, моей бывшей подружки. Она писала, что хочет меня видеть. Я заехал к ней и нашел ее мертвой. Очевидно, ее убило то же собакоподобное животное, которое потом напало на меня. Мне удалось расправиться с этим существом. Я быстро обыскал квартиру и нашел колоду карт, сильно напоминавших магические карты Амбера и Хаоса. Такой волшебник, как я, не мог не заинтересоваться ими.

Да, я — волшебник. Я — Мерлин, сын Корвина, принца Амбера, и Дары, принцессы Хаоса. Мои друзья в Тени Земля знают меня как Мерля Кори, талантливого, обаятельного, остроумного парня атлетического сложения... За подробностями обращайтесь к Кастильону и к лорду Байрону. Я человек скрытный, надменный и в то же время скромный.

Карты действительно оказались магическими; по всей ви-

димости, они принадлежали увлекшемуся оккультизмом Виктору Мелману, с которым Джулия стала общаться после того, как мы расстались. Во время моего визита к этому джентльмену он пытался меня убить, точнее, принести меня в жертву. Я сумел помешать ему исполнить сей ритуал, задал несколько вопросов, затем в результате некоторого стечения обстоятельств и моего энтузиазма ему пришлось умереть. Это к вопросу о церемониях.

Из разговора с ним я понял, что Мелман был лишь чьим-то орудием. Кто-то другой велел ему сделать из меня ритуальную жертву, и весьма вероятно, что именно тот, другой, был причиной гибели Джулии и моего памятного набора тридцатых апреля.

Однако я не успел поразмыслить о случившемся, потому что вскоре меня укусила (да, именно укусила) привлекательная рыжеволосая особа. После короткого телефонного разговора, во время которого я представился ей как Мелман, она явилась ко мне в квартиру. Ее укус парализовал меня, но с помощью одной из магических карт, найденных в доме Джулии, я сумел вовремя скрыться. Карта перенесла меня к сфинксу, а тот благородно дал мне возможность оправиться — с тем чтобы я поиграл с ним в любимую игру сфинксов «отгадай загадку»; любимую потому, что когда ты неминуемо проигрываешь, они тебя просто-напросто съедают. Могу сказать лишь, что этот сфинкс был не шибко умен.

Затем я вернулся на теневую Землю и обнаружил, что квартира Мелмана в мое отсутствие сгорела дотла. Я попытался позвонить Люку, хотел поужинать с ним, однако выяснилось, что он расплатился и уехал из мотеля, оставив мне записку. В записке мой товарищ сообщал, что едет по делам в Нью-Мексико, и оставлял свои координаты. Портье передал мне также кольцо с голубым камнем, которое Люк забыл в номере, и я обещал вернуть его владельцу.

Я полетел в Нью-Мексико и в конце концов нагнал приятеля в Санта-Фе. Когда я перед ужином ожидал Люка в баре, со мной заговорил некий тип по имени Дэн Мартинес, проявлявший интерес к Люку; очевидно, у них наклевывалась какая-то торговая сделка и он хотел удостовериться в том, что на потенциального партнера можно положиться.

После ужина мы с Люком вздумали прокатиться в горы. Мартинес последовал за нами и, когда мы вышли из машины, чтобы полюбоваться ночной природой, начал стрелять в нас — возможно, решил, что Люк все-таки не поставит ему обещанный товар. Люк несказанно удивил меня, вытащив револьвер и застрелив Мартинеса.

Затем произошло еще одно странное событие. Люк произнес мое настоящее имя, которое я никогда не называл ему, процитировал мою родословную, потом велел мне сесть в машину и катиться ко всем чертям. Свое приказание он убедительно подтвердил выстрелом в землю у моих ног. Обсуждать приказ не представлялось возможным, и я счел за лучшее ретироваться. Перед нашим расставанием Люк посоветовал уничтожить магические карты, которые однажды спасли мне жизнь. По дороге я сообразил, что он был знаком с Виктором Мелманом.

Я не уехал далеко. Припарковав машину у подножия холма, я вернулся пешком. Люк исчез, исчезло и тело Мартинеса. Мой товарищ не вернулся в отель ни в ту ночь, ни на следующий день. Я тоже расплатился и уехал.

Единственным человеком, кому я вполне доверял и кто мог дать мне хороший совет, был Билл Рот. Билл, лучший друг моего отца, судья, жил в северной части штата Нью-Йорк. Я поехал к нему и рассказал обо всем, что со мной стряслось.

Билл своими вопросами заставил меня еще более серьезно задуматься над личностью моего товарища. Между прочим, Люк — здоровенный рыжий атлет, отчаянный и бесхитростный; хотя мы дружили много лет, я (как ясно показал Билл) почти ничего не знал о его прошлом.

Живший по соседству парень по имени Джордж Хансен стал околачиваться возле дома Билла и задавать странные вопросы. Какой-то человек звонил мне, чтобы расспросить о том же самом. Обоих интересовало, как зовут мою мать. Я, разумеется, соврал. Им вовсе ни к чему было знать, что моя мать принадлежит к магической аристократии Хаоса. Но звонивший говорил на языке тари, что возбудило мое любопытство, и я договорился с ним о встрече в баре местного клуба, чтобы обменяться информацией.

Однако, когда мы с Биллом прогуливались, мой дядя Рэндом, король Амбера, отозвал меня домой. Оказалось, что Джордж Хансен за нами следовал... Увы, его не приглашали. Билла я взял с собой — не хотел оставлять друга семьи с таким странным типом.

Рэндом поведал, что мой дядя Кейн погиб от руки убийцы, который пытался также застрелить моего дядю Блейза, но сумел лишь ранить его. Заупокойная служба по Кейну должна была состояться на следующий день.

В тот вечер я пришел на встречу в сельский клуб; тем не менее мой таинственный собеседник не явился. Однако не все было потеряно — я познакомился с хорошенькой дамочкой по имени Мэг Девлин, и это имело интересные пос-

ледствия. Я проводил ее домой, и мы смогли, что называется, узнать друг друга поближе. В малоподходящий момент, когда я считал, что ее мысли заняты совсем другим, она вдруг спросила, как зовут мою мать. Я возмутился и ответил, что сейчас не время задавать вопросы. Лишь позже я понял, что именно ее мне и предстояло встретить в баре.

Наше любовное свидание было грубо прервано звонком из вестибюля; явился мужчина, представившийся мужем Мэг. Я предпочел быстро удалиться, как на моем месте поступил бы любой джентльмен.

Моя тетя Фиона, волшебница (иного профиля, чем я) не одобрила это любовное свидание. Еще менее она одобрила нашу дружбу с Люком, после того как я рассказал ей кое-что о нем, и спросила, нет ли у меня его фотографии. Я вынул фотографию из бумажника и показал ей. Это был групповой снимок, но я готов поклясться, что она сразу узнала Люка, хотя и не подала виду. И не случайно она и ее брат Блейз исчезли в ту ночь из Амбера.

Затем события стали развиваться еще быстрее. На следующий день во время похорон Кейна была сделана попытка уничтожить большинство членов нашей семьи взрывом бомбы. Негодяю удалось ускользнуть. Позднее я продемонстрировал силу Призрачного Колеса, моего нового изобретения, результата моих побочных занятий во время работы в «Большом Проекте», и тем самым сильно взволновал Рэндома.

Призрачное Колесо — своего рода компьютер, но работающий на основе совершенно иных физических законов, чем те, которые я изучал в школе. По сути дела, эти законы можно назвать магическими. Мой Призрак был способен к самопрограммированию и казался живым существом. Это напугало Рэндома. Он велел мне вернуться и отключить его. Мне не очень-то понравился приказ дяди, но возражать я не стал.

Все время, пока я добирался до цели сквозь Тени, кто-то преследовал меня, угрожал, пытался испугать и чинил всяческие препятствия. От огня меня спасла странная дева, которую потом я похоронил в озере. От мерзких животных и чудовищного землетрясения меня уберегла некая таинственная личность; как оказалось позднее, это был Люк. Мы вместе дошли до последнего барьера, до места обитания Призрачного Колеса.

Мое творение немного рассердилось на меня и решило наказать нас с помощью Теневой бури, штуки весьма малоприятной — даже если вы не забыли прихватить с собой зонтик. Я избавился от этой напасти с помощью карты из колоды,

найденной в квартире Джулии; я окрестил эти карты картами судьбы.

В конце концов мы очутились у входа в голубую хрустальную пещеру, и Люк пригласил меня войти в нее. Добрый старый Люк... Позаботившись о моих бытовых нуждах, он решил оставить меня в тюрьме. Именно сходство Люка с его отцом напугало Фиону, когда она увидела фотографию. Потому что Люк оказался сыном Брэнда, убийцы и архипредателя, который несколько лет тому назад чуть не разрушил наше королевство и в придачу всю Вселенную. К счастью, Кейну удалось убить его, прежде чем он успел осуществить свой замысел. Люк и убил Кейна, чтобы отомстить за отца. Выяснилось, что он узнал о гибели своего отца тридцатого апреля и решил, устраивая на меня покушения, столь странным образом отмечать эту дату.

Мое Призрачное Колесо произвело на него, как и на Рэндома, большое впечатление. Люк сказал, что я должен остаться его узником, поскольку могу пригодиться ему, понадобиться ему, чтобы научить управлять этой штукой, которая, как он считал, может стать идеальным орудием уничтожения всего нашего рода.

Он отправился налаживать отношения с Призрачным Колесом, а я тут же убедился, что какое-то странное свойство пещеры лишает меня магической силы. Мне не с кем поговорить, кроме тебя, Фракир. А тебе некого задушить...

Хочешь, спою «Над радугой»[1].

Глава 1

Лезвие сломалось, и я отшвырнул рукоятку ножа. Разве можно подобным орудием разрушить державшие меня в плену голубые прозрачные, словно океан, стены? В сравнении с ними я — лишь крошечная песчинка...

У моих ног валялось несколько маленьких камушков. Я поднял их и машинально потер друг о друга. Но они не могли помочь мне. Был лишь один путь — тот, каким я пришел. Но этот путь закрыт.

Я вернулся к себе, то есть в ту часть пещеры, где валялся мой тяжелый коричневый спальный мешок. Усевшись на него, откупорил бутылку вина и сделал несколько глотков. От попыток расковырять стену я был весь в поту.

[1] Популярная песня из кинофильма «Волшебник страны Оз». (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Но тут появилась невидимка Фракир. Она покинула мое запястье, скользнула на ладонь левой руки и свернулась кольцом вокруг тех двух камешков, которые я все еще не выбросил. Потом завязалась узлом, свесилась с ладони и стала раскачиваться, словно маятник. Я убрал бутылку и начал наблюдать.

Дуга ее качания была параллельна стенам туннеля, который я теперь называл своим домом. Фракир покачалась с минуту и снова поднялась; дотронувшись до тыльной стороны моей руки, она чуть помедлила, потом высвободила камешки, оставив их лежать возле среднего пальца, и вернулась на свое обычное укромное место, обвившись браслетом вокруг запястья.

Я поднял мигающий масляный светильник и с любопытством уставился на камешки. Этот цвет...

На фоне моей кожи они казались удивительно похожими на камень в кольце Люка, которое он забыл в мотеле «Нью-Лайн». Совпадение? Или между ними есть какая-то связь? Что пыталась сказать мне моя ленточка-удавка?

Кольцо Люка... Голубой камень в металлической оправе... А где я видел еще один, точно такой же?

Пещера, в которой я был заточен, обладала способностью блокировать магическое действие волшебных карт и Логруса. Если Люк носил с собой камень, отколотый от этой стены, значит, у него была на то особая причина. Какими же качествами наделен этот материал?

Почти целый час я пытался выяснить природу камешков, но даже Логрус не мог помочь. В конце концов я с досадой сунул камни в карман, — поел немного хлеба с сыром и запил вином. Потом поднялся и еще раз проверил свои ловушки.

Я был узником этой пещеры уже целый месяц, обошел все туннели, коридоры и гроты в поисках выхода — ничего. Временами я носился по проходам словно бешеный, обдирая в кровь костяшки пальцев о холодные стены. Иногда ходил медленно в поисках трещин и расселин. А порой тщетно пытался сдвинуть каменную глыбу, загораживающую вход в пещеру. Но я не мог даже пошевелить ее. По-видимому, меня собирались держать здесь долго.

Мои ловушки...

Они так и стояли здесь с тех пор, как я в последний раз проверил их — куча бревен, большие камни, нагроможденные якобы в естественном живописном беспорядке, готовые рухнуть, если кто-нибудь споткнется о спрятанную в тени веревку, принесенную из ящика в складском помещении.

Кто-нибудь? Разумеется, Люк. Кто же еще? Ведь это он запер меня здесь. И если он вернется...

Когда он вернется, его будет ждать западня. Он вооружен. Он может застать меня врасплох, у него преимущество — он будет наверху у входа, а я внизу, не ожидая его...

Не выйдет. Меня там не окажется. Пусть войдет и спустится ко мне, и тогда...

Слегка встревоженный, я вернулся в свое жилище. Лежа на спине, заложив руки за голову, я пересмотрел свои планы. Западня могла убить человека, а я не хочу, чтобы Люк погибал. И дело тут вовсе не в сантиментах, хотя до недавнего времени я считал его своим хорошим другом — до тех пор, пока не узнал, что он убил моего дядю Кейна и, как видно, желает уничтожить всех моих родственников, весь род Амбера. А все потому, что Кейн убил отца Люка, моего дядю Брэнда, человека, которого охотно прикончил бы любой из нас. Да, Люк, или Ринальдо, как, оказывается, его на самом деле зовут, — мой двоюродный брат, и у него есть причины объявить нашей семье вендетту. И все-таки желать убить всех нас — это уж слишком. Однако не родственные чувства и не прочие сантименты заставили меня принять решение демонтировать западню. Люк мне нужен живой — слишком много вопросов я хотел задать ему, а если бы он погиб, я так и не узнал бы ответов.

Джасра... странные карты, с помощью которых я так легко перенесся через Тени... Какое отношение имел Люк к художнику, увлекавшемуся оккультизмом, к этому спятившему Виктору Мелману? Что известно Люку о Джулии и ее смерти?

Я начал разбирать западню.

Мой новый план был весьма прост и рассчитан на то, что Люк о нем никак не мог догадаться. Я перенес свой спальный мешок в туннель рядом с помещением, в потолке которого находился заблокированный вход, и разместил там также кое-что из запасов пищи, решив остаться на этом месте как можно дольше.

Новая западня, отлично придуманная, была проста и потому надежна. Устроив ее, мне оставалось только ждать. Ждать и помнить. И строить планы. Мне надо предупредить своих. И что-то сделать с Призрачным Колесом. Также необходимо выяснить, что знала Мэг Девлин. Многое, многое...

Я думал о Теневых бурях, о своих силах, о странных картах, о деве, погребенной в озере... После долгого периода, когда время текло медленно и плавно, моя жизнь вдруг наполнилась событиями, а потом вновь наступили долгие и пустые дни бездействия. Утешало одно: наверное, время здесь идет

гораздо быстрее, чем где-либо, а это имело для меня огромное значение. Возможно, здешний месяц равнялся в Амбере всего лишь дню или даже меньше. Тогда, если бы я смог вскоре выбраться отсюда, следы, по которым мне нужно идти, оставались бы еще относительно свежими.

Поразмыслив обо всем этом, я погасил лампу и решил заснуть. Сквозь хрустальные линзы моей тюрьмы просачивался свет, то разгоравшийся, то угасавший, что позволяло мне определять время суток и жить согласно этому ритму.

В течение следующих трех дней я продолжал читать дневник Мелмана. В нем было полно намеков, но мало полезной информации. Однако она позволяла прийти к выводу: человек в капюшоне, которого он называл то посетителем, то учителем, возможно, не кто иной, как Люк. Правда, меня смутило, что в некоторых фразах он называет его гермафродитом. Упоминание в конце записок о необходимости принести в жертву Сына Хаоса я отнес на свой счет — ведь теперь я знал, что Мелману было велено убить меня. Но если эта идея принадлежала Люку, почему он так двусмысленно вел себя во время поездки в горы в Нью-Мексико, когда посоветовал мне уничтожить странные карты и велел немедленно уезжать, словно хотел защитить от кого-то? По его словам, он несколько раз покушался на мою жизнь, но, если можно ему верить, в последнее время убить меня пытался кто-то другой. Вроде бы обманывать меня ему ни к чему. Тогда кто же этот другой? Кто? И какова причина?

В данной головоломке явно не хватало каких-то деталей, настолько незначительных, что стоило слегка встряхнуть ее, как все встало бы на свои места и возникла бы картинка, простая и очевидная. Мне оставалось бы только удивляться, как это я не догадался обо всем раньше.

Конечно, я мог сообразить, что если мне нанесут визит, то непременно ночью. Мог — но не сообразил. Если бы мне пришло такое в голову, я спал бы днем, чтобы ночью бодрствовать и быть начеку. Хотя я не сомневался, что мой план сработает, в критический момент даже пустяк может сыграть важную роль.

Я крепко спал, и стук камня о камень казался мне глухим и отдаленным. Открыл глаза. Стук не утихал. Лишь через несколько минут до меня дошло, что происходит. Я встал, сонный, протирая глаза и приглаживая волосы, прошел в соседнее помещение, ближайшее ко входу в пещеру, и притаился, сев у стены, пытаясь стряхнуть сон.

Теперь к стуку камней добавился другой звук — будто кто-то вытаскивал клинья, которые держали глыбу, загораживавшую вход в пещеру. Судя по отсутствию эха, звуки доносились снаружи.

Я рискнул выглянуть в переднее помещение. Вход по-прежнему завален, ночного неба со звездами не видно.

Вибрирующие звуки наверху продолжались, теперь к ним добавились скрип и треск. Над прозрачной крышей возник яркий световой шар, окруженный нимбом. «Фонарь, — подумал я. — Пламя не колеблется, значит, это не факел. К тому же факел сейчас было бы неудобно держать».

Наконец показалась полоска неба с двумя звездами в нижнем углу. Потом она расширилась, и я услышал тяжелое дыхание и тихое бормотание. «Их двое», — решил я.

От избытка адреналина в крови у меня звенело в ушах и слегка покалывало в руках и ногах. Я никак не рассчитывал, что Люк явится не один. Мой надежный план не сработает, стало быть, я просчитался. У меня даже не было времени выругаться — следовало сосредоточиться, чтобы принять нужное решение.

Я мысленно вызвал образ Логруса, и он возник передо мной. Поднявшись на ноги и упираясь плечом в стену, я стал двигать руками в такт движениям линий фантома. Когда мне удалось достичь полного совпадения движений, звуки наверху замерли.

Входное отверстие было уже свободным. Через несколько секунд там вспыхнул свет, и я сделал шаг вперед.

Я вошел в этот просторный зал, вытянув вперед руки. Увидев двух вооруженных кинжалами смуглых низкорослых мужчин, которые просунули в отверстие головы, я понял, что мой план провалился. Люка с ними не было.

Протянув руки в рукавицах Логруса, я схватил каждого за горло и сжимал пальцы до тех пор, пока мои посетители не обмякли, потом подержал еще немного и отпустил их. Потом с помощью светящихся силовых линий Логруса поднялся ко входному отверстию, задержавшись немного, чтобы забрать прилепившуюся к потолку Фракир. Собственно, такова и была моя западня. Голова входящего в мое жилище Люка должна была попасть в эту петлю, которая затянулась бы на его шее при малейшей попытке двинуться.

Наконец-то... Справа от меня, спускаясь по склону, алела огненная полоска — вылившийся из разбитого фонаря бензин превратился в горящий ручеек. По обе стороны его лежали задушенные мной незнакомцы. Валун, прежде загораживавший вход, находился слева. Я помедлил немного, высунув голову и плечи из входного отверстия и опираясь на локти. Тень Логруса плясала у меня перед глазами, в руках еще чув-

ствовалось пульсирующее тепло силовых линий. Фракир ползла с моего левого плеча вниз на бицепс.

Можно сказать, все произошло слишком уж гладко и просто. Вряд ли Люк доверил двум самым заурядным своим прихвостням допросить меня или убить — или перевезти куда-нибудь. Поэтому я не решился сразу же выйти из пещеры и пытался оглядеть окутанные мраком окрестности. Проявил на этот раз благоразумие и осторожность.

Интуиция мне подсказывала, что я здесь не один. Стояла такая темень, что свет от угасающего ручейка огня был не в силах разогнать мрак. Но когда я вызываю Логрус, особый психический настрой позволяет мне видеть бестелесные существа.

Так произошло и на этот раз. Слева под деревом я различил какой-то предмет, а за ним — смутные очертания человеческой фигуры. Этот предмет был весьма странен, хотя и напоминал нечто знакомое, виденное прежде в Амбере. Он медленно вращался, как колесо, и испускал кудрявые дымообразные кольца света, которые также медленно двигались ко мне сквозь мрак, а я смотрел на них как зачарованный, уже зная, что следует делать.

Четыре больших кольца направлялись в мою сторону — медленно, осторожно. Всего в нескольких ярдах от меня они остановились, а потом внезапно кинулись на меня как кобры.

Я сложил руки крест-накрест, и конечности Логруса вытянулись. Я развел их в стороны одним мгновенным резким движением и слегка подтолкнул вперед. Они ударили по желтым кольцам, отшвырнув их назад, на предмет, с которого те слетели. У меня в руках запульсировала кровь.

Затем удлинившейся правой рукой я нанес по качающемуся предмету сильный удар, словно мечом по щиту. Раздался резкий короткий крик — это «нечто» потускнело, очертания его начали растворяться. Я снова нанес быстрый удар, выскользнул из своей норы и пошел вниз по склону. Рука у меня болела.

Непонятный предмет растворился и исчез. Однако теперь я более отчетливо мог различить фигуру, прислонившуюся к стволу дерева. Я понял, что это женщина. Ее лица не было видно, так как она что-то держала на уровне глаз. Опасаясь, что это оружие, я с помощью Логруса нанес удар, стремясь выбить оружие из ее рук.

И пошатнулся, чуть не сбитый с ног силой отдачи. Видимо, предмет обладал мощной магической силой. По крайней мере, моя соперница тоже пошатнулась. Она вскрикнула, однако таинственный предмет не выпустила.

Через миг от женщины стало исходить неяркое многоцветное сияние. Я понял тогда, что это за штука у нее в руке, и направил туда силовую линию Логруса. Это была волшебная карта. Теперь я просто обязан достичь ее хотя бы для того, чтобы выяснить, кто она такая.

Я ринулся к ней, но тут же понял, что не успеваю. Если только...

Я снял Фракир с руки и швырнул ее вдоль силовой линии Логруса. Отсюда, благодаря неяркому сиянию, окружавшему женщину, я смог разглядеть лицо соперницы. Это была Джасра, которая чуть не убила меня своим укусом в квартире Мелмана. Еще миг, и она исчезла бы, не дав мне шанса получить ответ на вопросы, от которых, быть может, зависела моя жизнь.

— Джасра! — крикнул я, пытаясь помешать ей сосредоточиться.

Крик мне не помог, но помогла Фракир.

Моя ленточка-удавка сверкнула серебряным светом и обвилась вокруг ее горла, а хвостом крепко уцепилась за свисавшую с дерева ветку. Женщина начала бледнеть, растворяться. Видно, не поняла, что уже поздно, что она не может ускользнуть, не лишившись головы.

Вскоре ей пришлось усвоить горький урок. Джасра сдалась, стала телесной, осязаемой, перестала светиться, уронила карту и ухватилась за обвившую ее шею удавку.

Я подошел и протянул руку Фракир, которая высвободила ветку и обвила хвост вокруг моего запястья.

— Добрый вечер, Джасра, — промолвил я, запрокинув ей голову. — Попробуй снова вонзить в меня свои ядовитые зубы, и ожерелье сожмет твою шею потуже. Понятно?

Она попыталась что-то сказать, но не сумела выдавить ни звука, только кивнула.

— Я чуть-чуть высвобожу твою шейку, и ты сможешь отвечать.

Я слегка ослабил хватку Фракир. Джасра закашлялась и бросила на меня взгляд, способный превратить песок в стекло. Ее магическая сила исчезла окончательно, и я позволил Логрусу удалиться.

— Почему ты преследуешь меня? — спросил я. — Кто я для тебя?

— Сын погибели! — ответила она и попыталась плюнуть мне в лицо, но во рту у нее слишком пересохло. Я тихонько подергал Фракир, и Джасра снова закашлялась.

— Ответ неверный, — заметил я. — Следующая попытка.

И вдруг выражение ее лица изменилось, на губы легла слабая улыбка. Я еще ослабил ленту, сдавливавшую ее шею, и

быстро огляделся. В воздухе справа и сзади от меня возникло мерцающее сияние — кто-то, воспользовавшись картой, собирался к нам в гости.

В данный момент я не был готов к новому нападению и, сунув свободную руку в карман, вытащил колоду своих собственных карт. Сверху лежала Флора. «Отлично, — подумал я, — сойдет!»

Пристально вглядываясь в карту, освещенную слабым светом, я напряг ум и настроился... Я почувствовал ее внимание, вначале рассеянное, потом пристальное...

Затем услышал:

— Да?..

— Забери меня! Быстро!

— Это что? Крайне необходимо?

— Слышала, что я сказал? Поторапливайся!

— Гм-м... Хорошо. Иди сюда.

Передо мной возник образ Флоры, лежащей в постели; он становился все яснее и яснее. Она протянула мне руку. Я подал свою и только начал переход, как услышал голос Люка:

— Стой!

Я продолжал перемещаться и тянул за собой Джасру. Попытавшись устоять, она сильно меня толкнула. Я споткнулся и упал на кровать и только тут заметил на противоположном ее краю темноволосого бородатого мужчину, смотревшего на меня широко раскрытыми глазами.

— В чем дело? Кто это?.. — начал он, в то время как я, виновато улыбаясь, вставал.

Люк полусформировавшейся тенью подлетел к моей узнице и пытался оторвать ее от меня, схватив за руку. Это заставило Фракир сильнее сжать шею Джасры, которая, издав хриплый звук, закашлялась.

Черт побери! Что же делать?

Флора внезапно резко поднялась, откинув пахнущую лавандой простыню, и с поразительной быстротой махнула кулаком.

— Ах ты, сука! — крикнула она. — Помнишь меня?

Удар пришелся Джасре по челюсти, и я едва успел высвободить Фракир, прежде чем Люк заключил Джасру в объятия. Оба они исчезли, и мерцающий свет погас.

Тем временем темноволосый сполз с кровати и торопливо стал собирать свою одежду. Схватив все в охапку, он как был нагишом попятился к двери.

— Рон! Ты куда? — воскликнула Флора.

— Ухожу! — ответил он, открывая дверь.

— Подожди!

— Ни в коем случае! — раздался ответ из другой комнаты.

— Черт бы тебя побрал! — разозлилась на меня Флора. — Кто просил тебя вмешиваться в мою личную жизнь?.. Рон! Может, поужинаем сегодня?

— Мне надо показаться психиатру! — донесся голос. Затем хлопнула дверь.

— Надеюсь, до тебя доходит, какие прекрасные отношения ты испортил, — упрекнула меня Флора.

Я вздохнул:

— Когда ты с ним познакомилась?

Она нахмурилась:

— Ну... Вчера. Давай, давай, ухмыляйся! Тут дело не во времени. Я сразу же поняла, что из этого знакомства может выйти что-нибудь стоящее. А такие грубияны, как ты и твой отец, готовы все хорошее опошлить...

— Прости, — сказал я. — Спасибо, что вытащила меня. Не беспокойся, вернется твой Рон как миленький! Мы просто напугали его до смерти. Да разве может кто-нибудь не вернуться, узнав тебя однажды!

— Да, ты действительно вылитый Корвин: грубиян, но не дурак.

Флора поднялась, подошла к шкафу, вынула оттуда пахнущий лавандой халат и накинула его.

— Ну, так в чем дело? Что там стряслось? — спросила она, запахивая халат.

— Это долгая история...

— Пожалуй, я лучше послушаю ее за завтраком. Ты голоден?

Я ухмыльнулся.

— Ну вылитый!.. Ладно, идем.

Тетушка провела меня через провинциальную французскую гостиную в просторную кухню в деревенском стиле с изразцами и медной посудой. Я предложил свою помощь, но она указала мне на стул возле стола и велела сесть. Открыв холодильник. Флора стала доставать кучу деликатесов, но я остановил ее:

— Прежде всего...

— Что?

— Прежде всего скажи, где мы находимся.

— В Сан-Франциско.

— А почему ты здесь поселилась?

— Выполнив поручение Рэндома, я решила здесь остаться. Этот город мне снова приглянулся.

Я щелкнул пальцами. Я забыл, что ее послали разузнать, кто владелец здания, где находилась квартира и мастерская

Виктора Мелмана и где на «Складах Брутуса» хранился запас снарядов, взрывающихся только в Амбере.

— Так кто же владелец?

— «Склады Брутуса», — ответила Флора. — Мелман арендовал у них помещение.

— А кому принадлежат «Склады Брутуса»?

— Компании «Дж. Б. Рэнд, Инк.».

— Адрес?

— Офис в Саусалито. Закрыт несколько месяцев назад.

— А у хозяев офиса был домашний адрес для арендаторов?

— Только номер почтового ящика. Он тоже аннулирован.

Я кивнул:

— Понятно. Ничего удивительного. А теперь расскажи мне про Джасру. Ты явно знакома с этой дамой..

Флора презрительно хмыкнула:

— Какая там дама! Королевская шлюха! По крайней мере, была ею, когда я знала ее.

— Где?

— В Кашфе.

— А где это?

— Занятное маленькое королевство в Царстве Теней чуть выше границы Золотого Круга, одно из тех, с кем у Амбера торговые связи. Варварское убожество с претензией на великолепие, и ничего больше. Своего рода культурные задворки.

— В таком случае откуда тебе все это известно?

Флора помедлила, помешивая что-то в миске.

— О, я водила дружбу с одним дворянином из Кашфы. Встретила его однажды в лесу. Он охотился с соколом, а я ненароком подвернула ногу.

— Ага, — вмешался я, не желая, чтобы детали увели нас в сторону. — Вернемся все же к Джасре.

— Она была женой старого короля Менилана. Помыкала им как тряпкой.

— Что ты имеешь против нее?

— Она украла у меня Джасрика, пока меня не было в городе.

— Джасрика?

— Моего дворянина. Графа Кронклефа.

— А что думал его величество Менилан об этих проделках?

— Он ничего не подозревал. В то время он лежал на смертном одре. И вскоре благополучно испустил дух. По правде говоря, из-за этого-то она и жаждала заполучить Джасрика. Он был шефом дворцовой охраны, а брат его — генералом. Когда Менилан испустил дух, Джасра втянула их в заговор с целью государственного переворота. Последнее, что я слышала о ней, — она стала королевой Кашфы и дала Джасрику от ворот поворот. Так ему и надо. Думаю, он сам мечтал влезть

на трон, но она не пожелала делить с ним власть, а приказала казнить его вместе с братом за государственную измену... А он и в самом деле был парень хоть куда... Хотя и не слишком умен.

— Не наделены ли жители Кашфы какими-нибудь... скажем, необычными физическими качествами? — спросил я.

Флора улыбнулась:

— Ну, Джасрик был в полном порядке, но я не назвала бы необычным то...

— Нет, нет, — прервал я ее, — я имею в виду что-нибудь вроде аномалии рта, например, втягивающиеся клыки, жало и тому подобное.

— Ах! — воскликнула Флора, и я не понял, покраснела она от жара плиты или по другой причине. — Вовсе нет! У него все было в норме. С чего ты взял?..

— Рассказывая тебе о моих приключениях в Амбере, я умолчал о том, что Джасра укусила меня и я чуть не умер, потому что укус оказался ядовитым. Долгое время я был парализован, не мог говорить и чувствовал ужасную слабость.

Она покачала головой:

— Кашфанцы не способны ни на что подобное. Но Джасра не из Кашфы. Какой-то работорговец привез ее из далекой страны. А другие говорят, будто она в один прекрасный день сама явилась в Кашфу и подцепила Менилана. Ходили слухи, что она — колдунья. Правда или нет — не знаю.

— А я знаю. Эти слухи не случайны.

— В самом деле? Может, потому-то она и сумела отбить у меня Джасрика.

Я пожал плечами.

— Давно ты с ней встречалась?

— Тридцать... нет, пожалуй, сорок лет назад.

— И она все еще королева Кашфы?

— Не имею понятия, я давненько там не была.

— Амбер в плохих отношениях с Кашфой?

Флора покачала головой:

— Да почти что ни в каких. Я уже говорила, королевство захолустное. Расположено оно далеко, да и торговать им особенно нечем.

— Тогда что у Джасры за причины ненавидеть нас?

— Те же, по которым она ненавидит других.

Запах восхитительной пищи наполнил кухню. Вдыхая его, я мечтал о том, как после завтрака приму горячий душ. И тут Флора сказала то, что я ожидал от нее услышать:

— Этот человек, что утащил Джасру... Мне он показался знакомым. Кто он?

— Один из тех, о ком я рассказывал тебе в Амбере, — ответил я. — Его зовут Люк. Интересно, он тебе напоминает кого-то?

— Вроде бы, — промолвила Флора, помедлив. — Однако не припоминаю кого.

Когда она повернулась ко мне спиной, я продолжил:

— Если ты скрываешь что-то важное, лучше выкладывай, будь добра!

Она поставила что-то на столик, затем повернулась ко мне и в замешательстве спросила:

— А что такое?

— Его настоящее имя Ринальдо, он сын Брэнда, — объявил я. — Я был его узником месяц с лишним, в другой Тени. И только что сбежал.

— О, боже! — прошептала Флора. — Чего же он хочет?

— Отомстить.

— Кому именно?

— Всем нам. Но сильнее всех он ненавидел, конечно, Кейна.

— Ясно.

— Пожалуйста, проследи, чтобы еда не подгорела — я так давно мечтал вкусно поесть.

Флора кивнула и повернулась ко мне спиной. Чуть погодя она спросила:

— Ты довольно давно его знаешь. Что он за человек?

— На вид — отличный парень. Если он такой же чокнутый, как его отец, то хорошо это скрывает.

Она откупорила бутылку вина, наполнила два бокала и поставила их на стол. Потом подала еду. Проглотив несколько кусочков, Флора застыла; приподняв вилку и глядя куда-то в пространство, заметила:

— Кто бы мог подумать, что у Брэнда есть сын...

— Очевидно, Фиона, — ответил я. — Вечером накануне похорон Кейна она спросила меня, есть ли у меня фотография Люка. Когда я показал ей снимок, то заметил, что она чем-то взволнована, а чем — она не объяснила.

— А на следующий день она и Блейз исчезли, — подхватила Флора. — Да, теперь я вижу, что он похож на Брэнда в молодости. Люк выше ростом и поплотнее, но определенное сходство есть.

Она снова принялась за еду.

— Между прочим, ты прекрасно готовишь.

— О, спасибо. — Флора вздохнула. — Стало быть, мне придется ждать, пока ты наешься, чтобы выслушать всю историю.

Я кивнул с набитым ртом. Пусть все летит в тартарары, я умираю с голода.

Глава 2

Я принял душ, привел себя в полный порядок, облачился в только что наколдованный костюм и, найдя в телефонном справочнике единственную фамилию Девлин в районе Билла Рота, позвонил. Тембр ответившего женского голоса вначале показался мне малознакомым.

— Мэг? Мэг Девлин? — спросил я.

— Да, — был ответ. — А кто говорит?

— Мерль Кори.

— Кто?

— Мерль Кори. Не так давно мы с вами неплохо провели ночь.

— Извините, — ответила женщина, — вы, вероятно, ошиблись!

— Если вы сейчас не в состоянии говорить свободно, я могу позвонить в любое время. Или вы позвоните мне.

— Я не знаю вас, — сказала она и положила трубку.

Я уставился на телефон. Если при нашем разговоре присутствовал ее муж, неудивительно, что она притворялась. Но могла бы по крайней мере намекнуть, что узнала меня и согласна поговорить со мной в другое время.

Я решил отложить контакт с Рэндомом, потому что чувствовал, что он тут же вызовет меня обратно в Амбер, а я хотел вначале поговорить с Мэг. Теперь я оказался в некоем тупике и попытался сделать то, что представлялось единственным выходом: позвонил в справочную и узнал номер телефона Хансенов, ближайших соседей Билла.

На третий звонок ответил женский голос; как я понял, говорила миссис Хансен. Когда-то я виделся с ней, но не в последний мой приезд.

— Миссис Хансен, — начал я. — Это Мерль Кори.

— Ах, Мерль... Вы, по-моему, приезжали к нам недавно, не правда ли?

— Да, хотя задержаться, к сожалению, не мог. Но с Джорджем я виделся несколько раз и подолгу с ним беседовал. Признаться, я и сейчас желал бы поговорить с ним, если он дома.

После довольно долгой паузы она ответила:

— Джордж... Дело в том, Мерль, что Джордж сейчас в больнице. Что-нибудь передать ему?

— О нет, это не срочно, — ответил я. — А что с ним случилось?

— Ничего... Ничего страшного. Он уже поправляется. Сегодня у него осмотр и, очевидно, выписка. В прошлом меся-

це у него было своего рода нервное расстройство, потеря памяти на несколько дней. Врачи не могут понять причину...

— Мне очень жаль.

— Дело в том, что рентген не показывает никаких нарушений, ну, скажем, ушиба головы или еще чего-нибудь. Теперь, кажется, все наладилось. Но они хотят еще немного понаблюдать за ним. Вот и все. — Внезапно ее словно осенило: — Каким он показался вам, когда вы с ним беседовали?

Я ждал этого вопроса и без колебания ответил:

— По-моему, вполне здоровым. Разумеется, я не знал его раньше и мог не заметить в нем перемен...

— Понимаю, — сказала она. — Вы хотите, чтобы Джордж позвонил вам, когда вернется домой?

— Нет, я собираюсь уезжать и не знаю точно, когда вернусь. Впрочем, у меня ничего важного. Позвоню как-нибудь на днях.

— Хорошо. Тогда я передам ему, что вы звонили.

— Благодарю вас. До свидания.

Я почти ожидал этого. После разговора с Мэг поведение Джорджа казалось особенно подозрительным. Меня беспокоило, что он, очевидно, знал, кто я на самом деле, знал про Амбер и, возможно даже, хотел последовать за мной с помощью карты. Казалось, оба они — и он, и Мэг — были объектами каких-то странных манипуляций.

Я сразу подумал о Джасре. Она ведь, судя по всему, была союзницей Люка, а Мэг предупреждала меня, чтобы я опасался Люка. Как Мэг предупредила бы меня, если бы ее каким-то образом контролировала Джасра? Нет, пожалуй, этот вариант отпадал. Кто же из тех, кого я знаю, способен на подобное вмешательство?

Во-первых, Фиона. Но, с другой стороны, она в прошлый раз помогала мне вернуться из Амбера в эту Тень и даже забрала меня после вечера с Мэг. К тому же, как мне показалось, она была, так же как и я, встревожена ходом событий.

Чушь собачья. В жизни полно дверей, которые не отворяются, когда ты в них стучишь, — не меньше, чем тех, которые распахиваются, когда ты этого не желаешь.

Я вернулся и постучал в дверь спальни. Флора разрешила мне войти. Она сидела перед зеркалом, наводя красоту.

— Ну, как идут дела?

— Не слишком хорошо. По правде говоря, препаршиво.

Я вкратце поведал ей о результатах телефонных разговоров.

— И что ты теперь намерен делать?

— Связаться с Рэндомом и назначить с ним встречу. У меня предчувствие, что он скоро позовет меня, желая все разузнать. Так что хочу попрощаться с тобой и сказать спасибо за то, что помогла мне. Прости, что помешал твоему роману.

Флора пожала плечами, продолжая сидеть ко мне спиной и разглядывая себя в зеркале.

— Не беспокойся...

Конец фразы я не дослушал, хотя она продолжала говорить. Мое внимание отвлекло то, что мне показалось контактом с картой. Я настроился на восприятие и стал ждать. Ощущение контакта усиливалось, но вызывающий меня все не появлялся.

— В чем дело, Мерль?

Я поднял руку, направив ее в сторону Флоры, и ощущение стало еще более интенсивным. Мне вдруг показалось, что я смотрю вниз в длинный, пустой и темный туннель.

— Сам не знаю, — ответил я, потом позвал Логрус и взял под контроль его конечности. — Призрак, это ты? Ты готов говорить со мной?

Ответа не было. Я ощутил холод, но продолжал ждать, настроенный на прием.

Подобного ощущения я никогда еще не испытывал. Мною завладело сильное предчувствие, что, если я сделаю шаг вперед, меня тут же куда-то перенесут. Что это? Вызов? Западня?

Что бы это ни было, я чувствовал: только дурак способен принять подобное приглашение от незнакомца. В результате можно запросто оказаться снова в хрустальной пещере.

— Если ты чего-то хочешь от меня, — произнес я, — назови свое имя. От анонимных свиданий я давно отказался.

Меня пронзило ощущение чьего-то присутствия, но кто это...

— Отлично, — продолжал я. — Выходит, я не иду к тебе и тебе нечего сказать мне. Остается третье: ты хочешь прийти ко мне. В таком случае иди.

Я протянул руки, показывая, что они пусты. Моя невидимая ленточка-удавка заняла свою позицию на левой руке, невидимый Логрус протянул смертельный клинок вдоль моей правой руки. Это был один из тех случаев, когда для проявления вежливости нужна хорошая профессиональная подготовка.

В темном туннеле прозвучал негромкий смех — лишь ментальная проекция, звучал он холодно и бесплотно.

— Твое предложение, конечно, уловка, — услышал я, — ты не дурак. И все же, надо признать, в храбрости тебе не откажешь, раз ты обратился к незнакомому существу. Ты не представляешь, что может случиться, но готов ко всякому и даже призываешь неведомое.

— Я повторяю свое приглашение.

— Я вовсе не считаю тебя опасным.

— Чего ты хочешь?
— Посмотреть на тебя.
— Почему?
— Потому что настанет время, когда я захочу встретиться с тобой на других условиях.
— На каких?
— Я чувствую, что наши интересы столкнутся.
— Кто ты?
В ответ снова послышался смех.
— Нет. Пока еще рано, время не пришло. Я просто хотел посмотреть на тебя, увидеть твою реакцию.
— Ну и что же? Увидел? Насмотрелся?
— Почти.
— Если наши интересы должны столкнуться, пусть сталкиваются сейчас. Я предпочел бы покончить с этим, чтобы заняться серьезным делом.
— Ценю самонадеянность. Но когда придет время, выбор будет не за тобой.
— Я согласен ждать, — сказал я, осторожно протягивая конечность Логруса в темный туннель.
Пустота. Конечность ничего не нашарила.
— Восхищаюсь твоей хитростью. Вот, лови!
Что-то непонятное ринулось на меня. Моя магическая конечность ощутила нечто мягкое — слишком мягкое и податливое, чтобы причинить серьезный вред; большая холодная масса, переливающаяся яркими красками...
Напрягая силы, я упорно стал пробиваться сквозь «нечто» все дальше, надеясь найти источник, который это распространяет, и наткнулся на что-то осязаемое, материальное, мягкое и упругое — возможно, тело; слишком большое, чтобы немедленно его призвать к себе.
Зато подвернулось кое-что другое: несколько предметов, твердых и достаточно малой массы. Я схватил один из них, рывком выдернул из того, что его держало, и призвал к себе.
Беззвучный импульс изумления достиг меня одновременно с податливой массой и предметом, извлеченным с помощью Логруса.
Это можно было сравнить с фейерверком: цветы, цветы, цветы. Фиалки, анемоны, нарциссы, розы... Флора ахнула, когда сотни их ливнем обрушились в комнату.
Контакт был мгновенно прерван. Я почувствовал, что держу в правой руке что-то маленькое и твердое, в нос ударил резкий цветочный запах.
— Что, черт побери, стряслось? — спросила Флора.
— Затрудняюсь ответить, — произнес я, стряхивая цветочные лепестки с воротника рубашки. — Любишь цветы? Бери, дарю!

— Спасибо, но я предпочитаю, чтобы мне их подносили в более привычной манере, — ответила она, уставившись на пестрый холмик, выросший у моих ног. — И кто же их послал?
— Безымянная личность из темного туннеля.
— А для чего?
— Похоже, мне на похороны. Разговор проходил в довольно угрожающих тонах.
— Сделай милость, помоги мне собрать их с пола, прежде чем ты уйдешь.
— Охотно.
— В кухне и ванной есть вазы.
Я стал собирать цветы, одновременно разглядывая предмет, который схватил в туннеле. Это была голубая каменная пуговица в золотой оправе. В петельке застряло несколько синих ниток, на камне выгравирован узор из четырех лепестков.
Я показал пуговицу Флоре, но она покачала головой:
— Это мне ни о чем не говорит.
Я сунул руку в карман и достал обломок камня из хрустальной пещеры. Камни были одинаковы. Когда я провел пуговицей по руке рядом с Фракир, она слегка пошевелилась, потом снова замерла. Казалось, моя хранительница подала предостерегающий знак.
— Странно, — пробормотал я.
— Поставь несколько роз на ночной столик, — попросила Флора, — и смешанный букет на туалетный. Знаешь, еще никто не подносил мне цветы таким образом. Довольно загадочная визитная карточка... Ты уверен, что цветы предназначены тебе?
Я прорычал что-то не то анатомическое, не то теологическое и собрал розовые бутоны.

Позднее, когда мы сидели в кухне, пили кофе и рассуждали о том о сем, Флора заметила:
— Надо сказать, довольно неприятное происшествие.
— Да.
— Думаю, тебе стоит поговорить об этом с Фи, только сначала потолкуй с Рэндомом.
— Может быть.
— Что значит «может быть»? Его нужно предостеречь.
— Ты права. Однако у меня такое чувство, что если я буду

прежде всего думать о безопасности, то вряд ли получу ответы на свои вопросы.

— Что ты задумал, Мерль?

— У тебя есть машина?

— Да, как раз купила несколько дней назад. А зачем тебе?

Я вынул пуговицу и камешки из кармана, разложил их на столе и снова стал разглядывать.

— Когда мы поднимали с пола цветы, мне вдруг пришло в голову, что я уже видел где-то еще один такой же камень.

— В самом деле?

— Я был сильно потрясен, когда нашел Джулию мертвой. Это, видно, повлияло на мою память, заблокировало ее. Но теперь вроде бы припоминаю, что на шее у нее был кулон с голубым камнем. Быть может, это совпадение, однако...

Флора кивнула:

— Вполне возможно. В таком случае его, должно быть, забрали полицейские.

— Да сам кулон мне не нужен. Но это напомнило мне, что я не успел как следует осмотреть квартиру — слишком торопился. Хочу взглянуть на нее еще раз до возвращения в Амбер. До сих пор не пойму, как то чудовищное животное туда попало.

— А что, если в этой квартире уже сделали уборку? Или сдали ее кому-нибудь?

Я пожал плечами:

— Остается только проверить.

— Хорошо. Я тебя отвезу.

Несколько минут спустя мы уже сидели в машине, и я показывал Флоре дорогу. Мы ехали минут двадцать. Погода стояла отличная: сияло солнце, по голубому небу плыли редкие облака. Я тщательно подготовился, продумал, как лучше употребить силу Логруса.

— Заверни сюда, за это здание, — сказал я, подкрепляя свои слова жестом, — я покажу тебе, где припарковать машину, если только там найдется место.

Место нашлось как раз там же, где я ставил машину в тот самый день. Когда мы остановились, Флора взглянула на меня и спросила:

— Ну что? Сразу поднимемся и постучим?

— Я сделаю нас невидимыми, — ответил я, — на все время, пока мы там будем находиться. Но ты держись рядом, чтобы мы могли видеть друг друга.

Она кивнула:

— Дворкин однажды сделал меня невидимой — я была тогда еще ребенком. — Флора хихикнула. — Ух, и нагляделась же я тогда!.. Совсем забыла.

Я сделал последние приготовления для надежного заклинания и произнес его. Мир за ветровым стеклом как-то сразу затуманился, словно я смотрел на него сквозь дымчатые солнечные очки. Мы вышли из машины, не спеша добрались до угла дома и повернули направо.

— Трудно научиться этому заклинанию? — спросила Флора. — По-моему, вещь чрезвычайно удобная.

— Заклинание, к сожалению, довольно сложное. Вся беда в том, что им невозможно воспользоваться сразу внезапно. На подготовку уходит не меньше двадцати минут.

Мы зашагали по дорожке к большому старому дому.

— Какой этаж?

— Последний.

Входная дверь оказалась заперта.

— Сломаем ее? — шепотом спросила Флора.

— Ни к чему поднимать шум.

Я положил левую руку на ручку двери и дал Фракир мысленную команду. Моя хранительница скользнула в замочную скважину, потом сжалась, застыла и сделала несколько резких движений. Негромкий щелчок дал знать, что засов отодвинут. Я повернул ручку, легонько потянул дверь на себя, и она открылась. Фракир вернулась на свое потайное место на мое запястье.

Мы вошли в дом, тихонько притворив за собой дверь. В качнувшемся вместе с дверью зеркале наши отражения не появились. Я повел Флору вверх по лестнице. Из какой-то квартиры на втором этаже доносились негромкие голоса. Вот и все. Ни ветра, ни злых собак. Пока мы поднимались на третий этаж, голоса затихли.

Дверь квартиры Джулии заменили — она была немного темнее остальных, и ярко сверкал новый замок. Я тихонько постучал в нее, подождал с полминуты и постучал снова. Никто не отозвался. Я попробовал открыть. Заперто.

Фракир повторила свою уловку, но я вдруг заколебался. Я вспомнил, как пришел сюда в прошлый раз, и рука моя задрожала. Да, изуродованное тело уже не лежит там, и не ждет зверь-убийца, готовый наброситься на меня... И все же воспоминание о том, что я тогда увидел, заставило меня несколько секунд помедлить.

— В чем дело? — шепотом спросила Флора.

— Ни в чем, — ответил я и распахнул дверь.

Я знал, что квартира сдавалась частично обставленной. Часть мебели, что шла вместе с ней, осталась на месте — софа, жур-

нальные столики, несколько стульев, обеденный стол. Но все, что принадлежало Джулии, исчезло. На полу лежал новый ковер, а сам пол был заново отполирован. Похоже, квартиру еще не успели сдать новому хозяину — никаких личных вещей видно не было.

Мы вошли в квартиру. Я притворил дверь и начал обход комнат, сбросив с нас колдовскую пелену. Все вокруг стало ярче и отчетливее.

— Ты вряд ли здесь что-нибудь найдешь, — заметила Флора. — Я чувствую запах дезинфекции, воска и краски.

Я кивнул.

— Прозаические возможности, похоже, исключаются, — ответил я, — но я хочу попробовать кое-что другое.

Я заставил свой мозг успокоиться и, призвав Логрус, воспользовался его зрением, надеясь таким образом заметить малейший след какого-либо магического воздействия. Медленно меряя шагами гостиную, я тщательно осмотрел все, что в ней находилось. Флора начала самостоятельные поиски, заключавшиеся главным образом в заглядывании под столы и стулья.

Ни одна вещь, ни большая, ни маленькая, не ускользнула от моего внимания, но я так и не нашел ничего примечательного и перешел в спальню. Должно быть, Флора услышала, как я внезапно тяжело задышал, потому что мгновенно оказалась в спальне рядом со мной и уставилась на шкаф, перед которым я стоял.

— В нем что-то есть? — спросила тетушка, протянув руку к шкафу и тут же отдернув ее.

— Нет, за ним.

Во время уборки квартиры шкаф передвинули. Раньше он стоял на несколько футов правее. Чтобы посмотреть, что находится за ним, я передвинул его вправо, на прежнее место.

— Тут я тоже ничего не вижу, — заявила Флора.

Я взял ее за руку и увеличил силу Логруса.

— Надо же! — воскликнула она, обнаружив на стене едва заметные прямоугольные очертания. — Похоже на... дверной проем!

Я внимательно оглядел стену. Тусклые, угасающие линии, полоски огня. Очевидно, это своего рода печать, и она скоро должна погаснуть.

— Это и есть дверь, — произнес я.

Флора потащила меня в соседнюю комнату, чтобы посмотреть на это же место стены с другой стороны.

— Здесь ничего нет, — заметила она, — проем не сквозной.

— Все верно. Дверь ведет в другое место.

— Куда?

— Туда, откуда явилось чудовище, убившее Джулию.

— А ты сможешь открыть ее?

— Я готов стоять возле нее сколько угодно, чтобы сделать это.

Я вернулся в спальню и снова стал изучать стену.

— Мерлин, — сказала Флора, когда я отпустил ее руку и поднял свою перед собой, — тебе не кажется, что настала пора связаться с Рэндомом и рассказать ему обо всем, что случилось? И, между прочим, позвать на помощь Джерарда, чтобы ты не один стоял здесь, когда дверь откроется?

— Наверное, пора, но я не хочу.

— Почему?

— Потому что Рэндом может мне этого не позволить.

— И, возможно, будет прав.

Я опустил руку и повернулся к Флоре:

— Согласен, Рэндому следует все рассказать. Пожалуй, я и без того слишком долго медлил. Итак, я попрошу тебя сделать следующее: возвращайся назад к машине и жди меня. Если я через час не вернусь, свяжись с Рэндомом и все ему расскажи.

— Не знаю, — с сомнением в голосе ответила она. — Если я приду одна, Рэндом спустит на меня всех собак.

— Объясни ему, что я настаивал и что у тебя не было выбора. Что есть чистая правда, если ты на секунду задумаешься.

Флора надула губы:

— Мне не хочется оставлять тебя здесь — хотя и не тянет оставаться самой. Дать тебе ручную гранату? — Она начала открывать свою сумочку.

— Нет, спасибо. А для чего ты ее с собой носишь?

Тетушка улыбнулась:

— В этой Тени лучше ходить вооруженной. Может при случае пригодиться... Ну ладно, иду ждать.

Она легонько поцеловала меня в щеку и отвернулась.

— Постарайся встретиться с Фионой, — добавил я, — если я не появлюсь. Расскажи ей обо всем. Возможно, она сумеет взглянуть на дело свежим взглядом.

Флора кивнула и ушла. Я подождал, пока дверь не захлопнулась, и сосредоточил внимание на огненном прямоугольнике. Его очертания казались равномерными, однако в одних местах линия слегка утолщалась и пламенела, в других делалась тоньше и была тусклой.

Я провел правой ладонью вдоль всей линии на расстоянии дюйма от стены и почувствовал легкое теплое покалывание. Оно явно сильнее ощущалось над более яркими отрезками линии. Очевидно, здесь дверь запечатана слабее. Отлично. Зна-

чит, я скоро смогу определить самое слабое место, где и следует применить силу.

Я плотнее слился с Логрусом и подождал, пока пальцы мои не стали достаточно твердыми. Казалось, у меня на руках тонкие перчатки: тверже железа, чувствительнее языка. Я поднес правую руку к огненной линии на уровне бедра, дотронулся до самого яркого места и, почувствовав знакомую магическую пульсацию, стал проталкивать руку глубже, пока не проткнул линию насквозь. Такие же манипуляции я проделал чуть повыше, на левой стороне прямоугольника.

Стоя у стены, я ощущал присутствие силы, запечатавшей дверь. Мои прочные удлиненные пальцы пульсировали и подергивались. Я пытался просунуть их дальше вдоль огненной линии, сначала вверх, потом вниз. Правой рукой удалось это сделать в обоих направлениях немного лучше, чем левой. Но двигаться дальше мешало сопротивление твердого материала.

Пришлось выжать больше силы из Логруса, плавающего в виде спектра во мне и передо мной, и влить эту энергию в огненные пальцы; облик Логруса при этом изменился. Когда я попытался продолжить работу, правая рука опустилась вниз примерно на фут, прежде чем ее остановила сильная пульсация; вверх удалось подняться почти до конца. Я вновь занялся левой рукой: наверх она поднялась до самого конца, зато вниз не прошла и шести дюймов от точки, с которой я начинал.

Тяжело дыша и чувствуя, что весь взмок, я накачал еще немного силы в «перчатки» и заставил свои мощные пальцы двигаться вниз. Сопротивление возросло, сильная пульсация поднималась по моим рукам, проникала в самую сущность моего «я». Тогда я сделал небольшую передышку и вновь прибавил силы. Логрус вспыхнул и сжался, а я обеими руками принялся с двух сторон прорезать огненную линию по направлению к полу, потом, задыхаясь, встал на колени и проделал то же вдоль пола. Этот портал явно никогда больше не собирались раскрывать; соответственно пользоваться мне приходилось не мастерством, а грубой силой.

Когда обе мои руки, прорезавшие с двух сторон нижнюю линию, встретились, я поглядел на результат своих трудов. Слева, справа и внизу тонкая красная линия превратилась в широкую пламенеющую ленту. Даже на расстоянии чувствовалась ее пульсация.

Я встал, поднял руки и принялся за верхнюю линию, двигаясь от углов к центру. Теперь работа пошла веселее. Казалось, сила уже открытых линий увеличивала давление моих рук,

они так и плыли к середине, а когда встретились, мне показалось, будто я услышал легкий вздох.

Я постоял несколько минут, отдыхая, собираясь с силами, размышляя, пытаясь заставить нервы успокоиться... Я знал лишь, что эта дверь ведет в другую Тень. То есть можно ожидать чего угодно; например, когда я ее открою, что-то выпрыгнет и нападет на меня. С другой стороны, дверь ведь какое-то время была запечатана. Скорее всего ловушка будет иного рода. Вполне возможно, я открою дверь и ничего не произойдет. Может, мне просто надо будет выбирать: войти или стоять, где стою, и глядеть в пустоту. А может, и смотреть-то там не на что...

Итак, я еще раз укрепил пальцы с помощью Логруса, упершись в дверь обеими руками и толкнул ее. Правая сторона двери скрипнула, я навалился на эту сторону, дверь внезапно распахнулась...

Я стоял и смотрел на жемчужного цвета туннель, в нескольких шагах от меня неожиданно расширяющийся. Под его потолком дрожала волнистая зыбкая дымка, какая висит над дорогой в жаркий летний день. В ней плавали красные точки и неясные темные очертания. Я подождал с полминуты... Никто не выпрыгнул и не напал.

Я предупредил Фракир о возможной опасности, снова вызвал Логрус и, ощупывая все вокруг его длинными конечностями, вошел в туннель. Внезапный порыв воздуха за спиной заставил меня оглянуться. Дверь захлопнулась и уменьшилась. Теперь она казалась мне отдаленным крошечным красным прямоугольничком. Разумеется, сделанные мною несколько шагов могли отнести меня очень далеко, если таковы законы этого места.

Я продолжал идти. Навстречу мне летел горячий ветер. Он окутывал, поглощал меня. Туннель сужался, воздух передо мной продолжал искриться и плясать, идти становилось все труднее, словно я поднимался в гору. Сверху донеслось что-то вроде хрюканья, но кто его издавал, мне не было видно. Пошарив вытянутой конечностью Логруса и слегка задев что-то, я ощутил ауру опасности, и тело Фракир стало подергиваться. Я вздохнул. Ничего удивительного, легкого пути здесь и быть не могло. На месте того, кто устроил это представление, мне бы тоже не захотелось ограничиться запечатанной дверью.

— Стой, болван! — прогремело откуда-то сверху.

Я продолжал двигаться вперед.

— Я сказал: стоять! — прозвучало снова.

Я сделал еще несколько шагов, и все поплыло у меня перед

глазами. Туннель сузился, справа и слева ко мне подступили шершавые стены, потолок опустился...

Дорогу мне загородила здоровенная туша, похожая на пурпурного Будду с ушами, как у летучей мыши. Остальные детали я разглядел, когда приблизился к этой твари: торчащие из пасти клыки, желтые глаза без век, на огромных руках и ногах длинные красные когти. Чудище сидело посреди туннеля и не делало даже попыток подняться. Одежды на нем не было, огромное распухшее брюхо, лежавшее на коленях, закрывало все то, по чему обычно определяют пол. Голос у него, однако, был хриплый, мужской.

— Привет, — сказал я. — Славный сегодня денек, правда?

Чудище заворчало; пахнуло несносной вонью, и воздух, как мне показалось, слегка накалился. Фракир взволнованно задергалась, и я мысленно успокоил ее.

Чудище наклонилось вперед и провело ярким ногтем пограничную черту на каменном полу. Я остановился перед ней.

— Переступи эту черту, колдун, и тебе крышка, — сказало оно.

— А почему? — спросил я.

— Потому что я так хочу.

— Никак собираешь пошлину? Назови цену, — предложил я.

Чудище покачало головой:

— Тебе от меня не откупиться.

— А с чего ты взял, что я колдун?

Оно открыло свою грязную зубастую пасть, и в горле у него что-то забренчало, словно потрясли лист жести.

— Я понял это по твоим щупальцам. Типичная уловка колдунов. К тому же кто, кроме колдуна, сумел бы попасть туда, где ты стоишь?

— Вижу, ты не очень-то уважаешь колдунов.

— Я их ем, — был ответ.

Я скорчил рожу, думая, какой бы фортель из моего старого арсенала мне выкинуть.

— О вкусах не спорят. Но что толку от туннеля, если по нему ни пройти, ни проехать? Как же мне пройти?

— Не пройдешь.

— Даже если разгадаю загадку?

— Меня на это не купишь, — надменно произнесло чудовище, но в глазах у него вспыхнул огонек. — Ну ладно, черт побери. Что это такое: зеленое и красное, ходит по кругу, по кругу, по кругу?

— Да ты знаешь сфинкса!

— Проклятье! — взревело оно. — Ты слыхал!

Я пожал плечами:

— Ну, повсюду случается бывать.

— А вот здесь бывать не случится!

Я уставился на чудище. У него наверняка есть особая защита от магических атак, раз оно поставлено здесь, чтобы уничтожать волшебников. А уж физические данные более чем солидные. Интересно, как быстро оно бегает? Может, прошмыгнуть мимо и побежать? Нет, лучше обойтись без подобных экспериментов.

— Мне в самом деле до зарезу нужно пройти, — попытался я уговорить его. — Экстренное дело.

— Перебьешься.

— Послушай, какая тебе с этого корысть? Довольно поганая работенка — сидеть посреди туннеля.

— А мне нравится. Я для этой работы и создан.

— А как же ты пропускаешь сфинкса?

— Магические существа не в счет.

— Хм-м.

— Не вздумай втюхивать мне, что ты и есть настоящее магическое существо. И не пытайся выкинуть какой-нибудь колдовской фортель. Я эти штучки насквозь вижу.

— Верю, верю! Между прочим, как тебя звать-то?

Чудище фыркнуло:

— Можешь звать меня Скроф, так проще. А тебя?

— Зови меня Кори.

— Ладно, Кори. Я не прочь потрепаться с тобой, правила позволяют. У тебя есть три варианта на выбор. Один из них — дурацкий. Ты можешь вернуться назад цел и невредим. Можешь устроиться там, где стоишь, и сиди себе здесь сколько хочешь; я и пальцем тебя не трону, покуда будешь паинькой. А самое глупое, что может взбрести тебе в голову, — это переступить черту, которую я провел. Я тебя тут же прикончу. Это — Порог, а я — его Хранитель и никого не пропущу.

— Спасибо, что объяснил.

— Это часть моей работы. Ну, так что ты выбираешь?

Я поднял руку. Силовая линия сделала кончики моих пальцев острыми как ножи. Фракир свесилась с моего запястья и стала изящно раскачиваться.

Скроф ухмыльнулся:

— Я пожираю не только колдунов, но и их помощников. На такое способно лишь существо из первозданного Хаоса. Попробуй-ка, сунься!

— Из Хаоса? Ты сказал, из первозданного Хаоса?

— Да, так оно и есть. Против них не устоит никто.

— Кроме Властелина Хаоса, — парировал я и сосредоточил все внимание на определенных точках внутри своего тела.

Тяжкая работа. Чем быстрее делаешь это, тем болезненнее ощущение...

Снова послышался звук, похожий на бренчание жести.

— А знаешь, каковы шансы, что сюда вздумает явиться Властелин Хаоса? — презрительно спросил Скроф.

Мои руки стали удлиняться, я наклонился вперед, рубашка лопнула у меня на спине. Кости лица зашевелились, грудь стала надуваться и расширяться...

— Похоже, тебе не повезло, — произнес я, когда трансформация была окончена.

— Черт побери! — пробормотал Скроф, когда я перешагнул черту.

Глава 3

Некоторое время я постоял у выхода из пещеры. Левое плечо болело, правая нога ныла. Я знал, что если сумею взять себя в руки и вытерпеть боль до трансформации, то после анатомической перестройки она сама утихнет. Этот процесс требует значительных сил, после него чувствуешь себя довольно усталым, а двойное превращение после стычки с Хранителем вовсе измотало меня. Итак, я отдыхал в пещере, которая, очевидно, соединялась с жемчужным туннелем, и думал о том, что мне предстояло сделать.

Далеко внизу и слева простиралось ярко-синее, очень бурное море. Волны с белыми гребнями бешено обрушивались на серые прибрежные скалы, порывы ветра разносили брызги. В просвете между облаками виднелась радуга.

Прямо передо мной лежала искореженная, изрезанная трещинами дымящаяся земля, а на расстоянии мили отсюда возвышались высокие темные стены, окружавшие громадный и очень странный замок, который я тут же окрестил Горменгхастом[1]. Он представлял собой смешение самых различных архитектурных стилей, а по размерам превосходил дворец Амбера.

К тому же Горменгхаст был осажден.

Перед стенами расположились войска, главным образом на невыжженной земле, где еще осталась растительность — зеленая, хотя и сильно вытоптанная трава и деревья. У осаждающих были пожарные лестницы и стенобитная машина, хотя в этот момент лестницы и таран лежали на земле. У стен замка

[1] Вошло в литературу с легкой руки писателя Мервина Пика как символ чего-то одновременно чудовищно-огромного и отвратительного.

дымились небольшие домишки — очевидно, сгорела целая деревня. Здесь и там на земле лежали тела.

Я перевел взгляд направо и увидел над этой огромной цитаделью сверкающее белое образование, вроде выступа мощного ледника, над которым ветер кружил снежинки и кристаллики льда; белесая мгла, словно висящий над морем туман, заволокла выступ.

Казалось, ветер здесь царит повсеместно. Он завывал и вокруг меня и гудел где-то над головой. Когда я наконец вышел из пещеры и взглянул наверх, то понял, что нахожусь посреди склона высокого каменного холма — или невысокой горы, смотря как оценивать такие вещи. Я почувствовал слабый удар по спине, а когда обернулся, то не увидел больше входа в пещеру. Мое странствие, начавшееся у запечатанной огненной лентой двери, окончилось, как только я вышел из пещеры. Волшебство пропало, и путь сразу же оборвался. Думаю, я мог бы определить точное место бывшего входа, но зачем? Я сложил горку из камней, приблизительно помечая место своего выхода, и прошелся, оглядываясь, изучая обстановку.

Узенькая дорожка вела направо, вокруг больших камней. Что ж, вполне устраивает. Внезапно я почувствовал запах дыма — не знаю, донес ли его ветер с поля боя или он был вулканического происхождения. На небе, не загораживая солнце, плыли облака. Я остановился между двух валунов и еще раз бросил взгляд на панораму внизу.

Атакующие произвели перегруппировку сил и начали таранить стену. С дальней стороны цитадели что-то взвилось, подобно торнадо, и стало медленно опускаться, кружась против часовой стрелки; очевидно, оно должно было накрыть атакующих. Ловкий маневр. К счастью, меня все эти фокусы не касаются.

Я пошел дальше по каменистому склону, сел на низенькую плиту и начал трудную работу по трансформации, которая продолжалась около получаса. Превращение из обычного человека в нечто непонятное, странное может кому-то показаться чудовищным, даже пугающим, а обратная трансформация — просто отвратительной. Но те, кто так считает, не правы. Разве мы все не делаем то же самое каждый день?

Закончив трансформацию, я лег на спину, глубоко дыша, и прислушался к ветру. От него меня защищали камни, доносился лишь звук — нескончаемая заунывная песня. Я почувствовал вибрацию от сотрясений земли где-то вдали и предпочел воспринимать ее как легкий, успокаивающий массаж... Одежда на мне была разорвана в клочья, но я слишком устал, чтобы обеспечить себя новой экипировкой. Плечо перестало

болеть, только правая нога продолжала слегка зудеть, но это ощущение постепенно затихало, затухало... На мгновение я закрыл глаза.

Отлично, я справился с этим. Но меня не покидала мысль, что разгадка убийства Джулии находится там, внизу, в осажденном замке. А задача проникнуть туда и разузнать подробности отнюдь не казалась легкой. Я решил не браться за дело сразу, а отдохнуть и подождать до темноты. В темноте все будет куда проще. Спущусь вниз, захвачу одного из осаждающих и допрошу его. А если темнота не наступит? Тогда придумаю что-нибудь другое. А сейчас надо лишь отдохнуть, забыться...

Не знаю, как долго я дремал. Меня разбудило шуршание гальки, доносившееся справа. Я мгновенно насторожился, хотя и не открыл глаза. Непохоже, что кто-то шел крадучись; скорее этот «кто-то» бодро топал по камешкам в легкой обуви, например в сандалиях. Я напряг, потом расслабил мышцы и сделал несколько глубоких вдохов.

Справа, в промежутке между двумя камнями показался сильно волосатый и очень грязный человек, ростом примерно пяти с половиной футов. На бедрах незнакомца красовалась повязка из темной звериной шкуры, ноги были обуты в сандалии. Он постоял несколько секунд, уставившись на меня и оскалив в улыбке кривые желтые зубы.

— Здорово! Ты что, ранен? — спросил он на испорченном тари — такого диалекта мне еще слышать не доводилось.

Я потянулся и встал.

— Нет, — ответил я, — с чего ты взял?

— Я подумал, что тебя задело там, внизу, где дерутся, и ты решил дать деру.

— Понятно. Только это не совсем так...

Он кивнул и сделал шаг по направлению ко мне:

— Меня зовут Дэйв, а тебя?

— Мерль, — сказал я и пожал его заскорузлую лапу.

— Не бойся, Мерль, я не собираюсь сдавать того, кто надумал дезертировать, если только за него не обещана награда. Я и сам дал тягу несколько лет назад и ни разу не пожалел о том. Хватило ума удрать!.. Ни одна армия не сумела взять эту крепость штурмом. Думаю, никто и не сумеет.

— А как она называется?

Дэйв поднял голову и покосился на меня.

— Страж Четырех Миров. Разве вербовщик не говорил?

— Нет, — со вздохом ответил я.

— Не найдется ли у тебя закурить?

— К сожалению, ничего не осталось, — сказал я, поскольку использовал в пещере весь свой трубочный табак.

Я прошел между двух скал, чтобы еще разок взглянуть на Стража Четырех Миров. В конце концов, это и есть разгадка, которую я искал, и к тому же объяснение многочисленных шифровок в дневнике Мелмана.

Под стенами валялись новые трупы. Казалось, их разбросал ветер, продолжавший кружить, словно смерч, вокруг замка. Но вот солдаты из свежего пополнения полезли вверх по лестницам. Один из них держал знамя. Мне оно показалось знакомым, хотя, чье оно, вспомнить я не мог. Черно-зеленое, с геральдическими зверями, грозно рычащими друг на друга. Две лестницы уже были прислонены к стене, завязался жестокий бой.

— Похоже, часть атакующих прорвалась внутрь, — заметил я.

Дэйв поспешил подойти ко мне и уставился на сцену боя.

— Ты прав, — признался он, — впервые такое вижу. Если они сумеют открыть эти проклятущие ворота, им может повезти. Вот уж не думал...

— А давно это было? — спросил я. — Ну, когда твоя армия штурмовала крепость?

— Лет восемь-девять, а может, и десять назад... А эти ребята, видать, молодцы!

— А из-за чего, собственно, драка?

Дэйв повернулся и пристально посмотрел на меня:

— Неужто и в самом деле не знаешь?

— Да я только что прибыл сюда.

— Есть, пить хочешь?

— По правде говоря, хочу.

— Тогда пошли.

Он взял меня за локоть и повел назад, к проему между двумя скалами, потом указал на узенькую тропинку.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Я живу поблизости. Кормлю дезертиров по старой памяти. Так и быть, и тебя покормлю.

— Спасибо.

Скоро мы дошли до места, где тропа разветвлялась, свернули направо и стали подниматься вверх. Мы шли мимо скалистых уступов с трещинами и расселинами, в одну из которых и нырнули. Пройдя немного, Дэйв остановился у низкого входа в пещеру. Кошмарный запах гнили ударил мне в нос. Я услышал, как внутри жужжат мухи.

— Здесь я живу, — заявил Дэйв. — Приглашаю тебя войти. Правда, тут немного... воняет.

— Не беда, — ответил я, — подожду тебя снаружи.

Он нырнул в пещеру, а мой аппетит сильно уменьшился, в особенности когда я подумал о том, что он может здесь хранить. Через пару минут Дэйв вернулся с вещевым мешком на плече.

— Принес кое-что вкусненькое, — обрадовал он меня.

Я зашагал назад по расселине.

— Эй! — крикнул Дэйв. — Ты куда?

— Назад на уступ, тут что-то душновато, — сообщил я.

— Хорошо, — согласился он и пошел за мной.

В вещмешке у него оказались две неоткупоренные бутылки вина, пара фляг с водой, свежий на вид хлеб, банки с мясными консервами, несколько твердых яблок и непочатая головка сыра. Мы сели под открытым небом на низкую каменную плиту, и он знаком показал мне, чтобы я хозяйничал сам. Из предосторожности я лишь выпил воды и взял яблоко.

— У этой крепости бурная история, — начал Дэйв, вынув из-за пояса небольшой нож и отрезав кусок сыра. — Не знаю точно, когда и кто ее построил.

Видя, что он собирается открывать бутылку ножом, я остановил его и прибег к весьма простому фокусу с Логрусом. Логрус среагировал мгновенно, и я подал Дэйву штопор. Откупорив бутылки, Дэйв протянул одну из них мне, вторую взял себе. Из соображений гигиены я был ему за это благодарен, хотя и не собирался выпить целую бутылку.

— Вот что значит быть запасливым! — восхитился Дэйв, глядя на штопор. — Нужная вещица.

— Оставь себе, — предложил я. — Расскажи мне еще что-нибудь о крепости. Кто в ней живет? Как ты оказался в нападающей армии? Кто сейчас штурмует замок?

Он кивнул и хорошенько приложился к бутылке.

— Первым хозяином ее был чародей по имени Шару Гаррул. Внезапно сюда приехала королева моей страны. — Дэйв немного помедлил, посмотрел вдаль, затем презрительно фыркнул: — Политика!.. Точно не знаю, какова была причина ее визита. До тех пор я и понятия не имел об этом чертовом месте! Однако она пробыла здесь так долго, что люди начали удивляться. Мол, неужто ее здесь держат узницей? А может, она добивается союза с хозяином здешних мест? Или крутит с ним любовь?.. Думаю, она время от времени посылала домой письма — так, ни о чем, морочила людям голову. Если, понятно, она не вела тайную переписку, о которой простым смертным, вроде меня, знать не положено. Она взяла с собой довольно большую свиту с почетной охраной — полагаю, не просто для показа. Эти парни были крепкие ветераны, хотя и разряженные в пух и прах. Так что не совсем ясно, что там в ту пору происходило.

— Позволь задать один вопрос, — вставил я. — Какова была во всем этом роль твоего короля? Ты о нем не упомянул, а уж он-то, поди, должен был знать...

— Король наш умер, — объявил Дэйв. — А королева, надо сказать, была прелестной вдовушкой. Большинство ее кавалеров были либо видные военачальники, либо могущественные аристократы. Но она лишь брала их по очереди в любовники и натравливала разные фракции друг на друга. Уезжая сюда, королева оставила править государством своего сына.

— Значит, принц был уже достаточно взрослым, чтобы управлять страной?

— Да! Он-то, по правде говоря, и начал эту чертову войну. Он собрал войско, но оно показалось ему недостаточно сильным, и принц связался со своим другом детства, человеком, который считался вне закона, однако командовал большим отрядом наемников. Имя Далт тебе что-нибудь говорит?

— Стоп! — воскликнул я.

Я тут же вспомнил историю — ее мне как-то рассказывал Джерард — про странного человека по имени Далт, который однажды во главе собственной армии повел войну против Амбера. И, как ни странно, довольно успешно. Пришлось позвать самого Бенедикта, чтобы отразить нападение. Войско Далта было разбито у подножия Колвира, а его самого тяжело ранило. Все думали, что выжить он никак не мог, но мертвым его никто не видел.

— А где твой дом? — спросил я. — Ты ни разу не упомянул его. Откуда ты, Дэйв?

— Из Кашфы.

— И твоей королевой была Джасра?

— Так ты слыхал о нас? Ну а ты-то сам откуда?

— Из Сан-Франциско, — ответил я.

Он покачал головой:

— Первый раз слышу про такое местечко. Послушай-ка, глаза у тебя зоркие?

— А что?

— Недавно мы смотрели с тобой на поле боя. Ты не разглядел знамя атакующих? Глаза у меня уже не те, что были.

— Черно-зеленое знамя с какими-то животными.

Дэйв присвистнул:

— Лев, терзающий единорога... Клянусь, это знамя Далта!

— А что это значит?

— А то, что он ненавидит Амбер! Кажется, даже воевал с ними однажды.

Я глотнул вина — вполне приличное. Стало быть, это тот самый человек...

— Тебе известно, почему он ненавидит их? — спросил я.

— Вроде бы они убили его мать, — ответил Дэйв, — в каких-то там пограничных войнах. Подробностей не знаю.

Я открыл банку с мясом, отрезал кусок хлеба и сделал себе сандвич.

— Будь любезен, продолжай рассказ.

— А на чем я остановился?

— Принц позвал на помощь Далта, потому что беспокоился о своей матери. Ему срочно было необходимо пополнить свое войско.

— Да, именно так. И как раз в то время меня забрали в армию, в пехоту, простым солдатом. Принц и Далт повели нас сквозь Тьму, и мы явились сюда. А после делали то, что делают сейчас вон те парни.

— И что было дальше?

Дэйв засмеялся:

— С самого начала нам не повезло. Видно, кто-то, повелевающий стихиями, был против нас. Ты видел смерч, недавно кружившийся над атакующими? Когда мы начали штурм, земля тряслась, гром гремел, молнии сверкали... Но мы все же пробились к стенам! На моего брата пролилась горящая смола, и он у меня на глазах умер от ожогов. И тогда я решил, что с меня довольно. Бросился бежать и вскарабкался сюда. Никто меня не преследовал. Может, и зря я это сделал, но кто знал, как пойдут дела. А возвращаться было поздно. Они оттяпали бы мне голову или кое-что другое.

— Ну а дальше?

— У меня сложилось впечатление, что штурм подтолкнул Джасру. Похоже, она с самого начала собиралась покончить с Шару Гаррулом и завладеть этим краем, только хотела сперва войти к нему в доверие, а потом уже нанести удар. Кажется мне, что она побаивалась этого старика. Но когда ее армия появилась у стен замка, у нее не было выбора. Ей пришлось действовать, хотя она и не была к этому готова. Она вызвала его на дуэль волшебников, а ее охрана не позволила его людям вмешаться. Джасра победила, хотя ей тоже досталось. Она рассвирепела от того, что ее сын без приказа привел сюда армию. Так или иначе, ее охрана открыла ворота, и Страж Четырех Миров оказался у нее в руках. Вот что я имел в виду, говоря, что штурмом крепость не одолеть. Ее взяли обманом.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я уже говорил, что укрываю и кормлю дезертиров — они-то и рассказали мне.

— Я понял из твоих слов, что были и другие попытки взять замок. Значит, уже после того, как им овладела Джасра?

Дэйв кивнул и хлебнул еще вина.

— Да, видно, в Кашфе был переворот, пока она и ее сын торчали здесь. Дворянин Касман, брат одного из убитых любовников королевы, парня по имени Джасрик, получив власть, решил убрать с пути и ее, и принца. Он штурмовал эту крепость раз шесть. И ничего не добился. В конце концов ему пришлось отступить. Позже Джасра куда-то отослала сына, может, для того чтобы он сколотил новую армию и попытался вернуть ей трон. Не знаю. Это было давно.

— А что случилось с Далтом?

— Они заплатили ему. Отдали часть награбленного. А награбили там немало. И Далт со своим войском отправился туда, откуда явился.

Я сделал еще глоток и отрезал кусок сыра.

— Как же ты жил здесь эти годы? Поди, было нелегко?

Дэйв кивнул:

— Да уж, хуже некуда. Но я не знаю дороги домой. Нас сюда доставили странными путями. Мне казалось, я понимаю, где мы находимся, но, когда начал искать дорогу, понял, что мне ее не найти. Я мог бы хоть сейчас уйти, отправиться на поиски, да боюсь вовсе заблудиться. К тому же от меня здесь польза. Кто бы ни победил, эти дома за пределами стен можно отстроить. А местные жители считают меня святым. Они думают, будто я живу отшельником, чтобы молиться и размышлять о Боге. Когда я спускаюсь к ним, они просят меня благословить их и приносят пищу, которой мне хватает надолго.

— Так ты святой?

— Я прикидываюсь святым. Это дает им радость, а меня кормит. Только не говори ничего...

— Конечно, не скажу. Да они мне и не поверили бы.

Он снова засмеялся:

— Ты прав.

Я поднялся и сделал несколько шагов назад по тропе, чтобы еще раз взглянуть на Стража Четырех Миров.

Лестницы лежали на земле, мертвецов стало еще больше. Судя по всему, бой внутри цитадели не шел.

— Ворота еще не открыты? — спросил Дэйв.

— Нет, не думаю, что у тех, кто прорвался, хватило сил.

— А черно-зеленые знамена видишь?

— Тоже что-то не видно.

Он поднялся и подошел ко мне, держа в руках обе бутыл-

ки. Подал мне мою, и мы оба сделали по глотку. Внизу солдаты стали отступать от стены.

— Как ты думаешь, они решили снять осаду или перегруппировываются для нового наступления? — спросил меня Дэйв.

— Пока еще трудно сказать.

— Во всяком случае, нынче ночью там будет чем поживиться. Спустись вниз и сможешь забрать все, что сумеешь унести.

— Интересно, — заметил я, — почему Далт решил напасть на них, если он в добрых отношениях с королевой и ее сыном?

— Отношения-то у него добрые только с сыном, — ответил Дэйв. — Старая леди — отменная сука. Ну и, в конце концов, он наемник. Может, ему платит Касман.

— А может, Джасры вообще там нет, — предположил я, не имея представления о темпе местного течения времени, но вспомнив свою недавнюю встречу с этой дамочкой. — Между прочим, как зовут принца?

— Ринальдо. Такой здоровенный рыжий парень.

— Так она его мать! — непроизвольно воскликнул я.

Дэйв засмеялся:

— А как, по-твоему, становятся принцами? Надо, чтобы твоя мать была королевой.

— Так его отец — Брэнд? Брэнд, принц Амбера?

Он кивнул.

— Выходит, ты слыхал про эту историю?

— Краем уха, не все, — ответил я. — Расскажи мне.

— Ну, она связалась с одним типом из Амбера, с принцем по имени Брэнд. По слухам, они познакомились на одной совместной волшебной операции и это была любовь с первой крови. Джасра пыталась удержать его, и я слыхал, будто они даже тайно поженились. Однако его вовсе не прельщал трон Кашфы, хотя она только его и хотела посадить на этот трон. Он много путешествовал, надолго отлучался. Поговаривали, что несколько лет назад именно он был виновником Дней Мрака и что он погиб в большом сражении между Хаосом и Амбером от руки своего родственника.

— Да, — кивнул я, и Дэйв бросил на меня странный взгляд. Прочитав в нем и замешательство, и подозрение, я тут же поспешил добавить: — Расскажи мне еще что-нибудь о Ринальдо.

— Добавить особенно нечего. Она родила его и, по слухам, научила кое-чему из своего искусства. Отца своего парень толком не знал — Брэнд редко бывал дома. Ринальдо рос непутевым. Несколько раз убегал из дома, связался с бандой преступников.

— Людьми Далта? — спросил я.

Дэйв кивнул.

— Разъезжал с ними на лошадях, хотя мать в то время обещала награду за головы некоторых из них.

— Погоди-ка минутку! Ты говоришь, она ненавидела этих разбойников и наемных убийц...

— «Ненавидела» — пожалуй, слишком сильно сказано. Она о них и думать не думала, покуда ее сын не связался с ними. Вот тогда она рассвирепела.

— Боялась, что окажут на него дурное влияние?

— Нет. Я думаю, Джасре не нравилось, что они принимали Ринальдо всякий раз, стоило ему с ней разругаться и убежать.

— Но ведь, по твоим же словам, после того, как Далт помог ей победить Шару Гаррула, она отдала ему часть награбленных сокровищ и позволила уйти.

— Так оно и было. Тогда Ринальдо сильно поскандалил со своей мамочкой, и под конец ей пришлось уступить. Это был один из тех редких случаев, когда парнишка выступил против нее и одержал верх. После чего Джасра приказала казнить всех свидетелей, всех, кто знал об этом. Но нескольким парням удалось удрать. Они-то мне и рассказали.

— Крутая дамочка.

— Ага.

Мы вернулись назад к тому месту, где сидели, и еще немного пожевали.

Песня ветра в расселинах зазвучала громче, на море начался шторм. Я спросил Дэйва про собакообразных чудищ, и он сказал, что они обретаются в здешних местах и скорее всего будут жрать этой ночью трупы погибших.

— Мы делим добычу, — объяснил он. — Я беру припасы, вино и ценности, а им нужны только трупы.

Похоже было, что Дэйв вдруг испугался, не вздумаю ли я ограбить мертвых.

— Да ведь и брать-то у них особенно нечего. Какие там ценности?! — спохватился он. — Все моя жадность. Расписал, будто и впрямь там можно набрать много добра...

— Твоя правда, — согласился я.

— А как ты попал сюда, Мерль? — быстро спросил Дэйв, явно желая сменить тему.

— Пешком, — ответил я.

— Что-то не больно похоже на правду. Добровольно сюда еще никто не приходил.

— Я и не знал, что попаду сюда. И не думаю здесь долго задерживаться, — сказал я, увидев, что он достал свой нож и

играет им. — В такое время ни к чему спускаться вниз и просить гостеприимства.

— Ты прав, ничего не скажешь.

Уж не собирался ли в самом деле старый плут напасть на меня, чтобы защитить свой тайник с награбленными ценностями? Видно, он порядком спятил, живя здесь один в зловонной пещере и прикидываясь святым.

— А ты хочешь вернуться в Кашфу? — спросил я. — Я мог бы показать тебе дорогу.

Он бросил на меня испытующий взгляд:

— Что ты знаешь о Кашфе? Ведь сам меня расспрашивал о ней. А теперь говоришь, будто можешь отослать меня домой.

— Стало быть, ты не хочешь возвращаться?

Дэйв вздохнул:

— По правде говоря, не хочу. Слишком поздно. Теперь мой дом здесь. Мне нравится быть отшельником.

Я пожал плечами.

— Ну что ж, спасибо, что накормил меня, и за новости спасибо.

Я поднялся на ноги.

— А куда ты теперь пойдешь? — спросил Дэйв.

— Думаю побродить здесь немного и отправиться домой.

Увидев у него в глазах сумасшедший огонек, я попятился. Дэйв поднял нож, пальцы крепче сжали рукоятку. Потом опустил его и стал резать сыр.

— Вот, возьми кусок сыра, если хочешь, — предложил он.

— Нет, я сыт. Спасибо.

— Я только хотел сэкономить твои деньги. Счастливого путешествия.

— Ладно, и ты бывай здоров.

Я направился назад к тропинке, слыша, как он хихикает у меня за спиной. Потом звуки утонули в ветре.

Несколько часов я потратил на разведку, бродил вокруг по холмам, спустился вниз к дымящейся трясине, прошелся по берегу моря. Прогулялся по твердой почве, пересек ледяной перешеек, держась подальше от Стража Четырех Миров. Я хотел как можно точнее запомнить это место, чтобы найти потом дорогу через Царство Теней. По пути я натыкался на стаи диких собак, которых, по счастью, больше интересовали трупы, чем то, что движется.

На каждой топографической границе стояли указательные камни со странными надписями. Для чего они были поставлены, я не понял; решил, что в помощь составителям карты. В конце концов я с трудом вытащил один из них из горячей земли и прошел примерно пятнадцать футов по льду и снегу.

Почти в тот же миг земля дрогнула так сильно, что я упал, едва успев вовремя отползти от разверзнувшейся трещины, из которой стал извергаться гейзер. Менее чем за полчаса горячая вода растопила в снегу и льду узкую полоску. К счастью, я шел довольно быстро и успел удалиться от опасного места, чтобы наблюдать за этим явлением с почтительного расстояния. Но мне предстояло увидеть еще и не такие чудеса.

Я устроился на земле среди огромных камней в том самом месте, откуда начал обследовать вулканический участок. Там я отдохнул немного, глядя, как маленький сегмент территории меняется прямо на глазах, а ветер далеко разносит дым и пар. Камни шатались и катились по склону. Черные вороны шарахались от горячих фонтанов и взлетали ввысь.

Затем я засек движение, которому вначале приписал сейсмический характер. Передвинутый мною указательный камень слегка дрогнул, а через секунду приподнялся над землей. С постоянной скоростью — словно его левитировали — пересек по прямой разрушенный участок и занял свое прежнее место. Все замерло.

Чуть погодя все вновь пришло в движение, но теперь затрещал, начал ломаться и ползти лед, отвоевывая оттаявшую территорию и занимая прежние позиции.

Я вызвал зрение Логруса и увидел, что каменный столб окружен неярким свечением, которое соединялось с длинной, ровной и устойчивой полоской света такого же оттенка, идущего от высокой задней башни Стража.

Я стоял как заколдованный. Многое бы я дал, чтобы оказаться внутри этой башни.

Внезапно сначала со вздохом, потом со свистом оттуда вырвался вихрь. Кружась, становясь все темнее и мрачнее, он направился ко мне, приняв форму хобота какого-то огромного облачного слона, заполонившего все небо. Я повернулся и стал карабкаться выше по склону между камней. Но темный вихрь преследовал меня, словно его направлял чей-то мозг. Поднимаясь над неровными уступами, он нигде не прерывался, что говорило о его искусственной природе — скорее всего волшебной.

На то, чтобы создать магическую защиту, а тем более запустить ее в действие, требуется определенное время.

К сожалению, мой выигрыш во времени составлял не более одной минуты, а этого могло и не хватить.

Увидев за следующим поворотом длинную узкую расселину, зигзагообразную, как молнию, я лишь на секунду задержался, нырнул в нее и стал спускаться. А за спиной грохотал посланный башней вихрь...

Тропа уходила вниз, и я бежал по ней, повторяя ее изломы и изгибы. Шум сзади перерос в рев, взметнулось облако пыли, я закашлялся. На меня обрушился град мелкого щебня. Я прыгнул вниз с высоты около восьми футов, упал ничком и закрыл голову руками, рассчитывая на то, что вихрь промчится надо мной. Лежа, я бормотал заклинания, призывающие на помощь высшие силы, хотя не был уверен, что они способны противостоять столь сильному натиску.

Когда наступила тишина, я помедлил, не вскочил тут же на ноги. Быть может, управлявший смерчем ослабил его, решив, что я уже вне досягаемости. А возможно, я оказался в самом центре тропического циклона, который успеет еще проявить себя.

Я не встал, но поднял голову, чтобы увидеть, что происходит — по натуре я человек любознательный. Из центра вихря на меня кто-то смотрел. Разумеется, это была проекция, больше натуральной величины и не вполне четкая. На голове у этого существа был капюшон, на лице — яркая синяя маска, напоминающая маски хоккейных вратарей. На маске было две вертикальные прорези для дыхания, из которых струился бледный дымок — штрих, на мой взгляд, чересчур театральный. Серии небольших отверстий чуть ниже производили впечатление саркастической кривой ухмылки.

До моих ушей донеслись искаженные звуки смеха.

— Не перестарался ли ты малость? — спросил я, вползая в нишу и загораживаясь Логрусом. — Для празднования Дня всех святых — согласен, в самый раз. Но ведь мы все здесь взрослые, не правда ли? Пожалуй, обычная простенькая маска лучше подошла бы...

— Ты передвинул мой камень?

— У меня определенный академический интерес к подобным вещам, — ответил я, чуть расслабляясь. — Не вижу повода для расстройства. Это ты, Джасра? Я...

Шум возобновился; сначала негромкий, он перерос в грохот.

— Давай заключим сделку. Ты отзываешь смерч, а я не буду больше трогать твои каменные столбы.

В ответ раздался хохот, шум еще более усилился.

— Слишком поздно, — был ответ. — Если ты не круче, чем выглядишь.

Черт побери! Битву не всегда выигрывает сильный; часто побеждают хорошие ребята — судя по тому, кто пишет впоследствии мемуары.

Я попытался спроектировать Логрус на иллюзорную маску

и, найдя звено, отверстие, ведущее к источнику, ударил электрическим разрядом в то, что находилось за ним.

Раздался вопль. Маска съежилась, вихрь исчез, а я вскочил на ноги и снова бросился бежать. Я не хотел, чтобы существо, которое я ударил, вновь обретя силу, застало меня на прежнем месте.

У меня был выбор: идти в обход через Тени либо найти более короткий путь отступления. Если колдун засечет меня, когда я скользну в Царство Теней, он последует за мной по пятам. Итак, я вытащил свою колоду и достал карту Рэндома. За следующим поворотом дороги мне пришлось остановиться, потому что проход сузился и по нему было не пробраться. Я поднял карту и устремил к ней внутренний взгляд.

Контакт возник почти немедленно. Но даже когда образ материализовался, я попробовал его на ощупь, опасаясь, что это опять моя Немезида в синей маске, жаждущая настичь меня.

Фигура Рэндома выступила отчетливее. Он сидел перед барабаном с палочками в руке. Потом отложил палочки и поднялся.

— Самое время нам встретиться, — сказал дядюшка и протянул мне руку.

Я уже успел дотронуться до него, когда в лицо мне ударило нечто подобное гигантской волне. Я прошел сквозь это и оказался в музыкальном салоне Амбера. А когда Рэндом открыл рот, собираясь произнести некую тираду, на нас обрушился каскад цветов.

Стряхивая их с рубашки, он взглянул на меня и изрек:

— Я предпочел бы, чтобы ты выразил свои чувства словами.

Глава 4

Описание действующих лиц: цели разные, атмосфера весьма прохладная...

Солнечный день, прогулка после легкого завтрака по саду, беседа, прерываемая долгими паузами, односложные ответы, недосказанные фразы, натянутость и напряженность тона, свидетельствующая об отсутствии взаимопонимания...

Сидим на скамейке, любуемся цветочными клумбами, думаем каждый о своем, говорим ничего не значащие слова...

— Ну хорошо, Мерль! Так что происходит?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Джулия.

— Не валяй дурака. Я прошу тебя лишь ответить напрямик.

— На какой вопрос?

— Куда ты увел меня с берега в ту ночь?.. Где находится это место?

— Это... это был лишь сон.

— Чушь собачья! — Она повернулась ко мне. Лицо ее вспыхнуло, глаза заблестели, но на моем лице она не прочла ответа. — Я много раз приходила сюда, пыталась найти путь, по которому мы тогда шли. Здесь нет пещеры. Здесь ничего нет! Куда все это подевалось? Что происходит?

— Может, был сильный прилив...

— Мерль! Ты что, считаешь меня идиоткой? Дороги, по которой мы шли, не существует. Никто в округе не слышал о подобных местах. Да и с точки зрения географии это немыслимо. И время дня, и времена года несколько раз менялись. Единственное объяснение этому — сверхъестественное, или паранормальное, явление, называй как хочешь. Скажи мне, что произошло? Ты должен объяснить, ведь тебе это известно!.. Что случилось? Куда мы попали?

Я отвел взгляд, посмотрел на свои ботинки, потом на цветы...

— Я... не могу сказать.

— Почему?

Ну что я мог ответить? И дело не только в том, что мой рассказ о Царстве Теней мог значительно поколебать, а то и вовсе разрушить ее представление о реальной действительности. Главная загвоздка была в том, что пришлось бы объяснять, откуда мне это известно, а значит, и сказать, кто я такой и откуда. А я боялся открыть ей правду. Я сказал себе, что это положит конец нашим отношениям, так же как мой отказ ответить на ее вопрос. И предпочел расстаться с Джулией, оставив ее в неведении.

Позднее, гораздо позднее я понял — истинной причиной моего нежелания дать правдивое объяснение было то, что я не доверял ей. И не только ей, а вообще всем. Знай я ее дольше, лучше, я, быть может, и удовлетворил бы ее любопытство. Впрочем, трудно утверждать наверняка. Мы никогда не произносили слово «любовь», хотя, возможно, оно мелькало в ее мыслях, как и в моих. Итак, я ответил ей:

— Я не могу тебе этого сказать.

— Ты обладаешь сверхъестественной силой, которой не хочешь со мной делиться?

— Считай так, если хочешь.

— Я сделаю все, что ты пожелаешь; дам любое обещание, какое ты потребуешь от меня.

— Не могу ничего сказать тебе. У меня есть на то причина.

Она встала, подбоченилась:

— Так ты не желаешь быть со мной откровенным?

Я покачал головой.

— Видно, ты живешь в мире одиночества, маг, если не пускаешь в него даже тех, кто любит тебя.

В тот момент я счел это ее последней уловкой, еще одной попыткой заставить меня открыться. Мое решение созрело окончательно.

— Я этого не говорил.

— Да говорить и не к чему. Твое молчание достаточно красноречиво!.. Если тебе известна дорога в ад, можешь отправляться туда немедленно! Прощай!

— Джулия, не надо...

Она предпочла меня не услышать.

Тихая, покойная жизнь с цветами...

Пробуждение. Ночь. Осенний ветер за окном. Сны. Бестелесная пульсирующая кровь жизни...

Я опустил ноги с кровати и сел, протирая глаза, массируя виски. Был солнечный день, когда я кончил рассказывать Рэндому свою историю, и он велел мне хорошенько выспаться. Я страдал из-за разницы во времени и был сильно измотан. Который час? Понятия не имею, но только вряд ли мне удастся снова заснуть.

Я потянулся, встал, привел себя в порядок и надел чистую одежду. Хотелось есть, но я решил не шуровать в кладовке, а пойти куда-нибудь перекусить. Выходя из дома, я захватил теплый плащ. Потянуло прогуляться — ведь я так давно, пожалуй, несколько лет не был за пределами дворца, не бродил по городу.

Я спустился вниз, прошел через несколько комнат в большой зал, соединенный с коридором, в который я мог попасть сразу, спустившись с лестницы. Но тогда я упустил бы возможность полюбоваться прекрасными шпалерами с идиллическими сельскими сценами. На одной из шпалер изображен завтрак на траве, на другой — сцена охоты, где великолепного оленя-самца преследуют собаки; кажется, у оленя есть шанс спастись, если он сумеет сделать гигантский прыжок...

Пройдя через зал и коридор, я подошел к боковому входу во дворец, где скучавший стражник по имени Джорди, заслышав мои шаги, насторожился. Я решил поболтать с ним и узнал, что он будет дежурить до полуночи, то есть еще почти два часа.

— Собираюсь прошвырнуться по городу... Скажи, где здесь можно неплохо поужинать в это время?

— А что вы предпочитаете на ужин?

— Дары моря.

— В «Лужайке скрипача», примерно в двух третях пути отсюда до Большой площади. Еда там — пальчики оближешь, шикарное заведение!

Я покачал головой:

— Не хочу в шикарное.

— «Сеть» — тоже хороший рыбный ресторанчик на углу Кузнечной и Скобяной.

— Ты сам-то туда не ходишь?

— Ходил раньше. Но не так давно его завсегдатаями стали дворяне и богатые торговцы. Теперь мне в нем сидеть неуютно. У них там что-то вроде клуба.

— Черт побери! Мне совсем неохота ни с кем вести беседы. Я просто намерен съесть кусок хорошей свежей рыбы.

— Ну, тогда нужно прогуляться довольно далеко. Если вы пройдете к докам, то на западной стороне бухточки... Однако, пожалуй, туда вам лучше не ходить. Уже поздно, а когда стемнеет, там небезопасно.

— Это случайно не Мертвый тупик?

— Да, его так называют, потому что там поутру иногда находят трупы. Может, все же вам не стоит идти туда одному? Ступайте лучше в «Сеть».

— Джерард как-то днем водил меня по Мертвому тупику. Думаю, я сумею найти дорогу. Как называется кабачок?

— Хм-м... «У Кровавого Билла».

— Спасибо. Передам Биллу от тебя привет.

Он покачал головой:

— Не сможете. Заведение так назвали после смерти Билла. Теперь оно принадлежит его двоюродному брату Энди.

— Ясно. А как оно называлось раньше?

— «У Кровавого Сэма», — ответил он.

Я пожелал стражнику доброй ночи и отправился в путь. Дошел по тропинке до короткой лестницы, ведущей вниз по склону, оттуда по садовой дорожке — к боковым воротам, которые открыл для меня другой стражник. Ночь была прохладная, легкий ветерок разносил запах осени. Я глубоко вдохнул его и направился в сторону Большой площади.

Отдаленный неторопливый полузабытый стук копыт по булыжной мостовой, казалось, долетал до меня из сна или из памяти детства. Безлунное небо усеяли звезды, а площадь под ним освещалась шарами, наполненными фосфоресцирующей жидкостью и стоявшими на столбах, вокруг которых плясали длиннохвостые горные мотыльки.

Мимо меня по Главной улице проехали несколько закры-

тых экипажей. Пожилой человек, прогуливавший маленького летучего дракона, которого он вел на цепочке, приподнял шляпу и сказал, обращаясь ко мне:

— Добрый вечер.

Он видел, откуда я шел, хотя наверняка не знал меня лично. В этом городе мое лицо жителям незнакомо. Постепенно настроение у меня поднялось, походка стала бодрой, упругой.

Рэндом разозлился на меня не так сильно, как я ожидал. Поскольку Призрачное Колесо не натворило пока никаких бед, дядюшка не потребовал, чтобы я немедленно занялся им, лишь велел подумать хорошенько и предложить оптимальный план действий. К тому же Флора уже успела рассказать ему, кто такой Люк, и у него полегчало на душе, поскольку теперь он узнал, кто его враг. Я спросил, что он намерен предпринять в отношении Люка, но Рэндом не пожелал мне этого сказать. Намекнул лишь, что недавно отправил агента в Кашфу для сбора информации. По-видимому, его больше всего волновала мысль, что преступник Далт все еще жив.

— Кое-что мне неясно... — начал Рэндом.

— Что именно? — спросил я.

— Ведь я видел, как Бенедикт его поразил. Обычно на этом карьера бедолаги заканчивается.

— Здоров, сукин сын, — заметил я. — Или чертовски везучий. А может, и то и другое.

— Если это тот же человек, то он — сын Дизакратрикс. Ты слыхал о ней?

— О Диле? — спросил я. — Кажется, так ее зовут?.. Воинствующая религиозная фанатичка?

Рэндом кивнул.

— Она доставила немало беспокойства в районе Золотого Круга, особенно у Бегмы. Когда-нибудь бывал там?

— Нет.

— Ну так вот, Бегма — ближайшая точка Круга к Кашфе, в свете чего твой рассказ приобретает особый интерес. Лила много раз нападала на Бегму; они не могли сами с ней справиться и обращались к нам. Напоминали о союзе защиты, который мы заключили почти со всеми королевствами Золотого Круга. Наконец отец решил сам преподать ей урок. Она, что называется, перегнула палку. Отец малой силой победил ее войско, взял Дилу в плен, повесил многих ее людей, но ей самой удалось бежать. Через несколько лет, когда все о ней забыли, она вернулась со свежими силами и новым войском и взялась за старое. Бегма опять запросила помощи, однако отец был занят и послал Блейза с довольно крупными силами. У Дилы была не регулярная армия, а просто банда, способная не на

бои, а на налеты и стычки. Под конец Блейз окружил их и уничтожил. Она погибла в тот день вместе со всеми своими людьми.

— И Далт — ее сын?

— В том-то и дело. Он долгое время досаждал нам. Понятно, хотел отомстить за свою мать. Под конец он сколотил довольно впечатляющее войско и напал на Амбер. Продвинулся дальше, чем можно было предположить, до самого Колвира. Но Бенедикт со своим любимым полком ждал его, разгромил наголову и уж по крайней мере смертельно ранил Далта. Кое-кому удалось удрать, причем захватив с собой тело своего вождя, так что трупа Далта не нашли. Но, черт возьми, кого тогда это беспокоило?

— И ты думаешь, что это тот самый парень, который дружил с Люком с самого детства?

— По возрасту вполне может быть. К тому же он из того же региона.

Я прогуливался по вечернему городу и размышлял. Если верить словам отшельника, Джасра не очень-то любила сына. Какова же его роль в настоящее время? «Слишком много неизвестных, — решил я, предпочитая точную информацию догадкам. — Ну да ладно, будь что будет. Сейчас самое главное вкусно поужинать».

Я продолжал идти по Главной улице. Почти в самом ее конце за столиками кафе на открытом воздухе еще сидели несколько пьяниц. В одном из них я узнал Дроппу, но он не заметил меня, и я прошел мимо. Большой радости я от этой встречи не испытал.

Я свернул на улицу Ткачей, что соединяется с Западной Виноградной, которая заворачивает в район гавани. Высокая дама в маске и серебряном плаще поспешно прошла мимо меня к ожидавшей карете. Она оглянулась и подарила мне улыбку из-под маски домино. Жаль, что я незнаком с ней, ее улыбка показалась мне красивой. Но тут ветер донес до меня запах дыма очага и зашуршал сухими листьями по мостовой. Я подумал о своем отце. Где-то он сейчас?

Прямо, затем по Западной Виноградной... Эти улицы куда уже Главной, но все еще достаточно широки, фонарей здесь меньше, но все же они горят для ночных путников. Несколько всадников медленно проехали, напевая незнакомую мне песню. Чуть позднее что-то большое и темное пролетело у меня над головой и уселось на крыше дома на противоположной

стороне улицы. Оттуда послышались какие-то царапающие звуки, потом все стихло.

Улица повернула налево, затем направо, еще поворот и еще... словно аттракцион «американские горки». Дорога пошла под уклон. Чуть погодя подул ветерок из гавани. Впервые за этот вечер пахнуло соленым морем. Еще два поворота... И вот оно раскинулось далеко внизу: качающиеся огни на блестящей волнующейся поверхности, огражденной кривой линией ярких точек — дорогой в порт.

На востоке небо казалось слегка припудренным. Впереди, где-то на краю земли, легко обозначалась линия горизонта. Минуту спустя мне показалось, что я мельком увидел далекий огонь Кабры, но за следующим поворотом я потерял его из виду.

Справа на дорогу упало пятно света, похожее на молочную лужицу; сразу стали заметны мрачная груда камней на склоне холма и разрисованный рекламный столб парикмахерской с треснутым, слабо светящимся шаром наверху, напоминавшим мне детскую игру «череп на столбе», в которую мы когда-то играли во Владениях Хаоса. Довольно неотчетливые следы вели вниз по склону. Я пошел дальше, прислушиваясь к крикам морских птиц. Ароматы осени растворились в запахе океана. Светлая полоса в восточной части неба поднялась выше над водой и поплыла над морщинистой поверхностью океана. Скоро...

Долгая прогулка окончательно раззадорила мой аппетит. На противоположной улице я заметил еще одного пешехода в черном, ранты его ботинок слегка светились. Я подумал о вкусной рыбе и прибавил ходу. У подъезда сидела кошка, задрав ногу и вылизывая свой зад. Мимо проехал и направился в горы еще один всадник. Из верхнего этажа темного здания донеслись крики и обрывки фраз ссорившихся женщины и мужчины. За следующим поворотом я увидел на небе рог луны — будто грозное чудище всплыло на поверхность, отряхивая капли с блестящей шкуры...

Минут десять спустя я достиг портового района и нашел дорогу в гавань. Фонарей здесь было слишком мало, и путь мне освещали лишь свет из окон, бадьи с горящей смолой да только что взошедшая луна. Запах соли и выброшенных на берег водорослей становился все резче, на дороге валялись кучи хлама, наряды прохожих были пестрее и причудливее, чем на Главной улице (если забыть о костюме Дроппы). Я прошел по берегу бухточки, где звуки моря слышались отчетливее: бешеный натиск волн, с громким шумом обрушивающихся на мол и с тихим плеском откатывающихся назад, скрип досок,

грохот цепей, стук лодок о пирс или причальные сваи... «Где-то теперь моя старая яхта?» — подумал я.

Дорога свернула к западному берегу гавани, а я шел дальше, бросая на ходу взгляд на названия боковых улочек. Путь мне пересекла пара крыс, за которыми гналась черная-пречерная кошка. К запаху моря здесь примешивалась вонь блевотины, жидких и твердых отбросов. Доносившиеся крики и звуки ударов свидетельствовали о том, что я почти у цели. Вдалеке забренчал колокол буя, а где-то рядом раздались обрывки унылых ругательств, и два моряка, выйдя из переулка справа, прошли мимо меня, пошатываясь и спотыкаясь, скаля зубы. Чуть погодя они затянули песню. Я остановился и прочитал на углу название: «Переулок Морского бриза».

Так и есть. В простонародье — Мертвый тупик.

Улочка как улочка, ничем от других не отличается. Пройдя по ней первые полсотни шагов, я не заметил ни одного трупа и даже ни одного пьяного на земле. Правда, некий тип у подъезда попросил купить у него кинжал, а какой-то усатый верзила выразил пожелание обеспечить меня чем-то молоденьким и свеженьким. Я отказался от обоих предложений и, узнав от усатого, что заведение «У Кровавого Билла» совсем рядом, зашагал дальше.

Бросив случайный взгляд назад, я убедился в том, что за мной следуют три фигуры в темном. Я заметил их еще на дороге в гавань. Впрочем, это могло быть случайным совпадением. Не страдая манией преследования, я решил не обращать на них внимания: мало ли, людям просто по пути со мной. И верно, ничего не происходило. Незнакомцы держались поодаль, а когда я наконец обнаружил кабак «У Кровавого Билла» и вошел в него, они пересекли улицу и нырнули в маленькое бистро неподалеку.

Я оглядел кабак. Бар был направо, столики налево, пол испещрен подозрительными пятнами. Реклама на стене предлагала подойти к стойке, сделать заказ и сказать, на какой столик его подать. Ниже было нацарапано мелом дневное меню. Я встал у стойки, невольно привлекая всеобщее внимание. Наконец ко мне подошел крепко сбитый мужчина с седыми, удивительно косматыми бровями и спросил, что мне угодно. Я заказал синего морского ската и указал на столик в конце зала. Он кивнул, передал через окошко в стене мой заказ и поинтересовался, не подать ли мне к скату бутылочку «Мочи Бейли». Я согласился. Официант открыл бутылку и подал ее вместе со стаканом. Я расплатился, подошел к выбранному мной столику и сел спиной к стене.

Зал освещали мерцающие огоньки расставленных повсюду

закопченных керосиновых ламп. За угловым столиком напротив меня трое мужчин, двое молодых и один постарше, играли в карты, передавая друг другу бутылку. Слева сидел за столиком и ел пожилой человек; лицо его было обезображено страшным шрамом, пересекавшим лоб и левую щеку. На стуле справа от него лежал вынутый из ножен кривой клинок длиной дюймов в шесть. Пожилой мужчина тоже сидел спиной к стене. За столиком поблизости примостились люди с музыкальными инструментами — видно, сделали перерыв здешние музыканты.

Я налил в стакан желтого вина и пригубил его. Знакомый вкус, памятный с давних времен. Барон Бейли, владелец множества виноградников милях в тридцати к востоку, был официальным поставщиком двора. Его красные вина поистине превосходны, белые ему удаются хуже. На местный рынок он поставлял огромное количество второсортного вина. На этикетках красовался его герб и портрет собаки — он любил собак. Поэтому в народе это вино именовали «Собачьей мочой» или «Мочой Бейли», в зависимости от того, к кому обращались. Любителям собак иной раз не нравилось, если эту «мочу» называли собачьей.

К тому времени как мне принесли заказ, я заметил, что двое молодых мужчин, сидевших напротив стойки бара, слишком часто и явно не случайно смотрят в мою сторону, невнятно переговариваясь и посмеиваясь. Я решил не обращать на них внимания и сосредоточился на еде. Чуть погодя человек со шрамом, не наклоняясь ко мне, не глядя на меня и едва шевеля губами, тихо произнес:

— Бесплатный совет. Кажется, два парня возле стойки заметили, что у вас при себе нет оружия, и положили на вас глаз.

— Спасибо, — ответил я.

Да... Я не сомневался, что сумею расправиться с ними, однако предпочел бы не ввязываться в историю. Если для этого достаточно лишь раздобыть клинок и положить его на видное место, что ж — пожалуйста.

Секунда медитации... и Логрус заплясал передо мной. Немного погодя я просунул сквозь него руку и выбрал нужное мне оружие, не слишком длинное и не слишком тяжелое, удобное в употреблении, с ножнами на темном широком поясе. Это заняло у меня около трех минут, потому что я нервничал. Ну и потому, что проникнуть в Тени вблизи Амбера много труднее, чем в любом другом месте.

Взяв шпагу в руку, я вздохнул и вытер пот со лба. Потом осторожно вытащил ее вместе с ножнами и перевязью из-под

стола и, последовав хорошему примеру, вытянул на полфута клинок из ножен и положил его на стул справа от себя.

Двое парней у бара заметили мои манипуляции, и я взглянул на них с усмешкой. Они быстро о чем-то перемолвились, но на этот раз без ухмылок. Я налил себе еще вина и выпил его одним глотком. Потом принялся за рыбу. Джорди был прав, кухня здесь отличная.

— Ловкий фокус, однако, — сказал человек за соседним столиком. — Поди, нелегко этому выучиться.

— Нелегко.

— Понятно. Все хорошее дается нелегко, иначе каждый бы заполучил, что ему надо. И все-таки они, пожалуй, не отстанут от вас, раз вы один. Зависит от того, сколько они выпьют и хватит ли у них храбрости. Боитесь?

— Нет.

— Другого я от вас и не ожидал. Но они точно нападут на кого-нибудь нынче ночью.

— Откуда вы знаете?

Мужчина в первый раз взглянул мне в лицо и зловеще ухмыльнулся:

— Я их насквозь вижу — заводные ребята. Ну, пока.

Он бросил на стол монету, поднялся, надел перевязь и застегнул пряжку, потом взял свою темную шляпу с пером и направился к двери.

— Поберегитесь, — бросил он мне напоследок.

Я кивнул.

— Доброй ночи.

Когда он уходил, те двое парней снова зашептались и стали смотреть не на меня, а ему вслед. Очевидно, приняв решение, они поднялись и быстро вышли на улицу. Я чуть было не поддался искушению последовать за ними, но что-то удержало меня. Вскоре с улицы донесся шум, затем в дверях показался человек; несколько мгновений он стоял, раскачиваясь, потом упал ничком. Это был один из двух пьяниц. На горле у него зияла рана.

Энди покачал головой и послал официанта в полицию сообщить о случившемся. Затем взял убитого за ноги и вытащил его на улицу, чтобы труп не мешал посетителям входить в кабак.

Позднее, заказывая еще одну порцию, но уже другой рыбы, я спросил Энди о причине скандала.

Он мрачно усмехнулся:

— Лучше не связываться с людьми, которые работают на корону, это крутые парни.

— Так тот тип, что сидел рядом со мной, работает на Рэндома?

Энди пристально посмотрел на меня, затем кивнул:

— Старый Джон работал и на Оберона. Частенько заглядывает к нам, когда бывает поблизости.

— Интересно, что у него за задание?

Энди пожал плечами:

— Кто знает? Но он заплатил мне кашфанской валютой, а я знаю, что он не из Кашфы.

Уплетая второе блюдо, я задумался. Возможно, сведения, которые Рэндом хотел получить в Кашфе, уже скоро будут доставлены в замок. Разумеется, если удалось их раздобыть. Скорее всего они касаются Люка и Джасры. Интересно, что это за сведения и насколько полезны они могут быть мне?

Так я сидел и размышлял довольно долго. В зале стало гораздо тише, даже когда музыканты снова заиграли. Может, те парни следили за Джоном, а мы оба думали, что они пялятся на меня. А может, они просто решили последовать за первым посетителем, который выйдет из кабака в одиночку?.. Похоже, я стал рассуждать, как истинный житель Амбера, которому везде чудятся заговоры.

Впрочем, я был недалек от истины. Что-то ощутимо витало в воздухе.

Я опустошил стакан и оставил недопитую бутылку на столе. При сложившихся обстоятельствах ни к чему взвинчивать себя попусту. Я поднялся, надел перевязь со шпагой и застегнул ее.

Энди кивнул мне, когда я проходил мимо бара.

— Если увидите кого-нибудь из дворца, — вкрадчиво промолвил он, — намекните, что я тут ни при чем. Понятия не имел, что они это устроят.

— Ты знал этих ребят?

— Да. Они моряки. Их корабль пришел несколько дней назад. Парни и раньше затевали здесь драки.

— Может, это их профессия — убирать неугодных людей?

— Вы имеете в виду, что они хотели убить Джона, потому что знали, кто он? Нет, вряд ли. Слишком глупы, много раз попадались. Рано или поздно эти парни должны были нарваться на того, кто умнее их, — вот и схлопотали. Не думаю, чтобы кто-нибудь нанял их на серьезное дело.

— А второго Джон тоже пришил?

— Да, чуть поодаль, на улице. Так что вы можете намекнуть, что они оказались не в том месте и не в то время.

Я уставился на Энди, а он подмигнул мне.

— Я видел вас здесь вместе с Джерардом несколько лет

назад. Дело в том, что я взял за правило никогда не забывать лица клиентов, которые могут мне однажды пригодиться.

Я кивнул в ответ:

— Спасибо за вкусный ужин.

На улице похолодало. Луна висела высоко, море разбушевалось. Дорога впереди была пустынна. Из какого-то заведения ближе к гавани доносились громкая музыка и смех. Проходя мимо, я заглянул в окно и увидел, как на маленькой эстраде усталая женщина делает сама себе нечто вроде гинекологического обследования.

Где-то рядом раздался звон разбитого стекла. Из прохода между домами вывалился пьяный с протянутой вперед рукой. Я прошел мимо. В гавани вздыхал заблудившийся в мачтах ветер. Я вдруг пожалел, что рядом со мной нет Люка, как в те добрые старые времена, до того как наши отношения осложнились. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь одного со мной возраста и склада ума. Все мои здешние родственники, отягощенные многовековым грузом цинизма и мудрости, не могли чувствовать и мыслить так, как я.

Я сделал еще шагов десять, и вдруг Фракир резко задергалась у меня на запястье. Поблизости не было ни души, я даже не стал вынимать из ножен свой новый клинок, а лишь бросился ничком на землю и откатился в тень. Одновременно донесся свист со стороны здания напротив. Бросив взгляд в том направлении, я увидел, что оттуда вылетела стрела, нацеленная на то место, где я только что стоял. Если бы я не нырнул на землю, она наверняка угодила бы прямо в меня.

Я приподнялся настолько, что смог выхватить из ножен шпагу, и бросил взгляд направо. В ближайшем здании на теневой стороне ни открытых окон, ни открытых дверей; его фронтон футах в шести от меня. Но между этим домом и двумя другими, соседними, пустые пространства, и, призвав на помощь геометрию, я определил, что стрела была пущена откуда-то оттуда.

Я снова покатился по земле, пока не оказался возле крытой галереи, тянувшейся во всю длину дома, вскарабкался на нее и встал во весь рост. Потом начал медленно двигаться вдоль стены, проклиная темноту, не позволявшую мне идти быстрее, и подошел достаточно близко к зияющей пустоте, чтобы броситься на таинственного стрелка прежде, чем он успеет выпустить в меня еще одну стрелу. Мне не сразу пришло в голову, что он может обойти вокруг здания и напасть на меня сзади. Я прильнул к стене, сжал эфес шпаги и быстро оглянулся. Фракир раскрутилась и повисла у меня на руке, готовая к нападению.

Я еще не знал точно, что буду делать, когда дойду до угла дома. По-видимому, ситуация требовала магического вмешательства. Речь шла о жизни и смерти, следовало соблюдать предельную осторожность. Я остановился. Затаил дыхание. Прислушался...

Он действовал очень аккуратно, но мой слух уловил еле различимые звуки: враг крадучись шел по крыше. Возможно, нападавших было двое или даже больше. Они могли прятаться за углом. Я не имел ни малейшего представления о том, сколько человек устроили мне засаду, однако на простое ограбление это не похоже. Видно, что операция хорошо продумана.

Я продолжал стоять, отчаянно пытаясь решить, что следует предпринять. Представляю, как этот стрелок прячется за углом — тетива натянута, он ждет лишь сигнала. А тот, что на крыше, наверняка сжимает в руке нож; остальные, поди, тоже небезоружные...

Нет смысла гадать, кто они такие и как нашли меня, если им на самом деле нужен именно я. В данную минуту это не имело ни малейшего значения. Если противнику удастся совершить задуманное, какая разница, буду я убит грабителями, охотящимися за моим кошельком, или наемным убийцей?

Опять звуки на крыше... Кто-то стоит прямо надо мной. Сию секунду... С грохотом и громким криком кто-то спрыгнул с крыши на улицу прямо передо мной. Крик, очевидно, послужил сигналом для стрелка, потому что за углом сразу началась какая-то возня, а из-за другого угла послышались быстрые шаги — кто-то приближался ко мне сзади.

Не успел человек, прыгнувший с крыши, приземлиться, как я швырнул в него Фракир, приказав ей убить его, а сам бросился на стрелка, едва он показался из-за угла. Одним ударом шпаги я сломал арбалет врага, рассек ему руку и низ живота. Вслед за стрелком на меня ринулся третий с обнаженной шпагой, а четвертый бежал ко мне по галерее.

Я уперся левой ногой в грудь скорчившегося стрелка и отбросил его назад на стоявшего за ним третьего, потом, воспользовавшись моментом, резко повернулся и с маху парировал выпад четвертого. Нанося ответный удар, я краем глаза увидел, что человек, спрыгнувший с крыши и стоявший на коленях, пытается сорвать что-то с шеи, и понял, что Фракир делает свое дело.

Кто-то подбирался сзади, явно собираясь вонзить шпагу мне в незащищенную спину. Поэтому...

Вместо того чтобы нанести удар, я сделал вид, будто спотк-

нулся, а на самом деле переместил центр тяжести и сгруппировался.

Враг сделал выпад, а я отскочил в сторону, потом толкнул его, навалившись всем телом. Он мог изловчиться и ударить меня шпагой. Это был опасный прием, но ничего лучшего мне не удалось придумать. Когда мой клинок вонзился ему в грудь, я бросил на противника пристальный взгляд, но так и не понял, видел ли его раньше. Однако теперь это уже не имело значения. Нужно было продолжать драться, уничтожить их или самому погибнуть.

Пользуясь шпагой как рычагом, я, сделав поворот против часовой стрелки, загородился убитым от четвертого нападающего. И вовремя, потому что четвертый как раз спрыгнул с галереи и упал, споткнувшись. Теперь мне оставалось лишь вытащить шпагу из груди третьего и драться с четвертым один на один.

Я рванул шпагу... Тысяча чертей! Клинок вонзился в кость и не желал высвобождаться. А мой противник вскочил на ноги и обрел равновесие. Я продолжал держать мертвое тело между собой и живым противником, а левой рукой пытался выдернуть из правой руки мертвеца его шпагу, эфес которой он продолжал сжимать.

Проклятье! Покойник держал шпагу мертвой хваткой, его пальцы сжимали эфес, словно железные клещи.

Мой враг с мерзкой улыбкой размахивал клинком, пытаясь воткнуть его в меня. И тут я заметил, как блестит кольцо с камнем у него на пальце. Вот и ответ на мой вопрос, меня ли они искали здесь нынче ночью. Продолжая двигаться, я согнул колени и подсунул руки под мертвое тело.

Подобные ситуации порой врезаются в память будто видеозапись: полное отсутствие мыслей, зато масса ощущений; ты не успеваешь их зафиксировать, но все они тут как тут, если твой мозг вздумает снова прокрутить эту ленту.

С улицы и из домов послышались крики, отовсюду бежали люди. На мостовой вокруг меня была кровь, и я боялся поскользнуться. Поодаль, возле галереи лежал мертвый стрелок со сломанным арбалетом. Задушенный человек распростерся на мостовой, справа от моего противника. Безжизненное тело, служившее мне щитом, стало чересчур тяжким грузом. С некоторым облегчением я понял, что нападавших на меня было лишь четверо, и мне оставалось разделаться с последним. А он продолжал маневрировать, делая ложные выпады, готовясь вонзить в меня свою шпагу.

Хорошо, пора.

С силой швырнув мертвеца в своего врага и не взглянув на результат сего действа, так как не мог позволить себе такую

роскошь, я бросился на землю и прокатился мимо лежащего тела того типа, что уронил шпагу и пытался ослабить удавку, сжимавшую его горло. Глухой звук удара о мостовую и злобный вопль сообщили о том, что мне удалось свалить на землю нападавшего, швырнув в него покойника. Чего я этим добился, мне предстояло узнать позже.

Я изловчился и, схватив шпагу, выпавшую из руки задушенного, быстро попятился назад...

И сделал это вовремя, потому что четвертый набросился на меня и стал бешено фехтовать, а я продолжал пятиться, отчаянно парируя его атаку. Он продолжал улыбаться, но мой первый удар показал, чего стоил его успех, а после второго ему стало не до улыбки.

Я прочно уперся ногами в землю. Противник был силен, но я оказался проворнее. Подоспевшие люди стояли и смотрели на нас, выкрикивая бесполезные советы. Не знаю, кому эти советы были адресованы, но они не помогли ни одному из нас. Когда я начал атаковать врага, он с минуту продержался, потом начал медленно пятиться, и я понял, что одолею его.

Мне он был нужен живым, и это несколько усложняло задачу. Сверкающий голубой камень, мелькавший у меня перед глазами, хранил тайну, которую я непременно желал разгадать. И я, продолжая атаку, чтобы измотать противника, осторожно маневрировал, отклоняя корпус то влево, то вправо, теснил его, заставляя пятиться с расчетом, чтобы он споткнулся о мертвеца.

Наступив одной ногой на руку трупа, враг сделал рывок вперед, чтобы сохранить равновесие. Потом в бешенстве, не раздумывая, бросился в атаку, увидев, что я опустил шпагу, готовясь к решающему натиску — я был намерен воспользоваться его секундным замешательством из-за потери равновесия. Но мой расчет не оправдался.

Размахнувшись, враг чуть не выбил шпагу у меня из руки. Я все-таки сумел парировать его удар, и мы схватились вплотную. К несчастью, я дал ему возможность изловчиться и нанести мне страшный удар по почкам. Одновременно он, чтобы повалить меня, сделал мне подножку. Падая, я сумел лишь сильно дернуть свой плащ, чтобы обе наши шпаги запутались в нем. Я тщетно пытался изловчиться и упасть на противника, но мы рухнули рядом, и эфес чьей-то шпаги, скорее моей, сильно ударил меня по ребру. Я упал на правую руку, а левую обмотал плащ. Левая рука врага была свободна, и он вцепился мне в лицо. Я укусил его, но удержать руку не смог. В конце концов мне удалось выпутаться из плаща и ударить его кулаком по лицу. Он отвернул голову, саданул меня коленом по

бедру и пытался ткнуть двумя растопыренными пальцами в глаза. Я схватил его запястье и сжал изо всех сил. Свои правые руки ни он, ни я высвободить не могли — вес у нас был примерно одинаковый.

Я продолжал сжимать запястье врага, пока не хрустнули кости. Он в первый раз вскрикнул. Тогда я оттолкнул его, поднялся на колени и попытался встать, не отпуская его руки. Игра была окончена. Я выиграл.

Внезапно он обмяк и плюхнулся на меня. Я подумал, что это последняя уловка моего противника, но тут же увидел клинок, торчавший в его спине. Рука человека со страшным шрамом, вонзившая шпагу в моего врага, крепче сжала эфес, чтобы вытащить оружие.

— Сукин сын! — завопил я по-английски, уверенный, что он поймет меня. Я отпустил умирающего и ударил кулаком по лицу незнакомца. Тот упал навзничь. — Мне он был нужен живой!

Приподняв своего врага, я усадил его в более или менее удобное положение и спросил:

— Кто тебя послал? Как ты нашел меня?

Его лицо исказила гримаса, изо рта потекла тоненькая струйка крови.

— Спроси кого-нибудь другого, от меня ничего не добьешься, — пробормотал он и повалился навзничь.

Я снял кольцо с его руки, пополнив свою коллекцию треклятых голубых камней. Затем поднялся на ноги и уставился на человека, заколовшего моего врага. Два незнакомца помогли ему встать.

— Для чего вы это сделали, черт побери?!

— Я спас вашу окаянную жизнь! — рявкнул он в ответ.

— Как бы не так! А вот теперь непонятно, чем все кончится! Он был нужен мне живым!

Слева от меня шелохнулась фигура, и я узнал этот голос. Я уже было замахнулся, чтобы снова ударить человека со шрамом, когда она, положив легонько руку мне на плечо, промолвила:

— Он выполнял мой приказ. Я опасалась за твою жизнь и не знала, что ты хотел взять врага в плен.

Она подняла капюшон, и я увидел бледное гордое лицо Винты Бейли, подруги Кейна и, между прочим, третьей дочери барона Бейли, подарившего Амберу много пьяных ночей.

Я почувствовал, что меня слегка бьет дрожь, и сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в себя.

— Понятно, — ответил я наконец. — Спасибо.

— Мне очень жаль, — продолжала она.

Я покачал головой:

— Ты же не знала... Что сделано, то сделано. Я благодарен каждому, кто хочет помочь мне.

— Думаю, я смогу быть тебе полезной. Хотя я и ошиблась на этот раз, мне кажется, ты все еще в опасности. Давай уйдем отсюда.

Я кивнул.

— Только одну минутку...

Я снял Фракир с шеи задушенного, и она быстро шмыгнула в мой левый рукав. Шпагу я вложил в ножны и поправил перевязь.

— Идем, — сказал я.

И мы вчетвером зашагали по направлению к Портовой. Стоявшие посреди улицы зеваки поспешно расходились. Там, сзади, мародеры уже, наверное, начали раздевать трупы.

Все рассыпается; не держит сердцевина... И все же это мой дом, черт возьми!

Глава 5

Я уходил прочь от Мертвого тупика с леди Винтой и двумя слугами из дома Бейли, а бок у меня все еще болел от удара об эфес шпаги. Ночь была лунная, звездная, но по улице стлался морской туман. Хорошо еще, что я отделался синяком на боку — дело могло закончиться куда хуже. Удивительно, ведь я только прибыл. Как они могли так быстро найти меня? Мне казалось, Винте что-то известно, но я склонен был доверять ей. Во-первых, потому что знал ее, а во-вторых, в смерти моего дяди Кейна, ее мужа, был виновен Люк, а все, связанное с голубыми камешками, исходило от него.

Когда мы свернули на Портовую, я спросил Винту, куда мы идем.

— Я думал, мы направляемся на Виноградную.

— Тебе ведь известно, что ты в опасности? — спросила в свою очередь она.

— Мне кажется, это очевидно и подтверждения не требует, — усмехнулся я.

— Я могу пригласить тебя в дом своего отца, — предложила она, — или мы проводим тебя до дворца. Однако кто-то узнал, что ты в Амбере, и ему ничего не стоит найти тебя.

— Трудно спорить.

— У нас здесь пришвартован корабль. Мы можем поплыть на нем вдоль берега и к утру будем возле загородного имения моего отца. Тот, кто ищет тебя в Амбере, потеряет след.

— А ты не думаешь, что во дворце было бы безопаснее?

— Там тебя легко найти. А у меня тебя никто и искать не вздумает.

— Я уеду, Рэндом узнает от одного из стражников, что я ушел в Мертвый тупик, будет беспокоиться, поднимет шум...

— Ты можешь связаться с ним завтра через карту и сказать, что ты у нас в загородном особняке — если колода у тебя при себе.

— В самом деле... А как ты узнала, где найти меня нынче вечером? Ведь ты не станешь утверждать, что встретила меня случайно?

— Нет, мы следовали за тобой и сидели в заведении напротив кабачка «У Билла».

— Ты предвидела то, что случилось?

— Я полагала, что такое может произойти. Разумеется, если бы я знала наверняка, то не допустила бы этого.

— А что, собственно, происходит? Что ты знаешь обо всем этом и какова здесь твоя роль?

Винта засмеялась, и я подумал, что в первый раз слышу ее смех. Он не был холодным и ироническим, чего можно было бы ожидать от подружки Кейна.

— Я хочу отплыть до того, как начнется отлив, — ответила она, — а ты ждешь от меня рассказа, который занял бы всю ночь. Так что ты предпочитаешь, Мерлин: безопасность или удовлетворенное любопытство?

— Я предпочел бы и то, и другое, но буду соблюдать очередность.

— Хорошо, — сказала она и повернулась к человеку поменьше ростом, к тому самому, которого я ударил. — Ярл, ступай домой. Утром сообщишь отцу, что я решила вернуться в Арбор-Хауз: мол, ночь была прекрасная и мне захотелось прокатиться. Так что я возьму корабль. Про Мерлина ни слова.

Человек взял под козырек:

— Слушаюсь, миледи.

Он щелкнул каблуками и пошел назад.

— Идем, — обратилась ко мне Винта.

Она и здоровенный парень — позднее я узнал, что его зовут Дру, — повели меня на причал, где стояло длинное парусное судно.

— Приходилось плавать на паруснике?

— Раньше плавал.

— Отлично. Значит, поможешь нам.

И я помог. Мы отдали концы, подняли паруса и отчалили. За это время мы перекинулись лишь несколькими фразами. Дру встал у руля, а Винта и я продолжали заниматься парусами. Позднее нам представилась возможность передохнуть. Казалось, все шло отлично, попутный ветерок раздувал паруса, корабль обогнул волнолом и заскользил по слегка волнующейся поверхности моря.

Мы сбросили плащи, и я увидел, что на Винте темные брюки и рубашка из плотной ткани — весьма практичный наряд, видно, она заранее подготовилась к этому путешествию. На поясе у нее висела шпага — не какой-нибудь дамский кинжал в усыпанных драгоценными камнями ножнах, а настоящая шпага нормальной длины; глядя на движения девушки, я подумал, что она, должно быть, неплохо владеет ею. Кого-то Винта мне напоминала, но кого именно, я вспомнить не мог. Скорее голосом и движениями, нежели внешностью...

Однако это не имело значения, мне предстояло прояснить куда более важные вопросы. Когда представилась возможность передохнуть, я уставился на темную воду и стал вспоминать, что мне, собственно говоря, известно об этой женщине.

Я встречался с леди Винтой несколько раз на приемах и имел о ней лишь самое общее представление. Итак, она, разумеется, знает, что я сын Корвина, что я родился и вырос во Владениях Хаоса, с которым Амбер связан давними кровными узами. Во время нашей последней встречи из беседы с ней я понял, что Винте известно и о моем длительном пребывании на Земле. По-видимому, дядя Кейн пожелал ввести ее в курс всех наших семейных дел. Тогда, спрашивается, насколько близки были их отношения? Я слышал, что их связь продолжалась несколько лет.

Я склонен был доверять Винте. Однако еще не решил, что именно могу рассказать ей в обмен на информацию об истинной подоплеке происшедшего в Мертвом тупике. Я предполагал, что у нас с ней состоится сделка — информация на информацию. Вряд ли Винта каким-то образом заинтересована во мне. Насколько я мог понять, она просто-напросто стремилась отомстить за смерть Кейна.

Поэтому я и намеревался обсудить с ней свои дела. Всегда неплохо иметь союзника. Но я еще не решил, насколько откровенным следует с ней быть. Стоит ли сообщать обо всех событиях и злоключениях, которые выпали на мою долю? При свете луны черты худощавого лица Винты выделялись особенно резко, а я, пристально вглядевшись в них, легко представил себе ее в облике Немезиды.

Легкий ветер гнал корабль к востоку, мы плыли вдоль берега мимо огромных скал Колвира. Огни Амбера, Янтарного Королевства, светились, словно алмазы в его короне, и меня внезапно охватило чувство прежней любви к нему. Хотя я вырос в царстве Тьмы и экзотических молний, при дворе Хаоса, где парадоксы Эвклида были не в моде, где в понятие красоты входило нечто более сюрреалистическое, каждый раз, приезжая сюда, я чувствовал, что этот мир притягивает меня, и

наконец я понял, что он — часть меня, и стал считать его своим домом. Я не хотел, чтобы его штурмовали наемники Люка или поблизости устраивали рейды бандиты Далта. Я готов был защищать свой дом.

На берегу, неподалеку от места последнего упокоения Кейна, возникло какое-то белое светящееся пятно. Сначала оно двигалось медленно, потом как будто бы стало прыгать, а под конец исчезло в расселине на склоне горы. Единорог?.. Впрочем, в темноте на таком расстоянии трудно было определить наверняка, тем более что световое пятно мелькало так быстро.

Чуть погодя ветер, к моей радости, подул сильнее. Я устал, несмотря на длительный дневной сон. Бегство из хрустальной пещеры, стычка со Скрофом, Хранителем Порога, преследовавший меня смерч и пославшая его маска — все смешалось у меня в голове. Адреналин схлынул, навалились усталость и апатия. Так бы только и смотрел на изломанную береговую линию, на искрящееся море да слушал плеск волн. Не хотелось думать, не хотелось двигаться...

Бледная рука легла на мое плечо.

— Ты устал, — промолвила Винта.

— Пожалуй, — ответил я.

— Вот твой плащ. Почему бы тебе не лечь отдохнуть? Мы идем хорошим ходом, я и Дру вполне управимся вдвоем. Ты нам не понадобишься.

Я кивнул и плотно завернулся в плащ.

— Спасибо. Последую твоему совету.

— Может, хочешь есть или пить?

— Нет, я плотно поужинал в городе.

Винта все еще не сняла руку с моего плеча. Я взглянул на нее. Она улыбалась. Я впервые увидел ее улыбку.

Девушка потрогала кончиками пальцев другой руки кровавое пятно на моей рубашке.

— Не беспокойся, я позабочусь о тебе.

Я улыбнулся ей в ответ. Мне показалось, она ждала моей улыбки.

Винта слегка сжала мое плечо и отошла, а я, глядя ей вслед, пытался определить: что же я упустил, чего не заметил в ней? Но я слишком устал, чтобы найти ответ на этот вопрос. Заторможенный мозг едва работал...

Легкая зыбь плавно покачивала корабль. Моя голова склонилась на грудь, полузакрытые глаза различили темное пятно на белой манишке. Кровь. Да, это была кровь.

— Первая кровь! — воскликнул Деспил. — Достаточно! Вы удовлетворены?

— Нет! — крикнул Джарт. — Я лишь едва оцарапал его!

Он резко крутанулся на каменном диске, пустил в меня дротик-трезубец из своего триспа и стал готовиться к новой атаке.

Сочащаяся из моего левого предплечья кровь алыми бусинками, словно горсть рассыпанных рубинов, падала и исчезала в воздухе.

Я поднял фандон, заняв оборонительную позицию, и опустил немного трисп, изменив угол прицеливания. Потом согнул левое колено и повернул диск на девяносто градусов относительно нашей общей оси. Джарт мгновенно откорректировал свою позицию и опустился футов на шесть. Я повернул свой диск еще на девяносто градусов, и таким образом мы оказались висящими вверх ногами по отношению друг к другу.

— Берегись, ублюдок из Амбера! — крикнул Джарт и метнул в меня тройной пучок света из своего оружия, но, отраженный моим фандоном, он разбился, и яркие, похожие на ночных бабочек искры полетели вниз, в бездну Хаоса, над которой мы парили.

— Это ты поберегись! — рявкнул я в ответ, с силой сжал приклад своего триспа и спустил курок. Вместе с пульсирующими световыми лучами из дула вылетел тонкий дротик-трезубец.

Ему удалось отбить лучи своим фандоном. На перезарядку триспа требовалась пауза в три секунды, но я сделал стремительный ложный выпад, целясь противнику в лицо.

Джарт машинально поднял свой фандон, а я спустил курок триспа и задел его колени. Помедлив секунду, он атаковал меня, стреляя в голову, однако промахнулся, шагнул назад и сделал оборот на целых триста шестьдесят градусов. Враг рассчитывал на то, что, перезаряжая оружие, я не смогу пустить дротик ему в незащищенную спину, а он тем временем нанесет мне фандоном удар в плечо.

Но я ускользнул от него, описав круг, стоя на диске во весь рост, и, удлинив фандон, попытался нанести ему удар по плечу. Увы, оно оказалось вне пределов досягаемости.

Справа, довольно далеко от меня, кружил на своем маленьком диске Деспил. А мой секундант Мэндор, висевший высоко надо мной, быстро пошел на снижение.

Мы прочно упирались в маленькие диски ступнями измененной формы и плавали во внешнем течении Хаоса, маневрируя по краю бурлящего водоворота. Джарт, кружась, последовал за мной. С его руки свисала тончайшая, словно вуаль, пленка трехфутовой длины с грузом на конце, в которой то и дело вспыхивали алые огоньки. Он держал свой трисп в средней наступательной позиции и глядел на меня, скаля зубы. Однако, когда мы попали на орбиту десятифутового круга,

находясь на противоположных точках, и начали искать канал или разрыв для выхода из него, он перестал улыбаться.

Я наклонил свою орбиту, и Джарт тут же приспособил свою, чтобы не отставать от меня. Я повторил маневр, и он сделал то же самое. Потом я нырнул на девяносто градусов вперед, подняв и удлинив фандон, повернул запястье и опустил локоть под таким углом, чтобы удар пришелся противнику в низ живота.

Он выругался и сделал выпад, но я отбил его, а на бедре Джарта появились три темные линии. Лучи трезубца врезаются в плоть лишь на три четверти дюйма, поэтому в серьезной схватке главными мишенями являются горло, глаза, виски, внутренняя сторона запястий и бедренные артерии. Однако нанеси своему противнику достаточное количество ударов в другие места, и ты можешь помахать ему на прощание, когда он будет камнем падать вниз в красное булькающее жерло, откуда путешественники обычно не возвращаются.

— Кровь! — воскликнул Мэндор, увидев красные бусины на ноге Джарта и приближаясь к нам. — Вы удовлетворены, господа?

— Я удовлетворен, — ответил я.

— А я нет! — прорычал Джарт, бросив на меня яростный взгляд. — Повтори свой вопрос после того, как я перережу ему горло!

Джарт по неизвестной мне причине возненавидел меня еще до того, как научился ходить. А я вовсе не питал ненависти к нему, считал подобное чувство ниже своего достоинства. С Деспилом же у меня вообще были вполне сносные отношения, хотя он зачастую принимал сторону Джарта. Да это и понятно, они — родные братья, причем Джарт — младший.

Трисп Джарта вспыхнул. Я отбил удар и нанес ответный. Он отразил мои лучи и уклонился в сторону. Наши триспы вспыхнули одновременно, обе атаки были отражены, и пространство между нами наполнилось огненными хлопьями. Я нанес удар снова, но на этот раз слишком низко. Еще одна атака также не дала результатов. Мы сошлись ближе.

— Джарт, — предложил я, — если один из нас убьет другого, выживший станет парией, будет изгнан. Давай завязывать с этим делом.

— Я намерен драться до конца, — ответил он, — каков бы ни был исход! Я уже все давно продумал.

И выстрелил мне в лицо.

Я автоматически поднял обе руки, заслонился фандоном и нажал курок триспа.

Раздался крик. Опустив фандон на уровень глаз, я увидел, что Джарт наклонился вперед, а его трисп уплывает прочь.

Рядом плыло его левое ухо, за которым тянулась красная ниточка, быстро распадавшаяся на отдельные бусинки, исчезавшие одна за другой. От головы моего противника оторвался кусок скальпа, который он пытался приладить обратно.

Мэндор и Деспил кругами спустились к нам.

— Мы объявляем дуэль оконченной! — закричали они в один голос.

Я повернул головку триспа, поставив его на предохранитель.

— Ну как он? — спросил Деспил. — Серьезно ранен?

— Не знаю, — ответил я.

Джарт позволил им осмотреть себя, и чуть позднее Деспил сказал, обращаясь ко мне:

— С ним будет все в порядке. Хотя мать рассвирепеет.

Я кивнул, заметив:

— Это была его идея.

— Знаю. Пошли отсюда поскорее.

Деспил помог Джарту взять курс на Край; фандон волочился за ним как сломанное крыло. Я не спеша последовал за ними. Мэндор, сын Савалла, мой сводный брат, положил руку мне на плечо.

— Я знаю, ты не желал ему зла, не хотел наносить ему даже царапины.

Я кивнул и закусил губу. Деспил, безусловно, прав, говоря о Даре, нашей матери. Ее любимчик Джарт внушит ей, что во всем виноват я. Она не раз давала мне понять, что обоих своих сыновей от брака с Саваллом — старым герцогом Края, за которого она вышла, оставив моего отца, — любит больше, чем меня. Однажды я услышал, как она сказала, что я слишком напоминаю ей моего отца, на которого я в самом деле очень похож.

Я снова подумал об Амбере и о других местах в Царстве Теней. И подумал о Логрусе — моем проездном в иные края. Похоже, отправиться в странствия мне придется много раньше, чем я планировал.

— Давай навестим Сухая, — предложил я Мэндору, когда мы поднялись над бездной. — Мне надо еще кое о чем его расспросить.

Когда я уже учился в университете, нельзя сказать, что переписка с домашними занимала у меня много времени.

— ...домой, — говорила Винта. — Уже скоро... Выпей воды! — И она подала мне флягу.

Я сделал несколько больших глотков и отдал ей флягу.

— Спасибо.

Я потянулся, расправил сведенные судорогой конечности,

вдохнул холодный морской воздух и взглянул на луну, висевшую над моим левым плечом.

— Ты в самом деле полностью отключился, — сказала Винта.

— Я говорил во сне?

— Нет.

— И хорошо.

— Видел дурной сон?

Я пожал плечами:

— Бывают и похуже.

— Ты вскрикнул — как раз перед тем, как я тебя разбудила.

— В самом деле?

Вдалеке, на оконечности темного мыса, я увидел огонь. Винта жестом указала мне на него.

— Когда мы обогнем мыс, увидим гавань порта Бейли. Там нас ждет завтрак. И лошади.

— А как далеко оттуда до Арбор-Хауз?

— Около лиги, — ответила девушка, — по хорошей дороге.

Потом она сидела молча рядом со мной, глядя на берег и море. В первый раз я вот так запросто сидел с ней, ничего не делая и ни о чем не думая. И мое волшебное чутье подсказывало мне, что я нахожусь под магическим влиянием. Не просто под влиянием волшебной ауры или какого-то предмета, который Винта хранит при себе. Нет, это было нечто более утонченное и хитроумное.

Я сосредоточил на ней свое внимание. И вначале ничего не заметил, но благоразумие подсказывало мне продолжать поиск.

Я призвал на помощь зрение Логруса.

— Пожалуйста, не делай этого, — произнесла девушка.

Я совершил faux pas[1]. Обычно считается неприличным проверять собрата по профессии таким образом.

— Прошу прощения. Понятия не имел, что ты изучала Искусство.

— Не изучала, но я очень чувствительна и сразу ощущаю применение Искусства на себе.

— В таком случае ты, возможно, сама могла бы отлично применять его на практике.

— У меня совсем другие интересы, — заявила Винта.

— Я подумал, что кто-то, возможно, наложил на тебя заклятие, — пытался выкрутиться я. — И хотел лишь...

— Как бы то ни было, что есть, то есть. Давай оставим эту тему.

— Как скажешь. Прости.

Она прекрасно понимала, однако, что я не могу отказаться

[1] Неверный шаг (*фр.*).

от попыток оценить ситуацию, поскольку неизвестное магическое влияние — всегда опасность.

— Это вовсе не причинит тебе вреда, — продолжила девушка. — Даже наоборот.

Я подождал, но ей больше нечего было сказать. Тогда и я не стал настаивать на дальнейшем обсуждении и устремил взгляд на маяк. Что я мог выведать у нее? Откуда она узнала, что я вернулся в город и пошел один в Мертвый тупик?.. Если мы в самом деле доверяем друг другу, ей следовало бы объясниться.

Я оглянулся и посмотрел на нее. Винта улыбалась.

— Ветер переменился, — сказала она, вставая. — Извини, пойду работать.

— Помочь?

— Немного погодя. Я позову, когда ты мне понадобишься.

Я смотрел ей вслед, смутно чувствуя, что и она следит за мной, хотя смотрит в другую сторону. Я понял также, что это ощущение не покидает меня с тех пор, как я поднялся на корабль.

Мы пришвартовались, привели все в порядок, сошли с корабля и стали карабкаться на холм по извилистой каменистой дороге к сельской гостинице, из трубы которой поднимался дымок. Небо на востоке побледнело, а к тому времени, как мы с аппетитом позавтракали, утренний свет залил мир в полную силу. Мы направились в конюшню, где стояли три спокойные лошади, готовые отвезти нас в имение отца Винты.

Стояла ясная бодрящая осенняя погода, ветер стих, что было особенно приятно. Я наконец-то почувствовал себя отдохнувшим. Кофе в гостинице был намного лучше, чем в Амбере повсюду за пределами дворца, и две чашки замечательного напитка прибавили мне бодрости. Приятно было неторопливо прокатиться по сельской местности, вдыхая осенний воздух, любуясь сверкающей на влажных лугах росой, ощущая легкое дуновение ветерка, слушая крики птиц, улетающих стаями к Солнечным островам...

Мы ехали молча, ничто не нарушало моего идиллического настроения. Печаль и предательство, страдание и насилие надолго остаются в памяти, но все же они бледнеют, выцветают и исчезают, а воспоминания о таких событиях, как эта верховая прогулка, переживают их. Стоит мне закрыть глаза и начать просматривать мысленным взором череду моих дней, как возникает картина: раннее утро, я еду на лошади с Винтой Бейли в краю виноградников к востоку от Амбера, каменные домики, каменные изгороди... Косе времени не дано скосить траву воспоминаний в этом уголке моего сердца.

Прибыв в Арбор-Хауз, мы предоставили груму заботу о лошадях. Очевидно, он должен был доставить их обратно в город. Дру отправился к себе домой, а мы с Винтой пошли к огромной вилле на вершине холма, откуда открывался великолепный вид на каменистые долины и виноградники на склонах гор. На дороге нас встретила веселым лаем целая свора собак; их лай мы слышали и войдя в дом.

Дерево и кованое железо, серый пол из плитняка, высокий потолок с перекладинами, верхний ряд окон, освещающий хоры, семейные портреты, несколько небольших шпалер в гамме розового, коричневого, синего, цвета слоновой кости; коллекция старинного, кое-где покрытого патиной оружия, пятна сажи на сером камне возле камина...

Мы прошли через тронный зал и поднялись по лестнице.

— Можешь расположиться здесь, — предложила Винта, открывая темную дубовую дверь.

Я кивнул, вошел в комнату и огляделся. Она была просторная с высокими окнами на юг, с видом на долину. Большинство слуг находилось в городском доме барона.

— В соседней комнате есть ванна, — сообщила мне Винта, указывая на дверь слева.

— Прекрасно, благодарю. Именно то, что нужно.

— Постарайся хорошенько отдохнуть. — Девушка подошла к окну и взглянула вниз. — Жду тебя на террасе примерно через час, если не возражаешь.

Я подошел к окну и тоже поглядел вниз: просторный тенистый внутренний двор, мощенный плитами — их усыпали желтые, красные и бурые листья; вокруг — по-осеннему голые цветочные клумбы, столы и стулья, а между ними — декоративно расставленные вечнозеленые растения в горшках.

— Отлично.

Винта повернулась ко мне:

— Еще что-нибудь?

— Если в доме есть кофе, я бы не прочь выпить чашку-другую, когда спущусь.

Она улыбнулась и слегка придвинулась ко мне. Уж не намерена ли она дать себя обнять?.. Но если мне это только показалось, могла возникнуть неловкая ситуация. К тому же, не зная, в какую игру она играет, я не хотел допускать особой близости.

Улыбнувшись в ответ, я пожал Винте руку, сказал спасибо и отошел в сторону.

— Пожалуй, самое время принять ванну, — добавил я и проводил ее до двери.

До чего же приятно было снять сапоги после долгого путешествия!

Позднее, приняв душ и надев свежую рубашку, я спустился вниз, нашел в кухне боковую дверь и вышел во внутренний дворик. Винта, тоже посвежевшая после душа и облаченная в коричневые брюки для верховой езды и просторную желтую блузку, сидела за столиком на восточной стороне дворика. Столик был накрыт на двоих — кофейник, чашки, поднос с фруктами и сыром.

Я пересек дворик, наступая на шуршащие листья, и подсел к ней.

— Всем ли ты доволен? — спросила она.

— Абсолютно всем.

— А ты известил своих близких о том, где находишься?

Я кивнул. Рэндом был недоволен, что я уехал, не предупредив его, но ведь он мне этого не запрещал. Правда, дядюшка смягчился, узнав, что я уехал недалеко. Потом он даже согласился, что я поступил благоразумно, исчезнув после того странного нападения. «Гляди в оба и сообщай мне обо всем», — были его последние слова.

— Хорошо. Налить тебе кофе?

— Налей, пожалуйста.

Она налила мне кофе и указала жестом на поднос. Я надкусил яблоко.

— Стало быть, события начинают разворачиваться, — както двусмысленно заметила Винта, наполняя свою чашку.

— Не стану отрицать, — признался я.

— И злоключений у тебя — бесчисленное множество.

— Истинная правда.

Девушка сделала глоток кофе.

— А ты не хотел бы рассказать мне о них?

— Их было слишком много. Прошлой ночью ты заметила мимоходом, что история твоей жизни тоже слишком длинная.

Она слегка улыбнулась:

— Я понимаю тебя, и вовсе ни к чему рассказывать мне больше, чем ты считаешь нужным. Стоит ли доверять кому-то, когда тебе грозит какая-то таинственная опасность? Не так ли?

— Твои слова кажутся вполне разумными.

— И все же поверь: я на самом деле боюсь за тебя и желаю тебе только добра.

— Ты хочешь, чтобы я нашел убийц Кейна?

— Да, — ответила Винта. — И поскольку они могут стать и твоими убийцами, я хочу добраться до них.

— Иными словами, ты даешь понять, что месть — не главная твоя цель?

— Совершенно верно, я предпочитаю защищать живого, а не мстить за мертвого.

— Твое кредо становится довольно абстрактным, если в обоих случаях замешано одно и то же лицо. Между прочим, по-твоему, так оно и есть?

— Я не уверена, что людей, напавших на тебя прошлой ночью, послал Люк.

Я положил яблоко и сделал большой глоток из чашки.

— Люк? Какой Люк? Что ты знаешь о человеке по имени Люк?

— Лукас Рейнард, — спокойно ответила Винта, — который готовил банды наемников на севере штата Нью-Мексико, снабжал их специальным оружием для нападений на Амбер и отсылал домой — ждать его дальнейших приказаний о сборе и переправке в Амбер. Так же, как однажды попытался сделать твой отец много лет назад.

— Чушь собачья! — возмутился я.

Однако ее слова объяснили мне многое: усталость Люка, на которую он жаловался в отеле «Хилтон» в Санта-Фе, объясняя ее тем, что мотался по торговым делам, странные патроны, обнаруженные мной у него в кармане... Раньше все это не вызывало у меня подозрений. Но теперь...

— Ясно, — кивнул я. — Похоже, ты и в самом деле хорошо знакома с Люком Рейнардом. А не хочешь сказать мне, откуда тебе все это известно?

— Не хочу.

— Не хочешь?

— Да, не хочу. Играя в игру по твоим правилам, лучше мне продавать тебе информацию по частям, время от времени. Да так оно и безопаснее для меня будет. Ты не согласен?

— И каждый из нас сможет в любую минуту расторгнуть это соглашение?

— Разумеется. И прекратить обмен — если не договоримся.

— По рукам.

— Итак, сейчас твоя очередь. Ты вчера вернулся в Амбер. Где ты был до этого?

Я вздохнул и откусил кусок яблока.

— Ты хитришь, — ответил я, помедлив. — Слишком большой вопрос. Где я только не был... Все зависит от того, с какого времени начать.

— Давай начнем с визита в квартиру Мэг.

Я чуть не подавился яблоком.

— Хорошо, понял. Вижу, у тебя отличный информатор, черт побери! Думаю, это Фиона. Ты в сговоре с ней, не правда ли?

— Сейчас не твоя очередь задавать вопрос. Ты еще не ответил на мой.

— Идет. После того как я ушел от Мэг, мы с Фи вернулись в Амбер. На следующий день Рэндом послал меня отключить сконструированное мною Призрачное Колесо. Я не смог это сделать, зато встретил Люка. Он помог мне выкрутиться из одной довольно опасной переделки. Из-за недоразумения, возникшего у меня с моим собственным изобретением, я прибег к помощи странной карты, чтобы спасти себя и Люка. После чего Люк заключил меня в хрустальную пещеру.

— Ясно! — воскликнула Винта.

— Могу я закончить рассказ?

— Нет, продолжай.

— Я сидел в этой тюрьме около месяца, хотя по времени Амбера прошло всего лишь несколько дней. Меня освободили парни, работавшие на одну даму по имени Джасра. После разборки с ними я оказался в квартире Флоры. Потом я вторично пошел в квартиру, где произошло убийство.

— В квартиру Джулии?

— Именно. Там я обнаружил магические ворота, которые сумел открыть, прошел сквозь них и попал к Стражу Четырех Миров. Этот замок был осажден войском, а командовал осаждавшими некий Далт, который в свое время доставлял и Амберу кое-какие неприятности. Позднее меня преследовали магический смерч и волшебная маска. Я выбрался оттуда и вчера явился домой.

— И это все?

— Вкратце — все.

— Ты ни о чем не умалчиваешь?

— Умалчиваю, конечно! К примеру, за воротами был Порог, у которого я встретил Хранителя. Но я сумел прорваться.

— Ну, детали не считаются. Серьезного ничего не упустил?

— Гм-м... Да, были еще два странных разговора, закончившихся каскадом цветов.

— Расскажи мне о них.

Я рассказал. Когда я закончил, она покачала головой:

— Твой рассказ обеспокоил меня.

Я дожевал яблоко и допил кофе. Винта снова наполнила мою чашку.

— А теперь моя очередь! — заявил я. — Что ты имела в виду, говоря «ясно», когда я упомянул о хрустальной пещере?

— Пещера из голубого горного хрусталя, не так ли? И она блокировала твою магическую силу?

— А откуда тебе это известно?

— Прошлой ночью ты снял с руки убитого кольцо с голубым камнем?

— Да.

Винта встала, обошла вокруг стола, постояла несколько мгновений и указала на мой левый карман брюк.

— Будь добр, выложи на стол все, что там у тебя лежит.

Я улыбнулся:

— Пожалуйста. Но как ты узнала?..

Она не ответила — наверное, решив, что это отдельный вопрос.

Я выложил весь набор голубых камней из своего кармана: осколки из пещеры, пуговицу с резьбой, которую я стянул в туннеле, кольцо — и разложил все это на столе. Винта взяла пуговицу, пристально посмотрела на нее и кивнула:

— Да, эта тоже.

— Тоже — что?

Будто и не услышав мой вопрос, она обмакнула указательный палец правой руки в расплескавшийся на блюдце кофе, обвела им три раза против часовой стрелки вокруг моей коллекции. Потом села.

Я вовремя настроил зрение и увидел, что она создала над камнями силовую клетку. Продолжая вглядываться, я заметил, что камни испускают еле различимый голубой дымок, не выходящий за пределы очерченного Винтой круга.

— Мне показалось, ты говорила, будто не обладаешь даром волшебства.

— Я не волшебница.

— Хорошо, сэкономлю вопрос. Однако ответь мне на предыдущий: каково значение этих голубых камней?

— У них сродство с пещерой и друг с другом. Любой человек может взять камешек в руку и просто идти, повинуясь легкому ментальному давлению; в конце концов он придет в пещеру.

— Ты хочешь сказать — попасть туда через Царство Теней?

— Да.

— Занятно, хотя ничего значительного я здесь не вижу.

— Это еще не все. Помимо влияния пещеры, существует опосредованное, вторичное влияние или притяжение. Зная личностные характеристики определенного камня, можно повсюду следовать за его владельцем.

— Та-а-к... В этом уже больше смысла. Надо полагать, меня вчера и нашли, потому что я разгуливал с полным карманом голубых камушков?

— Возможно, это помогло им. Хотя в твоем случае они и без того нашли бы тебя.

— Каким образом?

— Эти камни обладают особым свойством. Тот, кто носил их некоторое время, уже связан с ними. Выброси их — связь

все равно останется, и тебя по-прежнему можно обнаружить. Камни словно ставят на тебе метку.

— Ты хочешь сказать, что я помечен?

— Да.

— И когда же я смогу избавиться от этой меты?

— Думаю, никогда.

— Но ведь должно же быть какое-то средство снять с меня заклятие?!

— Точно не знаю, хотя думаю, что кое-какие способы тебе помочь есть.

— Какие? Назови их!

— Нужно пройти по Огненному Пути Амбера или обратиться к помощи Логруса Хаоса. Вроде бы каждый из них способен освободить индивидуума от влияния камней. Насколько я помню, Огненный Путь восстановил память твоему отцу.

— Не стану спрашивать, откуда ты знаешь про Логрус... Надеюсь, ты права. У меня и без того полно проблем. Итак, ты полагаешь, что они будут висеть у меня на хвосте, независимо от того, при мне камни или нет?

— Да.

— Откуда все это тебе известно?

— Просто чутье, интуиция. Это уже второй вопрос. Но я готова дать тебе ответ на лишний вопрос, чтобы поскорее закруглиться.

— Спасибо. Твоя очередь спрашивать.

— Незадолго до смерти Джулия встречалась с оккультистом по имени Виктор Мелман. Ты знаешь почему?

— Он учил ее, развивал в ней способность восприятия. Во всяком случае, так мне объяснял один парень, который с ней в то время встречался. Это было после того, как мы расстались.

— Нет, я хотела узнать другое. Для чего ей это понадобилось?

— Мне кажется, это уже следующий вопрос, однако за мной должок. Ладно. По словам того парня, я испугал ее, дав понять, что обладаю некими сверхъестественными способностями, и она решила приобрести свои собственные средства защиты.

— Продолжай! — сказала Винта.

— Что ты имеешь в виду?

— Что это неполный ответ. Ты в самом деле дал ей повод поверить этому и бояться тебя?

— Гм-м. Пожалуй, дал. А теперь мой вопрос. Прежде всего, откуда ты узнала про Джулию?

— Я была там, — ответила Винта. — И знала ее.

— Продолжай.

— Все. Теперь мой черед спрашивать.
— Но ты не ответила мне толком.
— Это все, что я могу сказать, доволен ты или нет.
— Согласно нашему уговору, я могу прекратить игру.
— Твое дело. Хочешь прекратить?
— Каков твой следующий вопрос?
— Джулия обрела способности, к которым стремилась?
— Я же сказал, что мы расстались до того, как она увлеклась оккультизмом. Откуда мне знать, чего она добилась?
— Ты нашел в ее квартире дверь, через которую, очевидно, проник зверь, растерзавший Джулию. Задаю тебе два вопроса не для того, чтобы ты ответил мне на них, а чтобы ты сам над ними подумал. Во-первых, для чего кому-то понадобилось ее убивать?.. Не слишком ли, по-твоему, странным способом ее убили? По-моему, лишить человека жизни можно гораздо проще.
— Ты права, — согласился я. — Было бы куда проще убить ее обычным оружием, чем магическим способом. А для чего — остается только гадать. Мне кажется, удар был приготовлен для меня — так же как ежегодные сюрпризы тридцатого апреля. Тебе о них тоже известно?
— Давай поговорим об этом позднее. Полагаю, ты знаешь, что у каждого волшебника есть свой стиль, как у художников, писателей, музыкантов. Когда тебе удалось найти таинственный портал в квартире Джулии, ты не заметил в нем ничего особенного, что говорило бы о почерке автора, его особенностях?
— Не припоминаю ничего существенного. Правда, я торопился открыть дверь. Мне было не до изучения почерка запечатавшего ее мага. На что ты намекаешь?
— Я подумала, что Джулия, быть может, сама научилась кое-чему, сумела открыть дверь, за что и поплатилась.
— Вздор!
— Возможно. Я просто пытаюсь осознать причину ее гибели. Стало быть, ты не замечал в ней скрытых способностей к магии?
— Нет, не припоминаю ничего похожего.
Я допил кофе и снова наполнил чашку.
— Почему ты считаешь, что меня преследует не Люк? — в свою очередь спросил я.
— Он пытался убить тебя — неоднократно — несколько лет назад.
— Да, недавно он признался мне. А еще он добавил, что отказался от этого намерения.
— Верно.

— Я не знаю, что тебе известно, а что — нет, и это меня бесит!
— Потому-то мы с тобой и затеяли нашу игру. Это была твоя идея.
— Вовсе нет! Разве не ты предложила торговлю в виде обмена информацией?
— Нынче утром я. Но изначально идея была твоя. Ты подал мне ее несколько дней назад. Я имею в виду телефонный разговор в квартире мистера Рота.
— Так это была ты? Ты изменила голос, разговаривая со мной по телефону?
— Тебя интересует ответ на этот вопрос или ты хочешь узнать о Люке?
— На этот!.. Нет, о Люке!.. И то, и другое, черт побери!
— Мне кажется, разумнее было бы придерживаться правил нашей игры, то есть очередности.
— Хорошо, ты права. Расскажи про Люка.
— По-моему, он оставил свою затею, как только узнал тебя поближе.
— Ты имеешь в виду, когда мы подружились?
— Не могу сказать наверняка. Полагаю, он действительно организовал несколько покушений на тебя, хотя в нескольких последних случаях сам же тебя спасал.
— Кто же принял у него дела, когда он ушел в отставку?
— Рыжеволосая дама, которая, очевидно, имеет к нему непосредственное отношение.
— Джасра?
— Да, она. Должна сказать, я до сих пор не знаю о ней всего, что хотелось бы. А ты знаешь?
— Думаю попридержать козырь до серьезного разговора, — ответил я.
В первый раз она посмотрела на меня, сжав зубы и прищурив глаза.
— Разве ты не видишь, Мерлин, что я пытаюсь помочь тебе?
— По правде говоря, я вижу, что ты хочешь получить от меня информацию, — ответил я. — Валяй, не возражаю, поскольку сам хочу узнать кое-что от тебя. И все же, признаюсь, твои мотивы кажутся мне весьма туманными. Как, черт возьми, ты оказалась в Беркли? Зачем последовала за мной в кабак «У Билла»? Какой силой обладаешь, если ты не волшебница? Как...
— Это уже три вопроса, — прервала меня Винта, — и начало четвертого. Может, ты пожелаешь представить их мне в письменном виде, а я сделаю то же самое? Тогда каждый из

нас сможет отправиться в свою комнату и решить, на какой вопрос следует ответить, а на какой нет.

— Предпочитаю продолжить игру. Но мы в неравных условиях. Тебе известно, почему я желал бы получить ответы. Для меня это жизненно важно. А ты? Сначала я думал, что тебе нужна информация, которая поможет найти человека, убившего Кейна. Но ты отрицаешь это. Зачем же тогда?

— Я хочу защитить тебя.

— Ценю твои благородные побуждения. Но почему? Ведь, судя по всему, ты едва меня знаешь.

— Тем не менее это и есть причина моих действий, и я не собираюсь скрывать ее. Хочешь верь, хочешь — нет.

Я встал и начал мерить шагами дворик. Мне не хотелось говорить ей то, что могло обернуться против меня и в конечном итоге против Амбера. Хотя, надо признаться, в обмен на свою информацию я узнал немало полезного. Ее версия казалась мне правдивой. К тому же семья Бейли всегда была лояльной к короне и немало выгадала от этого. Меня настораживало лишь утверждение Винты, что она не стремится отомстить. Такое поведение вовсе не в духе коренного жителя Амбера. Скажи она, что жаждет крови убийцы Кейна, и я бы мгновенно заглотил наживку. А что предложено мне взамен? Весьма туманные и зыбкие мотивы...

Которые должны были навести меня на мысль, что она говорит правду. Как бы не желая использовать убедительную ложь и предлагая мне довольно нескладную истину, Винта создает впечатление, будто говорит прямо и искренне. Хотя, ответив на мои вопросы, она, без сомнения, гораздо больше скрыла.

На столике что-то задребезжало. Вначале я решил, что девушка барабанит кончиками пальцев по крышке стола, проявляя раздражение, но, обернувшись, я увидел, что она сидит, не шевелясь, и даже не смотрит на меня.

Я подошел ближе, чтобы понять, в чем дело. Кольцо, кусочки камней и пуговица вибрировали на столе сами по себе.

— Это ты что-то с ними делаешь? — спросил я.

— Нет.

Камень в перстне треснул и выпал из оправы.

— Тогда в чем же дело?

— Я разорвала связь, — ответила Винта. — Думаю, кто-то пытается восстановить ее и у него не получается.

— Но ведь если я помечен, камушки не нужны, чтобы запеленговать меня?

— Возможно, здесь замешана не одна компания, — заметила Винта. — Думаю, надо послать слугу в город и велеть

ему бросить эти штучки в море. Если кто-нибудь захочет последовать за ними — ради бога.

— Осколки приведут назад в пещеру, а перстень — к мертвецу, — сказал я, — но пуговицу лучше пока не выбрасывать.

— Почему? Ведь неизвестно, кому она принадлежит.

— Именно потому. Подобные вещи работают в обе стороны, не правда ли? Стало быть, с ее помощью я смогу найти дорогу к Рассыпающему цветы.

— Это опасно.

— А не используй я эту возможность, опасность — причем, наверное, еще большая — будет грозить мне всю жизнь. Нет, выбрасывай в море все, кроме пуговицы.

— Хорошо. Я сберегу ее для тебя.

— Спасибо. Джасра — мать Люка.

— Ты шутишь!

— Вовсе нет.

— Теперь понятно, почему он не мог прямо сорвать ее покушения по тридцатым числам апреля. Прекрасно! Это дает новый импульс догадкам и размышлениям.

— Не желаешь ли поделиться ими со мной?

— Позднее, позднее. Всему свое время. А сейчас я займусь камешками.

Винта взяла их со стола, и несколько мгновений они продолжали плясать в ее руке.

— Пуговицу отдать тоже? — спросил я.

— Да.

Она положила пуговицу в карман, а остальные камни продолжала держать в руке.

— Но ведь ты тоже будешь помечена, если сохранишь пуговицу, не правда ли?

— Нет, — ответила она. — Не буду.

— Почему?

— На то есть причина. Извини, мне нужно найти контейнер для камней и отправить их с кем-нибудь.

— А слуга не будет помечен?

— Для этого требуется более длительное время.

— Понятно.

— Выпей кофейку — или еще чего-нибудь.

Винта ушла.

Я стал жевать сыр, пытаясь уяснить для себя, чего больше я извлек из этой беседы — ответов или новых вопросов, пробуя вставить новые детали в старую головоломку.

— Папочка!

Я обернулся — никого.

— Смотри сюда, я здесь.

Рядом, на грядке с увядшими стебельками и сухими листьями я заметил светящийся диск величиной с монету. Я обратил на него внимание, потому что он медленно двигался.

— Призрак?

— Да, — послышался ответ откуда-то из опавших листьев. — Я хотел застать тебя одного, потому что не очень-то доверяю этой женщине.

— Почему?

— В ней есть что-то фальшивое — пока еще не знаю, что именно. Но я не о ней собираюсь говорить с тобой.

— А о чем?

— Ты в самом деле хотел выключить меня?

— Силы небесные! И это после всех жертв, которые я принес ради тебя! Ради твоего образования и всего прочего... А для чего я перетаскивал все твои окаянные компоненты в надежное место, где бы ты был в безопасности? И как только ты можешь задавать мне такие вопросы?!

— Гм-м. Ну ладно, извини!

— Вот так-то лучше. Мне столько пришлось натерпеться из-за тебя!..

— Я искал тебя несколько дней и не мог найти.

— *С хрустальной пещерой шутки плохи.*

— У меня мало времени. — Светлый диск замигал, поблек, почти исчез и снова загорелся, засверкал ярко, как алмаз. — Можешь мне быстренько ответить на один вопрос?

— Валяй.

— Хочу спросить про того парня, которого однажды видел с тобой. Ну, помнишь, тот здоровый, рыжий?

— Люк. И что ты хочешь про него спросить?

— Можно доверять ему? — Голос Призрака стал слабым, еле слышным.

— Нет! — заорал я. — Не будь дураком, не доверяй ему!

Призрак исчез, и я не понял, услышал ли он мой ответ.

— В чем дело? — донесся от дома голос Винты.

— Спорю с воображаемым собеседником, — ответил я.

Даже на расстоянии я заметил озадаченное выражение ее лица. Она оглядела двор и, очевидно, убедившись в том, что я один, кивнула:

— Вот как? Ладно, скоро вернусь.

— Не стоит спешить, я подожду.

Где скрывается мудрость, где обитают разум, взаимопонимание и согласие? Если бы я знал к ним путь, отправился бы туда и остался бы там навеки. А сейчас я будто стою посреди огромной карты, на которой нанесены лица зловещих, постоянно меняющих облик переменных. Отличное место для монолога — если тебе есть что сказать.

Я вошел в дом и заперся в сортире. Нельзя пить так много кофе.

Глава 6

Да, пожалуй.

С Джулией — пожалуй...

Я сидел один в комнате при зажженных свечах и размышлял. Винта разбудила давно уснувшие воспоминания.

Это было уже позднее, когда мы виделись редко...

Я познакомился с Джулией на курсах по углубленному изучению компьютеров. Сначала мы встречались время от времени, например за кофе после занятий. Потом встречи участились, и довольно скоро взаимная симпатия переросла в серьезное чувство... Но вот оно стало угасать — так же быстро, как началось. С каждой встречей...

Я выходил из супермаркета с пакетом продуктов, когда ее рука легла на мое плечо. Я чувствовал, что это была она, но когда оглянулся, никого не увидел. Несколько секунд спустя она окликнула меня на автомобильной стоянке. Я подошел к ней, поздоровался и спросил, работает ли она все там же, где и прежде, в магазине компьютеров. Она ответила, что уволилась.

Помню у нее на шее цепочку с маленькой серебряной пентаграммой. Думаю, она могла бы с таким же успехом носить ее под блузкой. Но тогда я бы ее не увидел, эту вещицу. Я сделал вид, что не обратил на нее внимания. Мы обменялись несколькими незначительными фразами. От моего приглашения пойти куда-нибудь поужинать или в кино Джулия отказалась, причем не в первый раз.

— Чем ты теперь занимаешься? — спросил я.

— Хожу на лекции, ужасно занята.

— И что ты изучаешь?

— Так, разные предметы. Как-нибудь тебя удивлю.

Я промолчал, и тут к нам подошел ужасно дружелюбный ирландский сеттер. Джулия положила руку ему на голову и сказала: «Сидеть!» Пес послушался, сел с ней рядом и замер как статуя. Когда мы ушли, сеттер продолжал сидеть. Кто знает, не исключено, что его скелет до сих пор можно увидеть на том же месте — там, где оставляют тележки при выходе из магазина, — как образчик современной скульптуры.

Тогда я не придал этому значения. Теперь, вспоминая...

В тот день мы отправились с Винтой на верховую прогул-

ку. Видя, что утром я был сильно раздражен, она почувствовала, что дело может кончиться ссорой. И была права. Поэтому, когда после легкого ленча она предложила прокатиться по имению, я с готовностью согласился. Мне хотелось чуть подольше отдохнуть и сосредоточиться перед следующим сеансом игры в вопросы и ответы. Погода была прекрасная, ландшафт — живописный.

Мы ехали между деревьями по извилистой дорожке, ведущей к холмам в северной части имения, откуда открывался величественный вид на обширную, пересеченную оврагами долину, что тянулась до самого залитого солнцем моря. Ветер гнал по небу рваные облака, мимо пролетали стаи птиц...

Казалось, Винта ехала наугад. Собственно говоря, мне это было безразлично. Я вспомнил, как однажды побывал на винном заводе Нейпа, и, когда мы придержали лошадей, чтобы дать им отдохнуть, спросил Винту:

— Вы разливаете вино по бутылкам здесь, в имении, или в городе? А может быть, в Амбере?

— Не знаю.

— Я думал, ты тут выросла.

— Никогда не интересовалась подобными вещами.

Я проглотил обиду — ее надменный патрицианский тон, — сделав вид, что принимаю сказанное за шутку. Как могла она не знать того, что происходило буквально у нее на глазах?

Заметив выражение моего лица, Винта тут же добавила:

— Мы разливали вино и здесь, и в городе... По-разному. Последние несколько лет я живу в городе и точно не знаю, как нынче обстоят дела.

Неплохо выкрутилась, не к чему придраться. Вовсе не собираясь провоцировать ее, я, видно, невольно коснулся чего-то, чего знать не должен. Она вдруг стала торопливо рассказывать, что они часто грузят большие бочки на корабли и отправляют их на продажу оптовикам. И, мол, в то же время некоторые клиенты предпочитают заказывать партии бутылок...

Через некоторое время я просто перестал ее слушать. С одной стороны, понятно: говорит дочь виноторговца. С другой стороны, я и сам мог бы с ходу выдать подобное.

И не проверишь. Я не мог избавиться от подозрения, будто она пытается заморочить мне голову, что-то скрыть. Но что именно?

— Спасибо за рассказ, — вставил я, когда она замолчала на мгновение, чтобы перевести дух.

Винта бросила на меня странный взгляд и, поняв намек, не стала продолжать.

— Ты, наверное, говоришь по-английски, — обратился я к ней на английском, — если все тобою сказанное — правда.

— Все, что я сказала тебе, чистая правда, — ответила она на безупречном английском.

— Где ты выучила язык?

— На Земле, где ты ходил в школу.

— Не расскажешь ли мне, что ты там делала?

— Выполняла особое задание.

— По поручению твоего отца? Или по поручению властей?

— Я предпочла бы умолчать об этом. Не хочется обманывать.

— Ценю твою искренность. Ясно, я должен догадаться сам.

Она пожала плечами.

— Ты сказала, тебе довелось бывать в Беркли?

— Да, — после некоторого колебания ответила Винта.

— Не помню, чтобы мы там с тобой встречались.

Она снова пожала плечами. Мне захотелось схватить ее и хорошенько потрясти. Но вместо этого я сказал:

— Тебе известно про Мэг Девлин. Ты говорила, что была в Нью-Йорке...

— Стараешься задавать вопросы вне очереди?

— Я не знал, что мы продолжаем игру. Мне казалось, мы просто беседуем.

— Хорошо. Тогда — да.

— Скажи мне еще кое-что, и, быть может, я смогу помочь тебе.

Она улыбнулась:

— Мне не нужна помощь. Это у тебя полно проблем.

— И все же ты позволишь?

— Давай, спрашивай. Каждый твой вопрос затрагивает проблему, в которой мне самой хотелось бы разобраться.

— Ты знаешь о наемниках Люка. Ты бывала и в Нью-Мексико?

— Да, бывала.

— Спасибо за ответ, — сказал я.

— И это все?

— Да, все.

— И ты сделал из этого определенные выводы?

— Может быть.

— Не поделишься ли со мной?

Я улыбнулся и покачал головой. И этим ограничился.

Несколько косвенных вопросов, которые задала Винта, подсказали мне, что она ломает голову над тем, многое ли мне известно и что именно я вдруг разгадал касательно ее самой. Прекрасно, пусть поволнуется. Необходимо было предложить ей что-то в обмен на нужные мне сведения. К тому же я действи-

тельно кое-что разгадал — правда, не окончательно, но чутье говорило, что вскоре найдутся недостающие ответы на все вопросы. Поэтому нельзя сказать, что я просто-напросто блефовал.

Стоял погожий день, расцвеченный всеми красками осени — золотой, оранжевый, багряный, по-осеннему пахло влажной землей, легкое дуновение ветерка холодило щеки. Небо было ярко-голубым, как те самые камни...

Минут десять спустя я задал ей более нейтральный вопрос:

— Ты можешь показать мне дорогу в Амбер?

— А тебе она незнакома?

Я покачал головой:

— Никогда по ней не ездил. Знаю только, что сюда есть дорога от Восточных ворот.

— Да, — ответила Винта. — Она вроде бы проходит чуть севернее. Давай поедем и найдем ее.

Девушка повернула лошадь.

Мы вышли на тропинку, по которой ехали вначале, потом свернули направо. Я не выказал удивления по поводу того, что Винта плохо знает дорогу — ожидал, что она сама скоро начнет давать какие-нибудь объяснения и поинтересуется дальнейшими планами, которые у меня пока еще не созрели.

Проехав с милю, мы оказались у перекрестка дорог с каменными столбами-указателями. На дальнем левом одна стрелка указывала на Амбер, другая — на порт Бейли, путь на холм Бейли указывала стрелка, обращенная на восток, а стрелка, указывающая прямо вперед, гласила, что там расположено какое-то селение с названием Мерн.

— Что такое Мерн? — спросил я.

— Небольшая деревня, молочная ферма.

Иначе как проехав шесть лиг, никак не проверишь...

— Собираешься возвращаться в Амбер верхом? — спросила Винта.

— Да.

— А почему бы не воспользоваться картой?

— Хочу поближе познакомиться с этой местностью. Ведь это мой дом. И мне он нравится.

— Но я же говорила тебе об опасности! Ты помечен камнями. Тебя могут выследить!

— Это еще не значит, что меня найдут. Вряд ли тот, кто послал за мной головорезов, успел узнать об их провале. Думаю, у меня еще есть в запасе несколько дней, а за это время мета, о которой мы говорили, успеет стереться.

Винта спрыгнула на землю и позволила лошади пощипать

траву. Я последовал ее примеру — то есть примеру не лошади, а девушки.

— Возможно, ты прав. Я просто опасаюсь за тебя. Когда ты собираешься возвращаться?

— Сам пока еще не знаю. Чем больше я буду медлить, тем вероятнее, что лицо, устроившее спектакль прошлой ночью, начнет беспокоиться и, возможно, пришлет ко мне еще нескольких боевиков.

Внезапно она взяла меня за руку, повернула к себе и прижалась ко мне. Я был несколько удивлен. Однако моя свободная рука автоматически обняла ее, как и принято в подобных ситуациях.

— Ведь ты не собираешься уехать тотчас же? Иначе я поеду с тобой.

— Нет, — правдиво ответил я, собираясь отправиться на следующее утро, хорошенько отдохнув за ночь.

— А когда? Нам нужно еще обсудить так много вопросов!

— Я думал, мы кончили играть в вопросы и ответы.

— Есть кое-что иное...

— Знаю.

Довольно глупое положение. По правде говоря, меня влекло к Винте. Однако я не хотел вступать с ней в подобные отношения. Отчасти потому, что чувствовал: ей нужно от меня что-то другое. А отчасти потому, что не хотел обнажать перед ней — безусловно обладающей какой-то загадочной силой — интимные стороны своей жизни. Как говаривал мой дядя Сухай, профессиональный волшебник: «Не лезь в постель к той, кого толком не знаешь». Я чувствовал, что мои отношения с Винтой должны носить только дружеский характер — иначе они перерастут в дуэль внутренних энергий. И потому я быстро по-дружески поцеловал девушку и высвободился из ее объятий.

— Возможно, поеду домой завтра, — сказал я.

— Хорошо. Я надеялась, что ты проведешь здесь ночь. А быть может, и не одну. Я хочу защитить тебя.

— Да, я очень устал.

— Накормим тебя отличным ужином. Ты восстановишь силы...

Она быстро провела кончиком пальцев по моей щеке, и я вдруг понял, что встречал ее раньше. Где?.. Никак не вспомнить. И это испугало меня. Когда мы снова сели на лошадей и направились в Арбор-Хауз, я начал строить планы, как бы удрать отсюда поскорее.

Итак, сидя в своей комнате и потягивая из бокала красное вино отсутствовавшего хозяина, глядя на мерцающее пламя

свечей, вдыхая прохладный воздух, струившийся из распахнутого окна, я ждал, когда дом затихнет и настанет подходящий момент для бегства. Дверь комнаты была заперта на задвижку. За ужином я несколько раз повторил, что сильно устал и намерен рано лечь в постель.

Я вовсе не считаю себя неотразимым, предметом страсти всех женщин, но Винта дала понять, что готова прийти ко мне. Я же, ни в коем случае не желая обидеть мою странную союзницу и превратить ее во врага, сослался на то, что до смерти хочу спать, и удалился в свою комнату.

Жаль, что нет при мне хорошей книги. Та, что я читал, осталась у Билла, а выудить ее я не решался из опасений, что Винта постучит в дверь, почувствовав неладное — так однажды Фиона почувствовала, когда я создавал карту.

Но пока никто ко мне не приходил. Я сидел, прислушиваясь к скрипам старого дома, к ночной тишине. Свечи таяли, тени на стене удлинялись, плыли при мерцающем свете, словно темный прилив. Я погрузился в свои думы и потягивал вино. Как вдруг...

Что это? Показалось мне, или в самом деле кто-то шепотом произнес мое имя:

— Мерль...

И снова. Вроде бы наяву... На мгновение все поплыло у меня перед глазами, затем я понял: возникает очень слабый контакт с картой.

— Слушаю, — ответил я, настраиваясь на нужную волну. — Кто это?

— Мерль, дружище... Дай мне руку, поскорее... Люк!

— Держи, — ответил я, протягивая руку.

Образ становился все отчетливее, начал материализовываться. Люк стоял, прислонясь спиной к стене, опустив плечи, уронив голову на грудь.

— Если это хитрость, я готов. Слышишь?

Я быстро поднялся, схватил со стола свою шпагу и вынул ее из ножен.

— Какая там хитрость! Скорее! Забери меня отсюда!

Люк поднял левую руку. Я протянул свою. Он тут же обмяк и рухнул на меня. Я пошатнулся и подумал было, что это нападение, но Люк повис на мне всей тяжестью, к тому же я увидел, что он весь в крови и в правой руке сжимает окровавленную шпагу.

— Давай иди сюда.

Я подхватил его, провел несколько шагов и опустил на постель. Потом взял у него из руки шпагу и положил на стул рядом с моей.

— Что стряслось?

Люк закашлялся и в изнеможении покачал головой. Сделав несколько глубоких вздохов, он наконец произнес:

— По-моему, я видел у тебя на столе бокал с вином...

— Хочешь выпить? Пожалуйста!

Я взял бокал и поднес его к губам Люка. Тот стал медленно потягивать вино, время от времени тяжело переводя дух.

— Спасибо, — выдохнул он, опустошив бокал.

Потом голова его упала на плечо, он потерял сознание. Я нащупал пульс — частый и слабый.

— Черт тебя подери, Люк! — воскликнул я. — Ну и времечко же ты выбрал...

Но он этого не слышал. Вся постель была измазана кровью.

Изрыгая проклятия, я раздел его и осторожно обтер мокрым полотенцем, чтобы выяснить, откуда течет кровь. На правой стороне груди зияла страшная рана; возможно, было задето легкое. Однако дышал Люк довольно легко. Оставалось лишь надеяться, что он в полной мере унаследовал способность нашего рода к регенерации.

Я положил ему на рану салфетку и, придерживая ее рукой, стал обследовать все тело. Очевидно, у него было повреждено несколько ребер. Левая рука сломана выше локтя. Я наложил на нее нечто вроде шины, использовав перекладины разболтанных стульев, которые нашел в стенном шкафу. На теле Люка оказалось более дюжины порезов и рваных ран различной степени опасности — на правом бедре, на правой руке и плече, на спине. К счастью, ни одно из повреждений не вызвало артериального кровотечения.

Я промыл все раны и перевязал их, после чего Люк стал походить на иллюстрацию к справочнику о первой медицинской помощи. Потом я еще раз осмотрел рану на груди и потеплее его укрыл.

Что ж, прибегнем к помощи Логруса.

Теоретически я знал, что Логрус способен заживлять раны, однако на практике мне не приходилось этим пользоваться. С другой стороны. Люк был очень бледен, и лучше уж рискнуть.

Когда я закончил необходимые манипуляции, лицо Люка слегка порозовело. Я накрыл его поверх одеяла своим плащом и снова пощупал пульс. Теперь сердце у него билось ровнее и сильнее. Чертыхаясь — практика нужна во всем! — я убрал со стула наши клинки и сел.

Чуть позднее я со страхом вспомнил о своем недавнем разговоре с Призрачным Колесом. Уж не пытался ли Люк заключить сделку с моим изобретением? Ведь он говорил мне, что

ему нужна сила Призрака, чтобы обратить ее против Амбера. А сам Призрак спросил меня днем, можно ли доверять Люку. На что я завопил: «Ни в коем случае!»

Неужели Призрак таким образом вел переговоры, что результат их сейчас у меня перед глазами?

Я достал свои карты, перетасовал их и вытащил яркий круг Призрачного Колеса, сосредоточил на нем внимание...

Дважды я почувствовал, что приближаюсь к чему-то, и с волнением тщетно повторял попытки. Казалось, нас разделял стеклянный экран. В чем дело? Призрак занят? Или просто не желает со мной разговаривать?

Пришлось карты отложить. Но они направили мои мысли по другому руслу.

Я собрал окровавленную одежду Люка и быстро обшарил ее. В боковом кармане нашлись колода, карандаш и несколько чистых карт... И да — карты были выполнены в том же стиле, как и те, что я стал называть Картами Судьбы. Я добавил к ним карту с моим изображением, которую Люк держал в руке, когда ввалился ко мне.

Любопытные карты. Здесь были Джасра, Виктор Мелман, Джулия и незаконченный портрет Блейза, карта для хрустальной пещеры, карта для старой квартиры Люка... На одной изображен дворец, мне вроде бы незнакомый, на другой — здоровенный блондин, одетый в зеленое с черным, на третьей — стройный рыжеволосый мужчина в коричневом с черным... И еще нашлась карта с изображением женщины, очень похожей на этого мужчину — очевидно, они были близкими родственниками. Два последних портрета были выполнены в совершенно ином стиле, явно другой рукой.

Глядя на портрет незнакомого мне блондина, я по цветам его одежды решил, что это, должно быть, Далт, бандит, старый приятель Люка. На трех картах разные художники каждый на свой манер попытались изобразить Призрачное Колесо, и никому это не удалось.

Люк что-то пробормотал и метнул на меня пронзительный взгляд.

— Успокойся, — сказал я. — С тобой все в порядке.

Он кивнул и закрыл глаза, но через несколько минут снова открыл их.

— Послушай! А где мои карты?

Я улыбнулся:

— Хорошая работа. Кто их делал?

— Я, — ответил он, — кто же еще?

— А кто тебя этому научил?

— Мой отец. Вот кто был настоящим мастером.

— Выходит, ты прошел Огненный Путь?

Он кивнул.

— Где?

Люк пристально взглянул на меня, потом беспомощно пожал плечами и поморщился от боли:

— В Тир-на Ног'тхе.

— Тебя отвел туда твой отец?

Люк снова кивнул.

«Почему бы не воспользоваться случаем и не выспросить у него еще кое-что?» — подумал я и вытащил одну карту.

— А это Далт... Что, вместе когда-то входили в отряд Юных Волчат?

Он не ответил. Взглянув на него, я увидел, что Люк прищурил глаза и нахмурил брови.

— Нет, мы с ним не встречались, но я знаю его цвета и знаю, что вы земляки... из Кашфы.

Люк улыбнулся:

— В школе ты тоже примерно готовил домашние задания.

— Да, причем вовремя, хотя за тобой не поспеваю. Между прочим, Люк, я не могу найти карты Стража Четырех Миров. И вот этой что-то не узнаю.

Я вынул карту с изображением стройной девушки и показал ему. Люк снова улыбнулся.

— Я ослабел, мне тяжело дышать, — произнес он уклончиво. — Так ты был у Стража?

— Да.

— Недавно?

Я кивнул. Немного погодя он продолжил:

— Лучше ты скажи мне, что видел в этом замке и как узнал обо мне. Тогда я скажу тебе, кто изображен на карте.

Я быстро сообразил: скажу ему что-нибудь, что он, вероятно, и без того знает.

— Ладно. Только давай начинай ты.

— Согласен. Эту девушку зовут Сэнд.

Я уставился на карту так пристально, что почувствовал начало контакта, и быстро отвел от нее взгляд.

— Всеми давно забытая, — добавил он.

Я поднял карту с портретом мужчины, похожего на нее.

— Тогда это Делвин.

— Угадал.

— Эти две карты нарисовал не ты — не твой стиль. К тому же вряд ли ты знал, как они выглядят.

— Замечание принято. Их нарисовал мой отец, когда у него были большие неприятности. Кстати, они ему не помогли бы.

— Не помогли бы?

— Они не пожелали помочь мне, несмотря на то что не любят это место.

— Это место? — снова переспросил я. — А где мы, по-твоему, находимся, Люк?

Его глаза расширились. Он быстро оглядел комнату.

— В стане врага, — ответил он. — Но у меня не было выбора. Это твой дом в Амбере?

— Ошибаешься.

— Не морочь мне голову, Мерль. Ты подловил меня. Я твой узник. Где я нахожусь?

— Ты знаешь, кто такая Винта Бейли?

— Нет.

— Она была любовницей Кейна. Это имение ее отца. Сама Винта где-то здесь рядом, может, даже стоит за дверью. По-моему, она положила на меня глаз.

— Понятно. Крутая девица?

— Не сомневайся.

— И что ты делаешь здесь с ней вскоре после похорон? Не очень-то порядочно с вашей стороны.

— Ха! Если бы не ты, то и похорон не было бы!

— Напрасно возмущаешься, Мерль. Если бы твой отец был убит, стал бы ты мстить за него?

— Неудачное сравнение. Мой отец никогда не сделал бы того, что натворил твой.

— Может, да, а может, и нет. Это еще неизвестно. Но, предположим, что сделал бы. Что тогда? Ты отомстил бы Кейну?

— Не знаю. К чему пустые догадки? — сказал я, помедлив и отведя взгляд.

— Ты поступил бы точно так же. Уж я-то знаю тебя, Мерль. И не сомневаюсь.

— Может быть, — ответил я со вздохом. — Ладно, допустим. Однако отомстив, остановился бы. Не стал бы охотиться за остальными. Не хочу тебя обидеть, но твой старик был псих. А ты — нормальный. Я знаю тебя так же хорошо, как ты меня. И много об этом думал. В Амбере признают личную вендетту. Ты отомстил — другое дело, справедлив твой поступок или нет. В конце концов убийство произошло не в Амбере, и если бы Рэндом захотел тебя выгородить...

— С чего вдруг?

— Потому что я поручился бы за тебя в других делах.

— Брось, Мерль...

— У тебя классическая причина: сын мстит за отца...

— Ну, не знаю... Давай-ка лучше ответь на мой вопрос, как обещал.

— Просто...

— Итак, ты был у Стража Четырех Миров. Что ты там узнал и как тебе это удалось?

— Хорошо, отвечу. Только подумай о том, что я сказал.

Выражение его лица не изменилось.

— Там я встретил отшельника по имени Дэйв, — начал я.

Люк заснул, прежде чем я закончил свой рассказ. Я замолчал и продолжал сидеть на стуле. Спустя некоторое время я поднялся, взял бутылку и налил себе немного вина, ведь Люк успел осушить мой бокал.

С бокалом в руке я подошел к окну и поглядел на дворик, где ветер шуршал опавшей листвой. Я думал о том, что сказал Люку. Картина, которую я ему нарисовал, была неполна — отчасти потому, что не хватило времени, а главное — он не проявил к моим словам особого интереса. Даже если Рэндом даст официальное согласие не охотиться за ним, Джулиан и Джерард, возможно, будут искать его, чтобы убить, согласно той же вендетте, о которой я толковал. Я не знал, как быть. Мне следовало рассказать обо всем Рэндому, но сейчас еще рано. Нужно многое узнать у Люка, а если он станет узником Амбера, добраться до него будет намного труднее. И зачем только он родился сыном Брэнда?!

Взяв оружие и карты Люка, я отнес их к удобному креслу, сел и стал внимательно рассматривать карты. Занятно. У меня в руках вся история...

Когда жена Оберона Рилга, состарившись, поселилась отшельницей в сельской местности, он взял в жены другую, к большой досаде своих детей — Кейна, Джулиана и Джерарда. Но чтобы сбить с толку изучающих генеалогию его семьи и доказать, что это вполне легальный брак, он женился там, где время идет гораздо быстрее, чем в Амбере, так что обвинить его в двоеженстве за брак с Харлой было непросто. Не берусь судить. Мне эту историю давным-давно рассказала Флора. Она терпеть не могла Делвина и Сэнд, отпрысков Оберона и Харлы, и склонна была считать Оберона двоеженцем. Я до сего момента ни разу не видел портретов Делвина и Сэнд. Во дворце они не висели, а имена этих особ упоминались редко. Но они жили в Амбере — правда, недолго, пока Харла была королевой. После ее смерти они, недовольные политикой Оберона в отношении родины их матери, покинули Амбер, заявив, что никогда не вернутся. По крайней мере так мне рассказала Флора. Думаю, что не обошлось и без ревности сводных братьев и сестер.

Люк, наверное, познакомился с этими двумя членами ко-

ролевской семьи, желая загладить прежние распри и заручиться союзниками. Два столетия — долгий период, вряд ли можно столько времени держать камень за пазухой. Ведь, насколько я понял, брат и сестра покинули Амбер двести лет назад.

Я было подумал, не стоит ли повидать их, просто чтобы сказать: «Привет!» Если они не захотели помочь Люку, вряд ли захотят помочь другой стороне, но по крайней мере теперь они знают, что есть и другая сторона, его противники. Мне казалось вполне уместным представиться и выразить почтение членам семьи, с которыми ранее я никогда не встречался. Да, надо непременно познакомиться — когда-нибудь. В настоящий момент было не до того, и с самыми добрыми намерениями я добавил их карты к своей коллекции.

Оставался Далт — как я понимал, заклятый враг Амбера. Я снова пристально изучил его карту и подумал, в самом ли деле он — близкий друг Люка? Ведь тогда следовало бы сообщить ему о случившемся. Быть может, ему известны какие-нибудь подробности, о которых и мне полезно узнать.

По правде говоря, чем больше я размышлял об этом, вспоминая свой недавний визит к Стражу Четырех Миров, тем сильнее становился соблазн увидеть Далта. К тому же я мог бы узнать у него, что творится теперь в замке.

Я задумчиво погрыз сустав пальца. Надо или нет? Что за беда, если я повстречаюсь с ним? Я не собирался ни о чем договариваться и ни о чем важном рассказывать. И все же меня не покидали кое-какие опасения.

Да что тут гадать, черт возьми, решил я наконец. Рисковать так рисковать!

Привет, привет... Карта внезапно похолодела. Ага!

Послышалось испуганное:

— Слушаю...

Портрет ожил, и я уставился на него.

— Кто вы? — спросил человек, держа руку на эфесе шпаги, наполовину вынутой из ножен.

— Меня зовут Мерлин, — ответил я, — и у нас есть общий знакомый по имени Ринальдо. Я хочу сообщить вам, что он тяжело ранен.

В этот момент мы парили между двумя нашими реальностями, во плоти и отчетливо видимые друг для друга. Он был крупнее, чем я предполагал, судя по портрету, и стоял в центре облицованной камнем комнаты; в окне слева виднелось голубое небо и клочок тучи. Его зеленые глаза, вначале расширенные, теперь прищурились, а плотно сжатые губы придали лицу свирепое выражение.

— Где он? — спросил Далт.

— Здесь, у меня.

— Как удачно! — отреагировал он — и рванулся вперед, по-прежнему сжимая клинок в руке.

Я мгновенно убрал карту, но это не прервало контакт. Пришлось вызвать Логрус. Он упал между нами как лезвие гильотины, и я отшатнулся назад, словно коснулся проволоки под током, утешаясь лишь тем, что Далт, очевидно, почувствовал то же самое.

— Мерль, в чем дело? — прохрипел Люк. — Я только что видел Далта.

— Да, я вызывал его.

Он слегка приподнял голову.

— Зачем?

— Все рассказать. Ведь Далт — твой друг, не так ли?

— Осел!.. Это он так отделал меня!

Люк закашлялся, и я бросился к нему.

— Дай мне воды, — попросил он.

— Сейчас принесу.

Я пошел в ванную и принес ему стакан воды. Он сделал несколько глотков.

— Может, мне надо было предупредить тебя. Мне и в голову не приходило, что ты его позовешь...

Люк снова начал кашлять и еще попил воды.

— Почему ты не хочешь сказать мне, что случилось?

Он слегка покачал головой:

— Нельзя. Тогда он может убить тебя. А скорее всего нас обоих.

— Судя по всему, твой дружок не откажется от своих планов независимо от того, скажешь ты мне что-нибудь или нет.

Люк слабо улыбнулся и сделал еще глоток.

— Отчасти дело сугубо личное, — заявил он затем, — и я не хочу никого в него впутывать.

— Твои попытки убить меня каждую весну тоже связаны с делом сугубо личным, однако ты ни за что ни про что втянул меня в него.

— Хорошо, хорошо, — поморщился Люк, откидываясь на подушку и поднимая правую руку. — Говорил же тебе: я давным-давно оставил эти попытки.

— Но покушения продолжаются.

— Это не моих рук дело.

«Ладно, — сказал я себе, — попытаюсь».

— Значит, виновата Джасра?

— Что тебе известно о ней?

— Что она — твоя мать и что она, как и ты, пытается отомстить.

Люк кивнул.

— Стало быть, ты знаешь... Тем лучше, проще будет объяснить тебе... — Он глубоко вздохнул. — Это ее затея с тридцатым апреля. Когда я познакомился с тобой ближе и отказался от этой идеи, она просто взбесилась.

— И теперь сама пытается разделаться со мной?

Он кивнул.

— Она заставила тебя убить Кейна?

— Да, и я это сделал.

— А остальных? Держу пари, она велит тебе убрать и их тоже.

Молчание.

— Ведь это правда?

Люк отвел от меня взгляд, и я услышал, как заскрипели его зубы.

— Ты больше не на крючке, — наконец произнес он. — Я не собираюсь причинить тебе вред и ей не позволю.

— А как насчет остальных — Блейза, Рэндома, Фионы, Флоры, Джерарда?..

Люк засмеялся, но тут же лицо его исказила гримаса боли, и он схватился за грудь.

— Им нечего опасаться — по крайней мере сейчас.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Подумай сам, я мог с помощью карты ввалиться в свою старую квартиру, напугав до смерти новых жильцов, и вызвать «скорую». Сейчас я уже находился бы в реанимации.

— Что же тебе помешало?

— Приходилось бывать в переделках и похуже этой. А здесь я оказался потому, что мне нужна твоя помощь.

— Неужели? И в чем же?

Люк взглянул на меня и снова отвел глаза.

— Она попала в беду, и мы должны помочь ей.

— О ком речь?

— О моей матери.

Я чуть было не расхохотался, но, увидев выражение его лица, передумал. Надо же было набраться наглости, чтобы попросить меня помочь той, которая не однажды, а много раз пыталась убить меня и считала целью своей жизни уничтожение всех моих родственников! Что это — наглость или?..

— Мне больше не к кому обратиться.

— Люк, если ты сумеешь уговорить меня, то заслужишь медаль «Коммивояжер года»! — ответил я. — Ладно, слушаю.

— У меня опять в горле пересохло.

Пришлось снова идти в ванную. Вернувшись в комнату, я услышал в холле слабый шум. Поднося стакан к губам Люка, я продолжал прислушиваться.

Он кончил пить и кивнул мне. Я приложил палец к губам и указал на дверь, потом поставил стакан, взял шпагу... Но не успел я дойти до двери, как раздался слабый стук.

— Кто там?

— Я, — ответил голос Винты. — Мне известно, что Люк у тебя, я хочу видеть его.

— Чтобы прикончить?

— Я уже говорила тебе, что у меня нет подобного намерения.

— Значит, ты не человек.

— А я никогда этого и не утверждала.

— Стало быть, ты не Винта Бейли.

После долгой паузы она ответила:

— Ну и что из того?

— Тогда скажи мне, кто ты.

— Не могу.

— Давай пойдем на компромисс, — предложил я, полагаясь на свою способность угадывать. — Скажи мне, кем ты была.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Нет, понимаешь. Назови хотя бы одно из твоих имен. Мне все равно.

Наступила пауза.

— Я вытащила тебя из огня, — сказала она наконец, — но не смогла удержать лошадь. Я утонула в озере. Ты завернул меня в плащ...

Она не ответила на мой вопрос. И все же этого было достаточно.

Я отодвинул задвижку концом шпаги. Она толкнула дверь и увидела у меня в руке клинок.

— Весьма драматично, — заметила она.

— Спасибо тебе — ты же перечислила все грозящие мне злоключения.

— Наверное, не слишком убедительно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не слышала, чтобы ты спрашивал его про голубые камни и о том, не нашел ли он тебя с их помощью.

— Так ты подслушивала?!

— Что поделаешь, старая привычка, — призналась она.

Я повернулся к Люку и представил ее:

— Люк, это Винта Бейли... в некотором роде.

Люк поднял правую руку и, не сводя глаз с ее лица, сказал:

— Я хотел бы знать лишь одно...

— Понятно: собираюсь я убить тебя или нет? Продолжай сомневаться, я еще не решила. Помнишь тот случай, когда у тебя кончился бензин — это было к северу от Сан-Луис-Обиспо, а ты обнаружил, что бумажника у тебя при себе нет? Тебе

пришлось взять деньги взаймы у своей девушки, чтобы добраться до дома. А ей пришлось дважды просить, чтобы ты вернул их.

— Откуда ты это знаешь? — прошептал Люк.

— Однажды тебе пришлось драться с тремя рокерами, — продолжала она. — Ты чуть не лишился глаза, когда один из этих парней стал душить тебя цепью. Вижу, твоя шея зажила, даже шрама не осталось.

— Я победил.

— Да. Не каждый способен с такой силой швырнуть «харли», будто куклу.

— Я должен знать, откуда тебе это известно.

— Может, когда-нибудь и расскажу... А сейчас я хочу задать тебе несколько вопросов, и твоя жизнь зависит от того, насколько честно ты на них ответишь. Пойми...

— Винта, — прервал я ее, — ты говорила, что не собираешься убивать Люка.

— Он не первый в моем списке, но если вздумает встать на моем пути, ему придется умереть.

Люк зевнул.

— Да расскажу я про голубые камни, — пробормотал он. — И никого я не посылал за Мерлем...

— Быть может, это дело рук Джасры?

— Понятия не имею.

— А кто напал на Мерля прошлой ночью?

— Первый раз про это слышу, — ответил Люк и закрыл глаза.

— Взгляни! — приказала Винта, достав из своего кармана голубую пуговицу.

Он открыл глаза и покосился на нее.

— Узнаешь?

— Нет, — сказал он и снова закрыл глаза.

— И ты не собираешься больше причинить Мерлю вреда?

— Вот это правда, — пробормотал Люк, засыпая.

Она открыла рот, чтобы снова спросить его о чем-то, но я остановил ее.

— Дай ему поспать. Он никуда не денется.

Винта бросила на меня недовольный взгляд, но потом кивнула:

— Ты прав.

— И что ты собираешься сделать с ним, пока он спит? Убить его?

— Нет — он сказал мне правду.

— А для тебя это имеет значение?

— Да, — ответила она, — в данный момент.

Глава 7

В ту ночь я прекрасно выспался, невзирая на отдаленный лай собак, какой-то вой и рычание. Винта решила не продолжать игру в вопросы и ответы. Я уговорил ее повременить с этим делом и позволить нам отдохнуть, после чего устроился в одном удобном кресле, положив ноги на второе. Беседу с Люком я собирался продолжить позднее наедине. Перед тем как уснуть, я с усмешкой подумал, кому из них я доверяю меньше.

Меня разбудили первые лучи солнца и пение птиц. Потягиваясь, я пошел в ванную. Умываясь, услышал, как Люк кашляет и зовет меня.

— Подожди минутку, если не истекаешь кровью, — ответил я, вытираясь. — Хочешь пить?

— Хочу, принеси воды.

Я перебросил полотенце через плечо и подал ему напиться.

— Она все еще здесь? — спросил он.

— Нет.

— Дай мне стакан и посмотри, нет ли ее в холле, я справлюсь сам.

Я кивнул, отдал ему стакан, потом потихоньку подошел к двери, открыл ее, вышел в холл, завернул за угол — и никого не обнаружил.

— Никого! — прошептал я, вернувшись в комнату.

Люка там не было. Но мгновение спустя его голос послышался из ванной:

— Черт побери! Я помог бы тебе!

— Пока еще могу и сам пописать. — Пошатываясь и держась здоровой рукой за стену, Люк вошел в комнату. — Хотел проверить, на что я еще способен, — добавил он, садясь на край кровати, потом положил руку на грудную клетку и глубоко вздохнул: — Проклятье, как больно!

— Давай уложу тебя.

— Хорошо, только не говори ей, что я могу двигаться.

— Не скажу. Успокойся и ложись. Отдохни.

Он покачал головой:

— Хочу сказать тебе кое-что, пока она снова не вломилась сюда — а она это сделает, поверь мне.

— Точно?

— Да, она не человек, а сверхъестественное существо и пометила нас сильнее, чем голубые камни. Я не знаю, какой магической силой ты обладаешь, зато понимаю, что говорит мне моя собственная. Ты спрашивал меня, кто она, и я попытался ее вычислить. А ты сам еще не догадался?

— Нет. Во всяком случае, я не уверен.

— Так вот, она может менять облик, как платья, и путешествовать сквозь Тени.

— Тебе имена Мэг или Джордж Хансен говорят что-нибудь? — спросил я.

— Нет. А должны?

— Не уверен. Но знаю точно, что она была ими обоими.

Я не стал упоминать Дэна Мартинеса не потому, что тот затеял перестрелку и тогда Люк возненавидел бы Винту еще сильнее — просто ему ни к чему знать, что мне известно кое-что про его операцию в Нью-Мексико, а ведь разговор мог коснуться именно этой темы.

— Она принимала также образ Гейл Лэмпрон.

— Твоей школьной подружки? — удивился я.

— Да, я сразу понял, что она чем-то напоминает мне ее. У нее все повадки Гейл — манера поворачивать голову, жестикуляция, выражение глаз. К тому же она упомянула два случая, единственным свидетелем которых была Гейл.

— Похоже, что она намеренно дала тебе это понять.

— Мне тоже так показалось.

— Почему бы тогда ей прямо не выложить все?

— Думаю, она не может этого сделать. Возможно, из-за какого-то заклинания. Однако трудно поверить, что она — сверхъестественное существо. — Люк украдкой взглянул на дверь и добавил: — Проверь-ка еще раз.

— Никого, — сказал я, — а теперь скажи...

— В другой раз, — перебил он меня, — мне надо убираться отсюда!

— Я понимаю, что ты хочешь удрать... — начал было я.

Люк покачал головой:

— Не в этом дело. Мне надо как можно скорее попасть в Страж Четырех Миров.

— В таком-то состоянии...

— Да, в таком. Как только я уберусь отсюда, сразу войду в норму. Похоже, старик Шару Гаррул вырвался на свободу. Только потому это и могло случиться.

— А что случилось?

— Меня попросила о помощи мать. После того как я вырвал ее у тебя, она вернулась в Страж.

— Для чего?

— Этот замок — центр силы. Здесь встречаются Четыре Мира, здесь они выделяют огромное количество свободной энергии, которую адепт способен...

— Там в самом деле встречаются Четыре Мира? Ты имеешь в виду, что можно войти в другую Тень, просто повернув в сторону?

Несколько мгновений Люк испытующе смотрел на меня, потом сказал:

— Да, но о подробностях меня не спрашивай.

— Но тогда ведь я ничего не пойму. Она отправилась в Страж, чтобы набраться силы, а вместо этого попала в беду и позвала тебя на помощь. А для чего ей нужна эта сила?

— Хм-м. Ну да ладно... У меня возникли трудности с Призрачным Колесом. Я чуть было не уговорил его перейти на нашу сторону, но матери показалось, что я действую недостаточно быстро и решительно, и она, по-видимому, попыталась нажать на него своими колдовскими чарами...

— Погоди-ка! Ты говорил с Призраком? А как ты добрался до него? Твои карты ни на что не годятся.

— Знаю. Я просто туда дошел.

— Каким образом?

— В скафандре: водолазный костюм с кислородным баллоном.

— Чертов сын! Интересный подход!

— Как ты думаешь, зря я что ли столько времени возглавлял отдел сбыта в «Большом Проекте»?.. Я почти уговорил его. Но она узнала, где я прячу тебя, и решила отправиться туда, взять тебя под контроль и заставить перейти на нашу сторону. А когда этот план лопнул и мне удалось вырвать ее у тебя, мы снова расстались. Я думал, мать отправилась в Кашфу, а она снова помчалась в Страж. Думаю, пыталась накопить там силу, чтобы победить Призрак, и ненароком освободила Шару. А он снова овладел замком и взял мать в плен. Во всяком случае, она была в отчаянии, когда говорила со мной...

— Ох уж этот старый колдун, — усмехнулся я. — И долго он сидел в заточении?

Люк пожал плечами:

— Да откуда мне знать? И кому это интересно, черт возьми? Он служил вешалкой для одежды еще тогда, когда я пешком под стол ходил.

— Вешалкой для одежды?

— Да, он проиграл в дуэли волшебников. Не знаю точно, она его победила или мой отец. Как бы там ни было, его застигли во время заклинания, он стоял с распростертыми руками. Ну и заморозили его — стал твердый, как доска. Потом бедолагу поставили в прихожей и стали вешать на него верхнюю одежду. Слуги иногда смахивали с него пыль. А я еще мальчишкой вырезал свое имя на его ноге, как на дереве. Я то-

гда считал Шару предметом обстановки. А позднее узнал, что в свое время он был значительной персоной.

— А этот тип надевал когда-нибудь синюю маску во время работы?

— Ну ты достал меня! Не знаю я ровно ничего о стиле его работы. Давай кончай расспросы, а то Винта скоро заявится сюда. Самое время нам отчаливать, остальное доскажу после.

— Ну уж нет, как ты верно подметил, ты мой пленник. Надо быть дураком, чтобы отпустить тебя, не узнав гораздо больше. Ты — угроза для Амбера. Бомба, которую ты швырнул на похоронах, — не шуточка. Думаешь, я хочу, чтобы ты угробил еще кого-нибудь из нас?

Люк улыбнулся:

— И зачем только тебя угораздило родиться сыном Корвина? Ну, хочешь я дам тебе слово?

— Не знаю. Меня ждет куча неприятностей, если родственникам станет известно, что ты был у меня в руках, а я добровольно отпустил тебя. Что ты можешь мне обещать? Поклянешься прекратить войну против Амбера?

Он закусил нижнюю губу.

— Я не могу это обещать...

— Ты что-то скрываешь от меня, не правда ли?

Люк кивнул. Потом внезапно ухмыльнулся:

— Но я могу предложить тебе сделку, от которой ты не откажешься.

— Коммивояжер, я лежалый товар не беру! Не морочь мне голову!

— Выслушай, и ты поймешь, что не сможешь отказаться от моего предложения.

— Меня не купишь, Люк!

— Только одну минуту! Шестьдесят секунд! А потом уж принимай решение.

— Ладно, — согласился я, помедлив. — Говори.

— Так вот, у меня есть информация, жизненно важная для безопасности Амбера. Там наверняка и понятия не имеют... Ты поможешь мне, а я расскажу тебе, в чем дело.

— С какой стати ты раскрываешь карты? Во вред себе?

— Не знаю. Но это все, что я могу тебе предложить. Помоги мне удрать отсюда в такое место, где время бежит гораздо быстрее. Там я смогу залечить раны за один день относительно календаря Стража.

— Или местного календаря, коли на то пошло, верно?

— Да. Да. Потом... Ой-ой-ой!

Он скорчился, схватился здоровой рукой за грудь и застонал.

— Люк!

Он поднял голову, подмигнул мне, кивнул на дверь и снова начал стонать.

Почти сразу в дверь постучали.

— Войдите, — сказал я.

Винта ступила на порог и бросила испытующий взгляд сначала на меня, потом на Люка. На мгновение мне показалось, что на него она посмотрела с состраданием. Потом она подошла к кровати и положила руки ему на плечи и, простояв так с полминуты, заявила:

— Ты будешь жить.

— В данный момент даже не знаю, благословение это или проклятие, — ответил Люк. Затем он внезапно обнял ее за шею здоровой рукой и поцеловал. — Привет, Гейл, давно мы с тобой не виделись.

Винта высвободилась из его объятия, однако не слишком быстро.

— Я вижу, ты уже поправляешься, — заметила она с улыбкой, — должно быть, не без помощи Мерлина. Да, ты выкинул глупый финт. Между прочим, ты по-прежнему любишь яичницу-глазунью?

— Люблю. Только не из шести яиц. Сегодня съел бы, пожалуй, из двух. Я не в форме.

— Хорошо, — кивнула Винта. — Идем, Мерль, мне нужна твоя помощь.

Люк бросил на меня подозрительный взгляд, догадываясь, что она хочет поговорить со мной о нем. Я не был уверен, что стоит оставлять его одного, хотя все карты лежали у меня в кармане, — кто знает его возможности да и намерения?

— Может, кому-то из нас лучше остаться с больным? — предложил я.

— С ним будет все в порядке, — ответила Винта, — а мне твоя помощь как раз пригодится — слуги здесь днем с огнем не сыскать.

С другой стороны, она, возможно, скажет мне что-нибудь интересное...

Я нашел свою рубашку, натянул ее и пятерней причесал волосы.

— Не бойся, Люк, я мигом вернусь.

— Пока! — ответил он. — Найди мне, если сможешь, трость или подходящую палку.

— Не торопишь ли ты события?

— Кто знает, всякое может случиться.

Я взял шпагу и последовал за Винтой. Когда мы спускались по лестнице, мне пришло в голову, что у каждого из нас двоих есть что сказать о третьем.

Когда Люк уже не мог слышать нас, Винта заметила:
— Он явился к тебе, чтобы спастись.
— Да.
— Видно, ему пришлось туго, раз не к кому было обратиться, кроме тебя.
— Пожалуй, ты права.
— Я думаю, помимо места, где можно отлежаться и окрепнуть, ему нужно кое-что еще.
— Пожалуй.
— Пожалуй!.. Он, наверное, тебя уже просил об этом?
— Возможно.
— Так просил или нет?
— Винта, ты, очевидно, рассказала мне все, что собиралась рассказать. Мы квиты. И не обязан я давать тебе никаких объяснений. Решу я, что Люку можно доверять, значит, буду ему доверять. Пока я еще решения не принял.
— Стало быть, он все-таки с тобой поговорил... Я могла бы помочь тебе, если скажешь, что ему нужно.
— Нет, спасибо. Ты не менее опасна, чем он.
— Я забочусь о твоем благополучии. Не торопись оттолкнуть союзника!
— Я и не тороплюсь. Только перестань твердить одно и то же. Я знаю о Люке гораздо больше, чем о тебе. Думаю, мне ясно, в чем ему можно доверять, а в чем — нет.
— Надеюсь, ты не станешь держать пари на свою жизнь?
— В подобных вопросах я человек довольно консервативный.
Мы вошли в кухню. Винта приказала женщине, мне незнакомой, приготовить нам завтрак, и мы через боковую дверь вышли во дворик.
Винта указала на группу деревьев в восточном углу:
— Можешь выбрать подходящее для трости.
— Ладно, посмотрим, — ответил я, и мы направились к рощице.
— Так ты в самом деле была Гейл Лэмпрон? — спросил я внезапно.
— Да.
— Я не могу понять, как можно трансформировать свое тело.
— А я не собираюсь тебе это объяснять.
— Не скажешь мне?
— Нет.
— Не можешь или не хочешь?
— Не могу.
— Но ведь я уже кое-что знаю. Детали не добавишь?
— Попробую. Спрашивай.

— Когда ты была Дэном Мартинесом и стреляла в нас, в кого ты хотела попасть — в меня или в Люка?
— В Люка.
— Почему?
— Я была уверена, что он не тот... То есть что он представляет для тебя опасность...
— Ты просто хотела защитить меня?
— Именно.
— А что ты имела в виду, говоря «Он не тот»?
— Просто оговорилась. Гляди, вот это деревце, пожалуй, подойдет.
Я усмехнулся:
— Толстовато для трости. Ладно, пойдем посмотрим.
Я подошел к деревьям, мокрым от росы; еще не высушенные утренними лучами солнца опавшие листья прилипали к моим сапогам.
Внезапно я увидел какие-то странные следы, ведущие дальше, направо, где...
— Что это такое? — задал я риторический вопрос, понимая, что Винта не может ответить, и направился к темной массе у ствола раскидистого дерева.
Я подошел первым. Это была одна из собак Бейли, большой рыжий кобель с разорванным горлом. Темная кровь запеклась, и по ней ползали насекомые. Чуть правее я увидел останки собаки поменьше — разодранной в клочья.
Я осмотрел влажную землю вокруг обеих собак — в нее глубоко впечатались крупные когти. Хорошо еще, что это не следы трехпалых лап смертоносных собакоподобных чудищ, с которыми мне довелось встречаться. По-видимому, эти следы оставила огромная собака.
— Очевидно, их лай и вой я и слышал ночью. Я и подумал тогда, что дерутся собаки.
— В котором часу это было?
— Вскоре после того, как ты ушла. Я успел задремать.
Винта вдруг повела себя очень странно: опустилась на колени и понюхала следы. Когда она встала, выражение ее лица было слегка озадаченным.
— Что ты обнаружила?
Она покачала головой и взглянула на северо-восток:
— Я не вполне уверена, но, кажется, чудище ушло туда.
Я начал тщательно изучать следы. Они в самом деле вели в направлении, которое указала Винта, но в ста футах от рощицы терялись.
— Думаю, одна собака напала на другую, — предположил

я. — Давай-ка лучше найдем подходящее для трости деревце и пойдем назад, пока завтрак не остыл.

В доме мне сообщили, что завтрак Люку отнесли наверх. Меня раздирали противоречивые желания. Я хотел попросить и мне подать завтрак в комнату, чтобы продолжить беседу с Люком, однако подумал, что Винта увяжется за мной и мы с ним не сможем поговорить начистоту. Поэтому я решил завтракать с ней внизу, хотя это означало, что Люк будет слишком долго оставаться один.

— Мы будем завтракать здесь, — решила вопрос Винта, входя в большой холл.

Я покорно поплелся за ней. Думаю, она выбрала это место, потому что раскрытые окна моей комнаты выходили во дворик, и, если бы мы уселись там, Люк мог бы подслушать наш разговор.

Мы устроились за длинным столом из темного дерева; подали еду.

— Что ты собираешься делать? — спросила Винта.

— Ты о чем? — ответил я вопросом на вопрос, потягивая виноградный сок.

— С ним! — Она кивнула наверх. — Возьмешь его в Амбер?

— Думаю, это было бы самое разумное.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда лучше не тянуть. У вас во дворце есть все возможности подлечить его.

Я кивнул:

— Безусловно.

Мы поели немного, и она снова спросила:

— Ты в самом деле собираешься это сделать?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что иначе поступать — глупо, но я уверена, что Люк не хочет отправляться туда и будет уговаривать тебя отпустить его. Ему нужна свобода на время выздоровления. Ты ведь знаешь, какое он дерьмо. Начнет всучивать тебе какую-нибудь «великую идею». Не забывай: он враг Амбера, а когда он будет в состоянии удалиться, ты станешь помехой ему.

— Логично.

— Я еще не все сказала.

— Продолжай!

Она улыбнулась и поела немного, чтобы потянуть время и подзадорить мое любопытство. Затем продолжила:

— Он мог бы уйти в сотню мест, чтобы зализать раны. А явился к тебе. Стало быть, ему что-то от тебя нужно. Люк играет по-крупному, но ума не теряет. Не попадись на крючок. Ты ему ничего не должен.

— С чего ты взяла, что я не в силах сам постоять за себя! — возмутился я.

— Я этого не говорила, — отрезала Винта, — просто считаю, что надо все хорошенько продумать. Ты знаешь Люка, но и я его знаю. Сейчас не время давать ему передышку.

— У тебя, похоже, навязчивая идея.

— Выходит, ты уже решил поступить так, как он хочет!

Я улыбнулся и отпил кофе.

— Да он и в сознание-то пришел недавно, как он мог успеть расставить мне западню? Я сам думал об этом и хочу узнать, что у него на уме.

— Конечно, информация тебе нужна. Но не забывай: говорить с Люком — все равно что вести беседу с драконом.

— Так оно и есть, — согласился я. — Мне это давно известно.

— И чем дольше ты ждешь, тем труднее тебе будет с ним справиться, — добавила Винта.

— А тебе он нравился? — спросил я, сделав большой глоток.

— Нравился?.. Да, нравился. И теперь нравится. Но это к делу не относится.

— Ты не причинишь ему зла без повода?

— Нет.

— В данный момент он мне не опасен.

— Пожалуй, ты прав.

— Предположим, я оставлю его здесь на твое попечение, а сам вернусь в Амбер, пройду по Огненному Пути и подготовлю родственников к новостям. Что ты на это скажешь?

Она энергично замотала головой:

— Нет! Я не буду, не могу брать на себя ответственность.

— Почему?

Винта заколебалась.

— Только, пожалуйста, не повторяй, что не можешь сказать, — попросил я. — Найди способ объяснить мне как можно больше.

И она начала рассказывать — медленно, осторожно подбирая слова:

— Потому что для меня важнее следить за тобой, чем за Люком. Тебе по-прежнему грозит опасность, но какая, мне неизвестно. Судя по всему, она исходит не от твоего дружка. Уберечь тебя от неизвестной беды для меня гораздо важнее, чем следить за Люком. Поэтому я не смогу остаться здесь. Если ты вернешься в Амбер, я последую за тобой.

— Ценю твою заботу, — сказал я. — Но не хочу, чтобы ты ходила за мной по пятам.

— Ни у тебя, ни у меня нет выбора.

— Ну а если я с помощью карты перенесусь в какую-нибудь далекую Тень?

— Я буду вынуждена последовать за тобой.

— В нынешнем твоем обличье или в ином?

Она отвела глаза и стала ковырять вилкой еду.

— Ведь ты же призналась, — продолжал я, — что можешь менять облик. Ты постоянно неким тайным способом находишь меня и принимаешь облик кого-нибудь из моих знакомых.

Она сделала глоток кофе.

— Может, тебе и запрещают об этом говорить, — не унимался я, — но я-то знаю, что моя догадка верна.

Винта быстро кивнула и снова принялась за еду.

— Допустим, карта перенесет меня прямо сейчас и ты неким таинственным образом за мной последуешь. — Я вспомнил о телефонных разговорах с Мэг и миссис Хансен. — Тогда настоящая Винта Бейли очнется в собственном обличье и в памяти у нее будет пробел? Верно?

— Да, — тихо ответила моя собеседница.

— И Люк окажется в обществе женщины, которая с радостью уничтожит его, едва узнает, кто он.

Она слабо улыбнулась.

— Да, ты прав.

Некоторое время мы ели молча. Винта сделала все, чтобы заставить меня вернуться в Янтарное Королевство и взять с собой Люка. А я не люблю, когда мной манипулируют или открыто принуждают.

Я снова наполнил наши чашки, перестав жевать и попивая кофе, уставился на портреты собак на противоположной стене. Я молчал, потому что сказать мне больше было нечего.

— Так что же ты намерен делать? — спросила она наконец.

Я допил кофе и поднялся:

— Собираюсь отнести Люку трость.

— А потом? Что будешь делать потом?

Я взглянул на нее и взял трость. Она сидела, выпрямившись, положив ладони на стол. Выражение ее лица снова напомнило мне Немезиду, и я почти физически ощутил повисший в воздухе электрический заряд.

— То, что должен, — ответил я, направляясь к двери.

Как только дверь за мной закрылась, я помчался по лестнице, перепрыгивая через две ступени, вынув на ходу колоду из кармана и тасуя.

Когда я вбежал в комнату, Люк лежал на постели, откинувшись на подушки. Поднос с завтраком стоял на низеньком столике возле кровати. Я запер дверь на задвижку.

— В чем дело, приятель? За тобой гонятся?

— Давай поднимайся! — рявкнул я.

Я взял его оружие, подошел к постели, помог ему встать и подал трость и шпагу.

— На меня давят, — сказал я, — но выдавать тебя Рэндому я не собираюсь.

— Звучит утешительно, — заметил Люк.

— Нужно немедленно отсюда убираться!

— Я не против.

Он оперся на трость и медленно встал на ноги. И в этот момент в холле послышался шум. Но она опоздала. Я уже поднял карту и сосредоточился.

В дверь постучали.

— Ты затеваешь что-то неладное! — прозвучал голос Винты.

Я не ответил. Изображение на карте стало отчетливее, ожило. От страшного удара дверь разлетелась в щепки, задвижка отскочила. Люк мрачно, с опаской глянул на меня, а я схватил его за руку.

— Идем!

Винта вломилась в комнату как раз в тот миг, когда я вытягивал Люка через окно. Ее глаза засверкали, руки удлинились и потянулись за нами.

— Идиот! — в ярости завопила она.

Крик ее перешел в вой; потом, засверкав всеми цветами радуги, она превратилась в пеструю рябь, растворилась, поблекла и исчезла.

Мы стояли на зеленой травке. Люк тяжело дышал.

— Вижу, глаз у тебя верный, братишка, — произнес он с хитрой улыбкой, узнав место, где мы оказались. — И как ты только нашел?.. Хрустальная пещера, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. А нашел по старой памяти, — ответил я. — Время здесь бежит примерно с такой скоростью, как тебе надо.

Люк кивнул и не спеша направился к высокому голубому холму.

— Там осталась еще целая куча провианта, — добавил я, — и мой спальный мешок.

— Все это мне пригодится, — сказал он.

Тяжело дыша, Люк дохромал к подножию холма. Я заметил, как он оглядел кости, разбросанные слева от нас. Те двое парней, отодвинувшие камень от входа в пещеру, погибли не-

сколько месяцев назад, и любители падали успели хорошо поработать.

Люк пожал плечами, сделал еще несколько шагов и прислонился к голубому камню. Потом сполз на землю и уселся поудобнее.

— Видно, придется мне подождать здесь, покуда я смогу подняться. Даже с твоей помощью.

— Мысль верная, — ответил я. — А пока мы можем продолжить беседу. Помнится, ты хотел сделать мне предложение, от которого я никак не смогу отказаться. Мне надлежало доставить тебя в место, где ты сумеешь быстро залечить раны, где время бежит быстрее, чем в Страже Четырех Миров. Я свои обязательства выполнил. Теперь очередь за тобой. Кажется, ты располагаешь информацией, жизненно важной для безопасности Амбера.

— Справедливо замечено, — кивнул Люк, — а еще ты не слышал до конца, что со мной приключилось. Между тем и другим есть связь.

Я уселся на корточки рядом с ним.

— Ты рассказал мне, что твоей матери пришлось отправиться в Страж Четырех Миров, что она попала там в беду и обратилась к тебе за помощью.

— Да, — отозвался он, — и поэтому я бросил затею с Призрачным Колесом и попытался помочь ей. Я связался с Далтом, и он согласился атаковать Страж.

— Неплохо знать, что тебе в любую минуту готова прийти на помощь банда наемников!..

Люк бросил на меня какой-то странный взгляд, но я как ни в чем не бывало состроил невинную мину.

— Итак, мы провели их через Владения Хаоса и осадили замок, — продолжал он, — это ты нас там видел.

Я медленно кивнул:

— По-моему, вам удалось перевалить через стену. Что же тогда стряслось?

— И сам не знаю. Вроде все шло хорошо, мы прорвали их оборону, противник стал отступать... Как вдруг Далт налетел на меня! Вначале я думал, что он обознался — мы оба были измазаны грязью и окровавлены. Я крикнул ему: мол, это я, но он продолжал атаковать. Сам видишь, как он отделал меня. Некоторое время я только защищался, не стремился наносить ему удары. Мне казалось, это недоразумение, что он через несколько секунд поймет свою ошибку.

— Ты думаешь, его подкупили? Или он давно затаил злобу и решил убить тебя?

— Честно говоря, не хочется так думать.

— Неужели вмешались магические силы?

— Может быть, не знаю.

Странная мысль пришла мне в голову:

— А ему известно было, что ты убил Кейна?

— Нет, я взял за правило никому не рассказывать о своих делах.

— А ты не морочишь мне голову?

Люк засмеялся, сделал движение рукой, будто хотел похлопать меня по плечу, но вздрогнул, скорчил гримасу боли и опустил руку.

— Откуда такой вопрос?

— Не знаю, просто поинтересовался.

— Понятно. Помоги мне войти в пещеру и покажи, какие там есть продукты.

— Хорошо.

Мы стали медленно подниматься по правому, более пологому склону. Подойдя ко входу, Люк, опираясь на трость, заглянул внутрь.

— Нелегко мне будет спуститься туда. Я думал попросить тебя принести бочку из кладовой, чтобы я мог сначала спрыгнуть на нее, а потом уже на дно пещеры. Но теперь вижу, что тут слишком глубоко, я не смогу прыгнуть, не потревожив раны.

— Да, пожалуй. Впрочем, у меня есть идея.

Я сошел к подножию холма и зашагал вдоль него направо, пока не скрылся с глаз Люка. Мне не хотелось прибегать к помощи Логруса в его присутствии, не хотелось, чтобы он видел, как я это делаю, и понял, что я могу и чего не могу. Не в моих правилах позволять людям слишком много знать обо мне.

Логрус явился по моему приказанию, и с его помощью я начал осуществлять задуманное. Сосредоточив все силы, я проникал все глубже в самую сердцевину Тени. Наконец возник контакт, и, не делая резких движений, лишь напряжением воли медленно и равномерно стал тянуть...

— Эй, Мерль! Все в порядке? — послышался голос Люка.

— Да, — ответил я, еще не закончив операцию.

Ближе, ближе... Наконец-то!

Я подскочил, когда она рухнула на меня одним своим концом. Другой конец стукнулся о землю. Я продвинулся к ее середине, взвалил на плечо и понес. Потом, приставив ее к крутому склону так, чтобы верхушка оказалась поблизости от того места, где стоял Люк, быстро взобрался наверх.

— Вот здорово! Где ты раздобыл лестницу? — удивился он.

— Нашел, — ответил я.

— Похоже, что на одной ее стороне еще не высохла краска.
— Наверное, кто-то ее только что потерял.

Я начал спускать лестницу вниз в пещеру. Когда она уперлась в пол, из дыры торчало еще несколько футов.

Закрепив хорошенько лестницу, я сказал:

— Я спущусь первым и буду ждать тебя внизу.

— Спусти заодно мою шпагу и трость.

— Давай.

Я полез вниз, и он осторожно последовал за мной.

— Ты должен когда-нибудь научить меня этому трюку, — заявил Люк, тяжело дыша.

— Не пойму, что ты имеешь в виду.

Он спускался медленно, часто отдыхал. Наконец слез — побагровевший, запыхавшийся — и в изнеможении плюхнулся на землю, прижимая ладонь к груди. Чуть погодя подполз к стене и привалился к ней спиной.

— Ты в порядке? — спросил я.

Он кивнул:

— Приду в себя через несколько минут. С такими ранами немудрено устать.

— Принести тебе одеяло?

— Нет, спасибо.

— Тогда отдохни здесь, а я схожу в кладовую, погляжу, в порядке ли запас еды. Хочешь чего-нибудь?

— Водички.

Запас провианта был не тронут, и спальный мешок оказался на том же месте, где я его оставил. Я принес Люку воды и шутливо напомнил, как он когда-то позаботился обо мне.

— Видно, ты хорошо постарался. Еды здесь еще полным-полно.

— Надеюсь, ты не все вино выпил? — спросил он, переводя дух.

— Не все.

— Хорошо.

— Теперь давай, выкладывай сведения, которые, по твоему мнению, важны для Амбера.

Люк улыбнулся:

— Не сейчас.

— Я думал, таково условие нашей сделки.

— Ты не дослушал мой рассказ, нас прервали.

— Согласен, нас прервали, — кивнул я. — Валяй, рассказывай.

— Мне нужно окрепнуть, отправиться в Страж и освободить мать.

Я кивнул.

— Ты получишь информацию после того, как мы ее освободим, — сказал он.

— Ха! Ты требуешь слишком многого!

— Не больше, чем делаю сам.

— Похоже, ты предлагаешь мне кота в мешке.

— Совершенно верно. Однако поверь, игра стоит свеч.

— А почему бы тебе не облегчить душу прямо сейчас, пока мы ждем твоего выздоровления?

— Нет, я все рассчитал. Я успею выздороветь за пару дней по календарю Амбера. Так что время терпит.

— Послушай, это похоже на какой-то ловкий трюк.

— Точно, трюк. Однако он выгоден как для Янтарного Королевства, так и для меня.

— Честно говоря, я не ожидал, что ты расскажешь что-то во вред себе.

Люк вздохнул:

— Может, этого будет достаточно, чтобы снять меня наконец с крючка?

— Ты хочешь отказаться от вражды?

— Не знаю, я много думал об этом... Но уж если идти таким путем, то лучше заложить хорошую основу.

— А если пойдешь другим, то, выходит, что сам себя и облажаешь, верно?

— Ну, переживу как-нибудь. Моя работа станет тяжелее, но не сказал бы, что непосильной.

— Да-а, положеньице... Если в Амбере узнают, что я тебя отпустил, мне не простят.

— Я никому не скажу.

— Ты забыл про Винту?

— Она же утверждает, будто главная задача ее жизни — охранять тебя. Между прочим, если ты вернешься в Арбор-Хауз, ее там не будет. А будет настоящая Винта, очнувшаяся от вынужденной спячки.

— С чего ты взял?

— Потому что она отправилась тебя искать.

— А знаешь, кто она на самом деле?

— Нет, но позднее поделюсь своими соображениями.

— Не сейчас?

— Сейчас я должен хорошенько выспаться, прийти в себя...

— Тогда давай повторим еще раз. Что ты собираешься делать, как ты это будешь делать и что ты обещал мне?

Люк зевнул:

— Я останусь здесь до тех пор, пока не приду в форму. Потом, когда буду готов атаковать Страж, свяжусь с тобой. Кстати, мои козыри все еще у тебя.

— Знаю. Продолжай. И как ты собираешься добраться до Стража?

— Пока еще обдумываю. Об этом я тебе тоже сообщу позднее. Захочешь ты помочь нам или нет, дело твое. Хотя я не прочь взять себе в помощь еще одного волшебника. Когда мы явимся туда и освободим мать, я скажу тебе то, что обещал, и ты сможешь сообщить об этом своим в Амбере.

— А что, если ты проиграешь?

Люк отвел глаза.

— Такой исход также возможен, — согласился он, помедлив. — Ладно, я напишу все на бумаге и возьму ее с собой. А после передам тебе записи с помощью карты или лично, перед атакой. Одержу я победу или проиграю, обещание, данное тебе, будет выполнено.

Люк протянул мне здоровую руку, и я пожал ее.

— Согласен.

— Тогда верни мне мои карты. Свяжусь с тобой, как только приду в норму.

Я заколебался, но все-таки вытащил колоду, которая значительно разбухла... Я вынул из нее свои карты, несколько карт Люка и подал ему остальные.

— А почему ты вернул не все мои? — спросил он.

— Хочу изучить их. Не возражаешь?

Он пожал плечами:

— Я могу сделать новые. Только верни карту моей матери.

— Вот, возьми.

Люк взял карту и сказал:

— Не знаю, что у тебя на уме, но хочу дать тебе добрый совет. Не суйся к Далту. Он не самый добрый парень на свете — даже когда у него мозги в норме, а сейчас с ним творится неладное. Держись от него подальше.

Я кивнул и поднялся со стула.

— Ты уходишь? — спросил Люк.

— Ухожу.

— Оставь мне лестницу.

— Она твоя.

— Что ты намерен сказать в Амбере?

— Пока ничего. Послушай, принести еды? Чтобы тебе лишний раз не напрягаться.

— Пожалуй, неплохая идея. И прихвати бутылочку вина.

Я пошел в кладовую и принес ему целый ящик с провиантом. А заодно приволок спальный мешок.

Я начал подниматься по лестнице и вдруг остановился.

— Ты же еще не решил точно, что тебе делать, — сказал я. — Верно?

Он улыбнулся:

— Не будь так уверен.

Я поднялся наверх и поглядел на здоровенный валун, прежде загораживавший вход. Раньше я думал ответить Люку услугой за услугу. Можно было бы загородить вход, потом вернуться, когда Люк поправится. Тогда он не сумел бы удрать. Но сейчас я отказался от этой идеи, и не только потому, что никто, кроме меня, не знал, что он здесь находится, и, случись что-нибудь со мной, он умер бы здесь. Я отказался от этой мысли главным образом потому, что Люк, находясь в заключении, не смог бы найти меня с помощью карты, когда будет в состоянии отправиться в Страж. Во всяком случае, я убедил себя в этом.

Я остановился, уперся руками в камень и подвинул его ближе ко входу.

— Мерль! Что ты делаешь? — донеслось снизу.

— Выбираю грузило для удочки.

— Послушай! Не валяй дурака!

Я засмеялся и подвинул камень еще ближе.

— Мерль!

— Я думал, ты хочешь, чтобы я притворил дверь — на случай дождя. Но она черт знает какая тяжелая!.. Ладно, бывай здоров и не нервничай.

Ничего, лишний адреналин в крови пойдет Люку на пользу.

Глава 8

Я отправился в то же укромное местечко, откуда принес лестницу, и вытащил одну из чистых карт.

Время бежало. Я выудил из кармана карандаш и обнаружил, что грифель сломался. Тогда, вынув из ножен шпагу, я нашел ей сугубо мирное применение.

Минуту спустя я, положив карту на плоский камень, стал рисовать свою комнату в Арбор-Хауз, пользуясь силой Логруса, влившейся в мою руку. Работать нужно было тщательно, сообщая рисунку ощущение того места. Окончив дело, я распрямился. Все получилось точно. Я сосредоточился и устремил пристальный взгляд на рисунок, дожидаясь, когда тот станет реальностью. Входя в комнату, я подумал, что следовало бы задать Люку один вопрос, но было уже поздно.

Деревья за окном отбрасывали тень к востоку, стало быть, день клонился к вечеру.

На застеленной кровати лежала записка, уголок которой кто-то засунул под край подушки, чтобы не сдуло ветром.

Я взял записку, одновременно сняв с нее маленькую голубую пуговицу, и прочитал по-английски: «Храни пуговицу в надежном месте, пока она тебе не понадобится, не носи ее с собой постоянно. Надеюсь, ты поступил правильно. Полагаю, скоро все выяснится. До встречи».

Подписи не было.

Я не мог оставить пуговицу на кровати и, завернув ее в записку, сунул в карман, потом бросил на руку плащ и вышел из комнаты. Задвижка была сорвана, и дверь осталась открытой настежь.

На несколько секунд я остановился и прислушался: никаких звуков — ни голосов, ни шагов. Уже почти спустившись с лестницы, я заметил Винту. Она сидела у окна за маленьким столиком, на котором стоял поднос, а на нем — бокал, бутылка вина, хлеб и сыр.

— Мерлин! — воскликнула девушка и слегка приподнялась. — Слуги сказали мне, что вы здесь, но я не смогла вас найти.

— Меня ненадолго отозвали, — ответил я, опускаясь с последней ступеньки. — Как вы себя чувствуете?

— Откуда вы... Что вам известно обо мне?

— Вероятно, вы не помните, что было с вами в последние несколько дней.

— Верно, — сказала она и указала на стул рядом с собой. — Садитесь, угощайтесь. Выпьете вина?

— С удовольствием, — кивнул я, заметив, что она пила белое.

Винта поднялась, подошла к буфету, открыла его и взяла второй бокал. Вернувшись к столу, наполнила его «Мочой Бейли» и поставила передо мной. Наверняка для себя они делали только хорошее вино.

— Что вы можете рассказать о моем провале памяти? Я была в Амбере — и вдруг очнулась здесь, причем несколько дней спустя.

— Понятно, — промолвил я, взяв крекер и кусок сыра. — Когда примерно вы очнулись?

— Сегодня утром.

— Не волнуйтесь. Такое не повторится.

— Но что это было?

— Нечто в воздухе, — туманно ответил я, потягивая вино.

— Похоже, это скорее магическое явление, чем грипп.

— А может, и то и другое. Никогда не знаешь, что может принести ветер из Царства Теней. Но каждый из моих знакомых, с которыми случалось подобное, теперь в полном порядке.

Винта нахмурила брови:

— Очень странно...

Я съел еще несколько крекеров и запил их вином. Для себя они действительно приберегли хорошее винцо.

— Совершенно не о чем волноваться, — повторил я.

Она улыбнулась и кивнула:

— Я верю вам. Однако как вы здесь оказались?

— Остановился на пути в Янтарное Королевство. Кстати, нельзя ли одолжить у вас лошадь?

— Пожалуйста, берите. А когда вы хотите уезжать?

— Как только получу лошадь.

Винта встала:

— Я не знала, что вы торопитесь. Идемте, я немедленно провожу вас в конюшню.

— Благодарю.

Я съел еще два крекера с сыром и допил вино. «Интересно, — мелькнула мысль, — рассеялся ли синий туман?»

Выбрав доброго скакуна и получив позволение вернуть его в конюшню Бейли в Амбере, я оседлал коня — славного серого жеребца по кличке Дымок. Потом я накинул на плечи плащ и пожал руку Винте.

— Спасибо за гостеприимство. Даже если вы о нем не помните.

— Ох, минутку! Поезжайте-ка вокруг дома к кухонной двери, выходящей во двор. Я дам вам флягу с водой и какую-нибудь еду на дорогу... Скажите, а за эти дни у нас случайно не было бешеного романа, который я запамятовала?

— Джентльмен о таких вещах умалчивает.

Она засмеялась и похлопала меня по плечу:

— Навестите меня как-нибудь в Амбере. Может, тогда восполним пробел в памяти?

Я приторочил к седлу мешок с овсом и повел Дымка из конюшни.

Винта направилась к дому, а я сел на коня и медленно поехал за ней. За мной увязались несколько собак. Сделав круг, я остановил коня, спешился возле кухонной двери и окинул взглядом патио. «Хорошо бы иметь такой дворик и пить в нем кофе по утром! — подумал я. — Или меня прельщает не столько дворик, сколько хозяйка?»

Чуть погодя дверь отворилась. Винта вышла и подала мне флягу и узелок с едой.

— Будьте любезны, скажите моему отцу, что я вернусь в Амбер через несколько дней.

— Охотно.

— Я только не знаю, зачем вы приезжали сюда, но если это касается политики или интриг, то и знать не хочу.

— Ну и хорошо, — согласился я.

— Слуга сообщил мне, что относил еду в комнату какому-то рыжему верзиле, который, по-видимому, был опасно ранен. Мне это тоже следует забыть?

— Пожалуй.

— Ладно, забуду. Но в один прекрасный день мне захочется поговорить об этой истории.

— Возможно, мне тоже. Поживем — увидим.

— Ну, счастливого пути!

— Спасибо. Надеюсь, путь действительно будет счастливым.

Я пожал Винте руку и сел на коня.

— Увидимся в Амбере, — промолвила она.

Я еще раз объехал вокруг дома и вновь оказался возле конюшни, а потом направился к тропе, которая вела в нужном мне направлении. Где-то залаяла собака, чуть погодя и другие псы присоединились к ней. Легкий южный ветерок погнал мимо меня сухие листья. Мне хотелось поскорее найти дорогу и ускакать далеко. Я искал одиночества, потому что именно в одиночестве мне легче думается, а сейчас многое надо было обдумать.

Я ехал на северо-запад минут десять, когда выбрался на тропу, которую мы с Винтой пересекали во время недавней прогулки. Теперь я взял курс на запад, вскоре оказался у перекрестка со столбом и поехал туда, куда указывала стрелка — на Амбер.

На бурой грунтовой дороге отпечатались следы колес многочисленных фургонов и повозок, по ее обе стороны тянулись коричнево-желтые поля; картину оживляли лишь редкие деревья. Далеко впереди виднелась полоска леса, которым мне предстояло ехать, а выше, на фоне неба, отчетливо вырисовывались очертания гор. Дымок шел неторопливой рысью, а я стал мысленно перебирать события последних дней.

Сомневаться в том, что у меня есть враг, не приходилось. Люк уверял, что больше не питает ко мне ненависти, но на этот раз я не слишком ему верил. И он, и Винта убеждали меня в том, что у него не было необходимости раненому являться за помощью именно ко мне. Он мог и без меня найти путь в хрустальную пещеру или какое-нибудь другое убежище. И с просьбой помочь ему освободить Джасру он тоже мог подождать. Я почти не сомневался, что Люк намерен поскорее наладить со мной отношения, ибо только я мог проложить ему дорожку в королевский дом Амбера, коль скоро Фортуна повернулась к нему спиной. Я подозревал, что он решил получить официальный статус в Амбере и что важная информация, которую он обещал дать, явится как бы знаком его дружеских чувств и одновременно условием сделки. Весьма сомнительно, что ему без моей помощи не спасти Джасру. Люк

прекрасно знает обстановку в Страже Четырех Миров; кроме того, он сам обладает известной магической силой и в его распоряжении банда наемников, которых он в состоянии с помощью карты переправить на место. Ему даже необязательно выигрывать битву; достаточно просто попасть в замок, схватить Джасру и умчаться.

Нет, я вовсе не нужен Люку ни для одной из решающих операций. Скорее всего он использует нашу встречу как отвлекающий маневр, рассчитывая на то, что, когда ситуация прояснится, мы в обмен на его информацию сделаем ему выгодное предложение. Я полагал также, что он предложит положить конец вендетте — ведь теперь в результате убийства Кейна честь семьи восстановлена. Известно, что камнем преткновения для Люка является Джасра. Я не знал, какой властью она над ним обладает, но, похоже, его информация будет содержать способ нейтрализовать ее. Если он скажет нам об этом тайно и инициатива будет исходить как бы от нас, то Люк сможет оправдаться перед Джасрой и купить мир с нами.

Сложная проблема. Мне предстояло изложить все это при дворе в наилучшем виде, чтобы меня не сочли предателем за то, что я отпустил противника. Нужно будет доказать, что игра стоила свеч, что мы в выигрыше.

Деревья вдоль дороги стали попадаться чаще, и до леса было уже недалеко. Я проехал по мосту, переброшенному через прозрачный поток; ласковое журчание воды долго звучало у меня в ушах. Слева раскинулись бурые поля, вдалеке темнели амбары и сараи, справа валялась телега со сломанной осью...

А вдруг я неверно понял Люка? Как бы мне все же прижать его и заставить выложить правду?

В мозгу у меня начала вырисовываться кое-какая идея. Не скажу, что гениальная, однако я решил все тщательно взвесить. Чтобы ее осуществить, придется рискнуть, причем действовать надо очень быстро.

Эта идея имела свои преимущества, и все же я пока ее отбросил и стал снова обдумывать сложившуюся ситуацию.

Итак, у меня есть враг. Но если это не Люк, то кто же? Вроде бы на эту роль больше всего подходит Джасра. Во время двух наших встреч она выразила свои чувства ко мне достаточно откровенно. Вполне вероятно, что именно Джасра наняла убийц, напавших на меня в Мертвом тупике. В таком случае она сидит в плену в Страже, а я временно в безопасности — разумеется, если она не успела дать задание еще каким-нибудь головорезам до того, как ее захватили. Хотя это, пожалуй, слишком. Стоит ли расходовать на меня такие средства? Ведь в ее плане отмщения я — лишь второстепенная фигура. Для которой четверых убийц вполне достаточно.

А что, если мой враг — не Джасра? Тогда мне по-прежнему грозит опасность. Волшебник в синей маске — очевидно, Шару Гаррул — направил на меня смерч... Приветствие менее дружелюбное, чем каскад цветов. Надо сказать, выдумка с цветами в квартире Флоры в Сан-Франциско была весьма оригинальна. Судя по всему, враг замышляет в отношении меня что-то весьма неординарное. Что он сказал мне тогда? Что-то вроде того, что наши интересы когда-нибудь столкнутся... Любопытно. Вполне возможно, так оно и будет.

Однако на самом ли деле убийц ко мне подослал именно Шару Гаррул? Хотя ему известна сила голубых камней — а именно голубая пуговица дала возможность наемным убийцам найти меня, — что-то здесь не стыковалось. Во-первых, наши интересы еще не сталкивались. Во-вторых, это не похоже на загадочного повелителя стихий, рассыпающего цветы. Может, я жестоко ошибаюсь, но дуэль волшебников мне представляется совсем иной.

Поля сменились пустошами, и вскоре я подъехал к лесу. На царство пестрых листьев начали опускаться сумерки. Лес был не такой древний и густой, как Арденский, на лесистых склонах гор виднелись прогалины и проплешины. Дорога была по-прежнему широкой и ровной. В тени стало прохладно, и я плотнее запахнул плащ. Хорошо бы все мои путешествия проходили так спокойно и приятно! Я не торопился. Мне надо было многое обдумать...

Хотелось бы побольше узнать о странном безымянном существе, которое на некоторое время приняло облик Винты. Какова ее подлинная сущность? Именно «ее» — что-то подсказывало мне, что в загадочном существе преобладает женское начало, хотя она принимала также облик Джорджа Хансена и Дэна Мартинеса. Может, потому что я спал с ней, когда она была в роли Мэг Девлин? Трудно сказать определенно. Гейл я знал довольно хорошо, да и утонувшая Дева Озера была явно не мужчиной...

Однако женского ли рода это существо или мужского — не главное. Надо решить вопрос поважнее. Кто она такая, почему преследует меня, почему утверждает, будто хочет защитить меня от опасности? И главный вопрос — от чего она собирается меня защищать? Я ценю ее заботу, однако хотелось бы знать мотивы... Определенно она имела в виду что-то конкретное, хотя не дала мне ни малейшего намека.

Намеревалась ли она в самом деле охранять меня от врага? Какого-то конкретного врага? Противника Винты?

Я попытался вспомнить все, что знал о ней. Да, есть какое-то странное существо, принимающее иногда образ клочка синего тумана. Она — я все же думаю, что это существо женского

пола — способна находить дорогу ко мне сквозь Тень. Она способна подчинить себе человеческое тело, полностью подавить его «я». Она обреталась возле меня несколько лет, а я и не подозревал о ее существовании. Ее первое воплощение из известных мне — Гейл, бывшая девушка Люка.

Но почему именно Гейл? Если ее задача — охранять меня, почему ей было не принять облик одной из моих возлюбленных? Например, Джулии? Но нет, она выбрала Гейл. Может, потому, что Люк был для меня опасен и она хотела контролировать его действия? И все же позволила Люку сделать несколько попыток убить меня и ускользнуть... К тому же моя загадочная защитница призналась, что ей известно про намерения Джасры расправиться со мной. Почему она тогда просто-напросто не предупредила их? Можно было, например, сбить Люка машиной и скрыться. И то же самое проделать с Джасрой. Она не боялась умертвить тело, облик которого приняла. Я дважды видел, как она это сделала.

А быть может, она знала, что им все-таки не удастся убить меня? Могла ли она предотвратить тот взрыв бомбы? А что, если все это лишь пустые домыслы, что, если я ошибаюсь? Необходимо докопаться до самой сути и устранить проблему. По крайней мере лишней щепетильностью моя защитница не обременена — ведь это она, не моргнув глазом, приказала убить напавших на меня людей в Мертвом тупике.

Так что же все это значит?

Тут у меня в голове сложились две версии. Во-первых, можно предположить, что Люк ей действительно нравится и она стремится нейтрализовать его, не убивая. Но в таком случае непонятно ее поведение в роли Мартинеса. Ведь тогда в Санта-Фе она стреляла в Люка... Ладно, есть и другая версия. Люк перестал быть для меня опасен, после того как бросил эту затею с тридцатым апреля, и моя защитница, видя, что мы подружились, решила не убивать его — тем более что он ей нравился. А тогда в Нью-Мексико случилось нечто, заставившее ее изменить свое решение. Что именно случилось, мне, разумеется, неизвестно. Она последовала за мной в Нью-Йорк, где приняла сначала облик Мэг Девлин, потом Джорджа Хансена. Люк в это время был вне игры, после того случая в горах он исчез. Он больше не угрожал мне, но она настойчиво повсюду следовала за мной. Значит, мне по-прежнему что-то грозит?

Как я ни ломал голову, вычислить, что именно мне угрожает, не удавалось. Может, я иду по ложному следу?

Моя защитница определенно не всеведущая. В Арбор-Хауз она заманила меня не только для того, чтобы удалить с места

драки, но главным образом с целью выкачать побольше информации.

Я мысленно вернулся назад, в дом Билла Рота. Какой первый вопрос мне был задан? В роли Джорджа Хансена она задала его как бы невзначай — а я солгал в ответ. Голос по телефону спрашивал о том же — тщетно. А когда мне задала его Мэг Девлин в постели, я ответил откровенно.

И вопрос этот был: «Как зовут твою мать?»

Когда я сказал ей, что мою мать зовут Дара, незнакомка наконец стала говорить со мной откровенно и предупредила, чтобы я опасался Люка. Мне показалось, что ей тогда хотелось сказать мне больше, но тут явился муж настоящей Мэг, и наш разговор преждевременно закончился...

К какой замочной скважине подходит этот ключик? Ей стало известно, что я из королевской семьи Владений Хаоса — о чем, кстати, она ни словом не обмолвилась. И это, по-видимому, сыграло какую-то важную роль — но вот какую?

Такое ощущение, что ответ у меня в руках, но я до тех пор не смогу понять его, пока не сформулирую верный вопрос.

Точка. Я зашел в тупик. Да, она знает о моем родстве с королевским домом Хаоса... И что с того? Она также прекрасно осведомлена о моих связях с Амбером — и это тоже никак не проясняет ситуацию.

Я решил вернуться к этому вопросу позднее, сейчас у меня и других забот хватало. Во всяком случае, теперь понятно, что у нее спрашивать при встрече — а в том, что мы встретимся, я ничуть не сомневался.

И тут мне пришло в голову, что если она и помогала мне в чем-то, то делала это незаметно для меня. Она дала мне довольно много информации, возможно правдивой, однако проверить ее нет возможности. От телефонного звонка и тайных манипуляций в Нью-Йорке до убийства в Мертвом тупике человека, который мог бы пролить свет на загадку, она была мне скорее помехой, чем помощницей. Вполне возможно, что она снова сунется ко мне — якобы с целью помочь — в самый неподходящий момент.

Поэтому, вместо того чтобы продумывать предстоящую беседу с Рэндомом, я битый час ломал голову над природой методики, которая дает возможность контролировать человека и принимать его облик. Я выделил несколько способов, затем, исходя из того, что я знал о таинственной незнакомке, сузил их число с помощью технических упражнений, которым научил меня мой дядя. Закончив эти упражнения, я стал размышлять о том, какие силы должны быть при этом задействованы.

Далее пришлось заняться подбором тональных колебаний —

дело в том, что использовать грубую силу хотя и эффектно, но крайне изнурительно, да и с точки зрения эстетики подобная операция оставляет желать лучшего. Поэтому я предпочитаю подготовиться технически.

Наконец мне удалось выстроить ключевые звуки и объединить их в заклинание. Сухай, конечно, сделал бы его короче, но для меня сейчас главное точность — если мои догадки верны. Будь я в спешке, такое длинное заклинание, пожалуй, вовремя и не выговоришь, однако спешки не было. Подумав, я добавил к трем скрепляющим его опорам еще и четвертую — для надежности.

Я вызвал Логрус, вплел свой язык в его вечно меняющийся узор, а затем медленно и внятно произнес заклинание, намеренно опустив четыре ключевых слова. Голос мой гулко прозвенел в тиши леса. Заклинание повисло перед глазами, словно бабочка из звука и света, запутавшаяся в паутине моего личного видения Логруса, которая исчезнет, как только я произнесу четыре пропущенных слова.

Я произнес заветные слова, и видение исчезло. Мой занемевший от напряжения язык расслабился. Да, теперь не только моя загадочная помощница будет в состоянии преподносить нежелательные сюрпризы.

Я придержал лошадь и выпил воды. Небо потемнело, лес снова зашумел. Я подумал, не связаться ли с Фионой или Блейзом, и о том, что поделывает Билл, вернувшись в город. Внезапно я почувствовал, что за мной кто-то следит — не холодный, пронзительный взгляд из карты, а просто на меня смотрели чьи-то внимательные глаза. Я вздрогнул. Долгие размышления об опасности не проходят без последствий...

Вынув клинок из ножен, я поехал дальше. Ночь еще только началась, а путь был долог.

Хотя я удвоил внимание, но так и не услышал и не увидел ничего подозрительного. Может, рассуждая о Джасре, Шару и даже Люке, я ошибался? Может, в эту минуту по моему следу едет банда убийц?

Время от времени я натягивал поводья и прислушивался, но вокруг царила полная тишина. Я вдруг явственно ощутил наличие голубой пуговицы у меня в кармане. Неужели она служит маяком для угрожающих сигналов какого-то мага? Мне не хотелось избавляться от нее, ведь она могла еще пригодиться. К тому же зачем от нее избавляться, если она уже пометила меня? Разумнее спрятать пуговицу в надежном месте, пока со временем ее метка не исчезнет.

Небо продолжало темнеть, на нем замигали звезды. Дымок замедлил шаг, но дорога по-прежнему была ровная и широкая, ее светлая полоса виднелась отчетливо, что страховало

нас с Дымком от неприятных неожиданностей. Откуда-то справа донесся крик совы, а мгновение спустя на ветке возник силуэт птицы. Вообще эта ночная прогулка была бы прекрасной, если бы я сам не создавал призраков и не заставлял их преследовать меня. Мне нравятся запахи осени, и очень хотелось сжечь в бивачном костре охапку сухих листьев, чтобы острее почувствовать эти запахи.

Воздух был чистый и прохладный. Тишину ночи нарушали лишь стук копыт да наше с Дымком дыхание. Вот пробежал мимо олень, затрещали ломающиеся ветки... и снова наступила тишина.

Чуть позднее мы проехали по узенькому, но прочному деревянному мосту, и тролли не потребовали от нас пошлины. Дорога пошла вверх, лошадь замедлила ход. Сквозь кружево ветвей на ясном небе сияли теперь мириады звезд. Лиственные деревья стали попадаться реже, их сменили хвойные — видно, мы поднялись довольно высоко над уровнем моря. Поднялся ветерок.

Я стал чаще останавливаться, чтобы перекусить, прислушаться и дать Дымку отдохнуть, но решил продолжать путь до восхода луны, а потом сделать привал и ехать дальше после восхода солнца.

Внезапно Фракир слегка запульсировала у меня на запястье. Конечно, чего в пути не бывает: может, мимо пробежала голодная лиса, пожалев, что она не медведь. И все же я остановился, приготовился к нападению, стараясь подавить волнение. Но ничего не случилось, предостережение не повторилось, и чуть погодя я поехал дальше.

Я вернулся к мысли, что необходимо хорошенько потрясти Люка и через него Джасру. Это еще нельзя было назвать планом, я не проработал детали, и в то же время соблазн был велик, так как в случае успеха я мог бы разом решить множество проблем... Досадно, что мне раньше не пришло в голову сделать карту для Билла Рота. Я вдруг понял, что надо поговорить с хорошим адвокатом, обсудить ряд вопросов, прежде чем приниматься за дело.

Чтобы рисовать карту, сейчас слишком темно, хотя... Нет, пожалуй, торопиться ни к чему. Мне просто хотелось побеседовать с лицом незаинтересованным.

В течение следующего часа Фракир вела себя спокойно. Мы ехали по пологому спуску; лес здесь был гуще, пахло смолистой сосной. Я размышлял о магах и цветах, о Призрачном Колесе и его проблемах, о таинственной незнакомке, которая недавно принимала облик Винты. Да, перебирая в памяти события прошедших дней, я задавал себе немало вопросов...

Когда сквозь ветви деревьев пробился лунный свет, я, проехав еще четверть часа, решил, что пора остановиться на ночлег. У следующего ручья я напоил коня и свернул с дороги, чтобы найти удобное местечко для привала. Однако подходящее место, маленькую полянку, я нашел, проехав чуть дальше в глубь леса. Я спешился, расседлал Дымка, привязал его, накрыл попоной и дал ему овса. Потом, срезав клинком траву, вырыл ямку и сложил в нее сучья для костра и пару охапок сухих листьев. Возиться со спичками было лень, и я развел огонь с помощью заклинания.

Наконец, усевшись на плащ, я снял сапоги, положил рядом шпагу, прислонился спиной к дереву, съел бутерброд с сыром, запил его водой... Мышцы тела начали расслабляться, запах костра вызывал ностальгические воспоминания... Я поджарил на углях еще один бутерброд.

И долгое время так сидел — ни о чем не думая, ощущая легкую, даже приятную усталость в руках и ногах. Я хотел собрать хвороста, но, в сущности, кому он нужен? Сейчас вовсе не холодно, просто с костром веселее.

И все же я заставил себя подняться, вошел в лес, внимательно оглядывая местность, — и вдруг замер, заметив довольно далеко от себя к северо-востоку мигающий огонек. Что это? Еще один костер? Блики лунного света на воде? Факел?

Огонек быстро исчез и больше не появлялся.

Я посмотрел по сторонам, сделал несколько шагов в том направлении, однако решил не бегать за блуждающим огоньком, не бродить вокруг да около. И вернулся к своему костру. Огонь уже угасал. Я решил дать костру догореть, поплотнее запахнул плащ и, прислушиваясь к завыванию ветра, мгновенно заснул.

Не знаю, долго ли я спал — сладко, без сновидений. Проснулся же я от отчаянной пульсации Фракир. Чуть приоткрыв глаза и стараясь стряхнуть сон, я нашарил эфес шпаги, продолжая дышать, как спящий, ровно и глубоко.

Разгулявшийся ветер раздул угли костра, они запылали янтарем. Вокруг не было ни души. Я изо всех сил напряг слух — и ничего не услышал, кроме завывания ветра и потрескивания костра.

Глупо вскакивать на ноги и занимать оборонительную позицию, не зная, с какой стороны надвигается опасность — так можно стать мишенью для врагов. Мой плащ висел на низких ветках дерева у меня за спиной, и подкрасться ко мне сзади, даже очень тихо, врагу будет трудно; стало быть, на меня вряд ли нападут с той стороны.

Я повернул голову и посмотрел на Дымка, который вел себя беспокойно. Фракир снова запульсировала на запястье, и я велел ей угомониться.

Конь прядал ушами и мотал головой, раздувая ноздри. Я обратил внимание на то, что он смотрит вправо. Потом Дымок начал двигаться в этом направлении; длинная веревка, которой он был привязан, змеей вилась позади него.

Тут я услышал какой-то звук справа. Звук мгновенно исчез, будто его и не было, но через какое-то время повторился. Трещали ломающиеся ветки.

Я оглядел окружающие деревья и кусты, решил дать возможность прятавшемуся подойти поближе и, не вызывая Логрус, приготовился к магической атаке. Судя по поведению Дымка и по звукам, которые мне удалось расслышать, я определил, что неизвестный был один. Я принял решение пустить в ход наступательные и оборонительные заклинания, в том числе и направленное против опекающего меня существа. Однако для того, чтобы выстроить в боевой порядок серьезные силы, требуется работать несколько дней в полном одиночестве. После этого их можно призвать на помощь в одну секунду и они будут действовать по моему желанию примерно в течение недели, иногда больше, иногда меньше в зависимости от вложенной энергии и магического климата каждой конкретной Тени. Проблема в том, что нужно заранее знать, когда тебе понадобится подмога. Конечно, хороший волшебник в любое время должен иметь при себе заготовленные заклинания — одно для атаки, одно для защиты и одно для бегства. Но я ленив, кроме того, не люблю слишком легких путей, да и не требовалось мне до последнего времени ничего подобного. А в последние дни я был ужасно занят.

Для того чтобы вызвать Логрус, нужно затратить много физических сил. Пусть этот неизвестный подойдет поближе, вот и все; его встретят холодная сталь и моя ленточка-удавка.

Вот он совсем рядом... Слегка зашуршали иголки сосенок... Сделай еще несколько шагов, подойди поближе, враг.

Он остановился. До меня доносилось его ровное глубокое дыхание.

— Ты уже понял, что я здесь, маг, — послышался шепот, — у каждого из нас есть любимые фокусы, и мне известны твои.

— Кто ты? — спросил я и, сжав шпагу, прокатился по земле в темноту к углублению между корнями, причем острие моего клинка прочертило небольшой круг.

— Я — твой враг, — был ответ, — которого ты не ждал.

Глава 9

Сила.

Хорошо помню тот день: я стоял на скалистой возвышенности, а Фиона в бледно-лиловом платье с серебряным поясом — чуть выше, справа от меня. Держа в правой руке серебряное зеркало, она смотрела вниз, где окутанное легкой дымкой возвышалось огромное дерево. Вокруг царила такая тишина, что слышно было даже наше дыхание. Верхушку дерева скрывал густой туман, позади его ствола тоже стеной стоял плотный туман и благодаря просачивающемуся сверху свету дерево четко вырисовывалось на его фоне. По земле вблизи корней дерева змеилась ярко светящаяся линия, исчезавшая в тумане. А далеко слева от меня светилась с такой же силой, возникая из тумана и исчезая в нем, короткая дугообразная черта.

— В чем дело, Фиона? — спросил я. — Зачем ты меня сюда привела?

— Ты слышал про это место; я хотела, чтобы ты увидел его.

Я покачал головой:

— Никогда не слышал о нем. Понятия не имею, что это такое.

— Иди за мной, — предложила она и начала спускаться по камням.

Мы остановились неподалеку от удивительного дерева. В нем было что-то знакомое, но что именно, я припомнить не мог.

— Ты слышал о нем от своего отца, — сказала Фиона, помедлив. — Корвин часами рассказывал тебе историю своей жизни; не может быть, чтобы он опустил столь важную ее часть.

Что-то стало смутно вырисовываться в моей памяти.

— Это дерево... — произнес я.

— В ознаменование строительства нового Огненного Пути Корвин воткнул здесь свой посох. Он оказался живым и пустил корни.

Мне показалось, что земля слегка дрожит.

Фиона повернулась спиной к дереву и подняла зеркало так, что могла видеть отражение дерева поверх правого плеча.

— Да, так оно и есть, — промолвила она после небольшой паузы, затем протянула мне зеркало. — Погляди в него так же, как смотрела я.

Я взял зеркало и повторил ее действия.

Вид, открывшийся в зеркале, был вовсе не похож на тот, что я наблюдал невооруженным глазом. Теперь я отчетливо видел сквозь туман. Светящаяся линия извивалась по земле,

образуя сложный узор, но дальше она исчезала в толще тумана; там видны были лишь горевшие как звезды огоньки.

— На Огненный Путь Амбера не похоже, — заметил я.

— Верно, — кивнула Фиона. — А на Логрус?

— Нет, Логрус постоянно меняется. Он более угловатый, а в этом Пути округлые изгибы и повороты.

Несколько секунд я продолжал смотреть, потом вернул зеркало тете.

— Любопытное зеркало, — сказал я.

— Все гораздо сложнее, чем ты думаешь, — заявила Фиона. — Дело здесь не только в тумане. Погляди-ка!

Она подошла к началу Пути возле большого дерева и попыталась поставить ногу на огненную линию. Но не успела она дотронуться до нее, как раздался треск электрического разряда и в подошву туфли Фионы ударила искра.

— Он не пускает меня, я не могу поставить на него ногу. Попробуй ты.

Во взгляде тетушки я прочел нечто такое, что мне не понравилось.

— Почему твое зеркало не может проникнуть в самый центр Пути?

— В глубине сопротивление становится сильнее, — ответила она, — но почему — это мне неизвестно.

Помедлив, я спросил:

— А кто-нибудь, кроме тебя, пытался пройти этим Путем?

— Я приводила сюда Блейза. Путь не принял и его.

— Значит, кроме тебя, только Блейз побывал здесь?

— Нет, Рэндома я тоже приводила. Но он отказался попробовать. Сказал, что пока не хочет.

— Может, из осторожности... А был ли тогда при нем Судный Камень?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, из любопытства.

— Попробуй ты. Может, у тебя получится?

— Ладно.

Я поднял правую ногу и стал осторожно опускать ее на огненную линию. Примерно в футе от нее нога остановилась.

— Что-то мешает мне наступить на нее, — сказал я.

— Странно, электрической вспышки на этот раз не было.

— Слабое утешение, — усмехнулся я и попытался опустить ногу хоть на несколько дюймов ниже, но в конце концов, вздохнув, признался: — Ничего у меня не получается, Фи!

Она разочарованно посмотрела на меня:

— А я-то надеялась, что кто-нибудь, кроме Корвина, может пройти по нему. Уж, казалось, прежде всего это должно быть доступно его сыну.

— А почему так важно, чтобы кто-нибудь мог пройти по нему? Только потому, что Путь здесь есть?

— Потому что он представляет собой опасность. Его непременно нужно изучить.

— Опасность? Какую?

— Амбер и Хаос — два полюса обитания, по крайней мере по нашему представлению. В них есть Огненный Путь и Логрус. Веками между ними существовало своего рода равновесие. А теперь, я полагаю, незаконнорожденный Путь твоего отца это равновесие нарушает.

— Каким образом?

— Между Янтарным Королевством и Владениями Хаоса всегда существовал волновой обмен. Похоже, что новый путь — помеха для этой связи.

— Скорее лишний кубик льда в бокале, — возразил я. — Думаю, со временем все образуется.

Фиона покачала головой:

— Ошибаешься. Помехи усиливаются. Теневые бури учащаются. Они рвут саму материю Теней, влияют на характер реальности.

— Не сходится, — возразил я. — Помимо этого Пути, существуют более серьезные факторы. Изначальный Огненный Путь в Амбере был поврежден, и Оберон его восстановил. Волна Хаоса обрушилась на Тени. Но Путь выдержал, и все вернулось в свою колею. Я склонен думать, что частые Теневые бури — последствия тех событий.

— Веский аргумент, — согласилась Фиона. — Но вдруг ты все же ошибаешься?

— Вряд ли.

— Мерль, в этом Пути сосредоточена какая-то сила, огромная сила!

— Не сомневаюсь.

— Нас всегда привлекала сила, мы пытались понять ее, овладеть ею. Потому что в один прекрасный день она может стать для нас угрозой. Говорил ли тебе Корвин, что это за сила и как мы можем взять ее под контроль?

— Нет, — ответил я, — ничего, кроме того, что он создал ее второпях, желая заменить старую. Отец боялся, что Оберон не сумеет починить старый Огненный Путь.

— Если бы мы могли найти его!

— До сих пор никаких известий?

— Дроппа уверяет, что видел Корвина на теневой Земле, которую вы оба так любите. Он сказал, что тот был в общест-

ве красивой женщины, они потягивали вино и слушали музыку. Дроппа приветственно помахал рукой и стал пробираться к ним сквозь толпу. Ему показалось, что Корвин заметил его. Но когда он подошел к их столику, они уже исчезли.

— И это все?

— Все.

— Негусто.

— Знаю. И только один Корвин может пройти по этому проклятому Пути!.. Если Путь в самом деле опасен, когда-нибудь случится беда.

— Похоже, ты у нас паникерша, тетушка!

— Надеюсь, ты прав, Мерль... Идем, пора домой.

Я еще раз внимательно огляделся, стараясь запомнить все детали и ощущения — я хотел нарисовать карту, чтобы попасть сюда. Я ведь уклонился от истины — на самом деле, опуская ногу на огненную линию, никакого сопротивления я не испытывал. Но, стоит ступить на Огненный Путь или внутрь Логруса, обратного пути не будет. Надо идти до конца — или будешь уничтожен. А при всей моей любви к таинственному переменка заканчивалась, пора было возвращаться на занятия.

Сила.

Мы охотились на зинда в лесу Черной зоны — района Тени, ведущего торговлю с Хаосом. Вообще-то я не люблю охоту, мне не по душе убивать без нужды живые существа. Зинд — рогатый черный коротконогий хищник, коварный и свирепый. Но охоту затеял Джарт, и, так как это, пожалуй, был единственный шанс помириться с братом перед моим отъездом, я согласился принять в ней участие. Никто из нас не отличался особой меткостью, а зинд ловок и быстроног. Я решил, что, даже если нам не повезет и мы не подстрелим ни одного зинда, у нас будет повод поговорить и к концу охоты наши отношения улучшатся.

Во время охоты, когда мы, потеряв след, сели отдохнуть, завязался разговор об искусстве стрельбы из арбалета, о придворных интригах, о Царстве Теней и о погоде. В последнее время Джарт был со мной весьма вежлив, и я посчитал это добрым знаком. Его отрубленное левое ухо закрывали длинные волосы. Уши восстанавливать очень трудно. Мы не вспоминали ни ту злополучную дуэль, ни ее причину. Пути наши должны были скоро разойтись навсегда, и, как мне казалось, брат желал завершить эту главу своей жизни по-дружески, чтобы мы оба вспоминали наши встречи с теплым чувством. Но я был прав лишь наполовину.

Позднее, когда мы остановились, чтобы перекусить, он спросил меня:

— Ну, и каково ее ощущать?

— Что ощущать?

— Силу, — ответил он, — силу Логруса: повелевать Тенями, распоряжаться магией на порядок выше обычного...

Мне не хотелось вдаваться в подробности. Я знал, что он трижды пытался пройти Логрус и каждый раз, заглянув внутрь, отказывался от этой идеи. Быть может, его останавливали воспоминания об ошибках Сухая. Думаю, Джарт не подозревал, что мне известно о его последних двух попытках. Я решил сделать вид, будто ничего не знаю.

— Да ничего особого и не чувствуется. По крайней мере, до тех пор, пока не прибегаешь к помощи этой силы. А ощущение, которое испытываешь в тот момент, объяснить трудно.

— Я сам собираюсь скоро пройти Логрус, — признался он. — Хочется побродить по Царству Теней, может, даже найти где-нибудь королевство для себя. Не можешь ли ты мне что-нибудь посоветовать?

Я кивнул:

— Не оглядывайся, не останавливайся, чтобы поразмыслить, продолжай идти вперед.

Джарт засмеялся:

— Похоже на приказ.

— Думаю, сходство есть.

Он снова засмеялся.

— Идем, подстрелим зинда!

След хищника уводил в густую чащу, где землю устилали сломанные ветки. Мы слышали, как они хрустят под ногами зинда, как он мчится, ломая кусты, но увидеть его нам так и не удалось. Я шел впереди, и вдруг Фракир крепко сжала мое запястье, потом раскрутилась и упала на землю.

Я наклонился, чтобы поднять ее, и в тот же миг услышал свист над головой. В ствол дерева передо мной вонзилась стрела — на такой высоте, что, если бы я не нагнулся, она вошла бы мне в спину.

Я резко повернулся к Джарту — он прилаживал другую стрелу.

— Не оглядывайся! Не останавливайся, чтобы поразмыслить! Продолжай идти! — воскликнул он и захохотал.

Я нырнул по направлению к нему как раз в тот момент, когда он поднял свое оружие. Более опытный стрелок убил бы меня. Увидев, что я метнулся навстречу, брат в панике пустил стрелу наугад, и она лишь задела мой кожаный жилет, не причинив особого вреда.

Я ударил его под колени, и он упал, потом выхватил свой охотничий нож и взмахнул им, словно хотел перерезать мне горло. Я схватил левой рукой запястье Джарта, он рывком отбросил меня назад. Тогда я правой ударил его в лицо, продолжая удерживать руку с зажатым в ней ножом, а он ударил меня коленом в пах.

Я повернулся на бок, чтобы не дать противнику снова нанести мне удар в пах, и откатился в сторону, выигрывая секунду передышки. Брат же откатился в другую...

И тут раздался его отчаянный вопль.

Я встал на колени и увидел, что Джарт лежит на левом боку, а нож валяется на земле среди опавших листьев в нескольких дюймах от него. Он держался за лицо обеими руками и выл по-звериному.

Я осторожно приблизился. Фракир напряглась, готовая обвить горло противника, если он опять выкинет какой-нибудь финт.

Но он лишь продолжал выть. Подойдя ближе, я увидел, что валявшийся на земле сучок воткнулся ему в глаз. По его щеке и по носу текла кровь.

— Не дергайся, будет только хуже! — крикнул я. — Дай я вытащу его из глаза.

— Не трогай меня своими погаными руками! — выкрикнул Джарт.

Сжав зубы, он со страшной гримасой схватил сучок и отдернул голову назад. Я отвел взгляд.

Мгновение спустя брат жалобно захныкал — а потом потерял сознание. Я разорвал рукав своей рубашки на полосы, свернул одну полоску в тампон и приложил его к раненому глазу, а из другой полоски сделал повязку.

Фракир вернулась ко мне на запястье.

Потом я достал карту, которая доставит нас домой, и сжал ее в руке. Да, боюсь, матушке вся эта история придется не по нраву.

Сила.

Это было в субботу. С утра мы с Люком полетали на дельтапланах, затем пригласили Джулию и Гейл на ленч, после чего взяли «Звездное сияние» и на несколько часов вышли в море. Ужинали в гриль-баре на берегу. Пока нам готовили мясо, мы с Люком занялись армрестлингом, условившись, что проигравший платит за напитки. В результате Люк прижал мою руку к столу. Пришлось мне покупать на всех пива.

Кто-то за соседним столом сказал:

— Если бы у меня был миллион долларов, свободный от налогов, я бы...

Джулия засмеялась.

— Чему ты смеешься? — спросил я.

— Неслабое у него желание, — ответила она. — А вот я хотела бы шкаф, битком набитый модными платьями, и драгоценности к ним. И чтобы шкаф этот стоял в красивом доме в престижном районе, где я была бы важной персоной...

Люк улыбнулся:

— Так, от денег к власти...

— Может, ты и прав, — согласилась она, — а какая, собственно говоря, разница?

— На деньги покупают вещи, — ответил Люк, — а власть не только дает деньги и вещи, но и делает историю. Так что, если у тебя есть выбор, выбирай власть.

Привычная слабая улыбка исчезла с лица Гейл, глаза ее стали серьезными.

— Разве власть — самоцель?

Джулия засмеялась:

— Что плохого в том, чтобы иметь немного власти? По-моему, это довольно приятно.

— Пока ты не получаешь много власти, — заметил Люк.

— Тогда и мыслить придется масштабно, — сказала Джулия.

— Не согласна, — заявила Гейл. — Для человека прежде всего долг.

Люк внимательно посмотрел на нее и кивнул.

— Ох, давайте оставим вопросы морали, — протянула Джулия.

— Нет, не оставим, — отрезал Люк.

— Я не согласна с тобой.

Люк пожал плечами.

— Она права, — внезапно промолвила Гейл. — Я не считаю, что долг и мораль — одно и то же.

— Когда у тебя есть долг, — сказал Люк, — есть определенные обязанности — к примеру дело чести, это и должно стать твоей моралью.

Джулия взглянула на Люка, потом на Гейл.

— Выходит, мы пришли к единому мнению?

— Нет, — покачал головой Люк, — не думаю.

Гейл пригубила бокал.

— Ты говоришь о личном кодексе чести, как ты его понимаешь; это не имеет ничего общего с общепринятыми, расхожими представлениями о морали.

— Верно, — согласился Люк.

— Тогда это не мораль в чистом виде, а только долг, — возразила она.

— Но долг и есть мораль, — настаивал Люк.

— Мораль есть ценность цивилизации, — сказала Гейл.

— Понятие «цивилизация» условно, это искусство жить в больших городах.

— Ну хорошо, тогда — культурная ценность, — кивнула Гейл.

— Культурные ценности — также вещь относительная, — улыбнулся Люк. — Мои, например, подтверждают мою правоту.

— А откуда они взялись, твои ценности? — поинтересовалась Гейл, внимательно глядя на него.

— Давай придерживаться чисто философских категорий, — предложил он.

— Тогда, может, вернемся к долгу?

— А куда подевалась власть? — спросила Джулия.

— Да здесь она где-то, — улыбнулся я.

Гейл сидела с озадаченным видом, будто в нашей дискуссии возникло что-то новое, способное дать мысли иной поворот.

— Если долг и мораль — две разные вещи, — медленно произнесла она, — какой из них вы отдадите предпочтение?

— Никакой, потому что это одно и то же, — ответил Люк.

— Я так не думаю, — вмешалась Джулия. — У тебя получается, что долг — это что-то очень конкретное, а что нравственно, что нет — ты решаешь сам. Если бы мне пришлось выбирать, я выбрала бы мораль.

— Что до меня, так я предпочитаю конкретные вещи, — сказала Гейл.

Люк допил пиво и слегка рыгнул.

— Чушь все это! Хватит вам философствовать, уик-энд не для того. Давай-ка лучше попробуем еще разок, Мерль!..

Я поставил левый локоть на стол и раскрыл ладонь. Мы начали меряться силой, напряжение возрастало.

— Я прав, не так ли? — процедил он сквозь сжатые зубы.

— Да, ты прав, — ответил я и прижал его руку к столу.

Сила.

Я вынул корреспонденцию из почтового ящика и отнес ее наверх в свою квартиру. Там было два счета, несколько рекламных писем и пухлая бандероль без обратного адреса.

Я запер за собой дверь, сунул ключи в карман, швырнул кейс на стул и собирался сесть на диван, когда в кухне зазвонил телефон.

Бросив почту на кофейный столик, я пошел на кухню. И тут у меня за спиной рванул взрыв. Я машинально нырнул вперед, ударившись головой о ножку кухонного стола, и в общем-то не пострадал. Тем временем телефон смолк. Я уже тогда знал, что есть более простые способы избавляться от ненужной почты, но долго еще ломал голову над тем, кто же мне звонил.

Иногда я вспоминаю про первую попытку: грузовик, мчавшийся прямо на меня. Перед тем как отпрянуть в сторону, я успел взглянуть на лицо шофера — ничего не выражающее, застывшее, мертвое, словно он был загипнотизирован, одурел от наркотиков или спятил. А еще вспоминается ночь, когда на меня напали грабители. Они набросились на меня, не говоря ни слова. Я отбился от них и пошел прочь. Уходя, я оглянулся и увидел мельком темную фигуру, скользнувшую в дверь дома напротив. Посторонний наблюдатель или один из нападавших, которому посчастливилось улизнуть? Я был встревожен. Если бы я вернулся, а этот человек оказался бы всего лишь случайным прохожим, он мог бы стать свидетелем, способным описать меня полиции. Да, разумеется, мои действия вполне укладывались в рамки самообороны, но кому нужна лишняя шумиха? И я, послав мысленно его ко всем чертям, зашагал дальше. Вот вам еще один случай из серии тридцатых апреля.

Затем день ружья. Я быстро шел по улице, как вдруг прогремели два выстрела. Стрелявший промазал, но я осознал, что происходит, лишь когда на меня посыпались обломки кирпича здания слева от меня. Третьего выстрела не последовало, но из дома на противоположной стороне улицы послышался глухой стук и звон разбитого стекла. Одно окно на третьем этаже было широко распахнуто.

Я поспешил туда. Старый жилой дом, входная дверь его оказалась запертой, но мне было не до соблюдения этикета, и я взбежал по лестнице на третий этаж. Нашел, как мне показалось, нужную квартиру и решил для разнообразия попробовать открыть ее старым добрым способом: просто повернул ручку и толкнул. К моему удивлению, получилось, дверь была не заперта.

Еще с порога я увидел, что квартира пуста, что в ней даже нет мебели. По-видимому, никто здесь не жил. Может, я ошибся, не туда вошел? Однако, заметив широко раскрытое окно и лежавший на полу предмет, я вошел и закрыл за собой дверь.

В углу лежало сломанное ружье. Оглядев приклад, я понял, что его с силой швырнули; ударившись о радиатор, оно от-

скочило в угол. Потом я заметил на полу кое-что еще, влажное и красное, всего несколько капель.

Я быстро осмотрел небольшую квартиру. Окно в спальне было тоже открыто, и мимо него тянулась пожарная лестница. Я решил, что мне следует воспользоваться ею и удалиться. На черном металле также обнаружилось несколько капель крови. Внизу, на улице, никого не было видно.

Сила.

Чтобы убивать. Чтобы оберегать.

Люк? Джасра? Гейл? Кто из них замешан?

Я вспомнил, что в то утро, когда оказалась открытой газовая горелка, мне тоже звонили. Желая предупредить меня об опасности?

Каждый раз, обдумывая эти события, я воспринимал их по-разному. Каждый раз обнаруживал новые моменты. Если верить Люку и псевдо-Винте, эпизоды последних тридцатых апреля не представляли для меня опасности. Но, по моему мнению, каждый раз мне грозила смерть. И кого я должен был винить? Преступника? Или избавителя, спасавшего меня в последнюю секунду? Кто же этот таинственный убийца и кто избавитель?

Помню странную историю, приключившуюся с моим отцом, злополучную автомобильную катастрофу, как в фильме «Прошлым летом в Мариенбаде», хотя тот случай объяснялся значительно проще, чем мои злоключения. По крайней мере, отец знал, что надо было делать. Неужели мне в наследство досталось фамильное проклятие — один заговор за другим?

Сила.

Я вспомнил последний урок дяди Сухая. Когда я закончил Логрус, он стал заниматься со мной дополнительно. Пришло время, и я решил, что овладел Искусством полностью, оставалось лишь оттачивать мастерство. Я начал готовиться к путешествию на Теневую Землю. И тут в одно прекрасное утро Сухай послал за мной. Я подумал, что он хочет попрощаться и дать напоследок парочку добрых советов.

К тому времени он уже поседел, сгорбился и иногда даже ходил с палкой. На нем была желтая блуза — скорее рабочая одежда, чем выходная.

— Ты готов совершить небольшое путешествие? — спросил он.

— Вообще-то я собираюсь отправиться в большое путешествие, — ответил я. — И почти готов к отъезду.

— Нет, я имею в виду кое-какую прогулку.

— Прямо сейчас?

— Идем, — приказал он.

Я отправился за ним, и Тени расступились перед нами. Мы пронеслись сквозь сумрак и холод и опустились там, где не было никаких признаков жизни. Вокруг высились голые темные скалы, освещенные холодным тусклым светом древнего солнца. Я огляделся и вздрогнул.

Я ждал долго, не понимая, зачем дядюшка привел меня сюда, а он продолжал молчать, созерцая мрачный ландшафт.

— Я показал тебе дороги Царства Теней, — медленно произнес Сухай наконец, — и научил Искусству заклинаний!

Я не ответил, да его слова и не требовали ответа.

— Итак, ты теперь знаешь кое-что о путях Силы и Могущества, — продолжал он. — Ты получил эти знания, овладев символом Хаоса — Логрусом, и они тебе пригодятся.

Дядя посмотрел на меня пытливо, и я ответил ему кивком.

— Знаю. Те, кто прошел по Огненному Пути, символу Порядка, в состоянии сделать то же самое, а быть может, и большее, — продолжал он, — хотя точно мне это неизвестно, потому что я не принадлежу к их числу. Сомневаюсь, что человек способен выдержать груз познания обеих этих структур. Ведь Огненный Путь излучает силу, диаметрально противоположную нашей.

— Понимаю, — сказал я, видя, что он ожидает моего ответа.

— Однако у тебя есть способность, которой лишены обитатели Амбера. Смотри!

Последнее слово не означало, что я должен просто наблюдать за его действиями. Он хотел, чтобы я вызвал силы Логруса и следил за происходящим на более глубоком уровне. Так я и сделал.

Сухай прислонил свой посох к камню и вытянул вперед обе руки. Затем удлинил их, соединил костлявые пальцы и дотронулся до лежащего поодаль на склоне валуна.

— Теперь ты тоже входи в Логрус, — приказал он мне, — но ничего не предпринимай. Просто смотри на то, что я делаю. Не вздумай вмешиваться!

— Хорошо, — ответил я.

Я ввел руки в свое зрение и после некоторых усилий нащупал гармонию.

— Молодец, — похвалил меня дядя. — Тебе остается только внимательно наблюдать.

Я чувствовал, как пульсируют мои руки, но к тому, что последовало за этим, все же оказался не готов.

Возникший передо мной облик Логруса вдруг потемнел и превратился в огромную чернильную кляксу. Меня охватило ошеломляющее ощущение разрушительной силы, угрожающей раздавить меня, перенести в блаженное небытие Хаоса. Какая-то часть моего «я» жаждала этого, в то время как остальная часть с немым воплем молила о покое. Но Сухай продолжал контролировать феномен, и я лишь наблюдал за его действиями.

Валун слился с огромной кляксой и исчез. При этом не было никакого взрыва, лишь ощущение ледяного ветра и какофония звуков. Затем дядя медленно развел руки в стороны, и темно-лиловое пятно разделилось, поползло в противоположные стороны Хаоса, оставляя за собой кипящий черный шлейф, в котором различалось несоединимое — небытие и деяние.

Вдруг дядюшка застыл, остановив движение пятна, и несколько мгновений мы стояли молча. Потом он произнес:

— Я мог бы просто отпустить — или задать некое направление и толкнуть.

— А что будет дальше? Оно поплывет дальше и разрушит всю Тень?

— Нет, — ответил Сухай, — есть ограничивающие факторы. По мере разрастания Хаоса Порядок начинает оказывать ему сопротивление. И наступает момент равновесия.

— А если бы ты вложил больше энергии?

— Действуя неосторожно, можно причинить большой вред.

— А если мы соединим наши усилия?

— То причиним еще больший вред. Но я хотел научить тебя не этому. Теперь я буду безучастным, а ты контролируй ситуацию.

Итак, я взял на себя Логрус и соединил линию разрыва в гигантское кольцо, будто начертал темный ров с водой.

— Теперь изгони это, — велел Сухай.

Я повиновался, но ветер продолжал бушевать, грохот не стихал, и я не мог ничего различить. Казалось, со всех сторон на нас медленно надвигалась темная стена.

— Совершенно очевидно, что баланс еще не достигнут, — сказал я.

Дядюшка усмехнулся:

— Ты прав. Ты превысил критическую дозу, и ситуация вышла из-под контроля.

— И какое время потребуется природным ограничениям, о которых ты говорил, чтобы восстановить равновесие?

— Это произойдет после того, как все вокруг будет полностью уничтожено, включая место, где мы стоим.

— Интересно. И какова же критическая масса?

— Я покажу ее тебе. Но сначала нам следует найти другое место. То, где мы стоим, прекратит свое существование. Дай руку.

Я подал ему руку, и Сухай перенес меня в другую Тень. Здесь он предоставил мне самому вызвать силы Хаоса и привести их в действие и лишь наблюдал за мной. На этот раз я не дал им выйти из-под контроля.

Когда я закончил эксперимент и стоял, потрясенный, уставясь на созданный мной кратер, дядя положил руку мне на плечо и произнес:

— Теоретически ты знал, что за твоими заклинаниями стоит абсолютная сила. Сила Хаоса. Работать с ней крайне опасно. И все же, как ты видел, ее можно контролировать. На этом мы закончим. Твое обучение завершено.

Впечатление было не просто мощное; оно наводило ужас, словно я, практикуясь в стендовой стрельбе, использовал ядерные ракеты. По правде говоря, я даже представить не мог обстоятельств, которые принудили бы меня обратиться к абсолютной силе Хаоса — до встречи с Виктором Мелманом.

Сила — во всех ее видах, вариациях, размерах и формах — всегда привлекала меня. Она занимает в моей жизни столь большое место, что стала мне близка и дорога, хотя я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу понять ее до конца.

Глава 10

— Пора, — сказал я тому, кто скрывался в темноте.

В ответ мне раздался дикий рев.

«Что это за зверь?» — подумал я и решил, что сейчас последует атака.

Однако ничего подобного не случилось. Рев замер, его шепот:

— Трепещи!

— Сам трепещи, — ответил я, — пока жив.

Послышалось тяжелое дыхание. За моей спиной заплясало пламя костра. Дымок приблизился ко мне, насколько позволяла привязь.

— Я мог убить тебя, пока ты спал, — медленно произнес мой противник.

— И дурак, что не убил, — ответил я. — Еще пожалеешь об этом.

— Хочу взглянуть тебе в лицо, Мерль, — прошипело нечто, притаившееся в кустах. — Хочу прочесть в твоих глазах растерянность и страх. Хочу видеть, как ты дрожишь, прежде чем увижу твою кровь.

— Стало быть, у тебя ко мне претензии личного характера, а не делового, — усмехнулся я.

В ответ послышался странный звук, который чудище, очевидно, считало смехом.

— Делай что угодно, маг! Призывай Логрус, концентрируй внимание... Ничего у тебя не выйдет! Я сразу узнаю это и разорву тебя на части, прежде чем ты успеешь опомниться.

— С твоей стороны очень любезно меня предупредить.

— Я хочу лишь, чтобы ты не делал глупостей. Кстати, та штука, что обвила твое левое запястье, тебе тоже не поможет.

— У тебя неплохое зрение.

— Достаточно хорошее, чтобы видеть тебя насквозь.

— Может, объяснишь, в чем дело? Чего ты добиваешься? Мстишь? За что?

— Я просто-напросто жду, когда ты, на радость мне, сломаешься и сделаешь неосторожный шаг, попробуешь выкинуть какой-нибудь финт. Магических способностей я тебя уже лишил, остались одни физические, так что ты обречен.

— Ну что ж, давай жди.

В кустах послышался треск веток; похоже, враг шел вперед, но кто это был, я пока рассмотреть не мог. Я сделал шаг влево, чтобы пламя костра осветило тьму. Внезапно в костре что-то вспыхнуло. Яркий свет отразился в единственном желтом глазу моего врага.

Я опустил клинок, наведя его на противника. Черт возьми! Любое живое существо бережет свои глаза!

— Банзай! — крикнул я и рванулся вперед.

Судя по всему, беседа наша закончилась, настало время действий. Чудище молниеносно ринулось на меня — огромный черный корноухий волк. Он увернулся от моего выпада и разинул пасть, чтобы вцепиться мне в горло.

Я автоматически сунул ему в пасть локоть левой руки, а правой что было силы заехал эфесом шпаги по голове. Сокрушительный удар заставил чудище несколько разжать челюсти, но он не выпустил мою руку, прокусил рубашку и вцепился в мясо, потом, мотнув головой, свалил меня на землю. Я упал на бок и шарахнул еще раз эфесом шпаги по черепу зверюги. И тут удача наконец улыбнулась мне. Я понял, что мы упали рядом с костром и подкатываемся все ближе и ближе к нему. Я бросил оружие и стал нашаривать горло волка. Оно было невероятно мускулистое, и задушить чудище мне не удалось. Впрочем, у меня были другие намерения.

Нащупав на горле зверя нужное место, я нажал на него изо всех сил, потом пнул врага ногами, и он с ревом сунулся головой в костер.

В течение нескольких мгновений ситуация не менялась.

Струйка крови из моего предплечья стекала ему в пасть. Хватка его зубов не ослабевала.

Однако чуть погодя чудище выпустило мою руку, потому что шерсть у него на шее и голове загорелась, и оно попыталось вытащить голову из огня.

Волк высвободился, отшвырнул меня и издал душераздирающий вой. Я рывком поднялся на колени и вскинул руки, но враг не бросился на меня вторично, а пустился наутек в направлении, противоположном тому, откуда я пришел, и скрылся в лесу.

Я схватил шпагу и помчался за ним, не успев даже натянуть сапоги, — лишь чуть изменил форму ступней, чтобы не больно было бежать по каменистой земле, усыпанной хвойными иглами. Я терял врага из виду: шерсть у него на голове продолжала дымиться, к тому же он, не смолкая, выл. Как ни странно, эти звуки все больше походили на человеческий вопль и все меньше — на волчий вой. Удивляло и то, что зверь бежал теперь медленнее, чем можно было от него ожидать.

Я слышал, как он на ходу ломает кусты и натыкается на деревья, причем, как мне показалось, чертыхается совсем как человек. Я уже почти нагнал его.

И вдруг я понял, куда бежит враг. Я снова увидел тот бледный свет — теперь он сиял все ярче по мере нашего приближения. Прямоугольной формы, примерно восемь или девять футов в высоту и футов пять в ширину. Я перестал преследовать зверя по звуку и устремился к световому прямоугольнику. Волк бежал именно туда, и я решил опередить его.

Я мчался изо всех сил. Волк был слева от меня. Его шерсть уже не дымилась, но он все еще не переставая то выл, то тявкал. Свет впереди становился все ярче. Теперь я видел, что творится внутри прямоугольника, мог разглядеть какие-то очертания: склон холма, низкое каменное здание наверху, узкую дорожку, ведущую к дому, каменные ступени... И все это как бы вписывалось в прямоугольную рамку, словно картина, которая вначале вырисовывается смутно, но с каждым шагом становится видна все отчетливее. Там, в рамке, был облачный день, а сам прямоугольник стоял метрах в двадцати от меня, посреди небольшой поляны.

Зверь уже выскочил на поляну, и я понял, что мне не успеть туда вовремя, не успеть схватить тот предмет, который наверняка лежит где-то поблизости. Но, может быть, еще есть шанс задержать оборотня...

Но, оказавшись на поляне, зверь только прибавил скорости. Я крикнул, чтобы отвлечь его внимание... Бесполезно. Мой финишный рывок тоже оказался слабоват. И тут я увидел плоский прямоугольный предмет — то, что искал... Зверь на-

клонил голову и на бегу схватил его зубами, даже не сбившись с ноги.

Он бросился вперед, а я отбросил клинок, нырнул на землю и покатился в сторону.

Произошел беззвучный взрыв, и несколько взрывных волн одна за другой накатились на меня. Я лежал, чертыхаясь, до тех пор, пока все не замерло, потом встал и поднял шпагу.

Снова вокруг царила тихая ночь. Небо усеивали звезды. Ветер шевелил ветки сосен. Не было нужды оборачиваться, но я это сделал и убедился, что ворота в иной мир бесследно исчезли.

Я пошел назад к своей стоянке, похлопал Дымка, стараясь успокоить его, надел сапоги и плащ, засыпал землей кострище и вывел коня на дорогу.

Час спустя, еще немного приблизившись к Амберу, я снова разбил лагерь, и с неба на нас смотрела бледная луна.

Остаток ночи прошел спокойно. Разбудили меня яркий утренний свет и пение птиц в кронах сосен. Я накормил Дымка, наскоро перекусил сам, кое-как привел себя в порядок и через полчаса тронулся в путь.

Утро выдалось прохладное, небо надо мной сияло голубизной, хотя где-то далеко слева ползли рваные облака. Я не спешил и не стал прибегать к помощи карты, потому что хотел посмотреть на окрестности Амбера, побыть в одиночестве и подумать.

Пока Джасра в плену, Люк еще не оправился от ран, а Призрачное Колесо занято своими делами, ни Амберу, ни мне большая беда вроде бы не грозит. Похоже, разгадка приближается: осталось отработать лишь несколько деталей, и я смогу один на один разобраться с Люком и Джасрой. Что касается Призрака, то недавний разговор с ним показался мне обнадеживающим.

Я решил, что все это пустяки и со всем этим я запросто справлюсь в свое время. Разделаться с дешевым колдуном Шару Гаррулом — тоже не слишком большая проблема. Дуэль с ним меня не пугала; непонятно только, почему его вообще так интересует моя персона.

Открытым оставался вопрос с существом, которое на время приняло облик Винты. Не думаю, что оно представляет для меня угрозу, но загадка эта не дает мне покоя. К тому же эта леди каким-то образом связана с моей безопасностью; по крайней мере она так утверждает. С этим мне тоже предстоит разобраться.

Меня беспокоило предложение Люка сообщить мне нечто жизненно важное для Амбера после того, как мы освободим

Джасру. Я верил ему и знал, что он сдержит слово. Однако у меня было подозрение, что информация поступит поздно, когда она уже ничем Амберу не поможет. Разумеется, всего лишь подозрение... Я терялся в догадках, насколько будет достоверна эта информация и чего именно она касается. Может, психологической войны? Я знал, что Люк — человек тонкий, несмотря на свою грубоватую внешность. Я это понял не сразу, только когда хорошенько узнал его.

Что же касается голубых камней, на данный момент, похоже, я могу забыть о них, главное избавиться от контакта — лишняя предосторожность не помешает.

Ночная история с волком представлялась мне куда серьезнее всего остального.

Совершенно очевидно, что зверь был необычный; намерения его тоже таинственными не назовешь. Однако многое в этой истории оставалось для меня загадкой. Кто он или что оно? Хозяин или слуга? Если слуга, то кто послал его? И в конце концов самый важный вопрос — почему?

Неуклюжесть этого существа наводила на мысль, что это скорее изменивший обличье человек, оборотень, чем волк, которого некая магическая сила наделила даром речи. Как правило, люди, мечтающие превратиться в злобное животное и перегрызть кому-то горло, изуродовать, разорвать на куски, не удосуживаются продумать все детали. Если ты вдруг становишься четвероногим с совершенно иным центром тяжести и непривычным сенсорным восприятием, то вряд ли продемонстрируешь грациозность. К тому же ты гораздо более уязвим, чем можно подумать, глядя со стороны. И, разумеется, ты не столь грозен и опасен, как настоящий зверь, с его звериным жизненным опытом. Нет, подобное превращение подразумевает скорее тактику запугивания.

Именно неестественность в поведении зверя, когда он появился и когда удрал, бросила меня в дрожь. Он воспользовался Вратами карты, что сделать достаточно трудно; к такому способу прибегают только в крайнем случае. Это молниеносный и эффектный прием, позволяющий вступить в контакт с картой на большом расстоянии. Для создания и поддержки такого прохода в течение некоторого времени требуется огромное количество энергии. Чрезвычайно энергоемкий процесс за пятнадцать минут способен истощить все ваши ресурсы. Тем не менее я столкнулся именно с таким явлением. Меня беспокоила даже не столько причина, побудившая кого-то пойти на чудовищную трату энергии, сколько сам факт. Потому что такое под силу лишь настоящему адепту; человеку, просто нашедшему колоду, такого никогда не суметь.

Стало быть, круг подозреваемых значительно сужается...

Я попытался представить себе оборотня. Сначала ему нужно было засечь меня... Да, понятно! Я вспомнил мертвых собак в рощице у Арбор-Хауз и огромные следы, похожие на собачьи. Это чудище выследило меня еще раньше, увязалось за мной вчера вечером и решило напасть, когда я остановился на ночлег. Оно улизнуло, или ему помогли улизнуть через Врата карты. Выходит, оно явилось, чтобы убить меня. А я понятия не имею, кто здесь замешан — Шару Гаррул, Люк со своим секретом, голубые камни или неизвестная мадам, способная принимать разные обличья. И ничего не узнаю, пока не решу главную задачу.

Я свернул на большую дорогу и поехал по колее. Навстречу проехали несколько всадников — все незнакомые, но каждый помахал мне рукой. Слева облака продолжали сгущаться, хотя грозу ничто не предвещало. День был по-прежнему холодный и солнечный. Дорога шла по большей части в гору. Я остановился у корчмы, наскоро позавтракал и отправился дальше. Постепенно дорога становилась ровнее, и вскоре я увидел вдали залитые полуденным солнцем Амбер и Колвир.

На всем пути вплоть до Восточных ворот, сохранившихся от старой крепостной стены, мне не встретился никто из знакомых. Я выбрался на Восточную Виноградную и подъехал к городскому дому Бейли, где однажды побывал на приеме. Дымка я передал груму в конюшне; оба они, казалось, были рады встрече. Потом подошел к парадному входу и постучал в дверь. Вышел слуга, сказал, что хозяина нет дома. Я назвал себя и велел передать барону, что Винта скоро приедет домой. Он обещал сообщить это хозяину, когда тот вернется.

Выполнив поручение Винты, я отправился дальше пешком. На вершине холма моих ноздрей коснулись ароматы еды, и я, решив не откладывать обед до возвращения во дворец, остановился и стал оглядываться, чтобы определить, откуда исходит столь аппетитный запах. Похоже было, что его источник расположен на боковой улочке справа — там дорога расширялась и образовывала нечто вроде круглой площади с фонтаном в виде медного, покрытого прелестной патиной дракона, писающего в бассейн из розового камня. Голова дракона была обращена к ресторану-погребку под названием «Яма», перед которым на открытом воздухе стояли десять столиков, огороженных по периметру площади медными кольями.

Я пересек площадь, а проходя мимо фонтана, заметил в прозрачной воде множество экзотических монет, включая американский двадцатипятицентовик двадцатых годов. Подойдя к ресторанчику, я уже собрался спуститься по ступенькам, как вдруг меня окликнули:

— Мерль! Ты ли это?

Я оглянулся, сперва не узнал никого из сидящих за четырьмя столиками, однако, окинув их еще раз внимательным взглядом, заметил улыбавшегося мне пожилого человека.

— Билл!

Он поднялся из-за стола — скорее вежливость, чем дань формальности. Сразу его было и не узнать. Он отпустил седую бороду и усы, к тому же был одет в коричневые брюки с серебряными лампасами и высокие коричневые сапоги, а рубашку носил тоже серебряную с коричневым кантом. Рядом на стуле лежали черный плащ, широкая черная перевязь и средней длины шпага в ножнах.

— Вы, я смотрю, совсем освоились. И похудели немного.

— Верно, — ответил Билл. — Между прочим, хочу здесь остаться насовсем. Мне у вас нравится.

Мы сели за стол.

— Заказ уже сделали? — спросил я.

— Да, но вот, кажется, официант, сейчас задержу его.

Он подошел к официанту и сделал заказ для меня.

— Ваш тари стал намного лучше, — заметил я.

— С такой-то практикой!..

— Чем же занимались это время?

— Плавал с Джерардом. Побывал в Дейге и в одном из лагерей Джулиана в Арденах. Посетил также Ребму — восхитительное место, между прочим. Брал уроки фехтования. Дроппа показал мне весь город.

— Поди, все бары.

— Не только. Знаешь, почему я здесь? Он — совладелец «Ямы», и я обещал ему сюда ходить обедать. Кстати, заведение вполне приличное. А когда ты вернулся?

— Только что, — ответил я, — но это длинный рассказ — сейчас услышите.

— Прекрасно. Твои рассказы всегда оригинальные и причудливые, их только и слушать холодной осенью.

Я начал рассказывать. Говорил за едой и продолжил рассказ после обеда. Когда спустилась прохлада и сидеть на открытом воздухе стало неуютно, мы отправились во дворец. Наконец, когда мы уже расположились у камина в одной из маленьких комнат левого крыла, попивая горячий сидр, рассказ мой подошел к концу.

Билл покачал головой:

— Вижу, дел у тебя было по горло. Но позволь задать тебе один вопрос.

— Задавайте.

— Почему ты не привез сюда Люка?

— Я же объяснял.

— Не вижу смысла. Из-за какого-то туманного обещания дать якобы важную для Амбера информацию? Теперь тебе предстоит поймать его, чтобы получить эти сведения.

— Вы ошибаетесь.

— Он — коммерсант, Мерль, и надул тебя. По крайней мере, так мне кажется.

— Повторяю, вы ошибаетесь, Билл, я его знаю.

— Да, ты знаешь его давно... Но насколько хорошо? То, чего ты не знаешь о нем, намного перевешивает то, что ты знаешь.

— Он мог обратиться за помощью к кому угодно, но явился ко мне.

— Потому что ты — часть его плана. Через тебя он намерен пробраться в Амбер.

— Не думаю, — возразил я, — это не в его стиле.

— А я думаю! Он готов использовать что угодно и кого угодно.

Я пожал плечами:

— Я верю ему, вы — нет. В этом вся разница.

— Согласен. Что же ты теперь намерен делать, Мерль? Ждать дальнейших событий?

— У меня готов план. То, что я верю ему, вовсе не означает, будто я не приму мер предосторожности. Однако у меня тоже есть к вам вопрос.

— Спрашивай.

— Если я приведу его сюда и Рэндом решит, что дело недостаточно ясное и потребует расследования, согласны ли вы представлять интересы Люка?

Билл вытаращил глаза, но тут же улыбнулся:

— Что за расследование? Я не знаю, как их здесь проводят.

— Как внук Оберона, — объяснил я, — Люк подпадает под законы Дома, а Рэндом сейчас — глава Дома и вправе решать: забыть обо всем, вынести приговор или назначить расследование. Как я понимаю, подобное расследование может быть формальным или нет — все зависит от желания Рэндома. В библиотеке есть свод законов. Согласно им, подследственный может назначить кого-то представлять его интересы.

— Разумеется, я соглашусь, — сказал Билл. — Подобный юридический опыт вряд ли легко приобрести в другом месте. С другой стороны, — добавил он, — надо разобраться в конфликте интересов, потому что ранее я работал на корону.

Я допил сидр, поставил кубок на каменную доску и зевнул.

— Ну, мне пора, Билл.

Он кивнул:

— Все, что ты сказал насчет своего плана, лишь предположение?

— Разумеется, — ответил я. — Не исключено, что расследовать будут мои действия. Спокойной ночи.

Билл бросил на меня внимательный взгляд.

— То есть меры предосторожности, о которых ты говорил, могут обернуться неприятностями?

В ответ я улыбнулся.

— И никто не может тебе помочь?

— Нет.

— Ну что ж, удачи.

— Спасибо.

— Увидимся завтра.

— Может быть, только попозже днем.

Я удалился в свою комнату и сразу же заснул. Нужно было хорошенько отдохнуть. На следующий день меня ждала уйма дел. Не помню, снились ли мне сны.

Когда я проснулся, было еще темно. Видно, сработал рефлекс. Очень хотелось повернуться на другой бок и снова заснуть, но я не мог позволить себе такую роскошь. В этот день дорога была каждая минута.

Я встал, вымылся и надел чистую одежду. На кухне приготовил себе завтрак: яичницу-болтунью из нескольких яиц с луком и перцем. Затем вышел из дома через черный ход и направился в сад.

Было темно и сыро, луна скрылась за облаками. Я шагал по еле видной тропинке на северо-запад. В мире царила тишина, она успокаивала мои мысли, и я решил не торопиться, не хвататься разом за решение всех проблем.

Миновав сад, я пролез сквозь дыру в изгороди и пошел дальше по мокрой неровной тропе, которая медленно поднялась вверх, потом сделала резкий поворот и повела меня по крутому склону. Я постоял на выступе, глядя назад, на темные очертания дворца. В нескольких окнах горел свет, и разбросанные по небу перистые облака делали его похожим на райский сад, повисший над Амбером.

Через несколько мгновений я снова зашагал. Впереди был еще долгий путь.

С холма стала видна узкая светлая полоска над лесом, по которому я недавно шел. Постояв немного, я начал спускаться по северному склону; вначале пологий, он чуть дальше круто обрывался, чтобы затем вновь выровняться. Когда тропа свернула к северо-западу, крутизна опять стала чередоваться с пологими спусками. Высокий гребень Колвира закрыл предутренний свет, видневшийся чуть раньше. Передо мной и надо мной простиралось усеянное звездами небо, на фоне кото-

рого чернели скалы. И все же я примерно знал, где нахожусь — ведь я однажды уже был здесь.

Я прошел около двух миль от перевала и, приближаясь к цели, замедлил шаг, оглядывая окрестности. Это была просторная полянка в виде лошадиной подковы на склоне горы. Я медленно побрел по ней, и меня охватило странное чувство. Тропа привела меня к небольшой рощице, где среди тенистых деревьев стояло низкое каменное строение, окруженное кустарником и зарослями травы. Когда-то за этим местом заботливо ухаживали — почву для растительности сюда явно завозили, но потом все здесь пришло в запустение.

Я опустился на каменную скамью перед строением и стал ждать рассвета. Это была гробница моего отца; вернее, кенотаф, сооруженный задолго до его мнимой смерти. Его забавляло, что он мог посещать собственную могилу. Теперь не исключено, что все обстоит совершенно иначе, и кенотаф, быть может, уже стал ему посмертным памятником. Ирония судьбы?.. Не знаю. И все же я не ожидал, что вид усыпальницы причинит мне такую боль. Я пришел сюда не паломником. Здесь все дышало миром и покоем, и мне, чародею, здесь было легче сосредоточиться для нового волшебства. Я пришел сюда...

И все же, признаться, я пришел сюда и потому, что это была гробница отца. Неважно, настоящая или фальшивая — на ней выбито имя «Корвин». Я ощущал здесь его присутствие, и, быть может, сильнее, чем когда-либо... Внезапно я понял, почему доверял Люку. Правильно он говорил тогда в Арбор-Хауз: если бы я узнал о смерти отца и о том, кто повинен в ней, я бросил бы все на свете, предъявил бы этому человеку счет, заставил бы его заплатить по нему и расписаться кровью. Так разве в самом деле есть у меня право осуждать Люка?

Тысяча чертей! Стоит ли клеймить друг друга, осуждать, осмеивать в этом мире, полном катаклизмов, боли, крови?..

Я поднялся — для моих намерений уже стало достаточно светло.

Я вошел в склеп и приблизился к нише, где стоял пустой каменный саркофаг. Сейф просто идеальный — и все же я некоторое время колебался, руки у меня дрожали. Это было нелепо, ведь я знал, что тела отца там нет, что это лишь пустой каменный гроб с именем, выбитым на крышке. И все же несколько минут я не мог заставить себя дотронуться до крышки и поднять ее.

Разумеется, гроб был пуст, как пусты бывают мечты и страхи. Я бросил в него голубую каменную пуговицу и опустил крышку. Будь что будет. Если Шару захочет и сумеет найти ее,

пусть явится сюда. Пусть узнает, что, играя в свои игры, он подходит к краю могилы.

Я вышел из склепа, оставив в нем свои страхи и сомнения. Пора приступать к делу. Нужно привести в порядок волшебства и заклятия. Я не собирался идти безоружным туда, где бушуют дикие ветра.

Глава 11

Я стоял на холме рядом с садом, любуясь осенней листвой. Ветер развевал полы моего плаща. Дворец был залит мягким полуденным светом, в воздухе ощущалась прохлада. Мимо меня с шуршанием проносились по земле и поднимались в воздух сухие листья.

Однако я остановился не для того, чтобы полюбоваться осенним пейзажем. Я остановился, чтобы заблокировать контакт с картой.

Это была вторая попытка контакта за день. Когда со мной хотели выйти на связь первый раз, я решил: это либо Рэндом, недовольный тем, что я, вернувшись в Амбер, не счел нужным тут же доложить ему о своих действиях и планах, либо успевший поправиться Люк ждет моей помощи, чтобы освободить Джасру. Я подумал о них потому, что больше всего не хотел встречи именно с ними, ведь ни один из них не одобрил бы моих намерений, хотя у каждого была к тому своя причина.

На этот раз попытка вызвать меня через карту тоже не удалась. Я опустился по тропе, перелез через живую изгородь в сад. Чтобы войти во дворец незамеченным, необязательно прибегать к заклинанию; я зашагал налево по тенистой дорожке, где меня труднее было увидеть из окон. Картой пользоваться не хотелось, потому что на ней изображен тронный зал, а там я наверняка с кем-нибудь столкнулся бы.

И я вошел во дворец тем же путем, каким вышел из него, — через кухню. На ходу проглотил бутерброд, выпил стакан молока и поднялся по черной лестнице на второй этаж, где никем не замеченный скользнул в свою комнату. Там я надел перевязь со шпагой, нашел небольшой кинжал, который привез из Хаоса (подарок посредственного поэта, которому я однажды оказал протекцию), и приторочил его к перевязи. Карту я пристроил внутри левого рукава. Потом вымыл руки и лицо и почистил зубы. Надо было тут же приниматься за дело, этого требовал мой план. А мне вдруг так захотелось поплыть куда-нибудь на яхте или просто поваляться на песке...

Однако пришлось, подавив свои желания, выйти из ком-

наты и спуститься вниз по той же лестнице. Я прошел по коридору, прислушиваясь к звукам шагов и голосам, а один раз даже спрятался в туалете и переждал, пока кто-то проходил мимо. Я делал все, чтобы меня не заметили. Наконец я свернул налево по главному коридору, идущему вдоль большой мраморной столовой. Никого. Прекрасно. Я подбежал к ближайшей двери и заглянул внутрь. Отлично, там тоже никого! Кстати, в парадной столовой обедали не каждый день, но кто мог знать, вдруг именно в этот день готовился важный прием. Правда, для обеда все равно еще рановато.

Я вошел в столовую и воспользовался дверью, ведущей в узкий темный коридор. Обычно у этой двери или возле другой — на выходе из коридора — стоял страж. Этим коридором пользовались все члены королевской семьи, и стражник в конце смены докладывает старшему караульному, кто входил и кто выходил. Но к тому времени это уже не будет иметь для меня значения.

Сейчас на часах стоял Тод — приземистый бородатый парень. Увидев меня, он отдал мне честь и поднял алебарду, которая секунду назад была прислонена к стене.

— Вольно! — приказал я. — Сильно занят?

— По правде говоря, нет, сэр, — ответил он.

— Я спущусь вниз. Надеюсь, там освещено. Эту лестницу я знаю не так хорошо, как остальные.

— Я проверил фонари, когда заступал на караул, сэр. Я посвечу вам.

— Спасибо.

«Лучше поберечь энергию волшебной силы, не тратить ее на освещение», — подумал я про себя.

Тод отворил дверь кладовки, осмотрел один за другим три фонаря и выбрал второй из них, потом зажег его от массивного канделябра, освещавшего коридор.

— Я выйду прогуляться. Возможно, ты уже закончишь дежурство, когда я вернусь.

— Хорошо, сэр. Спускайтесь осторожнее.

— Постараюсь.

Я пошел вниз по длинной винтовой лестнице — виток за витком почти в темноте. Лишь внизу, в центральной шахте виднелись маленькие пятнышки света — не то огоньки свечей в канделябрах, не то подвешенные фонари с закопченными стеклами. Думаю, их поместили там не для того, чтобы освещать дорогу идущему, а просто чтобы его не пугал полный мрак. Не видя толком ни стен, ни ступенек, я шел, держась одной рукой за перила; в другой руке я сжимал протянутый вперед фонарь. Здесь было холодно, сыро и пахло плесенью.

Я начал было считать ступени, но, как всегда, сбился где-то на середине. Ну да ладно, сосчитаю в следующий раз...

Мысли мои вернулись к тому далекому дню, когда я шел этим путем, уверенный, что иду на смерть. Тогда я не погиб — слабое утешение... Все равно мне предстояло труднейшее испытание, и все равно возможно, что я совершу ошибку и меня поджарят.

Круг, еще круг... Вниз, снова вниз... Ночные мысли среди бела дня...

С другой стороны, Флора говорила, что во второй раз будет легче. Перед этим речь у нас шла об Огненном Пути; надо надеяться, что она имела в виду именно его.

Великий Огненный Путь Амбера — символ Порядка, равный по силе Великому Логрусу — символу Хаоса. Казалось, напряженные отношения между ними все время усугублялись. Тому, кто связан с ними обоими, приходилось постоянно быть настороже — ведь стоит утратить контроль, и ты пропал. Мне не с кем сравнить впечатления: становится ли жизнь от этого труднее, хотя, надо признаться, самолюбие щекочет мысль, что метка одного из них мешает общению с другим... А уж метку-то они ставят — и тот, и другой. На каком-то этапе тебя просто разрывает на части и воссоздает вновь по неким всеобъемлющим космическим принципам. Звучит все это благородно, значительно, возвышенно, духовно и прекрасно, а на самом деле не приносит ничего, кроме боли в заднице. Такова цена, которую мы платим за обладание силой и могуществом. Однако в космических законах не сказано, что я должен этому радоваться.

Посвященный в тайну Огненного Пути и Логруса обладает способностью без посторонней помощи перемещаться в Царстве Теней. Тени — термин, принятый нашим родом для бесчисленного числа вариантов реальности, в которых мы можем находиться. Кроме того, есть и другие способности...

Виток, еще виток. Я стал спускаться медленнее — слегка закружилась голова. Хорошо, что не надо возвращаться этим же путем...

Увидев, что лестница кончается, я прибавил ходу. Внизу стояли стол и скамья, к стене были прибиты полки с ящиками и фонарь. Обычно здесь находился караульный, но сейчас я никого не обнаружил. Возможно, он обходил свой участок. Где-то слева располагались тюремные камеры, в которых томились политические узники, зачастую сходившие с ума. Я не знал, сидит ли здесь кто-нибудь в настоящее время, но надеялся, что камеры пусты. Когда-то среди узников темницы на-

ходился и мой отец. Судя по его рассказам, это был довольно мрачный период его жизни.

Ступив наконец на пол, я несколько раз громко позвал стражника. Увы, мне ответило лишь звонкое эхо.

Я подошел к полке, взял с нее еще один керосиновый фонарь, решив, что неплохо иметь второй на случай, если заблужусь, и зашагал по направлению к туннелю. Я шел довольно долго, потом остановился и поднял фонарь. Мне показалось, что я иду уже дольше, чем следовало, а входа в туннель все не было. Я посмотрел назад. Пост караульного еще виден. Я пошел дальше, пытаясь вспомнить, как проходил здесь в прошлый раз.

Но вот я заметил, что эхо стало звонче повторять звук моих шагов. Похоже, я приближался к какому-то препятствию, возможно, к стене. Я снова поднял фонарь.

Так и есть. Впереди кромешная тьма каменных стен. Я вошел в туннель.

Тьма, куда ни глянь. Театр теней ставит дикий спектакль — свет моего фонаря плясал на шероховатых стенах, заставляя поблескивать грани мелких вкраплений.

Вот слева первый коридор, первое ответвление. Я продолжал идти прямо. Вскоре показался второй...

Третий я увидел через довольно большой промежуток времени. Потом миновал четвертый. «Интересно, — спросил я себя, — куда ведут эти ходы?» Мне этого никто не говорил. Быть может, никто этого и не знает? В причудливые пещеры неописуемой красоты? В другие миры? А может, это просто тупики? Складские помещения? Когда-нибудь, если будет свободное время и желание...

Пятый... Еще один... Мне нужен седьмой.

И вот я перед ним. С мыслью о тех, кто шел до меня этим путем, я приблизился к большой мощной обитой металлом двери. Справа от меня на стальном крюке висел большой ключ. Я снял его, отпер дверь и снова повесил ключ на место. Зная, что караульный при обходе запрет дверь, я не в первый раз подумал: для чего держать дверь запертой, если ключ висит рядом? Мне приходилось спрашивать об этом, а вот толкового ответа получать не приходилось. «По традиции» — и все. Джерард предложил мне спросить Рэндома, а Флора — Фиону. Рэндом и Фиона предположили, что должен знать Бенедикт. Однако я не помню, спрашивал ли я об этом его.

Я с силой толкнул дверь, но она не поддалась. Тогда я поставил фонари на пол и навалился всем телом. Дверь заскрипела и медленно отворилась. Я взял фонари и вошел внутрь.

Дверь сама захлопнулась за мной, а Фракир, дитя Хаоса,

стала отчаянно колотиться. Теперь я вспомнил, почему никто не брал с собой сюда второй фонарь — голубоватое сияние, исходящее от Огненного Пути, освещало пещеру достаточно ярко.

Я зажег второй фонарь. Первый я поставил у начала Пути, а второй — у конца, обойдя его вдоль стены. Хотя освещения в пещере хватало, мне она казалась мрачной, холодной и устрашающей. Веселые живые огоньки фонарей придавали сил.

Я стал изучать запутанные, извилистые линии Огненного Пути, похожие на магические письмена. Фракир мне удалось успокоить, но собственные смутные опасения подавить я не мог. Неужели эти ощущения мне внушает Логрус? Когда я овладею силой Огненного Пути, будет ли Логрус по-прежнему помогать мне? Пустые размышления...

Я попытался расслабиться. Глубоко вздохнул. Закрыл на мгновение глаза. Согнул колени. Опустил плечи. Больше ждать нет смысла...

Я открыл глаза и ступил на Огненный Путь. И тут же из-под моих ног посыпались искры. Второй шаг — и снова каскад искр. Еле слышное потрескивание. Еще один шаг. Возникло легкое сопротивление...

Ощущения такие же, как и тогда, в первый раз: холодок, легкая дрожь. Я заранее знал точки, на которые наступать легко и на которые — трудно. Где-то у меня внутри будто существовала карта Пути, и я, читая эту карту, двигался по первой кривой. Сопротивление возрастало, с треском сыпались искры, мои волосы шевелились, тело ощущало вибрацию...

Я дошел до Первой Преграды. Ощущение было такое, будто я иду в аэродинамической трубе. Каждый шаг требовал от меня отчаянных усилий. И все же я продвигался вперед, хотя и очень медленно. Главное не останавливаться ни на секунду, потому что начинать двигаться снова невероятно трудно, а в некоторых местах просто невозможно. Я должен идти вперед, сопротивляясь воздушному потоку, идти, несмотря ни на что. Выдержать всего-навсего несколько секунд. Потом будет легче. Зато Вторая Преграда — просто смерть.

Поворот. Поворот. Еще поворот.

Я прошел. Наконец долгожданное облегчение. Пожалуй, Флора была права: этот участок Пути во второй раз проходить не так тяжело.

Я одолел длинный изгиб, потом крутой поворот. Теперь искры плясали вокруг голенищ моих сапог. Из ума у меня не выходили череда тридцатых апреля, придворные и семейные интриги Хаоса, бесчисленные дуэли со сложными ритуалами кровной мести из-за титулов и званий... Нет, хватит с меня.

Нечего об этом думать! Пусть они учтивее и благовоспитаннее, но крови там пролилось намного больше, чем в Амбере, причем лишь из-за столкновения самолюбий и пустяковых преимуществ...

Я заскрежетал зубами. Ох как трудно сосредоточиться на выполнении сиюминутной задачи, не думать ни о чем другом!.. Тоже воздействие Пути.

Еще один шаг... Я ощутил покалывание в ногах... Треск усилился и теперь казался мне раскатами грома... Передвигаю одну ногу, потом вторую... Поднимаю ногу, опускаю... Волосы у меня встали дыбом... Поворот... Рывок вперед... Словно плывешь на лодке в шторм: осенний шквал бьет в лицо, в спину дует ветер, как из пасти дракона...

Еще три шага, сопротивление усиливается...

Вот она, Вторая Преграда. Теперь мне кажется, будто я пытаюсь толкать машину из канавы, наполненной жидкой грязью... Я напрягаю все силы, а результат ничтожно мал. Продвижение мизерное, а искры поднимаются уже мне до пояса, словно я сам становлюсь голубым пламенем...

Внезапно все посторонние мысли покинули меня. Я словно превратился в безымянное существо без прошлого, изо всех сил стремящееся пробиться вперед. Однако если бы я полагался только на свою физическую силу, то застрял бы навсегда посреди Пути. Лишь сила воли, которую Огненный Путь не подавляет, а очищает, позволила мне, преодолевая инерцию и бешеный натиск Преград, двигаться вперед.

Еще шаг и еще. Пройден следующий отрезок. Мне кажется, я стал на сто лет старше, но я упорно продолжаю идти и уже знаю, что пройду до конца, хотя только приближаюсь к Большому Изгибу, длинному и коварному. Путь совсем не похож на Логрус. Сила его искусственная, не аналитическая.

Вокруг завихряется космическое пространство. Каждый шаг заставляет меня ощущать, будто я блекну и исчезаю, а потом возникаю, разбиваюсь на куски и склеиваюсь вновь, рассыпаюсь и собираюсь воедино, умираю и воскресаю...

Вперед! Вперед! Еще три поворота, три изгиба, затем прямая линия. Я продолжаю двигаться вперед. Меня тошнит, голова кружится. Я весь мокрый от пота.

Конец прямой линии. Снова целая серия поворотов и изгибов. Поворот. Поворот. Снова поворот...

Я знал, что подхожу к Последней Преграде, когда искры стали взлетать все выше и выше, образуя огненную клетку, состоящую из пересекающихся молний. Ноги просто отказывались повиноваться. Безмолвие и нечеловеческие усилия...

Но вот я почувствовал некоторый прилив сил и понял, что

справлюсь... Меня всего трясло — однако оставался лишь один короткий изгиб, короткая кривая. И все же последние шаги будут скорее всего самыми трудными. Словно узнав тебя ближе, Огненный Путь не хочет тебя отпускать.

Я продолжал пробираться вперед. Лодыжки у меня ободраны в кровь. Два шага... Три...

Все! Конец Пути!

Я замер, тяжело дыша и то и дело вздрагивая. Покой. Меня больше не бьет током, не обжигает искрами. Если и это не смыло с меня метки голубых камней, значит, ничто не смоет.

Теперь — ну, скажем, через минуту — я смогу идти куда угодно. Наделив меня своей силой, Огненный Путь перенесет меня, куда я захочу. Стоит ли говорить, что мне вовсе не улыбалась перспектива подниматься в свою комнату по винтовой лестнице. Нет, у меня другой план.

Я поправил одежду, пригладил волосы, проверил, в порядке ли оружие и на месте ли спрятанная карта. Потом с минуту подождал, пока успокоится пульс.

Люк получил травмы в битве за Страж Четырех Миров, сражаясь со своим бывшим другом и союзником Далтом, сыном Дизакратрикс. Далт мало что значил для меня — разве что легкое препятствие, — поскольку он стал наемником владельца Стража. Но даже принимая в расчет возможную разницу во времени — скорее всего не очень уж значительную, — я видел его вскоре после того, как он напал на Люка. Значит, он находился в Страже, когда я вызывал его через карту.

Ладно.

Я попытался вспомнить детали комнаты, в которой его увидел. Картина получилась довольно приблизительной, но, чтобы обратиться к помощи Огненного Пути, точных данных не требуется. Я вспомнил структуру каменной стены, форму маленького окна, часть поблекшей шпалеры на стене, солому на полу, низкую скамью и скамеечку для ног, которая появилась в поле моего зрения, когда Далт передвинулся, трещину на стене над скамьей и паутину в углу...

Потом я довольно точно восстановил в памяти его внешний вид. Сформировал желание...

И оказался там!

Я быстро огляделся, держа руку на эфесе шпаги. Но в комнате никого не было. Кровать, оружие на стене, маленький письменный стол, сундук. Все эти предметы я тогда, вызвав Далта с помощью карты, не заметил. В небольшое оконце проникал дневной свет.

Я подошел к двери и постоял, прислушиваясь. Кажется, тихо. Тогда я слегка толкнул дверь. Она приотворилась со

скрипом; за ней оказался длинный пустой коридор. Прямо напротив меня — лестница, ведущая вниз, налево — гладкая стена. Я вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Идти вниз или направо? По обеим сторонам коридора располагались окна. Я подошел к ближайшему из них — по правую руку — и выглянул наружу.

Оказалось, что окно выходило в квадратный внутренний двор; ворота справа вели в другой двор, более просторный. Подо мной я увидел около дюжины солдат. Похоже, службу они сейчас не несли, а расположились на отдых и чистили амуницию. Двое из них были в бинтах. В дальнем углу двора лежало нечто смахивающее на огромного воздушного змея, показавшегося мне смутно знакомым.

Я решил пройти дальше по коридору, рассчитывая, что смогу увидеть и большой двор. Шел я осторожно, стараясь не нарушать тишину, царившую в этом странном здании, и, дойдя до угла, остановился, прислушиваясь.

Не заметив ничего подозрительного, я завернул за угол — и замер. Человек, сидевший на подоконнике справа от меня, тоже замер. На нем была кольчуга, кожаные штаны, на голове — кожаный капюшон. На поясе у него висела большая шпага, а в руке он держал кинжал, которым, по-видимому, приводил в порядок ногти.

Резко повернув голову, незнакомец ошалело на меня уставился.

— Кто вы? — спросил он.

Плечи его напряглись, руки уперлись в подоконник, словно он собирался встать.

Мы оба находились в замешательстве. Это, очевидно, был стражник. Будь он начеку, готовый к бою, Фракир предупредила бы меня об опасности, но его лень и небрежность сбили и ее и меня с толку. Я понял, что обмануть его мне не удастся, довериться я ему тоже не мог. Я не хотел нападать на него и поднимать шум. Значит, выбора у меня нет. С помощью волшебства можно быстро и бесшумно прекратить биение его сердца, но я слишком высоко ценю жизнь, чтобы убивать людей без особой надобности.

Как я ни стремился экономить энергию, которую поглощают заклинания, пришлось потратить ее частицу. Я произнес заветное слово, одновременно взмахнув рукой. Фракир запульсировала у меня на запястье, а парень закрыл глаза и откинулся на оконный переплет. Я посадил его поудобнее. Он продолжал мирно храпеть, не выпуская из руки кинжал. По правде говоря, заклинание, останавливающее сердце, могло мне пригодиться позднее.

Коридор сообщался с довольно широкой галереей, и я понял, что для дальнейшей рекогносцировки мне понадобится еще одно заклинание. Я произнес тайное слово и стал невидимым. Мир вокруг меня сильно потускнел. Жаль, что пришлось так скоро прибегнуть к этому средству — ведь действие заклинания длилось всего лишь двадцать минут, а я не имел ни малейшего представления о том, где найти то, чего ищу. Однако иного выхода не оставалось.

Я вошел в галерею — ни души.

Теперь у меня появилось хоть какое-то представление о географии этого места. Мне открылся вид на второй внутренний двор — поистине огромный, окруженный мощными стенами. Это была величественная неприступная крепость, очевидно, с единственным, надежно охраняемым входом. Был здесь и внешний двор, огражденный высокой прочной стеной.

Выйдя из галереи и заметив широкую лестницу из серого камня, я сразу понял, что нашел место, которое искал, — по безошибочно ощутимой магической ауре.

Из холла вела вниз лестница, которую охранял стражник. Если он что и почувствовал, то лишь дуновение воздуха от моего плаща.

Я бросился вниз. Рядом с лестницей был вход, ведущий в другой коридор, налево, а в стене, обращенной во внутренний двор, была тяжелая, обитая железом дверь.

Я распахнул ее и тут же быстро отскочил в сторону, потому что стоявший неподалеку стражник обернулся и направился ко мне. Обойдя его, я быстро зашагал к замку.

Люк говорил, что здесь — средоточие силы. Да, я ощущал это, причем чем ближе подходил к замку — тем сильнее. Сейчас некогда размышлять, как вести себя с этими силами. Во всяком случае, у меня есть что им противопоставить.

Я подошел к стене, свернул налево и огляделся. В поле зрения вроде не было никого. Проходя вдоль стены, я убедился, что в замок можно попасть лишь через один вход. Двор окружала высокая металлическая ограда с острыми шипами; окна-бойницы находились на высоте примерно тридцати футов. Очень меня удивили два огромных воздушных змея, лежавших у стены. Они не были разбиты, как тот, в маленьком дворе. При ближайшем рассмотрении я понял, что это дельтапланы. Мне хотелось разглядеть их хорошенько, но время действия заклинания истекало. Я поспешил дальше, к воротам.

Они были закрыты, рядом — два стражника. За воротами я увидел переброшенный через ров деревянный подвесной мост, укрепленный железными тросами; в углы моста вбиты боль-

шие болты с ушками, продетые в них цепи соединяются с лебедкой. Интересно, сколько весит этот мост? Высокая и широкая, обитая железом дверь, ведущая в цитадель, углублена в стену примерно на три фута. Такая дверь может долго выдерживать удары тарана.

Я подошел к воротам и внимательно осмотрел их. Вместо замка стояла мощная задвижка. Я смог бы открыть ворота и пробежать по мосту, прежде чем стража сообразит, что происходит. С другой стороны, учитывая, что повелитель замка — волшебник, стражу могли проинструктировать, как действовать в случае какой-нибудь сверхъестественной атаки. В таком случае им необязательно видеть противника. Меня быстро загонят в дверную нишу, а дверь в замок наверняка заперта.

Я подумал несколько секунд, перебирая в уме все мои колдовские приемы. Кстати, я заметил во дворе еще шесть-восемь человек, но они находились довольно далеко и ни один из них не направлялся в мою сторону...

Я спокойно подошел к часовым у ворот и кинул Фракир на плечо стоявшему слева с приказом задушить его. Затем, сделав три быстрых шага к стоящему справа, я ребром ладони ударил его по шее и, приподняв за подмышки, чтобы не шуметь, аккуратно прислонил к изгороди справа от ворот.

Услышав за спиной стук ножен об ограду, я оглянулся. Часовой сполз на землю, держась рукой за горло. Я подскочил к нему, усадил и его и забрал Фракир. Окинув двор быстрым взглядом, я заметил, что два человека смотрят в мою сторону. Черт бы их побрал!

Я отодвинул засов, проскользнул в ворота, запер их за собой, пробежал по мосту и оглянулся назад. Те двое шли к воротам. Мне срочно нужно было принять решение, выбрав оптимальный вариант.

Сев на корточки, я ухватился за угол моста. Ров под мостом был глубиной примерно в двенадцать футов, а шириной — раза в два больше.

Я начал выпрямлять ноги и тянуть угол моста вверх изо всех сил. Это было чертовски тяжело, но доски заскрипели, и мой край немного приподнялся. Я передохнул секунду и снова напрягся. Мост заскрипел, и я выиграл еще несколько дюймов. И еще раз... Края досок врезались мне в ладони, руки ныли; казалось, они вот-вот вывернутся из плечевых суставов. Я сильнее уперся ногами в землю и напрягся что было сил. Сердце отчаянно колотилось, будто заполнив всю грудь. Угол моста был теперь приподнят над землей на целый фут, но противоположный его край все еще касался земли. Я снова под-

нажал, чувствуя, как вспотели ладони и лоб. Глубокий вздох... Оп-ля! Уже на уровне колен... Наконец-то и левый угол оторвался от земли.

Послышались громкие взволнованные голоса. Солдаты бежали к мосту. Я стал поднимать левый угол и расшатывать весь мост, таща его на себя. Отлично! Он сдвинулся с места. Я продолжал тянуть. Левый угол поднялся уже на несколько футов и повис над глубоким как пропасть рвом. Руки, плечи и шея отчаянно ныли. Еще немного... Еще...

Солдаты остановились у ворот поглядеть, что стряслось с сидящими на земле караульными. Прекрасно, снова выигрыш во времени. Я еще не был уверен в том, что мне удастся столкнуть мост в ров. Но иного выхода все равно нет.

Я начал раскачивать мост. Вправо... чуть было не выпустил из рук. Влево... Солдаты бросили валявшихся стражей и уставились на оживший мост, потом побежали к воротам и стали открывать засов. К ним спешила подмога. Все галдели, махали руками...

Еще толчок... Мост пополз вниз. Толчок...

Я отпрянул. Мой угол грохнулся о край рва, дерево треснуло, потом весь мост со страшным грохотом обрушился вниз, дважды подскочил и развалился. Руки у меня бессильно повисли.

Я повернулся и помчался к заветной двери. Срок заклинания, превратившего меня в невидимку, еще не истек, и я, по крайней мере, не стал мишенью для солдат, иначе в меня с противоположной стороны рва тут же полетели бы метательные снаряды.

Я подбежал к двери, с трудом поднял руки, взялся за металлическое кольцо и потянул к себе. Дверь не шелохнулась, накрепко запертая. Я это предвидел и все же хотел удостовериться. Конечно, не стоит злоупотреблять магией, однако теперь только она и остается.

Я произнес три слова — заклинание не слишком элегантное, зато обладающее огромной силой.

Дверь с грохотом и треском распахнулась, как будто какой-то великан вышиб ее ударом кованого сапога. Я ворвался в замок и чуть замешкался, пока глаза привыкали к полумраку. Я очутился в зале высотой в два этажа. Напротив меня, справа и слева, поднимались полукругом лестницы на площадку второго этажа, огражденную перилами. Две такие же полукруглые лестницы вели и в нижний вестибюль. Несколько минут я колебался, думая, с чего начать...

В центре зала, в бассейне из черного камня, бил фонтан. Но выбрасывал он не воду, а огонь. Красные и оранжевые языки

пламени плясали, взлетали вверх и с журчанием сливались в бассейн желтыми и белыми струйками. Здесь явственно ощущалось присутствие силы. Любой, кто способен укротить подобную мощь, наверняка опасный противник. Если повезет, мне не придется на собственной шкуре узнавать, насколько опасный.

Я чуть было не потратил зря заклинание особой атаки, когда заметил в правом углу две фигуры. Но они стояли, не шелохнувшись, и были просто неестественно неподвижными. Я понял, что это статуи...

Раздумывая, идти ли мне по лестнице вверх или спускаться вниз, я решил, что врагов здесь, поди, держат в сыром подземелье, и уже собирался спускаться, как вдруг что-то в этих статуях привлекло мое внимание. Всмотревшись, я увидел, что одна из них была седоволосым мужчиной, а другая — рыжеволосой женщиной. Я протер глаза, даже не осознавая в течение нескольких секунд, что вижу собственную руку. Срок заклинания истек, и я перестал быть невидимым.

Я направился к застывшим фигурам. Увидев, что старик держит несколько плащей и шляп, я догадался, кто это. И все же приподнял полу его синего одеяния.

Внезапно огненный фонтан вспыхнул еще ярче, и я прочитал имя «РИНАЛЬДО», вырезанное на его правой ноге. Ну и паршивец этот мальчишка!..

Рядом с ним стояла Джасра, так что мне не пришлось спускаться в подземелье и искать ее среди крыс. Она тоже вытянула руки, будто защищаясь. На левую руку ей повесили голубой зонтик, на правую — светло-серый дождевик, какие носят в лондонский туман, а на голову нахлобучили непромокаемую шляпу. Лицо Джасры было размалевано, как у клоуна, на зеленую блузку кто-то приколол несколько желтых кисточек.

Свет позади меня вспыхнул еще ярче, и я повернулся посмотреть, что случилось. Фонтан теперь изрыгал огонь на высоту двадцати футов; тот падал в бассейн, переливался через него и растекался по мраморному полу. Один ручеек тек в мою сторону. И вдруг чье-то негромкое хихиканье заставило меня взглянуть вверх.

Облаченный в темный плащ с капюшоном, в перчатках с крагами волшебник Синяя Маска стоял на верхней площадке, одной рукой опираясь на перила, другой указывая на фонтан.

Я ожидал этой встречи и не был застигнут ею врасплох. Когда огонь разгорелся еще сильнее, образовав большую светящуюся башню, вершина которой рушилась и ползла ко мне,

я широко распростер руки и произнес слова трех самых надежных заклинаний из всех, какие только знал.

Мгновенно воздух пришел в движение, бешеной силой Логруса огненный поток был отброшен от меня. Я направил мощную воздушную волну на стоявшего наверху волшебника, но тот взмахнул рукой, и огненный столб упал, превратился в тоненькую светящуюся струйку.

Ладно, ничья. Вообще-то я пришел сюда не для того, чтобы мериться с ним силой. Я всего-навсего хотел перехитрить Люка, хотел один, без него, спасти Джасру. Ведь если она станет моей пленницей, Люк не сможет причинить вред Амберу.

Когда вызванная мной воздушная волна улеглась, я, снова услышав смех волшебника, призадумался. Прибегает ли он к помощи заклинаний? Или, живя у источника силы, он может контролировать любые попытки других применить силу и трансформировать ее во что ему вздумается? Если так, то у него в рукаве достаточно фокусов, и мне придется либо обратиться в бегство, либо прибегнуть к помощи Хаоса, высвободить чудовищную энергию и уничтожить все вокруг. Но этого мне делать вовсе не хотелось, я не собирался уничтожать таинственные силы, да и самого волшебника. Мне надо было лишь получить ответы на вопросы, касающиеся благополучия Амбера.

Перед Маской вдруг материализовалось блестящее металлическое копье, которое маг метнул в меня. Прибегнув к помощи защитного заклинания, я его перехватил и отвел в сторону.

В начавшейся дуэли заклинаний я мог либо постараться взорвать логово с помощью Хаоса, либо попробовать взять под контроль источник здешней силы и побить этого типа его же собственным оружием. Однако времени для экспериментов у меня не оставалось, придется все делать на ходу. Видно, он так ненавидит меня, что битва в полную силу неизбежна. Нападение оборотня в лесу наверняка тоже дело его рук. У Джасры хватило сил победить прежнего владельца замка, Шару Гаррула, а этот малый сумел победить Джасру. Но я никак не мог понять, за что он так ненавидит меня.

— Так что же все-таки тебе от меня нужно? — спросил я его.

— Мне нужны твоя кровь, душа, твой мозг, твое тело, — прозвучал металлический голос.

— А моя коллекция марок не нужна? — засмеялся я. — Позволь, я оставлю себе хотя бы конверты со штампами первого дня?

Я подошел к Джасре и обнял правой рукой ее за плечи.

— Зачем она тебе, болван? — спросил волшебник. — Это самая бесполезная вещь в моем замке.

— Тогда почему ты не разрешаешь мне забрать ее?

— Ты коллекционируешь марки, а я подбираю коллекцию зазнавшихся волшебников-самоучек. Она — моя, а ты будешь следующим экспонатом.

Почувствовав прилив сил, я крикнул:

— А почему ты так не любишь своих братьев и сестер по искусству волшебства?

Ответа не последовало. Но внезапно воздух вокруг меня наполнился крутящимися острыми предметами — ножами, топорами, бутылочными осколками. Я произнес решающее защитное слово, и передо мной со звоном возникла дымчатая Завеса Хаоса. Колющие предметы, прикоснувшись к ней, мгновенно превращались в космическую пыль.

Перекрывая шум, я крикнул:

— Как мне тебя называть?

— Маска! — тут же ответил волшебник.

Ответ не отличался оригинальностью, я ожидал что-нибудь в стиле Джона Д. Макдональда — Лиловый Ужас, Кобальтовый Шлем или нечто подобное.

Я использовал последнее защитное заклинание, подняв левую руку таким образом, чтобы мне была видна спрятанная в рукаве карта Амбера. Игра пока идет, надо признать, чересчур острая, но решающий ход еще остается за мной. До сих пор я только защищался, а заклинание, составлявшее мою гордость, держал про запас.

— Ничего хорошего тебе от нее не будет, — сказал Маска, когда действие и его, и моего заклинаний закончилось и он готовился к новой атаке.

— Счастливо оставаться! — Я покрутил кистью руки, растопырил пальцы, чтобы направить поток, и произнес заклинание.

— Око за око! — крикнул я, когда на мага обрушилось все содержимое цветочной лавки, похоронив его в таком огромном букете, какого я еще не видывал. И аромат подходящий.

Наступила тишина. Я уставился на карту и уже почувствовал контакт, когда, разрыв гору цветов, Маска высунул голову наружу, словно Аллегория Весны:

— Я до тебя еще доберусь!

— И приятное к приятному, — добавил я и, уже исчезая, произнес словечко, с помощью которого опрокинул на него ящик с удобрением.

Я вошел в тронный зал Амбера, держа на руках Джасру.

Стоявший возле буфета Мартин с бокалом вина в руке разговаривал с Борсом, сокольничим. Увидев, что Борс от удивления вытаращил глаза, он замолчал, повернулся и тоже замер, раскрыв рот.

Я не собирался тут же заняться заклинаниями и к тому же пока не знал, что делать с Джасрой, если расколдую ее. Поэтому я поставил застывшую фигуру у двери и повесил на нее свой плащ, после чего подошел к столу, на ходу кивнул Мартину и Борсу и налил себе бокал вина.

Осушив бокал, я поставил его на стол.

— Делайте с ней что хотите, только не вырезайте свои инициалы.

Потом я вышел из зала, нашел диван в одной из комнат восточного крыла, растянулся на нем и закрыл глаза.

Как мост над бурными водами. Бывают дни, что те алмазы. Куда подевались все цветы?

Что-то в этом роде.

Глава 12

Дым столбом, гигантский червь и пестрые вспышки света. Каждый звук обретал форму, ярко вспыхивал, бледнел и исчезал. Исчез и червь. Цветки с собакоподобными головками кусали меня, покачивая листиками. Плывущие облака дыма остановились перед подвешенным к небу светофором. Улыбка червя — нет, гусеницы. Гранеными, как хрусталик, каплями начал накрапывать мелкий дождик...

«Что неестественного в этой картине?» — спросило мое внутреннее «я». Я не стал об этом думать, потому что не мог ничего сказать наверняка. Хотя смутно сознавал, что этот странный пейзаж не должен куда-то уплывать...

— Эй, Мерль!

Что нужно от меня Люку? Почему бы ему не отстать от меня! Вечно он лезет со своими проблемами.

— Взгляни!

Я увидел массу прыгающих шариков — или комет? — которые ткали из света шпалеру. Затем та упала на лес зонтиков.

— Люк, — начал было я, но один из собакоподобных цветков укусил меня, и я забыл, что хотел спросить. И все вокруг затрещало, словно было нарисовано на стекле, которое вдруг пробили пулями. А вверху сияла радуга...

— Мерль! Мерль!

Я открыл глаза и увидел, что меня трясет за плечо Дроппа и что подушка, на которой я спал, взмокла от пота. Я приподнялся на локте и протер глаза.

— Дроппа... Что?..

— Не знаю.

— Чего ты не знаешь? То есть... Что, черт побери, стряслось?

— Я сидел вот на этом стуле, — он показал на стул, — и ждал, когда вы проснетесь. Мартин сообщил мне, что вы здесь, и я хотел сказать, что вас зовет Рэндом.

Я кивнул и вдруг заметил, что из моей руки, из того места, куда меня укусил цветок, сочится кровь.

— Долго я спал?

— Минут двадцать.

Я спустил ноги на пол и сел.

— И почему ты решил разбудить меня?

— Вы уходили по карте.

— Уходил по карте? Спящий? Такого не бывает. Ты уверен...

— К сожалению, в данную минуту я трезв, — ответил Дроппа. — Вы засветились всеми цветами радуги, стали расплываться и исчезать. Вот я и решил разбудить вас и спросить, что вы собираетесь делать. Между прочим, что вы-то пили? Пятновыводитель?

— Нет.

— Я как-то раз пытался напоить им свою собаку...

— Видения, — оборвал я, потирая начавшие пульсировать виски. — Видения, только и всего.

— Такие же видения, что бывают и у других? Белая горячка?

— Не совсем.

— Давайте-ка лучше пойдем к Рэндому. — Он повернулся к двери.

Я покачал головой:

— Не сейчас. Я хочу посидеть и прийти в себя. Со мной творится что-то неладное.

Когда я взглянул на Дроппу, он таращил глаза куда-то за меня. Стена за моей спиной начала таять, словно была сделана из воска и стояла возле сильного огня.

— Видно, дело дрянь, — пробормотал Дроппа. — Пора рвать когти.

Он подбежал к двери, выскочил в коридор и заорал:

— На помощь!

Мгновение спустя стена вновь стояла нормально, но меня била дрожь. Что, черт возьми, творится? Может, Маска заколдовал меня, когда я спал? Если так, то куда я собирался отправиться?

Я поднялся на ноги и медленно оглядел комнату. Казалось, все на своих местах. Вряд ли это была галлюцинация, вызванная стрессом, — Дроппа видел то же самое. Стало быть, я не спятил. Здесь в самом деле таится что-то загадочное. В комнате было необычно светло, и каждый предмет четко выделялся.

Я быстро огляделся, сам не зная, чего ищу. Поэтому и неудивительно, что не нашел ничего, подумал и вышел из комнаты. Неужто последние события связаны с Джасрой? Быть может, Джасра, до сих пор застывшая, нерасколдованная, стала для меня Троянским конем?

Я направился в парадный зал. Впереди, в дюжине шагов от меня, на пол легла решетка из косых полос света. Я заставил себя идти дальше, а она отступала, меняя форму.

— Мерль, иди сюда! — послышался голос Люка.

— Куда? — тут же спросил я.

Он не ответил, но световая решетка разделилась на две половинки и распахнулась передо мной, как ставни. Между ними блеснул ослепительный луч, и мне показалось, что по этой яркой полоске пробежал кролик. Затем видение исчезло, и поверить в то, что оно в самом деле было, заставил меня горький смех Люка.

Я побежал. Неужели Люк — на самом деле тот враг, о котором меня предупреждали? Неужели я был игрушкой в его руках и меня заставили испытать все эти злоключения лишь для того, чтобы спасти его мать, вызволить ее из плена? А теперь, когда она в безопасности, Люк имеет наглость являться в Амбер и, возможно, вызовет меня на дуэль волшебников на неизвестных мне условиях?

Нет, я не мог в это поверить. Я был уверен в том, что подобной силой он не обладает. Да и обладай он ею, Люк не решился бы на активные действия, пока Джасра моя заложница.

На бегу я снова услышал его смех, звучавший отовсюду и ниоткуда. Вот он запел мощным баритоном: «Давным-давно»[1]... Что это, ирония?

Я влетел в тронный зал. Мартина и Борса здесь уже не было. Я увидел их пустые бокалы на столе. А возле другой двери?.. Да, возле другой двери стояла Джасра, по-прежнему окаменелая, неизменившаяся, с моим плащом.

— Ладно, Люк, хватит валять дурака! — крикнул я. — Давай лучше обсудим наши дела.

— Что?

Песня внезапно оборвалась. Я медленно подошел к Джасре, пристально разглядывая ее. Ничуть не изменилась. Только кто-то повесил шляпу на другую ее руку.

[1] Песня шотландского поэта Р. Бернса (1759—1796), которую часто распевают в шумных компаниях в канун Нового года.

Откуда-то из глубин дворца послышался крик. Может, это Дроппа до сих пор зовет на помощь?

— Люк, где бы ты ни был, — сказал я, — если можешь видеть меня и слышать, гляди на меня внимательно и слушай. Я поставил ее сюда. Ты видишь ее? Что бы ты ни затевал, помни об этом.

Комната внезапно как-то сморщилась, словно я стоял в центре картины без рамы, и холст сначала смяли, а потом туго натянули.

— Ну, так что скажешь?

Молчание. Потом вдруг раздалось хихиканье:

— Значит, моя мать для тебя — вешалка для шляп... Здорово, молодец. Неплохая идея... Не мог связаться с тобой раньше. Не знал, куда ты исчез... Нам устроили кровавую баню. Я взял ребят — и на дельтапланах туда. А они были готовы. Дальше толком ничего не помню... Больно вспоминать!

— Сам-то, ты как?

В ответ послышался звук, похожий на всхлипывание, и в этот момент в зал вошли Рэндом и Дроппа; за ними по пятам следовал тощий и молчаливый, как смерть, Бенедикт.

— Мерль! — воскликнул Рэндом. — В чем дело?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

— За мной бутылка, — слабо донесся голос Люка.

Огненный вихрь пронесся по центру зала, а когда через несколько мгновений он исчез, на его месте появился огромный прямоугольник.

— Сделай что-нибудь, — приказал Рэндом, — ты ведь волшебник.

— Ума не приложу, что это за чертовщина, — ответил я, — в жизни подобного не видел. Можно подумать, что какой-то маг спятил и от души куролесит.

Внутри прямоугольника стали вырисовываться контуры человеческой фигуры... Можно было разглядеть черты лица, одежду... В воздухе материализовывалась гигантская карта. Это был... я сам. С карты на меня смотрело мое собственное улыбающееся лицо.

— Иди сюда, Мерль, составь нам компанию, — послышался голос Люка, и карта стала медленно вращаться вокруг вертикальной оси.

Зал наполнился звоном стеклянных колокольчиков. Огромная карта остановилась ребром ко мне, превратившись в черную полосу. Затем эта полоса стала раздвигаться, как штора, и над ней заскользили яркие разноцветные световые пятна.

Там же я увидел Гусеницу, которая сосала кальян, какие-то толстые зонтики... Из разреза в шторе высунулась рука:

— Иди сюда.

Я услышал тяжелое дыхание Рэндома.

Внезапно Бенедикт направил свой клинок на эту живописную картину, готовый проткнуть ее. Но Рэндом положил ему руку на плечо и сказал:

— Не надо.

В воздухе зазвучала странная музыка, каким-то удивительным образом соответствовавшая представшему перед нами видению.

— Идем, Мерль!

— Так ты пришел или уходишь? — спросил я.

— И то и другое.

— Ты дал мне слово, Люк. Обещал сказать что-то важное, если я помогу освободить твою мать. Я доставил ее сюда. Так что за секрет ты хотел раскрыть мне?

— Что-то важное для твоего благополучия? — медленно спросил он.

— Ты говорил, что это крайне важно для безопасности Амбера.

— Ах, ты имеешь в виду это...

— Буду рад, если ты раскроешь и другое.

— Извини. Я обещал продать тебе лишь один секрет. Какой выбираешь?

— Важный для безопасности Амбера, — ответил я.

— Далт, — произнес он.

— Что ты хочешь сказать о нем?

— Дила Дизакратрикс — его мать.

— Это мне и без того известно.

— ...Она была пленницей Оберона; за девять месяцев до рождения Далта он ее изнасиловал. Поэтому Далт ненавидит тебя и всех, в ком течет кровь Амбера.

— Чушь собачья! — воскликнул я. — Мы-то тут при чем?

— Я то же самое говорил ему тысячу раз. Я уговаривал его пройти по Огненному Пути.

— И что же?

— Он прошел.

— О-о!

— Я недавно узнал об этом, — вмешался Рэндом, — от одного лазутчика, которого засылал в Кашфу. Но о том, что Далт прошел Огненный Путь, я и не догадывался.

— Догадывался или не догадывался, я все равно должен был тебе об этом сказать, — почти рассеянно ответил Люк. — Ладно, могу еще сообщить, что он после того навестил меня

на Теневой Земле, организовал разграбление моего склада, украл много оружия и боеприпасы особого назначения. Потом сжег склад, чтобы скрыть кражу. Но у меня есть свидетели. Далт готов напасть на вас в любое время. Когда? Никто не знает.

— Еще один родственничек с визитом, — усмехнулся Рэндом. — И почему только я не единственный сын у родителей?

— Используйте эти сведения по своему усмотрению, — добавил Люк. — Теперь мы квиты. Подай мне руку!

— А где ты? — спросил я.

Он засмеялся, и весь зал будто дрогнул. Откуда-то из воздуха протянулась рука и схватила мою руку. Творилось что-то неладное.

Я попытался тащить Люка к себе, но почувствовал, что у него это получается лучше. С такой безумной силой бороться было бесполезно. Казалось, Вселенная разверзлась и приняла меня в свои объятия. Созвездия расступились предо мной, и я снова увидел лестничную площадку с блестящими перилами. На ней стоял сапог Люка.

Откуда-то издалека до меня донесся голос Рэндома:

— Бэ-двенадцать! Бэ-двенадцать! Конец связи!

А затем я забыл про все проблемы на свете. Это было прекрасное место...

Глупо, что я принял грибы за зонтики! Я поставил ногу на площадку, и в тот же момент Болванщик наполнил мой кубок и долил вина в кубок Люка. Люк показал жестом налево, и Мартовскому Зайцу тоже плеснули вина. Шалтай весело качался на краю мира, Тра-ля-ля и Тру-ля-ля, Додо и Лягушонок в ливрее услаждали наш слух дивной музыкой. А Гусеница знай себе сосала кальян и выпускала дым кольцами.

Люк похлопал меня по плечу. Я пытался что-то вспомнить, но не смог.

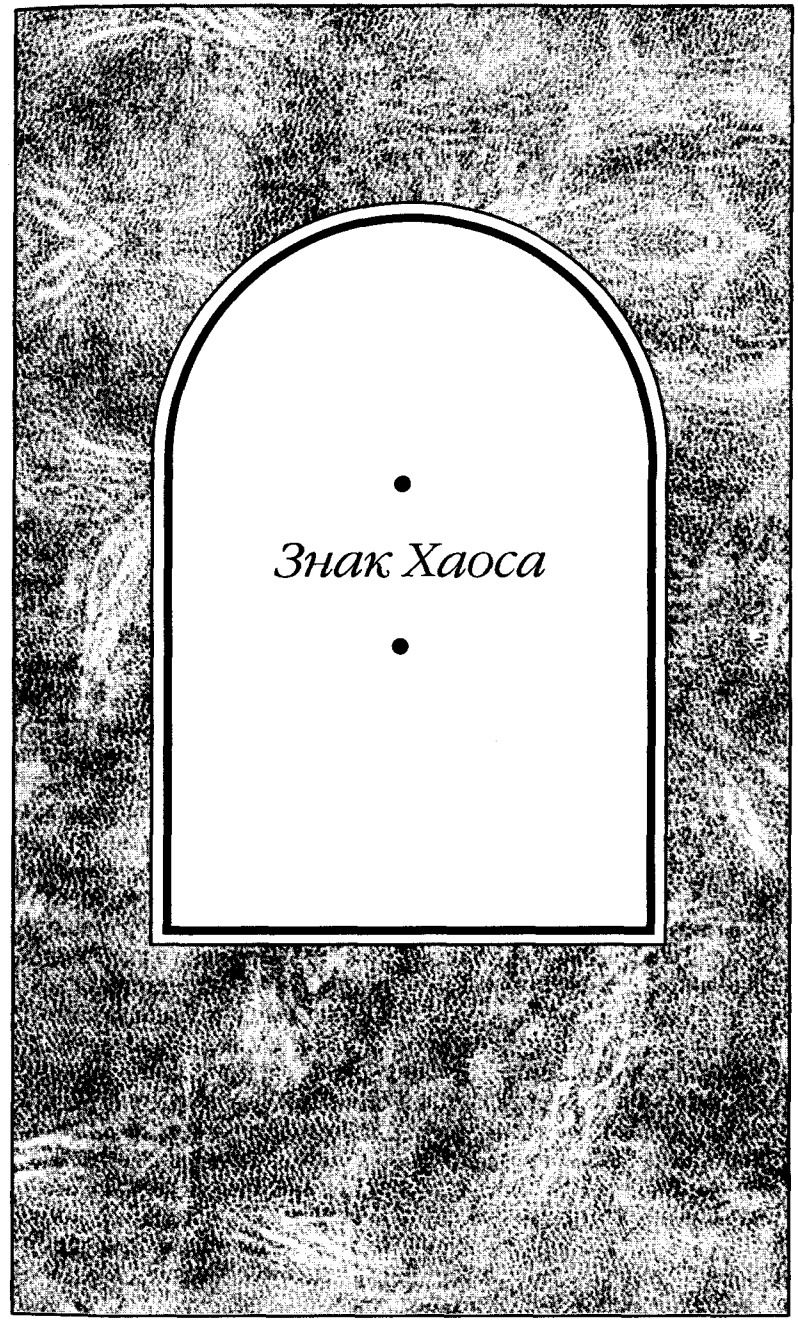
— Я чувствую себя отлично, — сказал Люк, — теперь все в полном порядке.

— Нет, что-то важное... Никак не вспомню...

Он поднял свой кубок, и мы чокнулись.

— Наслаждайся! Жизнь — это кабаре, дружок!

А Кот на стуле возле меня безмятежно улыбался.



Глава 1

Я испытывал легкое беспокойство, хотя не мог сказать почему. Не было ничего необычного в том, что мы пили с Белым Кроликом, похожим на Бертрана Рассела коротышкой, улыбающимся Котом и моим старым другом Люком Рейнардом, который распевал ирландские баллады, в то время как необычный ландшафт за его спиной превращался из фрески в реальность. Не скрою: огромная синяя Гусеница, курящая кальян на шляпке гигантского гриба, произвела на меня сильное впечатление. Я знаю, какие надо прилагать усилия, чтобы водяная трубка не погасла. Но дело не в этом. Мы веселились — Люк всегда славился тем, что умел собирать странные компании. Так в чем же причина моего беспокойства?

Пиво было отличное, к тому же с нас ничего не взяли за завтрак. Демоны, терзающие привязанную к столбу женщину, сверкали так, что на них больно было смотреть. Потом они куда-то исчезли, но все получилось великолепно. Вообще все было просто великолепно. Люк запел про залив Голуэй настолько замечательно и трогательно — и грустно тоже, — что мне захотелось в него нырнуть и там потеряться.

Это из области чувств... Да. Забавная мысль. Когда Люк пел печальные песни, я впадал в меланхолию, когда пел веселые — я начинал радоваться. Вокруг царила необыкновенная атмосфера сопереживания. Нематериальная, полагаю. Световое представление удалось на славу...

Потягивая свой напиток, я наблюдал за качелями Шалтая, там, в дальнем конце бара, и пытался припомнить, когда я сюда пришел, но в этом направлении котелок не варил. Ладно, рано или поздно все образуется. Отличная вечеринка...

Я смотрел, слушал, пробовал и чувствовал. Все, что привлекало мое внимание, оказывалось восхитительным. Хотел ли я о чем-то спросить Люка? Вроде бы да, но он пел, а я все равно не мог думать ни о чем серьезном.

Что я делал — до того как оказался здесь?.. Нет, попытка

вспомнить не стоит усилий. Во всяком случае, сейчас, когда все вокруг так интересно.

Между тем следовало разобраться. Не случайно же я испытывал такое беспокойство? Неужели я не завершил какого-то важного дела?

Я обернулся, чтобы спросить Кота, но тот снова растворился, всем своим видом выражая огромное удовольствие. Наконец до меня дошло, что и я мог бы поступить так же — я имею в виду раствориться и отправиться в другое место. Возможно. Я поставил бокал и потер глаза и виски. Внутри головы все тоже плыло.

Неожиданно я вспомнил свое изображение. На большой карте. Да. Вот как я сюда попал. При помощи карты...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и я обернулся. Рука принадлежала Люку; он улыбался и протискивался к бару, чтобы выпить еще.

— Отличная вечеринка, правда?

— Да, здорово. Как ты нашел это место?

— Не помню, — пожал он плечами. — Какая разница?

Люк отвернулся, и снежная буря закружила между нами хрусталики льда. Гусеница выдохнула пурпурное облако. Восходила голубая луна.

Что-то здесь не так...

Неожиданно у меня возникло такое ощущение, будто на некой войне мне отстрелили способность к критическим суждениям. Я не мог сосредоточиться на аномалиях, которые наверняка здесь есть. Я знал, что запутался, но не видел выхода.

Я запутался...

Запутался...

Как?

Ну... Все началось, когда я пожал свою собственную руку. Нет, не так. Слишком похоже на дзен-буддизм, а дзен здесь ни при чем. Рука, которую я пожал, возникла из пространства, занятого моим изображением на карте. Да, вот и все. Примерно так.

Я стиснул зубы. Снова заиграла музыка. Возле моей руки, лежавшей на стойке бара, раздалось непонятное царапанье. Когда я посмотрел на руку, оказалось, что моя кружка наполнена вновь. Похоже, я и так выпил лишнего. Может, именно это и мешает мне все осмыслить.

Я отвернулся и посмотрел налево, мимо фрески, которая стала настоящим ландшафтом. «Не становлюсь ли я частью фрески?» — неожиданно мелькнула мысль.

Не важно. Если я не в состоянии думать здесь... Я побежал — влево... Это место каким-то образом перемешивало все в моей

голове; осмыслить происходящее, являясь его частью, было невозможно. Чтобы думать правильно и понять, что происходит, я должен выбраться отсюда.

Я находился напротив бара, там, где нарисованные камни и деревья обретали три измерения. Я замахал руками, пытаясь зарыться глубже. Я слышал свист ветра, но не чувствовал его дуновения.

Находящиеся передо мной предметы не становились ближе. Я двигался, но...

Люк снова запел.

Я замер. Потом обернулся — очень медленно, потому что мне показалось, что он стоит прямо за моей спиной. Так оно и есть — я отошел от стойки бара лишь на несколько шагов. Люк улыбался и продолжал петь.

— Что происходит? — спросил я у Гусеницы.

— Ты петляешь в петле Люка, — ответила она.

— Как ты сказала?

Она выпустила колечко дыма, тихо вздохнула и произнесла:

— Люк петляет в петле, а ты заплутался в лирике. Вот и все.

— Как это произошло? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответила Гусеница.

— Ладно, как мне выбраться?

— И это не могу тебе сказать.

Я повернулся к Коту — сперва материализовалась его улыбка, а затем и он сам.

— Вряд ли тебе известно... — начал я.

— Я видел, как вы вошли: вначале он, потом ты, — сказал Кот, ухмыляясь. — Даже здесь ваше появление казалось необычным, из чего я заключил, что по крайней мере один из вас связан с магией.

Я кивнул.

— Ты тоже кого угодно достанешь своими появлениями и уходами, — заметил я.

— Я держу свои лапы при себе, — ответил Кот. — Это больше, чем может сказать Люк.

— Что ты имеешь в виду?

— Он попал в заразную ловушку.

— Как она действует? — спросил я.

Но Кот исчез, на этот раз вместе с улыбкой.

Заразная ловушка? Выходит, неприятности у Люка, а я оказался каким-то образом в них втянут? Однако я по-прежнему не представлял, в чем заключается проблема и как ее разрешить.

Я потянулся за кружкой. Если проблему не удается разрешить, почему бы просто не получить удовольствие?

Делая медленный глоток, я заметил пару бледных горящих

глаз, уставившихся прямо на меня. Раньше я их не видел. Странным было то, что они занимали темный угол фрески на противоположной стене... это, и еще то, что они медленно перемещались влево.

Потеряв глаза из виду, я мог проследить по колыханию травы, как некто пробирался в то место, куда так хотел попасть я. Позади Люка я разглядел худощавого джентльмена в темном пиджаке, с палитрой и кистью в руке; тип в темном пиджаке не торопясь расширял фреску. Я сделал еще один глоток и снова сосредоточился на существе, перебравшемся из плоского мира в мир трех измерений. Между кустом и камнем показалось рыло, сделанное из оружейного металла, над ним сверкнули бледные глаза, с темного дула на землю, дымясь, стекала черная слюна. Существо было либо очень маленьким, либо прижималось к земле. Я никак не мог понять: изучает оно всех нас сразу или исключительно меня?

Наклонившись, я ухватил Шалтая за пояс — а может, галстук, как пришлось — за мгновение до того, как он едва не завалился на бок.

— Извини, ты не знаешь, кто это?

Я указал на проявившееся многоногое, длиннохвостое, волнистое и быстрое чудовище с темной чешуей. Задрав хвост, оно понеслось в нашу сторону, царапая пол красными когтями.

Мутные глаза Шалтая безуспешно пытались перехватить мой взгляд.

— Я нахожусь здесь не для того, сэр, — начал он, — чтобы избавлять вас от зоологического неве... О, боже! Это...

Существо стремительно приближалось. Еще немного, и оно начнет задуманную операцию по уничтожению. Похоже, для меня это удачный повод убраться отсюда подальше.

Сегменты тела вихляли из стороны в сторону, тварь шипела, как пароварка, дымящаяся слюна отмечала путь от намалеванной на стене картины. Мне показалось, что зверь побежал еще быстрее.

Я непроизвольно выбросил вперед левую руку и выпалил заготовленный набор слов. Чудовище пересекло пространство, которое я не смог преодолеть раньше, рыча перевернуло стол и подобрало лапы, словно готовясь к прыжку.

— Брандашмыг! — крикнул кто-то.

— Злопасный Брандашмыг! — поправил Шалтай.

Когда я произнес последнее слово и исполнил заключительный жест, перед моим внутренним взором проплыл образ Логруса.

Выпустившее когти чудовище неожиданно втянуло их об-

ратно, схватилось за верхнюю левую часть груди, закатило глаза, испустило тихий вздох, тяжело выдохнуло и рухнуло на пол, задрав многочисленные ноги.

Над ним тут же появилась улыбка Кота. Рот двигался.

— Мертвый злопасный Брандашмыг, — объявил он.

Улыбка двинулась в мою сторону; Кот мерцал вокруг нее как напоминание.

— Заклятие сердечного приступа, не так ли? — поинтересовался он.

— Наверное, — пробормотал я. — Рефлекс сработал. Да, теперь помню. Это заклинание еще висит в воздухе.

— Говорил же, — проворчал Кот, — что на вечеринке присутствуют маги.

Образ Логруса, который появился в момент действия заклинания, зажег тусклую лампочку, осветившую затхлый чердак моего сознания. Колдовство. Конечно.

Я — Мерлин, сын Корвина, отношусь к разновидности волшебников, которые редко встречаются в краях, где мне довелось жить в последние годы. Лукас Рейнард, также известный как принц Кашфы Ринальдо, — тоже волшебник, хотя и совсем другого стиля. Кот же, поднаторевший в подобных делах, мог бы сообразить, что все происходящее является результатом мощного заклинания. Это один из немногих случаев, где мои чувствительность и подготовка не в состоянии проинформировать меня о природе грозящих неприятностей. Подобное происходит в силу того, что мои способности также попадают под действие волшебства. Я словно разучился различать цвета. Не прибегая к внешней помощи, я не мог точно провести анализ ситуации.

Пока я размышлял над свалившимися на меня проблемами, к парадному входу подъехали королевские рыцари. Пройдя через крутящиеся двери, рыцари набросили веревки на труп Брандашмыга. Шалтай сполз со стула и пропал в туалете. Вернувшись, он обнаружил, что не в состоянии забраться на прежнее место, и крикнул рыцарям, чтобы его подсадили, но те протаскивали Брандашмыга между столов и на крик никак не отреагировали.

Подошел улыбающийся Люк.

— Значит, это был Брандашмыг... Всегда хотел посмотреть, как они выглядят. Теперь бы заманить сюда Бармаглота...

— Тс-с! — остановил его Кот. — Он где-то на фреске и наверняка сейчас слушает. Не стоит его тревожить, не то бесшумно нападет на тебя в лесу! Не забывай о челюстях, которые про-

кусывают насквозь, и о когтях, из которых трудно вырваться! Зачем искать неприят...

Кот метнул взгляд на стену и несколько раз быстро исчез и появился.

Не обратив на это внимания, Люк заметил:

— Я как раз думал об иллюстрациях Тенниела[1].

Кот материализовался у дальней стойки бара, приложился к бокалу Болванщика и произнес:

— Я слышал бормотание, а пылающие глаза сдвинулись влево.

Я взглянул на фреску, увидел пылающие глаза и уловил характерный звук.

— Это может быть что угодно, — заметил Люк.

Кот зашел за стойку бара и взобрался на полку, где мерцало в тени странное оружие. Отцепил его и толкнул через всю стойку; оружие остановилось напротив Люка.

— Стрижающий Меч лучше держать при себе — вот все, что я могу сказать.

Люк рассмеялся, а я зачарованно смотрел на предмет, сделанный, как мне показалось, из крыльев мотыльков и скрученного лунного света.

Потом вновь донеслось бормотание.

— Только не стой как вкопанный! — бросил Кот, осушил бокал Шалтая и снова исчез.

Все еще посмеиваясь, Люк протянул свою кружку за новой порцией. Я стоял как вкопанный. Заклинание, при помощи которого я разделался с Брандашмыгом, определенным образом повлияло и на мое мышление. На короткий миг мне показалось, что картина проясняется. Может, причина в том, что я посмотрел на образ Логруса?..

И я вызвал его снова.

Символ застыл передо мной. Мне показалось, что мои мозги начал продувать холодный ветер. Плавающие осколки памяти сбивались в кучу, собирались в единое целое и скреплялись пониманием. Конечно...

Бормотание стало громче. Я увидел скользящую между деревьев тень Бармаглота: глаза его сверкали, как посадочные огни, все тело щетинилось острыми приспособлениями для кусания и царапанья...

[1] Сэр Джон Тенниел (1820—1914) — английский карикатурист, автор классических иллюстраций к произведениям Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Сквозь Зеркало». (*Здесь и далее прим. пер.*)

И это не имело никакого значения. Ибо я понял, что происходит, кто является всему причиной и почему.

Я согнулся и наклонился вперед, так, что костяшки пальцев царапнули по правому сапогу.

— Люк, — сказал я. — У нас проблема.

Он отвернулся от бара и посмотрел на меня:

— В чем дело?

Те, в чьих жилах течет кровь Амбера, обладают огромной силой. Мы также умеем хорошо держать удар. В нашем кругу такие вещи друг друга уравновешивают. Следовательно, подобные проблемы надо решать исключительно точно — или не решать вообще.

Я нанес Люку удар кулаком от самого пола, угодил ему в челюсть, от чего он подлетел вверх, раскинул руки, перевернул столик и доехал до самого конца стойки бара, остановившись у ног джентльмена викторианского вида, который уронил кисть и поспешно отошел в сторону. Я схватил кружку и вылил ее содержимое на правый кулак, который ныл так, словно я молотил им по скале. В то же время свет потускнел, и наступило полное молчание.

Тогда я с треском поставил кружку на стойку бара. Все заведение выбрало этот момент, чтобы содрогнуться, словно от землетрясения. Бутылки полетели с полок, лампа закачалась, бормотание стало тише. Я взглянул налево и увидел, как причудливая тень Бармаглота скрылась в густом лесу. Раскрашенная часть перспективы вытянулась в сторону нормального мира и продолжала двигаться в этом направлении, замораживая целый угол в плоской неподвижности. По шелесту крыльев я определил, что Бармаглот уходит влево, пытаясь отойти от двухмерного пространства. Тру-ля-ля, тра-ля-ля, Додо и Лягушонок принялись укладывать свои инструменты.

Я кинулся к распростертому на полу телу Люка. Гусеница разбирала кальян; я увидел, что ее гриб наклонился под странным углом. Белый Кролик ускакал к дырке в заднике, и было слышно, как Шалтай бормочет ругательства, раскачиваясь на высоком стуле, на который ему наконец удалось взобраться.

Оказавшись рядом с джентльменом с палитрой, я приветливо ему улыбнулся:

— Простите, что побеспокоил, но поверьте мне, это к лучшему.

Я поднял бесчувственное тело Люка и перебросил его через плечо. Мимо пролетела целая стая игральных карт. Я поспешно удалился с их пути.

— Подумать только! Вот кто спугнул Бармаглота! — воскликнул художник, глядя мимо меня.

— Кто спугнул? — спросил я, не уверенный до конца в том, что мне хочется услышать ответ.

— Вот, — сказал он, показывая на вход в бар.

Я попятился. Для того чтобы убедиться в правильности решения Бармаглота, мне хватило одного взгляда.

В бар вошел Огненный Ангел красно-коричневого цвета ростом в двенадцать футов. Крылья походили на расписанные витражи, а сам он напоминал о смерти и о богомоле с остроконечным воротником и лапками с торчащими во все мыслимые стороны шипами. Один шип зацепился за вращающуюся дверь и сорвал ее с петель.

Это был зверь Хаоса — редкий, опасный и очень умный. Я уже много лет не видел такого и сейчас не имел ни малейшего желания им любоваться. Тем более если учесть, что зверь появился из-за меня. Я даже сгоряча пожалел, что потратил вызывающее сердечный приступ заклинание на обыкновенного Брандашмыга, но вовремя вспомнил, что у Огненных Ангелов три сердца.

Огненный Ангел заметил меня, издал короткий охотничий клич и двинулся вперед.

— Жаль, что не удается с вами поговорить, — сказал я художнику. — Мне очень нравится ваша работа. К сожалению...

— Я понимаю.

— До свидания.

— Удачи.

Я нырнул в кроличью нору и побежал, пригибаясь из-за низкого потолка. Люк весьма осложнял мое продвижение, особенно на поворотах. Сзади донесся скребущий звук, охотничий клич повторился. Утешало то, что Огненному Ангелу приходилось существенно расширять проход, чтобы пробираться по туннелю. К сожалению, он мог играючи справиться с подобной задачей. Эти существа обладают неправдоподобной силой и практически неуязвимы.

Неожиданно пол провалился под моими ногами, и я полетел вниз. Я вытянул свободную руку, стараясь за что-нибудь ухватиться, но ухватиться было не за что. Ну и хорошо. Я надеялся и наполовину ожидал, что так и будет. Люк слабо застонал, но не пошевелился.

Мы падали. Вниз, вниз, вниз... Мы летели в колодец. Либо он был очень глубок, либо мы падали очень медленно. Вокруг царила полутьма, и я не мог разглядеть стен. В голове прояснилось, и я понял, что так будет продолжаться до тех пор,

пока я буду контролировать самую важную переменную — Люка.

Сверху опять донесся охотничий клич. Сразу же за ним раздалось странное бормотание. На моем запястье вновь запульсировала Фракир, не сообщая, впрочем, ничего нового. Пришлось ее заглушить.

Еще яснее. Я начал припоминать... Как я напал на Страж Четырех Миров и освободил Джасру, мать Люка. Атаку оборотня. Мой странный визит к Винте Бейли, которая оказалась не тем, кем выглядела. Обед в Мертвом тупике. Хранителя по имени Скроф, Сан-Франциско, хрустальную пещеру... Отчетливее и отчетливее.

...Огненный Ангел трубил все громче и громче. Очевидно, он пробился через туннель и теперь тоже летит вниз. К несчастью, у него были крылья, в то время как я мог лишь просто падать.

Я взглянул вверх — очертаний Ангела не разобрать. Казалось, что вверху темнее, чем внизу. Я очень надеялся, что это свет в конце туннеля, поскольку другого выхода я не видел. Было слишком темно, чтобы разглядеть карту или что-либо еще, от чего можно было бы оттолкнуться для перемещения в Тени.

Вдруг я почувствовал, что мы уже не летим, а плывем. Упавшая скорость обещала безболезненное приземление. Если бы не это, пришлось бы тормозить при помощи заклинания.

Как бы то ни было, все могло обернуться и хуже. Нас запросто могли сожрать по пути вниз — вполне реальная перспектива, если, конечно, наш преследователь не успел где-то насытиться, в каковом случае он бы просто разорвал нас на части. Спасаясь от него, нам пришлось бы разгоняться, что, разумеется, привело бы к гибели при ударе об землю.

Решения, решения.

Люк слабо заворочался на моем плече. Лишь бы не вздумал приходить в себя — сейчас некогда усыплять его при помощи заклинания, и врезать ему хорошенько в таких условиях я тоже не мог.

Мы влетели в более освещенный участок, и я разглядел на стенах шахты надписи на неизвестном языке. Далеко внизу мерцал крошечный источник света. Почти одновременно раздался клич, на этот раз совсем близко.

Я взглянул вверх и увидел пролетающего сквозь сияние Огненного Ангела. Следом за ним неслась бормочущая тень. Бармаглот тоже летел вниз, причем демонстрировал лучшую среди

всех нас скорость. Меня чрезвычайно волновали его намерения.

Круг света расширялся. Люк снова завозился у меня на плече. Цель Бармаглота, как бы то ни было, скоро прояснилась. Догнав Огненного Ангела, он бросился в атаку.

Шахту заполнили хлопанье крыльев, вопли и бормотание. Со всех сторон доносилось шипение, хруст и рычание. Звери набросились друг на друга с невиданной яростью. На фоне струящегося снизу бледного света сияющие, как заходящие светила, глаза и похожие на штыки когти напоминали зловещую картинку из ада. Схватка существенно замедлила их движение. Я решил не рисковать и не прибегать к неуместному заклинанию и лишним маневрам при выходе из туннеля.

— Аргх! — рыкнул Люк и завозился в моих объятиях.

— Согласен, — ответил я. — Только лежи спокойно, ладно? Мы сейчас грохнемся...

— И сгорим, — спокойно добавил он, посмотрев на сцепившихся над нашими головами чудовищ. Потом Люк опустил голову и сообразил, что мы тоже падаем. — Клевый приход?

— Плохой, — проворчал я и вдруг осознал, что лучше и не выразишься.

Проход стал шире, скорость упала. Если бы я применил заклинание, которое назвал «Пощечина Гиганта», мы скорее всего зависли бы на месте, а может быть, и полетели бы назад. Лучше получить несколько синяков, чем оказаться преградой на пути таких монстров.

Вот уж действительно скверный кайф... Пока мы под немыслимым углом вылетали из колодца и кувыркались в грязи, я вспоминал слова Рэндома.

Люк и я по инерции докатились до самого входа в пещеру. Вправо и влево от него тянулись туннели. Я успел разглядеть, что за входом лежит яркая сочная долина. Люк неподвижно распластался рядом со мной. Я немедленно поднялся, ухватил его под мышки и потащил в сторону от темной дыры, из которой мы только что вывалились. Звуки битвы приближались.

Хорошо, что Люк снова потерял сознание. Такое, если я не ошибался в своих предположениях, с трудом вынес бы любой житель Амбера. А для волшебника это могло таить массу крайне опасных неожиданностей, с каковыми мне не приходилось сталкиваться раньше. Я понятия не имел, как следует реагировать на происходящее.

Я оттащил Люка к правому туннелю, меньшему из двух,

вследствие чего его было легче оборонять. Едва мы успели забраться в укрытие, как из дыры вылетели раздирающие друг друга чудовища. О нас они, похоже, напрочь забыли, и я забрался поглубже.

Судя по всему, догадка Рэндома оказалась правильной. В конце концов он был музыкантом и играл по всей Тени. Кроме того, ничего другого мне просто не приходило в голову.

Я вызвал символ Логруса. Когда он станет четким, я сцеплюсь с ним руками и обрету способность сражаться с чудовищами. Звери, однако, не обращали на меня ни малейшего внимания, а мне совсем не хотелось отвлекать их от драки. К тому же я не был уверен, что мои удары произведут должное впечатление. Да и мой вызов уже давал о себе знать.

Поэтому я потянулся к Логрусу.

Это заняло целую вечность. Надо было преодолеть огромную часть Тени, прежде чем я нашел то, что искал. Потом мне пришлось полностью повторить эту процедуру. И еще раз. Все, что мне было нужно, находилось далеко.

Между тем битва не ослабевала. Когти дерущихся высекали искры из стен пещеры. Нанеся друг другу многочисленные раны, монстры покрылись темной коркой. Люк пришел в себя и завороженно наблюдал за красочной схваткой. Как долго она будет занимать его внимание, я не знал. Меня радовало уже то, что он не отвлекается на другие мысли.

Между прочим, я болел за Бармаглота. Это был просто мерзкий зверь, которому все равно, на кого нападать; лично против меня он ничего не имел. Зато Огненный Ангел вел другую игру. Он не мог самостоятельно забрести так далеко от Хаоса, его прислали специально. Поймать такое существо дьявольски сложно, еще труднее его выдрессировать и приручить. Держать их чрезвычайно дорого и опасно. Вкладывать средства в Огненных Ангелов — дело рискованное. Их главное предназначение — убийство. Насколько я знаю, за пределами Владений Хаоса никто не пользуется их услугами. Огненные Ангелы отличаются сверхъестественными способностями, их можно использовать в качестве сторожевых псов Тени. Сами по себе, насколько мне известно, они по Тени не бродят. Зато могут без труда выследить идущего по Тени, а взяв след, ни за что с него не собьются. Оказавшись в этом сумасшедшем баре при помощи карты, я и не подозревал, что они тоже способны перемещаться таким способом. Могло, однако, так случиться, что кто-то заметил меня, притащил сюда эту зверюгу и спустил ее с цепи, чтобы она завершила свое

дело. Как бы там ни было, во всем угадывался почерк Владений Хаоса. Что и объясняло мою симпатию к Бармаглоту.

— Что происходит? — неожиданно спросил Люк. Стены пещеры на мгновение потускнели, и я услышал странную мелодию.

— Сложно объяснить... Слушай, пора принимать лекарство.

Я высыпал на ладонь горсть только что принесенных витаминов B_{12} и открыл вызванную бутылку с водой.

— Какое лекарство? — спросил Люк, когда я протянул ему витамины.

— Доктор сказал, что это поможет тебе быстрее поправиться.

— А, ну ладно.

Он закинул в рот всю пригоршню и запил одним огромным глотком.

— Теперь это.

Я открыл пузырек с торазином. Все таблетки были по двести миллиграммов, я не знал, сколько ему дать, и остановился на трех. Я также дал ему триптофана и немного фенилаланина.

Он уставился на таблетки. Стены снова потускнели, музыка вернулась. Мимо нас проплыло облачко синего дыма. Неожиданно вернулся и бар, в нормальном для этого места виде. Перевернутые столики поставили на место, Шалтай все еще раскачивался. Появилась и фреска.

— Эй, а вот и наш клуб! — воскликнул Люк. — Пора двигать назад. Похоже, вечеринка вот-вот начнется.

— Вначале выпей лекарство.

— От чего оно?

— С тобой что-то не так. Оно приведет тебя в чувство.

— У меня ничего не болит. Я прекрасно себя чувствую...

— Пей!

— Хорошо, хорошо!

Он закинул в рот еще одну пригоршню.

Бармаглот и Огненный Ангел начали тускнеть, мой отчаянный жест у стойки бара встретил некоторое сопротивление, хотя картинка до конца не затвердела. Неожиданно я увидел Кота, чьи игры с материальностью сделали его на какое-то время самым реальным существом в округе.

— Ты приходишь или уходишь? — спросил я его.

Люк начал подниматься. Свет стал ярче.

— Эй, Люк, посмотри-ка!

— Куда? — спросил он, повернув голову.

Я ударил его еще раз.

Едва он рухнул, бар начал тускнеть. Снова проступили стены пещеры. Я услышал, как Кот произнес:

— Ухожу...

Звуки обрели прежнюю силу, только на этот раз все заглушал похожий на волынку визг. Это верещал прижатый к земле Бармаглот, которого нещадно полосовал когтями Огненный Ангел. Тогда я решил прибегнуть к заклинанию «Четвертое Июля», которое осталось у меня после штурма цитадели. Я встал перед Люком, чтобы закрыть ему обзор, вскинул руки, зажмурился и произнес нужные слова.

Даже с закрытыми глазами я увидел ослепительную вспышку света. Люк воскликнул «Эй!», но прочие звуки резко оборвались. Когда я посмотрел еще раз, оба зверя лежали, словно оглушенные, в дальнем конце пещеры.

Я схватил Люка за руку и взвалил его на плечо, как делают пожарные. Затем двинулся к выходу из пещеры, только один раз поскользнувшись в крови чудовищ. Монстры зашевелились прежде, чем я успел выбраться, но движения их были скорее рефлекторны, чем осмысленны.

У самого выхода я замер, потрясенный видом лежащего передо мной цветущего сада. Цветы достигали в высоту моего роста, ветерок донес до меня их благоухание.

Спустя несколько секунд я услышал за спиной более определенные движения. Бармаглот пытался встать на ноги. Огненный Ангел по-прежнему лежал, пыхтя словно затухающая топка паровоза. Бармаглот попятился, взмахнул крыльями и вылетел в черный провал в скале. «Неплохое решение», — подумал я и поспешил в сад.

Здесь запах был еще сильнее. Цветы почти все распустились, вокруг раскинулся фантастический яркий ковер. Спустя некоторое время я заметил, что задыхаюсь, но все равно продолжал бежать. Люк весил немало, но я хотел как можно дальше уйти от пещеры. Учитывая, как быстро мог перемещаться наш преследователь, я сомневался, что у меня хватит времени на возню с картой.

Постепенно меня начала охватывать странная слабость, собственные руки и ноги вдруг показались мне страшно далекими. До меня тут же дошло, что цветочный аромат обладает наркотическим свойством. Только этого мне не хватало — словить кайф от травки, пытаясь избавить от ее воздействия Люка!.. Тем не менее я сумел разглядеть впереди слабый просвет. Если повезет, нам удастся немного перевести дух, прежде чем я вновь обрету ясность мышления и соображу,

что делать дальше. Пока что никаких признаков погони видно не было.

Неожиданно я почувствовал, что меня качает из стороны в сторону. Равновесие нарушилось. Навалился страх перед падением, напоминающий акрофобию. Я понял, что если упаду, то вряд ли смогу подняться, ибо меня охватит наркотический сон. В таком состоянии я и достанусь посланцу Хаоса. Цветы над головой смешались в длинные, пестрые ленты, текущие ярким потоком. Я старался контролировать дыхание и вдыхать как можно меньше ароматов. Это было трудно, поскольку я уже успел ими надышаться.

Обессиленный, я свалился рядом с Люком. Он не приходил в себя, на лице его застыло блаженное выражение.

Налетел ветерок с противоположной стороны — оттуда, где росли отвратительного вида остроконечные растения без цветов. Дурманящий аромат гигантского цветочного поля пропал. Спустя некоторое время в голове у меня начало проясняться, и я сообразил, что ветер относит наш запах в направлении пещеры. Я не знал, сумеет ли Огненный Ангел выделить его в тяжелом цветочном духе, но при одной мысли о такой возможности мне стало не по себе.

Много лет назад, будучи студентом, я попробовал ЛСД. Мне стало так страшно, что я на всю жизнь зарекся принимать галлюциногены. Это был не просто плохой приход. Я потерял способность перемещаться по Теням. Существует поверье, что жители Амбера могут попасть в любое место, какое только в силах вообразить, ибо все находится в какой-нибудь Тени. Подключая сознание к движению, мы можем настроиться на нужную нам Тень. К несчастью, я потерял контроль над своим воображением. К несчастью также, меня занесло в жуткие места. Я впал в панику, чем только усугубил положение. Меня могли запросто уничтожить, ибо я забрел в обретшие реальность джунгли собственного подсознания и провел немало времени в местах, где обреталось зло. Потом я, конечно, нашел дорогу домой, добрался до порога Джулии и захныкал, а после в течение нескольких дней представлял собой полную психическую развалину.

Позже рассказал об этом Рэндому и узнал, что и ему пришлось пережить подобное. Вначале он рассматривал это в качестве секретного оружия против остальных членов семьи, но впоследствии, когда отношения улучшились, он решил поделиться с ними информацией в интересах общей безопасности. К своему удивлению, Рэндом выяснил, что Бенедикт, Джерард, Фиона и Блейз тоже прошли через подобное, хотя

и пользовались другими галлюциногенами. Как ни странно, только Фиона посчитала нашу реакцию на наркотик внутрисемейным оружием. Как бы то ни было, она отказалась от этой затеи в силу ее полной непредсказуемости. Все произошло несколько лет назад, другие дела вытеснили это событие из памяти Рэндома, и ему просто не пришло в голову меня предупредить.

Люк рассказывал, что затеянная им высадка десанта с дельтапланов у Стража Четырех Миров провалилась. Будучи там, я своими глазами видел разбросанные в разных местах обломки летательных аппаратов. Логично было бы предположить, что Люка взяли в плен. А значит, своим состоянием он обязан колдуну по имени Маска. Похоже, ему добавили в тюремную еду наркотика и отпустили побродить среди красивых огоньков. К счастью, в отличие от моих его мысленные путешествия оказались связаны исключительно с безобидными моментами из Льюиса Кэрролла. Может быть, его сердце было чище моего.

Дело между тем представлялось весьма странным, с какой стороны на него ни посмотреть. Маска мог уничтожить Люка, оставить в тюрьме или пополнить им свою зловещую коллекцию. Вместо этого его втянули в рискованную авантюру, после чего он, хоть и наказанный, оставался на свободе. Подобное наказание напоминало скорее шлепок по руке, чем настоящую месть. Причем так поступили с человеком, предпринявшим налет на Страж и, безусловно, намеренным повторить подобную атаку в будущем. Неужели Маска настолько уверен в себе? Или он не считал Люка серьезной угрозой?

И еще: наша способность перемещаться по Теням, равно как и колдовские способности, происходили из сходных корней — Огненного Пути и Логруса. Выходило, что, потревожив один, мы тревожили и другой. Теперь становилось понятным, как Люку удалось вызвать меня к себе словно по карте, хотя никакой карты в тот момент у него не было. Наркотики настолько усилили его способность к визуализации, что в моем изображении на карте не возникло необходимости. А его необычные магические способности объясняли всю предварительную суматоху, все странные, противоречащие реальности ощущения, которые я испытал, прежде чем он установил со мной настоящий контакт. Выходит, наркотики делают нас особо опасными. Об этом не следует забывать. Я надеялся, что Люк не проснется в ярости на меня за то, что я его ударил, и мне удастся кое-что ему объяснить. С другой

стороны, транквилизатор должен умиротворить его на то время, пока прочие лекарства выводят из организма яды.

Я потер затекшие мышцы на левой ноге и встал. Подхватив Люка под руки, оттащил его еще на двадцать шагов в глубину поляны. Затем вздохнул и вернулся на прежнее место. Спасаться не было смысла. Рыкающий клич стал громче, цветы закачались, и над ними показалась темная форма... Я понял, что Бармаглот убежал, а Огненный Ангел вернулся к своему делу. Схватка становилась неизбежной, и поляна представлялась мне вполне подходящим для этого дела местом.

Глава 2

Я сорвал с пояса прихваченный из бара меч и принялся его разматывать. При этом меч ритмично пощелкивал. Я очень надеялся, что поступаю наилучшим образом, а не совершаю серьезную ошибку.

Зверь пробирался сквозь цветы дольше, чем я предполагал. Это могло означать, что он с трудом находил мой след в столь экзотической обстановке. Я же надеялся, что причина заключается в том, что он ранен и потерял много сил в схватке с Бармаглотом.

Как бы то ни было, вскоре закачались и затрещали ближайшие ко мне стебли. Утыканное шипами чудовище вылезло из зарослей и вылупилось на меня остекленевшими глазами. Фракир перепугалась, пришлось ее успокаивать. К подобному она не привыкла. У меня еще оставалось заклинание «Пылающего Фонтана», но я решил к нему не прибегать. Я знал, что монстра оно не остановит, а вот предсказать потом его поведение будет сложно.

— Я могу показать тебе дорогу обратно в Хаос, — крикнул я, — если ты уже успел соскучиться!

Зверь тихонько завыл и двинулся вперед. На этом сентиментальная часть завершилась.

Шел он с трудом, многочисленные раны кровоточили.

Интересно, способна ли тварь на бросок или это максимальная ее скорость? Благоразумие заставляло предположить худшее, и я готовился к любым неожиданностям.

Зверюга между тем продолжал медленно надвигаться — эдакий небольшой танк со щупальцами. Я не знал, где находятся его жизненно важные места. Анатомия Огненных Ангелов никогда меня особо не интересовала. Зато сейчас я пытался пройти ускоренный курс, наблюдая за приближающимся

чудищем. Печально, но все уязвимые точки находились в труднодоступных для меня местах. Если они вообще у него были. Плохо.

Первым нападать не буду. Я не знал его боевых повадок и не собирался испытывать их на собственной шкуре. Лучше принять оборонительную стойку и вынудить врага атаковать.

Тварь выбросила переднее щупальце, я отпрыгнул в сторону и рубанул. Чик-трак! Конечность упала на землю, продолжая дергаться. Я тоже начал перемещаться. Раз-два, раз-два! Чик-трак!

Зверь медленно завалился влево, ибо я отсек с этой стороны все, что торчало.

Тогда я самоуверенно решил обойти его сзади и обрубить щупальца с правой стороны, пока он не пришел в себя от полученных увечий.

В этот момент выдвинулась еще одна конечность. Я оказался слишком близко, к тому же чудовище продолжало падать, так что ему не удалось ухватить меня когтями. Зато оно толкнуло меня в грудь тем, что могло оказаться как предплечьем, так и лодыжкой. Удар опрокинул меня на спину.

Отползая, я услышал, как Люк проворчал:

— Что в конце концов происходит?

— Позже, — бросил я, подтянул ноги и вскочил.

— Слушай, а ведь ты меня ударил! — не унимался Люк.

— В шутку, — процедил я, не оборачиваясь. — Это входит в курс лечения.

— А! — произнес он.

Чудовище свалилось на бок, пытаясь дотянуться до меня смертоносными когтями. Я увернулся от нескольких ударов, прикинул радиус действия и угол атаки и пошел напролом.

Чик-трак! Еще одна конечность зверя упала на землю.

Я трижды рубанул его по голове, каждый раз под другим углом, пока мне не удалось развалить череп. Монстр издавал щелкающие звуки и пытался отползти, отталкиваясь от земли кровоточащими обрубками.

Не помню, сколько всего ударов я ему нанес. Знаю, что махал мечом до тех пор, пока не изрубил его в буквальном смысле на кусочки. Каждый мой удар Люк сопровождал криком «Оп-ля!». К тому времени я изрядно вспотел и заметил, как тепловые волны или что-то еще искажают восприятие далеких цветов. Я радовался своему дьявольскому предвидению: Стрижающий Меч, прихваченный в баре, оказался великолепным оружием. Я вычертил в воздухе огромную дугу и стряхнул с клинка всю жижу, после чего принялся сворачи-

вать меч в первоначальную компактную форму. Лезвие было мягким, как лепестки цветов, и продолжало слабо светиться...

— Браво! — воскликнул знакомый голос.

Я повернулся и увидел улыбку, а вслед за ней и Кота, легонько похлопывающего мне лапами.

— Отлично! Отлично, мой сиятельный мальчик!

Колебания стали заметнее, небо потемнело. Я услышал, как Люк позвал: «Эй!» Когда я обернулся, он уже встал и шел мне навстречу.

Я снова взглянул на Кота. За его спиной начал просматриваться бар: блестел медный поручень стойки. У меня закружилась голова.

— Как правило, за прокат Меча берется залог, но раз вы возвращаете его нетронутым...

Ко мне подошел Люк. Я снова услышал музыку, и он что-то замычал себе под нос, стараясь подстроиться под мелодию. Поляна и измельченный Огненный Ангел смотрелись теперь как наложение; бар обретал реальность, набирая цветовые оттенки и густоту тени.

Помещение, однако, выглядело компактнее, столики были сдвинуты, музыка звучала тише, фреска ужалась, художник пропал из виду. Даже Гусеница на грибе переместилась в темный угол, как-то съежилась, а синий дымок стал не таким густым. Я посчитал это добрым знаком: если наше там присутствие являлось результатом помутнения сознания Люка, то, может быть, фиксация начала слабеть?

— Люк? — позвал я.

Он подошел к стойке бара и встал рядом со мной.

— Да?

— Ты ведь знаешь, что это глюки?

— Нет... Не понимаю, о чем ты, — ответил он.

— Ты попал в плен к Маске, и он подсыпал тебе наркотиков. Ты допускаешь такую возможность?

— Кто такой Маска?

— Новый начальник стражи в Страже.

— А, ты имеешь в виду Шару Гаррула!.. Да, помню, у него была голубая маска.

Не было причин вдаваться в объяснения, почему Маска не Шару. Все равно он об этом забудет. Поэтому я кивнул и сказал:

— Правильно.

— Да, полагаю, он мог мне что-нибудь подсыпать, — произнес Люк. — Ты хочешь сказать, что все это?.. — Он обвел жестом помещение.

Я кивнул.

— Это, безусловно, реальность, — сказал я. — Поскольку мы можем перенестись и в галлюцинации. Они все где-нибудь реальны. Все дело в наркотике.

— Провалиться мне на месте, — пробормотал Люк.

— Я тебе дал кое-какие лекарства, они приведут тебя в чувство. Но потребуется время.

Он облизнул губы и огляделся.

— Ладно, спешить все равно некуда.

Послышался дикий визг. Демоны на фреске принялись вытворять грязные штуки с горящей женщиной, и Люк улыбнулся.

— В общем, мне здесь даже нравится.

Я положил свернутое оружие на стойку бара. Люк забарабанил пальцами и заказал еще по пиву. Я отошел, покачивая головой.

— Мне пора, — сказал я ему. — За мной еще гонятся и, похоже, нагоняют.

— Животные не в счет, — заметил Люк.

— То, которое я только что зарубил, — в счет, — возразил я. — Его послали.

Я взглянул на поломанные двери, пытаясь определить, кто войдет следующим. Говорят, Огненные Ангелы всегда охотятся парами.

— Мне надо с тобой поговорить, — продолжал я.

— Не сейчас, — сказал Люк и отвернулся.

— Послушай, это важно.

— Я ничего не соображаю, — ответил он.

И в самом деле. Тащить его обратно в Амбер или куда-либо еще не было никакого смысла. Он просто растворится и снова окажется здесь. Прежде чем мы сможем обсуждать взаимные проблемы, голова его должна проясниться, а фиксация пройти.

— Ты помнишь, что твоя мать — пленница в Амбере? — спросил я.

— Да.

— Позови меня, когда очухаешься. Надо поговорить.

— Хорошо.

Я развернулся и вышел из бара на туманную набережную. Издалека донеслось пение Люка. Он старательно выводил тоскливую мелодию баллады.

Туман так же плох, как и полная темнота, когда дело касается перемещения в Тени. Если невозможно ничего разглядеть во время движения, значит, нельзя и вовремя ускользнуть. С другой стороны, мне хотелось побыть одному и кое-что обдумать, тем более что в голове у меня прояснилось. Если я

никого не вижу в этом мареве, значит, и меня никто не видит. Кроме моих шагов по булыжной мостовой, никаких звуков не раздавалось.

Ну и чего я добился? С тех пор как меня разбудили от кратковременного сна, чтобы я сопровождал Люка в его необычном путешествии в Амбер, мне приходилось то и дело напрягаться самым немыслимым образом, от чего я под конец смертельно устал. Меня доставили к Люку, я понял, что он грезит, и сделал все, чтобы он поскорее вышел из этого состояния. Потом я изрубил Огненного Ангела и оставил Люка там же, где и увидел впервые.

Пробираясь сквозь плотный, как вата, туман, я размышлял о том, чего мне удалось добиться: я предостерег Люка от любых поползновений в отношении Амбера. Теперь он помнит, что его мать — наша пленница, и не решится предпринять что-либо против нас в данных обстоятельствах. Помимо чисто технических сложностей по транспортировке Люка и удержанию его в одном месте, это была еще одна причина, по которой я хотел оставить его одного. Рэндом, конечно, предпочел бы видеть противника закованным в кандалы в подвале. Но и лишенный клыков Люк его устроит, тем более что рано или поздно он сам придет к нам в поисках Джасры. Я хотел, чтобы он поклонился нам по своей воле. Ну, а у меня проблем хватало: Призрачное Колесо, Маска, Винта... и этот новый фантом, который только что записался на прием, взял номерок и сел в кресло.

Не исключено, что Джасра использовала силу наведения голубых камней и подослала ко мне убийц; у нее были к этому как возможности, так и мотивы. Это мог быть также и Маска, который тоже имел необходимые возможности и, очевидно, мотивы, хотя я их не понимал. С Маской я разберусь, когда придет время, сейчас хорошо бы уйти от голубых камней. Похоже, я чем-то напугал Маску во время нашей последней встречи в Страже. Как бы то ни было, представлялось маловероятным, чтобы Маска или Джасра, со всей их мощью, имели выход на тренированных Огненных Ангелов. Нет, есть только одно место, где их можно заполучить, и колдуны Тени не входят в список клиентов.

Порыв ветра на мгновение разогнал туман, и я увидел темные строения. Хорошо. Я переместился.

Снова наполз туман; впереди громоздились уже не здания, а мрачные каменные громады. Еще один просвет, и я увидел клочок утреннего или вечернего неба, по которому рассыпалась пена ярких звезд. Вскоре ветер окончательно разогнал туман, и я понял, что нахожусь на возвышенном каменистом плато;

небосвод светился звездным огнем, при котором можно было читать. Я пошел по темной тропе, ведущей к краю мира...

Все это дело с Люком, Джасрой, Далтом и Маской представлялось мне единой историей — местами понятной, местами загадочной. Имея время и желание, ее можно было распутать, хотя для этого и пришлось бы немного помотаться. Похоже, Люк и Джасра нейтрализованы. Маска, непостижимый человек, кажется, затаил лично на меня зуб, но угрозы Амберу не представлял. Опасен был Далт со своим неведомым новым оружием, однако Рэндом владел ситуацией, да и Бенедикт уже вернулся в город. Похоже, сделано все, что можно было сделать.

Я стоял на краю мира и смотрел в полную звезд бездонную пропасть. Моя гора никоим образом не украшала поверхность планеты. Слева от меня находился мост, за которым чернела заслоняющая звезды громада — вероятно, еще одна плавающая гора. Я осторожно зашагал по настилу. Здесь не существовало проблем атмосферы, гравитации и температуры. Здесь я мог сам создавать нужную мне реальность.

У дальнего края черной горы был еще один мост, ведущий к другим черным провалам. Там я задержался, поскольку мог видеть во все стороны. Место показалось мне подходящим и безопасным. Я вытащил колоду карт и нашел одну, которой не пользовался очень, очень давно.

Я отложил остальные в сторону и долго изучал голубые глаза и молодое, четкое, слегка жестковатое лицо, обрамленное копной чистых белых волос. Он был одет во все черное, за исключением белого воротника и выглядывающих из-под плотного, блестящего камзола манжет. Рука в перчатке сжимала три стальных шара.

Иногда бывает непросто попасть сразу в Хаос, поэтому я сфокусировал внимание и потянулся осторожно и уверенно. Контакт наступил почти мгновенно. Он сидел на балконе под расчерченным безумным пунктиром небом, слева от него находились Меняющиеся Горы. Ноги его покоились на небольшом плавающем столике, а сам он читал книгу. Опустив ее, он слабо улыбнулся:

— Ты выглядишь усталым, Мерлин.

Я кивнул и сказал:

— А ты отдохнувшим.

— Да. — Мэндор закрыл книгу и положил ее на столик. — Неприятности?

— Именно.

Он поднялся.

— Хочешь пройти?

Я покачал головой:

— Если у тебя есть карты для возвращения, лучше ты иди ко мне.

— Хорошо, — сказал он и протянул руку.

Я протянул свою, и мы коснулись друг друга. Потом он сделал один шаг и оказался на мосту рядом со мной. Мы обнялись, после чего Мэндор огляделся и посмотрел в провал.

— Здесь опасно?

— Нет. Я выбрал это место потому, что здесь спокойно.

— И красиво... Что происходит?

— Долгие годы со мной вообще ничего не происходило. Я был обычным студентом, а потом разработчиком компьютерной техники. И вдруг словно сам ад вырвался на волю. Хотя в основном я все понимаю и контролирую большую часть происходящего. Эта часть сложна и недостойна твоего внимания.

— А другая часть?

— До сего времени мои враги были из окрестностей Амбера. Затем, совершенно неожиданно, когда почти все было улажено, кто-то пустил по моему следу Огненного Ангела. Мне только что удалось его уничтожить. Не могу понять, кто его на меня натравил.

Мэндор прищелкнул языком, отошел в сторону, потом обернулся.

— Разумеется, ты прав, — сказал он. — Я не знал, что дело дошло до такого, иначе переговорил бы с тобой раньше. Давай, однако, разберем главные моменты, прежде чем я выскажу тебе кое-какие соображения. Я хочу выслушать историю целиком.

— Зачем?

— Затем, что иногда ты бываешь поразительно наивен, братец, и можешь ошибиться в отношении того, что по-настоящему важно.

— Я умру с голоду, прежде чем закончу, — заметил я.

Плутовато улыбнувшись, мой сводный брат Мэндор поднял руки.

Джарт и Деспил приходились мне сводными братьями; моя мать Джасра родила их от Савалла, герцога Края. Мэндор же был сыном Савалла от предыдущего брака. Мэндор старше меня, наверное, поэтому он напоминает мне моих родственников из Амбера. Я всегда чувствую себя не в своей тарелке в присутствии детей Дары и Савалла, а так как Мэндор не входил в их замкнутый круг, у нас с ним было много общего. В конце концов мы пережили все разногласия и сблизились, как мне временами казалось, теснее, чем единокровные братья. За эти годы он научил меня многому, и мы с ним великолепно проводили время.

Воздух рядом с нами заколебался, и, когда Мэндор опустил руки, там уже стоял покрытый белой скатертью стол, а спустя мгновение появились и два стула. Стол был сервирован бесчисленными блюдами, изысканной фарфоровой посудой, хрусталем и серебряными приборами; было даже сверкающее ведерко со льдом, в котором темнела рифленая бутылка.

— Впечатляет, — признался я.

— Последние годы я уделял много времени гурманистической магии, — сказал Мэндор. — Прошу садиться.

Нам было очень удобно на мосту между двумя темными мирами. Я восхищенно причмокнул, а спустя некоторое время приступил к последовательному изложению событий, которые привели меня сюда, в царство звездного света и безмолвия.

Мэндор выслушал мое повествование, не перебивая, затем спросил:

— Не желаешь ли повторить десерт?

— Да, с удовольствием.

Подняв голову, я заметил, что он улыбается.

— Что смешного?

— Ты, — ответил он. — Помнишь, я говорил, что доверять тебе будут с опаской.

— Ну и что? Я никому о себе не рассказывал. Если ты собираешься читать мне лекции о том, что нельзя дружить с Люком, не узнав его, то я это уже слышал.

— А что с Джулией?

— Ты о чем? Она никогда не училась...

— Именно. И ты решил, что ей можно довериться. На деле же ты настроил ее против себя.

— Правильно! Может быть, в этом случае я тоже ошибся в суждении.

— Ты создал замечательную машину, но тебе не пришло в голову, что она может стать мощным оружием. Рэндом, кстати, мгновенно все понял. И Люк тоже. Возможно, тебя спасло от катастрофы то, что Колесо начало рассуждать и не захотело подчиняться.

— Ты прав. Меня больше волновали технические проблемы. Я не продумал всех последствий.

Мэндор вздохнул:

— Что мне с тобой делать, Мерлин? Ты рискуешь — и даже не понимаешь, что рискуешь.

— Я не поверил Винте, — возразил я.

— Полагаю, ты мог бы получить от нее больше информации, — парировал Мэндор, — если бы не так торопился спасти Люка, который к тому времени был уже в безопасности. Похоже, к концу вашего разговора она разоткровенничалась.

— Наверное, мне следовало позвать тебя.

— Сделай это, если встретишься с ней еще раз. Я ею займусь.

Я вытаращил глаза. Похоже, он говорил всерьез.

— Ты знаешь, кто она?

— Я ее разгадаю, — сказал Мэндор, покручивая в пальцах бокал с ярким оранжевым напитком. — Но у меня есть к тебе предложение — простое до элегантности. Я приобрел новый домик — очень уединенный, в тиши, со всеми удобствами. Почему бы тебе не вернуться со мной во Владения, вместо того чтобы мотаться от одной опасности к другой? Заляжешь на пару лет, насладишься спокойной жизнью, почитаешь. Там ты будешь в полной безопасности. А когда спадет накал, снова займешься своим делом.

— Нет, — отрезал я и сделал маленький глоток сказочного напитка. — Лучше расскажи о том, чего я не знаю.

— Если ты примешь мое приглашение, тебе это никогда не понадобится.

— Все равно. Даже если я его приму, я хочу все знать. Ты же выслушал мою историю. Теперь я послушаю твою.

Мэндор пожал плечами, откинулся на спинку стула и посмотрел на звезды.

— Свейвил умирает, — сказал он.

— Он уже несколько лет только этим и занят.

— Верно, но ему стало значительно хуже. Полагают, что это связано со смертным проклятием Эрика из Амбера. Как бы то ни было, долго он не протянет.

— Начинаю понимать...

— Да, борьба за право наследования разгорается. Люди гибнут как мухи — отравления, дуэли, убийства, странные катастрофы, сомнительные самоубийства. Многие уехали в неизвестном направлении. Во всяком случае, так о них говорят.

— Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Придет время, и оно не будет иметь к тебе отношения.

— То есть?

— Ты знаешь, что после твоего отъезда Савалл тебя формально усыновил?

— Что?!

— Да-да. Я не уверен до конца в его мотивах. Но ты являешься законным наследником. Ты следуешь за мной, опережая Джарта и Деспила.

— Все равно я в самом конце списка.

— Верно, — медленно проговорил Мэндор. — Большинство заинтересованных лиц идет выше...

— Ты сказал «большинство»?

— Всегда бывают исключения, — ответил он. — Ты должен понять, что в смутные времена хорошо отдавать старые долги: лишняя смерть не привлечет такого внимания, как в мирный и спокойный период. Даже в относительно высоких сферах.

Встретив его взгляд, я покачал головой:

— Это в самом деле не имеет отношения к моему случаю.

Мэндор посмотрел на меня так пристально, что мне стало неловко.

— Разве не так? — спросил я под конец.

— Ну... — произнес он, — подумай сам.

Я подумал. Едва я сообразил, Мэндор кивнул, словно ясно видел все, что происходит в моей голове.

— Джарт встретил перемены со смешанным чувством радости и страха. Без конца говорил о последних смертях, восхищался элегантностью и очевидной легкостью, с которой многие из них происходили. Хихикал и радовался. Наконец страх и стремление подчеркнуть собственную способность ко злу пересилили другой его страх...

— Перед Логрусом?

— Да. В конце концов он рискнул пройти Логрус.

— Наверное, был очень собою доволен. И горд. Он ведь много лет к этому стремился.

— О да, — ответил Мэндор. — Не сомневаюсь, что он испытал также немало других чувств.

— Свобода, — предположил я. — Сила. — Увидев его удивленное выражение, я вынужден был добавить: — Возможность вести игру самому.

— Ты не безнадежен, — проворчал Мэндор. — Теперь постарайся довести все до логического завершения.

— Попробую, — сказал я, вспомнив, как отлетело после моего рубящего удара ухо Джарта, обдав нас обоих брызгами крови. — Ты считаешь, что Огненного Ангела послал Джарт?

— Вполне возможно. Не желаешь ли, однако, продолжить?

Я вспомнил, как Джарт напоролся глазом на ветку, когда мы с ним сцепились на поляне...

— Хорошо, он действительно жаждет моей смерти. Возможно, это борьба за право наследования, поскольку я его

немного опережаю, а может, это обыкновенная неприязнь, месть... или все вместе.

— Если судить по результату, то разницы никакой, — согласился Мэндор. — Но я вспомнил, как на тебя набросился корноухий волк. Кажется, у него был только один глаз?

— Да... Как, кстати, выглядит сегодня Джарт?

— О, ухо уже почти отросло. Неровно, конечно, и выглядит ужасно. Он старается прикрывать его волосами. Глазное яблоко регенерировало, хотя видеть Джарт еще не может. Предпочитает ходить с повязкой.

— Теперь кое-что становится понятным, — промолвил я. — Удачное время он выбрал, чтобы замутить воду.

— Вот почему я и предлагаю тебе залечь на дно и подождать, пока все уляжется. Слишком много всего происходит. Когда в воздухе столько стрел, одна может невзначай угодить тебе в сердце.

— Я в состоянии сам о себе позаботиться, Мэндор.

— В самом деле?

Я пожал плечами, подошел к перилам и запрокинул голову к звездам.

Спустя некоторое время он спросил:

— У тебя есть лучшие идеи?

Я не ответил, ибо размышлял как раз над этим вопросом. Я думал о том, что сказал Мэндор о моем ограниченном видении и недостаточной подготовке. Пожалуй, он прав: последнее время мне чаще приходилось реагировать на обстоятельства, чем действовать самому — за исключением похищения Джасры. Надо признать, что все произошло чрезвычайно быстро. Как бы то ни было, я не выработал реальных планов самозащиты, не изучил врага и не отработал тактику ответных ударов. Похоже, мне есть чем заняться...

— В такой запутанной ситуации, — сказал Мэндор, — следует играть осторожно.

С точки зрения здравого смысла, он, вероятно, был прав. Но Мэндор принадлежал исключительно к Владениям, в то время как я имел множество прочих обязательств. Благодаря моей связи с Люком я мог предложить собственный план по обеспечению безопасности Амбера. Пока существовала такая возможность, я был обязан действовать. Помимо всего прочего, меня терзало элементарное любопытство.

Раздумывая, каким образом представить все эти соображения Мэндору, я снова реагировал на обстоятельства, вместо того чтобы действовать самостоятельно.

Неожиданно мне показалось, будто неведомый кот царапается в двери моего подсознания. Похоже, у меня хотят что-то выведать. Чувство усиливалось, постепенно вытесняя все остальные, пока я не понял, что кто-то пытается связаться со мной по карте — наверное, Рэндом, которому не терпится узнать, что произошло за время моего отсутствия в Амбере.

Я настроился на прием.

— В чем дело, Мерлин? — спросил Мэндор, но я поднял руку, показывая, что занят. Он тут же положил салфетку и поднялся.

Картинка прояснилась... и я разглядел Фиону. За ее спиной громоздились скалы, над головой раскинулось бледно-зеленое небо, сама же она выглядела строго.

— Мерлин, ты где?

— Очень далеко, — ответил я. — Долго рассказывать. Что происходит? Где ты?

Она слабо улыбнулась:

— Очень далеко.

— Похоже, мы выбрали красивые места, — заметил я. — Ты подбирала небо под цвет волос?

— Перестань! — Тетушка нахмурилась. — Я не для того тебя вызвала, чтобы восторгаться природой.

В этот момент подошел Мэндор и положил руку мне на плечо. Подобный поступок не вязался с его характером. Вообще поступать так во время общения по карте считается столь же неприличным, как снимать трубку параллельного телефона и вмешиваться в чужую беседу. Тем не менее...

— Эй! Эй! — произнес он. — Пожалуйста, представь меня, Мерлин!

— Это еще кто? — спросила Фиона.

— Мой брат Мэндор, — сказал я, — из рода Саваллов, из Владений Хаоса. Мэндор, это моя тетя Фиона, принцесса Амбера.

Мэндор поклонился:

— Много о вас слышал, принцесса. Рад познакомиться.

Глаза ее на мгновение расширились.

— Мне известно о вашем роде, но я не знала, что Мерлин имеет к нему отношение. Приятная встреча.

— Если я правильно понял, есть проблемы, Фи?

— Да, — ответила она, взглянув на Мэндора.

— Я вас оставляю, — тут же произнес он. — Большая честь познакомиться с вами, принцесса. Жаль, что вы живете так далеко от Края.

— Подождите, — улыбнулась Фиона. — Никаких государ-

ственных секретов я обсуждать не собираюсь. Вы посвящены в Логрус?

— Конечно, — кивнул Мэндор.

— Надеюсь, вы встретились не для дуэли?

— Разумеется, нет, — ответил я.

— В таком случае мне бы хотелось выслушать и ваш взгляд на эту проблему. Не угодно ли ко мне прийти, Мэндор?

— Куда угодно, мадам. — Он отвесил низкий поклон. Мне показалось, что Мэндор слегка перегибает.

— Тогда идемте!

Фиона вытянула левую руку. Я крепко ее сжал, а Мэндор прикоснулся к запястью. Мы шагнули вперед.

Вокруг простиралась каменистая местность. Было ветрено и прохладно. Издалека доносился рокот — казалось, работает какой-то агрегат с приглушенным двигателем.

— Видела кого-нибудь из Амбера? — спросил я.

— Нет.

— Ты уехала неожиданно.

— Тому были причины.

— Потому что узнала Люка?

— Теперь и ты его знаешь, не так ли?

— Да.

— А другие?

— Я рассказал Рэндому, — ответил я, — и Флоре.

— Значит, знают все, — вздохнула тетушка. — Я уехала в спешке. Успела прихватить с собой Блейза, поскольку мы шли следующими в списке Люка — в конце концов, я пыталась убить его отца и едва в этом не преуспела. Блейз и я были ближайшими родственниками Брэнда, и мы выступили против него.

Фиона пристально посмотрела на Мэндора, и тот улыбнулся.

— Насколько мне известно, — произнес он, — Люк сейчас пьет в компании Кота, Додо, Гусеницы и Белого Кролика. Его мать является пленницей Амбера, а значит, против вас он бессилен.

Фиона перевела взгляд на меня.

— А ты не терял времени, — сказала она.

— Стараюсь.

— ...Так что вы можете спокойно возвращаться, — продолжил свою мысль Мэндор.

Фиона расплылась в улыбке, затем взглянула на меня.

— Твой брат неплохо информирован.

— Как и вся его семья, — ответил я. — За жизнь у нас выработалась привычка присматривать друг за другом.

— За его жизнь или за твою?

— За мою, — ответил я. — Он старше.

— Пару столетий туда, пару сюда... — проворчал Мэндор.

— Сразу чувствуется зрелость духа, — заметила Фиона. — Я хотела бы доверять вам больше, чем планировала.

— Это весьма отважное решение, — ответил он, — я очень дорожу вашим отношением...

— Но вам бы не хотелось, чтобы я этим воспользовалась?

— Именно так.

— Я не собираюсь испытывать при первом знакомстве вашу верность семье и трону. Это касается как Владений Хаоса, так и Амбера, но конфликт здесь, будем надеяться, не возникнет.

— Я не сомневаюсь в чистоте ваших намерений. Я только хотел яснее обозначить свою позицию.

Фиона снова обернулась ко мне:

— Мерлин, мне кажется, ты меня обманул.

Пытаясь сообразить, где и когда я ввел ее в заблуждение, я непроизвольно нахмурился.

— Если и обманул, — покачал я головой, — то я этого не помню.

— Несколько лет назад, — подсказала тетушка, — когда я попросила тебя пройти Огненный Путь, созданный твоим отцом.

— О! — воскликнул я, надеясь, что при таком причудливом освещении мой румянец останется незамеченным.

— Ты воспользовался тем, что я рассказала тебе о сопротивлении, — продолжала она, — и заявил, что не можешь даже поставить на него ногу. Но когда я попыталась его пройти, никакого сопротивления не оказалось.

Фиона взглянула на меня, словно ожидая подтверждения своих слов.

— И?.. — спросил я.

— Сегодня это приобрело еще большую важность, и я хочу знать, слукавил ли ты в тот день?

— Да.

— Зачем?

— Если бы я сделал первый шаг, мне пришлось бы пройти Путь до конца. Куда бы он меня завел и что бы из всего этого вышло? Каникулы заканчивались, я торопился вернуться в школу. У меня не оставалось времени на длительные экспедиции. Поэтому я и решил сослаться на трудности.

— А мне кажется, у тебя были и другие мотивы.

— Например?

— Думаю, Корвин оставил тебе записку — или рассказал что-то нам неизвестное. Не сомневаюсь, что ты знаешь об этом больше, чем говоришь.

— Извини, Фиона, — пожал я плечами. — Я не отвечаю за твои подозрения. С удовольствием бы тебе помог, если бы знал как.

— Знаешь, — бросила она.

— Скажи.

— Пойдем со мной к новому Пути. Я хочу, чтобы ты прошел его.

Я покачал головой:

— У меня есть более срочные дела, чем удовлетворять твое любопытство в отношении того, что мой отец проделывал много лет назад.

— Это больше чем любопытство, — заявила Фиона. — Мне кажется, что именно там заключается секрет участившихся Теневых бурь.

— А я тебе назвал другую причину. Мне представляется, что дело в частичном разрушении и восстановлении старого Огненного Пути.

— Пойдем, — сказала она, развернулась и полезла вверх.

Я взглянул на Мэндора, пожал плечами и последовал за ней.

Мы вскарабкались на неровную каменистую гору. Фиона первой поднялась на вершину и пошла по нависающему над пропастью откосу. Дойдя до огромного провала, тетушка остановилась. Она стояла к нам спиной, отсвет зеленого неба вытворял удивительные вещи с ее волосами.

Я встал рядом и проследил направление ее взгляда. Далеко внизу и слева курился огромный черный столб. Похожий на рокот мотора, рев шел именно оттуда. Земля вокруг столба потрескалась. Я смотрел на него несколько минут, но столб не сдвинулся с места.

Наконец я кашлянул.

— Похоже на огромный застывший торнадо...

— Вот почему я хочу, чтобы ты прошел новый Путь, — сказала Фиона. — Думаю, что он нас раздавит, если мы не доберемся до него первыми.

Глава 3

Интересно, что бы вы предпочли, если бы пришлось выбирать между способностью к выявлению лжи и открытию истины? Когда-то я думал, что это лишь разные названия одного и того же. Теперь я так не считаю. Большинство моих родственников одинаково хорошо видят насквозь разные махинации и не задумываясь прибегают к ним. Между тем я не уверен, чтобы их серьезно волновала истина. С другой стороны, я всегда чувствовал, что в поиске истины есть что-то благородное, особенное и почетное. Я испытал это состояние, создавая Призрачное Колесо. Мэндор вселил в меня сомнения. Не сделал ли он из меня неудачника, гоняющегося за противоположностью истины?

На самом деле, конечно, все сложнее. Такие ситуации не сводятся к простому «или-или», это скорее заявление о намерении. Мне вдруг захотелось признать, что я готов к любым крайностям, вплоть до полного безрассудства, и что способность к критическим суждениям дремала во мне слишком долго.

Я задумался над просьбой Фионы.

— Что в нем такого страшного? — спросил я.

— Теневая буря приняла форму торнадо, — ответила она.

— Подобное случалось и прежде.

— Верно, но все они двигались по Тени. Этот же стоит на месте. Появился несколько дней назад и с тех пор ничуть не изменился.

— Сколько по времени Амбера? — спросил я.

— Полдня, наверное. А что?

— Просто так. Интересно, — пожал я плечами. — Все равно не понимаю, что в нем такого страшного.

— Говорю тебе, бури участились после того, как Корвин создал новый Огненный Путь. Появляются они совершенно неожиданно, и все разные. Необходимо с новым Путем разобраться.

До меня вдруг дошло, что тот, кому удастся пройти Путь отца, станет господином над некими ужасными силами. Или госпожой.

Поэтому я произнес:

— Ну, допустим, я пройду его. Что потом? Из рассказа отца я понял: я закончу путь где-то в центре, точно так же как и в старом Пути. Что нового мы узнаем?

Я внимательно следил за ее лицом, но мои родственники хорошо владеют собой и не прокалываются на таких пустяках.

— Насколько мне известно, — произнесла Фиона, — когда Корвин находился в середине, Брэнду удалось попасть туда по карте.

— Да, знаю.

— Ну так вот, ты дойдешь до середины, а я приду к тебе по карте.

— Предположим. Мы вдвоем стоим в середине Пути...

— ...Оттуда сможем добраться до мест, недостижимых из других точек бытия.

— Как, например? — уточнил я.

— До первородного Огненного Пути.

— Ты уверена, что такой существует?

— Обязательно. Структура мироздания предусматривает его на низших уровнях реальности.

— И наша цель до него добраться?

— Там хранятся великие секреты и тайны, там можно познать глубочайшую магию.

— Ясно, — сказал я. — А что потом?

— Ну как же ты не понимаешь? Потом мы сумеем распутать порождаемые им проблемы.

— И все?

Ее глаза сузились.

— Мы познаем все, что сможем. Сила — это сила. Она страшна до тех пор, пока ее не поняли.

Я медленно кивнул.

— Дело в том, что существуют более реальные угрозы, — произнес я. — Новому Огненному Пути придется подождать своей очереди.

— Не забывай, ты почерпнешь в нем могущество, которое поможет тебе справиться с другими проблемами.

— Даже если и так. Я боюсь, что дело затянется надолго, а у меня нет сейчас времени.

— Ты же не знаешь наверняка, затянется оно или нет?

— Да. Но если я сделаю хоть один шаг, назад пути не будет.

Я не стал говорить, что не имею ни малейшего желания оставлять ее одну в первородном Пути. Однажды Фиона уже попыталась возвести претендента на трон. Если бы Брэнду тогда повезло, он стал бы королем Амбера, а она стояла бы у него за спиной, что бы она сейчас ни говорила. Мне показалось, что Фиона просто хотела попросить меня доставить ее в первородный Путь, а потом испугалась, что я откажу. Чтобы не попасть в неловкое положение человека, которому отказали в просьбе, она возобновила первоначальный спор.

— Лучше постарайся найти время сейчас, если не хочешь увидеть, как целые миры рвутся вокруг тебя на части.

— Я тебе с самого начала не верил, — произнес я. — И сейчас не верю. Я по-прежнему считаю, что участившиеся бури — результат повреждения и восстановления исходного Огненного Пути. Я также считаю, что если мы сунемся в новый Путь, о котором нам ничего не известно, то окончательно все испортим и запутаем...

— Я не собираюсь в него соваться, — проворчала тетушка. — Я хочу изучить...

Между нами неожиданно сверкнул знак Логруса. Похоже, Фиона тоже увидела или почувствовала его, ибо в ту же секунду она отпрянула назад.

Я обернулся, уже зная наверняка, что увижу.

Мэндор взобрался на зубчатую каменную стену, раскинул руки и замер, словно сам был ее частью. Мне захотелось крикнуть, чтобы он остановился, но в последний момент я подавил это желание. Он знал, что делает. И к тому же все равно не обратил бы на меня никакого внимания.

Я подобрался к выступу, на котором застыл Мэндор, и взглянул на клубящийся внизу столб. Через образ Логруса я почувствовал темный и страшный напор силы, раскрытой мне Сухаем в его последнем уроке. Мэндор взывал к ней и вливал ее в набирающую мощь Теневую бурю. Неужели он не сознает, что освобожденные им силы Хаоса будет непросто загнать обратно? Неужели не понимает, что если буря и в самом деле есть проявление энергии Хаоса, то он превращает ее в настоящее чудовище?

Столб вырос. Смотреть на него было уже страшно. Рев стал оглушительным.

Я услышал, как Фиона охнула за моей спиной.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — крикнул я Мэндору.

— Через минуту все узнаем, — ответил он и опустил руки.

Знак Логруса погас.

Мы смотрели, как проклятая штуковина разрастается в размерах и ревет все громче.

— Ну и что ты доказал? — не выдержал я наконец.

— Что у тебя нет терпения, — ответил он.

В происходящем явлении не было ничего поучительного, тем не менее я не мог оторвать от него взгляда.

Неожиданно рев перешел в оглушительный треск. Черный призрак столба задергался, стряхивая налипший мусор, затем рев возобновился.

— Как ты это сделал?

— Ничего я не делал, — ответил Мэндор. — Он сам подстраивается.

— Такого не должно быть, — заметила Фиона.

— Не должно, — согласился он.

— Рев должен был постоянно нарастать, — сказала Фиона. — Но у того, кто контролирует бурю, другие планы. Поэтому столб перестроился.

— Не забывайте, что это явление связано с Хаосом, — добавил Мэндор. — Заметили, как столб черпал оттуда силы, когда я предоставил ему такую возможность? Но после определенного момента пошла корректировка. Кто-то играет с самими первородными силами. Кто это, зачем и почему, я не знаю. Думаю, это веский довод в пользу того, что Огненный Путь здесь ни при чем. Он не имеет отношения к играм Хаоса. Так что Мерлин скорее всего прав. Полагаю, эта проблема имеет иное происхождение.

— Ладно, — уступила Фиона. — С чем мы остаемся?

— С тайной, — сказал Мэндор. — Но не с угрозой.

В голове у меня промелькнула мысль... Я мог, конечно, и ошибиться, но не это заставило меня промолчать. Дело касалось той области мышления, которую невозможно исследовать мгновенно, а мне не хотелось понапрасну раскрываться.

Фиона испепеляла меня взглядом, но я хранил спокойствие. Видя, что ничего не получается, она резко сменила тему разговора:

— Ты сказал, что оставил Люка при необычных обстоятельствах. Где он сейчас?

Меньше всего мне хотелось окончательно ее разозлить. Но и натравить ее на Люка я тоже не мог. Насколько я знал свою тетушку, она могла запросто его прикончить, хотя бы из соображений безопасности. А я не хотел, чтобы Люк погиб. Мне казалось, что с ним происходят серьезные перемены, и я пытался создать для него максимально благоприятный режим. Мы многим были друг другу обязаны; когда люди знают друг друга так долго, трудно вести счет долгам и обидам. Помня, в каком состоянии я его оставил, я понимал, что пройдет немало времени, прежде чем Люк обретет нормальную форму. Кроме того, мне хотелось о многом с ним переговорить.

— Извини, — сказал я. — В данный момент я сам им занимаюсь.

— По-моему, я тоже заинтересованное лицо, — резко ответила Фиона.

— Безусловно. Но мой интерес представляется мне более важным. Я не хочу, чтобы мы друг другу мешали.

— Подобные вопросы я способна решать самостоятельно, — отрезала она.

— Ладно, — вздохнул я. — Он в состоянии наркотического

опьянения. И сможешь ты от него добиться лишь красочных и бессмысленных описаний.

— Как это случилось?

— Колдун по прозвищу Маска одурманил его, когда Люк находился у него в плену.

— Где это произошло? Я ничего не слышала о Маске.

— Место называется Страж Четырех Миров, — сказал я.

— Давненько я ничего не слышала о Страже, — проворчала Фиона. — Раньше им владел колдун по имени Шару Гаррул.

— Он стал вешалкой.

— Что?

— Это долгая история. Сейчас главный в Страже — Маска.

Фиона уставилась на меня. Похоже, до нее только сейчас начало доходить, что она совершенно не в курсе последних событий. Мне показалось, что тетушка продумывает следующие вопросы, и решил переломить ситуацию в свою пользу, пока она не собралась с мыслями.

— Ну, как там Блейз? — спросил я.

— Ему лучше. Я сама лечу его, и дело идет на поправку.

Я собирался спросить, где он сейчас, на что она наверняка отказалась бы отвечать, после чего мы бы оба улыбнулись. Нет адреса Блейза, не будет и адреса Люка; мы храним свои секреты и остаемся друзьями.

— Эй! — крикнул Мэндор, и мы одновременно повернулись в его сторону.

Черный столб торнадо уменьшился почти в два раза и продолжал съеживаться на наших глазах. Он опадал внутрь себя, сжимался, сжимался и наконец пропал из виду.

Я не мог подавить улыбки, но Фиона, кажется, ничего не заметила. Она смотрела на Мэндора.

— Вы полагаете, это произошло в результате ваших действий?

— Я ничего не могу утверждать, но такое вполне вероятно.

— Что произошло?

— Похоже, тому, кто проводил этот эксперимент, не понравилось мое вмешательство.

— Вы всерьез полагаете, что за всем этим стоит разум?

— Конечно.

— Кто-то из Владений Хаоса?

— Скорее кто-нибудь с вашей стороны.

— Пожалуй... — согласилась Фиона. — У вас есть предположения относительно личности этого человека?

Мэндор улыбнулся.

— Я понимаю, — поспешно произнесла тетушка. — Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Но угроза касается всех...

— Все правильно, — кивнул Мэндор. — Поэтому я и предлагаю провести расследование. Я в данный момент ничем не связан. А дело может оказаться интересным.

— Наверное, будет неловко интересоваться результатами вашего поиска, — сказала Фиона, — не зная, чьи интересы могут при этом пострадать.

— Я ценю вашу щепетильность, — ответил Мэндор, — но, насколько мне известно, условия договора остаются в силе и никто во Владениях Хаоса не строит козней против Амбера. Если хотите, мы можем приступить к расследованию вместе, хотя бы на отдельных этапах.

— Что ж, время у меня есть, — сказала она.

— А у меня нет, — поспешно вставил я. — Много срочных дел.

Мэндор кинул на меня пристальный взгляд.

— Что касается моего предложения...

— Не могу, — ответил я.

— Хорошо. Значит, наш разговор остался незавершенным. Я свяжусь с тобой позже.

— Договорились.

Фиона также взглянула на меня.

— Держи меня в курсе выздоровления Люка и его планов, — потребовала она.

— Конечно.

— Тогда всего доброго.

Мэндор помахал мне рукой, я ответил ему тем же и отошел в сторону.

На каменистом склоне, где никто не мог меня видеть, я остановился и вытащил карту Амбера. Потом сосредоточил внимание и, как только нащупал путь, перенесся. Хорошо, если тронный зал окажется пустым, хотя на данном этапе большой роли это не играло.

Я едва не налетел на Джасру, через вытянутую левую руку которой был перекинут плащ. Я нырнул в дверь слева и очутился в пустом коридоре, а затем добрался до черной лестницы. Несколько раз я слышал голоса и сворачивал с пути, чтобы не натолкнуться на говоривших. В результате мне удалось незамеченным добраться до своих покоев.

Похоже, за вечность с половиной мне удалось лишь разок урвать пятнадцатиминутный сон, после чего колдовские способности Люка, для которых не существовало никаких расстояний, вытащили меня при помощи порожденной галлюцинацией карты в бар Зазеркалья. Когда это было? Скорее всего вчера, в день, полный событий...

Я запер дверь на засов и рухнул в кровать, не снимая даже сапог. Дел было по горло, но я чувствовал себя совершенно обессиленным. Безопаснее Амбера я пока места не знал, потому и вернулся к себе, хотя один раз Люк меня и отсюда выдернул.

После всей чепухи, которая произошла со мной за последнее время, человеку с развитым подсознанием снились бы полные озарений сны; он проснулся бы просветленный и знающий что делать во всех деталях. Со мной ничего подобного не произошло. Один раз я очнулся в легком ужасе от того, что не знаю, где нахожусь. Открыв глаза, я успокоился и уснул снова. Позже... как мне показалось, намного позже, я вернулся... по частям, как плавучий мусор, который выносится на берег одной волной, потом другой, пока наконец весь не оказывается на суше. Только теперь я почувствовал, как болят ноги. Я сел и с трудом стащил сапоги, испытав при этом шестое из величайших наслаждений своей жизни. Затем я поспешно стянул носки и швырнул их в угол комнаты. Неужели ни у кого больше ноги не болят? Я налил воды в таз и опустил в него ступни, твердо решив следующие несколько часов походить босиком.

Наконец я поднялся, натянул свои любимые джинсы и фиолетовую фланелевую рубашку. Хоть на время послать к чертям мечи, плащи и кинжалы!.. Я открыл ставни и выглянул из окошка. Было темно. Тучи не позволяли определить, стоял ли ранний вечер, поздняя ночь или приближался рассвет.

В холле никого не было, кругом царила тишина. Я прошел к черной лестнице и оказался на кухне. Здесь тоже было пусто, в камине тлели поленья. Я не хотел заводиться с едой и рассчитывал ограничиться чаем и хлебом с сушеными фруктами. В ящике со льдом нашелся кувшин с апельсиновым соком.

Грея ноги и поедая батон, я вдруг почувствовал беспокойство. За чаем я окончательно сообразил, в чем причина: надо было срочно что-то делать, а я никак не мог сообразить что. Теперь наступила передышка, а я все не мог прийти в себя. Поэтому я снова начал думать.

Под конец трапезы у меня созрел небольшой план. Первым делом я отправился в тронный зал, где освободил Джасру от всяческих плащей и шляп, после чего взвалил ее на плечо.

Когда я тащил окаменевшее тело по коридору, приоткрылась дверь, из-за которой выглянул мутноглазый Дроппа.

— Эй! Могу поднести! — крикнул он мне вслед. — Похожа на мою первую жену, — пробормотал он, прикрывая дверь.

Установив Джасру в своей комнате, я подтащил стул и уселся перед ней. Несмотря на шутовское одеяние, строгая ее красота почти не пострадала. Однажды она едва не отправила меня на тот свет, и у меня не было ни малейшего желания освобождать ее в такое сложное время. Между тем меня давно интересовало действующее на Джасру заклинание, и я мечтал изучить его до конца.

Я начал осторожно исследовать конструкцию колдовского наговора. Она была довольно простой, вместе с тем отслеживание всех ответвлений требовало времени. Ладно, останавливаться поздно. Я продолжал возиться с заклинанием, делая попутно мысленные заметки.

Прошло несколько часов. Раскодировав заклинание, я решил добавить к нему пару моих собственных. Дворец между тем проснулся. Наступил день, а я все работал, пока наконец не добился желаемого результата. К тому времени я успел проголодаться.

Я поставил Джасру в угол, натянул сапоги и направился к лестнице. Как мне показалось, приближалось время обеда, и я заглянул в несколько комнат, в которых обычно принимали пищу. Все они, однако, оказались пусты. Более того, я нигде не обнаружил признаков предстоящей или только что закончившейся трапезы.

Возможно, мое восприятие времени по-прежнему искажено и на самом деле было либо слишком рано, либо слишком поздно. Так или иначе, день наступил уже давно, сильно ошибиться во времени я не мог.

Наконец я услышал слабое позвякивание приборов о тарелки и направился в направлении долгожданного звука. Похоже, семья собралась в редко посещаемом помещении. Я повернул направо, потом налево. Так и есть, обедали в гостиной. Какая разница.

Ллевелла сидела на красном диване рядом с Вайол, женой Рэндома, перед ними был накрыт низкий столик. Майкл вывозил из кухни уставленную тарелками тележку.

Я деликатно кашлянул.

— Мерлин! — воскликнула совершенно слепая Вайол, и у меня, как всегда, пошли мурашки по коже от ее восприимчивости. — Как здорово!

— Здравствуй, — сказала Ллевелла. — Садись к нам. Не терпится послушать о твоих делах.

Я пододвинул стул к дальнему краю стола и сел. Майкл тут же поставил передо мной чистый прибор. Я быстро обдумывал ситуацию. Все, что услышит Вайол, станет, безусловно, известно Рэндому. Поэтому я рассказал им отредактированную версию, не упомянув ни Мэндора, ни Фиону, ни Владения Хаоса. Вышло значительно короче, и я смог быстрее добраться до еды.

— Все последнее время занимаются делами, — заметила Ллевелла, когда я замолчал. — Я начинаю чувствовать себя виноватой.

Кожа Ллевеллы имела нежный зеленоватый оттенок, у нее были полные губы и огромные кошачьи глаза.

— Правда, не до конца, — добавила она.

— А в самом деле, где остальные? — спросил я.

— Джерард следит за строительством фортификаций в порту, Джулиан возглавил армию, перевел ее на огнестрельное оружие и готовится защищать Колвир.

— Ты хочешь сказать, что Далт вывел свои войска в поле? Он идет на нас?

— Нет, — покачала она головой, — мы принимаем меры предосторожности из-за послания Люка. Войска Далта не приводились в состояние готовности.

— Кто-нибудь хотя бы знает, где он?

— Пока нет, хотя мы ожидаем поступления агентурных донесений. — Ллевелла пожала плечами. — Может быть, Джулиан уже в курсе.

— Почему командование принял Джулиан? — спросил я, не отрываясь от еды. — По-моему, это дело стоило поручить Бенедикту.

Ллевелла отвернулась и бросила взгляд на Вайол, которая, похоже, почувствовала перемену внимания.

— Бенедикт с небольшим отрядом воинов сопровождает Рэндома в Кашфу, — тихо произнесла Вайол.

— В Кашфу? — опешил я. — Чего это он туда поехал? Там постоянно торчит Далт. Этот район сейчас чрезвычайно опасен.

Она едва заметно улыбнулась.

— Потому он и взял в охрану Бенедикта и его людей. Не исключено, что они собирают разведывательную информацию, хотя не это послужило причиной их отъезда.

— Я так и не понял, — сказал я, — зачем вообще понадобилась эта экспедиция.

Вайол сделала маленький глоток воды.

— Неожиданные политические перемены. В отсутствие королевы и кронпринца власть захватил какой-то генерал. Недавно его убили, и Рэндому удалось добиться согласия на то, что на трон взойдет его ставленник — человек древнего и почтенного рода.

— Как ему это удалось?

— Многие крайне заинтересованы в том, чтобы Кашфу допустили в Золотой Круг государств, пользующихся режимом торгового благоприятствования.

— Выходит, Рэндом просто подкупил всех, чтобы продвинуть своего человека, — подытожил я. — Разве соглашение со странами Золотого Круга не предусматривает беспрепятственное проведение наших войск через их территории?

— Предусматривает, — кивнула Вайол.

Неожиданно я вспомнил свирепого на вид путешественника, который расплатился в кабачке «У Кровавого Билла» деньгами Кашфы. Я не стал даже выяснять, насколько близко по времени отстояло это событие от убийства мятежного генерала. Гораздо более меня взволновала вырисовывающаяся картина: выходит, Рэндом отодвинул Джасру и Люка от возвращения на отобранный у них трон, который, надо отметить, Джасра сама захватила несколько лет назад. Все эти захваты превращали справедливость в довольно туманное понятие. Этика Рэндома была не лучше и не хуже той, которой руководствовались до него. На деле же это означало, что попытки Люка вернуть отобранный у матери трон натолкнутся на сопротивление монарха Амбера. Готов биться об заклад, что условия договора предусматривают помощь со стороны Амбера как во внутренних вопросах, так и в защите от внешнего агрессора.

Невероятно. Выходило, что Рэндом не жалел сил и средств, чтобы изолировать Люка и лишить его всех легитимных атрибутов власти. Не удивлюсь, если следующим шагом Рэндома станет провозглашение Люка самозванцем и опасным бунтовщиком, а также объявление награды за его голову. Не переигрывал ли Рэндом? Люк не представлял сейчас реальной опасности, особенно после того, как его мать оказалась у нас в плену. С другой стороны, я не знал, как далеко готов зайти Рэндом. Намерен ли он просто уберечься от возможной угрозы или решил окончательно добить Люка? Последняя возможность меня тревожила, поскольку Люк явно исправлялся и пересматривал свою позицию. Мне не хотелось видеть, как его швырнут на съедение волкам только из-за того, что Рэндом решил перестраховаться.

— Полагаю, дело во многом касается Люка? — произнес я, глядя на Вайол.

Помолчав, она ответила:

— Рэндома больше волнует Далт.

Я пожал плечами. Далт являлся единственной военной силой, которой мог воспользоваться Люк в борьбе за трон, так что, с точки зрения Рэндома, они представляли одинаковую угрозу. Поэтому я ограничился тем, что произнес: «О!» — и продолжил трапезу.

Больше новостей не было, началась малозначительная болтовня, а я продолжал обдумывать свое положение. Мне снова показалось, что необходимо принимать экстренные меры, но я опять не мог понять какие. Подсказка пришла совершенно неожиданно во время десерта.

В комнату вошел придворный по имени Рэндел — высокий, худощавый, улыбчивый человек. На сей раз он не улыбался и двигался как-то торопливо, из чего я заключил, что происходит нечто необычное. Оглядев нас всех, он стремительно приблизился к Вайол и откашлялся:

— Ваше величество...

Вайол слегка повернула голову в его сторону:

— Да, Рэндел, что случилось?

— Только что прибыла делегация из Бегмы, — сообщил он, — а я не имею никаких указаний насчет того, как их принимать.

— Надо же! — воскликнула Вайол, откладывая вилку. — Мы ожидали их послезавтра, к приезду Рэндома. Они собирались ему жаловаться. Где вы их разместили?

— Пока в Желтом зале, — ответил Рэндел. — Я сказал, что доложу об их прибытии.

Вайол кивнула.

— Сколько их?

— Премьер-министр Оркуз, — принялся перечислять Рэндел, — его секретарь Найда, которая является одновременно его дочерью, и еще одна дочь — Корэл. С ними четверо слуг: двое мужчин и две женщины.

— Распорядитесь, чтобы им приготовили достойные покои, — приказала Вайол, — и предупредите кухню. Возможно, они еще не обедали.

— Слушаюсь, ваше величество. — Рэндел поклонился и стал пятиться к дверям.

— Сообщите мне, когда все будет готово. Тогда я дам вам дополнительные указания. Найдете меня в Желтом зале.

— Считайте, что все уже сделано, — произнес он и вышел.

— Мерлин, Ллевелла, помогите мне развлечь гостей, пока

делаются необходимые приготовления, — сказала Вайол и поднялась.

Я проглотил последний кусочек десерта и вскочил. Мне не хотелось беседовать с дипломатом и его свитой, но я оказался под рукой, а жизнь всегда полна маленьких обязательств.

— А зачем, собственно, они прибыли? — спросил я.

— Выразить протест против наших действий в Кашфе, — ответила Вайол. — Трудно сказать, хотят ли они опротестовать прием Кашфы в Золотой Круг или осудить наше вмешательство в ее внутренние дела. Возможно, они боятся осложнений в связи с тем, что их ближайший сосед получит те же торговые привилегии. Не исключено, что у руководства Бегмы имелись свои планы в отношении трона Кашфы, а мы их спутали. Может быть, и то и другое. Так или иначе, нам нечего им сказать, поскольку мы ничего не знаем.

— Я просто хотел узнать, каких тем следует избегать, — пояснил я.

— Всех перечисленных, — ответила Вайол.

— Я тоже об этом думала, — вставила Ллевелла. — И еще о том, не располагают ли они какой-либо информацией о Дальте. Скорее всего их разведка пристально следит за всеми событиями, разворачивающимися вокруг Кашфы.

— Не касайтесь этой темы, — бросила Вайол, направляясь к двери. — Если они сами проговорятся или захотят поделиться информацией — прекрасно, но не показывайте своего интереса.

Вайол взяла меня под руку, и мы отправились в Желтый зал. Ллевелла вытащила откуда-то крошечное зеркало и принялась в него смотреться. Судя по всему, результатом она осталась довольна; она отложила зеркальце и произнесла:

— Хорошо, что ты здесь, Мерлин. В такие времена лишнее улыбающееся лицо — это здорово.

— Почему я не чувствую, что мне повезло? — проворчал я.

Мы прошли в зал, где ожидали премьер-министр и его дочери. Слуги уже удалились на кухню за закусками. Делегация была голодна, протокол требовал тщательного приготовления пищи и особого украшения подносов.

Оркуз был плотным и статным человеком, черные волосы аккуратно расчесаны на пробор, а черты широкого лица свидетельствовали о том, что ему чаще приходилось хмуриться, чем улыбаться. Именно в этом состоянии он и провел большую часть сегодняшнего дня. Лицо Найды представляло собой улучшенную версию физиономии Оркуза; девушка имела склонность к полноте, удерживаясь, однако, на рубежах приятной округлости. Кроме того, она постоянно улыбалась, радуя

окружающих великолепными зубами. В отличие от отца и сестры, Корэл была высокая и худенькая, каштановые волосы имели рыжеватый оттенок. Когда она улыбалась, то выглядела просто и мило. Я не мог отделаться от впечатления, что где-то ее видел. Кажется, на каком-то скучном приеме несколько лет назад... Может, даже удастся припомнить.

После того как нас представили, слуги подали вино, и Оркуз вкратце изложил свою позицию в отношении «недавних прискорбных событий» в Кашфе. Мы с Ллевеллой тут же встали по бокам Вайол, чтобы оказать ей моральную поддержку, но она с улыбкой ответила, что обсуждать подобные вопросы имеет смысл только после прибытия Рэндома, а пока ей хочется, чтобы гости ни в чем не нуждались. Ответ пришелся Оркузу по душе, он едва не улыбнулся; такое впечатление, что ему просто хотелось с первой минуты обозначить цель своего визита. Ллевелла перевела разговор на их путешествие, и он любезно сменил тему беседы. Политики умеют легко переключаться.

Позже я выяснил, что о визите Оркуза не знал даже посол Бегмы, что свидетельствовало о действительно поспешном отъезде. Оркуз не стал также утруждать себя посещением посольства, а прибыл прямо во дворец, направив в посольство депешу. Обо всем этом я узнал позже, когда он попросил выделить ему посыльного. В каскаде светской беседы я почувствовал себя лишним и принялся потихоньку обдумывать пути отхода. Закручивающаяся интрига меня ничуть не интересовала.

Корэл тоже томилась разговорами ни о чем. Она вздохнула, взглянула на меня и улыбнулась:

— Всегда мечтала посетить Амбер.

— Совпадает ли он с вашими представлениями? — поинтересовался я.

— О да! Пока. Конечно, я еще мало успела увидеть...

Я кивнул, и мы отошли в сторонку.

— Мы с вами не встречались раньше? — спросил я.

— Не думаю. Я очень мало путешествую, да и вам вряд ли приходилось бывать в наших местах. Зато я про вас много слышала, — сказала Корэл. — Общие сплетни. Знаю, что вы из Владений Хаоса, что вы учились на Теневой Земле... Интересно, как она выглядит?

Я заглотил наживку и принялся рассказывать ей об учебе, работе, о тех краях, где мне довелось побывать, и о том, что мне нравится делать. За разговором мы дошли до дивана. Оркуз, Найда, Ллевелла и Вайол не заметили нашего исчезновения. Если уж находиться здесь, то лучше беседовать с Корэл,

чем с ними. Чтобы не наскучить собеседнице, я принялся расспрашивать девушку о ее жизни.

Она рассказала мне о проведенном в Бегме детстве, о том, как она любит природу, лошадей и катание на лодках, о многочисленных озерах и реках своей страны, о прочитанных книгах и невинном заигрывании с магией. Когда Корэл описывала ритуалы местных фермеров, при помощи которых те пытаются добиться высоких урожаев, вошел слуга и что-то прошептал на ухо Вайол. В дверях показались вельможи. Вайол обратилась к Оркузу и Найде, и все двинулись к выходу.

Ллевелла отделилась от группы и направилась в нашу сторону.

— Ваша комната готова, Корэл. Слуга вас проводит. Вы можете освежиться и отдохнуть после путешествия.

Мы поднялись.

— Вообще-то я не устала, — произнесла Корэл, глядя больше на меня, чем на Ллевеллу. В уголках ее губ играла улыбка.

Что за черт! Неожиданно я поймал себя на том, что мне нравится находиться в ее обществе.

— Если хотите, переоденьтесь во что-нибудь попроще, — сказал я, — и мы можем посмотреть город. Или окрестности.

Улыбка обрела силу и красоту.

— С большим удовольствием, — ответила Корэл.

— В таком случае я буду ждать вас здесь через полчаса.

Я проводил ее и всех остальных до огромной лестницы. На мне по-прежнему были джинсы и вельветовая рубашка. Может, следовало бы переодеться, чтобы поменьше выделяться но местном фоне? К черту! В конце концов, мы просто прогуляемся. Я добавил к своему одеянию пояс с мечом, плащ и хорошие сапоги. Было бы время, не помешало бы подровнять бороду. Да и легкий маникюр...

— Эй, Мерлин! — Ллевелла взяла меня под локоть и повела в сторону алькова. Я не сопротивлялся.

— Что?

— Хм... А она ничего, а?

— Ничего.

— Ты кажется, уже увлекся?

— Боже мой, Ллевелла! Мы только что встретились!

— Но ты успел назначить ей свидание.

— Перестань! Я заслужил отдых. Мне нравится с ней болтать. Покажу немного наш город. Что тут плохого?

— Ничего, — ответила Ллевелла, — пока ты видишь перспективу.

— О какой перспективе речь?

— Мне, например, показалось странным, что Оркуз привез с собой двух хорошеньких дочерей.

— Найда — его секретарь, — возразил я, — а Корэл давно хотела посетить эти места.

— Ну да. И для Бегмы было бы очень даже неплохо, если бы одной из них удалось заарканить члена нашей семьи.

— Ты чересчур подозрительна, Ллевелла.

— Это приходит с годами.

— Я тоже хочу прожить подольше, однако надеюсь, что не начну искать скрытые мотивы в каждом человеческом поступке.

— Разумеется. Забудь об этом, — сказала она с улыбкой, зная, что я не забуду. — Удачно вам провести время.

Я вежливо прорычал что-то в ответ и направился в свою комнату.

Глава 4

Итак, в самый разгар всевозможных угроз, интриг, шантажа и загадок я решил взять выходной и прогуляться по городу с хорошенькой девушкой. Лучшего исхода и не придумаешь. Кто бы ни являлся моим врагом, какие бы силы мне ни противостояли, меня это не волновало. Я не испытывал ни малейшего желания охотиться за Джартом, драться на дуэли с Маской или мотаться за Люком, дожидаясь, пока он соблаговолит сообщить, нужны ли ему еще скальпы членов моей семьи. Далт меня не интересовал, Винта тоже, Призрачное Колесо молчало, а Огненный Путь отца мог подождать, пока я передохну. Сияло солнце, и дул легкий ветерок, хотя в это время года погода весьма переменчива. Глупо было бы тратить, может быть, последний пригожий денек на что-либо, кроме отдыха. Я мычал себе под нос и переодевался, а потом поспешил к месту встречи задолго до назначенного срока.

Корэл, как оказалось, переоделась еще быстрее и уже ждала меня. Мне понравились ее темно-зеленые лосины, плотная рубашка и теплый коричневый плащ. Сапоги ее идеально подходили для прогулки, широкая шляпа закрывала большую часть лица. Она надела также перчатки и повесила на пояс кинжал.

— Все готово, — объявила девушка, увидев меня.

— Отлично, — улыбнулся я и повел ее по коридору.

Она хотела было направиться в сторону главного входа, но я повернул направо, а потом налево.

— Всегда безопаснее пользоваться боковыми воротами.

— Здесь у вас сплошные тайны, — заметила Корэл.

— Привычка, — пожал я плечами. — Чем меньше посторонних знает, чем ты занимаешься, тем лучше идут дела.

— Посторонние? Чего вы боитесь?

— Сейчас? Очень многого. Но мне бы не хотелось тратить такой прекрасный день на составление списка.

Она осуждающе покачала головой:

— Значит, все, что о вас говорят, правда? Вы так запутались в своих разборках, что вынуждены вести учет?

— Последнее время у меня не было возможности записать хотя бы строчку, — сказал я и добавил: — Послушайте, мне и без того нелегко пришлось в последнее время.

— О! — воскликнула она, краснея.

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я, рассмеялся, распахнул плащ и махнул стражнику.

Корэл кивнула и дипломатично сменила тему:

— Похоже, я выбрала не самое удачное время, чтобы полюбоваться вашими знаменитыми садами.

— Да, сейчас не сезон, — сказал я. — Разве что японский сад Бенедикта в самом расцвете. Полагаю, мы могли бы как-нибудь выпить там чашечку чаю. Сейчас нам лучше проехать в город.

— Отлично, — улыбнулась она.

Я велел часовому передать сенешалю Амбера Гендену, что мы ушли в город и не знаем, когда вернемся. Он пообещал это сделать сразу же после смены, которая уже заканчивалась. После событий в кабачке «У Кровавого Билла» я всегда оставлял подобные сообщения. Не потому, что чего-то боялся, а так, на всякий случай.

Под шорох опавших листьев мы шли по ведущей к боковым воротам аллее. Сияло солнце, за исключением двух полосочек перистых облаков небо было абсолютно чистым. Далеко на западе летел в сторону океана клин темных птиц.

— А у нас уже снег, — произнесла Корэл. — Вам повезло.

— Все дело в теплом течении, — сказал я, вспомнив слова Джерарда. — Оно смягчает климат по сравнению с другими местами на этой же широте.

— Вы много путешествуете?

— Последнее время гораздо больше, чем хотелось бы. Неплохо было бы хоть на год угомониться.

— Деловые поездки или отдыхаете?

Стражник выпустил нас за ворота, и я быстро огляделся, нет ли поблизости подозрительных людей.

— Какой там отдых!

Я взял девушку под локоть и повел в нужную мне сторону. Мы вышли в деловую часть города и некоторое время следовали вдоль Главной улицы. Я показал ей несколько достопримечательных мест, в том числе и посольство Бегмы. Корэл не выразила ни малейшего желания посетить последнее, заметив, однако, что до отъезда ей придется нанести землякам официальный визит. Как бы то ни было, в одном из магазинчиков она приобрела пару блузок, распорядившись прислать счет в посольство, а блузки — во дворец.

— Отец обещал поводить меня по магазинам, — объяснила девушка. — Не сомневаюсь, что он уже об этом забыл. Когда принесут счет, он поймет, что я все помню.

Мы побродили по улицам, посидели в кафе, наблюдая за прохожими и всадниками. Я наклонился к Корэл, чтобы рассказать связанную с одним из рыцарей забавную историю, как вдруг почувствовал, что кто-то пытается связаться со мной по карте.

Я выждал несколько секунд. Ощущение усилилось, хотя догадаться, кто меня вызывает, я так и не смог. Рука Корэл легла мне на плечо.

— Что случилось? — спросила она.

Я настроился на контакт, облегчая вызывающему задачу, но он, похоже, уже пропал. Между тем это не походило на то ощущение, когда Маска подглядывал за мной у Флоры в Сан-Франциско. Может быть, со мной пытался связаться кто-то из знакомых и не мог сосредоточиться? Например, из-за раны? Или...

— Люк! — позвал я. — Это ты?

Ответа не последовало, а ощущение контакта начало затихать.

— Все в порядке? — спросила Корэл.

— Да, все в порядке, — ответил я. — Кто-то хотел со мной связаться, а потом передумал.

— Связаться? Вы имеете в виду при помощи карты?

— Да.

— Вы позвали Люка. У вас в семье нет никого с таким именем.

— Возможно, вы знаете его как Ринальдо, принца Кашфы.

— Ринни? — Девушка рассмеялась. — Конечно, я его знаю. Правда, он не любил, когда его называли Ринни.

— Вы в самом деле его знаете? Лично?

— Да, — ответила она. — Хотя это было много лет назад. Кашфа находится неподалеку от Бегмы. Временами мы были очень близки, временами — нет. Знаете, как это бывает. Политика. Когда я была маленькой, мы дружили подолгу. Взрослые то и дело наносили друг другу официальные визиты, а нас, детей, оставляли вместе.

— Каким он был в те времена?

— О! Долговязым, рыжим, неуклюжим. Любил порисоваться, показать, какой он сильный и быстрый. Никогда не забуду, как он разозлился, когда я победила его в беге.

— Вы победили Люка в беге?

— Да. Я очень хорошая бегунья.

— Не сомневаюсь.

— Несколько раз он приглашал меня и Найду в походы, в том числе и лодочные. Кстати, где он сейчас?

— Пьет с Чеширским Котом.

— Что?

— Это долгая история.

— Мне так интересно! Я переживала за него с момента переворота.

— М-м-м... — Я быстро соображал, как отредактировать свое повествование, чтобы не раскрыть перед дочерью премьер-министра Бегмы никаких государственных секретов, вроде отношения Люка к Дому Амбера.

Поэтому я начал издалека:

— Мы знакомы уже несколько лет. Недавно он разозлил одного волшебника, который одурманил его и приковал к стойке странного бара...

Я рассказывал долго, потом остановился, поскольку подзабыл Льюиса Кэрролла. Пришлось заодно пообещать ей томик «Алисы» на тари из библиотеки Амбера.

Когда я наконец закончил, Корэл весело засмеялась.

— Почему вы не вернули его?

Ой-ей-ей! Не уверен, что он сможет перемещаться по Тени, пока не придет в себя. Поэтому я ответил так:

— Ничего не выйдет — из-за заклинания. Оно влияет на его собственные колдовские способности. Люка нельзя трогать, пока он не выйдет из-под действия наркотического наваждения.

— Ну и дела! — воскликнула Корэл. — Значит, Люк — тоже волшебник?

— М-м-м... да.

— Как же он приобрел эти способности? Когда я его знала, он ничем не выделялся.

— Волшебники приходят к своему искусству различными путями, — начал я и вдруг сообразил, что она понимает гораздо больше, чем можно было предположить по невинному улыбающемуся личику. Мне показалось, что Корэл умело клонит разговор к посвященности Люка в отцовскую магию, из чего можно было бы сделать вывод о его положении в семье. — Его мать Джасра — тоже своего рода волшебница.

— В самом деле? Никогда бы не подумала.

Черт! Ляпнул все-таки.

— Да, где-то научилась.

— А его отец?

— Честно говоря, не знаю.

— Вы с ним встречались?

— Мимоходом.

Ложь могла придать этому разговору ненужную значимость, если, конечно, Корэл догадывается о правде. Так что я прибегнул к единственному доступному мне средству. За соседним столиком никто не сидел, там вообще ничего не было, кроме стены. Я потратил заклинание, сопроводив его невидимым жестом, и тихонько пробормотал необходимую фразу.

Стол сорвался с места, перевернулся и с оглушительным треском врезался в стену. Со всех сторон послышались испуганные крики, я тоже вскочил на ноги.

— Никто не пострадал? — спросил я, оглядывая кафе.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Дикий и странный порыв ветра или что-то в этом роде, — сказал я. — Нам лучше уйти.

— Конечно, — пробормотала она, разглядывая обломки. — Неприятности мне не нужны.

Я швырнул на стол несколько монет, и мы вышли на улицу. При этом я говорил без умолку, чтобы щекотливая тема поскорее забылась. Похоже, мое красноречие подействовало. Во всяком случае, Корэл не пыталась возобновить неприятный для меня разговор.

Мы продолжали прогулку в направлении Западной Виноградной. Оттуда, помня о пристрастии девушки к яхтам, я планировал спуститься к порту. Но она вдруг взяла меня за руку и остановилась.

— Скажите, а правда, что на вершину Колвира можно подняться по огромной лестнице? Я слышала, ваш отец пытался однажды поднять туда своих солдат, их обнаружили, и ему пришлось пробиваться с боем.

Я кивнул:

— Да, правда. Старая история. С тех пор лестницей никто не пользовался. Но она в приличном состоянии.

— Я бы хотела ее увидеть.

— Хорошо.

Мы свернули направо и пошли вверх, в направлении Главной улицы. Навстречу попались двое рыцарей с гербом Ллевеллы. Проходя мимо нас, они отсалютовали. Интересно, случайное ли это совпадение или им было поручено следить за моими передвижениями? Похоже, подобная мысль посетила

и Корэл; во всяком случае, она удивленно приподняла бровь и взглянула на меня. Я пожал плечами и пошел дальше. Спустя мгновение я оглянулся, но рыцари уже пропали из виду.

Вокруг нас толпились люди в самых разных одеяниях, воздух был наполнен ароматами готовящейся на открытых жаровнях пищи, способной удовлетворить самые причудливые вкусы. Поднимаясь на гору, мы несколько раз останавливались отведать мясного пирога, йогурта и сладостей. Устоять перед этими искушениями мог только насытившийся до отвала человек.

Я отметил, с какой гибкостью Корэл преодолевает препятствия. Это было больше чем природная грациозность: сказывалась общая жизненная установка, натренированность и готовность к схватке. Девушка порой оглядывалась; я тоже смотрел по сторонам, не замечая, впрочем, ничего подозрительного. Один раз, когда на порог дома, мимо которого мы проходили, неожиданно вышел какой-то мужчина, рука ее непроизвольно дернулась к кинжалу на поясе.

— Здесь так оживленно... — заметила Корэл спустя некоторое время.

— Да. Бегма, наверное, поспокойнее?

— Намного.

— Безопасно ли там гулять?

— О да.

— Проходят ли женщины военную подготовку наравне с мужчинами?

— Как правило, нет. Почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно.

— Я немного училась драться с оружием и без него.

— Зачем это вам?

— Отец предложил. Сказал, что членам его семьи не помешает. Наверное, он прав. А вообще, он очень хотел иметь сына.

— Ваша сестра тоже училась боевым искусствам?

— Нет, ей это было неинтересно.

— Вы планируете дипломатическую карьеру?

— Нет. Вы говорите с другой сестрой.

— Мечтаете о богатом муже?

— Да. Скучном и толстом.

— Что же вас интересует?

— Может, как-нибудь позже расскажу.

— Хорошо. Я напомню, если вы забудете.

Мы дошли до южной оконечности Главной улицы. Ветер окреп. Далеко внизу шумел зимний океан — свинцово-серый, с белыми барашками волн. Над волнами кружились множество птиц и дракон.

Мы прошли под Большой Аркой и оказались на смотровой площадке. Отсюда открывался завораживающий вид на чернобурый берег и ведущую вниз крутую широкую лестницу. Волны оставляли на песке извилистые следы, похожие на морщины старика. Ветер здесь был пропитан солью и запахом моря.

Корэл непроизвольно подалась назад, потом опять приблизилась к краю.

— Вблизи лестница выглядит опаснее, чем я думала, — произнесла она наконец. — Наверное, когда по ней идешь, уже не так страшно.

— Не знаю, — ответил я.

— Вы ни разу по ней не спускались?

— И не поднимался тоже. Не было повода.

— А я думала, вас будет сюда тянуть после того, как ваш отец принял здесь роковое сражение.

— Моя сентиментальность проявляется в ином, — пожал я плечами.

Корэл улыбнулась.

— Давайте подойдем к морю. Пожалуйста.

— Конечно, — ответил я и шагнул вперед.

Широкие ступеньки опускались футов на тридцать, после чего резко обрывались. Дальше круто вниз уходил узкий, прорубленный в каменной стене проход. По крайней мере ступеньки не были влажными и скользкими. Далеко внизу лестница снова расширялась, так что по ней могли спускаться одновременно два человека. На данном же этапе идти приходилось по одному, и я разозлился, ибо Корэл каким-то образом оказалась впереди.

— Если вы прижметесь, я протиснусь впереди, — сказал я:

— Зачем?

— Затем, что, если вы поскользнетесь, я окажусь спереди.

— Не волнуйтесь, — ответила она. — Я не поскользнусь.

Я понял, что спорить бесполезно.

Пролеты лестницы лепились к каменной стене. Местами ступеньки буквально нависали над пропастью, ветер неистовствовал, и нам приходилось прижиматься к скале всем телом. Перил не было на всем протяжении лестницы. Местами стена нависала над нашими головами, создавая эффект пещеры, затем мы выбирались на открытые участки, и ветер едва не срывал нас со ступенек. Несколько раз плащ хлестал меня по лицу; я выругался и вспомнил, что местные жители редко посещают собственные достопримечательности. Только теперь я оценил их мудрость.

Корэл стремительно спускалась, мне приходилось торопиться, чтобы не отстать. Впереди виднелась площадка, за которой

лестница совершала крутой поворот. Я надеялся, что там девушка остановится и признается в том, что передумала идти дальше. Этого, однако, не произошло. Корэл миновала поворот и продолжала спуск. Ветер унес мой вздох в пещеру, где хранились жалобы таких же, как я, безумцев.

Между тем я не упускал случая взглянуть вниз, каждый раз вспоминая своего отца, которому пришлось лезть по этой крутизне с боем. Мне бы не хотелось повторить его путь. Во всяком случае, вначале я перепробовал бы все другие возможности. Интересно, насколько ниже дворца мы сейчас находимся?..

Когда мы наконец добрались до того места, где лестница расширялась, я ускорил шаг, чтобы нагнать Корэл. При этом я поскользнулся и зацепился каблуком за камень. Пустяковое дело, я даже не упал. Между тем я поразился тому, как отреагировала на изменившийся звук моих шагов Корэл. Она резко качнулась назад и в сторону, развернулась, перехватила мою руку и швырнула меня на стену.

— Все в порядке! — только и успел выкрикнуть я, шмякнувшись о камень. — Со мной все в порядке.

— Я услышала... — начала она.

— Я просто зацепился каблуком о камень. Вот и все.

— Я не знала...

— Естественно. Все нормально. Спасибо.

Мы пошли дальше, но что-то изменилось. У меня зародилось подозрение, от которого я не мог отделаться. Если мои предположения верны, то дела обстоят плохо.

Я не стал высказывать своих опасений. Вместо этого я пробурчал себе под нос:

— Карл у Клары украл кораллы.

— Что? — спросила она. — Я не расслышала...

— Я сказал, что сегодня прекрасный день для загородных прогулок вдвоем.

Корэл покраснела.

— На каком языке вы сказали это... в первый раз?

— На английском.

— Такого не знаю. Я вам уже говорила, когда вы рассказывали про Алису.

— Я помню. Не обращайте внимания.

С близкого расстояния берег походил на полосатого тигра. Волны откатывались, оставляя после себя белую пену, над которой кружились птицы. На горизонте маячили треугольники парусов, далеко на юго-востоке повис темный занавес дождя. Ветер уже не завывал так громко, хотя по-прежнему яростно трепал полы наших плащей.

Мы молча спустились до самого берега и сделали несколько шагов по песку.

— Там гавань, — сказал я, показывая направо. — Если пойти в другую сторону, увидите церковь.

Вдали виднелось темное строение, где служили панихиду по Кейну. Иногда моряки молились в этой церкви о благополучном плавании.

Корэл повертела головой в обе стороны, потом оглянулась и посмотрела наверх.

— Еще кто-то спускается, — заметила она.

Я поднял голову. На самом верху, у начала лестницы, темнели три фигуры. Издалека казалось, что люди просто любуются видом на море. Ни на одном не было одежды с гербами Ллевеллы.

— Наслаждаются хорошей погодой, — сказал я.

Корэл еще некоторое время смотрела в их сторону, затем спросила:

— Нет ли поблизости пещер?

— Сколько угодно, — ответил я, указывая направо. — Вон там. В них периодически кто-нибудь теряется. Многие пещеры просто прекрасны. Но попадаются и обыкновенные ямы.

— Очень хочется увидеть пещеры.

— Пожалуйста, — улыбнулся я. — Нет ничего проще.

Я зашагал по песку.

Люди на лестнице не двигались. Казалось, они по-прежнему любуются морем. Вряд ли это контрабандисты. День — не лучшее для них время суток. Между тем меня радовало, что моя подозрительность растет; в свете последних событий она не помешает. Предмет моего наибольшего подозрения, разумеется, шел рядом со мной, переворачивая носком сапога выброшенные на берег деревяшки и яркие камушки. В данный момент я был бессилен что-либо предпринять. Скоро...

Неожиданно Корэл взяла меня под руку.

— Спасибо за прогулку. Мне очень нравится.

— О, я тоже доволен. Рад, что вы приехали. Добро пожаловать.

Я даже почувствовал себя виноватым. Если мои подозрения не оправдаются, ничего страшного не произойдет.

— Думаю, жизнь в Амбере пришлась бы мне по душе, — произнесла девушка.

— Думаю, мне бы тоже. Я никогда не жил здесь подолгу.

— Вот как?

— Я вам до сих пор не объяснил, как долго я прожил на Земле, где получил образование, работу, о которой я рассказывал...

Неожиданно я пустился в автобиографические откровения, что вообще-то случается со мной довольно редко. Поначалу я и не понял, что со мной произошло. Позже я догадался: мне просто надо было выговориться. Даже мои подозрения не имели особого значения. Мне очень был нужен внимательный и благодарный слушатель. И, прежде чем я осознал, что происходит, я принялся рассказывать ей о своем отце, — как этот человек, которого я знал очень плохо, погрузился в водоворот схваток, противоречий и трудных решений. Временами мне казалось, что это он сам пытается оправдаться в моих глазах, боится упустить единственную возможность, а я слушаю, пытаясь определить, что он опустил, где приукрасил и как он вообще ко мне относится...

— Вот мы и дошли до пещер, — объявил я, прерывая неловкое самокопание. Корэл попыталась как-то прокомментировать мой монолог, но я спокойно добавил: — Я был здесь только один раз.

Почувствовав мое настроение, девушка произнесла:

— Хорошо бы заглянуть в какую-нибудь пещеру.

Я кивнул. Недурное место для того, о чем я думал.

Третья пещера показалась мне наиболее подходящей. У нее был широкий вход, кроме того, она просматривалась в глубину намного дальше остальных.

— Давайте начнем отсюда, — предложил я. — Здесь, по крайней мере, светло.

Мы вошли в тенистую прохладу и некоторое время продолжали идти по мокрому песку, затем он сменился шершавым камнем. Потолок то прижимал нас к земле, то взмывал вверх. Повернув налево, мы вышли в другой проход, тоже ведущий на выход, ибо, взглянув назад, я увидел свет. Туда, где мы находились, еще доносился ритмичный плеск моря.

— А эти пещеры могут завести действительно далеко...

— Еще как, — ответил я. — Они изгибаются, перекрещиваются и петляют. Я бы не рискнул углубляться далеко без карты и света. Насколько мне известно, полных карт до сих пор не существует.

Корэл осмотрелась, вглядываясь в черные провалы примыкающих к нашему туннелей.

— Как вы думаете, далеко они ведут?

— Не имею понятия.

— Они проходят под дворцом?

— Возможно. — Я вспомнил серию боковых туннелей, которые миновал, когда шел по Огненному Пути. — Не исключено, что они соединяются и доходят до огромных пещер под дворцом.

— Интересно, как там?

— Под дворцом? Темно и просторно.

— Я бы хотела это увидеть.

— Зачем?

— Огненный Путь. Он, наверное, очень красочный.

— О да. Яркий и извилистый. И жуткий тоже.

— Как вы можете так говорить? Вы же его прошли!

— Пройти Путь и любить его — две разные вещи.

— Я просто подумала, что, если вам было дано его пройти, значит, между вами существует некая близость, вы должны ощущать глубокое родство...

Я рассмеялся, и эхо разнесло мой смех по всему подземелью.

— Да, когда я шел, я убеждал себя, что мне дано его пройти. Но до того, как я в него забрался, я этого не знал. И мне было просто страшно. Никогда он мне не нравился.

— Странно.

— Да нет, не странно. Это как море или ночное небо. Мощное, красивое, огромное... Это явление природы, вы поступаете с ним по своему усмотрению.

Корэл посмотрела в глубь туннеля.

— Очень хочется увидеть...

— Я бы не стал рисковать и пытаться выйти к нему отсюда. Да и зачем он вам, собственно говоря?

— Хочется посмотреть, как я на него отреагирую.

— Вы странная.

— Вы же мне его покажете, когда мы вернемся? Покажете, правда?

Все складывалось не так, как я предполагал. Если Корэл та, за кого я ее принимал, то просьба ее не имела смысла. Я уже начал подумывать, а не отвести ли ее в самом деле к Огненному Пути и посмотреть, что она будет делать. Как бы то ни было, я действовал, подчиняясь определенной системе, в отношении ее я уже дал себе зарок и даже сделал кое-какие приготовления.

— Может быть, — промямлил я.

— Пожалуйста. Я очень хочу его увидеть.

Казалось, она говорит искренне. Но я не сомневался в правильности своей догадки. Прошло достаточно времени, чтобы селящийся в разных телах странный дух, который подстерегал меня на жизненных перекрестках, нашел себе нового хозяина и попытался в очередной раз втереться мне в доверие. Корэл идеально подходила для этой роли. Ее прибытие было точно просчитано, она подчеркнуто заботилась о моем благополучии, у нее была великолепная реакция. Мне хоте-

лось о многом ее расспросить, но я понимал, что в силу отсутствия доказательств она просто солжет. Я ей не верил. Поэтому решил прибегнуть к заклинанию, которое заготовил по пути домой из Арбор-Хауз. Оно предназначалось для изгнания духа из хозяина.

К Корэл я испытывал смешанные чувства. Если бы я знал ее мотивы, я бы смирился даже с тем, что она и есть тот самый дух.

Поэтому я спросил напрямую:

— Чего конкретно ты хочешь?

— Просто посмотреть. Честно!

— Нет. Если ты та, за кого я тебя принимаю, то ответь на серьезный вопрос: зачем?

Фракир запульсировала на моем запястье.

Я слышал, как глубоко вздохнула Корэл.

— Как ты узнал?

— Ты выдала себя мелочами, заметными только тому, кто недавно стал параноиком.

— Это магия, — пробормотала она. — Верно?

— Почти что, — ответил я. — Может, я буду по тебе скучать, но верить пока не могу.

Я произнес ключевые слова заклинания, позволяя рукам плавно исполнить необходимые жесты.

Раздались два ужасных крика, за ними последовал третий. Кричала, однако, не Корэл. Вопли доносились из-за поворота, через который мы только что прошли.

— Что за... — начала она.

— Черт! — закончил я и кинулся за угол, вытаскивая на бегу меч.

В полумраке я разглядел трех человек. Двое неподвижно распростерлись на полу пещеры, третий силился подняться и изрыгал проклятия. Я медленно приблизился, не сводя с незнакомца острие меча. Он повернул в мою сторону темную голову и попытался встать. Зажимая рану на левой руке, он пятился до тех пор, пока не уперся спиной в стену. Потом он забормотал что-то нечленораздельное.

Я осторожно приближался, все мои чувства были напряжены до предела. За спиной я слышал шаги Корэл, когда проход расширился, она поравнялась со мной. Девушка вытащила кинжал и держала его у самого бедра. У меня не было времени размышлять над тем, как могло подействовать на нее мое заклинание.

Я остановился возле первого из двух распростертых на полу пещеры тел и пихнул его носком сапога, готовясь отразить

неожиданную атаку. Ничего, однако, не произошло. Тело казалось безжизненным. Я попытался перевернуть его на спину, и голова покатилась в сторону входа в пещеру. В полумраке я разглядел полуразложившееся человеческое лицо. Нос уже доложил мне, что это не иллюзия.

Я приблизился ко второму и тоже его перевернул. Передо мной оказался еще один гниющий труп. В то время как первый сжимал в руке кинжал, второй был безоружен. В этот момент я заметил второй кинжал, лежащий на полу возле ног живого человека. Я поднял взгляд и посмотрел ему в лицо. Происходящее казалось мне полнейшей бессмыслицей. Лежащие на полу были, по моим оценкам, мертвы уже несколько дней; чего же хотел живой?

— Э-э... что тут происходит? — спросил я.

— Черт бы тебя побрал, Мерлин! — прорычал он в ответ, и я тут же узнал голос.

Я медленно переступил через трупы. Корэл держалась рядом. Незнакомец повернул голову, и, когда на нее наконец упал луч света, я узнал Джарта. Он взирал на меня единственным глазом, второй покрывала повязка, половина волос отсутствовала, скальп избороздили шрамы, наполовину отросшее ухо торчало безобразным пеньком. Пиратская косынка, которой он прикрывал свое уродство, сползла на шею, с левой руки капала кровь. Только сейчас я заметил, что у него отрублен мизинец.

— Что случилось?

— Один из зомби зацепил меня кинжалом, когда падал, — ответил он. — Это произошло после того, как ты изгнал оживших их духов.

Мое заклинание изгоняло духов, вселившихся в чужие тела... Они попали в радиус его действия.

— Корэл, — спросил я. — С вами все в порядке?

— Да, — проговорила она. — Только я не понимаю...

— Позже, — сказал я.

Я не стал спрашивать Джарта, что случилось с его головой, поскольку хорошо помнил свою схватку с оборотнем в лесу к востоку от Амбера. Мне удалось засунуть зверя в костер. Задолго до того, как Мэндор предоставил убедительные доказательства, я подозревал, что это был Джарт.

— Джарт, — начал я, — многие из твоих бед случились при моем участии, однако ты должен понимать, что сам навлек их на себя.

Послышался щелчок и скрип. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что он скрежещет зубами.

— То, что меня усыновил твой отец, большая для меня честь, но не более, — произнес я. — Кстати, я только недавно об этом узнал.

— Лжешь, — прошипел Джарт. — Ты хитростью толкнул его на этот шаг, чтобы опередить нас в праве наследования.

— Ты что, серьезно? — изумился я. — Мы идем в конце списка, какое это может иметь значение?

— Я говорю не о престоле, идиот! Я говорю о Доме! Отец при смерти!

— Мне чрезвычайно грустно об этом слышать, — сказал я. — Но в любом случае Мэндор стоит впереди нас.

— А ты теперь стал вторым.

— Не по своей воле. Прекрати! Мне не видать трона, и ты об этом прекрасно знаешь!

Джарт выпрямился, и я заметил слабый радужный ореол, исходящий от его фигуры.

— Дело совсем в другом, — продолжал я. — Ты всегда меня ненавидел и вовсе не из-за права наследования. Сейчас тебе приходится многое скрывать. После всего, что ты натворил, есть смысл выдавать себя за другого. Кстати, Огненного Ангела ко мне подослал ты?

— Он тебя уже нашел? — воскликнул Джарт. — Признаться, я на него не особо рассчитывал. Но... Как все закончилось?

— Он мертв.

— Тебе везет... Слишком везет.

— Чего ты хочешь, Джарт? — спросил я. — Давай выясним раз и навсегда.

— Давай. Ты предал человека, которого я люблю, и только твоя смерть расставит все по местам.

— О ком ты? Я не понимаю.

— Скоро поймешь. Прежде чем ты сдохнешь, я тебе все объясню! — Джарт неожиданно улыбнулся.

— Долго придется ждать, — заметил я. — Тебе всегда не везло в таких делах. Лучше расскажи все как есть, и не будем мотать друг другу нервы.

Джарт рассмеялся, ореол засиял еще ярче, и в этот момент я сообразил, что он означает.

— Ждать тебе придется недолго, — процедил мой сводный брат. — Скоро я стану сильнее всех, с кем тебе доводилось встречаться.

— Но не проворнее, — сказал я как ему, так и человеку, наблюдающему за мной через его карту и готовому в любое мгновение выдернуть Джарта из этой реальности.

— Это ты, Маска? — спросил я. — Забирай его. И больше не

присылай. Все равно он провалит твой замысел. Я помечу тебя в списке первоначальных дел и займусь тобой очень скоро, только дай знак, что это действительно ты.

Джарт разинул рот и что-то пробормотал, но я его уже не услышал, ибо он начал растворяться, а вместе с ним пропали и его слова. Что-то полетело в мою сторону. Я парировал чисто инстинктивно, на самом деле необходимости в этом не было.

На полу, рядом с гниющими трупами и мизинцем Джарта, у самого конца радуги рассыпалась дюжина роз.

Глава 5

Когда мы возвращались вдоль берега к гавани, Корэл наконец заговорила:

— И часто у вас такое случается?

— Это еще что, — проворчал я.

— Если не возражаете, я бы хотела во всем этом разобраться.

— Полагаю, я действительно должен кое-что объяснить, поскольку обошелся с вами несправедливо, хотя вы скорее всего и не заметили.

— В самом деле?

— Да.

— Продолжайте. Мне очень интересно.

— Это долгая история... — снова начал я.

Девушка взглянула на гавань, потом на вершину Колвира и улыбнулась:

— А нам предстоит долгая прогулка.

— К тому же вы дочь премьер-министра страны, с которой у нас сложные отношения...

— Что вы имеете в виду?

— Многое из того, что происходит, содержит секретную информацию.

Корэл положила руку на мое плечо и посмотрела мне в глаза.

— Я умею хранить тайны. В конце концов, мой секрет вам известен.

Я поздравил себя с тем, что научился все-таки старому трюку своих родственничков: сохранять бесстрастное выражение лица, когда происходящее не лезет ни в какие ворота. Там, в пещере, когда я обратился к Корэл как к духу, она невольно себя выдала, ответив так, словно я разгадал ее секрет.

Поэтому я сухо улыбнулся и кивнул:

— Да, известен.

— Вы ведь не замышляете разорение моей страны?
— Разумеется, нет!
— Вы будете говорить только то, что знаете, так?
— Конечно, — кивнул я.
— Тогда начинайте.
— Хорошо.

Мы шли вдоль берега, и я говорил под глухой и глубокий аккомпанемент прибоя, невольно вспоминая долгие рассказы своего отца. Похоже, что пускаться в автобиографические воспоминания в тяжелые времена — наша семейная черта, нашелся бы только благодарный слушатель. Я периодически ловил себя на том, что переступаю в своем повествовании за рамки необходимого. С чего, кстати, я решил, что она и есть тот самый нужный мне слушатель?

Дойдя до гавани, я почувствовал сильный голод; между тем рассказ мой был далеко не окончен. Вечер еще не наступил, и здесь было гораздо безопаснее, чем в тот раз, когда я забрел сюда ночью. Мы вышли на Портовую, оказавшуюся еще грязнее при свете дня. Корэл тоже отчаянно проголодалась, и мы направились в сторону таверн, задержавшись на минуту полюбоваться заходящим в гавань многомачтовым кораблем с золотыми парусами.

Было рано, навстречу еще попадались трезвые матросы. В одном месте к нам двинулся чернобородый здоровяк, но другой человек, меньше ростом, успел его перехватить и что-то прошептал ему на ухо. Они тут же отвернулись.

— Эй! — окликнул я. — Чего он хотел?

— Ничего, — сказал тот, что пониже. — Ничего не хотел. — Поколебавшись, он добавил. — А я вас здесь видел...

— О! — сказал я, и незнакомцы скрылись за углом.

— О чем они? — спросила Корэл.

— До этого места я еще не дошел.

Между тем я отчетливо вспомнил все детали, когда мы поравнялись с домиком, рядом с которым все случилось. Следов конфликта не сохранилось. Я едва не прошел мимо кабачка «У Кровавого Билла», поскольку над входом висела намалеванная свежей зеленой краской новая вывеска. Теперь заведение называлось «У Кровавого Энди». Внутри между тем ничего не изменилось, разве что за стойкой стоял другой человек, выше и тоньше коренастого типа с высеченным из скалы лицом, который обслуживал меня в прошлый раз. Звали его, как я выяснил, Джек, он приходился Энди братом.

Джек продал нам бутылку «Мочи Бейли» и сунул в дыру в стене наш заказ на два рыбных обеда. Столик, за которым я

сидел в прошлый раз, пустовал, и мы его заняли. Пояс с мечом я снял и положил на скамью справа от себя, а лезвие, как требовал местный этикет, наполовину вытащил из ножен.

— Мне здесь нравится, — сказала Корэл. — Здесь все... по-другому.

— М-м-м... да, — согласился я, оглядывая двух пьяниц, уткнувшихся головами в столы в противоположных углах заведения. В третьем углу о чем-то шептались три типа с бегающими глазами. На покрытом подозрительными пятнами полу валялись разбитые бутылки, на дальней стене висело несколько исполненных без особого изящества полотен на тему плотской любви.

— Готовят здесь неплохо, — добавил я.

— Никогда не была в таких ресторанах, — призналась Корэл, увидев, как из задней комнаты в зал вкатился клубок из вцепившихся друг в друга черного кота и огромной крысы.

— У всякого заведения есть свои завсегдатаи.

За едой я продолжил рассказ. Прошло немало времени, прежде чем отворилась дверь и в зал ввалился сильно хромающий маленький человек с грязной повязкой на голове. Я заметил, что на улице стало темнеть. История моя подходила к концу, наступало самое время уходить.

Я замолчал, и Корэл прикоснулась к моей руке.

— Знаете, я не такая, как вы, но, если я чем-нибудь смогу оказаться вам полезной, я не задумываясь это сделаю.

— Вы прекрасный слушатель, — улыбнулся я. — Спасибо. А теперь нам пора.

Мы без приключений миновали Мертвый тупик и вышли на Портовую недалеко от пересечения с Виноградной. В заходящих лучах солнца булыжники мостовой горели яркими цветами. Ни транспорта, ни пешеходов почти не было. Пахло готовящейся пищей, под ногами шуршали листья, высоко в небе парил в восходящих потоках воздуха маленький желтый дракон, а над дворцом дрожала бледная радуга. Я ждал, когда Корэл начнет меня расспрашивать, но она молчала. Если бы подобное выслушал я, у меня возникло бы множество вопросов. Либо девушка просто ошеломлена свалившейся информацией, либо каким-то образом сумела во всем разобраться.

— Когда мы вернемся во дворец... — тихо произнесла она.

— Да?

— ... вы ведь покажете мне Путь, правда?

Я рассмеялся.

— Если, конечно, мне не захочется ничего другого.

— Конечно, — кивнул я.

— Ваша история переменила мой взгляд на мир, — неожиданно сказала Корэл. — Я бы не рискнула вам советовать...

— Но?..

— Мне кажется, нужные вам ответы можно найти в Страже Четырех Миров. Когда вы узнаете, что там происходит, все остальное встанет на свое место. Я не понимаю, почему бы вам просто не сделать соответствующую карту и не перенестись туда.

— Хороший вопрос. Существуют Владения Хаоса, куда невозможно попасть по карте, поскольку они постоянно меняются. То же самое относится и к месту, где я поместил Призрачное Колесо. В данный момент вокруг Стража наблюдается сильная пульсация, но я не уверен, что это причина блокады. Там находится энергетический центр; вполне возможно, что часть энергии обращена на охранное заклинание. Достаточно опытный маг смог бы, вероятно, пробраться сквозь него по карте, но я боюсь, что сработает сигнализация и элемент неожиданности будет утрачен.

— Как все-таки выглядит это место? — спросила она.

— Ну... Смотрите. — Я вытащил из кармана блокнот и ручку. — Здесь — вулканические породы. — Я нарисовал клубы и кольца дыма. — Здесь царит ледниковый период. Здесь океан, здесь — горы...

— Выходит, что без Пути вам никак не обойтись, — произнесла Корэл, изучая рисунок.

— Да.

— Это произойдет скоро?

— Возможно.

— Как вы станете их атаковать?

— Еще не решил.

— Если я хоть что-то смогу для вас сделать...

— Вряд ли.

— Не будьте столь категоричны. Я хорошо подготовлена. И сильна. Я даже знаю несколько заклинаний.

— Спасибо, — сказал я. — Все равно нет.

— Окончательно?

— Да.

— Если передумаете...

— Не передумаю.

— ...дайте мне знать.

Мы вышли на бульвар. Похолодало, ветер разгулялся не на шутку, раз или два что-то холодное коснулось моей щеки.

— Снег! — воскликнула Корэл в тот самый момент, когда я

разглядел пролетающие мимо снежинки. Едва коснувшись земли, белые хлопья пропадали.

— Если бы ваша делегация прибыла позже, не видать нам этой прогулки, — заметил я.

— Иногда мне везет, — рассмеялась девушка.

Когда мы добрались до дворца, снег валил уже вовсю. Мы на мгновение задержались в воротах, чтобы полюбоваться огоньками наполовину скрытого за снежной пеленой города. Личико Корэл светилось от счастья, мне показалось, что она старается занести эту сцену в блокнотик своей памяти. Я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— О! — произнесла она, поворачиваясь в мою сторону. — Вы меня удивляете.

— Отлично. Люблю неожиданности. Давайте укроемся от холода.

Корэл улыбнулась и взяла меня под руку.

— Ллевелла просила узнать, будете ли вы на обеде, — доложил стражник.

— А когда обед?

— Часа через полтора.

Я взглянул на Корэл, и она пожала плечами.

— Полагаю, да, — ответил я.

— Первый зал наверху, — сообщил стражник. — Я могу послать сержанта, он доложит о вашем решении. А если хотите...

— Да, пусть доложит. Желаете переодеться? Умыться? — обратился я к Корэл.

— Путь, — коротко ответила девушка.

— Лестниц там еще больше, — предупредил я.

Личико ее посерьезнело, она посмотрела на меня, и я улыбнулся.

— Сюда, — сказал я и повел ее через тронный зал.

Застывшего в конце длинного коридора стражника я не помнил, хотя он меня узнал, удивленно взглянул на Корэл, открыл дверь и зажег фонарь.

— Говорят, одна ступенька проваливается, — заметил он, передавая мне фонарь.

— Которая?

Стражник покачал головой:

— Принц Джерард несколько раз жаловался, но никто, кроме него, этой ступеньки не обнаружил.

— Ладно, — проворчал я. — Спасибо.

На этот раз Корэл согласилась, чтобы я шел впереди.

Лестница была страшнее и неуютнее, чем та, на скале. Во-первых, не было видно ее конца. Во-вторых, уже через несколько шагов не было видно и начала. Казалось, вокруг находится огромная пустота. Я никогда не видел это место при свете, но предполагаю, что так оно и есть. Мы находились внутри огромной пещеры, лестница круто уходила вниз; мы делали круг за кругом, не зная, доведется ли добраться до дна.

Спустя некоторое время Корэл кашлянула.

— Может, остановимся?

— Запыхалась? — поинтересовался я.

— Нет. Еще далеко?

— Не знаю. Каждый раз по-разному. Если хочешь, мы можем подняться и пообедать. А Путь посмотрим завтра.

— Нет, — ответила Корэл. — Давай просто постоим одну минутку.

Место показалось мне неподходящим для любовных признаний, из чего я справедливо заключил, что причина кроется в другом, промолчал и послушно замер на месте.

Прошло немало времени, прежде чем я сообразил, что она плачет.

— Что случилось? — спросил наконец я.

— Ничего, — пробормотала Корэл. — Наверное, нервная реакция. Примитивные рефлексы. Темнота. Боязнь замкнутого пространства. И так далее.

— Давай вернемся.

— Нет.

Мы снова двинулись вниз.

Спустя полминуты я увидел на нижней ступеньке что-то белое и остановился. Потом до меня дошло, что это всего лишь носовой платок. Наклонившись, я разглядел, что он прибит кинжалом. Подняв и разгладив платок, я разобрал надпись: «Вот эта, будь она проклята! Джерард».

— Здесь осторожнее, — предупредил я Корэл.

Я хотел переступить через ступеньку, но потом осторожно коснулся ее сапогом. Ступенька даже не скрипнула. Я медленно перенес на нее весь свой вес. Ничего. Я встал двумя ногами. То же самое.

Я пожал плечами.

— Все равно осторожнее, — проворчал я.

Корэл встала на ступеньку, и ничего не произошло. Мы продолжили спуск.

Немного погодя я увидел далеко внизу слабое мерцание. Свет перемещался, из чего я заключил, что кто-то патрулирует подземелье. Зачем? Разве здесь содержались пленники?

Или некоторые входы в пещеры считаются уязвимыми местами с военной точки зрения? Обычно вход к Огненному Пути запирался на ключ, который вешали рядом на стену. Может быть, это стало опасным? Как? Почему? Надо заняться всем этим вплотную.

Но когда мы спустились, никакого стражника не оказалось. Стол, оружейная пирамида и несколько колодок, составляющие убранство караульного помещения, освещались фонарями, однако стражника на посту не было. Плохо. Интересно, как положено действовать в экстренных случаях? И какие вообще экстренные случаи предусмотрены уставом здешней караульной службы?

Я заметил свисающую с оружейной пирамиды веревку и с величайшей осторожностью потянул за нее. Спустя мгновение откуда-то сверху раздалось тихое позвякивание. Любопытно. Похоже на сигнализацию.

— В какую сторону? — растерянно спросила Корэл.

— Сюда.

Я взял ее за руку, и мы повернули направо.

Я ожидал услышать эхо наших шагов, но в подземелье стояла полная тишина. Время от времени я высоко поднимал фонарь. Темнота расступалась, но ничего, кроме лишнего кусочка пола, видно не было.

Корэл замедлила шаг, рука ее напряглась. Я продолжал тянуть девушку за собой.

Вдали послышалось слабое эхо, и я сказал:

— Теперь уже близко.

— Хорошо, — откликнулась она, но шаг не ускорила.

Наконец показалась серая стена пещеры, а слева — черный провал нужного мне туннеля.

Когда мы вошли в туннель, я почувствовал, что девушка дрожит.

— Если бы я знал, что на тебя так подействует...

— Со мной все в порядке, — остановила меня Корэл, — правда. Я очень хочу увидеть Путь. Я просто не знала, что добираться сюда так... сложно.

— Ну, худшее уже позади. Теперь скоро, — приободрил ее я.

Мы довольно быстро добрались до первого ответвления и свернули влево. Отсюда в сторону уходил еще один туннель. Я остановился и высоко поднял фонарь.

— Никто не знает, куда он выведет. Можно попасть обратно на берег.

— Я бы не стала рисковать, — откликнулась Корэл.

Вскоре мы дошли и до третьего ответвления. Я заглянул во

вход. Вдоль стены тянулась жила неизвестного мне яркого минерала.

Я пошел быстрее, теперь наши шаги гулко разносились по подземелью. Мы миновали четвертое ответвление. Пятое... Мне показалось, что откуда-то донеслась тихая музыка.

Проходя мимо шестого туннеля, Корэл вопросительно на меня посмотрела, но я даже не остановился. Мне был нужен седьмой. Когда мы наконец до него добрались, я вошел внутрь, сделал несколько шагов и поднял фонарь. Перед нами находилась массивная, обитая железом дверь.

Справа от нее торчал из стены крюк. Я снял ключ, вставил его в замок, провернул, вытащил ключ и повесил на место. Затем налег на дверь плечом и надавил изо всех сил. Некоторое время дверь сопротивлялась, потом петли жалобно заскрипели. Фракир на моем запястье напряглась, но я продолжал толкать, пока дверь не отворилась полностью. Тогда я отступил в сторону и пропустил вперед Корэл.

Она сделала несколько осторожных шагов и замерла. Я вошел внутрь, встал рядом с ней. Дверь захлопнулась.

— Вот он, — прошептала Корэл.

В полу светился светло-голубой овал Пути. Я отставил фонарь в сторону — в нем больше не было необходимости, свечения Пути вполне хватало — и погладил Фракир, стараясь ее успокоить. В дальнем конце огромной конструкции рассыпался сноп искр, некоторые долетели почти до нас. Незнакомая пульсация, никогда не замечал ее раньше, заполнила все помещение. Повинуясь неясному порыву, а может, уступая долго сдерживаемому любопытству, я вызвал Логрус.

Это было ошибкой.

Образ Логруса тут же засиял передо мной, разлетелись искры, откуда-то послышался тонкий душераздирающий вой. Фракир взбесилась, в уши мне словно вбили сосульки, глаза не выдерживали сияния извивающегося Знака. Я тут же отозвал Логрус, и все постепенно затихло.

— Что это было? — спросила Корэл.

Я попытался улыбнуться, но ничего не вышло.

— Маленький эксперимент, который мне давно хотелось поставить.

— Он что-нибудь прояснил?

— Только то, что повторять его не следует, — ответил я.

— Во всяком случае, при гостях, — добавила девушка. — Мне было больно.

— Извини.

Она приблизилась к краю уже успокоившегося Пути.

— Какой причудливый свет... Как в сказке. До чего же красиво. Вы все должны пройти его, чтобы получить наследство?

— Да.

Корэл медленно двинулась вправо по периметру.

Я пошел за ней следом. Девушка не сводила глаз с ярких арок и перекрытий, коротких прямых срезков и длинных извилистых дуг.

— Наверное, это очень трудно?

— Да. Секрет заключается в том, чтобы постоянно идти вперед и не прекращать усилий, даже когда перестаешь двигаться.

Мы медленно шли вправо, постепенно приближаясь к дальнему концу Огненного Пути. Казалось, что сам рисунок находится не на полу, а внутри его, словно под толстым слоем стекла. Разве что поверхность не блестела и не отсвечивала.

Прошло около минуты, прежде чем Корэл смогла хоть немного освоиться.

— Ну как? — наконец спросил я.

— Эстетично, — произнесла Корэл.

— И все?

— Энергия, — ответила она. — Мне кажется, я чувствую ее пульсацию. — Девушка наклонилась и поводила рукой над ближайшей полосой. — Это ощущается даже на физическом уровне.

Мы пошли дальше, обходя гигантский рисунок сзади. Стоящий на полу у входа фонарь был почти неразличим на фоне яркого свечения.

Вскоре Корэл опять остановилась и вытянула руку:

— Линия здесь заканчивается. Что это?

— Это не конец, — ответил я. — Это начало. Отсюда начинают идти по Пути.

Она приблизилась и провела над линией рукой.

— Да, я чувствую, что начало здесь.

Не могу сказать точно, сколько времени мы так простояли. Затем Корэл взяла меня за руку и крепко ее стиснула.

— Спасибо. За все.

Я хотел было поинтересоваться, с чего бы она вдруг так заговорила, но в этот момент Корэл поставила ногу на линию.

— Нет! — закричал я. — Остановись!

Но было уже поздно. Нога ее опустилась, яркое свечение вырывалось из-под подошвы сапога.

— Не двигайся! — крикнул я. — Что бы ни произошло, не сходи с места!

Она послушно замерла. Я облизал губы, которые вдруг стали совершенно сухими.

— Теперь попытайся поднять ногу, которую ты поставила на линию. Можешь?

— Нет, — ответила она.

Я опустился рядом с ней на одно колено, чтобы спокойно обдумать ситуацию. Теоретически, после того как нога поставлена на Путь, назад хода нет. Остается либо пройти его до конца, либо пасть где-нибудь по дороге. С другой стороны, Корэл уже должна была погибнуть. По теории опять-таки только люди из рода Амбера могут прикоснуться к Пути и остаться в живых. Ладно, с теорией покончено.

— Не самое удачное время для вопросов, — проворчал я, — но какой черт тебя дернул это сделать?

— Ты же сам дал понять, что знаешь, кто я.

Я помнил свои слова: они касались вселившегося в ее тело духа. К Пути это не имело ни малейшего отношения. По мере того как я продумывал заклинание, с помощью которого удалось бы освободить ее из власти Пути, ситуация начала постепенно проясняться.

— Ты что, связана с Домом?

— Говорят, что до моего рождения у короля Оберона был роман с моей матерью, — сказала Корэл. — По времени все сходится. С другой стороны, это только слухи. Подробностей я ни от кого не добилась. Так что точно ничего не известно. Но я мечтала, чтобы это оказалось правдой. Я очень этого хотела. Я надеялась найти какой-нибудь туннель, по которому можно было бы сюда попасть. Я хотела пробраться к Огненному Пути и пройти его, чтобы Тени раскрыли передо мной свои тайны. Хотя и боялась, ибо понимала, что в случае ошибки мне грозит смерть. Своими словами ты подтвердил мою мечту. Но я все равно боялась. И сейчас боюсь. Только сейчас я боюсь того, что мне не хватит сил пройти Путь.

Вот откуда это ощущение близости, которое я почувствовал при первой встрече!..

До меня вдруг дошло, что причина заключается в элементарном семейном сходстве. Нос и брови Корэл напоминали мне Фиону, подбородок и скулы — Флору. Ростом, глазами и волосами она не походила ни на кого. А вот от отца и сестры у Корэл не было ничего.

Я снова вспомнил плотоядную физиономию своего деда. Я часто задерживался перед его портретом в западном зале. Старый развратник погулял на славу. Надо отдать ему должное, это был действительно красивый человек.

Вздохнув, я поднялся на ноги и положил руку на плечо Корэл.

— Послушай, все мы прошли хорошую подготовку, прежде

чем приблизились к Пути. Я постараюсь кое-что тебе объяснить, прежде чем ты сделаешь следующий шаг. Пока я говорю, моя энергия будет перетекать в тебя. Я хочу, чтобы ты стала как можно сильнее. Когда тронешься с места, не останавливайся, пока не дойдешь до середины. Я постараюсь корректировать твое продвижение. Мои команды исполняй немедленно и не задумываясь.

Вначале я расскажу тебе о Преградах, местах повышенного сопротивления...

Сколько я говорил, я не помню.

Корэл приближалась к Первой Преграде.

— На холод и тряску внимания не обращай, они не опасны. И не смотри на искры. Сейчас начнется главное сопротивление. Не дыши так часто.

Я наблюдал, как она идет через Путь.

— Отлично, — сказал я, когда она вышла на легкий участок. Я решил не говорить ей, что следующая Преграда гораздо сложнее. — Кстати, не подумай, что сходишь с ума. Скоро он начнет играть с твоим сознанием...

— Уже начал. Что мне делать?

— Скорее всего это воспоминания. Не обращай на них внимания, пусть себе текут. Сосредоточься на дороге.

Мне удалось провести ее через Вторую Преграду. Временами искры долетали до самых плеч Корэл. Я наблюдал, как она преодолевает арку за аркой, огибает хитрые дуги и долгие, закрученные спирали и повороты. На некоторых участках она шла быстро, на других почти останавливалась, но все равно продолжала идти вперед. Главное она уловила, и, похоже, воли ей было не занимать. Мне даже показалось, что я больше не нужен. Ничего нового я посоветовать не мог. Результат полностью зависел от нее самой.

Поэтому я замолчал. Наблюдая за продвижением Корэл, я с раздражением заметил, что невольно наклоняюсь, напираю, увиливаю, как будто сам прохожу Огненный Путь.

К тому времени, когда Корэл добралась до Большого Изгиба, она напоминала ходячее пламя. Девушка продвигалась чрезвычайно медленно, но уверенно. Как бы все ни закончилось, я знал, что она меняется, уже изменилась. Путь накладывал на нее свой отпечаток.

Дело шло к концу. Я едва не закричал, когда мне показалось, что она остановилась, но слова застряли у меня в горле, а она покачнулась и пошла дальше. Когда Корэл приблизилась к Последней Преграде, я вытер рукавом пот с бровей. Ее предположение оказалось верным. Только дитя Амбера могло уцелеть в Огненном Пути.

Не могу сказать, сколько времени ушло у Корэл на Последнюю Преграду. Усилие ее растворилось во времени, а я потерялся в бесконечном моменте. Она являла собой медленно двигающееся пламя, сияющий над ее головой нимб освещал подземелье, как огромная голубая свеча.

И вот она вошла в короткую арку, остались три последние — самые трудные шаги всего Пути. В этом месте идущий ощущает сопротивление поверхности и мощную физическую инерцию.

Мне снова почудилось, что она остановилась, но это было не так. Со стороны Корэл походила на человека, выполняющего упражнение по системе тай-чи; движения ее были болезненно замедленны. Она осторожно продвигалась вперед. Если она не погибнет на последнем шаге, все будет в порядке. Мы сможем поговорить...

Последний момент длился бесконечно. Затем я увидел, как ее нога продвинулась вперед и вышла за пределы Пути. Вскоре она переступила границу второй ногой.

— Поздравляю! — воскликнул я.

Она слабо помахала мне правой рукой, прикрывая левой глаза от яркого света. Так она простояла почти минуту. Те, кому доводилось пройти Путь, знают это состояние. Я молчал, давая девушке возможность прийти в себя и насладиться триумфом.

Казалось, что Путь светится ярче; так всегда бывает сразу же после успешного прохода. Сияние придавало гроту сказочный вид, залитые голубым светом камни и черные тени, зеркало пруда у дальней стены, где обитают слепые рыбы... Я попытался представить, что может означать поступок Корэл для нее и для Амбера.

Она неожиданно выпрямилась.

— Я буду жить!

— Хорошо, — ответил я. — Теперь у тебя есть выбор.

— Ты о чем?

— Сейчас ты можешь потребовать, чтобы Путь доставил тебя куда угодно. Он может оставить тебя и здесь, но я бы посоветовал тебе вернуться в свою комнату. Несмотря на то что мне хорошо в твоем обществе, рекомендую воспользоваться этой услугой. Ты слишком устала. Тогда у тебя будет время понежиться в ванной и переодеться к обеду. Встретимся в столовой. Договорились?

Корэл улыбнулась и покачала головой.

— Я не собираюсь упускать такую возможность, — произнесла она.

— Послушай, — сказал я. — Мне знакомо это чувство. Но

тебе следует успокоиться. Путешествие в экзотические места может оказаться очень опасным, еще сложнее будет вернуться назад, поскольку ты не имеешь опыта в прогулках по Теням.

— Это своего рода упражнение в воле и концентрации, так? Надо двигаться и проецировать образы на окружающую реальность, правильно?

— Все гораздо сложнее. Ты должна научиться выделять нужные детали отправных пунктов. Обычно в первой прогулке по Тени новичка сопровождает кто-нибудь из более опытных...

— Ладно, главное я усвоила, — перебила она меня.

— Не до конца, — возразил я. — Знать, что надо делать, еще не все. Существует обратная связь. Ты должна испытать определенное чувство. Ему нельзя научить, его можно только испытать. Пока нет уверенности, что все идет как надо, нужен проводник.

— Думаю, у меня получится — методом проб и ошибок.

— Не исключено, — сказал я. — Представь, однако, что ты попадешь в беду. Учиться будет поздно. Это кошмарное состояние...

— Ладно. Понятно, куда ты клонишь. Но я, слава богу, и не планирую ничего опасного.

— Что ты задумала?

Корэл расправила плечи и обвела грот широким жестом.

— С тех пор как я узнала о существовании Огненного Пути, мне захотелось попробовать одну вещь.

— Что же это?

— Я хочу попросить его доставить меня туда, где мне надо побывать.

— Не понимаю.

— Я хочу, чтобы Путь сам выбрал место.

Я покачал головой:

— Ничего не выйдет. Ты должна указать точное место, куда тебя надо доставить.

— Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто он так устроен.

— А ты когда-нибудь пробовал сделать так, как хочу я?

— Нет. Ничего не произойдет.

— А вообще кто-нибудь пробовал?

— Пустая трата времени. Послушай, по твоим словам выходит, что Образ — это мыслящее существо, способное самостоятельно принимать решения и выполнять их.

— Да, — ответила Корэл. — А после того как я через него прошла, он должен был хорошо узнать меня. Поэтому я хочу спросить у него совета и...

— Подожди! — воскликнул я.

— Да?

— Предположим, что у тебя получится. Как ты собираешься возвращаться?

— Как-нибудь доберусь. Значит, ты признаешь, что может и получиться?

— Да, — сказал я. — Если у тебя есть подсознательное желание посетить какое-нибудь место, Путь его прочтет, и ты дашь ему приказ на транспортировку. Это не значит, что он разумен, он просто чувствителен. Теперь слушай внимательно. Я бы не рискнул ставить подобные эксперименты. Допустим, у меня есть склонность к самоубийству, о которой я не подозреваю. Или...

— Слушай, это становится скучным.

— Я всего-навсего советую тебе сделать это безопасным способом. У тебя впереди целая жизнь. Просто глупо...

— Хватит! — оборвала меня Корэл. — Я приняла решение. Все. Увидимся позже, Мерлин.

— Подожди! — крикнул я. — Ладно. Поступай как знаешь. Только вначале возьми одну штуку.

— Что это?

— С ее помощью ты сможешь быстро выбраться из трудного места. Держи.

Я вытащил колоду и нашел свою карту. Потом снял с пояса кинжал в ножнах, обернул карту вокруг рукоятки и привязал ее платком.

— Умеешь пользоваться картой?

— Надо на нее смотреть и думать о человеке, пока не возникнет контакт, правильно?

— Примерно, — проворчал я. — Вот моя карта. Возьми с собой. Вызови меня, когда захочешь вернуться. Я тебе помогу.

Я швырнул кинжал движением снизу в середину Пути, Корэл легко его перехватила и повесила на пояс с противоположной от своего стороны.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь я попробую.

— На всякий случай, если у тебя получится... Не задерживайся, ладно?

— Ладно, — ответила Корэл и закрыла глаза.

Спустя мгновение она исчезла.

Ну и дела.

Я подошел к краю Огненного Пути и подержал над ним руку, пока не почувствовал напор энергии.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — произнес я. — Я хочу, чтобы она вернулась.

Вверх стрельнула искорка и пощекотала мою ладонь.

— Хочешь сказать, что ты действительно разумен?

Вокруг меня все завертелось. Спустя мгновение головокружение прошло. Первое, что я заметил, был стоящий рядом с моим правым сапогом фонарь. Оглядевшись, я сообразил, что стою на противоположной стороне Пути, недалеко от выхода.

— Я находился внутри поля, и ты настроился на меня, — пробормотал я. — Ты понял, что подсознательно я хотел уйти.

Я поднял фонарь, запер за собой дверь и повесил ключ на крюк. Все-таки этой штуке верить нельзя. Если он действительно хотел мне помочь, то почему не отправил меня прямо домой, минуя ненавистную лестницу?

Я быстро зашагал по туннелю. Это было самое интересное в моей жизни первое свидание.

Глава 6

Стоило мне сделать несколько шагов по ведущему к лестнице темному туннелю, как справа появился обвешанный обрывками ржавых цепей тип в черной коже. Голова его была начисто выбрита, за исключением высокого оранжевого гребня посередине, в левом ухе блестели многочисленные серебряные кольца, а рядом помещалось нечто похожее на электрическую розетку.

— Мерлин? — спросил он. — Ты как?

— Пока ничего, — проворчал я, пытаясь получше разглядеть его в темноте. — А ты... изменился, Мартин.

Он хмыкнул:

— Возвращаюсь из интересной Тени. Проторчал там целый год. Знаешь, есть места, где время мчится чертовски быстро.

— Полагаю, там весьма развита технология, урбанизация...

— Точно.

— А я думал, ты деревенский парень.

— Это в прошлом. Теперь я понял, почему папаша так любит города и шум.

— Ты ведь еще и музыкант?

— Немного. Хотя у них там совсем другие звуки. Придешь на обед?

— Собирался. Надо вначале переодеться и умыться.

— Значит, увидимся за столом. Поговорим.

— Конечно, кузен.

Он потрепал меня за плечо, а я пошел своей дорогой. Хватка у него по-прежнему была мощной.

Спустя несколько шагов я почувствовал контакт по карте. Я замер и тут же откликнулся. Похоже, Корэл решила вернуться. Вместо нее, однако, я увидел улыбающегося Мэндора.

— Ну наконец-то, — сказал он. — Ты один и, судя по всему, в безопасности.

Когда немного прояснилось, я разглядел, что рядом с ним стоит Фиона — слишком, как мне показалось, близко.

— Да, все в порядке, — откликнулся я. — Вернулся в Амбер. А ты как?

— Помаленьку, — буркнул Мэндор, глядя мимо меня, хотя, кроме стены с обрывками старых обоев, позади ничего не было.

— Хочешь сюда? — спросил я.

— С удовольствием побывал бы в Амбере, — сказал он, — но придется отложить визит до следующего раза. Мы тут вроде как заняты.

— Ты выяснил причину возмущений? — спросил я.

Он взглянул на Фиону, потом перевел взгляд на меня.

— И да и нет. Есть интересные наметки, но пока ничего определенно не доказано.

— Ясно. Чем тогда могу помочь?

Фиона вытянула указательный палец, и ее тут же стало отчетливо видно. Я догадался, что она прикоснулась к моей карте для лучшего контакта.

— Мы тут столкнулись со следами деятельности построенной тобой машины. Призрачного Колеса.

— Да?

— Ты прав, эта штука обладает разумом. У нее высокий коэффициент умственного развития не только по техническим показателям, но и по социальной ориентации.

— Я был уверен, что она пройдет тест Тьюринга.

— О, это уж точно — если учесть, что тест Тьюринга предполагает умение машины обманывать людей и вводить их в заблуждение.

— На что ты намекаешь, Фиона?

— У твоей машины не просто высокий коэффициент умственного развития. Он у нее откровенно антисоциальный. Мне вообще кажется, что твоя машина сумасшедшая.

— Что она сделала? — спросил я. — Набросилась на вас?

— Нет, до оскорбления действием не дошло. Но она чокнутая, понимаешь? Лживая и наглая. У нас просто нет времени рассказывать тебе все подробности. Похоже, она способна

на любую гадость. Не знаю. Просто решили тебя предупредить, чтобы ты ей не доверял.

Я улыбнулся:

— Это все? Конец связи?

— Пока да. — Фиона опустила палец и растворилась.

Я перевел взгляд на Мэндора, намереваясь рассказать о множестве защитных устройств, которыми я напичкал свою машину, чтобы ею не смогли воспользоваться посторонние, главным образом Джарт.

В этот момент связь внезапно оборвалась, и я почувствовал, как кто-то еще требует контакта.

Ощущение меня заинтриговало. Мне всегда было интересно, что произойдет, если кто-то попытается связаться через карту в тот момент, когда по карте я уже общаюсь. Установится общий разговор? Или пойдет сигнал «занято»? Смогу ли я временно кого-нибудь отключить? Вряд ли мне когда-либо доведется это выяснить — слишком статистически маловероятно. Как бы то ни было...

— Мерлин, крошка! Со мной все в порядке.

— Люк!

Мэндор и Фиона определенно пропали.

— Со мной действительно все в порядке, Мерлин.

— Ты уверен?

— Да, как только все стало налаживаться, я перешел на скоростную линию. По меркам здешней Тени прошло несколько дней с нашей последней встречи.

На нем были солнцезащитные очки и зеленые плавки. Люк восседал под зонтиком за маленьким столиком возле бассейна. На столе виднелись остатки обильного завтрака. Девушка в голубом бикини прыгнула в воду и пропала из виду.

— Что ж, рад слышать...

— Что все-таки со мной случилось? Помню, ты говорил, что мне подсыпали наркотик, когда я был пленником в Страже. Это правда?

— Очевидно.

— Буду знать, как пить воду... Ладно. Что произошло, пока меня не было?

Я никогда не знал, что можно, а что нельзя ему говорить.

— Какие у нас сейчас отношения?

— А, ты об этом?

— Именно.

— Ну, у меня была возможность все обдумать, — произнес Люк, — и я решил дать отбой. Честь удовлетворена. Нет смысла переть дальше. Но я не собираюсь отдаваться на милость Рэн-

дома. Теперь ты скажи: как относится ко мне Амбер? Надо мне оглядываться по ночам или нет?

— Пока никто ничего не знает. Рэндома в городе нет, я сам только что приехал и не успел выяснить, что думают остальные.

Он снял очки и внимательно на меня посмотрел.

— Значит, Рэндома в городе нет...

— Не волнуйся, я знаю, что он тебя не преследует, потому что он в Каш... — Я остановился на один слог позже, чем следовало.

— В Кашфе?

— Кажется, да.

— Какого черта ему там делать? Амбер никогда не интересовался этим местом.

— Случилась... смерть, — попытался объяснить я. — Все крайне напряжено.

— Ха! — воскликнул Люк. — Значит, ублюдок получил свое. Хорошо! Но... А чего это Амбер так засуетился?

— Не знаю, — проворчал я.

Люк хмыкнул:

— Риторический вопрос. Теперь понятно, что у вас происходит. Надо признать, Рэндом держит марку. Слушай, когда выяснишь, кого он посадил на трон, дай мне знать. Хочу быть в курсе дел родного городка.

— Ну конечно, — ответил я, безуспешно пытаясь сообразить, могу ли я навредить Амберу, распространяя подобную информацию. Со дня на день это станет известно всем.

— Что еще новенького? Как там эта... Винта Бейли?

— Пропала, — ответил я. — Куда — не знаю.

— Странно, — удивился он. — Думаю, мы ее еще увидим. Она же, кстати, звалась Гейл. Дай мне знать, если она объявится, хорошо?

— Хорошо. Хочешь ее еще разок куда-нибудь вытащить?

— Не худший способ провести время.

— Тебе повезло, что она тебя никуда не вытащила.

— Не думаю, что ей этого хотелось, — ответил Люк. — Мы всегда отлично ладили. В любом случае я вызвал тебя не за этим...

Я кивнул. А то я не знал.

— Как моя мать?

— Не шевелится. С ней все в порядке.

— Ну дела, — покачал головой Люк. — Знаешь, как-то несолидно для королевы находиться в таком положении. Вешалка. Боже мой!..

— Согласен, — кивнул я. — Выбора все равно нет.

— Мне бы хотелось... освободить ее. Что для этого потребуется?

— Ты затронул весьма щекотливую тему.

— Не сомневаюсь.

— У меня сильное подозрение, Люк, что это она разжигает месть и натравливает тебя на моих родственников. Как в случае с бомбой. Зачем она заставляла тебя вооружать враждебную Амберу частную армию современным оружием? А регулярные попытки убить меня каждую весну? А...

— Хорошо, хорошо. Ты прав. Я не отрицаю. Но многое изменилось...

— Да. Ее планы рухнули, а сама она попала к нам в руки.

— Я о другом. Я изменился. Теперь я лучше понимаю и ее, и себя. Она больше не сможет мной помыкать.

— Почему?

— Это путешествие... Оно полностью меня перевернуло. Я пересмотрел свое отношение к Джасре. Она больше не сможет водить меня за нос.

Я вспомнил привязанную к столбу рыжеволосую женщину, которую терзали демоны. Теперь я уловил сходство.

— Но она все равно остается моей матерью, — продолжал Люк, — и я не хочу бросать ее в таком положении. Как ты думаешь, какое надо заключить соглашение, чтобы ее освободили?

— Не знаю. Вопрос не решен.

— Она же ваша пленница, разве не так?

— Ее планы были направлены против нас всех.

— Верно, но я больше не собираюсь ей помогать. А без такого человека, как я, она не справится.

— Правильно. Но если ты откажешься ей помогать, что помешает Джасре найти кого-нибудь другого? Она все равно опасна.

— Теперь вы знаете ее секреты. Это существенно осложнит ей жизнь.

— И сделает ее еще изощреннее.

Люк вздохнул:

— Полагаю, во всем этом есть доля правды. Но она не более ядовита, чем большинство людей. Надо всего лишь договориться о цене.

— Не думаю, что Амбер пойдет на такие сделки.

— А я думаю.

— Тем более что она уже у нас в плену.

— Это, конечно, осложняет дело, — согласился он. — И все же наверняка вопрос можно решить. Не собираетесь же вы

вечно использовать мою мать как предмет домашнего обихода? Не выгоднее ли вам будет освободить ее?

— Что ты предлагаешь? — спросил я.

— Пока ничего. Я тебя просто прощупываю.

— Ладно. Но сразу тебе скажу: такую ситуацию трудно представить. Чтобы нам стало выгодно ее освободить? Полагаю, надо определиться в понятии «выгода». Пока это все слова.

— Пытаюсь прощупать ситуацию, — повторил Люк, — а заодно заронить пару зерен. Какие проблемы у тебя?

— У меня? Лично? Ты в самом деле хочешь узнать?

— Конечно!

— Ладно, слушай. Похоже, мой братец Джарт вступил в союз с колдуном из Стража по имени Маска. Теперь они достают меня вдвоем. Джарт попытался напасть на меня сегодня. Маска пока готовится. Скоро я им задам.

— Эй! А я и не знал, что у тебя есть брат!

— Сводный. Есть и еще парочка, но с ними проще. А Джарт уже давно за мной охотится.

— Это серьезно. Ты никогда мне о нем не рассказывал.

— А мы никогда и не говорили о семейных делах, если помнишь.

— Да, но сейчас ты меня удивил. Кто такой этот Маска? Кажется, ты о нем уже говорил. Это действительно Шару Гаррул?

Я покачал головой:

— Когда я вытащил твою мать из цитадели, компанию ей составлял парализованный старик, на ноге у которого было вырезано слово «РИНАЛЬДО». А мы с Маской добивали друг друга заклинаниями.

— Невероятно, — пробормотал Люк. — Вот ведь узурпатор. Значит, это он подсыпал мне наркотик?

— Скорее всего.

— Выходит, я должен свести с ним счеты независимо от того, что он сделал с моей матерью. Силен ли твой Джарт?

— Скорее подл. И неуклюж. Во всяком случае, при каждом нашем столкновении он садился в лужу и оставлял на месте боя какую-нибудь часть тела.

— Бывает, люди учатся на своих ошибках.

— Верно. Сегодня он нес какую-то мистическую чушь. Говорил так, словно скоро станет очень могущественным.

— Ого! — воскликнул Люк. — Похоже, Маска решил на нем потренироваться.

— Для чего?

— Фонтан Энергии, дружище. Внутри цитадели пульсирует стабильный и мощный поток чистой энергии. Межтеневое вещество. Возник в месте слияния четырех миров.

— Знаю. Я его видел.

— Сдается мне, что Маска собирается прибрать Фонтан к рукам.

— Когда мы встречались, у него было цепкое рукопожатие.

— Да, но подключиться к Фонтану посложнее, чем воткнуть вилку в розетку. Существует масса нюансов, многие из которых он, похоже, сейчас познает и осмысливает.

— Как, например?

— Купание в Фонтане придает чудодейственную силу, выносливость и совершенствует магические способности. Это дается только людям с определенной подготовкой. Но в его лаборатории оказались записи старика Шару, а в них речь идет о более серьезных вещах. Как заменить какую-нибудь часть тела чистой энергией. Очень опасная процедура. Нередко дело заканчивается смертельным исходом. Но если сделать все правильно, результат превосходит все ожидания, ты становишься суперменом, живой картой.

— Я уже слышал этот термин, Люк...

— Конечно, слышал. Мой отец подвергал себя этому процессу...

— Правильно! — воскликнул я. — Корвин утверждал, что Брэнд стал своего рода живой картой. Он был почти неуязвимым.

Люк заскрипел зубами.

— Извини, — сказал я. — Но мне так рассказывали. Вот в чем заключался секрет могущества Брэнда...

Люк кивнул:

— По-моему. Маска знает, как это делается, и готовится потренироваться на твоем брате.

— Черт! — выругался я. — Только этого не хватало! Джарт как волшебное существо, сила природы или еще какая-нибудь чертовщина. Это серьезно... Что еще тебе известно об этом процессе?

— О! Теоретически я знаю почти все. Но связываться с подобной штукой все равно бы не стал. По-моему, при этом лишаешься гуманности. Под конец тебе наплевать на других людей и на общечеловеческие ценности. Кажется, это и произошло с моим отцом.

Что я мог сказать? Либо он говорит правду, либо нет. Люку очень хотелось верить, что отец пошел на предательство под воздействием непреодолимой внешней силы. Я никогда не стал бы его разубеждать, даже если бы наверняка знал, что это не так. Поэтому я рассмеялся.

— Хуже Джарт уже не будет.

Люк улыбнулся:

— Такой тип вместе с колдуном да еще на своей территории могут запросто тебя уделать.

— Разве у меня есть выбор? — спросил я. — Они меня разыскивают. Надо что-то предпринимать. Джарт еще не прошел обработку. Сколько она длится?

— Подготовка сложна и занимает много времени, но субъект не обязан присутствовать на всех ее этапах. Все зависит от того, насколько продвинулся Маска в теории.

— Значит, мне надо торопиться.

— Я не позволю тебе идти туда одному. Это самоубийство. Я хорошо знаю Страж Четырех Миров. У меня есть небольшой отряд наемников, расквартированных в Тени и готовых к бою при первой команде. Если мы протащим их с собой, они задержат охрану, а может быть, и вытащат их наружу.

— Сгодится ли там твое новое оружие?

— Нет. Мы пытались его применить, когда я атаковал с дельтапланов. Придется сражаться врукопашную. Из оружия пойдут кольчуги и мачете. Я подумаю.

— Мы сможем попасть туда при помощи Пути, но войска не пройдут... и картами там не воспользуешься.

— Знаю. Над этим тоже придется подумать.

— Получается, мы с тобой против Джарта и Маски. Если я расскажу кому-либо из наших, они попытаются задержать меня до прибытия Рэндома, а тогда может оказаться поздно.

Люк улыбнулся:

— Знаешь, моя мать действительно могла бы нам пригодиться. Она знает о Фонтане гораздо больше, чем я.

— Нет! Джасра пыталась меня убить.

— Полегче, полегче, дружище. Вначале выслушай!

— Кроме того, Маска переиграл ее при последней встрече. Поэтому она сейчас вешалка.

— Значит, впредь будет осторожнее. Так или иначе, он победил ее не умением, а хитростью. Она умница. Очевидно, Маска застал ее врасплох. Она настоящий мастер.

— Нет! Она нам всем желает смерти!

— Подожди, — поднял руку Люк. — После Кейна вы для нее противники символические. Маска же — настоящий враг. Если у нее будет выбор, мать выступит против Маски.

— А если нам повезет, то после победы над Маской она пойдет на Амбер.

— Да нет же! В этом и состоит вся прелесть моего плана.

— Даже слышать не желаю.

— Потому что ты заранее согласен, правильно? Я только

что придумал, как решить все твои проблемы. После того как мы освободим Страж, подари ей его в знак примирения.

— Другими словами, ты предлагаешь вручить Джасре неограниченную власть?

— Если бы она хотела направить ее против вас, то давно бы это сделала. Она не станет к ней прибегать. Учитывая, что Кашфа потеряна, мать постарается спасти хоть что-нибудь. Вот что должно быть для вас важно.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Лучше быть королевой в Страже, чем вешалкой в Амбере.

— Черт бы тебя побрал, Люк. Ты всегда умел придавать глупейшим вещам привлекательный вид.

— Это искусство, Мерлин. Ну, что скажешь?

— Надо подумать.

— Думай быстрее. Не исключено, что как раз сейчас Джарт уже принимает огненную ванну.

— Не дави на меня. Я тебе сказал, что подумаю. Это только одна из моих проблем. Сейчас я хочу пообедать, а потом пораскину мозгами в спокойной обстановке.

— Может, расскажешь и об остальных проблемах? Вдруг получится упаковать их в одну коробку?

— Нет, черт побери, нет! Я тебя вызову... скоро. Договорились?

— Договорились. Но я хотел бы быть рядом, когда ты выдернешь мою мамашу. Кому-то надо смягчить обстановку. Ты ведь уже сообразил, как рассеять ее заклинание?

— Да.

— Рад слышать. А я не знал, как это делается, и думал, не переставая. Тогда я здесь все закончу и отправлюсь тренировать войска, — произнес Люк, разглядывая вылезшую из воды девицу. — Позовешь меня.

— Ладно, — проворчал я, и он исчез.

Потрясающе. Неудивительно, что Люк постоянно срывает призы от всяческих торговых компаний. Как бы я ни относился к Джасре, рекламу он ей сделал первоклассную. К тому же Рэндом не приказывал мне держать ее пленницей. Но поведет ли она себя так, как обещал Люк? Это было бы логично, но люди редко следуют логике в критических ситуациях.

Пройдя через зал, я решил воспользоваться боковой лестницей. На верхней ступеньке темнела какая-то фигура. Это была женщина в длинном желто-красном платье, темные волосы рассыпались по великолепным плечам. Женщина смотрела в противоположную сторону.

Услышав мои шаги, она повернулась, и я разглядел, что это Найда.

— Лорд Мерлин, не знаете ли вы, где моя сестра? Кажется, она ушла с вами.

— Корэл любовалась предметами искусства, а потом отправилась по своим делам, — ответил я. — Судя по всему, она должна скоро вернуться.

— Хорошо. Приближается обед, а мы бы хотели, чтобы она к нам присоединилась. Как провели время?

— Полагаю, ей понравилось.

— Последние дни Корэл часто грустит. Мы надеялись, что поездка ее развлечет.

— Когда мы расстались, у нее было прекрасное настроение.

— Вот как? Где это было?

— Неподалеку отсюда, — сказал я.

— Вы куда-то уходили?

— Да, мы прогулялись по городу. Я показал ей дворец.

— Значит, сейчас она во дворце?

— Была во дворце, когда я последний раз ее видел. Потом, может, куда-то и вышла.

— Понятно, — произнесла Найда. — Жаль, что не удалось поговорить с вами раньше. Мне кажется, что мы давно друг друга знаем.

— В самом деле?

— Я несколько раз перечитывала ваше досье. Оно произвело на меня огромное впечатление.

— Досье?

— Мы собираем информацию о людях, с которыми сталкиваемся по работе. В Бегме не делают из этого секрета. Разумеется, в их число входят все, принадлежащие к Дому Амбера, даже те, кто не имеет прямого отношения к дипломатии.

— Вот уж не думал, — сказал я, — но смысл в этом есть.

— Ваша юность, конечно, сильно приукрашена, а недавние неприятности непонятны.

— Они и мне непонятны, — заметил я. — Хотите внести в досье поправки?

— Нет, просто любопытно. Если ваши проблемы касаются Бегмы, то они важны и для нас тоже.

— С чего вы взяли, что у меня есть проблемы?

— У нас неплохо налажена агентурная работа. Этим славятся все маленькие королевства.

Я кивнул:

— Не собираюсь выведывать ваши источники, но у нас информацию не продают.

— Вы меня неправильно поняли, — сказала Найда. — Я ничего не пытаюсь узнать. Я только хотела выяснить, не могу ли я чем-либо вам помочь.

— Спасибо, мне приятно ваше участие, но я не представляю, чем бы вы могли оказаться полезны.

Девушка улыбнулась, блеснув великолепными белыми зубами.

— Если вы все-таки решите, что вам нужна помощь, или вам просто захочется поговорить, дайте мне знать.

— По рукам, — сказал я. — Увидимся на обеде.

— Надеюсь, не только на обеде, — произнесла она, уступая мне дорогу.

Что могла означать последняя фраза? Уж не стремится ли Найда к близости? В таком случае ее намерения слишком откровенны. А может, ей действительно позарез нужны сведения?

Подходя к своей комнате, я заметил в холле странное световое явление: яркая полоса шириной шесть или восемь дюймов опоясывала обе стены, потолок и пересекала пол. Я замедлил шаг. Неужели в мое отсутствие кто-то додумался освещать дворец таким необычным способом?

Едва я переступил через полосу, как все, кроме света, исчезло, а сам свет сжался в правильный круг, который один раз мигнул и опустился к моим ногам таким образом, что я оказался точно в его центре. В ту же секунду за пределами круга возник куполообразный мир из зеленого стекла. В бледном свете красноватая поверхность под моими ногами казалась неровной и влажной. И только когда мимо проплыла огромная рыба, я сообразил, что нахожусь на дне моря на коралловом рифе.

— Чертовски красиво, — пробормотал я, — но хотелось бы все-таки добраться до своей квартиры.

— Решил немного повыделываться. — Знакомый голос внутри заколдованного круга прозвучал жутко и непривычно. — Разве я не бог?

— Ты можешь называть себя как угодно. Спорить никто не станет.

— Богом, наверное, быть весело.

— Тогда кто, по-твоему, я?

— Это сложный теологический вопрос.

— Теологический, чтоб тебя разорвало!.. Я инженер-компьютершик, который тебя создал!

Подводную камеру наполнил похожий на вздох звук.

— Тяжело оторваться от своих корней.

— А зачем от них отрываться? Чем тебе не нравятся корни? У всех нормальных растений есть корни.

— Сверху красивые цветочки, а снизу — слизь и грязь.

— В твоем случае это металл и необычная криогенная установка, плюс еще несколько узлов, кстати, очень чистых.

— А может, я нуждаюсь в грязи и слизи?

— Ты вообще нормально себя чувствуешь?

— Все еще пытаюсь найти себя.

— У всех бывают такие периоды. Ничего, пройдет.

— Правда?

— Конечно.

— Когда? Как? Почему?

— Боюсь тебя обмануть. К тому же у каждого это проходит по-своему.

Мимо проплыла стайка красных рыбок в черную полоску.

— Не могу освоить всю полноту знаний, — произнес спустя некоторое время Призрак.

— Никто и не требует от тебя всей полноты.

— ... И всемогущества не могу добиться.

— Не простое дело, — кивнул я.

— Ты все понимаешь, отец.

— Пытаюсь. Есть особые проблемы?

— Помимо экзистенциальных?

— Да.

— Нет. Я притащил тебя сюда, чтобы предупредить об одном типе по имени Мэндор. Он...

— Он мой брат, — сказал я.

Наступило молчание.

— Значит, мне он приходится дядей, так?

— Полагаю, да.

— А женщина, которая с ним? Она...

— Фиона — моя тетя.

— Моя двоюродная бабушка! Ну дела!

— Что-то не так?

— О родственниках не принято говорить плохо, да?

— Только не в Амбере, — улыбнулся я. — Здесь все только этим и занимаются.

Круг света мигнул еще раз. Мы снова вернулись в зал.

— Так вот, поскольку мы в Амбере, — произнес Призрак, — я буду говорить о них плохо. На твоем месте я бы им не верил. Мне они все кажутся слегка чокнутыми. И еще нахальными и лживыми.

Я рассмеялся:

— Ты становишься истинным жителем Амбера.

— Разве?

— Да. Мы все такие. Не переживай. Что там у вас все-таки случилось?

— Если не возражаешь, я бы хотел дойти до этого сам.

— Как тебе удобнее.

— Выходит, мне не надо тебя предупреждать насчет Мэндора и Фионы?

— Не надо.

— Ладно. Это тревожило меня больше всего. Пойду поищу слизи и грязи...

— Подожди!

— Что?

— Последнее время тебе здорово удается переносить вещи через Тень.

— Стараюсь.

— Как насчет небольшого отряда воинов и их начальника?

— Думаю, получится.

— И меня.

— Ну конечно. Где они и куда их надо доставить?

Я порылся в карманах, вытащил карту Люка и вытянул ее перед собой.

— Но... Это же тип, которому ты велел не доверять, — пробормотал Призрак.

— Все нормально, — сказал я. — На этот раз можно сделать исключение — только единожды. Ситуация несколько изменилась.

— Не понимаю. Но если ты так говоришь...

— Ты можешь его перенести и все устроить?

— Конечно. Куда?

— Знаешь Страж Четырех Миров?

— Да, но это опасное место, отец. Очень сложно прийти и уйти. Именно там рыжая девка пыталась заблокировать мою энергию.

— Джасра.

— Имени не знаю.

— Мать Люка, — сказал я, помахав его картой.

— Дурная кровь, — заключил Призрак. — Может, не стоит с ними связываться?

— Не исключено, что она пойдет с нами.

— Только не это! — воскликнул Призрак. — Опасная женщина. Зачем она нам? Тем более там, где она сильна? Вдруг снова попытается меня заблокировать? У нее может получиться.

— Ей хватит других забот, — сказал я, — к тому же она может мне понадобиться. Так что считай ее частью багажа.

— Ты уверен, что поступаешь правильно?

— Увы.

— Когда ты хочешь туда отправиться?

— В зависимости от того, как скоро Люк подготовит своих солдат. Может, смотаешься и узнаешь?

— Хорошо. Только я все равно думаю, что ты совершаешь ошибку, отправляясь туда с этими людьми.

— Мне нужны помощники, и кости выпали чертовски удачно.

Призрак съежился в точку и исчез.

Я набрал побольше воздуха, но вздыхать передумал и отправился к ближайшей двери. У самого порога я почувствовал контакт по карте. Корэл?

Я настроился на разговор. Передо мной снова появился Мэндор.

— С тобой все в порядке? — тут же поинтересовался он. — Странно оборвалась связь...

— Я в норме. Такие обрывы случаются раз в жизни.

— Ты чем-то взволнован.

— Тем, что приходится мотаться по лестницам, преодолевая сопротивление всех природных сил.

— Не понимаю.

— У меня был тяжелый день. Поговорим позже.

— Я хотел потолковать с тобой о новом Пути и об этих бурях...

— Позже, — оборвал его я. — Я жду вызова.

— Хорошо. Извини.

Он разорвал контакт, а я потянулся к засову, размышляя, не превратить ли Призрак в автоответчик.

Глава 7

Плащ я повесил на Джасру, а пояс с оружием — на спинку кровати. Потом я почистил сапоги, вымыл лицо и руки и надел оригинальную парчовую рубашку цвета слоновой кости, всю в сборках и тесемочках, а также серые брюки. После этого почистил зубы и накинул на себя пунцовый пиджак, тот самый, в котором, благодаря заклинанию, человек смотрится чуть-чуть очаровательнее, остроумнее и порядочнее, чем он есть на самом деле. Представлялся хороший случай им воспользоваться.

Когда я начал причесываться, в дверь постучали.

— Минуту!

Вскоре я был полностью готов идти, а вернее, бежать на

обед, поскольку я сильно опаздывал. Я выдвинул засов и отворил дверь.

На пороге, весь в коричневом и красном, стоял Билл Рот, напоминающий стареющего кондотьера.

— Билл! — заорал я, схватил его за руку, потом стиснул в объятиях и затащил в комнату. — Рад тебя видеть. Только что покончил с кучей неприятностей и собираюсь взяться за новые. Не знал, что ты во дворце. Хотел найти тебя, как только все хоть немного успокоится.

Он улыбнулся и легонько ткнул меня в плечо.

— Я приглашен на обед. Гендон сказал, что ты тоже придешь. Вот и решил заскочить за тобой. Говорят, приехали люди из Бегмы?

— Ты уже слышал?

— Да. Есть новости о Люке?

— Только что с ним общался. Вендетта вроде бы закончена.

— Он по-прежнему собирается оправдываться на суде, о котором ты мне говорил?

— Похоже, что нет.

— Плохо. Я, между прочим, проделал большую исследовательскую работу. Так вот, в защиту вендетты можно привести немало примеров. В частности, с твоим дядей Озриком, который ополчился против всего Дома Кармов после смерти родственника со стороны матери. Оберон в те дни поддерживал с Кармом дружеские отношения, а Озрик устранил трех претендентов с их стороны. Тем не менее на слушаниях Оберон его оправдал и даже установил правило...

— Оберон, кстати, отправил его на ужасную войну, — перебил я, — с которой Озрик так и не вернулся.

— Об этом я не знал, — покачал головой Билл, — но при дворе он пользовался большой популярностью.

— Я расскажу об этом Люку.

— О чем именно?

— И о том, и о другом.

— Я, собственно, пришел не за этим, — продолжал Билл. — Идут серьезные военные приготовления.

— То есть?

— Легче показать, чем рассказывать, — заметил он. — Это займет не больше минуты,

— Отлично. Давай посмотрим, — сказал я, и мы вышли в коридор.

Билл провел меня к задней лестнице, а внизу повернул налево. По длинному извилистому коридору мы прошли мимо

кухни. В этот момент сверху донеслись странные лязгающие звуки. Я взглянул на Билла, и он кивнул.

— Мне это показалось интересным. Поэтому я и повел тебя этим путем. Ты же знаешь, мне здесь все любопытно.

Я кивнул. Чувство было мне знакомо. Тем более что звуки, как я догадался, исходили из главной оружейной.

Мы застали Бенедикта за интересным занятием. Он разглядывал свой ноготь в дуло ружья. Дядюшка вскинул голову, и наши взгляды встретились. Вокруг него суетились около дюжины вооруженных людей: перетаскивали оружие, чистили его и складывали в пирамиды.

— А я думал, ты в Кашфе, — произнес я.

— Был, — проворчал Бенедикт.

Я дал ему шанс продолжить, но он молчал. Бенедикт никогда не отличался говорливостью.

— Похоже, ты собираешься домой, — заметил я, зная, что порох здесь бесполезен, а специальные заряды, которыми мы пользовались, действовали только в Амбере и нескольких прилегающих королевствах.

— Лишняя предосторожность не помешает.

— Может, объяснишь? — спросил я.

— Не сейчас. — Ответ Бенедикта оказался в два раза длиннее, чем я ожидал, и потому оставлял надежду на дальнейшее освещение событий.

— Нам следует окопаться? — уточнил я. — Укрепить город? Вооружиться? Поднять...

— До этого не дойдет, — отрезал Бенедикт. — Занимайся своим делом.

— Но...

Он отошел в сторону. Мне показалось, что разговор закончен. Когда он проигнорировал еще несколько моих вопросов, я в этом окончательно убедился. Я пожал плечами и повернулся к Биллу:

— Пойдем есть.

Мы вернулись в коридор, и Билл спросил:

— Ты понимаешь, что это означает?

— Приближается Далт, — сказал я.

— Бенедикт был в Бегме вместе с Рэндомом. Похоже, Далт причинил им немало неприятностей.

— Сдается мне, что он близко.

— Если Далт захватит Рэндома в плен...

— Невозможно, — пробормотал я, холодея от одной этой мысли. — Рэндом может в любой момент вернуться по карте. Нет. Когда я спросил Бенедикта об обороне Амбера, а он сказал, что до этого не дойдет, мне показалось, что дядя имеет в виду ближайшие события, те, с которыми легко справится сам.

— Я понимаю, — кивнул Билл. — А потом он сказал, что не надо укреплять город.

— Если Бенедикт говорит, что не надо укреплять город, значит, нам не надо его укреплять.

— Когда в нас начнут палить из пушек, мы будем пить шампанское и кружиться в вальсе.

— Я верю Бенедикту.

— Да, вижу, ты в самом деле ему доверяешь. Что бы вы без него делали?

— Больше бы нервничали.

Билл покачал головой:

— Извини, но я не привык иметь дело с легендами.

— Ты мне не веришь?

— Верю, хотя мне и не следовало бы этого делать. Вот в чем беда.

Мы молча повернули и пошли вверх по лестнице.

Потом Билл добавил:

— Таким же я был и с твоим отцом.

— Билл, — сказал я, шагая по ступенькам, — ты же знал моего отца еще до того, как он обрел память. Ты знал его в те дни, когда он был самым простым Карлом Кори. Может, я чего-то не понимаю. Расскажи об этом отрезке его жизни. Что-нибудь, что могло бы пролить свет на то, где он сейчас.

Билл на мгновение остановился и посмотрел на меня.

— Только не подумай, что меня это не тревожит, Мерль. Я много раз спрашивал себя, не оказался ли он в бытность свою Кори втянут в какое-то дело, которое не отпускает его до сих пор? Он был весьма скрытным человеком и в прежнем своем воплощении. И парадоксальным тоже. Ему довелось послужить в различных армиях — и это понятно. Но иногда он принимался сочинять музыку, что никак не вязалось с образом крутого вояки.

— Он жил долго. Он много знал и много перечувствовал.

— Совершенно верно. Поэтому и трудно сообразить, во что он мог оказаться втянут. Раз или два, находясь под хмельком, он упоминал деятелей искусства и науки, в знакомстве с которыми я не мог его даже заподозрить. Кстати, его никак нельзя назвать «самым простым» Карлом Кори. Когда я с ним познакомился, его память была обогащена несколькими столетиями человеческой культуры. Это делало его весьма незаурядным человеком. Поступки твоего отца никогда нельзя было предсказать. Я действительно не знаю, к чему бы он вернулся, если бы ему суждено было вернуться.

Мы поднимались по лестнице, и меня почему-то преследовало ощущение, что Билл знает гораздо больше, чем говорит.

Из столовой доносилась музыка. Когда мы вошли, Ллевелла смерила меня негодующим взглядом. У дальней стены разогревалась пища, но за стол еще не садились. По всему залу стояли группы людей с бокалами в руках.

Едва мы вступили в зал, все взоры обратились в нашу сторону. Справа играли три музыканта. Слева стоял обеденный стол, из огромного окна открывался прекрасный вид на город. По-прежнему шел снег, из-за чего все было укутано легкой дымкой.

— Ты заставляешь себя ждать, — прошипела стремительно подошедшая Ллевелла.

— Где девушка?

— Корэл?

— А что, была другая?

— Не знаю, куда она пошла. Мы расстались пару часов назад.

— Будет она на обеде или нет?

— Понятия не имею.

— Мы не можем больше тянуть, — заявила Ллевелла. — Теперь выясняется, что нарушен весь порядок посадки гостей. Что ты с ней сделал, замотал до смерти?

— Ллевелла...

Она проворчала что-то неразборчивое на ребманском диалекте. Слов я не понял, но, уверен, ничего приятного я бы не услышал.

Ллевелла развернулась и направилась к Вайол.

— Кажется, ты влип, приятель, — заметил Билл. — Пойдем-ка в бар, пока она рассаживает гостей.

Но к нам уже подошел официант с напитками на подносе.

— Лучший «Бейли», — заметил он, когда мы взяли бокалы.

Я сделал глоток и убедился в правоте его слов.

— Я здесь мало кого узнаю, — произнес Билл. — Кто этот тип в красном кушаке рядом с Вайол?

— Оркуз, премьер-министр Бегмы, — объяснил я. — Красивая дама в желто-красном платье — его дочь Найда. А та, из-за которой меня сейчас чуть не съели, — ее сестра.

— Угу. А кто эта рослая блондинка, которая не сводит глаз с Джерарда?

— Не знаю, — сказал я. — И тех двоих, справа от Оркуза, тоже не знаю.

Мы приблизились, и Джерард, явно испытывающий неловкость в кружевном костюме, представил нам свою спутницу как Дрету Ганнел, помощника посла Бегмы. А послом

оказалась та самая здоровая леди, стоявшая рядом с Оркузом, звали ее, кажется, Ферла Куист. При ней же находился ее секретарь, имя которого прозвучало как Кейд. Пока его представляли, Джерард попытался улизнуть, но Ферла ухватила его за рукав и спросила что-то насчет флота. Я улыбнулся, кивнул и пошел дальше. Билл следовал за мной.

— Боже милосердный! — неожиданно воскликнул он. — Как изменился Мартин! Он стал похож на рок-музыканта. Я его еле узнал. Только на прошлой неделе...

— Для него прошел целый год. Он искал себя на уличной сцене.

— Нашел?

— Не спрашивал, — проворчал я. — Не было возможности. — При этом странная мысль запала мне в голову, но я решил с ней повременить.

В этот момент музыка стихла, Ллевелла откашлялась и дала знак Гендону, который принялся оглашать новый порядок посадки. Я оказался в конце стола. Позже я узнал, что изначально планировалось усадить слева от меня Корэл, а справа Кейда, потом Ллевелла попыталась заманить на место Корэл Флору, но та не поддалась.

В результате Вайол оказалась во главе стола, справа от нее сидела Ллевелла, слева — Оркуз, за Ллевеллой разместились Джерард, Дрета и Билл, за Оркузом — Ферла, Мартин, Кейд и Найда. Я провел Найду к столу и усадил ее справа от себя, в то время как Билл занял место слева.

— Суета, суета, суета, — тихонько пробормотал Билл.

Я кивнул и представил его Найде как юридического советника при престоле Амбера. Это произвело на нее впечатление, и девушка принялась расспрашивать Билла о его работе. Он весьма забавно поведал о том, как защищал однажды интересы собаки при разделе поместья. История была великолепна, хотя и не имела ни малейшего отношения к престолу. Найда и Кейд, которому все было слышно, весело смеялись.

После первого блюда заиграли музыканты, что сразу же сократило дистанцию между беседующими, и разговор принял более интимный характер. Билл дал знак, что хочет о чем-то переговорить, но Найда его опередила, и мне пришлось беседовать с ней.

— Я о Корэл, — произнесла она тихонько. — Вы уверены, что с сестрой все в порядке? Она хорошо себя чувствовала, когда вы расстались?

— Вполне.

— Странно, — пробормотала Найда. — Мне показалось, что она с нетерпением ожидала этого обеда.

— Очевидно, ей требуется больше времени на сборы, — заметил я.

— Что именно хотела посмотреть Корэл? Где вы расстались?

— Здесь, во дворце. Я показывал ей наши достопримечательности. Ей захотелось кое-что рассмотреть подробнее, а у меня уже не было времени. Поэтому я ее оставил.

— Не думаю, чтобы она могла забыть об обеде.

— Скорее всего ее внимание приковано к какому-нибудь произведению искусства.

— Вы уверены, что она во дворце?

— Утверждать не берусь. Из дворца ведь всегда можно и выйти.

— Другими словами, вы не знаете точно, где Корэл?

Я кивнул:

— Где она находится сейчас, я не знаю. Может, она уже переодевается у себя в комнате.

— Если сестра не придет, после обеда я буду ее искать, — сказала Найда. — Поможете мне?

— Конечно, я и сам планировал ее найти.

Найда кивнула и вернулась к еде.

Вот так неловкость. Я не хотел ее огорчать, но объяснить ситуацию я тоже не мог: вот так в лоб заявить, — что ее сестра — незаконнорожденная дочь Оберона. Не хватало храбрости объяснить дочери премьер-министра Бегмы, что ее мать имела связь с покойным королем Амбера; тем более меня предупреждали об особой осторожности, чтобы ничем случайно не осложнить отношений между Янтарным Королевством и Бегмой. Может, у них в Бегме это давно и не секрет и всем наплевать на эту историю. А может, и нет. Я не хотел тревожить Рэндома и спрашивать у него совета, частично в силу того, что он мог быть чрезвычайно занят в Кашфе, но главным образом из опасения, что он начнет расспрашивать меня о наших проблемах и планах, а мне не хотелось ему лгать. Зачем осложнять ситуацию? Он запросто мог запретить мне атаковать Страж Четырех Миров. Единственным человеком, с которым я хотел поделиться своими соображениями в отношении Корэл, была Вайол. К сожалению, ее полностью поглощали обязанности хозяйки.

Я вздохнул и вернулся к обеду.

Билл слегка наклонился в мою сторону.

— Да? — произнес я.

— Хотел тебе кое о чем рассказать. Думал, что здесь поспокойнее.

Я рассмеялся.

— Вот-вот, — кивнул он. — Но лучше все равно не будет. Слава богу, хоть ничего не слышно, если говорить тихо. Я, например, ни слова не разобрал из твоего разговора с Найдой. Так что пока музыканты играют, все в порядке.

Я кивнул и продолжал есть.

— Гостям этого знать не следует, а вот тебе не помешает, поскольку ты связан с Люком и Джасрой. Так что смотри, мы можем поговорить и позже, но если хочешь, я начну излагать суть дела прямо сейчас.

Я взглянул на Найду и Кейда. Они были поглощены едой и, как мне показалось, не могли нас слышать. К сожалению, у меня не осталось ни одного заклинания на скрытность беседы.

— Начинай, — прошептал я, поднимая бокал с вином.

— Во-первых, — произнес Билл, — Рэндом направил мне на просмотр целую кипу бумаг. В том числе проект договора о предоставлении Амбером Кашфе таких же привилегий, как Бегме. Другими словами, речь идет о вхождении ее в Золотой Круг.

— Понятно. Сюрпризом это не назовешь, но знать наверняка всегда лучше.

Билл кивнул и добавил:

— Это далеко не все.

Тут музыканты прекратили игру, и стало слышно, кто о чем разговаривает за столом. Я взглянул направо и увидел, как официант поднес музыкантам поднос с едой и напитками. Они отложили инструменты и принялись перекусывать. Наверное, они начали играть задолго до моего прихода и действительно нуждались в перерыве.

Билл засмеялся и произнес:

— Позже.

— Хорошо.

Затем принесли крошечное блюдце с изумительным фруктовым соусом. Едва я залез в него ложкой, Найда подала знак и наклонилась в мою сторону:

— Давайте сделаем это сегодня вечером.

— Конечно, я же вам сказал, что, если она не появится на обеде, я начинаю поиск.

— Я о другом. Я хотела с вами переговорить.

— Вот как?

— Судя по вашему досье, последнее время у вас были серьезные неприятности. Кто-то решил с вами разделаться.

Чертово досье начинало меня тревожить.

— Дело уже улажено, — ответил я. — Мы выяснили все детали.

— В самом деле? И за вами никто не охотится?

— Утверждать не берусь. Роли меняются слишком быстро.

— Значит, никто не поставил на вас метку?

Я пристально посмотрел ей в глаза.

— Вы очаровательная женщина, Найда, но я вынужден спросить: какое вам дело? У каждого свои проблемы. На данный момент у меня их, пожалуй, больше, чем положено. Я разберусь сам.

— Или погибнете в процессе?

— Все может быть. Надеюсь, что нет. Зачем это вам?

Найда взглянула на уплетающего обед Кейда.

— Не исключено, что я смогу вам помочь.

— Каким образом?

Она улыбнулась:

— Методом исключения.

— Вот как? Это относится к одному человеку или к нескольким?

— Какая разница?

— А у вас есть возможности для проведения подобных операций?

Найда не переставала улыбаться.

— Да. Я люблю решать проблемы, порождаемые людьми. Все, что мне надо, это имена и адреса.

— Секретное оружие?

Вопрос прозвучал громче, чем надо, и Найда предостерегающе посмотрела на Кейда.

— Можно назвать и так.

— Интересное предложение, — заметил я. — Но вы не ответили на первый вопрос.

— Напомните.

Беседу перебил метрдотель, решивший наполнить кубки, потом зазвучал долгий тост. Первый тост Оркуз произнес в честь Вайол. Помимо всего прочего, он предложил выпить за «проверенный временем союз Амбера и Бегмы». Я выпил за союз, а Билл проворчал себе под нос:

— Значит, отношения станут еще хуже.

Я посмотрел на Найду. Она глядела на меня, ожидая продолжения разговора. Билл тоже это заметил и отвернулся.

Именно в этот момент Кейд принялся что-то увлеченно рассказывать Найде. Я воспользовался моментом, опустошил тарелку и отхлебнул винца. Блюдо мгновенно исчезло, на его месте появилось другое.

Я взглянул на Билла, тот посмотрел на Найду и Кейда и сказал:

— Подождем музыки.

Я кивнул. В резко наступившей тишине прозвучал вопрос Дреты:

— Правда ли, что время от времени люди видят призрак короля Оберона?

Джерард издал неопределенный звук, больше все же похожий на согласие, потом музыка зазвучала вновь.

Мой ум был переполнен пуще желудка, поэтому я продолжал есть. Соблюдая приличия, Кейд повернулся ко мне и поинтересовался моими взглядами на ситуацию в Эрегноре. При этом он резко вздрогнул и испуганно посмотрел на Найду. Мне показалось, что она пнула его под столом, чему я был втайне рад, поскольку не имел ни малейшего понятия, что за чертовщина происходит в Эрегноре.

Я пробормотал, что многое можно было бы сказать в пользу обеих сторон, что, на мой взгляд, звучало вполне дипломатично в любой ситуации. Похоже, в Эрегноре ничего интересного не происходило, и Найда боялась, что нам просто не удастся поговорить. К тому же в любую минуту могла показаться Ллевелла и пнуть под столом меня.

В этот момент мне в голову пришла интересная мысль — ну почему мы всегда крепки задним умом?.. Естественно, бегманцы знали, что Рэндома в Амбере нет, а судя по словам Билла, им не очень нравилась его позиция в отношении соседнего королевства. Делегация специально явилась раньше срока, чтобы застать нас врасплох. Означало ли это, что предложение Найды являлось частью их общего плана? Если да, то почему они выбрали меня? Во всем, что касается внешней политики Амбера, я разбирался плохо. Неужели они не в курсе? Судя по тому, как расхваливала Найда их разведку, это исключено.

Я растерялся и уже хотел было спросить Билла, что он думает по поводу ситуации в Эрегноре.

Но он успел пнуть меня под столом.

Музыканты закончили перерыв и заиграли «Зеленые рукава». Найда и Билл наклонились ко мне одновременно, посмотрели друг на друга, и Билл улыбнулся:

— Только после вас.

Найда кивнула и поинтересовалась:

— Успели подумать над моим предложением?

— Немного, — ответил я. — Но у меня, если помните, был к вам вопрос.

— Какой же?

— Похоже, вы предлагаете мне услугу, а в наши времена не зазорно посмотреть лишний раз на бирку с ценой.

— Что, если я вам скажу, что вашего доброго расположения будет достаточно?

— Хочу предупредить: на политическом уровне мое доброе расположение здесь мало что значит.

Найда пожала плечами:

— Маленькая цена за маленькую услугу. Я так и предполагала. Вы же связаны родственными узами со всеми в этом дворце. Может быть, кто и поинтересуется вашим мнением в отношении нас. Хочу, чтобы вы знали: в Бегме у вас есть друзья.

Я внимательно смотрел на ее серьезное лицо. Имелось в виду большее, и мы оба это понимали.

Я наклонился и погладил Найду по щеке.

— Значит, если меня спросят, я должен сказать, что вы — очень милые люди. А вы за это прикончите любого, на кого я укажу. Так?

— Говоря коротко, да.

— В таком случае возникает вопрос, почему вы решили, что сумеете завалить кого-то лучше, чем мы? Мы в подобных делах тоже поднаторели.

— У нас, как вы выразились, есть секретное оружие, — ответила девушка. — Кроме того, я рассматриваю ваши проблемы исключительно как личный вопрос, так что не обязательно притягивать сюда должностных лиц. И еще, мою услугу невозможно отследить.

Вот ведь осиное гнездо. На что она намекает: что я никому здесь не верю или на то, что мне не следует здесь никому верить? Выходит, есть вещи, которые она знает, а я нет? Или она действует по наитию, наслышавшись о наших бесконечных внутрисемейных интригах? А может, Найда пытается намеренно обострить конфликт поколений? Может быть, это отвечает интересам Бегмы? Или она догадывается, что подобная ситуация существует, и предлагает мне убрать неудобного члена семьи? Неужели она считает меня таким глупцом, что я стану вовлекать в это дело посторонних? Да один разговор на подобную тему ставил меня в зависимость от Бегмы! Или...

Приятно, что мои мыслительные способности нашли наконец признание у гостей моей семьи (обеих моих семей, если точно). Отказаться сразу было бы глупо, поэтому я спросил:

— Согласны ли вы исполнить приговор в отношении любого человека, на которого я покажу? Любого?

Найда пристально посмотрела мне в глаза.

— Да.

— Надеюсь, вы меня простите, но такая услуга в обмен на

мою эфемерную добрую волю ставит под вопрос ваши добрые намерения.

Девушка покраснела. Был ли это румянец стыда или гримаса гнева, я не определил, ибо она тут же отвернулась. Все это не сильно меня волновало, поскольку я был уверен, что условия на этом рынке диктует покупатель.

Я вернулся к еде и успел проглотить несколько кусков, прежде чем она снова наклонилась в мою сторону.

— Означает ли ваш ответ, что вы не зайдете ко мне сегодня вечером?

— Сегодня не могу. Ужасно занят.

— Не сомневаюсь, — произнесла Найда. — Означает ли это, что мы вообще не сможем переговорить?

— Смотря как будут развиваться события. Я перегружен делами и собираюсь в ближайшее время уехать из города.

Она слегка вздрогнула. Мне показалось, что она хотела спросить, куда я поеду, но вовремя передумала.

— Как-то все нелепо получается, — пробормотала Найда. — Значит, вы отказываетесь от моего предложения?

— Оно что, действует только сегодня вечером? — поинтересовался я.

— Нет, но, насколько мне известно, вы находитесь в отчаянном положении. Чем раньше вы избавитесь от врага, тем скорее станете спокойно спать.

— Вы считаете, что я подвергаю себя опасности даже здесь, в Амбере?

Найда задумалась и произнесла:

— Никто не может считать себя в безопасности, если имеет дело с решительным и опытным противником.

— По-вашему, угроза исходит отсюда?

— Я попросила вас назвать имя, — пожала она плечами. — Вам виднее.

Я невольно отшатнулся. Соблазн был слишком велик, и она это почувствовала.

— Теперь мне есть о чем подумать, — промолвил я и занялся едой.

Спустя некоторое время я перехватил взгляд Билла. Он явно хотел мне что-то сказать. Я едва заметно качнул головой.

— Значит, за завтраком? — продолжила Найда. — Ваша поездка может оказаться опасной. Будет лучше, если мы уладим все вопросы до вашего отъезда.

— Найда, — произнес я, как только проглотил кусок, — я бы хотел выяснить подробнее насчет моих благожелателей. Если надо переговорить с вашим отцом...

— Нет! — перебила меня девушка. — Ему ничего не известно!

— Благодарю. Надеюсь, вы простите мое любопытство, но я по крайней мере должен знать, на каком уровне все спланировано.

— Вам нет необходимости беседовать с кем-либо еще. Идея принадлежит исключительно мне.

— Судя по некоторым вашим заявлениям, я понял, что вы тесно связаны с разведкой Бегмы.

— Нет, — сказала Найда. — Предложение исходит лично от меня.

— Но кому-то придется и... осуществить замысел.

— Это будет сделано при помощи секретного оружия.

— Хотелось бы знать подробности.

— Я предложила вам свою услугу и пообещала полную конфиденциальность. Я не собираюсь обсуждать технические детали.

— Если замысел принадлежит исключительно вам, то и выгоду должны извлечь вы лично. Каким образом?

Найда отвернулась. Некоторое время она молчала.

— Ваше досье, — произнесла она наконец. — Оно меня просто... сразило. Вы здесь один из немногих людей моего возраста, и у вас такая интересная жизнь! Вы даже не представляете, насколько скучные вещи мне приходится постоянно читать: сельскохозяйственные отчеты, торговые расценки, сводные ведомости... У меня нет личной жизни, и днем и ночью могут вызвать по любому пустяку. Даже вечеринки, на которых я бываю, — не более чем государственные мероприятия. Я перечитывала ваше досье и не переставала вам удивляться. Я... если хотите, я вами увлеклась. Звучит, конечно, глупо, но это так. Когда я дошла до последних сообщений и поняла, что вам грозит большая опасность, я решила вам помочь. Я имею доступ ко всем государственным секретам. Один из них я могу использовать в личных целях и с его помощью принести вам пользу, не причиняя ущерба Бегме; однако дальнейшее обсуждение этой темы нежелательно. Я всегда хотела с вами познакомиться и даже приревновала вас к сестре, когда вы пригласили ее на прогулку. И я очень хочу, чтобы вы все же ко мне заглянули.

Я внимательно посмотрел на Найду, поднял бокал и произнес:

— Вы... поразительны. — Ничего другого мне в голову не пришло. Либо она импровизировала, либо говорила чистую правду. Если это правда, то Найду просто жалко; если же она все мгновенно придумывала, то надо отдать должное ее умению играть на слабых местах, в частности на моем эго. Она заслуживала либо симпатии, либо осторожного восхищения. Поэтому я произнес:

— Хотелось бы поговорить с человеком, который составлял мое досье. Похоже, там у вас пропадает настоящий творческий талант.

Найда улыбнулась и тоже подняла бокал:

— Я подумаю.

— Говорю вам совершенно искренне, я вас не забуду, — сказал я.

Мы вернулись к еде, и последующие пять минут я наверстывал упущенное. Билл великодушно позволил мне не отвлекаться. Кроме того, как мне показалось, он хотел убедиться, что мой разговор с Найдой закончен.

Наконец он весело мне подмигнул:

— Освободился?

— Боюсь, что да, — ответил я.

— Я даже не спрашиваю, ради дела или ради удовольствия ты мотался на ту сторону.

— Ради удовольствия, — сказал я. — Дело вышло довольно странное. Больше не спрашивай, иначе пропущу десерт.

— Подведем итоги, — сказал он. — Коронация в Кашфе состоится завтра.

— А мы не теряем времени, не так ли?

— Нет. На трон взойдет Арканз, герцог Шедбурн. Он в течение ряда лет занимал различные ответственные посты в правительстве Кашфы. Прекрасно разбирается в вопросах государственного устройства, кроме того, приходится родственником одному из прежних монархов. С Джасрой и ее камарильей у него отношения не складывались; когда она пребывала у власти, он уезжал за границу. Он не мешал ей, а она — ему.

— Разумный подход.

— По сути дела, он разделял ее точку зрения на ситуацию в Эрегноре, поскольку в Бегме хорошо понимают...

— Что, — перебил его я, — в конце концов происходит в Эрегноре?

— Это их Эльзас-Лотарингия, огромная богатая территория между Кашфой и Бегмой. За последние несколько столетий она столько раз переходила из рук в руки, что обе стороны претендуют на нее на законных основаниях. Даже жители Эрегнора давно запутались, кому они принадлежат. У них есть родственники с той и с другой стороны. По-моему, им все равно, кто на них в данный момент претендует, лишь бы это не отражалось на налогах. В некотором смысле притязания

Бегмы более обоснованны, но существует и другая точка зрения.

— Значит, в данный момент Эрегнор принадлежит Кашфе, и Арканз утверждает, что так, черт побери, будет и впредь?

— Совершенно верно. И Джасра так считает. Между тем один из военачальников по имени Джастон пытался пересмотреть подобный подход, но, к несчастью, упал с балкона. Он мечтал пополнить бюджет и предлагал уступить территорию в обмен на погашение старых военных долгов. К этому все и шло.

— И?..

— В полученных от Рэндома бумагах Амбер признает Эрегнор за Кашфой. Арканз настаивает на том, чтобы это было зафиксировано в договоре. Обычно Амбер старается не вмешиваться в столь щекотливые споры между союзниками. Оберон старался держаться подальше от неприятностей. Но Рэндом, похоже, спешит и позволяет этому парню запрашивать слишком много.

— Рэндом переигрывает, — заметил я. — Но я его не виню. Он не может забыть Брэнда.

— Я всего лишь наемный работник, — кивнул Билл. — Мне не положено иметь свое мнение.

— Ладно, что еще мне следует знать об Арканзе?

— О, бегманцы не любят его за многое, но за Эрегнор они его просто ненавидят. Для них это дело чести. Не сомневаюсь, они и сюда приехали в связи с последними событиями. Так что смотри, веди себя соответственно.

Билл поднял кубок и выпил.

Немного погодя Вайол сказала что-то Ллевелле, после чего объявила, что ей необходимо ненадолго удалиться. Ллевелла тоже засобиралась, но Вайол положила руку ей на плечо, пошептала на ухо, и та осталась.

— Интересно, что происходит? — пробормотал Билл.

— Понятия не имею.

— А нас это тревожит?

— Я вообще на автопилоте, — пробормотал я.

Найда пристально на меня посмотрела. Я выдержал ее взгляд и пожал плечами.

Спустя некоторое время приборы на столах заменили. Подали также новые, диковинные, но столь же вкусные блюда. Прежде чем я успел в этом убедиться, к нам подошла одна из приближенных королевы.

— Лорд Мерлин, королева желает вас видеть.

Я немедленно вскочил на ноги.

— Где она?

— Я вас провожу.

Я извинился перед соседями и заявил, что скоро вернусь, в чем совершенно не был уверен. Я проследовал за статс-дамой в небольшую гостиную, где на неудобном с виду кресле из черного дерева с высокой прямой спинкой восседала Вайол. Если бы ей понадобилась грубая сила, она послала бы за Джерардом. Если бы ей был нужен искушенный в истории и политических тонкостях ум, здесь была бы Ллевелла. Поскольку я считался местным авторитетом по магии, я решил, что речь пойдет о колдовстве.

Но я ошибся.

— Я бы хотела поговорить, — объявила Вайол, — о небольшой войне, в которую мы, похоже, скоро вступим.

Глава 8

После чудесного времени, проведенного в обществе хорошенькой женщины, серии возбуждающих застольных бесед и великолепного обеда наступало законное время для неприятностей. Маленькая война всегда лучше большой, но Вайол я об этом не сказал. Поразмышляв немного, я поинтересовался:

— Что, собственно, происходит?

— Далт укрепился у западной границы Арден. Противостоящие ему войска Джулиана сильно растянуты. Бенедикт утверждает, что может смешать порядки Далта фланговым ударом. Но я запретила ему это делать.

— Не понимаю. Почему?

— Погибнут люди.

— На войне всегда гибнут люди. Есть вещи, которых нельзя избежать.

— Мы можем прибегнуть к одному способу, суть которого я до конца не понимаю, но хочу понять, прежде чем отдам приказ, после которого погибнет множество людей.

— Что это за способ?

— Я пришла сюда, чтобы ответить на вызов Джулиана по карте, — сообщила Вайол. — Он только что провел переговоры с Далтом. Далт якобы не ставит на этот раз своей целью уничтожение Амбера. Между тем его атака обернется для нас огромным людским и материальным уроном. Далт говорит, что предпочел бы уберечь и себя, и нас от ненужных потерь. За это он требует возвращения двух пленников: Ринальдо и Джасры.

— Вот как? — произнес я. — Люка мы не сможем вернуть ему при всем желании, хотя бы потому, что его здесь нет.

— Джулиан это ему говорил. Далт весьма удивлен. Он был уверен, что Люк — наш пленник.

— Мы не обязаны его информировать. Он достает нас уже много лет. По-моему, у Бенедикта найдется достойный ответ.

— Я не прошу у тебя совета, — отрезала Вайол.

— Тысяча извинений! — поклонился я. — Я хотел сказать, что Далту не следует так зарываться. К тому же у него, честно говоря, не много шансов на успех.

— Шансов у него нет вообще, — сказала Вайол. — Но если мы убьем его сейчас, то ничего не узнаем. А я хочу выяснить, что за всем этим кроется.

— Прикажите Бенедикту привести его. У меня есть заклинания, которые его расколют.

Вайол покачала головой:

— Слишком рискованно. Когда засвистят пули, всегда есть опасность, что одна угодит в него. Тогда мы проиграем, даже если победим в сражении.

— Я не совсем понимаю, чего вы хотите от меня.

— Он попросил Джулиана связаться с нами и передать его требование. Далт обещает сохранить перемирие до получения от нас официального ответа. Джулиан говорит, что Далт скорее всего согласится и на одного из пленников.

— Я бы не хотел отдавать Джасру.

— Я тоже. Но надо любой ценой выяснить, что происходит. Допытываться у Джасры бесполезно, поскольку то, что меня интересует, произошло недавно. Я хочу узнать, можешь ли ты связаться с Ринальдо. Мне надо с ним переговорить.

— В общем... да, — сказал я. — У меня есть его карта.

— Используй ее.

Я вытащил колоду и уставился на изображение Ринальдо. Настроил сознание на вызов. Картинка изменилась, ожила...

Стоял поздний вечер. Люк топтался возле костра. На нем был зеленый комбинезон и светло-коричневая накидка, застегнутая на плече булавкой.

— Мерль, — сказал он, — я могу перебросить войска очень быстро. Когда захочешь нанести удар...

— Подожди. Тут другое.

— Что?

— Далт подошел к границам, и Вайол хочет переговорить с тобой прежде, чем мы изрубим его в капусту.

— Далт? Где? В Амбере?

— Да, да и да. Он говорит, что отправится куролесить в другие места, если мы отдадим ему то, чего он жаждет больше всего на свете: тебя и твою мать.

— Он спятил.

— Мы тоже так решили. Хочешь поговорить об этом с королевой?

— Конечно. Перенеси меня к... — Люк растерялся и посмотрел мне в глаза.

Я улыбнулся.

Он протянул руку. Я дотянулся до нее, и Люк оказался здесь. Увидев Вайол, он тут же отстегнул пояс с мечом и передал его мне. Затем приблизился к королеве, опустился на одно колено и произнес:

— Ваше величество. Я прибыл.

— Подними голову, — произнесла Вайол, прикоснувшись к его плечу.

Он повиновался, и ее руки скользнули по его лицу.

— Сила, — сказала она, — и горе... Значит, ты — Ринальдо. Ты причинил нам много страданий.

— Мне тоже досталось, ваше величество.

— Да, конечно, — ответила Вайол. — Злые деяния вызывают месть, которая часто падает и на невинных. Как далеко все зайдет на этот раз?

— Вы про Далта? — уточнил Люк.

— Нет. Я про тебя.

— О! — воскликнул он. — С этим покончено. Никаких бомб и засад. Я уже говорил Мерлину.

— Ты давно его знаешь?

— Много лет.

— И вы стали друзьями?

— Это одна из причин, по которой я пошел на мир.

— Чтобы прийти сюда, ты должен был ему верить. Это я уважаю. На, возьми.

Вайол сняла с правого указательного пальца золотое кольцо с молочно-зеленым камнем. Удерживающие камень шипы напоминали лапы богомола, охраняющего сокровища страны снов от пробуждающегося мира.

— Ваше величество...

— Надень и носи.

— Слушаюсь, — пробормотал Люк и надел кольцо на мизинец левой руки. — Благодарю вас.

— Поднимись. Я хочу, чтобы ты понял, что произошло.

Люк встал, и Вайол поведала ему все, о чем рассказала мне. Она говорила о подходе Далта, о расположении его войска, о его требованиях...

Я стоял, потрясенный происходящим. Вайол только что взяла Люка под свою защиту! Это кольцо в Амбере знал каждый. Интересно, что подумает Рэндом? Похоже, суд отменяется.

Бедный Билл. По-моему, ему искренне хотелось вести на процессе дело Люка.

Я услышал, как Люк сказал:

— Да, я знаю Далта. Когда-то у нас были... общие цели. Но он переменился и во время нашей последней встречи даже пытался меня убить. Я не знаю, зачем и почему. Поначалу мне показалось, что он попал под влияние колдуна из Стража Четырех Миров.

— А теперь?

— Теперь я его просто не понимаю. Он словно на поводке, но кто его ведет, понятия не имею.

— Почему ты решил, что не колдун?

— Какой ему смысл отправляться в такую даль, чтобы убить меня, когда несколько дней назад я был в его распоряжении? Он мог запросто оставить меня в камере.

— Разумно, — кивнула Вайол. — Как зовут колдуна?

— Маска, — ответил Люк. — Мерлин знает о нем больше меня.

— Мерлин! — позвала она. — Кто такой Маска?

— Колдун, который отобрал у Джасры Страж Четырех Миров. Она, в свою очередь, отбила его у Шару Гаррула, а сейчас стала вешалкой. Маска носит синюю маску и черпает силы в Фонтане у цитадели. Судя по всему, меня он очень не любит. Вот примерно и все.

Поскольку в деле был замешан Джарт, я не сказал, что собираюсь отправиться туда и устроить хороший переполох. По той же причине я держал это в секрете от Рэндома. Я не сомневался, что Люк перевел вопрос на меня потому, что не знал, насколько я хочу быть откровенен.

— Это в самом деле мало что проясняет в связи с продвижением Далта, — заметила королева.

— Связи может и не быть, — заметил я. — Далт — наемник, они могли прийти к одноразовому соглашению. Не исключено, что сейчас он выполняет чей-то заказ или пытается сработать на себя.

— Я вообще не понимаю, чем и кому мы так насолили, что люди из кожи лезут, лишь бы с нами разделаться, — проворчал Люк. — Но с этим типом у меня свои счеты, и я собираюсь совместить приятное с полезным.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Вайол.

— Полагаю, есть возможность добраться туда быстро.

— К Джулиану всегда можно попасть по карте, — сказал я, — только я тоже не понимаю, к чему ты клонишь.

— Я хочу переговорить с Далтом.

— Слишком опасно, — отрезала Вайол. — Именно ты ему и нужен.

Люк улыбнулся.

— Для Далта это тоже может оказаться опасным.

— Послушай, — сказал я. — Если ты собираешься сорвать перемирие, лучше скажи сразу. Вайол пытается любыми путями избежать конфликта.

— Никакого конфликта не будет, — произнес Люк. — Я знаю Далта с самого детства и уверен, что он блефует. Он это любит. У него нет сил для атаки на Амбер. Вы разобьете его в пух и прах. Если ему нужны моя мать и я, думаю, он мне скажет зачем, а ведь именно это мы и хотим узнать, верно?

— В принципе да, — кивнул я, — но...

— Предоставьте мне свободу действий, — обратился Люк к Вайол, — а я постараюсь найти способ вас от него избавить. Обещаю.

— Звучит заманчиво, — произнесла королева. — Только мне не нравятся все эти разговоры о сведении счетов. Как уже сказал Мерлин, я пытаюсь всеми силами избежать конфликта, и у меня есть к тому причины.

— Я обещаю не заходить далеко, — заявил Люк. — Я чувствую, откуда дует ветер. И могу на слух повторить любую мелодию. Я готов отложить расчеты.

— Мерлин? — спросила королева.

— В этом он прав, — откликнулся я. — Люк самый прожженный торгаш на всем юго-западе.

— Боюсь, не улавливаю связи.

— На Теневой Земле, где мы с ним жили, профессия торговца считается великим искусством. Кстати, сейчас он пытается с его помощью повлиять на ваше решение.

— Ты считаешь, он сумеет сделать то, что говорит?

— До сих пор ему всегда удавалось достигнуть желаемого.

— Правильно, — вставил Люк, — а поскольку мы все желаем одного, будущее видится мне в ярком свете.

— Понятно, — произнесла Вайол. — Скажи, Ринальдо, большой ли опасности ты себя подвергнешь?

— Не большей, чем в Амбере.

Королева улыбнулась:

— Хорошо, я переговорю с Джулианом. Можешь к нему отправляться. Постарайся побольше выведать у Далта.

— Одну минуту, — попросил я. — Там то и дело идет снег и дуют мерзкие ветра. Люк пришел к нам из более теплых мест, и плащ его никуда не годится. У меня есть тяжелая теплая накидка. Позвольте, мы сходим за ней и посмотрим, подойдет ли она Люку?

— Идите, — разрешила Вайол.

— Мы быстро.

Королева поджала губы и кивнула.

Я передал Люку пояс с оружием, и он тут же застегнул его на себе. Вайол, безусловно, понимает, что я хочу переговорить с ним наедине, — и понимает, что я это знаю. При этом мы оба отдавали себе отчет, что она полностью мне доверяет; это просветляло и одновременно осложняло мое существование.

Мы направились через холл к моим апартаментам. Я хотел рассказать Люку о предстоящей коронации в Кашфе и прочих событиях. Как бы то ни было, я хотел отойти подальше, поскольку Вайол обладала неправдоподобно острым слухом.

Поэтому первым заговорил Люк:

— Ну и дела. Королева мне нравится, но сдается мне, знает она больше, чем говорит.

— Может, и так, — согласился я. — Полагаю, мы все такие.

— Ты тоже?

— Последнее время — да. Иначе нельзя.

— Знаешь ли ты что-то еще, чего мне следовало бы опасаться?

Я покачал головой:

— События только развиваются, она рассказала тебе все, что знаю я. А может, тебе известно что-то, чего не ведаем мы?

— Нет, — ответил Люк. — Для меня все — полнейший сюрприз. Но я готов к делу.

— Не сомневаюсь.

Мы приблизились к апартаментам, и я посчитал необходимым его подготовить.

— Сейчас мы войдем в мою комнату. Хочу, чтобы ты знал: там твоя мать. Она в полной безопасности, но поговорить с ней не удастся.

— Я знаком с результатами заклинания, — проворчал Люк. — Помню также твои слова насчет того, что знаешь, как его снять... Впрочем, это уже другая тема. Я тут подумал... Последние известия несколько отодвигают наши планы расправиться с Маской и твоим братцем.

— Нисколько, — возразил я.

— Мы ведь не знаем, сколько времени займет у меня это дело, — продолжал Люк. — А вдруг все затянется? Или что-то мне сильно помешает?

Я взглянул на него:

— К чему ты клонишь, Люк?

— Просто прикидываю. Не возражаешь? Я люблю действовать по плану. Скажем, атака отложится...

— Хорошо, продолжай, — произнес я, когда мы остановились у двери.

— К чему я веду... Что произойдет, если мы прибудем туда слишком поздно? Предположим, твой братец уже прошел ритуал и стал воплощением самого ада?

Я повернул ключ и отворил дверь, позволяя Люку пройти. Меня не радовала обрисованная им перспектива. Я хорошо помнил рассказы отца о его встречах с Брэндом и столкновениях со зловещей силой.

Люк переступил порог. Я щелкнул пальцами, и зажглись несколько масляных ламп. Некоторое время они мигали, потом пламя установилось.

Джасра стояла на виду, держа на вытянутых руках различные предметы моего гардероба. На мгновение я обеспокоился, как на это отреагирует Люк.

Он замер, потом медленно приблизился к матери и таращился на нее секунд десять; я даже почувствовал неловкость. Затем Люк засмеялся.

— Она всегда хотела выглядеть красиво, — сказал он. — Но совместить это с пользой ей не приходило в голову. Надо отдать Маске должное, хотя она все равно не сделала для себя нужных выводов.

Потом Люк повернулся и взглянул на меня:

— Она очухается злая, как кошачья моча, и снова ринется искать неприятностей. Кстати, на ней нет обещанного тобой теплого плаща.

— Сейчас принесу.

Я вытащил из гардероба темный меховой плащ и протянул его Люку. Он провел рукой по меху.

— Мантикора?

— Волк, — ответил я.

Его плащ я повесил на крючок и закрыл дверцу. Люк надел накидку из волчьего меха.

— Помнишь, мы говорили о том, что будет, если я не вернусь?

— О таком мы не говорили, — возразил я.

— Может, я не так выразился. В общем, безразлично, надолго я задержусь или нет. Главное, успеем ли мы добраться до Джарта, прежде чем он завершит ритуал и обретет желаемую силу. Представь, что в нужный момент меня рядом не окажется?

— Предположить можно что угодно.

— Именно это и отличает нас от неудачников, дружище!.. Отличная накидка.

Он подошел к двери и обернулся посмотреть на меня и Джасру.

— Ладно, — сказал я. — Ты отправляешься к Далту. Он отрубает тебе голову и играет ею в футбол. Потом появляется Джарт ростом в десять футов, и изо всех дыр у него валит пламя. Чем мы тогда отличаемся от неудачников?

Люк вышел в коридор. Я перешагнул через порог, щелкнул пальцами, и Джасра осталась в темноте.

— Важно знать свои возможности, — заметил он, пока я запирал дверь.

Потом мы зашагали по переходам дворца.

— Человек, приобретающий такую силу, получает из того же источника и соответствующую слабость.

— Как это? — спросил я.

— Точно не знаю. Но мощь Стража может быть использована против человека, ее получившего. Это я успел выяснить из записей Шару, прежде чем мать отобрала их у меня. Больше я их не видел. «Никому не доверяй», — такой, кажется, был у нее девиз.

— Ты говорил...

— Я говорил, что, если со мной что-нибудь случится и Джарт окажется на коне, она знает способ, как его уничтожить.

— О!

— Не сомневаюсь также, что ее придется об этом хорошенько попросить.

Люк весело засмеялся:

— Можешь сказать ей, что я завершил вендетту, что я удовлетворен, а потом предложи ей цитадель в благодарность за услугу.

— А если она скажет, что этого мало?

— Черт! Тогда преврати ее опять в вешалку! В конце концов, прикончить Джарта можно и без ее помощи. Мой дед помер со стрелой в горле, несмотря на все свои волшебные способности. Смертельный удар есть смертельный удар. Просто нанести его такому человеку гораздо сложнее.

— Ты в самом деле считаешь, что цитадели хватит?

Люк остановился и нахмурился.

— Она станет спорить, но потом, конечно, согласится. Это будет шаг к миру. Не забывай, что матери одинаково сильно хочется отомстить Маске и вернуть часть своих владений. Но, отвечая на твой вопрос, скажу: не верь ей. Что бы она ни обещала, она никогда не удовлетворится меньшим, чем имела. Начнет хитрить. Пока дело не сделано, она будет верным союзником. Потом тебе придется подумать о том, как от нее защититься. Если только...

— Если только что?

— Если не подоспею я и не выпущу пары.

— Каким образом?

— Еще не знаю. Но не стоит снимать с нее заклинание, пока я не разберусь с Далтом. Договорились?

— Подожди, — произнес я. — Что ты задумал?

— Ничего особенного, — ответил Люк. — Просто, как я говорил королеве, мне нравится подбирать мелодию на слух.

— Знаешь, ты иногда кажешься мне таким же хитрым, какой пытаешься представить свою мать.

— Хорошо бы... Между нами большая разница. Я — честный.

— Я бы у тебя подержанную машину не купил.

— Для меня каждая сделка особенная. А для тебя я всегда оставляю все лучшее.

Я взглянул на Люка, но лицо его было непроницаемо.

— Что я еще могу сказать? — спросил он, подходя к гостиной.

— Уже ничего, — произнес я, и мы вошли в комнату.

При нашем появлении Вайол повернула голову и поинтересовалась:

— Ну, все одеты по сезону?

— Я — да, — откликнулся Люк.

— Тогда перейдем к делу. — Королева подняла левую руку, в которой я увидел карту. — Подойди.

Люк приблизился; я не отставал от него ни на шаг. Теперь я разглядел, что она держала карту Джулиана.

— Положи руку мне на плечо.

— Слушаюсь.

Люк опустил руку на плечо Вайол, она вышла на контакт и вступила в беседу с Джулианом. Вскоре к разговору подключился Люк и объяснил свои намерения. Я расслышал слова Вайол о том, что план ею одобрен.

Спустя мгновение я увидел, как Люк поднял и вытянул свободную руку. Несмотря на то что я не был участником контакта, я разглядел, как навстречу протянулась туманная форма Джулиана. Подобное было возможно благодаря тому, что я воспользовался Зрением Логруса и обрел дополнительную чувствительность. Я боялся пропустить момент, когда Люк исчезнет.

Моя рука упала на его плечо, и я шагнул вслед за ним.

— Мерлин! Что ты делаешь? — крикнула Вайол.

— Хочу посмотреть, что будет. Вернусь, как только все завершится, — успел произнести я, и радужные ворота закрылись.

Мы оказались в мерцающем свете масляных ламп внутри огромного шатра. Снаружи доносились завывание ветра и шелест веток. Перед нами стоял Джулиан. Он отпустил руку Люка и разглядывал его с бесстрастным выражением лица.

— Значит, ты и есть убийца Кейна?

— Я и есть, — кивнул Люк.

Я вспомнил, что Кейн и Джулиан всегда были близки. Если Джулиан прикончит Люка и объявит это вендеттой, Рэндом скорее всего одобрит такой поступок. А может, еще и улыбнется. Трудно сказать. Я бы на месте Рэндома воспринял ликвидацию Люка со вздохом облегчения. Из-за чего я, собственно говоря, сюда и пришел. Вдруг это ловушка? Вряд ли Вайол пошла бы на такое, но Джулиан и Бенедикт могли легко ее обмануть. Может, никакого Далта и в помине тут нет?

А если и есть, то просил он голову одного Люка. Во всяком случае, совсем недавно Далт из кожи вон лез, чтобы его прикончить. Джулиан был самым подходящим кандидатом для исполнения подобного замысла. Во благо Амбера.

Джулиан пристально посмотрел на меня, но я хранил столь же непроницаемое выражение лица.

— Добрый вечер, Мерлин, — сказал он. — Ты тоже задействован в этом деле?

— В качестве наблюдателя, — ответил я. — Остальное будет зависеть от обстоятельств.

Откуда-то снаружи донесся вой адской собаки.

— Главное, не мешай, — проворчал Джулиан.

Я улыбнулся:

— Волшебники умеют оставаться незамеченными.

Он снова посмотрел на меня. Готов поклясться, дядюшка пытался сообразить, чем я ему угрожаю: тем, что стану защищать Люка, или тем, что попытаюсь ему отомстить.

Наконец он пожал плечами и повернулся к столу, на котором лежала развернутая карта. Свернуться ей не давали кинжал и тяжелый камень. Джулиан жестом пригласил Люка подойти. Я тоже приблизился к столу.

Это была карта западных окраин Арден. Джулиан показал, где находимся мы. К юго-западу был Гарнатх, к юго-востоку — Амбер.

— Наши войска здесь, — ткнул пальцем Джулиан, — армия Далта здесь.

— Где стоят силы Бенедикта? — спросил я.

Джулиан строго посмотрел на меня и едва заметно нахмурился.

— Достаточно, если Люк будет знать об их существовании.

Численность, местонахождение и задачи этих сил ему не нужны. Если Далт захватит его в плен и допросит, Люк нагонит на него страху и при этом не расскажет ничего конкретного.

Люк кивнул:

— Хорошая мысль.

Джулиан ткнул в точку на карте, находящуюся между двух армий.

— Здесь мы встречались с Далтом в последний раз. Это открытая плоская равнина, днем она просматривается со всех сторон. Предлагаю там и встретиться.

— Согласен, — произнес Люк.

От меня не ускользнуло, как пальцы Джулиана погладили рукоятку лежащего на столе кинжала, а рука Люка непроизвольно легла на пояс, слева от пряжки, где висело его оружие.

При этом они оба расплылись в улыбке, которая затянулась на несколько неловких секунд. Люк был крупнее Джулиана, я знал его как быстрого и сильного человека. За Джулианом стояли столетия обращения с оружием. Я с тревогой подумал о том, что произойдет, если они бросятся друг на друга. Но они, словно сговорившись, вдруг опустили руки, а Джулиан произнес:

— Позвольте предложить вам по бокалу вина.

— Не возражаю, — ответил Люк, и мне показалось, что от схватки их удержало мое присутствие. А может, и нет. Скорее всего Джулиан хотел продемонстрировать свое отношение, а Люк дал понять, что ему на это плевать. Честное слово, не знаю, на кого бы я поставил.

Джулиан вытащил три кубка, наполнил их «Лучшим Бейли» и жестом пригласил нас угощаться, а сам заткнул пробкой бутылку. Не дожидаясь, пока мы начнем принюхиваться к напитку, дядюшка поднял свой кубок и сделал небольшой глоток. Тем самым он как бы заверил нас, что вино не отравлено, а беседа предстоит серьезная.

— Когда мы встречались, каждого из нас сопровождали по два охранника.

— Вооруженных? — уточнил я.

Джулиан кивнул:

— Скорее для устрашения.

— Вы были верхом или пешие?

— Пешие. Мы одновременно покинули свои порядки и встретились точно посередине, на расстоянии нескольких сот шагов от каждой линии.

— Понятно, — произнес Люк. — Были сюрпризы?

— Обошлось. Мы переговорили и разошлись.

— Когда?

— Перед заходом солнца.

— Показался ли он вам нормальным человеком?

— Вполне. Не удержался, естественно, от оскорбительных выпадов по отношению к Амберу и вообще временами держался вызывающе, но... Далт есть Далт.

— Понятно, — повторил Люк. — И требовал меня, мою мать или нас обоих, так? А в случае отказа грозил перейти в наступление?

— Да.

— Говорил ли он, зачем мы ему?

— Ни слова.

Люк глотнул вина.

— Не уточнял ли, какими он нас хочет видеть: живыми или мертвыми?

— Уточнял. Живыми.

— Ну и что вы решили?

— Если я выполню его требование, то навсегда избавлюсь от тебя, — произнес Джулиан. — А если плюну ему в глаза и вызову на бой, то избавлюсь от него. Меня устраивает любой вариант...

В этот момент взгляд Джулиана упал на кубок в левой руке Люка. Глаза его расширились. Я понял, что дядя только сейчас заметил кольцо королевы Вайол.

— Лучше, наверное, убить Далта, — закончил он свою мысль.

— Считаете ли вы, что он в самом деле перейдет в наступление? — невозмутимо спросил Люк. — Известно ли вам, откуда он пришел? И куда направится, если ему суждено будет отсюда куда-нибудь направиться?

Джулиан повертел в руках кубок.

— Я вынужден верить ему на слово. Если он говорит, что перейдет в наступление, значит, так и будет. Когда мы впервые зафиксировали передвижение его войск, Далт шел от Кашфы и Бегмы, предположительно через Эрегнор, поскольку он всегда там околачивается. Что же касается его дальнейших планов, то здесь каждый волен строить свои предположения.

Люк сделал глоток, опоздав на долю секунды, чтобы скрыть неожиданную улыбку. До меня дошло, что он соображает куда быстрее, чем все остальные. Я тоже поспешно приложился к кубку, хотя и не знал, какое выражение пытаюсь скрыть.

— Можете спать здесь, — произнес Джулиан. — Если проголодались, я распоряжусь насчет еды. Завтра на рассвете мы постараемся организовать вашу встречу.

Люк покачал головой.

— Сейчас, — сказал он, снова ненавязчиво демонстрируя кольцо. — Мы настаиваем, чтобы встреча была организована прямо сейчас.

В течение нескольких ударов пульса Джулиан пристально смотрел на Люка, после чего произнес:

— В темноте вас будет плохо видно — как с той, так и с другой стороны. Тем более пошел снег. Малейшее недоразумение может привести к атаке.

— Если оба моих спутника возьмут большие факелы и его охрана сделает то же самое, нас будет видно с расстояния в несколько сот ярдов.

— Возможно, — кивнул Джулиан. — Хорошо. Я отправлю в его лагерь послание и подберу вам надежных охранников.

— Я уже знаю, кого бы хотел видеть рядом с собой, — ответил Люк. — Вас и Мерлина.

— Интересный ты парень, — проворчал Джулиан. — Не возражаю. Мне и самому любопытно, чем все это закончится.

Джулиан отправился к штабной палатке, откинул полог и вызвал офицера, с которым беседовал несколько минут. Пользуясь моментом, я поинтересовался:

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Конечно, — ответил Люк.

— Мне кажется, это серьезнее, чем игра по слуху. У тебя есть причины, по которым ты не можешь рассказать о своих планах?

Мгновение Люк смотрел на меня, потом ответил:

— Я только недавно осознал, что тоже являюсь сыном Амбера. Мы встретились и увидели, что очень похожи друг на друга. И это хорошо.

Я позволил себе нахмуриться. Слова его мало что прояснили.

Люк легонько шлепнул меня по плечу.

— Не переживай! Ты можешь мне верить. К тому же у тебя все равно нет сейчас выбора. Выбор появится позже. Самое главное: не вмешивайся, что бы ни происходило.

— Что, по-твоему, должно произойти?

— У нас нет ни времени, ни условий для подобного разговора. Так что отложим, и помни, что я сказал сегодня вечером.

— Ты сказал, что у меня все равно нет выбора.

— И еще я сказал, что выбор появится позже.

Джулиан уже опустил полог и повернулся к нам.

— Я готов принять ваше предложение насчет еды, — громко заявил Люк. — А ты, Мерль? Проголодался?

— О боже! Нет! Я только что высидел государственный прием.

— Вот как? — подчеркнуто равнодушно воскликнул Люк. — По какому поводу?

Я рассмеялся. Многовато для одного дня. Я уже хотел сказать, что у нас нет условий для конфиденциальной беседы, но Джулиан снова откинул полог и вызвал вестового.

Я решил забросить пару пробных шаров и понаблюдать за реакцией Люка.

— Прием был посвящен премьер-министру Бегмы Оркузу и его свите.

После этих слов я надолго приложился к кубку, а Люк терпеливо ждал продолжения.

— Это все, — сказал я, вытирая губы.

— Перестань, Мерлин, — нетерпеливо произнес он. — Я, между прочим, с тобой совершенно откровенен в последнее время.

— Неужели?

Поначалу мне показалось, что он не почувствовал юмора, но спустя мгновение Люк тоже рассмеялся.

— Временами мельницы богов начинают крутиться с дьявольской скоростью, и пыль может засыпать нас с головой. Слушай, как насчет того, чтобы подарить мне эту информацию бесплатно? У меня в самом деле нет ничего взамен. Чего он хотел?

— Между прочим, эти сведения секретны до завтрашнего дня.

— Хорошо. Что произойдет завтра?

— Арканз, герцог Шедбурн, вступает на престол Кашфы.

— Ну и дела! — вырвалось у Люка. Он взглянул на Джулиана, потом снова на меня. — Чертовски умный выбор со стороны Рэндома... Не думал, что он сработает так быстро.

Люк задумчиво уставился в невидимую точку, после чего произнес:

— Спасибо.

— Это хорошо или плохо? — спросил я.

— Для меня или Кашфы?

— Я еще не научился различать.

— Это нормально. Не знаю, как все может обернуться. Надо подумать. Увидеть картину целиком.

Я посмотрел на Люка, и он снова улыбнулся.

— Это действительно интересно, — сказал он. — У тебя припасено что-то еще?

— Пока все.

— Наверное, ты прав, — кивнул Люк. — Нельзя перегружать систему. Тебе не кажется, что мы перестаем радоваться простым вещам?

— Пока мы дружим, нам это не грозит.

Джулиан в очередной раз опустил полог, вернулся к нам и взял свой кубок.

— Через несколько минут принесут поесть, — сообщил он Люку.

— Спасибо.

— Бенедикт утверждает, что ты сказал Рэндому, будто Далт — сын Оберона.

— Да, — кивнул Люк. — И он тоже прошел Огненный Путь. Это что-то меняет?

Джулиан пожал плечами:

— Это не первый раз, когда мне хочется убить родственника. Кстати, ты ведь мой племянник?

— Да... дядя.

Джулиан взболтал вино в кубке.

— Что ж, добро пожаловать в Амбер. Прошлой ночью я слышал баньши. Нет ли тут какой связи?

— Перемены, — пожал плечами Люк. — Они всегда воют, когда что-то меняется. Оплакивают утерянное.

— И смерть. Они ведь предвещают смерть, так?

— Не всегда. Иногда они появляются в решающий момент, чтобы придать происходящему драматический оттенок.

— Плохо, — проворчал Джулиан. — Но будем надеяться.

Мне почудилось, что Люк хотел что-то добавить, но Джулиан заговорил первый:

— Хорошо ли ты знал отца?

Люк напрягся.

— Наверное, хуже, чем других. Он был деловым человеком. Приходил и уходил. Никогда не оставался с нами надолго.

Джулиан кивнул.

— Каким он был перед концом?

Люк посмотрел на свои руки.

— Ну, нормальным он уже не был, если вы это имеете в виду. Как я говорил Мерлину, ритуал, через который он прошел, чтобы обрести свое могущество, вывел его из равновесия.

— Впервые слышу.

Люк пожал плечами:

— Наверное, результат важнее подробностей.

— А до того он был неплохим отцом?

— Не знаю, черт побери. У меня не было другого отца, чтобы сравнить. Почему вы спрашиваете?

— Из любопытства. Эта сторона его жизни мне совершенно неведома.

— Хорошо. Тогда расскажите, каким он был братом?

— Бешеным, — сказал Джулиан. — Мы с ним плохо лади-

ли. И старались реже попадаться друг другу на глаза. Хотя он отличался сообразительностью. И талантом тоже. Имел склонность к искусству. Я пытался представить, много ли ты у него перенял.

— Куда мне, — проворчал Люк, поворачивая руки ладонями вверх.

— Ладно, не имеет значения. — Джулиан поставил кубок на стол и снова поднял полог. — Ваша еда уже на подходе.

Он вышел из шатра.

По брезенту шуршали крошечные кристаллики льда. Издалека донесся протяжный вой. Ветер и адские собаки давали свой концерт. Но баньши не было. Пока.

Глава 9

Я шел в двух ярдах слева и позади от Люка. Справа на таком же расстоянии шагал Джулиан. Я нес огромный фонарь, закрепленный на шесте длиной в шесть футов. Конец шеста был заострен, чтобы его можно было воткнуть в землю. Фонарь приходилось держать на вытянутых руках, поскольку беспорядочные порывы ветра вытягивали языки пламени в разные стороны. Острые ледяные снежинки секли лоб и щеки, налипали на брови и ресницы. Пламя их растапливало, и я яростно моргал, прочищая глаза. Трава под ногами промерзла и издавала хрустящий, ломкий звук.

Впереди в нашу сторону медленно двигались два других фонаря, между которыми маячила темная фигура. Я сморгнул, пристально вглядываясь в надвигающиеся блики. Мне пришлось видеть Далта лишь однажды, мельком, через карту, еще в Арбор-Хауз. В неверном свете фонарей его волосы казались золотыми или медными, но тогда, при естественном освещении, они выглядели как обыкновенные грязные светлые волосы. Глаза у Далта, насколько я помнил, были зеленые. До меня только теперь дошло, насколько он огромен — если, конечно, он специально не подобрал в спутники коротышек. В тот раз Далт был один, и мне было не с кем его сравнивать.

Когда он вошел в свет наших фонарей, я разглядел тяжелую зеленую безрукавку, черную рубаху с длинными рукавами и зеленые перчатки. Штаны были черные, равно как и сапоги, в которые они были заправлены. Украшенный изумрудными полосами черный плащ хлопал на ветру, в свете фонарей полосы переливались желтыми и красными огнями. С шеи на тяжелой цепи свисал золотой медальон. Я не мог разобрать детали рисунка, но был уверен, что там изображен лев, повергающий единорога.

Не доходя до Люка шагов десять-двенадцать, Далт замер. Люк сделал еще один шаг и тоже остановился. Далт подал знак, и его охранники воткнули факелы в землю. Мы с Джулианом поступили точно так же. Затем Далт кивнул Люку, и они пошли навстречу друг другу. Остановившись в середине освещенного факелами квадрата, они стиснули друг друга за правое предплечье и подняли глаза.

Люк стоял ко мне спиной, зато я мог видеть лицо Далта. Оно не выражало никаких эмоций, хотя губы его уже двигались. Из-за ветра, а также потому, что говорил он нарочито тихо, я не смог разобрать ни слова. По крайней мере теперь у меня появилась возможность оценить его размеры, Люк был шесть футов три дюйма, Далт выглядел выше на несколько дюймов.

Я взглянул на Джулиана, но тот смотрел в другую сторону. Интересно, подумал я, сколько глаз следит сейчас за нами с обеих сторон поля?

По Джулиану всегда было трудно догадаться, что у него на уме. Он бесстрастно наблюдал за происходящим. Я постарался перенять его манеру.

Шли минуты, снег валил, не переставая.

Спустя некоторое время Люк повернулся и подошел к нам. Далт тоже направился к своей охране.

— Ну как? — спросил я.

— О, — произнес он, — кажется, я нашел способ решить дело миром.

— Здорово. Что ты ему сказал?

— Предложил сразиться один на один и выяснить, что почем.

— Черт побери, Люк! — вырвалось у меня. — Он же профессионал! Не сомневаюсь, что он унаследовал нашу природную силу. Последнее время Далт живет в поле. Не исключено, что сейчас у него пик формы. Я уже не говорю о том, что он крупнее и тяжелее тебя.

— Значит, буду надеяться на удачу, — улыбнулся Люк. Посмотрев на Джулиана, он добавил: — Как бы то ни было, следует отдать приказ о ненападении, пока мы будем сражаться. Войска Далта тоже обязуются дождаться конца дуэли.

Джулиан обернулся и посмотрел в сторону линий противника. Затем повернулся к своим порядкам и при помощи отмашки передал несколько команд. Из укрытия тут же выскочил и побежал в нашу сторону вестовой.

— Люк, — сказал я. — Не сходи с ума. Ты сможешь одер-

жать победу единственным способом. Вызови на секунду Бенедикта, а потом...

— Мерль, — остановил меня Люк. — Успокойся. Дело касается меня и Далта. Договорились?

— У меня есть несколько новых заклинаний. Давай так: вы начнете драться, а потом я нанесу удар. Со стороны будет казаться, словно это ты его завалил.

— Нет! — воскликнул Люк. — Это дело чести. Так что, пожалуйста, не вмешивайся.

— Ладно, — пожал я плечами. — Если тебе хочется...

— Кроме того, до смертельного исхода все равно не дойдет. В данный момент это никому не нужно, и таково одно из условий сделки. Мы представляем друг для друга ценность живыми. Поэтому не берем никакого оружия. Только руки.

— А в чем, — перебил его Джулиан, — суть сделки?

— Если Далт мне накостыляет, — ответил Люк, — я становлюсь его пленником. Он отводит свои войска, а я следую за ним.

— Ты спятил! — вырвалось у меня.

Джулиан кинул взгляд в мою сторону и произнес:

— Продолжай.

— Если я вздую Далта, то он становится моим пленником. Возвращается со мной в Амбер или в любое другое место, куда мне заблагорассудится, а его офицеры отводят войска.

— Неплохо было бы убедить их в том, что в противном случае они обречены.

— Конечно, — кивнул Люк. — Поэтому я и объяснил ему, что Бенедикт готов в любой момент нанести сокрушительный удар с флангов. Не сомневаюсь, это явилось решающим аргументом.

— Великолепный замысел, — заметил Джулиан. — В любом случае выигрывает Амбер. Чего же ты хочешь лично для себя, Ринальдо?

— Подумайте, — улыбнулся Люк.

— А ты сложнее, чем я думал, племянничек, — покачал головой Джулиан. — Встань-ка сюда. Еще правее.

— Зачем?

— Чтобы меня не было видно. Я хочу, чтобы Бенедикт знал, что здесь происходит.

Люк передвинулся, а Джулиан вытащил из колоды нужную карту. Вестовой подбежал к нам и застыл. Джулиан вышел на связь. Спустя минуту он сделал паузу и отдал распоряжения вестовому, который тут же умчался.

Закончив переговоры, Джулиан не стал прятать карту в нагрудный карман, куда положил всю колоду, но оставил ее в

руке. Я понял, что контакт не прерван. Джулиан хотел, чтобы Бенедикт своими глазами видел происходящее и мог немедленно сообразить, что ему следует делать.

Люк сбросил подаренную мной накидку и подошел ко мне.

— Подержи, пока все не закончится, ладно?

— Давай, — кивнул я. — Удачи!

Он коротко улыбнулся и пошел прочь. Далт уже стоял в центре освещенного факелами квадрата.

Люк остановился в нескольких шагах от него. Противники некоторое время изучающе смотрели друг на друга, после чего Далт что-то произнес. Ответа Люка я тоже не расслышал.

Затем оба изготовились к схватке. Люк принял боксерскую стойку, Далт опустил руки, как борец.

Люк атаковал первым. Возможно, это был ложный выпад, во всяком случае по лицу противника он не попал. Далт отступил, но Люк не дал ему разорвать дистанцию и нанес два удара по корпусу. Потом еще раз безуспешно попытался достать неприятеля ударом в голову, после чего оба закружились по снегу.

Далт дважды пытался захватить Люка в борцовский захват, но оба раза нарывался на серию ударов. Из губы у него потекла струйка крови. На третий раз ему удалось сбить Люка с ног, однако прижать его к земле он не успел, ибо Люк стремительно откатился в сторону и вскочил на ноги. При этом он тут же попытался ударить Далта ногой по почкам, но промахнулся. Далт захватил его ногу и опрокинул на спину. Падая, Люк умудрился пнуть противника свободной ногой в колено, но захвата Далт не ослабил. Навалившись на противника всем весом, он принялся выкручивать ему стопу.

Лицо Люка исказила гримаса боли. Он из последних сил изогнулся, двумя руками вцепился в пальцы Далта и сорвал захват. Затем, не выпуская кисть противника, Люк вскочил, поднырнул под правую руку Далта и швырнул его лицом вниз на землю. Не давая опомниться, Люк прыгнул ему на спину, правой рукой завернул руку, а левой захватил за волосы. Я не сомневался, что Люк собирается несколько раз треснуть Далта лицом об землю, но, когда он оттянул его голову, я понял, что ничего не выйдет.

Далт напрягся, рука его начала выпрямляться, несмотря на замок Люка. Люк попытался пару раз ткнуть Далта головой в грязь, но особого эффекта это не возымело. Я понял, что, если Далту удастся высвободить руку, Люку конец. Далт был чертовски силен. Видя это, Люк навалился всем весом на спину Далта, оттолкнулся и вскочил. При этом он промедлил, не успел отбежать, и противник схватил его за ногу. Люк попы-

тался вырваться, но Далт мощным ударом подкосил его под обе ноги, отчего Люк полетел на спину. На этот раз Люку не удалось откатиться в сторону. В последнюю минуту он успел развернуться и выставить колено в надежде, что Далт налетит на него пахом. Далт придавил Люка к земле и нанес сильный удар по челюсти. Голова Люка отвалилась в сторону, но он сумел упереться ладонью в подбородок Далта, стараясь при этом дотянуться пальцами до глаз. Далт откинул голову и шлепком отбросил руку Люка. Люк попытался нанести другой рукой удар в висок, но Далт увернулся, и кулак Люка лишь скользнул по его волосам. Тогда Люк уперся обоими локтями в землю, подтянулся и резко наклонился вперед.

Я не видел, куда именно пришелся удар лбом, но в следующую секунду из носа Далта ручьем хлынула кровь. Несмотря на это, ему удалось схватить Люка за горло, а второй рукой нанести сильный удар по скуле. Я видел, как в последний момент Люк попытался укусить падающую на него руку, но Далт крепко сдавил его шею, и у Люка опять ничего не вышло. Далт размахнулся для второго удара, но на этот раз Люк защитился и едва не сорвал руку со своей шеи. Тогда Далт навалился на противника всем весом, протиснул вторую руку к его горлу и принялся душить, стараясь раздавить пальцами кадык.

Мне показалось, что наступает конец. И вдруг Люк неожиданно ухватил Далта правой рукой за левый локоть, а левой — за левое предплечье, после чего резко вывернул ему руку. Далт потерял равновесие и ткнулся лицом в землю, а Люк откатился в сторону и вскочил на ноги, тряся головой и потирая шею. На этот раз он не стал пинать Далта, а предусмотрительно принял оборонительную стойку. Противники снова закружились.

Снег шел не переставая, ветер то ослабевал, то усиливался, снежинки временами кололи лицо, временами падали, как мягкий занавес. Я подумал об окружающих меня войсках и о том, не окажусь ли я в самом центре сражения, когда эта схватка завершится. То, что Бенедикт готов обрушиться на противника с фланга и окончательно перемешать его порядки, ничуть меня не радовало. Я вспомнил, что угодил сюда исключительно по собственной воле.

— Давай, Люк! — заорал я. — Задай ему!

Это произвело весьма неожиданный эффект. В ту же секунду факельщики Далта принялись кричать и подбадривать своего военачальника. Очевидно, ветер донес наши голоса до боевых порядков, ибо уже через секунду поднялся страшный

рев, который я поначалу принял за завывание бури. Лишь один Джулиан невозмутимо взирал на происходящее.

Люк продолжал кружить вокруг Далта, пытаясь нанести ему удар в лицо и пробуя различные комбинации; Далт уклонялся и норовил перехватить его руку. Лица противников были разбиты в кровь, двигались они значительно медленнее, чем в начале боя. Мне показалось, что оба получили ранения, хотя я не мог определить их тяжести. Люк растревожил старую рану на щеке Далта.

Ему удалось провести серию по корпусу, но оценить силу ударов было трудно. Далт выдержал атаку и тут же сделал ответный бросок. Люк промедлил с отступлением, и Далту удалось захватить его в клинч. Начался обмен пинками и ударами коленями, от которых противники пытались прикрыться бедрами. При этом Люк отчаянно пытался выдернуть руку, чтобы получить возможность наносить удары, а Далт старался закрепить захват. Пошли удары головой и раздавливающие удары в подъем стопы, но бойцы умело от них защищались. Наконец Люку удалось провести подсечку, и Далт полетел на землю.

Опустившись над врагом на одно колено, Люк нанес левый боковой в голову, после чего немедленно ударил справа. Затем, развивая успех, попытался провести еще один удар левой, но Далт перехватил его руку и рывком бросил на землю. Лицо Далта напоминало маску из крови и грязи. Он кинулся на противника. Люк двинул его под сердце, но это не помешало Далту нанести страшный удар: правый его кулак как камень рухнул на голову Люка. Далт тут же треснул его слева, еще раз справа, после чего набрался сил и нанес сокрушительный удар левой рукой в челюсть. Люк рухнул на землю и уже не шевелился.

Далт присел на корточки над поверженным противником. Дышал он тяжело, как загнанный пес, и пристально вглядывался в лицо Люка, словно ожидая очередного подвоха. Правая рука его подергивалась; казалось, он хотел ударить врага еще раз.

Ничего, однако, не произошло. Спустя десять или пятнадцать секунд Далт медленно поднялся на ноги, покачнулся и выпрямился.

Заклинание смерти застряло у меня на губах. Мне хватило бы нескольких секунд, чтобы пригвоздить его к земле, после чего никто не установил бы истинную причину гибели. Меня тревожило, что произойдет после того, как он свалится? Двинутся ли обе армии в атаку?..

И все же удержало меня другое. Я вспомнил слова Люка:

«Это дело чести. Так что, пожалуйста, не вмешивайся». После этого он добавил: «Кроме того, до смертельного исхода все равно не дойдет... Мы представляем друг для друга ценность живыми».

Ладно.

Трубачи пока не трубили. Войска стояли на месте. Похоже, все будет так, как они договорились. Люк сам этого хотел. Я не стану вмешиваться.

Далт поднял Люка с земли. Почти сразу же он опустил его обратно и подозвал своих факельщиков. Затем повернулся в сторону Джулиана.

— Призываю вас выполнить оставшуюся часть нашего соглашения! — крикнул он.

Джулиан едва заметно склонил голову:

— Мы ее выполним, если вы выполните свою. Уведите своих людей на рассвете.

— Мы уходим сейчас, — объявил Далт.

— Далт! — крикнул я.

Он повернулся и пристально посмотрел на меня.

— Меня зовут Мерлин. Мы с тобой встречались, хотя я не уверен, что ты меня помнишь.

Он покачал головой.

Я вскинул правую руку и произнес самое бесполезное и в то же время самое эффектное заклинание. Земля перед Далтом разверзлась, обдав его фонтаном грязи и камней. Он отшатнулся, вытер лицо и посмотрел на образовавшуюся неровную траншею.

— Это твоя могила, — объявил я. — Если что-нибудь случится с Люком.

Он снова посмотрел на меня.

— Теперь я тебя запомню, — произнес он и зашагал вслед за тащившими Люка факельщиками.

Я посмотрел на Джулиана. Он отвернулся и выдернул из земли факел. Я сделал то же самое, после чего мы вернулись к нашим позициям.

Позже, уже в шатре, Джулиан промолвил:

— Мы решили одну важную проблему. А может, и две.

— Может, и две, — повторил я.

— Далт временно под контролем.

— Согласен.

— Бенедикт сообщает, что они снимаются с лагеря.

— Думаю, мы его еще увидим. Не кажется ли тебе, что со стороны Далта все было подготовлено плохо? Ему пришлось в спешке собирать войска. Похоже, у него слишком плотный график.

— Возможно, ты прав. Но он в самом деле рисковал.

— И выиграл.

— Да, выиграл. И тебе не следовало демонстрировать силу, когда все закончилось.

— Почему?

— Теперь, если ты станешь преследовать Далта, он будет настороже.

— Я хотел его припугнуть.

— Люди подобного склада живут риском. Он просчитывает каждый шаг и только потом действует. Да и Ринальдо ты еще увидишь. Он точно такой же. Два сапога пара.

— Наверное, ты прав.

— Абсолютно.

— Как ты думаешь, если бы схватка закончилась по-другому, выполнила бы его армия условия договора?

Джулиан пожал плечами:

— Далт знал, что мои войска условия выполнят. Этого достаточно.

Я кивнул.

— Извини, — произнес Джулиан, — мне надо доложить обо всем Вайол. Полагаю, ты тоже захочешь выйти на контакт по карте, когда я закончу?

— Конечно.

Он вытащил карту и принялся настраиваться на связь. А я в который раз задумался над тем, что испытывает Вайол при контактах. Я всегда должен своими глазами увидеть нужного человека; то же самое говорили мне остальные. Вайол же, насколько мне известно, слепа от рождения. Спросить напрямую я не решался, к тому же вряд ли ее ответ был бы ясен зрячему человеку. Наверное, это навсегда останется для меня загадкой.

Пока Джулиан вызывал ее на контакт, я обратился мыслями в будущее. Я собирался вплотную заняться Маской и Джартом. Теперь выходило, что заниматься ими мне придется без Люка. Может, и в самом деле последовать его совету и привлечь в союз против них Джасру? Окажется ли такой риск оправданным? И смогу ли я решить эту проблему по-другому? Не лучше ли вернуться в тот странный бар и поискать способы привлечь на свою сторону Бармаглота? Или Стрижающий Меч? А может, и то и другое? Может...

Я услышал свое имя и вернулся в текущее время к насущным проблемам. Джулиан объяснял что-то Вайол, хотя я понимал, что объяснять особо нечего. Поэтому я встал, потянулся и вызвал Зрение Логруса.

Вайол находилась рядом с Джулианом, то расплываясь, то

делаясь отчетливо резкой. Она сидела на том же самом жестком кресле, в котором я видел ее в последний раз. Неужели с тех пор королева ни разу не вставала? Надеюсь, она все же попробовала десерт, до которого я так и не добрался.

Джулиан взглянул в мою сторону:

— Если ты готов, она может забрать тебя прямо сейчас.

Я подошел к нему, предварительно отбросив Зрение Логруса — не стоит слишком сближать Логрус и Огненный Путь. Я прикоснулся к карте, и изображение Вайол обрело резкость и четкость. Еще мгновение, и оно перестало быть изображением.

— В любое время, — произнесла она и протянула руку.

Я осторожно к ней прикоснулся.

— До свидания, Джулиан, — произнес я, делая шаг вперед.

Он не ответил. А может, и ответил, да я не разобрал.

— Не думала, что все так случится, — сказала Вайол, не выпуская моей руки.

— Предвидеть это было невозможно, — ответил я.

— Люк знал, — покачала она головой. — Теперь кое-что становится понятным, не так ли? Например, некоторые его замечания. Он ведь давно хотел бросить вызов Далту.

— Думаю, да.

— Он на что-то рассчитывал. Хотела бы я знать, на что.

— Понятия не имею, — вздохнул я. — Он мне ничего не говорил.

— С тобой он наверняка выйдет на связь, — сказала Вайол. — Немедленно дай мне знать, как только он объявится.

— Обещаю.

Вайол выпустила мою руку.

— Похоже, больше тут ничего не скажешь.

— Да. Но, возможно, вам будет интересно поговорить о другом.

— О чем же?

— Дело касается отсутствия Корэл за обедом.

— Продолжай, — велела Вайол.

— Известно ли вам, что мы с ней долго гуляли по городу?

— Известно.

— Мы закончили прогулку внизу, в помещении Огненного Пути. Она выразила желание его увидеть.

— Многие посетители хотят увидеть Путь. Однако не всем его следует показывать. Большинство теряют всяческий интерес, едва узнают о лестнице.

— Я не говорил ей об Огненном Пути. Но я ее и не отпугивал. Когда мы спустились, она поставила на него ногу...

— Нет! — воскликнула Вайол. — Ты должен был за ней следить! Не хватает нам неприятностей с Бегмой! Теперь еще это! Где ее тело?

— Хороший вопрос, — усмехнулся я. — Не знаю. Когда я видел ее в последний раз, она была жива. Корэл заявила, что Оберон — ее отец, после чего прошла весь Путь. А потом потребовала, чтобы он куда-то ее перенес. Теперь ее сестра, которая знает, что мы были вместе, чрезвычайно озабочена. За обедом она мне покоя не давала, пыталась выяснить, где Корэл.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, что она осматривает достопримечательности дворца и может немного опоздать. Потом Найда потребовала, чтобы я отправился на поиски Корэл, если та не явится к обеду. Я не стал распространяться по поводу того, что произошло на самом деле, поскольку не хотел затрагивать тему отцовства Корэл.

— Разумно, — пробормотала Вайол. — Ну и дела.

Я ждал, но она ничего не добавила. Я продолжал ждать. Наконец она произнесла:

— Мне ничего не известно о романе Оберона в Бегме, поэтому мне трудно оценить подобное откровение. Может, Корэл каким-нибудь образом сообщила, как долго она намерена отсутствовать? Кстати, ты обеспечил ее возможностью вернуться?

— Я дал ей свою карту, но на связь она не выходила. Как бы то ни было, Корэл вроде бы не собиралась уходить надолго.

— Это может оказаться серьезнее, чем выглядит на первый взгляд. — Вайол тяжело вздохнула. — Что скажешь о Найде?

— Вполне разумная девушка. По-моему, я ей понравился.

Помолчав, Вайол заметила:

— Если обо всем этом узнает Оркуз, он решит, что мы держим ее в заложниках, чтобы повлиять на его позицию в переговорах по статусу Кашфы.

— Да, вы правы. Я об этом не подумал.

— Именно так он и посчитает. Люди всегда думают что-то подобное, когда имеют с нами дело. Надо, пока не поздно, ее разыскать.

— Понимаю.

— Вероятнее всего, он пошлет людей в ее апартаменты, чтобы выяснить, почему дочка не явилась к обеду. Постарайся его успокоить; тогда на поиски у нас будет целая ночь.

— Как же я его успокою?

— Ты — волшебник, тебе и решать. Значит, говоришь, Найде ты понравился?

— Похоже, да.

— Хорошо. Не стоит отклонять ее помощь. Надеюсь, ты сумеешь провернуть это дело с максимальной тактичностью...

— Естественно... — начал я.

— Недавно она сильно переболела, — закончила Вайол. — Не хватало теперь, чтобы вторая дочь получила инфаркт.

— Переболела? — удивился я. — Найда ничего об этом не говорила.

— Полагаю, ей самой больно об этом вспоминать. Она едва выкарабкалась и тут же потребовала от отца, чтобы он взял ее с собой. Это он рассказал мне все подробности.

— За обедом Найда выглядела нормально, — неуклюже пробубнил я.

— Ладно, постарайся, чтобы она такой же и оставалась. Я хочу, чтобы ты немедленно к ней отправился, как можно дипломатичнее рассказал о том, что произошло, и попросил прикрыть, пока мы не разыщем ее сестрицу. Конечно, есть риск того, что она тебе не поверит и тут же побежит к Оркузу. Подумай, не подойдет ли здесь какое-нибудь заклинание. Другого выхода я не вижу. Скажи, если я не права.

— Вы абсолютно правы, — произнес я.

— Тогда отправляйся и докладывай мне немедленно, если возникнут какие-либо проблемы. В любое время, понятно?

— Уже иду!

Я поспешно вышел из комнаты, но довольно скоро остановился. До меня вдруг дошло, что я не знаю точно, где находятся покои Найды. Возвращаться и спрашивать у Вайол я не хотел, боясь показаться бестолковым, поскольку должен был выяснить все за обедом.

Минут десять ушло на поиск кого-нибудь из прислуги. Наконец нужный человек был найден. Пряча улыбку, слуга объяснил, как найти комнату Найды, и я бегом направился к ее двери.

Причесав волосы, отряхнув куртку и брюки, а также вытерев носки сапог о штаны, я глубоко вдохнул, улыбнулся, выдохнул и постучал.

Спустя несколько мгновений дверь открылась. На пороге стояла Найда.

Она улыбнулась в ответ и пригласила меня войти.

— Я ожидал, что откроет горничная, — признался я. — Вы меня удивили.

— А я ожидала вас, — сказала Найда, — и отправила горничную спать.

Она переоделась в серый костюм с широким черным поясом. На ногах у нее были черные тапочки, косметику Найда

почти всю смыла. Зачесанные назад волосы были перехвачены черной лентой.

Она жестом указала на диван, но я не двинулся с места. Положив руку на плечо девушки, я посмотрел ей в глаза.

— Как вы себя чувствуете?

— Узнайте, — едва слышно произнесла она.

Я не мог позволить себе даже вздоха. Положение обязывало. Я обнял Найду, привлек ее к себе и поцеловал. Спустя несколько секунд отстранился, еще раз улыбнулся и произнес:

— Кажется, все в порядке. Послушай, я бы хотел кое-что рассказать...

— Может быть, присядем? — Найда взяла меня за руку и сделала несколько шагов к дивану.

Вайол велела мне быть дипломатом, поэтому я покорно побрел следом. Девушка тут же возобновила наше объятие, пытаясь сделать его еще более тесным. Черт! А я собрался использовать ее как прикрытие для Корэл. Вопросы следовало задавать сейчас. Еще пара минут, и расспрашивать Найду о сестре будет не дипломатично. Сегодня все делается не вовремя.

— Пока мы не зашли далеко, позволь попросить тебя об одолжении...

— Проси что угодно, — пролепетала Найда.

— Похоже, с возвращением Корэл могут возникнуть задержки, а мне бы крайне не хотелось волновать вашего отца. Не знаешь, посылал ли он кого-нибудь в ее покои?

— Не думаю, — ответила Найда. — После обеда папа отправился прогуляться с Джерардом и мистером Ротом. Вряд ли они успели вернуться.

— Не могла бы ты его успокоить и дать понять, что с Корэл все в порядке? Другими словами, выиграть время, за которое я мог бы ее разыскать?

Найда опешила.

— А как насчет того, что ты мне не рассказал?..

— Ты услышишь всю историю, если только окажешь мне эту услугу.

Она провела пальчиком по моему подбородку.

— Хорошо. Договорились. Не уходи.

Она поднялась, пересекла комнату и вышла в коридор, оставив дверь полуоткрытой.

Ну почему после Джулии у меня ни с кем не было нормальных отношений? Последний раз я переспал с женщиной, находящейся под влиянием вселившегося в ее тело существа. Теперь... теперь я понял, что хочу Корэл, а не ее сестру. Смешно. Я знал ее каких-то полдня...

Слишком много событий произошло с момента моего возвращения. Я начал уставать. Пора заканчивать.

Вернувшись, Найда снова уселась на диван, но на этот раз нас разделяли несколько футов. Выглядела девушка весьма бодро, хотя и не пыталась возобновить наших прежних занятий.

— Все устроено, — сообщила она. — Если отец спросит о Корэл, его успокоят.

— Благодарю.

— Теперь твоя очередь. Говори.

— Хорошо, — пожал я плечами и принялся рассказывать о том, как Корэл увидела Путь.

— Нет, — перебила меня Найда. — Начни с самого начала.

— Что ты имеешь в виду?

— Расскажи, как прошел весь день — с того момента, как вы вышли из дворца.

— Но это нелепо, — запротестовал я.

— Повесели меня, — настаивала Найда. — Ты мой должник, не забывай.

— Ну ладно, — проворчал я и начал сначала.

Мне удалось проскочить момент с перевернутым столиком в кафе, но когда я попытался сократить рассказ о пещерах, упомянув лишь то, как мы в них заглянули, Найда меня опять перебила:

— Постой, ты чего-то недоговариваешь. Что произошло в пещерах?

— С чего ты взяла, что там что-то произошло? — опешил я.

— Это мой секрет, о котором я бы не хотела сейчас распространяться. Достаточно сказать, что у меня есть возможность проверить достоверность твоего повествования.

— Но это не важно! Такие детали лишь уводят от сути дела. Поэтому я их и пропускаю.

— Ты обещал пересказать мне весь день.

— Ну хорошо, — вздохнул я и принялся рассказывать.

Когда я дошел до Джарта и зомби, Найда закусила губу, после чего принялась рассеянно слизывать появившиеся капельки крови.

— Как ты собираешься с ним поступить? — неожиданно спросила она.

— Это мое дело, — отрезал я. — Я обещал рассказать вам о том, как прошел день, но не о своих воспоминаниях или планах.

— Я просто... Помнишь, я говорила, что хочу помочь тебе?

— Что ты имеешь в виду? Ты что, хочешь помочь мне убить

Джарта? В таком случае запомни: он готовится обрести божественную силу.

— Что значит «божественная сила»? — уточнила Найда.

Я покачал головой:

— Если рассказывать все по порядку, нам не хватит всей ночи, а я собираюсь еще поискать Корэл. Позволь мне закончить?

— Заканчивай.

Я завершил свою историю, и Найда не выразила ни малейшего удивления по поводу того, кем оказался отец ее сестры. Я хотел было поинтересоваться причинами такого спокойствия, но потом решил послать все к черту. Найда сделала то, о чем я ее попросил, а я, в свою очередь, выполнил свое обещание. С ней не случился сердечный приступ. И мне уже пора.

— Вот и все. Спасибо.

Я попытался подняться, однако девушка стремительно пересела ближе и обняла меня.

Я тоже стиснул ее в объятиях, но спустя некоторое время произнес:

— Мне действительно пора. Корэл может оказаться в опасности.

— Черт с ней, — сказала Найда. — Оставайся. Есть вещи и поважнее.

Черствость Найды повергла меня в смятение, но я ничем этого не проявил.

— Я несу за нее ответственность. Пришла пора ее выручать.

— Ну ладно, — вздохнула Найда. — Тогда я отправлюсь с тобой и постараюсь помочь.

— Каким образом? — изумился я.

— Ты будешь удивлен. — Девушка поднялась с дивана и криво улыбнулась.

Я кивнул, чувствуя, что она, вероятно, права.

Глава 10

Пройдя через холл, мы вернулись в мои апартаменты. Я открыл дверь и включил свет. Увидев мою вешалку, Найда оцепенела.

— Королева Джасра!

— Точно. Она поссорилась с колдуном по имени Маска, — объяснил я. — Угадай, кто победил?

Найда подняла руку и медленно провела ею за шеей и спиной Джасры, затем перед лицом и грудью. Я не знал таких движений.

— Только не говори, что ты тоже волшебница! Похоже, все, с кем мне в последнее время приходится встречаться, имеют отношение к Искусству.

— Я не волшебница, — ответила девушка, — и никакого отношения к колдовству не имею. Я владею только одним трюком, который применяю постоянно.

— Что же это за трюк? — поинтересовался я.

Она не обратила внимания на мой вопрос и воскликнула:

— Боже мой! Хорошо ее спеленали!.. Ключ находится где-то в районе солнечного сплетения, ты знаешь?

— Да, — ответил я. — Я давно разобрал это заклинание.

— Зачем она здесь?

— Во-первых, я пообещал Ринальдо спасти ее от Маски, во-вторых, это гарантия его хорошего поведения.

Я закрыл и запер дверь. Когда я обернулся, Найда посмотрела мне в глаза.

— Давно ты его видел? — равнодушным голосом спросила она.

— Недавно. А что?

— Просто так.

— Мне показалось, мы решили помогать друг другу, — напомнил я.

— А мне показалось, что мы ищем мою сестру.

— Если ты знаешь что-то важное про Ринальдо, сестра может подождать еще минуту.

— Я только хотела узнать, где он сейчас.

Я отвернулся к комоду, в котором хранил рисовальные принадлежности. Все необходимое я выложил на чертежный столик и сказал:

— Я не знаю, где он.

Положив перед собой кусок картона, я сел и прикрыл глаза, после чего попытался представить, как выглядит Корэл, готовясь ее нарисовать. При этом я снова засомневался, достаточно ли будет мысленной картинки для установления контакта. Между тем для экспериментов времени не оставалось. Я открыл глаза и принялся за дело.

Рисую я так, как учили во Владениях, эта техника несколько отличается от принятой в Амбере. Я могу работать в разных стилях, но быстрее получается первым способом.

Найда подошла и встала за моей спиной, не поинтересовавшись, возражаю я или нет. Я не возражал.

— Когда ты видел его в последний раз? — спросила она.

— Кого?

— Люка.

— Сегодня вечером.

— Где?

— Он был здесь.

— Он и сейчас здесь?

— Нет.

— Где вы расстались?

— В Арденском лесу. А что?

— Неподходящее место для расставания.

Я трудился над бровями Корэл.

— Мы простились при странных обстоятельствах.

Еще немного поработать над глазами, потом волосы...

— Что значит «странных»? — поинтересовалась Найда.

Румянец на щеках...

— Не обращай внимания, — сказал я.

— Хорошо, — кивнула девушка. — Наверное, это не так важно.

Я решил не заглатывать наживку, поскольку неожиданно почувствовал нужную тягу. Такое случалось и раньше, когда стремишься выйти на контакт, прилагаешь последние усилия и...

— Корэл! — позвал я, увидев, как дрогнули ее черты и изменилась перспектива.

— Мерлин?.. — откликнулась она. — Я... У меня неприятности.

Странно, никакого фона не возникало. Сплошная чернота. Я почувствовал, как Найда положила руку мне на плечо.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Да... Только здесь темно. Очень темно.

Естественно. Нельзя пользоваться Тенью, когда нет света. Даже карты не видно.

— Ты там, куда послал тебя Путь? — спросил я.

— Нет, — ответила Корэл.

— Возьми мою руку. Расскажешь позже.

Я протянул руку, и она вытянула навстречу свою.

— Они... — начала Корэл.

Последовала болезненная вспышка, и контакт разорвался. Я почувствовал, как напряглась Найда.

— Что случилось? — прошептала она.

— Не знаю. Неожиданно пошла блокировка. Не могу определить, какие силы ее вызвали.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую еще раз чуть позже, — ответил я. — Если это реакция, то со временем она должна ослабнуть. Во всяком случае, Корэл сказала, что с ней все в порядке.

Я вытащил колоду, которую обычно ношу с собой, и достал карту Люка. Самое подходящее время посмотреть, как у него дела.

Найда взглянула на карту и улыбнулась.

— Я думала, вы расстались совсем недавно.

— Многое может случиться за такой промежуток времени.

— Не сомневаюсь, что многое и случилось.

— Ты в самом деле знаешь, что с ним происходит? — спросил я.

— Да. Знаю.

Я поднял карту.

— Ну и что же с ним происходит?

— Могу побиться об заклад, на связь ты не выйдешь.

— Посмотрим.

Я сосредоточился и послал вызов еще раз. Спустя минуту я вытер бровь.

— Откуда ты узнала?

— Люк тебя блокирует. В данной ситуации я бы поступила точно так же.

— Какой ситуации?

Она ехидно улыбнулась и устроилась в кресле.

— Ну вот, теперь мне снова есть чем с тобой торговаться.

— Снова?

Я внимательно посмотрел на Найду. Что-то во мне подпрыгнуло и встало на место.

— Ты зовешь его не Ринальдо, а Люком.

— Правильно. — Она продолжала улыбаться.

— А я все гадал, когда же ты снова появишься... Выходит, зря я потратил в пещере заклинание. Впрочем, оно спасло мне жизнь. Ладно, спрашиваю тебя еще раз: чего ты хочешь? Только не говори, что собираешься меня защищать, а не то превращу тебя в вешалку.

Девушка рассмеялась:

— Думаю, сейчас ты не откажешься ни от какой помощи.

— Многое зависит от того, что ты понимаешь под словом «помощь».

— Скажи мне, что ты задумал, и я скажу, смогу ли я тебе помочь.

— В данный момент я хочу переодеться. Я не собираюсь штурмовать крепость в таком виде. Дать тебе что-нибудь понадежнее?

— Нет, я в порядке. Начнем с Арбор-Хауз, не возражаешь?

— Не возражаю, — проворчал я, облачаясь в походную одежду.

Она перестала быть для меня очаровательной дамой. Теперь я воспринимал Найду как загадочное, туманное существо, принявшее человеческий облик. Она устроилась в кресле и отсутствующим взглядом уставилась на стену. Я закончил

переодеваться, подошел к чертежному столику, вытащил карту Корэл и попытался связаться еще раз. Ничего не вышло. Я попробовал карту Люка. Результат оказался таким же.

Я уже хотел выровнять колоду и уложить ее в коробку, как на глаза мне попалась нижняя карта. В сознании моем тут же вспыхнула целая цепь ассоциаций. Я вытащил карту, сосредоточился, напрягся...

— Да, Мерлин? — произнес Мэндор спустя мгновение.

За его спиной на фоне вечернего неба вырисовывались очертания города. Он опустил чашку растворимого кофе на крошечное белое блюдце.

— Ты мне нужен, — сказал я. — Прямо сейчас. Скорее!

Найда издала низкий рычащий звук, вскочила и двинулась ко мне, не сводя глаз с карты. Мэндор взял меня за руку и шагнул вперед.

Увидев перед собой высокого чернобородого человека, Найда застыла. Некоторое время они бесстрастно разглядывали друг друга, после чего Найда сделала в его сторону длинный скользящий шаг и подняла вверх руки. Мэндор резко опустил руку в карман, из которого тут же раздался резкий металлический щелчок.

Найда застыла.

— Любопытно, — произнес Мэндор, проводя рукой у ее лица. Глаза девушки никак не отреагировали на это движение. — Это о ней ты мне рассказывал раньше? Винта, кажется?

— Да. Только сейчас ее зовут Найда.

Он вытащил маленький темный металлический шарик, положил его на ладонь и протянул к ее лицу. Шарик медленно закружился против часовой стрелки. Найда издала невнятный звук — нечто среднее между зевком и криком, — после чего повалилась на четвереньки и уронила голову. Изо рта девушки потекла струйка слюны.

Мэндор быстро произнес что-то на древнем тари, и она утвердительно кивнула.

— Похоже, я разгадал твою тайну, — произнес наконец Мэндор. — Помнишь уроки по реакциям и Высшим принуждениям?

— В общих чертах. Меня никогда не увлекала эта тема.

— И зря, — произнес Мэндор. — Тебе следует записаться к Сухаю на курсы аспирантов.

— Хочешь сказать...

— Перед тобой существо под названием ти'ига, вселившееся в привлекательное человеческое тело.

Я уставился на Найду. Ти'ига относились к расе бестелесных демонов, обитающих в черноте за Краем. Я помнил, что

их описывали как очень мощную и трудно контролируемую расу.

— Да... Ты можешь сделать так, чтобы она перестала капать слюной на мой ковер?

— Конечно, — улыбнулся Мэндор и выпустил шарик, который от пола не отскочил, но тут же принялся выписывать вокруг Найды круги.

— Встань, — приказал Мэндор, — и перестань пачкать пол выделениями своего тела.

Девушка повиновалась. Лицо ее не выражало никаких эмоций.

— Сядь вон туда, — он указал на кресло, с которого она совсем недавно поднялась.

Найда послушно опустилась в кресло, и шарик закружился вокруг него.

— Ти'ига не может покинуть тело, пока я его не изгоню. Кроме того, я могу в любой момент подвергнуть его мучениям. Другими словами, я могу добиться ответов на все вопросы. Скажи, что тебя интересует.

— Она может нас слышать?

— Да, но не может говорить без моего разрешения.

— Не вижу смысла причинять ей лишние страдания. Достаточно самой угрозы. Я хочу знать, почему она меня преследует.

— Отлично, — произнес Мэндор. — Тебе задали вопрос, ти'ига. Отвечай!

— Я хожу за ним, чтобы его защитить, — бесстрастным голосом произнесла Найда.

— Это я уже слышал. Я хочу знать почему.

— Почему? — повторил Мэндор.

— Я должна.

— Почему ты должна?

— Я... — Ее зубы впились в нижнюю губу, из которой тут же потекла кровь.

— Почему?

Лицо Найды вспыхнуло, на лбу высыпали капельки пота. Глаза ее наполнились слезами, но по-прежнему смотрели в пустоту. Тонкая струйка крови побежала по подбородку.

Мэндор вытянул руку и разжал кулак. На ладони лежал еще один металлический шарик. Он подержал его в десяти дюймах от ее бровей, потом убрал руку. Шарик остался в воздухе.

— Пусть отворятся двери страдания, — произнес он и легонько щелкнул пальцем.

Шарик немедленно закружился. Он описал плавный овал

вокруг головы девушки, почти касаясь висков. Найда тихонько завыла.

— Молчать! — рявкнул Мэндор. — Терпеть молча!

По щекам ее заструились слезы, струйка крови продолжала бежать вниз по подбородку.

— Прекрати! — попросил я.

— Ладно. — Мэндор протянул руку и сдавил шарик между большим и средним пальцами левой руки. Когда он убрал руку, шарик неподвижно повис возле ее правого уха.

— Теперь отвечай на вопросы! Это лишь маленький пример того, что я могу с тобой сделать. Могу тебя уничтожить.

Найда открыла рот, но из ее губ вырвалось лишь хрипение.

— Мне кажется, мы делаем что-то не то, — произнес я. — Можно, чтобы она говорила нормально, а не отвечала на каждый вопрос?

— Ты слышала, что он сказал, — проворчал Мэндор. — Это и моя воля.

Найда, задыхаясь, произнесла:

— Мои руки... Пожалуйста, освободите их.

— Освободи, — попросил я.

— Они свободны, — сказал Мэндор.

Найда размяла пальцы.

— Платок, полотенце... — пробормотала она.

Я выдвинул ящик комода и протянул ей платок. В последний момент Мэндор выхватил его у меня из руки и швырнул платок Найде. Она поймала его.

— Не лезь в мою сферу, — предупредил он меня.

— Я ничего ему не сделала бы, — произнесла Найда, вытирая глаза, щеки и подбородок. — Я уже говорила, я хотела только помочь.

— Мы ждем подробностей, — отчеканил Мэндор и потянулся к своему шарику.

— Погоди, — попросил я и добавил, обращаясь к Найде: — Можешь по крайней мере сказать, почему тебе нельзя говорить?

— Нет, — покачала она головой. — Речь идет об одном и том же.

Неожиданно вся ситуация показалась мне любопытной проблемой по программированию, и я решил подойти к ней с другой стороны.

— Ты должна защищать меня любой ценой? — спросил я. — Такова твоя главная задача?

— Да.

— Предположим, что защитить меня ты можешь единственным способом. А именно ты должна мне все рассказать.

Найда нахмурилась:

— Я... Я не... Единственным?

Она зажмурилась и закрыла лицо руками.

— Тогда... Тогда я все расскажу.

— Вот мы и тронулись с места, — произнес я. — Значит, ты нарушишь вторичный приказ, чтобы выполнить главный?

— Да, но ты привел нереальный пример.

— Я приведу реальный, — неожиданно вмешался Мэндор. — Ты не сможешь выполнить главный приказ, если перестанешь существовать. Другими словами, ты его нарушишь, если позволишь себя уничтожить. А я тебя уничтожу, если ты не ответишь на вопросы.

— Не выйдет, — прошептала она.

— Почему?

— Спросите у Мерлина, что начнется, когда дочь премьер-министра Бегмы найдут мертвой в его комнате? Я уже не говорю о том, что он и так виноват в исчезновении ее сестры.

Мэндор нахмурился и посмотрел на меня.

— Я в таких вещах не разбираюсь, — проворчал он.

— Ничего не начнется, — сказал я. — Если она погибнет, вернется настоящая Найда. Подобное уже случалось с Джорджем Хансеном, Мэг Девлин и Винтой Бейли.

— Как правило, так и бывает, — кивнула Найда, — за исключением одной детали. Все они были живы в тот момент, когда я вселялась в их тела. Но Найда умерла вследствие серьезной болезни. Именно ее тело я хотела заполучить, поэтому в него и влезла. Найды больше нет. Если я уйду, вы останетесь с трупом.

— Ты блефуешь, — заявил я, хотя и припомнил, как Вайол говорила о болезни Найды.

— Нет, — покачала головой девушка. — Не блефую.

— Не важно, — сказал я и добавил, обращаясь к Мэндору: — Ты можешь воспрепятствовать тому, чтобы она покинула это тело и последовала за мной?

— Конечно.

— Вот так, Найда, — сказал я. — Я отправляюсь по своим делам, где подвергнусь огромной опасности. При этом я не позволю тебе следовать за мной и выполнять свой приказ.

— Нет! — воскликнула она.

— Ты не оставляешь мне другого выбора.

Она тяжело вздохнула:

— Ты нашел способ заставить меня нарушить один приказ ради того, чтобы я могла выполнить второй. Очень умно.

— Тогда говори то, что я хочу знать!

Найда покачала головой:

— Я физически не в состоянии это сделать. Но... кажется, придумала. Я могу доверить тайну третьему лицу, которое также обеспокоено твоей безопасностью.

— Ты говоришь...

— Если ты на минуту выйдешь из комнаты, я попытаюсь сказать твоему брату то, что не могу объяснить тебе.

Я взглянул на Мэндора и произнес:

— Мне надо на минуту выйти.

Так я и сделал. Много тревожных мыслей пришло мне в голову, пока я рассматривал висящий на стене гобелен. Не в последнюю очередь волновало меня и то, что я никогда не говорил ей, что Мэндор мой брат.

Спустя некоторое время дверь отворилась, Мэндор вышел и огляделся по сторонам. Едва я двинулся к нему, он предостерегающе поднял руку. Я замер, а он двинулся мне навстречу, продолжая тревожно оглядываться.

— Это дворец Амбера? — поинтересовался он.

— Да. Не самое фешенебельное крыло, но здесь я живу.

— Я бы хотел повидать его при более спокойных обстоятельствах.

— Договорились, — кивнул я. — Ну расскажи, что там?

Мэндор принялся изучать рисунок гобелена.

— Не могу, — произнес он наконец. — Дело весьма щекотливое... Нет, не могу.

— Ты что? — опешил я.

— Ты же мне по-прежнему веришь? — спросил Мэндор.

— Конечно.

— Тогда поверь и сейчас. У меня есть причины не говорить тебе о том, что я узнал.

— Перестань, Мэндор! Что, черт возьми, происходит?

— Ти'ига действительно не представляет для тебя опасности. Она стремится тебе помочь.

— Ничего нового ты мне не сказал. Я хочу знать причины.

— Оставь это, — покачал головой Мэндор. — На время. Так будет лучше.

Я стиснул кулак и огляделся в поисках, по чему бы треснуть.

— Я понимаю твое состояние, — добавил он, — но я прошу тебя, не настаивай.

— То есть знание мне каким-либо образом повредит?

— Я этого не говорил.

— Или ты просто боишься мне сказать?

— Прекрати! — крикнул Мэндор.

Я отвернулся и постарался прийти в себя.

— Должно быть, у тебя действительно серьезные причины, — пробормотал я наконец.

— Да.

— Я не собираюсь этого оставлять. Но не собираюсь и терять время, если ты так уперся. Ладно, у тебя есть веские причины, а у меня — срочные дела в другом месте.

— Она говорила о Джарте, Маске и Страже, где Брэнд обрел свою силу, — сказал Мэндор.

— Именно туда я и направляюсь.

— Она хочет тебя сопровождать.

— Как ей угодно.

— Я бы тоже советовал ее не брать.

— Подержишь ее здесь, пока я не разберусь с этим делом?

— Нет, — сказал он, — потому что я иду с тобой. Но перед уходом я погружу ее в глубокий транс.

— Ты же не знаешь, что произошло со времени обеда, — возразил я. — Между тем случилось много разного, и у тебя не было времени все осмыслить.

— Не важно. Я понял, что речь идет о враждебном колдуне, Джарте и об очень опасном месте. Этого достаточно. Я пойду с тобой и помогу тебе.

— Вдвоем мы можем не справиться, — заметил я.

— Я все равно считаю, что ти'ига нам помешает, — сказал он.

— Да я уже не о ней, а о застывшей у двери даме.

— Как раз собирался тебя расспросить. Наказываешь своего врага?

— Да, мы враждовали. Это злобная, лживая и ядовитая баба. Кроме того, она — свергнутая королева. Но заморозил ее не я, а колдун, который сейчас меня преследует. Она — мать моего друга, поэтому я выручил ее и притащил сюда, в безопасное место. До сего момента у меня не было повода ее освобождать.

— Понял, ты хочешь использовать ее как союзника против общего врага?

— Именно так. Джасра хорошо знает место, куда я отправляюсь. Но она меня ненавидит, с ней тяжело общаться, и я не уверен, что ее сын предоставил мне достаточно боеприпасов, чтобы обеспечить ее лояльность.

— Считаешь, что она в силах помочь?

— Не сомневаюсь. Я бы хотел иметь ее в числе союзников. К тому же она опытная колдунья.

— Если потребуются дополнительные аргументы, — сказал Мэндор, — попробуем угрозы и взятки. Я спроектировал и обставил несколько частных преисподних чисто из эстетических соображений. Короткая экскурсия может произвести на

нее неизгладимое впечатление. С другой стороны, всегда можно послать за чашей с бриллиантами.

— Не знаю, — пробормотал я. — Ее мотивы весьма запутанны. Позволь мне самому управиться с этим делом.

— Пожалуйста. Я только предлагаю.

— Очевидно, следующим шагом должно стать ее пробуждение. Потом мы расскажем ей о наших предложениях и попытаемся оценить ее реакцию.

— Нельзя привести сюда еще кого-нибудь из твоих родственников?

— Я не хочу говорить о своем отъезде. Можно запросто нарваться на официальный запрет вплоть до возвращения Рэндома. А я не вправе терять время.

— Я мог бы обеспечить кое-какую поддержку со стороны Владений.

— Здесь? В Амбере? Тогда мне точно не выбраться из дерьма. Если Рэндом об этом пронюхает, он решит, что мы планируем заговор.

Мэндор улыбнулся.

— Я здесь чувствую себя как дома, — сказал он и повернулся к двери.

Войдя в комнату, я увидел, что Найда по-прежнему сидит в кресле, положив руки на колени. В нескольких футах от ее головы повис металлический шарик. Второй так же медленно катался кругами по полу.

Проследив мой взгляд, Мэндор заметил:

— Очень легкий транс. Она нас слышит. Если хочешь, можно в любую минуту ее разбудить.

Я кивнул и отвернулся. Наступала очередь Джасры.

Я снял с нее вещи и разложил их на стоящем рядом стуле. Затем взял тряпку, таз и вытер с ее лица клоунский грим.

— Что я забыл? — пробормотал я, обращаясь главным образом к самому себе.

— Стакан воды и зеркало, — напомнил Мэндор.

— Для чего?

— Она наверняка захочет пить, да и в зеркало пожелает посмотреться.

— Тут ты прав, — пробормотал я, подтягивая поближе маленький столик. Сверху я поставил кувшин, кубок и положил ручное зеркальце.

— Я бы на твоем месте ее поддержал, как только заклинание перестанет действовать. А то рухнет на пол.

— Верно.

Я прикоснулся к плечу Джасры и сразу же вспомнил о ее

смертельных укусах. Пришлось отойти на расстояние вытянутой руки.

— Если она меня цапнет, мне сразу конец, — сказал я. — Будь готов ко всяким неожиданностям.

Мэндор подбросил в воздух еще один металлический шарик. Он неправдоподобно долго провисел в самой верхней точке, после чего упал ему в руку.

— Ну вот, — пробормотал я и произнес снимающие заклинания слова.

Ничего драматического не произошло. Джасра действительно завалилась на бок, и мне пришлось ее подхватить.

— Ты в безопасности, — сказал я и добавил: — Ринальдо знает, что ты здесь. Вот кресло. Хочешь попить?

— Да, — произнесла она, и я дал ей воды.

Глаза ее шныряли по всем углам. Мне показалось, что Джасра сразу же пришла в себя и теперь тянула время, пытаясь разобраться в происходящем. Несколько раз взгляд ее задерживался на Мэндоре, потом она долго и оценивающе посмотрела на Найду.

Наконец колдунья поставила кубок и улыбнулась:

— Значит, я твоя пленница, Мерлин? — Голос ее сорвался, и она сделала еще один глоток.

— Гостья, — поправил я.

— Вот как? Что-то не помню никакого приглашения.

— Я доставил тебя сюда из Стража Четырех Миров в каталептическом состоянии.

— Где же находится это «сюда»?

— Мы во дворце Амбера, в моих апартаментах.

— Значит, все-таки пленница....

— Гостья, — повторил я.

— В таком случае меня следует представить, не так ли?

— Извини. Мэндор, позволь представить тебе ее высочество Джасру, королеву Кашфы. (Я умышленно пропустил слово «царствующую».) Ваше высочество, позвольте представить вам моего брата лорда Мэндора.

Королева склонила голову, Мэндор приблизился, опустился на одно колено и прикоснулся губами к ее руке. Ему всегда удавались такие жесты. Он даже не стал принюхиваться к пропахшей горьким миндалем коже.

Судя по тому, как она на него посмотрела, Джасре чрезвычайно понравились его манеры.

— Не знала, что при здешнем дворе есть человек по имени Мэндор, — заметила она.

— Мэндор является наследником герцогства Савалла во Владениях Хаоса, — пояснил я.

Глаза Джасры расширились.

— Так он, говоришь, твой брат?

— Именно так.

— Тебе удалось меня удивить, — призналась Джасра. — Я и забыла о твоих двойных связях.

Я улыбнулся, кивнул и отступил в сторону.

— А это...

— С Найдой я знакома, — остановила меня Джасра. — Чем девушка так... занята?

— Весьма запутанная история, — ответил я. — Уверен, что мы найдем множество более интересных тем.

Колдунья удивленно вскинула бровь:

— О! Это хрупкое, ускользающее понятие, которое мы называем словом «правда»!.. Когда она неожиданно всплывает на поверхность, наступает страх перед деталями. Чего тебе от меня надо?

Я сдержал улыбку.

— Детали следует уважать.

— Я отдаю должное тому, что, будучи в Амбере, я жива, не сижу в клетке, а нахожусь в обществе двух джентльменов, ведущих себя подобающим образом. Я также благодарна за то, что меня избавили от весьма неприятного положения, в котором, как свидетельствует моя память, я довольно долго пребывала. Должна ли я благодарить тебя за мое избавление?

— Да.

— И все же не могу поверить, что ты сделал это из человеколюбия.

— Я сделал это ради Ринальдо. Он пытался освободить тебя одним махом, но нарвался на неприятности. Тогда я придумал свою схему. Она и сработала.

При упоминании имени сына лицо Джасры напряглось. Мне показалось, что при ней не стоит звать его Люком. Матери приятнее слышать имя, которое дала ему она.

— С ним все в порядке?

— Да, — ответил я, надеясь, что так оно и есть.

— Почему тогда он не здесь?

— Он у Далта. Где именно, я не знаю. Однако...

В этот момент Найда издала тихий звук, и все взглянули в ее сторону. Но девушка даже не пошевелилась.

Мэндор вопросительно взглянул на меня, и я едва заметно покачал головой. Пробуждать ее было пока рано.

— Этот варвар оказывает на него дурное влияние, — заметила Джасра, поперхнулась и сделала еще один глоток. — Я так мечтала, чтобы Ринальдо приобрел побольше светских манер, вместо того чтобы мотаться в седле в обществе хамов!.. — про-

изнесла она, одарив Мэндора беглой улыбкой. — В этом отношении он меня разочаровал. Между прочим, найдется что-нибудь покрепче воды?

— Конечно. — Я выдернул пробку и налил в ее кубок вина. Не выпуская из руки бутылку, взглянул на Мэндора, но он отрицательно покачал головой. — Вместе с тем нужно признать, что, будучи второкурсником, он прекрасно выступил на соревнованиях по легкой атлетике против Калифорнийского университета, — добавил я, не давая ей возможности окончательно его принизить. — Этому он во многом обязан грубым сторонам своей жизни.

Джасра улыбнулась и приняла бокал.

— Да, тогда он побил мировой рекорд. До сих пор вижу, как он выходит на финальный круг.

— Ты там была?

— О, конечно! Я не пропускала ни одной вашей встречи. Даже помню, как ты бежал. Неплохо.

Она пригубила вино.

— Если угодно, я распоряжусь насчет обеда, — предложил я.

— Нет, я не голодна. Кажется, мы обсуждали тему истины...

— Совершенно верно. Полагаю, в Страже произошло столкновение между двумя волшебниками, тобой и Маской...

— Маской? — переспросила Джасра.

— Колдуном в голубой маске, который всем теперь там заправляет.

— О да. Так и было.

— Я правильно рассказываю?

— Правильно. Наша встреча закончилась кое для кого серьезными травмами. Он застиг меня врасплох, и я не успела вовремя выставить защиту. Вот, пожалуй, и все. Больше такого не повторится.

— Не сомневаюсь. Но...

— Ты выманил меня оттуда? Или тебе пришлось по-настоящему сразиться с Маской за мое освобождение?

— Мы дрались, — сказал я.

— В каком состоянии ты его оставил?

— Я закопал его под кучей навоза.

— Изумительно! Обожаю людей с чувством юмора.

— Теперь мне надо туда вернуться, — добавил я.

— Зачем?

— Потому что Маска вступил в союз с моим врагом, человеком по имени Джарт, который жаждет моей смерти.

Джасра едва заметно пожала плечами:

— Если Маска тебе не противник, не понимаю, чего ты боишься?

— Прошу прощения, — кашлянул Мэндор. — Джарт — оборотень и колдун, подготовленный во Владениях Хаоса. К тому же он обладает властью над Тенями.

— Это серьезно, — произнесла она.

— Не настолько, как им обоим того бы хотелось, — сказал я. — Судя по всему, Маска намерен провести Джарта через ритуал, который прошел твой покойный муж, — через Фонтан Энергии.

— Нет! — воскликнула Джасра, и остатки вина смешались со слюной Найды и старыми пятнами крови на тебризском ковре, приобретенном мной ради детально выписанной пасторальной сценки. — Подобное не должно повториться!

Настоящая буря пронеслась по ее лицу. В первый раз за все время она выдала свою уязвимость.

— Я потеряла его... из-за этого ритуала, — произнесла колдунья.

В следующую секунду к ней вернулась обычная твердость.

— Я не допила вино, — заметила она, садясь на место.

— Я дам другой бокал, — сказал я.

— Это что, зеркальце? — спросила Джасра, глядя на стол.

Глава 11

Я ждал, а Джасра прихорашивалась, поглядывая при этом в окошко на падающий снег и пытаясь украдкой дотянуться до Люка или Корэл. Ничего, однако, не получалось. Наконец она положила на стол одолженные у меня расческу и щетку. Я понял, что она привела в порядок не только волосы, но и мысли и готова к дальнейшему разговору. Я медленно повернулся и прошелся по комнате.

Некоторое время мы бесстрастно изучали друг друга, после чего Джасра произнесла:

— Кто-нибудь еще в Амбере знает, что ты разбудил меня?

— Нет.

— Хорошо. Значит, у меня есть шанс выбраться отсюда живой. Итак, ты хочешь, чтобы я помогла тебе справиться с Маской и Джартом?

— Да.

— Какой именно помощи ты от меня ждешь и чем готов за нее рассчитаться?

— Я хочу проникнуть в Страж Четырех Миров и нейтрализовать Джарта и Маску.

— Нейтрализовать? Так теперь называется убийство?

— Не исключаю и крайних мер, — произнес я.

— Амбер никогда не славился щепетильностью, — заметила Джасра. — На вас сильно повлияла американская журналистика... Значит, ты понял, что я знакома со Стражем, и хочешь, чтобы я помогла тебе прикончить этих типов? Так?

Я кивнул:

— Ринальдо говорил мне, что, если мы опоздаем и Джарт успеет пройти ритуал до нашего прибытия, ты сумеешь с ним справиться при помощи той же силы.

— Он прочел больше, чем я предполагала, — проворчала Джасра. — Ладно, есть смысл быть с тобой откровенной, в конце концов от этого могут зависеть наши жизни. Так вот, подобная техника действительно существует. Но нам она пользы не принесет. Необходимо провести определенную подготовительную работу. Я не смогу взять и сделать это сразу.

Мэндор прочистил горло.

— Я бы не хотел, чтобы Джарта убили, если есть хоть какая-то возможность взять его в плен и доставить во Владения. Надо попытаться привести его в чувство. Может, удастся нейтрализовать Джарта без того, чтобы в самом деле... нейтрализовать его в том смысле, как понимаешь ты.

— А если такой возможности нет?

— Тогда я помогу тебе его прикончить. Я не питаю на сей счет никаких иллюзий, но попробовать мы обязаны. Боюсь, что известие о его смерти выведет нашего отца из себя.

Я отвернулся. Тут он скорее всего прав. Несмотря на то что смерть старого Савалла автоматически делала Мэндора наследником титула и предоставляла огромные возможности, я был уверен, что он не стремится заполучить желаемое такой ценой.

— Понимаю. Об этом я как-то не подумал.

— Так что дайте мне шанс с ним поработать. Если у меня ничего не выйдет, я помогу вам сделать все, что надо.

— Согласен, — кивнул я, наблюдая за реакцией Джасры.

Она следила за нашей беседой, удивленно подняв брови.

— Нашего отца? — переспросила колдунья.

— Да, — ответил я. — Я не хотел об этом говорить, но раз уж так вышло... Джарт — наш младший брат.

Глаза Джасры сверкнули. Похоже, она почувствовала нашу слабинку.

— Значит, это внутрисемейная борьба за власть?

— Думаю, можно сказать и так, — ответил я.

— Не совсем, — возразил Мэндор.

— Ваша семья занимает во Владениях важное положение?

Мэндор пожал плечами. Я сделал то же самое. Мне показалось, что Джасра пытается содрать что-нибудь и с него, и решил любой ценой этому воспрепятствовать.

— Вернемся к делу, — сказал я. — Предлагаю отправиться в Страж и принять вызов Маски. Если Джарт станет нам мешать, мы его скрутим и передадим Мэндору. Если он не подчинится, придется идти до конца. Ты с нами?

— Мы еще не говорили о цене, — сказала Джасра.

— Хорошо, — кивнул я. — Я обсуждал этот вопрос с Ринальдо, и он просил передать тебе, что он прекращает вендетту. Ринальдо говорит, что со смертью Кейна вопрос с Амбером улажен. Он попросил освободить тебя в том случае, если ты пойдешь с нами, и предложить в благодарность за помощь Страж Четырех Миров. Но это, как он выразился, предел. Что скажешь?

Джасра подняла кубок и сделала большой и долгий глоток. Я не сомневался, что она постарается выкрутить из этого дела побольше.

— Ты говорил с Ринальдо недавно? — уточнила она.

— Да.

— Я не совсем поняла, почему он убежал с Далтом, вместо того чтобы быть здесь, с нами, если это все так согласуется с его планами.

— Ладно, расскажу, — вздохнул я. — Но если ты с нами, я бы хотел поскорее выбираться.

— Продолжай.

Я поведал о нашем вечернем приключении в Арденах, упустив только то, что Вайол взяла Люка под свою защиту. По мере моего повествования Найда все больше мрачнела, а под конец начала издавать жалобные, хныкающие звуки.

Когда я закончил, Джасра оперлась на руку Мэндора, поднялась, слегка толкнув его бедром, и подошла к Найде.

— Теперь объясните, почему вы держите здесь дочь видного государственного деятеля Бегмы?

— В нее вселился демон, которому нравится вмешиваться в мои дела.

— Вот как? Бывают же увлечения у демонов! — насмешливо заметила Джасра. — Мне кажется, что этот демон хочет сказать нечто, представляющее для меня интерес. Если вы позволите нам немного побеседовать, я обещаю подумать о вашем предложении.

— У нас мало времени, — напомнил я.

— В таком случае я отказываюсь. Заприте меня и отправляйтесь в Страж сами.

Я посмотрел на Мэндора.

— По-моему, вреда не будет, — пожал он плечами.

— Тогда пусть говорит, — сказал я.

— Можешь говорить, ти'ига, — разрешил Мэндор.

Как бы то ни было, первые слова Найды были обращены ко мне:

— Мерлин, ты должен разрешить мне сопровождать тебя.

Я подошел ближе, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Ни за что!

— Но почему?

— Потому что твое стремление помочь выйдет мне боком, когда дойдет до серьезного дела.

— Но по-другому я не могу, — пробормотала она.

— Я тоже, — отрезал я. — Я не желаю тебе зла. Переговорим, когда все закончится. Сейчас ты должна побыть здесь.

Джасра хмыкнула:

— Это все? Или хочешь сказать что-нибудь и мне тоже?

Наступило долгое молчание, после чего Найда произнесла:

— А вы пойдете с ними?

Джасра ответила не сразу; было видно, что она взвешивает каждое слово.

— Это тайная личная операция. Я не уверена, что она получила бы одобрение со стороны руководства Амбера. Не спорю, в случае успеха я кое-что приобретаю, но вместе с тем я подвергаю себя огромному риску. Конечно, я хочу обрести свободу и власть над Стражем. Условия почти справедливы. Но он требует также прекратить вендетту. Какие у меня гарантии, что его слова что-либо здесь значат? И что меня не станут преследовать как нарушителя спокойствия? Он не может говорить за других, когда сам не решается действовать в открытую.

Реплика Джасры походила скорее на обращенный ко мне вопрос, причем на такой, на который у меня не было ответа. Поэтому я был рад, когда ти'ига вдруг сказала:

— Полагаю, что смогу убедить вас в необходимости этого путешествия и в том, что вы должны оказывать этим людям всяческую поддержку.

— Начинайте, — проворчала Джасра.

— На эту тему я бы хотела переговорить с вами наедине.

— Не возражаю. — Обожающая интриги Джасра не смогла скрыть улыбку.

— Мэндор, заставь ее сказать это сейчас, — потребовал я.

— Подожди! — воскликнула Джасра. — Я переговорю с ней наедине, или вы можете забыть о моей помощи.

Я начал задумываться о том, насколько действительно полезной может оказаться Джасра, если она не сумела даже использовать Фонтан, чтобы избавиться от Джарта. Страж она, безусловно, знала, но какая из нее колдунья, я не имел понятия.

С другой стороны, мне не хотелось терять лишнего союзника.

— Послушай, Найда, — произнес я. — Планируешь ли ты сделать что-то во вред Амберу?

— Нет, — покачала головой она.

— Мэндор, чем клянутся ти'ига?

— Они никогда не клянутся, — ответил он.

— Черт! — выругался я. — Сколько тебе надо времени?

— Дай мне десять минут.

— Пойдем прогуляемся, — сказал я Мэндору.

— Конечно, — согласился он, бросая в сторону Найды еще один металлический шарик. Шарик закружился вокруг нее на уровне талии.

Прежде чем выйти, я вытащил ключ из ящика стола. В коридоре я спросил Мэндора:

— Есть ли у Джасры способ ее освободить?

— После того как я выставил еще один уровень защиты — нет. Не многие сумеют его обойти, тем более за десять минут.

— Проклятая ти'ига что-то замыслила, — проворчал я. — Невольно задумаешься, кто здесь пленник.

— Она всего-навсего пытается склонить на нашу сторону Джасру. Найда хочет, чтобы Джасра нас сопровождала, поскольку это означало бы твою дополнительную защиту.

— Тогда почему нельзя было сказать этого при нас?

— Понятия не имею, — покачал головой Мэндор.

— Ладно, поскольку у меня выдались несколько бедных минут, я бы хотел провернуть одно дельце. Присмотри за ситуацией — на случай, если она закончит раньше, чем я вернусь, ладно?

— Если заглянет кто-нибудь из твоих родственников, следует ли мне представляться лордом Хаоса?

— По-моему, ты еще и лорд обмана.

— Естественно, — произнес Мэндор, хлопнул в ладоши и растворился.

— Я быстро, — успел сказать я.

— Удачи! — донеслось из пустоты.

Я торопливо пересек зал. Мне предстояло небольшое паломничество, которого я не позволял себе уже давно. Накануне такого мероприятия оно показалось мне весьма уместным.

Дойдя до двери, я замер, прикрыл глаза и представил внутреннее убранство таким, каким я видел его в последний раз. Это были апартаменты моего отца. Мне часто приходилось здесь бывать, и каждый раз, глядя на мебель, обстановку, книжные полки и причудливые коллекции, я пытался узнать об этом

человеке что-то новое. Всегда находилась какая-нибудь мелочь, которая привлекала мое внимание, ставила передо мной очередной вопрос или отвечала на предыдущий. Этим могла оказаться надпись на закладке или пометка на полях книги, серебряная расческа с неведомыми инициалами, дагерротип очаровательной брюнетки с надписью: «Дорогому Карлу от Каролины», моментальный снимок, на котором мой отец пожимает руку генералу Макартуру[1]...

Я отпер и толкнул дверь.

Несколько секунд я не двигался, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Потом некоторое время прислушивался, но изнутри не доносилось ни звука. Тогда я медленно переступил порог. У дальней стены на комоде горело несколько свечей. Никого не было видно.

— Эй! — позвал я. — Это я, Мерлин.

Ответа не последовало.

Я прикрыл за собой дверь и вошел внутрь. На комоде между свечей возвышалась цветочная ваза с единственной розой, показавшейся мне серебряной. Я приблизился. Цветок оказался настоящим, не искусственным. При этом роза действительно была серебряной. В какой Тени растут такие цветы?

Я поднял свечу в подсвечнике и, прикрывая пламя рукой, пошел вперед. Повернув налево, я попал в соседнюю комнату. Едва ступив на порог, я понял, что свеча мне не понадобится. В комнате уже горело несколько свечей.

— Эй! — снова позвал я.

Как и в предыдущий раз, ответа не последовало.

Я поставил подсвечник на ближайший столик и подошел к кровати. Приподняв полог, я тут же его опустил. На покрывале лежали серебряная рубашка и черные брюки — любимые цвета отца. Во время последнего моего визита их здесь не было.

Я присел на кровать и уставился в противоположный темный угол комнаты. Что происходило? Странный домашний ритуал? Привидения? Или...

— Корвин? — позвал я.

Ответа я не ожидал, так что не сильно и разочаровался. Зато поднимаясь, я треснулся головой о висящую на спинке кровати тяжеленную штуковину. Протянув руку, я нащупал пояс с мечом в ножнах. Прошлый раз его тоже тут не было.

Потянув за рукоятку, я обнажил клинок. В свете свечей на сером металле запрыгало отражение Огненного Пути. Я держал в руках Грейсвандир, отцовский меч. Как он снова здесь оказался, я не имел ни малейшего понятия.

[1] Дуглас Макартур (1880—1964) — американский генерал, во Второй мировой воине командовал американскими войсками на Дальнем Востоке.

С болью в сердце я осознал, что мне никогда этого и не узнать, поскольку пора было возвращаться к собственным проблемам. Время определенно работало против меня.

Я вложил Грейсвандир в ножны.

— Отец? Если ты меня слышишь... Я хочу, чтобы мы снова были вместе. Но сейчас мне надо идти. Удачи тебе во всем, чем бы ты ни был занят.

Затем я вышел из комнаты, дотронулся по пути до серебряной розы и запер за собой дверь. Только тогда я заметил, что весь дрожу.

На обратном пути мне никто не встретился. Подойдя к своим апартаментам, я подумал, следует ли мне подождать, постучаться или просто войти.

Кто-то притронулся к моему плечу, но, когда я обернулся, в коридоре никого не было. В следующее мгновение у двери появился нахмурившийся Мэндор.

— Что случилось? — спросил он. — Ты не был таким озабоченным, когда мы расстались.

— Происходит невероятное, — произнес я. — Что там у них?

— Как только ты ушел, я услышал крик Джасры, — сказал Мэндор. — Я распахнул дверь, но она рассмеялась и потребовала оставить их наедине.

— Или ти'ига умеет рассказывать смешные истории, или все идет действительно хорошо.

— Похоже.

Немного погодя дверь открылась, и Джасра пригласила нас в комнату. Выглядела она гораздо веселее, чем когда мы уходили. Возле глаз то и дело собирались смешливые морщинки, и мне показалось, что временами ей едва удается сдержать улыбку.

— Надеюсь, беседа была плодотворной, — произнес я.

— В целом да, — ответила Джасра.

Ни поза, ни выражение лица Найды не изменились.

— Теперь я должен узнать твое решение. Больше терять время я уже не могу.

— Что произойдет, если я откажусь? — поинтересовалась колдунья.

— Мне придется выделить тебе специальную комнату и проинформировать всех, что ты вернулась.

— В качестве гостьи?

— В качестве очень хорошо охраняемой гостьи.

— Понятно. Ладно, я даже не стану смотреть эту комнату. Я решила поехать с вами и помочь вам на оговоренных условиях.

Я поклонился.

— Мерлин! — позвала Найда.

— Нет! — отрезал я и взглянул на Мэндора.

— Тебе лучше поспать, — промолвил он.

Глаза девушки тут же закрылись, плечи поникли.

— Где она сможет хорошенько отдохнуть?

— Вон там, — сказал я, указывая на дверь в спальню.

Мэндор взял Найду за руку и вывел из комнаты. Спустя некоторое время раздался его приглушенный голос, затем все стихло. Вскоре после этого Мэндор вернулся, а я подошел к двери и заглянул в спальню. Найда вытянулась на моей кровати. Металлических шаров видно не было.

— Она вышла из игры?

— И надолго, — бросил Мэндор.

Я посмотрел на прилипшую к зеркальцу Джасру.

— Ты готова?

Она взглянула на меня через опущенные ресницы:

— Как ты собираешься нас транспортировать?

— Есть ли у тебя особые способы проникновения?

— Сейчас нет.

— Тогда я вызову Призрачное Колесо.

— Ты уверен, что это не опасно? Мне доводилось общаться с этим... прибором. По-моему, не стоит ему доверять.

— Не беспокойся. Может, хочешь запустить предварительные заклинания?

— Нет необходимости.

— Мэндор?

Откуда-то из глубин его плаща донесся щелкающий звук.

— Готов, — произнес он.

Я вытащил карту Колеса и приступил к созерцанию и медитации. Потом потянулся.

Ничего не произошло. Я попытался еще раз. Я вызывал, настраивался, вытягивался. Снова и снова...

— Дверь, — произнесла Джасра.

Я бросил взгляд на ведущую в коридор дверь, но ничего необычного не заметил. Тогда я опять посмотрел на Джасру и увидел, что она смотрит в другую сторону.

Дверь в спальню, где отдыхала Найда, светилась чистым желтым светом. В центре обозначилось более яркое пятно. Неожиданно оно задрожало и начало двигаться сверху вниз.

Затем, непонятно откуда, раздалась музыка, и голос Призрака объявил:

— Следуй за шаром.

— Останови его! — потребовал я. — За ним не уследишь!

Музыка стихла.

— Извини, — пробурчал Призрак. — Думал, тебе понравится моя шутка.

— Ты ошибся, — ответил я. — Доставь нас в Страж Четырех Миров.

— Тебе нужны войска? Я нигде не могу найти Люка.

— Нет, перенеси только нас троих.

— А кто это спит в соседней комнате? Я видел ее раньше, но она до конца не просматривается.

— Знаю. Это не человек. Пусть спит.

— Понятно. Ладно, тогда проходите в дверь.

— Пошли, — сказал я остальным, застегнул пояс с оружием, повесил на него запасной кинжал и набросил на плечи плащ.

Мэндор и Джасра двинулись за мной. Я подошел к порогу, но комната уже исчезла. Вместо нее передо мной простиралась сумрачная долина, небо было затянуто тучами, холодный, злой ветер трепал полы моей одежды.

Я услышал, как изумленно воскликнул Мэндор, спустя мгновение донесся возглас Джасры. Справа от меня лежало белое, как кость, обледенелое поле, слева бушевали серые волны — белые гребни клубились будто змеи в молочном чане. Прямо передо мной, насколько хватал глаз, дымилась темная земля.

— Призрак! — крикнул я. — Ты где?

— Здесь, — негромко отозвался он.

Взглянув вниз, я увидел у левого сапога крошечный шарик света.

В отдалении чернел Страж. Никаких признаков жизни у стен. Я понял, что нахожусь в горах, неподалеку от того места, где состоялась моя беседа с отшельником по имени Дэйв.

— Я хотел, чтобы ты перенес нас внутрь Стража. Почему ты доставил нас сюда?

— Я тебе уже говорил, это место мне не нравится, — ответил Призрак. — Осмотрись и скажи точно, куда ты хочешь попасть. Тогда я переброшу тебя мгновенно и не подвергнусь длительному воздействию разрушительных сил.

Я продолжал изучать Страж Четырех Миров. У внешних стен кружились два смерча. Они вполне заменяли крепостной ров. Смерчи располагались под углом в сто восемьдесят градусов по отношению друг к другу и поочередно раскалялись. Ближайший набирал сияние от разрядов молний, пока не начинал светиться ослепительным, жутким светом. Затем он тускнел, и яркость начал набирать второй смерч. На моих глазах они несколько раз поменялись местами.

Джасра едва слышно кашлянула, и я взглянул на нее.

— Что происходит?

— Идет ритуал, — прошептала она. — Кто-то прямо сейчас играет с первородными силами.

— Сумеешь определить, как далеко они зашли?

— Нет. Могли только начать, а может, уже заканчивают. Судя по полярности огня, все делается правильно.

— Решай сама, Джасра, — сказал я. — Где именно нам следует появиться?

— К залу с Фонтаном ведут два длинных коридора. Один на нижнем уровне, второй — этажом выше. Сам зал занимает несколько этажей.

— Припоминаю...

— Если мы появимся прямо в зале в момент, когда они работают с силами Фонтана, эффект неожиданности окажется слишком краток. Враг успеет нанести удар, хотя не берусь утверждать, какой именно. Поэтому нам лучше подобраться по одному из коридоров, чтобы я смогла оценить ситуацию. Поскольку в нижнем коридоре они заметят нас почти наверняка, будет лучше, если мы попадем в верхний.

— Хорошо, — согласился я. — Призрак, сумеешь поместить нас в верхний коридор?

Шарик раздулся, подпрыгнул, поднялся в воздух и снова пропал.

— Вы уже... там, — произнес Призрак, и нас на мгновение окутало облако света. — Прощай.

Он оказался прав. На этот раз мы вышли прямо на цель. Мы находились в длинном, узком и темном коридоре с грубо обработанными каменными стенами. Дальний его конец терялся во тьме. В другом сиял свет.

Потолок был сработан из неотесанных бревен. Тяжелые перекрытия терялись за густой паутиной. В нишах тускло светились круглые волшебные фонари. Бледный голубоватый цвет указывал на то, что срок действия заклинания истекал. В некоторых местах фонари заменили факелами. Сверху доносилось непонятное шуршание, словно внутри потолка перетаскивали какую-то мелочь. Пахло сыростью и гнилью. Вместе с тем воздух был насыщен озоном и электричеством, как всегда бывает накануне серьезных событий.

Я перешел на Зрение Логруса, и все мгновенно прояснилось.

Повсюду тянулись силовые линии, напоминающие светящиеся желтые кабели. От них и исходил дополнительный свет. Каждый раз, когда я пересекал одну из трасс, в ушах начинало звенеть и покалывать. Джасра встала в точку пересечения нескольких линий и, как мне показалось, всасывала исходящую от них энергию.

Ее тело начало светиться, чего я скорее всего не заметил

бы в обычном режиме зрения. Взглянув на Мэндора, я увидел, что перед ним тоже завис Знак Логруса. Это означало, что он, как и я, видит все происходящее.

Джасра медленно пошла по коридору в сторону света. Я пристроился сзади и слева. За мной шел Мэндор. Двигался он практически бесшумно, и мне время от времени приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что он с нами.

Вскоре я начал ощущать некое дрожание, похожее на быстрое биение пульса. Шло оно через пол или передавалось через силовые линии, я понять не мог.

Больше всего меня волновало, может ли работающий с Фонтаном человек почувствовать наше присутствие и определить местонахождение по нарушению энергетического поля в коридоре.

— Начался ритуал? — шепотом спросил я у Джасры.

— Да.

— Давно?

— Похоже, главная фаза завершилась. — Через несколько шагов она поинтересовалась: — У тебя есть план?

— Если все так, как ты говоришь, то мы нападаем немедленно. Постараемся сразу же взять Джарта, если он стал таким опасным и могущественным.

Колдунья облизнула губы.

— Думаю, Джартом следует заняться мне, поскольку я связана с Фонтаном. Так что ты мне не мешай. Лучше возьми на себя Маску. Мэндора есть смысл оставить в засаде — на случай, если кому-нибудь из нас понадобится помощь.

— Я не против. Мэндор, ты слышал?

— Слышал, — негромко ответил он. — Сделаю, как она сказала... А что произойдет, если я уничтожу сам Фонтан?

— Думаю, это невозможно, — произнесла колдунья.

Мэндор хмыкнул, и я понял, по какому опасному руслу потекли его мысли.

— Польсти мне. Представь, что я это сделал.

Помолчав, Джасра ответила:

— Если сумеешь заткнуть его хотя бы ненадолго, цитадель скорее всего рухнет. Я использовала Фонтан для поддержания здания в порядке. Строение очень старое, у меня никогда не доходили руки подправить все, что надо. Так или иначе, на его разрушение потребуется море энергии, которую разумнее использовать по-другому.

— Спасибо, — пробурчал он.

Джасра остановилась, протянула руку над одной из линий и замерла, словно считала пульс.

— Очень сильно, — пробормотала она спустя некоторое время. — Кто-то работает на глубоком уровне.

Затем она снова двинулась вперед.

Временами свет в конце коридора тускнел, потом становился ярче. Соответственно тени то густели, то отступали. Послышался новый звук, напоминающий гудение высоковольтных проводов. Одновременно донесся громкий треск. Я ускорил шаг, поскольку Джасра уже бежала. В этот момент впереди нас раздался хохот. Выход из коридора потонул в ослепительной вспышке пламени.

— Проклятье, проклятье, проклятье, — забормотала Джасра и вскинула руку.

Отсюда было хорошо видно то место, где мы встречались с Маской в последний раз. Фракир стиснула мое запястье. Я остановился, а Джасра медленно пошла вперед, пока не приблизилась к перилам. Вправо и влево спускались лестницы, заканчивающиеся в огромном зале.

Неожиданно Джасра прыгнула вправо и приземлилась на кувырок. Похожий на комету огненный шар врезался в то место, где она только что стояла, и вырвал кусок железных перил. Я кинулся к Джасре и попытался поднять колдунью за плечи.

Тело ее напряглось, она едва заметно качнула головой влево. Поворачиваясь в ту сторону, я уже знал, что увижу.

Рядом с нами, совершенно голый, если не считать повязки на глазу, стоял Джарт, улыбаясь и сияя от переполнявшей его пульсирующей энергии.

— Рад, что ты заскочил, брат. Жаль только, что не сможешь остаться.

Он протянул руку, и с пальцев его посыпались искры. Мне показалось, что о рукопожатии речь идти не может.

— У тебя шнурок развязался, — произнес я, ибо ничего другого в голову не пришло.

Конечно, Джарта это не остановило, но на пару секунд он растерялся.

Глава 12

Джарт никогда не играл в американский футбол. Он не ожидал, что я кинусь на него, а тем более пройду на таком низком уровне. И я это знал.

Хватая родственничка за ноги чуть выше коленей и опрокидывая его в образовавшуюся в перилах дыру, я был уверен, что Джарт испытывает сейчас удивление. Выглядел он и впрямь

растерянно. Джарт рухнул в пролом спиной вниз, в то время как с пальцев его продолжали сыпаться искры.

Когда он пролетел половину расстояния, Джасра захихикала. Перед самым полом Джарт растворился.

Краем глаза я заметил, что Джасра поднялась на ноги.

— Теперь им займусь я, — проворчала она. — Не волнуйся. Он неуклюжий. Возьми на себя Маску! — добавила Джасра, увидев, что Джарт появился на лестнице справа от нее.

Маска стоял на противоположной стороне выложенного черным камнем бассейна и разглядывал меня через гейзер оранжево-красного пламени. Ниже, у самого основания, пламя приобретало желто-белый отсвет. Зачерпнув пригоршню огня, колдун слепил сияющий синий шар и швырнул его в меня.

Я отбил шар при помощи простейшей защиты. Он не пользовался Искусством — так, работал с элементарными энергиями. Тем не менее меня прилично тряхнуло. Джасра исполнила целую серию ложных движений, подобралась к Джарту и снова спихнула его с лестницы.

Не Искусство... Очевидно, любой, кому выпадала роскошь пожить рядом с таким мощным источником энергии, со временем терял форму и ограничивался в работе примитивной техникой и базовыми заклинаниями, наполняя их, однако, океаном энергии. Получалось, что даже самый неподготовленный и ленивый человек получал выход на первородные силы и становился своего рода шаманом. Между тем Высшая Магия требовала сбалансированных уравнений, чистоты и максимального результата при минимальных затратах энергии.

Джасра это знала; наверняка она проходила подготовку в других местах. И это хорошо, решил я, отбивая еще один огненный шар.

Не сводя глаз с Маски, я принялся боком спускаться по лестнице, готовясь в любую секунду нанести удар или отразить нападение.

Перила под моей рукой засветились, а потом вспыхнули ярким пламенем. Я сбился с темпа, но продолжал спускаться. На такое не стоит даже тратить заклинания. Сплошная показуха...

Очевидно, меня ждет сюрприз, подумал я, увидев, что Маска не собирается больше кидаться.

А может, проверка? Очевидно, мой противник хотел узнать, научился ли я черпать энергию из Фонтана или стану биться с ним при помощи ограниченного набора заклинаний. Ну и хорошо. Пусть помучается. Несколько заклинаний против безбрежного океана энергии.

Совершенно неожиданно слева и вверху от меня на подо-

коннике появился Джарт. Он не успел даже нахмуриться, как на него обрушилась вспыхнувшая гардина. Спустя мгновение и Джарт и гардина исчезли, я услышал хохот Джасры и проклятия Джарта, за которыми последовал шум падения на другой стороне зала.

Едва я опустил ногу на очередную ступеньку, как она пропала. Подозревая иллюзию, я продолжал вытягивать ногу, пока не дотянулся до следующей ступеньки, которая тоже исчезла. Маска засмеялся, и я прыгнул вниз, чтобы уйти с линии атаки.

Едва я оказался в воздухе, лестница восстановилась, и ступеньки замелькали у меня перед глазами.

Я не сомневался, что Маска пытается выяснить, не связан ли я со здешним источником энергии. Если да, я выдал бы это чисто рефлекторно. А если нет, подобный трюк мог вынудить меня потратить спасительное заклинание.

Я попытался оценить дистанцию до невидимого пола. Если ступеньки не исчезнут, я постараюсь схватиться за следующую, немного повишу, а потом спрыгну. Это будет совершенно безопасно. Но если я промахнусь или ступенька исчезнет... Все равно ничего страшного. Почему-то я был в этом уверен.

Я ухватился за ступеньку, сорвался и полетел дальше, повторяя слова заклинания, которое я называю «Падающая Стена».

Фонтан дрогнул. Потоки огня затихли, потом забурлили вновь, вода выплеснулась из бассейна, и в следующую секунду Маска свалился на пол.

Он беспомощно вытягивал руки, словно желая защититься от каскада падающего сверху вихревого сияния. Между ладонями у него возникла яркая дуга, напоминающая полукруглый купол. Он вытянул щит перед собой, пытаясь спастись от раздавливающей мощи моего заклинания. Я стремительно кинулся к нему.

В это мгновение на кромке бассейна непосредственно над Маской появился Джарт. Он смерил меня испепеляющим взглядом. Прежде чем я успел вытащить меч или произнести очередное заклинание, Фонтан ударил вверх, мощная волна сбила Джарта с ног и унесла к подножию другой лестницы, по которой медленно спускалась Джасра.

— Умение перемещаться само по себе ничего не значит, — проворчала она, — если ты везде ведешь себя как дурак.

Джарт зарычал и вскочил на ноги.

— И ты, брат? — произнес он, глядя поверх Джасры.

— Я здесь, чтобы спасти тебя, если это еще возможно, — ответил Мэндор. — Предлагаю тебе вернуться со мной и...

В ответ Джарт издал нечленораздельное блеяние, после чего дико выкрикнул:

— Я не нуждаюсь в твоем покровительстве! Ты совсем сдурел, если доверился Мерлину. Ты стоишь на его пути к власти!

Целая серия похожих на дым сияющих колец вылетела из рук Джасры и опустилась на тело Джарта. Он тут же исчез, и спустя мгновение его крики донеслись с другого места.

Я продолжал наступать на Маску, которому удалось защититься от Падающей Стены. Он вскочил, но я произнес заклинание Ледяной Тропы, и ноги его беспомощно разъехались в стороны. Да, я собирался биться с его океаном энергии при помощи небольшого набора заклинаний. Это я называю уверенностью в себе. Маска обладает силой. Зато у меня есть план и есть возможности для его осуществления.

Из мощеного пола вылез булыжник и с треском разорвался на мелкие части. Свистящая картечь полетела в мою сторону. Я выкрикнул слово «сеть» и взмахнул рукой. Осколки сбились в плотную кучу и обрушились на так и не сумевшего подняться на ноги Маску.

— Мне до сих пор непонятно, из-за чего мы деремся, — произнес я. — Это ведь ты все затеял. Я еще могу...

На мгновение Маска замер, потом погрузил левую руку в сияющую лужу света, а правую вытянул в мою сторону. Лужа тут же исчезла, а из правой ладони Маски, как из шланга, забил огненный душ.

К этому я был готов. Если в Фонтане был огонь, значит, оболочку сделали из несгораемого материала.

Я спрятался с другой стороны темного сооружения, используя его словно щит.

— Слушай, — крикнул я, — если мы будем бить изо всей силы, один из нас погибнет. В этом случае кто бы ни проиграл, я не смогу выяснить, из-за чего ты на меня ополчился. Что я тебе сделал?

В ответ с противоположной стороны Фонтана раздался смех, а пол задрожал под моими ногами.

Откуда-то справа, со стороны уцелевшей лестницы, донесся голос Джарта:

— Везде, значит, веду себя как дурак? И здесь тоже?

Я посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как он схватил Джасру и навалился на нее всем телом.

Спустя мгновение Джасра опустила голову и прикоснулась губами к его предплечью. Джарт дико завизжал, и она швырнула его вниз.

Я ползком пробрался на правую оконечность Фонтана, стараясь не касаться зазубренных краев разломанного пола, ко-

торые так и норовили поранить меня, дергаясь по указанию Маски.

— Джарт из игры выбыл, — заметил я. — Так что ты остаешься один против нас троих. Соглашайся на мир, и я позабочусь, чтобы тебе сохранили жизнь.

— Троих, говоришь? — раздался бесцветный, хриплый голос. — Без помощи, значит, уже не можешь?

— Для меня это не игра, — произнес я. — Может быть, для тебя игра, а для меня — нет. И я не собираюсь следовать твоим правилам. Соглашайся на мир, или я тебя прикончу — с помощью или без помощи, как получится.

Над головой моей мелькнуло что-то темное. Я отскочил в сторону, и Джарт, парализованный ядовитым укусом Джасры, свалился с лестницы прямо в Фонтан.

— У тебя свои друзья, лорд Хаоса, а у меня свои, — произнес Маска, в то время как Джарт жалобно стонал и наливался светом.

Неожиданно пол затрясся, и Маска взвился в воздух. Фонтан затих, из образовавшегося в полу нового отверстия вырвался столб пламени, на вершине которого Маска вознесся к потолку.

— И враги, — заметила Джасра, подходя ближе.

Маска распростер руки и ноги и поплыл в воздухе, стремительно обретая контроль за направлением полета. Я вскочил и отошел от Фонтана подальше. В эпицентре геологических катаклизмов трудно нащупать правильную линию поведения.

Из заглохшего Фонтана донеслось непонятное шуршание и треск, к которому присоединился тонкий вой. Между колонн пронесся легкий ветерок. Огненная башня, на вершине которой застыл Маска, продолжала медленно кружиться, ослабевшие струи Фонтана изогнулись.

Джарт пошевелился, застонал и поднял правую руку.

— И враги, — согласился Маска и исполнил серию движений, которые я сразу же узнал, так как потратил на их изучение немало времени.

— Джасра! — крикнул я. — Будь осторожна, здесь Шару!

Джасра сделала три стремительных шага влево и улыбнулась. Вырвавшаяся из-под потолочных перекрытий молния ударила в то место, где она только что стояла. Все вокруг потемнело.

— Он всегда начинает с молнии, — проворчала Джасра. — Предсказать его действия нетрудно.

Она резко развернулась и исчезла, послышался звук разбившегося стекла.

Я тут же посмотрел туда, где стоял старик, на правой ноге

которого была выцарапана надпись «РИНАЛЬДО». Теперь колдун прижался к стене, прикрыл одной рукой лоб, а второй выписывал простое и мощное охранное заклинание.

Я хотел крикнуть Мэндору, чтобы он вывел старикана из зала, но Маска обрушил на меня заклинание Клаксона, от которого я на время оглох и кровеносные сосуды в носу разорвались.

Я сгруппировался и покатился по полу, чтобы поднимающийся Джарт оказался между мной и зависшим в воздухе колдуном. Джарт блевал, стараясь оправиться после укуса Джасры. Пришлось двинуть его кулаком в живот.

Ошибка. От прикосновения к его телу меня всего передернуло, удар оказался сродни мощному электрошоку. Джарт сумел даже рассмеяться, когда я рухнул на пол.

— Теперь он твой, — раздался его хриплый голос.

Краем глаза я видел, что Джасра и Шару Гаррул вцепились в края огромного макраме, сплетенного из кабелей. Провода пульсировали и меняли цвет; я знал, что представляют они собой скорее энергию, а не предметы материального мира, и видеть их можно только при помощи Зрения Логруса, которым я продолжал пользоваться.

Пульсация стала чаще, противники опустились на колени, лица их заблестели от пота. Чтобы нарушить равновесие, мне достаточно было произнести единственное слово или сделать нужный жест. К несчастью, я не мог разобраться со своими проблемами. Маска наступал на меня, как огромное насекомое — бесстрастное, мерцающее, смертоносное. Передняя стенка Фонтана разрушилась, черные трещинки молниями побежали по поверхности, изнутри доносился скрежет. Я видел, как за спиральными огнями опускаются на пол тучи пыли, слышал рычащие и ноющие звуки, заглушаемые лишь звоном в ушах, ощущал мощную вибрацию пола под онемевшими ногами. Но это меня не волновало. Я поднял левую руку, а правая скользнула в карман плаща.

Огненное лезвие возникло в правой руке Маски. Я не пошевелился и выждал лишнюю секунду, прежде чем произнести ключевые слова к моему заклинанию под названием «Фантазия для шести ацетиленовых горелок». В лицо мне полетел огненный клинок, пришлось выдернуть руку, прикрыть глаза и откатиться в сторону.

Лезвие ударило рядом, вырвав кусок каменной стены. Маска тут же ткнул меня локтем в бок, едва не сломав нижние ребра. Я не стал терять время на оценку повреждений, поскольку он с лязгом выдернул огненный меч из каменной стены. Развернувшись, я воспользовался стандартным мирским ору-

жием и всадил стальной кинжал по самую рукоятку в левую почку Маски.

Колдун издал дикий вопль, оцепенел и рухнул на пол. В то же мгновение кто-то нанес страшный удар по моему правому бедру. Я метнулся в сторону, и следующий удар пришелся в плечо. Не сомневаюсь, что целились в голову. Прикрыв руками виски и шею, я откатился в сторону и услышал, как Джарт выругался.

Вытащив шпагу, я поднялся на ноги и посмотрел ему в глаза. Он тоже поднялся с пола, держа на руках Маску.

— Позже, — произнес Джарт и исчез, унося с собой тело. Голубая маска осталась лежать на полу рядом с большой лужей крови.

Джасра и Шару по-прежнему стояли на коленях, испепеляя друг друга взглядами, тела их взмокли, а жизненные силы переплелись, как спаривающиеся змеи.

Джарт появился у Фонтана внезапно, словно выскочившая на поверхность рыба.

Мэндор метнул два шара. Они перелетели через весь зал, невероятно выросли в размерах и врезались в Фонтан, разрушив его до основания. Я увидел то, чего никогда не надеялся увидеть.

Грохот от развалившегося Фонтана прокатился по всему залу, гудение и скрип в стенах сменились треском, все вокруг закачалось, посыпались бревна и перекрытия. Я двинулся вперед, прикрывая лицо плащом и выставив перед собой шпагу. Я огибал обломки и возникающие повсюду гейзеры и фонтаны сияющей энергии.

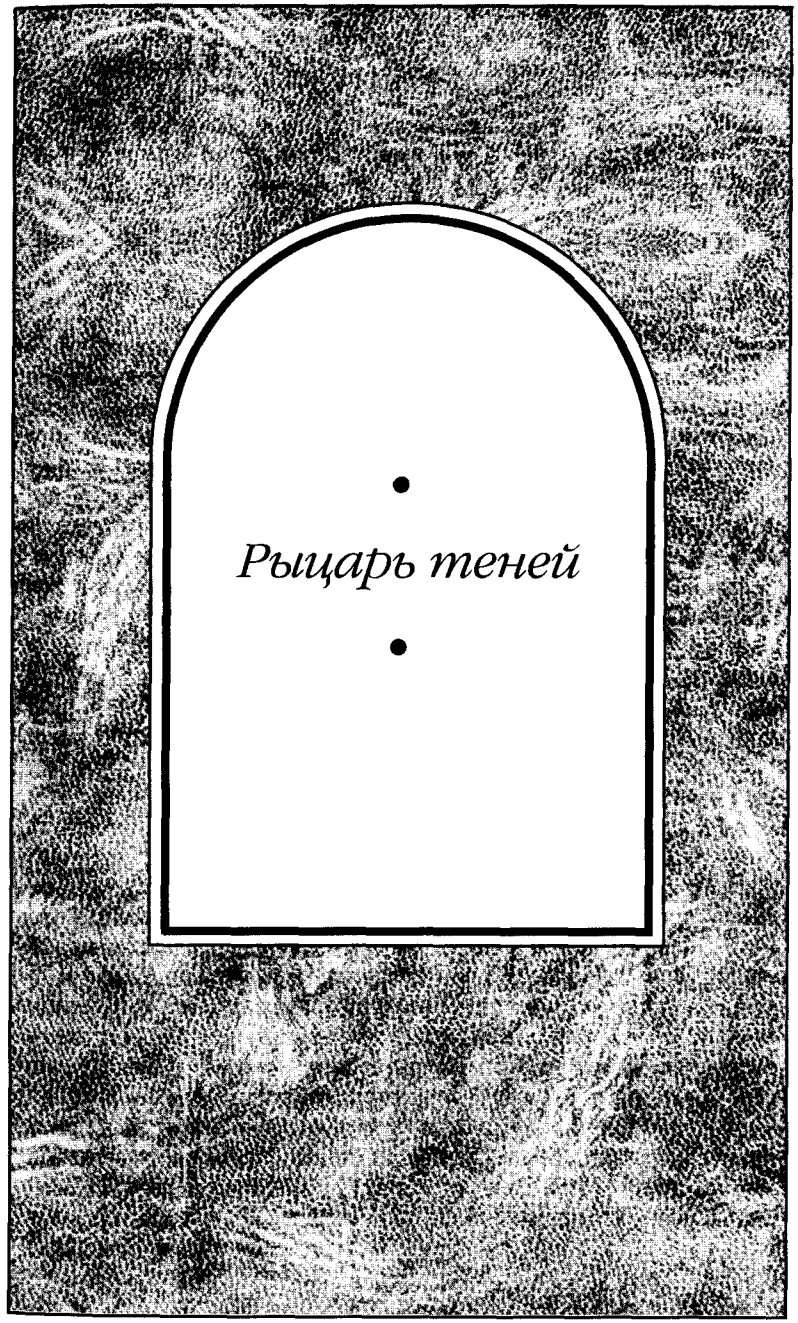
Джарт обрушил на меня поток брани.

— Доволен? — кричал он. — Теперь ты доволен? Только смерть может нас примирить!

Я не обращал внимания на его выкрики, ибо хотел получше рассмотреть то, что, как мне показалось, увидел мгновение назад. Перепрыгнув через рухнувшую каменную колонну, я разглядел среди языков пламени лицо поверженного колдуна и покоящуюся на его плече голову.

— Джулия! — крикнул я.

Но они уже исчезли. Я понял, что настал и мой черед удалиться. И прыгнул в огонь.



Рыцарь теней

Джону Дугласу посвящается

Глава 1

Ее звали Джулия, и, когда тридцатого апреля загорелся весь этот сыр-бор, я ничуть не сомневался, что она мертва. Собственно, с этого все и пошло: я наткнулся на растерзанный труп и уничтожил собакоподобное чудище, которое посчитал убийцей. У нас с Джулией был роман, и, строго говоря, началось именно с этого. Задолго до всего остального.

Возможно, мне следовало больше ей доверять. Или уж не затевать прогулки по Теням; тогда не случилось бы размолвки, а значит, и разрыва, толкнувшего Джулию на путь колдовства и в студию Виктора Мелмана, чернокнижника, которого мне позже пришлось убить. Того самого Виктора Мелмана, который, в свою очередь, оказался пешкой Люка и Джасры. Впрочем, я, видимо, зря себя казнил, потому что обнаружилось: ничего такого я не совершал. То есть почти не совершал.

Короче, выяснилось, что не я виновник тогдашних своих поступков. Вонзив нож в бок загадочному колдуну Маске, который некоторое время меня преследовал, я узнал, что за маской таилась Джулия. Мой сводный брат Джарт, дольше и настойчивее других пытавшийся меня убить, обернулся чем-то вроде живой карты, подхватил Джулию, и оба исчезли.

Я бежал из горящего, рушащегося Стража Четырех Миров, когда упавшая балка заставила меня отскочить вправо. Я оказался в западне из осыпавшейся каменной кладки и пылающих стропил. Мимо пронесся темный металлический шар — казалось, он увеличивается на лету. Шар ударил в стену, прошиб ее, оставив дыру, в которую как раз мог проскочить человек, — что я и сделал, не дожидаясь повторного приглашения. Очутившись по другую сторону, я силой Логруса опрокинул секцию стены и десятка два солдат, перепрыгнул ров и лишь затем обернулся крикнуть:

— Мэндор!

— Я здесь! — раздался из-за моего левого плеча его мягкий голос.

Я повернулся и увидел, как металлический шар, отскочив от земли, прыгнул в протянутую руку Мэндора.

Тот отряхнул с черного камзола пепел, провел рукой по волосам, потом с улыбкой взглянул на горящую башню.

— Обещание перед королевой ты сдержал, — заметил он, — и ловить тебе здесь, по-моему, больше нечего. Идем?

— Джасра по-прежнему там, — ответил я. — Выясняет отношения с Шару.

— Я думал, у тебя с ней все.

Я покачал головой:

— Мне еще многое надо выспросить.

Над Стражем взвился огненный столп, замер на мгновение и принялся громоздиться выше.

— Об этом я не подумал, — произнес Мэндор. — Ей, похоже, крепко втемяшилось овладеть Фонтаном. Если выдернуть ее отсюда, Фонтан останется за Шару. Тебя это не волнует?

— А если не выдернуть, Шару может ее убить.

Мэндор пожал плечами:

— Сдается мне, что одолеет она. Хочешь пари?

— Может, ты и прав, — сказал я, глядя на пламя, которое, еще помедлив, вновь устремилось ввысь. — Похоже на нефтяной фонтан; надеюсь, победитель сумеет его заткнуть. Если будет победитель. При том, как все тут разваливается на куски, они оба долго не протянут.

Мэндор хохотнул:

— Ты недооцениваешь защиту, которой они себя окружили. И вообще, сам знаешь, как трудно одному волшебнику убить другого чисто чародейскими средствами. Однако в том, что касается инерции материального, ты прав. С твоего позволения?..

Я кивнул.

Мэндор быстрым взмахом руки бросил металлический шар через ров, к пылающему зданию. Шар запрыгал, словно вырастая в размерах при каждом ударе. Всякий раз, касаясь земли, он издавал мелодичный звон, явно несоразмерный кажущимся весу и скорости, причем с каждым скачком звон делался громче. Шар влетел в озаренные огнем, колеблемые руины ближнего края Стража и на несколько мгновений скрылся из виду.

Я уже собирался спросить Мэндора, что происходит, когда огромная круглая тень промелькнула в дыре, через которую я спасся. Пламя — кроме огненного столпа из разбитого Фонтана — стало опадать, в крепости что-то глухо зарокотало. Спустя

мгновение совсем уже исполинская тень мелькнула вновь, рокот усилился, почва под нашими ногами задрожала.

Мэндор протянул руку. Через минуту металлический шарик скачками направился в нашу сторону. Мэндор поймал его в ладонь.

— Идем, — сказал он. — Жалко будет пропустить самое интересное.

Мы вошли через пролом, благо их было много. В одном месте стена, рухнув, засыпала ров, перейти его не составило труда. Я потратил одно заграждающее заклинание, чтобы спровадить подальше перестроившееся было войско.

За обломками стены стояла Джасра — спина обращена к огненному столпу, руки воздеты. Струи пота разлиновали черное от сажи лицо, в теле пульсировала чародейская мощь. Футах в десяти выше висел Шару — лицо его побагровело, шея была свернута набок. Профан подумал бы, что Шару чудесным способом покоится на воздухе, но мое логрусское зрение различало силовую линию, с которой свисал колдун, подвергнутый, если можно так выразиться, волшебному суду Линча.

— Браво, — похвалил Мэндор, мягко и неспешно сводя ладони. — Видишь, Мерлин? Пари за мной.

— Ты всегда лучше моего оценивал способности, — признал я.

— ...и клянешься служить мне, — донесся до нас голос Джасры.

Шару шевельнул губами.

— И клянусь служить тебе, — выговорил он.

Она плавно повела руками вниз; силовая линия, державшая чародея, начала удлиняться. Шару повис над растрескавшимся полом башни. Джасра повелительно взмахнула левой рукой — такой жест я как-то видел у дирижера. Из Фонтана вырвался сгусток пламени, пал на чародея и, стекая с него, ушел в землю. Эффектно, хотя я и не совсем понял зачем.

Шару медленно снижался, словно кто-то в небесах спускал наживку крокодилам. Когда ноги его коснулись земли, я сочувственно затаил дыхание: сейчас натяжение удавки ослабнет. Но не тут-то было. Пол, словно голограмма, пропустил ноги Шару. Чародей ушел в землю по щиколотку, потом по колено и продолжал погружаться. Я уже не мог бы сказать, дышит ли он. Джасра напевно изрекала череду приказов, и всякий раз от Фонтана отрывалось пламя и заливало Шару. Тот ушел по грудь, потом по плечи. Когда на поверхности осталась одна голова, глаза приоткрылись, однако по-прежнему смотрели бессмысленно.

Джасра вновь взмахнула рукой, движение прекратилось.

— Отныне ты — страж Фонтана, — объявила она, — и покорствуешь мне одной. Признаешь ли ты это?

Потемневшие губы мучительно шевельнулись:

— Да.

— Иди же и запруди огонь, — приказала Джасра. — Приступай к своему служению.

Голова как бы кивнула и тут же начала погружаться дальше. Через мгновение на поверхности остался лишь пушистый хохолок, однако вскоре исчез и он. Силовая линия растворилась в воздухе.

Я прочистил горло. Джасра опустила руки и со слабой улыбкой обернулась к нам.

— Он жив или мертв? — поинтересовался я и добавил: — Чисто научное любопытство.

— Точно не знаю, — отвечала Джасра. — Думаю, того и другого помаленьку. Как мы все.

— Страж Фонтана... — произнес я. — Увлекательная работа.

— Лучше, чем служить вешалкой, — заметила она.

— Тоже верно.

— Ты, видно, думаешь, что я у тебя в долгу?

Я пожал плечами.

— Если честно, мне и без этого есть о чем подумать, — сказал я.

— Ты хотел покончить с распрей, — продолжала она, — а я — вернуть себе Страж. Я по-прежнему не питаю добрых чувств к Амберу, но готова признать, что мы квиты.

— За мной не заржавеет, — отвечал я. — И есть человек, который небезразличен нам обоим.

Джасра с минуту глядела на меня сузившимися глазами, потом улыбнулась:

— Насчет Люка не тревожься.

— Я не могу не тревожиться. Этот мерзавец Далт...

Она по-прежнему улыбалась.

— Тебе известно больше моего? — спросил я.

— И намного.

— Может, расскажешь?

— Знание продается и покупается, — заметила она.

Земля под ногами легонько задрожала, огненный столп всколыхнулся.

— Я предлагаю помочь твоему сыну, а ты предлагаешь продать мне сведения, как к этому подступиться? — полюбопытствовал я.

Джасра рассмеялась.

— Если б я считала, что Ринальдо нуждается в помощи, —

сказала она, — то была бы сейчас рядом с ним. Видимо, чтоб ненавидеть меня, тебе надо верить, будто я лишена даже и материнских чувств.

— Эй, мы, кажется, условились, что мы квиты!

— Что не мешает взаимной ненависти, — ответила мне Джасра.

— Послушай, может, хватит? У меня нет никаких претензий, кроме того, что ты год за годом пыталась меня убить. Так случилось, что ты — мать близкого мне человека. Он в беде, я хочу ему помочь и предпочел бы с тобой не ссориться.

Пламя упало футов на десять, вздрогнуло, упало еще.

Мэндор кашлянул.

— У меня есть отличные поваренные заклинания, — сказал он, — на случай если кто-то проголодался от недавних трудов.

Джасра улыбнулась почти кокетливо и, могу поклясться, стрельнула в Мэндора глазами. Разумеется, такая копна белокурых волос впечатляет, но я бы не назвал его красавцем. Никогда не понимал, что женщины находят в Мэндоре. Даже проверял его на предмет соответствующих чар... Ничего не обнаружил. Видимо, тут какое-то особое колдовство.

— Замечательная мысль, — сказала Джасра. — Если возьмешь остальное на себя, я позабочусь об интерьере.

Мэндор поклонился; пламя опало совсем и ушло в землю. Джасра крикнула Незримому Стражу Шару, чтоб так и оставалось, и повела нас к лестнице вниз.

— Подземный ход, — пояснила она, — в более цивилизованные края.

— Мне подумалось, — заметил я, — что все, кого мы здесь встретим, верны Джулии.

Джасра рассмеялась:

— Как были верны мне, а до того — Шару. Они — честные служаки и привязаны к месту. Им платят, чтоб они защищали победителей, а не мстили за побежденных. После обеда я официально вступлю во владение, и мне будут служить верой и правдой до прихода следующего узурпатора. Осторожней на третьей ступеньке. Камень шатается.

Она повела нас дальше, в туннель. По моим прикидкам, мы двигались на северо-запад — в направлении цитадели, которую я обследовал прошлый раз. Тогда-то я и спас Джасру от Маски-Джулии и перенес в Амбер, где ей какое-то время пришлось служить вешалкой во дворце.

В туннеле стояла кромешная тьма, но Джасра наколдовала светящуюся точку, и та ярким блуждающим огоньком поплыла перед нами в сыроватый мрак. Пахло затхлостью, по стенам

висела паутина. Пол был земляной, только посередине тунеля лежали отдельные каменные плиты, по ним мы и ступали. Там и сям попадались лужи стоячей грязной воды. В воздухе и по земле шныряли темные зверьки.

Я-то в огне не нуждался. Мои спутники, наверное, тоже. Знак Логруса излучал рассеянный серебристый свет, так что я чудесным образом видел в темноте, а заодно мог вовремя распознать колдовскую ловушку. Кстати, и Джасре особенно доверять не приходилось. Колдовским зрением я видел такой Знак и перед Мэндором, который, насколько мне известно, тоже не страдает легковерием. Что-то туманно напоминающее Огненный Путь висело перед Джасрой, замыкая круг настороженности. А впереди порхал огонек.

Мы обошли составленные друг на друга бочки и оказались во вместительном винном погребе. Через шесть шагов Мэндор остановился и бережно взял с левой полки пыльную бутыль. Провел краем плаща по наклейке.

— Ух ты! — воскликнул он.

— Что такое? — осведомилась Джасра.

— Если оно не испортилось, я смогу устроить под него незабываемую трапезу.

— Вот как? Тогда лучше для верности захватить еще несколько. Они стояли тут еще до меня — возможно, даже до Шару.

— Вот, Мерлин, держи, — сказал Мэндор, вручая мне две бутылки. — И побережней.

Он внимательно обследовал полку и выбрал еще пару бутылок, которые понес сам.

— Теперь я понимаю, отчего эта крепость вечно в осаде, — заметил он Джасре. — Жалко, я не знал про погребок, а то, может, и сам решил бы попытать счастья.

Та ущипнула его за плечо.

— Есть более простые способы добиться желаемого...

— Запомним, — откликнулся Мэндор.

— Надеюсь, ты поймаешь меня на слове.

Я кашлянул.

Джасра нахмурилась и отвернулась.

Мы следом за ней вошли в низкую арку и поднялись по скрипучей деревянной лестнице в просторную кладовую. За кладовой оказалась громадная, безлюдная кухня.

— Вечно слуги куда-то запропастятся в самый нужный момент, — заметила Джасра, окидывая взглядом помещение.

— Без них обойдемся, — сказал Мэндор. — Покажи мне место, где будем обедать, а я уж управлюсь.

— Отлично! — воскликнула она. — Тогда сюда.

За кухней начиналась анфилада комнат, а за ней — лестница. Мы поднялись на пролет.

— Ледники? — спросила Джасра. — Лавовые потоки? Горы? Или бурная морская пучина?

— Если речь идет о выборе антуража, — сказал Мэндор, — я бы предпочел горы.

Джасра провела нас в длинную, узкую комнату, и мы, распахнув ставни, узрели зубчатую горную гряду. Вдоль всей соседней стены тянулись полки, было холодно и немного пыльно. На полках теснились книги, письменные приборы, кристаллы, лупы, пузырьки с краской, простейшие колдовские инструменты, микроскоп, телескоп. Середину комнаты занимал стол — уложенные на козлы доски; вдоль стола размещались длинные скамьи.

— Сколько займет готовка? — спросила Джасра.

— Минуту-две.

— В таком случае я предпочла бы сперва привести себя в порядок. Может быть, и вы?

— Отличная мысль, — объявил я.

— Верно, — подтвердил Мэндор.

Она отвела нас в соседние, вероятно гостевые, покои и оставила в компании мыла, воды и полотенец. Мы договорились встретиться в узкой комнате через полчаса.

— Думаешь, она затевает какую-нибудь пакость? — спросил я, стягивая рубаху.

— Нет, — отвечал Мэндор. — Льщу себя мыслью, что эту трапезу она упустить не захочет. Как, впрочем, и случай показаться нам во всей красе, после того как мы долго видели ее, так сказать, в довольно неприглядном виде. А возможность посплетничать, что-нибудь выведать... — Он покачал головой. — Ты прав, что не доверял ей раньше и, возможно, не будешь доверять впредь. Но за этим обедом, если я что-нибудь смыслю, можешь свободно расслабиться.

— Как скажешь, — заметил я, намыливаясь.

Мэндор криво усмехнулся, наколдовал штопор и открыл бутылки — «чтоб немного подышали», — прежде чем заняться собой. Я решил поверить, хотя Знак Логруса на всякий случай оставил — вдруг придется сражаться с демоном или отпрыгивать от падающей стены.

Демон так и не появился, стена не рухнула. Я пошел в гостиную и стал смотреть, как Мэндор преображает ее несколькими словами и движениями рук. Козлы и скамьи исчезли, их сменил круглый стол и кресла без подлокотников, расстав-

ленные так, чтобы с каждого открывался вид на горы. Джасры пока не было.

Я прихватил две бутылки, чей букет так восхитил Мэндора. Я собирался водрузить их на стол, но тут Мэндор наколдовал вышитую скатерть с салфетками, тонкую фарфоровую посуду — казалось, ее расписал сам Миро[1], — изящные серебряные приборы. С минуту он обозревал результат, потом убрал приборы, заменил на новые, с другим рисунком. Обошел стол, придирчиво разглядывая натюрморт под разными углами и мурлыча себе под нос. Я шагнул было поставить бутылки, но в этот миг посреди стола возникли плавающие в хрустальной вазе цветы. Я отступил на шаг. Появились хрустальные кубки.

Я угрожающе засопел. Мэндор как будто впервые меня заметил.

— А, ставь сюда, ставь сюда, Мерлин! — Возле моего левого локтя возник поднос черного дерева. — Пока дама не пришла, проверим вино, — добавил он и плеснул в два кубка рубиновой жидкости.

Мы пригубили. Вино оказалось чудесным. Много лучше, чем у Бейли.

— Очень даже! — восхитился я.

Мэндор обошел стол, выглянул в окно. Я последовал за ним. Где-то в этих горах скрывается в своей пещере Дэйв.

— Мне почти стыдно вот так отдыхать, — сказал я. — Дел выше головы...

— Может быть, их даже больше, чем ты подозреваешь, — заметил Мэндор. — Считай, что не бездельничаешь, а изыскиваешь наиболее короткий путь. Вдруг да узнаешь что-нибудь у нашей дамы.

— Тоже верно. Интересно только — что.

Мэндор повертел кубок в руке, отпил маленький глоток, пожал плечами:

— Она многое знает. Может, сболтнет что-нибудь ненароком, а может, растает от внимания и захочет расщедриться. Смотри сам, как оно обернется.

Я отхлебнул вина. Могу повредничать и сказать, что у меня заныли кости от дурного предчувствия, но на самом деле это поле Логруса сообщало о появлении в соседней комнате Джасры. Я не стал говорить Мэндору, уверенный, что и он чувствует. Просто повернулся к дверям. Он последовал моему примеру.

Джасра была в длинном белом платье, спущенном с одного

[1] Миро, Хуан (1893—1983) — испанский живописец. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

(левого) плеча и заколотом на другом бриллиантовой булавкой, в бриллиантовой же, прямо-таки инфракрасной тиаре на блестящих волосах. Она улыбалась и распространяла благоухание. Я непроизвольно подтянулся и взглянул на ногти — чистые ли.

Мэндор, как всегда, поклонился учтивее моего. Я почувствовал, что обязан сказать комплимент.

— Ты выглядишь вполне... элегантно, — сообщил я и для вящего впечатления закатил глаза.

— Не часто случается обедать с двумя принцами, — промолвила Джасра.

— Я — герцог Западных болот, а никак не принц, — поправил я.

— Я о доме Савалла, — отвечала она.

— Ты изрядно подготовилась, — отметил Мэндор.

— Не люблю ошибаться в протоколе.

— По эту сторону я редко пользуюсь титулами Хаоса, — объяснил я.

— А жаль, — промолвила Джасра. — По мне, в этом есть своя... элегантность. Ты ведь примерно тринадцатый в череде престолонаследников?

Я рассмеялся:

— Боюсь, даже назвав такую огромную цифру, ты хватила через край.

— Нет, Мерль, Джасра почти права, — сказал Мэндор. — С точностью до двух-трех человек.

— Да что ты? — удивился я. — Когда я в последний раз интересовался...

— Значит, это было давно. Недавно многих не стало.

— Правда?

— За Хаос, — сказала Джасра, подымая кубок, — да волнуется он вечно!

— За Хаос! — подхватил Мэндор, поднимая свой.

— За Хаос! — отозвался я.

Мы сдвинули кубки, выпили.

Меня обдало волной заманчивых ароматов. Я обернулся и увидел, что стол уставлен кушаньями. Джасра обернулась вместе со мной. Мэндор шагнул вперед. По мановению его руки кресла отодвинулись, пропуская нас к столу.

— Прошу садиться, и позвольте подать первую перемену.

Мы сели и не пожалели об этом. Несколько минут молчание нарушали лишь восхищенные замечания в адрес супа. Мне не хотелось первым начинать словесный поединок, и, похоже, мои сотрапезники испытывали сходное чувство.

Наконец Джасра прочистила горло. Я поднял глаза и с удивлением заметил, что она нервничает.

— Ну, как дела в Хаосе?

— В данное время — хаотично, — отвечал Мэндор. — Кроме шуток. — Он задумался на мгновение, потом добавил со вздохом: — Политика.

Джасра медленно кивнула, словно решая, спросить ли его о подробностях, которые он явно не рвется разглашать, потом передумала и повернулась ко мне:

— К сожалению, в Амбере мой кругозор было достаточно ограничен, однако с твоих слов я заключила, что и там дела обстоят довольно хаотично.

Я кивнул:

— Хорошо, что Далт отступился. Если ты об этом. Но то была не настоящая угроза, просто лишняя головная боль. Кстати, о Далте...

— Давай не будем, — с обворожительной улыбкой перебила меня Джасра. — Я, собственно, хотела поговорить о другом.

Я тоже улыбнулся:

— Совсем забыл. Ты его не жалуешь.

— Дело не в том, — промолвила она. — Далт был по-своему полезен. Просто это... — Она вздохнула. — ... Политика...

Мэндор рассмеялся, мы вслед за ним. Жаль, я не догадался сказать это про Амбер. Теперь поздно.

— Я не так давно приобрел картину, — начал я. — Художницы Полли Джексон. Нарисован красный пятьдесят седьмой «Шевроле». Мне страшно нравится. Сейчас картина в Сан-Франциско. Ринальдо тоже одобрил.

Джасра кивнула. Она смотрела в окно.

— Вы оба вечно ходите по галереям. Да, он и меня таскал. Верю, что у него хороший вкус. Дарования нет, а вкус есть.

— Что значит «нет дарования»?

— У него твердая рука, но картины ему не удаются.

Я затронул тему живописи с вполне определенной целью, однако разговор внезапно свернул в другое русло. Впрочем, новая сторона, открывшаяся мне в Люке, так меня заворожила,что я все-таки спросил:

— Картины? Я не знал, что он пишет.

— Он пытался, и не раз, но картин никому не показывает — они недостаточно хороши.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я время от времени проверяю его комнату.

— В его отсутствие?

— Разумеется. Право матери.

Я поежился — вспомнилась горящая женщина в Кроличьей

норе. Но мне не хотелось говорить о своих чувствах и уводить разговор с начатой темы. Я решил вернуться к своей первоначальной цели.

— Не в этой ли связи он познакомился с Виктором Мелманом?

Джасра некоторое время изучала меня, сощурив глаза, потом кивнула и доела суп.

— Да, — сказала она, откладывая ложку. — Люк какое-то время брал у Виктора уроки живописи. Ему понравились картины, он разыскал автора. Может быть, что-нибудь купил. Не знаю. В какой то-момент он упомянул свои опыты, Виктор выразил желание посмотреть. Похвалил Ринальдо, предложил научить его нескольким полезным приемам.

Она подняла кубок, понюхала вино. Взглянула на горы.

Я собрался было задать наводящий вопрос, когда она засмеялась. Я ждал.

— Настоящий стервец, — произнесла Джасра, отсмеявшись. — Но даровитый. Этого у него не отнимешь.

— О чем ты? — спросил я.

— Спустя какое-то время он заговорил о развитии личной мощи, со всеми этими многозначительными умолчаниями, которые так любят недоучки. Внушал Ринальдо, что он оккультист, и не из последних. Потом намекнул, что готов поделиться своими знаниями со стоящим человеком.

Она снова засмеялась. Я и сам хохотнул, представив, как этот дрессированный тюлень подъезжает со своим детским лепетом к настоящему мастеру.

— Разумеется, он просто почуял, что у Ринальдо водятся деньги, — продолжала она, — а Виктор по обыкновению был на мели. Ринальдо, впрочем, не проявил интереса, а вскоре после этого перестал брать у Виктора уроки — сообразив, что больше ничему не научится. Однако, когда впоследствии он рассказал мне, я поняла: вот человек, из которого выйдет отличное орудие. Он пойдет на все, лишь бы почувствовать настоящую власть.

Я кивнул:

— Тогда-то вы с Ринальдо и начали являться Виктору? По очереди пудрить ему мозги и учить его кое-каким подлинным штучкам?

— В целом так, — отвечала она. — Хотя обучение я в основном взяла на себя. Ринальдо постоянно готовился к экзаменам, ему было некогда. Он ведь учился лучше тебя, верно?

— Он всегда получал высокие оценки, — согласился я. — Когда ты говоришь, что решила натренировать Мелмана и превратить в орудие, мне поневоле думается о причине: ты готовила его убить меня, и убить красочно.

Она улыбнулась:

— Да, хотя, впрочем, не совсем так, как ты думаешь. Он знал про тебя и готовился принять участие в твоем заклании. Однако та попытка, когда ты его убил, целиком на его совести. Я его предупреждала — никакой самодеятельности. Так что поделом ему. Виктор жаждал получить всю власть, которую, он полагал, можно в итоге обрести, и не желал ею делиться. Я же сказала — стервец.

Мне хотелось выглядеть безучастным, чтобы Джасра продолжала. Естественнее всего это было сделать, не прерывая еды, однако, опустив глаза, я заметил, что тарелка с супом исчезла. Я взял булочку, разломил, собрался намазать маслом и тут увидел, что руки у меня дрожат. В следующее мгновение я понял почему: меня подмывало ее придушить.

Поэтому я глубоко вдохнул, выдохнул и отпил вина. Передо мной очутилась тарелка с чем-то невероятно вкусным. Легкий аромат чеснока и дразнящих пряностей говорил: успокойся. Я с благодарностью кивнул Мэндору. Джасра тоже. В следующее мгновение я уже намазывал булочку.

Откусив и прожевав, я сказал:

— Сознаюсь, что по-прежнему не понимаю. Ты говоришь, Мелман должен был принять участие в моем заклании. Значит, он бы действовал не один?

С полминуты Джасра продолжала есть, потом изобразила улыбку.

— Грех было не использовать твой разрыв с Джулией и ее интерес к оккультизму. Я увидела, что их с Мелманом можно свести: пусть обучит Джулию нескольким простеньким приемам и, растравляя горе девушки, обратит его в жгучую ненависть — а там, когда дело дойдет до заклания, Джулия сама охотно перережет тебе глотку.

Я поперхнулся чем-то вполне вкусным.

Возле моей правой руки возник хрустальный кубок с водой. Я отпил глоток. Потом другой.

— Ах, эта твоя реакция дорогого стоит, — заметила Джасра. — Признайся, мщение пикантнее, если палачом становится бывшая возлюбленная.

Уголком глаза я видел, что Мэндор кивает. Да и сам я не мог не согласиться.

— Да, мщеньице высший сорт, — сказал я. — Ринальдо тоже приложил руку?

— Нет, к тому времени вас было уже не разлить водой. Я боялась, что он тебя предупредит.

С минуту я обдумывал услышанное, потом спросил:

— И что же разладилось?

— Я не учла одного, — сказала Джасра. — У Джулии оказался талант. Несколько уроков у Виктора, и она превзошла его во всем — кроме живописи. Черт! Может, она и пишет. Не знаю. Я сдала себе джокер, а он сыграл со мной злую шутку.

Я поежился, вспомнив разговор в Арбор-Хаус с ти'игой, которая вселилась в Винту Бейли. Она спросила меня, удалось ли Джулии развить способности, о которых та мечтала. Я ответил, что не знаю, что не видел никаких признаков... А потом вспомнил нашу встречу на стоянке у супермаркета, когда Джулия велела собаке сидеть и та не могла двинуться с места... Это я припомнил, но...

— И ты никогда не замечал проявления ее дарования? — осведомилась Джасра.

— Не совсем так, — отвечал я, и только тут многое стало до меня доходить. — Не совсем.

...Например, как тогда в кафе «Баскин-Робинс» она поменяла вкус мороженого и фунтика. Или когда без зонта осталась сухой в ливень...

Джасра удивленно нахмурилась, сузила глаза.

— Не понимаю. Если ты знал, то мог бы учить ее сам. Она тебя любила. Вы бы отлично сработались.

Я внутренне содрогнулся. Джасра права. Я и впрямь подозревал, возможно, даже догадывался, но гнал от себя эти мысли. Не исключено, что я и разбудил ее дремлющие способности пресловутыми прогулками по Теням, своими телесными энергиями...

— Все непросто, — отвечал я. — И очень лично.

— Ой. Сердечные дела или вполне прозрачны, или совсем для меня загадочны, — промолвила Джасра. — Среднего, кажется, не дано.

— Сойдемся на прозрачности, — сказал я. — Когда я начал что-то замечать, дело уже шло к разрыву, и я побоялся пробуждать силы в бывшей возлюбленной, которая в один прекрасный момент захочет попрактиковаться на мне.

— Логично, — кивнула Джасра. — Очень. Забавная ирония судьбы.

— Весьма, — заметил Мэндор и взмахнул рукой. Перед нами возникли новые дымящиеся блюда. — Пока вы не ушли с головой в беседу о хитроумных интригах и оборотных сторонах души, пожалуйста, отведайте перепелиной грудки в красном вине с диким рисом и побегами спаржи.

Я своей рукой направил Джулию на этот путь, когда показал другие пласты реальности. И оттолкнул от себя нежеланием открыться, своей замкнутостью. Наверное, я не способен по-настоящему любить и доверять. Однако это я чувствовал и раньше. Тут есть что-то еще...

— Восхитительно! — объявила Джасра.

— Спасибо. — Мэндор встал, обошел стол и сам, не прибегая к волшебству, налил ей вина. Я заметил, что при этом он левой рукой слегка коснулся ее оголенного плеча. Потом, словно опомнившись, он плеснул и в мой кубок, вернулся на свое место и сел.

— Да, превосходно, — заметил я, мысленно пробегая глазами внезапно прояснившуюся картину.

Теперь понятно: я что-то чувствовал, что-то подозревал с самого начала. Наши прогулки по Теням — просто самый эффектный из мелких следственных экспериментов, которые я вновь и вновь устраивал Джулии в надежде подловить ее, разоблачить... в чем? В том, что она — потенциальная чародейка?

Я отложил вилку с ножом и потер глаза. Где-то совсем близко — то, что я столько времени от себя скрывал.

— Что-то случилось, Мерлин? — спросил меня голос Джасры.

— Нет. Я просто почувствовал, как сильно устал. Все отлично.

Чародейка. Не потенциальная, нет. Втайне я боялся, что за покушениями тридцатого апреля на мою жизнь стоит именно она, — но запрещал себе об этом думать и продолжал любить. Почему? Потому что она — моя дева Нимианна[1]? Потому что я любовался своей будущей убийцей и прятал от себя улики? Потому что я не только влюбился без ума, но и одержим желанием смерти, которое с улыбкой следует за мной по пятам, чтобы однажды сбыться вполне?

— Сейчас приду в себя, — сказал я. — Пустяки.

Значит, правду говорят, что я и есть мой самый смертельный враг? Надеюсь, все-таки нет. Просто у меня не было времени подлечиться, слишком от многих внешних условий зависела моя жизнь.

— Я бы дорого дала, чтобы прочесть твои мысли, — вкрадчиво произнесла Джасра.

Глава 2

— Они бесценны, — отвечал я, — как и твои шутки. Я восхищен. Мало того, что я не подозревал, я близко ни о чем не догадывался, даже когда получил кое-какие факты. Это ты хотела услышать?

— Да.

[1] Дева Нимианна — в легендах артуровского цикла волшебница, погубившая влюбленного в нее Мерлина.

— Рад, что мы подошли к месту, где твои планы расстроились, — добавил я.

Джасра вздохнула, кивнула, отпила вина.

— Да, это случилось, — призналась она. — Я и не ожидала, что такая простая затея выйдет мне боком. До сих пор не могу поверить, что этот мир настолько пронизан иронией.

— Если хочешь, чтобы я оценил шутку в полном объеме, будь добра, объяснись.

— Придется. С одной стороны, не хочется менять твою недоуменную мину на злорадную. С другой стороны, я по-прежнему в силах огорчить тебя каким-нибудь новым способом.

— Что-то находишь, что-то теряешь, — заметил я. — Держу пари, кое-какие мелкие подробности тех событий смущают тебя до сих пор.

— Как то? — спросила она.

— Почему не удалось ни одно из тридцатоапрельских покушений на мою жизнь?

— Полагаю, Ринальдо так или иначе вставлял мне палки в колеса, выручая тебя.

— Не угадала.

— Так кто же?

— Ти'ига. На ней заклятие меня защищать. Ты должна ее помнить, она обитала в теле Гейл Лэмпрон.

— Гейл? Девушки Ринальдо? Мой сын встречался с демоницей?

— Не впадай в предрассудки. На первом курсе и не такое выкидывал.

Джасра на мгновение задумалась, потом медленно кивнула:

— Верно подмечено... И ты по-прежнему не знаешь, что за этим кроется только то, что она в Амбере?

— Не знаю, — подтвердил я.

— Это проливает довольно странный свет на весь временной отрезок, — пробормотала Джасра, — особенно учитывая, что наши пути снова пересеклись. Интересно...

— Что?

— Какова ее истинная цель: оберегать тебя или вредить мне? Кто она: твой телохранитель или мое проклятие?

— Трудно сказать, поскольку результат так и так один.

— Однако больше похоже на первое — она явно крутится возле тебя.

— Если дело не в другой, известной ей одной причине.

— Например?

— Она предполагает, что мы снова схлестнемся.

Джасра улыбнулась:

— Тебе надо было податься в адвокаты — ты хитроумен,

как твоя амберская родня. Однако — положа руку на сердце — я не задумывала ничего, что можно было бы истолковать подобным образом.

Я пожал плечами:

— Это лишь предположение. Пожалуйста, расскажи, что было дальше с Джулией.

Джасра отщипнула кусочек перепелиного крылышка. Я последовал ее примеру и вскоре обнаружил, что не могу перестать есть. Я взглянул на Мэндора. Тот оставался непроницаемым — ни за что не сознается, что заворожил кушанье или наложил на едоков заклятие очистить тарелки. Так или иначе, мы закончили перемену, прежде чем Джасра заговорила снова. Сказать по совести, грех мне было бы роптать.

— После вашего разрыва Джулия училась у многих, — начала Джасра. — Мне, раз решившись, было несложно воздействовать на ее учителей, побуждать их к словам и поступкам, которые оттолкнули бы Джулию, заставили искать другого наставника. Довольно скоро она вышла на Виктора, которого мы к тому времени уже опекали. Я велела ему всячески обхаживать Джулию и, пропустив многие обычные формальности, готовить к выбранному мною обряду посвящения...

— Какому именно? — перебил я. — Обрядов посвящения уйма, и результат у каждого свой.

Джасра улыбнулась, кивнула, разломила и намазала маслом булочку.

— Я сама провела ее по моим собственным стопам — через Нарушенный Огненный Путь.

— Судя по названию — что-то опасное с амберской стороны Тени.

— Географически ты прав. Но опасного тут ничего нет, если понимаешь, что делаешь.

— Насколько мне известно, — упорствовал я, — Теневые миры, обладающие Тенью Пути, содержат лишь его искаженную проекцию. В этом и кроется риск.

— Риск лишь для тех, кто не умеет с ним справиться.

— И ты заставила Джулию пройти этот... Нарушенный Путь?

— О прохождении Пути я знаю лишь со слов покойного мужа и Ринальдо. Если я правильно понимаю, вы идете по линиям от определенного внешнего начала до внутренней точки, где на вас и нисходит сила?

— Да, — подтвердил я.

— В Нарушенном Пути, — объяснила Джасра, — ты входишь сквозь брешь и добираешься до центра.

— Как следовать линиям, если они нарушены или оборваны? Истинный Путь уничтожит тебя, стоит отклониться от рисунка.

— Здесь не надо следовать линиям. Только промежуткам, — отвечала она.

— А когда Путь пройден? — спросил я.

— В тебе остается Образ Нарушенного Пути.

— И как с его помощью колдовать?

— Используя брешь. Ты призываешь Образ, и он предстает тебе в виде темного колодца, из которого ты черпаешь силу.

— А как ты путешествуешь между Тенями?

— Примерно как и вы, если я правильно понимаю ваш способ передвижения. Но брешь остается в тебе.

— Брешь? Не понимаю.

— Изъян в Пути. Он следует за тобою и в Тень. Сопровождает тебя в твоих странствиях, порой — щелочка не шире волоса, порой — зияющая пустота. Он перемещается: может возникнуть когда угодно, где угодно — провал в реальности. Это — опасность, подстерегающая тех, кто прошел Нарушенный Путь. Упасть в него — смерть.

— В таком случае он должен таиться во всех твоих заклинаниях — этакая ловушка.

— Каждая профессия имеет свои опасные стороны, — заметила Джасра. — В том и мастерство, чтобы их избегать.

— И сквозь это посвящение ты провела Джулию?

— Да.

— И Виктора?

— Да.

— Понятно... Но ты должна сознавать: Нарушенные Пути черпают свою силу из Подлинного.

— Конечно. Что с того? Если соблюдать меры предосторожности. Образ почти ничем не уступает оригиналу.

— Для сведения. Сколько существует пригодных Образов?

— Пригодных?

— Они неизбежно вырождаются от Тени к Тени. Где можно подвести черту и сказать: дальше этого Нарушенного Образа я сунуться не решусь?

— Понимаю. Можно иметь дело примерно с первыми девятью. Дальше я не заходила. Первые три — самые лучшие. Следующие три — туда-сюда. Дальше идут три более опасных.

— В каждом следующем брешь все шире?

— Именно так.

— Зачем ты открываешь мне эти тайны?

— Ты — посвященный высокого уровня, так что беды не будет. Кроме того, ты ничего не сможешь изменить в исходных условиях. И, наконец, без этого ты не поймешь остального.

— Хорошо, — сказал я.

Мэндор постучал по столу; перед нами возникли хрусталь-

ные чашечки с лимонным шербетом. Мы поняли намек и освежили горло, прежде чем продолжать беседу. За окном бежали по горным склонам облачные тени. Откуда-то из коридора доносилась тихая музыка. С другой стороны что-то звенело и скрежетало, словно там работали лопатой или киркой.

— Значит, ты посвятила Джулию, — начал я.

— Да, — отвечала Джасра.

— И что дальше?

— Она научилась призывать Образ Нарушенного Пути, видеть с его помощью и творить заклинания. Научилась черпать силу из разрыва в нем. Научилась перемещаться по Теням...

— Все время помня о пропасти?

— Разумеется. У нее к этому положительный талант. Вообще Джулии удается все, за что бы та ни взялась.

— Удивительно, что смертный может пройти пусть и Нарушенный Путь и остаться в живых.

— Не всякий смертный, — возразила Джасра. — Кто-то наступает на линию или загадочно гибнет в поврежденной области. Проходит примерно один из десяти. Это хорошо. Сохраняется ореол исключительности. Из прошедших немногие способны освоить хотя бы начальные навыки ворожбы, чтоб их стоило принимать во внимание.

— И ты говоришь, когда Джулия поняла, что к чему, она обогнала Виктора.

— Да. Я не понимала, в какой мере, пока не оказалось слишком поздно.

Джасра глядела на меня, словно ожидая отклика. Я поднял глаза от тарелки, изогнул бровь.

— Да, — продолжала она, очевидно удовлетворенная. — Ты не знал, что возле Фонтана ударил кинжалом именно Джулию?

— Не знал, — сказал я. — Маска все время оставалась для меня загадкой. Я не мог взять в толк, что ею движет. Цветы просто ставили меня в тупик, и я не понял, кто — ты или Маска — скрывался за историей с голубыми камнями.

Джасра рассмеялась.

— Голубые камни и пещера, откуда они, — наша маленькая семейная тайна. Они сделаны из магического изолятора, однако внутри пары, однажды разрозненной, сохраняется связь, и человек чуткий, владея одним камнем, может добраться до другого.

— Через Тень?

— Да.

— Даже если он не обладает требуемыми способностями?

— Да, и в таком случае, — подтвердила Джасра. — Это все равно что следовать за умеющим перемещаться в момент перемещения. Довольно проворства и чутья. Обладатель камня делает примерно то же, только он следует не за тем, кто умеет перемещаться, а скорее по его следу.

— Ты хочешь сказать, что Джулия прицепилась к тебе?

— Вот-вот.

Я поднял глаза и увидел, что Джасра краснеет.

— Джулия? — переспросил я.

— Ты начинаешь понимать.

— Нет, — признался я. — Впрочем, может быть, немного. Она оказалась даровитее, чем ты думала. Это ты уже говорила. У меня создалось впечатление, что она тебя в чем-то перехитрила. Но я не знаю, в чем и когда.

— Я перенесла ее сюда, — сказала Джасра, — забрать кое-какое снаряжение в первый круг Теней возле Амбера. В тот раз она и увидела мой кабинет в Страже. И, возможно, я наболтала лишнего. Но кто знал, что она все ловит на лету? Я считала ее слишком робкой для подобных мыслей. Должна признать, что Джулия — замечательная актриса.

— Я читал дневник Виктора. Если я правильно понял, ты была в маске или капюшоне и, возможно, прибегла к каким-то чарам, искажающим голос?

— Да, но, вместо того чтобы запугать Джулию, подавить, я раздразнила в ней вкус к волшебному. Полагаю, тогда-то она и стащила один из моих траголитов — голубых камней. Остальное — история.

— Только не для меня.

Передо мной очутилась тарелка с абсолютно неведомыми, но аппетитно пахнущими овощами.

— Подумай.

— Ты провела ее через Нарушенный Путь, совершила обряд посвящения... — начал я.

— Да.

— И при первой же возможности она с помощью... траголита вернулась в Страж разнюхать другие твои секреты.

Джасра негромко зааплодировала, попробовала овощи и тут же с жадностью на них накинулась.

— Дальше сдаюсь, — признался я.

— Будь умницей, скушай овощи, — сказала Джасра.

Я подчинился.

— Исходя исключительно из знаний человеческой природы, — внезапно заметил Мэндор, — я заключил бы, что, опробовав крылышки, она решила опробовать и коготки. Полагаю, Джулия вернулась назад, бросила перчатку своему пер-

вому наставнику — Виктору Мелману, — и произошел чародейский поединок.

Джасра негромко ойкнула.

— Это и правда только догадка? — спросила она.

— Правда, — подтвердил он, крутя в пальцах кубок. — Мало того, позволю себе предположить, что ты обошлась со своим наставником в точности так же.

— Какой дьявол тебе сказал? — спросила она.

— Я всего лишь догадываюсь, что Шару был твоим учителем, — а может быть, и не только учителем, — отвечал Мэндор. — Но это объясняет и поочередные захваты Стража Четырех Миров, и то, как ты сумела застать прежнего владельца врасплох. Вероятно, перед своим поражением он даже нашел время наложить на тебя проклятие, злорадно пообещав тебе ту же участь. А если и нет, в нашем ремесле подобные события имеют обыкновение описывать полный круг.

Джасра хохотнула.

— Значит, дьявол зовется Умозаключением, — произнесла она с ноткой восхищения в голосе. — Однако ты вызываешь его с помощью интуиции, а это уже искусство.

— Приятно знать, что он по-прежнему является на зов. Полагаю, неожиданно для Джулии Виктор сумел за себя постоять.

— Верно. Она не учла, что мы ограждаем учеников одним-двумя слоями защиты.

— Все же сама она была защищена по крайней мере не хуже.

— Тоже верно. Одно это было, конечно, равносильно поражению. Джулия понимала, что я узнаю про бунт и вскоре явлюсь ее усмирить.

Я охнул.

— Да, — продолжала Джасра. — Вот почему она инсценировала свою смерть, чем, признаю, надолго ввела меня в заблуждение.

Я вспомнил, как вошел в квартиру Джулии, наткнулся на тело и подвергся нападению. Лицо трупа было частично изуродовано, частично залито кровью. Однако ростом и фигурой убитая разительно напоминала Джулию. И лежала в ее квартире. А тут на меня набросилось яростное собакоподобное существо, и мне стало не до вдумчивого опознания. Когда смертельная схватка завершилась под аккомпанемент приближающихся сирен, я думал, как бы унести ноги, а не о детальном расследовании. Однако, мысленно возвращаясь к той сцене, я ни разу не усомнился, что видел именно Джулию.

— Невероятно, — сказал я. — Что же я обнаружил?

— Спроси кого-нибудь другого, — отвечала Джасра. —

Может быть, одно из ее теневых отображений, может быть — случайную прохожую. Или выкраденный из морга труп. Не знаю.

— На трупе был один из твоих голубых камней.

— Да. А парный — на ошейнике твари, которую ты убил. Таким образом был создан коридор.

— Зачем? И к чему вся эта история со Скрофом?

— Чистейшей воды отвлекающий маневр. Виктор решил, что Джулию убила я, я — что Виктор. Он считал, что я открыла путь из Стража и выпустила зверя, я думала на Виктора и досадовала, что он скрыл от меня свои быстрые успехи. Такие вещи хорошо не кончаются.

Я кивнул:

— Ты разводишь здесь этих тварей?

— Да, — отвечала она, — и даже выставляю в нескольких соседних Тенях. У меня есть и медалисты.

— Предпочитаю питбулей, — сказал я. — Они попригляднее и нравом подобрее. Значит, Джулия оставила тело и скрытый коридор сюда, а ты посчитала, что Виктор ее прикончил и готовится посягнуть на твою святая святых?

— Примерно так.

— А он решил, что Джулия стала для тебя слишком опасной — из-за коридора — и ты ее устранила?

— Не знаю, обнаружил ли Виктор коридор. Сам помнишь, там была неплохая маскировка. В любом случае ни Виктор, ни я не подозревали, что сделала Джулия на самом деле.

— А что же она сделала?

— Прицепила ко мне кусочек траголита. Позже, после посвящения, она с помощью парного камня последовала за мной через Тень в Бегму.

— В Бегму? За каким дьяволом тебя туда понесло?

— Да ни за чем особенно, — сказала Джасра. — Я упомянула это, чтобы показать, какая она хитрая. В тот раз она ко мне не приблизилась, я и узнала-то позже, с ее слов. Джулия кралась за мной по периметру Золотого Кольца до самого Стража. Остальное тебе известно.

— Не уверен.

— Она положила глаз на это место. Ее нападение и впрямь оказалось для меня полной неожиданностью. Так я превратилась в вешалку.

— А она стала здешней хозяйкой и надела маску. Жила здесь, наращивала силу, совершенствовалась, вешала на тебя зонтики...

Джасра предостерегающе засопела. Я вспомнил, что ей действительно пришлось несладко, и переменил тему.

— Мне все равно неясно, почему она следила за мной и время от времени осыпала цветами.

— Мужчины раздражающе непонятливы, — сказала Джасра и осушила кубок. — Ты сумел разобраться во всем, кроме ее мотивов.

— Она была одержима идеей власти, в чем тут еще разбираться? Я припоминаю, что у нас был долгий разговор о власти.

Мэндор хихикнул. Я глянул в его сторону. Он отвернулся и покачал головой.

— Очевидно, — сказала Джасра, — она по-прежнему неравнодушна к тебе. И даже очень. Она заигрывала с тобой. Пыталась разбудить твое любопытство. Чтобы тебе захотелось ее разыскать. Тогда она скорее всего попробовала бы с тобой потягаться. Доказать, что заслуживала всего того, в чем ты ей отказал, когда не удостоил своим доверием.

— Значит, тебе и это известно.

— Были времена, когда она говорила со мной откровенно.

— Выходит, Джулия настолько неравнодушна ко мне, что посылала убийц с траголитами выслеживать меня в Амбере?

Она отвела взор, кашлянула. Мэндор тут же встал, обогнул стол и налил ей вина, заслонив Джасру от меня. Тогда-то, пока Мэндор стоял между нами, она тихо произнесла:

— Не совсем так. Убийцы были... мои. Я считала, что Ринальдо тебя защищает, и воспользовалась его отсутствием, чтобы попытаться еще разок.

Я прищелкнул языком.

— И много их еще бродит?

— Те были последние.

— Приятно слышать.

— Я не прошу прощения. Просто объясняю, чтоб между нами не осталось непонимания. Готов ли ты списать и это? Мне нужно знать.

— Я уже сказал, что мы квиты. Мои слова остаются в силе. Когда в этой истории появился Джарт? Я не понимаю, как они столковались и что их связывает.

Мэндор, прежде чем сесть, подлил в мой кубок вина. Джасра подняла глаза.

— Не знаю, — сказала она. — Когда мы сражались, ей никто не помогал. Наверно, это случилось, пока я была без движения.

— Есть у тебя догадки, куда они с Джартом могли бежать?

— Ни малейших.

Я взглянул на Мэндора. Тот покачал головой.

— У меня тоже, — сказал он. — Однако мне пришла занятная мысль...

— Да?

— Во-первых, он совладал с Логрусом и приобрел силу. А главное, надо ли говорить, что Джарт, при всех своих шрамах и увечьях, ужасно похож на тебя?

— Джарт? На меня? Ты шутишь!

Мэндор взглянул на Джасру.

— Твой брат прав. Ваше с Джартом родство написано у вас на лицах.

Я отложил вилку и покачал головой.

— Ерунда, — сказал я, скорее затравленно, чем уверенно. — Никогда не замечал.

Мэндор еле заметно пожал плечами.

— Прочесть тебе лекцию о психологии отрицания? — спросила Джасра.

— Не надо. Лучше дайте мне время осознать.

— Тогда пора подавать следующую перемену, — объявил Мэндор и взмахнул рукой. Перед нами возникли тарелки.

— Твои родственники не станут укорять тебя за мое освобождение? — поинтересовалась Джасра несколько минут спустя.

— Пока еще они обнаружат твое отсутствие!.. Успею что-нибудь сочинить, — отвечал я.

— Другими словами, станут, — сказала она.

— Может быть, немного.

— Посмотрим, чем я могу помочь.

— О чем ты?

— Не люблю быть обязанной, — промолвила она, — а ты сделал для меня больше, чем я для тебя. Постараюсь придумать, как отвлечь их гнев на себя.

— Что ты затеваешь?

— Давай не будем это обсуждать. Порой лучше не знать лишнего.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Прекрасный повод сменить разговор, — сказала Джасра. — Насколько враждебно настроен Джарт?

— Ко мне? — спросил я. — Или тебя интересует, не явится ли он за добавкой?

— И то и другое, если ты так ставишь вопрос.

— Думаю, он убил бы меня, если б мог, — сказал я и взглянул на Мэндора.

Тот кивнул:

— Боюсь, это правда.

— А вернется ли он сюда за тем, что недополучил, — продолжал я, — судить тебе. Как по-твоему, взял он от Фонтана всю возможную силу?

— Точно не скажу, — отвечала она. — Джарт опробовал ее

второпях. Навскидку я бы оценила вероятность в пятьдесят процентов. Удовлетворится ли он этим?

— Возможно. Насколько он станет опасен?

— Очень и очень. Как только вполне освоится. Однако он должен сознавать, что это место надежно защищено — даже от таких, как он. Думаю, Джарт все же поостережется. Один Шару — в его теперешних обстоятельствах — препятствие более чем серьезное.

Я продолжал есть.

— Джулия, вероятно, ему отсоветует, — продолжала Джасра, — она достаточно хорошо знает это место.

Я кивнул. Мы встретимся, когда встретимся. И нечего тут гадать.

— Можно задать вопрос? — спросила Джасра.

— Давай.

— Ти'ига...

— Да?

— Я уверена, что даже в теле дочери герцога Оркуза она не просто вошла в замок и забрела в твой покой.

— Разумеется, — отвечал я, — она была в составе официальной делегации.

— Можно спросить, когда делегация прибыла?

— Сегодня утром. Боюсь, однако, что не могу разглашать подробности.

Джасра, словно отмахиваясь, подняла унизанную кольцами руку.

— Государственные тайны меня не волнуют, — сказала она. — Знаю, что Найда обычно сопровождает отца в качестве секретарши.

— И?

— Сестра была с ней или осталась дома?

— Ты про Корэл? — уточнил я.

— Да.

— Была с ней.

— Спасибо, — кивнула Джасра и вернулась к еде.

Черт! Куда она клонит? Неужели она знает про Корэл что-то, мне неизвестное? Что-то, относящееся к теперешнему ее местопребыванию? И, коли так, во что мне обойдется узнать?

— А что? — спросил я.

— Просто любопытно. Я знавала ее семью в... более счастливые времена.

Джасра расчувствовалась? Никогда не поверю. Так что же?

— Допустим, у семьи кое-какие неприятности...

— Кроме того, что в Найду вселилась ти'ига?

— Да, — сказал я.

— Мне грустно это слышать, — промолвила Джасра. — Что за неприятности?

— Маленькая история с исчезновением Корэл.

Джасра со звоном уронила вилку в тарелку.

— Что ты сказал?

— Она угодила куда не надо.

— Кто, Корэл? Когда? Куда?

— Зависит от того, как много ты о ней знаешь, — сообщил я.

— Я к ней привязана. Не тяни жилы. Что стряслось?

— Ты близко знала ее мать?

— Кинту? Встречала по дипломатическим делам. Милейшая дама.

— Расскажи мне про ее отца.

— Ну, он член королевского дома, но не наследной ветви. До того как стать премьер-министром, Оркуз был послом Бегмы в Кашфе. Семья жила с ним, так что мы, естественно, часто виделись...

Джасра подняла глаза, почувствовав, что я гляжу на нее в упор — через Знак Логруса, сквозь ее Нарушенный Путь. Наши глаза встретились. Она улыбнулась.

— Ох... Ты спросил об ее отце. — Джасра замолчала. Я кивнул. — Значит, слухи все-таки не лгали, — заметила она наконец.

— А ты не знала?

— Слухов так много, все не проверишь. Откуда мне знать, какой принимать всерьез? И зачем забивать себе голову?

— Ты, конечно, права. И все же...

— Еще одна побочная дочь старого гуляки, — заметила Джасра. — Кто-нибудь их считал? Удивляюсь, как у него хватало времени на государственные дела.

— Все удивляются.

— Откровенно говоря, в дополнение к слухам существует разительное фамильное сходство. Впрочем, не могу судить, поскольку не знаю лично всю семью. Говоришь, это правда?

— Да.

— Только на основании сходства, или есть что-то еще?

— Есть что-то еще.

Джасра улыбнулась, взяла уроненную вилку.

— Меня восхищает, как просто иногда объясняется стремительная карьера.

— Меня тоже, — сказал я, возвращаясь к еде.

Мэндор кашлянул.

— По-моему, нечестно рассказать только часть истории, — промолвил он.

— Ты прав, — согласился я.

Джасра перевела взгляд на меня и вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Спрошу. Откуда ты знаешь навер... Ах да, конечно. Огненный Путь.

Я кивнул.

— Ну, ну, ну. Маленькая Корэл, повелительница Пути... Это произошло совсем недавно?

— Да.

— Думаю, теперь она где-то в Тени — отмечает.

— Если б я сам знал!

— А что такое?

— Она исчезла неведомо куда. И это сделал Путь.

— Как?

— Хороший вопрос. Не знаю.

Мэндор прочистил горло.

— Мерлин, возможно, есть что-то, — он сделал вращательное движение левой кистью, — что ты по зрелом размышлении предпочел бы...

— Нет, — сказал я. — Скрытность была бы уместна в разговоре с тобой, брат мой, как лордом Хаоса. И, разумеется, беседе с Вашим Высочеством, — я кивнул в сторону Джасры, — если бы не ваше знакомство с упомянутой дамой и то, что вы, возможно, питаете к ней приязнь. — Я решил не пересаливать и быстро добавил: — По крайней мере, не испытываешь злобы.

— Я уже сказала, что люблю девочку, — объявила Джасра, подаваясь вперед.

— Ладно. Мне немножко не по себе, я чувствую себя виновным перед маленькой обманщицей и хотел бы исправить положение. Хотя и не знаю как.

— Что все-таки случилось? — спросила Джасра.

— Я развлекал ее. Она пожелала взглянуть на Огненный Путь. Я согласился. По пути она стала задавать мне вопросы: что да как. Разговор казался мне вполне безобидным, и я отвечал. Слухи о ее происхождении до меня не доходили, а то бы я насторожился. Я ничего не подозревал. Мы дошли. Она встала на Путь — и вперед.

Джасра охнула:

— Путь уничтожил бы всякого, кто не вашей крови, ведь так?

Я кивнул.

— Даже и любого из нас, — сказал я, — если хоть в чем-то ошибиться.

— А если бы ее мать согрешила с лакеем или поваром? — хохотнула Джасра.

— Корэл — мудрая дочь, — отвечал я. — Как бы там ни было, ступив на Путь, нельзя поворачивать назад. Мне пришлось на-

ставлять ее в Пути — иначе я нарушил бы долг гостеприимства и поставил под удар отношения Амбера и Бегмы.

— И сорвал деликатные переговоры? — полушутя предложила Джасра.

Ей явно хотелось сбить меня на разговор об истинной причине бегманского посольства, но я не поддался.

— Можно сказать и так. В любом случае она прошла Путь, а затем он ее перебросил.

— Покойный муж говорил мне, что из центра Огненного Пути можно перенестись куда пожелаешь.

— Верно, — подтвердил я, — но загвоздка в том, что Корэл пожелала нечто неординарное. Она велела Пути перенести ее, куда он сам захочет.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но она желала, а он исполнил.

— Ты хочешь сказать, она произнесла: «Отправь меня, куда тебе угодно» — и тут же оказалась неведомо где?

— Все правильно.

— Это подразумевает, что Путь в каком-то смысле разумен.

— Если, конечно, он не откликнулся на ее подсознательное желание очутиться в каком-то определенном месте.

— Что ж, это возможно. Но неужто ты не можешь ее разыскать?

— У меня есть ее карта. Мне удалось дотянуться до Корэл. Такое впечатление, что она заключена в темноте. Потом связь оборвалась, и все.

— Давно это было?

— По моим ощущениям — несколько часов назад, — сказал я. — Здешнее время хоть как-то сопоставимо с амберским?

— По-моему, да. Почему ты не повторил попытку?

— Как-то не до того было. И потом, я прикидывал, нет ли другого способа.

Что-то звякнуло, тренькнуло, запахло черным кофе.

— Если ты спрашиваешь, согласна ли я помочь, — промолвила Джасра, — то ответ — да. Только я не знаю, с какого боку подходить. Может быть, если ты еще раз обратишься к карте — с моей поддержкой, — мы сумеем до нее дотянуться.

— Ладно, — сказал я, ставя чашку и вынимая карту. — Попробуем.

— Я с вами, — сказал Мэндор, поднимаясь со стула и вставая справа от меня.

Джасра обошла стол и встала слева. Я держал карту так, чтоб всем было хорошо видно.

— Начали, — сказал я и сосредоточился.

Глава 3

Колечко света, которое я принимал за солнечный зайчик, перебралось с пола поближе к моей кофейной чашке. Мэндор и Джасра не подавали виду, что заметили, поэтому я тоже промолчал.

Я шарил в поисках Корэл и не находил ничего. Джасра и Мэндор присоединились ко мне. Я напрягся.

Что-то есть?

Что-то...

Помнится, я гадал, чем руководствуется Вайол, когда прибегает к картам. Не привычными нам зримыми приметами. Чем-то вроде того, что я почувствовал сейчас.

Что-то.

Я ощущал присутствие Корэл. Ее изображение на карте не оживало. Сама карта стала заметно прохладнее на ощупь, однако то не был обычный холодок козырного контакта. Я поднатужился. Мэндор и Джасра тоже старались изо всех сил.

Изображение Корэл на карте померкло, но на смену ему никто не явился. Тем не менее, вглядываясь, я ощущал ее присутствие. Более всего это походило на попытку вступить в общение со спящим.

— Трудно сказать, то ли она просто в каком-то малодоступном месте, — начал Мэндор, — то ли...

— Думаю, она заколдована, — объявила Джасра.

— Это объясняет некоторые странности, — кивнул Мэндор.

— Но только некоторые, — произнес совсем близко знакомый негромкий голос. — Папа, ее удерживают ужасающие Силы. Я никогда ничего подобного не видел.

— Прозрачное Колесо прав, — сказал Мэндор. — Я начинаю это чувствовать.

— Да, — подтвердила Джасра, — что-то...

Тут пелена расступилась, и я увидел Корэл — она без движения и, по всей видимости, без чувств лежала в темноте, в огненном кольце, озаренная лишь его багровыми отблесками. Она не могла бы призвать меня, даже если бы захотела...

— Призрак, ты можешь перенести меня к ней? — спросил я.

Он не успел ответить, как Корэл исчезла, и на меня дохнуло холодом. Прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что тянет из заиндевевшей карты.

— Думаю, нет, не испытываю желания и не вижу необходимости, — отвечал он. — Сила, которая ее удерживает, осознала твой интерес и сейчас тянется к тебе. Ты можешь как-то отсоединить карту?

Я провел ладонью по картинке — обычно этого оказывается довольно. Никакого результата. Сквозняк вроде бы даже усилился. Я провел еще раз, сопроводив жест мысленным приказанием, и почувствовал, что неведомая Сила фокусируется на мне.

Знак Логруса упал на карту, меня отбросило назад, ударило плечом об угол двери. Мэндор завалился было на правый бок, но удержался за стол. Логрусским зрением я успел заметить, как из выпавшей из руки карты рвутся яростные линии света.

— Помогло? — крикнул я.

— Связь оборвалась, — отвечал Призрак.

— Спасибо, Мэндор.

— Однако Сила, которая тянулась к тебе через карту, знает теперь, где тебя искать, — сказал Призрак.

— Почему ты так уверен?

— Это заключение, основанное на факте, что она по-прежнему к тебе тянется. Правда, теперь она движется не напрямик, а через пространство. До тебя она доберется секунд через пятнадцать.

— До тебя? — сказала Джасра. — То есть до Мерлина? Мы ее не интересуем?

— Затрудняюсь ответить. Она сфокусирована на Мерлине.

Пока они говорили, я нагнулся и подобрал карту.

— Ты можешь нас защитить? — спросила Джасра.

— Я уже начал перебрасывать Мерлина далеко отсюда. Вас тоже?

Подняв глаза, я увидел, что все в комнате истончается, становится прозрачным, словно отлитым из цветного стекла.

— Уж пожалуйста, — попросила витражная Джасра.

— Да, — прошелестел мой тающий брат.

Сквозь огненный обруч — и в темноту...

Я наткнулся на стену, ощупью двинулся вдоль нее. Впереди брезжил слабый свет, мерцали яркие точки...

— Призрак?

Нет ответа.

— Я не в восторге от этого прерванного разговора, — закончил я.

Я шел, пока не оказался у выхода из пещеры. Передо мной было ночное небо. Я шагнул вперед и очутился на пронизывающем ветру. Дрожа, отступил назад.

Я не имел ни малейшего представления, где очутился. Впрочем, какая разница, главное, можно передохнуть. Я напряг логрусское зрение и не сразу нашел теплое одеяло. Завернулся в него, сел. Снова вгляделся. Уже быстрее нашел дрова, совсем

скоро их подпалил. Теперь бы еще чашечку кофе... Интересно...

А почему бы нет? Я снова стал искать глазами, и тут в поле зрения вкатилось яркое колечко.

— Папа! Перестань! — произнес обиженный голос. — Мне стоило большого труда упрятать тебя в этот безвестный уголок Тени. А ты своими заказами привлекаешь к себе внимание.

— Ну тебя! — сказал я. — Мне всего лишь захотелось кофе.

— Я сделаю. Просто не прибегай некоторое время к собственным силам.

— А разве твои действия не будут так же заметны?

— А я окольным путем. Вот!

На полу справа от меня появилась темная керамическая кружка. От нее шел пар.

— Спасибо, — сказал я, беря кружку и вдыхая запах. — Что ты сделал с Мэндором и Джасрой?

— Отправил в разные стороны вместе с кучей мечущихся туда-сюда фальшивых образов. Все, что от тебя требуется, — на время затаиться. Пусть немного ослабит бдительность.

— Кто ослабит?

— Сила, которая завладела Корэл. Нельзя, чтоб она нас отыскала.

— Почему? Помнится, ты спрашивал, уж не бог ли ты... Чего же тебе бояться?

— Есть чего. Похоже, она сильнее меня. С другой стороны, я вроде проворнее.

— И то хорошо.

— Постарайся выспаться. Утром я сообщу, по-прежнему ли она тебя ищет.

— Если я сам раньше не узнаю.

— Не обнаруживай себя, разве что от этого будет зависеть твоя жизнь.

— Я не о том. Что, если она сама меня отыщет?

— Действуй по обстоятельствам.

— Почему мне кажется, что ты темнишь?

— Полагаю, это твоя природная подозрительность, папа. Она у тебя в крови. Мне пора.

— Куда? — спросил я.

— Проверить, как остальные. Выполнить несколько поручений. Позаботиться о саморазвитии. Взглянуть на мои опыты. Все такое... Пока.

— Как насчет Корэл?

Однако светлое кольцо передо мной уже потускнело и исчезло. Вот это называется оборвать разговор. Призрак все больше становится таким же, как мы, — хитрым и скрытным.

Я отхлебнул кофе — вполне сносный, хотя и похуже, чем у Мэндора. Интересно, где теперь Мэндор и Джасра? Я решил не предпринимать попыток с ними связаться. Лучше и впрямь оградить себя от колдовского вторжения.

Я призвал Знак Логруса, который ускользнул от меня во время переброски. Велел ему поставить заслон у входа в пещеру. Потом отпустил его. Отпил еще глоток. И сразу понял, что кофе не прогонит сон. Как-никак, я пережил утомительное нервное потрясение. Внезапно навалилась усталость. После третьего глотка я почувствовал, что еле держу кружку. Еще глоток, и глаза начали слипаться.

Я поставил кружку, плотнее закутался в одеяло и поудобнее устроился на каменном полу — благо хрустальный грот приучил меня спать на жестком. Костер отбрасывал дрожащие тени, и сквозь закрытые веки мне чудились призрачные армии. Дрова потрескивали, а казалось — сталь бряцает о сталь. Пахло смолой.

Я отрубился. Сон, прекраснейшее из наслаждений жизни, в отличие от других, не утомляет и не приедается. Он наполнил меня, и я поплыл. Куда и надолго ли — не знаю.

Не могу сказать, что меня разбудило. Просто я был где-то в другом месте и внезапно очнулся в пещере. Я немного откатился во сне, ноги замерзли, и я чувствовал: рядом кто-то есть. Я не открывал глаз и дышал ровно, как спящий. Может, это Призрак решил меня навестить. А может, кто-то проверяет мой заслон.

Я чуть-чуть приоткрыл веки, глянул из-под ресниц. У входа в пещеру стоял кто-то маленький, горбатый, отблески пламени озаряли на удивление знакомое лицо. В его чертах было что-то от меня, что-то от моего отца.

— Мерлин, — произнес незнакомец мягко. — Проснись. Тебя ждут новые края и новые свершения.

Я открыл глаза и вытаращился. Он безусловно подходил под описание.

Фракир дернулась, я погладил ее, успокаивая.

— Дворкин?

Незнакомец хихикнул:

— Он самый.

Старик заходил перед устьем пещеры, то и дело останавливаясь, чтоб протянуть мне руку через заслон, но так ни разу и не решился.

— В чем дело? — спросил я. — Зачем ты здесь?

— Пришел вернуть тебе нить.

— Что за нить?

— В поисках заблудившейся дамы, которая вчера прошла Огненный Путь.

— Корэл? Ты знаешь, где она?

Дворкин поднял руку, опустил, скрипнул зубами.

— Корэл? Это ее имя? Впусти меня, поговорим.

— Мы и так прекрасно беседуем.

— Не уважаешь предка?

— Уважаю. Но у меня есть меняющий обличья брат, который, стоит зазеваться, охотно оторвет мне башку и украсит ею свое логово. — Я сел и потер глаза, одновременно пытаясь собраться с мыслями. — Так где Корэл?

— Идем, покажу.

Он двинулся ко мне. Его рука прошла заслон и тут же вспыхнула. Он, похоже, не заметил. Темные звезды его глаз притягивали. Повинуясь их велению, я встал и двинулся к выходу. Рука начала размягчаться. Горящее мясо плавилось, как воск, капало на землю. Под ним не было костей, только странный геометрический рисунок, словно кто-то сделал объемный набросок руки, а потом наскоро обтянул его грубым подобием плоти.

— Держись за меня.

Я против воли протянул руку к пальцеподобным кривым спиралям костяшек. Меня тянула неудержимая сила, и я беспомощно гадал — что будет, если коснуться этой жуткой ладони?

Чтобы не испытывать судьбу, я призвал Знак Логруса и послал его впереди себя.

Возможно, это было не лучшее решение.

Меня ослепило. Когда зрение вернулось, оказалось, что Дворкин исчез. Я проверил заслон — держит. Коротким простым заклинанием я раздул костер, заметил, что кружка по-прежнему полна: тем же заклинанием, только сокращенным, разогрел кофе. Потом снова закутался в одеяло, сел поудобнее и начал пить. Сколько я ни ломал голову, объяснений происходящему не подыскивалось.

Я знал, что никто уже много лет не видел полубезумного демиурга, хотя, по словам отца, когда Оберон починил Путь, рассудок Дворкина должен был в значительной мере восстановиться. Трудно представить, чтобы Джарт в попытке меня прикончить выбрал именно это обличье. Если на то пошло, Джарт вряд ли вообще знает, как выглядел Дворкин. Я уже раздумывал, не вызвать ли Призрачное Колесо, чтоб послушать его нечеловеческое мнение. Однако, прежде чем я что-нибудь

решил, звезды у входа в пещеру заслонила новая фигура — много выше Дворкина, можно даже сказать — исполинская.

Новоприбывший шагнул вперед, и отсвет костра упал на его лицо.

Я расплескал кофе. Нам не доводилось встречаться, но я сразу узнал его по многочисленным портретам из замка Амбера.

— Я считал, что Оберон погиб, восстанавливая Путь...

— Ты при этом был? — спросил он.

— Нет, — отвечал я, — но ты явился сразу за чудноватым призраком Дворкина и потому должен извинить мою недоверчивость.

— А, то был поддельный Дворкин. Я — настоящий.

— Так кто ж это был?

— Астральное тело одного глупого шутника — чародея Джаласа из четвертого круга Теней.

— Откуда мне знать, — сказал я, — что ты — не отображение какого-нибудь Джаласа из пятого круга?

— Я могу перечислить всю генеалогию амберского царствующего дома.

— У нас это может сделать любой мало-мальски грамотный человек.

— Я включу незаконных.

— Кстати, сколько их?

— Я знаю сорок семь.

— Ничего себе! Как ты успел?

— Разные временные потоки, — отвечал он с улыбкой.

— Если ты не погиб, восстанавливая Путь, то почему не вернулся в Амбер? Почему позволил Рэндому занять трон и наломать дров?

Он рассмеялся:

— А я погиб. Перед тобой — дух, явившийся призвать живого защитника Амбера на растущую мощь Логруса.

— Даже если ты тот, за кого себя выдаешь, ты все равно обратился не по адресу. Я — посвященный Логруса и сын Хаоса.

— Но ты также посвященный Пути и сын Амбера, — отвечал исполин.

— Верно. Тем больше у меня поводов оставаться над схваткой.

— Каждому раньше или позже приходится выбирать, — молвил он. — И для тебя это время наступило. На чьей ты стороне?

— Даже допуская, что ты — это ты, я все равно не чувствую себя обязанным делать выбор, — сказал я. — А во Владениях бытует легенда, что сам Дворкин был посвященным Логруса. Если так, я всего лишь следую примеру почтенного предка.

— Но он отрекся от Хаоса, когда основал Амбер.

Я пожал плечами:

— Хорошо, что я ничего не основал. Если я должен что-нибудь сделать, объясни, докажи, зачем это надо. Я, может быть, и соглашусь.

Он протянул руку:

— Идем со мной, я поставлю тебя пред новым Путем, который ты должен пройти в состязаниях между Силами.

— Я по-прежнему не понимаю, о чем ты говоришь, но уверен, что настоящего Оберона не остановил бы такой простенький заслон. Подойди, пожми мне руку, и я охотно отправлюсь взглянуть, что там у тебя.

Он выпрямился и стал еще огромнее.

— Испытываешь меня?

— Да.

— Человеком я сделал бы это без труда, но не знаю, можно ли положиться на эту барахляную призрачную субстанцию. Предпочту не рисковать.

— В таком случае я тоже с благодарностью отклоню ваше предложение.

— Внучок, — произнес он спокойно, и в глазах его вспыхнули красные огоньки. — Ко мне, даже к мертвому, не смеет так обращаться мое порождение. Ну, держись! Не идешь добром — поведу силой.

Он двинулся на меня, я отступил на шаг.

Он ударил по моей защите. Я заслонился ладонью, как от фотовспышки. Щурясь сквозь пальцы, я наблюдал, как с Обероном происходит примерно то же, что раньше с Дворкином. Он частично просвечивал, частично плавился. Внешняя оболочка стекала, под ней проступали извивы и протоки, параболы и перемычки — схематический чертеж, вписанный в абрис высокого мускулистого мужчины. Впрочем, в отличие от Дворкина, он не исчез, а лишь замедлился, миновав мой заслон. Не знаю, кто это был, но ужас он вызывал непомерный. Продолжая отступать, я поднял руки и снова воззвал к Логрусу.

Знак Логруса возник между нами. Абстрактная версия Оберона надвигалась, призрачные руки уперлись в извивающиеся щупальца Хаоса.

Я не управлял изображением Логруса в его схватке с призраком — мне было слишком страшно. Я скорее швырнул Знак в подобие короля, пригнулся, проскочил мимо них обоих и покатился, цепляясь руками и ногами за склон. Ударился о валун, задержался и успел втянуть голову в плечи, когда пещера рванула, словно пораженный снарядом склад боеприпасов.

С минуту я лежал зажмурясь. Меня била дрожь. Сейчас он явится по мою душу, если, конечно, мне не удалось вполне затаиться и прикинуться булыжником.

Тишина. Открыв глаза, я увидел, что свет погас, а пещера стоит как стояла. Я медленно поднялся, еще медленнее приблизился к устью. Знак Логруса куда-то подевался, и мне что-то не хотелось его возвращать. Я заглянул в пещеру. Никаких признаков стычки, если не считать проломленной защиты.

Я вошел. Одеяло лежало на месте. Потрогал стену — холодная. Видимо, взрыв произошел на другом уровне реальности. Костерок еле тлел. Я раздул пламя и не увидел ничего нового — разве что кофейная кружка раскололась.

Я продолжал держаться за стену. Потом привалился к ней боком. Внезапно меня разобрал смех. Почему — не знаю. Слишком многое навалилось на меня после тридцатого апреля. Если бы я не рассеялся, то, наверное, взвыл и принялся колотить себя в грудь.

Я думал, что знаю всех участников этой запутанной игры. Люк и Джасра вроде бы оказались на моей стороне, вместе с Мэндором. Безумный брат Джарт жаждет меня убить, теперь он объединился с моей бывшей возлюбленной Джулией, которая тоже настроена кровожадно. Еще есть ти'ига — сверхзаботливая демоница, вселившаяся в тело Найды, сестры Корэл, — ее я оставил в Амбере, погруженную в колдовской сон. Есть профессиональный вояка Далт, который, кстати, приходится мне дядей, — он с неведомой целью умыкнул Люка, предварительно смешав его с грязью на глазах у двух армий в Арденах. Далт точит зубы на Амбер, но способен лишь на мелкие партизанские вылазки. Есть Призрачное Колесо, мой кибернетический банкомет и второстепенный механический полубог, который из пылкого маньяка превратился в рассудительного параноика, — не знаю, куда это его заведет, но, по крайней мере, он демонстрирует и некое сыновнее почтение вкупе с нынешней трусостью.

Вот вроде и все.

Однако последние события подразумевают, что в игру включилось что-то еще и это «что-то» пытается увлечь меня в третьем направлении. Призрак утверждает, что это «что-то» — сильное. У меня не было ни малейших догадок касательно его природы. И ни малейшего желания ему доверять. Неловкие отношения.

— Эй, малыш! — раздался знакомый голос ниже по склону. — Тебя поди разыщи! Ты на месте не засиживаешься.

По склону поднималась одинокая фигура. Крепкий мужчина. Черт лица в темноте не разобрать.

Я отступил на шаг и начал заклинание, которое восстановило бы заслон.

— Эй, не убегай! Мне надо с тобой поговорить!

Защита встала на место, я вытащил меч и повернулся боком ко входу, пряча клинок за правой ногой. Велел Фракир незаметно свеситься с моей левой руки.

Второй посетитель оказался сильнее первого, раз сумел разметать мой заслон. Если третий окажется сильнее второго, мне потребуются все средства самозащиты.

— Кто ты? — крикнул я. — И чего тебе надо?

— Проклятье! — отозвался он. — Да никто особенно. Просто твой отец. Мне нужна помощь и не хочется обращаться к чужим.

Он вышел на свет. Должен признать, это и впрямь был вылитый принц Корвин из Амбера — черный плащ, сапоги, штаны, серая рубаха, серебряные запонки, пряжка, даже серебряная роза на месте — и улыбался так же язвительно, как и настоящий Корвин, когда давным-давно рассказывал мне свою историю.

У меня заныло под ложечкой. Я так хотел познакомиться с ним ближе, но он исчез, и мне больше не удалось его разыскать. И теперь это призрачное чучело принимает облик моего отца, чтобы я размяк. Меня разобрала злость. До чего же подлая уловка!

— Первым был самозваный Дворкин, — сказал я. — Вторым — Оберон. Карабкаемся по родословному древу, а?

Он сощурился и недоуменно склонил голову набок. Еще один правдоподобный штрих.

— Не понимаю, о чем ты, Мерлин. Я...

Призрак коснулся заслона и вздрогнул, словно наткнувшись на оголенный провод.

— Тысяча чертей! — вскричал он. — Ты, что ли, совсем никому не доверяешь?

— Семейная традиция, — отвечал я, — подкрепленная недавним опытом.

Впрочем, меня несколько смутило отсутствие пиротехнических эффектов. Когда он начнет превращаться в трехмерный чертеж?

С новым проклятием призрак перебросил плащ через левую руку, правая метнулась к превосходной копии отцовских ножен. Украшенный серебряной насечкой клинок со свистом описал дугу и ударил в самое средоточие заслона. Искры брызнули на фут, лезвие зашипело, словно его раскалили и

окунули в воду. Серебряный девиз вспыхнул, снова взметнулись искры — в этот раз на высоту человеческого роста, — и я почувствовал, что моему заслону пришел конец.

Призрак вступил в пещеру, я развернулся и взмахнул мечом. Однако клинок, очень похожий на Грейсвандир, вновь описал круг, отбил мой выпад и нацелился мне в грудь. Я применил четвертую позицию, однако его клинок ушел вниз, продолжая мне угрожать. Я применил шестую, но поразил лишь воздух, купившись на ложный выпад. Клинок надвигался снизу. Я снова парировал. Противник отклонился вправо, выбросил мне в лицо растопыренную левую ладонь, опустил острие и, словно фокусник, перехватил эфес.

Слишком поздно я заметил, как взметнулась правая рука. Левая коснулась моего затылка. Головка Грейсвандирова эфеса двигалась прямо мне в челюсть.

— Так ты и вправду... — начал я, но договорить не успел.

Последним, что я видел, была серебряная роза.

Такова жизнь: доверяй — и тебя обманут, не доверяй — обманешься сам. Как большинство парадоксов, он неразрешим. Да и поздно было думать. Сделанного не воротишь.

Я очнулся в полной темноте, встревоженный и сбитый с толку. Как всегда в таких случаях, я оставался лежать неподвижно и дышал ровно, будто еще сплю. И вслушивался.

Ни звука.

Я чуть-чуть приоткрыл глаза.

Маловразумительное зрелище. Я снова замжурился.

Может быть, удастся уловить колебания поверхности, на которой я лежу ничком?

Не колеблется.

Я полностью открыл глаза и с трудом поборол желание тут же опять закрыть. Приподнялся на локтях, потом подобрал под себя колени. Повернул голову. Ничего чуднее я не видел с тех пор, как пьянствовал с Люком и Чеширским Котом.

Все вокруг было совершенно лишено красок, только черное, белое и серое. Как фотографический негатив. Зияющая черная дыра — надо полагать, солнце — висела невысоко над горизонтом по правую руку от меня. По темно-серому небу лениво проплывали чернильно-черные облака. Я сам превратился в негра, зато камни подо мной и вокруг лучились ослепительной белизной.

Я медленно встал, огляделся. Да. Земля сверкает, небо темно, я — серая тень между ними. Прямо скажу, приятного мало.

Воздух был сухой, морозный. Я стоял у подножия кипен-

но-белых гор, наводящих на мысли об Антарктиде. Они уходили влево. Справа, в направлении восходящего — если моя догадка верна — солнца тянулась черная равнина. Пустыня? Мне пришлось заслониться ладонью от ее пронзительно... чего? Антисвета?

— «Черт!» — попытался сказать я и обнаружил сразу два обстоятельства.

Во-первых, мое восклицание осталось беззвучным. Во-вторых, челюсть болела там, куда ударил отец или его подобие.

Я повторил свое беззвучное соображение и вытащил карты. Если тебя забросило куда-то не туда, лучше не строить пустых догадок. Я вытащил карту Призрачного Колеса, сосредоточился.

Никакого отклика. Но, может быть, Призрак, который и велел мне затаиться, попросту не хочет отвечать на зов. Я перетасовал колоду. Остановился на Флоре. Она всегда охотно выручала меня в трудную минуту. Я вгляделся в ее милое лицо, сосредоточился...

Ни один золотистый локон не шелохнулся. Температура не снизилась и на градус. Карта оставалась картой.

Я удвоил усилия и даже подкрепил их заклинанием. Дохлый номер.

Тогда Мэндор. Несколько минут я убил на его карту — тот же результат. Попытался связаться с Рэндомом. Ничего. Бенедикт, Юлиан. Нет и нет. Фиона, Люк, Билл Рот. Еще три облома. Я даже вытащил пару карт Судьбы, но не смог достучаться ни до сфинкса, ни до сооружения из костей на горе зеленого стекла.

Я сложил колоду, убрал ее в футляр и в карман. Раньше такое случалось только в хрустальной пещере. Впрочем, карты можно блокировать самыми разными способами. Сейчас не время гадать, что же произошло. Важнее придумать, как перебраться в какое-нибудь более приветливое место, а выяснением причин заняться на досуге.

Я пошел. Ноги мои ступали совершенно бесшумно. Я пнул гальку. Она запрыгала вперед, но я ровным счетом ничего не услышал.

Белое налево, черное — направо. Горы или пустыня. Я свернул влево. Ничто не двигалось, кроме черных-пречерных облаков. Каждый выступ отбрасывал режущую глаз белизну — сумасшедшую тень на сумасшедшей земле.

Еще раз свернуть налево. Три шага... обогнуть валун. Вверх по склону. Через холм и вниз. Вскоре слева между камнями покажется алая полоска...

Ничего подобного. Ладно, в следующий раз...

Острая боль в лобной пазухе. Ни намека на красное. Вперед.

Расселина справа, за следующим поворотом.

Я потер виски, которые начало ломить, когда никакой расселины не обнаружилось. Я засопел, на лбу выступил пот.

Болотная зелень в мелких синих цветочках у подножия следующего косогора...

Заломило в затылке. Никаких цветов. Никакой болотной зелени.

Тогда пусть облака разойдутся, и солнце изольет черноту...

Ничего подобного.

...и журчание бегущего ручейка донесется из следующей расселины.

Мне пришлось остановиться. Голова раскалывалась, руки тряслись. Я тронул каменную скалу слева. Твердая. Несокрушимая реальность. Почему же она так на меня давит?

И как я здесь очутился?

И что это за место?

Я расслабился. Замедлил дыхание, перераспределил энергию. Боль в голове утихла, отпустила.

Я двинулся дальше.

Птичий гомон и легкий ветерок... Цветы на растрескавшейся почве...

Черта с два! И вновь упрямая боль...

Что за заклятие на мне, если я не могу перемещаться внутри Тени? Я как-то всегда полагал, что эту способность отнять нельзя.

— Не смешно, — попытался сказать я. — Кто бы и где бы ты ни был, зачем тебе это? Чего ты добиваешься? Где ты?

Вновь никакого отклика.

— Я не знаю, как ты это сумел. И зачем? — силился выкрикнуть я, потом задумался. — Я не чувствую на себе заклятия. Но зачем-то я здесь очутился? Давай выкладывай, чего тебе нужно!

Ничегошеньки.

Я пошел дальше, рассеянно продолжая попытки пройти сквозь Тень и размышляя. У меня было чувство, будто я упустил что-то ужасно простое.

И маленький алый цветок вот за тем валуном...

Я обошел валун и увидел цветочек, который полуосознанно наколдовал. Я рванул к нему, желая убедиться, что Вселенная, в сущности, симпатизирует Мерлину и желает ему только добра.

Я запнулся о камень, взметнул облако пыли, удержался на

ногах, выпрямился, огляделся. Еще минут десять-пятнадцать я потратил на поиски цветка. Потом чертыхнулся и пошел прочь. Никто не любит, чтобы Вселенная упражнялась на нем в остроумии.

Внезапно меня осенило. Я обшарил карманы — не завалялся ли там хоть крохотный голубой осколок. Вот что может перенести меня через Тень к своему первоисточнику. Однако нет — даже голубой пылинки не засыпалось за подкладку. Все они в отцовской могиле. Видимо, это было бы слишком просто.

Чего же я все-таки недопонимаю?

Лже-Дворкин, лже-Оберон и человек, назвавшийся моим отцом, — все они хотели отвести меня в какое-то неведомое место, где, как утверждал Оберон, предстоит сражение между Силами. Корвину — или не Корвину — это, похоже, удалось. Я потер ушибленную челюсть. Только что это за игра? И как расставлены Силы?

«Оберон» что-то болтал, будто я должен выбрать между Амбером и Хаосом. Однако в этом же разговоре он несколько раз солгал. К чертям и Амбер, и Хаос! Я не просил втягивать меня в борьбу. У меня своих забот хватает. Не желаю даже узнавать правила, по которым это безобразие разыгрывается.

Я пнул белый камешек, проводил его взглядом. На проделки Джарта или Джулии не похоже. То ли в игру вступил новый фактор, то ли какой-то старый изменился до неузнаваемости. С чего все началось? Похоже, это как-то связано с Силой, которая выслеживала меня после попытки связаться с Корэл. Остается допустить, что она таки меня разыскала... Но что это за Сила? Похоже, было нужно, чтоб я увидел Корэл в кольце огня. Надо думать, то, что кроется за нынешней ситуацией, обреталось где-то поблизости. Но где Корэл? Она попросила Огненный Путь отправить ее куда следует... Сейчас я не могу спросить Путь, где это... и не могу пройти его, чтоб попросить отправить меня вслед за ней.

Однако пора твердо сказать, что я в эти игры не играю, и поискать иной выход. Раз мои карты заколодило, а способность перемещаться по Тени загадочным образом улетучилась, значит, надо прибегнуть к более мощному средству. Я призову Знак Логруса и проломлюсь сквозь Тень силою Хаоса.

Фракир врезалась мне в запястье. Я быстро огляделся в поисках надвигающейся угрозы, но ничего не увидел. Еще несколько минут я оставался начеку, всматривался в местность. Все было тихо, Фракир больше не дергалась.

Что ж, она не первый раз всполошилась на пустом месте — может, в ответ на блуждающие астральные токи, а может —

на какую-то мою случайную мысль. Однако в таком месте лучше не рисковать.

Шагах в ста и чуть левее торчала довольно высокая глыба. Я добрался до нее и полез вверх. Вскарабкался на меловую верхушку и огляделся. Насколько хватал глаз, молчаливый мир был совершенно безжизненным.

Я убедился, что тревога ложная, слез с камня. Снова собрался призвать Логрус, и Фракир чуть не перерезала мне руку. Черт. Не обращая на нее внимания, я позвал.

Знак Логруса возник и ринулся на меня. Он трепетал, как бабочка, а налетел, как грузовик. Черно-бело-серый мир померк, словно оборвалась старая кинохроника.

Глава 4

Я очнулся с раскалывающейся головой, с привкусом грязи во рту. Я лежал ничком. Из сумятицы мыслей всплыло воспоминание. Я открыл глаза. Все по-прежнему белое, черное и серое. Я выплюнул песок, протер глаза, сморгнул. Знак Логруса исчез, и я не мог понять, что между нами произошло.

Я сел, обхватил руками колени. Похоже, я угодил в переплет. Все мои сверхъестественные способности к передвижению или общению заклинило. Я не мог придумать ничего лучше, чем встать и двинуться куда глаза глядят.

Меня передернуло. Куда я приду? Просто в другую точку все той же однообразной страны?

Внезапно рядом негромко кашлянули.

Я мигом вскочил и огляделся. Никого.

— Кто здесь? — выговорил я одними губами, отчаявшись задать вопрос вслух.

Снова покашливание, где-то совсем близко.

Потом:

— Мне надо кое-что тебе сообщить, — прозвучало в голове.

— Что? Кто ты? Что сообщить? — попытался спросить я.

— Извини, — отвечал приглушенный голос, — мне это пока внове. Если отвечать по порядку, я там же, где всегда — на твоем запястье. Логрус, пробившись, добавил мне возможностей, чтобы я смогла передать тебе его сообщение.

— Фракир?

— Да. Первое,что я приобрела, когда ты пронес меня через Логрус, — это способность чуять опасность, подвижность, боевые рефлексы и зачатки сознания. В этот раз Логрус добавил способность к прямому телепатическому контакту и усилил мое сознание, чтобы я смогла пересказать его слова.

— Зачем?

— Он торопился, поскольку мог пробыть здесь лишь долю секунды, и это был единственный способ ввести тебя в курс дела.

— *Я не знал, что Логрус обладает сознанием.*

Послышалось что-то вроде смешка.

Затем:

— Трудно дать определение разуму такого порядка, и, полагаю, ему нечасто приходится говорить, — отвечала Фракир. — *Его энергии обыкновенно направлены на другое.*

— Ладно, а зачем он меня вырубил?

— Нечаянно. Это побочное следствие того, что он сделал со мной, когда увидел, что не может объясниться с тобою иначе.

— Почему он не мог пробыть здесь дольше? — спросил я.

— *Такова природа этой страны, которая лежит между Тенями и в основном недоступна как для Пути, так и для Логруса.*

— Своего рода демилитаризованная зона?

— Нет, дело не во взаимном соглашении. Просто и тому и другому крайне трудно сюда проникнуть. Вот почему местность выглядит практически первозданной.

— То есть они не могут сюда попасть?

— Примерно так.

— Как вышло, что я ничего об этом не слыхал?

— Может быть, потому что сюда вообще трудно попасть.

— Так что ты хотела сообщить?

— Главным образом, чтоб ты больше не вызывал Логруса, пока остаешься здесь. Проводящая среда крайне ненадежна, и неизвестно, как проецированная энергия поведет себя без заземления. Это может быть для тебя опасно.

Я потер пульсирующие виски. По крайней мере, новая боль отвлекла от мыслей об ушибленной челюсти.

— Ладно, — согласился я. — Он намекнул, зачем я здесь оказался?

— Да. Это испытание. Какого рода — не знаю.

— Есть ли у меня выбор?

— В каком смысле?

— Могу ли я взбунтоваться?

— Полагаю, да. Но тогда не знаю, как ты отсюда выберешься.

— Значит, меня отсюда выпустят, если я исполню их требования?

— Если останешься в живых, да. Если не останешься, наверное, тоже.

— Значит, выбора у меня все-таки нет.

— Выбор будет.

— Когда?

— Где-то впереди. Где именно, не знаю.

— Почему бы просто не повторить мне свои инструкции?

— *Рада бы, да не могу. Они всплывают в ответ на вопрос или ситуацию.*

— А душить ты от этого не разучилась?

— Нет.

— И то хлеб. Есть у тебя какие-нибудь предположения, что мне делать дальше?

— Да. Взбираться на самую высокую гору слева.

— Которую... Ага, кажется, вижу, — сказал я, наткнувшись взглядом на ослепительно белый утес.

Я двинулся вперед и вверх по склону. В сером небе медленно поднималось черное солнце. *Стояла зачарованная тишь.*

— А ты знаешь, что именно мы должны в итоге найти? — попытался выговорить я в сторону Фракир.

— Я уверена, что информация во мне есть, — последовал ответ, — но вряд ли ее удастся извлечь, пока мы не дошли до места.

— Надеюсь, ты не ошибаешься.

— Я тоже.

Склон становился все круче. Я не мог знать, сколько прошло времени, но, вероятно, не меньше часа, прежде чем я одолел предгорья и начал собственно подъем. За всю дорогу мне не встретилось ни одного следа и вообще никаких признаков жизни, но несколько раз я натыкался на длинные, видимо, природные рытвины, ведущие к высокому белесому обрыву. Должно быть, на его штурм ушло несколько часов, потому что черное солнце перевалило через зенит и начало клониться к западу, за вершину. Меня бесила невозможность ругнуться вслух.

— Откуда мне знать, что я делаю именно то? Или иду, куда надо? — спросил я.

— Ты по-прежнему движешься в верном направлении, — отвечала Фракир.

— А долго еще?

— Понятия не имею. Но когда доберешься, сразу пойму.

— Солнце вот-вот скроется за горой. Ты не обознаешься в темноте?

— Думаю, когда солнце сядет, небо просветлеет. У негативного пространства есть свои забавные особенности. Одним словом, здесь что-нибудь всегда светло и что-нибудь всегда темно. Не заблудишься.

— Как по-твоему, что мы тут вообще делаем?

— Полагаю, участвуем в одном из этих дурацких рыцарских приключений.

— Воображаемом? Или настоящем?

— Они все состоят из того и другого помаленьку, но, чувствую, в нашем здорово преобладает второе. С другой стороны, все, что ты встречаешь между мирами, излишне тяготеет к аллегории, к символу — ко всей той дряни, которую люди выпихивают в область бессознательного.

— Другими словами, этого ты тоже не знаешь.

— Наверняка не знаю, хотя пробавляюсь гениальными догадками.

Я уцепился руками, подтянулся, вылез на следующий уступ. Некоторое время шел по нему, потом снова полез вверх.

Солнце наконец скрылось, но темнее от этого не стало. Тьма и свет просто поменялись местами.

Я вскарабкался на пяти-шестиметровый обрыв и остановился, увидев за ним в скале углубление — даже не пещеру, а явно рукотворный свод, такой высокий, что под него можно было бы въехать верхом.

— Надо же, — встрепенулась Фракир. — Оно.

— Что? — спросил я.

— Первый привал, — отвечала она. — Ты должен остаться здесь и кое-что сделать, прежде чем пойдешь дальше.

— Что именно?

— Не проще ли войти и поглядеть?

Я вылез на площадку, встал и пошел вперед. Углубление заполнял все тот же рассеянный, непонятно откуда идущий свет. Я потоптался у входа, заглянул внутрь.

Это походило на домовое святилище. Крохотный алтарь, на нем — две свечи в ореоле дрожащей тьмы. В стенах вырублены каменные скамьи. Я насчитал пять входов, кроме того, в котором стоял: три в дальней стене, один справа и один слева. Посредине на полу — две груды доспехов. И нигде никаких религиозных символов, никаких объектов поклонения.

Я вошел.

— И что мне здесь делать?

— Стеречь свои доспехи. Всю ночь.

— Допустим, — сказал я, подходя к грудам. — А зачем?

— Это мне неизвестно.

Я поднял щегольскую белую кирасу, в которой стал бы похож на сэра Галахада. Как на меня сделана!.. Я покачал головой, положил кирасу на место. Перешел к другой куче, поднял странноватого вида стальную перчатку. Тут же бросил ее, переворошил кучу. Все тоже на меня. Только...

— В чем дело, Мерлин?

— Белое, — сказал я, — судя по всему, придется мне впору прямо сейчас. Черное — подобно тому, что носят во Владениях, и, полагаю, будет мне впору в моем хаосском обличье. То есть оба комплекта на меня, но для разных обстоятельств. Однако я могу надеть либо один, либо другой. Который мне стеречь?

— Полагаю, в этом-то вся и соль. Похоже, ты должен сделать выбор.

— Конечно! — Я щелкнул пальцами, не услышал ничего. — Какой я тупица, если мой же шнурок должен объяснять мне очевидные вещи!

Я плюхнулся на колени, сгреб доспехи в одну безобразную кучу.

— Раз уж стеречь, — сказал я, — так буду стеречь обе. Не желаю ничего выбирать.

— Мне кажется, кое-кому это придется не по вкусу, — отвечала Фракир.

Я отступил на шаг и обозрел кучу.

— Объясни мне еще раз про это ночное бдение, — попросил я. — Что от меня требуется?

— Сидеть до рассвета и стеречь оружие.

— От кого?

— Полагаю, от любых посягательств. Силы Порядка...

— ... или Хаоса.

— Я понимаю, куда ты клонишь. Кто угодно может подкрасться и что-нибудь ухватить из кучи.

Я сел на скамью у дальней стены, между двумя входами. Приятно было расслабиться после утомительного подъема. Однако какая-то мысль не давала покоя. Наконец я спросил:

— К чему все это?

— О чем ты?

— Сидеть ночь напролет и глядеть на кучу железок. Допустим, кто-нибудь правда войдет и попробует что-нибудь взять. Допустим, я даже его убью. Наступает утро, оружие по-прежнему здесь, я по-прежнему здесь. Что дальше? Что я выиграл?

— Ты должен будешь облачиться в доспехи, препоясаться мечом и идти дальше.

Я подавил зевок.

— Знаешь, мне это как-то ни к чему, — сказал я, немного помолчав. — Я не ношу доспехов, и меня вполне устраивает мой меч. — Я похлопал рукой по эфесу. Он показался непривычным, как, впрочем, и все в этом странном мире. — Почему не оставить железяки здесь и не двинуться к следующему испытанию? В чем оно, кстати, состоит?

— Не знаю. Логрус заложил в меня информацию таким об-

разом, что она всплывает по мере развития событий. Например, я не знала про эту пещеру, пока ее не увидела.

Я потянулся, сложил руки на груди. Прислонился к стене, вытянул ноги, скрестил их.

— Значит, мы должны торчать здесь, пока тебя снова не осенит.

— Верно.

— Разбуди меня, когда все кончится, — сказал я и закрыл глаза.

Запястье резануло почти болезненно.

— Эй, так нельзя! — воскликнула Фракир. — Весь смысл в том, чтобы ты сидел и смотрел.

— Ну и дурацкий смысл, — сказал я. — Я отказываюсь играть в эти глупые игры. Если кому-то нужны эти доспехи, пусть берет, я еще и приплачу.

— Валяй, засыпай. Но что, если кто-то придет за доспехами и решит для начала тебя убрать?

— Во-первых, — ответил я, — мне не верится, что кто-то польстится на груду средневекового железного лома. А во-вторых, это твое дело — предупреждать меня об опасности.

— Есть, командир. Только вот место непривычное, что, если оно как-то ослабило мои способности?

— Ты уже взрослая, — сказал я, — как-нибудь выкрутишься.

Я задремал. Мне снилось, что я стою в заколдованном круге, куда все пытаются проникнуть. Касаясь преграды, они оборачивались ходульными, карикатурными персонажами и сразу пропадали — все, кроме Корвина из Амбера, моего отца, который чуть заметно улыбнулся и покачал головой.

— Раньше или позже, но тебе придется отсюда выйти, — сказал он.

— Тогда пусть это будет позже, — отвечал я.

— И все твои сложности останутся при тебе.

Я кивнул:

— Зато я отдохну.

— Что ж, это компромисс. Удачи.

— Спасибо.

Затем сон распался на несвязные образы. Помню, я вроде бы стоял вне круга и гадал, как в него вернуться...

Не скажу наверняка, что меня разбудило. Уж конечно, не шум. Просто я ни с того ни с сего оказался на ногах, совершенно бодрый, и первое, что увидел перед собой, — рябого гнома, который, стиснув свое горло, неподвижно лежал возле кучи с оружием.

— Что происходит? — попытался спросить я.

Тишина.

Я подошел к лежащему крепышу, встал на колени, поискал на горле пульсирующую жилку, но так и не нащупал. И в тот же миг мне защекотало запястье — Фракир, попеременно становясь то зримой, то незримой, вползла на свое место.

— Это ты его так? — спросил я.

Она легонько затряслась:

— Самоубийцы не душат себя сами.

— Почему ты меня не разбудила?

— Тебе надо было отдохнуть, а я отлично справилась сама. Однако наше сопереживание слишком сильно. Извини, что разбудила.

Я потянулся.

— Долго я спал?

— Думаю, несколько часов.

— А знаешь, мне даже жаль, — сказал я, — эта мусорная свалка не стоит ничьей жизни.

— Теперь стоит, — отвечала Фракир.

— Верно. Ну, раз кто-то за нее погиб, ты, наверно, можешь сказать, что делать дальше.

— Картина и впрямь немного прояснилась, хотя пока не настолько, чтобы действовать. Надо дождаться утра.

— Тебе, случаем, не сообщили, где здесь поблизости еда и питье?

— За алтарем должен быть кувшин с водой. И хлеб. Но это на утро. Ночь ты должен провести в посте.

— Я бы так и поступил, если б принимал эту нудятину всерьез, — сказал я и повернулся к алтарю.

Я сделал два шага, и мир начал разваливаться на куски. Пол задрожал, и я услышал первый за все время звук — воющий скрежет откуда-то из недр горы. В бесцветном воздухе замелькали яркие краски, такие насыщенные, что я едва не ослеп. Потом краски исчезли, и комната разделилась. Стена со стороны входа налилась белизной. С другой стороны повисла кромешная тьма, скрывшая три выхода.

— Что... это? — спросил я.

— Что-то ужасное, — отвечала Фракир. — Недоступное моему разумению.

Я стиснул рукоять меча и быстро проверил, какие остались чары. Раньше чем я успел сделать что-нибудь еще, комнату наполнило жуткое ощущение присутствия — такого мощного, что я передумал вытаскивать меч или произносить заклинание.

В обычных обстоятельствах я бы призвал Знак Логруса, но и этот путь был для меня отрезан. Я попытался прочистить

горло, но не сумел извлечь никакого звука. И тут в середине света что-то зашевелилось, замерцало...

Из стены выступил Единорог; светло горящий, словно бейковский тигр[1], он лучился так, что я поневоле отвел взгляд.

Я посмотрел на глубокую, прохладную тьму, чтобы успокоить глаза, но не тут-то было: в темноте что-то ворочалось.

Снова заскрежетало, словно железом о камень. Скрежет перерос в громкое шипение. Даже раньше, чем лучи Единорога пронизали густой мрак, я понял, кто вползает в святилище: огромная одноглазая змея. Я перевел взгляд на середину пола, чтоб видеть обоих краем глаза — все лучше, чем пялиться в упор. Я чувствовал, что они смотрят на меня — Единорог Порядка и Змея Хаоса. Ощущение малоприятное. Я попятился, уперся спиной в алтарь.

Они надвигались. Единорог опустил голову и наставил на меня рог, Змея высунула подрагивающий язык.

— Если вы за доспехами, — сказал я, — то берите, не возражаю.

Змея зашипела, Единорог ударил копытом оземь. Трещина черной молнией побежала к моим ногам.

— У меня и в мыслях не было обидеть Ваши Преосвященства, — сказал я. — Мое дело предложить...

— Опять не то, — слабым голосом вмешалась Фракир.

— Скажи, как надо, — мысленным шепотом ответил я.

— Я не... Ой!

Единорог встал на дыбы; Змея подняла голову и закачалась на хвосте. Я рухнул на колени и отвел глаза — их взгляды ранили почти физически. Я дрожал, все мое тело ломило.

— Они хотят, — перевела Фракир, — чтобы ты играл по правилам.

Не знаю, какой сталью налился мой хребет, но я вскинул голову и посмотрел сперва на Змею, потом на Единорога. Хотя глаза наполнились слезами и болели, как если бы я смотрел на солнце, тем не менее мне удалось произвести нужное впечатление.

— Вы можете принудить меня к игре, но не к выбору. Моя воля свободна. Я буду стеречь оружие всю ночь, как было велено. Утром я уйду без него, потому что так захотел.

— Без него ты можешь погибнуть, — сказала Фракир, словно повторяя чужие слова.

Я пожал плечами:

[1] Имеется в виду строка из стихотворения У. Блейка: «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чащи...» (*Пер. С.Маршака.*)

— Если выбор между вами, я выбираю не отдавать первенства никому.

Меня обдало раскаленно-пронизывающим ветром, словно вздохнула Вселенная.

— Ты выберешь, — продолжала Фракир, — сам того не зная. Все останавливаются на чем-то одном. Тебя лишь просят оформить свой выбор.

— Почему именно меня? — спросил я.

Новый порыв ветра.

— Ты обладаешь двойным наследством и наделен огромной властью.

— Я не хочу ссориться ни с кем из вас.

— Нам этого мало, — последовал ответ.

— Тогда убейте меня прямо сейчас.

— Игра уже начата.

— Значит, не мешайте мне ее продолжать.

— Мы недовольны твоим отношением.

— Взаимно, — отвечал я.

Ударил гром, и я потерял сознание. Если я отважился на такую откровенность, то лишь по глубокому внутреннему убеждению, что участника для этой игры не так-то легко сыскать.

Я очнулся на куче наколенников, кирас, перчаток, шлемов и тому подобного добра, исключительно угловатого и шипастого, причем каждый острый выступ вписывался в мое тело. Я осознавал это постепенно, потому что отлежал себе все что можно.

— Привет, Мерлин.

— Фракир, ты? — отозвался я. — Долго я провалялся?

— Не знаю. Я сама только-только очухалась.

— Я и не знал, что можно оглушить кусок веревки.

— Я тоже. Со мной это первый раз.

— Ладно. Спрошу по-другому. Сколько, по-твоему, мы провалялись без сознания?

— Мне кажется, долго. Поднеси меня к выходу, тогда я скажу точнее.

Я с трудом оттолкнулся от пола, выпрямился, но не устоял и рухнул на четвереньки. Тогда я пополз к выходу, отметив по дороге, что из кучи вроде бы ничего не пропало. В полу зияла самая настоящая трещина, в глубине комнаты лежал самый настоящий мертвый гном.

Я выглянул наружу, увидел яркое небо, испещренное черными точками.

— Ну? — спросил я после недолгого молчания.

— Если не ошибаюсь, скоро утро.
— Перед рассветом небо всегда ярче, да?
— Что-то в этом духе.

Кровь возвращалась в затекшие члены, все тело кололо словно иголками. Я с трудом выпрямился, прислонился к стене.

— Есть какие-нибудь новые указания?
— Пока нет. Думаю, к утру появятся.

Я доковылял до ближайшей скамьи и рухнул на нее.

— Если сейчас кто-нибудь войдет, мне придется отбиваться какими ни на есть чарами. Спать на доспехах — извращение. Почти как спать в них.
— Брось меня во врага, я, по крайней мере, выиграю тебе время.
— Спасибо.
— Давно ты себя помнишь?
— Да, наверное, с раннего детства. А что?
— Я помню свое первое пробуждение к жизни, тогда, в Логрусе. Но до вчерашнего дня все было как во сне. Я плыла по течению.
— Что ж, многие так живут.
— Правда? Я не могла ни думать, ни общаться.
— Верно.
— Как по-твоему, это теперь навсегда?
— Что именно?
— Может, эти способности даны мне только на время? Только для этой страны, а потом пропадут?
— Не знаю, Фракир, — сказал я, растирая левую икру. — Думаю, не исключено. А ты уже вошла во вкус?
— Да. Глупо, конечно. Зачем переживать о том, о чем не смогу пожалеть, когда утрачу?
— Хороший вопрос, и я не знаю ответа. Может, ты бы так и так до этого дошла.
— Не уверена. Но точно не знаю.
— А ты боишься стать прежней?
— Да.
— Знаешь что? Когда мы поймем, как отсюда выбраться, ты останешься здесь.
— Не могу.
— А почему бы нет? Конечно, ты была мне большим подспорьем, но я и сам способен за себя постоять. Заживешь своей жизнью, сознательной.
— Но я урод.
— Да мы все такие. Я просто хочу сказать, что понимаю тебя, и по мне, ты очень даже хороша.

Она дернулась и замолкла.

Я пожалел, что боюсь выпить воды.

С час я сидел, мысленно перебирая недавние события и пытаясь отыскать хоть какие-нибудь зацепки или намеки.

— Я вроде как подслушала твои мысли, — произнесла вдруг Фракир. — И могу кое-что подсказать.
— Да? Что именно?
— Тот, кто доставил тебя сюда...
— Похожий на моего отца?
— Да.
— И что он?
— Он был не такой, как первые два. Он — человек, они — нет.
— То есть это и вправду был Корвин?
— Мы прежде не встречались, так что наверняка не скажу. Но одно точно — он не такой, как эти, геометрические.
— Ты знаешь, кто они?
— Нет. Я только знаю за ними одну странность, и она ставит меня в тупик.

Я наклонился, сжал руками виски. Несколько раз глубоко вздохнул. В горле у меня пересохло, все мышцы болели.

— Говори, я жду.
— Я не знаю, как объяснить, — сказала Фракир. — Однако давно, в мои бессознательные дни, ты необдуманно пронес меня на себе через Огненный Путь.
— Помню. Тебе это так не понравилось, что у меня долго не проходил рубец.
— Порождения Хаоса плохо уживаются с порождениями Порядка. Однако я осталась жива. И событие записано в моей памяти. Так вот. Дворкин и Оберон, которые приходили к тебе в пещеру...
— Да?
— Под их человеческим обличьем пульсировали энергетические поля, заключенные в геометрические контуры.
— Что-то вроде компьютерной анимации?
— Может, и так. Не знаю.
— А мой отец — он был не такой?
— Ничего общего. Но я подвожу к другому. Я распознала источник.

Я внезапно встрепенулся:

— То есть?
— Завихрения — геометрические линии внутри фигур — воспроизводят участки Пути.
— Ты что-то путаешь!
— Нет. У меня не было сознания, зато фотографическая память. Обе фигуры — трехмерное отображение частей Пути.
— А зачем Пути подсылать мне свои подобия?

— Я всего лишь удавка и пока не научилась рассуждать.

— Раз тут замешаны Единорог и Змея, то почти наверняка и Путь.

— Логрус уж точно.

— И сдается, Путь действительно показал себя разумным в тот день, когда Корэл его прошла. Если так и если он и впрямь способен создавать свои подобия — сюда ли он намеревался меня отправить? Или Корвин перенес меня в какое-то иное место? И чего Путь от меня хочет? И чего хочет отец?

— Везучий — ты можешь пожать плечами, — сказала Фракир. — Кажется, это называется «риторические вопросы»?

— Наверное.

— Мне начали поступать новые указания, из чего я заключаю, что ночь на исходе.

Я вскочил.

— Значит, можно есть и пить?

— Думаю, да.

Я не заставил себя упрашивать.

— Знаешь, я еще не совсем освоилась в новой роли и потому не знаю, уважительно ли вот так прыгать через алтарь, — заметила Фракир.

(Черное пламя моргнуло, когда я перемахнул между свечами.)

— Черт, я даже не знаю, чей он, — сказал я, хватая кувшин, — а неуважение, по-моему, должно быть адресным.

Земля легонько вздрогнула, я поперхнулся водой.

— И опять-таки ты права, — заметил я.

Я пронес кувшин и хлеб в обход алтаря, мимо закоченевшего гнома, и пристроил на скамье у задней стены. Уселся и уже без спешки принялся за еду.

— Что дальше? Ты сказала, поступили новые указания.

— Ты выдержал искус, — ответила Фракир. — Теперь надо выбрать себе оружие и латы и пройти сквозь один из выходов в этой стене.

— В который?

— Один принадлежит Порядку, другой — Хаосу, про третий я ничего не знаю.

— И как в таком случае принимать взвешенное решение?

— Думаю, для тебя будет открыт лишь один путь — назначенный.

— Значит, выбора у меня нет?

— Вопрос о выходах, полагаю, решится выбором оружия.

Я доел хлеб, запил последними глотками воды. Встал.

— Ладно. Посмотрим, что будет, если я не возьму ничего. Гнома жалко.

— Он знал, на что идет.

— В отличие от меня.

Я подошел к правой арке, потому что до нее было ближе. За ней открывался светлый коридор, чем дальше, тем ярче освещенный, так что в нескольких шагах я уже ничего разобрать не мог, настолько слепило глаза. Я продолжал идти и чуть не расшиб себе нос. Как об стеклянную стену. Здорово, ничего не скажешь. Вот и иди после этого к свету.

— Ты становишься циником прямо на глазах, — заметила Фракир. — Это я про твою последнюю мысль.

— Ладно тебе.

К следующей арке я приблизился осторожнее. За ней было серо. Здесь тоже начинался коридор, причем видеть я мог чуть дальше, чем в первом. Впрочем, разглядывать было особенно нечего — пол, стены, потолок. Я протянул руку и не нащупал преграды.

— Похоже, нам сюда, — заметила Фракир.

— Все может быть.

Я перешел к левой арке. В коридоре за ней было черно как у Бога в кармане. Здесь стеклянной стены тоже не обнаружилось.

— Хм-м. Похоже, выбор все-таки есть.

— Странно. Меня на этот счет не предупреждали.

Я вернулся к средней двери, сделал шаг и тут же обернулся на звук. Гном сидел на полу и покатывался со смеху, держась за бока. Я попробовал шагнуть к нему и уперся в невидимую стену. Внезапно святилище начало уменьшаться, словно я с огромной скоростью удаляюсь спиной назад.

— Я думал, он — покойник, — сказал я.

— Я тоже. Все признаки были налицо.

Я повернул обратно, в ту сторону, куда шел. Никакого движения. Похоже, я все-таки стоял на месте, а удалялось святилище.

Я сделал шаг, другой. Ни звука. Я пошел вперед. Через несколько шагов мне вздумалось потрогать левую стену. Я протянул руку, но ничего не нащупал. Ладно, тогда правую. Опять ничего. Я шагнул вправо и вновь выставил руку. Безрезультатно. До обеих серых стен было по-прежнему одинаково. Я засопел и двинулся дальше.

— В чем дело, Мерль?

— Ты чувствуешь стены справа и слева от нас? — спросил я.

— Нет, — отвечала Фракир.

— Как ты думаешь, где мы?

— Идем между Тенями.

— Куда?

— Пока не знаю. Знаю только то, что мы идем по пути Хаоса.

— Что? С чего ты взяла? Я же должен был для этого прихватить что-нибудь из соответственной кучи?

Я быстро охлопал себя и нашел заткнутый за левое голенище кинжал. Даже в тусклом свете сразу стало видно, что сделан он у меня на родине.

— Нас обманули, — сказал я. — Теперь понятно, отчего смеялся гном. Он заткнул мне это в сапог, когда я проходил мимо.

— Но у тебя все равно оставался выбор — между этим коридором и темным.

— Верно.

— Почему же ты выбрал этот?

— Здесь светлее.

Глава 5

Шагов через пять исчезли даже кажущиеся стены, а с ними потолок. Я обернулся и не увидел ни коридора, ни арки, только гнетущую пустоту. Хорошо хоть пол остался. Единственное, что отличало мою дорогу от окружающего мрака, — это видимость. Я шел сквозь сероватое марево в долине сплошной тени, хотя, строго говоря, шел я между Тенями. Вот жлобы! Могли бы не экономить на освещении.

Я слушал зловещую тишину и гадал, сколько Теней осталось позади и можно ли ставить вопрос так прямолинейно. Вряд ли.

Однако не успел я углубиться в высшую геометрию, как справа что-то зашевелилось. Взгляд выхватил из тьмы высокую черную колонну. Впрочем, она не двигалась. Я заключил, что то был обман зрения: я иду, колонна стоит, а кажется — наоборот. Толстая, ровная, гладкая — я всматривался, пока черный силуэт не заволокло мглой. О высоте колонны судить не берусь, поскольку не знаю, сколько до нее было.

Через несколько шагов я увидел новую колонну — теперь уже впереди и справа. Вглядываться я не стал, а продолжал идти. Вскоре показалась еще одна — по левую руку. Колонны уходили во тьму, лишенную и намека на звезды — светлые ли, темные; мой мир венчала ровная, беспросветная чернота. Чуть позже колонны начали встречаться группами и уже не казались одной высоты.

Я остановился потрогать ближайшую — почудилось, что смогу дотянуться. Не тут-то было. Я сделал шаг в сторону, и сейчас же мне стиснуло запястье.

— На твоем месте я бы не стала этого делать, — заметила Фракир.

— А что? — спросил я.

— Так легко заблудиться и заработать кучу неприятностей.

— Может, ты и права.

Я перешел на бег. Колонны колоннами, мое дело маленькое: побыстрей отстреляться и вернуться к тому, что мне действительно важно — разыскать Корэл, выручить Люка, разобраться с Джулией и Джартом, найти отца...

Колонны мелькали, то далекие, то близкие, между ними стали попадаться другие архитектурные излишества. Одни были низенькие, кособокие, другие — высокие — сходили на конус, часть привалилась к соседям, некоторые лежали в обломках. Беззаконное многообразие радовало глаз победой силы над формой.

Почва утратила былую ровность, но сохранила некое подобие геометрии в виде уступов, ступеней и террас различного порядка. Я трусил через развалины тысячи Стоунхенджей, сквозь которые вел по-прежнему гладкий, тускло мерцающий Путь.

Я поднажал и вскоре уже мчался мимо галерей, амфитеатров, каменных рощ и лесов. Иногда мне мерещилось какое-то шевеление, но, возможно, дело было опять-таки в моей скорости и невозможности что-нибудь толком разглядеть.

— Как по-твоему, есть тут кто живой? — спросил я Фракир.

— Нет, — последовал ответ.

— А мне казалось, что-то движется.

— Когда кажется, креститься надо.

— Говоришь меньше дня, а уже выучилась язвить.

— Не обессудь, начальник, но выучиться я могла только от тебя. Больше не у кого было набраться манер и того-сего.

— Туше[1], — сказал я. — Наверное, в данном случае я должен был предупредить тебя об опасности.

— Туше, начальник. А мне нравятся эти воинственные сравнения.

Спустя несколько мгновений я замедлил шаг. Впереди и справа что-то мигало, отсвечивая то красным, то голубым. Я замер. Вспышки прекратились, но я уже насторожился и теперь всматривался в темноту, пытаясь понять, что это было.

— Да, — промолвила Фракир через какое-то время. — Оставайся начеку. Только не спрашивай меня, чего ждать. Я чувствую лишь общую неопределенную угрозу.

— Может, удастся обойти ее стороной.

— Не советую, — отвечала Фракир. — Дорога идет через

[1] Фехтовальный термин, означающий «касание».

каменное кольцо, где только что мигало, и, чтобы пройти в обход, пришлось бы с нее свернуть.

— Мне никто не говорил, что с дороги сходить нельзя. А тебе?

— Я знаю, что ты должен идти по дороге. Впрочем, мне не объяснили, что будет, если от нее отступить.

— Гм-м.

Дорога повернула вправо, я тоже. Она вела прямиком к сплошному каменному кольцу, и я, хоть и замедлил бег, не отклонялся от нее и на дюйм. Ближе стало видно, что дорога ныряет в кольцо и больше не появляется.

— Ты прав, — сказала Фракир. — Как в логовище дракона.

— Однако нам туда?

— Верно.

— Значит, пошли.

Я совсем сбавил шаг и прошел между двумя каменными плитами, куда указывал тускло фосфоресцирующий путь.

Внутри круга мне предстал все тот же черно-белый набросок, а вот освещение изменилось — сделалось более ярким, мерцающим, колдовским. Впервые я видел хоть какое-то подобие жизни. Ноги ступали по блестящей — как от росы — серебристой траве.

Я замер, а Фракир непривычно дернулась — мне показалось, не столько предостерегающе, сколько от любопытства.

Справа виднелся алтарь — ничего общего с тем, через который я сигал в пещере. Два валуна поддерживали грубо обтесанную плиту. Никакие свечи, покровы и прочие религиозные завитушки не скрашивали общество лежащей на алтаре дамы, связанной, кстати, по рукам и ногам. Я сам как-то побывал в сходном положении, поэтому сразу проникся сочувствием к даме — беловолосой, чернокожей и смутно знакомой — и ненавистью к странному субъекту за алтарем, в чьей занесенной левой руке сверкнул нож. Правая его половина была черна как ночь, левая — ослепительно бела.

Я рванул вперед, словно меня ударили током. Мой концерт для поваренных и микроволновых чар мигом превратил бы его в паровую котлету, но увы — я не мог произнести ключевых слов.

Он, казалось, сверлил меня глазами, хотя точно не скажу — одна половина его тела была слишком светла, другая — слишком темна, чтобы вглядываться. Нож, описав дугу, вонзился даме под ложечку. Она вскрикнула; алая-преалая на черном негативе кровь, брызнув, обагрила мужчине руку, и я понял: надо было произнести заклинание. У меня бы вышло. Я бы ее спас.

В следующее мгновение алтарь рухнул, и серый смерч скрыл

от меня остальное. Кровь вращалась, словно в тазике цирюльника, постепенно розовея, расплываясь в прозрачной серебристости. Когда я добежал до места, на росистой траве не осталось ни алтаря, ни жреца, ни жертвы.

Я остановился как вкопанный.

— Спим мы, что ли? — спросил я вслух.

— Сомневаюсь, что я могла бы спать, — ответила Фракир.

— Тогда скажи, что ты видела.

— Я видела, как некий тип заколол лежащую на каменной плите женщину. Потом все рухнуло и взвилось в воздух. Тип был черно-белый, кровь — алая, а женщина — Дейрдре...

— Что?! Господи, конечно! Так она и выглядела — только на негативе. Но ведь она умерла раньше...

— Должна напомнить, что я вижу лишь то, что воспринимает твой мозг. Я не знаю, каков был изначальный сигнал, мне попадает результат его обработки твоей нервной системой. Мои ощущения говорят, что то были не обычные люди, а существа типа давешних твоих гостей — Дворкина и Оберона.

И тут мне в голову пришла совершенно жуткая мысль. Дворкин и Оберон напомнили о трехмерных компьютерных моделях. А способность Призрачного Колеса сканировать тень основана на цифровой развертке тех секторов Пути, которые вроде бы за эту способность отвечают. И Призрак спрашивал — насколько я припоминаю, с надеждой, — может ли он считать себя божеством.

Неужели мое собственное порождение играет со мной в кошки-мышки? Что, если это Призрак перенес меня в отдаленную пустынную Тень, отрезал от всякой связи и теперь экспериментирует? Если он превзойдет меня, своего создателя, к которому питает что-то вроде благоговения, — не поднимется ли он в собственных глазах? Не поменяемся ли мы статусом в его персональной вселенной?.. Может, и так. Если постоянно натыкаешься на компьютерные модели, cherchez deus ex machina[1].

Интересно, насколько силен сейчас Призрак? Разумеется, его способности в какой-то мере аналогичны способностям Огненного Пути, но тем не менее до Пути или Логруса ему далеко. Не могу представить, как бы он преградил им дорогу сюда.

С другой стороны, достаточно изолировать меня. Вполне в его силах было явиться в образе Логруса на несколько кратких мгновений. Но это бы значило, что и Фракир получила

[1] Ищите (*фр.*) бога из машины (*лат.*).

свои новые способности от Призрака. Нет, это уже невероятно. И как насчет Змеи и Единорога?

— Фракир, — спросил я, — ты уверена, что именно Логрус пробудил в тебе сознание и загрузил инструкциями?

— Да.

— Почему ты так уверена?

— Ощущения были те же, что при нашем первом знакомстве, когда Логрус поднял меня на первую ступень.

— Ясно. Теперь дальше: Единорог и Змея в святилище — не могли они быть из того же теста, что Оберон и Дворкин в пещере?

— Нет. Я бы почувствовала. Ничего общего. Они были ужасные, и могучие, и в общем-то такие же, как с виду.

— Ладно, — сказал я. — Просто мне подумалось, не Призрака ли это штучки.

— Я понимаю, о чем ты. Хотя не вижу, почему реальность Змеи и Единорога опровергает твою посылку. Они могли вступить в игру Призрака и приказать, чтобы ты не взбрыкивал, потому что хотели досмотреть спектакль.

— Такое мне в голову не пришло.

— И, возможно, Призраку удалось проникнуть в место, недоступное для Логруса и Пути.

— Верно замечено. К сожалению, это возвращает меня в самое начало.

— Нет, потому что это место не создано Призраком. Оно было всегда. Это я знаю от Логруса.

— Утешительно слышать, но...

Я так и не закончил мысль, потому что внезапное движение заставило меня повернуться к противоположному сектору круга. Я увидел алтарь, которого не замечал прежде, женщину за ним, связанного половинчатого мужчину на алтаре. Они очень походили на первых двух.

— Нет! — закричал я. — Довольно!

Однако я не успел сделать и шагу. Нож опустился. Вновь брызнула кровь, алтарь рассыпался, и все завертелось в вихре. Пока я добежал, от жертвенника не осталось и следа.

— А на это ты что скажешь? — спросил я Фракир.

— Те же Силы, что раньше, только в обратном соотношении.

— Чего-чего? Что тут творится?

— Стягиваются Силы. И Путь, и Логрус уже некоторое время пытаются сюда проникнуть. Жертвоприношения, которые ты только что видел, должны открыть им путь.

— А что им здесь надо?

— Это ничейная полоса. Древнее равновесие колеблется, и тебе предстоит склонить чашу весов в ту или иную сторону.

— Понятия не имею, как такое сделать.

— Придет время — узнаешь.

Я вернулся на тропу и двинулся дальше.

— Скажи, я случайно поспел к жертвоприношениям? — спросил я. — Или их нарочно приурочили к моему приходу?

— Они должны были произойти при тебе. Ты — связка.

— Тогда следует ли ожидать...

Из-за камня слева с негромким смешком выступил мужчина. Я схватился за меч, но тот приближался медленно, с пустыми руками.

— Говорим сами с собой. Дурной знак.

Он был написан белой, черной и серой красками. Собственно, правая его половина отливала в черноту, левая отсвечивала белизной, так что он вполне мог быть исполнителем первого заклания. Впрочем, кто его знает. Так или иначе знакомиться мне не хотелось.

Я пожал плечами.

— Что до знаков, меня интересует лишь один — на котором написано «выход», — сказал я, обходя незнакомца.

Тот ухватил меня за плечо и легко развернул к себе.

Снова смешок.

— Поосторожней, когда высказываешь пожелания в этом месте, — сказал он тихим размеренным голосом, — потому что они иногда исполняются. Что, если «выход» будет ошибочно понят как «исход»? Тогда — пуфф! — и тебя нет. Обратишься в дымок. Или провалишься в ад.

— Я там уже был, — отвечал я, — и много где еще.

— Ба! Только погляди! Твое желание сбылось! — заметил он. Его левый глаз отразил луч света и направил в меня, словно солнечный зайчик. Как я ни щурился, правого глаза разглядеть не удавалось. — Сюда смотри, — указал он.

Я повернул голову. На вершине каменного дольмена[1] стояла табличка «выход», в точности как в театре недалеко от нашего студенческого городка.

— И правда...

— Пойдешь?

— А ты?

— Не вижу надобности, — отвечал он. — Я и сам знаю, что за ней.

— И что же?

— Другая сторона.

— Очень остроумно, — сказал я.

[1] Древнее погребальное сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой.

— Получить искомое и не воспользоваться — значит смертельно оскорбить Силы.

— Это они тебе сказали?

Что-то заскрежетало — я не сразу понял, что незнакомец скрипнул зубами. Я двинулся к табличке, желая рассмотреть поближе, что там за ней.

На двух каменных плитах лежала третья, так что получались как бы ворота — довольно высокие, пройти можно. Только темно там что-то...

— Идешь туда, начальник?

— А почему нет? Это тот редкий случай в моей жизни, когда я чувствую, что незаменим для устроителей шоу.

— Я бы на твоем месте слишком не зарывалась... — начала Фракир, но я уже нырнул под плиту.

Три шага — и я увидел каменный круг, росистую траву, черно-белого незнакомца, дольмен с табличкой «выход» и темный силуэт под ней. Я повернул назад. Снова черно-белый незнакомец на фоне дольмена и темный силуэт в каменном проеме. Я поднял правую руку. Силуэт тоже. Я обернулся. Смутный силуэт напротив стоял с поднятой рукой. Я вышел наружу.

— Маленький мир, — заключил я. — Но мне не хотелось бы писать его маслом.

Незнакомец рассмеялся:

— Тебе напомнили, что всякий выход в то же время и вход.

— Увидев тебя, я вспомнил скорее пьесу Сартра[1].

— Зло, — отвечал он, — однако философски неоспоримо. Я всегда считал, что ад — это окружающие. Только не понимаю, чем я тебе досадил.

— А разве не ты заколол женщину тут неподалеку? — спросил я.

— Если бы и я — тебе-то какое дело?

— У меня странное отношение ко всяким мелочам, вроде ценности человеческой жизни.

— Зря кипятишься. Даже Альберт Швейцер[2], при всем своем преклонении перед жизнью, не распространял его на глисту, муху цеце и раковую клетку.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты или не ты убил женщину на каменному алтаре с полчаса назад?

— Покажи алтарь.

[1] Сартр, Жан-Поль (1905—1980) — французский философ и писатель. В его пьесе «Нет выхода» ад описан как ярко освещенная комната, куда можно войти, но откуда нельзя выйти.

[2] Швейцер, Альберт (1875—1965) — врач, философ, гуманист. Основал больницу в Африке, где бесплатно лечил местное население.

— Не могу, он исчез.

— Покажи женщину.

— Она тоже исчезла.

— Значит, нет обвинения.

— Мы не в суде, черт возьми! Хочешь говорить, ответь на вопрос, а нет — перестанем сотрясать воздух.

— Я ответил.

Я пожал плечами:

— Отлично. Я тебя не знаю и очень этому рад. Счастливо оставаться.

Я шагнул к тропе, и в то же мгновение незнакомец промолвил:

— Дейрдре. Ее звали Дейрдре, и я действительно ее убил.

С этими словами он шагнул в дольмен, из которого я только что вышел. Я ждал, что он появится с другой стороны, но этого не произошло. Я повернулся на сто восемьдесят градусов и тоже шагнул под табличку. Через три шага я вышел и увидел себя, выходящего с противоположной стороны. Незнакомец куда-то делся.

— Что ты на это скажешь? — спросил я Фракир, снова направляясь к тропе.

— Дух места? Злой дух недоброго места? — предположила она. — Точно не знаю, но, кажется, он из этих же чертовых моделей — и они здесь сильнее.

Я ступил на тропу и двинулся дальше.

— Ты на глазах начинаешь говорить живее и образней.

— Твоя нервная система — хороший учитель.

— Спасибо. Если этот тип появится снова и ты заметишь его раньше меня — предупреди.

— Ладно. Но вообще все это место производит впечатление чего-то искусственного. На каждом камне написана частица Пути.

— Когда ты это поняла?

— Когда ты впервые шагнул под табличку. Тогда я проверяла их на опасность.

Мы подошли к внутренней периферии круга, и я похлопал по камню — вроде бы настоящий.

— Он здесь! — внезапно предупредила Фракир.

— Эй! — послышалось сверху, и я поднял голову. Черно-белый незнакомец сидел на стене и курил тонкую сигару. В руке он держал кубок.

— Ты меня заинтриговал, малыш, — продолжал он. — Как твое имя?

— Мерлин. А твое?

Вместо ответа незнакомец оттолкнулся от стены и, словно

в замедленной съемке, опустился передо мной. Разглядывая меня, он сощурил левый глаз. По правой его половине мелкой рябью пробегала тень. Он выпустил клуб серебристого дыма.

— Ты живой, — объявил незнакомец. — Отмечен и Путем, и Логрусом. В тебе кровь Амбера. Какого ты рода, Мерлин?

Тень на мгновение разошлась, и я увидел на правом глазу повязку.

— Я — сын Корвина. А ты — предатель Брэнд.

— Имя — мое, — сказал он. — Но того, во что верю, я не предавал.

— То есть своей гордыни. На дом, семью и силы Порядка тебе всегда было плевать.

Он фыркнул:

— Я с наглыми щенками не спорю.

— Я тоже не хочу с тобой спорить. Как-никак, твой сын Ринальдо — вероятно, мой лучший друг.

Я повернулся и пошел прочь. Брэнд ухватил меня за плечо.

— Погоди! Что ты мелешь? Ринальдо еще мальчик.

— Ошибаешься, — сказал я. — Мы примерно одних лет.

Он выпустил мое плечо. Я обернулся. Брэнд выронил сигару — она осталась дымиться на дороге — и переложил кубок в правую, теневую руку. Левой он тер лоб.

— Сколько же лет прошло на основной линии...

Под влиянием внезапного порыва вынул колоду, отыскал карту Люка и протянул ему.

— Это Ринальдо.

Брэнд схватил карту, я, сам не знаю почему, не стал ее вырывать. Смотрел он долго.

— Почему-то связь через карты тут не работает, — заметил я.

Брэнд поднял глаза, тряхнул головой, вернул мне карту.

— Да, не работает. Как... он?

— Ты знаешь, он убил Кейна, чтобы отомстить за тебя?

— Нет, не знаю. Впрочем, меньшего я от этого парня и не ждал.

— Ты ведь не совсем Брэнд?

Он запрокинул голову и расхохотался.

— Я — Брэнд с головы до пят, и все же не тот Брэнд, которого ты мог знать. Любая другая информация дорого тебе обойдется.

— Во что станет узнать, кто ты на самом деле? — спросил я, убирая карты.

Брэнд поднял кубок, протянул двумя руками, словно чашку для подаяния.

— В порцию твоей крови, — сказал он.

— Ты стал вампиром?

— Нет. Я — призрак Пути. Отворишь себе кровь — объясню.

— Ладно, — согласился я. — Смотри, не обмани моих ожидания. — И вытащив кинжал, резанул запястье.

Из руки полыхнуло, словно я опрокинул керосиновую лампу. Разумеется, в моих жилах течет не огонь, но в некоторых местностях кровь жителя Хаоса исключительно быстро воспламеняется, и эта, похоже, была как раз из таких.

Пламя хлестало и в кубок, и мимо, на его руку, на локоть. Брэнд вскрикнул и начал съеживаться. Я отступил на шаг. Он превратился в смерч — примерно как после жертвоприношения, только более мощный, — с ревом взвился в воздух и через мгновение исчез, а я остался стоять с открытым ртом, глядя вверх и зажимая вену на дымящейся руке.

— Ух, впечатляющий исход, — заметила Фракир.

— Семейная черта, — отвечал я. — Кстати, об исходах и выходах...

Я обогнул камень и вышел из круга в темноту. Она стала еще чернее, и казалось, что тропа светится ярче. Я разжал пальцы — дым больше не шел.

Я припустил рысью, торопясь оказаться подальше от этого места. Когда через некоторое время я обернулся, камней уже не было — только бледный смерч тянулся вверх, вверх, затем исчез.

Я продолжал бежать. Дальше дорога шла под уклон, я разогнался и вскоре уже вприпрыжку летел по пологому склону. Тропа сверкающей лентой убегала вниз и вдаль, постепенно теряясь из виду.

К своему изумлению, я увидел, что не так далеко ее пересекает другая светлая ниточка. Правее и левее она таяла во мгле.

— Есть какие-нибудь специальные указания касательно перекрестков? — спросил я.

— Пока нет, — отвечала Фракир. — Думаю, там придется принимать решение, а какое — станет ясно только на месте.

Впереди расстилалась огромная темная равнина с разбросанными там и сям островками света — все они были неподвижны, но одни горели ровно, другие зажигались и гасли. Ниточек, впрочем, было всего две — моя тропа и другая, поперечная. В полной тишине слышалось лишь мое дыхание да звук шагов. Ни ветерка, ни запаха, даже воздух не теплый, не холодный, а просто никакой. Справа и слева снова маячили какие-то силуэты, но у меня не было ни малейшей охоты в них вглядываться. Я хотел одного: побыстрее со всем покончить, выбраться отсюда и вернуться к своим делам.

По обочинам стали попадаться туманные пятнышки света —

расплывчатые, дрожащие, они возникали и пропадали сами собой. Казалось, вдоль дороги протянут пятнистый прозрачный занавес, и поначалу я не обращал на него внимания, но он постепенно светлел, изображение проступало, как если бы я настраивал подзорную трубу: стулья, столы, припаркованные машины, витрины. Вскоре призрачная картина начала обретать цвет.

Я остановился как вкопанный. Передо мной был красный «Шевроле» пятьдесят седьмого года, присыпанный снегом, припаркованный на знакомой улице. Я подошел и протянул левую руку.

Она вошла в полумрак и сразу поблекла. Я потрогал радиатор — твердый, холодный, — стряхнул с него снег. Вытащил руку — к ней прилипли снежинки. И сразу картина померкла.

— Я нарочно щупал левой рукой, — сказал я, — где ты. Что это было?

— Спасибо. По-моему — заснеженная красная машина.

— Это либо компьютерная модель, либо что-то извлеченное из моей памяти. Дело в том, что это картина Полли Джексон из моей коллекции, увеличенная до натурального размера.

— Значит, дела все хуже, Мерль. Я не почувствовала, что это — модель.

— Выводы?

— То, что этим заправляет, набирает умения. Или силы. Или того и другого.

— Черт, — заметил я и потрусил дальше.

— Может, оно хочет показать, что способно полностью сбить тебя с толку.

— Тогда ему это удалось, — признал я и крикнул: — Эй, что-то! Слышишь? Твоя взяла! Я полностью сбит с толку! Могу я теперь отправляться домой? Если ты хотело чего-то другого, тебе это не удалось! Я ровным счетом ничего не понял!

Вспышка молнии бросила меня на землю, я полностью ослеп на несколько минут. Я лежал ничком и трясся, но грома не последовало. Когда зрение вернулось, а дрожь улеглась, я увидел прямо перед собой исполинскую фигуру Оберона.

Правда, всего лишь статую — копию той, что стоит в дальнем конце вестибюля в Амбере, а может, и ее саму, потому что, вглядевшись, я различил на плече великого человека птичий помет.

— Настоящий или модель? — спросил я.

— По-моему, настоящий, — отвечала Фракир.

Я медленно встал.

— Мне понятно, что это ответ, только непонятно, что он означает.

Я потрогал статую — на ощупь она казалась скорее полотняной, чем бронзовой. Перед глазами поплыло, и я понял, что держусь за огромный — больше чем в рост — портрет Отца Страны. Потом края его начали расплываться — передо мной была картина, одна из многих в блеклой череде вдоль тропы. Затем она пошла рябью и растаяла.

— Сдаюсь, — сказал я, проходя там, где только что стоял Оберон. — Ответы еще загадочнее, чем ситуация, породившая вопрос.

— Поскольку мы идем между Тенями, это может означать, что все сущее хоть где-нибудь реально. А?

— Может. Но это я знал и так.

— И что все сущее реально в разном смысле, в разное время и в разных местах?

— Ладно. Положим, оно и впрямь хотело выразить то, о чем ты говоришь. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то пошел на такие крайности с единственной целью доказать философские положения, возможно, новые для тебя, но вообще-то порядком избитые. Должна быть какая-то причина, и ее я ухватить не могу.

До сих пор мне показывали только неживую натуру. Теперь на картинах появились люди и животные. Здесь были воинственные сцены, любовные и просто домашние.

— Да, развитие есть. Возможно, это куда-то ведет.

— Когда они выпрыгнут на меня, я соображу, что мы у цели.

— Кто знает? Насколько я понимаю, искусствоведение — наука разносторонняя.

Однако картины вскоре исчезли, и тропу вновь обступила тьма. Я бежал по пологому склону вниз, к перекрестку. Где же Чеширский Кот, когда мне и впрямь понадобилась логика Кроличьей Норы?

Я бежал к отчетливо видному перекрестку. Вдруг я заморгал. Передо мной был по-прежнему перекресток, но декорации полностью сменились. Справа на углу стоял фонарный столб. Под ним кто-то курил.

— Фракир, как они это сделали? — спросил я.

— Очень быстро, — отвечала она.

— Что говорит нам внутренний голос?

— На тебе сосредоточено внимание. Впрочем, ничего угрожающего.

Я замедлил бег. Тропа сменилась асфальтовой дорогой, по бокам появились бровки и тротуары. Я перешел с проезжей

части на правый тротуар. Сразу натянуло серого тумана, и фонарь скрылся из виду.

Я пошел еще медленнее и вскоре увидел,что асфальт под ногами — мокрый. Шаги отдавались глухо, словно от ближних домов, но туман еще сгустился, так что, есть дома или нет, было не разглядеть. Впрочем, что-то вроде зданий все же угадывалось — сгустки мрака по правую руку. В спину подул холодный ветер, на голову упали несколько капель. Я поднял воротник. Где-то высоко в скрытом туманом небе загудел самолет. Я постоял, пока гудение смолкло, затем пошел дальше. Очень тихо — возможно, на другой стороне улицы — пианино заиграло смутно знакомую мелодию. Я плотнее закутался в плащ. Туман клубился и густел.

Еще три шага, и он расступился.

Она стояла совсем близко. На голову ниже меня, в берете и пальто военного покроя, черные волосы поблескивали под фонарем. Она бросила окурок и медленно растирала его высоким каблуком черной лаковой туфельки. Ножка — очень даже ничего. Потом она вынула из кармана пальто плоскую серебряную коробочку с выпуклой розой на крышке, достала сигарету, вставила в рот, закрыла и убрала портсигар. Не оборачиваясь, спросила:

— Прикурить не найдется?

Спичек не было, но такой пустяк меня не остановил.

— Конечно, — сказал я и медленно поднял руку к ее тонко очерченному лицу, ладонью к себе, чтоб не видно было, что в ней ничего нет. Я шепнул ключевое слово, искра скакнула с пальца на кончик сигареты, и тут женщина придержала мою руку, чтобы прикурить. При этом она подняла глаза — огромные, синие-пресиние, с длинными ресницами — и встретила мой взгляд. Женщина вскрикнула и выронила сигарету.

— Mon Dieu[1]! — Она бросилась мне на шею, прижалась всем телом и зарыдала. — Корвин! Нашел-таки! Тебя не было целую вечность!

Я обнимал ее крепко, боясь заговорить, боясь грубой правдой разрушить ее счастье. К чертям правду! Я погладил черные волосы.

Очень нескоро она оторвалась от меня, подняла глаза. Еще секунда, и она поняла бы, что обманулась сходством, приняла желаемое за действительное. Поэтому я спросил:

— Что такая девушка делает в таком месте?

Она тихо рассмеялась.

— Ты придумал, как? — И тут глаза ее сузились. — Ты не...

[1] Боже мой! (*фр.*)

Я кивнул.

— Мне не хватило духу, — сказал я.

— Кто ты? — спросил она, отступая на полшага.

— Меня зовут Мерлин, и я влип в дурацкое приключение, смысла которого не понимаю.

— Амбер, — мягко произнесла женщина, не снимая руки с моего плеча.

Я кивнул.

— Я тебя не знаю, — сказала она, — а вроде должна бы знать, но... я... не...

Она снова прижалась ко мне, спрятала голову у меня на груди. Я пытался что-то сказать, объяснить, но незнакомка приложила палец к моим губам.

— Не сейчас, а может, и совсем не надо. Не говори ничего. Но ты-то должен знать, призрак ты Пути или нет.

— Что такое призрак Пути?

— Его порождение. Путь запоминает всех, кто его прошел. Он может воссоздать нас, когда пожелает, — такими, какими мы были в то время. Он может распоряжаться нами по своему усмотрению, отправлять куда угодно с любыми заданиями. Разрушать и создавать снова.

— Часто он это делает?

— Про других не знаю — только про себя. — И вдруг: — Ты не призрак! Я чувствую! — вскричала она и вцепилась в мою руку. — Только ты не такой, как другие, в ком течет кровь Амбера...

— Наверное, — отвечал я. — Я веду свой род и от Амбера, и от Владений Хаоса.

Незнакомка поднесла мою руку к губам, словно хотела поцеловать, но губы ее скользнули ниже, к разрезанному по просьбе Брэнда запястью. Внезапно до меня дошло: кровь Амбера чем-то притягательна для духов Пути.

Я попытался вырвать руку, но и она обладала силой Амбера.

— Во мне иногда струится пламя Хаоса, — сказал я, — как бы оно не причинило тебе вреда.

Она медленно подняла голову и улыбнулась. Губы ее были в крови. Я опустил глаза, увидел алую влагу на своем запястье.

— Кровь Амбера имеет власть над Путем, — начала она, и тут у ее щиколоток заклубился туман. — Нет! — закричала она и снова припала к моей руке.

Смерч обвил ее колени, бедра. Зубы рвали мою руку. Я не знал, каким заклинанием это остановить, поэтому просто обнял ее и погладил по волосам. Через мгновение она растаяла в моих объятиях, обернулась кровавым вихрем.

— Иди направо! — выкрикнула она, устремляясь ввысь. На

асфальте, рядом с лужицей моей крови, осталась тлеть ее сигарета.

Я повернулся и пошел прочь. Далеко-далеко за туманной мглой пианино по-прежнему тихо наигрывало мелодию из давнего прошлого.

Глава 6

Я шел вправо, и везде, где капала моя кровь, реальность немного подтаивала. Впрочем, порез вскоре затянулся, кровь остановилась. Даже запястье больше не дергало.

— Ты меня всю кровью залил, начальник.

— Скажи спасибо, что не огнем.

— Тогда в камнях немного и подпалило.

— Извини. Можешь объяснить, что происходит?

— Если ты о новых указаниях, то их еще нет. Однако я думала — теперь, когда я это умею, — так вот, это место становится все более интересным. Взять хоть призраков Пути. Путь не может проникнуть сюда сам, но засылает агентов. Как ты полагаешь, не способен ли на то же Логрус?

— Все может быть.

— У меня сложилось впечатление, что здесь, за изнанкой реальности, между Тенями, у них идет поединок. Вдруг это место существовало раньше? До Тени? Вдруг они сражаются здесь изначально, неким загадочным метафизическим способом?

— А нам-то что?

— Тогда, возможно, и сама Тень — побочный продукт напряжения между полюсами.

— Боюсь, Фракир, ты недослышала мой вопрос.

— Вдруг и Амбер, и Владения Хаоса созданы лишь затем, чтобы поставлять агентов для борьбы?

— А вдруг эта мысль внушена тебе Логрусом вместе со способностью говорить?

— Зачем?

— Да все за тем же. Чтоб я поверил, будто борьба важнее людей. Еще один способ принудить меня к выбору.

— Мне не кажется, что мной управляют.

— Ты сама призналась, что научилась думать совсем недавно. А для новичка ты рассуждаешь уж больно отвлеченно.

— Правда?

— Поверь.

— И что это означает?

— Нежелательное внимание сверху.

— Я бы выбирала выражения, пока мы остается в зоне их боевых действий.

— Сифилис на оба их дома![1] Не знаю почему, но я им нужен. Они все проглотят.

Впереди глухо заворчало.

— Видишь, о чем я?

— Блеф.

— Чей?

— Думаю, Пути. Похоже, этот сектор реальности контролируют его призраки.

— Сам понимаешь, мы можем кардинально заблуждаться. Все наши догадки — выстрелы наугад.

— Мне кажется, это по мне стреляют наугад. Вот почему я отказываюсь играть по чужим правилам.

— И что ты предлагаешь?

— Расслабься и виси спокойно, а скажу «Убей!» — выполняй. Пошли, куда идем.

Я снова побежал, прочь из тумана — пусть призраки останутся призраками в призрачном городе.

Яркая дорога на темной равнине, я бегу — обратное смещение Теней, словно местность пытается изменить меня. А впереди — вспышки и снова гром, по бокам возникают и пропадают виртуальные уличные сценки.

И вдруг оказалось, что я бегу наперегонки с самим собой, — на яркую дорогу выскочила темная фигура, и я не сразу понял, что это — отражение. Движения бегущего справа повторяли мои, мимолетные сценки справа от меня зеркально воспроизводились слева от него.

— Что происходит, Мерль?

— Не знаю, — сказал я, — только мне надоели символы, аллегории и прочая метафорическая шелуха. Если это означает, что жизнь — состязание с самим собой, то можно было придумать и что-нибудь посвежее — разве что Силы, устроившие это шоу, расписываются в своей банальности. Вполне в их духе. Как ты думаешь?

— Думаю, что тебя вполне может испепелить молнией.

Молнии не последовало. Мой зеркальный двойник все бежал. Это продолжалось дольше, чем прежние придорожные сценки. Я совсем было решил не обращать на него внимания, когда мое отражение внезапно поднажало и вырвалось вперед.

— Охо-хо-хо.

— М-да, — согласился я и тоже прибавил скорости, чтоб сократить разрыв.

Мы сравнялись и теперь бежали параллельно, в нескольких

[1] Перефразировка из «Ромео и Джульетты» В.Шекспира: «Чума на оба ваших дома!»

метрах друг от друга. Он снова начал отрываться. Я еще приналег и нагнал. Потом, сам не зная почему, вздохнул, пригнулся и рванул вперед.

Мой двойник заметил это, ускорился, начал догонять. Я тоже прибавил шагу, сохраняя разрыв. Куда это мы чешем?

Впереди дорога расширялась, и поперек нее, похоже, была натянута ленточка. Отлично. Что бы это ни означало, я должен прийти первым.

Метров сто я лидировал, потом моя тень вновь начала нагонять. Я припустил быстрее и какое-то время удерживал сократившуюся дистанцию. Тут он взял скорость, которую, мне казалось, не сможет сохранить до ленточки. Впрочем, кто его знает. Я поднажал еще. Я бежал со всех ног.

Сукин сын все нагонял, наконец мы сравнялись, и он меня обошел. Потом вдруг споткнулся — я мигом оказался рядом, но он больше не оступался и сохранял прежний бешеный темп. Я решил не останавливаться, пока не разорвется сердце.

Мы бежали голова к голове. Я не знал, есть ли у меня силы на последний рывок, не знал, бегу ли я чуть впереди, вровень или чуть позади. Мы мчались по параллельным сверкающим дорожкам к яркой полоске, и вдруг ощущение зеркального раздела исчезло. Две узкие дорожки превратились в одну широкую. Руки и ноги двойника двигались независимо от моих.

Чем меньше оставалось до финиша, тем ближе мы бежали друг к другу и наконец оказались совсем близко. И тут стало видно: я состязался отнюдь не со своим отражением. Волосы его развевались на ветру, и я заметил: левого уха нет.

Силы для финального рывка нашлись. И у него тоже. Мы достигли ленточки почти одновременно. Кажется, я все-таки раньше, но точно не скажу.

Мы, задыхаясь, рухнули на землю. Я сразу перекатился на бок, чтобы не спускать с соперника глаз, но он просто лежал и судорожно глотал воздух. Я положил руку на эфес. Кровь стучала в висках.

Когда я более-менее отдышался, то заметил:

— Не знал, что ты умеешь так быстро бегать, Джарт.

Он хохотнул:

— Ты много чего обо мне не знаешь, брат.

— Это уж точно.

Он утер лоб тыльной стороной ладони. Я заметил, что палец, оставшийся в пещерах Колвира, — на месте. Либо это Джарт с другой временной линии, либо...

— Как Джулия? — спросил я. — С ней все в порядке?

— Джулия? — переспросил он. — Кто это?

— Извини. Ты не тот Джарт.

— А кто тот? — Он приподнялся на локте и устремил на меня здоровый глаз.

— Настоящий Джарт и близко не подходил к Пути Амбера...

— Я — настоящий Джарт!

— У тебя все пальцы целы. А настоящий недавно одного лишился. В моем присутствии.

Он вдруг отвел глаз.

— Должно быть, — ты — призрак Логруса, — продолжал я. — Видимо, он и тут не отстает от Пути — тоже записывает всех, кто его прошел.

— Значит, это... и случилось со мной? Я не могу вспомнить... зачем оказался здесь. Только то, что должен был бежать с тобой наперегонки.

— Могу поспорить, что твои последние воспоминания связаны с прохождением Логруса.

Он снова поднял лицо. Кивнул:

— Верно. И что это значит?

— Точно не знаю, — ответил я, — но кое о чем догадываюсь. Это место — своего рода вечная изнанка мира. Она практически недосягаема и для Логруса, и для Пути. Однако оба могут проникать сюда через своих призраков, искусственно смоделированных по снятым с нас записям...

— Ты хочешь сказать, я — своего рода запись? — Он чуть не плакал. — А все казалось так замечательно! Я прошел Логрус. Все Тени лежали у моих ног! — Джарт потер виски. Потом: — Ты!.. Я попал сюда из-за тебя! Чтоб обогнать тебя в этой гонке, утереть тебе нос.

— Здорово пробежал. Я и не знал, что ты так можешь.

— Я начал тренироваться, когда услышал, что ты бегаешь в колледже. Не хотел уступать.

— Молодец.

— Если б не ты, меня бы в этом дурацком месте не было. Или... — Он покусал губу. — Не совсем так, да? Меня бы вообще не было. Я всего лишь запись... — Он посмотрел в упор. — На сколько мы рассчитаны? Как долго живут призраки Логруса?

— Понятия не имею, — отвечал я, — как они создаются и управляются. Но я встретил нескольких призраков Пути, и у меня сложилось впечатление, что моя кровь может их поддержать, сделать вроде как автономными, независимыми от Пути. Только одному из них — Брэнду — достался огонь, и он растаял. Дейрдре досталась кровь, но ее тут же унесло. Не знаю, успела ли она выпить достаточно.

Он покачал головой:

— У меня есть чувство — не знаю, откуда оно взялось, —

что и мне сгодилось бы нечто подобное, и что кровь — для Пути, огонь — для Логруса.

— Я не умею определять, где моя кровь окажется горючей.

— Здесь вспыхнет, — отвечал он. — Зависит от того, кто контролирует данную местность. Откуда-то я это знаю.

— А почему тогда Брэнд был на территории Логруса?

Джарт ухмыльнулся:

— Может, Путь решил использовать предателя для какой-то диверсии. А может, Брэнд ведет свою игру — что-то вроде двурушничества в квадрате.

— Очень на него похоже, — сказал я, наконец-то окончательно отдышавшись.

Я выхватил из-за голенища кинжал из Хаоса, резанул левую руку, убедился, что из нее хлещет огонь, и протянул Джарту:

— Быстрее! Глотай, пока Логрус не отозвал тебя назад!

Он схватил мою руку и почти что вдохнул рвущееся из нее пламя. Я посмотрел на его ноги — ступни, затем и лодыжки стали прозрачными. Логрус, похоже, торопился забрать его, как Путь забрал обратно Дейрдре. Внутри призрачных конечностей вспыхнули завихрения. Внезапно они погасли, вновь проступили очертания ног. Джарт все поглощал горючую кровь, но языков пламени я больше не видел — он, как и Дейрдре до него, пил прямо из раны. Ноги его начали уплотняться.

— Ты, похоже, стабилизируешься, — сказал я. — Давай еще.

Что-то больно ударило меня в поясницу, я отлетел в сторону и обернулся в падении. Надо мной стоял высокий мужчина — он-то и пнул меня сапогом. На нем были зеленые штаны и черная рубашка, лоб повязан зеленым головным платком.

— Это что за извращения? Да еще в святом месте?

Я перекатился на колени и начал вставать, правой рукой прижимая к бедру кинжал. Левую я протянул вперед. Уже не огонь, но кровь капала с нее.

— Не твое собачье дело, — сказал я и уверенно добавил: — Кейн.

Он с улыбкой поклонился, скрестил руки на груди и сразу развел их в стороны. За секунду до этого они были пусты, сейчас в правой блестел нож. Видимо, Кейн вытащил его из спрятанных в правом пышном рукаве ножен. Надо думать, он долго тренировался — без подготовки такого не сделаешь. Я попытался вспомнить, что слышал про Кейна и ножи. Лучше б не вспоминал. Он слыл первоклассным бойцом на ножах. Черт.

— К сожалению, не могу назвать тебя, — отметил он. — Лицо у тебя знакомое, но не помню, чтобы мы встречались.

— Мерлин, — сказал я. — Сын Корвина.

Он медленно обходил меня, но при этих словах застыл.

— Извини, если скажу, что затрудняюсь поверить.

— Не хочешь — не верь. Но это правда.

— А этот второй — его ведь зовут Джарт?

Он указал на моего брата, который только что поднялся на ноги.

— Откуда тебе это известно?

Кейн нахмурил брови, сощурился.

— М-м-м... не знаю, — сказал он, помолчав.

— Зато я знаю. Постарайся вспомнить, где ты и как сюда попал.

Он отступил на два шага. Потом закричал:

— Вот кто!

В то самое мгновение, когда я сообразил и заорал:

— Джарт! Берегись!

Джарт кинулся наутек. Я бросил кинжал — последнее дело, честно говоря, но, к счастью, у меня оставался меч, которым я мог достать Кейна раньше, чем Кейн достанет меня.

Проворство не изменило Джарту — в мгновение ока он оказался вне досягаемости. Кинжал, вопреки моим ожиданиям, угодил острием Кейну в правое плечо и вошел примерно на дюйм.

И тут, не успел Кейн повернуться ко мне, его тело разлетелось во все стороны, взорвалось множеством крошечных смерчей, которые в одну секунду поглотили всякое подобие человеческого. Они со свистом вращались, описывая концентрические спирали, потом два слились в один большой и быстро поглотили остальные, причем с каждым захваченным смерчем свист все нарастал. Наконец остался лишь один. Он качнулся было в мою сторону, затем резко устремился ввысь и рассеялся. Выброшенный воздушной струей кинжал упал в шаге от меня. Клинок был теплый и еще несколько секунд негромко гудел, пока я не спрятал его обратно в сапог.

— Что случилось? — спросил, возвращаясь, Джарт.

— Видать, оружие, сделанное во Владениях, сокрушительно действует на призраков Пути, — сказал я.

— Хорошо, что кинжал оказался при тебе. А чего этот тип на меня набросился?

— Думаю, Путь послал его, чтоб помешать тебе обрести самостоятельность — или убить тебя, если это уже произошло. По-моему, он не хочет, чтоб вражеские агенты в этом месте набирались силы и стабильности.

— Но я ему не угроза. Я — сам за себя и ни за кого больше. Я хочу одного — выбраться отсюда и заняться своими делами.

— Может, это само по себе угроза?

— Как так?

— Кто знает, что ты способен натворить, действуя самостоятельно — учитывая твое несколько необычное происхождение? Вдруг ты нарушишь баланс сил? Вдруг владеешь — или можешь завладеть — информацией, которую стороны предпочли бы не разглашать? Это как с непарным шелкопрядом. Никто и предположить не мог, что он наделает в природе, пока он не расползся из лаборатории. Ты можешь...

— Хватит! — Джарт поднял руку. — Не желаю ни о чем таком знать. Если меня выпустят отсюда и оставят в покое, я их тоже трогать не стану.

— Меня можно не убеждать, — сказал я.

С минуту он таращил глаза, потом вскочил и описал полный круг. Кроме светлой дороги, все было темно, и заорал он, надо полагать, в пространство:

— Слышите меня? Я не хочу ни во что лезть! Я хочу лишь убраться отсюда! Жить самому и не мешать жить другим. Устраивает вас это?

Я рванулся, схватил его за руку и дернул на себя. Дело в том, что в воздухе над его головой начало сгущаться маленькое призрачное подобие Логруса. В следующее мгновение оно с резким, словно от бича, хлопком молнией упало на место, где только что стоял Джарт, прожгло дыру в дороге и исчезло.

— Похоже, от них так просто не отвертишься, — сказал Джарт. Взглянул вверх. — Может, он готовит новый удар и нанесет его, когда я меньше всего буду ждать.

— Это как жизнь, — согласился я. — Но, думаю, ты вправе счесть это предупредительным выстрелом и на время выкинуть из головы. Важнее другое — поскольку мне дали понять, что это мое приключение, — так вот, знал ли ты заранее, поручено тебе помогать мне или мешать?

— Теперь припоминаю, что надеялся тебя обогнать, а потом мы вроде бы должны были сразиться.

— Тебе и сейчас этого хочется?

— Мы с тобой никогда не ладили. Но мне не по душе быть орудием в чужих руках.

— Готов ты заключить перемирие, пока я не закончу, что мне здесь назначено, и не сумею выбраться?

— А какой мне в этом интерес? — спросил он.

— Я придумаю, как отсюда выбраться. Если поможешь мне — или по крайней мере не будешь чинить помех, — выведу и тебя.

Джарт рассмеялся:

— Не уверен, что отсюда можно выбраться, если Силы сами не соизволят нас выпустить.

— Тогда ты ничего не теряешь, — сказал я, — и, возможно, еще увидишь, как я погибну в попытке отыскать лазейку.

— Ты правда владеешь обоими способами колдовства — и Логруса, и Пути? — спросил он.

— Да. Но в логрусском я сильнее.

— Можешь ты использовать тот или иной способ против его источника?

— Весьма занимательный метафизический вопрос. Я не знаю ответа, — сказал я, — и сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю. Здесь опасно призывать Силы. Так что я остался с пятком заклинаний. Не думаю, что мы выберемся отсюда с помощью колдовства.

— А как же?

— Понятия не имею. Впрочем, уверен, что не увижу полной картины, пока не дойду до конца тропы.

— Черт. М-м-м... Мне как-то не улыбается провести здесь остаток дней. С другой стороны, вдруг это единственное место, где подобные мне могут существовать? Вдруг ты отыщешь дверь, я пройду сквозь нее и растаю?

— Если призраки Пути могут появляться в Тени, то, думаю, сможешь и ты. Призраки Дворкина и Оберона навещали меня до того, как я сюда попал.

— Это обнадеживает. Стал бы ты на моем месте испытывать судьбу?

— Твоя жизнь, тебе и решать.

— Понял. Я пойду с тобой и посмотрю, что из этого выйдет. Помощи не обещаю, но и вредить не буду.

Я протянул руку, Джарт покачал головой.

— Давай не заходить слишком далеко, — сказал он. — Если ты не веришь мне без рукопожатия, то и с рукопожатием не поверишь, так ведь?

— Наверно, да.

— А меня никогда не тянуло пожать тебе руку.

— Извини, что предложил, — произнес я. — Может, все-таки объяснишь почему? Я всегда удивлялся.

Джарт пожал плечами:

— Разве обязательно должна быть причина?

— В противном случае это сумасбродство, — отвечал я.

— Или замкнутость, — добавил он, отворачиваясь.

Я вновь двинулся по тропе. Вскоре меня нагнал Джарт. Некоторое время мы шли в молчании. Когда-нибудь я научусь держать язык за зубами — или вовремя замолкать. Что, в общем, тоже хорошо.

Дорога шла прямо, но чуть впереди, похоже, исчезала. Мы дошли до того места, где она вроде бы кончалась, и тут я понял,

в чем дело: она сворачивала за невысокий пригорок. Мы пошли дальше и вскоре оказались перед новым поворотом. Потом тропа начала петлять, и стало ясно, что мы спускаемся по крутому серпантину.

Миновав еще несколько поворотов, я вдруг увидел впереди яркий зигзаг. Он, казалось, висел в воздухе прямо перед нами. Джарт поднял руку, указал и начал: «Что?..» — и тут мы одновременно поняли, что это продолжение нашей же дороги, только уже на подъеме. Все сразу стало на свои места, и я осознал, что мы спускаемся в глубокий ров. В воздухе заметно холодало.

Мы продолжали спуск, и вскоре что-то холодное, мокрое задело мою правую руку. Я посмотрел и увидел тающую снежинку. Вскоре ветром занесло еще несколько. Впереди что-то белело.

«Я тоже не знаю, что это», — сказала в голове Фракир.

«Спасибо», — мысленно отозвался я, решив, что Джарту лучше про мою помощницу не знать.

Вниз. Вниз и кругом. Назад. Назад и снова вперед. Температура продолжала падать. В воздухе реяли снежинки. Камни поблескивали.

Странно, я не понимал, что это, пока не поскользнулся.

— Лед! — воскликнул Джарт. Он едва не упал, но вовремя ухватился за камень.

Вдалеке что-то вздохнуло; сперва тихо, потом все громче, и, только когда порыв ударил нам в спины, мы поняли, что это — ветер. Причем холодный. Он пронесся, словно последнее дуновение ледникового периода. Я поднял воротник. Затем ветер немного потеплел, но дул все с той же силой. Мы продолжали спуск.

К тому времени как мы добрались до самого низа, окончательно подморозило. Ступени либо обледенели, либо были вырублены во льду. Ветер гудел на ровной, скорбной ноте, сверху сыпался то снег, то снежная крупа.

— Отвратительный климат, — проворчал Джарт, лязгая зубами.

— Вот уж бы не подумал, что призраки чувствительны к материальному, — заметил я.

— Призраки! — возмутился он. — Я мерзну в точности как обычно. Тот, кто отправил меня сюда, мог бы по крайней мере предусмотреть такую возможность. И вообще, не такое оно и материальное, это место, — добавил Джарт. — Могли бы проложить нам тропу попрямее. А то пока мы доберемся, куда им надо, от нас останутся ледышки.

— Не думаю, чтобы Логрус или Путь обладали здесь большой властью, — сказал я. — По мне, пусть лучше не мешаются под ногами.

Дорога шла по сверкающей равнине — такой ровной и такой сверкающей, что я испугался, уж не ледяная ли она. Так оно, разумеется, и оказалось.

— Скользко, — пробормотал Джарт. — Я сейчас расширю себе ступни.

— Порвешь сапоги и отморозишь ноги, — сказал я. — Почему бы просто не перераспределить вес, не опустить центр тяжести?

— Все-то ты знаешь, — недовольно нахмурился он. — Впрочем, на этот раз ты прав.

Мы простояли несколько минут, пока Джарт уменьшался в росте и раздавался вширь.

— А ты не будешь себя менять? — спросил он.

— Нет. Так быстрее идти.

— И проще плюхнуться на задницу.

— Посмотрим.

Мы вступили на лед и пошли, стараясь не падать. Ветер здесь был еще сильнее. Впрочем, ледяная дорога скользила совсем не так сильно, как можно было подумать, глядя сверху: мелкая рябь создавала хоть какое-то трение. Воздух обжигал легкие. Снег закручивался в могучие торнадо, которые исполинскими волчками вращались у нас на пути. От дорог шел голубоватый свет, и снежинки над ней тоже вспыхивали голубизной. Мы прошли с четверть мили, прежде чем вдоль дороги вновь стали появляться призрачные видения. Сперва я сам, распростертый в святилище на груде доспехов, затем Дейрдре под фонарем — она смотрела на часы.

— Что это? — спросил Джарт, когда картинки мелькнули и исчезли.

— Я не знал, когда впервые увидел, и не знаю до сих пор, — ответил я. — Когда наша гонка началась, я думал, что ты тоже из них. Они возникают и пропадают — по всей видимости, случайно. И я ума не приложу зачем.

Следующей возникла гостиная. На столе стояла ваза с цветами. Людей в комнате не было. Потом гостиная исчезла...

Нет. Не совсем. Исчезла комната, но цветы остались, прямо на льду. Я остановился, потом ринулся к ним.

— Мерлин, я не знаю, стоит ли сходить с тропы...

— Ко всем чертям, — отвечал я, подбегая к несообразной пестроте у подножия ледяной глыбы, напомнившей мне недавний Стоунхендж.

Их было много — розы всевозможных сортов и оттенков. Я нагнулся и вынул одну. Она казалась почти серебристой.

— Что ты тут делаешь, мой мальчик? — донесся знакомый голос.

Я тут же выпрямился. Высокий мужчина, выступивший из-за ледяной глыбы, обращался не ко мне. Он с улыбкой кивал Джарту.

— Похоже, дурака валяю, — отвечал Джарт.

— А это, видимо, и есть дурак, — отвечал мужчина. — Вырвал чертов цветок. Серебряную розу Амбера... лорда Корвина, я полагаю. Здравствуй, Мерлин. Отца разыскиваешь?

Я отстегнул от подкладки плаща английскую булавку и приколол розу на грудь. Говорящий был лорд Борель, герцог королевского дома Свейвилов и, по слухам, один из любовников моей матери. Он также считался одним из самых опасных бретеров во Владениях Хаоса. Убить моего отца, или Бенедикта, или Эрика многие годы было его навязчивой идеей. На свою беду, он встретился с Корвином, причем отец торопился — и они даже не скрестили клинков. Отец обвел его вокруг пальца и убил, насколько я понимаю, отнюдь не в честном поединке. И правильно. Я его никогда не любил.

— Ты мертв, Борель. Знаешь? — сказал я. — Ты — призрак того человека, каким был в день прохождения Логруса. В реальном мире Бореля больше нет. А хочешь знать почему? Тебя убил Корвин.

— Лжешь, паршивец! — вскричал он.

— Нет, — вмешался Джарт. — Мерль прав, ты действительно погиб. Заколот, как я слышал. Впрочем, я не знал, что это сделал Корвин.

— Он самый, — подтвердил я.

Борель отвернулся — я увидел, как по его щекам заходили желваки.

— А здесь — своего рода посмертный мир? — спросил он наконец, по-прежнему не глядя на нас.

— Можно выразиться и так, — сказал я.

— Здесь можно умереть снова?

— Думаю, да.

— Что это?

Он внезапно опустил глаза, я проследил его взгляд. Подо льдом что-то лежало. Шагнул в ту сторону.

— Рука, — ответил я, — похожа на человеческую руку.

— Как она здесь оказалась? — спросил Джарт, подходя и пиная руку.

Та дернулась, так что стало видно — она не просто лежит, а скорее торчит изо льда. После того как Джарт ее пнул, она еще несколько секунд судорожно сжималась и разжималась.

Потом я заметил еще одну, чуть дальше, а рядом, похоже, ногу. Еще дальше — плечо с рукой, ладонь...

— Людоедский морозильник, — предположил я.

Джарт хохотнул.

— Значит, вы оба мертвы, — произнес Борель.

— Отнюдь, — отвечал я. — Я — настоящий. Так, забрел мимоходом по пути в куда более приятное место.

— А Джарт?

— Джарт — любопытный феномен, как физически, так и теологически. Ему повезло странным образом раздвоиться.

— Не скажу, что считаю это везением, — заметил Джарт, — но, учитывая альтернативу, все-таки рад, что оказался здесь.

— Вот пример позитивного мышления, которое столько лет творило во Владениях чудеса, — сказал я.

Джарт снова хохотнул.

Я услышал металлический свист, который так просто не забывается. Если Борель хочет проткнуть меня сзади, я все равно не успею вытащить меч, обернуться и парировать. С другой стороны, он всегда гордился, что убивает с соблюдением всех тонкостей этикета. Он фехтовал честно, потому что знал свою непобедимость. Славу поддерживал. Я тут же поднял обе руки, как будто он хочет напасть на меня сзади, — нарочно, чтоб ему досадить.

— Оставайся невидимой, Фракир. Как только я обернусь и взмахну рукой — отцепляйся. Долетишь, ухватишься и ползи к шее. А там ты уж знаешь, что делать.

— Хорошо, начальник, — отвечала она.

— Обнажи клинок и поворачивайся, Мерль.

— Ты как-то неспортивно себя ведешь, Борель.

— Ты смеешь обвинять меня в чем-то отходящем от правил?!

— Трудно сказать, я же не вижу, что ты задумал, — отвечал я.

— Тогда обнажи меч и повернись.

— Я поворачиваюсь, но меча не трогаю.

Я быстро повернулся, взмахнул рукой, почувствовал, как соскользнула Фракир. И тут ноги мои поехали. Я слишком резво повернулся на гладком льду. В падении я видел, как ко мне метнулась темная тень. Когда я поднял глаза, передо мной — дюймах в шести от правого глаза — было острие Борелева меча.

— Вставай медленно, — сказал он.

Я подчинился.

— Вытаскивай меч.

— А если я откажусь? — спросил я, чтобы протянуть время.

— Значит, ты — не джентльмен, и я поступлю соответственно.

— То есть все равно на меня нападешь?

— Правила это позволяют, — ответил он.

— Подавись своими правилами! — Я поставил правую ногу за левую, отпрыгнул, вытащил меч и закрылся.

Он настиг меня в одно мгновение. Я продолжал отступать за ледяную глыбу, из-за которой он вышел. Мне совсем не улыбалось состязаться с ним в мастерстве, особенно теперь, когда я почувствовал его прыть. Отступая, парировать было легче. Меч, впрочем, казался каким-то непривычным, и я быстро глянул на него, чтобы понять причину. Это был не мой меч.

Дрожащий свет тропы, отраженный от льда, вспыхивал на узорной насечке. Я знал лишь один такой меч и видел его совсем недавно в руке, вполне возможно, отцовской. Передо мною мелькал Грейсвандир. Я улыбнулся. Какая ирония! Этот самый клинок сразил настоящего лорда Бореля.

— Ты смеешься над своей трусостью? — спросил тот. — Стой и сражайся, подлец!

Словно в ответ на его слова меня что-то остановило. Впрочем, пока я глядел на свои ноги, острие не пронзило меня насквозь, поскольку, судя по выражению Борелева лица, с ним случилось нечто подобное.

Торчащие изо льда руки крепко держали нас за щиколотки. Теперь был черед Бореля улыбаться. Он не мог больше наступать, но и я не мог сделать шага назад. А значит...

Он сделал выпад, я парировал из четвертой позиции, атаковал из шестой. Он закрылся. Сделал ложный выпад. Снова кварте и новый выпад. Ответный удар. Применить сиксте... нет, это обманный ответ. Поймать его в четвертой. Обман. Снова обман. Укол...

Что-то белое и твердое пролетело над его плечом и угодило мне в лоб. Я отклонился назад, но не упал — руки держали крепко. Впрочем, хорошо, что так вышло, — не то он пропорол бы мне печенку. Инстинктивно — или по волшебству, которое, я слышал, обитает в Грейсвандире, — я выбросил руку вперед как раз тогда, когда мои колени подогнулись. На клинок я не смотрел, но почувствовал, как он входит во что-то упругое. Борель удивленно фыркнул и чертыхнулся. Джарт тоже ругнулся. Его я не видел, он стоял сбоку, вне моего поля зрения.

Впереди что-то вспыхнуло. Я напружинил колени, устоял, отбил удар, чуть не снесший мне голову, и начал выпрямляться. Оказывается, я царапнул Борелю плечо, и теперь из

раны водопадом хлестало пламя. Тело его начало светиться, контуры ног расплывались.

— Ты одолел меня не умением! — вскричал он.

Я пожал плечами.

— А это и не зимняя Олимпиада, — сказал я.

Он перехватил эфес, занес руку к плечу и бросил в меня меч — как раз перед тем, как рассыпаться фонтаном искр и растаять в небе.

Я отбил меч, и он упал левее, до половины вонзился в лед и остался стоять, дрожа, — как бы скандинавский перепев артуровской легенды. Джарт подбежал ко мне, пинками заставил руки выпустить мои щиколотки и сощурился на мой лоб.

Что-то упало на меня сверху.

— Извини, начальник. Я приземлилась ему на колено. Пока доползла до горла, он уже вспыхнул, — сказала Фракир.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — отвечал я. — Хоть не обожглась?

— Даже жара не почувствовала.

— Извини, что попал в тебя ледышкой, — сказал Джарт. — Я метил в Бореля.

Я пошел прочь от долины рук, обратно к тропе.

— Косвенно это помогло, — сказал я, но благодарить не стал. Кто его знает, куда он на самом деле целил?

Я оглянулся. Руки, которые Джарт только что пинал, показывали нам кукиш.

Откуда у меня взялся Грейсвандир? Смогло бы другое оружие так же поразить призрак Логруса? Значит ли это, что меня принес сюда все-таки отец? И что он знал: его меч мне понадобится? Мне хотелось думать так, хотелось верить, что это был он, а не призрак Пути. А если это был он, то какова его роль во всей этой истории? Что он про нее знает? И на какой он стороне?

Ветер улегся. Мы шли по тропе, и торчащие изо льда руки держали факелы, освещая путь на далекое расстояние — до начала подъема. Больше никто не мешал нам идти по ледяной равнине.

— Из того, что ты рассказал и что я сам видел, — промолвил Джарт, — складывается впечатление, будто билет тебе выдал Путь, а Логрус пытается сделать в нем дырку.

В это самое время лед начал взламываться. С обеих сторон к нам бежали трещины, однако у тропы замедлялись. Я впервые заметил, что она немного возвышается над равниной. Мы шли как бы по дамбе, справа и слева ломался лед, но нам ничего не грозило.

— Вот вроде того, — прокомментировал Джарт. — А как ты вообще вляпался в эту историю?

— Все закрутилось тридцатого апреля, — начал я.

Глава 7

Мы карабкались на склон. Некоторые руки махали нам на прощание. Джарт показал им нос.

— Ты меня осуждаешь, что я хочу отсюда сбежать? — спросил он.

— Ничуть.

— Если это твое переливание действительно освободило меня от власти Логруса, я могу прожить тут неопределенно долго.

— Возможно.

— Вот почему я швырнул ледышкой в Бореля, а не в тебя. Помимо того, что ты сообразительнее и можешь отыскать-таки выход, он — порождение Логруса и в случае нужды не сумел бы поддержать меня своим огнем.

— Мне тоже об этом подумалось, — сказал я. Правда, в голову пришло другое возможное решение, но его я оставил при себе. — К чему ты клонишь?

— К тому, что буду помогать тебе чем сумею, только бы ты меня здесь не бросил. Конечно, мы не ладили, но, если ты согласен, я готов все забыть.

— Я всегда был согласен. Ты вечно первым затевал ссоры.

— Ничего не первым, — возразил Джарт. — Ладно, ладно, ты прав. Я никогда тебя не любил и, возможно, не люблю и теперь. Но не буду тебя подначивать сейчас, когда мы так друг другу нужны.

— Насколько я понимаю, это я тебе нужен.

— Не спорю и не могу убедить тебя, что говорю искренно, — сказал он. — А жаль.

Мы еще немного поднялись. По-моему, воздух начал теплеть. Наконец Джарт продолжил:

— Попробуй взглянуть с другой стороны. Я похож на твоего брата Джарта. Я — примерно такой, каким он был некоторое время назад, — примерно, да не такой же. С того мгновения, когда мы пустились наперегонки, я двигаюсь в свою, отличную от его, сторону. Моя ситуация — только моя, и я не перестаю размышлять с тех пор, как обрел самостоятельность. Настоящий Джарт знает то, чего я не знаю, обладает силами, которых у меня нет. Однако я помню все, что было с ним до прохождения Логруса, и лучше, чем кто-либо другой, могу

угадать ход его мыслей. Так вот, если он действительно так опасен, как ты говоришь, я тебе пригожусь, если надо будет предвосхитить какие-то его поступки.

— Тут ты прав, — согласился я. — Если, конечно, ты не встанешь на его сторону.

Джарт покачал головой:

— Он не будет мне доверять. А я — ему. Мы слишком хорошо себя знаем. Самоанализ подсказывает. Понимаешь, о чем я?

— Это значит, что ни тебе, ни ему доверять нельзя.

Он нахмурился. Потом кивнул:

— Да, наверное.

— Так почему я должен тебе верить?

— Сейчас — потому что держишь меня за горло. Дальше — потому что не сможешь без меня обойтись.

Еще несколько минут мы поднимались в молчании. Потом я сказал:

— Что меня больше всего в тебе тревожит... Джарт прошел Логрус совсем недавно. Добро бы ты был повзрослевшей, подобревшей версией моего нелюбезного братца — так ведь нет, ты — весьма новая модель. Касательно же твоего расхождения с оригиналом — не верю, что за такое короткое время можно измениться всерьез.

Он пожал плечами:

— Что я могу добавить к прежним словам? Если так, ограничимся понятием власти и шкурного интереса.

Я улыбнулся. Мы оба понимали, что в любом случае так и будет. Впрочем, разговор помогает скоротать путь.

Пока мы лезли вверх, мне пришла в голову интересная мысль.

— Как по-твоему, ты сумел бы пройти сквозь Тень?

— Не знаю, — ответил Джарт, подумав. — Последнее, что осталось в моей памяти, — это как я прошел Логрус. Думаю, тогда и была закончена запись. Поэтому я не помню, чтобы Сухай наставлял меня в движении по Теням, не помню, чтобы пытался это сделать. Думаю, сумел бы. А ты как считаешь?

Я остановился перевести дух.

— Вопрос настолько сложный, что мне не хватает знаний даже на догадки. Я думал, может, ты явился сюда начиненный готовыми ответами — чем-то вроде сверхъестественного знания своих возможностей и ограничений.

— Увы, нет. Если не считать предчувствия сверхъестественными.

— Я бы счел, если бы ты часто оказывался прав.

— Черт. Еще рано судить.

— Черт. Ты прав.

Вскоре мы оставили внизу полосу тумана, из которой сыпался снег. Спустя какое-то время ветер заметно ослабел, потом совсем улегся. Впереди показался гребень, и мы довольно быстро выбрались на него.

Я обернулся и увидел лишь поблескивающий туман. Вперед телеграфной лентой из точек и тире уходил серпантин — видимо, тропа то и дело ныряла за камни. По ней мы и пошли — сперва направо, потом налево.

Я поглядывал на Джарта — не узнает ли он местность. Разговор — всего лишь слова, а он — куда ни кинь — все тот же Джарт, с которым я вырос. И если он заведет меня в ловушку, я первым делом всажу в него Грейсвандир.

Мерцание...

Камни справа, что-то вроде пещеры — будто дыра в другую реальность. Странноватый автомобиль мчится по крутой городской улице...

— Что... — начал Джарт.

— Я по-прежнему не понимаю, что это должно значить. Впрочем, я здесь такого уже навидался. Я и про тебя сперва подумал, что ты — из них.

— С виду как настоящее. Прямо бери и входи.

— Все может быть.

— Вдруг это и есть выход?

— Вряд ли все так просто.

— А давай попытаемся.

— Валяй, — сказал я.

Мы сошли с тропы и направились к окну в реальность. В следующее мгновение Джарт был уже на тротуаре рядом с улицей, по которой ехала машина. Он обернулся и помахал рукой. Рот его открывался и закрывался, но я не слышал ни звука.

Если я отряхнул снег с красного «Шевроле», почему бы мне не войти в одну из этих картинок? А если я войду, удастся мне уйти отсюда сквозь Тень куда-нибудь в более подходящее место, прочь из этого мрачного мира?

Я шагнул вперед.

И сразу для меня включился звук. Я глядел на дома, на круто уходящую улицу. Я слышал гул машин, вдыхал городской воздух. Это вполне могла быть одна из Теней Сан-Франциско. Я побежал за Джартом, который уже огибал угол. Догнал его, пошел рядом. Мы завернули за угол. И встали как вкопанные.

Перед нами не было ничего. Стена мрака. Даже не мрака — абсолютной пустоты, от которой мы тут же отпрянули.

Я медленно протянул руку. По телу пробежали мурашки, потом холодок, потом накатил страх. Я отступил на шаг. Джарт тоже протянул руку и тоже попятился. Потом вдруг резко поднял с обочины отбитое бутылочное донышко, размахнулся, бросил в ближайшее окно. И тут же побежал следом.

Я — за ним. Возле разбитого окна мы остановились, заглянули внутрь.

Опять чернота. За окном не было ровным счетом ничего.

— Мираж, — заметил я.

— Угу, — кивнул Джарт. — Как будто нас пускают в разные Тени, но только очень недалеко. Что ты об этом думаешь?

— Я гадаю, может, мы должны что-то искать в одном из этих мест?

Внезапно тьма за окном раздвинулась, появился стол и на нем свеча. Я потянулся сквозь разбитое стекло, и все тут же исчезло. Осталась одна тьма.

— Я так понимаю, это положительный ответ на твой вопрос, — сказал Джарт.

— Думаю, ты прав. Но не можем же мы искать неизвестно что в каждой встречной картинке.

— Мне кажется, кто-то пытается привлечь твое внимание, и как только ты поймешь и начнешь вглядываться, тебе покажут нужную.

Свет. За окном появился уставленный свечами стол.

— Ладно, — согласился я. — Если это то, что от меня требуется, я согласен. Здесь я еще должен что-нибудь искать?

Наступила тьма. Она выползала из-за угла и медленно подбиралась к нам. Свечи погасли, тьма лилась из окна. Здание напротив исчезло за плотной стеною тьмы.

— Я так понимаю, это означает «нет», — вскричал я и побежал по суживающемуся темному коридору к тропе.

Джарт бежал следом.

— А ты догадливый, — сказал я, пока мы, стоя на тропе, провожали глазами исчезающую улицу. — Как по-твоему, картинки просто выбрасывались случайно, пока мы не додумались войти в любую?

— Да.

— Зачем?

— Наверное, он свободнее распоряжается в этих картинках и легче может ответить на твои вопросы.

— Он — то есть Путь?

— Вероятно.

— Я войду в следующую же, которая откроется. Я готов

сделать все, что от меня хотят, лишь бы мне быстрее отсюда выбраться.

— Нам, брат, нам.

— Конечно, — отвечал я.

Мы пошли дальше. Ничего нового и интригующего по сторонам не появлялось. Дорога однообразно вилась то вправо, то влево, и я уже начал гадать, кого мы встретим следующим. Если я действительно на территории Пути и выполняю его волю, Логрус наверняка пошлет мне наперехват кого-нибудь из старых знакомых. Однако никто так и не возник. Мы миновали последний поворот, дальше дорога шла прямо, затем упиралась во что-то черное.

Ближе стало видно, что она уходит в большую черную гору. Я почувствовал что-то вроде клаустрофобии. Джарт тихо ругался на ходу. Однако не успели мы добраться до горы, как справа что-то блеснуло. Я повернулся и увидел спальню Рэндома и Вайол в Амбере. Я глядел на комнату с юга, видел диван и ночной столик, дальше стул, ковер, подушки перед камином и окно рядом с ним. В окно лился солнечный свет. Ни в постели, ни в комнате никого не было, поленья на решетке почти прогорели и слабо потрескивали.

— Что теперь? — спросил Джарт.

— Это оно, — отвечал я. — Так и должно было быть, понимаешь? Как только до меня дошло, что происходит, мне показали настоящее. Думаю, я должен действовать быстро — как только соображу...

Один из камней камина загорелся красным. Он на глазах наливался светом. Это никак не отблеск углей. Значит...

Я ринулся вперед. За спиной что-то кричал Джарт, но слова его как отрезало, едва я вошел в комнату. От кровати слабо веяло любимыми духами Вайол. Я чувствовал — это настоящий Амбер, а не какое-нибудь теневое факсимиле. Я быстро шагнул к камину.

Джарт ворвался следом.

— Скорей выходи сражаться! — вопил он.

Я развернулся к нему, крикнул: «Заткнись!» — и поднес палец к губам.

Он подошел, ухватил меня за руку и хрипло зашептал:

— Борель опять пытается материализоваться! К тому времени как ты выйдешь, он будет ждать!

Из гостиной донесся голос Вайол:

— Есть здесь кто?

Я вырвал руку, опустился на колени перед камином и взялся за светящийся камень. Он казался вмазанным в кладку, но легко вынулся, едва я потянул.

— Как ты угадал, какой дергать? — прошептал Джарт.

— По свечению.

— Какому свечению?

Вместо ответа я запустил руку в образовавшуюся дыру, надеясь, что там не окажется колдовского капкана. Дыра была глубже, чем просто выемка от камня. Я нащупал что-то висящее на крючке или выступе — цепь, — ухватился и потянул. Джарт затаил дыхание.

Последний раз я видел его на Рэндоме в день похорон Кейна. В моей ладони лежал Судный Камень. Я быстро перекинул через голову цепь и опустил камень на грудь. В то же мгновение дверь отворилась.

Я поднес палец к губам, взял Джарта за плечо и развернул к отсутствующей стене, за которой виднелась наша тропа. Он было запротестовал, но я с силой толкнул его вперед.

— Кто здесь? — спросила Вайол.

Джарт в недоумении обернулся ко мне.

Объяснить жестами или шептать, что она слепая, было некогда. Я снова ткнул Джарта в спину, но он извернулся, выставил ногу и толкнул меня вперед. Я чертыхнулся и упал. Сзади Вайол снова спросила: «Что?..» — и тут голос ее оборвался.

Я грохнулся на тропу, успев в падении выхватить кинжал, перекатился и вскочил на ноги. Передо мною стоял Борель.

Он улыбался. Меч его был в ножнах.

— Здесь из земли руки не торчат, — заметил он, — так что теперь никакая случайность тебя не спасет.

— Жалко, — сказал я.

— Если только я сниму эту цацку с твоей шеи и верну ее в Логрус, мне позволят прожить новую жизнь вместо предшественника, предательски убитого твоим отцом, как ты сам говоришь.

Видение монарших покоев в Амбере померкло. Джарт стоял рядом с тропой, возле черты, недавно отделявшей ее от древнего королевства.

— Я знал, что не одолею его, — сказал он, почувствовав на себе мой взгляд, — а ты уже раз с ним справился.

Я пожал плечами.

Борель повернулся к Джарту:

— Ты предаешь Логрус и Владения Хаоса?

— Напротив, — отвечал Джарт. — Может быть, я спасаю их от серьезной ошибки.

— Какой ошибки?

— Скажи ему, Мерлин. Повтори, что говорил мне, когда мы карабкались из морозильника.

Борель вновь взглянул на меня.

— Эта история запутанная с самого начала, — сказал я. — Мне кажется, идет поединок между Силами — Логрусом и Путем. Амбер и Владения, возможно, вторичны. Понимаешь...

— Чушь! — перебил он, вытаскивая меч. — Ты нарочно выдумываешь на ходу, чтоб оттянуть наш поединок.

Я переложил кинжал в левую руку, а правой вытащил Грейсвандир.

— Ну и черт с тобой! — вскричал я. — Подойди и возьми!

Тяжелая рука опустилась мне на плечо, придавила и одновременно крутанула так, что я волчком вылетел с тропы. Уголком глаза я видел, что Борель отступил на шаг.

— Ты похож на Эрика или на Корвина, — сказал мягкий знакомый голос, — хоть я тебя и не знаю. Но на тебе — Камень, а значит, ты — слишком важная особа, чтобы рисковать жизнью в мелкой потасовке.

Я перестал катиться и повернул голову. Это был Бенедикт — Бенедикт с двумя нормальными руками.

— Я — Мерлин, сын Корвина, — сказал я. — А это — первый фехтовальщик Владений Хаоса.

— Ты, похоже, куда-то спешишь, Мерлин. Вот и иди, — сказал Бенедикт.

Острие Борелева меча замерло в десяти дюймах от моего горла.

— Никуда ты не идешь, — заявил герцог, — тем более с этим камнем.

Бенедикт беззвучно обнажил меч и отбил клинок Бореля.

— Я сказал, иди, Мерлин!

Я вскочил на ноги, отпрыгнул подальше от Бореля и осторожно обошел дуэлянтов.

— Если ты его убьешь, — сказал Джарт, — он со временем материализуется снова.

— Любопытно, — сказал Бенедикт, отбивая выпад и отступая на полшага. — Как скоро?

— Через несколько часов.

— А сколько вам нужно, чтобы закончить свою миссию?

Джарт взглянул на меня.

— Не знаю, — отвечал я.

Бенедикт парировал необычным легким движением, както странно шаркнул ногой вперед и яростно атаковал. От рубашки Бореля отлетела пуговица.

— Тогда я не буду торопиться, — сказал Бенедикт. — Удачи, малыш.

Он быстро отсалютовал мечом. В это мгновение Борель перешел в нападение. Бенедикт применил итальянскую шестую, так что оба клинка отошли вбок, шагнул вперед и левой рукой потянул противника за нос. Потом оттолкнул его от себя, отпрыгнул на шаг и улыбнулся.

— Сколько вы обычно берете за урок? — долетел нам в спину его голос.

— Интересно, много времени надо Силе, чтобы материализовать призрака? — сказал Джарт на бегу — мы трусили к скальной громаде, в которую ныряла дорога.

— Несколько часов на одного только Бореля, — сказал я. — Если я не ошибаюсь и Логрусу действительно позарез нужен Камень, он бы, коли мог, прислал целую армию призраков. Теперь я убежден, что обеим Силам очень трудно сюда проникнуть. Подозреваю, что они просачиваются в виде слабейших ручейков энергии. Будь это иначе, мне бы так далеко не забраться.

Джарт протянул было руку потрогать Камень, передумал и отдернул.

— Похоже, ты бесповоротно на стороне Пути.

— Сдается мне, ты тоже. Если, конечно, ты не намерен в последнюю секунду всадить мне нож в спину.

Он хихикнул и тут же добавил:

— Не смешно. Мне придется быть с тобой заодно. Теперь я вижу, что Логрус создал меня орудием и выбросил бы на свалку, как только я отработал бы свое. Думаю, если бы не твое переливание, я бы давно растаял. Поэтому, хочешь не хочешь, я с тобой, и твоей спине ничего не грозит.

Мы бежали по прямой тропе и уже видели ее конец. Джарт некоторое время молчал, потом спросил:

— А что в ней такого, в этой твоей подвеске? Зачем она Логрусу?

— Это — Судный Камень. Говорят, он старше самого Пути и послужил его созданию.

— Как по-твоему, почему он так легко отыскался, можно сказать, сам пошел тебе в руки?

— Понятия не имею, — отвечал я. — Если чего надумаешь, скажи мне, я охотно выслушаю.

Вскоре мы оказались у места, где тропа уходила в полную тьму. Мы остановились и попытались хоть что-нибудь разглядеть.

— Никакой тебе таблички, — сказал я, осматривая скалу по сторонам и сверху от входа.

Джарт взглянул удивленно:

— Знаешь, Мерлин, у тебя всегда было извращенное чувство юмора. Ну кто вешает таблички в таких местах?

— Кто-нибудь с извращенным чувством юмора, — отвечал я. — Не один же я такой.

— Ладно, чего стоять, пошли, — сказал Джарт, вновь поворачиваясь к пещере.

Над темным провалом зажглась красная табличка «Выход». Джарт с минуту смотрел на нее, потом медленно покачал головой. Мы вошли.

Коридор вилял, и это меня немного удивляло. Пока все, что мы встречали в этой стране, было явно искусственным, и я ожидал увидеть штольню с гладкими стенами, а в ней — прямой, как по линейке прочерченный путь. Однако в действительности это больше походило на природную пещеру — сталактиты, сталагмиты, колонны и озерца.

Камень бросал зловещие отблески на все, что я останавливался рассмотреть.

— А ты умеешь им пользоваться? — спросил Джарт.

Я вспомнил отцовский рассказ.

— Думаю, сумею, когда время придет, — сказал я, поднимая Камень к глазам. Секунду я смотрел на него, потом отпустил цепочку. Сейчас меня больше занимал не Камень, а дорога.

Я вертел головою по сторонам, пока мы шли из сырого грота в просторный, словно собор, каменный зал, по узким переходам, вдоль высохших водопадов. Что-то это напоминало, только я не мог сообразить что.

— Ничего не кажется знакомым?

— Мне — нет, — отозвался Джарт.

Мы пошли дальше и миновали естественную нишу с тремя человеческими скелетами. Я поделился своими соображениями: впервые с начала путешествия появились, если можно так выразиться, настоящие признаки жизни.

Джарт медленно кивнул.

— Начинаю сомневаться, между Тенями ли мы идем, — сказал он, — или уже вошли в Тень — возможно, сразу за устьем пещеры.

— Можно призвать Логрус и проверить, — сказал я (Фракир тут же дернулась на запястье), — но, учитывая определенную метафизичность ситуации, лучше все-таки воздержаться.

— Я сужу по цветам минералов на стенах, — продолжал Джарт. — Там, позади, все тяготело к монохромности. На декорации мне, собственно, плевать. Но если мы вошли в Тень, это уже своего рода победа.

Я указал на землю.

— Пока тут светится эта тропа, мы по-прежнему под колпаком.

— А что, если просто с нее сойти? — Джарт сделал шаг вправо.

Сталактит задрожал и рухнул на землю меньше чем в футе от Джарта. Тот мигом очутился рядом со мной.

— Конечно, было бы ужасно жалко не выяснить, куда же мы все-таки шли.

— Приключения — они такие. Невежливо пропускать самое интересное.

Мы почесали дальше. Ничего аллегорического по сторонам не происходило. Наши голоса и звуки шагов отдавались от стен. Где-то в гротах капала вода. Минералы поблескивали. Тропа шла под уклон.

Сколько мы шагали, не скажу. Через какое-то время каменные гроты начали повторяться — словно нас вновь и вновь телепортировали в одни и те же пещеры и коридоры. Это несколько притупило во мне ощущение времени. Однообразие убаюкивает и...

Внезапно туннель расширился и повернул влево. Хоть какая-то перемена. Справа открылся боковой ход. Джарт заглянул туда и быстро прошел мимо.

— Там может таиться любая мерзость, — сказал он.

— Верно, — кивнул я, — но бояться, по-моему, не стоит.

— Почему же?

— Кажется, я начинаю понимать.

— Может, и мне объяснишь?

— Слишком долго. Погоди, скоро все выяснится.

Мы миновали еще одно боковое ответвление — похожее, но не такое же. Разумеется.

Я прибавил шагу, торопясь удостовериться. Еще ответвление. Я побежал...

Еще...

Джарт бежал рядом, по коридорам раскатывалось эхо. Вперед. Уже скоро.

Опять поворот.

И здесь я остановился. Коридор вел дальше, тропа — нет. Она сворачивала влево и упиралась в большую, окованную железом дверь. Я пошарил справа от косяка, где должен быть крюк, нащупал его, снял ключ. Вставил в скважину, повернул, вынул, повесил на место.

— Мне тут не нравится, начальник, — заметила Фракир.

— Знаю.

— Похоже, ты понимаешь, что делаешь, — сказал Джарт.

— Ага, — промолвил я и добавил: — До определенной степени, — поняв, что дверь открывается на меня, а не внутрь.

Я ухватился за большую дверную скобу слева и потянул.

— Может, все-таки объяснишь, куда мы пришли? — спросил Джарт.

Я шагнул назад. Тяжелая дверь скрипнула и повернулась.

— Это поразительно похоже на пещеры в Колвире под замком Амбер.

— Класс, — отвечал он. — А что за дверью?

— Очень похоже на вход в комнату, где в Амбере помещается Путь.

— Еще лучше! Я, надо думать, обернусь струйкой дыма, если ступлю туда ногой.

— Похоже, но не во всем, — продолжал я. — Сухай приходил взглянуть на самый Путь, прежде чем мне его пройти, и ничего, не пострадал.

— Наша мать его прошла.

— Верно. Если честно, я думаю, всякий истинный уроженец Владений Хаоса в состоянии пройти Путь — и то же с моими амберскими родственниками в отношении Логруса. Считается, что где-то в туманной глуби веков у нас были общие предки.

— Ладно, пойду с тобой. Там ведь можно повернуться и не наступить на эту штуковину, так?

— Да.

Я распахнул дверь до конца, подпер ее плечом и заглянул внутрь. Светящаяся тропа обрывалась в нескольких дюймах за порогом.

Я чертыхнулся и отпустил дверь.

— Что?.. — спросил Джарт, пытаясь заглянуть мне через плечо.

— Не то, что я ждал. — Я посторонился и дал ему посмотреть.

Несколько секунд он глядел, потом произнес:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже, — сказал я, — но собираюсь разобраться.

Я вошел в комнату, Джарт за мной. Это был не тот Путь, который я знал. Вернее, и тот, и не тот. Очертаниями он в общем повторял тот Путь, но линии кое-где стерлись, исчезли, сдвинулись — а может, никогда и не были нанесены правильно. Обычно темное пространство между линиями лучилось голубоватой белизной, сами линии были черны — словно жизненная суть ушла из диаграммы и пропитала фон. По освещенным участкам пробегала мелкая рябь.

Но главное — другое: посреди амберского Пути никогда не

было огненного кольца вкруг мертвой, бесчувственной или заколдованной девушки.

А девушка, разумеется, могла быть только Корэл. Я сразу это понял, хотя лишь через несколько минут разглядел ее лицо за пляшущими огненными языками.

Пока я смотрел, тяжелая дверь захлопнулась. Джарт долго стоял неподвижно, затем произнес:

— Этот твой Камень явно проснулся. Видел бы ты свое лицо в его свете.

За бело-голубым сиянием Пути и дрожанием огненного кольца я и не заметил, что Камень тоже рубиново горит.

Я сделал шаг вперед, и меня обдало холодом, как от включенной карты. Видимо, это один из Нарушенных Путей, о которых говорила Джасра, — Путей, на которых прошли посвящение она и Джулия. Значит, я в одной из ранних Теней, где-то поблизости от Амбера. Мысли понеслись галопом.

Совсем недавно я заподозрил, что Путь обладает разумом. Очень вероятно, что разумен и Логрус — одно подтверждает другое. Впервые эта мысль пришла мне в голову, когда Корэл прошла Путь и попросила его перенести ее куда следует. Он исполнил приказание, и вот где она оказалась. Без сознания — видимо, поэтому-то я не мог связаться с ней через карту. Когда она исчезла, я обратился к Пути, и тот, словно в насмешку, перенес меня из одного конца комнаты в другой — видимо, хотел доказать мне, что все понимает.

А ведь он не просто разумен, решил я, заглянув в Судный Камень. Он очень и очень умен. В камне возникали картинки, они говорил, что я должен сделать. Так вот, в нормальных обстоятельствах я бы этого делать не стал. Выйдя из странного царства, сквозь которое вела тропа, я бы вытащил карту и попросил кого-нибудь меня отсюда забрать — или даже призвал бы Знак Логруса, и пока бы они с Путем разбирались, благополучно улизнул через Тень. Однако посреди Нарушенного Пути спала в огненном кольце Корэл... Настоящий Путь знал, что я ее не брошу. Видимо, он понял что-то, когда она по нему шла, выстроил план и придумал, как меня подловить.

Он хотел, чтобы я восстановил именно это его подобие, починил вот этот Нарушенный Путь — прошел бы по нему, неся с собой Судный Камень. Так Оберон вернул целостность оригиналу. Правда, ценою собственной жизни...

С другой стороны, король имел дело с прообразом, а это — лишь одно из отображений. И потом, мой отец создал собственный эрзац из обрывка и остался жив.

Но почему я? Потому что мой отец сумел создать новый Путь? Существенно ли, что я несу в себе образ не только Пути,

но и Логруса? Или просто я оказался под рукой и меня удалось принудить?..

Все вместе? Что-то совсем другое?

— Что скажешь? —крикнул я. — Можешь ты мне ответить?

Живот пронзила резкая боль, голова пошла кругом — комната завертелась, расплылась перед глазами, остановилась. Я смотрел на Джарта через Путь, за спиной у него была дверь.

— Как ты это сделал? — завопил он.

— Это не я.

— Ох...

Джарт бочком двинулся вправо, пока не коснулся рукой стены. Держась за нее, он пошел по периферии Пути, словно боясь сделать лишний шаг в сторону черных линий или отвести от них глаза.

С этой стороны я чуть яснее видел Корэл за яростно пляшущими языками. Забавно. Нас ничто особо не связывало. Между нами не было влюбленности, ни даже такой уж бешеной дружбы. Мы познакомились только третьего дня, долго гуляли — по замку, вокруг него и под ним, посидели вместе за столом, выпили и посмеялись. Может, познакомься мы ближе, выяснилось бы, что мы друг друга терпеть не можем. И все-таки мне с ней было хорошо и хотелось получше ее узнать. И еще я чувствовал определенную вину за то, что с ней сталось — как-никак, это и мой недосмотр. Иными словами, Путь держал меня за горло: хочешь освободить ее, изволь восстановить линии.

Пламя кивнуло в мою сторону.

— Подлая уловка, — сказал я вслух.

Пламя снова кивнуло.

Я продолжал разглядывать Нарушенный Путь. Почти все, что я знал об этом явлении, было почерпнуто из разговора с Джасрой. Но она говорила, что посвященные Нарушенного Пути идут в промежутках между линиями, а картинка в Судном Камне понуждала меня идти вдоль линий, как если бы я проходил сам Путь. Это разумно, если вспомнить отцовский рассказ. Так я протяну верный маршрут через разрушенные участки. Мне ж не нужно недоделанное промежуточное посвящение.

Джарт обошел дальний край Пути, повернулся и двинулся ко мне. Когда он проходил мимо разрыва во внешнем контуре, оттуда по полу начал распространяться свет. Подобрался к его ноге. Джарта перекосило. Он страшно закричал и принялся оседать.

— Прекрати! — заорал я. — Или ищи себе другого починщика! Ну-ка верни ему нормальный облик и больше не трожь, а то я до тебя не коснусь! Я серьезно.

Съежившиеся ноги вновь распрямились. Охватившее тело голубоватое свечение погасло, свет немного отхлынул. Выражение муки сошло с лица Джарта.

— Знаю, что он — призрак Логруса, — сказал я, — и сделан по подобию самого малоприятного из моих родственников, но ты, скотина, эти штучки брось, а то я по тебе не пойду! Можешь подавиться Корэл и оставайся нарушенным!

Свет вполз обратно через зазор, и все стало таким, каким было минуту назад.

— Пообещай! — велел я.

Пламя взметнулось от Нарушенного Пути к потолку и снова опало.

— Я так понимаю, это означает «да».

Пламя кивнуло.

— Спасибо, — прошептал Джарт.

Глава 8

Итак, я двинулся. Черная линия вела себя под ногой иначе, чем сияющая в настоящем Амбере. Я ступил, как на утоптанную землю, а вот оторвал подошву с трудом и при этом услышал щелчок.

— Мерлин! — позвал Джарт. — Что мне делать?

— В каком смысле? — крикнул я.

— Как мне отсюда выбраться?

— Выйди в дверь и двигай по Теням. Или иди со мной по Огненному Пути, а потом перенесешься, куда захочешь.

— Вряд ли можно перемещаться по Теням так близко от Амбера, как по-твоему?

— Может, мы и впрямь слишком близко. Тогда уходи ногами и перемещайся, когда сможешь.

Я продолжал идти. Линии потрескивали всякий раз, как я отрывал ногу.

— Я заблужусь в пещерах.

— Тогда иди за мной.

— Путь меня уничтожит.

— Он обещал тебя не трогать.

Джарт хрипло хохотнул:

— И ты поверил?

— А куда он денется, если хочет, чтобы я прошел его до конца?

Я добрался до первого разрыва в Пути. Один взгляд на Ка-

мень подсказал, как должна пролечь линия. Не без трепета я сделал шаг за пределы видимого рисунка. Потом второй. Третий. И вот я снова на линии. Хотелось оглянуться, но я выждал, пока линия повернула сама и мне открылся вид на пройденный участок. Мой путь светился, как в настоящем Пути. Линия словно впитывала разлитое свечение, светлые промежутки темнели.

Джарт успел подойти к началу. Он поймал мой взгляд.

— Не знаю, Мерлин, просто не знаю...

— Джарту, которого я помню, не хватило бы на это духу.

— И мне не хватает.

— Как ты сам сказал, наша мать его прошла. Все за то, что ты унаследовал нужные гены. Да и какого черта! Если я ошибаюсь, все кончится раньше, чем ты успеешь сообразить.

Я сделал шаг.

Джарт обреченно хохотнул, потом со словами: «А какого черта!» — ступил на Путь.

— Смотри-ка, я еще жив! — крикнул он. — Что дальше?

— Иди, не останавливайся. Следуй за мной и не сходи с линии, иначе тебе каюк.

Тут рисунок вновь повернул, и я потерял Джарта из виду. Вскоре у меня заболела левая лодыжка — находился, налазился, решил я. С каждым шагом боль усиливалась. Лодыжку жгло как огнем. Неужели я умудрился порвать связку? Или...

Ну конечно. Я уже чувствовал запах паленой кожи.

Я запустил руку за голенище и вытащил кинжал из Хаоса. От клинка веяло жаром — так действовала на него близость Пути. Пора было от него избавляться.

Я размахнулся и бросил кинжал вперед по ходу, к двери, машинально проводив взглядом. В темноте, куда он летел, что-то шевельнулось. Там, лицом ко мне, стоял человек. Кинжал ударился о стену и со звоном упал на пол. Незнакомец нагнулся. Послышался смешок. Потом незнакомец выпрямился и бросил клинок в меня.

Кинжал упал впереди и справа и сразу окутался голубым пламенем. Сноп искр, шипя и плюясь, взметнулся выше моей головы. Я вздрогнул и замедлил шаг, но не остановился, понимая, что мне ничего всерьез не грозит. Я двигался по дуге, ступать приходилось медленно.

— Оставайся на линии, — крикнул я Джарту, — и не обращай внимания на такие штучки.

— Ясно, — отвечал он. — А кто этот тип?

— Хрен его знает.

Я шел вперед и уже заметно приблизился к огненному кольцу. Интересно, что бы сказала обо всем об этом ти'ига?

За следующим поворотом открылся большой кусок пройденного пути. В его ровном свете Джарт уверенно шел вперед, пламя доставало ему до щиколоток. Сам я шел уже по колено в огне. Уголком глаза я видел шевеление в той части комнаты, где стоял незнакомец. Он выбрался из-под укрытия темноты — медленно, осторожно, держась дальней стены. Во всяком случае, он явно не рвался проходить Огненный Путь, потому что двигался к точке, прямо противоположной началу.

Мне ничего не оставалось, кроме как идти дальше, а поскольку рисунок вилял, незнакомец скоро оказался у меня за спиной. Я дошел до следующего разрыва, соединил и его. При этом тихо, едва различимо заиграла музыка. Бело-голубой фон бледнел, свечение перетекало в линии, за мной вился яркий, четко очерченный след. Время от времени я подавал советы Джарту, который немного отставал, но, поскольку линия крутила, иногда сталкивался со мной почти что лицом к лицу — я мог бы его коснуться, возникни вдруг такая странная надобность.

Голубоватое пламя росло, подбираясь к моему поясу, волосы наэлектризовались и стали дыбом. Началась серия частых поворотов. Музыка играла, линии потрескивали. Я мысленно спросил Фракир, как она там, но не услышал ответа.

Я повернул, преодолевая растущее сопротивление среды. Наконец трудный участок остался позади. Передо мной была сердцевина Пути, и в ней — Корэл в огненном узилище. Линия шла в обход пылающего кольца, и постепенно мне предстала дальняя сторона Пути.

Незнакомец ждал. Ворот его плаща был высоко поднят, на лицо падала тень, я видел лишь блестевшие в улыбке зубы. Меня поразило, что он стоит посреди Пути, и лишь в следующую минуту я понял, как он там оказался — вошел через промежуток, тот самый, что мне предстояло восстановить.

— Прочь с дороги! — крикнул я. — Я не могу останавливаться и не позволю тебе меня остановить!

Он не шелохнулся. Я вспомнил, как отец рассказывал о поединке в первозданном Пути, и хлопнул по рукояти Грейсвандира.

— Я иду!

Голубоватое пламя с каждым шагом взвивалось все выше, в бледном свете я увидел лицо незнакомца. Мое лицо.

— Нет, — сказал я.

— Да, — сказал он.

— Ты — последний из призраков Логруса на моем пути.

— Вот именно.

Я сделал еще шаг.

— И все же, — заметил я, — если ты повторяешь меня, каким я проходил Логрус, то зачем явился мне мешать? Я тогдашний не взялся бы за подобное поручение.

Ухмылка сошла с его лица.

— В этом смысле я — не ты, — сказал он. — Насколько я понял, чтобы все устроилось как надо, мою личность пришлось неким образом синтезировать.

— Значит, ты — это я после лоботомии и с приказом убивать.

— Не говори так. У тебя выходит, будто это дурно, а то, что я делаю, — правильно. У нас даже много общих воспоминаний.

— Пропусти меня, а поговорим после. Думаю, Логрус вывернулся наизнанку, чтобы учинить эту пакость. Ты не хочешь убивать себя, а я и подавно. Объединившись, мы победим, а в Тени достанет места больше чем для одного Мерлина.

Я замедлился, но продолжал идти. На этом отрезке нельзя было терять разгон.

Он сжал губы и потряс головой:

— Извини. Мне отпущен лишь час жизни — если я тебя не убью. Если убью, получу твою жизнь.

Он вытащил клинок.

— Я знаю тебя лучше, чем ты полагаешь, — сказал я, — пусть даже и переиначенного. Не думаю, что у тебя поднимется рука. Более того, я, возможно, смогу отменить твой смертный приговор. Я кое-что узнал про вас, призраков.

Он выставил клинок — очень похожий на тот, что был у меня годы назад, — и едва не коснулся моей груди.

— Извини, — повторил он.

Я выхватил Грейсвандир, чтобы парировать, — только дурак не стал бы защищаться. Кто знает, что там Логрус наворочал в его мозгах. Я судорожно припоминал, какие фехтовальные приемы узнал после посвящения.

Вот оно. Поединок Бенедикта с Борелем! Я брал уроки итальянского фехтования уже после того, как прошел Логрус. Перехваты шире, как бы небрежнее, зато выпады глубже.

Грейсвандир отвел нацеленное в меня острие. Выпад. Двойник повернул запястье во французскую четвертую, но я уже проскользнул ниже и по-прежнему тянул руку — запястье прямое, правая нога вперед. Клинки зазвенели, ударившись почти у самых рукоятей, я тут же выставил вперед левую ногу и продолжал выпад, так что гарда уперлась в гарду. Я продолжал давить вбок.

И тогда я просунул левую руку под его правый локоть — этому приему научил меня в колледже друг, обладатель черного пояса. Кажется, он называл это «задзенить». Я присел и резко крутанул бедрами против часовой стрелки. Двойник не устоял на ногах и начал заваливаться вбок. Только я не мог позволить ему упасть, коснуться узора и взорваться праздничным фейерверком. Я еще чуть-чуть додавил его, перехватил руку на плечо и с силой толкнул. Он упал в разрушенный промежуток.

И тут я услышал крик. Слева пронеслось что-то пылающее.

— Нет! — заорал я, пытаясь его поймать.

Поздно. Джарт соскочил с линии, метнулся в обход меня и, уже охваченный огнем, вонзил клинок в моего двойника. Из раны полыхнуло пламя. Двойник попытался встать, но тут же рухнул обратно.

— Не говори, что я ничем не послужил тебе, брат, — успел сказать Джарт и, обратившись смерчем, растаял под потолком.

Я не мог дотянуться до своего doppelganger[1], а в следующую секунду пропало и желание, потому что тот быстро превращался в живой факел.

Глаза его были устремлены вверх, где исчез Джарт. Потом он взглянул на меня и криво усмехнулся.

— А ведь правду сказал, — произнес он и тоже взвился к потолку.

Я не сразу, но снова набрал разгон и продолжил ритуальный танец вокруг огня. Когда я описал круг и вернулся к тому месту, ни Джарта, ни двойника уже не было, только лежали их мечи — как упали, крест-накрест. Проходя, я ногой спихнул их с Пути. Пламя уже доходило мне до груди.

Кругом, назад, поворот. Время от времени я заглядывал в Камень, чтобы не ошибиться, и шаг за шагом латал Нарушенный Путь. Свет впитался в линии, и, если не считать полыхающего центра, Путь все больше напоминал знакомый амберский.

Первая Преграда вызвала мучительные воспоминания о Владениях Хаоса и Амбере. Я дрожал, но сохранял отчужденность, и это прошло. Вторая Преграда добавила память и страсти Сан-Франциско. Я задышал ровно и прикинулся сторонним зрителем. Пламя плясало у моих плеч, и я, проходя дугу за дугой, представлял себе череду полумесяцев. Сопротивление росло, я от натуги обливался потом. Но все это было не впервой. Путь не только окружал меня, он был и во мне.

Я шел дальше и достиг отрезка, на котором каждое следующее усилие давало все меньший результат. В огне я по-прež-

[1] Второе «я» (*нем.*).

нему видел тающего Джарта и мое собственное, искаженное смертной мукой лицо. Я понимал, что воспоминания внушены Путем, но от этого было не легче. Образы мучили меня и дальше.

Перед Большим Изгибом я разок обвел глазами комнату и увидел, что Путь полностью восстановлен. Я соединил линиями все разрывы, и теперь Путь горел, словно застывший фейерверк на черном беззвездном небе. Еще шаг...

Я поднял Камень к глазам. В рубиновой глубине я уже миновал Большой Изгиб и шел прямиком через огненную стену, будто так и надо. Я счел видение советом, но вспомнил трюк Давида Штейнберга, который украл Дроппа. Оставалось лишь надеяться, что Путь меня не разыгрывает.

Я начал Изгиб, и пламя окутало меня с головой. Усилий требовалось все больше, шел я все медленней. Каждый мучительный шаг приближал меня к Последней Преграде. Я чувствовал, что превращаюсь в сгусток чистой воли, все мое существо сфокусировалось на единственной цели. Еще шаг... Словно тяжелые доспехи тянут меня к земле. Кажется, трех последних шагов не сделать вовеки.

Еще...

Движение утратило смысл, осталось одно усилие. Неважно, что будет, главное — пройти еще шаг. Воля — сгусток огня, тело — дым или тень...

И еще...

Голубое свечение слепит зрачки, оранжевые языки пламени кажутся серебристо-серым колеблющимся частоколом. Сквозь треск и шипение я вновь различил музыку — медленное адажио, низкое, дрожащее, словно Майкл Мур играет на большом барабане. Я старался подстроиться под ритм, двигаться в такт. Видимо, у меня получилось — или я окончательно утратил чувство времени, — последние несколько шагов дались почти легко.

А может, Путь смилостивился и чуть уменьшил давление. Теперь не узнаешь.

Я миновал Последнюю Преграду и оказался перед огненной стеной — снова оранжевой. Следующий вдох я сделал уже в огне.

Корэл покоилась в середине Пути, почти такая же, какой я видел ее последний раз — в рыжей рубахе и темно-зеленых бриджах, только сейчас она лежала на своем плотном коричневом плаще и, похоже, спала. Я встал на одно колено и тронул ее за плечо. Она не шевельнулась. Я поправил рыжую прядь, погладил щеку.

— Корэл?

Молчание.

Я снова взял ее за плечо, легонько потряс.

— Корэл?

Она глубоко вздохнула, но не проснулась.

Я потряс чуть сильнее.

— Очнись, Корэл.

Ничего.

Я просунул руки ей под спину, усадил. Глаза девушки оставались закрытыми. Очевидно, ее как-то заколдовали. Призывать Знак Логруса посреди Пути, если не хочешь сгореть дотла, явно неразумно. Поэтому я обратился к рецепту из старой сказки: наклонился и поцеловал ее.

Корэл что-то пробормотала, ресницы вздрогнули. Однако она так и не очнулась. Я повторил попытку. Тот же результат.

— Черт! — сказал я. Чтобы снять такое заклятие, нужно место, где развернуться, кой-какие орудия моей профессии и возможность безопасно прибегнуть к источникам силы.

Я приподнял Корэл и велел Пути перенести нас в мои амберские покои, где ее одержимая ти'игой сестра лежит в точно таком же трансе, усыпленная моим заботливым братом.

— Отнеси нас домой, — произнес я громко и твердо.

Ничего.

Я отчетливо представил свою комнату и вновь мысленно приказал.

Мы не двинулись с места.

Я аккуратно уложил Корэл на плащ, встал и взглянул на Путь сквозь ту часть огневого кольца, где пламя было пониже.

— Слушай, я оказал тебе большую услугу с риском для жизни и ценою больших усилий. Теперь я хочу выбраться отсюда и забрать с собой даму. Будь добр, помоги.

Пламя поникло и на несколько мгновений погасло совсем. В наступившем полумраке стало видно, что Камень мигает, словно лампочка гостиничного телефона. Я поднял его и заглянул внутрь.

Чего я не ожидал увидеть, так это короткого мультфильма для взрослых, но именно это происходило в Камне.

— Кажется, я включил не ту программу, — сказал я. — Если хочешь что-то сообщить — сообщай. Если нет, я всего лишь хочу домой.

Ничего не изменилось, только я заметил, что двое в Камне — это Корэл и я. Мы занимались любовью на плаще, по-видимому, в самом центре Пути, в дурной бесконечности по принципу старой конфетной обертки, только неприличной — если разглядеть нас в Камне, который держал в руках и рассматривал я в Камне...

— Довольно! — вскричал я. — Что за чушь собачья! Если хочешь устроить тантристский ритуал, я пришлю тебе профессионалов! Дама даже не проснулась...

Камень снова мигнул, так сильно, что я чуть не ослеп. Я отпустил цепочку. Потом наклонился к Корэл, поднял ее на руки и встал.

— Не знаю, проходил ли Путь кто-нибудь вспять, — сказал я, — но не вижу причины, почему мне этого не сделать.

Я шагнул к Последней Преграде. И тут же передо мной взметнулась огненная стена. Я отпрянул назад, споткнулся, упал на расстеленный плащ. Корэл я прижал к себе, чтоб не уронить в огонь. В падении она оказалась на мне и выглядела почти проснувшейся.

Руки ее обвили мне шею, щека прижалась к моей щеке. Я крепко обнял ее и задумался.

— Корэл?

— М-м-м, — прошептала девушка.

— Похоже, чтобы выбраться отсюда, мне придется тобой овладеть.

— Я думала, ты никогда не попросишь, — прошептала она, не открывая глаз.

Так уже меньше похоже на некрофилию, сказал я себе, перекладывая ее на бок, чтобы добраться до медных пуговок. Она что-то сонно бормотала, но в разговор это так и не перешло. Однако тело ее вполне отзывалось на мои касания, и дальнейшее не представляет интереса для знатоков. Занятный способ снимать заклятие. Может быть, Путь и впрямь обладает чувством юмора. Не знаю.

Огонь угас примерно тогда же, когда, так сказать, угас огонь.

Корэл наконец открыла глаза.

— Вот, похоже, с огненным кольцом и покончено, — сказал я.

— Когда это перестало быть сном? — спросила она.

— Интересный вопрос. И никто, кроме тебя, на него не ответит.

— Ты меня от чего-то спас?

— Коротко и ясно, — сказал я. Она немножко отодвинулась и оглядела комнату. — Видишь, что сталось, когда ты попросила Путь перенести тебя куда следует? Что с тобой надо было после этого сделать?

— Отодрать, — предположила она.

— Вот именно.

Мы раскатились в стороны и привели в порядок одежду.

— Хороший способ познакомиться поближе... — начал я, когда вся пещера содрогнулась от сильных подземных толч-

ков. — Поздновато откликнулся, — заметил я, вновь прижимая к себе Корэл — если не ради поддержки, то ради ее спокойствия.

Толчки прекратились. Путь вспыхнул как никогда прежде. Я потряс головой. Потер глаза. Что-то было не так, хотя вроде как раз и правильно. Окованная железом дверь распахнулась — внутрь! — и я понял, что мы — в Амбере. В настоящем Амбере. Ко входу по-прежнему вела светящаяся тропа, но она быстро меркла. На тропе стояла маленькая фигурка. Я не успел даже вглядеться в темнеющий коридор, когда перед глазами привычно поплыло и мы оказались в моей спальне.

— Найда! — вскричала Корэл при виде женщины на моей постели.

— Не совсем, — возразил я. — То есть тело — ее, а дух — нет.

— Не понимаю.

Я судорожно думал, кто же подбирается к Пути. При этом у меня болела половина мышц, нервы были взведены до предела, а в теле скопились ядовитые продукты усталости. Я подошел к столу, где стояла открытая для Джасры — когда это было? — бутылка. Нашел чистые бокалы. Наполнил. Передал один Корэл.

— Твоя сестра недавно тяжело болела?

— Да.

Я отпил большой глоток.

— Она была при смерти. А когда тело стало ей не нужно, в него вселилась ти'ига — такой демон.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что сама Найда мертва.

Корэл заглянула мне в глаза, поняла, что я не разыгрываю, и отхлебнула вина.

— Я чувствовала, что-то не так, — промолвила она. — Найда очень изменилась после болезни.

— К худшему? Стала скользкой?

— Наоборот, очень милой. Найда была ужасно противная.

— Вы не ладили?

— До последнего времени — да. Ей ведь не больно?

— Нет, она просто спит. Заколдована.

— А почему ты не снимешь заклятия? По-моему, она не может причинить никакого вреда.

— Теперь — конечно. Скорее наоборот, — сказал я. — И мы ее скоро разбудим. Только для этого нужен мой брат Мэндор — это его чары.

— Мэндор? Я почти ничего не знаю про тебя и твою семью.

— А я — про тебя. Слушай, я даже не знаю, какой сегодня день. — Я подошел к окну, выглянул. Там было светло. — Есть

одна вещь, которую ты должна сделать, не откладывая. Иди к отцу и скажи, что с тобой все хорошо. Ты заплутала в пещерах или нечаянно забрела в Зеркальный Коридор и оказалась в ином плане бытия. Наплети что хочешь, лишь бы не произошло дипломатического скандала. Идет?

Корэл допила вино и кивнула. Потом взглянула на меня, покраснела и отвела глаза.

— Мы еще побудем вместе до моего отъезда?

Я похлопал ее по плечу, не зная, что сам об этом думаю. Потом понял — так не пойдет, обнял ее и прижал к себе.

— Конечно, — сказал я, гладя ее волосы.

— Спасибо, что показал мне город.

— Мы сделаем это еще, — добавил я, — как только уляжется суета.

— Угу.

Мы подошли к двери.

— Давай встретимся поскорее, — сказала она.

— Знаешь, я просто падаю, — ответил я, открывая дверь. — Черт-те сколько пришлось пройти! И вообще...

Корэл погладила мою щеку

— Бедненький Мерлин, — сказала она. — Ну ложись, спи.

Я залпом допил вино и вытащил карты. Мне хотелось последовать совету Корэл, но прежде надо было сделать кое-что еще. Я нашел карту Призрачного Колеса, вытащил ее и вгляделся.

Не успел я толком сформулировать желание, не успело толком похолодать, как передо мной очутился Призрак — в воздухе закружилось алое кольцо.

— Ух, привет, папа, — объявил он. — Я тебя обыскался. Заглядываю в пещеру — нет, шарю по Теням — нет. Мне и в голову не пришло, что ты просто вернулся домой.

— Потом, — оборвал я. — Сейчас не до того. Перенеси меня в комнату к Пути.

— Прежде я должен кое-что тебе сказать.

— Что?

— Сила, которая искала тебя в Страже Четырех Миров — ну та, от которой я спрятал тебя в пещеру...

— Да?

— Это был сам Путь.

— Я догадался, — сказал я, — позднее. Мы встретились и вроде как договорились. Перенеси меня к нему немедленно. Это важно.

— Сэр, я его боюсь.

— Тогда доставь меня так близко, как решишься, и сматывай. Мне надо кое-что выяснить.

— Отлично. Давай сюда.

Я шагнул вперед. Призрак поднялся в воздух, качнулся на девяносто градусов, упал на меня, прошел через голову, плечи, грудь и растворился под ногами. Свет погас, я немедленно призвал логрусское видение. Оно показало, что я стою перед большой дверью во вместилище Пути.

— Призрак? — позвал я тихо.

Никто не ответил.

Я обогнул угол, подошел к двери, надавил плечом. Она была не заперта и сразу поддалась. Фракир дернулась на запястье.

— Фракир? — спросил я.

И снова никто не ответил.

— Лишились дара речи, сударыня?

Она дважды дернулась. Я погладил ее и вошел в дверь.

И сразу увидел, что Путь горит ярче. Однако сейчас меня занимало другое. В центре Пути стояла темноволосая женщина, спиной ко мне, руки ее были воздеты. Я хотел выкрикнуть имя, на которое, я думал, она скорее всего отзовется, но женщина исчезла раньше, чем сработали мои голосовые связки. Я прислонился к стене.

— Похоже, мною воспользовались, — сказал я. — Ты заставил меня покорячиться, из-за тебя моя жизнь несколько раз висела на волоске, я тут ломал комедию, чтоб удовлетворить твой метафизический вуайеризм, а в итоге ты выпихнул меня в ту секунду, как получил искомое — чуть более яркое свечение. Я так понимаю, боги, или Силы, или кто вы там есть, не говорят «спасибо», или «извини», или «вали к черту» исполнителям своей воли. И, похоже, ты не считаешь, что должен передо мной оправдываться. Так вот, я — не детская колясочка. Мне не нравится, как вы с Логрусом перебрасываетесь мной в своих играх. А если я вскрою себе вены и залью тебя кровью?

И тут же меня обдало волною энергии со стороны Пути. Передо мной с шипением встала стена голубого огня, уплотнилась и приняла бесполые очертания невиданной человеческой красы. Мне пришлось заслониться ладонью.

— Ты не понимаешь, — проревело пламя.

— Разумеется. Потому я и здесь.

— Твои усилия не остались незамеченными.

— Рад слышать.

— Иначе этого было не исполнить.

— А теперь все исполнено к твоему удовольствию?

— Да.

— Видимо, я должен сказать: «Пожалуйста, на здоровье».

— Ты дерзишь, Мерлин.

— А мне терять нечего. Я чертовски устал, и плевать мне на то, что ты со мной сделаешь. Так что я зашел сообщить: по-моему, за тобой должок. Все.

Я повернулся спиной.

— Даже Оберон не смел так со мной разговаривать, — сказало пламя.

Я пожал плечами и шагнул к двери. Открыл ее, сделал шаг и оказался в своей спальне.

Я снова пожал плечами, подошел к умывальному тазу и плеснул в лицо воды.

— Он тебя не тронул, папа?

Вокруг умывального таза лежало светлое кольцо. Призрак поднялся в воздух и поплыл за мной по комнате.

— Все отлично, — сказал я. — А как ты?

— Замечательно. Он не обратил на меня внимания.

— Ты знаешь, к чему все это?

— Похоже, он состязается с Логрусом за власть над Тенями и только что выиграл раунд. Не знаю, что произошло, но его это укрепило. Ты ведь как-то в этом замешан, да?

— Ага.

— Где ты был после пещеры, в которую я тебя перенес?

— Ты знаешь про землю между Тенями?

— Между?! Нет. Чушь какая-то

— Ну, так я был там.

— А как ты туда попал?

— Не знаю. Полагаю, с большим трудом. Мэндор и Джасра живы-здоровы?

— Были, когда я справлялся в последний раз.

— А что Люк?

— Не интересовался. Проверить?

— Позже. Пока отправляйся наверх и загляни в королевские покои. Я хочу знать, на месте ли хозяева. Если да, то кто из них. Взгляни на камин. Там справа был вынут из кладки камень. Проверь, вставлен ли он обратно или по-прежнему лежит в камине.

Призрак исчез, я заходил по комнате. Сесть или лечь я боялся, чувствуя, что сразу усну и потом меня будет не добудиться. Впрочем, я не успел много намотать на счетчик, как в комнату снова вкатился Призрак.

— Королева, Вайол, на месте, в мастерской. Камень вставлен обратно, а в прихожей карлик стучит в двери.

— Черт, — сказал я. — Значит, они знают. Карлик?

— Карлик.

— Похоже, мне придется пойти наверх, вернуть Камень и объяснить, что произошло. Если Вайол понравится мой рассказ, возможно, она любезно забудет поставить в известность Рэндома.

— Я тебя перенесу.

— Нет, это будет невежливо. Лучше на этот раз я постучу в дверь и войду с разрешения.

— Как люди узнают, когда стучаться, а когда нет?

— Обычно, если дверь закрыта, в нее стучат.

— Как сейчас карлик?

Снаружи донесся приглушенный стук.

— Он что, просто идет и колотит во все двери без разбора? — спросил я.

— Ну, он стучит во все по порядку, так что не знаю, можно ли назвать это «без разбора». Пока все комнаты на его пути оказывались пустыми. Через минуту он дойдет до твоей.

Я подошел к двери, отпер ее, открыл и вышел в коридор.

Ко мне действительно приближался кто-то маленький. Он взглянул в мою сторону, улыбнулся, блеснув спрятанными в бороде зубами, и заспешил ко мне.

Почти сразу стало видно, что это — горбун.

— Господи! — вскричал я. — Вы ведь — Дворкин? Настоящий Дворкин!

— По крайней мере, я так думаю, — ответил он довольно приятным голосом. — И надеюсь, что ты — Мерлин, сын Корвина.

— Он самый, — сказал я. — Какая неожиданная радость в самую неожиданную минуту.

— Я не просто в гости, — объявил он, подходя поближе и обнимая меня. — А! Вот и твоя комната.

— Да. Заглянете?

— Спасибо.

Я провел его внутрь. Призрак притворился мухой на стене — сжался до полудюйма и устроился на шкафу, где его можно было принять за солнечный зайчик. Дворкин быстро прошел по гостиной, заглянул в спальню, взглянул на спящую Найду, пробормотал: «Все они хороши, когда спят», на обратном пути коснулся Камня, мрачно покачал головой и сел в кресло, в котором я боялся уснуть.

— Бокал вина? — предложил я.

— Нет, спасибо. Это ты починил ближайший Нарушенный Путь в Тени?

— Я.

— Зачем?

— Мне как-то не пришлось выбирать.

— Расскажи подробно. — Старик потянул себя за кудлатую, неопрятную бороду. Волосы у него были длинные, их

тоже не мешало бы подровнять. Однако ни в словах его, ни во взгляде не чувствовалось безумия.

— История долгая, и, чтобы не заснуть по ходу, мне потребуется кофе, — сказал я.

Он развел руками, и между нами возник маленький, накрытый белой скатертью столик с двумя приборами и дымящейся серебряной кофеваркой над короткой свечкой. Был здесь и подносик с печеньем. Я бы не сумел наколдовать все это так быстро. Интересно, сумел бы Мэндор?

— В таком случае я составлю тебе компанию, — сказал Дворкин.

Я вздохнул и налил кофе. Поднял Судный Камень.

— Наверно, прежде чем начать рассказ, мне стоит вернуть его на место. Иначе потом хлопот не оберешься. — Я начал вставать.

Дворкин покачал головой.

— Думаю, не стоит, — сказал он. — Если ты снимешь его сейчас, то скорее всего погибнешь.

Я медленно опустился на стул.

— С молоком и с сахаром? — спросил я.

Глава 9

Я медленно пришел в себя. Знакомая голубизна — теплое озеро обволакивающего первобытия. Ах да, я здесь, потому что... я здесь, как поется в песне. Я повернулся в спальном мешке, поджал колени к животу и снова заснул.

Когда я снова очнулся и огляделся по сторонам, мир был по-прежнему голубым. Ну и замечательно, всегда бы видеть его в голубом свете. Потом я вспомнил, что в любую минуту может войти Люк. Он же меня убьет!.. Пальцы сомкнулись на рукояти лежащего рядом меча, слух напрягся: не идет ли кто.

Что сегодня? Весь день рубить мечом стену хрустального грота? Или вновь явится Джасра и попытается меня прикончить?

Что-то не так. Произошла чертова уйма событий с участием Джарта и Корэл, Люка и Мэндора и даже Джулии. Неужели все это мне приснилось?

Паника накатила и прошла, сознание окончательно пробудилось, а с ним вернулись и воспоминания. Я зевнул. Все снова было прекрасно.

Я потянулся. Сел. Протер глаза.

Да, я действительно в хрустальной пещере. Нет, все, что случилось с тех пор, как Люк меня сюда заточил, — не сон. Я вернулся добровольно, потому что: а) здесь можно хорошенько отоспаться за ничтожное по амберскому счету время; б) потому что тут никто не достанет меня через карту, и в) вполне вероятно, что даже Путь и Логрус не могут сюда проникнуть.

Я откинул с лица волосы, встал и пошел в сортир. Правильно я придумал, что велел Призраку перенести меня сюда сразу после разговора с Дворкином. Я проспал не меньше двенадцати часов — крепко, без сновидений, лучше не бывает. Я выпил кварту воды из бутыли, остальное плеснул на лицо.

Одевшись и спрятав постель в кладовую, я вышел в прихожую и стал под отверстием в потолке. Оттуда лился дневной свет. Я и сейчас помнил слова Люка в день, когда он меня здесь заточил, и я узнал, что мы с ним в родстве.

Я вытащил из-под рубахи Судный Камень, поднял его, взглянул на просвет. Никаких картинок.

Ну и хорошо. Мне лишние помехи ни к чему.

Я сел по-турецки, продолжая смотреть на Камень. Самое время покончить с этим раз и навсегда, покуда я бодр и полон сил. Как и советовал Дворкин, я стал отыскивать в рубиновой глубине Путь.

Через какое-то время он начал проступать. Не так, как если бы я его вообразил, но то и не была тренировка воображения. Контуры обретали четкость. Казалось, они не возникают, а были там все время, а я только сейчас пригляделся. Вероятно, так оно и обстояло на самом деле.

Я набрал полную грудь воздуха, выдохнул, позволил изображению померкнуть, потом повторил все с самого начала. Теперь я внимательно изучал рисунок линий. Отец рассказывал, как настраиваются на Камень, но я многое позабыл. Когда я сказал об этом Дворкину, тот велел не беспокоиться — дескать, различишь в Камне трехмерное подобие Пути, отыщешь точку входа и пройдешь насквозь. На дальнейшие мои подробные расспросы он только хихикнул и еще раз велел не беспокоиться.

Ну и ладно.

Я медленно повернул Камень, приблизил его к глазам. Внезапно справа открылось маленькое отверстие. Я сфокусировался на нем, и отверстие как бы ринулось на меня.

Я вошел и оказался внутри драгоценного камня. Больше всего это походило на американские горки в Луна-парке. Я то летел вдоль извилистых линий, чувствуя переходящее в тошноту головокружение, то усилием воли сокрушал рубиновые преграды, карабкался, падал, скользил или протискивался вперед. Я почти забыл про руку с цепью, про свое тело — о нем напоминал лишь заливающий глаза пот.

Не знаю, как долго я подстраивался в лад Судному Камню, высочайшей октаве Пути. По словам Дворкина, Путь хотел уничтожить меня сразу по завершении странного приключения. Он сказал, это не только и не столько из-за моей грубости, но в подробности входить отказался — это-де повлияет на мой возможный дальнейший выбор, который следует сделать свободно. Бред собачий, хотя в остальном Дворкин поражал своим здравомыслием, вопреки всему, что гласят о нем предание и молва.

Мой рассудок блуждал в багровом нутре Камня. Участки Пути, которые я прошел и которые мне предстояло пройти, змеились слепящими молниями. Я был уверен: сейчас мой рассудок врежется в невидимую Преграду и разобьется вдребезги. Меня несло неостановимо, все быстрей и быстрей. Я знал: из Камня нет выхода, пока не пройдешь его до конца.

Дворкин считал, что от Пути, когда я вернулся проверить, кто по нему идет, меня спас Камень. Однако оставить его при себе надолго — тоже гибельно. Дворкин посоветовал настроиться на Камень — как отец и Рэндом, — а потом вернуть его на место. Тогда во мне останется образ более высокого порядка, который защитит от Пути не хуже самого Камня. Спорить с человеком, который предположительно создал Путь с помощью Камня, не приходилось. Я согласился. Только я слишком устал, чтобы сразу последовать совету. Вот почему я велел Призраку вернуть меня в хрустальное убежище, где можно хорошенько выспаться.

А теперь, теперь... я плыл. Я кружился. Иногда я застревал. Тело мое было снаружи, но Преграды не стали от этого более проницаемыми. После каждой я чувствовал себя выжатым, словно пробежал милю с олимпийским результатом. На одном уровне я сознавал, что держу в руке Камень, в котором прохожу посвящение, на другом — чувствовал, как колотится мое сердце, на третьем — припоминал отрывки из лекции по антропологии, читанной нам Джоан Галифакс многие годы назад. Пространство вращалось, как «Гейзер Пик» урожая 1985 года в бокале, — а кто сидел тогда напротив меня? Неважно... Вверх, назад, вспять. Кроваво-алый прилив ослабевал.

В моей душе запечатлелся образ. Вначале было слово — мне не произнесть... Ярче, ярче. Быстрее, быстрее. Меня несет к рубиновой стене, ударяет со всего размаху... Ну что же, Шопенгауэр, померяемся волей, чья возьмет. Прошли год или два, и вдруг преграда исчезла. Меня влекло, меня несло в сияние взорвавшейся звезды. Алое, алое, алое, и я в нем, как моя «Звездная вспышка», — лечу, расправив паруса, к цели...

Я рухнул на пол. Я находился в сознании, но при этом в

очень странном состоянии души. То был гипноз, из которого я мог выйти когда и куда угодно. Но зачем? На мою долю редко перепадала такая порция эйфории. Я чувствовал, что заслужил ее, и потому парил прямо здесь долгое-долгое время.

Когда эйфория спала до того уровня, когда уже не жалко было с ней расстаться, я поднялся, пошатываясь, по стеночке дошел до кладовой и выпил еще воды. Есть хотелось зверски, но консервы и замороженные продукты меня не прельщали, тем более что так просто было добраться до чего-нибудь свеженького.

Итак, совет Дворкина исполнен. Жаль, что я отвернулся раньше, чем вспомнил длинный перечень вопросов, которые хотел задать. Когда я повернул назад, Дворкин уже исчез.

Я выбрался из пещеры и встал на голубом мысу, в котором помещался единственный известный мне вход. Стояло свежее, солнечное весеннее утро, на западе плыли редкие белые облачка. Я глубоко и с удовольствием вдохнул. Потом нагнулся и завалил вход голубым валуном. Не хватало только в следующий раз обнаружить в своем убежище хищника.

Я снял Судный Камень, повесил на выступ валуна и отошел шагов на десять.

— Привет, папа.

Призрачное Колесо сияющим атлетическим диском летел с запада.

— Доброе утро, Призрак.

— Зачем ты его бросаешь? Это мощнейшее орудие.

— Я его не бросаю, просто хочу призвать Знак Логруса и боюсь, они не поладят. Я немного беспокоюсь, как пойдет у меня с Логрусом теперь, когда я настроен на Путь более высокого порядка.

— Мне, наверное, стоит убраться подальше, а к тебе вернуться позднее.

— Нет, останься. Если что пойдет не так, попробуй меня выручить.

Я призвал Знак Логруса. Он повис передо мной. Ничего дурного не произошло. Я частично переключил внимание на Камень и увидел сквозь него Логрус под несколько иным углом. Чудно. Однако вполне безболезненно.

Я мысленно вернулся в свои глазницы, просунул руки в отростки Логруса, пошарил.

Меньше чем через минуту предо мной стояли тарелка с оладьями, порция сосисок, чашка кофе и стакан апельсинового сока.

— Я бы все доставил куда быстрее, — заметил Призрак.

— Не сомневаюсь. Просто проверяю, работает ли.

Я жевал и думал, что в каком порядке делать. Доел, отправил тарелки обратно, снял с валуна Камень, повесил на шею и встал.

— Ладно, Призрак. Пора возвращаться в Амбер, — сказал я.

Он увеличился, открылся и снизился, чтобы я мог пройти в золотую арку. Я шагнул вперед...

...и в комнату.

— Спасибо.

— Не за что, папа. Слушай, у меня вопрос: когда ты потребовал завтрак, не заметил ли ты чего-нибудь странного в поведении Логруса?

— То есть? — спросил я, подходя к рукомойнику.

— Начнем с телесных ощущений. Как он, по-твоему... упирался?

— Я бы такого слова не употребил, — сказал я, — но вообще-то, когда я его отпустил, он исчез не сразу. А что?

— Так, возникли некоторые соображения. Ты ведь можешь колдовать и с помощью Пути?

— Да, но с Логрусом мне сподручнее.

— Попробуй при случае испытать обоих и сравнить.

— Зачем?

— У меня возникли кое-какие предчувствия. Расскажу, как только проверю.

Призрак исчез.

Я выругался и умыл лицо.

Когда я выглянул в окно, там кружился снег. Я выдвинул ящик стола, нашел ключ. Кое-что надо было сделать незамедлительно.

Я вышел в коридор, но после первых же нескольких шагов меня остановил звук. Я постоял, потом двинулся мимо лестницы. Звук нарастал. К тому времени как я добрался до длинного коридора, идущего мимо библиотеки, стало ясно, что вернулся Рэндом. Никто другой не умеет так барабанить — да никто и не посмел бы коснуться королевских барабанов, даже если б умел.

Я миновал приоткрытую дверь в конце коридора и повернул направо. Моим первым движением было войти, отдать Судный Камень и объяснить, что произошло. Однако я вспомнил слова Флоры: честность, прямота и открытость тут до добра не доведут. Мне не хотелось верить, что это — общее правило, однако сейчас честность и прямота вынудили бы меня долго и нудно объясняться, в то время как я хотел бы заняться совсем иным: мало того, очень может быть, что Рэндом запретил бы мне этим заниматься.

Я дошел до дальнего входа в столовую, заглянул внутрь. Пусто. Справа, насколько я помнил, панель отодвигается. Стена между библиотекой и столовой полая, а на ней — не то веревочная лестница, не то крючки, по которым можно добраться до потайного входа на библиотечную галерею. Если мне память не изменяет, там же можно спуститься по винтовой лестнице в пещеру. Я надеялся, что эти сведения мне не понадобятся, но уже достаточно проникся семейным духом, чтобы меня потянуло подслушивать и подглядывать, тем более что, судя по приглушенным голосам из полуоткрытой двери, Рэндом был в библиотеке не один. Если знание и вправду сила, то лишним оно не окажется, особенно в моем уязвимом положении.

Панель легко отодвинулась, я посветил внутрь волшебным светом и одним махом запрыгнул сам. Довольно быстро вскарабкался по стене, медленно и тихо отодвинул следующую панель — спасибо, кто-то поставил перед нею большое кресло. Я мог, оставаясь невидимым, смотреть из-за правого подлокотника в северный угол комнаты.

Играл действительно Рэндом, а Мартин, весь в коже и металлических цепочках, сидел перед ним и слушал.

Рэндом вытворял нечто невиданное. Он играл пятью палочками — держал по одной в руках, под мышками и в зубах. По ходу игры он перекладывал их: изо рта — под мышку, из-под мышки — в правую руку, из нее — в левую, из левой руки — под мышку, а оттуда — в зубы. И ни разу не сбился с ритма.

Это завораживало. Я смотрел, пока он не перебрал все. Старые королевские ударные меньше всего напоминали пластиково-люминесцентную мечту джаз-рокмена: тарелки размером с боевые щиты, куча тамтамов и пара больших барабанов, освещенные, словно Корэл в кольце огня. Они были сделаны до того, как малые барабаны стали тонкими и нервными, большие — съежились, а тарелки гипертрофировались и начали гудеть.

— Никогда такого не видел, — сказал Мартин.

Рэндом пожал плечами:

— Валяю дурака помаленьку. Научился у Фредди Мура в тридцатых, в Виктории, когда он играл с Артом Ходсом и Максом Камински. А может, и не там. Не помню. Это еще была эстрада, никаких тебе микрофонов, и плохой свет. Приходилось напяливать на себя черт-те что или откалывать такие вот штучки, чтоб народ ходил слушать.

— Жалко, что им приходилось искать дешевой популярности.

— Ага, вы никогда не рядились черт-те во что и не швыряли в толпу инструментов.

Наступило молчание. Мартинова лица я не видел.

— Я не о том, — наконец произнес Мартин.

— И я не о том, — отозвался Рэндом. Он бросил три палочки на пол и заиграл снова.

Я прислонился к стене и стал слушать. Через какое-то время я вздрогнул, услышав саксофонное соло, и выглянул.

Играл Мартин — стоя по-прежнему спиной ко мне. Видимо, саксофон лежал прежде за стулом. Мелодия отдавала Риччи Колем, я даже удивился, как мне нравится. И чем больше мне нравилось, тем сильнее я чувствовал себя лишним. Поэтому я тихонько отодвинул панель, пролез внутрь и задвинул ее снова. Спустился, выбрался в столовую и решил выйти в другую дверь, чтобы не проходить мимо входа в библиотеку. Музыка еще слышалась, и я пожалел, что не умею, как Мэндор, заключать ее в самоцветы. Впрочем, не знаю, как бы Судному Камню понравилось нести в себе «Блюз дикаря»[1].

Я собирался пройти по восточному коридору до пересечения с северным, то есть почти до своей комнаты, повернуть налево, подняться по лестнице в монаршьи покои, постучаться и отдать Камень Вайол. Я надеялся, что она удовлетворится самыми краткими объяснениями. А если нет, все равно лучше рассказывать ей, чем Рэндому. О многом она не догадается спросить. Разумеется, со временем Рэндом меня поймет и все равно будет пытать. Однако чем позже, тем лучше.

Я как раз проходил мимо отцовской комнаты. Ключ был со мной, я собирался заглянуть сюда позже — зачем, по-моему, ясно и так. Впрочем, если я уже здесь, почему бы не сэкономить время?

Я отпер дверь и вошел.

Из вазы под зеркалом исчезла серебряная роза. Странно. Я сделал шаг. В дальней комнате разговаривали, но тихо — слов было не разобрать. Я замер. Возможно, он там. Но не ворвешься же к человеку в спальню, особенно если он, судя по всему, не один — тем более к отцу, тем более после того, как отпер дверь своим ключом.

Я вдруг страшно смутился. Мне захотелось убраться как можно скорее. Я расстегнул перевязь с Грейсвандиром в чужих ему ножнах и повесил на одежную вешалку возле двери, рядом с коротким военного покроя пальто, которого прежде не видел. Потом выскользнул за дверь и тихонечко ее запер.

Неловко получилось. Неужто отец и впрямь время от времени здесь появляется, загадочным образом избегая внимания? Или в его комнате происходят явления совсем иного порядка? Я слышал, будто в некоторых старых помещениях есть двери в подпространство, надо только уметь ими пользоваться. Там тебе и дополнительный чуланчик, и возможность приходить и уходить незамеченным... Об этом тоже стоило спросить Дворкина. Может, у меня под кроватью — карманная вселенная. Никогда не проверял.

[1] Композиция Луи Армстронга.

Я быстро пошел прочь, но возле угла остановился. Дворкин считает, что Судный Камень защитил меня от Пути (если тот и впрямь хотел меня уничтожить). Однако, если носить Камень слишком долго, он погубит владельца. Поэтому Дворкин посоветовал мне отдохнуть, а затем мысленно пройти сквозь Камень, чтобы приобрести большую силу того же Пути и заодно и щит от его возможных атак. Интересное умопостроение. Вот и все остальное тоже: умопостроения.

Я добрался до коридора, ведущего влево к лестнице и вправо к моей комнате, и остановился в сомнении. Впереди, слева, напротив обычно пустующих комнат Бенедикта, была гостиная. Я вошел и плюхнулся в глубокое кресло. Мне так мало надо: разделаться с врагами, помочь друзьям, очистить мое имя от налипшей на него грязи, разыскать отца и хоть как-то договориться со спящей ти'игой! А там можно было бы продолжить прерванный Wanderjahr[1]. Из этого следует, что я вновь должен задать себе уже почти риторический вопрос: насколько я хочу посвящать Рэндома в свои дела?

Я вспомнил, как он в библиотеке играет дуэт с почти чужим ему сыном. Когда-то мой дядюшка вел довольно разгульный образ жизни и вовсе не хотел править этим архитипическим миром. Однако отцовство, брак, выбор Единорога, видимо, сильно его изменили — укрепили характер и заставили отказаться от многих былых увлечений. Сейчас, по-видимому, он увяз в заботах о Кашфе и Бегме, вероятно, вынужден был недавно прибегнуть к убийству и пойти на унизительный мир ради сохранения политической стабильности в пределах Золотого Кольца. А кто знает, какие хлопоты и неурядицы готовит ему завтрашний день? Хочу ли я взваливать на него дополнительный груз, когда вполне могу разобраться своими силами, не тревожа и не беспокоя его? И наоборот, если я втяну Рэндома в эту историю, он скорее всего запретит мне многое, стеснит мою свободу действий. Хуже того, может всплыть вопрос, о котором давно и благополучно позабыли.

[1] Год странствий (*нем.*) — время после завершения образования, посвященное путешествиям.

Я не присягал Амберу. Никто меня и не просил. В конце концов, я — сын Корвина, явился в Амбер по своей воле и жил здесь какое-то время, прежде чем отправиться на Теневую Землю, где учатся и учились многие уроженцы Янтарного Королевства. Я часто возвращался и, кажется, со всеми ладил. Что-то вроде двойного гражданства.

Впрочем, я бы предпочел, чтоб эта тема не возникала вовсе. Не хочу, чтоб меня принуждали выбирать между Амбером и Владениями. Я не пошел бы на это ради Единорога и Змеи, Пути и Логруса, тем более ради того или иного правителя.

Из чего следует, что Вайол нельзя передавать мою историю даже в самых общих чертах. Что бы я ни сказал, от меня рано или поздно потребуют полного отчета. Если же я верну Судный Камень на место без всяких объяснений, никто не станет меня допытывать, и все еще может обойтись. Зачем лгать, если есть способ избежать расспросов?

Я размышлял дальше. Все, чего я хочу, — оградить усталого, занятого человека от лишних забот. Он ничем, или почти ничем, не может мне помочь. Противостояние Логруса и Пути важно лишь в метафизическом смысле, на практическом уровне оно не должно иметь никаких последствий — ни хороших, ни дурных. В крайнем случае я всегда успею сказать Рэндому.

Отлично. Чем хороши рассуждения — всегда можно убедить себя, что поступаешь благородно, а не, скажем, трусливо. Я потянулся, хрустнул суставами.

— Призрак? — спросил я тихо.

Нет ответа.

Я потянулся за картами, но не успел их достать, как в комнату вкатилось светящееся кольцо.

— Ты ведь слышал!..

— Я почувствовал, что нужен тебе, — отвечал он.

— Ладно, — сказал я, снимая через голову цепочку и держа Камень рядом с собой. — Сможешь ты незаметно вернуть его в монаршьи покои, в потайное укрытие возле камина?

— Я боюсь его трогать, — сообщил Призрак. — Не знаю, как его структуры повлияют на мои.

— Ладно, — сказал я, — видимо, придется мне сделать это самому. Однако пора проверить одну гипотезу. Если Путь попробует причинить мне вред, пожалуйста, перенести меня в безопасное место.

— Хорошо.

Я положил Камень на соседний столик.

В следующие полминуты я понял, что весь напрягся, ожидая нападения со стороны Пути. Я расслабил плечи. Глубоко вздохнул. Я был цел. Возможно, Дворкин прав и Путь оставит меня в покое. К тому же теперь я могу призывать Путь из Камня, как призывал Знак Логруса. По словам Дворкина, некоторые магические действия совершаются только таким способом, хотя он и не удосужился объяснить мне, какие именно, — мол, чародей сумеет разобраться сам. Я решил, что это не горит. Сейчас у меня не было охоты связываться с Путем в любом из его воплощений.

— Эй, Путь, — сказал я. — Идешь на мировую?

Ответа не последовало.

— Мне кажется, он знает, где ты и что сейчас сделал, — промолвил Призрак. — Я чувствую его присутствие. Возможно, ты и впрямь счастливо отделался.

— Возможно, — кивнул я, доставая карты.

— С кем ты хочешь поговорить?

— Меня интересует Люк, все ли с ним хорошо. Еще меня заботит Мэндор. Ты вроде отправил его в безопасное место?

— В самое что ни на есть, — отвечал Призрак. — Королеву Джасру тоже. Хочешь видеть и ее?

— Вовсе нет. Вообще не хочу никого из них видеть. Только узнать...

Я не успел договорить, как Призрак уже исчез. Даже не знаю, что лучше — его прежняя враждебность или теперешнее желание угодить.

Я вытащил карту Люка и сосредоточился.

В коридоре раздались шаги. Кто-то, не задерживаясь, миновал мою комнату.

Люк явно ощутил мое появление, однако я ничего не видел.

— Люк, ты меня слышишь? — спросил я.

— Ага, — отвечал он. — С тобой все хорошо, Мерль?

— Со мной-то да, а с тобой? После такого сражения...

— У меня все замечательно.

— Я слышу твой голос, но ни шиша не вижу.

— Я поставил на карту заглушку. Ты разве не умеешь?

— Никогда не пробовал. При случае научишь. А зачем это?

— Чтобы ко мне нельзя было заглянуть и проникнуть в мои ближайшие планы.

— Если ты вздумал совершить разбойный набег на Амбер, я сильно обижусь.

— Да ну тебя! Я же поклялся! Это совсем другое.

— Я думал, ты в плену у Далта.

— Мое положение не изменилось.

— Слушай, раз он тебя чуть не убил, а на днях разгромил в пух и прах...

— Первый раз он наступил на оставленное Шару заклятие-ловушку, второй раз это было по делу. А сейчас — молчок, и вообще, мне пора бежать. Пока.

Люк отключился.

Шаги смолкли. Я слышал, как открылась и закрылась дверь, но не слышал, чтобы кто-нибудь разговаривал. Странно. Стучали близко, то есть либо ко мне, либо к Бенедикту. Бенедикта точно нет, а я, кажется, забыл, уходя, запереть дверь. А значит...

Я взял Судный Камень, пересек комнату и вышел в коридор. Подергал дверь к Бенедикту. Заперта. Заглянул в поперечный коридор, дошел до лестницы — никого. Вернулся к своей двери и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука. Оставались комнаты Джерарда в боковом коридоре и Брэнда — следующие за моими. Одно время я подумывал сломать стенку — в духе затеянных Рэндомом переустройств — и расширить свои апартаменты за счет Брэндовых. Остановили меня слухи о якобы водящихся там привидениях да ночные стоны из-за стены.

Я постучал сперва к Брэнду, потому к Джерарду, подергал ручки. Никто не ответил. Обе двери были заперты. Все страннее и страннее.

Когда я тронул дверь к Брэнду, Фракир дернулась. Я насторожился, но ничего дурного не произошло. Я уже решился списать это на обрывки зловещих чар, которые иногда проплывают по коридору, когда увидел, что Судный Камень пульсирует.

Я поднял цепочку и заглянул в Камень. Да, там обретала очертания картинка. Отчетливо виднелись коридор за углом и две мои двери. Левая — та, что ведет в спальню, — была обведена красным и мигала. Означает ли это, что я должен бежать туда — или оттуда? Беда с мистическими советами.

Я вернулся за угол. Камень, видимо, уловил мои сомнения и решил уточнить — я на картинке открыл очерченную красным дверь и вошел. И, разумеется, она-то и оказалась заперта.

Я перерывал карманы в поисках ключа и думал, что не смогу даже ворваться в комнату с обнаженным мечом в руке — Грейсвандир остался у отца. Правда, я вооружился парой хорошеньких заклятий. Может, они меня и спасут. Может, и нет.

Я повернул ключ и рывком открыл дверь.

— Мерль! — вскрикнула женщина, и я увидел, что это — Корэл. Она стояла над своей мнимой сестрой — ти'игой и при моем появлении спрятала руку за спину. — Ой, ты меня напугал.

— А ты — меня, — сказал я. — Что случилось, сударыня?

— Я вернулась сказать тебе, что нашла отца и успокоила его твоей историей про Зеркальный Коридор. А здесь и впрямь такой есть?

— Есть. Хотя в путеводителях ты его не найдешь. Он исчезает и появляется. Значит, с отцом ты разобралась?

— Угу. Но теперь он гадает, куда запропастилась Найда.

— Это хуже.

— Ага.

Корэл покраснела и прятала глаза. Она явно видела, что от меня не скрылось ее смущение.

— Я сказала, что она, наверное, тоже бродит по замку.

— М-м-м.

Я перевел взгляд на Найду. Корэл тут же встала между нами, положила руку мне на плечо, приникла к груди.

— Я думала, ты собираешься лечь, — сказала она.

— Я и собирался. И даже лег. А сейчас занимался кое-какими делами.

— Не понимаю.

— Временные линии, — объяснил я. — Удалось выгадать несколько часов и отдохнуть.

— Здорово, — сказала она, касаясь губами моих губ. — Я рада, что ты отдохнул.

— Корэл, — произнес я, слегка обнимая ее плечи, — нечего мне вкручивать. Когда ты уходила, я падал от усталости, и ты это прекрасно видела. Идя сюда, ты ожидала застать меня спящим.

Левый кулак она по-прежнему держала за спиной. Я поймал ее запястье, крепко сжал и вытащил вперед. Корэл сопротивлялась — я не ожидал, что она окажется такой сильной. Я не стал разжимать ей пальцы, поскольку и без того видел, что у нее в кулаке — колдовской шарик Мэндора. Я отпустил ее запястье. Корэл не отпрыгнула, а наоборот — подняла голову, взглянула мне прямо в глаза и твердо заявила:

— Я все объясню.

— Уж пожалуйста, — сказал я. — Хотя это следовало бы сделать раньше.

— Может, это и правда, что тебе сказали насчет Найды — будто она умерла и в нее вселился демон. Только в последнее

время она была ко мне добра. Наконец-то у меня появилась сестра, о которой я всегда мечтала. И вот я вижу ее у тебя в таком состоянии и не знаю, как ты собираешься с ней поступить...

— Поверь, Корэл, я не сделаю ей ничего дурного, — перебил я. — Хотя бы в благодарность за... ну, за прошлое. На Теневой Земле — я тогда был молодым и наивным — она несколько раз спасала меня от смерти. Можешь за нее не тревожиться.

Корэл склонила голову и прищурила глаз.

— *Из того, что ты мне сказал, это никак не следовало,* — промолвила она. — Я вернулась, рассчитывая, что ты спишь, что мне удастся снять заклятие — хотя бы настолько, чтоб с ней поговорить. Я хотела убедиться сама, моя ли это сестра или кто-то другой.

Я вздохнул и собрался потрепать ее по плечу, но тут заметил, что левой рукой по-прежнему держу Судный Камень. Поэтому я правой сжал ее локоть и произнес:

— Слушай, я все понимаю. Конечно, это было свинство — показать тебе ее спящей и ничего толком не объяснить. Постарайся меня простить — я действительно страшно замотан. Уверяю тебя, ей не больно. Только прошу — не пытайся снять заклятие прямо сейчас. Не я его наложил, и...

В это самое мгновение Найда тихо застонала. Я с минуту глядел на нее, но ничего больше не произошло.

— Откуда ты взяла этот металлический шарик? — спросил я. — Не из воздуха же?

Корэл помотала головой:

— Он был у нее на груди. Под ладонью.

— Как ты догадалась туда заглянуть?

— Рука лежала неестественно. Вот и все. На, держи.

Она протянула мне шарик. Я взял, взвесил его на ладони. Я понятия не имел, как им пользоваться. Металлические шарики для Мэндора — то же, что Фракир для меня: сугубо личное колдовское орудие, вызванное в сердце Логруса из его подсознания.

— Ты положишь это на место? — спросила Корэл.

— Нет. Как я уже говорил, это не мое заклятие. Я не знаю, как оно действует, и предпочитаю с ним не шутить.

— Мерлин? — прошептала Найда, не открывая глаз.

— Поговорим-ка в другой комнате, — сказал я. — Только прежде я наложу на нее свое собственное заклятие. Обычное снотворное...

Воздух за спиной Корэл заискрился, закружился. Увидев по моим глазам, что там что-то не так, она обернулась.

— Что это, Мерлин? — воскликнула она, отступая от возникающей золотой арки.

— Призрак? — спросил я.

— Он самый, — последовал ответ. — Джасры я не нашел, зато доставил сюда твоего брата.

Появился Мэндор, весь в черном, с огромной копной серебристо-белых волос, взглянул на Корэл, на Найду, увидел меня, начал расплываться в улыбке и шагнул было вперед. Тут он заметил что-то еще и замер, вытаращив глаза. Я никогда не видел его таким испуганным.

— Око Хаоса! — закричал он, взмахом руки воздвигая перед собой заслон. — Откуда это у тебя?

Мэндор отступил на шаг. Арка немедленно съежилась до написанной золотом каллиграфической «О»; Призрак метнулся к моей левой руке и укрылся здесь.

Внезапно Найда села. Взгляд ее лихорадочно блуждал по комнате.

— Мерлин! — вскричала она. — Ты жив-здоров?

— Пока да, — отвечал я. — Не волнуйся. Все в порядке.

— Кто убрал мое заклятие? — спросил Мэндор.

Найда тем временем спустила ноги с кровати. Корэл сжалась в комочек.

— Это получилось нечаянно, — сказал я и разжал правую ладонь.

Металлический шарик тут же поднялся в воздух и устремился к Мэндору, чуть не задев Корэл, которая приняла боевую стойку, но явно не знала, от кого ей защищаться, и поэтому вертела головой: Мэндор, Найда, Призрак, снова Мэндор...

— Спокойно, Корэл, — сказал я. — Никто тебя не тронет.

— Левое Око Змея! — взвизгнула Найда. — Освободи меня, о Бесформенный, и я вернусь к своим!

Фракир тем временем предупреждала: не все, дескать, в порядке — на случай, если я сам этого не заметил.

— Что, черт возьми, происходит? — взревел я.

Найда спрыгнула с кровати, метнулась вперед, с нечеловеческой силой вырвала из моей руки Судный Камень, оттолкнула меня и выбежала в коридор.

Я пошатнулся, но устоял.

— Держите ти'игу! — завопил я.

Призрачное Колесо устремился следом, за ним неслись Мэндоровы шары.

Глава 10

В следующее мгновение я уже гнался за ти'игой по коридору. Она бежала быстро, но и я не отставал.

— Ты же должна была меня защищать! — крикнул я ей в спину.

— Это — важнее, чем приказ твоей матери, — отвечала она.

— Чего? — не понял я. — Моей матери?!

— Когда ты отправлялся в колледж, она наложила на меня узы: оберегать тебя. Теперь заклятие снято. Я — свободна!

Я ругнулся на бегу.

Она была уже у лестницы, когда перед ней возник Знак Логруса — огромный, больше, чем я когда-либо вызывал, он заполнил коридор от стены до стены. Знак дрожал, колыхался, тянулся огненными щупальцами в грозном багровом мареве. Какова дерзость — проникнуть в Амбер, в самые владения Пути! Видать, здорово приперло.

— Прими меня, о Логрус! — вскричала Найда. — Ибо со мною — Око Змеи!

Логрус раскрылся, в середине его возник огнедышащий туннель. Я чувствовал, что ведет он отнюдь не в наш коридор.

Но тут Найда остановилась, словно уткнувшись в стеклянную перегородку, и застыла как в столбняке. Три сверкающих Мэндоровы сферы вращались вокруг ее каменного тела.

Меня отбросило к стене. Я упал, загородился правой рукой и оглянулся.

За мной из воздуха соткалось подобие Пути, огромное, вровень с Логрусом. Найда оказалась между двумя полосами бытия, и я — вместе с нею. Со стороны Пути воздух лучился, словно солнечным утром, со стороны Логруса сгущались зловещие сумерки. Неужели мне придется стать мгновенным невольным свидетелем нового Большого Взрыва?

— Э-э, ваши милости, — начал я, пытаясь их заболтать. Жалко, я — не Люк, ему такой подвиг оказался бы вполне по плечу. — Самое время прибегнуть к незаинтересованному посреднику, и поскольку я, силою обстоятельств, гожусь на эту роль, как никто, то предлагаю вам поразмыслить и...

Золотое колечко — Призрачное Колесо — внезапно опустилось Найде на голову и вытянулось в трубу. Призрак проник за орбиты Мэндоровых сфер и, видимо, как-то одолел идущую от них силу, потому что шарики один за другим замед-

лились и упали на пол — два ударились о стену прямо предо мной, третий скатился по лестнице.

Знаки Пути и Логруса начали сближаться, я быстро пополз прочь.

— Не приближайтесь, ребята, — потребовал вдруг Призрак. — Я так перетрусил, что за себя не отвечаю.

Оба Знака остановились. Слева по коридору приближался Дроппа, пьяным голосом выводя разухабистую балладу. Голос смолк, потом, уже неуверенно, начал «Камень эпох». Эта песня тоже оборвалась, донесся шум падающего тела и звон стекла.

Мне подумалось, что с этого расстояния я бы мог перенести свое сознание в Камень. Впрочем, кто его знает, что бы из этого вышло, учитывая, что все четыре главных участника столкновения — не люди.

Кто-то вызывал меня через карту.

— Да? — спросил я шепотом.

Голос Дворкина произнес:

— Насколько это в твоей власти, не позволяй Логрусу завладеть Камнем.

И тут из багрового зева раздался голос — хриплый, он от слога к слогу менял высоту и казался то мужским, то женским:

— Верни Око Змеи. Вначале Единорог взял его силой. Оно краденое. Верни его. Верни.

Голубое лицо над Путем не материализовалось, но голос был тот же:

— Оно оплачено кровью и болью. Оплачено сполна.

— Судный Камень и Око Хаоса или Око Змеи — разные названия одной драгоценности?

— Да, — отвечал Дворкин.

— Что будет, если Змея его себе вернет? — полюбопытствовал я.

— Вселенная скорее всего погибнет.

— Ох.

— Что мне за него дадут? — спросил Призрак.

— Дерзкий механизмишко! — прогремел Путь.

— Наглая конструкция! — взвыл Логрус.

— Оставьте комплименты себе, — сказал Призрак, — и предложите что-нибудь посущественней.

— Я могу выхватить его у тебя, — отвечал Путь.

— Я могу изорвать тебя в клочки и отнять его силой, — объявил Логрус.

— Ничего подобного вы не сделаете, — заявил Призрак, —

потому что сосредоточиться на мне — значит подставиться противнику.

Я услышал, как Дворкин хихикнул.

— Объясните, — продолжал Призрак, — зачем спустя столько времени ворошить старую ссору.

— Вот этот перебежчик, — Логрус выбросил в мою сторону протуберанец, чтоб не оставить сомнений в личности перебежчика, — нарушил равновесие в пользу моего врага.

Запахло паленым волосом, я загородился рукой.

— Минуточку! — вскричал я. — Мне не оставили выбора!

— Выбор был, — проревел Логрус. — И ты его сделал.

— Сделал, — отвечал Путь, — но лишь восстановил равновесие, которое ты нарушил в угоду себе.

— Восстановил?! Перегнул в другую сторону! В твою! А склонил его отец предателя... — От Логруса снова оторвался огненный шар, я снова закрылся рукой. — ... Без моего участия.

— Но, вероятно, по твоему внушению.

— Если бы ты сумел передать Камень мне, — сказал Дворкин, — я бы спрятал его до выяснения обстоятельств.

— Не знаю, смогу ли я до него добраться, — отозвался я, — но буду иметь в виду.

— Дай его мне, — прорычал Логрус, — и я сделаю тебя своим первым служителем!

— Ты — машина для обработки данных, — загремел Путь. — Я дам тебе знание, каким не обладает вся Тень.

— Я дам тебе власть, — сказал Логрус.

— Оставьте себе, — ответил Призрак.

Цилиндр закрутился и был таков.

Девушка, Камень и все остальное исчезло.

Логрус взвыл, Путь взревел. Знаки ринулись один на другой. Они должны были столкнуться где-то возле комнаты Блейза.

Я вызвал все защитные чары, какие мог. Мэндор за моей спиной сделал то же самое. Я закрыл голову, подобрал колени и...

Я падал. Меня ослепило беззвучным взрывом. Обломки сыпались со всех сторон. У меня было такое чувство, будто я угодил в авиакатастрофу и погибну, не возвестив миру свое открытие: Путь так же мало печется о детях Амбера, как Логрус — о Владениях Хаоса. Силы заняты собой, противником, основными принципами мироустройства, Единорогом и Змеей, геометрическими проекциями которых скорее всего являются. Им плевать на меня, на Корэл, на Мэндора, возможно — даже на Дворкина и Оберона. Мы — букашки; в крайнем случае — порою орудия, порою — докучная помеха, нас можно использовать по мере надобности, а потом ломать...

— Дай руку, —сказал Дворкин из карты. Я ухватился за него и...

...грохнулся к его ногам на цветастый ковер, в комнате без окон (ее мне описывал отец), среди книг и заморских диковинок, под чашами света, которые висели в воздухе без всякой видимой опоры.

— Спасибо, — сказал я, вставая, отряхиваясь и потирая ушибленное бедро.

— Я поймал отголосок твоих мыслей, — произнес горбун. — Все не так просто.

— Уверен. Просто мне иногда нравится впадать в пессимизм. Много ли правды в том, что мололи здесь Силы?

— Все правда, — отвечал Дворкин, — с их точки зрения главная загвоздка в том, как они толкуют действия противника, да еще — привычка на каждое событие припоминать другое, более древнее. Скажем, разрыв в Пути был на пользу Логрусу, и не исключено, что Логрус и впрямь исподволь руководил Брэндом. Но в таком случае Логрус может сказать, что это — возмещение за День Сломленных Ветвей несколько столетий назад.

— Никогда о таком не слышал, — сказал я.

Дворкин пожал плечами:

— Ничего удивительного. Все эти события важны, в сущности, только для них самих. Я о другом — такой спор всегда сводится к первопричинам, а те весьма сомнительны.

— Каков же ответ?

— Ответ? Мы не в классе. Ответа, который устраивал бы кого-нибудь, кроме философов, — то есть который имел бы какие-либо практические следствия, — не существует.

Дворкин достал серебряную фляжку, плеснул из нее зеленой жидкости, протянул мне бокал:

— Выпей.

— Я так рано не пью.

— Это не спиртное, а лекарство, — пояснил он. — Ты на грани срыва, хотя, вероятно, сам того не понимаешь.

Я осушил бокал; жидкость обожгла, как спирт, хотя по вкусу была чем-то другим. В следующую минуту я начал отходить от напряжения, которого до того не замечал.

— Корэл, Мэндор... — начал я.

Дворкин взмахнул рукой, и передо мной повис светящийся золотой шар. Новый взмах руки — знакомый, — и на меня снизошло что-то вроде Знака Логруса, но без Логруса. В шаре возникла картинка.

Часть коридора, где произошло столкновение, была разрушена, а заодно — лестница, комнаты Бенедикта, а может быть, и Джерарда. Исчезли покои Блейза, часть моих, гостиная, где я недавно сидел, западный угол библиотеки, а также пол и потолок. Внизу я видел раскуроченную кухню и арсенал. Я поднял глаза (удобная все-таки штука — волшебный шар) и увидел небо. Значит, взрывом разнесло третий и четвертый этажи, возможно, задело и королевские апартаменты, и лестницу, и лабораторию, и кто еще знает что.

Над пропастью, возникшей на месте комнат Блейза и Джерарда, стоял Мэндор. Правая рука его, очевидно сломанная, была засунута под широкий черный пояс. На левом плече повисла Корэл, с лица ее капала кровь. Не уверен, что девушка была в сознании. Мэндор левой рукой держал ее за талию, вокруг них вращался металлический шар. Наискосок через пропасть стоял на балке Рэндом. Мартин располагался чуть ниже и сзади, в руке он по-прежнему держал саксофон. Рэндом был вне себя и, судя по мимике, что-то орал.

— Звук! Звук! — потребовал я.

Дворкин взмахнул рукой.

— ... анный лорд Хаоса взорвал мой дворец! — кричал Рэндом.

— Дама ранена, Ваше Высочество, — сказал Мэндор.

Рэндом провел рукой по лицу. Взглянул наверх.

— Если есть какой-нибудь способ добраться до моих комнат, то Вайол весьма искусна в некоторых видах врачевания, — произнес он, смягчаясь. — И я, кстати, тоже.

— Где это, Ваше Высочество?

Рэндом наклонился и вывернул голову вверх.

— Похоже, дверь вам не понадобится, но не знаю, уцелела ли лестница и как вам до нее добраться.

— Я справлюсь, — сказал Мэндор.

Из воздуха вынырнули два шара и закружились по эксцентрической орбите вокруг него и Корэл. Вскоре оба уже плыли к указанному Рэндомом пролому.

— Сейчас подойду, — крикнул им вслед Рэндом. Он явно хотел что-то добавить, но, взглянув на разрушения, повесил голову и отвернулся. Я тоже.

Дворкин протянул мне вторую порцию зеленого снадобья, я выпил. Оно, похоже, еще и успокаивало.

— Мне надо к девушке, — сказал я. — Она мне симпатична, я должен убедиться, что с ней все в порядке.

— Конечно, я могу тебя к ней перенести, — ответил Дворкин, — хотя не думаю, чтоб от тебя там был какой-то особый

прок. Лучше бы ты поискал своего беглого сыночка. Надо, чтобы Призрак вернул Судный Камень.

— Обязательно, — согласился я. — Но прежде я должен увидеть Корэл.

— И задержаться там, — сказал Дворкин. — Начнутся расспросы.

— И пусть.

— Что ж, как хочешь. Минуточку.

Он снял с крючка на стене что-то вроде жезла или палочки в ножнах, ножны прицепил к поясу, подошел к шкафчику, достал из ящика плоскую кожаную коробочку. Она металлически звякнула, опускаясь в карман. Маленькая драгоценная шкатулка исчезла в рукаве без звука.

— Сюда, — сказал Дворкин, беря меня за руку.

Мы пошли в темный угол комнаты, где висело не замеченное мною высокое зеркало в причудливой раме. Оно имело странное свойство: издали я отчетливо видел и комнату, и нас с Дворкином, но чем ближе мы подходили, тем больше изображение расплывалось. Я прекрасно понимал, что сейчас будет, и все равно зажмурился, когда Дворкин, шагнув сквозь мутное стекло, дернул меня за собой.

Я споткнулся и чуть не полетел носом. Пришел я в себя в золотой половине разрушенных королевских покоев, перед большим декоративным зеркалом. Я постучал по нему пальцем, но стекло оставалось сплошным. Впереди виднелся горб Дворкина — старик все так же держал меня за руку. За его профилем — словно карикатурой на мой собственный — я различал выдвинутую из западного, взорванного угла кровать и огромную дыру в полу. Возле кровати, спиной к нам, стояли Рэндом и Вайол. Они занимались Корэл, которая без чувств лежала на покрывале. Мэндор сидел в глубоком кресле в ногах кровати и наблюдал. Он первым заметил меня и кивнул.

— Как... она? — спросил я.

— Сотрясение, — отвечал Мэндор, — и правый глаз поврежден.

Рэндом обернулся. Не знаю, что он хотел сказать мне, но слова замерли у него на губах при виде моего спутника.

— Дворкин! — выговорил король. — Сколько воды утекло! Я уж не знал, жив ли ты. С тобой... э-э... все хорошо?

Карлик хихикнул:

— Я тебя понял, и я в своем уме. А сейчас я хотел бы осмотреть даму.

— Разумеется, — сказал Рэндом, отходя в сторону.

— Мерлин, — обратился ко мне Дворкин, — постарайся отыскать это свое порождение. Пусть вернет, что взял.

— Хорошо, — отвечал я, вынимая карты.

В следующие несколько минут я тщетно силился достучаться...

— Я услышал тебя несколько минут назад, папа.

— Камень при тебе?

— Да, я только что с ним покончил.

— Покончил?!

— Кончил его использовать.

— И как же ты его... использовал?

— С твоих слов я понял, что, пройдя его мысленно, получаешь защиту от Пути. Вот я и подумал — вдруг это сгодится и для идеально синтезированного существа вроде меня.

— Хорошее выражение: «идеально синтезированное». Где ты его откопал?

— Сформулировал сам, пока искал наиболее точное определение.

— Сдается мне, он тебя не впустит.

— Уже впустил.

— Ох. И ты что, его прошел?

— Вот именно.

— Как же это на тебе сказалось?

— Сразу не поймешь. Мое восприятие изменилось. Трудно объяснить такие тонкости.

— Здорово. Можешь ты теперь издалека переносить в него свое сознание?

— Могу.

— Когда вся эта суета рассосется, я тебя заново оттестирую.

— Мне самому интересно, в чем я изменился.

— А сейчас Камень нужен здесь.

— Я мигом.

Воздух передо мной всколыхнулся.

Призрачное Колесо возник в виде серебряного кольца, надетого на Судный Камень. Я сложил ладони чашечкой, принял Камень и передал Дворкину, который даже не взглянул в мою сторону. Я посмотрел на Корэл и тут же отвернулся. Лучше б мне такого не видеть.

Я отошел к Призраку.

— Где Найда?

— Точно не знаю, — отвечал он. — Когда я забрал у нее Камень, она попросила оставить ее там же — возле хрустальной пещеры.

— Что она делала?

— Плакала.

— Почему?

— Думаю, потому что оба ее жизненных предназначения пошли прахом. Ей было велено беречь тебя, если по какому-нибудь невероятному совпадению не удастся завладеть Судным Камнем. Если бы это произошло, она тут же освобождалась от первого заклятия. И вот это случилось, только я отнял у нее Камень. Теперь она осталась ни с чем.

— Ей бы радоваться. Она не по своей охоте взяла эти обязательства. Теперь она вольна вернуться к тому, чему уж там предаются беспечные демоны за Гранью Края.

— Не совсем так, папа.

— То есть?

— Похоже, она прочно застряла в нынешнем теле. Бросить его, как предыдущие, она не может — вероятно, потому что первоначальной владелицы уже нет.

— Хм-м. А почему бы ей не... избавиться от тела?

— Я это и посоветовал, но она сомневается в исходе — вроде бы вместе с телом она убьет и себя. Видимо, придется ей оставаться как есть.

— Она так и бродит в окрестностях пещеры?

— Нет. Она сохранила сверхъестественные способности и, думаю, просто ушла себе через Тень, покуда я в гроте экспериментировал с Камнем.

— Почему в гроте?

— Самое место, чтобы сделать что-нибудь тайком, разве нет?

— М-да. Как же я связался с тобой через карту?

— А я уже закончил эксперимент и вышел наружу. Вообще-то я сам начал ее разыскивать, когда ты меня вызвал.

— Думаю, тебе стоит еще ее поискать.

— А что?

— Я у нее в долгу — пусть даже она действовала по принуждению.

— Понятно. Только не знаю, насколько мне это удастся. Сверхъестественные существа выслеживать труднее, чем простых смертных.

— Попытайся. Я бы хотел знать, где она и чем я могу ей помочь. Может, твои новые способности как раз и пригодятся.

— Посмотрим, — сказал он и исчез.

Я задумался. Как примет новости Оркуз? Одна дочь изуродована, другая одержима демоном и бродит где-то в Тени...

Я подошел к Мэндору, оперся на спинку его кресла. Мэндор левой рукой стиснул мне локоть.

— Небось ты в теневом мире не учился вправлять кости? — спросил он.

— Нет, не учился.

— Жалко. Придется мне ждать своей очереди.

— Можно отправить тебя куда-нибудь, где тобой займутся немедленно, — предложил я.

— Нет, — отвечал он, — я хочу досмотреть спектакль до конца.

Пока он говорил, я заметил, что Рэндом оживленно беседует с картой. Вайол стояла рядом, как бы заслоняя его от пролома в стене и от непрошеных гостей оттуда. Дворкин склонился над Корэл, за его спиной я не видел, что он там делает.

— Мэндор, — сказал я, — ты знал, что ти'игу приставила ко мне мать?

— Да, — отвечал он. — Она мне объяснила, едва ты вышел из комнаты. Заклятие не позволяло ей говорить при тебе.

— Она должна была только защищать меня или еще и шпионить за мной?

— Не знаю. До этого разговор не дошел. Но, похоже, твоя мать опасалась не зря. Ты был в опасности.

— Думаешь, Дара знала про Джасру и Люка?

Мэндор пожал было плечами, но тут же скривился от боли.

— Наверняка не скажу. Допустим, знала. Тогда ты спросишь: откуда? Этого я тоже не знаю. Так что давай не будем.

— Давай.

Рэндом закончил говорить, провел рукой по карте, повернулся к Вайол и некоторое время на нее смотрел. Он открыл было рот, потом закрыл, отвел взгляд. Поискал глазами меня.

Корэл застонала. Я выпрямился.

— Погоди, Мерлин, — сказал Рэндом. — Не убегай.

Я встретил его взгляд — сердитый или просто растерянный, не знаю. Сведенные брови, прищур глаз можно было истолковать и так и так.

— Сэр? — спросил я.

Он подошел, взял меня под руку, отвернул от провала и повел к двери в соседнюю комнату.

— Вайол, я ненадолго воспользуюсь твоей мастерской, — сказал он.

— Конечно.

Рэндом провел меня в комнату и прикрыл за нами дверь. На полу лежал разбитый бюст Джерарда. Дальний конец студии занимала последняя работа Вайол — многорукое морское чудище.

Рэндом круто повернулся и взглянул мне прямо в глаза:

— Ты следишь за событиями в Кашфе и Бегме?

— Более-менее. Недавно Билл мне вкратце все рассказал. Эрегнор и прочее.

— Говорил ли он, что мы намерены включить Кашфу в Золотое Кольцо и признать ее права на Эрегнор?

Мне не понравилось, как он это спросил. Чтобы не подводить Билла (похоже, когда мы разговаривали, эти планы были еще засекречены), я ответил:

— Боюсь, что не запомнил таких подробностей.

— Ладно, это, собственно, то, что я предполагал сделать, — сказал Рэндом. — Мы редко даем такие гарантии одной стране-союзнице в ущерб другой. Но Арканз, герцог Шедбурн, вроде как припер нас к стенке. Он — лучший кандидат на трон, и, как только со сцены исчезла рыжая стерва, я начал расчищать дорогу ему. Он понимал, что может меня растрясти, поскольку идет на риск, принимая трон после двух династических смен, поэтому попросил Эрегнор. Я согласился.

— Все понятно, — сказал я, — кроме одного: какое это имеет отношение ко мне.

Рэндом повернул голову, искоса взглянул на меня:

— Коронация должна была состояться сегодня. Собственно, я собирался одеться и отправиться туда...

— Ты говоришь в прошедшем времени, — заметил я, чтобы заполнить наступившую паузу.

— Именно. Именно. — Рэндом прошелся по комнате, поставил ногу на разбитую статую, обернулся ко мне: — Добрый герцог убит или в застенке.

— И коронации не будет.

— Au contraire[1], — отвечал Рэндом, не спуская с меня глаз.

— Сдаюсь, — сказал я. — Объясни, что произошло.

— Сегодня на заре произошел переворот.

— Дворцовый?

— Возможно, и дворцовый тоже. Но поддержали его внешние военные силы.

— А куда смотрел Бенедикт?

— Вчера я велел вывести к моему приходу войска. Все выглядело спокойным, и не хотелось, чтоб коронация проходила в присутствии солдат Амбера.

— Понятно. Значит, едва Бенедикт вывел войска, кто-то ввел свои и сместил будущего короля, а местная полиция не усмотрела в этом ничего дурного?

Рэндом медленно кивнул.

— Примерно так, — сказал он. — Как ты думаешь, почему бы это?

— Может, нынешнее состояние дел устраивает их больше.

Рэндом улыбнулся и щелкнул пальцами.

— В точку! Другой бы решил, что ты все знал заранее.

— Другой бы ошибся.

---

[1] Напротив (*фр.*).

— Сегодня твой бывший однокашник Люкас Рейнард станет Ринальдо I, королем Кашфы.

— Черт меня дери! — воскликнул я. — Никогда бы не подумал, что ему это нужно. И как ты собираешься поступить?

— Не пойти на коронацию.

— Я хочу сказать, потом.

Рэндом вздохнул, отвернулся, пхнул ногой обломок.

— Ты считаешь, я пошлю Бенедикта его низложить?

— Вкратце, да.

— Это нас, мягко говоря, не украсит. То, что сделал Люк, вполне вписывается в тамошнюю политику. Мы ввели войска и положили конец сумятице. Мы могли бы ввести их снова, если б мятеж поднял полоумный генерал или охваченный манией величия придворный. Однако Люк имеет все основания претендовать на трон — даже больше, чем Шедбурн. К тому же он любим. Молод, умеет нравиться. Новое вторжение непросто было бы оправдать. Даже так я бы согласился, чтоб меня назвали агрессором, лишь бы убрать с престола этого убийцу, сына стервозной бабы. И тут мой человек в Кашфе сообщает, что Люку покровительствует Вайол!.. Я спросил ее. Он сказал, что это правда и что все произошло при тебе. Она не могла отойти от Дворкина — вдруг ему понадобится помощь — и обещала рассказать позже. Только не могу ждать. Объясни, что случилось.

— Скажи мне прежде еще одну вещь.

— Какую?

— Что за воинские силы привели Люка к власти?

— Наемники.

— Далтовы?

— Да.

— Ясно. Люк отрекся от вражды к Дому Амбера, — сказал я. — По доброй воле, после разговора с Вайол, каких-то несколько дней назад. Тогда она и дала ему кольцо. Мы собирались в Ардены, и я счел, что она хотела защитить Люка от Джулиана.

— Это был ответ на так называемый ультиматум Далта Люку и Джасре?

— Ага. Мне и в голову не приходило, что все подстроено, чтобы Далту с Люком объединиться и нанести удар. Вероятно, и само сражение было разыграно. Теперь я думаю, что Люк с Далтом успели переговорить заранее.

Рэндом поднял руку.

— Погоди! Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Хорошо.

Я рассказал. К тому времени как я закончил, мы успели бессчетное количество раз пересечь мастерскую из угла в угол.

— Знаешь, — промолвил Рэндом наконец, — сдается мне, Джасра все подстроила еще до того, как превратиться в мебель.

— Мне тоже так кажется, — сказал я, надеясь, что Рэндом не спросит, где она сейчас. Чем больше я размышлял, вспоминая нашу беседу после нападения на Страж Четырех Миров, тем больше убеждался: она не только знала, что с Люком, но и общалась с ним уже после меня.

— Ловко они все провернули, — заметил Рэндом. — Далт, похоже, действовал в соответствии со старым приказом. Он не знал наверняка, как выйти на Люка или на Джасру за новыми указаниями, и поэтому рискнул повести ложную атаку на Амбер. Бенедикт, с его умением и превосходящими силами, вполне мог снова стереть Далта в порошок.

— Верно. В смелости негодяю не откажешь. К тому же это означает, что Люк успел закрутить интригу и договориться о «сражении» во время их недолгой встречи в Арденах. Получается, он владел ситуацией и сумел внушить нам, будто находится в плену, а значит — Кашфе не грозит никакая беда. Если, конечно, считать его бедой.

— А чем же его еще считать?

— Ну, по твоим же словам, он не вполне самозванец. Что ты намерен делать?

Рэндом потер виски.

— Если я не позволю ему короноваться, то выставлю нас в довольно неприглядном свете, — сказал он. — Но прежде я хотел спросить... Говоришь, он — великий мастер морочить людям головы. Ты был при его разговоре с Вайол. Как он заручился ее покровительством? Не обманом ли?

— Нет, — отвечал я. — Он, похоже, удивился не меньше моего. Люк отрекся от вражды, потому что видел: честь удовлетворена, а он во многом был игрушкой своей матери, и еще из дружбы ко мне. Отрекся честно, без дураков. Я и сейчас думаю: она дала ему кольцо, чтоб положить конец распре и чтоб никто из нас его не преследовал.

— Очень на нее похоже, — сказал Рэндом. — Если б я думал, что он обманул Вайол, я бы с ним сам разделался. Значит, мои планы смешали ненамеренно, и я это переживу. Я готовлю Арканза в короли — и в последнюю минуту его смещает протеже моей жены! Может возникнуть впечатление, что здесь, в центре, нет полного согласия — а мне бы не хотелось, чтоб такое впечатление возникло.

— Сдается мне, Люка удастся убедить. Я отлично его знаю —

он способен понять такие нюансы. Думаю, Амберу будет очень легко вести с ним дела на любом уровне. Вряд ли он упрется.

— Еще бы. С чего бы ему упираться?

— Решительно не с чего, — сказал я. — Что теперь будет с договором?

Рэндом улыбнулся:

— Я свободен от всяких обязательств. Передача Эрегнора всегда меня смущала. Теперь, если договор и будет заключен, мы возвращаемся к нему ab initio[1]. И вообще, не уверен, что нам это нужно. Ну их к чертям собачьим.

— Готов ручаться, Арканз еще жив.

— Думаешь, Люк держит его в заложниках, чтоб я не дал ему статуса внутри Золотого Кольца?

Я пожал плечами:

— Насколько Арканз тебе дорог?

— Ну, я бедолагу в это втянул и считаю себя ответственным. Не настолько, впрочем, чтоб ломать из-за него копья.

— Вполне понятно.

— В такое время обращаться ко второсортной державе вроде Кашфы напрямую — только ронять наше достоинство.

— Верно, — кивнул я. — К тому же Люк пока еще не официальный глава государства.

— Если б не я, Арканз по-прежнему жил бы в своей усадьбе, а Люк, насколько я понимаю, твой товарищ — коварный, конечно, но все же товарищ.

— Сказать об этом на предстоящем обсуждении атомной скульптуры Тони Прайса?

Рэндом кивнул:

— Чувствую, такая возможность представится очень скоро. И вообще, тебе вполне прилично побывать у друга на коронации — как частному лицу, разумеется. Твое двойное наследие придется как нельзя кстати, а с другой стороны, мы окажем ему честь.

— И все равно я уверен, что ему нужен договор.

— Если мы и решим на это пойти, Эрегнор ему не дадим.

— Понял.

— А ты не уполномочен что-нибудь от нашего имени обещать.

— Тоже понял.

— Тогда, может, приведешь себя в порядок и поговоришь с ним? Твоя комната как раз под провалом. Я видел целую балку. С нее и спрыгнешь.

[1] С начала (*лат.*).

— Хорошо, — сказал я, поворачиваясь к дыре. — Только сперва еще один вопрос, совершенно на другую тему.

— Да?

— Отец в последнее время не заглядывал?

— Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю, — отвечал Рэндом, медленно качая головой. — Разумеется, мы все умеем скрывать свои появления. Но, думаю, он бы все-таки мне сказал.

— Наверное. — Я вышел через стену, обойдя провал стороной.

Глава 11

Нет. Я повис на балке, раскачался, отпустил руки и ловко приземлился посреди коридора, примерно между моими дверьми, только одна из них исчезла, а заодно и самый кусок стены, в которой располагался вход (или выход, это уж откуда смотреть), мое любимое кресло и стеклянная горка с раковинами, которые я собирал по всему миру. Жалко.

Я потер глаза и оглянулся. Даже разрушения в квартире отошли на второй план. Черт возьми, квартиры мне громили и раньше. Обыкновенно около тридцатого апреля.

Как в «Ниагаре», я медленно обернулся...

Нет.

Да.

Напротив моей комнаты, там, где совсем недавно стояла глухая стена, открывался коридор. Его-то отблеск я и заметил, прыгая с балки. Обалдеть можно. Боги вновь изменили темп музыкального сопровождения моей жизни. Я бывал в этом коридоре, когда он располагался в своем привычном месте — возле кладовых на четвертом этаже. Одна из загадок замка Амбера, Зеркальный Коридор не только был в одну сторону длиннее, нежели в другую, но и содержал несметное, буквально несметное количество зеркал. Попробуй их сосчитать, и цифры никогда не сойдутся. В высоких шандалах горят свечи, создавая причудливую игру бесчисленных теней. Здесь есть большие зеркала, маленькие, узкие, широкие, цветные, искажающие, зеркала в причудливых рамах — резных или чугунных, в простых рамах, без рам; зеркала, составленные из множества повернутых многоугольников, неправильных ячеек, кривые зеркала...

Я несколько раз ходил по Зеркальному Коридору, вдыхал аромат благовонных свечей, иногда угадывал за отражениями чье-то ускользающее присутствие. Я чувствовал его сложное очарование, но ни разу не пробудил его спящего гения. Мо-

жет, и к лучшему. От Зеркального Коридора не знаешь чего ждать — так, по крайней мере, говорил мне Блейз. Он не мог сказать, переносят ли зеркала в таинственные уголки Тени, гипнотизируют ли, навевают странные цветные сны, перебрасывают в чисто символические области, играют со зрителем в опасные или безвредные интеллектуальные игры, ничего из этого, что-то из этого или все это сразу. В любом случае игры эти не вполне безобидны — воров, слуг и гостей время от времени находят в сверкающей глубине мертвыми, остолбеневшими или повредившимися в рассудке, часто с очень странными выражениями на лицах. А во время равноденствий и солнцестояний — хотя это может прийтись и на любое другое время — коридор перебирается на новое место или совсем пропадает до поры. Его предпочитают избегать, хотя он с одинаковой вероятностью губит и награждает, треплет нервы или подбрасывает дельное предзнаменование. Эта-то неопределенность и внушает страх.

А иногда, говорили мне, он словно нарочно кого-то разыскивает, неся свои двусмысленные дары. Считается, что в таких случаях приглашение безопаснее принять.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Чего тебе?

В зеркальной глубине заплясали тени, потянуло дурманящим ароматом. Я шагнул вперед и похлопал стену. Фракир не шелохнулась.

— Это Мерлин, и, вообще-то, я тороплюсь. Ты уверен, что хочешь отразить именно меня?

Пламя ближайшей свечи на мгновение обрело очертания ладони и зазывно качнулось.

Я выругался и шагнул вперед.

Ощущения, что я попал совсем в другое место, не возникло. Пол устилала длинная красная дорожка. В воздухе кружились пылинки. Дрожание свечей превращало мой наряд в трико Арлекина, лицо — в пляску теней.

Мерцание.

На миг почудилось, что из маленького овала в чугунной раме на меня строго глядит Оберон — то ли игра света в зеркалах, то ли и впрямь отблеск его былого величия.

Мерцание.

Готов поклясться, что слева из серебристого прямоугольника в фарфоровой цветочной раме глянула звериная харя с моими чертами, высунула язык, но, едва я повернулся, мигом преобразилась в человеческую.

Иду. Шаги звучат глухо. Дыхание стеснено. Интересно, не пора ли призвать Знак Логруса или даже Пути? Делать этого

не хотелось, слишком свежи были в памяти малоприятные свойства обеих Сил. Я чувствовал: сейчас что-то произойдет.

Я остановился перед своим отражением в черной металлической раме, украшенной серебряными колдовскими значками. Стекло потускнело от времени, словно его душа затаилась где-то в неразличимой глубине. Лицо мое выглядело более худым, складки пролегли отчетливее, над головою угадывался багровый венчик. В отражении мерещилось что-то холодное и даже зловещее, но, сколько я ни вглядывался, ничего не происходило. Никаких знамений, перемен... Чем больше смотрел, тем больше печальные приметы возраста казались игрою Теней.

Я пошел дальше, мимо нездешних пейзажей, диковинных тварей, всплывающих из подсознания мертвых друзей и близких. Кто-то даже помахал мне рукой, и я помахал в ответ. После неприятных ощущений в недавней пробежке между Тенями эти странные, а возможно, и грозные проявления уже не пугали. Раз я, кажется, заметил повешенного — он со связанными руками качался на сильном ветру, под небом, словно похищенным у Эль Греко.

— У меня были тяжелые деньки, — сказал я вслух, — и просвета не ожидается. Пойми меня правильно, но я тороплюсь.

Что-то ударило меня в поясницу. Я оглянулся, однако никого не увидел.

На плечо мне опустилась рука, развернула меня. Опять никого.

— Если справедливость того требует, — сказал я, — то я прошу прощения.

Невидимые руки толкали и тянули меня мимо роскошных зеркал к дешевенькому, в заляпанной деревянной раме, словно купленному на барахолке. На уровне моих глаз в стекле темнела выщербинка. Тычки прекратились. Возможно, меня хотели не застращать, а напротив, по моей просьбе, постарались ускорить дело.

На всякий случай я сказал «спасибо» и стал смотреть, то приближая лицо к зеркалу, то удаляя и мотая головой из стороны в сторону, отчего по изображению бежала рябь. Я ждал, что будет.

Отражение не изменилось, но, после того как рябь пробежала в третий или четвертый раз, преобразился фон. Это был уже не тускло освещенный Зеркальный Коридор. Он исчез и не появился, когда я снова отодвинул лицо от зеркала. Его место заняли темные кусты под вечерним небом. Я несколько раз мотнул головой — рябь больше не возникала. Кусты каза-

лись самыми настоящими, хотя краем глаза я по-прежнему видел стену рядом с зеркалом.

Я всматривался в густую зелень, ища знамений, примет или просто движения. Ничего такого не наблюдалось, хотя перспектива выглядела самой настоящей. Мне даже почудился холодный ветерок на затылке. Я смотрел долго, ожидая, что же покажет зеркало. Ничто не менялось. Если ему нечего больше предложить, решил я, то можно идти.

Что-то шевельнулось в кустах за моей спиной. Я обернулся, выставил руки.

Оказалось, это всего лишь ветер. И тут я понял, что стою не в коридоре, и снова огляделся. Зеркало и стена исчезли. Передо мной был невысокий холм, на нем — разрушенная стена, за которой мерцали отсветы. Мне стало любопытно, и я осторожно полез на холм.

Небо темнело на глазах. На нем не было ни облачка, яркие звезды складывались в незнакомые созвездия. Я крадучись пробирался среди камней, травы, кустов, битого кирпича. Из-за увитой плющом стены доносились голоса. Слов было не разобрать. Впрочем, на разговор это не походило, скорее на какофонию, словно несколько человек разного пола и возраста одновременно вещают на публику.

Я выбрался на вершину и коснулся неровной стены. Мне совсем не улыбалось идти в обход и выставляться на обозрение неизвестно кому. Куда проще было ухватиться рукой за ближайший пролом, подтянуться и заглянуть через верх. Так я и сделал. Мне даже удалось нащупать зацепки для ног, так что на руках висеть не пришлось.

Я подтянулся еще на несколько дюймов и поверх выщербленных камней заглянул внутрь.

Это было что-то вроде храма, потолок обрушился, дальняя стена стояла, но вся пошла трещинами. Справа на возвышении помещался ветхий алтарь. То, что здесь произошло, явно произошло порядочное время назад, потому что внутри успели разрастись кусты и плющ, сгладив очертания просевших скамей, рухнувших колонн, обломков перекрытия.

Передо мной, на расчищенном пятачке, была начертана пентаграмма. В вершинах звезды стояли пятеро, лицами наружу. На пересечениях горело по факелу. Это выглядело чудноватой вариацией знакомого ритуала. Мне стало любопытно, почему они не защищены и почему не объединят усилия — каждый, по видимому, был занят своим и не обращал внимания на остальных. Те трое, которых я видел отчетливо, стояли спиной ко мне. Двух других я видел еле-еле, и лица их скрывала тень. Одни голоса были мужскими, другие — женскими. Один пел, два декламировали нараспев, два просто говорили, но деланно, театрально.

Я еще подтянулся, силясь разглядеть лица. Что-то во всех них было знакомое; я чувствовал, что, узнав одного, сразу угадаю остальных.

Следующий вопрос был — кого они вызывают? Укроет ли меня в случае чего стена? Внизу обычных ограждающих мер видно не было.

Я подтянулся еще чуть-чуть. И тут заметил, что движусь без всяких усилий. В следующее мгновение стало понятно, что стена рушится, а я падаю в самую середину необычного хоровода. Я попытался оттолкнуться от стены, чтобы скатиться по склону и броситься наутек. Поздно. Я оттолкнулся, но инерция влекла меня вперед.

Никто из пятерых не шелохнулся под градом обломков, и я на лету поймал первые внятные слова.

— ...вызываю тебя, Мерлин, да будешь в моей власти! — пела одна из женщин.

Все-таки очень действенный ритуал, решил я, раскидывая руки и ноги и приземляясь спиной в середину пентакля. Голову я успел подобрать, чтобы не удариться затылком, руки отлично самортизировали, так что дух из меня не вышибло. Пламя факелов заколыхалось, потом выровнялось. Пятеро по-прежнему смотрели в разные стороны. Я попытался встать и обнаружил, что не могу. Мое тело как будто прибили к земле.

Фракир предупредила меня слишком поздно, уже в полете, и теперь я не знал, какое ей найти применение. Можно отправить ее к любому из пятерых с приказом ползти к шее и душить, но пока я не знал, кто именно и заслуживает ли такой участи.

— Не люблю сваливаться как снег на голову, — сказал я, — и вижу, что вторгся в дружеский кружок. Если кто-нибудь любезно меня отпустит, я потихоньку пойду...

Женщина у моей левой ноги повернулась — в синем платье, но без маски на озаренном пламенем лице. Она натянуто улыбнулась, потом облизнула губы. Джулия. В правой руке она держала нож.

— Болтун несчастный! На все-то у него готовый ответ. Ты просто уходишь от прямого и честного разговора. Даже с теми, кто тебя любит.

— Может, это просто чувство юмора, — сказал я, — которого, как я убеждаюсь, у тебя никогда не было.

Она медленно покачала головой:

— Ты всех держишь на расстоянии вытянутой руки. Ты не умеешь доверять.

— Дурная наследственность, — объяснил я. — Но сдержанность не исключает привязанности.

Джулия занесла было нож, но удержала руку.

— Ты хочешь сказать, что по-прежнему меня любишь?

— Я и не переставал тебя любить. Просто ты меня напугала. Ты хотела больше, чем я мог в то время дать.

— Ты лжешь, — отчеканила она, — потому что твоя жизнь в моих руках.

— Я могу придумать и худшие причины для вранья.

Справа послышался другой знакомый голос:

— Мне рано об этом говорить, но я ей завидую.

Я повернул голову и увидел, что и другая женщина теперь смотрит на меня. Это была Корэл; ее правый глаз скрывала черная повязка, в руке она тоже держала нож. Тут я увидел, что у нее в левой руке, и быстро перевел взгляд на Джулию. Да, у обеих в руках были не только ножи, но и вилки.

— Et tu[1], — произнес я.

— Я же говорила, что не понимаю по-английски, — отвечала Корэл.

— Эту съем я, — отозвалась Джулия, поднимая вилку. — Кто сказал, что у меня нет чувства юмора?

Они начали плеваться друг в друга, но больше попадали в меня.

Мне подумалось, что Люк бы сумел вывернуться, немедленно предложив обеим руку и сердце. Сам я на это не решился, чувствуя, что не поможет.

— Это — галлюцинация, вызванная страхом женитьбы, — сказал я. — Это — навязчивый бред. Это — сон наяву. Это...

Джулия опустилась на одно колено и вонзила вилку в мою левую ляжку.

Я заорал, но осекся, когда Корэл воткнула вилку в плечо.

— Это смешно! — вопил я. Ножи и вилки мелькали, я корчился от боли.

Женщина в правой дальней вершине развернулась медленно, величаво. Она была до глаз закутана в бурый плащ с желтой опушкой.

— Прекратите, бабье! — приказала она и распахнула плащ, став похожей на бабочку-траурницу. Конечно, это была Дара, моя мать.

Джулия и Корэл уже поднесли вилки ко рту и жевали. У Джулии на губе алела капелька крови.

Плащ развевался, словно живой, словно он растет у матери из пальцев. Его полы совершенно спрятали от меня Корэл и

[1] И ты (*лат.*). Начало фразы «И ты, Брут».

Джулию, накрыли их, отбросили назад, и вскоре обе женщины превратились в столбики, которые все уменьшались и уменьшались, так что, когда плащ свободно повис, их в углах звезды уже не было.

Тут слева послышались аплодисменты и хриплый смех.

— Отлично сработано, — донесся до боли знакомый голос, — но ты всегда любила его больше всех.

— Просто больше, — поправила она.

— Разве бедный Деспил хуже? — спросил Джарт.

— Ты несправедлив, — отвечала она.

— Ты всегда любила чокнутого амберского принца больше нашего достойного отца. Потому и Мерлина баловала больше нас, разве нет?

— Ты сам знаешь, что не прав, Джарт.

Он снова рассмеялся:

— Мы все вызвали его, потому что хотели видеть, каждый по своей причине. Но в конечном счете все наши желания сводятся к одному, ведь правда?

Я услышал вой и повернул голову в ту самую минуту, когда лицо его по-волчьи удлинилось, блеснули клыки, и Джарт, рухнув на четвереньки, впился в мое плечо, торопясь урвать кусок окровавленной плоти.

— Прекрати! — закричала Дара. — Звереныш!

Он поднял морду и захохотал безумным смехом койота.

Черный сапог пнул его в плечо, отбросил к еще стоящей стене, которая сразу рухнула. Джарт успел коротко взвизгнуть, и тут же его накрыло грудой камней.

— Ну, ну, ну, — услышал я голос Дары и, переведя взгляд, увидел в ее руках вилку и нож. — Что такой скот делает в таком милом месте?

— Вероятно, сдерживает последних хищников, — отвечал голос, поведавший мне когда-то очень долгую историю с множеством версий автомобильной катастрофы и генеалогических сплетен.

Дара метнулась ко мне, но он наклонился, схватил меня под мышки и рванул на себя. Длинный черный плащ взметнулся, словно у матадора, накрыв Дару, вогнав ее в землю, как она сама вогнала Корэл и Джулию. Сильные руки поставили меня стоймя и встряхнули плащ. Покуда они застегивали ворот серебряной розой, я выискивал клыки или хотя бы вилку с ножом.

— Четверо из пяти, — сказал я, отряхиваясь. — Сколь бы правдоподобно это ни выглядело, думаю, толковать все же следует символически. Как вышло, что в тебе не проснулись людоедские наклонности?

— Ну, — произнес он, натягивая серебряную перчатку, — я ведь никогда не был тебе настоящим отцом. Трудно это, когда ни сном ни духом не ведаешь о ребенке. Потому мне и хотеть от тебя нечего.

— Похоже, это у тебя Грейсвандир.

Он кивнул:

— Похоже, тебе он тоже пригодился.

— Полагаю, надо сказать тебе спасибо. И еще полагаю, что обращусь не... не по адресу, если спрошу, ты ли перенес меня из пещеры в край между Тенями.

— Я самый.

— Ты не мог ответить иначе.

— Если б не переносил, не сказал бы. Эй, берегись! Стена!

На нас падала большая секция каменной кладки. Мощный толчок отбросил меня в середину пентаграммы. Сзади с грохотом катились камни. Я приподнялся, оттолкнулся руками, уворачиваясь от них.

Что-то ударило меня в висок.

Очнулся я в Зеркальном Коридоре. Я лежал ничком, лицом на правом локте, сжимая в руке прямоугольный камешек. Пахло душистым воском. Я начал вставать и сразу почувствовал боль в обоих плечах и в правой ляжке. Беглый осмотр выявил порезы во всех этих местах. Ничто другое не подтверждало реальность моих недавних приключений, но и эти доказательства были весьма ощутимы.

Я встал и заковылял к своей комнате.

— Куда ты подевался? — крикнул сверху Рэндом.

— А? Что?

— Ты вышел в коридор, но там ничего нет.

— Как долго меня не было видно?

— С полминуты.

Я помахал камнем.

— Вот, поднял в коридоре. Не могу понять, что это.

— Вероятно, его вышибло из стены и забросило сюда при столкновении Сил, — отвечал Рэндом. — Раньше у нас было довольно много арок, сложенных из таких камней. На твоем этаже почти все они замурованы.

— Ясно, — сказал я. — Заскочу к тебе, прежде чем отправляться.

— Валяй, — отвечал он.

Я повернулся и через очередную рухнувшую стену (сколько же их было сегодня!) пробрался в свою спальню.

В дальней стене зиял пролом, и сквозь него открывался вид

на пыльные комнаты Брэнда. Похоже, дыра образовалась на месте арки, которая прежде соединяла наши помещения. Слева сохранился кусок свода. Я подошел взглянуть. Да, арка сложена из таких же камней, как и этот у меня в руке. И даже...

Я стряхнул осыпавшуюся штукатурку, приладил свой камень в дыру. Он встал как влитой и не вынулся, когда я его дернул. Вынес ли я его из зловещего сна об отцовско-материнско-возлюбленно-братском ритуале? Или бессознательно подобрал с пола, куда его забросило недавним архитектурным бедствием?

Я отвернулся, снял плащ, сбросил рубаху. Да. На правом плече алели дырки от вилки, на левом — что-то вроде звериного укуса. На штанине запеклась кровь, ляжка болела.

Я умылся, почистил зубы, причесался, перевязал ногу и левое плечо. Завтра привычный метаболизм не оставит от ран и следа, но не хватало, чтоб они открылись и запачкали кровью новый наряд.

Кстати...

Шкаф уцелел, и я решил сделать Люку приятное. Золотая рубаха и синие штаны почти точно повторяли цвета Беркли; кожаный камзол в тон штанов, синий же плащ с голубым подбоем, черная перевязь — заткнуть за нее черные перчатки... Да, понадобится новый меч. И кинжал.

Я прикидывал, какую надеть шляпу, когда внимание мое привлек непонятный звук. Я обернулся.

В комнате клубилась пыль. На месте зубчатого пролома красовалась симметричная арка, стена по бокам и сверху от нее выглядела совершенно новой. Стена справа от меня тоже частично восстановилась.

Я подошел и пробежал пальцами по каменному своду. Потрогал штукатурку. Ни трещинки. Обалдеть. Камень заколдован. С какой целью?

Я прошел в арку и огляделся. В комнате было темно, и я машинально призвал логрусское зрение. Оно явилось, как обычно. Видимо, Логрус решил не поминать старого.

С его помощью я видел остатки многих колдовских опытов, множество неснимаемых чар. Большинство магов оставляет за собой некоторое количество невидимого обычному глазу мусора, но Брэнд, похоже, своей ленью превосходил всех — хотя, вздумав овладеть Вселенной, он под конец наверняка загнал себя в цейтнот. Тут уж не до аккуратности.

Я продолжил осмотр. Мне попадались загадочные наброски — свидетельства, что Брэнд на путях колдовства углубился в дебри, в которые я сам предпочел бы не заходить. Однако я не видел ничего такого, с чем не мог бы справиться, ничего

по-настоящему опасного. Возможно, и впрямь не стоит закладывать арку, пусть эти комнаты тоже будут мои.

Заодно я решил заглянуть в шкаф, не сыщется ли там подходящей шляпы. Открыл дверцу и нашел темную треуголку с золотым пером, как раз по мне. Цвет немножко не подходил, но я вдруг вспомнил заклинание, которым мог его изменить. И уже собирался закрыть шкаф, когда что-то за шляпами блеснуло в логрусском зрении.

Я потянулся и достал длинные, украшенные золотом темно-зеленые ножны, очень изящные. В головке золоченого эфеса красовался огромный изумруд. Я с опаской потянул его, почти ожидая, что клинок взвизгнет, словно демон, которому на голову сбросили полиэтиленовый пакет со святой водой. Однако тот только зашипел и слегка задымился. Яркая насечка на лезвии казалась смутно знакомой. Ну конечно, Путь. Только на Грейсвандире нанесен отрезок ближе к началу, а на этом — ближе к концу.

Я убрал клинок в ножны и, подчиняясь порыву, пристегнул их к перевязи. Отцовский меч — прекрасный подарок на коронацию. Вот и замечательно. Я вышел в боковой коридор, перебрался через разрушенную Джерардову стену и мимо комнат Фионы дошел до отцовской двери. Мне хотелось проверить одну догадку, и меч об этом напомнил. Я отыскал в кармане ключ, который переложил туда из окровавленных штанов. Потом все-таки решил постучать. Что, если...

Я постучал, подождал, еще постучал и снова подождал. Тишина. Я отпер дверь. Дальше порога я не пошел. Меня интересовала вешалка.

Грейсвандира на крючке не было.

Я шагнул назад, прикрыл и запер дверь. Пустые крючки сказали мне многое. То был момент озарения, когда по-прежнему ничего не знаешь наверняка, но растет ощущение, что разгадка стала чуть ближе.

Я двинулся обратно, мимо комнат Фионы. Снова вошел к Брэнду через дверь, которую оставил открытой. Рядом на подносике лежал ключ. Я запер дверь, ключ спрятал в карман. Глупо — любой может войти сюда через мою комнату, в которой недостает стены. И все же...

Я помялся. Не хотелось возвращаться к себе, к забрызганному ти'игиной слюной, засыпанному штукатуркой персидскому ковру. В комнатах Брэнда было что-то умиротворяющее, какое-то не замеченное прежде спокойствие. Я походил, выдвигая ящики, открывая волшебные шкатулки. Раскрыл папку с чертежами. Логрусское зрение показало, что в изголовье кровати спрятан мощный магический предмет, от которого отходят силовые линии.

Я отвинтил шишечку, увидел, что столбик — полый. Внутри лежал бархатный мешочек с кольцом. Широкий — возможно платиновый — ободок был усажен тончайшими волосяными шипами красного металла. От каждого из бесчисленных шипов отходила силовая линия, тянущаяся куда-то, возможно — в Тень, к спрятанному заклятию или источнику энергии. Может, Люку приятнее будет получить кольцо, чем меч.

Я надел кольцо на палец, и оно как бы пустило корни в мое тело, в самое его нутро. Они связывали меня с ободком, а через него — с отходящими силовыми линиями. Я ощущал их на всей протяженности и дивился богатству покорных кольцу энергий — от простых хтонических сил до сложнейших построений Высшей Магии, от элементарных частиц до кого-то, кто представлялся лоботомированными существами неимоверно высоких порядков. Странно, что кольца не было на Брэнде в день его гибели. Думаю, тогда его никто бы не победил; мы бы все жили в Брэндебурге в замке Брэнд. Странно и другое — как Фиона, в соседней комнате, не почувствовала талисман и не отыскала. С другой стороны, не чувствовал же я. Вероятно, при всей своей мощи кольцо не ощущается на расстоянии больше нескольких футов.

Поразительно, какие сокровища таятся в этой комнате! Интересно, связано ли это с возможностью в некоторых помещениях достигать эффекта персональной вселенной? Кольцо, питающееся от таких мощных источников энергии, — замечательная альтернатива обращению к Логрусу и Пути. На его создание должны были уйти столетия. Для чего бы Брэнд его ни предназначал, планы были явно не сиюминутные. Я решил не отдавать кольцо Люку и вообще никому из чародеев. Да и не чародею его лучше не доверять. На место класть тоже не хотелось...

Что это дергается на моей руке? Ах да, Фракир. Она предупреждала об опасности уже некоторое время, но заметил я только сейчас.

— Жалко, что ты потеряла голос, старушка, — сказал я, поглаживая ее и осматривая комнату в поисках психической или телесной угрозы.

Она тут же скользнула по руке и попыталась снять с пальца кольцо.

— Прекрати, — велел я. — Понимаю, кольцо опасно. Но только если пользоваться им неправильно. Я, как-никак, чародей и на этом деле собаку съел. Мне тревожиться нечего.

Фракир не послушалась и продолжала атаковать кольцо.

Я мог приписать это лишь ревности одного колдовского предмета к другому. Снял ее с руки и завязал тугим узлом на кроватном столбике, чтоб впредь было неповадно.

Потом еще раз внимательно обшарил комнату. Раз меч и кольцо остаются у меня, хорошо бы отыскать Люку что-нибудь еще из вещей его отца...

— Мерлин! Мерлин! — послышалось откуда-то из-за моей комнаты.

Я встал с колен (перед этим я простукивал пол на предмет тайников) и прошел сквозь арку в свою спальню, а оттуда в гостиную. Здесь я помедлил, хотя меня снова звали, и я узнал голос Рэндома. Стена, выходящая в коридор, отстроилась больше чем наполовину — словно бригада невидимых плотников и штукатуров трудилась над ней с той секунды, как я вставил зачарованный камень в ворота Брэндова царства. С ума сойти. Я стоял и смотрел, надеясь увидеть, как это происходит. Тут Рэндом произнес: «Кажется, он ушел», и я откликнулся:

— А? Что?

— Давай сюда, и живее, — сказал он. — Посоветоваться надо.

Я вышел в коридор через заметно сократившийся пролом и поднял глаза. И сразу ощутил чудесные способности кольца — оно, словно чуткий музыкальный инструмент, отозвалось на мое желание. Стоило мне подумать, как соответствующие линии ожили, и я поплыл к отверстию в потолке, на лету натягивая перчатки. Перчатки — потому что мне пришло в голову, что Рэндом узнает кольцо и начнется долгий ненужный разговор.

Вплывая в мастерскую, я придерживал плащ, чтобы спрятать в складках меч.

— Внушительно, — кивнул Рэндом. — Рад видеть, что ты поддерживаешь колдовскую форму. Поэтому-то я тебя и позвал.

Я поклонился. Придворный наряд настраивал на учтивость.

— Чем могу служить?

— Не выдрючивайся, — сказал он, беря меня за локоть и подталкивая к входу в спальню. В открытой двери стояла Вайол.

— Мерлин? — спросила она, когда я задел ее плечом.

— Да? — отозвался я.

— Я была уверена, — отвечала она.

— В чем?

— Что это ты.

— Я, конечно.

— Это действительно мой брат, — сказал Мэндор, вставая

и подходя к нам. Рука его, вставленная в лубки, висела на повязке, с лица исчезло напряженное выражение. — Если что-то в нем кажется вам необычным, то причина проста — выйдя отсюда, он успел побывать в неприятной переделке.

— Это правда? — спросил Рэндом.

— Правда, — отвечал я. — Только я не знал, что это так очевидно.

— Ты не ранен? — спросил Рэндом.

— Да вроде цел.

— Хорошо. Тогда подробности отложим до другого раза. Корэл нет, и Дворкина тоже. Я не видел, как они исчезли. Когда это случилось, я еще был в мастерской.

— Когда случилось что? — спросил я.

— Дворкин закончил операцию, — пояснил Мэндор, — взял даму за руку, поставил на ноги и перенес отсюда. Очень изящно. Только что они стояли у кровати; в следующее мгновение их радужное послесвечение растворилось в воздухе.

— Ты говоришь, перенес. С чего ты взял, что их не умыкнул Призрак или кто-то из Сил?

— Я следил за его лицом, — сказал Мэндор. — На нем не было изумления, только усмешка.

— Думаю, ты прав, — согласился я. — А кто вправил тебе руку, если Рэндом был в мастерской, а Дворкин слинял?

— Я, — ответила Вайол.

— Значит, ты один видел, как они исчезли? — спросил я.

Мэндор кивнул.

— Я зачем тебя позвал, — сказал Рэндом. — Мэндор не знает, куда они подевались. Может, ты что-нибудь предположишь. Вот.

Он показал мне цепочку, с которой свешивалась пустая металлическая оправа.

— Что это?

— Главнейшее из сокровищ короны, — отвечал он. — Судный Камень. Это они оставили мне. А Камень забрали.

— Ох, — сказал я. Потом: — У Дворкина в руках он будет в полной безопасности. Старик говорил, мол, спрячет его в надежном месте, и никто больше его не знает...

— А если он снова свихнется? — спросил Рэндом. — И вообще, я не собираюсь обсуждать его достоинства как хранителя. Я хочу знать, куда он умотал вместе с Камнем.

— Не думаю, чтоб он оставил следы, — произнес Мэндор.

— Где они стояли? — спросил я.

— Здесь, — указал он здоровой рукой. — Справа от кровати.

Я встал на место, перебирая новообретенные возможности в поисках самой подходящей.

— Чуть дальше от изголовья.

Я кивнул, чувствуя, что совсем несложно будет заглянуть в такое близкое прошлое.

Мелькнули радужные призраки, сгустились в силуэты. Стоп.

Силовая линия от кольца протянулась вслед Дворкину и Корэл, поочередно вспыхивая всеми цветами спектра, прошла сквозь портал, который тихо схлопнулся за их спинами. Держа ладонь козырьком, я как бы заглянул вдоль линии...

...в огромную залу, где слева висели шесть гербов, справа — множество знамен и стягов. Передо мной в исполинском камине гудело пламя.

— Я вижу, куда они перенеслись, но не знаю, где это.

— А есть ли способ показать это место нам? — спросил Рэндом.

— Возможно, — сказал я и, еще не договорив, понял, что способ действительно есть. — Смотрите в зеркало.

Рэндом подошел к зеркалу, сквозь которое провел меня Дворкин, — как давно это было?

— Кровью зверя на шесте и раковиной, расколотой в центре мира, — продекламировал я, чувствуя, что воззвать придется к обеим Силам, — откройся, зрение!

Зеркало покрылось изморозью, а когда очистилось, в нем был тот же украшенный знаменами зал.

— Провалиться мне на этом месте, — пробурчал Рэндом. — Он доставил ее в Кашфу. Хотел бы я знать зачем.

— Как-нибудь научишь меня этому фокусу, брат, — заметил Мэндор.

— Раз я так и так собрался в Кашфу, — сказал я, — будут ли какие-нибудь особые поручения?

— Поручения? — переспросил Рэндом. — Просто узнай, что происходит, и сообщи мне, ладно?

— Конечно, — кивнул я, вынимая колоду.

Вайол подошла и взяла мою руку, словно прощаясь.

— Перчатки, — заметила она.

— Стараюсь не ронять своего титула, — объяснил я.

— Корэл, похоже, чего-то боится в Кашфе, — прошептала Вайол, — она бормотала это во сне.

— Спасибо. Я готов ко всему.

— Ты можешь говорить так для уверенности, — сказала она, — но себя тебе не убедить.

Я рассмеялся и поднял карту к глазам, делая вид, что смотрю на нее, хотя на самом деле расширял силовую линию, связывающую меня с Кашфой. Я заново открыл дорогу, по которой прошел Дворкин, и шагнул.

Глава 12

Кашфа.

Я стоял в сером каменном зале, украшенном гербами и флагами, на полу, присыпанном камышом, среди грубой мебели, перед огромным камином, бессильным просушить сырой, пахнущий стряпней воздух. В зале никого не было, хотя со всех сторон доносились голоса и звуки настраиваемых инструментов. Я поспел к самому торжеству. Минус этого способа передвижения, в сравнении с картой, один: никто меня не встречал, никто ничего не объяснял. Выигрыш — тот же; то есть, если я хочу высмотреть что-либо украдкой, сейчас самое время. Кольцо, этот истинный кладезь колдовской премудрости, отыскало заклинание, делающее меня невидимым, и я им тут же воспользовался.

С час я бродил по крепости. Внутри главной стены располагались четыре больших здания и много маленьких. За первой стеной обнаружились еще одна, и еще одна — чуть дальше: три кольца увитой плющом обороны. Я не заметил обычных разрушений — похоже, войска Далта не встретили отпора. Не видно было пожаров и грабежей; думаю, Джасра заплатила, чтоб семейное достояние вернули ее сыну в целости и сохранности. Войска занимали все три кольца — я послушал разговоры и узнал, что они останутся на время коронации. Солдаты стояли и на центральной площади — они зубоскалили над местными гвардейцами в парадных мундирах, строящимися для коронационной процессии. Впрочем, шутки звучали довольно беззлобно; видимо, и тем и другим нравился Люк, к тому же, как я понял, многие гвардейцы и наемники были знакомы между собой.

Первый Единорожий храм Кашфы (примерно так можно перевести название) высился через площадь, прямо напротив дворца. Здание, в которое я попал с самого начала, оказалось одной из служебных пристроек, где толклись наскоро созванные гости, слуги, придворные и зеваки.

Я не знал, на какой час назначена коронация, и решил поскорее отыскать Люка, пока его не закружило в водовороте событий. Может, он даже скажет, куда и зачем перенесли Корэл.

Поэтому я отыскал нишу в обычной каменной стене, сбросил заклятие-невидимку, вытащил карту Люка и послал сигнал. Я не хотел показывать, что уже проник в город, чтоб не объяснять, какой силой это совершено. В полном согласии с теорией, что никому не следует говорить все.

— Мерлин! — воскликнул он, разглядывая меня. — Секрет всплыл или что?

— Всплыл и пускает пузыри, — отвечал я. — Поздравляю с днем коронации!

— Эге! Да ты в университетских цветах!

— А что? Ты как-никак победил, разве нет?

— Слушай, радоваться особенно нечему. Кстати, я собирался с тобой связаться. Хотел посоветоваться, пока еще не все решено. Можешь перебросить меня к себе?

— Я не в Амбере, Люк.

— А где же?

— Ну... в прихожей, — сознался я. — На боковой улочке между твоим дворцом и чем-то вроде постоялого двора.

— Не пойдет, — сказал Люк. — Если я покажусь на улице, сразу сбежится народ. Иди к храму Единорога. Если там пусто и ты отыщешь тихий, темный уголок, где можно поговорить, свяжешься со мной и перебросишь туда. Если нет, что-нибудь придумаешь, ладно?

— Ладно.

— А как ты вообще сюда попал?

— В качестве передового разведчика наступающей армии, — сказал я. — Если власть сменится еще раз, это будет переворот, верно?

— Будешь так шутить, получишь от ворот переворот, — сказал он. — До связи.

Отбой.

Я пересек площадь по разметке, сделанной, видимо, для будущей процессии. Я думал, что в Доме Единорога у меня возникнут неприятности и придется воспользоваться заклинанием, чтобы войти, но никто не преградил мне путь.

Огромное здание было украшено к торжеству, убрано цветами и флагами. Внутри никого не оказалось, кроме закутанной в покрывало женщины, которая молилась перед алтарем. Я отошел влево — там вроде было темнее.

— Люк, — обратился я к его карте. — Все чисто. Я понятно выразился?

Я почувствовал его присутствие раньше, чем увидел образ.

— Отлично, — сказал он, — тащи меня отсюда.

Мы взялись за руки, и через мгновение Люк стоял рядом.

Он похлопал меня по плечу.

— Дай-ка на тебя взглянуть!.. Интересно, куда пропал мой университетский свитер?

— По-моему, ты отдал его Гейл.

— Что ж, не исключено...

— Я привез тебе подарок, — сказал я, отбрасывая плащ и берясь за завязки перевязи. — Вот. Я нашел меч твоего отца.

— Шутишь.

Люк взял меч двумя руками, посмотрел на ножны, внимательно повертел их в руках. Потом чуть-чуть вытащил сам меч — клинок снова зашипел, вдоль лезвия заплясали искры и потянулся дымок.

— И впрямь он! — воскликнул Люк. — Вервиндль, Меч Дня — брат Лезвия Ночи, Грейсвандира!

— Как это? Никогда не слышал, что они связаны.

— Мне придется сильно поднатужиться, чтобы вспомнить всю историю, но это так. Спасибо.

Люк повернулся и прошел несколько шагов, постукивая ножнами по ляжке.

— Меня обставили, — сказал он, останавливаясь. — Снова эта женщина. Просто зла не хватает. Не знаю, как и выкрутиться.

— Что? О ком ты?

— О матери. Опять она в своем репертуаре. Только я вообразил, что сам распоряжаюсь своей жизнью, — появляется она и путает мне все карты!

— Как?

— Нанимает Далта и его ребят захватить власть.

— М-да, примерно так мы себе и представляли. Кстати, что с Арканзом?

— Все отлично. Разумеется, он под арестом, но в хорошем месте и ни в чем не имеет отказа. Обижать его я не буду. Он всегда мне нравился.

— Что же тебя не устраивает? Ты выиграл и станешь королем.

— Черт побери! — пробормотал Люк, косясь на алтарь. — Думаю, меня обдурили, хотя не совсем в этом уверен. Понимаешь, меня никогда не тянуло царствовать. Далт сказал, мы возвращаем престол матери. Я пришел с ним, чтобы восстановить порядок, вернуть корону в семью, а потом приветствовать маму фанфарами и всякой прочей чепухой. Надеялся, что, получив трон, она от меня отстанет. Я умотаю в какое-нибудь более приятное место, а ей станет не до меня. Никто не говорил, что эту блатную работенку собираются подбросить мне!

Я покачал головой:

— Ничего не понимаю. Ты добыл корону для матери. Ну так отдай и делай, что собирался.

Люк горько усмехнулся:

— Арканз им люб, я — тоже. Мать они не выносят на дух.

Никто не хочет ее королевой. Хуже того, если она вернется, тут-то и впрямь случится перепереворот.

— Ну так уйди в сторону и уступи трон Арканзу.

Люк ударил кулаком в каменную стену.

— Не знаю, на кого она будет злиться больше: на меня или на себя, что заплатила Далту такие деньги. Но она скажет, что это — мой долг. И не знаю, может, и правда... Ты не находишь?

— Трудно сказать, Люк. Кто из вас справится лучше — ты или Арканз?

— Честно — не знаю. У него много опыта, но я здесь вырос, знаю что и как. Однако ясно: и он, и я — лучше, чем мама.

Я скрестил руки на груди и задумался.

— Не мне за тебя решать. А чего бы тебе самому хотелось?

Люк хохотнул:

— Сам знаешь, я по натуре торговец. Если бы я решил что-нибудь сделать для Кашфы, мне бы хотелось представлять ее промышленность за рубежом, а монарху это негоже. Хотя, возможно, это получилось бы у меня лучше всего.

— Задачка не из простых. Не беру на себя смелость тебе советовать.

— Если б я такое предвидел, пришиб бы Далта еще в Арденах.

— Думаешь, ты мог бы его одолеть?

— А то!

— Ладно, теперь это уже неважно.

Стоявшая перед нами женщина несколько раз оглянулась. Наверное, мы слишком громко говорили в святом месте.

— Плохо, что нет других желающих, — сказал я, понижая голос.

— Жителю Амбера все это должно представляться мышиной возней.

— Черт, это твой дом. Ты имеешь право принимать его всерьез. Я просто жалею, что тебя это так огорчает.

— М-да, большинство неприятностей начинается дома. Иногда меня подмывает уйти и не вернуться.

— А что будет, если ты так и поступишь?

— Либо мать с помощью Далтовых ребятишек вернет себе трон, а я знаю многих, кому это не понравится, — их всех придется казнить, либо она решит, что игра не стоит свеч, и осядет в Страже. Если она предпочтет уйти на покой, коалиция, поддержавшая в свое время Арканза, освободит его из тюрьмы, и все пойдет, как намечалось.

— И что, по-твоему, более вероятно?

— Она не успокоится, и будет гражданская война. Победит

мать или проиграет, усобица не даст нам вступить в Золотое Кольцо. Кстати о...

— Не знаю, — быстро вставил я. — Я не уполномочен говорить с тобой о договоре.

— Я так и предполагал, — отвечал Люк, — и спросить хотел о другом. Мне просто любопытно, сказал ли кто-нибудь в Амбере: «Все, конец», или «Может, чуть позже мы согласимся вернуться к этому разговору», или «Все по-старому, но про Эрегнор они могут забыть».

Он деланно улыбнулся, я отвечал тем же.

— Можешь забыть про Эрегнор.

— Так я и думал. А остальное?

— У меня создалось впечатление, что это «Подождем, поглядим, как будут развиваться события».

— Все, как я и предполагал. Замолви за меня словечко, даже если никто не будет просить, ладно? Кстати, ведь твой визит сюда неофициальный?

— Личный, — отвечал я, — с дипломатической точки зрения.

Женщина перед нами встала с колен. Люк вздохнул.

— Эх, попасть бы снова в ресторан к Алисе. Может, Болванщик заметил бы что-то такое, что мы упускаем... Эй! Откуда он взялся? Вылитый ты, только...

Люк смотрел поверх моего плеча. Я уже чувствовал беспокойство и даже не потрудился вызвать Логрус, потому что был готов ко всему.

Я с улыбкой обернулся.

— Готов умереть, брат? — спросил Джарт. Он то ли исхитрился отрастить глаз, то ли вставил искусственный, к тому же отпустил волосы, так что уха его я не видел. Мизинец тоже немного отрос.

— Нет, но готов убивать, — сказал я. — Рад, что ты подвернулся под руку.

Джарт с издевкой поклонился. Его окружал неясный ореол, и я чувствовал бурлящую в нем силу.

— Заглянул в Страж еще разок, чтобы долечиться? — спросил я.

— Не вижу такой необходимости. Теперь, когда я владею столь мощными силами, я могу справиться с чем угодно.

— Это Джарт? — спросил Люк.

— Да, это Джарт, — отвечал я.

Джарт быстро взглянул на Люка, задержав взгляд на мече.

— Что это у тебя за колдовской предмет? Дай-ка глянуть!

Он протянул руку. Меч в кулаке у Люка дернулся, но остался на месте.

— Нет уж, извини, — сказал Люк, и Джарт исчез. Через мгновение он возник снова, у Люка за спиной, и мертвой хваткой сдавил его горло. Люк правой взял Джарта за руки, нагнулся и перекинул моего брата через плечо.

Джарт упал навзничь. Люк не двинулся с места.

— Обнажи свой клинок, — сказал Джарт, — чтоб мне его увидеть. — Потом по-собачьи встряхнулся и вскочил на ноги. — Ну?

— Много чести будет, — отвечал Люк.

Джарт поднял над головой сжатые кулаки, свел их, а когда развел, то правая как-то извлекла из левой длинный клинок.

— Этот фокус надо показывать на базаре, — сказал Люк.

— Обнажи меч!

— Не хочется сражаться в храме. Может, выйдем?

— Умный какой, — отвечал Джарт. — А то я не знаю, что у тебя там войско. Нет уж, спасибо. Мне даже приятно будет залить кровью алтарь Единорога.

— Тебе надо непременно познакомиться с Далтом, — сказал Люк. — У него похожие заскоки. Может, тебе коня? Или петуха? Или белых мышей и алюминиевой фольги?

Джарт сделал выпад. Люк отступил на шаг и вытащил отцовский меч. Клинок зашипел, затрещал, окутался дымом. Люк легко парировал. Лицо Джарта внезапно исказилось страхом, он отпрянул назад, взмахнул руками, оступился и потерял равновесие. Люк ударил его ногой в живот. Джарт выпустил свой меч, и тот со звоном отлетел в сторону.

— Это Вервиндль! — выкрикнул Джарт. — Как меч Брэнда попал к тебе?

— Брэнд — мой отец, — отвечал Люк.

Джарт глянул с неожиданным уважением.

— Я не знал, — проговорил он и исчез.

Я ждал, протянув волшебные щупальца по всему храму. Но здесь были только мы с Люком да женщина, которая остановилась чуть поодаль и смотрела, словно хотела выйти, но опасалась приблизиться к нам.

И тут Люк упал. Джарт, только что ударивший его локтем в основание затылка, стоял сзади и тянулся к Люковой руке, собираясь вырвать меч.

— Он должен принадлежать мне! — вскричал Джарт.

Я метнул из кольца сгусток чистой энергии — думал, от Джарта останется мокрое место. Только мгновение я колебался, прежде чем выбросить смертельный разряд. Рано или поздно один из нас другого убьет, и пусть лучше повезет мне.

Однако повезло-таки ему. Омовение в кладезе закалило Джарта куда больше, чем я думал. Он завертелся волчком,

словно его отбросило грузовиком, и вмазался в стену, зашатался, сполз на пол. Изо рта у него хлынула кровь. Казалось, Джарту конец. Тут глаза его сфокусировались, руки взметнулись.

Сила, подобная той, что я только что метнул в Джарта, ударила меня. Я был поражен, как быстро он оправился и сумел отплатить тем же. Меньше удивило другое — что я устоял. Я шагнул вперед и предпринял попытку испепелить его чудесным заклинанием, которое присоветовало кольцо. Джарт уже вскочил и успел заслониться, хотя одежда его уже тлела. Я наступал, и он создал вокруг меня вакуум. Я вырвался и вдохнул снова. Тогда я испробовал подсказанное кольцом таранное заклинание, еще более мощное, чем первое.

Джарт исчез перед самым тараном, а в стене, у которой он стоял, образовалась трехфутовая трещина. Я разослал во все стороны чуткие щупальца-линии, отыскал противника в следующую же секунду: на карнизе под потолком. Он спрыгнул на меня в то мгновение, когда я поднял глаза.

Я взлетел и исхитрился поймать Джарта в середине падения, потом ударил левой, рассчитывая сломать ему шею и челюсть. К несчастью, заодно сломал и собственное левитирующее заклинание, так что мы оба рухнули на пол.

Женщина вскрикнула и устремилась к нам. Секунду мы оба лежали оглушенные. Потом Джарт перекатился на живот, выбросил вперед руку, прыгнул, упал, снова протянул ладонь.

Его пальцы сомкнулись на рукоятке Вервиндля. Видимо, он почувствовал мой взгляд, потому что поднял глаза и улыбнулся. Люк пробормотал ругательство и зашевелился. Я бросил в Джарта морозильным заклинанием, но он исчез перед самым холодным фронтом.

Женщина снова вскрикнула, и я, еще не обернувшись, по голосу узнал Корэл.

Джарт материализовался сзади от нее, приставил к горлу светлое, дымящееся лезвие.

— Ни... с места, — прохрипел он, — а не то... я... вырежу ей... еще улыбку.

Я искал быстрое заклинание, которое прикончило бы его, не повредив ей.

— И не думай, Мерль, — выговорил Джарт. — Я почувствую... заранее. Просто дайте мне... еще полминуты... и вы проживете... чуть дольше. Не знаю, где ты раздобыл новые фокусы... но они тебя не спасут...

Он тяжело дышал и обливался потом. Изо рта у него попрежнему бежала кровь.

— Отпусти мою жену, — сказал Люк, вставая. — Или во всей Тени не останется места, где тебе спрятаться.

— Я не хочу быть твоим врагом, о сын Брэнда, — сказал Джарт.

— Тогда делай, что тебе говорят, приятель, — отвечал Люк. — А то я и не с такими справлялся.

И тут Джарт вскрикнул, словно его внутренности охватил огонь. Он опустил меч, отступил от Корэл и затрясся, будто марионетка, которую связали по рукам и ногам, но продолжают дергать. Корэл повернулась лицом к нему, ко мне и Люку — спиной. Правую ладонь она поднесла к глазам. Через какое-то время Джарт упал на пол и скорчился в позе эмбриона. На нем плясало алое пламя. Он мерно вздрагивал и стучал зубами.

Вскоре он исчез, волоча радужный след, отплевываясь слюной и кровью, унося с собой Вервиндль. Я послал вдогонку прощальный разряд энергии, хотя и знал, что не попаду. На дальнем конце спектра ощущалось присутствие Джулии, и я, несмотря ни на что, порадовался: значит, ее не убил. Но Джарт — Джарт теперь очень опасен. Впервые он вышел из схватки со мной без всякого ущерба и даже вынес из нее кое-что. Кое-что смертоносное. Он учится, а это ничего хорошего не сулит.

Корэл опустила глаза, но я успел поймать алый отблеск и понял, что сталось с Камнем, хотя и не понял зачем.

— Жену? — переспросил я.

— Ну, в каком-то смысле... да, — отвечала Корэл.

— Кстати, — сказал Люк. — Вы знакомы?

Глава 1

Видел одну коронацию — считай, что видел их все. Звучит цинично, да так оно и есть, особенно когда главное действующее лицо — твой лучший друг, а его королева — твоя же мимолетная любовница. Все как обычно: процессия под бесконечный заунывный аккомпанемент, а еще неудобные цветастые одеяния, фимиам, речи, молитвы, звон колоколов... Утомительно, душно и требует от вас лицемерного участия, как на свадьбах, актовых днях или тайных посвящениях.

Итак, Люк и Корэл стали повелителями Кашфы, причем в той самой церкви, где всего несколькими часами ранее мы почти до смерти — к сожалению, только почти — сражались с моим безумным братом Джартом. Как единственному представителю Амбера, пусть формально и не имеющему официального статуса, мне было пожаловано наилучшее место, и взоры присутствующих частенько скользили по моей особе. А посему приходилось постоянно быть начеку и гримасничать приличествующим ситуации образом. Хотя Рэндом и не присвоил официального статуса моему присутствию на церемонии, я прекрасно понимал, что он будет возмущен, если услышит, будто мое поведение в чем-либо противоречило букве протокола.

Таким образом, для меня все закончилось израненными ступнями, онемевшей шеей, а также насквозь промокшими пестрыми одеяниями. Таков шоу-бизнес. Впрочем, никакого выбора у меня и не было. Мы с Люком пуд соли съели вместе; стоя здесь, изнемогая и гадая, что будет с ним теперь, когда он коронован, чем я мог ему помочь — разве что вспоминать самые распроклятые времена и необычайные приключения: от острия меча до поиска следа, от картинных галерей и до блуждания по Теням... Подобный казус превратил моего дядю Рэндома из беспечного музыканта, свободного и развратного, в мудрого и респектабельного правителя, хотя что до первоначальных качеств, то здесь я могу опираться лишь

на воспоминания родственников. Я тешил себя надеждой, что добродушного Люка все это не слишком уж изменит. Опять-таки Люк совершенно другой, нежели Рэндом, не говоря уж о том, что он гораздо моложе. Хотя невообразимо, что могут сотворить годы — или это в порядке вещей? После недавних событий я и сам ощущал себя совершенно другим, нежели не в столь давние времена. Если на то пошло, то я сильно изменился и со вчерашнего дня.

Во время заключительного песнопения Корэл ухитрилась передать мне записку, где назначила встречу, сообщив время, место и даже начертив небольшой план. Мы встретились вечером в задних покоях дворца. Тут я узнал, что, оказывается, ее и Люка поженили заочно еще детьми; такова была часть дипломатических договоренностей между Джасрой и Бегмой. Из дальнейших дипломатических ухищрений ничего не вышло. Властители вроде и забыли о свадьбе, пока новые события не послужили напоминанием. Друг друга они не видели годы. Однако была запись, и она гласила, что принц женат. И коли аннулировать запись нельзя, Корэл должны короновать вместе с Люком. Если в этом была хоть какая-то польза для Кашфы.

А она была — Эрегнор. Бегманская королева на троне Кашфы поможет смягчить напряженную обстановку, сопровождающую захват чужой территории. Наконец, таково было мнение Джасры, как сообщила мне Корэл. И Люк поддался всему этому, тем более при отсутствии гарантий со стороны Амбера и ныне более не существующего Договора Золотого Кольца.

Я обнял Корэл. Ей было нехорошо, несмотря на казавшееся поразительным восстановление после операции. Она носила черную повязку на правом глазу и вся дрожала, стоило моей руке случайно оказаться рядом — или даже когда я смотрел на нее слишком долго. Я не мог и предположить, что побудило Дворкина заменить поврежденный глаз Судным Камнем. Разве что он как-то учел ее устойчивость против сил Пути и Логруса в их попытках вернуть талисман. Впрочем, в подобных делах я был совершенно некомпетентен. Встретив наконец миниатюрного мага, я начал убеждаться в его здравомыслии, хотя это чувство было бесполезно для постижения загадочных свойств, что несли в себе древние мудрецы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я Корэл.

— Очень странно, — ответила она. — Не больно — совершенно не больно. Скорее ощущение контакта, как через карту. Только Камень со мной постоянно, и я никуда не собираюсь и ни с кем не говорю. Я будто стою в неких воротах. Силы движутся вокруг меня, сквозь меня...

На мгновение я оказался в центре некоего серого кольца с колесом со множеством спиц красноватого металла. Отсюда, изнутри, оно походило на огромную паутину. Мое внимание привлекла яркая, пульсирующая жила. Да, это была линия, связывающая с чудовищной могущественной силой в отдаленной Тени, той силой, что можно было использовать для прощупывания. Со всей осторожностью я простер ее в направлении Судного Камня в глазнице Корэл.

Немедленного сопротивления не последовало. Протянув силовую линию, я ничего, в общем, не почувствовал. Тем не менее передо мной предстал образ огненной завесы. Продравшись сквозь пламенеющее покрывало, я ощутил, как затрудняется продвижение моего запроса — медленнее, медленнее, стоп. И здесь я парил на краю пустоты. Насколько я понимал, это не было похоже на метод настройки, однако я не хотел призывать Путь, пока использовал другие силы. Я пробился вперед и ощутил ужасающий холод, гасящий вызванную мною энергию.

Все же энергия выкачивалась не из меня лично, а только из одной из подчиненных мне сил. Я простер ее дальше и узрел слабое сияние, будто некую отдаленную туманность на темном, винно-красном фоне. Еще ближе, и смутно знакомое пятно приобрело очертания — неоднородность, трехмерность; судя по описанию моего отца, ему следовало располагаться именно тем мостом, что вел к гармонии с Камнем. Да, все в порядке, я внутри Камня. Проходить ли мне посвящение?

— Дальше нельзя, — разнесся незнакомый голос, хотя я и сознавал его принадлежность Корэл. Похоже, она впадала в транс. — Тебе запрещено высшее посвящение.

Я потянул на себя щуп, не желая испортить тот Путь, который проложил. Логрусское зрение, сопутствующее мне постоянно после недавних событий в Амбере, донесло образ Корэл, окутанной и пронизанной высшей версией Пути.

— Почему? — осведомился я.

Мне не дано было ответа.

Корэл слегка вздрогнула, встряхнулась и уставилась на меня.

— Что случилось? — спросила она.

— Ты задремала. Ничего удивительного. Такое серьезное вмешательство Дворкина, да еще дневные потрясения.

Корэл зевнула и рухнула на кровать.

— Да, — вздохнула она и заснула по-настоящему.

Я стащил с себя сапоги и сбросил отяжелевшие одежды. Потом растянулся рядом с ней и накрыл нас одеялом. Я тоже устал и просто хотел обнять кого-то.

Не знаю, как долго я спал. Меня мучили темные, головокружительные видения. Лики — людей, животных, демонов — проносились передо мной, и ни у одного не было нормального, жизнерадостного выражения. Дремучие леса валило на землю и охватывало пламенем, земля тряслась и раскалывалась, морские воды вздымались гигантскими волнами и набрасывались на сушу, луна истекала кровью и исходила великими рыданиями.

Кто-то выкликал мое имя.

Ужасающий ветер с грохотом сотрясал ставни, пока наконец, хлопая и стуча, те не вломились вовнутрь. Затем в моем видении возникла некая тварь: припав к изножью кровати, та тихо звала меня, снова и снова. Комната ходила ходуном, а сознание мое вернулось в Калифорнию. Казалось, происходит землетрясение. Ветер крепчал — от визга к реву, и я слышал грохот снаружи, будто валились деревья и падали башни.

— Мерлин, принц Хаоса, восстань! — взывала тварь. Затем она скрежетала клыками и начинала опять.

При четвертой или пятой попытке она пихнула меня так, что это уже не казалось сном. Откуда-то снаружи донесся пронзительный вой, равномерно вспыхивающие молнии перемежались почти мелодичными раскатами грома.

Еще не шевельнувшись, не открыв глаза, я ощутил действительность. Звуки были реальны, так же как и сломанный ставень. И как существо в ногах кровати.

— Мерлин, Мерлин! Восстань, принц дома Савалла! — обращалось оно ко мне. Длиннорылое, остроухое, клыкастое и когтистое, с зеленой, отливающей серебром рожей, огромными и блестящими глазами и влажными перепончатыми крыльями, сложенными вдоль тощих боков. Что до выражения рыла, я не был уверен, скривила его улыбка или гримаса боли. — Пробудись, повелитель Хаоса!

— Грилл, — произнес я имя старого семейного слуги из Владений.

— Воистину, повелитель, — последовал ответ. — Тот самый, что учил тебя игре с пляшущими костями.

— Будь я проклят!

— Делу время — потехе час, повелитель. Ведомый черной нитью, я проделал долгий и мерзкий путь, дабы воззвать к тебе.

— Так далеко нити не простираются, — усомнился я, — без колоссального толчка. А может, и с ним. Или теперь уже простираются?

— Теперь это проще.

— Как так?

— Его Величество Свейвил, король Хаоса, почил ночью с

праотцами Тьмы. Я был послан, дабы доставить тебя на церемонию.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Что ж, хорошо. Разумеется. Дай только собраться. Как же все это случилось?

— Я не посвящен в детали. Разумеется, ни для кого не секрет, что со здоровьем у него было неважно.

— Я хочу оставить записку.

Грилл кивнул:

— Короткую, надеюсь?

— Да.

Взяв клочок пергамента с письменного стола, я поспешно нацарапал: «Корэл, вызван по семейным делам. Дам о себе знать» — и положил листок возле ее руки.

— Все в порядке, — сказал я. — И как же мы поступим?

— Я перенесу тебя на спине, принц Мерлин, как делал давным-давно.

Я кивнул, поток воспоминаний детства захлестнул меня. Грилл, как и большинство демонов, был невероятно силен. В моей памяти воскресли наши игры у кромки Преисподней и по всей Тьме: в склепах, пещерах, на задымленных полях сражений, в разрушенных храмах, в покоях мертвых чародеев, в тайных вертепах... Мне всегда казалось, что играть с демонами куда веселее, чем с родственниками и свойственниками моей матери. Даже свое основное обличье для Хаоса я создал по одному из демонических типов.

Впитав в себя кресло, что стояло в углу комнаты, Грилл увеличил свою массу и изменил очертания, дабы вместить меня, взрослого. Когда я, крепко цепляясь, взбирался на его вытянувшийся торс, он воскликнул:

— Ах, Мерлин! Что за магия при тебе в эти дни?

— Я контролирую ее, но не до конца понимаю сущность, — ответил я. — Это совсем недавнее приобретение. Что ты ощущаешь?

— Жар, холод, странную музыку, — был его ответ. — Со всех сторон... Ты изменился.

— Все меняются, — сказал я, в то время как Грилл двигался к окну. — Такова жизнь.

Темная нить лежала на широком подоконнике. Демон вцепился в нее и вознесся в воздух. Ужасающей силы ветер встретил нас, когда мы рухнули вниз, затем выровнялись. Мелькнули, качаясь, башни дворца. На небосводе сияли звезды, уже взошел месяц, расцветив утробы низко лежащих облаков. Мы стремительно набирали высоту, замок и город в мгновение

ока стали едва-едва видны. Звезды плясали, обращаясь в мелькающие световые штрихи. А нас окружала расширяющаяся полоса струящегося непроглядного мрака. Черная Дорога, внезапно подумал я, некий временный небесный вариант Черной Дороги.

Я оглянулся. Позади ничего не оставалось. Будто дорога прямо за нами скатывалась в моток. Или обвивалась вокруг нас?

Внизу проносился, как в ускоренном кино, сельский пейзаж. Мелькали лес, холм, вершина горы. Впереди огромной тесьмой расстилался наш черный путь, пятна света и тьмы скользили мимо, подобно теням облаков в солнечный день.

Затем темп возрос — судорожно, стаккато. Неожиданно я заметил, что более нет никакого ветра. Высоко над головою внезапно возникла луна, а под нами извивалась горная гряда. Полная тишина создавала иллюзию сновидения, и луна вдруг упала ниже. Луч света расколол мир справа от меня, стали гаснуть звезды. В теле Грилла не ощущалось никакого напряжения, пока мы мчались по этому черному пути; и луна исчезла, и вдоль линии облаков разгорался маслянистый свет, приобретавший, пока я смотрел на него, розоватый оттенок.

— Мощь Хаоса растет, — заметил я.

— Энергия беспорядка, — ответил мой спутник.

— Это говорит о большем, чем ты мне рассказывал.

— Я лишь слуга, — отозвался Грилл, — и не вхож в совет высших.

Мир вокруг продолжал светлеть, а впереди, насколько было видно, струилась черная лента. Мы парили высоко над горами. Облака по бокам рассеивались, и моментально рождались новые. Мы явно вступили в Царство Теней.

Через какое-то время горы сгладились, и теперь мимо нас проносились холмистые равнины. Вдруг в центре небосвода воссияло солнце. Мы по-прежнему шли над Черной Дорогой. Грилл едва касался ее кончиками пальцев. Временами его крылья тяжело взмахивали передо мной, а так лишь слегка, почти незаметно трепетали, невидимые, словно у колибри.

Далеко слева от меня солнце наливалось вишнево-красным. Внизу стелилась розоватая пустыня...

Затем снова сгустилась тьма, и звезды понеслись в карусели, будто гигантское колесо.

Потом мы опустились и летели, почти касаясь верхушек деревьев...

И наконец, ворвались в густую атмосферу, царившую над шумной центральной улицей города; огни фонарей, фары автомобилей, неоновые витрины. Теплый, душный, пыльный,

дымный запах окутал нас. Несколько прохожих глазели вверх, будто заметив наш перелет.

Как раз когда мы промчались через реку и неслись над крышами предместий, вся перспектива вокруг взволновалась, и теперь мы оставляли за собой первобытный пейзаж: нагромождение скал, лавы движущихся масс и содрогающейся земли; два действующих вулкана — один рядом, другой в отдалении — извергали дым в сине-зеленое небо.

— Это, как я понимаю, короткий путь? — осведомился я.

— Кратчайший, — последовал ответ.

Мы вступили в долгую ночь. В какой-то момент показалось, будто наша дорога пролегает под толщей вод: вокруг сияющие твари морские, парящие и мечущиеся, вблизи и на расстоянии. Но черный путь, сухой и несминаемый, хранил нас.

— Это столь же великий разрыв, как смерть Оберона, — высказался Грилл. — Его следствия струятся по всему Царству Теней.

— Но смерть Оберона совпала с воссозданием Пути, — сказал я. — Дело скорее в этом, чем в смерти властителя одного из пределов.

— Верно, — ответил Грилл, — но сейчас равновесие сил нарушено. Это умножит воздействия, и будет еще тяжелей.

Мы погрузились в просвет в толщах темного камня. Позади беспорядочно мелькали полоски света. Позже — не знаю, вскоре ли — нас вознесло в багряное небо, причем, насколько я могу судить, не поднимая с темного дна морского. Далеко-далеко мерцала единственная звезда. Мы неслись по направлению к ней.

— Почему? — спросил я.

— Потому что Путь становится сильнее Логруса, — сказал Грилл.

— Как же это произошло?

— Принц Корвин начертал второй Путь во время раздоров между Владениями и Амбером.

— Да, он говорил мне об этом. Я даже сам видел этот Путь. Отец боялся, что Оберон не сумеет восстановить оригинал.

— Но он сделал это, и, таким образом, их теперь два.

— Неужели?

— Путь твоего отца — также порождение порядка. Вековечный баланс сил склонен в сторону Амбера.

— Как же ты оказался осведомлен в этом, когда никто там, в Амбере, ничего, похоже, не знает или не считает возможным рассказать мне?

— Твой брат, принц Мэндор, и принцесса Фиона подозревали это и искали доказательства. Свои выводы они предста-

вили твоему дяде, лорду Сухаю. Тот совершил несколько обходов Царства Теней и стал убеждаться, что дело обстоит именно так. Он обобщил свои выводы, дабы представить их королю, когда Свейвил уже пребывал на пороге смерти. Мне известно все это, ибо именно Сухай послал меня за тобой и возложил на меня обязанность рассказать тебе обо всем.

— А я был почти уверен, что тебя послала моя мать.

— Сухай не сомневался, что она так и сделает, именно поэтому он захотел перехватить тебя раньше. Все, что я рассказал о Пути твоего отца, пока еще не общеизвестно.

— И что же я должен делать?

— Лорд Сухай не обременил меня такой информацией.

Звезда разгоралась. Небеса наполнились оранжевыми и розовыми сполохами. Вскоре линии зеленого света соединили их, и вокруг нас закружил сияющий водоворот.

Мы все мчались, и эти блики постепенно заполонили все небо, будто над нами раскрылся некий медленно вращающийся психоделический зонтик. Окружающее пространство слилось в одно сплошное пятно. Я чувствовал себя так, будто заснул какой-то частью разума, хотя уверен, что сознания не терял. Время, похоже, играло нешуточные игры с моим обменом веществ. Невероятный голод овладел мною, глаза болели.

Звезда становилась все ярче. Крылья Грилла излучали призматическое мерцание. Казалось, мы движемся гигантскими шагами. Наша путеводная нить выгибалась, края постепенно поднимались. Все выше и выше, наконец стало казаться, будто мы скользим в желобе.

А потом края сомкнулись над нами — мы мчались в ружейном дуле, нацеленном в голубовато-белую звезду.

— Есть ли еще что-то, что ты должен поведать мне?

— Нет, насколько мне известно.

Я потер свое левое запястье, чувствуя, что чему-то там надлежит пульсировать. Ах да, Фракир!.. Кстати, где Фракир? Я вспомнил, что оставил ее в апартаментах Брэнда. Зачем я сделал это? Я... Сознание мое туманилось, воспоминания походили на сон.

Впервые с того происшествия я напряг свою память. Сделай я это раньше, скорей бы узнал, что это значит. То было призрачное влияние чар. Под действием заклинания я вернулся в покои Брэнда. У меня не было возможности узнать, заготовлено ли заклинание специально для меня или я ткнулся туда случайно. Я понимал, что это могло оказаться чем-то более общим, возможно, даже неожиданным побочным эффектом каких-то растревоженных процессов. Однако в последнем я сомневался.

Собственно говоря, в этом деле я сомневался во всем. Слишком уж все было правильно для безадресной ловушки, подстроенной Брэндом. Этому надлежало сбить с толку опытного чародея, то есть меня. Пожалуй, только нынешняя удаленность от того места, где все это случилось, помогла освежить мою память. Как только я осознал свои поступки с момента начала действия Сил, я наконец увидел, что продвигаюсь с тех пор словно в каком-то тумане. И чем глубже я погружался в себя, тем яснее ощущал, что заклятие было скроено, дабы окутать именно меня. Не поняв его сути, я не вправе считать себя свободным, даже зная о его существовании.

Чем бы оно ни было, оно заставило меня отказаться от Фракир. Отказаться, дважды не задумавшись; а еще оно заставляло чувствовать себя... ну... странно. Я не мог точно сказать, как способна воздействовать эта Сила, постоянно ли она влияет на мои мысли и чувства, — обычный удел попавшего под заклятие. И я не понимал, неужели покойный Брэнд мог учесть такую непредсказуемую случайность: что мои комнаты окажутся рядом с его покоями — годы спустя после его смерти! А потом еще меня подтолкнут войти туда в обстановке невероятного противостояния между Логрусом и Путем в верхнем зале Янтарного замка!..

Нет, похоже, за этим должен стоять кто-то еще. Джарт? Джулия? Кажется слишком вероятным, чтобы они могли скрытно действовать в самом сердце Амбера. Кто еще? И могло это как-то воздействовать на происшествие в Зеркальном зале?

Я терпел неудачу за неудачей. Вернись я сейчас туда, то смог бы силой собственных чар отыскать виновника. Но я не там, и с любым расследованием на том краю существования придется подождать.

Теперь свет впереди сиял еще ярче, переливаясь от небесно-голубого к зловеще-багровому.

— Грилл, — окликнул я своего спутника, — ты обнаружил чары, довлеющие надо мной?

— Истинно, мой повелитель.

— Почему же ты никак не упомянул о них?

— Я полагал, что они из числа твоих собственных... для защиты, к примеру.

— Способен ли ты рассеять эти чары? Здесь, во внутреннем пространстве, я нахожусь в невыгодном положении.

— Слишком уж они переплетены с твоей личностью. Не представляю, с чего начать.

— Можешь поведать мне что-нибудь о них?

— Только то, что они есть, мой повелитель. Пожалуй, кажутся несколько плотнее вокруг головы.

— Способны они окрасить определенным образом мои мысли?

— О да, бледно-голубым.

— Я имел в виду не твою манеру восприятия, а всего лишь способность этих сил воздействовать на мое мышление.

Его крылья вспыхнули голубым, затем красным. Наш тунель вдруг раскрылся, и небо вспыхнуло безумными красками Хаоса. А путеводная звезда стала небольшим фонарем, пылавшим так ярко силою волшебства; фонарь светил с высокой башни мрачного серого замка, стоящего на вершине горы без подножия и склонов. Каменный остров парил над оцепеневшим лесом. Деревья пылали матовыми огнями — оранжевыми, багряными, зелеными.

— Полагаю, что клубок чар можно распутать, — заметил Грилл, — но боюсь, эта работа не по зубам бедному демону.

Я хмыкнул. Полюбовался несколько мгновений мельтешащим пейзажем. Затем произнес:

— Что касается демонов...

— Да?

— Расскажи мне о тех, кои известны как ти'ига.

— Они обитают далеко за пределами Края, — отозвался Грилл, — и, быть может, ближе всех существ к первозданному Хаосу. Я не верю даже, что их тела действительно состоят из плоти и крови или хотя бы материальны. Они имеют мало общего с прочими демонами и более чем кто-либо желают остаться в одиночестве.

— Не знаешь ли кого-то из них... э-э... лично?

— Я сталкивался с некоторыми... время от времени, — последовал ответ.

Мы поднялись выше. Замок поступил так же. Позади него поток метеоритов проложил себе пылающий путь, яркий и бесшумный.

— Ти'ига способны вселиться в человеческое тело, подчинив его своему контролю, — сказал я.

— Это меня не удивляет.

— Я знаю одного демона, который несколько раз проделывал такой фокус. Но тут возникает необычная проблема. Он получил контроль над человеком, находящимся при смерти. Но, похоже, смерть человека запирает ти'ига в захваченном теле. И теперь демон не в силах его покинуть. Как ты думаешь, можно ли ему как-то освободиться?

Грилл хмыкнул:

— Спрыгнуть со скалы, я полагаю. Или броситься на меч.

— Но если ти'ига теперь так тесно связан со своим призраком, что это не освободит его?

Он снова хмыкнул:

— Явное нарушение правил игры в похищение тел.

— Я в долгу перед одним таким демоном, — признался я, — и хочу помочь ей... ему.

Грилл помолчал какое-то время, затем откликнулся:

— Более умудренная опытом ти'ига, наверное, может как-то разобраться во всем этом. И тебе известно, где их искать.

— Да.

— Прости, я мало что знаю еще. Ти'ига — древнее племя.

И вот мы устремились прямо к башне. Наш путь под непрестанно меняющимся калейдоскопом съежился до узкой борозды.

Я опустил глаза. Панорама внизу бешено крутилась. Откуда-то нарастал шум, будто сама земля раскалывалась на медленно трущиеся друг о друга части — достаточно обычное явление в этих краях. Ветры трепали мою одежду. Слева от меня небо расцветила нить мандариновых облаков. Уже различались мельчайшие выступы замковых стен.

Взгляд мой уловил фигуру в освещенном окне. Все ближе, ближе, через окно — и мы внутри.

Большая, сгорбленная, серо-алая демоническая сущность, рогатая и наполовину покрытая чешуей, обнажив страшные клыки, уставилась на меня эллиптическими зрачками желтых глаз.

— Дядя! — крикнул я, спешившись. — Приветствую!

Грилл выпрямился и встряхнулся, когда Сухай шагнул вперед и заключил меня в объятия — с чрезвычайной, впрочем, осторожностью.

— Мерлин, — наконец вымолвил он. — Добро пожаловать домой. Я рад тебе, хотя скорблю о причине. Грилл сообщил?..

— О кончине Его Величества? Да, мне очень жаль.

Дядюшка выпустил меня из своих объятий и отступил на шаг.

— Не то чтобы это было неожиданным, — промолвил он. — Как раз наоборот. Воистину, ждали давно. И все же... Слишком неподходящее время для такого события.

— Действительно, — отозвался я, массируя несколько онемевшую левую лопатку и ощупывая боковой карман в поисках гребня. — Он хворал так долго, что я как-то с этим свыкся. Он как будто почти примирился со своей немощью.

Сухай кивнул. А затем спросил:

— Собираешься перевоплощаться?

— День был тяжелый, я бы поберег свои силы, если только нет каких-то требований протокола.

— Пока и вовсе никаких. Ты ел?

— Не то чтобы недавно.

— Тогда пойдем, — сказал он, — поищем тебе какую-нибудь снедь.

Сухай повернулся и прошел сквозь заднюю стену. Я последовал за ним. В комнате не было дверей, и он должен был знать все здешние места напряжения Тени; в этом отношении Владения Хаоса являли собой полную противоположность Амберу. Если пройти сквозь Тень в Амбере — дело ужасно трудное, то во Владениях Тени будто истертые занавески — часто можно просто смотреть сквозь них в другую реальность даже без особого напряжения. А иногда оказывается, что нечто из другой реальности разглядывает вас. Проходя сквозь Тень, следует соблюдать предельную осторожность, дабы не оказаться между небом и землей, или под водой, или на пути разбушевавшегося потока. В этом смысле Владения никак нельзя назвать туристической жемчужиной.

К счастью, вещество Тени весьма податливо в этом пределе реальности и поддается управлению мастера, который способен просто сшить края, дабы проложить Путь. Мастера Теней — настоящие кудесники столь могущественного в этих краях искусства; их способность исходит от Логруса, хотя они и не нуждаются в посвящении. Они — избранные из избранных, пусть даже все посвященные автоматически становятся членами Гильдии Мастеров Тени. Они будто водопроводчики или электрики Владений, а их искусство варьируется в той же степени, как и у их аналогов на Теневой Земле — сочетание одаренности и опыта. Хотя я и член Гильдии, но предпочту следовать за тем, кто знает пути, нежели прокладывать их самому. Полагаю, я смог бы еще немало добавить к этому. Возможно, когда-нибудь так и поступлю.

Когда мы подошли вплотную к стене, ее, разумеется, там не было. Была некая туманность — сгущающаяся, а потом постепенно рассеивающаяся; мы прошли сквозь пространства и стали спускаться по зеленой лестнице. Правда, это не была собственно лестница. Скорее ряд ничем не связанных между собою зеленых дисков, нисходящих спиралью в присущем нормальной лестнице порядке, спиралью, парящей в ночном воздухе. Диски огибали фасад замка и заканчивались перед глухой стеной.

Прежде чем достичь этой стены, мы в какой-то момент были ослеплены ярким дневным светом, потом на нас обрушилась пелена голубого снега, и вдруг мы оказались в некоем подобии собора, только без алтаря и со скелетами, заполнившими скамьи. Когда же мы в конце концов добрались до стены и прошли сквозь нее, то попали в огромную кухню. Сухай подвел меня к кладовой и предложил распоряжаться здесь самому. Я обнаружил холодное мясо и хлеб и, соорудив себе сандвич, принялся за еду, запивая хлеб тепловатым пивом. Мой спутник лишь притронулся к хлебу и кувшину с тем же пойлом. Под потолком, хрипло каркнув, мелькнула птица и исчезла, не успев перелететь комнату.

— Где слуги? — осведомился я.

— Грядет красное небо, уже почти полный оборот, а пока никого нет, — отозвался он. — Итак, у тебя есть возможность поспать и сосредоточиться перед дальнейшим... Может быть.

— Что значит «может быть»?

— Как один из трех, ты под черным надзором. Именно по этой причине я и вызвал тебя сюда, в одно из моих уединенных владений.

Дядя повернулся и прошел сквозь стену. Я последовал за ним, все еще держа в руке кувшин, и мы уселись близ неподвижного зеленого пруда, у скалы под янтарным небом. Его замок вмещал в себя уголки со всего Хаоса и Царства Теней, связанные воедино безумно скроенным узором путей внутри путей.

— С тех пор как ты носишь спикард, ты увеличил средства своей безопасности, — заметил Сухай.

Он протянул руку и коснулся колеса со множеством спиц на моем кольце. Касание легкой дрожью отдалось в пальце, кисти, во всей руке.

— Дядя, когда ты был моим учителем, то частенько говорил загадками, — начал я. — Теперь мое образование закончилось, и позволь мне сказать, что я ни черта не понимаю, о чем ты толкуешь.

Он фыркнул и хлебнул из кувшина.

— Отраженное разумом, все всегда становилось ясным.

— Отраженное... — повторил я и посмотрел в зеркало пруда.

На глубине, промеж черных полос, плавали образы: Свейвил, покоящийся на погребальном ложе, желтые и черные мантии окутывали его усохшую фигуру; моя мать, мой отец, демонические формы, все усопшие и увядшие, Джарт, я сам, Джасра и Джулия, Рэндом и Фиона, Мэндор и Дворкин, Билл Рот и еще множество незнакомых мне лиц...

Я покачал головой:

— Отражение ясности не вносит.

— Ты слишком торопишься, — молвил дядя.

И я вновь погрузился в хаос лиц и фигур.

Вот возник Джарт и остался надолго. Как всегда, одет он был с изумительным вкусом и выглядел сравнительно неповрежденным. Когда он наконец расплылся, то уступил место одному из тех полузнакомых лиц, что встречались мне раньше. Какой-то вельможа из Владений. Я напряг свою память... Ну конечно! Не сразу, но я узнал его — Тмер из Дома Джезби, старший сын покойного принца Роловианса, а ныне и сам лорд пределов Джезби: окладистая борода, тяжелое чело; из тех, кто неладно скроен, да крепко сшит и при этом не лишен привлекательности, по слухам, храбрец и, возможно, даже чувствительный малый.

Затем возник принц Таббл из пределов Чаникута, попеременно то в человеческом, то в демоническом обличье. Спокойный, тяжеловесный, изысканный, проживший века и очень проницательный; с лица, обрамленного аккуратной бородой, глядели широко раскрытые, невинные, тусклые глаза. Принц знал толк во многих играх.

Я ждал, и Таббл последовал за Джартом, за Тмером в небытие извивающихся полос. Я подождал еще, но больше ничего не появилось.

— Конец отражений, — в конце концов объявил я. — И я по-прежнему не понимаю, что все это значит.

— Что ты видел?

— Моего брата Джарта и Тмера, принца Джезби. А еще Таббла Чаникутского, среди прочих прелестей.

— Именно, — заключил дядя. — Именно то, что нужно.

— И что же?

— Подобно тебе, оба они — и Тмер, и Таббл — под черным надзором. Я полагаю, что Тмер в Джезби, а вот Джарт скрывается где-то, но не в Далгарри.

— Джарт вернулся?

Сухай кивнул.

— Он мог бы быть в материнской крепости Ганту, — размышлял я. — А еще у Саваллов есть второе имение — пределы Анча, у самого Края.

Дядюшка пожал плечами:

— Я не знаю.

— Но для чего черный надзор — на каждом из нас?

— Ты ушел в Тень, в отличный университет, а потом обитал в Амбере, который я полагаю высшей школой. Следовательно, постарайся сам пораскинуть мозгами. Нет сомнения, что разум, столь тщательно отточенный...

— Я сознаю: черный надзор означает, что мы встретились с какого-то рода опасностью...

— Разумеется.

— ... но природа ее ускользает от меня. Если только...

— Да.

— Это связано со смертью Свейвила. А посему должно подразумевать некие политические расчеты. Но меня здесь не было. Я не знаю, что тут у вас сейчас происходит.

Сухай показал мне истертые, но все еще опасные клыки.

— Поразмысли о преемственности, — сказал он.

— Ладно. Допустим, пределы Савалла поддерживают одного возможного наследника, Чаникут — другого, Джезби — третьего. Допустим, мы в этом деле друг у друга поперек горла. Допустим, я вернулся как раз в разгар кровавых разборок. Итак, кто бы ни отдавал сейчас приказы, он объявил нас под надзором, дабы оградить от неприятностей. Ценю.

— Тепло, — кивнул дядя, — но все зашло гораздо дальше.

Я покачал головой:

— Сдаюсь.

Откуда-то донесся завывающий вопль.

— Подумай об этом, — отозвался мой дядя, — пока я приветствую гостя.

Он поднялся и, ступив в пруд, сразу исчез. Я допил пиво.

Глава 2

Через мгновение скала слева от меня замерцала и зазвенела, будто колокол. Сам того не сознавая, я сосредоточил внимание на своем кольце, которое Сухай назвал спикардом. И тотчас сообразил, что могу использовать его для защиты. Удивительно, каким родным казалось мне кольцо, насколько я к нему приспособился за столь короткое время.

Я стоял, протянув руку к камню, когда Сухай вышел из мерцающей поверхности; за ним — некто повыше и потемнее. Еще момент, и фигура последовала за дядей, обретая реальность и перевоплощаясь: осьминогоподобная обезьяна принимала форму моего брата Мэндора, очеловечиваясь, облачаясь в черное, как тогда, когда я видел его в последний раз, только одежды были новые и слегка иного покроя, а белые волосы менее взъерошены.

Мэндор быстро ощупал глазами окружающее пространство и одарил меня улыбкой.

— Вижу, что все в порядке, — заявил он.

Я фыркнул, кивая на его перевязанную руку, и отозвался:

— Как и следовало ожидать. Что произошло в Амбере с тех пор, как я покинул его?

— Никаких новых бедствий. Я оставался там лишь столь-

ко, чтобы увидеть, могу ли чем-нибудь помочь. Пришлось провести небольшую магическую чистку местности, а также собрать доски, дабы заколотить норы. Затем я попросил у Рэндома разрешения удалиться, он удовлетворил мою просьбу, и я поспешил домой.

— Бедствие? В Амбере? — спросил Сухай.

Я кивнул:

— В залах Янтарного дворца произошло сражение между Единорогом и Змеем, следствием чего явились значительные разрушения.

— Что могло заставить Змея проникнуть так далеко в Царство Порядка?

— Дело в том, что Амбер заинтересовался так называемым Судным Камнем, который Змей считает своим утерянным глазом.

— Я должен услышать всю историю.

Я принялся рассказывать дяде о невообразимой битве, опустив мои дальнейшие похождения в Зеркальном Коридоре и в апартаментах Брэнда. Все время моего рассказа взор Мэндора блуждал со спикарда на Сухая и обратно.

Обнаружив, что я заметил это, он улыбнулся.

— Итак, Дворкин снова пришел в себя?.. — задумчиво произнес Сухай.

— Я не был знаком с ним раньше, — ответил я, — но, похоже, он понимает, что к чему.

— И королева Кашфы взирает оком Змея?

— Не знаю, видит ли она им. Пока она лишь оправляется после операции. Но это интересная мысль. Что она сможет узреть, если будет видеть им?

— Чистые, холодные линии вечности, полагаю. Под тяжестью всей Тени. Никто из смертных не сможет носить его слишком долго.

— Но в ней кровь Амбера, — сказал я.

— Действительно! Оберона?

Я кивнул.

— Твой покойный сеньор был весьма темпераментным мужчиной, — заметил дядюшка. — Тем не менее это достаточная нагрузка на зрение, хотя я могу лишь предполагать... ну и какие-то знания основ. Не имею представления, что может из этого выйти. Лишь Дворкин способен сказать — если он в здравом рассудке. Я признаю его мастерство, хотя никогда не знал, чего от него ожидать.

— Ты знаешь его лично? — спросил я.

— Я знал его, — ответил Сухай, — давным-давно, до всех его бед. Радоваться этому или отчаиваться? Оправившись, он

мог бы принести великую пользу. А затем снова погрузиться в свои безумные идеи.

— Сожалею, что не могу просветить тебя, — сказал я. — Мне его действия тоже кажутся совершенно непредсказуемыми.

— И я сбит с толку, узнав о местонахождении этого Глаза, — вступил в разговор Мэндор. — Но все это выглядит куда большим, нежели частный вопрос отношений Амбера с Кашфой и Бегмой. Не думаю, что размышления способны продвинуть нас в этом деле. Лучше сосредоточить внимание на здешних проблемах.

Я услышал свой собственный вздох.

— Таких, как право наследования?

Мэндор насмешливо поднял бровь.

— О, лорд Сухай уже просветил тебя?

— Нет, — ответил я. — Нет, но от своего отца я слышал так много о борьбе за трон Амбера — заговоры, интриги и хитрости, — что почти реально ощущаю, как довлеет эта тема над каждым разговором. Полагаю, среди членов Дома Свейвила, где замешано куда больше родов, все пойдет тем же путем.

— Ты правильно мыслишь, — согласился Мэндор, — хотя я думаю, что здесь картина могла быть более упорядочена.

— Что ж, это уже кое-что, — сказал я. — Что касается меня, я собираюсь лишь отдать дань уважения и убраться ко всем чертям. Пришлите мне открытку, когда все разрешится.

Он рассмеялся. Он редко смеялся. Я ощутил покалывание в запястье, там, где обычно сидела Фракир.

— Он действительно не знает, — заключил Мэндор, бросая взгляд на Сухая.

— Он только что прибыл, — ответил Сухай. — У меня не было времени ввести его в курс дела.

Я пошарил в кармане, нащупал монету и подкинул ее.

— Решка, — возвестил я, взглянув на ладонь. — Рассказывать тебе, Мэндор. Что происходит?

— Ты не главный претендент на престол, — сказал он.

Пришла моя очередь смеяться. Что я и сделал.

— Это мне уже известно. Не так давно ты говорил за обедом, как велика очередь передо мной... если кто-то вообще примет во внимание мою смешанную кровь.

— Двое, — сказал он. — Двое предшествуют тебе.

— Не понимаю, — произнес я. — Что случилось с остальными?

— Умерли.

— Что, эпидемия гриппа?

Мэндор одарил меня гнусной ухмылкой.

— Следствие прокатившейся в последнее время беспрецедентной волны роковых дуэлей и вероломных политических убийств.

— И что же преобладало?

— Предательские убийства.

— Очаровательно.

— Итак, вас трое под опекой черного надзора Короны, и каждый из вас взят под охрану секретных служб своих Домов.

— Ты, похоже, не шутишь.

— Ничуть.

— Было ли это внезапное истощение рядов вызвано желанием множества людей одновременно достичь успеха? Или кто-то очищает себе путь?

— Короне точно не известно.

— Кого именно в данный момент ты подразумеваешь под словом «Корона»? Кто сейчас принимает решения?

— Лорд Бэнсез, — ответил Мэндор, — дальний родственник и давний друг нашего усопшего монарха.

— Вроде припоминаю его. А не может оказаться так, что он сам положил глаз на трон или же стоит за одним из претендентов?

— Этот человек — жрец Змея. Обеты жрецов запрещают им стоять у власти.

— Обычно существуют способы обойти обеты.

— Верно, но лорд Бэнсез кажется искренне не заинтересованным в чем-то подобном.

— Это не делает его беспристрастным. Возможно, у него есть фаворит, и он хочет помочь ему. Есть вблизи трона кто-нибудь питающий особое пристрастие к его ордену?

— Нет, насколько мне известно.

— Это не означает, что кто-то не смог подрезать карту.

— Да, хотя Бэнсез не из тех, к кому легко подступиться с подобным предложением.

— Иными словами, ты веришь, что он останется беспристрастным, что бы ни происходило?

— Пока не будет доказательств противоположного.

— Кто ближайший претендент?

— Таббл Чаникутский.

— Кто второй?

— Тмер из Джезби.

— Верхушка очереди из твоего пруда, — сказал я Сухаю.

Он вновь показал мне зубы.

— Существует у нас кровная месть с Чаникутом или Джезби? — спросил я.

— Ничего серьезного.

— Что ж, тогда о нас просто заботятся, так?

— Да.

— И как же до этого дошло? Помнится, претендентов была куча. Свершилась ночь длинных ножей или еще что?

— Нет, они умирали периодически, время от времени. Никакого внезапного побоища, когда стал угасать Свейвил.

— Ладно, наверняка проводилось какое-то расследование. Кто-то из виновников попал под стражу?

— Нет, все они сбежали или были убиты.

— И что с теми, кто был убит? Опознав их, можно определить, к чему они стремились.

— На самом деле нет. Некоторые оказались профессионалами, среди остальных — парочка обычных мятежников, несомненно, из умственно неполноценных.

— Ты хочешь сказать, что не существует никаких догадок, кто за всем этим стоит?

— Именно так.

— И никаких подозрений?

— Сам Таббл, разумеется, не вызывает доверия, хотя вслух об этом лучше не говорить. Он получил наибольшую выгоду, и пока все случившееся в его интересах. И еще: много в его карьере политического потворства, двурушничества, клеветы. Но все это было давно. У кого в погребе не завалялось несколько скелетов? Уже много лет Таббл добропорядочный и консервативный господин.

— Ладно, теперь Тмер. Он достаточно скрытен и может вызвать подозрения. Есть что-нибудь, связывающее его с этим кровавым делом?

— Ничего конкретного. В прошлом Тмер никогда не был связан с такими крайностями. Я не считаю его верхом совершенства, но он представляется мне более простым, непосредственным существом, нежели Таббл. Он, похоже, из тех, кто скорей решится на переворот, если уж возжаждет трона, нежели станет добиваться короны путем долгих интриг.

— Возможно, в дело вовлечен целый ряд лиц, каждое из которых действует в собственных интересах.

— И теперь, когда развязка близка, они все выплывут на поверхность?

— Почему бы и нет?

Улыбка. Пожатие плечами.

— Увы, вряд ли коронация положит всему этому конец, — сказал Мэндор. — Корона не защищает от кинжала.

— Но наследник входит во власть, обремененный всей тяжестью своих грехов.

— Это не первый случай в истории. И, раз уж ты заговорил

об этом, некоторые превосходные монархи стали таковыми, имея далеко не безоблачное прошлое. Между прочим, тебе не приходит в голову, что прочие могут предположить то же самое относительно тебя?

— Да, и это мне неприятно. Мой отец долгое время добивался трона Амбера — и долгое время мучился. Он стал счастлив только тогда, когда послал все к черту. Уж если меня чему-то научила его история, так именно этому. У меня нет подобных амбиций.

И все же на мгновение меня охватило любопытство. Что за чувства испытаешь, управляя огромным государством? Каждый раз, возмущаясь действиями политиков — здесь ли, в Амбере или на Теневой Земле, — я представлял себе свои действия, окажись я в их шкуре.

— Действительно интересно, — угадал мои мысли Мэндор.

— Возможно, остальные как раз сейчас смотрят в свои магические пруды, — заметил я, — надеясь увидеть там ключи к разгадке.

— Несомненно, — откликнулся он. — А что, если Таббл и Тмер вдруг найдут свой безвременный конец? Что ты будешь делать?

— Даже не думай об этом, — сказал я. — Такого не случится.

— И все же предположим.

— Я не знаю.

— Ты в самом деле должен принять какое-то решение, просто чтобы не ломать голову в дальнейшем. И, надеюсь, нехватка слов не помешает тебе выразить его.

— Спасибо. Учту.

— Расскажи мне поподробнее о том, что случилось с тобой после нашей последней встречи.

Я и рассказал — о призраках Пути и обо всем.

Где-то ближе к концу моего повествования вновь послышался вой. Сухай направился к скале.

— Извините, — сказал он.

Скала расступилась, и дядя вошел внутрь.

Немедленно я ощутил на себе отяжелевший взгляд Мэндора.

— Возможно, у нас есть всего мгновение. Слишком мало, чтобы сообщить все, что должно остаться между нами.

— Очень личное, так?

— Да. Поэтому ты должен найти время перед погребением, чтобы пообедать со мной. Допустим, в четвертом цикле голубого неба.

— Прекрасно. Твой дворец или пределы Савалла?

— Жду тебя в пределах Мэндора.

Я кивнул.

Скала вновь подвинулась, и перед нами в облачной дымке предстала мерцающая голубым гибкая демоническая фигура. Я мгновенно вскочил и склонился, чтобы поцеловать протянутую ею руку.

— Мама! Не ожидал такой радости... столь скоро.

Она улыбнулась, а затем ее оболочка растворилась в вихре. Чешуя поблекла, контуры лица и тела поплыли. Синева стала обычным, хотя и бледным телесным цветом. Ее бедра и плечи раздались, в то время как она теряла в росте, хотя по-прежнему оставалась высокой. Карие глаза стали куда привлекательней, когда стерлись тяжелые надбровные складки. Несколько веснушек проступило на ее теперь человеческом, слегка вздернутом носу. Каштановые волосы удлинились с тех пор, как я в последний раз видел ее в таком обличье. И она по-прежнему улыбалась. Ей очень шла простая красная туника; у левого бедра висела рапира.

— Дорогой Мерлин, — промолвила мама, беря мою голову обеими руками и целуя меня в губы. — Я рада видеть тебя столь прекрасно выглядящим. Много воды утекло с тех пор, как ты посетил нас в последний раз.

— Последнее время я вел очень бурную жизнь.

— Можно не сомневаться. Я кое-что слышала о твоих злоключениях.

— Представлю, что там до тебя дошло. Не у каждого есть ти'ига, следующая за ним по пятам, время от времени соблазняющая его в разных обличьях и, как правило, своими нежелательными попытками защитить делающая жизнь невероятно сложной.

— Это показывает мою заботу, дорогой.

— Это также показывает полное отсутствие уважения к моей личной жизни и к моему мнению.

Мэндор деликатно кашлянул.

— Привет, Дара.

— Полагаю, что именно так тебе и должно казаться, — заявила она. — Привет, Мэндор. Что случилось с твоей рукой?

— Недоразумение, касающееся некоей архитектуры, — отвечал он. — Тебя какое-то время не было видно, хотя в мыслях моих мы не расстаемся.

— Если это комплимент, спасибо, — сказала она. — Да, я то и дело уединяюсь, когда общество начинает давить невыносимо. Но тебе ли удивляться — человеку, надолго исчезающему в пределах Мэндора. Если ты действительно пропадаешь именно там.

Он согнулся в поклоне.

— По вашим словам, леди, мы одного поля ягоды.

Ее глаза сощурились, хотя голос не изменился, когда она произнесла:

— Не знаю. Да, в нас есть определенное родство. Мы оба отсутствовали в последнее время, не так ли?

— Но я был неосторожен, — сказал Мэндор, указывая на свою поврежденную руку. — Ты же, ясное дело, нет.

— Я никогда не спорю с архитектурой, — сказала она.

— А с невесомостями?

— Предпочитаю работать с тем, что стоит на месте.

— Обычно я тоже.

— А если не получается?

Он пожал плечами:

— Время от времени возникают коллизии.

— В свое время ты пережил многие, не так ли?

— Не могу отрицать; с другой стороны, нынешняя длилась слишком долго. Но ты и сама вроде не лыком шита.

— Пока жива, — отозвалась мама. — Мы действительно должны сравнить наши комментарии к невесомостям и столкновениям. Не будет ли странным, если мы окажемся подобны во всех отношениях?

— Был бы весьма удивлен, — ответил Мэндор.

Я был заворожен и слегка напуган этой беседой, хотя доверялся лишь ощущениям и не имел понятия о сути разговора. Они были чем-то похожи, и я никогда не слышал общих мест, произносимых столь метко и выразительно, помимо Амбера, где часто развлекались словесными играми подобного рода.

— Простите меня, — наконец словно опомнился Мэндор и обратился ко всей компании: — Я должен удалиться, дабы восстановить свои силы. Благодарю вас за гостеприимство, сэр, — поклонился он Сухаю. — И за удовольствие оттого, что дорожки наши пересеклись. — Это Даре.

— Ты только что прибыл, — сказал Сухай, — и даже не отдохнул. Как хозяина ты выставляешь меня не в лучшем свете.

— Еще как отдохнул, — возразил Мэндор. — Никто не смог бы предложить подобной трансформации. — Поворачиваясь к открывающемуся пути, он посмотрел на меня: — До скорого.

И исчез. Скала отвердела с его исчезновением.

— Удивляют его манеры, — произнесла моя мать. — Причем явно без репетиции.

— Само изящество, — прокомментировал Сухай. — Ему многое было дано от рождения.

— Любопытно, кто умрет сегодня, — сказала мать.

— Не уверен, что в его словах был скрытый смысл, — ответил дядюшка.

Она засмеялась:

— Но если все же так, они, несомненно, испустят дух в самом хорошем вкусе.

— Говоришь осуждая или завидуя?

— Ни так, ни так, — ответила она. — Я и сама восхищаюсь изяществом и хорошей шуткой.

— Мама, — вмешался я, — что все же происходит?

— О чем ты, Мерлин? — откликнулась она.

— Я давным-давно покинул эти места. Ты велела демону найти и оберегать меня. Скорее всего он засек кровь Амбера, но возникла определенная неразбериха между мною и Люком. Демон решил взять под опеку нас обоих, пока Люк не начал свои регулярные попытки прикончить меня. Затем он, а точнее, она защищала меня от Люка и пыталась определить, кто из нас более подходящая партия. Она даже жила с Люком какое-то время, а позже преследовала меня. Кое о чем я стал догадываться — не зря она страстно желала узнать имя моей матери. Несомненно, Люк держал язык за зубами по поводу своего происхождения.

Мать рассмеялась:

— Прекрасная картина! Малютка Джасра и принц Тьмы...

— Не пытайся сменить тему разговора. Подумай, насколько это стесняет взрослого человека: мать посылает демонов надзирать за ним.

— Единственного. Дорогой, я послала лишь одного демона.

— Какая разница? Как тебе в голову пришла подобная забота? Я возмущен...

— Ти'ига, возможно, не один раз спасла тебе жизнь, Мерлин.

— Пусть так. Но...

— По-твоему, лучше смерть, чем защита? И только потому, что защита исходит от меня?

— Суть не в этом!

— Тогда в чем?

— Похоже, ты вполне допускаешь, будто я не способен о себе позаботиться, и...

— Да ты и не смог.

— Но тебе-то откуда знать? К моему возмущению, ты с самого начала исходила из того, что я недалекий, доверчивый, беззащитный, что в Тенях я нуждаюсь в опеке!

— Извини, если задену за больное, однако скажу, что таким ты и был, причем собираясь в место, столь сильно отличающееся от Владений Хаоса, каким является Тень.

— Да я сам могу о себе позаботиться!

— Ты не слишком преуспел в этом. Хотя делаешь ряд не-

обоснованных предположений. Что заставляет тебя думать, будто приведенные тобой резоны единственно возможны в моем стремлении действовать подобным образом?

— Прекрасно. Скажи, ведь ты знала, что Люк будет пытаться убить меня каждое тридцатое апреля? И если да, то почему просто не сообщила мне?

— Я понятия не имела, что Люк будет пытаться убить тебя каждое тридцатое апреля.

Я отвернулся. Сжал кулаки и разжал их.

— Так какого черта ты обеспечила меня защитой?

— Мерлин, почему так трудно допустить, что другие люди могут знать что-то, чего не знаешь ты?

— Начни с их нежелания сообщить мне это «что-то».

Мать помолчала какое-то время. Затем ответила:

— Боюсь, в твоих словах есть доля истины. Но были серьезные причины не посвящать тебя в определенные дела.

— Тогда начни с этого. Расскажи, почему не доверяла мне.

— Дело не в доверии.

— Так можешь ты теперь объяснить мне, в чем дело?

И опять последовала долгая пауза.

— Нет, — наконец сказала она. — Еще нет.

Я повернулся к ней, сохраняя спокойствие, и, не повышая голос, произнес:

— Выходит, ничего не изменилось. И никогда не изменится. Ты по-прежнему мне не доверяешь.

— Неправда, — ответила мать, бросая взгляд на Сухая. — Это означает лишь то, что сейчас неподходящее время и неподходящее место, чтобы влезать в эти дела.

— Позволь принести тебе выпить или чего-нибудь из еды, Дара, — немедленно предложил Сухай.

— Благодарю тебя, нет, — отказалась она. — Мне пора идти.

— Мама, расскажи хотя бы что-нибудь о ти'иге.

— Что ты желаешь знать?

— Ты выколдовала ее откуда-то из-за Края?

— Верно.

— Подобные существа сами бестелесны, но способны для своих собственных целей занимать тела живущих?

— Да.

— Если ти'ига занимает тело существа, близкого к смерти, то тем самым оживляет его дух и контролирует разум?

— Интересно. Вопрос риторический?

— Нет. Такое действительно произошло с тем, кого ты послала по мою душу. Теперь ти'ига не в состоянии покинуть то тело. Почему?

— Я не уверена.

— Она в западне, — предположил Сухай. — Бродить туда-сюда она может, лишь воздействуя на функционирующий интеллект.

— Тело, контролируемое ти'игой, оправилось от болезни, что убило сознание, — сказал я. — Ты полагаешь, что она зависла там теперь на всю жизнь?

— Да. Насколько я понимаю.

— Тогда скажи мне вот что: освободится она, когда то тело умрет, или погибнет вместе с ним?

— Может произойти по-разному. Но чем дольше она будет оставаться в теле, тем более вероятно ей погибнуть вместе с оболочкой.

Я оглянулся на мать:

— И хорошо, верно?

Она пожала плечами:

— С этим демоном я обманулась. Но коли возникнет нужда, всегда можно вызвать на замену другого.

— Не делай этого, — попросил я.

— И не собираюсь. Нет необходимости.

— Но если ты сама решишь, что необходимость есть?..

— Мать склонна ценить безопасность своего сына, нравится это сыну или нет.

Я поднял левую руку, гневно вытянув указательный палец, и в этот момент заметил на запястье блестящий браслет — он выглядел почти голографическим изображением витого шнура. Я опустил руку, сдержал свой первый порыв и произнес:

— Теперь ты знаешь мои чувства.

— Я давным-давно их знаю, — ответила мать. — Давай пообедаем в пределах Савалла через пол-оборота, в пурпурное небо, договорились?

— Договорились, — кивнул я.

— До скорого. Счастливого оборота, Сухай.

— Счастливого оборота, Дара.

Она сделала три шага и скрылась в полном соответствии с этикетом, тем же путем, что пришла.

Я повернул и шагнул к краю пруда, уставился в глубину вод, ощущая, как медленно расслабляются плечевые мышцы. Теперь там были Джасра и Джулия, снова в Страже Четырех Миров, совершающие нечто тайное в лаборатории. А затем над ними взметнулись полосы, какая-то безжалостная истинность, возвышающаяся над порядком и красотой, начала превращать женщин в существа завораживающих и путающих очертаний.

Я ощутил руку на своем плече.

— Семья, — сказал Сухай. — Козни, сводящие с ума. Ты сейчас переживаешь тиранию любви, не так ли?

Я кивнул:

— Марк Твен что-то говорил о возможности выбирать себе друзей, но не родственников.

— Я не знаю, что они затевают, — произнес Сухай. — Сейчас ничего не остается делать, как отдыхать и ждать. Я был бы рад услышать твою историю во всех подробностях.

— Спасибо, дядя.

Что ж, почему бы и нет? И я поведал ему все до конца. По ходу рассказа мы прерывались, дабы снова подкрепиться на кухне, затем проследовали на балкон, парящий над океаном известкового цвета, что бился о розовые скалы под тускло-синим беззвездным небом. Здесь я закончил свой рассказ.

— Это более чем интересно, — в конце концов произнес Сухай.

— Ты увидел что-то большее, то, чего не заметил я?

— Здесь столько поводов для размышлений, что я опасаюсь судить поспешно, — отвечал дядя. — Давай пока оставим это.

— Прекрасно.

Я облокотился о перила, глядя в пучину.

— Тебе необходим отдых, — заметил Сухай, помолчав.

— Догадываюсь.

— Пойдем, я покажу твою комнату.

Он протянул руку, и я взял ее. Мы вместе погрузились в пол.

Я спал в окружении гобеленов и портьер, в палате без дверей, в пределах Сухая. Возможно, комната располагалась в башне, так как я слышал за стенами завывания ветров. Был сон, и было видение...

Я снова оказался в замке Амбера и шел извивающейся лентой Зеркального Коридора. Тонкие восковые свечи мерцали в высоких шандалах. Шаги мои были бесшумны. Меня окружали зеркала всех стилей и форм. Большие, маленькие, они покрывали стены по обе стороны. Я следовал мимо себя, бредущего в их глубинах, отраженный, искаженный, временами отраженный в отражениях.

И застыл перед треснутым, оправленным в олово зеркалом, что возвышалось слева от меня. Уже поворачиваясь к нему, я знал, что отражение не мое.

Да, я не ошибся. Из зеркала на меня смотрела Корэл. Одетая в персиковую блузу, она была без повязки на глазу. Трещина в зеркале делила ее лицо пополам. Левый глаз Корэл был зеленым, каким я его запомнил, правый... В правом сидел Судный Камень. И оба смотрели на меня.

— Мерлин, — сказала она. — Помоги мне. Это так необычно. Верни мне мой глаз.

— Я не знаю как. Не понимаю, как это было сделано.

— Мой глаз, — продолжала Корэл, будто не слышала ответа. — В Оке Камня весь мир — кишащие силы, холодный... такой холодный!.. и нигде нет покоя. Помоги мне!

— Я найду способ, — пообещал я.

— Мой глаз... — повторяла она.

Я поспешил дальше. Из прямоугольного зеркала в деревянной раме с резным фениксом в основании меня разглядывал Люк.

— Эй, старина! — Он выглядел несколько жалким. — Я чертовски хочу вернуть папин меч. Ты не видел его снова?

— Боюсь, нет, — пробормотал я.

— Какая досада, что я так недолго обладал твоим подарком. Высмотришь его, а? У меня такое чувство, что он может прийтись кстати.

— Постараюсь, — сказал я.

— В конце концов, ты в какой-то степени отвечаешь за то, что произошло...

— Верно, — согласился я.

— ...и я чертовски хочу получить его обратно.

— Да, — сказал я и двинулся дальше.

Отвратительное хихиканье донеслось справа, из эллипса в бордовой раме. Повернувшись, я узнал лицо Виктора Мелмана, колдуна из Теневой Земли, с которым столкнулся, когда начались мои неприятности.

— Адово племя! — прошипел он. — Прямо-таки радость видеть тебя блуждающим в потемках чистилища. Пусть кровь моя горит на твоих ладонях.

— Твоя кровь — на твоих собственных руках, — парировал я. — Полагаю тебя самоубийцей.

— Не так! — резко оборвал он. — Ты подлейшим образом прикончил меня.

— Бред собачий! Во многом можно меня обвинить, но не в твоей смерти.

Я было двинулся дальше, но его рука вытянулась из зеркала и вцепилась в мое плечо.

— Убийца! — закричал он.

— Проваливай. — Я стряхнул его руку и продолжил свой путь.

Затем слева, из широкого зеркала в зеленой раме, покры-

того зеленоватой патиной, меня окликнул укоризненно качающий головой Рэндом.

— Мерлин! Мерлин! Что это ты там замышляешь? — вопрошал он. — Какое-то время я был уверен, что ты держишь меня в курсе событий.

— Конечно, — ответил я, разглядывая его оранжевую футболку и джинсы «Ливайс», — это правда, сэр. Просто не хватило времени для некоторых вещей.

— Для тех, что касаются безопасности государства, — для них у тебя не хватило времени?

— Ну, полагаю, об этом можно судить по-разному.

— Если дело касается нашей безопасности, я — тот, кто вершит суд.

— Да, сэр. Я сознаю, что...

— Мы должны поговорить, Мерлин. Верно ли, что ты лично замешан во все это?

— Полагаю...

— Не имеет значения. Королевство куда важнее. Нам следует поговорить.

— Да, сэр. Мы поговорим, как только...

— К дьяволу «как только»! Прекрати ходить вокруг да около и тащи сюда свою задницу!

— Да, как только...

— Чтобы я этого больше не слышал! Это граничит с предательством, если ты скрываешь важную информацию! Мне необходимо видеть тебя немедленно! Возвращайся домой!

— Слушаюсь, — сказал я и поспешил прочь. Голос Рэндома смешался с неумолкающим хором других, выкликающих свои требования, свои мольбы, свои обвинения.

Из следующего зеркала — круглого, в синей плетеной раме — на меня взирала Джулия.

— А вот и ты, — сказала она почти с томлением. — Ты знаешь, я любила тебя.

— Я тоже любил тебя, — признался я. — Понадобилось немало времени, чтобы понять это. Хотя, думаю, я все испортил.

— Ты недостаточно любил меня. Недостаточно, чтобы довериться мне. И потерял мое доверие.

Я отвел взгляд.

— Прости.

— Этого мало, — произнесла Джулия. — Итак, мы стали врагами.

— Совсем необязательно.

— Слишком поздно, — вздыхала она, — слишком поздно.

— Прости, — повторил я и заспешил дальше.

И вот я подошел к Джасре в красной алмазной раме. Ее рука с ярко накрашенными ногтями потянулась ко мне и погладила мою щеку.

— Куда-то идешь, миленький?

— Надеюсь, что так, — сказал я.

Она криво усмехнулась и поджала губы.

— Я решила, что ты дурно влияешь на моего сына. Спевшись с тобой, он лишился твердости...

— Мне очень жаль.

— ... и это может сделать его не способным править.

— Не способным или не желающим? — переспросил я.

— Так или иначе, виноват ты.

— Он уже большой, Джасра, и способен сам принимать решения.

— Боюсь, что ты научил его принимать неправильные решения.

— Не обвиняй меня, если он делает то, что тебе не по душе.

— А если Кашфа погибнет — потому что из-за тебя он стал мямлей?

— Я отклоняю свою кандидатуру, — сказал я, делая шаг вперед.

И хорошо, что отошел, ибо рука Джасры вытянулась, ногти мелькнули у моего лица, едва не оцарапав. Она осыпала меня вслед проклятиями. К счастью, их заглушили прочие вопли.

— Мерлин?

Снова повернувшись направо, я узрел лицо Найды в серебряном зеркале, чья поверхность и витая рама состояли из единого слитка.

— Найда! Тебе-то что от меня нужно?

— Ничего, — ответила леди ти'ига. — Просто мне нелегко, и я нуждаюсь в совете.

— Ты не испытываешь ненависти ко мне? Какая приятная неожиданность.

— Ненавидеть тебя? Не глупи. Никогда бы не смогла.

— У всех остальных в этой галерее я, похоже, вызываю раздражение.

— Это лишь сон, Мерлин. А ты реален, и я реальна, и нам дела нет до остальных.

— Извини, что моя мать наложила на тебя заклятие оберегать меня... все эти годы. Ты действительно свободна теперь? Если нет, возможно, я смогу...

— Я свободна.

— Мне жаль, что у тебя возникли такие ужасные трудности. Не зная, я это или Люк, ты была обязана быть настороже.

Кто мог предположить, что два жителя Амбера окажутся соседями в Беркли.

— Я не жалею.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пришла за советом. Я хочу знать, как можно найти Люка.

— Как же, в Кашфе. Он как раз недавно был коронован. Зачем он тебе нужен?

— Ты не догадываешься?

— Нет.

— Я влюблена в него. Всегда была. Теперь, когда я свободна и у меня есть собственное тело, я хочу, чтобы он знал, что это я была Гейл, а еще — что я чувствую. Спасибо, Мерлин. До свидания.

— Подожди!

— Да?

— Я никогда не благодарил тебя за то, что ты опекала меня все эти годы, пусть даже по принуждению, пусть это и приносило мне изрядные неудобства. Спасибо и — счастливо тебе.

Она улыбнулась и исчезла. Я протянул руку и дотронулся до зеркала.

— Удачи, — казалось, донеслось мне в ответ.

Странно. Это ведь сон. И в то же время я чувствовал, что это реально. Я...

— Ты вернулся во Владения в разгар интриг, как я понимаю, — раздался голос из узкого, окантованного черным зеркала в трех шагах впереди.

Я приблизился. Мой брат Джарт пожирал меня глазами.

— Чего ты хочешь? — спросил я.

Его лицо было злой карикатурой на мое собственное.

— Чтобы тебя никогда не было. За невозможностью этого я был бы рад видеть тебя мертвым.

— Каков же третий вариант?

— Заточение в личной преисподней, полагаю.

— Почему?

— Ты стоишь между мною и тем, чего я добиваюсь.

— Буду рад посторониться. Скажи мне только как.

— Нет такого пути, чтобы ты смог или захотел по собственной воле.

— Поэтому ты ненавидишь меня?

— Да.

— Боюсь, что купание в Фонтане расстроило твои чувства.

— Я не прошел полного курса, и чувства мои лишь обострились.

— Можем мы как-то забыть прошлое и начать все сначала, стать друзьями?

— Никогда.

— Не думал, что так получится.

— Она всегда больше пеклась о тебе, чем обо мне, а сейчас ты собираешься занять трон.

— Это вздор! Я не желаю трона.

— В этом деле твои желания ничего не значат.

— Я не займу трон.

— Нет, займешь — если только я сперва не убью тебя.

— Не будь кретином. Игра не стоит свеч.

— Скоро наступит день, когда ты меньше всего будешь ожидать этого, и вдруг повернешься и увидишь меня... Слишком поздно!

Зеркало совершенно почернело.

— Джарт!

Ничего.

Терпеть его во сне так же тяжко, как наяву. Я повернул голову туда, где в нескольких шагах слева от меня сияло зеркало в пламенеющей раме. Каким-то образом я знал, что оно — следующее на моем пути, и направился туда.

Фиона улыбалась.

— Ну вот, ты его и нашел..

— Тетушка, что происходит?

— Кажется, происходит конфликт того рода, что обычно характеризуют как «не поддающийся упрощению», — ответила она.

— Я рассчитывал на другой ответ.

— Слишком уж все завертелось, чтобы объяснить лучше.

— И ты часть этого?

— Очень небольшая. Не из тех, кто именно сейчас может принести тебе пользу.

— Что мне делать?

— Изучай варианты и выбирай лучший.

— Лучший для кого? И для чего?

— Только ты сможешь ответить.

— Хоть намекни.

— Ты сумел пройти Путь Корвина, когда я взяла тебя туда?

— Да.

— Я не сомневалась. Он был начертан при неожиданных обстоятельствах и никогда не сможет быть воспроизведен. Наш Путь никогда бы не допустил его создания, не будь он сам поврежден и слишком слаб, чтобы предотвратить возникновение Пути Корвина.

— Ну?

— Наш Путь старается впитать тот, поглотить его. Если это

удастся, то последствия для Амбера будут гибельными, как военные разрушения. Равновесие с Хаосом полностью нарушится.

— Разве Хаос недостаточно силен, чтобы воспрепятствовать этому? Я думал, они одинаково могущественны.

— Так и было, пока ты не восстановил Теневой Путь и Путь Амбера смог впитать его. Это сделало его неизмеримо сильней. Теперь он способен добраться до Пути твоего отца, преодолев сопротивление Логруса.

— Я не понимаю, что же делать?

— Я тоже. Но требую от тебя помнить то, что я сказала. Когда придет время, ты должен принять решение. Не знаю какое, но это будет чрезвычайно важно.

— Она права, — раздался голос за моей спиной.

Повернувшись, я увидел отца внутри сияющей черной рамы с серебряной розой наверху.

— Корвин! — услышал я оклик Фионы. — Где ты?

— В месте, где отсутствует свет, — ответил он.

— Я думал, ты где-то в Амбере, отец, с Дейрдре, — сказал я.

— Призраки играют в призраки, — ответил он. — У меня больше нет времени, силы на исходе. Могу сказать тебе только одно: не доверяй ни Пути, ни Логрусу, ни кому-то из их отродья, пока все не разрешится.

Он начал исчезать.

— Как я могу помочь тебе? — спросил я.

— ...во Владениях, — донеслось до меня перед тем, как он пропал окончательно.

Я снова повернулся.

— Фи, что он имел в виду?

Она нахмурила брови.

— У меня такое ощущение, что ответ лежит где-то во Владениях, — медленно проговорила тетушка.

— Где? Где следует искать?

Она покачала головой и, отворачиваясь, сказала:

— Кто может знать лучше?

Потом она тоже скрылась.

Голоса по-прежнему взывали ко мне — спереди, сзади. Слышались плач и смех, и повторялось мое имя. Я бросился вперед.

— Что бы ни случилось, — говорил Билл Рот, — если тебе понадобится хороший законник, я с этим управлюсь — даже во Владениях Хаоса.

Затем появился Дворкин, поглядывающий на меня из крошечного зеркала в витой раме.

— Нет повода для беспокойства, — заметил он. — Только вот тебя опутывают всяческие невесомости...

— Что же мне делать? — вскричал я.

— Ты должен стать чем-то большим, нежели ты есть.

— Не понимаю.

— Сбеги из клетки своей жизни.

— Какой клетки?

Он сгинул.

Я несся вперед, а вокруг меня звенели слова. Ближе к концу зала висело зеркало, подобное куску желтого шелка, натянутого на раму. Оттуда мне ухмыльнулся Чеширский Кот.

— Все это чепуха. Черт с ними со всеми! — говорил он. — Сходим-ка в кабаре, старина. Опрокинем по нескольку стаканчиков, людей послушаем...

— Нет! — закричал я. — Нет!

А затем от Кота осталась только ухмылка.

И тут я тоже стал исчезать. Милосердное черное забвение да ветер, завывающий где-то там далеко-далеко.

Глава 3

Не знаю, как долго я спал. Разбужен я был Сухаем, повторяющим мое имя.

— Мерлин, Мерлин, — говорил он. — Небо — белое...

— А меня ждет трудный день, — продолжил я. — Знаю. Ночь у меня тоже была трудная.

— Значит, они достали тебя.

— Кто?

— Маленькие чары от меня — дабы слегка просветить твой разум. Я решил, что склонить тебя к ответам изнутри лучше, чем нагружать своими догадками и подозрениями.

— Я снова был в Зеркальном Коридоре.

— Не представлял, какую форму может принять видение.

— Это было реально?

— Вполне возможно в нынешней ситуации.

— Что ж, благодарю... я догадывался. Помнится, Грилл говорил что-то о твоем желании увидеть меня раньше матери.

— Мне было интересно, много ли ты знаешь. Хотел защитить твою свободу выбора.

— О чем ты говоришь?

— Уверен, что она жаждет видеть тебя на троне.

Я приподнялся, потер глаза и сказал:

— Полагаю, это вполне возможно.

— Не знаю, насколько далеко простирается ее желание до-

вести дело до конца. Я хотел дать тебе возможность осознать свое собственное мнение перед тем, как стать посвященным в ее планы. Не желаешь ли чаю?

— Да, спасибо.

Я принял предложенную кружку и поднес к губам.

— Что еще можешь сказать, помимо предположений о ее намерениях?

Дядя покачал головой.

— Не знаю, насколько активна программа Дары, если ты это имеешь в виду. Но она ли связана с этим или кто другой, заклятие, что ты нес на себе, ныне исчезло.

— Твоя работа?

Он кивнул. Я сделал еще глоток.

— Никогда не предполагал, что окажусь так близко к голове очереди претендентов на престол. Джарт пока четвертый или пятый, не так ли?

Сухай кивнул.

— Чувствую, денек будет очень трудный, — промолвил я.

— Допивай свой чай, — обратился он ко мне, — и, когда закончишь, следуй за мной.

Дядя ушел через гобелен с драконом в дальнем углу комнаты. Когда я снова поднял кружку, светящийся браслет отделился от руки и воспарил передо мной, теряя свои плетеные очертания и становясь кругом чистого света. Он застыл над дымящейся кружкой, будто наслаждаясь коричным ароматом.

— Привет, Призрак, — сказал я. — Зачем на этот раз ты сковал мою руку?

— Чтобы прикинуться веревкой, которую ты обычно носишь, — последовал ответ. — Я думал, тебе понравится.

— Я имел в виду: что ты делал все это время?

— Только слушал, папочка. Гадал, чем бы тебе помочь. Все эти — они действительно твои родственники?

— Те, с которыми мы до сих пор встречались, — да.

— Есть ли необходимость вернуться в Амбер и навешать там на них собак?

— Нет, здесь, во Владениях, это тоже действует. — Я сделал еще глоток. — Ты имеешь в виду каких-то особых собак? Или так, вообще?

— Я не доверяю ни твоей матери, ни твоему брату Мэндору, хоть они мои бабка и дядя. Я думаю, они что-то против тебя замышляют...

— Мэндор всегда был добр ко мне.

— ...а твой дядя Сухай кажется замечательно целеустремленным, но во многом напоминает Дворкина. Мог бы он затеять внутреннюю смуту, а сам приготовиться смыться в любой момент?

— Надеюсь, что нет. За ним никогда такого не водилось.

— О-хо-хо, так то, когда все на месте, а сейчас время потрясений.

— Все-таки где ты набрался этой вульгарной психологии?

— Штудировал великих психологов Теневой Земли. Это часть моих непрерывных попыток постичь человеческую натуру. Полагаю, то было время, когда я больше всего понял о сторонах иррационального.

— Ну хорошо, чем же могли быть вызваны происходящие события?

— В Камне я фактически повстречался с копией Пути высшего порядка. Там возможны такие аспекты, которых я просто не мог понять. Это привело меня к рассмотрению теории Хаоса, затем к Меннингеру и всем прочим, дабы рассмотреть проявления иррационального в сознании.

— И каковы результаты?

— Я стал мудрее.

— Я имею в виду — касательно Пути.

— Ах да. Либо он сам обладает элементом иррационального, подобно живым существам, либо является интеллектом такого порядка, что какие-то из протекающих в нем процессов только кажутся иррациональными низшим существам. Любое объяснение подкрепляется тем же результатом, полученным практическим наблюдением.

— Мне никогда не выпадал удобный случай применить некоторые из тестов, мною задуманных. Скажи, пожалуйста, исходя из внутреннего опыта: не подпадаешь ли ты сам под подобную категорию?

— Я? Иррационален? Такая постановка вопроса мне в голову не приходила. Не вижу, как это возможно.

Я допил чай и свесил ноги с кровати.

— Вот жалость! Думаю, некая мера иррационального и делает нас истинными людьми. Да еще то, что мы сознаем это, разумеется.

— Неужели?

Я встал и принялся одеваться.

— Да, и управляя этим в себе, можно совладать с разумом и чувствами.

— Я собираюсь пристально изучить твою идею.

— Давай, — сказал я, натягивая сапоги, — и поведай мне о свершенных открытиях.

Я продолжал одеваться, когда Призрак спросил:

— Ты собираешься завтракать со своим братом Мэндором, когда небо станет синим?
— Да.
— А позже приглашен на обед к своей матери?
— Точно.
— Еще позже присутствуешь на похоронах почившего монарха?
— Буду и там.
— Нуждаешься в моей защите?
— Я под охраной моих родичей, Призрак. Хоть ты и не доверяешь им.
— Последнее погребение, на котором ты присутствовал, бомбили.
— Верно. Но то был Люк, а он дал зарок. Не беспокойся, со мной все будет в порядке... Хочешь осмотреть достопримечательности, иди вперед.
— Прекрасно, — сказал он. — Так и сделаю.
Я встал, пересек комнату и остановился у дракона.
— Можешь указать мне дорогу к Логрусу? — спросил Призрак.
— Ты шутишь?
— Нет, — заявил он. — Я знаю Путь, но никогда не видел Логрус. Где его держат?
— Мне казалось, что я даровал тебе лучшие способности памяти, нежели ты обнаруживаешь. Во время твоей последней стычки с данным объектом ты хорошенько его обделал.
— Полагаю, так оно и было. Как ты думаешь, он не держит зла?
— По первому размышлению — держит. Еще подумав — тем более. Держись от Логруса подальше.
— Да ты же как раз советовал мне исследовать движущую силу Хаоса, иррациональное...
— Но не советовал тебе кончать самоубийством. Я вложил в тебя массу труда.
— Я и сам себя ценю. Ты знаешь, я имею склонность к выживанию, как и органические особи.
— Любопытное суждение.
— Тебе многое известно о моих способностях.
— Действительно, ты хорош попадать из огня да в полымя.
— А ты задолжал мне за приличное обучение.
— Ладно, посмотрим.
— Все это увертки. Думаю, и сам справлюсь.
— Отлично. Двигай.
— Так трудно показать?
— Ты же отказался от всеведения, помнишь?

— Папаша, я считаю, что должен видеть Логрус!
— У меня нет времени представлять его тебе.
— Только укажи дорогу. Спрятаться я сумею.
— Что ж, получай. Прекрасно. Сухай — хранитель Логруса. Логрус лежит где-то в пещере. Единственный известный мне путь начинается здесь.
— Где?
— Здесь есть что-то такое, содержащее девять поворотов. Я дам тебе путеводную нить.
— Не уверен, что твои заклинания действуют на существа, мне подобные.
Я протянул руку сквозь кольцо — виноват, спикард, — наложил ряд черных звездочек на карту пути, которым должен следовать Призрак, повесил ее перед ним в пространстве моего логрусского зрения и сказал:
— Сотворил тебя, сотворил и заклятие.
— Угу, — отозвался Призрак. — Я чувствую, будто достиг уровня, куда доступа не имел.
— Все будет тебе дано в надлежащее время. Стань подобен кольцу на моем указательном пальце. Мы разом оставим эту комнату и проскочим остальные. Когда будем неподалеку от нужного пути, я обозначу его указателями. Следуй в том направлении, и ты проникнешь сквозь нечто на своем пути, что и приведет тебя в иное пространство. Где-то там обнаружишь черную звезду, обозначающую путь к следующему пространству, к следующей звезде и так далее. В конце концов окажешься в пещере, где обитает Логрус. Схоронись понадежней и приступай к своим наблюдениям. Когда пожелаешь удалиться, проделай все в обратном порядке.
Призрак съежился и подлетел к моему пальцу.
— Отыщи меня потом и дай знать о твоих приключениях.
— Я так и собирался, — донесся тоненький голосок. — Не хотелось бы усугублять твою вероятную паранойю.
— Продолжай в том же духе, — сказал я, входя в дракона.

Я оказался в маленькой гостиной, одно окно которой выходило на горы, другое — в пустыню. В комнате никого не было, и я вышел в длинный коридор. Да, все именно так, как мне помнилось.
Я зашагал по коридору, миновав несколько комнат, пока не дошел до двери слева, которую и открыл, дабы обнаружить целую коллекцию, состоящую из метел, щеток, швабр, ведер, горы половых тряпок и тазик. Да, все так...
Я указал на полки справа:

— Ищи черную звезду.

— Ты серьезно? — пропищал голосок.

— Иди и смотри.

Луч света протянулся от моего указательного пальца; достигнув полок, искривился, сжался в нить, столь тонкую, что теперь ее не было видно.

— Счастливо, — вздохнул я и отвернулся.

Я затворил дверь, по-прежнему сомневаясь в правильности своего поступка и утешая себя лишь мыслью, что Призрак все равно отправился бы на поиски и, несомненно, в итоге обнаружил бы Логрус. Чему быть, того не миновать. А мне весьма интересно, что он там разузнает.

Я проследовал обратно в маленькую гостиную. Не исключено, что в последний раз мне выдается возможность побыть какое-то время в одиночестве, и я решил потратить его с пользой. Я уселся на груду подушек и вытащил карты. Быстро перебрав колоду, остановился на карте, где поспешно набросал Корэл в тот недавний лихорадочный день в Амбере. Я изучал ее черты, пока карта не похолодела.

Изображение обретало трехмерность, а затем я вдруг увидел себя: мы с Корэл ярким днем гуляем по улицам Амбера, вокруг кипит торговля. А вот мы спускаемся по склону Колвира, перед нами сияет море, в небе кружат чайки. Затем кафе, стол, парящий у стены...

Я накрыл карту ладонью.

Корэл спала, это был ее сон. Как странно, перебирая карты, застать другого спящим. Еще удивительней обнаружить в том видении самого себя, если только, разумеется, прикосновение моего разума не возбудило неосознанные воспоминания... Одна из маленьких жизненных головоломок. Негоже будить бедняжку только для того, чтобы узнать, как она поживает. Для этого можно вызвать и Люка.

Я начал было искать его карту, но заколебался. Он наверняка изрядно занят в свои первые дни на посту монарха. А мне и так уже известно, что Корэл отдыхает. И лишь повертев в руках карту Люка, я отпихнул ее в сторону, обнаружив под ней следующую.

Серое, серебряное и черное... Его лицо являло собой постаревший и несколько более энергичный вариант моего собственного. Корвин, мой отец, оглядывался на меня. Как много раз я потел над этой картой, пытаясь достать его, пока ум не заходил за разум, — и все безрезультатно! Прочие объясняли мне, что это значит лишь одно из двух: он либо мертв, либо блокирует всякий контакт.

Но затем мною овладело странное чувство. Я припомнил

его собственные истории, в частности, когда он рассказывал о том, как пытался достать Брэнда через карту, но сначала не смог этого добиться из-за отдаленности той Тени, где был заточен Брэнд. Вспомнил я и попытки отца проникнуть во Владения, и трудности, вызванные огромным расстоянием. Возможно ли, что мои усилия не давали результата не потому, что он умер или блокирует контакт, а из-за колоссального расстояния, разделяющего нас?

Но тогда кто пришел ко мне на помощь той ночью в Царстве Теней, кто перенес меня в необычное место меж Тенями навстречу странным приключениям, что выпали мне там? И хотя я был совсем не уверен в природе явления отца в Зеркальном Коридоре, но ведь позже я натыкался на явные знаки его присутствия в самом замке Амбера. Если он побывал в каком-то из этих мест, то, очевидно, вряд ли находится слишком далеко. Следовательно, отец просто блокирует меня, и очередная попытка скорей всего в очередной раз докажет бесполезность данного предприятия. Хотя, если существуют какие-то другие объяснения, и...

Мне показалось, что карта стала холодеть под пальцами. Было это лишь игрой воображения, или сила моего взгляда пробудила карту? Мысленно я подался вперед, сосредоточиваясь. И казалось, в ответ на мои усилия она становится еще холоднее.

— Папа? — произнес я. — Корвин?

Еще холоднее, и покалывание в подушечках пальцев, касавшихся карты. Это напоминало начало контакта. Возможно, он гораздо ближе к Владениям, нежели к Амберу, и находится сейчас в зоне досягаемости...

— Корвин, — повторил я, — это я, Мерлин. Привет.

Его изображение изменилось, будто двинулось. А затем карта совершенно почернела. Тем не менее она оставалась холодной, и возникло ощущение молчаливого контакта, словно в телефонном разговоре возникла пауза.

— Папа? Ты там?

Черная поверхность приобрела глубину. В глубине что-то шевельнулось...

— Мерлин? — Слово прозвучало неясно, хотя я был уверен, что это его голос выговаривает мое имя. — Мерлин?

Движение в глубине было реальным. Что-то стремилось наружу. Оно ринулось из карты мне в лицо, с биением черных крыл, с карканьем — ворон или ворона.

— Нельзя! — кричала птица. — Нельзя! Убирайся! Изыди! — Она билась о мою голову, а карты сыпались из рук. —

Держись подальше! — хрипела птица, кружа по комнате. — Запрещено!

Она перелетела через порог, и я погнался за ней.

— Птица! — кричал я. — Вернись!

Тщетно. Не было ответа, не слышно было и шума крыльев. Я заглядывал в другие комнаты, но ни в одной из них и признака этой твари не обнаружил.

— Птица?..

— Мерлин! В чем дело? — донеслось откуда-то сверху.

Я поднял глаза, дабы узреть Сухая, сходившего по хрустальной лестнице за пеленой дрожащего света; позади было небо, полное звезд.

— Просто ищу птицу, — ответил я.

— Ох, — сказал он, достигнув пола и переступив пелену, которая сразу вытряхнулась из бытия, захватив с собой лестницу. — Какую-то особую птицу?

— Большую и черную. Из рода говорящих.

Он покачал головой.

— Я могу послать за такой, — предложил дядя.

— Это особенная птица, — сказал я.

— Жаль, что ты потерял ее.

Мы вышли в коридор, я повернул налево и первым зашел в гостиную.

— Карты все разбросаны, — заметил мой дядя.

— Я пытался воспользоваться одной, а она стала черной и из нее вылетела птица, кричащая: «Запрещено!» В этот момент я их и рассыпал.

— Похоже, твой корреспондент или шутник, или заколдован.

Мы присели, Сухай помог мне собрать колоду.

— Скорее последнее, — сказал я. — Это была карта моего отца. Долго я пытался обнаружить его и сейчас подошел ближе всего. Я действительно слышал его голос, там, в темноте, перед тем как вмешалась черная птица и прервала связь.

— Наверное, он заточен в темное место, возможно, к тому ж магически охраняемое.

— Конечно! — воскликнул я, сложив колоду и убирая ее в коробку.

Ничто не в силах распоряжаться веществом Тени в местах абсолютного мрака. Мрак так же надежен, как слепота, когда нужно отвратить существо нашей крови от побега. Моему недавнему опыту это придает частицу здравого смысла. Некто, желающий лишить Корвина свободы, обязан держать его в очень темном месте.

— Ты когда-нибудь встречался с моим отцом? — спросил я.

— Нет, — ответил Сухай. — Я слышал, что он нанес короткий визит во Владения в конце войны. Но никогда не имел удовольствия...

— Ты слышал что-нибудь о том, что он здесь делал?

— Полагаю, присутствовал на встрече со Свейвилом и его советниками вместе с Рэндомом и другими лордами Амбера, когда они готовили мирное соглашение. После чего, как я понимаю, он пошел своей дорогой, и я понятия не имею, куда она могла его завести.

— В Амбере известно не больше, — сказал я. — Не знаю... Он убил вельможу — лорда Бореля — где-то в конце последней битвы. Есть вероятность, что родичи Бореля могли последовать за отцом?

Дядя дважды щелкнул клыками, затем поджал губы.

— Дом Хендрейков... — задумался он. — Думаю, нет. Твоя бабка была из Хендрейков.

— Знаю. Но я с ними практически не общался. Некоторые расхождения с Хелграмами.

— Пределы Хендрейка очень агрессивны, — продолжал он. — Честь воина, понимаешь ли. Я не могу представить их себе в мирное время затаившими злобу за случившееся во время войны.

Припомнив рассказы моего отца, я спросил:

— Даже если они считают убийство не совсем честным?

— Не знаю, — сказал он на это. — Трудно угадывать позиции в таких специфических вопросах.

— Кто сейчас глава дома Хендрейков?

— Герцогиня Белисса Миноби.

— Герцог, ее муж — Ларсус... Что с ним случилось?

— Он скончался при падении Пути. Полагаю, его убил принц Джулиан из Амбера.

— А Борель был их сыном?

— Да.

— Ну и ну. Уже двое. Я и не представлял себе...

— У Бореля два брата, сводный брат и сводная сестра, куча дядей, тетей, кузенов. Большое семейство. И женщины Хендрейков удалью не уступают мужчинам.

— Ну конечно. Есть даже песня: «Никогда не вступит в брак Хендрейкова девица»!.. Можно как-нибудь выяснить, имел ли Корвин определенные дела с ними, пока был здесь?

— Попробую слегка поспрашивать, хотя прошло столько времени... Воспоминания стираются, следы исчезают. Все не просто.

Сухай покачал головой.

— Сколько еще до синего неба? — спросил я его.

— Довольно мало.

— Тогда мне пора отправляться в пределы Мэндора. Я обещал брату позавтракать с ним.

— Увидимся, — сказал Сухай. — На погребении, если не раньше.

— Да. Полагаю, мне следует умыться и переодеться.

Я совершил переход в свою комнату, где вызвал таз с водой, мыло, зубную щетку, бритву, а также серые штаны, черные пояс и сапоги, пурпурные перчатки и рубаху, плащ цвета угля, клинок и ножны. Приведя себя в порядок, я совершил переход через лесную поляну в приемную. Оттуда вышел на магистраль. Потом четверть мили горной тропой, внезапно упершейся в расщелину; я вызвал пелену, чтобы пересечь ее. Затем я направился прямо в пределы Мэндора, одолев, может, сотню ярдов голубым пляжем под двойным солнцем. Повернул направо, пройдя под памятной каменной аркой, быстро миновал поле пузырящейся лавы и проник сквозь стену черного обсидиана, за которой мне открылась славная пещера, далее по маленькому мостику, наискосок через кладбище и, наконец, на приемную площадку пределов.

Сплошная стена слева от меня была создана из тягучего пламени, а то, что справа, — был путь безвозвратный; свет осенял борозду дна морского, где копошились блестящие твари, пожирая друг друга. Мэндор в человеческом облике сидел прямо перед книжным шкафом, облаченный в черное и белое, ногами упираясь в черную же оттоманку; в руках экземпляр «Прославления» Роберта Хаоса, который я дал ему.

Подняв глаза, он улыбнулся.

— «Гончие смерти страшили меня». До чего ж славная строчка! Как тебе в этом обороте?

... — Наконец отдохнул, — сказал я. — А ты?

Он встал, положив книгу на маленький столик без ножек, парящий поблизости. Тот факт, что Мэндор явно читал эту книгу специально к моему приходу, ничуть не умалял похвалы. Он всегда был таким.

— Вполне прилично, спасибо. Позволь мне тебя покормить.

Он взял меня за руку и повел к огненной стене. Та расступилась, когда мы приблизились, и наши шаги прозвучали в пространстве на миг воцарившейся темноты, почти сразу перешедшей в узкую тропинку — свет проникал сквозь свод ветвей над нашими головами, по обе стороны цвели фиалки. Тропа привела к вымощенному плитняком патио с бело-зеленым бельведером на дальнем краю. Несколько ступеней, и мы поднялись к отлично сервированному столу, тут же, под рукой,

стояли запотевшие кувшины с соками и корзины с горячими булочками.

Жестом Мэндор усадил меня. По мановению его руки рядом со мной появился кофейник.

— Я гляжу, ты запомнил мою утреннюю слабость. Спасибо.

Кивая, он едва заметно улыбнулся и сел напротив. Щебет незнакомых мне птиц доносился с деревьев. Ласковый ветерок шуршал листьями.

— Что ты намереваешься делать в эти дни? — осведомился я, наливая себе кофе и разламывая булочку.

— Обозревать сцену главным образом, — ответил он.

— Политическую сцену?

— Как всегда. Хотя недавний опыт в Амбере заставляет меня рассматривать ее как часть куда большей картины.

Я кивнул:

— Твои расследования с Фионой?..

— И это тоже. Они пришлись на очень необычные времена.

— Я обратил внимание.

— Похоже, конфликт между Путем и Логрусом проявляется в мирских делах так же, как в масштабах космических.

— У меня аналогичное ощущение. Но здесь я пристрастен. Меня преждевременно включили в партию космоса, и без всяких на то оснований. Можно подумать, что я за все веревочки дергал, лишь бы только попасть в игру. Мне это не нравится, и, если появится возможность повернуть вспять, я воспользуюсь ею.

— Гм-м, — произнес он. — А что, если вся твоя жизнь была обучением дергать за веревочки?

— Я бы не обрадовался этому. Полагаю, я чувствовал бы себя так же, разве что более напряженно.

Мэндор взмахнул рукой, и передо мной предстал изумительный омлет, сопровождаемый чуть задержавшимся гарнирным блюдом: жареный картофель с чем-то похожим на смесь лука и зеленого чилийского перца.

— Все это лишь предположения, не так ли? — сказал я и приступил к еде.

Здесь последовала длинная пауза, пока мы жевали.

— Вряд ли, — наконец отозвался Мэндор. — Я думаю, Силы, сейчас и уже долгое время, проявляют бешеную энергию, и мы относительно приближаемся к эндшпилю.

— Что заставляет тебя вмешиваться в эти дела?

— Началось с внимательного знакомства с происшествиями, — отвечал он. — Затем последовали выводы и разработка гипотез.

— Избавь меня от лекции о применении научного метода в теологии и человечьей политике, — попросил я.

— Ты спрашивал.

— Действительно. Продолжай.

— Тебя не удивляет то, что Свейвил скончался именно сейчас, когда так много доселе неспешно развивавшихся событий одновременно подошли к развязке?

— Рано или поздно он должен был уйти, — промолвил я. — А все эти недавние потрясения, возможно, оказались для него чрезмерными.

— Выбор времени, — произнес Мэндор. — Стратегическое расположение. Согласованность действий.

— Для чего?

— Для того чтобы посадить тебя на трон Владений, разумеется, — ответил он.

Глава 4

Бывает, услышишь что-нибудь неправдоподобное — и все. А другой раз услышишь, а оно эхом отзовется. Сразу появляется чувство, будто с самого начала знаком с этим или знаешь что-то очень похожее, но только разглядеть не трудился.

По праву я должен был изумиться заявлению Мэндора, затем фыркнуть что-то вроде: «Абсурд!» Однако я испытал странное чувство, — неважно, были ли верны выводы Мэндора, — как будто существовало нечто большее, чем просто предложение, будто некий глобальный план толкает меня в круг власти Владений.

Я затянул паузу долгим, неторопливым глотком кофе. Затем произнес:

— В самом деле?

И почувствовал, как улыбаюсь, когда Мэндор, ощупывая глазами мое лицо, пытался поймать мой взгляд.

— Ты осознанно принимаешь участие в этой борьбе?

Я снова поднял чашку. Я чуть было не произнес: «Нет, разумеется, нет. Впервые об этом слышу». Затем я вспомнил отца, рассказывающего мне о том, как он оставил в дураках тетку Флору и заставил дать ему жизненно важную информацию, стершуюся в результате потери памяти. Меня поразила не та ловкость, с какой отец это проделал: а факт, что его недоверие к родственникам переступило порог сознания, явилось на уровне чистого рефлекса. Не имея в семейных дрязгах опыта старших родственников, я испытывал недостаток в столь глубоких реакциях. Кроме того, мы с Мэндором ладили особенно хорошо, несмотря на то что он был веками старше и имел совсем другие вкусы в различных областях.

Неожиданно, обсуждая игру со столь высокими ставками, я будто услышал слабый голос Корвина, советующего не перемудрить: «Почему нет? Ты мог бы использовать мой опыт, малыш». И, вновь опуская чашку, я решил попытаться, хотя бы несколько минут, чтобы увидеть, какое это произведет впечатление.

— Не знаю, одно ли и то же мы подразумеваем, — произнес я. — Почему бы тебе не поведать мне о разгаре игры — или, может быть, даже вернуться к началу и рассказать о том, что подтолкнуло тебя к столь преждевременным выводам?

— И Путь, и Логрус — материи чувствующие, — начал Мэндор. — Мы оба видели тому свидетельства. Будь то появления Змея и Единорога или что другое, не суть важно. В любом случае мы говорим о паре сверхчеловеческих разумов, имеющих в своем распоряжении мощь поистине безбрежную. Кто окажется первым — еще один из бесполезных теологических вопросов. В той ситуации, когда это нас затрагивает, нам следует беспокоиться лишь о самих себе.

Я кивнул:

— Справедливое мнение.

— Силы, которые они представляют, противоборствуют, но на протяжении веков более или менее равнялись друг другу, — продолжал он, — и таким образом поддерживалось равновесие. Они постоянно одерживали небольшие победы друг над другом, стремясь расширить свои владения за счет противника. И в результате счет оставался нулевым. И Оберон, и Свейвил долгое время были их агентами, через посредничество Дворкина и Сухая, общающихся с самими Силами.

— Неужели? — промолвил я, пока Мэндор отхлебывал сок.

— Я полагаю, что Дворкин соприкоснулся с Путем слишком тесно, — продолжил он, — и таким образом стал предметом махинации. Однако старик оказался достаточно искушенным, чтобы понять это и оказать сопротивление. Результатом чего стало безумие старого мастера со взаимным ущербом для него самого и для Пути, по причине их тесной связи. Это, в свою очередь, заставило Путь оставить Дворкина в одиночестве, предпочтя такой расклад опасности дальнейшего своего повреждения. Вред тем не менее был нанесен, и Логрус достиг определенного превосходства, что позволило ему распространиться во Владения порядка, когда Брэнд начал эксперименты по умножению своих собственных возможностей. Я считаю, что он попал под контроль и стал невольным агентом Логруса.

— Это по большей части предположения, — заметил я.

— Учти, — возразил Мэндор, — что его замыслы стали выглядеть бреднями безумца. Но в них обнаруживается куда больше смысла, чем кажется на первый взгляд, если цель их — чье-то намерение разрушить весь порядок, ввергнув Вселенную в хаос.

— Продолжай.

— В какой-то момент Путь обнаружил — а возможно, окончательно освоил — способность творить призраков, недолго живущих подобий тех, кто попал на Путь. Очаровательная идея, я был чрезвычайно заинтересован. Она обусловила главный механизм, поддерживая мой тезис о непосредственном влиянии Пути и, возможно, Логруса на развитие материальных событий. Могли они фигурировать против Брэнда в выдвижении твоего отца в качестве защитника Пути? Хотел бы я знать.

— Ты говоришь, его выдвинули?

— У меня такое чувство, что Корвин был выбран Путем в качестве следующего короля Амбера, к тому же, кажется, в полном соответствии с собственным желанием. Я интересовался его внезапным выздоровлением в той земной клинике и в особенности обстоятельствами катастрофы, что занесла туда твоего отца. Тогда в различных временных потоках возможно то, что Брэнд оказался в двух местах одновременно — заключенным под стражу и глядящим в прицел ружья. Разумеется, сам Брэнд уже не способен прояснить ситуацию.

— Снова предположение, — сказал я, расправившись с омлетом. — Хотя небезынтересное. Пожалуйста, продолжай.

— Тем не менее твой отец имел серьезные намерения занять трон. Все же он был спасителем Амбера. Амбер одержал победу в войне. Путь был исправлен, равновесие — восстановлено. Рэндом оказался вторым избранником на престол — хороший хранитель status quo, — причем этот выбор был сделан Единорогом, а не жителями Амбера, следующими каким-то вариантам Уложения о наследовании.

— Мне никогда не приходило в голову взглянуть на события под таким углом, — сказал я.

— И твой отец — верю, что неумышленно, — обеспечил дополнительный козырь. Опасаясь, что Путь не будет восстановлен, Корвин сотворил другой. Да только он был восстановлен. Итак, появилось два артефакта порядка; два, а не один. Как отдельная сущность, двойник, возможно, и не прибавил Пути силы, но добавил Порядку как таковому, ослабив воздействие Логруса. Так твой отец, сместив баланс вправо, затем продолжил склонять его — теперь в другую сторону.

— Таковы выводы, которые сделаны в результате твоих и Фионы расследований, предпринятых на новом Пути?

Мэндор медленно кивнул и сделал глоток.

— Результат: учащение Теневых Бурь как вселенский эффект, ввергнувший нас в нынешние времена.

— Да, нынешние времена... — повторил я, подливая себе кофе. — Следует заметить, что они становятся все занимательней и занимательней.

— Действительно. Твоя история с этой девицей Корэл, попросившей Путь отправить ее в подходящее место, тоже лыко в строку. И что же он немедленно сделал? Он послал ее в Теневой Путь и потушил огни. Затем послал тебя, чтоб спасти ее, по ходу исправляя ту копию. Как только она была исправлена, то перестала быть Теневым Путем и стала просто версией его самого, а он получил возможность впитать свою копию. Путь, вероятно, впитал вообще всю ту Тень, значительно прибавив себе энергии. Его преимущество перед Логрусом возросло еще больше. Логрус после этого нуждался в большом военном успехе, дабы восстановить равновесие. Тогда он и решился вторгнуться на территорию Пути в отчаянной попытке обрести Око Хаоса. Все, однако, закончилось тупиком из-за вмешательства того причудливого существа, которое вы кличете Призрачным Колесом. Таким образом, преимущество Пути сохранилось, как сохранилось и нездоровое положение дел.

— Для Логруса.

— Для всех, правильнее сказать. Силы будут неравны, материя Теней — потревожена, а в обоих государствах воцарится смута до тех пор, пока не восстановится порядок вещей.

— Итак, следует что-то сделать на благо Логруса?

— Ты уже знаешь что.

— Полагаю, да.

— Он связан с тобой непосредственно, не так ли?

Я припомнил ночь в часовне, там, где я был поставлен перед выбором между Змеем и Единорогом, Логрусом и Путем. Возмутившись запугиванием в такой насильственной форме, я отказался от любого выбора.

— Да, именно так, — ответил я.

— Он хотел перетянуть тебя на свою сторону, верно?

— Полагаю.

— И?..

— ...и мы здесь, — отозвался я.

— Ты получил какие-нибудь свидетельства, способные подтвердить мой тезис?

Мне вспомнился тот переход через Подтенье, где угроза сочеталась с призраками Пути, Логруса или их обоих.

— Полагаю, что так, — повторил я. — Но в конечном итоге, завершая то путешествие, я послужил Пути, пусть и невольно.

— Ты готов исполнить план Логруса, направленный на благо Владений?

— Я готов искать решение, ведущее к спокойствию во всех умах.

Мэндор улыбнулся:

— Это условие или договор?

— Это утверждение решимости, — сказал я.

— Если Логрус выбрал тебя, у него есть на то причины.

— Смею думать.

— Само собой разумеется, что, имея тебя на троне, Дом Саваллов усилится безмерно.

— Мысль приходила мне в голову, теперь ты высказал ее.

— Для любого с твоим происхождением, естественно, появляется необходимость четко определить, с кем ты окончательно, с Амбером или с Владениями.

— Предвидишь новую войну?

— Нет, конечно же, нет. Но что бы ты ни совершил для усиления Логруса, это пробудит Путь и спровоцирует определенный ответ Амбера. Вряд ли дело дойдет до войны, однако возможно то или иное возмездие.

— Нельзя ли более точно сформулировать, что у тебя на уме?

— Сейчас это лишь утверждения общего порядка, дабы дать тебе удобную возможность определить свои реакции.

Я кивнул:

— Раз мы толкуем об общих местах, повторю мое высказывание: я готов искать решение.

— Отлично, — сказал Мэндор. — Пока мы, как прежде, понимаем друг друга. Очевидно, в своем стремлении взойти на трон ты добиваешься того же, чего и мы...

— Мы? — перебил его я.

— Дом Саваллов, разумеется. Ты же не хочешь, чтобы тебе диктовали.

— Можно продиктовать любезно, — ответил я.

— Впрочем, все это, разумеется, чисто условно; имеется парочка претендентов с притязаниями посильней.

— Так зачем говорить о случайностях?

— Однако, если Дом согласен видеть тебя коронованным, можешь ты признать необходимость рассмотреть такую возможность?

— Брат, — произнес я, — во всех значительных вопросах

Дом — это ты. Если ты требуешь обязательств, прежде чем устранить Тмера и Таббла, забудь об этом — я не настолько жажду занять трон.

— В этом деле твои желания — не главное, — возразил он. — Нет оснований для подобной щепетильности, учитывая, что мы уже давно в ссоре с Джезби, а Чаникуты всегда были смутьянами.

— Щепетильность тут ни при чем. Я никогда не говорил, что жду трона. И откровенно говоря, считаю, что и Тмер и Таббл, возможно, окажутся лучше меня.

— Они не избраны Логрусом.

— А если я избран, то должен добиться трона без посторонней помощи.

— Брат, есть огромная брешь между его миром — миром принципов — и нашим — из плоти, камня и стали.

— А если допустить, что у меня свои намерения и твой план в них не входит?

— Какие же у тебя намерения?

— Мы говорим чисто условно, помнишь?

— Мерлин, до чего ж ты упрям! У тебя есть обязательства перед Домом, так же как перед Владениями и Логрусом!

— Я способен сам оценить свои обязательства, и их у меня достаточно... пока.

— Если у тебя есть план расставить все по своим местам и если этот план хорош, мы поможем воплотить его в жизнь. Что же у тебя на уме?

— В этом отношении я в помощи не нуждаюсь.

— В чем же ты в данный момент нуждаешься?

— В информации, — сказал я.

— Спрашивай. У меня ее море.

— Отлично. Что ты можешь мне рассказать о родственниках моей матери с материнской стороны, о Доме Хендрейков?

Мэндор поджал губы.

— Профессиональные вояки. Ты знаешь, они на месте не сидят, всегда в гуще войн Царства Теней. Просто любят это дело. После смерти генерала Ларсуса Домом правит Белисса Миноби. Гм-м... — Он сделал паузу, затем продолжил: — Тебя интересует их несколько странная мания, касающаяся Амбера?

— Амбера? — переспросил я. — То есть?

— Я припомнил один свой дружеский визит в пределы Хендрейка, — сказал Мэндор, — когда я забрел в маленькую, подобную часовне комнату. В нише одной из стен висел портрет генерала Бенедикта в полном боевом облачении. Ниже была

полочка, вроде алтаря, с оружием и горящими свечками. Еще там было изображение твоей матери.

— Неужели? Интересно, знает ли Бенедикт? Дара однажды рассказала моему отцу, что происходит от Бенедикта. Позже он посчитал это абсолютным враньем... Как ты думаешь, стали бы такие люди держать злобу на моего отца?

— За что?

— Корвин сразил Бореля Хендрейкского.

— Они имеют склонность относиться к таким вещам философски.

— Однако, исходя из рассказов отца, я прихожу к заключению, что он воспользовался не совсем благородными приемами, хотя я не думаю, что тому были какие-то свидетели.

— Так оставим в покое спящих драконов.

— У меня нет намерения будить их. Но вот что мне интересно: услышь члены Дома Хендрейка какие-то подробности, стали бы они из кожи вон лезть, дабы заплатить долг чести? Не думаешь ли ты, что они могут стоять за исчезновением моего отца?

— Совершенно не представляю, как это соответствует их кодексу, — ответил Мэндор. — Полагаю, ты мог бы сам у них спросить.

— Просто выйти и сказать: «Э, не вы ли виноваты в том, что случилось с моим папой»?

— Существует масса хитрых способов выведать чужое мнение, — отреагировал брат. — Насколько я слышал, в юности ты получил несколько хороших уроков по этому предмету.

— Я ведь даже не знаю этих людей. То есть, наверное, встречался с одной из сестер на приеме, а еще припоминаю, что несколько раз видел издалека Лазаруса и его жену, но вот и все.

— Представитель Хендрейков будет на похоронах, — сказал брат. — Если я представлю тебя, то, возможно, тебе удастся использовать чуточку обаяния и получить неофициальную аудиенцию.

— Знаешь, в твоей идее что-то есть, что-то правильное, — проговорил я. — Возможно, единственно правильное. Да, пожалуйста, познакомь нас.

— Прекрасно.

Мановением руки Мэндор очистил стол и вновь заставил его блюдами. На этот раз перед нами предстали тонкие, как бумага, блинчики с множеством начинок и подливок, а еще разнообразно приправленные свежие булочки. Какое-то время мы ели молча, внимая ароматам, птицам и ветерку.

— Желал бы я кое-что посмотреть в Амбере, — произнес брат после долгой паузы, — при менее строгих ограничениях.

— Уверен, что смогу тебе посодействовать, — отозвался я. — Буду рад показать тебе окрестности. Я знаю отличный ресторанчик в Мертвом тупике.

— Должно быть, тот, что держит Кровавый Эдди?

— Он самый, хотя имя периодически меняется.

— Я слышал о нем и давно интересуюсь.

— Как-нибудь туда заглянем.

— Превосходно.

Мэндор хлопнул в ладоши, и появились вазы с фруктами. Я подлил себе кофе и обвалял кадотскую фигу в пиале со взбитыми сливками. Потом заметил:

— Позже я буду обедать со своей матерью.

— Да. Я подслушал.

— Ты часто видел ее в последнее время? Как она поживает?

— По ее словам, уединенно.

— Думаешь, она что-то затевает?

— Вероятно, — ответил брат. — Не помню случая, чтобы она чего-то не затевала.

— Есть соображения, что именно?

— Зачем мне гадать, когда она, надо думать, все сообщит тебе прямо.

— Ты действительно так полагаешь?

— У тебя преимущество перед любым другим, ведь ты ее сын.

— А еще слабость — по той же причине.

— Все же она охотнее расскажет тебе, чем кому-либо постороннему.

— Кроме, возможно, Джарта.

— Почему ты так считаешь?

— Она всегда любила его больше.

— Смешно, я слышал, как он говорил то же самое о тебе.

— Ты часто его видишь?

— Часто? Нет.

— Когда в последний раз?

— Около двух циклов назад.

— Где он?

— Здесь, во Владениях.

— У Саваллов? — Передо мной предстала картина, как Джарт присоединяется к нам за обедом. Не хотелось, чтобы мать подложила мне такую свинью.

— Думаю, на одном из окольных путей. Он довольно скрытен в отношении своих передвижения... и местопребывания.

Имелось где-то порядка восьми известных мне резиденций

на окольных путях к пределам Саваллов. Трудно было бы догонять его по всем этим тропинкам, которые легко могут завести в Царство Теней. Да в настоящий момент я и не жаждал этого.

— Что привело его домой?

— То же, что и тебя, — погребение, — сказал Мэндор. — И все сопутствующее.

Все сопутствующее, разумеется!.. Если действительно существует заговор с целью посадить меня на трон, то не следует забывать, что Джарт — вольно или невольно, успешно или безуспешно — будет идти за мной по пятам.

— Может, убить его? — вслух размышлял я. — Не хочу. Но он не дает мне выбора. Рано или поздно Джарт поставит нас в такое положение, где место останется только одному.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты знал мои чувства по этому поводу и мог использовать возможные остатки своего влияния, дабы склонить его найти себе какое-нибудь другое увлечение.

Мэндор покачал головой:

— Я давным-давно не имею на Джарта никакого влияния. Дара, похоже, единственная, к кому он прислушивается... Хотя подозреваю, что он по-прежнему боится Сухая. Скоро ты сможешь обсудить этот вопрос с матерью.

— Есть одна тема, которую никто из нас не станет с нею обсуждать: он — меня, а я — его.

— Почему бы и нет?

— Потому. Мать все всегда понимает превратно.

— Не хочет же она, чтобы ее сыновья убили друг друга.

— Конечно, нет, но я не знаю, как ее вразумить.

— Советую отыскать какой-нибудь способ. Я бы ухитрился не оставаться наедине с Джартом, пересекись ваши дорожки. А если бы это случилось при свидетелях, удостоверился бы, что они видят: первый удар не за мной.

— Принято, Мэндор, — сказал я.

Какое-то время мы сидели молча. Затем он промолвил:

— Обдумай мое предложение.

— Насколько я понял его, — отозвался я.

Он нахмурился:

— Если у тебя есть какие-то вопросы...

— Нет. Я обдумаю.

Он встал. Я тоже поднялся. Жестом Мэндор очистил стол, затем повернулся и направился к выходу. Я последовал за ним из бельведера и через двор к тропе.

После прогулки мы оказались в его наружном рабочем кабинете, он же приемная. Когда мы направились к выходу, Мэндор сжал мне плечо.

— Итак, увидимся на похоронах.

— Да, — сказал я. — Спасибо за завтрак.

— Между прочим, как тебе эта леди, Корэл?

— О, вполне ничего, — произнес я. — Она довольно... мила. А что?

Он пожал плечами:

— Обычное любопытство. Я беспокоился о ней во время ее злоключений, и теперь мне интересно, много ли она значит для тебя.

— Достаточно того, что она доставляет мне массу хлопот.

— Я понимаю. Хорошо, если будешь говорить с ней, передай мои наилучшие пожелания.

— Спасибо, обязательно.

— Позже продолжим наш разговор.

— Да.

Без лишней спешки я отправился в путь. До того как ступить в пределы Савалла, у меня еще оставалась масса времени.

Дойдя до дерева в форме виселицы, я сделал передышку. Минутное раздумье, и я свернул налево, держась тропинки, поднимающейся среди темных скал. Ближе к вершине я шагнул прямо во мшистый валун и вышел под легкий дождь на песчаную отмель. Я бежал через поле, лежащее передо мной, пока не достиг векового дерева, под которым находился волшебный круг. Я ступил в центр круга, сотворил двустишие, срифмованное на моем имени, и погрузился в землю. Когда погружение завершилось и мгновенная тьма рассеялась, я обнаружил себя у сырой каменной стены, глядящим вниз, в глубь панорамы надгробий и монументов.

Небо целиком затянуло тучами, гулял холодный ветер. Было ощущение сумерек, но я не мог сказать, утренних ли, вечерних. Место выглядело в точности так, каким я его запомнил: потрескавшиеся мавзолеи, затянутые плющом осыпавшиеся каменные ограды, тропинки, блуждающие под высокими темными деревьями... Хорошо знакомыми тропами я двинулся дальше.

В детстве здесь было мое любимое место для игр. В течение дюжины циклов я почти ежедневно встречался с маленькой девочкой из Тени. Ее звали Ранда. Пробираясь сквозь поросшие мокрым кустарником груды костей, я наконец приблизился к разрушенному мавзолею, где мы играли в домик. Распахнув провисшие ворота, я вошел внутрь. Ничего не изменилось, и усмешка невольно тронула мои губы. Треснувшие чашки и блюдца, потускневшая утварь — все по-прежнему

свалено в углу, все в пятнах сырости. Я обмахнул постамент для гроба, служивший нам столом, и сел. Однажды Ранда просто перестала приходить, и, какое-то время спустя, я тоже. Я часто гадал, какого типа женщиной она стала... Я вспомнил, что оставил ей записку под расщатанной плитой пола. Меня заинтересовало, нашла ли она письмо.

Я поднял камень. Мой грязный конверт все еще лежал здесь нераспечатанным. Я вытащил его, отряхнул; оттуда выскользнул сложенный листок.

Я развернул его и принялся читать мои детские каракули: «Что случилось, Ранда? Я ждал, а ты не пришла». Ниже, куда более аккуратным почерком, было приписано: «Я больше не смогла приходить, потому что мои родственники говорят, что ты демон или вампир. Мне очень жаль, потому что ты самый славный демон или вампир, которого я знаю».

Такого я никогда не предполагал. Поразительно, до чего могут быть неправильно поняты чужие особенности.

Я еще немного посидел, вспоминая детство. Здесь я учил Ранду игре в пляшущие кости... Я щелкнул пальцами, и наша заколдованная груда костей, лежащая посреди дороги, зашуршала, будто потревоженные листья. Мои юношеские чары все еще были в силе; кости покатились вперед, складываясь в пару скелетов, и начали свой короткий неуклюжий танец. Они кружили друг против друга, с трудом удерживаясь в фигуре, рассыпаясь на части, тряся паутиной; свободные же кости — запасные — подпрыгивали вокруг. Соприкасаясь, они чуть слышно щелкали. Я запустил их быстрее.

Тень пересекла дверной проем, и донесся смешок:

— Будь я проклят! Вот все, что тебе нужно, — это гроб? Любопытно вы, в Хаосе, проводите время.

— Люк! — воскликнул я, когда пришелец шагнул вовнутрь. Мои скелеты обрушились и стали двумя маленькими кучками, как только мое внимание их покинуло. — Что ты здесь делаешь?

— Допустим, продаю участки на кладбище. Не угодно взять?

На нем была красная рубаха и форменные хаки, заправленные в коричневые замшевые сапоги. На плечах висел рыжевато-коричневый плащ. Люк ухмыльнулся.

— Почему ты оставил королевство?

Его улыбка стерлась, сменившись на мгновение замешательством, но почти сразу же вернулась.

— Почувствовал, что нуждаюсь в передышке. А ты что? Ведь скоро похороны, не так ли?

— Позже, — сказал я. — А пока мне и самому понадобилась передышка. Все же как ты попал сюда?

— Вслед за собственным носом, — сообщил Люк. — В жажде толики интеллектуальной беседы.

— Будь посерьезней. Никому не известно, что я здесь. До последней минуты даже я сам не знал этого. — Я ощупал карманы. — Не подсунул ли ты мне опять нечто вроде тех синих камней, а?

— Нет, не так примитивно. Кажется, у меня есть для тебя некоего рода послание.

Я вскочил и подошел к нему, изучая его лицо.

— С тобой все в порядке, Люк?

— Не сомневайся. Полный порядок, как всегда.

— Нешуточное дело обнаружить тебя в такой близости от Владений. Особенно если прежде ты никогда здесь не был. Как тебе удалось?

— Наилучшим образом. У нас с Владениями давняя связь, старина, можно сказать, что они у меня в крови.

Люк подвинулся, и я шагнул наружу. Мы стали прогуливаться.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, мой папа провел здесь некоторое время в дни своих интриг, — сказал он. — И здесь повстречал мою мать.

— Я и понятия не имел.

— Это никогда не афишировалось.

— Действительно, — произнес я. — И никто, кого я спрашивал, не знал, откуда взялась Джасра. Далеко она забрела от дома.

— Фактически она была завербована в Тени, лежащей неподалеку, — объяснил Люк. — Примерно такой же, как эта.

— Завербована?

— Да, несколько лет она прислуживала в пределах Хелграма — думаю, начала совсем молодой.

— Хелграм? Это дом моей матери.

— Точно. Она была компаньонкой леди Дары. Там и обучилась магии.

— Джасра обучалась колдовству у моей матери? И встретила Брэнда в Хелграме? Получается, что Хелграм как-то участвовал в заговоре Брэнда, в Черном Пути, в войне...

— ...и леди Дара, следящая за твоим отцом. Полагаю, что так.

— Потому что она хотела стать посвященной Пути, так же как и Логруса?

— Возможно, — сказал Люк. — Меня там не было.

Мы спустились по дорожке из гравия, свернули у большой купы темного кустарника, прошли сквозь каменный лес, по мосту, что был переброшен через медленный, темный поток,

где отражались высокие ветви и небо... Заблудившийся ветерок шуршал листьями.

— Почему же ты никогда об этом не упоминал?

— Я собирался, да все откладывал, — сказал он. — Хватало других, более срочных дел.

— Действительно, — проговорил я, — всякий раз, когда наши пути пересекались, мы, казалось, лишь ускоряли шаг. Но сейчас — не потому ли ты спешно все мне выложил, что знать это вдруг стало мне необходимо?

— Ну, не совсем. — Люк остановился и оперся о могильный камень, сжав его так, что побелели суставы. Камень под пальцами рассыпался в пыль, опускающуюся на землю, подобно снегу. — Не совсем, — повторил он. — Просто я хотел, чтобы ты знал. Может, это принесет тебе пользу, может быть, нет. Таков удел информации — она может остаться невостребованной.

Неожиданно верхушка надгробья со скрипом и треском поехала в сторону. Люк, казалось, не замечал этого, его рука продолжала сжиматься. Куски посыпались с отколовшегося камня, который он теперь держал в руке.

— Итак, ты проделал такой путь, чтобы сказать мне об этом?

— Нет, — ответил он, когда мы повернулись и зашагали обратно. — Я был послан, дабы сообщить тебе кое-что другое. Но если бы я передал сообщение сразу, мне не позволили бы продолжать — меня подпитывают, лишь пока я выполняю задание.

Послышался страшный хруст, и камень, что держал Люк, осыпался гравием, смешавшимся с тем, которым была усыпана дорожка.

— Позволь взглянуть на твою руку.

Он отряхнул и протянул мне руки. Крошечный огонек мерцал у основания его указательного пальца. Люк дотронулся до него большим пальцем, и огонек погас.

Я ускорил шаг.

— Люк, ты знаешь, кто ты?

— Что-то во мне, кажется, знает, но я — нет, приятель. Я только чувствую — со мной не все в порядке. Давай я лучше поскорей сообщу тебе то, что должен.

— Нет. Держись, — сказал я, торопясь еще больше.

Что-то темное мелькнуло над головой и скрылось среди деревьев, так быстро, что я не успел его разглядеть. Мы с трудом устояли под внезапным порывом ветра.

— Ты понимаешь, что происходит, Мерль?

— Думаю, да, — ответил я. — И хочу, чтобы ты делал в точности то, что я говорю, каким бы странным это ни казалось. Договорились?

— Конечно. Если я не могу доверять лорду Хаоса, кому же тогда доверять, а?

Мы поспешно прошли мимо зарослей кустарника. Мой мавзолей стоял прямо перед нами.

— Знаешь, действительно есть нечто... я чувствую, что обязан сказать тебе это прямо сейчас, — проговорил Люк.

— Заткнись. Пожалуйста.

— И все же это очень важно.

Я обогнал его. Он тоже побежал, стараясь не отставать.

— Речь идет о твоем пребывании здесь, во Владениях, именно сейчас.

Достигнув стены каменного строения, я вытянул руки и кинулся к двери. Три больших шага, и я уже стою в углу на коленях, хватаю старую чашку, краем плаща обтираю ее.

— Мерль, какого черта ты делаешь? — спросил Люк, входя следом за мной.

— Еще минута, и я все тебе покажу.

Поставив чашку на тот камень, где я прежде сидел, я простер над ней руку, вытащил кинжал и рассек им себе запястье.

Вместо крови из надреза вырвалось пламя.

— Нет! Черт подери! — вскричал я.

Я схватил спикард, поймал надлежащую линию и наложил на рану холодящее заклинание. Пламя мгновенно сгинуло, и потекла кровь. Однако, пролившись в чашку, кровь начинала дымиться. Изрыгая проклятия, я добавил заклинанию силы, чтобы оно еще и в чашке сохраняло кровь жидкой.

— Да уж, что странно, то странно. Тут я согласен, — заметил Люк.

Я отложил клинок и пережал левую руку повыше раны. Кровь заструилась быстрее. Спикард пульсировал. На лице Люка застыло напряженное внимание.

Я сжал кулак. Чашка наполнилась уже более чем наполовину.

— Ты говорил, что доверяешь мне.

— Боюсь, что так, — ответил Люк.

Три четверти...

— Придется тебе это выпить, — сказал я. — Обязательно.

— Я подозревал, что все кончится чем-то подобным, — кивнул он, — но на самом деле это, возможно, и неплохая идея. Похоже, помощь мне требуется именно сейчас.

Люк взял чашку и поднес ее к губам. Я зажал рану ладонью. Снаружи доносились порывы ветра.

— Когда закончишь, поставь ее на место. Тебе необходимо больше.

Я слышал, как он глотал.

— Лучше, чем пойло Джеймсона... Не знаю уж почему. — Он вернул чашку на место и добавил: — Хотя слегка солоновато.

Я отнял руку от раны, снова пережал запястье и стиснул кулак.

— Эй, приятель. Ты теряешь много крови. Я уже чувствую себя в порядке. Просто слегка кружится голова, вот и все. Мне больше не нужно.

— Нужно, — сказал я. — Поверь. Однажды я отдал крови гораздо больше, а на следующий день побежал на свидание.

Ветер перерос в ураган, беснующийся снаружи.

— Не желаешь все же сообщить мне, что происходит? — осведомился Люк.

— Ты — призрак Пути, — сообщил я ему.

— Что ты имеешь в виду?

— Путь способен воспроизвести любого, кто когда-либо его проходил. У тебя все признаки. Я их знаю.

— Эй, но я чувствую себя вполне реальным! Да я даже не проходил Путь в Амбере. Я делал это в Тир-на Ног'тхе.

— Видимо, он способен контролировать два изображения, раз они точные копии. Ты помнишь свою коронацию в Кашфе?

— Коронацию? Какую, к дьяволу, коронацию? Ты подразумеваешь, что я получил трон?

— Ну. Ринальдо Первый.

— Черт возьми! Уверен, мамочка счастлива.

— Не сомневаюсь.

— Как-то это неловко, когда тебя — двое. Ты, похоже, знаком с таким явлением. Значит, мастерит копии Путь?

— Вас, парни, надолго не хватает. Очевидно, чем ближе вы к Пути, тем и сами сильнее. Должно быть, понадобилась масса энергии, чтобы заслать тебя сюда. Давай, выпей еще.

— Конечно. — Люк залпом опрокинул половину чашки, поставил на место и спросил: — А при чем тут драгоценная телесная влага?

— Кровь Амбера, похоже, создает поддерживающий эффект для призраков Пути.

— Ты хочешь сказать, что я теперь вроде вампира?

— Полагаю, формально ты можешь считать именно так.

— Не уверен, что мне все это нравится, особенно такая специализация.

— Согласен, здесь есть определенный недостаток. Но всему свое время. Давай для начала придадим тебе устойчивость, а потом будем рассматривать дело с разных точек зрения.

— Отлично. Перед тобой внимательнейшая публика.

В стороне послышался грохот, будто катился валун, сопровождаемый слабым лязганьем.

Люк повернул голову.

— Знаешь, я не уверен, что это ветер.

— Сделай последний глоток, — сказал я, отходя от чашки и нащупывая носовой платок. — Он поддержит тебя.

Люк выпил залпом, пока я обматывал платком запястье.

— Сматываемся отсюда, — предложил я. — Чую недоброе.

В дверном проеме возникла фигура. Лицо ее терялось в тени, и я заказал у спикарда приличное освещение.

Это был Борель, зловеще скалящий зубы.

— Из тебя выйдет отличная свечка, — обратился он к Люку.

— Ошибаешься, Борель, — заявил я.

Внезапно между нами проплыл Знак Логруса.

— Борель? Мастер Меча? — удивленно воскликнул Люк.

— Именно.

— Черт побери! — сказал Люк.

Глава 5

Когда я устремил вперед две самые смертельные силы спикарда, Знак Логруса перехватил их и отвел в сторону.

— Не для того я его спасал, чтобы отдать тебе в лапы! — закричал я.

И тотчас нечто подобное Пути, но все же не в точности такое, внезапно обрело реальность поблизости.

Знак Логруса скользнул влево от меня. Новое существо — кем бы оно ни было — бросилось за ним; оба бесшумно прошли сквозь стену. Почти незамедлительно последовал громовой раскат, сотрясший здание. Даже Борель, тянувшийся за клинком, застыл на миг, затем протянул руку, чтобы ухватиться за дверь. В это время за его спиной появилась другая фигура и смутно знакомый голос обратился к нему:

— Пожалуйста, извините. Вы загородили мне дорогу.

— Корвин! — закричал я. — Папа!

Борель повернул голову.

— Корвин, принц Амбера? — произнес он.

— Разумеется, — последовал ответ. — Хотя, боюсь, что не имел удовольствия...

— Я Борель, герцог Хендрейк, Мастер Оружия пределов Хендрейка.

— Сколько заглавных букв, сэр!.. Рад познакомиться, — сказал Корвин. — Теперь, если вы не возражаете, я бы хотел пройти, дабы увидеть моего сына.

Борель повернулся, а рука его дернулась к эфесу клинка. Я уже готов был броситься вперед, и Люк тоже. Как вдруг — мимолетное движение позади Бореля; удар, казалось, несильный, заставил его согнуться пополам. Затем на шею мастера обрушился кулак, и Борель рухнул на землю.

— Пойдемте, — поманил нас Корвин. — Думаю, нам лучше смыться отсюда.

Мы с Люком вышли, переступив через поверженного Мастера Оружия пределов Хендрейка. Земля слева почернела, будто от недавнего лесного пожара, начинал моросить дождь. Вдалеке появились еще две человеческие фигуры, направляющиеся к нам.

— Не знаю, вытащит ли меня обратно сила, что принесла сюда, — произнес, озираясь, Корвин. — Она, возможно, занята чем-то иным. — Через минуту он продолжил: — Похоже на то... Что ж, дело за тобой, Мерлин. Как будем делать ноги?

— Вот так, — сказал я ему, повернулся и бросился бежать.

Они понеслись за мной по дорожкам, что привели меня на это место. Я посмотрел назад и обнаружил шесть темных фигур, гнавшихся за нами.

Я припустил в гору мимо надгробных плит и скульптур и оказался в конце концов у старой каменной стены. Тут позади нас послышались крики. Не обращая на них внимания, я потянул к себе моих спутников и произнес двустишие, слогом и размером несколько уступающее идеалу. Тем не менее заклятие подействовало, и со страшной силой брошенный булыжник не достиг цели, ибо мы уже погружались в землю.

Мы, словно грибы, выросли на волшебном кольце, и я трусцой погнал своих спутников к дюне. Сзади опять послышался пронзительный вопль. Мы прошли сквозь валун и скалистой тропой спустились к дереву-виселице. Повернув налево, я пустился бежать.

— Подожди! — окликнул меня Корвин. — Я чувствую что-то знакомое... Там!

Он свернул с тропы вправо и побежал в направлении небольшого холма. Люк и я следом. Из-за спины доносился шум, сопровождающий выход наших преследователей из валуна.

Между двумя деревьями мерцало световое пятно, и мы, похоже, направлялись именно к нему. Когда мы подбежали ближе и его очертания стали проясняться, я сообразил, что это напоминает контуры того подобия Пути, что я лицезрел в мавзолее.

Папа не останавливаясь бросился прямо в эту штуку. И пропал. Вновь сзади раздался крик. Люк следующим прошел сквозь мерцающий экран, а я замыкал шествие, наступая ему на пятки.

Теперь мы бежали по прямому жемчужному туннелю, и когда я оглянулся, то увидел, что он словно сворачивается за мной.

— Нас преследовать больше не могут! — крикнул Корвин. — Тот конец уже замкнут.

— Тогда почему мы бежим? — спросил я.

— Опасность еще не миновала, — отозвался отец, — мы пересекаем владения Логруса. Если нас здесь засекут, будут крупные неприятности.

Мы что было сил неслись по странному туннелю.

— Мы бежим сквозь Царство Теней? — поинтересовался я.

— Да.

— Тогда, видимо, чем дальше мы уйдем, тем лучше.

Все затряслось, и я вытянул руку, чтобы заслониться от каких-то летящих кусков.

— О-го-го! — воскликнул Люк.

— Да уж, — согласился я, глядя, как туннель стал распадаться на части.

Казалось, из стен и пола выдирают огромные глыбы. И полный мрак царил в этих дырах.

Мы продолжали свой путь, перепрыгивая через провалы. Затем что-то вновь беззвучно ударило, вдребезги расколов туннель вокруг нас, за нами, впереди нас...

Мы падали.

Ну, не совсем падали. Мы как бы дрейфовали в тусклом, густом тумане. Ничего не чувствовалось ни под ногами, ни в каком-либо другом направлении. Было ощущение свободного падения, но не было предмета, относительно которого можно было бы узреть свое движение.

— Проклятье! — услышал я возглас Корвина.

Какое-то время мы парили, падали, дрейфовали...

— Ведь почти... — снова донеслось его бормотание.

— Что-то вон там! — неожиданно объявил Люк, указывая направо.

Там смутно серело нечто огромное. Я направил сознание в спикард и прощупал пространство в указанном направлении. Что бы это ни было, оно было неодушевленным, и я велел контрольному щупу направить нас туда.

Никакого движения не чувствовалось, но эта штука росла, приобретая знакомые очертания и красноватый оттенок. Когда стали проявляться детали, я уже догадался.

— Выглядит, как твоя «Полли Джексон», — заметил Люк. — Даже снегом припорошена.

Да, это был мой красно-белый «Шевроле» 57-го года — вот к чему мы приближались, здесь, в Лимбо.

— Это воссоздание, извлеченное из моей памяти, — сообщил я ему. — И выглядит как живая — возможно, потому, что я так заботился о ней. А еще потому, что, похоже, именно сейчас она нам очень пригодится.

Мы подошли со стороны водителя, я потянулся к ручке и нажал на кнопку. Машина, разумеется, была не заперта. Я открыл дверцу, скользнул за баранку; Люк и Корвин тоже уже залезли. Ключи, разумеется, оказались на месте.

Двигатель завелся сразу. Я глядел поверх яркого капота в ничто. Включил фары, но это не помогло.

— Ну а теперь? — спросил Люк.

Я поставил первую скорость, снял с ручного тормоза и отпустил сцепление. Когда я дал газ, показалось, что колеса вращаются. Несколько мгновений спустя я перевел на вторую. Чуть позже перешел на третью.

Было ли это движение реальным или все дело в силе воображения?

Я прибавил газу. Туманная панорама будто бы слегка посветлела далеко впереди, хотя я подозревал, что попросту слишком уж пристально вглядываюсь. От баранки не было особого толку. Я сильно нажал на акселератор.

Внезапно Люк включил радио.

«...опасные дорожные условия, — прозвучал голос диктора, — поэтому лучше сбавить скорость». И тут же врубился Уинтон Марсалис, исполняющий «Караван».

Приняв услышанное как личное послание, я сбросил газ.

Появилось чувство движения вперед, и казалось, будто заря разгорается на горизонте. Еще казалось, что мы обрели какой-то вес и глубже вдавились в сиденья. Мгновениями позже ощущение реальной поверхности под колесами автомобиля стало еще более явственным. Любопытно, что произойдет, если я покручу баранку... Впрочем, вряд ли стоит экспериментировать.

Из-под колес донесся скрипящий звук. С обеих сторон возникли сумрачные очертания; уплывая назад, они усиливали чувство движения. Теперь далеко впереди мир и вправду светлел.

Я даже еще притормозил, потому что стало казаться, будто мы едем по настоящей дороге при очень плохой видимости. Затем фары стали высвечивать проносящиеся мимо силуэты, на мгновение придавая им черты деревьев и насыпей, зарослей кустарника, скал. Тем не менее зеркало заднего вида по-прежнему отражало ничто.

— Совсем как в старые времена, — произнес Люк. — Выбрались за пиццей ненастным вечерком!..

— Точно, — согласился я.

— Надеюсь, у того, другого меня, в Кашфе, кто-нибудь открыл пиццерию... Как ты думаешь, когда это наказание отстанет от меня?

— Не знаю, Люк.

— Я к тому, что нельзя же и дальше так пить твою кровь. А что там со мной — вторым?

— По-моему, я могу предложить тебе дело, которое разрешит эту проблему, — сказал ему Корвин. — На время, во всяком случае.

Деревья теперь несомненно были деревьями, туман — настоящим туманом, слегка подрагивающим. Ветровое стекло подернулось влагой.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Люк.

— Одну минутку.

В тумане появились просветы, и в них стал виден настоящий пейзаж. Внезапно я осознал, что еду, собственно, не по дороге, а по довольно ровному участку земли. На всякий случай я еще снизил скорость.

Тут изрядный кусок тумана растворился или улетел, обнажив громадное дерево. А еще участок земли, будто пылающей. Знакомое чувство вызывала эта неполная картина...

— Это место твоего Пути, не так ли? — спросил я, когда вокруг еще немного прояснилось. — Фиона однажды проводила меня сюда.

— Да, — последовал ответ.

— И его подобие — та штука, что я видел сражавшейся со Знаком Логруса на кладбище, — и провело нас через туннель?

— Да.

— Тогда... он тоже обладает разумом, как Путь Амбера, как Логрус...

— Правда. Припаркуйся вон там, у дерева.

Я повернул руль и направился к ровному месту, которое он указал. Пелена по-прежнему обволакивала окружающее пространство, но совсем не такая тяжелая и всеобъемлющая, как на дороге, по которой мы ехали. Это мог быть сумрак, вызванный туманом, но отблеск эксцентричного Пути прояснял вечернюю тусклость нашего чашеобразного мира.

Когда мы выкарабкивались наружу, Корвин сказал Люку:

— Призраки Пути долго не живут.

— Это я понял, — отозвался Люк. — Ты знаешь какие-нибудь ухищрения для оказавшихся в такой ситуации?

— Я знаю их все. Приходится знать, как говорится.

— Ну?

— Папа?.. — вымолвил я. — Ты подразумеваешь...

— Да, — ответил он. — Мне неизвестно, где может быть мой первоначальный вариант.

— Ты тот, с кем я повстречался тогда? Тот, кто недавно находился в Амбере?

— Да.

— Понимаю. Хотя ты не кажешься в точности таким, как другие, с кем я встречался.

Он протянул руку и сжал мое плечо.

— Я начертал эту вещь, — произнес он, бросив взгляд в сторону Пути, — и я единственный, кто прошел его. Следовательно, я единственный, призрак которого он может вызвать. Кажется, и он рассматривает меня несколько иначе, нежели просто с утилитарным вниманием. Мы можем общаться, в известном смысле, и он, похоже, склонен отдавать энергию, необходимую для поддержания моей устойчивости — сейчас уже довольно долго. У нас есть свои собственные замыслы, и наши взаимоотношения кажутся чуть ли не симбиозом. Призраки Пути Амбера и призраки Логруса по натуре куда более эфемерны...

— У меня такое же впечатление, — заметил я.

— ...кроме одного, которому ты помог, за что я тебе признателен. Он теперь под моей защитой, столько, сколько понадобится. — Отец отпустил мое плечо, затем добавил: — Я еще не был должным образом представлен твоему другу.

— Извини, я растерялся... Люк, позволь представить тебя моему отцу, Корвину из Амбера. Сэр, Люк, собственно, известен как Ринальдо, сын твоего брата Брэнда.

Глаза Корвина на мгновение расширились, затем сощурились, изучая физиономию Люка, и он протянул руку.

— Приятно встретить друга, а также родственника моего сына.

— Я тоже рад знакомству, сэр.

— А я-то думал, что в тебе кажется таким знакомым...

— Сходство скорее внешнее, если вы это имеете в виду. Может быть, даже этим все и ограничивается.

Папа рассмеялся:

— Где вы познакомились?

— В Беркли.

— Где же еще может сойтись пара наших! Не в Амбере, разумеется, — сказал отец, поворачиваясь, чтобы оказаться лицом

к лицу со своим Путем. — Я еще узнаю вашу историю. Но теперь пойдемте со мной. Я хочу представить вас сам.

Он направился к светящемуся созданию, а мы последовали за ним. Мимо редкими клочьями проплывал туман. Если не считать звука наших робких шагов, вокруг царило полное безмолвие.

Подступив к краю Пути, мы замерли и пристально оглядели его. Это был изящный узор, слишком большой, чтобы разом окинуть взглядом; весь его облик, казалось, лучился силой.

— Привет, — сказал Корвин. — Я хочу представить тебе моего сына и моего племянника, Мерлина и Ринальдо... Хотя, мне кажется, ты уже знаком с Мерлином. У Ринальдо есть проблемы. — Последовала долгая пауза. Затем отец произнес: — Да, это правда. — И еще погодя: — Ты действительно так думаешь? — И: — Отлично. Будь уверен, я передам им.

Он потянулся, вздохнул и отступил на несколько шагов от края Пути. Затем притянул нас к себе и обнял за плечи.

— Ребята, я получил нечто вроде ответа. Но из него следует, что нам всем, по разным причинам, следует пройти этот Путь.

— Я не прочь, — сказал Люк. — Только что за причина?

— Он намерен усыновить тебя, — ответил Корвин, — и поддерживать так же, как меня. Но за это придется платить. Близится время, когда ему потребуется постоянная охрана. Мы можем сменять друг друга.

— Звучит славно, — промолвил Люк. — Место вроде спокойное. И у меня нет никакого желания возвращаться в Кашфу и пытаться свергнуть самого себя.

— Прекрасно. Я поведу, а ты держись за мое плечо на случай столкновения с какими-нибудь непонятными явлениями. Мерлин, ты идешь последним и по той же причине держишься за Люка. Договорились?

— Конечно, — сказал я. — Пойдем.

Отец отпустил нас и направился туда, где начинался узор. Мы двинулись следом, и, когда он сделал первый шаг, Люк положил руку на его плечо. Вскоре мы все, напрягшись в знакомой борьбе, оказались на Пути. Даже когда начали подниматься искры, мне тем не менее было намного легче, чем в прошлые переходы, — возможно, потому, что сейчас кто-то другой прокладывал дорогу.

Образы аллей, засаженных рядами вековых каштанов, заполняли мое сознание, когда мы, еле передвигая ноги, с трудом преодолевали Первую Преграду. Тем временем искры все выше вздымались вокруг нас, и я ощутил силы Пути, прон-

зающие мои разум и тело. Вспомнились школьные дни, величайшие усилия на атлетическом поприще.

Сопротивление нарастало, и мы склонялись под его мощью. Чтобы передвигать ноги, требовалось огромное напряжение, и я осознал, что почему-то оно важнее самого движения. Я почувствовал, как дыбятся волосы, когда энергетический поток рассекал мое тело. Все же здесь не было ни сводящих с ума свойств Логруса, ни ощущения враждебности, которое приходилось испытывать на Пути Амбера. Казалось, будто я погружался в глубины сознания, дружески ко мне расположенного. Появилось чувство какой-то поддержки, когда я, пробираясь по Изгибу, преодолевал вираж. Сопротивление было мощным, искры вздымались так же высоко, как и у других в этом месте, и все же я каким-то образом знал, что этот Путь относится ко мне совершенно иначе.

Мы пробивали себе дорогу вдоль линий. Мы кружились, обжигались... Проникновение во Вторую Преграду было мучительно-медленным испытанием выносливости и воли. После этого стало легче, и вся моя жизнь явилась перед мысленным взором, пугая и утешая меня.

Продвижение. Раз, два... Три. Я ощутил, что, если мне удастся сделать еще десять шагов, появится шанс пробиться. Четыре... Я пропотел насквозь. Пять... Сопротивление было ужасным. Усилий для стометровки едва-едва хватало, чтобы продвинуть ногу на один дюйм. Легкие работали как кузнечные мехи. Шесть... Искры достигали лица, попадали в глаза, окутывали меня целиком. Я чувствовал себя так, будто превратился в вечный огонь и должен как-то прожечь себе путь в мраморной глыбе. Я горел и горел, но камень оставался неизменным. Я мог всю вечность потратить на этот путь. Вероятно, уже потратил... Семь...

Образы уходили. Память улетучилась. Исчезло даже сознание своего «я». Меня освежевали — осталась лишь чистая воля. Я был действием, процессом борьбы с сопротивлением. Восемь... Я не чувствовал своего тела. Время стало понятием потусторонним. Борьба больше не была борьбой, но формой элементарного движения, рядом с которым ледники развивали дикую скорость. Девять... Теперь я стал только движением — бесконечным, постоянным.

Десять. Здесь пришло облегчение. У центра опять будет трудно, но я знал: остаток пути не такой напряженный. Нечто похожее на тихую, спокойную музыку держало меня на плаву, пока я тащился вперед, поворачивал, снова тащился. Музыка была со мной, когда я проходил Последнюю Преграду, а когда я миновал середину последнего шага, она стала напоминать «Караван».

Там, в центре, мы долго стояли молча, глубоко дыша. Я не был в точности уверен, что достиг своей цели. Хотя я чувствовал, что, как бы там ни было, в результате я ближе узнал своего отца.

Клочья тумана по-прежнему плыли над Путем, над долиной.

— Я чувствую себя сильнее, — наконец объявил Люк. — Да, я помогу охранять это место. По-моему, вполне удачный способ скоротать время.

— Кстати, Люк, что за послание у тебя было? — спросил я.

— А, требовалось сообщить, чтобы ты избавил Владения от своего присутствия, — отозвался он. — Те дела становились опасными.

— Что за опасность, я уже знаю, но там по-прежнему остаются проблемы, которые нужно решить.

Люк пожал плечами:

— Что ж, и все послание. Сейчас нигде нет места, кажущегося абсолютно безопасным.

— Здесь пока проблем не будет, — сказал Корвин. — Нет Силы, которая в точности знала бы, как подступиться к этому месту или что с ним делать. Пути Амбера его не поглотить, а Логрус не представляет, как разрушить его.

— Звучит довольно приятно.

— Хотя, думаю, придет время, когда они попытаются действовать.

— Ну а пока мы ждем и наблюдаем. Хорошо. Если кто-нибудь появится, то кто хоть это может быть?

— Вероятно, призраки — такие, как и мы, пытающиеся побольше узнать о нем или испытать его. Ты хорошо владеешь клинком?

— Не буду скромничать — да. А если недостаточно хорошо, так я изучал магические искусства.

— Призраки поддаются стали, хотя исходят огнем, а не кровью. А теперь, чтобы выбраться наружу, ты можешь использовать Путь, если желаешь. Я присоединюсь к тебе чуть позже, чтобы показать, где укрыто оружие и прочее имущество. Я бы хотел отправиться на небольшую экскурсию и оставить тебя дежурить.

— Конечно, — сказал Люк. — А как ты, Мерль?

— Я собираюсь вернуться во Владения. Мать официально пригласила меня на ленч, а затем следует уделить внимание похоронам Свейвила.

— Не исключено, что Путь не сумеет доставить тебя до са-

мых Владений. Уж очень они близки к Логрусу. Но ты с ним как-нибудь разберешься. Или наоборот. Как там Дара?

— Много времени прошло с тех пор, как я видел ее более нескольких минут, — ответил я. — Она по-прежнему безапелляционна, надменна и сверхзаботлива, когда дело касается меня. Еще у меня такое впечатление, что она впутана в местные политические интриги — точно так же, как и в аспекты глобальных отношений между Владениями и Амбером.

Люк на мгновение закрыл глаза и исчез. Немного погодя я увидел его рядом с «Полли Джексон». Он открыл дверцу, скользнул на пассажирское сиденье, согнулся и занялся чем-то там внутри. Чуть позже до меня донеслись звуки музыки из радио.

— Похоже на правду, — кивнул Корвин. — Знаешь, я ее никогда не понимал по-настоящему. Она явилась ко мне из ниоткуда в странное время моей жизни, солгала мне, мы стали любовниками, она прошла Путь в Амбере, а потом исчезла. Все будто в причудливом сне!.. Совершенно очевидно, что она использовала меня. Многие годы я думал — лишь затем, чтобы узнать о Пути и подступиться к нему. Но не так давно у меня оказалось много времени для размышлений, и сейчас я не уверен, что дело лишь в этом.

— Ну? — удивился я. — А в чем тогда?

— В тебе, — ответил он. — Все больше и больше я утверждаюсь в мысли, что на самом деле Дара хотела родить сына или дочь Амбера.

Я ощутил, как холодею. Могла ли причиной моего существования быть такая расчетливая махинация? И никакой любви, привязанности?.. Был ли я задуман преднамеренно, дабы служить некоей особой цели? Такой взгляд мне вовсе не по нутру. Я ощутил себя на месте Призрачного Колеса, тщательно рассчитанного продукта моего воображения и интеллекта, построенного, дабы опробовать конструкторские идеи, в которые мог вникнуть лишь житель Амбера. И все же он зовет меня «папа» и, казалось, по-настоящему волнуется обо мне. Странно, я и сам начал чувствовать к нему бессознательную привязанность. Не было ли это следствием нашего сходства, даже большего, чем я осознавал?

— Почему? — спросил я. — Почему для нее было так важно, чтобы я родился?

— Помню лишь ее последние слова, когда Дара завершила Путь, по ходу дела обращаясь в демона. «Амбер, — сказала она, — будет разрушен». Потом она исчезла.

Теперь я трясся. Открытия эти были столь ошеломляющи,

что хотелось кричать, уснуть или напиться. Что угодно, лишь бы передохнуть хоть на миг.

— Ты полагаешь, что мое существование может быть частью долговременного плана уничтожения Амбера?

— Возможно, — кивнул отец. — Я могу и ошибаться, малыш. Я очень даже могу ошибаться и в таком случае прошу прощения за то, что так сильно обеспокоил тебя. Но, с другой стороны, было бы такой же ошибкой скрыть от тебя подобную возможность.

Я потер виски, брови, глаза. Что же мне делать? Я не хочу способствовать разрушению Амбера.

Отец на мгновение прижал меня к себе и промолвил:

— Дело не в том, что ты есть или что с тобой сделали. Рано или поздно ты встанешь перед выбором. Ты больше, чем сумма твоих составляющих, Мерлин. Неважно, что сопутствовало твоему рождению и твоей жизни до сего дня, — ты получил глаза и мозг и способен судить. Не позволяй никому, даже мне, вешать тебе на уши лапшу. А когда придет время, если оно придет, сделай свой собственный выбор, черт побери. И плевать тогда будет, что там случилось раньше.

Его слова, общие по сути, вернули меня из того закутка души, куда я весь спрятался.

— Спасибо, — сказал я.

Он кивнул. Затем продолжил:

— Хотя твоим первым порывом может быть желание вступить в конфронтацию, этим ты не добьешься ничего, только разбудишь в ней подозрения. Разумнее было бы играть в более осторожную игру и посмотреть, что можно узнать.

Я вздохнул:

— Конечно, ты прав. Ты пришел для того, чтобы сказать все это — в первую очередь, и уж затем помочь мне, не так ли?

Отец улыбнулся:

— Всего лишь побеспокоился о важных вещах. Мы еще встретимся.

И он пропал.

Внезапно я увидел его у автомобиля беседующим с Люком. Я наблюдал, как отец показывает Люку, где хранятся припасы. Потом они оба мне помахали. Обменялись рукопожатиями. Корвин повернулся и ушел в туман. Из автомобиля до меня донеслись звуки «Лили Марлен».

Я сосредоточил внимание и велел Пути перенести меня в пределы Савалла. Последовала молниеносная круговерть черноты. Когда тьма рассеялась, я стоял в центре Пути. Я снова попробовал переместиться — теперь в замок Сухая. И вновь Путь отказался прокомпостировать билет.

— Как близко ко Владениям ты можешь меня подбросить? — наконец осведомился я.

Опять круговерть, но на этот раз светлая. Она заслала меня на высокий утес белого камня под черным небом, у черного моря. Два полукруга бледного пламени будто скобками окружали это место. Что ж, здесь жить можно. Я был у Огненных Врат, на перепутье в Царстве Теней, неподалеку от Владений Хаоса. Я повернулся к морю и стал считать. Определив четырнадцатую башню из мерцающих слева от меня, я направился к ней.

Упавшая башня под розовым небом... По пути к ней меня занесло в прозрачную пещеру, через которую текла зеленая река. Я шагал по берегу, пока не обнаружил выложенный камнями брод, приведший меня на тропу, что уходила в осенний лес. Почти милю я держался тропы, пока не ощутил присутствие Пути у корней вечнозеленого дерева. Он привел меня к склону горы, откуда еще три пути и две туманности вели к ленчу с моей матерью.

Судя по небу, у меня уже не оставалось времени переодеться. У перекрестка я остановился, дабы отряхнуть одежду и пригладить волосы. Любопытно, кто бы мне ответил, попытайся я вызвать Люка с помощью карт, — сам Люк, его призрак, оба? Способны ли призраки отвечать на вызовы через карту? Я поймал себя на мысли, что гадаю также о том, что происходит в Амбере. И еще я думал о Корэл и Найде.

Черт побери. Хорошо бы оказаться где-нибудь еще. Я хотел быть подальше отсюда. Предупреждение Пути, переданное через Люка, было вполне недвусмысленным. Корвин заставил меня задуматься о многом, а времени для размышлений не было. Не хотелось оказаться вовлеченным во что-либо, происходящее здесь, во Владениях. Мне не нравилось все, в чем была замешана моя мать. Чувства мои совсем не соответствовали похоронным. Кроме того, я ощущал себя каким-то неосведомленным. Казалось бы, если от меня чего-то хотят, чего-то очень важного, они наконец найдут время прояснить ситуацию и попросить о сотрудничестве. Если это родственники, существовала большая вероятность, что я буду с ними заодно. Куда менее рискованно просто играть со мной в открытую, нежели всякими уловками пытаться контролировать мои действия. Я хотел быть подальше как от тех, кто намеревался контролировать меня, так и от игр, в которые они играли.

Я мог повернуться и уйти в Тень, возможно, затеряться там. Я мог вернуться в Амбер, сообщить Рэндому обо всем, что мне известно, рассказать обо всех моих подозрениях, а он защитит меня от Владений Хаоса. Приняв новое обличье, я мог

вернуться на Теневую Землю, вновь заняться компьютерным дизайном...

Тогда, разумеется, я никогда не узнаю, что происходит и что было прежде. Так же как не узнаю действительного местонахождения отца — во Владениях я обнаружу его следы скорее, чем где бы то ни было. Вокруг не было никого, кто мог бы помочь ему.

Я двинулся вперед и повернул направо, завершая путь к лиловеющему небу. Я прибуду вовремя.

Итак, я снова в пределах Савалла. Я возник из красной с желтым звездной вспышки, нарисованной высоко на стене у ворот переднего двора, спустился по Невидимой Лестнице и долгие секунды всматривался в огромную центральную впадину, в черное буйство за пределами Края. Падающая звезда чертила свой огненный путь в лиловом небе, когда я отвернулся и направился к обитой медью двери и низкому Лабиринту Искусств за ней.

Войдя внутрь, я припомнил, как ребенком много раз терялся в этом лабиринте. Дом Савалла веками копил произведения искусства, и коллекция была столь обширна, что имелось несколько путей, куда лабиринт мог забросить тебя, ведя через туннель, огромную спираль и что-то похожее на старый вокзал, прежде чем вернуть обратно, окунув в следующий поворот. Как-то раз я несколько дней проблуждал здесь, пока наконец меня не обнаружили ревущим перед коллекцией синих туфель, приколоченных к доске.

И вот я снова шел по нему, неторопливо разглядывая старые уродства, а также некоторые новые. Впрочем, сюда же затесались и поразительно красивые вещи, такие, как огромная ваза, будто вырезанная из цельной глыбы огненного опала, а еще набор старинных глазурованных мемориальных табличек из какой-то отдаленной Тени, смысл и назначение коих не мог вспомнить в семье никто. Я предпочел не срезать угол галереи и осмотрел то и другое: таблички особенно нравились мне.

Подойдя к огненной вазе и разглядывая ее, я насвистывал старую мелодию, которой научил меня Грилл. Мне показалось, будто я слышу тихий шорох, но, взглянув туда-сюда по коридору, никого поблизости я не обнаружил. Почти сладострастные изгибы вазы молили о прикосновении. В детстве мне всегда запрещали это делать. Я медленно протянул левую руку и положил ее на вазу. Она оказалась теплее, чем я ожидал. Я скользнул рукой по поверхности. Она была подобна застывшему пламени.

— Привет, — пробормотал я, вспоминая приключение, которое мы с ней разделили. — Сколько лет прошло...

— Мерлин? — послышался тихий голос.

Я сразу отдернул руку. Казалось, заговорила сама ваза.

— Да, — отозвался я. — Да.

Снова шорох, и легкая тень шевельнулась в кремовом углублении чаши.

— Тс-с, — произнесла тень, вырастая.

— Глайт? — спросил я.

— Да-с-с.

— Быть не может. Ты ведь мертва уже много лет.

— Не мертва. С-спала.

— Я не видел тебя с тех пор, как был ребенком. Ты была ранена. Исчезла. Я думал, ты умерла.

— Я с-спала. Я с-спала, чтобы з-зажили раны. Я с-спала, чтобы вос-становить с-себя.

Я протянул руку. Косматая змеиная голова поднялась выше, легла мне на предплечье, и змея поползла, обвивая мою руку.

— Ты, несомненно, выбрала изысканную спальню.

— Я з-знала, что кувшин — твое любимое мес-сто. Я з-знала, что, ес-сли подожду достаточно долго, ты с-снова придешь с-сюда, чтобы выраз-зить с-свое вос-схищение. Я з-знала, что вос-стану во вс-сем блес-ске, дабы приветс-ствовать тебя. До чего же ты вырос-с!

— А ты почти не изменилась. Чуть похудела, пожалуй... — Я осторожно погладил ее голову. — Приятно сознавать, что столь почитаемый семейный призрак по-прежнему с нами. Ты и Грилл, да еще Кергма сделали мое детство куда счастливее, чем оно могло оказаться.

Глайт вытянула голову и носом погладила мне щеку.

— Твой вид с-согревает мою холодную кровь, дорогой мальчик. Ты далеко с-странс-ствовал?

— Да. Очень.

— Как-нибудь ночью мы будем ес-сть мышей и лежать у огня. Ты с-согреешь мне блюдце молока и рас-скажешь о с-своих похождениях с-с той поры, как покинул пределы С-савалла. Мы поищем моз-зговых кос-стей для Грилла, ес-сли он по-прежнему...

— Сейчас он, похоже, служит моему дяде Сухаю. А как Кергма?

— Не з-знаю. Это было так давно.

Я прижал ее к себе, чтобы согреть.

— Спасибо, что ты ждала здесь в своем великом забвении, дабы поприветствовать меня.

— Это больше чем дружелюбие и приветс-ствие.

— Больше? Что же тогда, Глайт? Что это значит?

— Ес-сть кое-что показ-зать. Иди.

Она мотнула головой. Я последовал в указанном направлении — туда, где коридоры расширялись. Я ощущал, как Глайт дрожит на моей руке, время от времени чуть слышно мурлыча.

Вдруг голова ее поднялась напряженно и стала слегка покачиваться.

— Что случилось?

— Мыши, — произнесла она. — Мыши близ-зко. Я должна поохотиться... пос-сле того, как покажу тебе... это. З-завтракать...

— Если ты хочешь сначала поесть, я подожду.

— Нет, Мерлин. Ты не должен опоз-здать, что бы ни... привело тебя с-сюда. Что-то важное в воз-здухе. Поз-зже... пиршес-ство... параз-зиты...

Мы вступили в широкую и высокую часть галереи, освещенную небесным светом через стеклянную крышу. Четыре большие части металлической скульптуры — в основном бронза и медь — асимметрично располагались вокруг нас.

— Дальше, — сказала Глайт. — Не з-здес-сь.

Я повернул направо за следующий угол и двинулся вперед. Вскоре мы подошли к очередному экспонату — на этот раз походившему на металлический лес.

— Потише теперь. Потише, дорогой демончик.

Я остановился и принялся изучать деревья — светлые, темные, ясные, тусклые. Железные, алюминиевые, латунные — они весьма впечатляли. В те давние годы, когда я последний раз приходил сюда, ничего подобного не было. Неудивительно. Другие места тоже немало изменились.

Я зашагал вдоль леса.

— Теперь. З-здес-сь. Поверни. Воз-звращайс-ся.

Я зашел в лес.

— Держис-сь правее. Вот это, выс-сокое.

Дойдя до кривого ствола самого высокого дерева, я остановился.

— Это?

— Да. Преодолей его... вверх... пожалуйс-ста.

— Ты имеешь в виду — залезть на него?

— Да.

— Хорошо.

Единственное, что приятно в стилизованном дереве, так это то, что оно закручено, заверчено и сплетено таким образом, что ставить руки и ноги на нем гораздо удобнее, чем ка-

жется на первый взгляд. Я ухватился, подтянулся, нащупал место для ноги, вновь подтянулся, двигаясь вверх.

Выше. Еще выше... Футах в десяти от земли я остановился.

— Ух. Ну и что мне здесь делать?

— Лез-зь выше.

— Зачем?

— С-скоро. С-скоро. Ты уз-знаешь.

Я поднялся еще футом выше и тут ощутил — не столько зуд, сколько некое напряжение. Такое у меня иногда было, когда я попадал в опасное место.

— Там наверху Путь, — сказал я.

— Да. Я лежала, оплетя ветку голубого дерева, когда Мастер Теней открыл его. Его потом умертвили.

— Путь, наверное, ведет к чему-то важному.

— Наверное. Я не лучший с-судья в людс-ских делах.

— Ты пробиралась туда?

— Да.

— Значит, это неопасно?

— Нет.

— Отлично.

Преодолевая силу Пути, я взобрался выше, пока обе ноги не оказались на одном уровне. Затем расслабился и позволил Пути затянуть меня.

Пол был выложен прекрасными плитами: черными, серебряными, серыми и белыми. Справа — в форме геометрического узора, слева — в виде Преисподней Хаоса.

Впрочем, я смотрел вниз всего несколько мгновений.

— Всемогущий боже!

— Я была права? Это важно? — произнесла Глайт.

— Это важно, — отозвался я.

Глава 6

По всей часовне стояли свечи, многие с меня ростом и чуть ли не такие же толщиной. Некоторые были серебряные, некоторые — серые, несколько черных, несколько белых. Они стояли на разной высоте, причудливо расположенные на скамьях, полках, точках пересечения орнамента на полу. Тем не менее не они давали основное освещение. Оно приходило сверху, и сначала я предположил, что сюда льется дневной свет. Но, глянув вверх, дабы оценить высоту свода, я убедился, что свет исходит из большой сине-белой сферы, зарешеченной темным металлом.

Я сделал шаг вперед. Пламя ближайшей свечи затрепетало.

Я обратил лицо к каменному алтарю, что заполнял нишу напротив меня.

Черные свечи горели по обе ее стороны; серебряные, поменьше, мерцали прямо на нем. Мгновение я просто осматривал алтарь.

— Похож-жее на тебя, — заметила Глайт.

— Я думал, твои глаза не различают двумерных изображений.

— Я долго живу в муз-зее. Почему твой портрет з-запрятан так тайно?

Я подошел ближе, пристально вглядываясь в изображение.

— Это не я. Это мой отец Корвин из Амбера.

Серебряная роза стояла в округлой вазе перед портретом. Была ли она настоящей, творением рук или магии, сказать я не мог.

И Грейсвандир лежал там же, на несколько дюймов вынутый из ножен. Я почувствовал, что он — настоящий, а тот, который носил призрак Пути моего отца, — лишь реконструкция.

Я поднял меч и вытащил из ножен. Возникало ощущение мощи, когда я держал его, размахивал, бил, делал выпад, наступал...

Ожил спикард, центр паутины Сил. Я опустил взор, неожиданно смутившись.

— ...А это отцовский клинок, — пояснил я, возвращаясь к алтарю и вкладывая лезвие в ножны. С неохотой я оставлял его здесь.

Когда я вернулся, Глайт спросила:

— Это важ-жно?

— Очень, — сказал я, в то время как Путь нес меня обратно на верхушку дерева.

— Что теперь, мас-стер Мерлин?

— Я должен отправляться на ленч с матерью.

— В таком с-случае с-сади меня з-здес-сь.

— Я могу вернуть тебя в вазу.

— Нет. Я давно не с-скрывалас-сь в з-зас-саде на дереве. Это будет прекрас-сно.

Я вытянул руку. Глайт размоталась и скрылась в мерцающих ветвях.

— С-счастливо, Мерлин. Навещ-щай меня.

А я слез с дерева, всего лишь раз зацепившись штанами, и быстро зашагал по коридору.

Через два поворота я вышел к Пути, ведущему в главный зал, и решил, что лучше мне пройти здесь. Я выскочил у массивного очага — высокие языки пламени сплетались в нем — и

медленно повернулся, дабы обозреть огромную палату, стараясь при этом казаться прибывшим уже давно и ожидающим.

Похоже, здесь присутствовала лишь одна персона — моя собственная. Которая, по размышлении, показалась мне несколько странно выглядящей на фоне ревущего пламени. Я поправил манишку, отряхнулся, провел гребнем по шевелюре. И как раз осматривал свои ногти, когда стал осознавать движение на вершине огромной лестницы слева от меня.

Она предстала вьюгой, заключенной в десятифутовой башне. В центре, треща, плясали молнии, ледяные кристаллы пощелкивали на ступенях, перила замерзали там, где она проходила. Моя мать, казалось, увидела меня в тот же миг, что и я, ибо она остановилась. Затем взвилась на ступеньке и начала схождение.

Спускаясь, она плавно перевоплощалась, черты лица менялись от ступени к ступени. Как только я осознал, что происходит, я прекратил свои попытки перевоплотиться и аннулировал все скромные результаты. Я начал меняться в тот момент, когда увидел ее, и, вероятно, мать стала делать то же самое при виде меня. Я не ожидал, что она станет перевоплощаться, дабы ублажить меня второй раз, здесь, на своей территории.

Она закончила превращение, едва коснувшись последней ступени, представ передо мной прекрасной женщиной в черных брюках и красной рубахе с широкими рукавами. Она смотрела на меня и улыбалась, приближаясь ко мне, заключая меня в объятия.

Было бы неловким сообщить ей, что я собирался перевоплотиться, да забыл. Или еще что-нибудь в таком роде.

Мать отодвинулась на расстояние вытянутой руки, опустила взгляд, снова посмотрела на меня и покачала головой.

— Ты спал в одежде до или после диких экзерциций? — осведомилась она.

— Это жестоко, — промолвил я. — По дороге я остановился посмотреть достопримечательности и вляпался в несколько сложных ситуаций.

— И потому опоздал?

— Нет. Я опоздал, потому что задержался в нашей галерее дольше, чем рассчитывал. И не слишком-то я опоздал.

Мать взяла меня за руку и развернула.

— Я прощаю тебя, — сказала она, ведя меня к скрывающей Путь колонне, пестрящей розовым, зеленым и золотым, что находилась в зеркальном алькове через комнату направо.

Когда мы вошли в альков, я с интересом подумал, поведет

она меня вокруг колонны по часовой стрелке или же против. Оказалось — против. Интересно. С трех сторон смотрели наши отражения — такова была комната, которую мы покидали. Но с каждым нашим витком вокруг колонны комната становилась другой. Я наблюдал, как она меняется, будто в калейдоскопе, пока наконец мать не остановила меня перед хрустальным гротом у подземного моря.

— Я уже почти и забыл об этом месте, — промолвил я, ступая на чистый, белый песок, в хрустальный свет, напоминавший и костры, и солнечные блики, и канделябры, и светодиодные дисплеи огромных функциональных возможностей; беспорядочные радужные отблески ложились на берег, на стены, на черную воду.

Мать взяла меня за руку и повела к обнесенному перилами помосту, возвышающемуся на некотором отдалении справа. Там стоял полностью накрытый стол. Целая коллекция подносов под колпаками занимала еще больший сервировочный стол. Мы взобрались по маленькой лесенке, я усадил мать и направился проинспектировать ожидавшие нас вкусности.

— Сядь, Мерлин, — сказала она. — Я обслужу тебя.

— Все в порядке, не беспокойся, — ответил я, поднимая колпак.

Но мать уже встала.

— Тогда — а-ля фуршет, — сказала она.

— Отлично.

Мы наполнили тарелки и направились к столу. Мгновение спустя после того, как мы уселись, яркая вспышка сверкнула над водой, озарив арочный свод пещеры и уподобив его утробе какой-то огромной твари, нас переваривающей.

— Не озирайся так опасливо. Ты же знаешь, сюда им не добраться.

— Ожидание громового удара уводит мой аппетит в пятки.

Она засмеялась; как раз до нас донесся отдаленный раскат грома.

— А так все в порядке?

— Да, — отозвался я, беря вилку.

— Удивительно, какими родственниками одаривает нас жизнь, — промолвила мать.

Я взглянул на нее, пытаясь уловить выражение ее лица. Увы!..

— Да, — только и сказал я.

Мгновение она изучала меня, но я тоже никак не выразил своих чувств. Тогда она сказала:

— Ребенком ты был односложен, будто символ капризов.

— Да, — сказал я.

Мы приступили к еде. Все новые вспышки озаряли спокойное, темное море. В свете очередной молнии мне привиделся далекий корабль, идущий на всех своих черных, надутых ветром парусах.

— Свидание с Мэндором уже состоялось?

— Да.

— И как он?

— Прекрасно.

— Что-то беспокоит тебя, Мерлин. Что?

— Очень многое.

— Расскажешь матери?

— А что, если ты — часть моих проблем?

— Я была бы разочарована, окажись это не так. Все же сколько ты будешь помнить историю с ти'игой? Я поступала так, как считала нужным. И по-прежнему уверена в своей правоте.

Я кивнул и продолжал жевать. Через какое-то время я сказал:

— Ты все прояснила на прошлом цикле.

Тихо плескала вода. Блики плыли по столу, по лицу матери.

— А еще вопросы есть?

— Может, сама расскажешь? — отозвался я.

Я ощутил ее взгляд и встретил его прямо.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — удивилась она.

— Тебе известно, что Логрус — существо чувствующее? А Путь?

— Это тебе Мэндор поведал?

— Да. Но я знал уже до него.

— Откуда же?

— Они вступали со мной в контакт.

— Ты и Путь? Или ты и Логрус?

— Оба.

— С какой целью?

— Манипуляции, я бы выразился. Они борются за власть и просили меня определиться.

— Чью же сторону ты выбрал?

— Ничью.

— Тебе следовало рассказать мне.

— Зачем?

— Посоветоваться. Возможно, я бы помогла тебе.

— Одолеть Силы Космоса? Как тесно ты с ними связана, мама?

Она улыбнулась:

— Не исключено, что некто вроде меня может обладать особыми знаниями.

— Некто вроде тебя?

— Чародейка моих способностей.

— Насколько же ты хороша?

— Не думаю, что значительно им уступаю, Мерлин.

— Семья всегда узнает последней, так получается? И почему ты не обучала меня сама, вместо того чтобы отсылать к Сухаю?

— Я плохой учитель. Мне не нравится наставлять людей.

— Ты учила Джасру.

Она склонила голову вправо и сощурила глаза.

— Тоже Мэндор рассказал?

— Нет.

— Тогда кто?

— Какое это имеет значение?

— Большое, — ответила мать. — Потому что я не верю, что ты знал это во время нашей последней встречи.

Я вдруг вспомнил, что там, у Сухая, она говорила о Джасре что-то, подразумевающее их близость, и я обязательно бы отреагировал, если бы не тащил груз предубеждений и не летел с горы в самую грозу с тормозами, распространяющими забавные звуки. Я уж собирался осведомиться, какое имеет значение, когда я узнал это, как сообразил, что мать действительно интересуется, от кого я узнал, ибо ее заботит, с кем я мог говорить о таких вещах с момента нашей последней встречи.

Ссылаться на Люкова призрака Пути показалось мне неблагоразумным, потом я ответил:

— Ну ладно, ладно. Мэндор оговорился, а потом попросил меня молчать.

— Другими словами, — подытожила она, — он ожидал, что слух вернется ко мне. Зачем же ему понадобилось так себя вести? Поразительно. Коварный человек.

— Может, действительно просто оговорился?

— Мэндор никогда не оговаривается. Никогда не будь ему врагом, сын.

— Неужели мы говорим об одном и том же человеке?

Мать щелкнула пальцами.

— Конечно, ты знал его лишь ребенком. Потом ты ушел и с тех пор ты видел его всего несколько раз. Да, он коварен, хитер, опасен.

— Мы всегда отлично ладили.

— Разумеется. Он никогда не враждует по пустякам.

Я пожал плечами и вернулся к еде.

Через какое-то время мать сказала:

— Осмелюсь предположить, что меня он охарактеризовал подобным же образом.

— Ничего подобного не припоминаю, — ответил я.

— Он дал тебе еще и уроки осмотрительности?

— Нет, хотя недавно я и почувствовал необходимость ей поучиться.

— Несомненно, в Амбере ты приобрел некую ее толику.

— Если так, то столь малую, что я и не заметил.

— Ну-ну. Может, я не буду больше приносить тебе огорчения?

— Сомневаюсь.

— И все же что хотели от тебя Путь и Логрус?

— Я говорил тебе — чтобы я принял чью-либо сторону.

— Так трудно — решить, кого ты предпочитаешь?

— Так трудно — решить, кто меньше не нравится.

— Потому что они, как ты выразился, манипулируют людьми в своей борьбе за власть?

— Именно.

Мать рассмеялась:

— Это выставляет богов не в лучшем свете, чем нас, прочих. Зри здесь истоки человеческой морали. Что все же лучше, чем совсем ничего. Если эти причины недостаточны для выбора, руководствуйся другими соображениями. Ты, в конце концов, сын Хаоса.

— И Амбера, — добавил я.

— Ты вырос во Владениях.

— Но жил в Амбере. Там у меня родичей не меньше, чем здесь.

— Все действительно так просто?

— Если бы не это, было бы значительно проще.

— В таком случае ты должен взглянуть по-иному.

— Что ты имеешь в виду?

— Спрашивай не кто больше всего взывает к тебе, а кто больше всего делает для тебя.

Я попивал прекрасный зеленый чай, в то время как шторм подкатывал все ближе. Что-то плескалось в водах нашей бухты.

— Прекрасно, — кивнул я. — Спрашиваю.

Мать с улыбкой наклонилась вперед, и глаза ее потемнели. Она всегда превосходно контролировала свое лицо и всю внешность и меняла их по собственной прихоти. Она вроде оставалась той же, но временами казалась совсем девчонкой или вдруг превращалась в зрелую интересную женщину. Обычно же она останавливалась где-то между двумя этими ипостасями.

Но сейчас ее лицо приобрело какие-то вечные, вневременные черты — не столько возраста, сколько сущности Времени, — и я вдруг понял, что никогда не знал ее истинный возраст. Лицо матери будто подернулось пеленой какого-то древнего могущества.

— Логрус, — сказала она, — приведет тебя к славе.

Я не отрывал от нее пристального взгляда.

— Какого рода славе?

— А какой ты желаешь?

— Не знаю, хотел ли я вообще когда-нибудь славы как таковой. Это все равно что хотеть быть инженером больше, чем хотеть что-то сконструировать, или хотеть быть писателем больше, чем хотеть писать. Слава — побочный эффект, а не вещь в себе. В противном случае это просто самовозвеличивание.

— Но если ты заслуживаешь ее... если ты достоин — разве ты не должен обладать ею?

— Вероятно. Но пока я ничто. — Мой взгляд упал на яркий круг света в глубине темных вод, будто убегающий от шторма. — Вот только лишним багажом разжился — в голове, — который мог бы попасть под эту категорию.

— Конечно, ты молод, но времена, для которых ты был предназначен и уникально подготовлен, наступают раньше, чем я ожидала.

Обидится ли она, если я наколдую себе чашечку кофе? Думаю, да, обидится. Что ж, пусть будет бокал вина. Налив себе и сделав глоток, я сказал:

— Боюсь, что не понимаю, о чем ты говоришь.

Мать кивнула и медленно проговорила:

— Тебе трудно было что-то выяснить, копаясь в собственной душе, и не нашлось никого настолько опрометчивого, чтобы намекнуть тебе на такую возможность.

— О чем ты говоришь?

— О троне. О господстве во Владениях Хаоса.

— Мэндор выказывал некий интерес к тому, что я думаю по этому поводу.

— Прекрасно. Никто, кроме Мэндора, не оказался бы столь непредусмотрительным, чтобы упоминать при тебе об этом.

— Я прихожу к выводу, что матерям доставляет безумное наслаждение видеть их сыновей живущими по правилам, но, к сожалению, ты говоришь о деле, для которого у меня недостает не только мастерства, способностей и подготовки, но еще и мало-мальского желания.

Она растопырила пальцы и поверх них разглядывала меня.

— Ты пригоден более, чем думаешь, а твои желания ничего в этом деле не значат.

— Как сторона заинтересованная, я позволю себе не согласиться.

— Даже если бы это оказалось единственной возможностью защитить друзей и родичей и здесь, и в Амбере?

Я сделал еще глоток вина.

— Защитить? От чего?

— Путь близок к тому, чтобы попытаться преобразить срединные области Тени по своему подобию. Он, вероятно, достаточно силен.

— Ты говорила об Амбере и о Владениях, а не о Тени.

— Логрус будет сопротивляться вторжению. Так как он, по-видимому, проиграет в прямом столкновении со своей противоположностью, то будет наносить удары по Амберу через агентов. Наиболее эффективными из них станут, разумеется, герои Владений...

— Это безумие! — воскликнул я. — Должен быть лучший выход!

— Возможно, — отозвалась мать. — Прими трон, и тогда приказывать будешь ты.

— Я знаю недостаточно.

— Тебя проинструктируют, разумеется.

— А как насчет надлежащего порядка наследования?

— Это не твоя проблема.

— Я все же думаю, что могу проявить интерес к тому, как достигается цель... Скажи, большинством смертей я обязан тебе или Мэндору?

— Вопрос праздный, если учесть, что мы оба Саваллы.

— Ты имеешь в виду, что здесь вы заодно?

— У нас есть разногласия, — сказала она. — Все, подводим черту под дискуссиями о методах.

Я вздохнул и выпил еще. Шторм крепчал над темными водами. Если тот странный свет под водой действительно Призрачное Колесо, то интересно, зачем он пришел?

Молнии стали сплошным фоном, гром — постоянным звуковым сопровождением.

— Что ты имела в виду, — спросил я, — когда говорила о временах, для которых я предназначен и подготовлен?

— Настоящее и ближайшее будущее, — ответила мать, — с грядущим конфликтом.

— Нет, — сказал я. — Я имел в виду «предназначен и уникально подготовлен». Это как?

Должно быть, молнии так осветили ее лицо, ведь раньше я никогда не видел, как она краснеет.

— В тебе соединились две великие родословные, — сказала мать. — Фактически твой отец был королем Амбера недолго, между правлением Оберона и Эрика.

— Поскольку Оберон был жив в то время и не отрекался от

престола, ничья власть не могла считаться законной, и Рэндом — законный наследник Оберона.

— Та ситуация как раз и заключала в себе отречение, — возразила она.

— Вот какое толкование ты предпочитаешь, не правда ли?

— Конечно.

Я понаблюдал за грозой. Глотнул вина.

— И по этой причине ты пожелала выносить ребенка Корвина?

— Логрус уверил меня, что именно это дитя можно идеально подготовить для здешнего царствования.

— Но папа никогда не значил для тебя слишком много, не так ли?

Она смотрела туда, где круг света теперь мчался по направлению к нам, а по пятам за ним следовали сверкающие молнии.

— У тебя нет права задавать этот вопрос.

— Я знаю. Но это правда, не так ли?

— Ты ошибаешься. Он очень много значил для меня.

— Но не в обычном смысле слова.

— А я не обычная личность.

— А я — результат эксперимента по выведению породы. Логрус отобрал самца, который бы дал тебе — что?

Круг подплыл совсем близко. Шторм настигал его, подойдя к берегу ближе любого, виденного мною до этого.

— Идеального повелителя Хаоса, — ответила мать, — способного править.

— Почему-то мне кажется, что было нечто большее, — сказал я.

Уворачиваясь от молний, яркий круг вышел из воды и помчался по песку прямо к нам. Если мать и откликнулась на мои последние слова, я не расслышал. Удары грома оглушали.

Огонек забрался на помост и остановился у моей ноги.

— Папа, ты можешь защитить меня? — спросил Призрак в промежутке между ударами грома.

— Лезь мне на левое запястье, — предложил я.

Дара следила за тем, как он принял облик Фракир и очутился на моей руке. Тем временем заключительная вспышка молнии не исчезла, а застыла пылающим зигзагом у кромки воды. Затем свернулась в шар, который несколько мгновений парил в воздухе, прежде чем двинуться в нашем направлении. По мере приближения его структура менялась.

Подплыв к нашему столу, он уже стал ярким, трепещущим Знаком Логруса.

— Принцесса Дара, принц Мерлин, — донесся тот ужасаю-

щий голос, что я слышал последний раз в день противостояния в замке Амбера. — Я не желал нарушать вашу трапезу, но тот предмет, что вы приютили, сделал это необходимым.

Зубчатое щупальце Знака Логруса вытянулось в направлении моего запястья.

— Он не дает мне смыться, — пожаловался Призрак.

— Отдайте его мне! — продолжал голос.

— Почему? — осведомился я.

— Этот предмет пересек Логрус, — послышались слова, отличающиеся кажущейся произвольностью высоты, силы, произношения.

Мне пришло в голову, что можно попытаться оказать неповиновение, коль я действительно так ценим Логрусом, как утверждала Дара. Что ж...

— Теоретически Логрус открыт для всех пришельцев, — возразил я.

— Я — сам себе закон, Мерлин, а твое Призрачное Колесо пересекало меня и раньше. Теперь я овладею им.

— Нет, — отрезал я, направляя сознание в спикард, разыскивая и оценивая способы мгновенного перемещения в область, где правит Путь. — Я так покорно не откажусь от своего творения.

Знак вспыхнул ярче. Тут Дара вскочила на ноги и встала между мною и им.

— Подожди! — воскликнула она. — У нас есть более важные дела, нежели мстить игрушке. Я отправила моих кузенов Хендрейков за невестой Хаоса. Если ты желаешь, чтобы план увенчался успехом, советую помочь им.

— Я помню твой план для принца Брэнда, когда Джасра должна была поймать его в ловушку. Он не мог провалиться, говорила ты мне.

— Тогда ты был ближе к власти, которой так жаждешь, ближе, чем когда-либо, старый Змей.

— Это правда, — признал он.

— Да и обладатель Ока — существо попроще Джасры.

Знак скользнул мимо нас — крошечное солнце, складывающееся в непрерывную последовательность символов.

— Мерлин, примешь ли ты трон и послужишь ли мне, когда придет время?

— Я сделаю все необходимое, чтобы восстановить равновесие Сил.

— Я не о том спрашиваю! Примешь ли ты трон на моих условиях?

— Если это то, что нужно для дела, — ответил я.

— Это мне нравится, — сказал он. — Оставь себе свою игрушку.

Дара отступила в сторону, и Знак, перед тем как расплыться, проследовал мимо нее.

— Спроси его о Люке и Корвине и о новом Пути, — сказал он и был таков.

Мать повернулась и внимательно посмотрела на меня.

— Налей мне бокал вина, — попросила она.

Я налил. Она подняла бокал и глотнула.

— Итак, расскажи мне о Люке, Корвине и новом Пути.

— Расскажи мне о Джасре и Брэнде, — парировал я.

— Нет. Первым будешь ты.

— Хорошо. Оставим то, что оба они оказались призраками Пути. Когда я направлялся сюда, передо мной предстал Люк, посланный Путем, чтобы уговорить меня покинуть это место. Логрус послал призрак лорда Бореля, чтобы расправиться с Люком.

— Люк — то есть Ринальдо, сын Джасры и Брэнда, муж Корэл и король Кашфы?

— Совершенно верно. Теперь расскажи мне обо всех этих делах до конца. Ты велела Джасре подловить Брэнда и повести его по избранному им пути?

— Он в любом случае последовал бы ему. Он прибыл во Владения в поисках силы, содействующей его целям. Джасра лишь слегка упростила его задачи.

— Для меня это выглядело иначе. Выходит, проклятие моего отца не явилось действительной движущей силой?

— Нет, в метафизическом смысле оно помогло протянуть Черную Дорогу в Амбер. Почему ты по-прежнему здесь, хотя король Ринальдо предложил тебе удалиться? Преданность Владениям?

— У меня была назначена встреча с тобой за ленчем, и она еще продолжается. Жалко было пропускать.

Мать чуть-чуть улыбнулась и отхлебнула вина.

— Ты ловко меняешь тему разговора!.. Давай все же вернемся. Призрак Бореля разделался с призраком Люка, так я поняла?

— Не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Тут как раз обнаружился призрак моего отца и дал нам возможность скрыться.

— Опять? Корвин снова взял верх над Борелем?

Я кивнул:

— И никто из них не вспомнил первый поединок, разумеется. Их память доходит только до времени записи, и...

— Я понимаю принцип. Что дальше?

— Мы сбежали, а затем я прибыл сюда.

— Что имел в виду Логрус, спрашивая о новом Пути?

— Мой отец, очевидно, был рожден там, а не в старом.

Мать выпрямилась, глаза ее расширились.

— Как ты узнал это?

— Он мне рассказал.

Она уставилась на утихшее море.

— Итак, в деле действительно замешана третья сила, — задумчиво пробормотала она. — Это так же очаровательно, как и возмутительно. Будь проклят человек, начертавший новый Путь!

— Ты действительно так его ненавидишь?

Ее глаза вновь сосредоточились на моей персоне.

— Оставь Корвина в покое! — приказала Дара. — За исключением вот чего, — исправилась она секундой позже. — Намекнул ли он тебе что-нибудь о лояльности нового Пути... или о его намерениях? Тот факт, что новый Путь послал Корвина защитить Люка, можно рассматривать как поддержку действий старого Пути. С другой стороны — то ли потому, что он создан твоим отцом, то ли потому, что имеет относительно тебя собственные виды, — это можно расценить как усилия для твоей защиты. Что он сказал?

— Что хочет умыкнуть меня оттуда.

Она кивнула:

— Чего он, очевидно, и добивался. Говорил он что-нибудь еще? Случилось ли что-нибудь важное?

— Он спрашивал о тебе.

— Правда? И это все?

— Специального послания у него не было, если ты это имеешь в виду.

— Ясно.

Мать отвернулась, некоторое время царило молчание. Затем она произнесла:

— Эти призраки недолговечны, не так ли?

— Да.

— Я просто в ярости, — наконец сказала она. — Вопреки всему, Корвин по-прежнему способен вести свою игру.

— Отец жив, не так ли, мать? И тебе известно, где он.

— Не я его тюремщик, Мерлин.

— А я думаю, что ты.

— Какая наглость перечить мне подобным образом!

— Мне все же придется, — возразил я. — Я провожал его в путь ко Владениям. Несомненно, он желал прибыть сюда вместе с прочими для заключения мирного договора. Но еще больше он хотел увидеть тебя. У него было столько вопросов: откуда ты взялась, зачем пришла к нему, почему ушла таким образом...

— Хватит! — крикнула мать. — Оставь это!

Я пренебрег приказом:

— И мне известно, что он был здесь, во Владениях. Его видели здесь. Отец разыскивал тебя. Что случилось после? Какие ответы он получил от тебя?

Она вскочила, на этот раз яростно сверля меня глазами.

— Все, Мерлин! Мне кажется невозможным поддерживать с тобой цивилизованную беседу.

— Он твой пленник, мать? Ты заперла его в каком-то месте, откуда он не может побеспокоить тебя, помешать твоим планам?

Почти спотыкаясь, она отошла от стола.

— Отвратительный ребенок! Ты совсем как он! Почему ты так похож на него?

— Ты боишься его, не так ли? — сказал я, неожиданно осознав, что в этом-то все и дело. — Ты боишься убить принца Амбера, даже имея Логрус на своей стороне. Ты держишь его взаперти и боишься, что он вырвется на свободу и не даст осуществиться твоим последним замыслам. Ты перепугана тем, что совершаешь, держа его в бездействии.

— Абсурд! — вскричала мать, отступая, в то время как я огибал стол. Теперь ее лицо выражало неподдельный ужас. — Это все твои домыслы! Он мертв, Мерлин. Убирайся! Оставь меня одну! Никогда больше не произноси при мне его имя! Да, я ненавижу его! Он бы всех нас уничтожил, если б мог!

— Он не умер, — заявил я.

— Откуда ты взял?

Я подавил в себе желание поведать ей о том, что говорил с ним.

— Только виновный протестует так страстно, — сказал я. — Отец жив. Где он?

Она подняла руки, ладонями к себе, и скрестила их на груди, опустив локти. Страх отступил, и гнев тоже. Когда она снова заговорила, в ее словах звучала издевка:

— Тогда ищи его, Мерлин. Любыми средствами ищи его.

— Где?

— Поищи его в Преисподней Хаоса.

У левой ноги матери появилось пламя и, подымаясь спиралью, оставляя за собой линию полыхающего красным огня, стало охватывать ее против часовой стрелки. Когда оно достигло темени, Дара совершенно скрылась в огне. Затем пламя исчезло со слабым свистом, забрав с собой мою мать.

Я подался вперед и встал на колени, ощупывая место, где она стояла. Чуть-чуть теплое, вот и все. Славное заклинание. Меня никто не учил такому. Поразмыслив, я вообразил, что мама всегда обладала исключительными способностями, когда дело касалось приходов и уходов.

— Призрак?

Он соскочил с моего запястья и завис передо мной в воздухе.

— Да?

— Ты по-прежнему заблокирован от прохода через Тень?

— Нет. Блок пропал сразу, как исчез Знак Логруса. Я могу путешествовать в Царство Теней и обратно. Могу обеспечить и твое перемещение. Хочешь?

— Да. Доставь меня в верхнюю галерею.

— Галерею? Из зала Логруса я погрузился прямо в темное море, папа. Я не вполне уверен, где здесь можно пробивать землю.

— Пустяки, — сказал я. — Это я сам устрою.

Я возбудил спикард. Энергия, исходящая из его шестизубцев, обволокла нас с Призраком, закрутила и подняла вверх, к указанному мною месту в Лабиринте Искусств. Я пытался устроить вспышку пламени в момент нашего ухода, но не было возможности узнать, добился ли я успеха. Удивляешься, как же тренируются настоящие умельцы.

Глава 7

Я доставил нас в тот жуткий зал, что всегда был источником наслаждения для старого главы пределов Савалла. Это был сад скульптур, не имеющий внешних источников света; лишь снизу освещались огромные глыбы, делавшие его в несколько раз темнее, чем пожелал бы я для своего любимого уголка. Пол был неровный — вогнутый, выпуклый, ступенчатый, щербатый, — с доминирующей впадиной. Трудно было определить величину зала, ибо его размеры и очертания словно менялись в зависимости от угла зрения. Грэмбл, лорд Савалла, добился, чтобы его построили без единой плоской поверхности, и я не сомневаюсь, что работа потребовала уникального мастера Теней.

Я стоял возле чего-то напоминающего запутанный такелаж, лишенный корабля, а может, замысловатый музыкальный инструмент, пригодный для того, чтобы на нем бренчали титаны; и свет обращал линии в серебро, бегущее, будто живое, из тьмы во тьму внутри наполовину угадываемой оболочки. Другие части выступали из стен и свисали, как сталактиты. Пока я бродил, то, что казалось стенами, стало для меня полом. Сегменты, что мыслились стоящими на полу, теперь располагались по сторонам. Комната на глазах поменяла очертания, через нее потянуло ветром, вызвавшим вздохи, гул, уханье, перезвоны...

Грэмбл, мой отчим, испытывал истинное удовольствие, находясь в этом зале, тогда как мне зал долгое время представлялся неким упражнением в неустрашимости перед опасностями, ждущими за его порогом. Впрочем, когда я подрос, то сам стал получать от него удовольствие, отчасти вызванное тем редким трепетом предвкушения, что давал он моей юности. И даже теперь...

Теперь я просто хотел побродить здесь несколько мгновений во имя прошлого и разобраться в собственных мыслях. А их было чертовски много. Те вопросы, что мучили меня большую часть взрослой жизни, сейчас казались близки к разъяснению. Я не испытывал радости от всех этих возможностей, которые порождались ответами, роившимися у меня в голове. Впрочем, вне зависимости от того, какие из них возьмут верх, с неведением будет покончено.

— Папа...

— Да?

— Что это все же за место? — спросил Призрак.

— Это часть огромной коллекции произведений искусств пределов Савалла, — объяснил я. — Увидеть ее приходят люди из Владений и из ближней Тени. Она была страстью моего отчима. Мальчишкой я проводил уйму времени, блуждая по этим залам. Здесь множество скрытых путей.

— А эта комната? В ней что-то неправильно.

— И да и нет, — сказал я. — Полагаю, все зависит от того, что подразумевать под словом «неправильно».

— Я испытываю сейчас какие-то непонятные ощущения.

— Это потому, что пространство здесь свернуто вовнутрь, будто в каком-нибудь странном произведении оригами. Зал гораздо больше, чем кажется. Ты можешь бродить по нему много раз и все время обнаруживать другой набор экспонатов. Здесь возможен даже какой-то внутренний ход событий. Не берусь сказать точно. Только Савалл знал наверняка.

— Я был прав. Что-то здесь неправильно.

— А мне скорее нравится.

Я присел на серебряный пень у раскидистого серебряного дерева.

— Я хочу увидеть, как это он сворачивается, — наконец промолвил Призрак.

— Иди вперед.

Когда он отплыл, я задумался о недавней беседе с моей матерью. Я припомнил все, что сказал или подразумевал Мэндор, все о конфликте между Путем и Логрусом, о моем отце, как герое Пути и предполагаемом короле Амбера. Знала ли она это, знала ли как факт, а не предмет для размышлений? Наверное, могла знать, так как, очевидно, имела особые отношения с Логрусом, а тот уж точно знал о намерениях своего противника.

Она признала, что не любила этого человека. Кажется, она добивалась его ради хоть какого-то генетического материала, запечатлевшего Путь. Действительно ли она пыталась породить героя для Логруса?

Я фыркнул, подумав о результате. Мать считала меня хорошо обученным воином, мне же было далеко до отца. Я предпочитал колдовство, но последнее во Владениях ценилось в пятачок за пучок. Наконец, она отправила меня в колледж на Теневую Землю, столь любимую жителями Амбера. Однако ученая степень в области компьютерной техники тоже не особенно подготовила меня к тому, чтобы поднять знамя Хаоса против сил Порядка. Наверное, я явился для нее горьким разочарованием.

Я снова вспомнил свое детство, некоторые странные приключения, отправной точкой для которых послужило это место. Мы приходили сюда с Гриллом. Глайт скользила у наших ног, обвивала руки или пряталась где-то в одеждах. Я издавал тот необычный тоскливый вой, которому научился во сне, и иногда к нам присоединялся Кергма, несясь складками тьмы из каких-то лохмотьев скрученного пространства. Я никогда, по сути, не знал, кто он такой, даже какого он рода, ибо Кергма был изменчив обликом: он летал, ползал, скакал или бегал в огромной череде самых занимательных форм.

Поддавшись внезапному порыву, я издал тот древний клич... Ничего, конечно, не случилось, и я тут же понял, почему закричал: то был плач по ушедшему детству, когда я хотя бы ощущал себя нужным. Теперь... теперь я был ничто — ни житель Амбера, ни житель Хаоса и, разумеется, сплошное разочарование для родственников с обеих сторон. Я оказался неудачным экспериментом. Я никогда не был нужен сам по себе, а только как нечто, способное произойти... Неожиданно глаза мои увлажнились, и я с трудом сдержал рыдания.

Но мне не суждено было узнать, в какую тоску я способен сам себя ввергнуть, потому что потом меня отвлекли.

Сверкнула вспышка красного света в точке на верху стены слева от меня и озарила маленький круг у ног человеческой фигуры.

— Мерлин! — воззвал голос оттуда.

Языки пламени прыгнули выше. В их отблеске я увидел то знакомое лицо, что слегка напоминало мое собственное, и обрадовался смыслу, что внесло оно в мою жизнь, даже если смыслом этим была смерть.

Я поднял левую руку над головой и вызвал вспышку синего света из спикарда.

— Давай сюда, Джарт! — позвал я, вскакивая на ноги.

Я принялся создавать шар света, что должен был отвлечь его внимание, пока я готовлю электрический стул. По зрелом размышлении это казалось мне самым верным способом выбить Джарта из строя. Я потерял счет его покушениям на мою жизнь и решил завладеть инициативой, когда он в следующий раз явится по мою душу. Вскипятить его нервы — вот оптимальный способ остудить Джарта, несмотря на то что сделал с ним Фонтан.

— Давай сюда, Джарт!

— Мерлин! Я хочу поговорить.

— А я — нет. Мы так часто пытались выяснить отношения, что мне больше нечего сказать. Давай иди сюда и покончим с этим — оружием, руками, колдовством. Мне все равно.

Он поднял обе руки, показывая ладони, и крикнул:

— Перемирие! Было бы опрометчивым разбираться здесь, в пределах Савалла.

— Только не надо лживых увещеваний, братец! — закричал я. И тут же сообразил, что, возможно, в его словах что-то есть. Я вспомнил, как много значило для него одобрение старика, и осознал, что ему бы очень не хотелось делать что-то враждебное Даре здесь, в этом помещении. — Чего ты хочешь, в конце концов?

— Поговорить.

— Встретимся вон там. — Я бросил шарик света, чтобы указать на знакомое сооружение: огромный карточный домик, построенный из стекла и алюминия; сотни его плоскостей сияли и искрились.

— Отлично, — донеслось в ответ.

Я вошел в карточный домик так, чтобы нас разделял лишь угол конструкции. И тут же увидел шесть своих отражений.

— Почему здесь? — раздался неподалеку голос братца.

— Это сооружение обеспечит массу хитроумных трюков, чтобы предохранить нас от взаимных увечий.

Я повернул за угол, и меня стало еще больше. Чуть погодя Джарт резко вздохнул, потом тихо рассмеялся.

— Начинаю понимать, — прозвучал его голос.

— Итак, о чем ты хотел поговорить? — спросил я.

— Мне известно, что вы с мамой недавно обедали. Мы только что мельком виделись. Ты ее расстроил.

— Что ж, она меня тоже не слишком осчастливила.

Я завернул за следующий угол, прошел через дверь, и в этот момент передо мной мелькнула его слабая улыбка.

— Иногда она такова, знаю, — промолвил Джарт. — Она утверждает, что на десерт к вам пожаловал Логрус.

— Да.

— И говорит, что на трон он выбрал тебя.

Надеюсь, Джарт увидел, как я пожимаю плечами.

— Вроде бы так. Только я не хочу.

— Но ты обещал подчиниться.

— Если не будет другого способа восстановить точное равновесие Сил. Такому ходу событий я подчинюсь в самую последнюю очередь. И я уверен, что до этого не дойдет.

— Но он выбрал тебя.

Снова пожатие плечами.

— Тмер и Таббл стоят передо мной.

— Не имеет значения. Ты знаешь, что к трону стремился я.

— Знаю. Довольно неудачный выбор профессии.

Неожиданно он окружил меня.

— Теперь я согласен. Я шел этим путем, но только до того, как был назван ты. Я думал, что при каждой нашей встрече имею перевес, и каждый раз ты подходил чуть ближе к тому, чтобы убить меня.

— И каждая встреча была все гнуснее.

— В тот последний раз, в церкви в Кашфе, я был уверен, что смогу наконец уничтожить тебя. Вместо этого я едва не погиб от твоей руки.

— Предположим, Дара или Мэндор уберут Тмера и Таббла. Ты знал, что обо мне должен позаботиться сам, но как насчет Деспила?

— Он бы уступил мне.

— Ты его спрашивал?

— Нет. Но я уверен.

Я продолжил:

— Ты всегда брал на себя слишком много, Джарт.

— Возможно, — сказал он, появляясь и вновь исчезая. — Так или иначе, это уже не имеет значения.

— Почему?

— Я — пас. Больше я не участвую в гонке. Черт с ней.

— С чего вдруг?

— Даже если бы Логрус не прояснил своих намерений, я все равно начал нервничать. Не то чтобы боялся, что ты убьешь меня, просто я задумался о себе и о престолонаследии. Что,

если я добьюсь трона? Я не уверен, как прежде, что отвечаю всем требованиям к истинному правителю.

Я снова повернул, мельком заметив Джарта, облизывающего губы, нахмурившего брови.

— Государственный деятель!.. Я мог бы наворотить дел, — продолжил он, — не имей я доброго совета. А тебе известно, что в конце концов такой совет последовал бы от Мэндора или Дары. В конце концов я оказался бы марионеткой в их руках, не так ли?

— Возможно. Но вот что любопытно... Когда ты начал приходить к такому выводу? Не после ли омовения в Фонтане? Выходит, мое вмешательство подвигло тебя на верный курс?

— Не исключено, — сказал он. — Теперь я рад, что не пошел до конца. Подозреваю, это могло свести меня с ума, как Брэнда. Но могло быть и не так. Или... Нет, я не знаю.

Стояла тишина, пока я бочком пробирался по коридору, а мои головоломные отражения держали шаг с обеих сторон.

— Она не хочет, чтобы я убил тебя, — наконец выпалил Джарт откуда-то справа.

— Джулия?

— Да.

— Как она?

— Поправляется, довольно быстро.

— Она здесь, в Савалле?

— Да.

— Послушай, я был бы рад увидеть ее. Но если она не хочет, я пойму. Нанося удар по Маске, я не знал, что это она, и сожалею.

— Джулия никогда по-настоящему не хотела навредить тебе. У нее раздор с Джасрой, а с тобой была сложная игра. Она лишь пыталась доказать, что не хуже, а может быть, и лучше, чем ты. Она хотела показать тебе, чем ты пренебрег.

— Сожалею, — снова пробормотал я.

— Прошу, скажи мне только одно, — произнес Джарт. — Ты любил ее? Ты когда-нибудь любил ее по-настоящему?

Я не сразу дал ответ. В конце концов, я много раз сам задавал себе этот вопрос и подолгу ждал ответа.

— Да, — наконец кивнул я. — Хотя и не сознавал этого, пока не стало слишком поздно. Такое вот несовпадение. — Чуть погодя я спросил: — А как насчет тебя?

— Я не намерен совершать ту же ошибку, — отозвался он. — Именно Джулия заставила меня задуматься обо всем...

— Понимаю. Если она не захочет видеть меня, передай, пожалуйста, что мне очень жаль.

Ответа не последовало. Я постоял какое-то время неподвижно, ожидая, что он догонит меня, потом крикнул:

— Хорошо. Наша дуэль окончена, насколько я понимаю.

И двинулся дальше. Немного погодя я дошел до выхода и переступил порог. Джарт стоял снаружи, разглядывая массивный фарфоровый фасад.

— Хорошо, — кивнул он.

Я подошел ближе.

— Есть еще кое-что... — сказал он, по-прежнему не глядя на меня.

— Вот как?

— По-моему, они передергивают.

— Кто? Как? Зачем?

— Мама и Логрус, — сообщил он. — Чтобы посадить тебя на трон. Кто невеста Камня?

— Должно быть, Корэл. По крайней мере, Дара использовала этот термин в подобном смысле. А что?

— В прошлом цикле я подслушал, как она отдает приказы некоторым из своих хендрейкских родичей. Она послала специальную команду, чтобы похитить эту женщину и доставить сюда. У меня создалось впечатление, что Корэл предназначена тебе в королевы.

— Нелепо! — возразил я. — Она замужем за моим другом Люком. Она королева Кашфы...

Джарт пожал плечами:

— Всего лишь сообщаю тебе то, что сам услышал. Это было связано с вопросом о восстановлении равновесия.

Ну и ну. Смысл безупречный: вместе с Корэл Владения автоматически получают Судный Камень, или Око Змея, как его здесь называют, и равновесие при этом явно смещается. Потеря для Амбера — выигрыш для Владений. Достаточно добиться моей цели — согласия Корэл, и катастрофа будет надолго отложена.

Нет, слишком безнравственно, чтобы я допустил это. Бедная девочка и так довольно натерпелась из-за того, что ей довелось быть в Амбере в плохое время и испытать ко мне симпатию. Можно, конечно, обратиться к отвлеченной философии и решить: да, это нормально — принести одну невинную жертву ради блага многих. Так рассуждали в колледже, как-то связывая это с основными законами существования. Но Корэл — моя подруга, моя кузина и в некотором смысле любовница, хотя при таких обстоятельствах, которые трудно принимать во внимание; да и быстрая проверка чувств, настолько быстрая, чтобы вновь неожиданно не попасться, показала,

что я способен влюбиться в нее. Все это означало, что философия еще на круг отстала от реального мира.

— Давно она отправила этих людей, Джарт?

— Не знаю, когда они отправились... и даже отправились ли уже, — отозвался он. — Но, учитывая разницу во временном масштабе, они вполне могли уехать и уже вернуться, сделав дело.

— Действительно, — сказал я и добавил: — Вот дерьмо!

Он повернулся и посмотрел на меня:

— Это важно и при всех других раскладах, полагаю?

— Для нее, а она важна для меня, — ответил я.

В его голосе послышалось замешательство:

— В таком случае почему бы просто не позволить доставить ее тебе? Если ты сядешь на трон, это подсластит пилюлю. Если нет, ты в любом случае будешь с ней.

— Чувства трудно держать в тайне даже среди неколдунов, — сказал я. — Корэл могут использовать как заложницу, держа меня в узде.

— Ох... Неловко говорить, что это меня радует. То есть я имею в виду... рад, что ты еще о ком-то беспокоишься.

Я опустил голову. Мне захотелось протянуть руку и коснуться брата, но я не стал этого делать.

Джарт негромко прогудел, как иногда делал ребенком, когда что-то обдумывал. Затем произнес:

— Мы должны добраться до нее раньше, чем они, и переправить ее в какое-нибудь безопасное место. Или умыкнуть, если девушка уже у них.

— Мы?

Он улыбнулся — событие исключительное.

— Ты знаешь, на что я способен. Я — крутой.

— Надеюсь, что так. А тебе известно, что произойдет, если какие-нибудь свидетели заявят, будто за этим стоит парочка братьев Саваллов? Наиболее вероятно — вендетта с Хендрейками.

— Даже если их втянула в это Дара?

— Получится, будто она подстрекала их.

— Отлично, — заявил Джарт. — Никаких свидетелей.

Я мог сказать, что предотвратить вендетту — значит сохранить множество жизней, но это прозвучало бы ханжески, даже если я не имел в виду ничего такого. Поэтому я лишь произнес:

— Та сила, что ты обрел в Фонтане, дает тебе нечто, именуемое, по слухам, эффектом живой карты. Похоже, что с его помощью ты оказался способен переместить Джулию, как самого себя.

Он кивнул.

— Возможно ли быстренько доставить нас в Кашфу?

Отдаленный звук чудовищного гонга наполнил воздух.

— Я могу все, что могут карты, — сказал Джарт. — И могу захватить с собой кого угодно. Единственная проблема, что сами карты не покроют такого пространства. Попробуем перенестись несколькими прыжками.

Снова прозвенел гонг.

— Что происходит? — спросил я.

— Уведомление о близком начале погребальной церемонии. Его должны слышать по всем Владениям.

— Не вовремя.

— Это как посмотреть. Есть у меня одна идея...

— Расскажи.

— У нас будет алиби, если мы выведем из игры нескольких Хендрейков.

— То есть?

— Перепад времен. Мы отправляемся на погребение и мельтешим там. Потом ускользаем, бежим по своим делам, возвращаемся и присутствуем на завершении церемонии.

— Думаешь, течение времени позволит нам?

— Думаю, да, есть неплохой шанс. Я тут вокруг довольно напрыгался и начинаю по-настоящему чувствовать потоки.

— Тогда давай попробуем. Чем больше путаницы, тем лучше.

Снова гонг.

Красный — цвет жизненного пламени, что наполняет нас, — во Владениях это цвет траурных нарядов. Я предпочел спикард Знаку Логруса, дабы потребовать себе приличествующее одеяние. Сейчас хотелось избежать любого общения, пусть самого светского, с этой Силой.

Затем Джарт с помощью карт перенес нас в свои апартаменты, где у него хранились оставшиеся с предыдущих похорон надлежащие одежды. У меня возникло слабое желание увидеть свою комнату. Когда-нибудь, возможно, когда не будет такой спешки...

Мы быстро умылись, причесались, оделись. Затем я, как и Джарт, изменил облик, и мы повторили ритуал уже на этом уровне, прежде чем одеться соответственно случаю. Рубаха, бриджи, куртка, плащ, ножные браслеты, ручные браслеты, шарф и пестрый шелковый платок — мы выглядели замечательно. Оружие следовало оставить. По пути мы собирались вернуться за ним.

— Готов? — спросил Джарт.

— Да.

Он схватил меня за руку, и мы переместились, прибыв ко

внутреннему краю Плаца-на-Краю Света, где синее небо темнело от пламени факелов, колышущихся вдоль всего маршрута процессии. Мы прошли мимо плакальщиков, в надежде попасться на глаза многим. Меня приветствовали старые знакомые. К несчастью, большинство норовили остановить меня и побеседовать после моего долгого отсутствия: многие удивлялись, почему мы здесь, а не в Тхельбане, огромной стеклянной игле Хаоса, расположенной далеко позади.

Время от времени воздух будто вибрировал, наполненный тягучим звучанием гонга. Я ощущал, как дрожит земля, ведь источник звука находился совсем близко. Мы медленно держали путь через Плац по направлению к внушительной груде черного камня у самого края Преисподней, к арочным воротам из застывшего пламени с такой же ведущей вниз лестницей; каждая ступень, каждый поручень были изготовлены из запертого временем огня. Грубый амфитеатр под нами тоже был охвачен пламенем, сам себя освещая, обращенный к черной преграде у конца всего сущего; и не стена была за ней, а разверзшаяся пустота Преисподней, откуда исходит все. Никто еще не зашел туда.

Мы стояли рядом с воротами огня и смотрели на дорогу, которой проследует процессия. Кивали дружелюбным демоническим физиономиям, вздрагивали от звука гонга, глядели на еще потемневшее небо... Неожиданно мою голову наполнило мощное присутствие.

— Мерлин!

Немедленно возник образ Мэндора в измененном виде, свысока глядящего из-под руки. Он, вероятно, связался со мной через мою карту и выглядел таким близким к раздражению, каким я его давно не видел.

— Да?

Его взгляд был направлен мимо. Выражение лица внезапно изменилось, брови поднялись, губы разжались.

— С тобою Джарт?

— Правильно.

— Я думал, вы не в лучших отношениях, — медленно проговорил он, — судя по нашему последнему разговору.

— Ради похорон мы решили отбросить разногласия.

— Это говорит о хорошем воспитании, но вряд ли о здравомыслии.

Я улыбнулся:

— Я знаю, что делаю.

— Неужели? — сказал Мэндор. — Тогда почему ты у собора, а не здесь, в Тхельбане?

— Мне никто не говорил, что я должен быть в Тхельбане.

— Странно. Твоя мать собиралась известить вас обоих, что вы должны быть в процессии.

Я покачал головой, отвернулся:

— Джарт, ты знал, что мы должны быть в процессии?

— Нет, — сказал он. — С одной стороны, в этом есть смысл. А с другой, есть черный надзор, который рекомендует вести себя сдержанно и не высовываться. Кто тебе это сказал?

— Мэндор. Он утверждает, что Дара должна была поставить нас в известность.

— Мне она не говорила.

— Ты слышал? — обратился я к Мэндору.

— Да. Теперь это не важно. Давайте сюда оба.

— Он призывает нас, — сообщил я Джарту.

— Проклятье! — скривился Джарт и сделал шаг вперед.

Я протянул руку Мэндору, как раз когда Джарт подошел и ухватился за мое плечо. Мы оба рванулись вперед, а затем...

...прямо в гладкий и мерцающий интерьер тхельбанского главного зала на первом этаже — этюд в черных, серых, болотно-зеленых, багровых тонах, с канделябрами, будто сталактиты, огненными скульптурами на фоне чешуйчатых шкур, висящих на стенах, парящими в воздухе водяными шарами, внутри которых кишели твари. Зал был заполнен знатью, родственниками, придворными, мельтешащими, точно океан огня, вокруг помоста с гробом, возвышающегося в центре. Вновь загремевший гонг заглушил слова Мэндора.

Он подождал, пока уляжется шум, затем проговорил снова:

— Я сказал, что Дара еще не прибыла. Пойдемте, отдадим скорбную дань, и пусть Бэнсез укажет ваши места в процессии.

Взглянув в сторону катафалка, я заметил поблизости и Тмера, и Таббла. Тмер разговаривал с Бэнсезом, Таббл — с кем-то, стоящим спиной. Ужасная мысль вдруг пронзила меня.

— Как обстоят дела с обеспечением безопасности процессии?

Мэндор усмехнулся.

— В толпе достаточно стражников, — сообщил он, — а еще больше расположено вдоль всего маршрута. За вами наблюдают каждую секунду.

Я взглянул на Джарта: слышал ли. Он кивнул.

— Спасибо.

Растягивая литанию беззвучных ругательств, я двинулся к гробу. Джарт следом за мной. Есть, конечно, способ раздвоиться: уговорить Путь прислать моего двойника, чтобы тот занял здесь мое место. Но Логрус в два счета обнаружит проекционную сущность двойника. А если я просто удалюсь, мое отсутствие не только будет замечено, но, вероятно, меня станут выслеживать — возможно, сам Логрус, как только Дара созовет совещание. Тогда Логрус узнает, что я смылся, дабы препятствовать его усилиям разбалансировать порядок; наружу вырвутся реки коварства и жестокости. Я бы не хотел ошибиться, переоценив свою собственную незаменимость.

— Как мы теперь поступим? — шепнул Джарт, пока мы прокладывали путь к хвосту медленно тянущейся очереди.

Снова зазвучал гонг, заставив содрогнуться канделябры.

— Не вижу никаких возможностей, — ответил я. — Полагаю, лучшее, на что можно надеяться, — это постараться исполнить миссию, пока я иду в процессии.

— С помощью карты отсюда не сбежать, — ответил он и тут же поправился: — Ну разве что при идеальных условиях и без всех помех.

Я попытался придумать какое-нибудь заклинание, какой-нибудь сигнал некоему посреднику, способному послужить мне в этом. Призрак подошел бы идеально. Но он, как назло, уплыл исследовать пространственные асимметрии Зала Скульптур — вероятно, надолго.

— Я могу добраться туда довольно быстро, — вызвался Джарт, — и, учитывая перепад времени, вернусь прежде, чем кто-либо заметит.

— И ты как раз знаешь двух людей в Кашфе, с которыми следует поговорить, — сказал я. — Люк и Корэл. Обоих ты встретил в церкви, когда мы с тобой силились убить друг друга; ты еще украл тогда меч отца Люка. Без всяких, я бы сказал, церемоний он постарается убить тебя, едва увидит; а она завопит, зовя на помощь.

Очередь несколько продвинулась.

— Итак, моя помощь не требуется, — сказал Джарт.

— Угу, — ответил я. — Я знаю: ты крутой, но Хендрейки — профи. К тому же ты столкнешься с полным несогласием Корэл спасаться.

— Ты — колдун, — сказал Джарт. — Если мы определим, кто здесь стражники, нельзя ли наложить на них заклятие, чтобы они думали, будто видят нас, пока мы проворачиваем дельце?

— Подозреваю, что либо мама, либо наш старший брат наложили на стражников защитное заклятие. Как раз, на мой взгляд, идеальное время для политического убийства. Я бы не хотел, чтобы кто-то мутил головы моим людям, если б обеспечивал здесь безопасность.

Мы еще чуть-чуть продвинулись. Наклонившись и вытянув шею, я сумел мельком заметить истощенный демонический образ старого Свейвила, пышно облаченного, со змеем

красного золота на груди; там, в огненном гробу, древнее возмездие Оберона шло наконец на встречу с ним.

Когда я подошел ближе, мне пришло в голову, что проблему можно решить иначе. Я слишком долго пребывал в области простодушного колдовства. Нужно оставить привычку действовать против магии магией, сложной цепью заклинаний. Стражники защищены от любых заигрываний с их сознанием? Пусть так. Найду способ обойти это.

Снова звучит гонг. Когда затихло эхо, Джарт склонился ко мне:

— Есть кое-что большее, чем я тебе сообщил.

— Что ты имеешь в виду?

— Другая причина, которая привела меня к тебе в пределах Савалла. А именно — я был в ужасе.

— От чего?

— По крайней мере кто-то один из них — Мэндор или Дара — хочет большего, чем просто равновесия, хочет полной победы для Логруса, для Хаоса. А я не только не хочу участвовать в интригах — я не хочу, чтобы это произошло. Теперь, когда у меня есть возможность посещать Тень, я не желаю видеть ее уничтоженной. Я против окончательной победы любой из сторон. Полный контроль Огненного Пути, наверное, окажется так же плох.

— Откуда у тебя такая уверенность, что Мэндор или Дара столь категоричны?

— Они еще раньше пытались с Брэндом, разве не так? Он был отправлен разрушить весь порядок.

— Нет, — возразил я. — Он собирался разрушить старый порядок, дабы заменить его собственным. Брэнд был революционер, а не анархист. Он намеревался сотворить новый Путь внутри порожденного им Хаоса — свой собственный, но все же реальный мир.

— Его одурачили. Он не смог бы справиться с таким делом.

— Нельзя знать наверняка, пока не попробовал.

— Так или иначе, я боюсь, что кто-то намеревается идти до конца. Замысленное похищение — это более чем серьезный шаг. Если ты сумеешь прикрыть наше отсутствие, думаю, нам в любом случае следует рискнуть.

— Потерпи, — сказал я. — Я тут кое-что придумал. Я не пытаюсь вызвать у стражников галлюцинации. Вместо этого я совершаю превращение — делаю так, что пара наших соседей по очереди примут наш облик. Тогда ты сразу же переправишь нас с помощью карт. И это не будет галлюцинацией — их будут принимать за нас, а мы сможем отправиться по своим делам — и находиться здесь одновременно.

— Делай. Я готов.

— Отлично, я преображу двух парней перед нами. Как только закончу, сделаю вот так, — сказал я, опуская левую руку от плеча к поясу, — и мы оба наклоняемся, будто что-то уронили. Затем действуй.

— Договорились.

Спикард справился легко и просто, будто сам был процессором заклинаний. Я задал ему два конечных продукта, и, в мгновение ока пробежав тысячи вариантов, он выдал мне окончательный — пару заклятий, которые, действуй я в классическом стиле, отняли бы кучу времени. Едва убедившись, что трансформация началась, я взмахнул рукой и наклонился вперед.

Последовало молниеносное головокружение, а когда я выпрямился, мы опять были в апартаментах Джарта. Я засмеялся, и он похлопал меня по плечу.

Мы немедленно вернули себе человеческое обличье и одеяние. Как только с этим было покончено, он снова схватил меня за руку и с помощью карты отправил нас к Огненным Вратам. Еще мгновение — и новый прыжок, на сей раз на вершину горы, господствующей над синей долиной под зеленым небом. И снова — на середину высокого моста над глубоким ущельем; небо очищалось от звезд или же покрывалось ими.

— Теперь все в порядке, — сказал Джарт.

Мы стояли наверху серой каменной стены, влажной от росы, а возможно, после шторма. На востоке наливались огнем облака. С юга дул легкий ветерок.

Это была стена, что окружала самый центр Джидраша — столицы Кашфы. Ниже нас располагались четыре гигантские постройки, включая дворец и Храм Единорога напротив, а также несколько зданий поменьше. В стороне от нас находилось крыло дворца, откуда Грилл вытащил меня (как давно это было!) с королевского рандеву. Я даже смог определить сломанный ставень нашего окна, увитого плющом.

— Вон там я последний раз видел ее.

Глазом не успев моргнуть, мы уже стояли посреди комнаты. Все было убрано, кровать застелена. Я вытащил свою колоду и выбрал карту Корэл. Глядя на карту, пока она не похолодела, я ощутил присутствие...

Она была там; и тем не менее ее не было. Возникло смутное чувство встречи во сне или в оцепенении. Я провел рукой над картой и прервал наш слабый контакт.

— Видимо, девушку уже схватили, — сказал Джарт. — Есть возможность выследить ее в таком состоянии?

— Возможно, она в соседнем доме, на лечении. Она была больна, когда я оставил ее.

— Тогда что будем делать?

— В любом случае нужно поговорить с Люком, — сказал я.

Контакт установился, едва я достал его карту.

— Мерлин! Где ты, черт возьми?

— Если ты во дворце, то я рядом.

Он поднялся — теперь я сообразил, что с постели, — подобрал зеленую рубаху с длинными рукавами и натянул ее, прикрыв свою коллекцию шрамов. Мне показалось, что рядом с ним в постели мелькнул кто-то еще. Люк что-то пробормотал в том направлении: что именно — я не расслышал.

— Нам надо поговорить, — сказал он, приглаживая рукой свои непослушные волосы. — Проведи меня.

— Конечно. Только сперва предупреждаю: здесь мой брат Джарт.

— Папин меч у него?

— Э-э... Нет.

— Надеюсь, что не убью его прямо немедленно, — сказал Люк, заправляя за пояс рубаху.

Он резко протянул руку, я сжал ее. Он шагнул вперед и присоединился к нам.

Глава 8

Люк улыбнулся мне, но, глянув на Джарта, помрачнел.

— Где ты все-таки пропадал?

— Во Владениях Хаоса, — отозвался я. — Меня вызвали в связи со смертью Свейвила. Как раз сейчас идет погребальная церемония. Мы ускользнули, когда я узнал, что Корэл в опасности.

— Мне это известно... теперь, — сказал Люк. — Она исчезла. Похищена, я полагаю.

— Когда это произошло?

— Прошлой ночью, насколько я могу судить. А ты, похоже, в курсе этих событий?

Я взглянул на Джарта.

— Перепад хода времени, — объяснил он.

— Корэл дает шанс сорвать несколько очков в непрерывной игре между Путем и Логрусом. Поэтому за ней были посланы агенты Хаоса. Впрочем, она им необходима целая и невредимая. С ней все будет в порядке.

— Зачем она им понадобилась?

— Похоже, ее считают подходящей, чтобы стать королевой

в Тхельбане, вместе с Судным Камнем как частью ее анатомии и самым ценным, что в ней есть.

— А кто должен стать новым королем?

У меня внезапно загорелось лицо.

— Что ж, люди, стоящие за похищением Корэл, хотели бы, чтобы престол занял я.

— Эге, мои поздравления! — воскликнул Люк. — Теперь я не одинок в подобных забавах.

— Что ты имеешь в виду?

— Грош цена королевскому делу, приятель! Только врагу пожелаешь попасть в круговерть этого высокопоставленного дерьма. Каждый отрывает у тебя время, и все к тому же постоянно должны знать, где ты находишься.

— Дьявол, да тебя только что короновали! Все еще утрясется.

— Только что? Больше месяца прошло!

— Перепад времен, — повторил Джарт.

— Пойдем. Выпьем по чашечке кофе, — сказал Люк.

— У тебя здесь есть кофе?

— Мне он необходим, старик. Вот сюда.

Люк провел нас за дверь, повернул налево и стал опускаться.

— Пока вы там болтали, — сказал он, — у меня родилась забавная идея насчет твоего царствования и стремления сделать Корэл королевой. С одной стороны, я не прочь чертовски быстро расторгнуть наш брак и имею на то все возможности — коли я тут за главного. С другой стороны, ты хочешь иметь ее своей королевой, а я хочу этот Договор Золотого Круга с Амбером. Мне кажется, я нашел способ сделать всех счастливыми.

— Все гораздо сложнее, Люк. Мне престол не нужен, и будет очень скверно, если мои родственники во Владениях получат Корэл. За последнее время я много чего узнал.

— Например? — поинтересовался Люк, открывая потайную дверь к проходу в заднюю часть дворца.

Я оглянулся на Джарта и сказал:

— Он тоже напуган. Вот почему мы теперь чуть более сердечны.

Джарт кивнул.

— Возможно, Брэнд в какой-то степени стал жертвой заговора, рожденного во Владениях Хаоса, частью идеи, которая жива там и поныне.

— Нам лучше пойти и позавтракать как следует, — заявил Люк. — Давайте завернем на кухню.

Мы направились за ним по садовой дорожке. Потом мы ели и беседовали, а вокруг нас разгорался день. Люк настоял, чтобы я снова испробовал карту Корэл, что я и проделал — по-преж-

нему с нулевым результатом. Тогда он чертыхнулся, кивнул и сказал:

— Твой расчет на самом деле довольно точен. Парней, что схватили ее, засекли движущимися по Черной Дороге на запад.

— Естественно, — сказал я.

— У меня есть основания полагать, что они не доберутся вместе с ней до Владений.

— Вот как?

— Я так понимаю, что эти черные проходы, которыми вы, ребята, пользуетесь, опасны для посторонних. Могу показать вам, что осталось от одного из них — на самом деле теперь это черная тропинка. Я собираюсь пройтись по ней, но не знаю, смогу ли соскочить, когда захочу. И еще вопрос: есть ли способ защитить меня от самой Черной Дороги?

Я встал. Кухарка и две судомойки пялились в нашу сторону.

— Хочу тебя кое с кем познакомить, Люк. Прямо сейчас.

— Почему бы и нет? — сказал он, поднимаясь.

— Давайте пройдемся, — предложил я.

— Пожалуйста.

Мы вышли через дверь для прислуги.

— Итак, желала ли она получить усердного помощника или магическую бомбу замедленного действия, но мама вполне могла подначить отца в его попытках воцариться в Амбере и в конце концов изменить мир, — сказал Люк.

— Что ж, полагаю, и Брэнд не пришел к ней с чистыми руками, — ответил я.

— Верно, но я поражаюсь, насколько тщательно были разработаны его планы, — задумчиво произнес Люк. — Это самая веселенькая вещь, услышанная мною за весь месяц.

Мы вышли на маленькую крытую дорожку, что вилась вдоль дворца. Люк замер, огляделся и спросил:

— Где тот человек?

— Мне просто нужна была отправная точка, без свидетелей, заявляющих, будто я похитил короля.

— Куда мы собрались, Мерлин? — осведомился Джарт, когда я закружил спираль из центра спикарда, задействовав шестнадцать различных источников энергии.

— Хорошая идея. Похититься отсюда, — промолвил Люк, и в тот момент мы все тронулись в путь.

Я действовал так же, как тогда, когда переправлялся из Амбера в Кашфу, создавая цепь скорее из воспоминаний, чем из открывающегося передо мной вида. Только теперь нас было трое, и дорога впереди ожидала долгая-предолгая.

Мы будто ступили в калейдоскоп и прошли порядка ста двадцати степеней кубистского распада и восстановления, пока не очутились на другом конце, под высоким деревом, чья вершина тонула в тумане; по соседству стоял красно-белый «Шевроле» 57-го года; из его радио доносились звуки «Девяти дев» Ренбурна.

Призрак Люка поднялся с переднего сиденья и уставился на оригинал. Сам Люк, в свою очередь, глядел на призрак.

— Привет, — сказал я. — Знакомьтесь. Хотя вряд ли вы нуждаетесь в особом представлении. У вас так много общего.

Джарт уставился на Путь.

— Версия моего папы, — сообщил я.

— Можно догадаться, — проговорил Джарт. — Но что мы здесь делаем?

— Есть одна идея... По правде говоря, я надеялся, что здесь будет Корвин и я смогу обсудить ее с ним.

— Он вернулся и снова ушел, — услышав меня, объяснил здешний Люк.

— Не сказав, как с ним связаться или когда он вернется?

— Нет.

— Проклятье!.. Мне тут в голову пришла мысль, что неплохо бы вам, Люкам, поменяться на время местами — если Путь поддастся уговорам одобрить недолгое расставание.

Истинный Люк, которого я решил по-прежнему называть Люком в присутствии его Призрака, мгновенно просиял. Дабы отличить одного от другого, я стал думать о его двойнике как о Ринальдо.

— ...трон — это такой опыт, без которого человеку не обойтись, — говорил Люк.

— Тогда почему ты так стремишься слинять оттуда? — парировал Ринальдо.

— Надо помочь Мерлю разыскать Корэл. Она была похищена.

— Правда? Кем?

— Агентами Хаоса.

— Гм-м. — Ринальдо принялся расхаживать взад-вперед. — Ну хорошо, тебе об этом известно больше, чем мне, — наконец произнес он. — Если Корвин вскоре вернется и Путь мне позволит, я сделаю все, что в моих силах.

— Пока мы ждем, следы остывают, — заметил Люк.

— Ты не понимаешь, — сказал Ринальдо. — У меня здесь работа, и я не могу просто бросить ее, даже если это означает пойти и стать где-нибудь королем. То, что я делаю, — еще важнее.

Люк взглянул на меня.

— Он прав, — кивнул я. — Он — страж Пути. С другой стороны, Корэл никто не собирается причинять вред. Пожалуй, мы с Джартом на несколько минут смотаем во Владения, дабы посмотреть, как идет погребальная церемония. Возможно, пока мы будем там, появится Корвин. Уверен, вам двоим есть о чем поговорить.

— Давай, — сказал мне Люк.

— Ага, — сказал Ринальдо. — Хотелось бы мне знать, что мы такое затеяли.

Я взглянул на Джарта; тот кивнул. Я подошел и остановился рядом с ним.

— Твоя очередь рулить... Скоро вернемся, — бросил я через плечо, когда мы исчезали в первом прыжке.

...И так снова до пределов Савалла, и опять наши ярко-красные одежды поверх демонического обличья. Перед тем как Джарт вернул нас на погребальное действо, я снова изменил нашу внешность, дабы не оказаться рядом с парой собственных двойников.

Тхельбан оказался покинутым. Однако, выглянув наружу, мы увидели процессию, остановившуюся в каком-то замешательстве на четверти пути к Плацу.

— Ох-ох-ох, — бросил Джарт. — Что же мне делать?

— Доставь нас туда, — сказал я.

Секундой позже мы оказались у края толпы.

Сияющий гроб Свейвила был опущен в землю, а вокруг него выставлена стража. Мое внимание сразу привлекли несколько фигур, толкущихся примерно в двадцати футах от гроба. Оттуда доносились крики, кто-то лежал на земле, а две демонические фигуры крепко удерживались несколькими участниками процессии. Внутри у меня все сжалось, когда я увидел, что двое схваченных — та самая пара, которую я сделал похожими на нас с Джартом. Оба бурно выражали свой протест.

Пробивая дорогу в толпе, я снял свое заклятие, возвращая тем двоим их собственное обличье. Как только это произошло, гомон усилился; кто-то выкрикнул: «Я же вам говорил!» Ответом было: «Да, это они!» Внезапно я узнал в отвечавшем Мэндора. Он стоял между схваченной парой и тем, кто лежал на земле.

— Это был трюк для отвлечения внимания! — воскликнул Мэндор. — Отпустите их.

Я решил, что сейчас самый благоприятный момент, чтобы сбросить чары, скрывающие нас с Джартом. Славная паника!

Чуть погодя Мэндор увидел меня и сделал знак приблизиться. Я заметил, что Джарт остановился поблизости поговорить с каким-то своим знакомым.

— Мерлин! — сказал Мэндор, как только я подошел. — Что ты знаешь об этом?

— Ничего, — ответил я. — Мы с Джартом шли позади. А что вообще случилось?

— Кто-то придал двоим стражникам ваше с Джартом обличье. Несомненно, с намерением создать замешательство в момент, когда убийца нанесет удар. Эти двое ринулись вперед, утверждая, что они стражники. Умно... особенно учитывая, что вы с Джартом в списке черного надзора.

— Да, понимаю, — согласился я, гадая, не помог ли я сбежать убийце. — Кому достался удар?

— Тмеру. Очень профессиональный удар кинжалом, — объяснил Мэндор, подергивая левым веком. Слабое подмигивание? Со значением? — Убийца мгновенно скрылся.

Четверо плакальщиков, соорудив из плащей подобие носилок, подняли лежавшее тело. Они сделали несколько шагов, и я увидел за ними другую группу людей.

Заметив озадаченное выражение на моем лице, Мэндор оглянулся.

— Повышенная безопасность, — пояснил он. — Охрана Таббла. Я прикажу ему немедленно убраться отсюда. Тебе и Джарту тоже. В храм можете прибыть позже.

— Хорошо, — сказал я. — Дара здесь?

Он огляделся.

— Я ее не видел. И сейчас не вижу. Тебе лучше идти.

Я кивнул и, повернувшись, заметил справа полузнакомое лицо. Женщина была высока и темноглаза, ее облик изменялся от многоцветного водоворота драгоценных камней до покачивающихся очертаний, подобных цветку; она пристально глядела на меня. Я постарался припомнить ее и все-таки воскресил имя в памяти.

— Мне нужно уходить, — сказал я, приблизившись к ней, — но прежде позволь поприветствовать тебя, Джилва.

— Ты помнишь? Я сомневалась.

— Конечно.

— Как поживаешь, Мерлин?

Я вздохнул. Она улыбнулась на свой манер в облике косматого, получеловеческого существа.

— Да, скорей бы все это улеглось.

— Слушай, я бы хотел поговорить — по нескольким причинам. Когда тебе удобно?

— Что ж, в любое время после погребения, полагаю. А в чем дело?

— Сейчас некогда объяснять. Мэндор кидает на меня грозные взгляды. Увидимся позже.

— Хорошо. Позже, Мерлин.

Я поспешил назад к Джарту и ухватил его за локоть.

— Нам приказано удалиться, — сказал я. — По соображениям безопасности.

— Прекрасно. — Он повернулся к человеку, с которым беседовал, и сказал ему: — Спасибо. Увидимся позже.

Окружающий мир ускользнул. И расцвел новый: апартаменты Джарта, наши шмотки разбросаны по комнате.

— Удачный расклад для нас. Неудачный для Тмера, — заметил Джарт.

— Вот уж правда.

— И каково же чувствовать себя номером вторым? — осведомился он, пока мы снова меняли одежды и обличья.

— Это и тебя касается, — сказал я.

— Знаешь, по-моему, смерть его в твою пользу, брат, а не в мою.

— Надеюсь, что нет.

Он засмеялся:

— Теперь выбор между тобой и Табблом.

— Будь так, я уже был бы мертв, — сказал я. — Если ты прав, на самом деле это выбор между Саваллами и Чаникутами.

— Представь себе, Мерлин: вдруг окажется, что я торчал с тобой лишь потому, что сейчас это самое безопасное место? — спросил Джарт. — Я уверен, что наши стражники и убийцы лучше чаникутских. Предположим, я просто жду, приберегая финальную попытку, пока не выведен из строя Таббл? Затем ты, доверяющий мне во всем, поворачиваешься спиной, и — моя коронация!

Я смотрел на брата. Он улыбался, но, казалось, довольно внимательно на меня глядя. Я был готов ответить: «Ты можешь попасть на свою коронацию и без таких хлопот» — пошутить. Но задал себе вопрос: а если действительно выбор будет между нами?.. Мне пришло в голову, что именно при этом обстоятельстве я, пожалуй, согласился бы принять трон. Я хотел поделиться с ним своими сомнениями, пойти на компромисс... Но ничего не мог с собой сделать. Трудно ломать привычки всей жизни — несмотря на его примирительные разговоры и попытки содействия. Я не мог заставить себя доверять Джарту больше, чем доверял.

— Расскажи это Логрусу.

Ужас во взгляде — расширившиеся глаза, опущенный взор, чуть подавшиеся вперед плечи... Затем:

— Ты действительно находишь с ним общий язык? — спросил он.

— Кажется, есть понимание, только немного однобокое.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не намерен помогать какой-либо стороне погубить наш мир.

— По твоим словам выходит, что ты собираешься надуть Логрус?

Я приложил палец к губам.

— Должно быть, в тебе играет кровь Амбера, — продолжил Джарт. — Я всегда говорил, что они там слегка помешанные.

— Может, и так, — пожал я плечами.

— Так, наверное, поступил бы твой отец.

— Что тебе известно о нем?

— Ты же знаешь, у каждого своя любимая амберская история.

— Здесь мне никто ни одной не рассказывал.

— Разумеется, нет... принимая во внимание...

— ...меня как полукровку?

Он пожал плечами.

— Ну да.

Я натянул сапоги.

— Что бы ты ни делал с тем новым Путем, — продолжил Джарт, — это, вероятно, не слишком осчастливит старый.

— Несомненно, — кивнул я.

— Тогда ты не сможешь обратиться к нему за помощью, если тебя станет преследовать Логрус.

— Полагаю, да.

— А если они оба насядут на тебя, новый Путь не выстоит против обоих.

— Думаешь, они действительно способны объединиться — ради чего бы то ни было?

— Трудно сказать. Ты играешь в безумную игру. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже надеюсь, — сказал я, поднимаясь. — Моя очередь.

Я раскрутил спикард так, как никогда до этого не пытался, и единственным прыжком доставил нас к папиному Пути.

Люк и Ринальдо по-прежнему беседовали. Я мог различить их по одежде. Корвина нигде в поле зрения не было.

При нашем появлении оба замахали руками.

— Как дела во Владениях? — спросил Люк.

— Хаотично, — отозвался Джарт. — А мы долго здесь отсутствовали?

— Часов шесть, я полагаю, — ответил Ринальдо.

— Корвин не объявлялся? — спросил я.

— Нет, — сказал Люк. — Но между делом мы выработали взаимное соглашение... и Ринальдо вступил в контакт со здеш-

ним Путем. Путь освободит Ринальдо и поддержит его существование, как только вернется Корвин.

— Что касается этого... — начал Джарт.

— Да? — переспросил Ринальдо.

— Я останусь здесь и прикрою Ринальдо, пока вы ищете леди со стеклянным глазом.

— Почему?

— Потому что вместе у вас лучше получится, а мне здесь безопасней, чем где бы то ни было.

— Надо убедиться, приемлем ли такой вариант, — сказал Ринальдо.

— Давай.

Ринальдо направился к Пути. Я обшаривал глазами туман со всех сторон, надеясь увидеть возвращающегося отца. Джарт изучал автомобиль; из приемника сейчас доносился номер Брюса Дэнлепа из «Лос Анималс».

— Если твой отец вернется и сменит меня, — сказал Джарт, — я возвращусь на погребение и придумаю отговорки по поводу твоего там отсутствия. Если вернешься ты, а меня там не будет, сделаешь то же самое. Договорились?

— Да, — кивнул я; клочья тумана, будто дым, поднимались между нами. — И кто бы из нас ни освободился первым, имея что-либо сообщить...

— Случайно не прихватили мой меч из Владений? — спросил Люк.

— Времени не было, — отозвался Джарт.

— Хотелось бы, чтобы в следующий раз оно нашлось.

— Конечно, конечно, — кивнул Джарт.

Ринальдо отошел от Пути и вернулся к нам.

— Ты принят, — сказал он Джарту. — Пойдем со мной. Я хочу показать тебе родник, а также запас еды и кое-какое оружие.

Люк повернулся и стал наблюдать, как они удаляются.

— Извини, — тихо произнес он, — но я ему все еще не доверяю.

— Не извиняйся. Я тоже. Я знаю его слишком долго. Зато у нас сейчас больше оснований доверять друг другу, чем долгое время до этого.

— Интересно, мудро ли это — позволить ему узнать, где находится здешний Путь, а теперь еще и оставить с ним наедине?

— Я совершенно уверен, что Путь знает, что делает, и может сам о себе позаботиться.

Люк поднял руку, скрестив два пальца.

— Я бы поспорил с таким решением, да вот только мне нужен мой двойник.

Когда вернулись Ринальдо и Джарт, из машины неожиданно загремел баритон диск-жокея:

— Все доказывает: умение выбрать время — превыше всего. Хороший день для путешествия!

И тотчас последовало соло на барабанах; я мог бы поклясться, что как-то уже слышал его в исполнении Рэндома.

— С этого момента ты на вахте, — сообщил Ринальдо Джарту. Затем повернулся к нам: — К вашим услугам.

Я подхватил всю группу спикардом и, закрутив, бросил обратно в Кашфу, доставив в Джидраш ближе к сумеркам, к тому же самому месту на вершине стены, куда мы до этого прибыли с братом.

— Ну, наконец-то, — произнес Ринальдо, окинув взглядом город.

— Да, — отозвался Люк. — Это все твое... на время. — Немного помолчав, добавил: — Может, прыгнем в мои апартаменты, Мерлин?

Я провернулся на запад, где клубились оранжевые облака, и взглянул вверх: там болталось несколько пурпурных.

— Прежде мне бы хотелось использовать остатки дневного света, чтобы осмотреть черный след.

Он кивнул:

— Хорошая мысль. Давай.

Жестом Люк обозначил холмистую местность на юго-западе. Я подхватил нас и спикардировал туда, сотворив глагол, необходимость в котором почувствовал при вышеупомянутом действе. Такова сила Хаоса.

Прибыв на вершину небольшого холма, мы вслед за Люком спустились по дальнему склону.

— Где-то здесь, — сказал он.

Длинные тени лежали повсюду вокруг нас, но есть разница между тусклостью теней и чернотой путеводной нити из Владений Хаоса.

— Это было тут, — наконец показал Люк, когда мы дошли до места меж двумя валунами.

Я прошел вперед, но не ощутил ничего особенного.

— Ты уверен, что это именно то место?

— Да.

Я прошел еще десять шагов, двадцать.

— Если тут что и было, то теперь исчезло, — констатировал я. — Разумеется... Интересно, сколько времени мы отсутствовали?

Люк щелкнул пальцами.

— Время! — догадался он. — Тащи нас обратно в мои апартаменты.

Мы попрощались с теплым деньком; я определил направление и открыл путь сквозь стену мрака. Мы вступили в комнату, которую раньше занимал я с Корэл.

— Тут, надеюсь, недалеко? — спросил я. — Не помню, где расположены твои комнаты.

— Пойдемте, — сказал Люк, увлекая нас за собой налево и по лестнице вниз. — Пора проконсультироваться с местным экспертом. Мерль, сделай что-нибудь с внешностью моего двойника. Когда хорошей вещи слишком много, это может вызвать толки.

Впервые я сделал кого-то похожим на большой парадный портрет Оберона там, дома.

Прежде чем войти, Люк постучал. Из-за дверей знакомый голос произнес его имя.

— Я с друзьями, — сказал Люк.

— Бери их с собой, — последовал ответ.

Он открыл дверь, и мы вошли.

— Вы оба знакомы с Найдой, — объявил Люк. — Найда, это мой двойник. Для ясности зови его Ринальдо, а меня — Люком. Он будет исполнять здесь мои обязанности, пока мы с Мерлем поищем твою сестру.

Тут, в ответ на ее изумленный взгляд, я вернул Ринальдо его прежний облик.

Найда была облачена в черные брюки и изумрудную блузку, волосы собраны сзади и стянуты зеленым шарфом. Приветствуя нас, она улыбалась, а посмотрев на меня, кончиком пальца коснулась своих губ, слегка, почти мимоходом. Я сразу же кивнул.

— Надеюсь, ты оправилась после тех злоключений в Амбере, — сказал я. — Не повезло тебе, признаться.

— Конечно, — ответила девушка. — Полностью оправилась, спасибо. Очень любезно с твоей стороны, что ты проявил интерес. Благодарю тебя также за твои недавние уведомления. Я правильно поняла, кто стоит за похищением Люка два дня тому назад?

— Неужели так давно? — удивился я.

— Именно так, сэр.

— Прости, дорогая, — сказал Люк, сжимая ей руку и долгим взглядом погружаясь в ее глаза.

— Теперь понятно, почему угас след, — заметил я.

Ринальдо поцеловал Найде руку, одновременно отвесив глубокий поклон.

— Поразительно, как сильно ты изменилась по сравнению с девочкой, которую я знал, — промолвил он.

— О-о?

— Воспоминания мы делим с Люком так же, как и внешность, — пояснил Ринальдо.

— Могу сказать, что есть в тебе что-то не вполне человеческое, — сказала девушка. — Я вижу тебя человеком, чья кровь — пламя.

— Как же ты можешь увидеть это? — осведомился он.

— У нее свои способы, — ответил Люк. — Хотя я думал, что ее способности ограничиваются лишь духовной связью с сестрой. Очевидно, это все же нечто большее.

Она кивнула.

— Кстати, надеюсь, ты сумеешь помочь нам напасть на след твоей сестры, — продолжил Люк. — Учитывая, что след простыл, да еще действует наркотик или заклинание, препятствующее вызову через карту, мы очень даже нуждаемся в помощи.

— Постараюсь, — ответила Найда, — хотя в данный момент она вне опасности.

— Хорошо. В таком случае я распоряжусь, чтобы всех нас накормили, и объясню этому симпатяге, что сейчас происходит в Кашфе.

— Люк, — сказал я. — Мне, наверное, стоит вернуться сейчас во Владения на заключительную часть траурной церемонии.

— Надолго, Мерлин?

— Не знаю.

— К утру вернешься, надеюсь?

— Я тоже. Но если нет?

— Похоже, мне придется идти на поиски самому.

— Постарайся все же сначала связаться со мной.

— Конечно. Увидимся позже.

Я укутался в свой пространственный плащ, прочь отринув Кашфу. Когда я развернул его, то снова был в комнатах Джарта в пределах Савалла.

Я потянулся, зевнул. Быстро осмотрел комнату, дабы убедиться, что нахожусь в одиночестве. Расстегнул плащ и швырнул его на кровать. Расхаживая по комнате, расстегнул рубаху.

Стоп. Что это? И где?

Я вернулся на несколько шагов. Я никогда особенно не задерживался в комнатах моего младшего брата, но обязательно бы припомнил то, что вдруг почувствовал.

Там были стул и стол — в углу, образованном стеною и шкафчиком темного, почти черного, дерева. Встав коленями на

стул и облокотившись на стол, я вновь почувствовал это — присутствие Пути, хотя и недостаточно сильное для перемещения. Следовательно...

Я сдвинулся вправо, открыл шкафчик. Конечно, Путь был там, внутри. Любопытно, давно ли его устроил Джарт. Еще я ощущал легкое веселье от подобного обшаривания его покоев. Что ж, я задолжал ему массу невзгод и беспокойств. Несколько общих секретов и небольшая совместная кампания вряд ли растопят такой айсберг недоверия. Возможно, он просто подставляет меня по какой-то своей причине... Пожалуй, осторожности ради стоит пожертвовать хорошими манерами.

Я стал отодвигать одежды, висевшие в шкафу. Ощущение Пути усилилось. Последний костюм в сторону, быстро пробраться вглубь... Я в фокусе!

Так пусть же Путь унесет меня.

Сразу последовал толчок вперед, сзади меня подпихнули одежды. Это, да еще тот факт, что кто-то (сам Джарт?) весьма неряшливо выполнил работу Мастера Теней, сместив уровни пола, заставило меня шмякнуться носом при достижении цели.

Но в конце концов я попал не в яму, полную заостренных кольев или кислоты, и не в берлогу какой-прибудь подыхающей с голоду бестии. Нет, то был зеленый кафельный пол. И по окружавшему меня мерцающему свету я догадался, что вокруг обилие горящих свечей. Наверняка все они зеленые...

Примерно так и оказалось. Обстановка была подобна той, что я видел в часовне, посвященной моему отцу. Те же крестообразные своды, источающие свет, которого не могут давать свечи. Только место картины над алтарем занимал оконный витраж, где преобладали зеленые оттенки да немного красного.

Изображен там был Брэнд.

Я встал и подошел к алтарю, где лежал на несколько дюймов вытянутый из ножен Вервиндль. Я протянул руку и схватил его; моим первым порывом было забрать его с собой, дабы на полном основании вернуть Люку. Потом я заколебался. Едва ли стоит являться на погребение с мечом. Если я заберу меч, мне придется где-то спрятать его, а именно здесь он был сокрыт наилучшим образом.

Раздумывая, я держал руку на оружии, и ко мне пришло ощущение силы, подобное тому, что давал Грейсвандир, однако более светлое, не такое трагедийное и подавляющее. Ироничное. Меч казался идеальным клинком для героя.

Я кинул взгляд по сторонам. Слева от меня на пюпитре лежала книга, позади на полу сияла различными оттенками зе-

леного пентаграмма, воздух был наполнен ароматом недавно сгоревших дров. Меня охватили праздные мысли: что бы я обнаружил, пробив дыру в стене? Располагалась ли часовня на вершине горы? На дне озера? Под землей? Парила где-нибудь в небесах?..

Что она олицетворяет? Она казалась местом поклонения. Бенедикт, Корвин и теперь Брэнд — те трое, о которых мне известно. Были ли они предметом благоговения, уважения, почитания неких моих родичей и земляков? Или эти сокрытые часовни являли собой нечто куда более зловещее?

Я убрал руку с Вервиндля и отступил к пентаграмме. Логрусское зрение не обнаружило ничего неблагоприятного, но интенсивное облучение спикардом показало остатки давно снятых магических заклятий. Впрочем, следы были слишком слабы, чтобы раскрыть мне свою природу.

Возможно, стоило бы попробовать глубже проникнуть в суть происходившего здесь, но я сообразил, что на подобную операцию просто нет времени.

И с сожалением отступил к Пути. Можно ли использовать эти капища для попыток повлиять на вовлеченных? Слишком сложно, оставим на другой раз.

Я определил Путь и отдался ему.

И опять споткнулся. Одной рукой держась за стену шкафа, я отодвинул другой наряды и вышел наружу. Затем водворил одежду на место и прикрыл дверцы. Быстро разделся, на ходу меняя внешность, и вновь натянут свой траурный наряд.

Вокруг спикарда я ощутил какую-то активность и впервые заметил, как он тянется к одному из многих источников Силы, при этом приспосабливая свою форму к изменившемуся размеру моего пальца. Очевидно, спикард проделывал такое неоднократно, просто я не обращал внимания. Интересно: он проявлял способность действовать вне зависимости от моей воли.

По сути, я и не знал, что представляет из себя эта штука и каково ее происхождение. Я носил ее потому, что она была источником энергии, вполне заменяющим Логрус, которого я теперь побаивался. Но обнаружив, как кольцо меняет форму, дабы устроиться на моем изменившемся пальце, я задумался. Что, если это какая-то ловушка, которая захлопнется в самый неподходящий момент?

Пару раз я прокрутил кольцо на пальце. Разумом пытаясь проникнуть в его сущность, я сознавал всю тщетность подобных занятий. Потребовались бы века, чтобы, по пути сжигая запретные заклинания, исследовать каждую силовую линию до ее источника. Это походило на путешествие вовнутрь швей-

царских часов, изготовленных на заказ. И то и другое впечатляло красотой исполнения и гигантской работой, вложенной в их создание. Спикард мог обладать скрытыми императивами, обнаруживающимися только при определенном стечении обстоятельств. Хотя до сих пор... До сих пор он не совершил ничего неуместного. Альтернативой же был Логрус. Да уж, похоже, передо мной идеальный пример выбора из двух зол.

С недовольным ворчанием я привел в порядок свою одежду, сосредоточил внимание на Храме Змея и велел спикарду доставить меня поближе ко входу. Он все исполнил с такой покорностью и мягкостью, как будто я никогда не сомневался в нем, будто не обнаружил еще одной причины для параноии.

Какое-то время я просто стоял на Плаце-на-Краю Света, у дверей застывшего пламени великого Собора Змея, что высится над самой Преисподней — там, где в ясный день можно увидеть сотворение Вселенной или ее конец, — и глядел на звезды, кишащие в пространстве. А поскольку моя жизнь была близка к перелому, мыслями я возвращался в Калифорнию и в школу, к плаванию на «Солнечной вспышке» с Люком, Гейл и Джулией, к тому, как сидел с отцом на привале перед окончанием войны, к поездке верхом с Винтой Бейли через виноградники на восток от Амбера, а еще к долгому свежему дню, когда я показывал город Корэл, и к странным встречам того дня.

И я повернулся и поднял чешуйчатую руку, посмотрел изпод нее на шпиль Тхельбана. «Не прекратятся раздоры на западе и на востоке и в закоулках души моей», — подумал я. Сколько же, сколько еще?.. А насмешка, как всегда, останется фаворитом — тем более если ставку пожелает сделать сентиментальность.

Вновь повернувшись, я шагнул внутрь, дабы узреть последнего короля Хаоса.

Глава 9

Вниз, вниз, в погребальный костер, в необъятную груду лавы, к окну, выходящему на пределы времени и пространства, где в конце концов ничего не увидеть, — туда я шел между стенами, вечно пребывающими в огне и никогда не сгорающими, следовал в одном из моих тел на голос, читающий из «Книги Змея, Висящего на Древе Сути», и наконец вошел в грот, что зиял в черноте. Расходящиеся полукольца плакальщиков в алых одеяниях окружали чтеца и величественный катафалк, у которого он стоял; внутри гроба явственно был виден

Свейвил, полускрытый красными цветами, что бросали плакальщики, и тонкие красные свечи светились на фоне Преисподней. Потом я шел задами этого зала, внимая Бэнсезу, верховному жрецу Змея; его слова раздавались будто совсем рядом, ибо акустика Хаоса хороша. Я искал себе место в более или менее пустой арке, где любой, оглянувшись, обязательно бы заметил меня, и вдруг увидел Дару, Таббла и Мэндора. Те сидели на передних местах, из чего выходило, что, когда придет время, они будут помогать Бэнсезу сталкивать гроб через край в вечность. Внезапно расстроенный, я вспомнил другое погребение, на котором мне довелось присутствовать: похороны Кейна, там, в Амбере, у моря...

Я покрутил головой. Джарта нигде видно не было; Джилва Хендрейк сидела двумя рядами ниже меня. Я перевел взгляд к непроницаемой черноте по ту сторону Края... Все равно что смотреть вниз, а не в сторону — если эти понятия имеют здесь какое-нибудь значение. Временами различались мелькающие вспышки или перекатывающиеся массы — словно тесты Роршаха, — и я впал в полудрему, наблюдая калейдоскоп темных бабочек, облаков, сдвоенных лиц...

Слегка вздрогнув, я выпрямился, недоумевая, что нарушило мои грезы. То была наступившая тишина. Бэнсез прекратил чтение. Я уже собирался нагнуться вперед и прошептать что-нибудь Джилве, когда жрец начал Отпущение. Я был поражен, обнаружив, что помню все надлежащие отклики. Пение окрепло, наросло, я увидел, что и Мэндор, и Дара, и Таббл подымаются со своих мест. Они двинулись вперед, присоединяясь к Бэнсезу у гроба — Дара и Мэндор в ногах, Таббл и Бэнсез у изголовья. Прислужники отошли в сторону и принялись задувать свечи, пока не осталась мерцать лишь одна большая свеча у самого Края, позади Бэнсеза. В этот момент мы все встали.

Жуткого вечного света пламенных мозаик, покрывавших стены, было достаточно, чтобы я мог уловить движение внизу, когда прекратилось пение. Четыре фигуры чуть склонились — вероятно, для того, чтобы взяться за ручки гроба. Затем выпрямились и двинулись в сторону Края. Вперед вышел прислужник и в тот момент, когда почетная процессия миновала свечу, встал рядом, готовый задуть последний огонь, когда останки Свейвила канут в Хаос.

Полдюжины шагов осталось... Три, два...

У кромки Бэнсез и Таббл преклонили колени, установив гроб в желобе на каменном полу; все время, пока жрец нараспев читал финальную часть ритуала, Дара и Мэндор продолжали стоять.

Молитва закончилась, и тут я услышал проклятие. Мэндор, казалось, рванулся вперед. Дару качнуло в сторону. Раздался гулкий звук — гроб ударился об пол. Рука прислужника уже начала движение, и в этот момент свеча потухла. Донесся скрежет скользящего гроба, снова проклятия, затененная фигура отпрянула от Края...

Затем последовал вой. Громоздкий контур упал и исчез. Вой убывал, убывал, убывал...

Я поднял левый кулак, заставив спикард создать сферу белого света, будто выдул мыльный пузырь из соломинки. Когда он вырос до трех футов в диаметре, я отпустил его в полет над головами. Пространство вокруг меня наполнилось бормотанием — прочая колдовская тусовка дружно упражнялась в своих излюбленных световых заклинаниях; храм теперь сиял дюжинами огней.

Скосив глаза, я увидел Бэнсеза, Мэндора и Дару, разговаривающих близ Края. А Таббла и останков Свейвила с нами больше не было.

Мои собратья-плакальщики зашевелились. Я тоже, сообразив, что время моего пребывания здесь следует резко сократить.

Я перешагнул через пустой ряд, двинулся направо и тронул Джилву за относительно человеческое плечо.

— Мерлин! — воскликнула она, сразу повернувшись. — Таббл... опрокинулся, так?

— Похоже на то.

— И что же теперь будет?

— Лично я собираюсь сваливать, — сказал я. — Причем срочно!

— Почему?

— С минуты на минуту кто-нибудь начнет задумываться о преемственности, и меня задушат охраной. Мне бы этого не хотелось, особенно сейчас.

— Почему? — снова спросила она.

— Нет времени вдаваться в подробности. Но мне нужно с тобой поговорить. Можно я тебя умыкну?

— Разумеется... сэр, — промолвила она, несомненно как раз вспомнив о преемственности.

— Брось ты это, — сказал я.

Спикард закрутил энергии, что подхватили нас и унесли прочь. Мы оказались в лесу металлических деревьев. Джилва озиралась, все еще держась за мою руку.

— Господин, что это за место? — спросила она.

— Я лучше не буду объяснять — по той причине, что сейчас это и так станет понятным. Когда я последний раз с тобой разговаривал, у меня был только один вопрос. Но сейчас их уже два, и в одном из них в некотором смысле играет роль это место, а кроме того, большую часть времени здесь никого нет.

— Спрашивай, — сказала Джилва, поворачиваясь ко мне лицом. — Я постараюсь помочь. Хотя, если это важно, я, возможно, не самая подходящая...

— Да, это важно. Но у меня нет времени устраивать встречу с Белиссой. Дело касается моего отца, Корвина.

— Да?

— Именно он убил Бореля Хендрейка в войне Падения Пути.

— Понятно, — проговорила она.

— После войны он присоединился к королевской миссии, что прибыла сюда для заключения Договора.

— Мне это известно, — кивнула Джилва.

— Вскоре после того он исчез, и, казалось, никто не знает, куда он делся. Какое-то время я полагал, что отец мертв. Позже, однако, я обнаружил свидетельства того, что он жив, но где-то заточен. Ничего не можешь мне поведать?

Неожиданно Джилва отвернулась.

— Это оскорбительно, — заявила она. — Намек за твоими словами...

— Прости, но я должен был спросить.

— Мы — благородный Дом. Мы допускаем превратности войны. Однако когда битва закончена, все обиды остаются позади.

— Я прошу прощения, — повторил я. — Знаешь, мы даже в родстве со стороны моей матери.

— Знаю, — сказала она, отворачиваясь. — На этом все, принц Мерлин?

— Да, — ответил я. — Куда мне тебя доставить?

Джилва помолчала секунду, потом промолвила:

— Ты говорил, у тебя два вопроса.

— Забудь. Насчет второго я передумал.

Она вновь повернулась ко мне:

— Почему? Почему я должна забыть? Из-за того, что я защищаю честь семьи?

— Нет. Просто я тебе верю.

— Ну и?..

— Это может повредить еще кое-кому.

— Ты полагаешь, что это опасно, и потому решил не спрашивать меня?

— Многое из происходящего непонятно, а потому может оказаться опасным.

— Ты опять хочешь обидеть меня?

— Боже упаси!

— Задавай свой вопрос.
— Придется кое-что показать тебе.
— Давай.
— Даже если придется карабкаться на дерево?
— Какая разница?
— Следуй за мной.

И тогда я повел ее к дереву и взобрался на него, что в моем нынешнем обличье оказалось делом чрезвычайно простым. Она следовала прямо за мной.

— Выше есть Путь, — сказал я. — Я уже готов следовать им. Дай мне несколько секунд, чтобы на том конце освободить место.

Я подался еще чуть выше — и был таков. Шагнув в сторону, я быстро осмотрел часовню. Похоже, никаких изменений...

Затем рядом возникла Джилва, и я услышал резкий вдох.

— Вот те на!

— Я знаю, на что смотрю, — сказал я, — но не знаю, что вижу, если ты меня понимаешь.

— Это храм, — промолвила она, — посвященный духу одного из членов королевского Дома Амбера.

— Да, речь идет о моем отце Корвине. Это то, на что я смотрю. Но что я вижу? Почему, в конце концов, подобная вещь оказывается здесь, во Владениях?

Джилва медленно пошла вперед, глядя на алтарь.

— Вдобавок могу сообщить, что это не единственный подобный храм, который я видел по возвращении.

Она протянула руку и тронула рукоять Грейсвандира. Заглянув под алтарь, обнаружила запас свечей. Выбрав серебряную и укрепив ее в гнезде одного из подсвечников, Джилва зажгла свечу от другой и поставила у Грейсвандира. При этом она что-то бормотала, но я не различал слов.

Когда она вновь повернулась ко мне, на лице ее сияла улыбка.

— Мы оба выросли здесь, — сказал я. — Как же получилось, что ты, похоже, во всем разбираешься, тогда как я ничего не понимаю?

— Ответ весьма прост, господин, — проговорила Джилва. — Ты уехал сразу после войны искать образования в других землях. А святилище — знак того, что возникло в твое отсутствие.

Она взяла меня за руку и подвела к скамье.

— Никто не ожидал, что мы проиграем ту войну. Нас слишком долго убеждали, что Амбер — совсем не грозный противник.

Мы уселись.

— В конце концов поднялась большая смута, — продолжила Джилва, — вызванная той политикой, что привела к поражению и последующему Договору. Хотя ни один Дом и ни одна группировка не могли надеяться на свержение правящей коалиции — тебе ведь известен консерватизм Лордов Края. Потребовалось бы много, очень много усилий, чтобы объединить большинство против короны. Но недовольство приняло другие формы. Народ был зачарован нашими покорителями. Закипела торговля военными сувенирами, на ура расходились биографии членов правящей семьи Амбера... В конце концов все это преклонение приняло форму культа. Стали возникать подобные домовые часовни, посвященные тем правителям Амбера, чьи добродетели приглянулись хозяину.

Джилва помолчала, изучая мое лицо.

— Это слишком сильно отдавало религией, — затем продолжила она, — а с незапамятных времен единственной религией во Владениях был Путь Змея. И Свейвил, руководствуясь очевидными политическими целями, объявил культ Амбера вне закона, как еретический. Это оказалось ошибкой. Не делай он ничего, мода быстро прошла бы сама собой. Хотя, конечно, сказать наверняка трудно... Так или иначе, объявленный вне закона, культ снова ушел в подполье, и люди стали относиться к нему еще серьезнее — как к символу недовольства. Понятия не имею, сколько культовых часовен спрятано в Домах, но совершенно ясно, что перед нами — одна из них.

— Чудесный социологический феномен, — произнес я. — А твой кумир — Бенедикт.

Джилва рассмеялась:

— Нетрудно было догадаться.

— На самом деле часовню описал мне мой брат Мэндор. Он утверждал, что забрел туда на вечеринке в Хендрейке, не зная, что это такое.

Она усмехнулась.

— Он, должно быть, проверял тебя. Занятия эти долгое время были общеизвестны. И я случайно знаю, что он и сам приверженец культа.

— Правда? Откуда же ты знаешь?

— В былые дни Мэндор не делал из этого тайны — вплоть до всеобщего запрета.

— А кто мог быть его личным кумиром? — осведомился я.

— Принцесса Фиона.

Все любопытней и любопытней...

— И ты действительно видела часовню, ей посвященную?

— Да. До запрета принято было приглашать на службы друзей — всякий раз, когда ощутишь раздражение от королевской политики.

— А после запрета?

— Все публично заявили, что их святыни разрушены. Но многие, думаю, просто упрятали их в укромные уголки.

— А как насчет друзей на обрядах?

— Полагаю, это зависит от того, насколько близок друг, о котором ты говоришь. Понятия не имею, как сейчас поклоняются культу Амбера. — Она махнула в сторону алтаря. — Хотя места, подобные этому, незаконны. Хорошо, что я не знаю, где мы находимся.

— А как насчет связи между объектом поклонения и реальной фигурой? Я бы сказал, что Мэндор действительно небезразличен к Фионе. Он встречал ее — а я при этом присутствовал. Мне известен кое-кто еще, укравший вещь своего... покровителя?.. и хранящий ее в святилище. И вот это, — я встал, прошел к алтарю и поднял меч Корвина, — подлинный меч отца. Я видел Грейсвандир вблизи, трогал его, держал в руках... Это он. Так вот я и думаю: мой отец пропал, и последний раз, когда я видел его, при нем был этот клинок. Допускают ли догматы культа возможность держать своего кумира в заточении?

— Я ни о чем подобном не слышала, — ответила Джилва. — Но почему бы и нет? Предметом почитания является дух личности. Почему бы не содержать в заточении саму личность?

— Или умертвить?

— Или умертвить, — согласилась она.

— Тогда это все очаровательно, конечно, — сказал я, отворачиваясь от алтаря, — но никак не поможет отыскать мне отца.

Я пошел к Джилве, наступив на то, что должно было изображать Амбер, — стилизация, как на узоре кавказского ковра, в сочетаниях темных и светлых плиток; рисунок, символизирующий Хаос, лежал далеко справа.

— Тебе следует расспросить особу, благодаря которой клинок твоего отца и оказался здесь, — сказала она, поднимаясь.

— Я уже спрашивал того, кого считаю ответственным. И ответ меня не удовлетворил.

Я взял Джилву за руку, чтобы отвести к пути на дерево. И вдруг она подошла совсем близко.

— Буду рада служить нашему новому королю всеми возможными способами. Хотя я не уполномочена говорить от имени всего нашего Дома, уверена, что Хендрейки согласятся помочь тебе надавить на виновника.

— Спасибо, — проговорил я, пока мы обнимались. Ее чешуя была холодной. Клыки ее раскромсали бы мое человеческое ухо, но лишь покусывали его демонический аналог. — Мы еще поговорим, если мне понадобится помощь.

— Обращайся в любое время.

Приятно наслаждаться объятиями — чем мы и занимались, пока я не увидел тень, пробежавшую поблизости.

— Мас-стер Мерлин.

— Глайт!

— Да. С-смотрю, ты опять з-здес-сь. Человеком ли, демоном, большим, маленьким — я уз-знаю тебя.

— Мерлин, что это? — спросила Джилва.

— Старый друг, — сообщил я ей. — Глайт, познакомься с Джилвой. И наоборот.

— С-с удовольс-ствием. Я приш-шла предупредить: с-сюда идут.

— Кто?

— Принцес-са Дара.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Джилва.

— Теперь ты догадываешься, где мы, — сказал я ей. — Не проболтайся.

— Мне дорога моя голова, господин. Что нам теперь делать?

— Глайт, ко мне, — сказал я, вставая на колено и протягивая руку.

Змея заструилась вверх по руке и устроилась поудобнее. Я встал и другой рукой обхватил Джилву. И послал команду в спикард.

А потом заколебался. Я понятия не имел, где мы находились — реально, физически, в географических терминах. Путь может доставить тебя к соседней двери или куда-то за тысячи миль от исходной точки; а может, и в Царство Теней. Требуется время, чтобы спикард определил наше местоположение и затем вернул нас обратно, если уж мы собираемся отказаться от этого пути. А вот времени как раз и не было.

Я мог велеть спикарду сделать нас невидимыми, но боялся, что колдовского чутья моей матери хватит, чтобы обнаружить наше присутствие даже за пределами видимого. Поэтому повернулся к ближайшей стене и силой спикарда простерся за нее всеми своими чувствами. Мы не были ни под водой, ни в бездне лавы или зыбучих песков. Кажется, мы находились в лесу. Тогда я подошел к стене и провел нас сквозь нее.

Сделав несколько шагов по тенистой просеке, я оглянулся и обнаружил склон холма, поросшего травой. Мы стояли под голубым небом, оранжевое солнце находилось недалеко от

зенита. Вокруг слышалось пение птиц и жужжание насекомых.

— Кос-стный моз-зг! — в восторге прошипела Глайт, размоталась с моей руки и скрылась в траве.

— Не пропадай надолго! — сказал я ей вслед, стараясь говорить тише, и повел Джилву прочь от холма.

— Мерлин, — промолвила она, — я напугана тем, что узнала.

— Я никому не расскажу. И, надеюсь, ты не расскажешь. Если хочешь, я могу даже удалить эти воспоминания, прежде чем отправлю тебя обратно на церемонию.

— Нет, позволь мне оставить их. Даже жаль, что их, по сути, так немного.

— Я определю наше местонахождение и отправлю тебя назад еще до того, как обнаружат твое отсутствие.

— Позволь остаться с тобой, пока твоя подруга охотится.

Я почти ожидал продолжения: «...вдруг нам никогда больше не суждено встретиться», что было бы вполне уместно, учитывая скоропостижный серфинг Тмера и Таббла по спирали смерти. Но нет, Джилва оказалась тактичной и хорошо воспитанной амазонкой — с более чем тридцатью зарубками на рукояти своего палаша, как я узнал позже, — и смогла удержаться от безвкусных банальностей в присутствии возможного будущего сеньора.

Когда через какое-то время Глайт вернулась, я произнес:

— Спасибо, Джилва. Теперь я верну тебя на погребение. Если кто-то видел нас вместе и захочет узнать, куда я делся, скажи, что, по моим словам, я собирался удариться в бега.

— Если тебе нужно место, чтобы спрятаться...

— Спасибо, я знаю, что могу на тебя рассчитывать, — сказал я и отправил ее обратно в храм на краю всего сущего.

— Отлич-чный грыз-зун! — прошипела Глайт.

Я приступил к возвращению в человеческое обличье (в нем мне всегда было уютнее, чем в личине демона).

— Пора тебе назад в сад скульптур Савалла.

— Почему туда, мас-стер Мерлин?

— Может, заметишь чувствующий круг света. И если да, обратись к нему: «Призрачное Колесо» — и вели отправляться ко мне.

— Где ему ис-скать тебя?

— Понятия не имею. Но он сметливый, сам сообразит.

— Тогда отс-сылай меня. И ес-сли тебя не съес-ст кто-то побольше, приходи как-нибудь вечерком рас-сказать о своих похож-ждениях.

— Договорились.

Секундная работа — подвесить змею обратно на ее дерево. Трудно понять, когда она шутит — юмор рептилий более чем странен.

Я затребовал свежие одеяния и облачился в серое и пурпурное. Затем вызвал клинки, длинный и короткий.

Любопытно было, чем моя мать занимается в своей тайной часовне, но я решил отказаться от попыток шпионить за ней. Я поднял спикард, с минуту разглядывал его, затем вновь опустил. Если воспользоваться им, чтобы перенестись в Кашфу, это может привести к непредвиденным результатам, ведь я не знаю, сколько времени прошло и действительно ли Люк по-прежнему там. Я вытащил из траурных одеяний колоду и снял футляр.

Вот и карта Люка... Довольно скоро она начала холодеть, и я ощутил его присутствие.

— Да? Это ты, Мерлин?

Его изображение поплыло и изменилось: он ехал верхом по полузагубленной местности.

— Ага, — ответил я. — Выходит, ты уже не в Кашфе.

— Точно. А ты где?

— Где-то в Тени. Как у тебя дела?

— Будь я проклят, если точно знаю, — отозвался Люк. — Мы следуем черной тропой уже несколько дней, и я тоже могу сказать только одно: где-то в Тени.

— Значит, тропу все-таки нашли?

— Это Найда. Я сам ничего не видел, но она повела меня точно. В конце концов след открылся и мне. Дьявольский нюх у этой девчонки!

— Сейчас она с тобой?

— Конечно. Она говорит, что мы действительно скоро их догоним.

— Тогда лучше перетащи меня к себе.

— Давай.

Люк протянул руку. Я подался вперед, ухватил ее, сделал шаг, отпустил его руку и пошел рядом с ним впереди навьюченной лошади.

— Привет, Найда! — крикнул я; девушка ехала верхом по другую сторону от Люка. Впереди, справа от нее, на черном коне возвышалась какая-то зловещая фигура.

Найда улыбнулась:

— Мерлин!.. Привет.

— Как насчет Мерль? — предложил я.

— Если желаешь.

Фигура на темном коне повернулась и уставилась на меня.

Я сдержал смертельный удар, что рефлекторно пронесся

через спикард, — пронесся настолько быстро, что это меня испугало. Воздух между нами задымился и наполнился пронзительным визгом, будто от машины, отчаянно тормозящей, чтобы избежать столкновения.

Вот сукин сын!.. Крупный, светловолосый, в желтой рубахе, черных штанах и черных сапогах, весь увешанный холодным оружием. Медальон со Львом, терзающим Единорога, прыгал на его широкой груди. Всякий раз, когда я видел этого типа или слышал о нем, он был замешан в чем-то отвратительном, причем недалеко от Люка, и мог убить того при случае. Мой дядя Далт — внебрачный сын Оберона, прежнего властителя Амбера, этакий Робин Гуд из Эрегнора и заклятый враг Янтарного Королевства. За его голову наверняка назначена награда по всему Золотому Кругу. С другой стороны, они с Люком давние приятели, и Люк клялся, что он не настолько ужасен.

Казалось, если он двинется излишне стремительно, напрягшиеся мускулы порвут его желтую рубаху.

— ...ты помнишь моего военного советника Далта, — говорил Люк.

— Помню, — подтвердил я.

Далт посмотрел на черные полосы, что блекли, будто дым, в воздухе между нами, и даже улыбнулся — самую малость.

— Мерлин, — произнес он, — сын Амбера, принц Хаоса, человек, рывший мне могилу.

— Что? —спросил Люк.

— Маленький разговорный гамбит, — объяснил я. — У тебя хорошая память, Далт... на лица.

Он ухмыльнулся.

— Такие пустяки, как разверзшаяся перед тобой могила, забываются с трудом. Но я не собираюсь ссориться с тобой, Мерлин.

— Я тоже — в данный момент.

Тогда он хрюкнул, а я хрюкнул в ответ и решил, что мы вполне уже представлены друг другу.

Я снова повернулся к Люку:

— Сама тропа доставляет вам беспокойства?

— Нет, — ответил он. — Ничего похожего на все те истории, что я слышал о Черной Дороге. Временами она выглядит слегка унылой, но никакой реальной угрозы. — Люк посмотрел вниз и усмехнулся. — Конечно, она всего несколько ярдов шириной — в самом широком месте.

— Тем не менее, — пробормотал я, напрягая чувства и изучая эманации тропы логрусским зрением, — могли быть и неприятности.

— Наверное, нам везло, — сказал Люк.

Тут Найда засмеялась, и я почувствовал себя дураком. Во владениях Порядка присутствие ти'иги нейтрализовывало ужасные эффекты пути Хаоса так же, как и мое собственное.

— Полагаю, определенная удача вам сопутствовала, — сказал я.

— Тебе нужен конь, Мерль, — заметил Люк.

— Ты прав, — согласился я.

Я опасался использовать силу Логруса и привлекать к себе внимание. По счастью, уже стало ясно, что спикард можно использовать аналогичным образом. Я вошел в него своей волей, потянулся, вступил в контакт, вызвал...

— Через минуту будет здесь. Ты вроде сказал, что мы нагоняем похитителей?

— Так мне сообщила Найда, — ответил Люк. — У нее поразительный контакт с сестрой — не говоря уже о высокой чувствительности к самому этому Пути... И еще она знает массу всего о демонах, — добавил он чуть погодя.

— А мы встретимся с ними? — спросил я у Найды.

— Корэл похитили воины Владений в демонических обличьях. Похоже, они направляются в башню, там, впереди.

— Как далеко впереди?

— Трудно сказать, поскольку мы пересекаем Царство Теней, — ответила она.

След, отмеченный почерневшими травами и такими же ветвями деревьев и кустарников, свисавшими над ним, вел теперь через холмистую местность; сходя со следа и вновь ступая на него, я обнаружил, что с каждым разом он кажется ярче и теплее. Теперь след, практически незаметный вблизи Кашфы, четко выделялся на окружающем фоне — знак того, насколько мы углубились во владения Логруса.

После одного из очередных изгибов следа где-то в стороне, справа, раздалось тихое ржание.

— Извините, — сказал я. — Время доставки.

Я покинул след и вступил в рощу деревьев с овальными листьями. Спереди доносились фырканье и топот, и по тенистым дорожкам я отправился на звук.

— Подожди! — позвал Люк. — Нам не следует разделяться.

Но лес оказался настолько густым, что было непросто проехать здесь верхом, а потому я лишь завопил:

— Не беспокойтесь! — и нырнул в чащу.

...И, разумеется, он был там.

Полностью оседланный и взнузданный, вожжи запутаны в густой листве... Он ругался по-лошадиному, мотая головой из

стороны в сторону и стуча оземь копытами. Я замер, разглядывая его.

Может сложиться впечатление, что я скорее предпочел бы натянуть пару «адидасов» и трусцой побежать сквозь Тень, нежели нестись верхом на скотине, полусвихнувшейся от выпавших на ее долю перемен. Или, допустим, ехать на велосипеде. Или скакать на палочке.

Нельзя сказать, что впечатление неверное, хотя человек я обученный и даже, вероятно, совсем недурной наездник. Просто особой нежности к этим животным я никогда не питал.

С другой стороны, я никогда не имел дела с такими изумительными жеребцами, как Джулианов Моргенштерн, папин Стар или Бенедиктов Глемденнинг, которые в смысле продолжительности жизни, силы и выносливости относились к обычным смертным коням, как жители Амбера — к жителям большинства Теней.

Я огляделся, но поверженного всадника не обнаружил...

— Мерлин! — донесся оклик Люка, но мое внимание было сосредоточено на объекте поближе. Не желая усиливать беспокойство лошади, я приближался медленно. — С тобой все в порядке?

Я просто распорядился насчет коня — чтобы не отстать от своих компаньонов. Сгодилась бы любая старая кляча, жрущая сено. А вместо этого получил прекрасного скакуна с черными и оранжевыми полосами, будто у тигра, мастью напоминавшего черно-красного Глемденнинга. Я понятия не имел, откуда взялся жеребец Бенедикта, — и хорошо, пусть его происхождение останется тайной.

— Мерль! Что-то не так?

Мне не хотелось орать и пугать бедное животное. Я осторожно положил руку ему на шею.

— Все в порядке... Ты мне нравишься. Я тебя отвяжу, и мы будем друзьями, договорились.

Какое-то время я распутывал поводья, другой рукой массируя коню шею. Когда я освободил его, он не отпрянул, но, казалось, продолжал изучать меня.

— Пойдем, — сказал я, подбирая поводья, — вон туда.

Беседуя, я тем же путем повел жеребца обратно. И пока мы выбирались, я вдруг сообразил, что он и вправду мне по душе.

Тут навстречу выскочил Люк с кинжалом.

— Боже правый! — воскликнул он. — Неудивительно, что ты так задержался. Ты его раскрашивал!

— А, нравится?

— Если когда-нибудь захочешь от него избавиться, я дам тебе хорошую цену.

— Не думаю, что по своей воле с ним расстанусь.

— Как его зовут?

— Тигр, — ответил я, не задумываясь.

Мы направились к следу, и даже Далт уставился на моего скакуна с чем-то подобным восхищению. Найда протянула руку и погладила черно-оранжевую гриву.

— Теперь есть шанс прибыть вовремя, — сказала она. — Если мы поторопимся.

Я влез в седло и направил Тигра по черному следу. Я ожидал каких-нибудь взбрыкиваний, так как помнил отцовские рассказы об устрашающем воздействии тропы на животных. Но, похоже, ничто моего коня не беспокоило, и я перевел дух.

— Вовремя для чего? — спросил я, как только мы выстроились в боевом порядке: Люк во главе, Далт справа за ним, Найда слева от тропы и я чуть позади, справа от нее.

— Не могу утверждать наверняка, — ответила Найда, — потому что сестра все еще одурманена. И все же я знаю, что она больше не движется, и у меня сложилось впечатление, будто ее похитители нашли убежище в башне, где черный след гораздо шире.

— Гм-м, — произнес я. — Ты, случаем, не заметила скорость изменения ширины следа на единицу пройденного расстояния?

— Я изучала гуманитарные науки, — с улыбкой заметила она. — Помнишь?

Затем Найда внезапно повернулась и устремила взор в сторону Люка. Он по-прежнему опережал нас на корпус, глядя прямо перед собой... хотя мгновением раньше явно посматривал через плечо.

— Черт тебя возьми! — тихо воскликнула девушка. — Эта поездка с вами обоими заставила меня вспомнить о школе. Я и говорить-то начала...

— По-английски, — подсказал я.

— Я произнесла это по-английски?

— Да.

— Вот проклятье! Одергивай меня, если снова заметишь, хорошо?

— Разумеется, — согласился я. — Похоже, что-то там было для тебя приятное, несмотря на работу, взваленную Дарой. Полагаю, ты единственная ти'ига с ученой степенью Беркли.

— Да, приятное было... Да что говорить — я получала удовольствие, хотя и не могла разобраться, кто из вас кто. То были счастливейшие дни моей жизни — с тобой и с Люком, там, в Беркли. Много лет я пыталась выведать имена ваших мате-

рей, дабы понять, кого мне надлежит защищать. Но оба вы были так чертовски осторожны!..

Я пожал плечами:

— Такие гены... В свою очередь, я наслаждался обществом Винты Бейли — и ценил твою защиту.

— Как я страдала, когда Люк начал ежегодные покушения на твою жизнь! Вроде, окажись он сыном Дары, которого требовалось защищать, это не имело бы значения. Но — имело. Я уже полюбила вас обоих. Все, что я могла сказать, это то, что в вас течет кровь Амбера. Мне не хотелось вредить ни одному из вас. Тяжелей всего было, когда ты пропал, и я пришла к выводу, что Люк заманил тебя в горы Нью-Мексико, чтобы убить. Тогда я уже очень сильно подозревала, что ты именно тот, кого мне надлежит охранять. Я была влюблена в Люка, я влезла в шкуру Дэна Мартинеса, и я не расставалась с пистолетом. Я следовала за вами повсюду, где только можно, зная, что если Люк попытается навредить тебе, то чары, во власти которых я находилась, заставят меня пристрелить любимого человека.

— Однако ты выстрелила первой. Мы просто стояли, беседуя, на обочине. Люк выстрелил в ответ, защищаясь.

— Я знаю. Но все, казалось, указывало на то, что ты в опасности. Он подловил тебя в идеальном для убийства месте, в идеальное время...

— Нет, — возразил я. — Ты дала промах — а сама открылась для ответного удара.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты разрешила проблему вынужденного выстрела в Люка, создав ситуацию, когда он застрелил тебя.

— Я не могла бы сделать этого под чарами.

— Возможно, подсознательно, — сказал я. — И твои действия определяло нечто более сильное, чем чары.

— Ты действительно так считаешь?

— Да, и хорошо, если теперь ты признаешь это сама. Ты освобождена от чар. Мне рассказала мать. Да и ты, кажется, говорила...

Она кивнула:

— Я не знаю, когда и как было снято заклятие. Но это произошло — хотя я по-прежнему стараюсь защитить тебя от опасности. Хорошо, что вы с Люком крепко подружились, и...

— Так к чему тайна? — перебил я ее. — Почему бы не сказать ему просто, что ты — Гейл. Удиви его, черт побери!

— Ты не понимаешь, — возразила она. — Он порвал со мной, помнишь? Теперь снова появился шанс. Он... я очень нравлюсь ему. И я боюсь сказать: «На самом деле я та девушка,

которую ты однажды уже бросил». Вдруг он задумается почему — и, чего доброго, решит, что был тогда прав?

— Глупо! — сказал я. — Не знаю, какие он приводил резоны, — он никогда мне об этом не рассказывал, только сообщил, что причина есть. Но не сомневаюсь, что она надуманная. Ты ему очень нравилась. И я уверен, что истинная причина разрыва заключается в том, что сын Амбера, возвращающийся домой с весьма мерзкими целями, не нашел там места для обыкновенной девушки из Тени. Ты слишком хорошо играла свою роль.

— И по той же причине ты порвал с Джулией? — спросила Найда.

— Нет.

— Прости.

Я заметил, что с начала нашего разговора черный след расширился примерно на фут. Как раз теперь появился спрос на математические задачи.

Глава 10

Вот так мы и ехали: шесть шагов вдоль по городской улице, средь рева клаксонов, наш черный путь был окаймлен следами шин; четверть мили — по черному песчаному пляжу у тихого зеленого моря, а слева от нас колыхались пальмы; через тусклое снежное поле; под каменным мостом, руслом мертвого, почерневшего потока; затем в прерии; и обратно на лесную тропу... Тигр ни разу не вздрогнул, даже когда Далт пробил сапогом лобовое стекло полицейского «Плимута» и сломал антенну.

След, похоже, расширился уже вдвое с тех пор, как я ступил на него. Все чаще попадались окоченевшие деревья, стоявшие на тропе; они выглядели фотонегативами своих ярких сородичей, цветущих всего в нескольких футах от следа. Хотя листья и ветви последних шевелились, не чувствовалось ни дуновения ветерка. Наши голоса и топот лошадиных копыт тоже теперь звучали как-то приглушенно. Мы двигались в постоянном, колышущемся полумраке, хотя буквально в нескольких шагах — мы совершали короткие вылазки — мог быть полдень или глубокая ночь. Мертвые на вид птицы сидели на почерневших деревьях, хотя временами казалось, что они движутся, да и резкие каркающие звуки, что доносились до нас, могли издавать только они.

Однажды справа возникло бушующее пламя, в другой раз по левую руку взгромоздился ледник... Наш путь продолжал расширяться — ничего похожего на Черную Дорогу времен

войны, что описывал мне Корвин, но уже всем нам можно было скакать бок о бок.

— Люк, — позвал я после долгого молчания.

— Ага, — донеслось слева. Найда скакала справа от меня, и Далт рядом с ней. — Что?

— Я не хочу быть королем.

— Я тоже. А тебя заставляют?

— Боюсь, меня собираются схватить и короновать, как только я вернусь. Все, кто стоял на моем пути, неожиданно скончались. Кое-кто действительно намерен приковать меня к проклятому трону и женить на Корэл...

— Ох-ох-ох, — вздохнул Люк. — У меня по этому поводу два вопроса. Во-первых: даст ли это результат?

— Логрус, похоже, думает, что да, хотя бы на время. Во всяком случае, на этом построена вся его политика.

— Второе, — продолжил он. — Если насчет Кашфы у тебя те же чувства, что и у меня, ты не должен так просто посылать все к чертям, раз способен хоть чем-то помочь, пусть даже это означает какие-то личные страдания. Но уж если ты категорически отказываешься брать трон, то должен принять какое-то альтернативное решение. Какое?

След резко повернул налево и пошел в гору. Я кивнул. Что-то маленькое и темное шмыгнуло через нашу тропу.

— Есть одна мыслишка, даже идеей не назовешь, — сказал я. — Хотелось бы обсудить с отцом...

— Трудная задача. Ты уверен, что он хотя бы жив?

— Я говорил с ним не так давно — очень кратко. Он где-то в заключении. Где-то поблизости от Владений Хаоса — только оттуда я могу достать его с помощью карты.

— Расскажи мне о вашем контакте.

Так я и сделал: рассказал о черной птице и прочем.

— Похоже, мудрено его оттуда выковырять, — произнес Люк. — И ты полагаешь, что за этим стоит твоя мамочка?

— Ага.

— Я думал, у меня одного эти материнские проблемы...

— И как же это мы вышли такими нормальными? — удивился я.

Несколько секунд он глядел на меня не отрываясь. Затем расхохотался.

— Ну, я-то точно чувствую себя нормальным.

— Конечно, — быстро ответил Люк. — Только это и имеет значение. Послушай, если дойдет до явного противоборства, ты как думаешь, сумеешь одолеть Дару?

— Трудно сказать, — пожал я плечами. — Сейчас, со спикардом, я сильнее, чем когда-либо прежде. Но, похоже, и она чертовски сильна.

— Что еще за спикард?

Я рассказал и об этом.

— Ты поэтому так вызывающе вел себя в церкви, сражаясь с Джартом?

— Вот именно.

— Дай посмотреть.

Я попытался снять спикард, но он не слезал с пальца. Тогда я просто вытянул руку.

Люк склонился над ней. Его пальцы застыли в паре дюймов от кольца.

— Он не пускает меня, Мерль. Защищается, чертенок.

— Проклятье! — выругался я. — Не отступлю перед такой ерундой! — Я схватился за спикард и, внезапно сделав свой палец тоньше, стянул кольцо. — Держи.

Не замедляя хода, Люк, прищурив глаза, разглядывал спикард, лежащий у него на ладони. Неожиданно я почувствовал дурноту. Неужели из-за того, что снял кольцо? Я заставил себя выпрямиться, восстановил дыхание, не позволяя ему мне указывать.

— Тяжеленькое, — наконец произнес Люк. — В нем чувствуется сила. И всякое другое. Хотя он меня не впускает.

Я потянулся за кольцом, но Люк отдернул руку.

— Я ощущаю его везде вокруг нас... Мерль, эта штука накладывает чары на того, кто ее носит.

Я пожал плечами:

— Да. Хотя и неопасные. Он не нанес мне никакого вреда, зато не раз здорово помогал.

— Но можешь ли ты доверять тому, что попало к тебе столь странным образом, почти надувательски, заставив тебя отказаться от Фракир, когда она пыталась предупредить о чем-то? И наконец, знаешь ли ты хотя бы, как кольцо влияет на твои поступки, с тех пор как ты надел его?

— Согласен, сначала имела место своего рода дезориентация, — произнес я. — Скорее всего так проистекало приспосабливание к уровням его напряжений. Через какое-то время я пришел в норму.

— Откуда такая уверенность? Вдруг он прополоскал тебе мозги?

— А что, я сильно похож на безмозглую куклу?

— Ладно, я лишь пытаюсь вбить тебе в голову, что не следует безоглядно доверять чему бы то ни было столь сомнительного происхождения.

— Договорились, — согласился я, протягивая руку. — Но

пока выгоды от спикарда перевешивают гипотетические опасности. Считай меня предупрежденным, а я уж рискну.

Люк вернул мне кольцо.

— Учти, если мне покажется, что оно околдовывает тебя, я просто дам тебе по башке и выкину его ко всем чертям!

— Согласен, — сказал я, надевая кольцо. И сразу, как только восстановились линии контроля, ощутил прилив энергии.

— Эх, заставить бы твою мать поделиться информацией!.. — вздохнул Люк. — Как же ты предполагаешь найти и освободить Корвина?

— Какие-то вещи напрашиваются сами собой, — ответил я. — Возможно, простейший способ — вломиться в дверь грубой силой. То есть я открываю все каналы спикарда и вхожу в контакт через карту. И как только возникает любой просвет, я просто ломлюсь туда всей мощью, выжигая любые заклятия, вставшие на моем пути.

— Это может оказаться опасным.

— Ни один безопасный способ мне в голову не приходит.

— Тогда почему ты еще не попытался?

— Меня осенило совсем недавно, с тех пор не было времени.

— Так или иначе, тебе все равно понадобится помощь. Можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, Люк. Я...

— Теперь о делах королевских, — перебил он. — Что произойдет, если ты просто откажешься занять трон? Кто следующий в очереди?

— Когда дело доходит до Саваллов, все оказывается весьма запутанным. Первым от нашего Дома в очереди на престол должен быть Мэндор. Но он давным-давно отказался.

— Прочему?

— Заявил, что не пригоден для правления.

— Не обижайся, Мерль, но, на мой взгляд, он как раз единственный, кто пригоден для этой работы.

— О, наверняка, — отозвался я. — Хотя в большинстве Домов происходит нечто подобное: обычно существует номинальный глава и глава де-факто, один для показухи, другой для интриг. Мэндору нравится атмосфера закулисных махинаций.

— Похоже, в вашем Доме таких двое, — пробормотал Люк.

— По-настоящему я в этом так и не разобрался. Мне неизвестен нынешний статус Дары ни в Доме ее отца — Хелграме, ни в Доме матери — Хендрейке. Но среди Саваллов может разгореться борьба, если следующий король будет из их

Дома. И чем больше я узнаю Мэндора, тем более пугающей кажется мне эта борьба. Полагаю, он с матерью в сговоре.

— Я так понимаю, что следующий в очереди ты, а за тобой — Джарт?

— Вообще-то за мной наш брат Деспил. Джарт говорил, что Деспил скорей всего отойдет в сторону, но я думаю, что он принимает желаемое за действительное. Я совсем не уверен, что Деспил спасует. Как бы то ни было, теперь и Джарт говорит, что не заинтересован в престоле.

— Ха! Скорее он просто иначе подкрадывается. Ты слишком много раз побеждал его, и он старается добиться своего, не ссорясь с тобой. Надеюсь, этот спикард прикроет твою спину.

— Не знаю, — сказал я. — Мне хочется верить ему. Хотя столько времени Джарт заверял меня в обратном...

— Допустим, оба вы отказываетесь. Кто следующий?

— Точно не знаю, — ответил я. — Наверное, тогда трон переходит к Хендрейкам.

— Проклятье! — выругался Люк. — Такая же путаница, как в Амбере, да?

— Как раз никакой путаницы — ни там, ни здесь. Просто слегка непонятно, пока во всем разбираешься.

— Что ж, я буду слушать, а ты вслух разбирайся.

— Отличная мысль.

Я рассказывал долго, прерываясь лишь затем, чтобы вызвать хлеба да воды. За это время мы дважды останавливались, и тогда мне становилось понятно, как я устал. А беседа с Люком снова напомнила мне, что надо бы поговорить обо всем с Рэндомом. Но если я войду с ним в контакт и объясню ситуацию, он наверняка прикажет мне возвращаться в Амбер. Я не смогу ослушаться прямого приказа короля, хотя и сам без пяти минут король — на противоположном полюсе.

— Мы приближаемся, — наконец возвестила Найда.

Наш путь стал еще шире, почти такой, как она описывала. Я вобрал в себя здоровенную порцию энергии, усвоил ее и приготовился к действиям.

Вскоре девушка заметила:

— Совсем близко.

— Прямо за углом? — спросил Люк.

— Возможно, Корэл одурманена, я не могу сказать более определенно.

Чуть позже мы услышали отдаленные крики.

Люк натянул поводья.

— Там что-то вроде башни, — сказал он.

Найда кивнула.

— Они направляются к ней или уже залегли там и намерены защищаться?

— Все сложнее, — ответила она. — Теперь я понимаю. Ее похитители подверглись преследованию, направились к убежищу и теперь находятся в нем.

— Как это ты так точно выяснила?

Найда кинула на меня быстрый взгляд, который я воспринял как просьбу объяснить это чем-нибудь помимо способностей ти'иги.

— Я использовал спикард, — выдвинул я свой вариант, — пытаясь понять, не смогу ли я усилить ее зрение.

— Хорошо, — кивнул Люк. — А нельзя ли добавить еще, чтобы мы смогли уяснить, кто нам противостоит?

— Попробую, — сказал я, вопросительно косясь на Найду. Она ответила почти незаметным кивком. Я не был до конца уверен, как тут действовать, и тогда просто подпитал ее энергией, так же, как прежде самого себя.

— Да, — произнесла она чуть позже. — Корэл и ее похитители — их шестеро, я полагаю, — спрятались в башне неподалеку отсюда. Их атакуют.

— И много там атакующих? — осведомился Люк.

— Немного. Совсем немного. Не могу назвать точное число.

— Давайте пойдем и взглянем, — предложил Люк и направился вперед; Далт последовал за ним.

— Трое или четверо, — шепнула мне Найда. — Призраки Пути. Вероятно, это максимум, который он способен подпитывать на таком отдалении от дома, на Черной Дороге.

— Да-а, — протянул я. — Запутанная история.

— То есть?

— Выходит, мои родственники находятся по обе стороны фронта.

— Скорее всего призраки Амбера и демоны Владений Хаоса — всего лишь посредники, а на самом деле противостоят друг другу Логрус и Путь.

— Проклятье! Конечно! — воскликнул я. — Следует предупредить Люка, куда мы скачем.

— Нельзя! Тогда придется сказать, кто я такая!

— Я скажу ему, что сам узнал — освоил новое заклинание.

— Но что потом? На чьей ты стороне? Что нам делать?

— Ни на чьей, — ответил я. — Мы сами по себе и против обоих.

— Ты сумасшедший! Тебе даже не спрятаться! Силы поделили Вселенную между собой!

— Люк! — закричал я. — Я только что прощупал все впереди и убедился, что атакующие — призраки Пути.

— Неужели? — отозвался он. — Думаешь, нам следует занять их сторону? Может, пусть лучше Корэл вернет Путь, нежели захватят Владения, как полагаешь?

— Не годится, — возразил я. — Давай не дадим ее никому.

— Я понимаю твои чувства, — ответил Люк. — Но что будет, если мы добьемся цели? Честно говоря, мне совсем не хочется получить по башке метеоритом или отправиться на дно ближайшего океана.

— Насколько я могу судить, спикард черпает энергию не из Пути или Логруса. Его источники рассеяны в Тени.

— Ну и что? Он наверняка не в силах противостоять ни Логрусу, ни Огненному Пути даже по отдельности, а тем более тому и другому вместе.

— Верно, но я могу использовать его, чтобы замести следы. Им придется выбирать свою дорогу, если они решат нас преследовать.

— Но в конце концов нас обнаружат, не так ли?

— Может, и нет, — сказал я. — У меня есть кое-какие идеи...

— Далт, ты слышал все это?

— Да, — отозвался Далт.

— Если хочешь смыться, сейчас самое время.

— И упустить удобный случай накрутить хвост Единорогу? — сказал он. — Поскакали!

Мы тронулись, и с каждым шагом крики становились все громче. Впрочем, звуки были приглушены, краски потускнели; вокруг царило ощущение некоего вневременья, как будто мы скачем и будем скакать здесь вечно...

Затем мы повернули, и я увидел вдалеке верхушку башни. Крики усилились. Приблизившись к следующему повороту, мы замедлили ход и уже с большей осторожностью стали двигаться через молодую рощу черных деревьев. В конце концов мы остановились, спешились и продолжили свой путь пешком.

Раздвинув ветви деревьев на краю рощи, мы обнаружили пологий склон, спускающийся на почерневшую песчаную равнину близ трехэтажной сумрачной башни с окнами-щелями и узким входом. Не потребовалось много времени, чтобы разобраться в выразительной картине у ее подножия.

Две демонические личности стояли по обе стороны от входа. Они были вооружены, и, казалось, их внимание сосредоточено на схватке, что кипела на песке перед ними. Знакомые фигуры стояли по краям этой импровизированной арены: Бенедикт невозмутимо потирал подбородок, Эрик сидел на корточках и улыбался, Кейн задумчиво жонглировал кинжалом, подкидывал, ловил, перебрасывал из руки в руку; лицо его

сияло довольством. С вершины башни склонились два рогатых демона; взгляды их были так же напряжены, как взгляды призраков Пути Амбера.

Посреди арены стояли лицом друг к другу Джерард и отпрыск Хендрейков, не уступавший ему ростом, но куда превосходящий в обхвате. Похоже, это был сам Чайнуэй, который, по слухам, обладал коллекцией из более чем двухсот черепов тех, кто стоял у него на пути. Лично мне больше по душе была коллекция Джерарда в тысячу или порядка того же кружек, чарок и рогов...

Оба были по пояс обнажены, и по истоптанному песку вокруг них я догадался, что они топчутся уже какое-то время. Чайнуэй пытался сбить Джерарда с ног, но, как только шагнул за спину соперника, был схвачен за голову и руки; затем, отброшенный в сторону, полетел кувырком. Благородный демон тут же вскочил на ноги и немедленно кинулся на врага, вытянув руки, плетущие извилистый узор. Джерард просто ждал, готовый отразить нападение. Чайнуэй пытался пронзить когтистыми пальцами глаза Джерарда и получил удар по ребрам. Однако не упал, так как Джерард удержал его за плечо и обхватил его ляжку.

— Давайте подождем, — тихо сказал Далт. — Я хочу посмотреть.

Мы с Люком кивнули, в то время как Джерард стиснул голову Чайнуэя, а тот свободной рукой обхватил талию Джерарда. Так они и стояли; мускулы вздулись под кожей: у одного — бледной и гладкой, у другого — красной и чешуйчатой. Легкие противников работали будто мехи.

— Надо полагать, дело затянулось, — прошептал Люк, — и они решили покончить с ним, выставив лучших бойцов.

— Похоже, что так, — согласился я.

— Корэл внутри, как ты думаешь?

— Подожди минуту.

Я быстро ввел в башню зонд и обнаружил там двух человек. Тогда я кивнул:

— Она и, по-моему, единственный стражник.

Джерард и Чайнуэй по-прежнему стояли будто статуи.

— Сейчас, наверное, самое время утащить Корэл, — произнес Люк, — пока все захвачены поединком.

— Полагаю, ты прав, — кивнул я. — Посмотрим, смогу ли я стать невидимым. Это бы упростило задачу.

— Отлично! — воскликнул он четверть минуты спустя. — До сих пор что ты ни делаешь, все получается. Ты невидим.

— Это точно, — сказал я. — Скоро вернусь.

— Как ты вытащишь ее оттуда?

— Решу, когда доберусь. Будьте наготове.

Я пошел медленно, осторожно, чтобы не поднимать песок. Сделал круг, пройдя за спиной Кейна, непрерывно озираясь, бесшумно приблизился к двери башни. Джерард и Чайнуэй все так же стояли, сцепившись и прикладывая неимоверные усилия, дабы побороть друг друга.

Проскользнув между стражниками, я оказался в сумраке башни. Первый этаж состоял из единственной круглой комнаты с земляным полом и каменными выступами под высокими бойницами. На второй этаж сквозь отверстие в потолке вела лестница. Корэл лежала на одеяле слева от меня; личность, которая якобы охраняла ее, стояла на выступе у ближайшего окна и наблюдала за схваткой.

Я подошел ближе, опустился на колени, взял левое запястье девушки и нащупал пульс. Он был сильный и ровный. Все же я решил не будить Корэл. Вместо этого я завернул ее в одеяло, взял на руки и поднялся.

Я уже был готов распространить на нее заклинание невидимости, когда наблюдатель у окна повернулся. Должно быть, поднимая ее, я нашумел.

Мгновение страж пялился на свою пленницу, парящую в воздухе. Затем он открыл рот, дабы поднять тревогу; ничего не оставалось, как парализовать его нервную систему зарядом из спикарда.

К несчастью, падение стражника с каменного выступа на пол сопровождалось грохотом оружия. Почти тотчас сверху раздались крик и звуки быстрых движений.

Повернувшись, я устремился к двери, хотя и замешкался, поворачиваясь в узком проеме. Я не имел представления, что подумает наружная стража, когда мимо проплывет бесчувственная Корэл, но мне очень не хотелось оказаться в ловушке в башне.

Выглянув в бойницу, я обнаружил, что Джерард и Чайнуэй, похоже, так и не сменили позу. Чуть позже, однако, когда я сделал первый робкий шаг, Джерард неожиданно предпринял резкое выкручивающее движение, сопровождавшееся звуком, будто треснула доска.

Джерард опустил руки и выпрямился. Тело Чайнуэя с неестественно вывернутой шеей боком ударилось оземь. Эрик и Кейн зааплодировали. Два стражника у дверей дернулись вперед. У меня за спиной, на другом конце комнаты, загремела лестница. Послышался крик.

Еще два шага, и я повернул налево. Наружная стража устремилась к поверженному бойцу. Полдюжины шагов — и новые крики за спиной, когда мои преследователи выскочили

из башни; вопли демонов смешались с человеческими, донесшимися с арены, где произошло убийство.

Я понимал, что с такой ношей мне не убежать ни от тех, ни от других, а вся эта двигательная активность мешала сосредоточиться на исполнении магических действий.

Тогда я упал на колени, опустил Корэл на землю, повернулся, даже не поднимаясь, и вытянул левый кулак, разумом глубоко погружаясь в спикард, взывая к крайним мерам, способным остановить пару головорезов Хендрейков, которые, обнажив оружие, теперь были совсем рядом.

...А затем их охватило пламя. Наверное, они визжали, но вокруг уже стоял невообразимый гам. Еще два шага, и бедолаги упали передо мной, чернея и судорожно дергаясь. Мои руки тряслись от близости Сил, что вызвали это, но не было времени даже подумать и ощутить произошедшее, когда я повернулся к песчаной арене и тому, что могло грозить мне оттуда.

Один из двух стражей, что ринулись вперед, тлел на земле у ног Эрика. Другой — видимо, атаковавший Кейна — схватился за рукоятку ножа, торчавшего у него в глотке; языки пламени, исходящие из раны, окутывали стража со всех сторон, пока он медленно оседал и наконец опрокинулся на спину.

Тотчас же Кейн, Эрик и Бенедикт повернулись в мою сторону. Джерард, уже натянувший голубую рубаху, пристегивал портупею. Он тоже обернулся, когда Кейн произнес:

— А вы, сэр, кто еще такой?

— Мерлин, — отозвался я. — Сын Корвина.

Теперь Кейн выглядел пораженным.

— У Корвина есть сын? — спросил он у остальных.

Эрик пожал плечами, а Джерард ответил:

— Не знаю.

Бенедикт внимательно меня изучал.

— Сходство имеется, — произнес он.

— Действительно, — кивнул Кейн. — Ну хорошо, мальчик. Даже если ты сын Корвина, та женщина, с которой ты удираешь, принадлежит нам. Мы только что честно и благородно выиграли ее у этих хорошо прожаренных типов из Хаоса.

С этими словами он направился ко мне. К нему присоединился Эрик. Следом ступил Джерард. Я не хотел причинять им вред, пусть даже это были всего лишь призраки, поэтому взмахом руки обозначил линию на песке перед ними; оттуда вырвалось пламя.

Они остановились. Неожиданно слева от меня возникла огромная фигура — Далт с обнаженным клинком в руке. Мгновение спустя показался Люк. За ним Найда. Четверо против четверых, разделенные огненной стеной.

— Теперь она наша, — сказал Далт и сделал шаг вперед.

— Вы ошибаетесь, — последовал ответ, и Эрик пересек огненную черту, вынимая оружие.

Далт был на пару дюймов выше Эрика, шире был и его размах. Он немедленно бросился вперед.

Я ожидал рубящего удара от огромного клинка, что Далт держал в руках, но последовала колющая атака. Эрик, с клинком более легким, сделал шаг в сторону и зашел противнику под руку. Далт опустил кончик лезвия, отклонился в сторону и парировал удар.

Их оружие подходило для совершенно различных стилей борьбы — Эрик орудовал самой тяжелой рапирой, Далт — самым легким палашом, управляться с которым одной рукой мог только достаточно крупный и сильный парень, мне бы пришлось держать его обеими руками.

Затем Далт попробовал рубануть вверх тем приемом, который японские фехтовальщики называют «кириаге». Эрик просто отступил назад и, увернувшись, попробовал нанести ответный поворотом запястья. Неожиданно Далт взял рукоять обеими урками и нанес слепой удар, известный как «нанаме гири». Эрик продолжал кружить, действуя одним запястьем.

Внезапно Далт отвел назад правую руку, одновременно отступая правой ногой, встал в левостороннюю европейскую позицию en garde и выбросил вперед руку с клинком, нанося удар по устремившемуся навстречу клинку Эрика.

Тот парировал; правая нога зашла за левую, и Эрик отпрыгнул назад. Я увидел искру, когда смялась гарда его рапиры. Тем не менее ложным броском sixte он парировал следующий удар, вытянул руку в quarte, взметнул клинок в подобии защитного выпада, целясь в левое плечо; парирующие удары встретились, и он, повернув запястье, полоснул Далта по левому предплечью.

Кейн захлопал, но Далт лишь скрестил руки, вновь развел их и, чуть подпрыгнув при этом, занял правостороннюю позицию en garde. Острием рапиры Эрик рисовал круги в воздухе и улыбался.

— Маленький танец в оригинальном жанре, — сказал он.

Затем Эрик сделал выпад, Далт отразил; Эрик отступил, шагнул в сторону, пнул Далта по коленной чашечке, промазал и вовремя увернулся от рубящего удара по голове. Перейдя на японский стиль, он ринулся слева к превосходящему его габаритами противнику в маневре, виденном мною при

исполнении упражнения куматчи; его лезвие взметнулось и упало, в то время как удар Далта прошел мимо.

Правое предплечье Далта внезапно увлажнилось, чего я не замечал, пока Эрик не повернул оружие, отведя клинок вперед и вверх. Затем, прикрывая гардой костяшки пальцев, он двинул Далта кулаком слева по челюсти, пнул его под колено и толкнул левым плечом. Далт споткнулся и упал. Эрик тут же принялся пинать его — по почкам, по локтю, по бедру — последнее только потому, что промазал по колену, потом прижал сапогом палаш Далта и приставил рапиру к сердцу противника.

Я вдруг сообразил, что все это время надеялся: Далт все-таки даст Эрику по заднице — и не по той причине, что он был на моей стороне, а Эрик нет, а за те страдания, что тот принес моему отцу. С другой стороны, вряд ли вокруг слишком много мастеров надавать по заднице. К несчастью, двое из них стояли по другую сторону нарисованной мной черты. Эрика мог побороть Джерард. Бенедикт, Мастер Оружия Амбера, мог побить его в два счета. Но даже с ти'игой на нашей стороне у нас было немного шансов одолеть их всех, да еще и с Кейном в придачу. И если бы я вдруг сообщил Эрику, что Далт — его сводный брат, это бы ни на мгновение не замедлило удар.

Тогда я принял единственно возможное решение. В конце концов, мы имели дело лишь с призраками Пути. Настоящие Бенедикт и Джерард сейчас где-то в другом месте, и вреда им не будет, что бы я ни сотворил с их двойниками. Эрик же и Кейн давно мертвы; Кейн — герой-братоубийца войны Падения Пути и прообраз статуи, недавно установленной в память о том, как отомстил ему Люк за убийство своего отца. А Эрик, разумеется, нашел свой геройский конец на склонах Колвира, избежав, я полагаю, таким образом смерти от руки моего отца.

Вся кровавая история моей семьи промелькнула у меня в голове, пока я давал спикарду добавочную команду, вызывая новую испепеляющую волну, что уже поглотила двух моих хендрейкских родичей.

По моей руке будто врезали бейсбольной битой, из кольца вырвалась струя дыма.

Мгновение четверка моих честных дядюшек стояла не шевелясь. Пятый по-прежнему лежал навзничь. Затем Эрик медленно поднял клинок. Он все еще поднимал его, когда Бенедикт, Кейн и Джерард начали вытаскивать свои. Эрик выпрямился, держа рапиру у лица. Остальные сделали то же самое.

Это выглядело странно, будто салют; а затем взгляд Эрика встретился с моим.

— Я знаю тебя, — произнес он.

И, завершив действо, мои родственники из Амбера стали блекнуть, превратились в дым и улетели прочь.

Далт истекал кровью, у меня болела рука, и я осознал, что произошло, в тот момент, когда Люк, судорожно вздохнув, сказал:

— Пронесло.

Линия огня уже потухла, и за оставленным ею следом, там, где только что стояли мои испарившиеся родственники, начал мерцать воздух.

— Сейчас явится призванный ими Путь, — сообщил я Люку.

Секундой позже Знак Пути уже парил перед нами.

— Мерлин, — сказал он, — ты слишком много суетишься.

— Последнее время моя жизнь была весьма напряженной, — ответил я.

— Ты воспользовался моим советом и покинул Владения Хаоса.

— Да, это показалось благоразумным.

— Но я не понимаю твоих нынешних целей.

— Что тут понимать?

— Ты отбил леди Корэл у посланцев Логруса.

— Верно.

— Затем ты точно так же попытался оградить ее от моих агентов.

— И это правильно.

— Ты должен понять, что она несет в себе нечто, способствующее равновесию сил.

— Да.

— Поэтому один из нас должен обладать ею. Тем не менее ты намерен отказать нам обоим.

— Да.

— Почему?

— Я забочусь о Корэл. У нее есть права и чувства. А вы обращаетесь с ней, как с фишкой в игре.

— Согласен. Я понимаю, что она — личность, но, к сожалению, фишкой она стала тоже.

— Тогда мне придется отказать вам обоим. Ничего не изменится, если она не достанется ни одному из вас. И я предпочитаю вывести ее из игры.

— Мерлин, ты более важная фишка, чем она, но все же только фишка и не смеешь мне указывать. Ты понимаешь?

— Я понимаю свою ценность для тебя, — сказал я.

— Я думаю, нет, — ответил Знак Пути.

Мне тут же стало любопытно, насколько он действительно силен в этом месте. Казалось очевидным, что с точки зрения расхода энергии ему пришлось убрать четырех своих Призраков, чтобы проявиться самому. Не слишком ли большой риск — противостоять ему, открыв каналы спикарда? Я никогда не пробовал подступиться ко всем контролируемым спикардом источникам Тени одновременно. Если я сделаю это, смогу ли пробить то, что Путь воздвигнет, дабы остановить нас? И если нет, сумею ли забрать нас всех, прежде чем Путь отреагирует? Да и в случае неожиданного успеха — куда нам потом отсюда податься?

Наконец, как это может повлиять на отношение Пути ко мне? («...Если тебя не съест кто-то побольше, приходи как-нибудь вечерком рассказать о своих похождениях».)

Один черт, решил я. Подходящий день испытать судьбу.

Я открыл все каналы. Чувство было такое, будто я бежал в хорошем темпе — и вдруг в шести дюймах передо мной возникла кирпичная стена. Я ощутил удар и отключился.

Я лежал на гладком, холодном камне. Ужасающий напор сил в сознании и в теле. Я достиг их источника и взял силы под контроль, приглушая до уровня, не угрожающего снести мне макушку. Затем слегка приоткрыл глаза.

Небо было ослепительно синим. Я увидел пару сапог, стоящих в нескольких футах от меня и повернутых ко мне носками. Я распознал в них сапоги Найды и, чуть повернув голову, увидел, что она в них и обута. Затем я также увидел, что в нескольких ярдах слева распростерся Далт.

Найда тяжело дышала, и мое логрусское зрение обнаружило угрожающий бледно-красный свет вокруг ее трепещущих рук.

Приподнявшись на левом локте и посмотрев вокруг, я заметил, что она стоит между мною и Знаком Пути, парящим в воздухе примерно в десяти футах.

Когда он снова заговорил, я впервые услышал в его голосе нечто, похожее на удовольствие:

— Ты пытаешься защитить его от меня?

— Да, — отозвалась Найда.

— Почему?

— Я делала это так долго, что было бы стыдно подвести его именно тогда, когда он действительно нуждается в защите.

— Создание Преисподней, знаешь ли ты, где стоишь?

— Нет, — сказала она.

Я смотрел мимо них на идеально чистое синее небо. То, на чем я лежал, было ровным участком скалы в несколько сот

метров шириной, обрывающейся в ничто. Быстро повернув голову, я убедился, что скала, во всяком случае, откололась от склона горы; несколько темных впадин указывали на то, что там, возможно, были пещеры. Я увидел лежащую позади меня Корэл и заметил какое-то движение за Найдой и Знаком Пути. Это Люк пытался подняться на колени.

Я мог бы запросто ответить на вопрос, заданный Найде, но в этом не было никакого резона. Во всяком случае, сейчас, когда она отвлекала на себя внимание и обеспечивала решающую передышку.

В камне слева от меня вились золотисто-розовые прожилки, и, хотя я никогда не был здесь, я вспомнил описание из рассказа моего отца и понял, что это место изначального Пути, глубочайший уровень реальности, что лежит в основе самого Амбера.

Я встал на четвереньки и пополз в сторону моря, в сторону Пути.

— Ты на другом конце Вселенной, ти'ига, в месте моей величайшей силы.

Далт застонал, перевернулся и сел, потирая глаза.

Я ощущал какую-то вибрацию на самой границе слышимости, исходящую от Найды; девушку целиком охватило красноватое свечение. Я знал, что она умрет, раз напала на Знак, и понимал, что сам нападу на него, если он убьет ее.

Застонала Корэл.

— Ты не причинишь вреда моим друзьям! — отчеканила Найда.

Я вспомнил оплеуху, отвешенную мне Знаком, прежде чем я смог воспользоваться спикардом, — тогда-то он и переправил нас в свою твердыню. Значит ли это, что я действительно могу одолеть его вдалеке отсюда, на территории Логруса, где Путь слабее?

— Создание Преисподней, — обратился он к Найде, — столь отчаянный патетический жест, как твой, граничит с героизмом. Я испытываю к тебе определенную симпатию и не отказался бы иметь такого друга. Нет, я не причиню вреда твоим товарищам. Но я вынужден задержать здесь Корэл и Мерлина, как противодействующих Силе, а остальных — по политическим причинам, пока не уляжется дискуссия с моим противником.

— Задержать? — повторила Найда. — Здесь?

Я осторожно поднялся на ноги, ощупывая ремень в поисках кинжала.

Люк встал и, подойдя к Корэл, опустился перед ней на колени.

— Ты очнулась? — спросил он.
— Как будто.
— Можешь встать?
— Наверное.
— Давай я помогу тебе.

Пока Люк помогал Корэл, поднялся и Далт. Я продолжал двигаться в сторону узора. Где, черт побери, Дворкин, когда он действительно так необходим?!

— Ты можешь войти в пещеры, что за тобой, и проверить помещения, — сказал Знак, — но сначала ты должен снять кольцо, Мерлин.

— Нет, сейчас не время распаковывать вещи и устраиваться поудобнее, — ответил я, надрезая себе кинжалом левую ладонь и делая последний шаг. — Мы надолго не задержимся.

Знак Пути издал звук, подобный небольшому удару грома, но не было ни молнии, ни всего, чего я ожидал в тот миг, когда он сообразит, что я держу в своей руке.

— Фокус, которому меня научил отец Люка, — объяснил я. — Давай поговорим.

— Да, — сказал Знак Пути. — Как благоразумные существа, коими мы являемся. Не желаешь ли подушек?

Немедленно рядом появились три пуфика.

— Спасибо, — сказал я, пододвигая к себе зеленый. — Я бы не отказался от охлажденного чая.

— С сахаром?

Глава 11

Я держал левую руку над Огненным Путем, сложенная лодочкой ладонь была наполнена кровью. Знак Пути парил передо мной в воздухе, совершенно забыв про Корэл, Найду, Далта и Люка. Я потягивал чай из покрытого изморозью стакана; среди колотого льда лежала веточка свежей мяты.

— Принц Мерлин, — начал Путь, — скажи мне, каковы твои желания, и мы быстро все уладим.

— О, не стоит беспокоиться, — произнес я, качнув ладонью; красная капля поползла по запястью. — Тем не менее спасибо.

Знак Пути задрожал, потом успокоился.

— Принц Мерлин, сейчас у тебя преимущество, но вряд ли ты до конца осознаешь смысл своей угрозы. Несколько капель твоей крови на моем физическом узоре способны разрушить порядок Вселенной.

Я кивнул.

— Знаю.

— Хорошо, — промолвил Знак Пути. — И каковы же твои условия?

— Мое условие — свобода, — ответил я. — Отпусти нас, и останешься в целости и сохранности.

— Нет ничего проще. Далта отправляй, куда пожелаешь. Что же касается девушки-демона, я уступаю ее с сожалением, ибо чувствую, что она могла бы составить хорошую компанию...

Люк пристально оглядел Найду.

— Что еще за «создание Преисподней» и «девушка-демон», черт побери? — спросил он.

— Ну, есть некоторые вещи, которых ты обо мне не знаешь... — отозвалась Найда.

— И это длинная история?

— Да.

— Тебя ко мне приставили? Или я тебе действительно нравлюсь?

— Никто меня к тебе не приставлял, и ты действительно нравишься мне.

— Тогда мы послушаем твою историю позже, — вздохнул он.

— Итак, забирай ее, — продолжил Знак. — И Далта. И Люка. Буду счастлив отправить этих троих, куда пожелаешь. Что же касается тебя, то вам с Корэл, возможно, здесь будет безопасней, чем где бы то ни было.

— Возможно. А возможно, и нет, — ответил я. — Корэл, как ты к этому относишься?

— Забери меня отсюда, — попросила она.

— Достаточно ясно. Теперь...

— Подожди. Ты хочешь быть честным по отношению к своим друзьям, не правда ли?

— Разумеется.

— Тогда позволь мне указать на некоторые обстоятельства, которые они могли не принять во внимание.

— Давай.

— Леди Корэл, — сказал Знак, — им там, во Владениях Хаоса, нужен ваш глаз. Ваши желания тут не играют никакой роли. Если этого можно добиться, только лишив вас свободы, значит, так и произойдет.

Корэл тихо рассмеялась:

— Альтернатива тому — остаться твоей пленницей?

— Считай себя гостьей. Я обеспечу тебе любые удобства. Разумеется, для меня в таком положении дел будет явный выигрыш, не говоря уж о том, что я лишу противника твоего участия. Не спорю. Но ты должна выбрать одну из сторон, иначе неминуемо попадешь во власть другой.

Я посмотрел на Корэл, она слегка покачала головой.

— Итак, что будем делать? — осведомился я.

— Забери меня отсюда, — повторила Корэл.

— Ты слышал, — сказал я Знаку. — Уходят все.

— Молю о снисхождении еще на миг! — воззвал ко мне Знак.

— Зачем?

— Обсудим. Выбор между мной и Логрусом — не просто вопрос политики: кому достанется эта особа или как выполнить отдельную работу. Я и мой противник представляем два фундаментальных принципа, посредством которых существует Вселенная. Ты можешь лепить на нас ярлыки существительных и прилагательных большинства языков и дюжин наук, но по сути мы представляем Порядок и Хаос — Аполлоническое и Дионисийское, если угодно; или разум и чувства, если больше нравится так; безумие и рассудок; свет и тьму; сигнал и шум. Впрочем, точно так же это может означать, что ни один из нас не ищет исчезновения другого. Электрический стул или шаровая молния, классицизм или анархия, каждый из нас следует единственным курсом, и без другого эта дорога приведет к смерти. Оба мы знаем это, и та игра, в которую мы играем с начала всех начал, куда более тонкая штука; в итоге ее, возможно, следует судить только эстетически.

Сейчас я добился существенного перевеса над моим исконным противником — впервые за века. В нынешнем положении я могу воплотить в жизнь мечту историков всех Теней — эпоху высокой цивилизации и культуры, что никогда не будет забыта.

Склонись чаша весов в другую сторону, нас ожидал бы поворот к временам, подобным, как минимум, ледниковым. Когда я говорю о вас, как о фигурах в игре, это не умаляет вашей роли. Ибо настало время великой неустойчивости, когда Камень и человек, ставший королем, не будут едины. Останься со мною, и я обещаю Золотой Век, о котором говорил, и твою видную в нем роль... Уйдешь, и тобой завладеет другая сторона. Наступят Тьма и Хаос. Что предпочтете?..

Люк улыбнулся.

— Из тебя вышел бы отличный коммивояжер, — сказал он. — Сведем все к простому выбору. Пусть думают сами.

Корэл стиснула мое плечо.

— Мы уходим, — заявил я.

— Очень хорошо, — отозвался Знак. — Сообщи мне, куда вы хотите попасть, и я всех вас туда отправлю.

— Не всех, — неожиданно возразил Люк. — Только их.

— Не понимаю. А ты?

Люк вытащил кинжал и полоснул им ладонь. Потом приблизился и встал рядом со мной, вытянув руку над узором.

— Если мы уйдем, прибыть на место могут только трое, — сказал он. — Я останусь здесь и составлю тебе компанию, пока ты не отправишь моих друзей.

— Как ты узнаешь, что я совершил это надлежащим образом?

— Хороший вопрос, — кивнул Люк. — Мерль, у тебя есть при себе карты?

Я вытащил колоду и показал ему.

— Моя по-прежнему там?

— Последний раз была.

— Тогда достань ее и держи наготове. Прежде чем уйти, представь себе свое следующее движение. Оставайся в контакте со мной, пока все не будет сделано.

— А что ты, Люк? Не можешь же ты сидеть здесь вечно кровавой угрозой Пути. Это лишь временный пат. Рано или поздно ты сдашь позиции, и тогда...

— В этой колоде все еще есть лишние карты?

— Что ты имеешь в виду?

— Те, о которых ты как-то упоминал как о картах Судьбы.

— Да, — сказал я. — Исполнены великолепно. Ни за что не стал бы их сбрасывать.

— Ты действительно так думаешь?

— Ну. Собери их, и я устрою тебе персональную выставку в Амбере.

— Серьезно? Или ты просто говоришь, потому что...

Знак Пути оглушительно заворчал.

— Повсюду критиканы, — заметил Люк. — Ладно. Вытащи все карты Судьбы.

Я так и сделал.

— Слегка перемешай. Держи их рубашкой вверх, пожалуйста.

— Хорошо.

— Разверни. — Он наклонился, взял карту. — Хорошо. У меня все. Когда будешь готов, скажи ему, куда вас отправить. Не прерывай контакт. Эй, Путь, я тоже хочу чаю со льдом.

У его правой ступни возник заиндевевший бокал. Люк нагнулся, поднял бокал и сделал глоток.

— Благодарю.

— Люк, — сказала Найда, — я не понимаю, что происходит.

— Ничего особенного, — отозвался он. — Не плачь по мне, девушка-демон. Увидимся.

Люк взглянул на меня и дернул бровью.

— Отправь нас в Джидраш, — велел я, — в Кашфу, на площадку между дворцом и церковью.

Я держал карту Люка в окровавленной левой руке, рядом с гудящим спикардом. Я ощутил ее холод, когда Люк добавил:

— Ну, не слышал, что ли?

Мир свернулся и развернулся, и было свежее, ветреное утро в Джидраше.

Не теряя с Люком контакта через карту, я открывал на кольце канал за каналом.

— Далт, я вполне могу оставить тебя здесь, — сказал я. — И тебя тоже, Найда.

— Нет, — ответил гигант.

А Найда вскрикнула:

— Подожди!

— Вы оба уже сошли со сцены, — объяснил я. — Ни одна сторона в вас больше не нуждается. Но Корэл я собираюсь определить в какое-нибудь безопасное место. Себя тоже.

— Ты — центр игры, — сказала Найда. — И, помогая тебе, я могу помочь Люку. Возьми меня с собой.

— Я думал то же самое, — проговорил Далт. — Все же я очень многим обязан Люку.

— Хорошо, — кивнул я. — Эй, Люк! Ты слышишь все это?

— Да, — отозвался он. — А теперь лучше займись своими делами... Вот черт! Разлил...

Его карта почернела.

Я не ждал мстящих ангелов, языков пламени, сверкающих молний или разверзшейся земли. Я очень быстро вытащил нас из-под юрисдикции Пути.

И очутился на высокой траве под высоким деревом. Мимо плыли клочья тумана. Ниже искрился отцовский Путь. Джарт сидел, скрестив ноги, на капоте автомобиля, с клинком на коленях. Когда мы появились, он спрыгнул на землю. Корвина в поле зрения не было.

— Что происходит? — спросил меня Джарт.

— Я совершенно выбит из сил и собираюсь лежать здесь, уставившись на туман, пока все мое сознание не улетучится. Познакомься с Корэл, Найдой и Далтом. Выслушай их рассказ и поведай им свой. Не буди меня даже ради конца света, разве что это будет из ряда вон выходящее зрелище.

И я продолжил то, что обещал, под постепенно затихающую гитару и отдаленный голос Сары К. Трава была изумительно мягкой. Туман заволакивал мозги упоительной тьмой.

А потом, потом... А потом, сэр...

Прогуливаюсь. Я прогуливаюсь, почти плыву по калифорнийским торговым рядам, где частенько бывал. Мимо стаек детей, родителей с младенцами, дам со свертками... Слова теряются в грохоте из музыкальной лавки. Сулят приют горшечные оазисы, в воздухе плавают ароматы деликатесов, зазывают вывески.

Прогуливаюсь. Мимо аптеки. Мимо башмачной лавки. Мимо кондитерской...

Узкий, как коридор, переулок слева. Я никогда не замечал его. Надо повернуть...

Странно, почему здесь ковер... и свечи в высоких шандалах, и бра, и канделябры на узких сундуках. Стены сверкают отбл...

Я повернул назад.

Никакого «назад» не было. Аллея исчезла. В той стороне коридор кончался стенкой. На ней висел небольшой гобелен, девять фигур взирали с него на меня.

Я пожал плечами и вновь повернулся.

— Возвращаемся к твоим чарам, дядя, — заметил я. — Что ж, посмотрим.

Прогуливаюсь. Теперь в безмолвии. Вперед. Туда, где блестят зеркала. Похоже, давным-давно я видел это место, хотя его расположение вроде и несвойственно Замку Амбера. Все происходило в глубине памяти — я сам, юный, следую этим путем, и не в одиночку... Но я знал, что ценой этих воспоминаний будет потеря контроля, здесь и сейчас.

С неохотой я избавился от наваждения и обратил внимание к маленькому овальному зеркалу слева.

Я улыбнулся. Мое изображение тоже. Я высунул язык и получил в ответ такое же приветствие.

Я двинулся дальше. И лишь через несколько шагов сообразил, что у отражения демоническое обличье, а у меня — нет.

Осторожное покашливание донеслось до меня справа. Повернув в ту сторону, я узрел своего брата Мэндора в ромбовидном зеркале с черной рамой.

— Дорогой мальчик, — заявил он, — король умер. Да здравствует твоя августейшая персона, как только она займет трон. Лучше всего тебе поспешить и вернуться на коронацию на Край Света, вместе с невестой Камня или без нее.

— У нас тут возникли кое-какие мелкие проблемы, — сообщил я.

— Сейчас все это пустяки. Твое присутствие во Владениях Хаоса куда важнее.

— Нет, важнее мои друзья, — сказал я.

Мимолетная усмешка коснулась губ Мэндора.

— У тебя будет идеальное положение для помощи друзьям, — промолвил он, — а также для воздаяния врагам.

— Я вернусь, — промолвил я. — Вскоре. Однако не короноваться.

— Как хочешь, Мерлин. Но твое присутствие необходимо.
— Я ничего не обещаю, — сказал я.
Он фыркнул, и зеркало опустело.
Я отвернулся и пошел дальше.
Снова смех — слева. Моей матери. Из красной рамы с вырезанными цветами она взирала на меня; лицо лучилось безграничным довольством.
— Ищи его в Преисподней! — говорила она. — Ищи его в Преисподней!
Я прошел мимо, но еще какое-то время до меня доносился ее смех.
— Х-с-с-ст! — Это справа: длинное, узкое зеркало, окаймленное зеленым. — Мас-стер Мерлин, я ис-скала, но призрачный с-свет мне не вс-стретилс-ся.
— Спасибо, Глайт. Пожалуйста, продолжай поиски.
— Как-нибудь мы с-снова должны ус-сес-стьс-ся в темном мес-стечке, пить молоко и бес-седовать о былых днях.
— Это будет славно. Да, обязательно. Если нас не съест кто-нибудь побольше.
— С-с-с-с-с! — Можно это назвать смехом? — Да. С-с-с!
...И дальше. Прогуливаюсь.
— Сын Амбера, носитель спикарда! — Из темной ниши слева от меня.
Рама была белой, стекло — серым. Внутри мужчина, которого прежде я никогда не встречал — в черной рубахе с воротом нараспашку, в коричневом кожаном жилете. Волосы темно-русые, глаза, похоже, зеленые.
— Да?
— Спикард был спрятан в Амбере, — заявил мужчина, — чтобы ты нашел его. Он придает великие силы. Еще он несет в себе ряд заклятий, что заставляют его обладателя действовать определенным образом в определенных обстоятельствах.
— Я подозревал это. Для чего он предназначен?
— Прежде носимый Свейвилом, королем Хаоса, он заставит избранного наследника принять трон, вести себя соответствующим образом и быть послушным указаниям определенных особ.
— Каких именно?
— Женщины, что смеялась и кричала: «Ищи его в Преисподней». Мужчины в черном, что настаивал на твоем возвращении.
— Дара и Мэндор. Они наложили на спикард эти заклятия?
— Именно так. И мужчина оставил его, дабы ты нашел.
— Очень не хочется отказываться от этой штуки, особенно

сейчас, — сказал я, — когда она проявляет себя такой полезной. Можно как-нибудь рассеять эти чары?
— Разумеется. Но это не твоя проблема.
— То есть?
— Кольцо, что ты носишь, не то, о котором я говорю.
— Не понимаю.
— Поймешь, не бойся.
— Кто вы, сэр?
— Меня зовут Делвин, и мы никогда не сможем встретиться на самом деле, разве только высвободятся некоторые древние силы.
Мужчина поднял руку, и я увидел, что он тоже носит спикард. Делвин протянул его ко мне.
— Дотронься до моего кольца своим, — приказал он. — Тогда ему можно будет повелеть доставить тебя ко мне.
Я поднял свой спикард и поднес его к стеклу. В тот момент, когда они, казалось, соприкоснулись, сверкнула вспышка, и Делвин исчез.
Я опустил руку. И последовал дальше.
Поддавшись какому-то импульсу, я остановился перед комодом и открыл ящик. Посмотрел туда. Вроде бы ничего этим не достиг. В ящике находилась миниатюрная копия часовни моего отца: крошечные разноцветные плитки, миниатюрные горящие свечки, даже кукольный Грейсвандир на алтаре.
— Ответ лежит перед тобой, дорогой друг, — донесся гортанный голос, знакомый и одновременно незнакомый.
Я поднял взгляд к окаймленному бледно-лиловым зеркалу, висевшему над комодом. У леди в зеркале были длинные, черные как смоль волосы и глаза столь темные, что невозможно было сказать, где кончаются зрачки и начинается радужка. Женщина была ужасно бледна, что подчеркивалось розовыми тенями на глазах и яркими губами. Эти глаза...
— Ранда! — воскликнул я.
— Ты помнишь! Ты действительно помнишь меня!
— ...И дни наших игр в пляшущие кости, — продолжил я. — Взрослая и очаровательная. Я вспоминал о тебе совсем недавно.
— И я ощутила во сне касание твоего взгляда, мой Мерлин. Жаль, что мы расстались, но мои родители...
— Понимаю, — сказал я. — Они решили, что я демон или вампир.
— Да. — Ранда протянула бледную руку сквозь зеркало, взяла мою ладонь и потянула к себе. Там, внутри зеркала, она прижала ее к губам. Они были холодны. — Родители предпочитали, чтобы я поддерживала знакомство с сыновьями и дочерьми мужчин и женщин, нежели с такими, как мы сами.

Когда она улыбнулась, я обнаружил у нее клыки. В детстве они были незаметны.

— Боги! Ты выглядишь как человек! — сказала она. — Приходи как-нибудь навестить меня в Диком лесу.

Повинуясь порыву, я наклонился вперед. Наши губы встретились в зеркале. Кем бы она ни оказалась, мы были друзьями.

— Ответ, — повторила Ранда, — лежит перед тобой. Навести меня!

Зеркало покраснело и подернулось дымкой. Часовня в комоде ничуть не изменилась. Я закрыл ящик и отвернулся.

Прогуливаюсь. Зеркала слева. Зеркала справа. И в них лишь я.

Затем:

— Ну-ну, племянничек. Обескуражен?

— Как обычно.

Его глаза были насмешливы и мудры, волосы рыжие, как у его сестры Фионы или покойного брата Брэнда. Или у Люка, если на то пошло.

— Блейз, — сказал я, — что за чертовщина здесь происходит?

— У меня есть остаток от послания Делвина, — сказал он, залезая в карман и протягивая мне руку. — Вот.

Я сунул руку в зеркало — и взял еще один спикард, подобный моему.

— Это тот, о котором говорил Делвин, — пояснил дядя. — Ты никогда не должен носить его.

Несколько мгновений я рассматривал кольцо, наконец поинтересовался:

— Что же мне с ним делать?

— Положи в карман. Когда-нибудь может пригодиться.

— Откуда оно у тебя?

— Когда Мэндор оставил его, я подменил на то, что носишь теперь ты.

— Да сколько же их, в конце концов?

— Девять, — ответил Блейз.

— Полагаю, ты о них знаешь все.

— Более, чем остальные.

— А не знаешь ли ты, где мой отец?

— Нет. Но ты — знаешь. Твоя подружка с кровожадными вкусами сообщила тебе.

— Загадки...

— Все же лучше, чем полное отсутствие ответа, — отозвался дядя.

Затем он исчез, и я последовал дальше.

Немного погодя все вокруг тоже пропало. Парение. Чернота. Хорошо. Так хорошо... Немного света проникло сквозь

мои ресницы. Я снова захлопнул их. Но прокатился гром, и через какое-то время свет опять проник внутрь.

Темные линии коричневых огромных роговых гребней, папоротниковые леса... Чуть позже проснулась способность воспринимать и оценивать и указала мне, что я лежу на боку, уставившись на покрытую трещинами землю между корнями дерева, тут и там усеянную клочьями травы.

Я продолжал взирать — и вдруг сверкание, будто от вспышки молнии, и сразу громовой раскат. Казалось, земля дрогнула. Я услышал, как барабанят капли по листьям дерева, по капоту машины. Я вглядывался в самую большую трещину, что пересекала долину.

...И свел воедино все, что знал.

То было оцепенелое знание. Истоки эмоций пока дремали. Издалека до меня доносились знакомые голоса, тихие разговоры. Еще я слышал стук ножей и вилок по фарфору. Мой желудок слегка оживился — хорошо бы сейчас присоединиться к друзьям. Но пока было так приятно лежать здесь, завернувшись в плащ, слушая слабый дождик и зная...

Я вернулся к темной впадине своего внутреннего мира...

Земля вновь сотрясалась, на этот раз без молнии и грома. И продолжала трястись. Это рассердило меня, ибо мешало друзьям и родственникам, заставляя их повышать голоса в интонациях, напоминающих тревогу. А еще это расшевелило мой дремлющий калифорнийский рефлекс, в то время как я просто хотел лежать, развалясь, и смаковать свое новоприобретенное знание.

— Мерлин, ты проснулся?

— Да, — сказал я, резко садясь, быстро протирая глаза и проводя рукой по волосам.

Оказалось, что призрак моего отца стоит передо мной на коленях и трясет меня за плечо.

— У нас, похоже, проблемы, — сказал он, — с весьма далеко идущими последствиями.

Джарт, стоявший за ним, несколько раз кивнул.

Землю еще раз тряхнуло, вокруг полетели ветки и листья, запрыгали камешки, поднялась пыль, заметались клочья тумана. Рядом с тяжелой красно-белой тканью, вокруг которой сидели и закусывали Люк, Далт, Корэл и Найда, разбилась тарелка.

Я распутал свой плащ и поднялся на ноги, обнаружив, что, пока я спал, кто-то снял с меня сапоги. Я натянул их. Последовал очередной толчок, и я оперся о дерево.

— В этом проблема? Что-то большее готово сожрать что-то меньшее?

Призрак Корвина ответил мне недоуменным взглядом. Затем сказал:

— Когда я чертил Путь, у меня не было возможности узнать все недостатки этой местности или предугадать, что здесь однажды может произойти. Если эти сотрясения расколют Путь, возникнет проблема... возникнет множество проблем. Насколько я понимаю, тот спикард, что ты носишь, способен привлекать чудовищные источники энергии. Есть какой-нибудь способ заставить его остановить землетрясение?

— Не знаю. Никогда не пробовал ничего подобного.

— Выясни это побыстрей, хорошо?

Но мысли мои уже закрутились вокруг зубцов спикарда, пробуждая каждый к жизни. Затем я ухватился за самый наэлектризованный, энергично привлек его, заполнив всего себя — тело и разум — энергией. Зажигание, нейтральный ход... Я на водительском сиденье, направляю во чрево земли силовые линии из спикарда.

Долго и далеко простирался я в поисках преобразующей метафоры ко всему, что мог обнаружить.

...Пробираясь с берега в океан — волны щекотали мой живот, мою грудь, пальцами ног я ощущал камни, пряди водорослей... Время от времени камешки скользили, ударялись о соседние, плавно опускались на дно... А дна и не разглядеть — глазами. Но я видел камни, видел обломки кораблекрушений, в покое и в движении, видел так же ясно, как если бы дно было полностью освещено.

И вот я ощутил, прочувствовал свой путь в глубь земных пластов, будто ощупывая скалы лучом прожектора, пробуя одно за другим напряжения, изостатические поцелуи гор под землей, замедленно-чувственное движение земной коры, ласкающие плоть минералы в темноте потаенных мест...

Вошел! Скала плавно скользнула в сторону. Мое тело следом. Я углубился в заветную щель и стремительно несся скользким туннелем, изливая вперед жар, расщепляя скалу, пробивая новые ходы наружу, наружу... Оно пришло этим путем! Я пробился сквозь стену камня, еще одну. Еще. Я не был уверен, что именно так можно отключить стихию, но только так я мог попытаться. Именно так! Будь оно проклято! Именно так!

Я пробрался еще к двум каналам, третьему, четвертому...

Легкая дрожь сотрясла землю. Я открыл следующий канал. Внутри моей метафоры скалы под водами успокаивались. Чуть погодя утихла земная дрожь.

Я вернулся к месту, где впервые ощутил скольжение, теперь спокойному, но все еще напряженному. Ощути его, вни-

мательно прочувствуй. Задай вектор. Следуй к точке исходного напряжения. Нет... это лишь точка соединения векторов. Проследи их.

И опять. Новые точки соединений. Проследи. Открой больше каналов. Следует изобразить всю структуру напряжения, запутанную, как нервная система. Должно постигнуть разумом всю сеть.

Следующий пласт...

Возможно ли это? Быть может, своими топографическими нежностями я пытаюсь соблазнить бесконечность?.. Заморозь структуру. Упрости задачу. Игнорирую все, что лежит за пределами кайнозоя. Направляйся к следующей точке соединения. Здесь какие-то узлы. Хорошо. Теперь вовлечена и тектоническая плита. Лучше.

Приложим усилия для следующего прыжка... Не хорошо. Слишком велика картина, чтобы удержать в памяти. Сбросим кайнозой.

Да. Итак, основные линии в общих чертах изображены. Векторы распространения обозначены почти до тектонической плиты. Сила сжатия меньше, чем сила растяжения. Почему? Дополнительная точка ввода вдоль второго вектора, перераспределяющего давление.

— Мерлин? С тобой все в порядке?

— Оставь меня в покое, — донесся до меня собственный ответ.

Еще напрячься, ввести источник, внутрь, ощущая признаки прохождения... То, что предстало передо мной... Логрус?

Я открыл еще три канала, сосредоточился в этой области, начиная разогревать ее. Вскоре треснули скалы, чуть позже расплавились. Заново созданная магма потекла по линии разлома. В точке, откуда происходила низвергающая сила, образовалось свободное пространство.

Назад. Я отозвал свои щупы, захлопнул спикард.

— Что ты сделал? — спросил меня призрак отца.

— Я обнаружил место, откуда Логрус направлял подземные удары, и переместил его. Теперь там небольшая пещера. Если она обвалится, это еще больше ослабит давление.

— Итак, то положение стабилизировано?

— По крайней мере сейчас. Мне не известны пределы возможностей Логруса, но ему придется прокладывать новую трассу, чтобы добраться туда. А потом еще все тестировать. Учитывая, что ему надо отвлекать силы на наблюдение за Путем... Да, это его задержит.

— Итак, ты выиграл передышку, — произнес призрак отца. — Правда, следующим против нас может двинуться Путь.

— Может, — кивнул я. — Я всех и перенес сюда, потому что думал, что здесь мы будем защищены от обеих Сил.

— Надеюсь, игра стоит свеч.

— Ну хорошо, — сказал я. — Настало время выдать им парочку раздражающих факторов.

Я посмотрел на призрака моего отца, стража этого места.

— Я знаю, где находится твой двойник из плоти и крови, — сказал я ему. — И приступаю к его освобождению.

Сверкнула молния. Внезапный порыв ветра вскинул опавшие листья, взболтал клочья тумана.

— Я должен сопровождать тебя, — промолвил призрак.

— Зачем?

— Разумеется, у меня есть собственный интерес.

— Ладно.

Вокруг грохотало, и новый порыв ветра раздул туман. К нам приблизился Джарт.

— Думаю, началось, — сказал он.

— Что? — спросил я.

— Поединок Сил. Долгое время Путь сохранял преимущество. Но когда Люк повредил его, а ты похитил невесту Камня, нарушилось вековечное равновесие, баланс качнулся в другую сторону. Тогда Логрус решил атаковать, задержавшись лишь для попытки повредить Путь Корвина.

— Если только Логрус просто не испытывает нас, — сказал я, — а это просто не буря.

Пока мы беседовали, зарядил мелкий дождик.

— Я пришел сюда, ибо думал, что это единственное место, которое никто из них не затронет в перипетиях борьбы, — объяснил Джарт. — Я предполагал, что ни тот ни другой не пожелает расходовать здесь энергию, необходимую для нападения или защиты.

— Возможно, это рассуждение по-прежнему верно, — сказал я.

— Просто, в виде исключения, мне захотелось оказаться на побеждающей стороне, — продолжал он. — Меньше всего меня волнует, кто прав и кто не прав; это все равно спорные понятия. А я, ради разнообразия, хочу быть с теми парнями, которые выигрывают. О чем ты думаешь, Мерль? Что собираешься делать?

— Мы со здешним Корвином направляемся во Владения Хаоса, дабы освободить моего отца, — сообщил я. — Затем мы собираемся решить то, что нуждается в решении, а после жить счастливо.

Джарт покачал головой.

— Я никогда не мог понять, то ли ты дурак, то ли есть оправдание твоей самонадеянности. Хотя каждый раз, когда я приходил к выводу, что ты дурак, это дорого мне стоило. — Он поднял взор на темное небо, смахнул капли с лица. — Я действительно перегорел. Ты все еще можешь стать королем Хаоса..,

— Нет, — сказал я.

— ...И ты наслаждаешься неким особым родством с Силами.

— Если так, то я и сам того не понимаю.

— Неважно, — сказал Джарт. — Я по-прежнему с тобой.

Я подошел к остальными, крепко обнял Корэл.

— Я должен вернуться во Владения. Охраняйте Путь. Мы вернемся.

Небо расцвело тремя яркими вспышками. Ветер сотряс дерево.

Я отвернулся, сотворил в воздухе дверь и вместе с призраком Корвина шагнул в проем.

Глава 12

Так я попал во Владения Хаоса, проникнув в искривленное пространство скульптурного сада.

— Где мы? — осведомился мой отец-призрак.

— Своего рода музей, — ответил я, — в доме моего отчима. Я выбрал его из-за мудреного освещения и обилия укромных мест.

Корвин изучил некоторые фрагменты, располагающиеся на стендах и на потолке.

— Чертовски удобное место для перестрелки, — заметил он.

— Надо думать.

— И здесь ты рос?

— Да.

— Ну и каково?

— О, я не знаю. Не с чем сравнить. Было и хорошо — одному и с друзьями, — а бывали и плохие времена. Как у всякого ребенка.

— Так это...

— Пределы Савалла. Я бы хотел показать тебе тут все, каждый закоулок.

— Возможно, когда-нибудь...

Я осмотрелся по сторонам, надеясь увидеть Призрачное Колесо или Кергму. Как бы не так.

Наконец мы прошли в коридор, приведший нас в зал гобе-

ленов, откуда вел путь в нужное мне место, соединенное переходом с галереей металлических деревьев. Но прежде я услышал голоса, как раз оттуда, куда мы направлялись. Мы затаились в комнате — здесь находился скелет Бармаглота, раскрашенный оранжевым, голубым и желтым — стиль Ранней Зауми. Говорящие приближались. В одном из них я сразу же узнал своего брата Мэндора, другого только по голосу определить не смог, но, исхитрившись подглядеть, когда они проходили мимо, я узнал лорда Бэнсеза, Верховного Жреца Змея, Что Говорит От Имени Логруса (чтобы разок привести полный титул). В дурном романе они остановились бы у дверей, и я подслушал бы их беседу, поведавшую мне обо всем, что нужно знать.

Проходя мимо, они замедлили шаг.

— Значит, так и будет? — сказал Бэнсез.

— Да, — ответил Мэндор. — Вскоре.

И они прошли, и дальше я не смог различить ни слова. Я вслушивался в удаляющиеся шаги, пока те не утихли. Потом подождал еще немного. Я мог бы поклясться, что услышал тоненький голосок: «Сюда. Сюда».

— Слышал сейчас что-нибудь? — прошептал я.

— Не-а.

Тогда мы ступили в проход и повернули направо, двигаясь в противоположном от Мэндора с Бэнсезом направлении. И тут я ощутил какое-то жжение у левого бедра.

— Думаешь, он где-то поблизости? — спросил призрак Корвина. — Пленник Дары?

— И да и нет, — сказал я. — Ой!

Будто раскаленный уголек впился в ногу. Скользнув в первую попавшуюся нишу, где в янтарном гробу лежала мумифицированная дама, я сунул руку в карман.

Я понял, что это такое, едва нащупав предмет, который сразу попытался завести всевозможные философические рассуждения, на которые у меня сейчас не было ни времени, ни желания; а потому я обошелся с ними освященным веками манером — отложил в долгий ящик.

Это был спикард; горяченький, он лежал у меня на ладони. Почти сразу маленькая искорка проскочила между ним и тем, что я носил на пальце.

Последовала бессловесная связь, цепочка мыслей, образов, ощущений, побуждающих меня отыскать Мэндора и прыгнуть к нему в лапы для подготовки моей коронации в качестве следующего правителя Владений Хаоса. Теперь было ясно, почему Блейз запретил мне надевать эту штуку. Без посредничества моего собственного спикарда его предписания, возможно, были бы непреодолимы. Я использовал свой, дабы запереть этот, воздвигнув крошечную изолирующую стенку.

— Теперь у тебя два чертовых кольца! — заметил призрак Корвина.

Я кивнул.

— Знаешь о них что-нибудь неизвестное мне? — спросил я. — То есть хоть что-нибудь о них знаешь?

Он покачал головой:

— Лишь то, что это порождения Изначальной Силы, от дней, когда Вселенная была сплошным мраком, а Тени лишь чуть обозначены. Когда пришло время, их обладатели уснули, или рассеялись, или преобразовались — ну, куда они там деваются в конце рассказа. Версий, разумеется, масса; версии всегда есть. Но пребывание во Владениях сразу двух колец может привлечь к тебе много внимания, не говоря уж о том, что их присутствие на этом полюсе естества добавляет мощи Хаоса.

— О боже! — воскликнул я. — Своему я тоже велю затаиться.

— Вряд ли сработает, — сказал он. — Хотя... Полагаю, они должны поддерживать постоянное энергетическое взаимодействие с каждым источником и, по своей природе, непрерывно дают о себе знать.

— Тогда я велю ему настроиться на самый возможно низкий уровень.

Призрак кивнул:

— Вреда не будет, если попросить спикард специально, хотя скорее всего он каким-то образом делает это автоматически.

Я убрал в карман второе кольцо, вышел из ниши и поспешил дальше по коридору. Когда мы, по моим прикидкам, приблизились к нужному месту, я замедлил шаг. Но, похоже, ошибся. Металлического леса не было. Вскоре мы дошли до знакомой выставки, что в этом направлении предшествовала металлическому лесу.

Едва оглянувшись, я понял, что произошло.

— Что это? — спросил мой призрачный отец.

— Похоже на выставку всего мыслимого и немыслимого колющего и режущего оружия, которое когда-либо изрыгал Хаос, — сказал я. — Ты заметил, что все клинки направлены острием вверх?

— Ну?

— Это то самое место, где мы должны были забраться на металлическое дерево.

— Мерль, — произнес Корвин, — по-моему, здесь что-то действует на мои мыслительные процессы. Или на твои. Я совершенно ничего не понимаю.

— Это там, почти под потолком, — объяснил я, указывая наверх. — Место я приблизительно знаю, мне кажется. Но сейчас все выглядит немного иначе...

— Что же там?

— Путь — место переправки, подобное тому, через которое мы прошли в зал со скелетом Бармаглота. Только так мы можем попасть в часовню.

— А туда-то мы и направлялись?

— Верно.

Он потер подбородок.

— Ну хорошо, там, где мы проходили, попадались чертовски высокие предметы, и не все они были из камня или металла. Мы могли бы выдрать в том зале тотемный столб, или что это за хреновина, очистить здесь площадку от этих острых штук, поставить его...

— Нет, — сказал я. — Дара наверняка поняла, что кто-то посещал часовню; возможно, в последний раз, когда она почти застала меня врасплох. Потому и изменилась выставка. Есть только два очевидных пути наверх: притащить сюда что-нибудь громоздкое, как ты предлагаешь, и расчистить место от ножичков. Или рассекретить спикард и велеть ему перенести нас на место. Первое слишком долго, и, возможно, нас все равно обнаружат. Второе потребует столько энергии, что, несомненно, переполошит всю магическую защиту, что выставила Дара.

Призрак схватил меня за руку и потащил мимо экспонатов.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, заведя меня в альков с небольшой скамейкой. Сел и скрестил на груди руки. — Я собираюсь узнать, что за чертовщина здесь происходит. Пока меня не просветят, нормальной помощи от меня не жди. Какая связь между часовней и человеком?

— Думаю, я понял, что на самом деле имела в виду моя мать, говоря: «Ищи его в Преисподней», — начал я объяснять. — Пол часовни — стилизованное изображение Владений Хаоса и Амбера, выложенное плиткой. На самом краю Владений изображена Преисподняя. Посещая часовню, я никогда не ступал на то место. Готов спорить, что там находится путь, на другом конце которого — место заключения отца.

Призрак начал кивать, пока я говорил, затем осведомился:

— Итак, ты собираешься пройти там и освободить его?

— Точно.

— Скажи мне, эти пути действуют в обоих направлениях?

— Ну... А, понятно, к чему ты ведешь.

— Дай более полное описание часовни, — попросил он.

Я продолжил рассказ.

— Меня заинтриговал магический круг на полу, — сказал призрак. — Уж не способ ли это общаться с Корвином, не подвергаясь риску? Нечто вроде обмена образами.

— Если не повезет, придется повозиться, прежде чем понять это, — сказал я. — Предлагаю перенестись туда, войти, попасть к нему через путь в Преисподней, освободить и умотать ко всем чертям. Никаких хитростей, никаких тонкостей. Если не заладится, проложим себе дорогу спикардом. Следует спешить, ибо, как только мы начнем, нам станут наступать на пятки.

Он долго смотрел мимо меня, словно что-то напряженно обдумывая. Наконец спросил:

— Нельзя чем-нибудь отвлечь ее стражу?

— Гм-м. Извержением заблудившегося магического потока из настоящей Преисподней. Время от времени такое происходит.

— Чем характерен подобный выброс?

— Магическим осадком или трансформацией, — ответил я.

— Способен ты имитировать подобный феномен?

— Пожалуй. Но какой толк? Они все равно дознаются и, обнаружив, что Корвин исчез, поймут, что это только трюк. Напрасные усилия.

Призрак усмехнулся.

— Но он не исчезнет. Я займу его место.

— Я не могу тебе этого позволить.

— Выбор за мной, — сказал он. — Корвину понадобится время, если он собирается остановить Дару и Мэндора в их стремлении раздуть конфликт между Путем и Логрусом до масштабов, превосходящих события Падения Пути.

Я вздохнул.

— Это единственный способ, — добавил призрак.

— Думаю, ты прав.

Он разомкнул руки, потянулся и встал.

— Приступим!

Я сотворил заклинание — дело, которым давно не занимался... Ну, полузаклинание — зачем особо стараться, раз уж у меня есть спикард. Затем я наложил его, тщательно окутав всю выставку, превратил часть лезвий в цветы, орудуя на молекулярном уровне. По ходу дела я ощутил звон в ушах, который принял за душевную тревогу, отмечающую магическую

активность и сообщающую о ней в центр. Фонтан энергии подкинул нас вверх. Когда мы приблизились, я ощутил напряжение Пути. Я был точно у цели. И дал втянуть нас туда.

Корвин тихо присвистнул, разглядывая часовню.

— Наслаждайся, — сказал я. — Здесь общаются с кумиром.

— Ну. Пленник в собственном храме.

Он вышагивал по комнате, отстегивал пояс с ножнами. Заменил его на тот, что лежал на алтаре.

— Хорошая копия, — сказал призрак, — но даже Путь не способен повторить Грейсвандир.

— Я думал, на лезвии воспроизведена часть Пути.

— Возможно, совсем наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Спроси другого Корвина. Это относится к тому, о чем мы недавно говорили. — Он подошел и передал мне смертоносный груз: оружие, ножны, пояс. — Будет замечательно, если ты отдашь это ему.

Я застегнул пряжку и перебросил ремень через плечо.

— Хорошо. Надо двигаться.

Я направился к дальнему углу часовни. Приблизившись к месту, где была начертана Преисподняя, я ощутил несомненное напряжение Пути.

— Эврика! — воскликнул я, возбуждая каналы спикарда. — Следуй за мной.

Я шагнул вперед, и Путь увлек меня прочь. Мы прибыли в комнату размером примерно пятнадцать на пятнадцать футов.

В центре находился деревянный столб, а пол был каменный, забросанный соломой. Горели несколько больших свечей, как в часовне. Две стены были каменные, две — деревянные. В деревянных стенах были деревянные двери, незапертые. В одной из каменных находилась железная дверь без окошка и с замочной скважиной слева. Ключ примерно подходящего размера висел на гвозде, вбитом в столб.

Я снял ключ и быстро заглянул за деревянную дверь справа, обнаружив большую бочку с водой, ковш, а также различные блюда, чашки и прочее. За другой дверью оказалось несколько шерстяных одеял и груда того, что, вероятно, служило туалетной бумагой.

Я вернулся к металлической двери и постучал в нее ключом. Ответа не последовало. Я вставил ключ в замок и почувствовал, что мой спутник сжал мне руку.

— Лучше это сделаю я, — сказал призрак. — Я мыслю, как он; так будет безопасней.

Я отступил в сторону, не желая спорить с очевидным.

— Корвин, — позвал он. — Мы вытащим тебя отсюда. Это

твой сын Мерлин и я, твой двойник. Не прыгай на меня, когда я открою дверь, договорились? Мы будем стоять смирно, и ты сможешь нас разглядеть.

— Открывай, — донесся голос изнутри.

Призрак открыл дверь, и мы встали в проеме.

— Как вы узнали? — раздался наконец знакомый голос. — Вы, парни, похоже, не поддельные.

— Именно так, — сказал призрак, — и, как обычно в подобных случаях, тебе бы лучше поторопиться.

— Ага. — Изнутри донеслись медленные шаги, и появился Корвин, прикрывая глаза левой рукой. — У кого-нибудь есть пара темных очков? Больно на свету...

— Черт возьми! — сказал я, ругая себя за то, что не догадался раньше. — Нет, и если я за ними пошлю, Логрус сможет меня засечь.

— Потом, потом. Зажмурюсь и как-нибудь проковыляю. Сматываем отсюда к дьяволу!

Призрак вошел в камеру.

— Теперь сделай меня бородатым, тощим и чумазым. Удлини волосы и преврати в лохмотья одежду, — сказал он. — А затем запирай.

— Что происходит? — спросил мой отец.

— Твой двойник пока будет представлять тебя в этом узилище.

— Ладно, — заявил Корвин. — Делай то, что сказал призрак.

Я так и сделал. Отец повернулся и протянул руку в камеру.

— Спасибо, дружище.

— Не за что, — ответил двойник, пожимая руку. — Удачи.

— Пока.

Я закрыл и запер дверь камеры. Повесил ключ на гвоздь и повел отца к Пути. Тот пропустил нас сквозь себя.

Когда мы прибыли в часовню, отец отвел руку. Должно быть, полумрак не раздражал глаза. Опередив меня, он направился к алтарю.

— Нам надо идти, папа.

Он усмехнулся. Поднял свечку и зажег ею одну из прочих, угасавших, видимо, в определенном порядке.

— На собственную могилу я испражнялся, — объявил он. — Не могу отказаться от удовольствия зажечь себе свечу в собственной часовне.

Не глядя на меня, отец протянул руку:

— Подай мне Грейсвандир.

Я стянул с себя меч и передал ему. Корвин расстегнул ремень и опоясался, поводил мечом в ножнах.

— Все в порядке. Что теперь? — спросил он.

Я стал быстро соображать. Если Даре известно, что я в прошлый раз выходил сквозь стены — а такое, в общем-то, вполне вероятно, — тогда стены могут так или иначе превратиться в ловушку. С другой стороны, если мы используем тот Путь, которым я пришел сейчас, то вполне можем встретить сбегавшихся по тревоге стражников.

Проклятье.

— Пойдем, — сказал я, возбуждая спикард, и приготовился унести нас при любом намеке на бесцеремонное вмешательство. — Учти, что наш побег включает в себя левитацию.

Я вновь взял его за руку, и мы приблизились к Пути. Как только Путь включился, я раскинул энергетическую паутину и по прибытии подкинул нас над полем из клинков и цветов.

Из коридора донеслись звуки шагов. И тогда мы прыгнули в покои Джарта, казавшиеся местом, куда в последнюю очередь заглянут, разыскивая человека, сидящего в темнице; кроме того, я знал, что именно сейчас Джарту его апартаменты не понадобятся.

Корвин растянулся на кровати и покосился на меня.

— Между прочим, — сказал он, — спасибо.

— Всегда рад, — ответил я.

— Ты вполне уверен насчет этого места?

— У нас не слишком большой выбор, — сообщил я ему.

— Тогда как насчет рейда по холодильнику, пока я одалживаю у твоего брата ножницы и бритву?

— Чего бы тебе хотелось?

— Мясо, хлеб, сыр, вино, может, кусок пирога... Только свежее, да побольше. А еще — ты многое должен мне рассказать.

Итак, я проследовал на кухню по знакомым с детства залам и коридорам. Здесь горело лишь несколько свечей, тлели очаги. Вокруг никого.

Я направился в кладовую и завалил поднос необходимыми яствами, добавив фруктов, что попались под руку. Я чуть не уронил бутылку вина, когда услышал у дверей резкий вдох.

Это была Джулия в синей шелковой шали.

— Мерлин!

Я подошел к ней.

— За мной должок — несколько извинений, — произнес я. — Готов принести их.

— Я слышала, что ты вернулся. Говорят, ты станешь королем.

— Забавно, я тоже это слышал.

— Тогда станет непатриотичным сходить от тебя с ума, не так ли?

— У меня и в мыслях не было тебе навредить, — сказал я. — Ни телесно, ни как-то иначе.

Внезапно мы оказались друг у друга в объятиях. Долго это длилось, наконец она промолвила:

— Джарт утверждает, что вы теперь друзья.

— Что-то вроде того.

Я поцеловал ее.

— Если мы снова будем вместе, — сказала Джулия, — он, наверное, опять постарается убить тебя.

— Знаю. И на этот раз результаты могут оказаться по-настоящему катастрофическими.

— Куда же ты сейчас собираешься?

— Есть одно дельце — на несколько часов.

— Почему бы тебе не отдохнуть, когда ты закончишь? Нам много о чем нужно поговорить. Я остановилась в покоях, именуемых Глициниевой Комнатой. Знаешь, где это?

— Да, — сказал я. — С ума сойти.

— Увидимся позже.

— Наверное.

На следующий день я отправился к Краю, так как услышал сообщение, что ныряльщики в Преисподнюю — те, что ищут останки созидания за пределами Края, — впервые за поколение приостановили свои операции. Когда я расспросил их, они сообщили мне об опасной активности в глубинах: вихрях, огненных ветрах, потоках новообразовавшегося вещества.

Забравшись в укромный уголок и глядя вниз, я воспользовался своим спикардом, чтобы расспросить второй. Когда я снял защитную оболочку, в которую заключил его, он затянул неизменную песенку: «Иди к Мэндору. Коронуйся. Повстречайся с братом. Повстречайся с матерью. Начинай приготовления». Я вновь укутал и спрятал лжеспикард. Вскоре он начнет подозревать, что я за пределами его контроля. Другой вопрос: стоит ли беспокоиться по этому поводу?

Я мог бы просто скрыться: уйти с отцом, помогать ему в борьбе, возможной, если усовершенствовать его Путь... Я мог бы даже закопать там оба спикарда, приумножив мощь того места. На худой конец я мог бы, как прежде, полагаться на свою собственную магию. Но...

Мои проблемы коренились именно здесь. Я был выношен и выкормлен, дабы стать идеальным царствующим лакеем, под контролем матери и, вероятно, брата Мэндора. Я любил

Амбер, но также я любил и Владения Хаоса. Бегство в Амбер, где я пока буду в безопасности, решит мои личные проблемы не более чем побег с папой или возвращение на Теневую Землю, которую я тоже люблю, с Корэл или без нее. Проблема была здесь... во мне самом.

Я призвал облако, чтобы перенести меня к подъемному пути, возвращающему в пределы Савалла. По дороге обдумал свои дальнейшие шаги и пришел к выводу, что боюсь. Если дела зайдут так далеко, как это вполне возможно, то очень вероятно, что я умру. Альтернатива — убить кого-нибудь самому, чего мне совсем не хотелось.

Так или иначе, следует принять решение, или не видеть мне покоя на этом полюсе моего существования.

Я прошел у лилового потока под зеленым солнцем в зените жемчужного неба. Позвал серо-лиловую птицу, и она прилетела и села мне на запястье. Не отправить ли ее в Амбер с посланием для Рэндома?.. Однако как я ни старался, я не сумел составить даже простенькой записки. Слишком многое зависело от многого, слишком все взаимосвязано. Рассмеявшись, я освободил птицу, прыгнул с берега и проложил еще один путь под водой.

Вернувшись в Савалл, я направился в скульптурный зал. К тому времени я понял, что и каким образом мне следует делать. Я стоял там, где уже стоял — давно ли? — разглядывая массивные конструкции и замысловатые фигуры.

— Призрак! — промолвил я. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Призрак? — повторил я громче. — Ты слышишь меня?

Ничего. Я вытащил свои карты, нашел сияющий круг — тот, что нарисовал для Призрачного Колеса, — и достаточно пристально глядел на него, но карта холодеть не торопилась. Вполне объяснимо, учитывая некоторые странности пространства, к которому давал доступ этот зал.

Я поднял спикард. Использовать его здесь и на нужном мне уровне — то же, что включить охранную сигнализацию. Воистину...

Я нежно тронул карту силовой линией, пытаясь увеличить ее чувствительность. Сосредоточился.

Опять ничего. Приложил еще больше силы..

Последовало ощутимое охлаждение.

— Призрак, — проговорил я сквозь зубы, — это важно. Иди ко мне.

Нет ответа.

Тогда я послал энергию прямо вовнутрь. Карта начала светиться, на ней выступили ледяные кристаллы. Вокруг раздалось легкое потрескивание.

— Призрак? — повторил я.

Затем появилось слабое ощущение его присутствия, и я поднажал. Карта раскололась у меня на ладони; оплетя ее паутиной сил, я удержал все части вместе. Карта выглядела как маленькое витражное окно. Я продолжал тянуться сквозь нее.

— Папа! Я в беде! — донеслось до меня.

— Где ты? В чем дело?

— Я последовал за тем существом, которое встретил. Преследовал ее... его.. это. Почти математическую абстракцию. Звать Кергмой. Был схвачен здесь, у границы четнонечетномерности, где закручиваюсь в спираль. Хорошо провел время, пока...

— Я хорошо знаю Кергму. Кергма — хитрец. Представляю, в какую пространственную ситуацию ты попал. Готов посылать разряды энергии, чтобы противодействовать вращению. Дай мне знать, если есть проблемы. Как только сможешь проникнуть сквозь карту, сообщи мне и — вперед.

Я послал импульсы из спикарда, и началось торможение. Чуть позже Призрак сообщил мне:

— Думаю, теперь получится.

— Тогда давай.

Внезапно возник Призрак, вращающийся вокруг меня, словно магический круг.

— Спасибо, папа. Я действительно очень признателен. Дай мне знать, когда тебе понадобится...

— Сейчас, — сказал я.

— Что?

— Сожмись и спрячься где-нибудь на мне.

— Снова на запястье годится?

— Конечно.

Он так и сделал. Затем спросил:

— Зачем?

— Мне может неожиданно понадобиться союзник.

— Против чего?

— Всего, — сказал я. — Пора раскрывать карты.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Тогда оставь меня. Не обижусь.

— Этого я не сделаю.

— Слушай, Призрак, дело обостряется, и сейчас должна быть подведена черта. Я...

Справа от меня начал мерцать воздух. Я знал, что это означает.

— Позже, — проговорил я. — Сиди смирно.

...И появилась дверь, и она отворилась, чтобы впустить башню зеленого света: глаза, нос, рот, конечности, кружащиеся в ее мореподобном пространстве — одно из самых внушительных демонических обличий, что довелось созерцать мне в последнее время. Разумеется, я узнал эти черты.

— Мерлин, — сказал он. — Чувствую, ты здесь усердно работаешь со спикардом.

— Не сомневался, что ты заметишь. И я к твоим услугам, Мэндор.

— Неужели?

— Со всем уважением, брат.

— Включащим некий вопрос о наследовании?

— Этот — в особенности.

— Превосходно! А что за дело привело тебя сюда?

— Всего лишь поиски кое-чего потерянного.

— С поисками можно подождать до лучших времен, Мерлин. Нам надо немедленно идти.

— Да, действительно.

— Тогда прими более привлекательное обличье и пойдем со мной. Мы должны обсудить мероприятия, следующие за коронацией: какие из Домов следует подавить, кого объявить вне закона...

— Мне нужно поговорить с Дарой.

— Я бы сначала заложил некую основу. Пойдем! Изменяйся и давай отсюда!

— Знаешь ли ты, где она сейчас?

— В Ганту, я полагаю. Но мы посоветуемся с ней позже.

— У тебя случайно нет под рукой ее карты?

— Боюсь, что нет. У тебя вроде была своя собственная колода?

— Да. Но как-то вечером я по пьяни нечаянно уничтожил ее карту.

— Неважно, — отрезал Мэндор. — Мы встретимся с ней позже, как я сказал.

Пока мы говорили, я открывал каналы на спикарде. И сейчас поймал Мэндора в эпицентр силового смерча. Я видел весь технологический процесс его превращений; плевое дело дать обратный ход и вернуть зеленой кружащейся башне обличье белокурого мужчины, одетого в черное и белое и выглядящего чрезвычайно раздраженным.

— Мерлин! — закричал он. — Зачем ты изменил меня?

— Совершенно очаровательная штучка, — легкомысленно произнес я, помахивая спикардом. — Просто хотелось увидеть, получится ли.

— Теперь увидел?! Будь добр, освободи меня, да и себе поищи более подходящее обличье.

— Момент, — сказал я, когда он попытался расплавиться и вытечь. — Ты мне нужен именно такой.

Я удержал брата от дальнейших попыток и начертил в воздухе огненный прямоугольник. Серией быстрых движений наполнил его приблизительным подобием моей матери.

— Мерлин! Что ты делаешь? — вскричал Мэндор.

Я подавил его поползновение выпутаться с помощью перемещающегося заклинания.

— Время посовещаться, — объявил я. — Будь ко мне снисходителен.

Я не просто медитировал над импровизированной картой, подвешенной мною в воздухе, а в сущности атаковал ее зарядом энергий, описывающих круги через мое тело и окружающее пространство.

Внезапно в созданной мною раме восстала Дара — высокая, иссиня-черная, с пламенеющими зеленью глазами.

— Мерлин! Что происходит?!

Я поймал ее так же, как Мэндора, и сжал до человеческих размеров.

— Демократия! Давайте минутку будем выглядеть одинаково.

— Это не смешно, — заявила Дара и принялась меняться обратно.

Я пресек ее попытку.

— Да, не смешно. Но собрание созвал я, и оно пойдет на моих условиях.

— Очень хорошо, — сказал она, пожимая плечами. — Только зачем такая срочность?

— Дело в престолонаследии.

— Это дело уже улажено. Трон твой.

— И в чьих руках я орудие? — Я поднял левую руку, надеясь, что у моих родственников нет способа отличить один спикард от другого. — Эта штука дарует великие силы. Но также взимает плату за услуги. На ней заклятие, контролирующее носителя.

— Кольцо принадлежало Свейвилу, — ответил Мэндор. — Я доставил его тебе, чтобы приучить к могуществу. Да, имеется и цена: носитель должен принимать условия спикарда.

— Я боролся с ним, — соврал я, — и я — его хозяин. Но основные проблемы оказались не космического характера; они — результат ваших собственных стараний.

— Не отрицаю, — сказал Мэндор, — но была веская при-

чина. Ты отбивался от трона руками и ногами. Я ощутил необходимость добавить элемент принуждения.

Я покачал головой:

— Если бы «элемент»!.. Эта штука устроена так, чтобы сделать меня вашим послушным инструментом.

— По необходимости, — парировал Мэндор. — Ты долго отсутствовал. Тебе недоставало глубокого знания местной политической сцены. Мы не могли позволить тебе принять бразды правления и отчалить на все четыре стороны — не те сейчас времена, и ошибки могут очень дорого обойтись. Дому необходимо было как-то контролировать тебя. Но лишь временно, пока не будет завершено твое обучение.

— Позволь мне усомниться, брат, — сказал я.

Он бросил взгляд на Дару, та слегка кивнула.

— Мэндор прав, — промолвила она. — Не вижу ничего дурного в подобном временном контроле, пока ты не научишься делу. Слишком многое поставлено на карту, чтобы действовать иначе.

— Это было заклинание рабства, — сказал я. — Оно заставило бы меня принять трон и слепо выполнять ваши приказы.

Мэндор облизал губы. Я впервые увидел, как он выдает свою нервозность, и сразу насторожился. Чуть позже я сообразил, что и внешнее смятение может быть вполне рассчитанным ходом. Это побудило меня немедленно принять меры предосторожности.

Однако атака пришла от Дары.

Надо мной пронеслась раскаленная волна. Я сразу переключил внимание, стараясь воздвигнуть барьер. Собственно, атака не была направлена против меня лично, а скорее выражала усмиряющее сдерживание.

Оскалив зубы, я боролся, чтобы сдержать натиск.

— Мать... — зарычал я.

— Нужно восстановить императивы, — решительно заявила она скорее Мэндору, чем мне.

— Зачем? — спросил я. — Вы получаете то, что хотите.

— Трон — это еще не все, — ответила она. — Я теперь не доверяю тебе, а доверие совершенно необходимо.

— Ты никогда не доверяла мне, — возразил я, освобождаясь от остатков ее заклинания.

— Неправда. И вообще это вопрос технический, а не личный.

— Какой бы ни был, — сказал я. — Я на ваши штучки не поддамся.

Мэндор набросил на меня парализующее заклятие, а я от-

толкнул его, готовый теперь ко всему. В это время Дара обрушила на меня тщательно подготовленное действо, в котором я узнал Штурм Замешательства. Я не пытался состязаться с ними обоими, отвечая заклинанием на заклинание. Хороший колдун может наложить полдюжины основных заклятий. Продуманного их применения обычно достаточно, чтобы справиться с большинством ситуаций. В колдовской дуэли стратегия использования чар — основная часть игры. Если оба противника устоят до полного истощения заклятий, им приходится опускаться до стычки сырыми энергиями. И тогда преимущество обычно имеет тот, кто контролирует большее количество сил.

Я поднял зонтик против Штурма Замешательства, парировал Астральную Дубину Мэндора, остался цел, пройдя через мамин Раскол Духа, сохранил ощущения в Мэндоровом Источнике Мрака. Все мои главные заклятия иссякли, а новых я не накладывал с тех пор, как стал полагаться на спикард. Я опустился до опоры на примитивную силу. К счастью, спикард давал мне возможность контролировать почти неиссякаемый ее источник. От меня требовалось лишь упростить обстановку, заставив противников израсходовать все свои заклинания. Необходимо измотать, опустошить их.

Мэндору удалось подкрасться сзади, слегка пройдясь по мне Электрическим Дикобразом. Тем не менее я обрушил на него силовую стену и швырнул в сеть крутящихся дисков, вспыхивающих во всех направлениях. Дара обернулась жидким пламенем, извивающимся, бушующим, выписывающим круги и восьмерки; приближаясь и отступая, она закидывала меня пузырями то эйфории, то боли. Я старался отбросить их ураганом, вдребезги разбивая огромную фарфоровую личину, с корнем выдирая башни, фамильные замки с их подземельями, испепеляя все формы и очертания. Мэндор обернулся песком, просочился сквозь структуру, по которой рассыпался, и желтым ковром пополз ко мне.

Я отклонял воздействия и продолжал свои энергетические удары. Ковер я швырнул в пламя, а навстречу обрушил фонтан. Смахнув с лица и одежды маленькие огоньки, я направил сознание в онемевшие части левого плеча и ноги. Я рассыпался на кусочки и вновь соединился, как только одолел Распутывающее заклинание Дары. Я вдребезги разбил Бриллиантовый Шар Мэндора и перенес Узы Избавления. Три раза я сбрасывал человечье обличье ради более подходящих, но всегда возвращал прежнюю форму. Такого испытания у меня не было с выпускного экзамена у Сухая.

Но окончательно преимущество, несомненно, было за мной.

Единственное реальное преимущество моих противников — внезапность — сейчас уже было потеряно. Я открыл все каналы спикарда, что способно было устрашить даже Путь, хотя это, как я позже сообразил, могло бы оглушить и меня самого. Я поймал Мэндора в пучок сил, ободрав его до скелета и мгновенно соорудив заново. Пригвоздить Дару оказалось труднее. Когда я ударил из всех каналов, она поразила меня заклятием Ослепляющего Блеска, что держала в последнем резерве, и лишь благодаря этому спаслась от моего намерения обратить ее в статую. Пришлось оставить Дару в смертном облике, ограничившись заторможенностью движений.

Я помотал головой и протер затуманенные глаза.

— Мои поздравления, — произносила она секунд, наверное, десять. — Ты лучше, чем я думала.

— Причем я еще не закончил, — ответил я, глубоко дыша. — Пора применить к вам ваши же методы.

Я приступил к работе, позволяющей мне взять их под свой контроль. И тут заметил слабую, замедленную улыбку Дары.

— Я думала... мы сумеем... справиться... с тобой... сами, — произнесла она, в то время как перед ней начал мерцать воздух. — Я... ошибалась.

Перед ней обрел форму Знак Логруса. И сразу Дара оживилась. Затем я ощутил на себе ужасный и пристальный взгляд. Когда Знак обратился ко мне, эта имитация голоса растерзала мне нервы.

— Я призван сломить твое упорство, о человек, обязанный стать королем.

Снизу донесся грохот обрушившегося зеркального дома. Я посмотрел туда; Дара и Мэндор, только что с трудом вставший на ноги, тоже. Зеркальные панели воспарили в воздухе и поплыли к нам. Они быстро развернулись в боевом порядке, многократно отражая нашу битву под бесчисленными углами. Перспектива была ошеломляющей, ибо само пространство казалось каким-то искривленным и закругленным; в каждом отражении нас окружало кольцо света, хотя я не смог обнаружить его источника.

— Я с Мерлином! — донесся откуда-то голос Призрачного Колеса.

— Конструкция! — воскликнул Знак Логруса. — Ты тот, кто помешал мне в Амбере!

— Пути я тоже слегка помешал, — заметил Призрак. — Это восстановило равновесие.

— Чего ты хочешь сейчас?

— Руки прочь от Мерлина, — сказал Призрак. — Он вершит здесь суд по праву короля. Никаких оков на нем!

Закружились огни. Я направил импульс в спикард, открывая все каналы в надежде связаться с Призраком и дать ему доступ к энергии. Однако контакта установить не удалось.

— Не нужно, папа, — заявил Призрак. — У меня самого есть доступ к источникам в Тенях.

— Что ты желаешь для себя, конструкция? — осведомился Знак.

— Защитить того, кто заботился обо мне.

— Могу предложить тебе вселенское величие.

— Ты уже предлагал. И я тогда отказался, помнишь?

— Помню. И буду помнить всегда.

Зазубренное щупальце от непрерывно перемещающейся фигуры двинулось в сторону одного из кругов света. Когда они встретились, последовала ослепительная вспышка пламени.

Вновь обретя способность видеть, я не обнаружил никаких изменений.

— Очень хорошо, — признал Знак. — Ты пришел подготовленный. Еще не время ослаблять себя твоим уничтожением — не сейчас, когда другие ждут, когда я споткнусь... Повелительница Хаоса, — продолжил он, обратившись к Даре, — ты должна исполнять пожелания Мерлина. Если его царствование окажется безрассудным, он уничтожит себя своими собственными делами. Если же оно будет благоразумным, ты безо всякого вмешательства получишь то, чего жаждешь.

— Ты готов отступить перед сыном Амбера и его игрушкой? — переспросила она.

— Мы должны дать ему то, что он хочет, — признал Знак. — На данный момент. На данный...

В момент его исчезновения воздух наполнился визгом.

Мэндор улыбался милейшей из улыбок, бесконечно отражающейся.

— Не могу поверить, — пробормотала Дара, становясь кошкой с цветочной мордой, затем древом зеленого пламени.

— Придется поверить, — сказал ей Мэндор. — Мерлин победил.

Древо вспыхнуло, осыпаясь, и исчезло.

Мэндор кивнул мне:

— Уповаю на одно: ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, что делаю.

— Ладно, поступай по своему разумению. Но если тебе понадобится совет, я постараюсь помочь.

— Спасибо.

— Не желаешь обсудить это за обедом?

— Не сейчас.

Мэндор пожал плечами и обернулся синим смерчем.

— Тогда до скорого, — донесся его голос, прежде чем смерч умчался прочь.

— Спасибо, Призрак, — сказал я. — Ты заметно улучшил свой хронометраж.

— У Хаоса слабина слева, — ответил он.

Я установил местонахождение свежих нарядов из серебряного, черного, серого и белого и вернул их вместе с собой в апартаменты Джарта. Мне было что порассказать.

Мы бродили малохоженными путями, пересекая Тень, и в конце концов вышли к полю заключительной битвы войны Падения Пути. Годы зарубцевали раны, не оставив и следа всего происшедшего здесь. Корвин долго смотрел, не произнося ни слова.

Затем повернулся ко мне:

— Придется поработать, чтобы расставить все по своим местам, добиться более устойчивого равновесия, обеспечить стабильность.

— Да.

— Как по-твоему, сумеешь пока удержать эту сторону в мире?

— Думаю, да, — сказал я. — Приложу все силы.

— Ни от кого из нас большего ожидать и нельзя, — произнес Корвин. — Ладно. Рэндом, разумеется, должен узнать, что здесь произошло. Не знаю, как он воспримет тебя в качестве своей противоположности... Любопытно.

— Передай ему привет, а еще Биллу Роту.

Он кивнул.

— И — удачи, — добавил я.

— Тайны все еще покрыты тайной, — сказал мне отец. — Я дам тебе знать, как только что-нибудь выясню.

Он сделал шаг навстречу и обнял меня.

— Пора в Амбер. Отправь-ка меня.

— Уже готово, — сказал я. — До свидания.

— ...и привет, — ответил он с конца радуги.

Затем я отвернулся и начал долгий путь к Хаосу.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРТЫ СУДЬБЫ
Перевод *В. Гольдича, И. Оганесовой* 5

КРОВЬ АМБЕРА
Перевод *Н. Беляковой* 167

ЗНАК ХАОСА
Перевод *М. Гутова* 333

РЫЦАРЬ ТЕНЕЙ
Перевод *Е. Доброхотовой-Майковой* 495

ПРИНЦ ХАОСА
Перевод *Е. Волковыского* 653

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

R. Zelazny

ISBN 978-5-699-02640-1

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф